This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

P Slav 176.25

Harvard College Library

FROM THE BEQUEST OF

MRS. ANNE E. P. SEVER,

OF BOSTON,

WIDOW OF COL. JAMES WARREN SEVER,

(Class of 1817),

31 May - 27 Jun. 1898.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ LXII. — ТОМЪ CCCLXV. — 1/13 МАЯ 1898.

Digitized by Google

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-ДЕВЯНОСТО-ПЕРВЫЙ ТОМЪ

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
на Васильевскомъ Острову, 5-я линія, № 28.

Экспедиція журнала:
на Вас. Остр., Академич. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1898

Digitized by Google

821 52/2
~~Slav. 30.2~~
P Slav 176.25

1898, [illegible] 31 — Jun. 27,
Sever fund.

2655

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 5-я.

МАЙ, 1898.

ПЕТЕРБУРГЪ.

1828

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 5-Я. — МАЙ, 1898.

I.—ТЯГА. — Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть вторая. XVI-XXII.—Окончаніе. — **Н. Д. Бобрыкина**. 5

II.—ВОСПОМИНАНІЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ. — 1854-1860 гг.—III.—**Екатерины Капустиной**. 55

III.—АДВОКАТСКАЯ ШКОЛА НАКАНУНѢ ЕЯ РЕФОРМЫ. — **М. Винаверъ**. 103

IV.—У КОЛЫБЕЛИ.—Стих. **Н. Н. Гайдебурова**. 128

V.—ДВА МѢСЯЦА НА ОСТРОВѢ КУБѢ.—I-XI.—**Н. Н. С—окъ** 129

VI.—НАКИПѢЛО!..—Эскизъ изъ романа: „Pas-à-pas", par le-me Caro.—**Ю. З—ой**. 163

VII.—НЕУДАВШАЯСЯ СТАЧКА.—Изъ современной жизни Лондона. — **С. П. Р—гъ**. 224

VIII.—„ВЫШЕ"!..—Стих. **Г. Попова**. 245

IX.—ECCE ECCE—Ром. Эриста фонъ-Вольцогена.—Часть первая.—I-VII.—Перев. съ нѣм. **А. Б—г**. 247

X.—ЗАЩИТНИКЪ „ВОРОНЬ".—Деревенскій разсказъ.—**О. Тищенко**. 304

XI.—ОДИНОЧЕСТВО.—Подражаніе Арману Сильвестру.—**И. Г.** 325

XII.—ХРОНИКА.—Изъ жизни рабочаго населенія Берлина.—I-III.—**Г. В. Іолдосъ**. 329

XIII.—БОРЬБА НА ОСТРОВѢ КУБѢ И ИЗЪ-ЗА КУБЫ.—Письмо изъ Калифорніи.—**П. А. Тверского**. 344

XIV.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новый фазисъ продовольственнаго вопроса.—Призывъ Общества Краснаго Креста.—Сравненіе двухъ корреспонденцій.—„Московскія Вѣдомости" и продовольственный вопросъ.—Пересмотръ продовольственнаго устава.—„Безпечность" народной массы.—Препятствіе, встрѣченное тульскимъ губ. земствомъ при разработкѣ вопроса о народномъ образованіи.—Post-scriptum. 361

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Война между сѣверо-американскими Соединенными-Штатами и Испаніею.—Политика президента Макъ-Кинлея и поведеніе партій въ обѣихъ палатахъ конгресса.—Возможныя послѣдствія войны.—Событія на дальнемъ Востокѣ: занятіе гавани Вей-ха-вей англичанами.—Опять процессъ Золя. 379

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени.—**А. Пыпина**.—Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и Историческому розысканію о нихъ, А. Н. Неустроева.—**А. П.**—Эпоха великихъ реформъ. 7-е изд., Гр. Джаншіева. **Т.**—Психологическая параллель: Іоаннъ Грозный и Петръ В., К. Ирошъ.—Петръ Великій, ген.-шт. капитана Марченко.—**Д.**—Новыя книги и брошюры. 391

XVII.—ЗАМѢТКА.—По поводу новаго изданія „Слѣпого Музыканта", В. Короленко.—**О. Батюшкова**. 411

XVIII.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—I.—Max Nordau, Drohnenschlacht.—II.—G. D'Annunzio, La Ville morte.—**З. В.** 419

XIX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Пятидесятилѣтіе со времени смерти Бѣлинскаго.—Союзъ писателей и его право ходатайствовать о нуждахъ русской печати.—Возобновленіе „литературнаго сыска".—Противорѣчіе между закономъ и жизнью.—Поправка.—Правительственное сообщеніе, 22 апрѣля, о положеніи продовольственнаго дѣла въ губерніяхъ, нуждающихся въ помощи. 434

XX.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Харьковскаго Комитета по присужденію премій при Университетѣ въ память 25-лѣтія царствованія Имп. Александра II. . . 452

XXI.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—Конн, А. О., За послѣдніе годы, изд. 2-е, дом. — Кавелинъ, К. Д., Собраніе сочиненій, т. II.—Письма Иннокентія, митр. москов. и коломн., собранныя Ив. Барсуковымъ, кн. 2-я.—Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе, А. Трачевскаго.—Подоходный налогъ въ Англіи, П. Озерова.

XXII.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Digitized by Google

☛ **Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1898 года.** ☚
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ТЯГА

Романъ въ двухъ частяхъ.

Окончаніе.

XVI *).

Было жарко и пыльно. Стояли іюльскіе дни. Вдоль слободы „Лихоборки“, въ послѣобѣденные часы, шелъ Иванъ, по направленію къ заднимъ воротамъ мануфактуры.

Онъ ходилъ въ городъ за разнымъ плотницкимъ товаромъ. Сегодня суббота. Собирался онъ самъ въ Ляхово, да вышло такъ, что ему нельзя. На завтра назначено общее собраніе трезвенниковъ, раньше на цѣлыхъ двѣ недѣли, по уставу, для выбора предсѣдателя. Опять тутъ Бобровъ! Онъ набралъ цѣлыхъ двадцать пять подписей членовъ, требующихъ ускорить днемъ выборовъ, такъ какъ, видите ли, черезъ двѣ недѣли приходится канунъ большого праздника и много членовъ разойдется по ближнимъ деревнямъ. Но онъ знаетъ, что все это—„финты“. Подъ него хотятъ подкопаться — и его съ предсѣдательскаго мѣста долой!

Вотъ уже больше мѣсяца, какъ идутъ эти подкопы. Проектъ въ совѣтѣ „обкарнали“, такъ что онъ и не желаетъ теперь ставлять его общему собранію. Съ разныхъ сторонъ даютъ понять, что имъ добрая половина трезвенниковъ недовольны. Надежда Николаевна на этихъ дняхъ повстрѣчалась съ нимъ ъ такомъ же духѣ завела разговоръ. Знаетъ онъ и черезъ

*) См. выше: апрѣль, стр. 453.

Digitized by Google

казначея, что Боброва уже просили всѣ тѣ, кто имъ недоволенъ.

Только имъ не удастся надъ нимъ потѣшиться. Не на таковскаго напали. Свою должность велъ онъ и ведетъ по чести, совѣсть его чиста, и только передъ ней онъ и хочетъ всегда оправдать себя. Пускай обвиняютъ его! Онъ постоитъ за каждый свой поступокъ. А что у него характеръ горячій, что онъ не даетъ спуска разнымъ забулдыгамъ, которые срамятъ имя трезвенниковъ—въ этомъ онъ себя ни оправдывать, ни обвинять не намѣренъ.

Ивану было очень досадно, что онъ не могъ попасть въ деревню. Тамъ началась уже стройка. Съ „дяденькой“ Сидоромъ Петровичемъ у него никакихъ больше счетовъ нѣтъ. Тотъ, какъ „антересанъ“, кажется, мечтаетъ о томъ, чтобы Иванъ принялъ къ себѣ въ семью его старшаго сына Власа—мужа Дуняши.

Власъ вотъ уже три недѣли, какъ вернулся со службы. Онъ—малый толковый и расторопный. Съ охотой взялся онъ надзирать за кладкой сруба. Теперь тамъ уже настилаютъ тесъ на крышу. Но Дуняша тянетъ мужа на фабрику. Вотъ онъ сегодня и пріѣхалъ проситься къ управляющему. Степанъ Васильичъ призывалъ Ивана и при немъ сказалъ Власу, что къ Успенью тотъ можетъ разсчитывать на пріемъ, но долженъ явиться раньше и наловчиться заново во всемъ, что позабылъ въ военной службѣ.

Съ Власомъ пріѣхала на подводѣ и Катерина. Ей захотѣлось поклониться въ городѣ мощамъ мѣстнаго угодника. А теперь она въ гостяхъ у своей старой товарки по фабрикѣ—богаделки Ульяны Харитоновой.

Домикъ, гдѣ помѣщаются старики и старухи, доживающіе свой вѣкъ на иждивеніи хозяевъ, стоитъ налѣво отъ воротъ. Сейчасъ же мостъ черезъ рѣку. Гудѣла пятичасовая смѣна, какъ разъ когда Иванъ шелъ по мосту, на встрѣчу цѣлой толпы фабричныхъ—мужчинъ и женщинъ. Они поднимали густые клубы пыли. По ту сторону моста два сторожа останавливали и мужиковъ, и бабъ, и ощупывали ихъ—не несутъ ли чего въ одеждѣ?

— А меня будешь?—спросилъ полушутливо Иванъ у сторожа на правомъ проѣздѣ.

— Проходите! Нечего тутъ! — хмуро сказалъ ему сторожъ, не знавшій его въ лицо.

И сейчасъ же всплыла въ его головѣ вся исторія Марѳы, та ночь въ каморкѣ, его срамъ и бѣшенство, и все, что за этимъ слѣдовало...

Digitized by Google

Кабы хорошенько всѣхъ осматривали — небось и она не стала бы закоренѣлой воровкой. А на это сильно обижаются. Сторожъ имѣетъ право облапить всякую работницу. Пускай заведутъ женщинъ для осмотра; но воровству потачки давать не слѣдуетъ.

Сегодня онъ особенно строго былъ настроенъ противъ всей „пакости", какая засѣла въ фабричныхъ: пьянство, распутство, воровство, свинское обращеніе между собою старыхъ и молодыхъ, женъ и мужей, подростковъ и барышенъ.

Богадельня — одноэтажный деревянный домъ съ палисадникомъ; при ней дворикъ съ кухней и сараемъ, и закута, гдѣ держатъ собакъ молодого хозяина.

Иванъ вошелъ черезъ сѣни въ первую продолговатую комнату женскаго отдѣленія. Она вся была залита свѣтомъ. Тутъ стояли шесть кроватей. Дальше шла еще такая же и общая столовая.

Мать его, Катерина, сидѣла въ гостяхъ, во второй комнатѣ, у сѣдой маленькой старушки, еще очень бодрой. Она была одѣта въ темную кацавейку, повязана платкомъ и въ зимнихъ плетеныхъ котахъ. Обѣ онѣ съ Катериной сидѣли на кровати. Другія старухи—кто лежитъ, кто бродитъ, кто шьетъ у окна. Особенно дряхлыхъ не замѣтилъ Иванъ.

— Вотъ и сынокъ мой!—указала Катерина старушкѣ.

— Да бабушка меня небось не забыла?

— Какже, какже... кормилецъ,—выговорила довольно еще твердымъ голосомъ Ульяна Харитонова.—Чайку не желаете ли? Мы съ маменькой вашей попили. Но можно и вдругорядь снарядить.

— Спасибо, бабушка.

Онъ присѣлъ на скамью, стоявшую у печки.

— Старину перебирали, — выговорила Катерина.—Все покойницы... наши тверскія...

— Тебѣ сколько пойдетъ, бабушка?

— Чево, батюшка?

— Она крѣпковата на ухо.

— Годковъ, молъ, сколько?—крикнулъ онъ ей на ухо.

— Много-ль? Я постарше Катерины. Считаю такъ—седьмой десятокъ на исходѣ, а доподлинно не могу сказать.

— Мамынька,—сказалъ Иванъ потише,—намъ пора. У насъ тамъ гости ждутъ, да и мнѣ надо попасть еще въ два мѣста.

— Я съ моимъ удовольствіемъ.

Digitized by Google

Она поднялась.

— Ну, Алексѣевна! Пора и по домамъ. У Ванюши дѣло есть. Будь здорова. Можетъ, увидимся еще, коли Господь грѣхамъ потерпитъ.

— Гдѣ ужъ!—выговорила жалостливо богаделка и привстала.

Онѣ поцѣловались.

Старухи, которыя сидѣли поближе, привстали и поклонились имъ.

— Что-жъ, бабушка,—сказалъ Иванъ, уходя.—Бога нечего гнѣвить. Вамъ здѣсь не плохо.

— Благодаримъ Создателя! — отозвалась одна изъ богаделокъ.—Много довольны!

Но Иванъ зналъ, что фабричные не любятъ богадельни, хотя покой въ ней полный и ѣда хорошая. У кого есть въ деревнѣ родные, непремѣнно просятъ себѣ пожизненной пенсіи, довольны и самымъ маленькимъ окладомъ, только бы не попасть въ богадельню.

„Зазорно“!—повторяютъ всѣ.

— Чего имъ еще!—вслухъ выговорилъ Иванъ, когда они сошли съ крыльца.

— Ты про кого это?—спросила Катерина.

— Да вотъ богаделки. Вѣдь онѣ тоже охотницы жаловаться. А нешто въ деревнѣ которая изъ нихъ жила бы такимъ же манеромъ?

— Гдѣ-ѣ!—протянула Катерина.

Иванъ, ступая съ ней въ ногу, укорачивалъ свой шагъ. Мать его за послѣдній годъ стала еще сильнѣе припадать на ноги, подвигалась маленькими шагами и съ палкой, и гораздо замѣтнѣе прежняго горбилась.

Сегодня на ней былъ надѣтъ тотъ самый шолковый платокъ, который онъ ей, два года назадъ, привезъ изъ Москвы.

Лицо она еще сохранила довольно свѣжее и передніе зубы были всѣ крѣпки и бѣлы.

Иванъ, говоря о житьѣ старухъ въ деревнѣ, невольно подумалъ: каково ей самой коротать вѣкъ въ избѣ Сидора Петрова. Она никогда не жалуется, а навѣрно ей приходилось не особенно вкусно отъ „дяденьки“ и его жены, во все то время, когдѣ послѣ ссоры съ Сидоромъ онъ не ходилъ въ Ляхово, а потомъ сталъ „курить“, вплоть до своей болѣзни.

Да и въ тѣ поры, какъ его привезли въ Ляхово изъ больницы, не очень-то сладко имъ обоимъ было.

То ли дѣло будетъ, когда онъ выведетъ свой домикъ и ста-

Digitized by Google

руха вступить въ него, какъ мать хозяина, если суждено ему во второй разъ начать женатую жизнь. Онъ тотчасъ же подумалъ о Пелагеѣ Масловой и о томъ, что она уже сидитъ теперь въ его квартирѣ. Такая не станетъ поѣдомъ ѣсть свекровь—слишкомъ она умна и горда, чтобы давать противъ себя мужу какой-нибудь предлогъ быть ею недовольнымъ.

— Мамынька,—заговорилъ Иванъ и взялъ ее подъ свободную руку.—Вы у меня гостью мою впервой увидите.

— Какую?—спросила Катерина, и ея умные глаза пытливо поглядѣли на него.

— Пелагею... ту ткачиху сироту... я вамъ намедни сказывалъ. Мое душевное желаніе, мамынька, чтобы вы какъ слѣдуетъ ее оцѣнили. Дѣвушка она на рѣдкость хорошая. Умница, работящая и деревенскую жизнь одобряетъ...

— Что-жъ, Ванюша... Дай тебѣ Господь... вразуми тебя Пресвятая Владычица!

И она опять пристально поглядѣла на него.

— И то сказать,—продолжала старуха,—ежели ты съ покойницей маялся... я тебя подтолкнула въ тѣ поры... „женись да женись на Марѣ“!

— Что старое поминать, мамынька!

— Я это не тебѣ въ осужденіе. Себя самое, значитъ, корю! Кому и жить въ законѣ, какъ не тебѣ, Ванюша.

— Не мнѣ одному жить, мамынька. И къ вамъ чтобы была почтительна, — добавилъ Иванъ, уже явно показывая, къ чему онъ повелъ рѣчь о Пелагеѣ.

У него въ квартирѣ онѣ всѣхъ нашли за самоваромъ. Разливала Машутка, въ новомъ, ловко сшитомъ платьѣ и съ бархаткой въ косицахъ.

Обѣ подруги — Анисья и Пелагея—сидѣли, тоже принаряженныя.

Первою встрѣтила ихъ при входѣ Дуняша, въ корсеткѣ съ помочами и въ шолковомъ платочкѣ—пышная и румяная. Она, за послѣднее время, очень пополнѣла.

Около нея же держался мужъ ея, Власъ—рослый малый, съ загорѣлымъ, уже солдатскимъ лицомъ, въ пиджакѣ и высокихъ сапогахъ; такъ же, какъ отецъ его, съ серьгой въ ухѣ.

— Заждались насъ, дорогіе гости?—спросилъ Иванъ, обращаясь всего больше къ Пелагеѣ.

Она привстала съ Анисьей. Изъ-за нея поднялся и братишка ея, Николаша — худой, бѣлокурый паренекъ, застѣнчивый, франтоватый, одѣтый въ лиловую шерстяную рубашку.

Digitized by Google

— Ну, вотъ, Паша, и родительница моя!—Иванъ подвелъ Катерину.—А это, мамынька, обѣ подруги, образцовыя ткачихи на все отдѣленіе.

— Которая Пелагея-то?—тихо спросила Катерина, вглядываясь въ обѣихъ.

— Вотъ эта, вотъ эта!—весело крикнула Дуняша, указывая пальцемъ на Пелагею.

— А-а! — протянула старуха довольнымъ звукомъ.—Здравствуйте, милая дѣвушка.

И онѣ поцѣловались. Потомъ Катерина поклонилась Анисьѣ и пареньку.

Стали усаживаться и пить чай. Иванъ заговорилъ о завтрашнемъ засѣданіи. Обѣ подруги собирались явиться „безпрѣмѣнно“ — какъ онѣ произносили по фабричному.

— Только вотъ я при матушкѣ своей скажу,—началъ Иванъ, —что мнѣ и на покой пора.

— Какъ такъ?—спросила Авакумова.—Иванъ Прокофьичъ, помилуйте! Безъ васъ все дѣло рухнетъ!

Паша ничего не говорила и сидѣла съ опущенными рѣсницами.

Ей было извѣстно, что Иваномъ многіе недовольны и сбираются выбрать другого. Знала объ этомъ и Анисья; но такъ начала ахать не изъ хитрости, а потому, что они дѣйствительно стояли за Спиридонова—и она, и мужъ ея.

— Ужъ не знаю какъ,—возразилъ Иванъ, принимая чашку отъ Маши.—Не всѣмъ я по нраву пришелся. А поблажки давать и смотрѣть сквозь пальцы на то, что выходитъ противъ устава нашего—слуга покорный. Завтра я первый буду въ такихъ смыслахъ говорить.

Катерина слышала объ этомъ въ первый разъ. Она знала, что Иванъ всей душой преданъ своему обществу, и любила въ деревнѣ разсказывать, какъ ея сынъ изъ пьющаго сталъ примѣрнымъ трезвенникомъ.

— Вы какъ скажете, Паша?—спросилъ Иванъ.

Пелагея тутъ только подняла рѣсницы и тихо посмотрѣла на него.

— Вы правильно говорите, Иванъ Прокофьичъ. Съ какой же стати обиду терпѣть? Я на вашемъ мѣстѣ такъ же бы поступила. Коли они не хотятъ чувствовать, какъ вы служите обществу— и Богъ съ ними!

— Извѣстное дѣло!—подтвердила Дуняша.

Digitized by Google

Власъ, сидѣвшій рядомъ съ ней, одобрительно кивнулъ головой. Онъ во всемъ былъ всегда согласенъ съ женой.

Катеринѣ слова Паши и то, какъ она ихъ выговорила, пришлись сильно по душѣ.

Сейчасъ видно, что дѣвка умная, съ характеромъ, и къ Ивану имѣетъ влеченіе. У нея даже въ голосѣ дрогнуло. Положимъ, Иванъ—завидный женихъ; однако, вдовый, и дочь скоро на возрастѣ; да и сама хорошо заработываетъ; можетъ себя самоё кормить.

— Такъ вы, братецъ, съ нами не пойдете?—спросила Дуняша.—Намъ и сбираться пора.

— Нѣтъ, милая, я долженъ готовиться къ завтрашнему засѣданію; а теперь надо еще въ школу зайти, въ пѣвческій классъ.

Дуняша съ Власомъ стали прощаться съ обѣими подругами.

Поднялась и старуха. Пелагея подошла къ ней первая.

— Милая барышня,—сказала ей съ особенной лаской Катерина:—сынокъ-то мой сказывалъ, вы даромъ что здѣшняя... а деревенскаго-то нашего житья-бытья не гнушаетесь. Вотъ какъ-нибудь съ ними бы—она указала на Авакумову—пришли въ гости... Въ родѣ какъ прогулка. Ванюша васъ бы и проводилъ.

— Я съ полнымъ удовольствіемъ,—отвѣтила Пелагея.

Катерина поцѣловалась съ ней три раза и съ общимъ поклономъ пошла къ двери.

— Машунька!—окликнулъ Иванъ.—Проводи поди бàушку. Я сію минуточку вернусь! Пождите!—обратился онъ къ остальнымъ.

Въ корридорѣ Иванъ попридержалъ мать.

— Ну, что̀, мамынька, какъ вамъ показалась наша барышня?

— Степенна... и изъ себя красива. Только вокругъ себя скудновата...

— Это ничего? Нагуляетъ жиру. Да и какая въ немъ особая сласть?

— Что-жъ!—протянула Катерина.—Совѣтъ да любовь!

— Вотъ на этомъ спасибо!

Онъ обнялъ мать, проводилъ ее до сѣней и съ веселымъ лицомъ вернулся къ себѣ. Въ эту минуту онъ совсѣмъ забылъ про свое предсѣдательство, про „горлодеровъ“, которые мутятъ „общество“, про завтрашнее засѣданіе, про то, что ему придется волей-неволей отказываться отъ своего „дѣтища“.

Подруги уже надѣвали на головы платочки, сбираясь идти. Паренекъ, братъ Паши, тоже взялся за картузъ.

— Минутку присядемте, дорогія гостьи!

Digitized by Google

Иванъ взялъ Пашу за обѣ руки и посадилъ ее на соломенный диванъ, на которомъ во время чаепитія никто не сидѣлъ, и самъ присѣлъ рядомъ съ нею.

— Барышня вы моя милая, — заговорилъ онъ:—вотъ вы и родительницу мою видѣли. Старушка отмѣннаго нрава и могу прямо сказать—умнѣйшая. Ежели изъ меня какой прокъ вышелъ и спервоначалу, это ея рукъ дѣло было, да и потомъ, въ недавнее время... Вы небось слышали, какъ я сковырнулся... въ тѣ поры?..

Паша сидѣла съ опущенными глазами.

— Я изъ этого секрета не дѣлаю! Со мной тогда переломъ сдѣлался въ больницѣ. Бога совсѣмъ забылъ... и вернулся къ нему. И тутъ мамынька моя вдругорядь поддержала меня.

Слезы заслышались въ его голосѣ.

— Говорю вамъ все это вотъ и при подругѣ вашей,—онъ указалъ рукой на Авакумову:—потому какъ я ее весьма уважаю. Передъ вами ничего нѣтъ у меня потаеннаго... Вотъ и завтра услышите, коли зайдете на наше засѣданіе. И коли вы мое поведеніе такимъ же манеромъ одобрите, тогда позвольте мнѣ держать задушевное слово... Отвѣтъ на него будетъ короткій: *да* или *нѣтъ*.

Пелагея вся вспыхнула.

— Я много довольна вами, Иванъ Прокофьичъ, и васъ я такъ понимаю, что вы у насъ на фабрикѣ самый почтенный человѣкъ.

— Еще бы!—вырвалось у Авакумовой.

— А теперь... позвольте. Вамъ давно пора, а мы васъ только задерживаемъ! Идемъ, Николя.

Иванъ проводилъ подругъ немного по корридору и вернулся вмѣстѣ съ Машей. Она начала прибирать со стола.

— Машуня! — окликнулъ ее отецъ. — Ты бы догнала ихъ, погулять съ ними пошла?

— Мнѣ, тятенька, нужно еще въ мастерской побывать.

— А коли такъ—и того лучше. Идемъ вмѣстѣ.

Они пошли къ зданію школы. Иванъ испытывалъ наплывъ новаго радостнаго чувства. И у него будетъ, наконецъ, „подруга“, какую ему слѣдовало давнымъ-давно имѣть. Паша ему не откажетъ... Это видно по всему.

Онъ на ходу погладилъ Машу по головѣ.

— Машуня! А тебѣ кто больше по сердцу: Паша или Анисья?

— Я ихъ обѣихъ люблю, тятенька.

Digitized by Google

— А ежели вдругъ Паша да будетъ тебѣ замѣсто мамы?.. Ты какъ скажешь? Только правду говори!

Онъ взялъ ее за руку и остановилъ ее.

Она замигала и немного покраснѣла.

— Я, тятенька, правду скажу.

— Что-жъ-инъ?

— Ежели вамъ она нравится, вы нехорошей дѣвушки не возьмете.

— Ладно! Такъ и запишемъ!

Онъ еще разъ погладилъ ее по головѣ.

Въ обширныхъ сѣняхъ двухъ-этажнаго зданія школы, куда Иванъ вошелъ съ Машей, стояли ряды вѣшалокъ—въ это время совсѣмъ пустыхъ. Никого не видно было ни тутъ, ни въ нижнемъ корридорѣ.

— Нешто у васъ работаютъ теперь? — спросилъ Иванъ вполголоса, когда они были уже въ корридорѣ.

— Пока свѣтъ, тятенька. Заказы къ завтрему готовятъ.

— И надзирательница тутъ?

— Ихъ нѣтъ теперь... Старшая мастерица.

— Къ вамъ, небось, можно заглянуть?

— Извѣстно, тятенька,—немного конфузливо отвѣтила Маша.

Она не боялась за то, какъ ее будетъ аттестовать старшая мастерица; но все, что̀ касалось ея ученья—сильно волновало ее.

Маша первая вошла въ мастерскую — большое помѣщеніе изъ трехъ комнатъ. Налѣво была комната, гдѣ висѣло и лежало готовое платье и бѣлье, и собраны были образчики вышиванья. Въ средней комнатѣ кроили; направо—въ самой большой—работали. Въ эту минуту сидѣло тамъ немного ученицъ.

Иванъ видалъ и прежде старшую мастерицу, но сразу не призналъ бы ее.

— Вотъ Авдотья Павловна,—шепнула ему Маша.

— Извините, сударыня; сюда дочку проводилъ. Иванъ Прокофьевичъ Спиридоновъ—мое прозвище. Захотѣлось посмотрѣть на ея обученіе.

Маша уже юркнула въ дверь и сейчасъ же сѣла за работу.

Мастерица — немолодая дѣвушка, въ очкахъ и въ сѣромъ платьѣ съ пелериной — поглядѣла ей вслѣдъ и тихо сказала:

— Могу поздравить... Дѣвочка отлично идетъ... Будетъ настоящей мастерицей.

— Вотъ здоровьемъ-то она у меня не больно крѣпка́.

— Мы не даемъ работать черезъ силу... И воздуху у насъ довольно.

Digitized by Google

— Извините за безпокойство. Много порадовали меня за мою дѣвчурку.

И опять радостное настроеніе овладѣло имъ, когда онъ по корридору повернулъ къ главной лѣстницѣ во второй этажъ, откуда раздавалось хоровое пѣніе. Туда онъ и шелъ. Это его трезвенники производятъ спѣвку; а ведетъ классъ ихъ бывшій учитель, потомъ дьяконъ, а теперь священникъ—отецъ Элеонскій.

Пѣніе вдругъ оборвалось. Его смѣнили жидкіе звуки скрипки. И опять запѣли—уже болѣе складно.

Классъ этотъ—тоже на половину его созданіе. Они съ отцомъ Элеонскимъ привлекали къ нему трезвенниковъ. Позднѣе прибрали школьниковъ для альтовъ и дискантовъ. Но безъ общества „Свѣтъ“ дѣло не пошло бы такъ успѣшно.

Все онъ радѣлъ и о хорѣ, и о томъ, чтобы всѣ малограмотные и совсѣмъ безграмотные члены общества ходили въ классъ, гдѣ барышня учитъ вмѣстѣ и малолѣтнихъ, и подростковъ, и взрослыхъ фабричныхъ.

Да, все онъ! А вотъ еле-еле годъ прошелъ—и его хотятъ уже по шапкѣ!

„Ну и пущай! — вскричалъ онъ про себя, поднимаясь по лѣстницѣ.—И меня помянутъ добрымъ словомъ“!

Какъ бы горько ни было ему на завтрашнемъ засѣданіи—то, что имъ налажено хорошаго, авось не пропадетъ. Больше ему ничего не надо!

Но только-что онъ отворилъ дверь очень большой классной комнаты и увидалъ голову Боброва, стоявшаго въ первомъ ряду теноровъ и басовъ, какъ его схватило за сердце!

Опять этотъ человѣкъ! Здѣсь вѣдь онъ считается первымъ пѣвцомъ. Уже давно поговариваютъ, что онъ будетъ помощникомъ регента.

Отецъ Элеонскій, въ длинныхъ прядяхъ свѣтлыхъ волосъ, высокій, въ зеленоватомъ подрясникѣ, держалъ скрипку, уперевъ ее въ грудь, и помахивалъ смычкомъ.

— Такъ, такъ! Вася, поднимай выше! Потише, господа басы! Вотъ такъ!

И онъ остановилъ хоръ и заигралъ на скрипкѣ мелодію.

Иванъ тихонько сталъ у дверей. Отецъ Элеонскій увидалъ его, довелъ до конца куплетъ хора и съ возбужденнымъ лицомъ подошелъ къ Ивану.

— Пожалуйте, пожалуйте, господинъ предсѣдатель! Ежели вы думаете устроить черезъ двѣ недѣли вечерокъ, у насъ цѣлыхъ шесть номеровъ готовы—два концерта и четыре номера

Digitized by Google

свѣтскаго содержанія. Вотъ и списочекъ. То, что мы поемъ, отмѣчено краснымъ крестомъ.

Иванъ хотѣлъ-было тутъ же сказать: „Неизвѣстно, буду ли еще я завтра объ эту пору предсѣдателемъ“ — и у него еще сильнѣе защемило въ груди.

— Не хотите ли присѣсть вотъ сюда?—пригласилъ добродушно учитель,—мы васъ угостимъ хоромъ... довольно-таки труднымъ: изъ „Жизни за Царя“... А вы какъ думали? Ну, господа! Номеръ четвертый: „Мы на работу въ лѣсъ“.

Дисканты и альты—всѣ въ рубашкахъ и многіе босикомъ—вытянули шеи по лѣвую сторону учителя. Справа басы и тенора — всѣ почти изъ трезвенниковъ—пріосанились и упорно глядѣли на приподнятый смычокъ отца Элеонскаго.

Хоръ грянулъ складно и раскатисто. Иванъ, сидя на школьной лавкѣ, закрылъ глаза. Ему стало еще больнѣе. А голосъ Боброва поднимался выше другихъ и дразнилъ его.

XVII.

Къ двумъ часамъ театральная зала была уже совсѣмъ полна. Пришло гораздо больше, чѣмъ на послѣднее общее собраніе. Много явилось и постороннихъ, и фабричныхъ, и служащихъ—мужчинъ, женщинъ, подростковъ.

И опять, какъ въ тотъ разъ, молодая группа актеровъ и актрисъ размѣстилась налѣво, вблизи стола, гдѣ сидѣлъ совѣтъ, съ предсѣдателемъ во главѣ. Стриженая голова слесаря Чистякова и косы моталки Луши виднѣлись издали.

Бобровъ занялъ мѣсто въ серединѣ. И около него сплотилось „ядро оппозиціи“—такъ назвала партію, враждебную Спиридонову, Надежда Николаевна. Она сидѣла въ правомъ углу залы, на крайнемъ стулѣ бокового ряда—еще съ тремя учительницами, въ томъ числѣ и Лаврской. Рядомъ съ хорошенькой брюнеткой примостился и контористъ Щепетильниковъ. До начала засѣданія, учительницы оживленно разговаривали.

Подальше, въ томъ же ряду стульевъ, сидѣли три ткачихи—Ѳедоровна и Авакумова, а по серединѣ ихъ—Пелагея Маслова.

Пелагея замѣтно поблѣднѣла и мало говорила съ тѣми двумя. Шолковый бѣлый платокъ былъ надвинутъ на лобъ, такъ что закрывалъ его почти до глазъ. Оттуда она нѣтъ-нѣтъ да и поглядитъ на столъ, гдѣ по серединѣ виднѣлась большая голова Спиридонова.

Digitized by Google

Иванъ былъ тоже блѣденъ, и взглядъ его тревожно перебѣгалъ съ одной стороны залы на другую.

Объявилъ онъ засѣданіе открытымъ громко, какъ будто сердито; но голосъ у него сейчасъ же оборвался. Послѣ чтенія протокола предъидущаго засѣданія, онъ заявилъ, что слѣдовало бы приступить къ окончательному обсужденію вопроса о кассѣ взаимопомощи, предложенной предсѣдателемъ. Выработка проекта была поручена совѣту. Совѣтъ имъ занимался и представилъ къ настоящему засѣданію. При этомъ Иванъ не скрылъ того, что его первоначальный планъ получилъ теперь совсѣмъ другія основанія. Онъ, какъ предсѣдатель, имѣлъ два голоса; но все-таки остался въ меньшинствѣ.

Тутъ сейчасъ же вскочилъ слесарь Чистяковъ и своимъ жидкимъ альтомъ заговорилъ:

— Господа! Предсѣдатель все равно долженъ проводить проектъ. Нужды нѣтъ, что онъ ему въ теперешнемъ видѣ не нравится!

Группа въ серединѣ залы, около Боброва, разомъ и дружно захлопала. Самъ Бобровъ не хлопалъ; а только оглядывалъ значительно всю залу.

Затрещалъ нервный колокольчикъ предсѣдателя.

Щеки Ивана уже краснѣли. Онъ стоялъ съ колокольчикомъ въ лѣвой рукѣ, а правую протянулъ къ залѣ.

— Нешто я отказываюсь?—спросилъ онъ, стараясь говорить спокойно и вѣско.—Я, друзья, обязанности свои знаю и уставъ нашего общества достаточно читалъ. Но позвольте мнѣ сразу объяснить вамъ откровенно, по-товарищески... Мы вѣдь вдвойнѣ товарищи: и въ званіи членовъ общества „Свѣтъ“, и по нашему коренному дѣлу; всѣ мы—рабочіе люди, и даже бо́льшая часть изъ насъ—на одной и той же фабрикѣ.

— Знаемъ! Чего тутъ!—крикнулъ кто-то изъ центра оппозиціи.

На него шикнули нѣсколько человѣкъ.

— Сегодняшній день,—продолжалъ Иванъ болѣе спокойнымъ тономъ—назначается, какъ вамъ извѣстно, и для выбора предсѣдателя, такъ какъ на дняхъ изсякаетъ годичный срокъ моей службы. Вотъ по этому-то именно случаю, господа, я и предлагаю вамъ обсудить проектъ кассы самопомощи послѣ выбора новаго предсѣдателя. Еще неизвѣстно, кто имъ будетъ. Слѣдственно, гораздо лучше свѣжему человѣку вести пренія. А коли я обращусь въ простого члена,—выговорилъ онъ не безъ усилія,—

Digitized by Google

и мнѣ гораздо вольготнѣе будетъ поддерживать то, что въ совѣтѣ не прошло.

Зала молчала. Иванъ все еще стоялъ съ правой рукой на ручкѣ колокольчика.

Поднялся Бобровъ. Сегодня онъ смотрѣлъ тихонькимъ и одѣтъ былъ по будничному. Онъ попросилъ слова очень мягко и даже назвалъ предсѣдателя: „Иванъ Прокофьичъ".

„У! Шельма"!—выбранился про себя Иванъ.

— Братцы!—началъ Бобровъ, повернувшись направо и налѣво:—Иванъ Прокофьичъ основательно говоритъ. Гораздо будетъ лучше произвести спервоначалу выборы предсѣдателя. Будетъ опять Иванъ Прокофьичъ—хорошо! Но можетъ попасть и другой.

— Еще бы!—гаркнули около него.

— Въ такомъ разѣ новому предсѣдателю придется расхлебывать кашу, которую онъ самъ не заваривалъ. Я полагаю, что надо такъ поступить, какъ предлагаетъ Иванъ Прокофьичъ.

Сторонники Боброва всѣ стали кричать:

— Такъ, такъ! Отложить! Допрѣжь—выборы!

— Прекрасно! — отвѣтилъ Бобровъ уже явно за предсѣдателя. — Но тутъ я обращусь ко всѣмъ вамъ и поставлю такой пунктъ: кого бы ни выбрали въ новые предсѣдатели, коли дѣло касается нарушенія устава, позволительно ли сдѣлать сейчасъ же запросъ: въ томъ разѣ, когда совѣтъ позволяетъ предсѣдателю дѣйствовать самовольно,—развѣ они вмѣстѣ не подлежатъ отвѣтственности передъ общимъ собраніемъ?

— Извѣстное дѣло! Должны дать отвѣтъ. И сейчасъ же!—раздалось уже изъ разныхъ угловъ залы.

Гулъ поднялся широкой волной, и его не сразу могъ покрыть звонокъ предсѣдателя.

— Милостивые государи!—почти грозно крикнулъ Спиридоновъ.—Не могу я допустить такого галдѣнья! Извольте замолчать; а то я сейчасъ же распущу собраніе.

А про себя онъ думалъ:

„Шельма Бобровъ! Вотъ онъ куда клонитъ... Чтобы меня въ подсудимые обратить, и чтобы навѣрняка провалить меня на вороныхъ".

Гулъ смолкъ.

— Спрашиваю Ивана Прокофьича,—разнесся зычный баритонъ Боброва...—Желаетъ онъ позволить намъ—мнѣ съ товарищами—запросъ о нарушеніи пятаго параграфа устава,—да или нѣтъ?

— Этого въ порядокъ сегодняшняго засѣданія не внесено и

Digitized by Google

на записи нѣтъ,—сказалъ за Ивана секретарь, приподнявшись немного.

— Нужды нѣтъ! Предсѣдатель имѣетъ право разрѣшить!—твердо выговорилъ Бобровъ и съ вызывающимъ блескомъ въ красивыхъ глазахъ поглядѣлъ на свою команду.

— Говорить! Сейчасъ! Не отказывать!—закричали съ разныхъ сторонъ.

Иванъ не сталъ звонить. Ему все это было такъ противно, что онъ не захотѣлъ больше бороться съ своимъ „ворогомъ".

Когда гамъ поулегся самъ собою, онъ сказалъ упавшимъ голосомъ:

— Коли вамъ, господа, такъ желательно обличать меня и моихъ товарищей по совѣту—извольте, на здоровье!

И наклонившись къ тѣмъ, кто сидѣлъ съ нимъ за столомъ, онъ прибавилъ вполголоса:

— Васъ, братцы, не тронутъ. Я—козелъ очищенія. Пущай ихъ!

Онъ выговорилъ совершенно безстрастнымъ голосомъ:

— Господинъ Бобровъ благоволитъ дѣлать свой запросъ.

— Мы вотъ съ нѣкоторыми товарищами,—началъ Бобровъ, и вся зала затихла,—указываемъ общему собранію на то именно, что предсѣдателемъ, купно съ совѣтомъ, нарушенъ параграфъ пятый нашего устава.

— Въ чемъ?—остановилъ его Иванъ съ мѣста.

Бобровъ вынулъ изъ бокового кармана пиджака тоненькую книжку въ свѣтло-зеленой обложкѣ и развернулъ ее.

— Вотъ тутъ говорится, что ежели кто-нибудь изъ трезвенниковъ будетъ вести себя нехорошо, то-есть, напр., употреблять крѣпкіе напитки, то члены совѣта обязаны увѣщевать его сперва-началу, и ежели онъ отъ рукъ отобьется, то могутъ его исключить изъ общества.

Иванъ переглянулся съ прочими членами совѣта. Онъ сразу распозналъ, о комъ пойдетъ рѣчь. Но останавливать Боброва ему уже не хотѣлось. Все равно! Въ предсѣдателяхъ ему больше не бывать; а душу свою онъ отведетъ, когда обратится ко всѣмъ, передъ выборами.

— И вотъ,—продолжалъ горячѣе Бобровъ,—намъ извѣстно, да и вы, въ большинствѣ, слышали, братцы, что нашъ предсѣдатель своей собственной властью выгналъ двоихъ сочленовъ—лаборатора Вавилу Жихорева и шуровщика Михѣева. А между тѣмъ мы доподлинно знаемъ, что ни тому, ни другому

Digitized by Google

никакихъ внушеній не было сдѣлано отъ совѣта. Просто значитъ: пошелъ безъ всякихъ разговоровъ!

Пронесся сдержанный смѣхъ.

Тутъ только поднялся Иванъ.

— Друзья! Обвиненіе принимаю я цѣликомъ на одного себя. Въ параграфѣ пятомъ говорится, что дѣлаетъ исключеніе совѣтъ; но распоряжается предсѣдатель. Объ этихъ обоихъ бывшихъ трезвенникахъ—Жихоревѣ и Михѣевѣ—я совѣту своевременно доложилъ, и всѣ мои товарищи—они здѣсь на лицо—распоряженія мои одобрили. А что мы стараній не принимали ихъ исправить, такъ оба они вели себя, можно прямо сказать, скандально. Вавила Жихоревъ жилъ въ артельной горницѣ у Павла Пантелеева, въ Новой Слободкѣ. И въ пьяномъ видѣ бросился даже съ ножемъ на другого однокашника. Изъ жалости къ нему мы не подняли дѣла. И потомъ, когда хозяинъ просилъ меня сдѣлать своимъ трезвенникамъ увѣщаніе, Жихоревъ сталъ такъ ругать хозяевъ и выказалъ такую дерзность и относительно меня, что всякій бы на моемъ мѣстѣ исключилъ его.

— Неправильно! Своевольство! Шемякинъ судъ!

Гулъ прорвался въ центрѣ залы.

Молодой парень изъ пѣвческаго класса, пріятель Боброва, вскочилъ и крикнулъ:

— Небось, предсѣдатель-то самъ испивалъ, да исправился!

Нѣкоторые на него шикнули.

Иванъ сильно зазвонилъ, и когда шумъ опалъ, сталъ говорить тономъ человѣка, которому нечего терять:

— Кто-то крикнулъ, друзья, что и я когда-то зашибался хмельнымъ. Это правда! И никому изъ нашихъ сочленовъ въ вину не ставилось, коли они допрежь того пили. Ежели кто меня поймаетъ—на здоровье! И не можетъ всякій трезвенникъ сразу окончательно исправиться. Ну, выпьетъ тайно, тихонько. Такого совѣтъ сразу исключать не будетъ, а постарается подѣйствовать на него увѣщаніемъ. Тутъ же явная закоренѣлость, открытое пьянство, буйство... между нами говоря—чуть не уголовщина! А второй случай, съ шуровщикомъ Михѣевымъ, былъ въ артельной столовой въ присутствіи распорядительницы и двоихъ старостъ, и цѣлаго стола артельщиковъ. Михѣевъ, находясь въ явномъ подпитіи, не унимался, когда я ему тихо сталъ указывать на неблаговидное его поведеніе въ бытность тутъ предсѣдателя общества трезвости. Вотъ и все!

Объясненіе это дослушали тихо. Иванъ почувствовалъ, что Бобровъ съ товарищами провалились.

Digitized by Google

— Позвольте слово!—крикнулъ слесарь Чистяковъ.

— Извольте-съ,—съ усмѣшкой откликнулся Иванъ.

— Какъ-ни-какъ, господа, но нельзя ни подъ какимъ видомъ допустить такого самоуправства. Исключили двоихъ членовъ и намъ никто не докладывалъ!

— Вѣрно, вѣрно! Самоуправство! Не смѣть такъ поступать!

Въ рукѣ Ивана появилась книжка въ свѣтло-зеленой обложкѣ. Онъ ее показывалъ всей залѣ, высоко поднявъ руку.

Это заставило и протестующихъ смолкнуть.

— Господа! Вы насъ честите Шемякинымъ судомъ, а въ уставъ не хотите заглянуть, въ тотъ же пятый параграфъ. Ни въ немъ, нигдѣ дальше не говорится, что совѣтъ обязанъ сейчасъ же докладывать общему собранію объ исключеніи. Это разъ. А второе: въ томъ же пятомъ параграфѣ говорится, что всякій исключенный можетъ подать жалобу въ мѣсячный срокъ общему собранію. Позвольте спросить, гдѣ такая жалоба?

— Мы имѣемъ заявленіе!—крикнулъ кто-то около Боброва.

— Жалобщикъ долженъ обратиться письменно въ совѣтъ, подать его секретарю; а еслибъ онъ сталъ теперь требовать суда—мы ему откажемъ, коли прошелъ узаконенный срокъ.

— Крючкотворы!—звонкой нотой разнесся одинъ возгласъ.

Многіе засмѣялись.

Бобровъ не унимался. Онъ опять всталъ и, обратясь къ собранію, сказалъ раздѣльно, напирая на каждое слово:

— Ежели предсѣдатель выставляетъ себя, какъ единственнаго отвѣтчика за весь совѣтъ, то вы, братцы, не забывайте, что вашъ судъ—самый высшій, и каждый изъ васъ имѣетъ полную возможность показать, доволенъ ли онъ такимъ поведеніемъ нашего выборнаго!

Кругомъ его сильно захлопали и раздались крики:

— Браво! Мы ему покажемъ!

За такое возбужденіе членовъ съ избирательной подкладкой Иванъ могъ бы сейчасъ призвать Боброва къ порядку, и непремѣнно сдѣлалъ бы это, будь у него другое настроеніе.

Но онъ рѣшилъ съ этимъ „озорникомъ“ и „злецомъ“ ни въ какія пререканія передъ всѣмъ обществомъ не вступать. Онъ довольно спокойно позвонилъ и сдѣлалъ жестъ рукой, что желаетъ самъ говорить.

— Теперь, друзья, передъ тѣмъ, какъ мы приступимъ къ выбору предсѣдателя, позвольте мнѣ сказать свое слово. Не какъ предсѣдатель буду я говорить. Выслушайте мою исповѣдь отъ сердца.

Digitized by Google

Голосъ ему не измѣнялъ, но по губамъ прошла дрожь. Онъ отеръ платкомъ влажный лобъ.

— Моя исторія вамъ извѣстна. Здѣсь на фабрикѣ выросъ, здѣсь учился, здѣсь проходилъ всѣ мытарства. Нравъ у насъ у всѣхъ срывчатый. И у меня также. Работалъ, старался, заслужилъ вниманіе начальниковъ. А закваска-то фабричная бродила во мнѣ. Въ подмастерьяхъ пить началъ, — выговорилъ онъ медленно, но уже ровнымъ голосомъ,—и до того дошелъ, хуже чего и не придумаешь. Въ одичалость впалъ. Ни Бога, ни людей не боялся... ни совѣсти, ни чести. И вотъ когда во мнѣ переворотъ вышелъ и поддержали меня добрые люди... и первѣе всего моя учительница Надежда Николавна—онъ наклонилъ голову въ сторону, гдѣ сидѣла Вознесенская,—вотъ тогда и схватился я за давнишнюю мысль основать общество трезвенниковъ. И мы его имѣемъ. Какъ смыслилъ, такъ и дѣйствовалъ. И какъ передъ Господомъ Богомъ скажу—всю душу свою полагалъ на него. И кромѣ совѣсти не было у меня никакого нàбольшаго.

Онъ сдѣлалъ передышку и опять обмахнулъ лобъ клѣтчатымъ платкомъ.

— Однако, друзья, нрава своего не передѣлаешь. Все-таки я остался фабричнымъ, характеръ неровный, срывчатый. И ничего мудренаго нѣтъ, что я кое-кому не угодилъ. Ваша воля! Вашъ выборъ! Насильно милъ не будешь! Вы вольны выбирать—кого ваша душа захочетъ... Вижу, по сегодняшнему собранію, что рискъ для меня не малый баллотироваться!

Онъ сразу покраснѣлъ. Передъ этой рѣчью онъ рѣшилъ первому отказаться и настоять, чтобы его имени не ставили на запискѣ. Но чувство повернуло его въ другую сторону.

— Для меня авантажнѣе было бы—заговорилъ онъ скорѣе и тревожнѣе,—самому напередъ отказаться. Всякій имѣетъ на это право. Но я иначе понимаю свою обязанность. Какъ міръ—такъ и я. Готовъ я ему служить. Наше общество для меня, друзья, ровно дитя кровное. И кто бы на мое мѣсто ни сѣлъ, я прошу васъ, друзья, отъ всего моего сердца и разумѣнія—не давайте распадаться благому дѣлу! Много у него враговъ. Не мало и отошло уже отъ насъ, а другихъ надо было исключить. Всего одинъ годъ мы дѣйствуемъ какъ надо. И если мой срывчатый нравъ причиной тому, что иные обижаются и происходитъ смута—я уйду безъ ропота.

Никто не захлопалъ. Это былъ плохой признакъ.

— А теперь, господа, — сказалъ Иванъ, подавляя чувство

Digitized by Google

обиды, нахлынувшее на него,—мы сдѣлаемъ перерывъ. Вамъ будутъ розданы бумажки для выбора въ предсѣдатели.

Во время перерыва возбужденіе было большое. Около Боброва въ особенности много шушукались.

Та группа, гдѣ сидѣли Чистяковъ и театральные, приготовила записки. На нихъ стояло одно только имя. Оно повторялось и на множествѣ другихъ записокъ, рядомъ съ другими двумя.

Иванъ оставался за столомъ. Онъ считалъ голоса вмѣстѣ съ казначеемъ и секретаремъ. Продолговатыя записки подавали сложенными вдвое и вчетверо.

Читалъ вслухъ секретарь, а отмѣчалъ Иванъ съ казначеемъ. Уже по первымъ запискамъ можно было видѣть, что Спиридоновъ не будетъ выбранъ. Его имя попадалось на одной запискѣ изъ семи восьми.—Повторялись точно по уговору другія два имени —Вознесенской и Боброва.

Надеждѣ Николаевнѣ, уходившей въ другую залу вмѣстѣ съ остальными своими товарками по школѣ, Иванъ не успѣлъ даже поклониться передъ началомъ и во время засѣданія. А ему, когда онъ шелъ сюда, хотѣлось спросить ее,—что она знаетъ о Настасьѣ Ильинишнѣ? Меньшовъ давно уѣхалъ въ Самару и никому ничего не писалъ. Старушка опасно заболѣла—вотъ все, что зналъ Иванъ.

Въ послѣднихъ двухъ десяткахъ записокъ имена Боброва и Вознесенской чередовались; но за Боброва было только шестьдесятъ-семь голосовъ на сто двадцать присутствующихъ членовъ; а у Вознесенской сто-пять. Она получила абсолютное большинство.

Когда Иванъ увидѣлъ, что противъ его имени на листѣ, гдѣ отмѣчались голоса, стоитъ всего только двадцать-три палочки, его опять охватило чувство большой обиды. И на себя онъ разсердился. Зачѣмъ онъ прямо не сказалъ, что баллотироваться не хочетъ? И выказалъ самолюбивую натуришку — не могъ выдержать характера, шелъ на ненужную обиду.

Но эта вспышка противъ самого себя улеглась въ немъ скоро. Вѣдь еслибъ онъ и отказывался напередъ отъ предсѣдательства—все-таки его имя могло попасть на нѣсколько записокъ. Не все ли равно?

Такъ лучше! Своего нрава не измѣнишь, а только наживешь постоянное раздраженіе, станешь все сильнѣе и сильнѣе властвовать и дѣлать все по-своему, разыгрывать нàбольшаго!

Но Бобровъ оставался для него все тѣмъ же „дерзецомъ“ и „краснобаемъ“, который самъ себя только тѣшитъ. И—попади онъ въ предсѣдатели—станетъ мирволить всѣмъ и попускать,

Digitized by Google

только бы его еще разъ выбрали и ему вольготнѣе было бы разглагольствовать.

Возобновилось засѣданіе.

Иванъ, уже совсѣмъ спокойно, объявилъ, что самое большое число голосовъ получила Надежда Николаевна, послѣ нея—Бобровъ.

Бобровъ попросилъ слова и обратился прямо къ Ивану, выйдя впередъ къ столу.

— Иванъ Прокофьичъ! На вашу исповѣдь и намъ надо отвѣтить вамъ безъ всякой фальши. Всѣ, кто вашего имени не ставили, ничего противъ васъ лично не имѣютъ. И заслуги ваши мы всѣ уважаемъ; не забудемъ и того, какъ вы трудились для общества. Да и собственная ваша исторія каждому должна быть примѣромъ. Только, вы сами сознались — нравъ у васъ такой. Многимъ онъ не по нутру. И чѣмъ дальше, тѣмъ было бы хуже. Поэтому, вы насъ не обезсудьте и на все общество не пеняйте... хотя бы вамъ и было обидно. Мало ли дѣла будетъ и для васъ, въ коммиссіи, и въ совѣтѣ, по устройству чтеній. А то, что вы себя не выгораживали и окончательно не отказались баллотироваться—мы это цѣнимъ и весьма за это васъ уважаемъ.

Всѣ единомышленники Боброва въ разъ захлопали. Рукоплесканія ихъ подхватили справа и слѣва. Иванъ видѣлъ, какъ Вознесенская, стоя вмѣстѣ съ остальными учительницами, сильно хлопала.

Онъ поблагодарилъ, тронутый, со слезами на глазахъ, и, оправившись, объявилъ собранію, что выбрана Надежда Николаевна.

Тутъ опять всѣ захлопали и потомъ закричали даже „браво“.

Вознесенская, немного взволнованная, благодарила трезвенниковъ за такое довѣріе къ себѣ, но отъ предсѣдательства отказывалась.

— Не потому только я отказываюсь, господа,—сказала она въ заключеніе своей рѣчи—что мнѣ было бы черезчуръ тяжело при моемъ трудѣ по школѣ дѣятельно работать и для общества, а потому, главнымъ образомъ, что я желаю, чтобы этотъ постъ занималъ настоящій фабричный. Пускай никто не говоритъ, что вы идете на помочахъ у насъ. У васъ найдутся люди,—и тотъ, кто получилъ рядомъ со мною законное число голосовъ, вполнѣ достоинъ такого выбора.

Ее стали просить:

— Удостойте! Надежда Николавна! Матушка! Мы васъ уважаемъ, не откажите!

Digitized by Google

Она уперлась на своемъ отказѣ, и всѣ увидали, что она будетъ стоять на своемъ.

— Господа!—заговорила опять Вознесенская, послѣ того, какъ улеглось волненіе въ залѣ.—Еще разъ благодарю собраніе за чѣсть, которую оно оказало мнѣ. Но я желала бы видѣть въ васъ нѣчто другое, а именно оцѣнку заслугъ того изъ вашихъ товарищей, кто дѣйствительно послужилъ дѣлу созданія общества „Свѣтъ", и борьбой съ самимъ собою, съ главнымъ врагомъ фабричнаго быта—съ страстью къ вину, показалъ, что въ немъ доброе начало взяло верхъ! Иванъ Прокофьичъ самъ сознался передъ вами, въ очень искренней и благородной исповѣди, что характеръ у него горячій и многимъ онъ сдѣлалъ непріятное тѣмъ, что слишкомъ пылко исполнялъ свои предсѣдатѣльскія обязанности. Но заслуги его требуютъ признанія и съ вашей стороны. Позвольте мнѣ, поэтому, предложить вамъ избрать его безъ баллотировки, единогласно, почетнымъ членомъ общества.

Зала не тотчасъ откликнулась на это. Иванъ стоялъ съ опущенными рѣсницами, замѣтно взволнованный.

Всталъ Бобровъ и крикнулъ:

— Поддержимъ, братцы, предложеніе Надежды Николавны. Кто за него—встаньте!

Вся зала поднялась. Захлопали сильно, даже и въ актерской группѣ.

Прерывистымъ голосомъ Иванъ выговорилъ только:

— Спасибо, друзья, спасибо!

И опустился на стулъ.

Тогда опять Боброва запросили:

— Ѳедоръ Ермолаичъ! Просимъ! Просимъ въ предсѣдатели!

Бобровъ раскланялся, и по его лицу трудно было распознать, соглашается онъ или нѣтъ идти въ предсѣдатели.

Иванъ пристально смотрѣлъ на него. „Будетъ ломаться, шельма, а небось пойдетъ".

Но ломаться Бобровъ не сталъ. Если онъ отказывался въ прошлое засѣданіе, когда его просили въ члены совѣта, то теперь это дѣло слишкомъ крупное. И участіе въ труппѣ, и пѣвческій хоръ, не могутъ идти „въ разсчетъ", когда нужно послужить обществу на предсѣдательскомъ посту.

— Спасибо, братцы!—вскричалъ онъ.—У насъ все должно быть какъ на ладони! Ежели окажусь негоднымъ—удалите меня. Я впередъ на это иду!

Ему еще сильнѣе зааплодировали. Иванъ предложилъ ему тутъ же занять предсѣдательское мѣсто.

Digitized by Google

Надежда Николаевна первая попросила слова подъ его предсѣдательствомъ.

— Сейчасъ, господа,—сказала она упавшимъ голосомъ,—получили мы депешу о кончинѣ нашей сослуживицы—Настасьи Ильинишны, которая болѣе пятнадцати лѣтъ завѣдывала библіотекой и читальней. Это была святая женщина. И никто болѣе ея не жилъ жизнью рабочаго, не любилъ такъ тепло всѣхъ васъ, такъ не болѣлъ всѣми вашими невзгодами.

Отъ волненія она остановилась, подавляя слезы.

— Предлагаю почтить ея память вставаніемъ!

Всѣ поднялись, какъ одинъ человѣкъ.

Иванъ, сѣвшій на крайній стулъ перваго ряда, поднялся и также попросилъ слова у новаго предсѣдателя.

Обернувшись лицомъ къ залѣ, онъ сказалъ, съ дрожью въ голосѣ:

— Друзья! Покойница, вотъ вмѣстѣ съ Надеждой Николавной, многихъ изъ насъ воспитывала, душу нашу направляла къ свѣту. Сколько мы хорошихъ книгъ прочли по ея наставленію! Вѣчную память заслужила Настасья Ильинишна отъ всякаго, у кого есть голова и сердце. Слѣдуетъ, братцы, отслужить по ней панихиду на этой же недѣлѣ, сдѣлать объявленіе отъ нашего общества—и чтобы вся фабрика откликнулась. Принимаете?

— Принимаемъ!—гаркнула вся зала, и сейчасъ же прорвался гулъ разговоровъ.

Многія женщины плакали.

Засѣданіе минутъ черезъ десять было закрыто; „за позднимъ временемъ“, обсужденіе проекта кассы самопомощи отложили до слѣдующаго раза.

Медленно расходились и трезвенники, и посторонніе.

Иванъ подошелъ къ Вознесенской, и на глазахъ его опять выступили слезы.

— Настасья-то Ильинишна!—выговорилъ онъ тихо.—Жалость какая!

Вознесенская молча пожала ему руку.

— Антоша ея теперь совсѣмъ свихнется!—обронилъ Иванъ.

Онъ хотѣлъ отойти, но она удержала его за руку.

— Иванъ Прокофьичъ! Вы вели себя благородно. И я вѣрю, что вы говорили отъ сердца. Забудьте всякіе счеты, продолжайте служить хорошему дѣлу.

— За то и награжденъ,—вами же, Надежда Николавна!

Онъ, какъ почтительный ученикъ, выслушалъ ее и, проходя во вторую залу, думалъ: какъ-то одобритъ его сегодняшнее по-

Digitized by Google

веденіе та умная, горделивая дѣвушка, къ кому льнетъ его сердце?

Ни Паши, ни ея подруги Авакумовой, въ залахъ уже не было.

XVIII.

Въ фабричной пекарнѣ шла денная работа, при постоянномъ снованіи народа, приходящаго покупать черный и бѣлый хлѣбъ, сайки, калачи и баранки.

Двѣ громадныхъ печи съ мѣдными, ярко вычищенными дверцами, показывали свои глубокія впадины, гдѣ краснѣли кучи жара. Пекари то-и-дѣло ставили хлѣбы и вынимали ихъ, одѣтые въ ситцевыя полосами рубашки, съ засученными рукавами и въ фартукахъ.

По всему помѣщенію — размѣрами въ большую и высокую залу, съ цѣлымъ рядомъ оконъ—ходилъ вкусный запахъ свѣжеиспеченнаго хлѣба. И видъ всѣхъ пекарей былъ бравый и бодрый.

Вдоль стѣнъ и простѣнковъ высились сквозныя полки, гдѣ лежалъ всякаго рода хлѣбъ — каждый сортъ отдѣльно. Фабричные—мужчины, женщины подростки, дѣвчонки—приходили съ своими харчевыми книжками, подавали ихъ приказчикамъ за двумя конторками и забирали товаръ.

За свѣжими баранками пришелъ Иванъ, выбралъ двѣ связки и одну попробовалъ. Баранки были еще совсѣмъ теплыя, съ пріятнымъ, сладковатымъ вкусомъ. Онъ тоже представилъ свою харчевую книжку.

— Вонъ вы, Иванъ Прокофьичъ, какъ одобряете наше печенье,—пошутилъ одинъ изъ приказчиковъ.—Двойную, значитъ, препорцію.

— Больно ужъ хороши!—похвалилъ Иванъ.

Но вторую связку баранокъ онъ купилъ не для своего дома.

Изъ пекарни онъ пробирался въ больницу, гдѣ вотъ уже съ недѣлю лежитъ Меньшовъ, вернувшійся съ Волги съ опухшими ногами и съ началомъ водянки въ груди. Управляющій не отказалъ ему въ правѣ на больницу, хотя онъ былъ въ отсутствіи около двухъ мѣсяцевъ и на службѣ фабрики не считался.

Собираясь навѣстить Меньшова, Иванъ и захватилъ для него другую связку баранокъ. Изъ пекарни проходилъ онъ черезъ такую же обширную лавку со всякимъ съѣстнымъ и мелочнымъ

Digitized by Google

товаромъ и купилъ тамъ фунтовую банку варенья — также для больного.

Оттуда онъ зашелъ—все въ томъ же зданіи—въ фабричный розничный мануфактурный магазинъ и долго выбиралъ матеріи на лѣтнее платье съ кофточкой, изъ высшаго сорта кретона, вглядываясь, какъ ткачъ, въ добротность его.

Это былъ подарокъ Пашѣ. Наканунѣ они обручились. Сегодня была выдача жалованья, и онъ захотѣлъ „кутнуть“ вотъ такимъ именно манеромъ. И Машуткѣ онъ купилъ на пальтецо бумажнаго трико, очень добротнаго, всего по двадцати по три копѣйки за аршинъ, а издали оно кажется точно шерстяное.

Хотѣлось ему подѣлиться своей радостью съ Меньшовымъ. Но какъ-то онъ еще найдетъ того, въ какомъ положеніи. Онъ видѣлъ его всего разъ мелькомъ, въ общей палатѣ, передъ обходомъ доктора. Теперь, онъ слышалъ, Меньшова положили одного, по просьбѣ Надежды Николаевны, въ ту самую комнату, гдѣ самъ онъ лежалъ полтора года назадъ.

Въ больницѣ еще продолжался пріемъ приходящихъ больныхъ, когда Иванъ тихонько сталъ подниматься по хорошо ему памятной лѣстницѣ.

И сидѣлка была та же въ мужскомъ отдѣленіи. Она повстрѣчалась съ нимъ на верхней площадкѣ.

— Можетъ, спитъ Антонъ Егорычъ?—тихо спросилъ онъ ее.

— Нѣтъ, я сейчасъ давала лекарство.

— Больно мучится, милая?

— Грудь къ ночи заливать стало. Мается... Войдите.

Сидѣлка впустила его въ комнату, гдѣ Меньшовъ помѣщался, какъ и онъ когда-то, у окна.

Меньшовъ сидѣлъ въ постели, упираясь на подушку, поставленную ребромъ и тяжело дышалъ. Въ полуоткрытомъ воротѣ рубашки грудь его замѣтно колыхалась. Лицо его пожелтѣло и замѣтно отекло. Глаза — во впадинахъ отъ безсонныхъ ночей. Ноги, прикрытыя байковымъ большимъ одѣяломъ, продолжали пухнуть.

Онъ держалъ въ рукахъ книгу, когда Иванъ пріотворилъ дверь и окликнулъ его:

— Антонъ Егорычъ!

— А! Любезный другъ, войдите... Присядьте.

Голосъ его сталъ сиплѣе, и выговаривалъ онъ съ усиліемъ.

Иванъ тихонько присѣлъ на край постели.

— Какъ можется? Вотъ, не побрезгуйте... къ чаю баранокъ принесъ вамъ и вареньица.

Digitized by Google

— Спасибо! По христіанской заповѣди... Усладить мою поскудную долю! И умирать-то приходится на долгихъ... Иванъ Прокофьичъ... Ха, ха! Не знаю, буду ли настолько глупъ, чтобы добровольно терпѣть.

— Какъ кому!

— Эхъ, полноте, дружище... Мерзость вся жизнь вообще. Обманъ! Самый подлѣйшій обманъ!

— Всѣ подъ Богомъ.

— Ну, ладно. Вы вѣрующій. Я вамъ перечить не буду... Ну, покаляякаемъ. Что новенькаго? Вы больше не предсѣдатель. Что, стадо-то барановъ другого пастуха нашло? Ха, ха! Кто это... какъ бишь его?

— Бобровъ,—кротко выговорилъ Иванъ.

— Ну, да... Это у нихъ въ родѣ какъ Гамбетта.

Иванъ тихо разсмѣялся.

— Да, краснобай и ловкачище!

— Представляется, что можетъ и забастовку устроить?

— Кто его знаетъ...

— Все это такъ, брехунцы. А вами за что же они остались недовольны?—спросилъ Меньшовъ, и прежняя ѣдкая усмѣшка заиграла на его посинѣвшихъ губахъ.

— Нравомъ не пришелся по нихъ... Обхожденья другого желаютъ.

— Что-жъ! Это, пожалуй, хорошій признакъ.

— Не знаю, Антонъ Егорычъ, въ своемъ дѣлѣ я не судья.

— Значитъ — амбиціи у нихъ теперь побольше. Не смѣй надо мной командовать! Вѣковое-то холопство пора сбрасывать...

— Эхъ, Антонъ Егорычъ,—остановилъ его Иванъ: — вѣдь они такъ фордыбачатъ съ своимъ братомъ фабричнымъ... потому что это общество, а не другое что. Онъ меня въ предсѣдатели выбиралъ, а можетъ—на слѣдующій годъ—по шапкѣ! Вотъ онъ и куражится. А небось, передъ всякимъ приказчикомъ онъ шапку ломитъ? Есть у него и подмастерье, и смотритель, и нарядчикъ —сплошь да рядомъ въ ухо заѣзжаютъ... Небось, терпитъ. Ужъ коли про холопство говорить, то оно не вывелось, а только фанаберіи и озорства больше—это вѣрно.

— Ну, ладно! Что мнѣ изъ-за всего этого мужичья съ вами спорить! Провались оно совсѣмъ!

Меньшову стало трудно говорить. Иванъ замѣтилъ это.

— Вамъ, Антонъ Егорычъ, неможется отъ разговора. Такъ я уйду.

— Не суть важно! Подступила вода, любезный другъ. Въ

Digitized by Google

сердечной сумкѣ давно ужъ завелась... и до грудной клѣтки добирается. Да.

Его рука безпомощно упала поверхъ одѣяла.

— А въ ногахъ нѣтъ отека?

— Пухнутъ. Фельдшеръ поговаривалъ... проколы будутъ дѣлать... Да какой толкъ? Затягивать—дольше мучить.

Больной отдышался и окликнулъ съ полуопущенными рѣсницами:

— Иванъ Прокофьичъ!

— Здѣсь.

— Вѣдь вы тогда въ больницѣ-то лежали... Выдумываю я, или это вправду приключилось съ вами?

— Что̀ такое, голубчикъ?

Иванъ присѣлъ къ нему поближе, все еще на краю койки.

— Глотнули вы снадобья?—спросилъ Меньшовъ.—Въ надлежащей препорціи? А?

— Былъ тотъ грѣхъ. Тогда я совсѣмъ озвѣрѣлъ. Ни Бога, ни совѣсти. Все про̀пилъ.

— Почему же такъ? Никакого тутъ нѣтъ безумія и вины нѣтъ, ни озвѣренія, ни сра̀му, ежели кто доведенъ до послѣдней крайности. Какъ! — почти закричалъ Меньшовъ и выпрямился въ постели.—Меня осудили на смерть. Спасенья нѣтъ и быть не можетъ... И долженъ я мучиться безъ счету и мѣры! Съ какой стати?

— Кто подъ Богомъ ходитъ, Антонъ Егорычъ.

— Эхъ, полноте пустое болтать! А вотъ ежели мнѣ будетъ не въ моготу, и я у васъ, дружище, попрошу какого-нибудь снадобья—ужели откажете мнѣ?

— Такого грѣха на душу не возьму,—отвѣтилъ Иванъ глуховато.

— Здѣшнихъ-то... больничныхъ—теперь не проведешь, какъ вы провели ихъ. Опаску имѣютъ.

— Довольно и изъ-за меня имъ досталось въ тѣ поры.

— Экая важность! Ужели изъ-за того, что смѣнятъ сидѣлку, я осужденъ на муки мученическія? Вы это, Иванъ Прокофьичъ, изъ-за бабьихъ страховъ не сдѣлаете — не выручите стараго пріятеля?

Отдышавшись, Меньшовъ заговорилъ отрывисто и тише.

— Чего мнѣ ждать, кромѣ неминучей смерти?.. Да еслибъ она меня и не подсѣживала... тошно на свѣтѣ торчать, господинъ фабричный смотритель, и по̀шло, и по̀дло! И для всѣхъ—одинъ конецъ. Ну, я — такой-сякой, на оцѣнку хотя бы вашей

Digitized by Google

воспитательницы, многоумной госпожи Вознесенской. А мать моя пріемная, Настасья Ильинишна?

— Царство ей небесное! — вымолвилъ Иванъ.

— Ну, да. Пока-то она его получитъ. Это старуха еще надвое сказала. Какъ она доживала! За что такая жестокая смерть? А вѣдь поди ты! На ладанъ дышала... съѣла ее совсѣмъ чахотка... Маялась и днемъ, и ночью, цѣлыми ночами напролетъ— и все карабкалась! Въ жизнь-то такъ и вцѣплялась—точно она нивѣсть какъ блаженствовала! И все это, любезный другъ, одинъ обманъ! Мыльные пузыри!

Иванъ сидѣлъ съ низко опущенной головой, и ничего не желалъ возражать Меньшову.

— Пакость—жизнь, безобразіе и надувастика! Особливо въ нашей распрекрасной Рассеѣ, въ любезномъ отечествѣ нашемъ.

Послѣдовала опять томительная передышка.

— Схоронилъ я мою старушку въ Самарѣ... и остался тамъ пошляться, по Приволжью—на пароходѣ спустился до Саратова... и ниже. Господи! Что̀ это вездѣ за гиль и дичь, и нищенская гольтепа̀! Земли — видимо-невидимо — Сахара африканская, ни жилья, ни деревца. Въ Саратовѣ, на рынкѣ, каждый день десять тысячъ голоднаго мужичья за работой приходятъ! Пыль! Жара! Лукъ, квасъ и во̀бла—вотъ то же, что̀ здѣсь за воротами продается... И въ такой землѣ жить? Смотрѣть на всю эту дичь и дремучую неурядицу?.. Тысяча лѣтъ пройдетъ, и все такъ же будетъ. Ваше мужицкое царство, Иванъ Прокофьичъ!

И отъ волненія онъ раскатисто закашлялъ. И долго не могъ выплюнуть мокроты.

— Вы ужъ, дружище, не такъ бы сильно говорили.

Иванъ всталъ и, оглядываясь, спросилъ:

— Не подать ли питья какого? Или бы вотъ вареньица съ водой.

— Ничего, ничего! Довольно я здѣсь намолчался. До одури! И читать не могу... подолгу, сейчасъ голову разопретъ... точно изнутри какими подпорками.

Онъ протянулъ руку Ивану, взялъ его руку и долго не выпускалъ ея изъ своей.

— Были мы съ вами и на ты... не такъ давно.

— Я съ моимъ удовольствіемъ.

— Не къ тому я... Человѣкъ вы, что̀ называется, хорошій... И характеръ есть, и работу любите, и землѣ хотите быть крѣпки. Что-жъ! Доживете свой вѣкъ, какъ въ сказкахъ сказывается. И когда меня схоронятъ, вонъ тамъ—онъ указалъ рукой—вы бу-

Digitized by Google

дете меня вспоминать: „шалый, молъ, былъ парень, порченый; но съ царемъ въ головѣ“.

— Голова у васъ всегда богатая была, только...

— Только что? Безпутная? Ни стыда, ни совѣсти! Одно только своевольство и фордыбачанье? Такъ ли? Эхъ, господинъ фабричный смотритель и членъ сельской общины деревни Лялово! Не хотѣли вы меня понять, ни вы, ни тѣ, кто себя умниками считаютъ. Вѣрьте моему слову... И на фабрикѣ, и въ деревнѣ, и въ городахъ, и вездѣ-вездѣ будетъ тянуться то же безобразіе, мошна не перестанетъ заѣдать того, кому животы подвело отъ кислаго кваса и прогорклой капусты, пока изъ васъ та же фабрика не выѣстъ все мужицкое! Какъ я стоялъ на этомъ, такъ и теперь стою.

Голова Меньшова упала на подушку. Онъ пожалъ еще разъ руку Ивана и, обернувшись къ нему глазами, совсѣмъ упавшимъ голосомъ спросилъ:

— Избушку, небось, будете мастерить?

— Да, по малости, вывелъ ужъ срубикъ.

— А хозяйка есть на примѣтѣ?

Иванъ немного конфузливо наклонилъ голову.

— Что-жъ, Антонъ Егорычъ, я еще не старикъ. Блудить мнѣ не желательно... А ежели Господь послалъ....

— Подругу жизни?

— Дѣвушка хорошая. Сирота. Съ характеромъ. И всѣ ее знаютъ за честную. Опять же работница—изъ самыхъ первыхъ. По моему же спеціальному рукомеслу—ткачиха.

— И свадьба скоро?

— Мы порѣшили... тотчасъ послѣ Филипповокъ. Ежели бы вы ее знали хоть маленько—и вы бы одобрили. И книжку любитъ почитать.

— Поздравляю! Ткачиха лучше иной ученой курсистки,— выговорилъ онъ съ недоброй усмѣшкой. — А франтиха-учительница не выскочила еще за того стрекулиста?

Иванъ понялъ, о комъ говоритъ Меньшовъ.

— Доподлинно я не знаю...

Онъ боялся сразу сообщить ему новость: — про Лаврскую шелъ слухъ, что она помолвлена съ Щепетильниковымъ.

— Да вы чего ёжитесь? Думаете, я умру на мѣстѣ отъ того, что она пристроится за этого стрекулиста? Есть бѣда!

— Поговариваютъ... промежду ихъ слажено.

— Туда ей и дорога!

Digitized by Google

Больной схватился за грудь. Его стало душить. Головой онъ заметался вправо и влѣво.

„Какъ мается, бѣднята“!—подумалъ про себя Иванъ, и спросилъ его:

— Антонъ Егорычъ, не скликать ли сидѣлку?

— Не надо, не надо! Противно мнѣ на ея глупую рожу смотрѣть.

— Не охота мнѣ уходить отъ васъ.

— Идите. Вамъ — жениху — тяжко на меня глядѣть. Прощай, братъ, Иванъ Прокофьичъ!—перешелъ онъ на *ты*—и поднялся туловищемъ.—Почеломкаемся!

Они поцѣловались.

— И знай, что Антонъ Егорычъ Меньшовъ не такой человѣкъ, чтобы ему, какъ форменному идіоту, мучиться такъ по доброй волѣ. Своя рука—владыка! Не дрогнетъ она покончить съ собою.

— Господь съ тобой!

Иванъ постоялъ тихо у двери, и видя, что больной закрылъ глаза, тихонько вышелъ.

XIX.

Послѣобѣденный свѣтъ входилъ въ окна свѣжаго сруба, построеннаго Иваномъ противъ избы своего дяди.

Рамы только-что были вставлены въ окна первой комнаты, съ большой печью. Вторая—горница съ лежанкой—стояла еще вчернѣ.

Отъ сосновыхъ бревенчатыхъ стѣнъ, уже обструганныхъ и проконопаченныхъ, шелъ пріятный смолистый запахъ.

Изба была безъ полатей, съ высокимъ потолкомъ, но лавки шли вдоль двухъ стѣнъ, вправо отъ входной двери.

На краю одной изъ этихъ лавокъ, ближе къ окну — ихъ было три, съ хорошими ставнями — присѣлъ Иванъ, въ сѣрой новой блузѣ, а на скамьѣ у двери сидѣли трое его сосѣдей—все фабричные, въ томъ числѣ и Барыковъ, въ ситцевой розовой рубахѣ, въ опоркахъ, о босу ногу.

Они попросили, встрѣтившись на народѣ, посмотрѣть внутри, каковы будутъ его „палаты“.

— Да, братцы,—заговорилъ Иванъ, ласково оглядывая комнату:—безъ собственнаго пепелища нельзя. Вотъ вы мнѣ не повѣрите, а такъ оно было на самомъ дѣлѣ: два раза въ два года Сергѣй Сергѣичъ самъ предлагалъ мнѣ домикъ въ Новой Сло-

Digitized by Google

бодкѣ, даже не въ примѣръ прочимъ, которые постарше меня будутъ на фабрикѣ.

— Ужели отказывались сами, Иванъ Прокофьичъ? — окликнулъ Барыковъ.

Остальные двое—они были оба прядильщики и старше годами Ивана — переглянулись.

— Хотите вѣрьте, хотите нѣтъ. А я, братцы, этимъ не прельстился. Даже и во второй разъ, когда ужъ подумалъ хозяйкой обзавестись.

— Ишь ты!—воскликнулъ одинъ изъ прядильщиковъ—высокаго роста мужикъ, смуглый, съ большой лысиной.

— Кто имѣетъ хоть мало-мальскую возможность въ деревнѣ обзавестись домкомъ—не слѣдуетъ ему идти въ дворники и наживаться на счетъ своихъ стояльцевъ; а безъ этого, сами знаете, —никакъ нельзя выплачивать помѣсячно по пятнадцати рублей.

— Авантажъ большой, Иванъ Прокофьичъ — возразилъ Филатъ, и подмигнулъ обоимъ ляховцамъ.—Ежели даже и въ деревнѣ имѣть дворъ. Здѣсь тѣснота, по двѣ семьи, почитай, въ каждомъ дворѣ живутъ. Слѣдственно, къ старости — большое подспорье. Десять лѣтъ платишь исправно; а тамъ уже сбирай процентъ съ капитала... И помѣщеніе даровое, и доходъ съ стояльцевъ.

— Извѣстное дѣло!—со вздохомъ зависти подтвердилъ лысый прядильщикъ.

— А по-моему,—горячѣе сталъ говорить Спиридоновъ:—не крестьянское это дѣло! Да и для фабричнаго не больно-то гожо очутиться въ съемщикахъ. Немногимъ лучше это, чѣмъ въ скупщикахъ или въ кабатчикахъ пребывать, братцы. Пускай зарятся другіе; а я и за себя, и за своихъ наслѣдниковъ ни мало не жалѣю, что упустилъ по своей винѣ такую аферу... Богъ съ ней!

Онъ поглядѣлъ въ крайнее окно.

— Вотъ, братцы,—продолжалъ онъ потише:—Павелъ Пантелеевъ на завалинкѣ сидитъ. Нѣшто неправда, что онъ въ деревнѣ теперь совсѣмъ уже не по прежнему выказываетъ себя? Въ кои-то вѣки заглянетъ! И запашку сократилъ, и скота меньше. Вся его душа тамъ, въ слободкѣ, рублишки изъ жильцовъ выколачиваетъ. И сколько тутъ дрязгъ и шильничества... Не приведи Господи!

Ему вспомнилась исторія, въ которую онъ попалъ съ постояльцами, въ холостой горницѣ, въ домикѣ Пантелеева, и онъ разсказалъ ее тутъ же.

Digitized by Google

— Такъ вѣдь безъ этого никакъ нельзя обойтись, Иванъ Прокофьичъ,—возразилъ Филатъ.—И въ деревнѣ нѣшто съ работниками не приходится маяться?

— Нѣтъ, здѣсь дѣло чистое,—остановилъ его Иванъ.—Коли мнѣ одному или со своими не подъ силу управляться и дома, и въ полѣ — я нанимаю батрака. Съ нимъ я маюсь — это случается; но я на немъ не жильничаю. По положенію, столько-то жалованья—и харчи. Опять же онъ, хоть и крестьянинъ, однако не мой прямой товарищъ, не такой же рабочій, какъ и я. А тутъ я долженъ, чтобы выгоду имѣть, выгадывать на каждомъ полѣнѣ дровъ, въ капустѣ, въ квасѣ урѣзывать, или тухлятину имъ давать.

— Это точно!—отозвался другой прядильщикъ, до тѣхъ поръ все молчавшій, коренастый, рыжеватый малый, въ потертомъ пиджакѣ въ накидку.

— Я такъ вамъ, друзья, скажу,—заговорилъ Иванъ болѣе задушевнымъ тономъ.—Нашему брату, фабричному, не то что въ съемщикахъ, а и въ набольшихъ состоять — и то жутко приходится.

— Вы въ какихъ же это смыслахъ? — шутливо спросилъ Филатъ.

— А вотъ въ какихъ... Хоть къ примѣру мы съ Павломъ Пантелеевымъ—смотрители каждый по своей части.

— Какъ же безъ надзора, Иванъ Прокофьичъ? — спросилъ Филатъ и смѣшливо тряхнулъ своей курчавой головой.

— Знаю, что нельзя. Только я къ тому, что ежели въ тебѣ нутро настоящаго товарища, тебя въ званіи хоть бы смотрителя всегда будетъ коробить... Ну, еще коли надъ товаромъ, въ амбарахъ, что-ли — это дѣло десятое... У товара души нѣтъ. Будь самъ честенъ и расторопенъ, тюкъ хлопка али штука миткаля ничего сами по себѣ не чувствуютъ. А въ фабричныхъ смотрителяхъ, опять же въ подмастерьяхъ, которые надъ народомъ поставлены—иная статья.

— Одначе, Иванъ Прокофьичъ — возразилъ Филатъ и поднялся съ мѣста... — никто отъ своего добра не откажется. Въ присучальщикахъ и хоть бы и въ ткачахъ лямку тянуть или въ смотрителяхъ—небось разница будетъ не малая? Изъ поповъ въ дьяконы никто не пойдетъ по доброй волѣ, Иванъ Прокофьичъ!

— Извѣстное дѣло, коли совсѣмъ деревню забросить и только къ одной фабрикѣ прилѣпиться. А коли здѣсь свой домикъ имѣть, хозяйство, корову, дѣтей воспитывать на просторѣ, а не въ

Digitized by Google

каморкѣ казарменной — пускай фабрика останется не главнымъ дѣломъ, а подспорьемъ.

Въ дверяхъ показался Николаша, братъ Пелагеи, пришедшій вмѣстѣ съ сестрой и Машей въ гости въ Ляхово.

— Иванъ Прокофьичъ!—окликнулъ онъ:—васъ тетка Агаѳья и баушка Катерина чай зовутъ пить!

Въ избѣ Спиридоновыхъ шло усиленное чаепитіе, когда Иванъ съ Николашей переходилъ черезъ улицу, попрощавшись съ своими односельцами.

Сидоръ, такой же франтоватый, какъ и два года назадъ, но уже съ замѣтной просѣдью въ свѣтлой бородѣ, сидѣлъ, въ розовой новой рубашкѣ, въ красномъ углу и подувалъ на блюдечко. Изъ-за самовара не видно было головы жены его. На скамьѣ, подъ образами же, помѣстились обѣ подруги — Пелагея и Анисья Авакумова. Шолковый головной платокъ Катерины высился надъ головами двухъ дѣвочекъ—Параньки и Машуньки. Онѣ обѣ пили по новому, прямо изъ чашекъ. Дуняша съ мужемъ держались немного въ сторонѣ на лавкѣ, въ простѣнкѣ между двумя окнами. Меньшой сынъ Сидора, Ермилъ, сидѣлъ у двери. Батрака Веденея не было дома.

— Пожалуйте, пожалуйте, братецъ! — пѣвуче пригласила Агаѳья.—Вотъ свѣженькаго я сейчасъ заварила, и сливочки есть.

Оба они, и мужъ, и жена, держатся все той же „поведенціи“ — очень ласковы, даже до приторности. Навѣрное, все ту же мысль держатъ въ головѣ, чтобы Иванъ принялъ къ себѣ въ домъ Власа. Можетъ, у него отъ этой сухопарой барышни и не будетъ своихъ дѣтей. Къ тому же онъ уже подлѣточекъ— никакъ и всѣ сорокъ не за горами.

Съ Пашей они тоже обошлись по родственному, сейчасъ же поздравили и даже за обѣдомъ „бѣлаго“ выставили бутылку — выпить за „нареченныхъ“.

Дуняша съ мужемъ держали себя безъ всякаго „лебезденья“ — что Ивану особенно понравилось. И съ невѣстой они были обходительны. Показалось Ивану, еще на фабрикѣ, что Паша съ ней что-то сдержана, ни поцѣлуется, ни за руку не возьметъ. И до сихъ поръ онѣ на „вы“. Пашѣ, какъ младшей и будущей родственницѣ, слѣдовало бы самой постараться о томъ, чтобы на „ты“ съ ней быть.

— Вонъ тетенька-то съ племянницей какъ рука въ руку сидятъ,—указала Агаѳья на Машу съ Паранькой.—Теперь Паранька будетъ все на фабрику проситься.

Digitized by Google

— А вы, сестрица,—спросилъ Иванъ:—нѣшто все по прежнему хотите изъ нея ткачиху сдѣлать?

— Да мнѣ-то бы желательно, братецъ, а вотъ Сидоръ Петровичъ по вашему сталъ разсуждать.

— Нѣтъ такой надобности, — выговорилъ Сидоръ и поглядѣлъ на Ивана съ наклономъ головы.

— Я то же самое и теперь скажу,—вѣско произнесъ Иванъ, принимая отъ Агаѳьи чашку.—Довольно и того, что вотъ та парочка—онъ указалъ на Дуняшу и Власа—по фабричному дѣлу пойдутъ.

— Дома работа есть, и даже въ избыткѣ, — отозвался Сидоръ.—Не даромъ батрака держимъ. Хорошо, ваша Машунька швейное ученіе свое кончаетъ.

— И Паранька такимъ бы манеромъ, — обронила Агаѳья.

— Разница есть,—возразилъ Сидоръ.—Машунька прямо изъ училища въ швейную поступила... А эта цѣлыхъ два года въ деревнѣ при домѣ.

— Ей бы не плохая была жизнь, — откликнулась Дуняша.—Вотъ Власа примутъ въ скоромъ времени. Каморку бы выхлопотали, при насъ бы и жила. Братцу Ивану Прокофьичу я не буду зря перечить; а между прочимъ на фабрикѣ можно и нашей сестрѣ хорошо устроиться.

— Мы вѣдь и не препятствуемъ ни тебѣ, ни Власу,—выговорилъ, усмѣхнувшись вбокъ, Сидоръ, и выраженіе его глазъ выдавало его затаенное чувство противъ снохи.

— Тятенька, — отозвался Власъ, вставая со скамьи:— отъ дома мы ни подъ какимъ видомъ не отобьемся. По близости, каждую недѣлю буду въ Ляховѣ; на Рождество опять же и на Пасхѣ своимъ чередомъ. Вотъ братецъ Иванъ Прокофьичъ сколько годовъ работалъ. И подмастерьемъ былъ, и смотрителемъ теперь находится. Опять же по обществу предсѣдателемъ былъ, а въ настоящее время въ почетныхъ членахъ — и все-таки всей душой приверженъ къ крестьянству.

— Это точно,—подтвердилъ Сидоръ и спросилъ Ивана:

— Такъ, значитъ, вы, Иванъ Прокофьичъ, изъ этихъ самыхъ предсѣдателевъ ушли?

Онъ отлично зналъ, что Ивана не выбрали, и только притворялся, что ничего еще объ этомъ не зналъ.

— Неблагодарная наша фабричная вольница! — заговорила Анисья Авакумова, и ея худое лицо съ кроткими глазами сейчасъ же оживилось.

— Кто старое помянетъ...—началъ-было Иванъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ ужъ, Иванъ Прокофьичъ, позвольте мнѣ здѣсь вотъ, при всѣхъ вашихъ сподвижникахъ, сказать: не слѣдовало вамъ такъ душу свою передъ ними выливать. Вамъ бы объявить сперва-наперва, что вы ихъ знать не хотите и кандидатомъ себя не ставите!

Щеки Анисьи порозовѣли.

Пелагея слушала ее, не поднимая головы. Она сняла шолковый платокъ и сидѣла, причесанная по-городски, съ красивой кучкой волосъ на маковкѣ.

— Однакоже, — возразила съ своего мѣста Дуня, — Иванъ Прокофьичъ почетный членъ. И всѣ, какъ одинъ человѣкъ, встали, когда учительница за него слово сказала.

— Все-таки не слѣдовало!

— Постой, Аня,—остановила Паша Анисью, и тогда только подняла голову и стала глядѣть черезъ столъ на Ивана.—Иванъ Прокофьичъ поступилъ какъ надо. И правда на его сторонѣ осталась. Обществу онъ хотѣлъ послужить и безъ утайки это сказалъ, шелъ самъ на обиду. Такъ и слѣдовало! И теперь, небось, вотъ мѣсяца не прошло, а опять загуторили: вотъ предсѣдатель былъ Иванъ Прокофьичъ!

— Вѣрно, вѣрно!—воскликнула Дуняша, подошла къ Пелагеѣ сбоку и наклонилась къ ней. — Позвольте, я васъ за это поцѣлую, Пашенька!

Пелагея поднялась и дала себя поцѣловать три раза.

Пытливые глаза Катерины остановились на лицѣ будущей снохи. Потомъ она переглянулась и съ сыномъ, и ея глаза говорили:

„Вонъ она у тебя какая, Иванушка! На рѣдкость умница“!

— Вы не будете на меня обижаться, Иванъ Прокофьичъ!— отозвалась Авакумова.—Я это изъ моего расположенія. Мы съ Пашей много спорили въ то воскресенье, какъ выборы были. Чуть не поссорились.

Она засмѣялась и ласково поглядѣла на свою подругу.

Пелагея первая стала прощаться. Хозяева удерживали ее. Сидоръ вызывался даже отправить „барышню“ въ телѣжкѣ и приказалъ-было Ермилу сбѣгать за околицу привести чалаго.

Но ткачихи поблагодарили.. Онѣ вернутся какъ пришли— пѣшкомъ.

— Нѣшто ты сильно устала? — спросила Анисья у Маши.

— Нѣтъ, тетенька, я ничего.

— Оно и есть ничего,—подтвердилъ Иванъ.—До Архіерей-

Digitized by Google

ской Слободки не будетъ больше пяти верстъ; а тамъ и двухъ нѣтъ. Засвѣтло еще угодимъ.

Началось общее цѣлованіе. Сидоръ и Агаѳья проводили гостей до околицы. Дуняша и Власъ также. Дуня осталась до вечера, чтобы „холодкомъ“ угодить на фабрику.

Катерина прошлась съ сыномъ и за околицу, до спуска „подъ изволокъ“.

Подруги шли впереди, вмѣстѣ съ Машей и братомъ Пелагеи.

— Утѣшилъ ты меня, Иванушка,—тихо говорила старуха, опираясь на свою клюку.—Много утѣшилъ.

— Чѣмъ, мамынька?

— Извѣстно чѣмъ, сношенькой нареченной. Больно она мнѣ люба. Ужъ такъ-то она складно говоритъ. И ничего-то она зря не скажетъ. И тебя, Ваня, много уважаетъ. Я даже диву далась, какъ она той бабёнкѣ-то отвѣчать стала. Впору умнѣйшему грамотѣю.

Старуха перевела духъ.

— Есть другія, вотъ какъ твоя же Паша, потихони... и складно говорятъ, а на душѣ — одно ехидство. Эта не такая, нѣтъ,—протянула она:—ни въ жисть. Ничего нѣтъ мудренаго, что она и въ сиротствѣ себя строго соблюдала на фабрикѣ.

Иванъ тихо улыбался подъ слова матери. Отъ такой проницательной женщины, какъ она, небось, ничего не укроется.

— И со всѣми обхожденіе имѣетъ какъ слѣдуетъ,—продолжала Катерина.—Сразу все видитъ, какой кто человѣкъ. Только, Ванюша,—она пододвинулась къ нему и взяла за руку:—какъ будто, сдается мнѣ, она насчетъ нашей Дуняши сумлѣніе имѣетъ.

— Сумлѣніе?—переспросилъ Иванъ.

— Есть что-то... я тебѣ говорю. Можетъ, тамъ, у васъ что наплели...

Иванъ догадался.

— Мамынька, нѣшто и вы думаете, что у меня съ Авдотьей что-нибудь было?—выговорилъ онъ вполголоса.

Оба они остановились.

— Никогда у меня этого и въ помышленіи не было. А только ты попытай маленько... разговори ее. Она тебѣ повѣритъ.

Пелагея обернулась въ эту минуту. Она подошла къ нимъ вмѣстѣ съ Анисьей. И оба подростка тоже.

Катерина еще разъ расцѣловалась съ „нареченной сношенькой“ и перекрестила ее и сына, потомъ приласкала Машу, и

Digitized by Google

съ общимъ поклономъ повернулась назадъ. Всѣ они долго смотрѣли ей вслѣдъ.

Анисья пошла съ Машей и братомъ Пелагеи впередъ.

Иванъ и Пелагея шли сначала молча.

— Пашенька,—началъ онъ, когда они совсѣмъ спустились въ лощину.—Старушка моя больно васъ расхваливала. А у ней глазъ вѣрный—зря не будетъ одобрять. Однимъ она меня маленько смутила.

— Чѣмъ же это, Иванъ Прокофьичъ?

Они были все еще на „вы".

— Вы всегда вѣдь правду говорите?

Паша подняла рѣсницы и вбокъ поглядѣла на него.

— Спрашивайте... Передъ вами я какъ на духу.

— Дуняшѣ вы какъ будто не довѣряете? А она васъ уважаетъ и всячески готова по родственному.

По бѣлому лбу Паши прошлась тѣнь и на переносицѣ залегла тонкая морщинка.

— Должно быть, наше казарменное судаченье?—сказалъ потише Иванъ и выразительно взглянулъ ей въ лицо. Такъ я вамъ, какъ передъ Христомъ Спасителемъ говорю: никогда между нами не было не то что грѣха, а даже самаго маленькаго баловства. Вы знаете, Иванъ Спиридоновъ былъ когда-то пьяницей, но лгуномъ ни въ жизнь не бывалъ.

— Мнѣ вашихъ словъ, Иванъ Прокофьичъ, слишкомъ достаточно.

— И не смущайте себя. Будьте съ нею по родственному. Она—бабёнка стоющая. И даромъ что солдаткой жила—соблюдала себя вполнѣ.

Онъ взялъ ее за руку, и они пошли поскорѣе.

— Все это казарма дѣлаетъ!—выговорилъ онъ горячо.—Ненависть, вранье, пересуды, бабья свара! То ли дѣло деревня, Пашенька! Будемъ постарше, дѣтки пойдутъ, осядемъ здѣсь на коренное житье, а работать станемъ только по зимамъ. Вы согласны?

— Согласна, Иванъ Прокофьичъ.

Онъ взялъ ее за талью и поцѣловалъ въ щеку.

XX.

Звонъ набата лился густою волною со стороны города. Удары колокола немного ослабѣвали. На изъѣзженной шоссейной дорогѣ сильный вѣтеръ крутилъ облака пыли. Стоялъ знойный день—въ началѣ второго.

Digitized by Google

По небу, за главнымъ въѣздомъ въ мануфактуру, лѣвѣе за рѣку, гдѣ былъ поселокъ подгородныхъ крестьянъ, расходился дымъ, окрашенный по краямъ въ красновато-пепельный цвѣтъ.

Горѣло въ поселкѣ мужиковъ „богатѣевъ“, тѣхъ самыхъ, которые лѣтъ сорокъ назадъ продали землю хозяевамъ мануфактуры и взяли съ нихъ неслыханныя по тому времени деньги. Послѣ того, уже въ самые послѣдніе годы, имъ посчастливилось продать еще кусокъ земли сосѣднему заводу бельгійской компаніи. И на этотъ разъ они хапнули еще болѣе непомѣрный кушъ.

Богатѣямъ капиталовъ, однако, не выдало на руки ихъ начальство, и они хранились неприкосновенными. Они промышляли городскимъ извозомъ, огородничествомъ, содержали въ слободѣ „Лихоборкѣ“ шинки и лавочки. Нѣкоторые служили на мануфактурѣ мелкими конторщиками и нарядчиками.

У нихъ и загорѣлось сегодня, часовъ въ десять утра.

Они такіе скареды, что не собрались до сихъ поръ завести порядочной пожарной трубы.

Въ городѣ, какъ разъ въ то же утро, случился пожаръ—и оттуда не было оказано помощи слободѣ „богатѣевъ“. Но фабрика, не дожидаясь ихъ посланцевъ, сейчасъ же снарядила паровую трубу, нѣсколько бочекъ и дроги съ баграми и лѣстницами.

На пожары—какъ главный распорядитель—ѣздилъ всегда Павелъ Павлычъ—„добрый баринъ“. Любилъ пожары и старый приказчикъ, съ которымъ Иванъ Сниридоновъ разговаривалъ на гуляньѣ, въ рощѣ.

Дымъ сталъ рѣдѣть часу въ третьемъ. Набатъ тоже стихъ. На конномъ дворѣ—тамъ, въ сторонѣ складовъ хлопка—ждали возвращенія „трубной“. Изъ конюховъ и чернорабочихъ половина уѣхала на пожаръ.

По широкому проѣзду, гдѣ слѣва шли конюшни и сараи, а справа мастерскія телѣжниковъ, колесниковъ, шорниковъ и столяровъ, похаживалъ грязный бородатый козелъ.

Два маленькихъ татарченка, въ длинныхъ ситцевыхъ балахонахъ, играли въ чурки. На конномъ дворѣ жили двѣ семьи татаръ, вывезенныя еще покойными хозяевами съ макарьевской ярмарки. Народъ они трезвый и работящій, но задорный, и между ними и русскими рабочими частенько бываетъ ругань и драка. Дѣло доходило и до ножей, когда татарку кто-то настигъ, какъ она выливала свои помои въ общій ушатъ. Ее ободрали до нага, а мужъ ея и братъ кинулись на обидчиковъ.

Digitized by Google

Изъ-за ближайшей казармы раздался грохотъ. Пожарный обозъ возвращался.

Трое конюховъ, два кучера, четверо рабочихъ изъ телѣжныхъ мастерскихъ выбѣжали на дворъ. Изъ дальней конюшни, гдѣ стояли выѣздныя лошади молодого хозяина, донеслось ржаніе рысака.

Съ гулкимъ трескомъ бубенцовъ въѣхала простая труба съ платформой, а за ней паровая. На первой, держа мѣдный наконечникъ книзу, съ разстегнутой грудью, весь закоптѣлый, съ фуражкой на затылкѣ, правилъ Павелъ Павлычъ, рядомъ съ старымъ приказчикомъ.

Онъ молодцовато подкатилъ къ сараю, гдѣ содержалось пожарное „депо“, и первый соскочилъ на мостовую.

— Фу ты! Копоти-то сколько засѣло!

Онъ сталъ протирать глаза и отряхиваться.

— Братцы! Дайте умыться!—крикнулъ онъ. Вотъ изъ колодца ведерко.

Одинъ изъ кучеровъ побѣжалъ за ведромъ.

— Поработали же вы, батюшка Павелъ Павлычъ,—сказалъ старый приказчикъ, тоже отряхаясь.

— А вѣдь этихъ скотовъ совсѣмъ и не стоило спасать.

— Пожалуй, что и такъ!

— Развѣ только изъ-за того, чтобы до насъ не допустить—могло перекинуть.

— И весьма.

— Этакіе христопродавцы!—возбужденно говорилъ Павелъ Павлычъ, умываясь изъ ведра, около колодца.—Денегъ куры не клюютъ, а хоть бы лѣстницу порядочную припасли. Ни багровъ, ни бочекъ!

— А небось,—продолжалъ ему въ тонъ приказчикъ: — чуть что... и кляузничать. И другихъ мужиковъ подбивать. Мы-ста здѣсь искони стояли. А фабрика насъ выжить хочетъ! И окромя пакости отъ нея ничѣмъ не попользуемся... Небось, у козлихинскихъ мужиковъ въ прошломъ году безъ нашей пожарной команды всю деревню бы выдрало!

— Да и тутъ не отстояли бы они второго порядка! Ну, да шутъ съ ними! Мы свое дѣло сдѣлали. И совѣсть наша спокойна. Спасибо, братцы! — крикнулъ Павелъ Павлычъ своей командѣ, распрягавшей лошадей.

Набралось въ какихъ-нибудь пять минутъ не мало народа: и фабричныхъ, и чернорабочихъ, маленькихъ ребятишекъ, которые не ходятъ въ школу, и нянекъ: вышли и двѣ татарки въ

Digitized by Google

долгополыхъ ситцевыхъ рубахахъ. Показался и картузъ хожалаго Благомѣрнаго. Онъ на пожаръ не попалъ, былъ задержанъ по дѣламъ службы на фабрикѣ.

— Почтеннѣйшій!—окрикнулъ его Павелъ Павлычъ.—Много потеряли, что не угодили съ нами. Какъ наша машина наяривала! Любо-дорого смотрѣть было!

Хожалый подошелъ поближе.

— Что, господинъ Благомѣрный, доложить изволите?

— Да у насъ все благополучно, Павелъ Павлычъ! Васъ съ чѣмъ поздравить?

— Не меня, а нашъ пожарный обозъ слѣдуетъ поздравлять. Не сдобровать бы всей ихъ слободѣ!

— Денегъ у нихъ много, обобрали всѣхъ господъ фабрикантовъ. Не грѣхъ имъ и каменные дома вывести, въ два этажа.

— Ну, мужъ совѣта,—обратился Павелъ Павлычъ къ приказчику. Не хотите ли на нашу послѣднюю покупочку взглянуть?

— Троечку?—спросилъ тотъ, и его еще быстрые глаза блеснули, какъ у любителя лошадей.

— Ее самую.

— Да она какой же породы?

— Изъ Уссурійскаго края.

— То-то, рубашка-то у нихъ чудная.

— А вы уже видѣли?

— Вблизи-то не довелось. А изъ окна мелькомъ. Проѣздку имъ дѣлали.

— Похожи на зебровъ.

— Какъ вы?—не понялъ сразу приказчикъ.

— Такіе звѣри есть въ жаркихъ странахъ... лошади въ полосахъ. Въ звѣринцахъ показываютъ.

— Именно, именно.

— А вамъ, господинъ хожалый, не любопытно будетъ на нихъ взглянуть? Вы вѣдь въ кавалеріи службу проходили?

— Въ кавалеріи,—степенно осклабившись, отвѣтилъ Благомѣрный.

— Викторъ!—позвалъ Павелъ Павлычъ молодого конюха.—Покажи-ка намъ чубарыхъ.

Въ чистомъ отдѣленіи конюшни на двадцать слишкомъ лошадей стоялъ полусвѣтъ. Проходъ между двумя рядами стойлъ былъ просторный. Расхожихъ лошадей, для развоза служащихъ, держали въ открытыхъ помѣщеніяхъ. Хозяйскихъ рысаковъ, пару каретныхъ и двѣ тройки—въ особыхъ закрытыхъ стойлахъ.

Павелъ Павлычъ заглянулъ къ двумъ жеребцамъ—сѣрому

Digitized by Google

въ яблокахъ и вороному, окрикнулъ ихъ по охотницки и погладилъ одного по мордѣ, другого по крупу.

Онъ страстный любитель лошадей и не мало воевалъ съ конюхами и кучерами насчетъ чистоты, корма, ковки, проваживанія, ухода во время разныхъ конскихъ недомоганій. На всемъ дворѣ значилось до ста двадцати лошадей. И ежедневный нарядъ требовалъ надзора и смекалки. Однихъ пролетокъ всякихъ „достоинствъ“ расходовалось въ сутки до двадцати—служащими—отъ директоровъ до разныхъ конторщиковъ, кромѣ десятковъ подводъ всякаго рода.

— Ну вотъ, извольте полюбоваться.

Они вошли въ угловую закуту, гдѣ тройка уссурійскихъ лошадей стояла вмѣстѣ у одной кормовой рѣшетки.

Лошади были малорослы, крѣпыши, на короткихъ ногахъ, съ огромными гривами и большими головами. Рубашки ихъ пестрѣли черными и темно-бурыми отмѣтинами, и продолговатыми, и круглыми, и въ видѣ звѣздъ.

— И въ самомъ дѣлѣ... какъ вы называли, Павелъ Павлычъ, зубры, что-ли?—заговорилъ приказчикъ, осторожно подходя къ коренному.—А не кусаются они?

— Этимъ не балуютъ,—отвѣтилъ конюхъ.—А коли что не по ихъ сдѣлаешь, норовятъ задомъ. По прочему добрая животина. И овса травитъ не больно много.

Павелъ Павлычъ потрепалъ коренного по холкѣ. Всѣ трое любовались тройкой.

— А какъ побѣжка?—спросилъ хожалый.

— Здорово забираетъ коренной. Съ иноходью. И тѣ двѣ лихо скачутъ. И на возжахъ не любятъ, чтобы ихъ держать.

— Одно слово—вольница! пошутилъ приказчикъ.

Когда они вышли изъ конюшни, хожалый подождалъ у одной изъ мастерскихъ вмѣстѣ съ приказчикомъ, пока Павелъ Павлычъ что-то приказывалъ старшему кучеру, тучному мужичинищу, въ плисовой поддевкѣ, съ туловищемъ въ два обхвата.

— А я съ вами хотѣлъ перемолвить слово,—вполголоса заговорилъ хожалый.—Докладывать мнѣ Павлу Павлычу или погодить маленько, такъ какъ онъ у насъ по судейской части?

— Кража, что-ли?—съ тихой усмѣшкой бывалаго человѣка спросилъ приказчикъ.

— Обстоятельство особеннаго свойства,—выговорилъ Благомѣрный и сжалъ губы.

— Въ какомъ же примѣрно родѣ?

— Никакъ третьяго дня, что-ли... принятъ былъ Степаномъ

Digitized by Google

Васильичемъ парень пришлый... питерскій... не то ставельщикъ, не то ткачъ.

— Ну, и что-жъ?

— Онъ меня приводитъ въ недоумѣніе.

Хожалый отвелъ приказчика къ сторонкѣ и продолжалъ еще тише:

— Видъ у него подозрительный. Одѣтъ, положимъ, мастеровымъ. Нынче я его даже въ опоркахъ на босу ногу видѣлъ... А лицо не такое... Навѣрняка... птица залетная. Изъ этакихъ, знаете...

— Статься можетъ!

— И сейчасъ же онъ тутъ пріятелей нашелъ. Первымъ дѣломъ два раза навѣщалъ Меньшова въ больницѣ. Стало, ему указано было на него, или они тамъ прежде въ Москвѣ, а то такъ въ Орѣховѣ-Зуевѣ вмѣстѣ были.

— Да Меньшовъ, слышно, тяжко боленъ... врядъ ли встанетъ, сказывалъ мнѣ фельдшеръ.

— Хоть бы и такъ! Инструкціи то отъ него все-таки получитъ. Тотъ, небось, здѣсь всѣ порядки знаетъ, и какихъ фабричныхъ въ виду имѣть, и книжечку сунуть, и листокъ подметный.

— Нѣшто стали обходить кого?—тревожнѣе спросилъ приказчикъ.

— Съ Бобровымъ я ихъ видѣлъ вчера, подъ вечеръ, въ трактирѣ „Казбекъ", чай пили. И тотъ, пріѣзжій, ему что-то горячо говорилъ и на жёстахъ, на жёстахъ все показывалъ. Я долго не упускалъ ихъ изъ виду. И воля ваша,—такъ простой фабричный не станетъ разговаривать.

— По паспорту кто онъ?

— Крестьянинъ новгородской губерніи... я запамятовалъ, какого уѣзда. Да пачпортъ—плёвое дѣло.

Павелъ Павлычъ подошелъ къ нимъ.

— Пойдемте къ намъ, чайку напиться,—пригласилъ онъ приказчика.

— Благодарю покорно. Вотъ господинъ хожалый желаетъ довести кое-что до вашего свѣдѣнія, прежде чѣмъ входить формально съ рапортомъ.

Они пошли втроемъ по направленію къ хозяйскому дому. Приказчикъ передалъ Павлу Павлычу сомнѣнія Благомѣрнаго насчетъ вновь принятаго рабочаго.

— Коли онъ ни въ чемъ не попался, надо оставить его въ покоѣ!—рѣшительно сказалъ Павелъ Павлычъ.

— Однако, осмѣлюсь доложить,—возразилъ Благомѣрный,—

Digitized by Google

такой незнакомецъ можетъ много глупаго народа запутать. Самъ улетучится, а тутъ пойдетъ смута. И безъ того, Павелъ Павлычъ, между ткачами есть, можно сказать, признаки волненія.

— Что-то какъ будто затѣвается,—подтвердилъ приказчикъ, покачавъ головой.

— Что будетъ, то будетъ!—весело вскричалъ Павелъ Павлычъ.—Никто этого предугадать не съумѣетъ. Они и сами не знаютъ никогда впередъ—дойдетъ ли дѣло до дѣйствія скопомъ. Надо, господа, надѣяться на все лучшее, а къ худому быть наготовѣ. А ежели вы, почтеннѣйшій, дѣйствительно, что наслѣдили—обращайтесь къ управляющему. Я этимъ департаментомъ не занимаюсь.

Онъ потрепалъ хожалаго по плечу и у крыльца отпустилъ его.

XXI.

Сумерки густѣли. На фасъ больницы упали первые лучи электрическаго свѣта—издали отъ прядильно-ткацкаго корпуса.

Въ палатахъ еще не спали. Кто былъ на ногахъ—въ мужскомъ отдѣленіи—бродили между кроватями или по площадкѣ верхняго этажа.

Въ комнатѣ, гдѣ лежалъ Меньшовъ, отъ спущенныхъ сторъ было почти совсѣмъ темно. Онъ лежалъ съ открытыми глазами. Вчера ему дѣлали проколы въ ногахъ и выпускали изъ нихъ воду. Немного полегчало въ ногахъ, а съ утра опять стало душить въ груди. Давали дышать кислородъ сегодня передъ обѣдомъ. Къ вечеру онъ поспалъ и проснулся съ влажной головой.

Зачѣмъ только производятъ надъ нимъ безполезные опыты? Никакіе проколы, никакой кислородъ не спасутъ его. Онъ знаетъ, что не нынче-завтра вернутся нестерпимыя боли. И такъ будетъ идти все хуже и хуже.

Надо этому положить предѣлъ.

Вонъ тамъ, въ его чемоданчикѣ, что стоитъ въ углу, находится та вещь, которою онъ, когда пожелаетъ, можетъ покончить съ собою.

Ему оказалъ услугу тотъ, кто побывалъ у него въ гостяхъ, и привезъ два письма, изъ Москвы и Орѣхова-Зуева. У того эта самая „вещица“ оказалась при себѣ и онъ „презентовалъ“ ее, не разспрашивая, на что она нужна Меньшову.

— Антонъ Егорычъ! — окликнула его изъ полуотворенной двери сидѣлка.

Digitized by Google

— Чего тебѣ?

— Желаетъ васъ видѣть фабричный, что̀ вчера сидѣлъ.

— Пусти.

— А свѣчку нужно?

— И такъ останемся. Не надо!

Сидѣлка впустила гостя.

Въ густыхъ сумеркахъ черты его лица стушевывались. Росту средняго, очень худой, съ длинными, безпорядочными волосами и такой же бородой, въ рубашкѣ-косовороткѣ, пиджакѣ въ накидку.

— Здравствуйте, дружище, присядьте... Мнѣ сегодня полегче, а вообще дѣло дрянь.

Гость присѣлъ на пустую кровать.

— До сихъ поръ васъ не сцапали?—спросилъ Меньшовъ, повернувъ къ нему голову.

— Какъ видите, еще нѣтъ.

Голосъ у него былъ мягкій и говоръ совсѣмъ не фабричный. Подозрѣнія хожалаго могли оказаться вѣрными.

— Только я вамъ все-таки совѣтую поскорѣе удалиться по добру, по здорову.

— Вы слишкомъ скептикъ, Меньшовъ. Капля камень точитъ. По-моему, здѣсь почва вполнѣ подготовлена.

— Кто вамъ это сказалъ?

— Есть два-три парня, на которыхъ можно дѣйствовать.

— Кто же это? Ужъ не Иванъ ли Спиридоновъ?

— Нѣтъ... Этотъ—буржуй. Я къ нему и не обращался. Вотъ Бобровъ—другого совсѣмъ закала человѣкъ! Положимъ, онъ честолюбивъ и желаетъ выставить себя на первомъ планѣ. Но это все едино. Только бы его слушали. А онъ теперь у ткачей самой первой головой считается.

— И вѣрьте моему слову, если даже изъ-за этихъ пресловутыхъ двухъ копѣекъ они прекратятъ работу, выйдетъ такая же умилительная картина, какъ и четыре года назадъ.

— Никто не можетъ этого предсказать навѣрняка, Меньшовъ,—выговорилъ съ особеннымъ выраженіемъ гость и тряхнулъ своими длинными волосами.

— Вы, господа, больно ужъ въ вѣрѣ своей тверды. Не будь я живой мертвецъ—мы бы поспорили. А было бы занятно посмотрѣть, отправляясь на тотъ свѣтъ, какъ вы съ носомъ останетесь. Ха, ха! Отсюда мнѣ изъ окна все видно было бы!

Голосъ его сразу упалъ. Онъ заметался головой по подушкѣ.

Digitized by Google

— Вамъ сильно неможется. Извините. Я забѣжалъ... если вы прочли ту брошюру—нельзя ли получить обратно?

Гость подошелъ къ койкѣ Меньшова и наклонился къ нему.

— Возьмите... возьмите... Не могу я совсѣмъ читать. Въ глазахъ рябитъ.

Меньшовъ пошарилъ подъ подушкой, досталъ тоненькую книжку и отдалъ гостю.

— Спасибо вамъ большое,—съ усиліемъ выговорилъ больной.

— За что?

— А вотъ за то, что дали на подержаніе нѣкоторый инструментикъ... Только ежели я пущу его въ дѣло—вамъ обратно его не выдадутъ.

— Вы... серьезно? — обронилъ смущеннымъ звукомъ гость.

— А то какъ же?.. Ха, ха! Вамъ же, господа, лучше.

— Кому?

— Такимъ, какъ вы и ваши друзья. Для васъ Антонъ Меньшовъ—сугубо вредный человѣкъ... Хуже всякаго гасильника... Какъ бишь это нынче называется у газетчиковъ на французскомъ жаргонѣ... Ну, память совсѣмъ швахъ... Послушайтесь меня... Отправляйтесь на чугунку. Прощайте!

Голосъ его оборвался. Гость беззвучно исчезъ въ дверь.

Давно било десять часовъ. Въ квартирѣ Вознесенской виднѣлся еще свѣтъ.

За самоваромъ засидѣлись у нея гости—Иванъ съ его невѣстой Пелагеей Масловой.

Онъ привелъ Пашу по просьбѣ самой Надежды Николаевны. Сначала Паша все отмалчивалась, но понемногу стала втягиваться въ разговоръ.

Она много поразсказала про свое дѣтство, съ тѣхъ поръ, какъ вышла изъ школы—училась она не у Вознесенской, а въ другомъ классѣ—и осталась сиротой, на полной своей волѣ. Иванъ съ особымъ интересомъ слушалъ свою невѣсту.

Такъ просидѣли они до половины одиннадцатаго. На прощанье Иванъ сказалъ своей воспитательницѣ, указывая рукой на Пелагею:

— Вотъ, Надежда Николавна, моя будущая женушка весьма одобряетъ мое желаніе, когда, годика черезъ два, что-ли, мы совсѣмъ справимъ свою избушку въ Ляховѣ, обзаведемся скотомъ и наладимъ полевое хозяйство — имѣть тамъ болѣе прочную осѣдлость.

Digitized by Google

— То-есть, какъ же это? Покончить съ фабрикой?

— Нѣтъ... Зачѣмъ? Фабрика, по моему разумѣнію, деревнѣ не вредитъ. Даже напротивъ. Вотъ вамъ на лицо—хоть бы насъ взять съ Пелагеей. И ее, и меня фабрика сдѣлала людьми. Безъ нея я бы подъ вашимъ попеченіемъ не бывалъ. И цѣна была бы намъ другая. Отъ деревенскаго дѣла я никогда не отвращался, и Паша, даромъ что безвыѣздно работала здѣсь, деревню одобряетъ. Такъ вотъ и надумали мы, годика черезъ два, работать здѣсь съ Михайлова дня до Страстной недѣли. А остальное время—крестьянствовать!

— И вамъ не будетъ скучно?—спросила Пашу Вознесенская.

— Въ деревнѣ вольготнѣе, сударыня. Опять же хозяйство будетъ на рукахъ.

— А можетъ, и дѣтки,—добавилъ Иванъ.

Пелагея потупилась.

— Что-жъ! Это прекрасно! Вы даже мою мысль предвосхитили, Иванъ Прокофьичъ,—воскликнула Вознесенская.—Но тогда вы не можете уже исправлять вашу теперешнюю должность смотрителя.

— Само собою, Надежда Николавна. И никакого я объ этомъ сокрушенія имѣть не буду. Даже наоборотъ. Мнѣ такія должности смотрителя, аль опять подмастерья—не по нутру. Натуры я своей срывчатой передѣлать не могу; а тутъ одинъ соблазнъ—превысить свою власть. Ну, въ подмастерьяхъ все еще при томъ же коренномъ своемъ дѣлѣ остаешься; а смотритель—вродѣ приказчика. Богъ съ нимъ и съ жалованьемъ! Мы съ Пашей по честному—она ткачихой, я опять ткачомъ—будемъ здѣсь у станковъ своихъ стоять—съ Михайлова дня до Пасхи... Насъ директоръ не обидитъ... Безъ работы не оставитъ.

— Планъ чудесный! — такъ же горячо выговорила Вознесенская.

— И обществу нашему,—добавилъ Иванъ,—я буду служить по мѣрѣ силъ. Чтобы не даромъ значиться почетнымъ членомъ. Вы, Надежда Николавна, меня такъ тогда поддержали. И съ того самаго дня я замѣчаю большой поворотъ. Въ коммиссію по кассѣ меня выбрали. И чуть что—къ Ивану Прокофьичу. Вотъ и на той недѣлѣ попросили идти къ Степану Васильичу съ выборными насчетъ разрѣшенія молебна въ это воскресенье.

— По какому поводу?—спросила Вознесенская, когда Иванъ съ Пелагеей поднялись съ своего мѣста.

— А какъ же... изволили запамятовать?.. Ежегодно объ эту пору служатъ, по случаю избавленія отъ холеры. И на сей

Digitized by Google

разъ владыку просили. Два хора пѣвчихъ—архіерейскіе и монашенки. И шатеръ будетъ для молебна.

— Во сколько же это обойдется?

— Да рубликовъ въ триста.

Вознесенская промолчала.

— Простите, сударыня, — сказала Пелагея съ низкимъ поклономъ:—мы васъ задержали.

Она проводила ихъ на крыльцо.

Свѣтъ высоко поднявшагося мѣсяца сливался съ лучами электрическихъ шаровъ, не проникавшими сквозь густую стѣну деревьевъ въ садикѣ, противъ главнаго корпуса.

— Засидѣлись мы, Паша,—сказалъ Иванъ, качая головой.—Поди, никакъ ужъ двѣнадцатый часъ?

— Нынче небось суббота...—успокоила его Пелагея.

— Прикажете проводить васъ?—шутливо спросилъ онъ.

Они все еще были на „вы"—за какихъ-нибудь двѣ недѣли до свадьбы.

— Я одна дойду... намъ вѣдь въ разныя стороны.

Иванъ простился съ ней на перекресткѣ и завернулъ въ проходъ между двумя новыми каменными казармами.

Все уже спало въ оградѣ фабрики. Гулъ машинъ смолкъ еще въ седьмомъ часу вечера.

Только-что Иванъ обогнулъ одну изъ казармъ и вышелъ на небольшую площадку, обставленную тремя старыми деревянными казармами, какъ съ крыльца одной изъ нихъ сбѣжали трое солдатъ въ шинеляхъ. А вслѣдъ за ними еще двое, въ такихъ же солдатскихъ шинеляхъ и фуражкахъ съ козырьками.

Онъ тотчасъ же догадался, что̀ это за команда, и всталъ за угломъ, въ густой тѣни высокаго зданія.

За солдатами показались полицейскій офицеръ и еще военный въ пальто въ накидку. За ними еще двое солдатъ, и между ними какой-то худощавый малый, одѣтый фабричнымъ—ему по фигурѣ неизвѣстный.

За нимъ нѣсколько сторожей и трое хожалыхъ, въ томъ числѣ и Благомѣрный. Онъ узналъ его по бѣлой фуражкѣ.

Подальше, въ углу площадки, стояли трое дрожекъ. Въ первыя сѣли офицеры, во вторыя посадили фабричнаго рядомъ съ солдатомъ; другой солдатъ сѣлъ на козлы; въ третьи еще двое солдатъ.

Остальные пошли пѣшкомъ, вмѣстѣ съ четырьмя сторожами и хожалыми.

„Вотъ оно что̀"!—воскликнулъ про себя Иванъ.

Digitized by Google

У него даже захватило духъ.

Второй мыслью было:

— „Не Бобровъ ли“?

Онъ подавилъ въ себѣ что-то похожее на злорадное чувство.

Никому онъ зла не желалъ—самому лютому врагу; а Бобровъ ему—ничему не помѣха.

„Кого же это“? — спросилъ онъ, и что-то ему подсказало, что схваченный въ казармѣ фабричный—не здѣшній, а пришлый.

И онъ горячо пожелалъ, чтобы никто изъ его товарищей по фабрикѣ не былъ „потревоженъ“.

Завтра и эта тайная облава узнается.

Въ близость стачки онъ не вѣрилъ.

XXII.

Весь передній дворъ мануфактуры былъ залитъ народомъ. Между садикомъ и зданіемъ конторы высился росписной шатеръ, видомъ похожій на часовню — на четырехъ тонкихъ столбахъ.

Подъ нимъ помѣстили столъ для молебна съ водосвятіемъ. Подальше устроили мѣста для иконъ и хоругвей, принесенныхъ изъ сосѣдняго монастыря и двухъ слободскихъ церквей.

Служба шла уже больше получаса. Народъ сзади все напиралъ. Ближе къ шатру стояли директоръ, управляющій, два техника, много конторщиковъ, нѣсколько женъ служащихъ и двѣ-три учительницы. Иконы и хоругви принесли сами фабричные. Они пригласили владыку, архимандрита, нѣсколько протоіереевъ и священниковъ.

Пѣли два хора. Слѣва, плотно къ стѣнѣ народа, точно опираясь на нее, стянулся хоръ монахинь, подъ управленіемъ рясофорной регентши въ остроконечномъ клобукѣ, въ мантіи, въ очкахъ. На бѣлицахъ, стоявшихъ впереди, надѣты были особаго рода головные уборы, въ родѣ кичекъ, бархатные, своеобразнаго рисунка.

Монастырскій хоръ чередовался съ архіерейскимъ. Для того, справа отъ шатра, отгородили перилами площадку и покрыли ее досками.

Пѣвчіе были въ синихъ кунтушахъ съ серебромъ, не первой свѣжести. Въ басахъ—нѣсколько человѣкъ съ усами и въ бородахъ. Регентъ—худой брюнетъ, съ плохо бритымъ подбородкомъ, похожій на отставного унтера, строго озиралъ мальчиковъ, альтовъ и дискантовъ, съ бѣлокурыми вихрами и нечистыми лицами.

Digitized by Google

Окруженный ризами и стихарями священниковъ и дьяконовъ, стоялъ, спиной къ толпѣ, передъ столомъ владыко. Его сакосъ, изъ плотной, точно кованной парчи, блестѣлъ въ лучахъ жаркаго солнца, проходившихъ насквозь подъ крышу шатра, со всѣхъ концовъ. Митра блестѣла камнями и серебромъ.

Когда полагалось ему снимать митру, ее бралъ протодьяконъ—рослый и плечистый, съ длинными, волнистыми прядями по плечамъ. Сзади, по бокамъ, стояли два иподьякона, перепоясанные орарями. Справа, у порога шатра, около владыки, чуть замѣтенъ былъ мальчикъ, въ парчевомъ подрясникѣ, державшій посохъ. И немного подальше его—служка, франтовато одѣтый, въ воротничкахъ, съ мантіей и клобукомъ наготовѣ, когда владыка разоблачится.

Всѣ знали на фабрикѣ, что новый владыка любитъ „истовую“ службу, и навѣрное будетъ не одинъ, а два, а можетъ и три акаѳиста: Богородицѣ, Николаю Чудотворцу и мѣстному угоднику.

Такое торжественное служеніе радовало фабричныхъ. Они гордились тѣмъ, что каждый годъ у нихъ служитъ владыка, и что молебенъ обходится имъ въ нѣсколько сотъ рублей.

Около иконъ, черезъ дорожку отъ шатра, помѣстилась группа служащихъ. Старый приказчикъ усердно крестился, и когда переставалъ молиться, то заботливо оглядывалъ народъ, какъ бы сзади и съ боковъ онъ не разорвалъ веревокъ, и дѣлалъ знаки сторожамъ, разставленнымъ кругомъ всей площадки.

Хожалый Благомѣрный стоялъ около архіерейскаго хора, въ новомъ сюртукѣ, и осаживалъ народъ. Къ нему протискался Иванъ, ведя за собою Пелагею, Анисью и Машу.

— Куманекъ! — шопотомъ окликнулъ онъ его подъ гулъ службы.—Кого это вчера забрали?

— А вы какъ знаете?

— Самъ видѣлъ.

Хожалый наморщилъ брови.

— Болтать зря нечего.

— Однако, я въ немъ нашего не призналъ.

— Залетная птица.

— А нашихъ никого не потревожили?

— Никого.

Иванъ помолчалъ и еще тише шепнулъ:

— Боброва не безпокоили?

— Да его ни вчера не было на фабрикѣ, ни сегодня нѣтъ.

Digitized by Google

Парень тоже теплый. А намъ извѣстно, что тотъ былъ съ нимъ въ трактирѣ и два раза ходилъ въ гости къ Меньшову.

— Ну, ужъ Антона-то Егорыча нечего тревожить. Онъ, прямо сказать, на ладанъ дышетъ.

Хожалый повелъ своимъ крутымъ ртомъ:

„Туда, молъ, ему и дорога. Жалѣть нечего"!

Оба замолчали.

Начался акаѳистъ Богородицѣ. Среди напряженной тишины слышалось чтеніе владыки и возгласы.

Чередованіе шло стройно, густое у архіерейскихъ пѣвчихъ и болѣе мягкое, безъ басовъ, у монахинь.

Послѣ владыки читали архимандритъ и священники — по старшинству. Между ними и высокій рыжій батюшка, учитель трезвенниковъ по хоровому пѣнію.

Молебенъ затягивался. Послѣ акаѳиста Богородицѣ владыка началъ славословіе Николаю Чудотворцу.

Фабричнымъ было любо, что такъ много читаютъ и поютъ. Не даромъ они израсходовались на приглашеніе владыки. Они терпѣливо ждали конца, той минуты, когда архіерей будетъ давать цѣловать крестъ и кропить святой водой.

Изъ крайняго окна той больничной комнаты, гдѣ лежалъ Меньшовъ, можно было видѣть цѣлый уголъ молебеннаго торжества—и шатеръ, и мѣсто, гдѣ поставлены были иконы и хоругви.

Нѣкоторые больные отправились на молебенъ. Сидѣлки также убѣжали.

Больной всю ночь промучился, но не хотѣлъ звать ни фельдшера, ни сидѣлки. Съ утра онъ забылся, и его разбудилъ говоръ толпы передъ самой службой.

Раздалось пѣніе. Онъ, еле переступая своими почти парализованными ногами, доплелся до окна, сѣлъ на подоконникъ и долго смотрѣлъ на молебствіе.

Онъ не зналъ, что̀ сталось съ его гостемъ изъ-подъ Москвы. Можетъ, его уже „накрыли". Могутъ и къ нему пожаловать.

Чего же ему теперь бояться? Будь онъ и въ самомъ дѣлѣ замѣшанъ—развѣ у него могутъ быть счеты съ кѣмъ бы то ни было?

Онъ злобно усмѣхнулся, глядя на толпу богомольцевъ. Небось, тутъ, въ этой толпѣ, по крайней мѣрѣ до тысячи ткачей, которые вотъ уже сколько мѣсяцевъ рощутъ на то, что имъ не хотятъ накинуть двухъ копѣекъ на кусокъ. Но пойдутъ ли они

Digitized by Google

на что-нибудь такое, послѣ чего хозяева „очухаются“ и станутъ считать ихъ силой?

— Держи карманъ!—выговорилъ онъ вслухъ.

До него дошло пѣніе архіерейскаго хора. Онъ прислушался и тотчасъ же узналъ, что̀ поютъ.

„Милосердія двери отверзи намъ“,—выводилъ хоръ.

— Милосердія двери!—повторилъ Меньшовъ, и ему стало такъ безпомощно тяжко, какъ не было ни нынче ночью, ни вчера, ни всю эту недѣлю.

Не боль его сокрушала, а неизбѣжность еще болѣе „гнусныхъ“ страданій, безполезность и пустота всего, всего...

Нѣтъ! Не хочетъ онъ жить, ни больнымъ, ни здоровымъ! Все ему до ужаса опостылѣло, и здѣсь, и вездѣ. А пуще всего,—вонъ та „орава“, сбѣжавшаяся на архіерейскую службу, устроенную по ея заказу. Какой идіотъ, какой безумецъ способенъ полагать душу свою за это „полумужичье“, съ его дремучимъ двоевѣріемъ, грязью, грубостью и наслѣдственнымъ холопствомъ?

Онъ спустилъ ноги съ подоконника и почти доползъ до маленькаго сундука, стоявшаго въ углу около его койки.

Дрожащими руками досталъ онъ что-то завернутое въ бумагу, тотчасъ же сунулъ подъ полу халата, дотащился до постели и легъ плашмя, съ низко опущенной головой.

Подъ шатромъ протодьяконъ откашлялся и взялъ въ правую руку орарь.

Народъ ждалъ многолѣтія. Густыя ноты, отъ нижнихъ звуковъ до верхнихъ, съ возрастающей силой полились изъ-подъ шатра.

Послѣ обычныхъ возглашеній дошла очередь и до чествованія фабрики. У всѣхъ сладко защекотало на сердцѣ, когда раздались слова:

— „Мануфактурѣ сей, начальствующимъ и трудящимся—мно̀-га-а-я лѣта“!

„Мно̀-га а-я лѣта“!—разносилось эхомъ по двору.

Тутъ иные замѣтили, что молодого хозяина, живущаго на фабрикѣ, на молебнѣ не было. Онъ уѣхалъ на нѣсколько дней въ Москву.

Послѣ многолѣтія народъ загудѣлъ, напирая со всѣхъ сторонъ къ шатру. Сторожа и хожалые съ трудомъ сдерживали толпу. Перила той площадки, гдѣ стояли архіерейскіе пѣвчіе, затрещали. И мальчишки, и взрослые перелѣзали черезъ веревки и перила.

Digitized by Google

Всѣ устремились разомъ поскорѣе попасть подъ окропленіе святой водою и поцѣловать крестъ изъ рукъ владыки.

— Заходи справа! Заходи справа!—отчаянно кричали хожалые.

Старый приказчикъ подбѣжалъ къ управляющему съ испуганнымъ лицомъ.

— Батюшка, Сергѣй Сергѣичъ! Крикните вы на нихъ хорошенько. Васъ послушаютъ.

Управляющій не волновался. Онъ былъ очень доволенъ тѣмъ, что молебенъ прошелъ такъ красиво и торжественно. Его страсть къ зрѣлищамъ сказалась и тутъ.

И дома все у него было готово для угощенія владыки—два стола съ закуской и съ завтракомъ, размѣромъ въ хорошій обѣдъ.

Кое-какъ осадили толпу; заставили ее забирать справа и двигаться потихоньку, густою волною.

Владыка все еще стоялъ подъ шатромъ, у самаго края помоста, съ крестомъ и кропиломъ.

Гулъ толпы долеталъ до больного, то стихая, то поднимаясь. И снова грянули архіерейскіе пѣвчіе.

Больной закрылъ глаза и пошарилъ рукой подъ халатомъ. Онъ нащупывалъ мѣсто.

Въ головѣ его пронеслись мгновенно цѣлыя вереницы образовъ. Всплылъ, на мигъ, обликъ умирающей старушки — его пріемной матери... умные глаза Ивана Прокофьева, темнорусая головка съ тонкими чертами красиваго лица...

Скорѣе! Скорѣе! Могутъ войти!

Онъ, приложивъ лѣвую руку къ груди, ударилъ ножемъ, сдѣлалъ сильный нарѣзъ справа влѣво и лишился сознанія...

Черезъ три дня фабричные ткацкаго отдѣленія съ утра отказались идти на работу, требуя прибавки *вспмъ* ткачамъ двухъ копѣекъ на каждый кусокъ миткаля. Были приняты мѣры...

П. Боборыкинъ.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ
СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ

КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.

(1854 — 1860 гг.)

III *).

Какъ только мы пріѣхали въ Екатеринославъ, то прямо направились въ контору госпиталей. Тамъ уже былъ нашъ транспортный офицеръ. Сестры изъ Петербурга еще не пріѣхали, но квартира была намъ приготовлена, и коммиссаръ насъ туда проводилъ. Домикъ хорошенькій, нѣсколько комнатъ, столы, стулья, диваны, кровати съ тюфяками,—роскошь, отъ которой мы отвыкли, но должна признаться, что было очень пріятно разложиться и знать, что завтра не надо все это опять пихать по мѣшкамъ и садиться въ тарантасъ. Мнѣ иногда казалось, что мы никого не довеземъ, а нашъ транспортъ представлялся мнѣ въ родѣ той дѣвы-чумы, такъ поэтически описанной Мицкевичемъ, которая идетъ по селеньямъ, машетъ краснымъ покрываломъ и несетъ смерть.

Одно меня очень безпокоило и разстраивало: я надѣялась, что Н. Ив. Пироговъ, осмотрѣвъ здѣшніе госпитали, оставитъ мнѣ инструкцію, которой я могла бы руководиться, но ея не было, а въ конторѣ мнѣ сказали, что госпитали въ 23-хъ домахъ, а

*) См. выше: апрѣль, 511 стр.

Digitized by Google

насъ—двѣ!.. Что тутъ будешь дѣлать? Я рѣшила, что утро вечера мудренѣе, и, услыхавъ звонъ къ вечерни, пошла въ церковь, помолилась и легла спать.

На другое же утро я поѣхала по госпиталямъ, къ главному доктору, а потомъ познакомилась и со всѣмъ начальствомъ. Затѣмъ начались мои нескончаемыя поѣздки изъ госпиталя въ госпиталь...

Наконецъ, я получила письмо отъ своихъ родныхъ сестеръ; было очень тяжело—цѣлый мѣсяцъ не знать о нихъ ничего. Николай Ивановичъ былъ у сестры и поручилъ ей написать во мнѣ, чтобы я обратила особое вниманіе на два госпиталя, которые были въ ужасномъ положеніи; но они теперь уже совсѣмъ не такіе, такъ какъ, благодаря Бога, транспортовъ нѣтъ нѣсколько дней, а отсюда ушло два, и арестантскія казармы къ празднику вычищены, вымыты, выбѣлены, поставлены койки, столики; больные въ казенномъ бѣльѣ, и ихъ всего съ небольшимъ сто, и нѣтъ трудныхъ. Потемкинъ домъ тоже былъ въ лучшемъ положеніи; только почти здоровые и готовые ѣхать дальше спали на полу на тюфякахъ, а другіе имѣли койки.

Какія превосходныя залы въ этомъ зданіи! Вездѣ висятъ большія люстры; все напоминаетъ таврическій дворецъ въ Петербургѣ. Я начала всякое утро объѣзжать по 6-ти, 7-ми госпиталей. Побываю на кухняхъ ихъ; помнится, было три или четыре, а въ прочіе госпитали изъ нихъ разносили. Вернувшись, пообѣдаемъ и опять куда-нибудь поѣдемъ. Надо побывать и въ прачешной, и въ покойницкихъ. Слабыхъ въ тѣхъ госпиталяхъ, что къ намъ поближе, начали поить чаемъ. Это исполняетъ сестра, а я все, comme une âme en peine, ѣзжу и ѣзжу изъ госпиталя въ госпиталь.

Наконецъ, 6-го января, когда я вернулась отъ обѣдни изъ богоугоднаго заведенія, я нашла сестеръ уже пріѣхавшими. Ихъ было 9 сестеръ и 1 испытуемая. Старшею была у нихъ монахиня Аполлинарія. Я очень старалась устроить ихъ какъ можно покойнѣе, удобнѣе, но уже и то было хорошо, что онѣ привыкли жить въ общихъ комнатахъ, что сначала очень трудно. Этотъ отрядъ былъ очень хорошо составленъ; сестры знали и понимали, на что онѣ идутъ; нѣкоторыя изъ нихъ получили очень хорошее воспитаніе; сестра Базина прекрасно играла на фортепіано. Всѣ очень желали поступить скорѣе на дѣло, но я предпочла, чтобы онѣ на другой день, т.-е. 6-го, только разобрались и отдохнули.

Теперь скоро устроилось болѣе правильное служеніе нашимъ больнымъ. Въ ближніе къ намъ четыре госпиталя сестры

Digitized by Google

ходили изъ нашего дома—поить больныхъ чаемъ и присмотрѣть за порядкомъ и обѣдомъ. Другія три стали постоянно ходить въ домъ Остроухова. Домъ въ три этажа; въ немъ 200 человѣкъ, всѣ перевязочные и большая часть ампутированныхъ; пришлось по сестрѣ на каждый этажъ. Двѣ сестры должны были идти еще дальше въ три госпиталя, перевязать, поить чаемъ и посмотрѣть за порядкомъ. Потомъ мы устроили такъ, что въ одномъ изъ этихъ госпиталей жила сестра Орѣхова. Также въ арестантскія казармы или, проще сказать, въ острогъ, обращенный въ госпиталь, была помѣщена одна сестра; другая пріѣзжаетъ къ ней на дежурство и привозитъ обѣдъ и все, что ей нужно.

Снова было намъ много хлопотъ съ транспортами, которые опять начали приходить очень часто. Какъ только мы узнаёмъ, что ждутъ транспортъ, то я съ двумя или тремя сестрами отправлялись въ Потемкинъ домъ съ чаемъ, съ сахаромъ, съ булками, съ бѣльемъ. Но мы могли перемѣнять только самымъ слабымъ и тѣмъ, которымъ это было совершенно необходимо. Можно себѣ представить, каково было бѣлье на больныхъ, когда болѣе мѣсяца они его не перемѣняли!

Въ одинъ день, я узнала въ девятомъ часу, что транспортъ въ 280 чел. находится уже здѣсь. Мы сейчасъ же поѣхали.

Иногда кто-нибудь изъ здѣшней аристократіи или купечества присылалъ кого-нибудь съ чаемъ, чтобы напоить больныхъ, или отдавали намъ. Я познакомилась со всей здѣшней аристократіей, и надо сказать, что они принимали большое участіе въ насъ и въ больныхъ, и, несмотря на тяжелое время, къ намъ все-таки поступали пожертвованія, и вообще были очень внимательны и любезны.

Въ этотъ день, который я начала описывать, было то хорошо, что сейчасъ же пріѣхалъ главный докторъ и смотритель. Тѣ, которые были почти здоровы, отправились въ слабосильную команду. Это въ томъ же родѣ, что нынче называютъ санитарными стоянками, а слабые распредѣлены по госпиталямъ. Въ первомъ часу залы были опять свободны.

Въ этотъ же день проѣзжалъ у насъ флигель-адъютантъ Воейковъ, которому было поручено осматривать госпитали. Надо было видѣть, какъ смущался и робѣлъ смотритель, когда я говорила съ нимъ по-французски. Онъ такъ и думалъ, что я говорю про него,—а я говорила совсѣмъ о другомъ. Этотъ же смотритель, какъ только я еще пріѣхала въ Екатеринославъ, пріѣзжалъ ко мнѣ и просилъ его пожалѣть и не писать ничего въ Петербургъ!

Digitized by Google

Скоро опять нагрянулъ новый транспортъ, около 300-тъ человѣкъ,—опять шумъ, суета. Я очень была рада увидать моего стараго знакомаго, доктора И. М. Доброва, который сопровождалъ этотъ транспортъ. Онъ остался при здѣшнихъ госпиталяхъ и былъ докторомъ сестеръ, которыя уже начинали расхварываться, и моимъ, такъ какъ я потомъ занемогла крымской лихорадкой. Ѣздила я также съ смотрителемъ въ Мандрыковку, гдѣ была расположена слабосильная команда. Въ саняхъ, по ужасной грязи, насилу мы туда доѣхали. Селеніе большое, расположено очень живописно по неровному склону большой горы, которая спускается къ Днѣпру; надо было то спускаться, то подниматься. Были мы на кухнѣ, пробовали хлѣбъ. До просухи туда невозможно ѣздить, да вѣдь это и не входитъ въ мои непремѣнныя обязанности. Начала я съ половины января получать разныя письма—три милѣйшихъ письма отъ Ек. Ал. Хитрово; еще получила письмо отъ Эдиты Ѳедоровны Раденъ, съ собственноручной припиской великой княгини, разумѣется—по-французски. Вотъ эти нѣсколько словъ:

„J'ajoute quelques lignes pour vous dire combien je vous remercie d'être restée dans l'Община que vous avez honorée et soutenue par votre zèle, courage et vos soins intelligents. Votre soeur désirait vivement votre retour, c'est pourquoi je n'osais guère vous faire d'instances. A présent qu'elle accepte votre résolution avec calme, j'en suis ravie. Que Dieu vous soutienne et vous conserve à l'oeuvre que je voudrais léguer un jour aux âmes miséricordieuses et courageuses—на русской землѣ".

(„Я присовокупляю нѣсколько строкъ, чтобы сказать, какъ я благодарна вамъ за то, что вы остались въ Общинѣ, которой вы оказали честь и поддержку вашимъ усердіемъ, вашею бодростью и вашими разумными заботами. Ваша сестра очень желала вашего возвращенія, вотъ почему я не смѣла настаивать. Теперь, разъ она принимаетъ ваше рѣшеніе—я въ восторгѣ. Да поддержитъ васъ Богъ и да сохранитъ Онъ васъ для того дѣла, которое я желала бы завѣщать милосердымъ и отважнымъ душамъ на русской землѣ".)

Получила я и письмо отъ Николая Ивановича,—первое съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь. Имъ было оставлено въ Екатеринославѣ мнѣ наставленіе, но по разнымъ безтолковымъ стеченіямъ обстоятельствъ оно попало въ Симферополь, и я его только тамъ отыскала въ бумагахъ. Послѣднее письмо отъ Екатерины Александровны меня очень обрадовало. Про симферопольскіе госпитали она пишетъ, что все у нихъ идетъ очень хорошо, что

Digitized by Google

сестры изъ бараковъ переведены въ госпиталь, который въ домѣ губернскаго правленія. Тамъ 500 человѣкъ ампутированныхъ и раненыхъ; тамъ же кухня, гдѣ готовится столъ на 1.700 чел. Тамъ сестры дежурятъ, принимаютъ говядину и наблюдаютъ за всѣмъ. И это пошло очень хорошо. Радуется, что больныхъ сестеръ только двѣ, и тѣ не опасны; пишетъ, что Вас. Ив. Тарасовъ скоро поѣдетъ въ отпускъ. А меня проситъ, какъ милости, какъ одолженья, ѣхать въ Николаевъ, водворить порядокъ въ морскомъ и сухопутномъ отдѣленіяхъ. „Какое бремя вы сняли бы съ моей души"!—писала она.

Тамъ было много сестеръ, присланныхъ Екатериной Александровной прямо изъ Одессы. Въ письмѣ Эд. Ѳ. Раденъ, съ припиской вел. княгини, говорится, что великая княгиня желаетъ, чтобы я ѣхала устроить новое отдѣленіе сестеръ въ Бериславѣ. А вотъ что писалъ мнѣ Н. Ив. Пироговъ.

Привожу его письмо цѣликомъ:

„Почтеннѣйшая сестра Екатерина Михайловна! Военное начальство желаетъ имѣть сестеръ въ различные госпитали южной арміи. Великая княгиня рѣшила послать 22 сестры только въ слѣдующіе 4 госпиталя: въ Вознесенскъ (5 сест.), въ Тульчинъ (5), Новоодесскъ (5), въ Одессу (7). Вы же писали, отъ 2-го января, что есть много желающихъ вступить въ общину. Этимъ нужно воспользоваться, и ея императорское высочество поручила мнѣ написать вамъ, чтобы вы принимали сестеръ на слѣдующихъ условіяхъ.

„Первый мѣсяцъ онѣ должны оставаться въ своемъ платьѣ и бѣльѣ. Черезъ мѣсяцъ получаютъ платье и бѣлье общины. По крайней мѣрѣ одинъ годъ онѣ должны оставаться на испытаніи безъ креста, занимаясь подъ руководствомъ старшихъ сестеръ въ госпиталяхъ и живя общиною.

„Черезъ годъ получаютъ крестъ, а нѣкоторыя отличившіяся или же извѣстныя *досконально* своей ревностью, хорошимъ поведеніемъ, образованіемъ и пр.,—и прежде того. Желающія поступить изъ высшаго сословія по влеченію или по внутреннему призванію составляютъ, разумѣется, исключеніе изъ этого правила. Такъ какъ трудно найти разомъ 22 надежныхъ сестры для госпиталей, отдаленныхъ отъ центра общины, то, очевидно, лучше снабдить ихъ по крайней мѣрѣ такими женщинами, которыя — въ случаѣ неудачнаго выбора—не могли бы запятнать общину, не нося еще на себѣ ея высокаго символа и не будучи еще, слѣдовательно, настоящими сестрами. Наберите такихъ 10 или 12; остальныя

Digitized by Google

будутъ присланы въ Москву изъ петербургской общины; набравъ, оставьте ихъ въ екатеринославскихъ госпиталяхъ подъ надзоромъ тамошней старшей сестры (которую хочетъ выслать Е. А. Хитрово; это, кажется, будетъ Башмакова), а сама отправьтесь, по вашему желанію, въ Москву, гдѣ найдете и остальныхъ 10 или 15 (которыя будутъ посланы изъ Петербурга туда); повидавшись съ вашими почтенными родственниками, отвезите этихъ 10 или 15 сестеръ опять въ Екатеринославъ, возьмите здѣсь и остальныхъ 10, которыя покуда пріучатся къ госпитальнымъ занятіямъ, и развезите ихъ въ сказанные 4 госпиталя: Тульчинъ, Новоодесскъ, Одессу и Вознесенскъ, и помѣстите въ нихъ, слѣдуя извѣстнымъ вамъ взглядамъ о цѣли и направленіи общины. Это, кажется, будетъ сообразно вашему желанію: вы желали (въ письмѣ, отъ 2-го января ко мнѣ) отдохнуть немного и повидаться съ родственниками вашими въ Москвѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ побывать съ сестрами и въ другихъ госпиталяхъ. Ваша опытность, вашъ справедливый и высокій взглядъ на цѣль и направленіе общины служатъ залогомъ, что вы поставите и новыя отдѣленія на хорошую ногу и будете тѣмъ полезны ей; вы же можете опредѣлить и выборъ старшихъ сестеръ для этихъ отдѣленій.

„Займитесь этимъ дѣломъ съ свойственной вамъ ревностью; вы видите, что обстоятельства требуютъ раздѣленія общины на множество отдѣленій, контроль которыхъ дѣлается все труднѣе и труднѣе; безъ содѣйствія опытныхъ и ревностныхъ сестеръ, какъ вы, община легко можетъ уклониться отъ предназначенной цѣли; итакъ, примитесь съ Богомъ за дѣло, вамъ уже извѣстное; результатъ будетъ тогда несомнѣнный, только не оставайтесь долго въ Москвѣ.

„Въ Екатеринославѣ вы вѣрно еще дождетесь кн. Долгорукова, назначеннаго на мѣсто гр. Велигорскаго, и съ нимъ можете также переговорить о дѣлахъ общины; онъ человѣкъ благомыслящій и доброжелающій. Прощайте, храни васъ Богъ! Вамъ преданный отъ души Н. Пироговъ“.

18 января. 1856. С.-Петербургъ.

Вотъ во сколько разныхъ мѣстъ меня вдругъ посылаютъ. Стоитъ о чемъ задуматься! Какъ рѣшить? Но первое, что я рѣшила — это оставаться на мѣстѣ. Хотя Николай Ивановичъ и пишетъ: „...вы поставите новыя отдѣленія на хорошую ногу“,— но я находила, что и мое екатеринославское отдѣленіе очень прихрамываетъ, а браться за новыя—куда страшно! Къ тому же въ это время сестры начали болѣть; три или четыре, не помню

Digitized by Google

навѣрное, лежали въ тифѣ. Итакъ, я рѣшилась ждать съ сѣвера кн. Долгорукова, а съ юга—доктора Тарасова, поговорить съ ними хорошенько и тогда рѣшить, что̀ нужнѣе и что̀ надо дѣлать. Но пока я такъ разсуждала, по волѣ Господа все рѣшилось иначе, къ великому нашему горю!

Пріѣха́лъ кн. Долгоруковъ, былъ очень любезенъ, но ничего особеннаго и положительнаго отъ него я не узнала. Еще въ 20-хъ числахъ января, я получила письмо отъ сестры Медвѣдевой, которая мнѣ писала, что Ек. Алекс. не совсѣмъ здорова, но это меня еще не очень испугало; я все думала:—она уже давно въ сестрахъ, была при госпиталяхъ, поэтому уже обтерпѣлась! Но въ первыхъ числахъ февраля я получила отъ В. И. Тарасова письмо, отъ 24-го янв., въ которомъ онъ мнѣ пишетъ, что Ек. Алекс. занемогла 12-го янв., что у нея тифъ съ пораженіемъ мозга; но онъ даетъ маленькую надежду, такъ какъ пишетъ, что она въ этотъ день его узнала.

Но обманула насъ эта надежда! Я сама въ это время слегла въ постель отъ крымской лихорадки и получила, не помню какого числа, въ постели несчастное письмо, отъ 3-го февр., что 2-го, въ день Срѣтенія, Екатерина Александровна скончалась. Боже мой! За что Богъ лишилъ общину такой примѣрной сестры милосердія, умной, воспитанной, доброй, снисходительной, истинной сестры милосердія! Больше я такой не встрѣчала!

Я получила очень короткое письмо отъ Тарасова; они тамъ всѣ въ отчаяніи, а ея помощница, Елиз. Петр. Карцева, которая во время ея болѣзни управляла общиной, лежитъ въ тифѣ, такъ что докторъ Тарасовъ по необходимости остался во главѣ симферопольскаго отдѣленія. Я ему писала въ полной надеждѣ, что Елиз. Петр. поправится; я находила, что она вполнѣ можетъ занять мѣсто Екатерины Александровны.

Совсѣмъ не помню, что̀ я писала, но вижу по его отвѣту, что именно я ему писала о ней. Онъ же мнѣ пишетъ, что на это будетъ мнѣ отвѣчать откровенно и безъ затрудненія. Отдавъ полную справедливость всѣмъ качествамъ сестры Карцевой, онъ пишетъ, что, несмотря на всѣ ея достоинства, она не можетъ и не хочетъ быть пастыремъ нашего стада... И кончаетъ такъ: „Итакъ, съ теплой вѣрой въ Бога и упованіемъ на Его всемогущество и милосердіе, принимайте тяжелый крестъ правленія. Елизавета Петровна поправляется и проситъ васъ тоже принять эту должность“.

Прежде еще этого отвѣта, я получила письмо отъ Николая Ивановича, такое письмо, какія онъ умѣетъ писать и на кото-

Digitized by Google

рыя il n'y a pas de réplique, и приписку отъ великой княгини. Вотъ это письмо.

1856, февр. 9. С.-Петербургъ.

„Почтеннѣйшая сестра Екатерина Михайловна. Община, которая столь многимъ обязана вашему усердію, находится теперь, по смерти нашей незабвенной настоятельницы, опять безъ руководителя. Сестра Карцева, которая подавала столько надеждъ, также лежитъ больная въ тифѣ.

„Все, что̀ нашими общими усиліями удалось ввести въ общину для направленія ея къ высокой цѣли, можетъ легко и невозвратно исчезнуть. Вы остались еще одна въ настоящее время изъ всѣхъ, которая можетъ поддержать истинное значеніе общины и руководить ею предположеннымъ и извѣстнымъ вамъ путемъ.

„Отъ имени ея высочества, высокой покровительницы благого дѣла, я предлагаю и даже *требую* отъ васъ, какъ *святого долга: возьмите на себя управленіе общиною*. Не отговаривайтесь и не возражайте; здѣсь скромность и недовѣріе неумѣстны; забудьте на время всѣ ваши частныя отношенія для общаго дѣла. Я вамъ ручаюсь, вы теперь необходимы для общины какъ настоятельница. Вы знаете ея назначеніе, вы знаете сестеръ; вы знаете ходъ дѣлъ; у васъ есть и благонамѣреніе, и энергія. Ваши недостатки вы знаете лучше меня, а кто хорошо себя знаетъ, для того это знаніе лучше совершенства. Вы знаете также, какъ я васъ уважаю и люблю, знаете также мою привязанность къ общинѣ, и потому я увѣренъ, что мое предложеніе будетъ вами принято безпрекословно. Не время много толковать—дѣйствуйте. Ея императорское высочество желаетъ, чтобы вы, принявъ на себя званіе настоятельницы и управленія общиною, *какъ можно скорѣе пріѣхали сначала къ намъ въ С.-Петербургъ* на короткое время, а потомъ бы уже отправились также для короткаго, такъ вами желаннаго, отдыха въ Москву. Но ради Бога не медля и рѣшительнѣе! Рѣшительности, впрочемъ, васъ учить не мнѣ. Итакъ, съ Богомъ, почтенная Екатерина Михайловна, пріѣзжайте скорѣе сюда. Спѣшите. Васъ искренно уважающій Н. Пироговъ“.

Собственноручная приписка великой княгини Елены Павловны:

„Ma chère Екатерина Михайловна!

„Voulez-vous me consoler moi et l'Община de la perte immense que nous avons faite? Voulez-vous accepter la charge difficile de la настоятельница pour cette année? Vous êtes la seule qui puissiez y être appelée par votre caractère, les services que vous avez rendus, l'esprit de l'institution que vous con-

Digitized by Google

naissez et que vous partagez, la connaissance enfin des sœurs, des autorités, des rouages de l'administration en général. Je me dis que si vous vous rendez à ma prière, vous aurez le courage de remplir cette vocation dans toute son acception. La tâche est sérieuse puisqu'il s'agit non seulement de soi, mais de la conduite de tant d'éléments différents dans un esprit d'unité, d'humilité, d'énergie, d'ordre et d'amour chrétien. Tout cela ne vous est point inconnu. Je m'adresse à votre cœur pour le pratiquer en faveur de nos sœurs, de cette Община si éprouvée, si courageuse et si bénie. Répondez-moi de suite et venez à Moscou et de là ici, avant de retourner à votre poste. Que Dieu vous aide, vous inspire et vous fortifie.—Hélène".

(„Моя дорогая Екатерина Михайловна! Хотите утѣшить меня и Общину въ той громадной потерѣ, которую мы понесли? Согласитесь ли взять на себя трудную обязанность настоятельницы на этотъ годъ? Вы—единственная, которая можетъ быть призвана на это по вашему характеру, по тѣмъ услугамъ, какія вы оказали, по духу учрежденія, который вы знаете и раздѣляете, знанію, наконецъ, сестеръ, властей и всего административнаго хода дѣла. Я говорю себѣ, что если вы исполните мою просьбу, у васъ хватитъ мужества исполнить это призваніе во всей его полнотѣ. Задача серьезная, такъ какъ дѣло идетъ не только о себѣ, но и о веденіи столькихъ различныхъ элементовъ въ духѣ единства, смиренія, энергіи, порядка и христіанской любви. Все это вамъ не чуждо. Я обращаюсь къ вашему сердцу, чтобы приложить его къ сестрамъ, къ этой Общинѣ, столь испытанной, столь неустрашимой, столь благословляемой. Отвѣтьте мнѣ сейчасъ и поѣзжайте въ Москву, а оттуда сюда, прежде чѣмъ вернуться къ своему посту.

„Да поможетъ вамъ Богъ, да вдохновитъ Онъ васъ и да подкрѣпитъ.—Елена".)

У насъ уже шли слухи о мирѣ, и я думала, что мнѣ не надолго надо будетъ принять эту трудную и тяжелую обязанность. Я бы сейчасъ должна была ѣхать, и очень этого желала. Иныя сестры поправились, только была еще въ очень опасномъ положеніи милѣйшая сестра Зинеида Крокъ, которая за мной такъ усердно ходила, когда я лежала въ лихорадкѣ. Вѣдь крымская лихорадка—не то, что наша: пароксизмъ за пароксизмомъ слѣдуетъ послѣ 10, 15 минутъ промежутка.

Въ это время я уже встала съ постели, ходила къ боль-

Digitized by Google

нымъ сестрамъ, но докторъ Добровъ и слышать не хотѣлъ, чтобы я выѣхала изъ дому.

Мы уже прежде получили отъ великой княгини 22 тюка съ разнымъ бѣльемъ, бинтами и компрессами, такъ что могли въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ одѣть больныхъ въ новое, хорошее бѣлье и тоже перемѣнять тѣмъ, которые пріѣзжали въ транспортахъ и очень въ немъ нуждались, а въ это время мы получили бѣлье отъ Императрицы. Надо было его разобрать и отдѣлить часть, чтобы послать въ Никополь, гдѣ въ госпиталяхъ очень нуждались въ бѣльѣ. Я посылала сестеръ хлопотать и устроить его отправку туда, а сама только разбирала, отдѣляла и укладывала у насъ въ залѣ. Отъ того ли, что вся зала была имъ завалена и оно было сыро и холодно, или это всегда такъ бываетъ, что лихорадка возобновляется черезъ 10, 14 дней, но мнѣ опять пришлось пролежать дней десять.

Въ это время проѣхали изъ Симферополя нѣкоторыя сестры моего третьяго и четвертаго отдѣленія, которымъ годовой срокъ тоже кончился, и которыя не пожелали оставаться долѣе. Съ ними пріѣхала Дуня Алексѣева, которую я оставила у себя, чтобы самой привезти ее въ Петербургъ (она мнѣ была поручена великими князьями въ Севастополѣ), а теперь ее брала къ себѣ въ камеръ-юнгферы великая княгиня Александра Петровна. Сестры сказали мнѣ, что сестра Ел. П. Карцева совсѣмъ поправилась, что очень больныхъ сестеръ нѣтъ, что туда должны скоро пріѣхать новыя десять сестеръ изъ Петербурга.

Наконецъ, 10-го марта, несмотря на уговариванія доктора, я выѣхала. И какъ я хорошо сдѣлала, что настояла на своемъ; меня именно пугалъ Днѣпръ, который уже очень синѣлъ, и я должна была переѣхать его съ большими предосторожностями. Тарантасъ везли на одной лошади, другихъ вели въ разсыпную. Я съ Дуней ѣхала на маленькой телѣжкѣ въ одну лошадь. Возлѣ шелъ какой-то полицейскій офицеръ и четыре лоцмана съ баграми; они стучали ими по льду и указывали, куда лучше ѣхать. А полицейскій нашелъ самое лучшее занимать насъ такими сообщеніями: „Вотъ осенью ледъ трещитъ, а весной онъ такъ вдругъ и опустится“!

Однако, слава Богу, мы проѣхали благополучно. Къ вечеру Днѣпръ прошелъ. Несмотря на мое сильное желаніе быть скорѣй въ Москвѣ, мнѣ пришлось провести двѣ ночи въ Харьковѣ, во-первыхъ, потому что я такъ устала, что, доѣхавъ туда, думала, что опять слягу, а во-вторыхъ, мнѣ надо было отыскать одну дѣвочку сироту, воспитанницу сестры Селивановой, которую ве-

Digitized by Google

ликая княгиня помѣщала въ елизаветинскій институтъ. Несмотря на то, что я не имѣла прямого адреса, я ее скоро отыскала и взяла съ собой.

И тутъ мы ѣхали безостановочно, хотя и по очень дурной дорогѣ; 10-го марта я имѣла счастіе увидать сестеръ и брата. Всякій можетъ легко себѣ представить, какая это была блаженная минута—увидаться послѣ такой длинной разлуки (годъ и три мѣсяца, и семь мѣсяцевъ изъ этого времени были проведены въ Севастополѣ)!

Не долго я оставалась въ Москвѣ; 24-го, вмѣстѣ съ сестрой, которая и лѣтомъ жила у великой княгини и въ Ораніенбаумѣ, и на Каменномъ Островѣ, и теперь тоже была приглашена, мы пріѣхали въ Михайловскій дворецъ, въ тѣ же комнаты, изъ которыхъ я поѣхала въ Крымъ.

Великая княгиня сейчасъ же приняла меня и, прикалывая мнѣ севастопольскую медаль, сказала: qu'elle est bien aise de pouvoir le faire.

25-го было объявлено, что миръ заключенъ. Разумѣется, еще не знали грустныхъ условій парижскаго мира; впрочемъ, не знаю, что касается меня, занимало ли бы меня и чувствовала ли бы я что-нибудь другое, кромѣ того, что война кончилась, что не будутъ стоять люди, да еще христіане, другъ противъ друга и стараться какъ можно болѣе нанести вреда одинъ другому! И какъ это искажаетъ всѣ чувства! Я и на себѣ это испытала, и, читая отчетъ французскаго доктора, который былъ въ Добруджѣ: „Enfin la paix est venue mettre un terme à nos calamités“ [1]),—я не пожалѣла, а обрадовалась, что и имъ было не лучше нашего.

Я вполнѣ согласна съ гр. Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, что это гадко, безнравственно, не по-христіански; но вотъ въ чемъ я никогда съ нимъ не соглашусь: я считаю, что я должна была сопротивляться всѣми средствами и всѣмъ моимъ умѣньемъ злу, которое разные чиновники, поставщики и пр. причиняли въ госпиталяхъ нашимъ страдальцамъ; и сражаться, и сопротивляться этому я считала и считаю и теперь священнымъ долгомъ.

Я почти хотѣла остановиться на моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ; но такъ какъ, начиная, я хотѣла именно описать трудное начало и труды общины, то и рѣшаюсь продолжать, хотя теперь мнѣ это будетъ гораздо труднѣе. Кромѣ только моей поѣздки во

[1]) Наконецъ, миръ явился положить конецъ нашимъ бѣдствіямъ.

Digitized by Google

всѣ госпитали, во время которой я писала къ сестрѣ, эти письма могутъ мнѣ многое припомнить. Но когда я совсѣмъ вернулась въ общину въ Петербургъ, то я просила позволенія у великой княгини, чтобы сестра моя жила со мной, но на свой собственный счетъ, и я мало тогда къ кому писала. И теперь мнѣ приходится все вспоминать и, можетъ быть, нѣсколько смѣшать иныя событія; но буду стараться избѣгать этого.

Итакъ, рѣшаюсь хотя вкратцѣ описать, какъ устроивалась община, какъ трудились сестры до самой той минуты, когда я съ сокрушеннымъ сердцемъ, но по собственной волѣ оставила общину...

Знаю, что тамъ многое перемѣнилось въ управленіи, но, надѣюсь, не въ направленіи, которое было дано великой княгиней Еленой Павловной и Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ. Знаю, что сестры подвизались и въ Черногоріи, и въ Сербіи, и въ Болгаріи, и въ Ташкентѣ, и очень желаю, чтобы кто-нибудь продолжалъ мой слишкомъ безыскусственный разсказъ, и описалъ бы намъ живо всѣ дѣйствія и труды Крестовоздвиженской общины, въ которой я всегда принимала большое участіе.

Продолжаю мой разсказъ. Не помню, когда именно, но думаю, что на другой день моего пріѣзда, т.-е., въ Благовѣщеніе, вдругъ въ церкви, подъ конецъ обѣдни, не бывъ предупрежденной, я увидала, что священникъ вышелъ и повернулся ко мнѣ, имѣя въ рукахъ крестъ нашей общины, только нѣсколько поболѣе. Но у меня было одно чувство: я не хотѣла разстаться съ тѣмъ крестомъ, который былъ на мнѣ въ Севастополѣ и столько разъ былъ обрызганъ кровью нашихъ страдальцевъ. Я громко сказала, что не могу разстаться съ моимъ крестомъ.

Великая княгиня очень любезно мнѣ отвѣчала:

— Не снимайте, но надѣньте и этотъ.

Итакъ, я вышла изъ церкви въ двухъ крестахъ: въ своемъ и въ болѣе тяжеломъ и физически, и морально—крестѣ сестры-настоятельницы. Этотъ послѣдній я оставила въ общинѣ, но мой севастопольскій крестъ и теперь всегда на мнѣ,—разумѣется, подъ платьемъ.

Вѣдь и оставляя общину, я давала себѣ обѣщаніе оставаться сестрой милосердія; но какъ я часто и тяжело испытала на себѣ справедливость пословицы: одинъ въ полѣ не воинъ!

Быстро промелькнулъ мѣсяцъ, который я провела въ Петербургѣ; видѣла своихъ родныхъ, знакомыхъ; отъ всѣхъ былъ самый дружескій, радушный пріемъ.

Digitized by Google

Пріѣхали мы съ сестрой къ Глинкамъ; они даже не знали, что я вернулась. Черезъ полчаса, Глинка вышелъ со стихами ко мнѣ.

Вотъ эти стихи, которые еще не были, кажется, нигдѣ напечатаны:

Привѣтъ поэта сестрѣ милосердія.

Тамъ, гдѣ синею волною
Омывался виноградъ,
Гдѣ подъ южною луною
Склоны каменныхъ громадъ
Осѣнялъ чинаръ и тополь,
Гдѣ фосфоръ горитъ въ волнахъ,
Гдѣ могучій Севастополь
Красовался на скалахъ,—
Загремѣло вдругъ войною,
За ударомъ шелъ ударъ,
И за дымной пеленою
День и ночь кипѣлъ пожаръ;
И чугуннымъ градомъ бомбы
Разражались на бойцовъ!..
Погреба и катакомбы
Лишь дѣтей и стариковъ
Ненадежно прикрывали...
А родные намъ полки,—
На стѣнахъ,—стѣной стояли,
Вѣря въ Бога и штыки...
Но теперь тѣ стѣны,—гдѣ вы?
Смылъ все брани ураганъ!!..

Тамъ-то смерти праздникъ данъ.
Тамъ хлестала кровь изъ ранъ!..
Но дружина женъ и дѣвы,
Обручась крестомъ златымъ
Съ милосердіемъ святымъ,
Шли на гибель, не блѣднѣя,
И несли фіалъ елея
И сердечную слезу
Въ неисходную грозу...
И вотъ одна, пройдя тотъ путь кровавый,
Явилась къ намъ въ вѣнцѣ Христовой славы
И, отгостивъ на огненномъ пиру,
Изъ міра бурь пришла на миръ въ столицу.
Привѣтимъ же *Бакунину* сестрицу
И милосердія привѣтимъ въ ней сестру!

Понедѣльникъ вечеръ
26 марта 1856 г.

Digitized by Google

Я часто видала Николая Ивановича; сколько было разговоровъ, предположеній, плановъ и сколько неосуществившихся грезъ,—по крайней мѣрѣ для меня!..

Имѣла я тоже счастіе видѣть Государя и Государыню: разъ, когда я сидѣла у великой княгини, пришли ей доложить, что Ихъ Величества пріѣхали. Она меня удержала и представила. Государь благодарилъ меня за мой христіанскій подвигъ, а Государыня съ участіемъ спрашивала, какъ мои нервы могли это выдержать. Тутъ я имѣла возможность разсказать Государю о грустномъ и тяжеломъ положеніи нашихъ транспортовъ.

Онъ отвѣчалъ мнѣ на это: „Успокойтесь, транспортовъ больше не будетъ".

А придя въ свою комнату, я нашла письмо отъ доктора Тарасова, въ которомъ онъ пишетъ, что опять стали готовить транспорты. Я сейчасъ отнесла это письмо великой княгинѣ, а она сообщила Императору.

Была я раза два въ домѣ, гдѣ живутъ испытуемыя; это не то общія квартиры, не то пансіонъ, но ужъ никакъ не община. Еще была въ морскомъ калинкинскомъ госпиталѣ, гдѣ уже находятся на службѣ четыре сестры Крестовоздвиженской общины.

Съ перваго взгляда онѣ мнѣ очень понравились.

Еще мнѣ сказали, что одно отдѣленіе въ 10 сестеръ съ старшей сестрой Марьей Ивановной Алексѣевой (это была предобрая и премилая сестра) поѣхали въ Симферополь. Должно быть, мы съ ними разъѣхались ночью. Еще поѣхалъ отрядъ сестеръ въ Тульчинъ, когда я уже была въ Петербургѣ, и мы съ Эдитой Ѳедоровной Раденъ собирались ихъ проводить, и по очень глупому недоразумѣнію намъ это не удалось: карета, которая должна была подъѣхать къ моему подъѣзду, подъѣхала и стояла у подъѣзда великой княгини Екатерины Михайловны. И когда мы все узнали и исправили ошибку, то такъ опоздали, несмотря на то, что очень спѣшили, что только слышали свистъ —и поѣздъ умчался. Мнѣ было это очень досадно.

Въ 1856 году пасха была 15-го апрѣля, и мы съ сестрой могли удобно и спокойно говѣть, встрѣтить и вмѣстѣ провести праздники, а 24-го мы съ ней уѣхали, она—чтобы остаться въ Москвѣ, а я—чтобы ѣхать далѣе.

Передъ отъѣздомъ я получила слѣдующій рескриптъ отъ великой княгини Елены Павловны:

„Екатерина Михайловна! Вполнѣ цѣня высокія нравственныя качества ваши, столь блистательно выказанныя во время осады Севастополя, я избрала васъ на сей годъ сестрой-настоя-

Digitized by Google

тельницей Крестовоздвиженской общины, и поручаю вамъ вступить нынѣ же въ исправленіе вашей должности. Вмѣстѣ съ симъ возлагаю на васъ во время самаго слѣдованія въ Крымъ обревизовать расположенныя на пути отдѣленія общины и поручаю вамъ все замѣченное предложить на разсмотрѣніе и обсужденіе комитета общины.

„Помощь и благословеніе Господни да будутъ съ вами при исполненіи обязанностей новой должности вашей. Пребываю къ вамъ благосклонная—Елена".

23 апрѣля 1856 г.

Изъ Петербурга я взяла сестру Е. А. Королеву, которая была сестрой въ финляндскомъ отрядѣ; онѣ были въ Гельсингфорсѣ, и во время бомбардировки Свеаборга отлично тамъ работали. Сестра Королева—прекрасная сестра и до сихъ поръ подвизается на этомъ поприщѣ, была и въ Черногоріи, и въ Болгаріи, и, какъ мнѣ говорили, въ ахалтекинскомъ походѣ.

Еще я взяла испытуемую Бѣляеву. Пробывъ въ Москвѣ три дня, я отправилась съ ними далѣе. Мы везли разныя вещи, часы, перстни отъ великой княгини для подарковъ тѣмъ, кто помогалъ сестрамъ и оказывалъ разныя услуги въ трудныхъ случаяхъ или болѣзняхъ.

1-го мая, мы пріѣхали въ Харьковъ; дорога и погода были великолѣпныя, весна во всей красѣ. А когда мы выѣхали изъ Петербурга, то по краямъ дороги лежалъ снѣгъ. Въ Москвѣ уже были маленькіе листочки на кустахъ, но здѣсь уже все цвѣло, фруктовыя деревья были покрыты бѣлыми цвѣтами, а яркая зелень другихъ деревьевъ такъ и блистала на солнцѣ.

Мы остались дня два, посѣтили всѣ госпитали. И вотъ, мнѣ живо вспомнилось одно отдѣленіе, почти за городомъ, прекрасный зеленый густой садъ, свѣжій, здоровый воздухъ. Но что за ужасные тутъ были больные! Это все были цынготные и уже сильно пораженные этой тяжелой и мучительной болѣзнью. Грустно это вспомнить! Но много такихъ я находила и въ другихъ госпиталяхъ.

Въ Екатеринославѣ я осталась съ сестрами дней пять. Мнѣ было очень досадно: я только на дорогѣ на станцію встрѣтила кн. Голицыну, которая и пріѣхала въ Екатеринославъ послѣ моего отъѣзда, и уѣхала прежде, чѣмъ я пріѣхала. А я очень желала съ ней познакомиться: мнѣ разсказывали, что она была очень усердной сестрой.

Digitized by Google

Больныхъ въ госпиталяхъ было уже менѣе, а многіе были и совсѣмъ закрыты.

Въ Екатеринославѣ я оставила сестру Бѣляеву, которую назначила съ другой сестрой въ Никополь, а взяла съ собой Базину въ Симферополь.

Мы остановились въ Никополѣ, обошли всѣ эти несчастные домики или, лучше сказать, избушки, въ которыхъ помѣщается 4 или 5 больныхъ. Уходъ при такомъ размѣщеніи очень затруднителенъ, много ходьбы. Однако, такъ какъ все идетъ къ уменьшенію больныхъ, то двухъ сестеръ будетъ довольно. Но надо было хлопотать, чтобы и сестрамъ отвели квартирку.

Потомъ еще останавливалась въ Берославѣ, гдѣ были четыре сестры, присланныя изъ Херсона; одна изъ нихъ, Фокина, была очень хорошая и милая сестра; онѣ жили дружно, усердно работали, и ими были очень довольны.

Теперь Днѣпръ мы переѣхали на баркасѣ, что было очень пріятно.

Въ Перекопѣ все было по старому, и было занято еще 12 нумеровъ, но при насъ же въ этотъ день выписалось изъ палатокъ совсѣмъ здоровыми 190 человѣкъ.

Наконецъ, 14-го мая, я пріѣхала въ Симферополь. Слава Богу, я нашла сестеръ въ очень хорошемъ положеніи. Были нѣкоторыя не совсѣмъ здоровы, но не въ опасности. Елиз. Петр. Карцева давно совершенно поправилась и завѣдывала и распоряжалась служеніемъ сестеръ. Сестры были въ лагерѣ, гдѣ было до 1.600 больныхъ въ это время.

Въ Симферополѣ, мнѣ говорили, было всего до 5.000 больныхъ, и сердобольныя оставались безъ дѣла. Сестры въ городѣ также занимаются во многихъ госпиталяхъ, но говорили, что скоро всѣ больные будутъ переведены въ лагерь, а дома будутъ очищаться, или, какъ нынче говорятъ, дезинфицироваться.

Гробъ Екатерины Александровны еще не могъ быть отправленъ въ Одессу, такъ что я поѣхала сейчасъ же на кладбище, гдѣ онъ стоялъ въ маленькой часовнѣ, и могла помолиться. Ахъ, какъ было грустно и тяжело!..

Но, вотъ, можно сказать, что не было времени предаться грусти, такъ много было теперь дѣла и хлопотъ,—не того дѣла, которое я любила, т.-е. ухаживать и находиться при больныхъ, а дѣлъ администраціи: то надо писать въ Петербургъ, то въ то, то въ другое отдѣленіе сестеръ, то получать разныя письма и требованія, удовлетворять, отвѣчать всякому и т. п.

Въ это время сестры были въ двѣнадцати мѣстахъ, а въ

Digitized by Google

Николаевѣ, какъ мнѣ помнится, не было общаго управленія, и каждое отдѣленіе при особомъ госпиталѣ дѣйствовало совершенно самостоятельно.

А между тѣмъ хотя я и избѣгаю говорить о разныхъ мелкихъ неустройствахъ, но не могу сказать, чтобы ихъ не было. Многія сестры не понимали совершенно, что такое должна быть община, и какъ должны себя держать сестры. Меня очень удивило, какъ В. И. Тарасовъ такъ умѣлъ себя поставить и ладить съ сестрами, что всѣ отзывались о немъ съ величайшей похвалой, даже извѣстныя сплетницы и разсказчицы ничего противъ него не говорили.

А вѣдь были между ними престранныя и пренаивныя. Напримѣръ, разъ одна сестра, пріѣхавшая только въ августѣ на Бельбекъ, приходитъ ко мнѣ, очень таинственно запираетъ дверь (а это всегда испугаетъ, боишься какой-нибудь исторіи) и спрашиваетъ:—Ужели намъ не дадутъ медали?

Я отвѣчаю:—Нѣтъ, дадутъ; вы ее вполнѣ заслужили. (Это серебряныя большія медали, которыя давала великая княгиня не для ношенія, а на память сестрамъ и тѣмъ, кто содѣйствовалъ общинѣ). Вѣдь тамъ Симферополь и Бельбекъ поименованы.

— Нѣтъ, не эту, а севастопольскую.

— Да вѣдь вы не были въ Севастополѣ?

— Нѣтъ, не была, а очень желала тамъ быть; такъ это все равно.

И вотъ, я два часа толковала, что быть или желать—двѣ вещи разныя, что можетъ быть есть и генералы, которые желали быть въ Севастополѣ, и не были, и не получатъ ее; а солдатъ, который совсѣмъ не желалъ, но былъ тамъ, получитъ, хотя, можетъ быть, ничего не дѣлалъ; это не награда за достоинство, а право.

Не знаю, убѣдила ли я ее. И это не единственный случай; онъ повторялся не разъ, и всѣ онѣ считали себя несправедливо обиженными...

Опишу теперь лагерь, гдѣ работали наши сестры, и день, который я провела въ немъ, начавшійся тѣмъ, что мнѣ ночью пришлось бѣжать въ Симферополь.

Въ какой безотрадной мѣстности расположенъ этотъ грустный лагерь! Не видно ни одного деревца, ни одного кустика; отлогіе склоны едва покрыты травой. Верстахъ въ двухъ виденъ городъ: въ одной сторонѣ довольно много минаретовъ и каменныхъ оградъ или заборовъ; въ другой, которая идетъ немного подъ гору, только одинъ куполъ съ крестомъ.

Digitized by Google

Лагерь расположенъ „покоемъ“, но неправильнымъ—одинъ конецъ длиннѣе другого. Первые ряды всѣхъ внутреннихъ сторонъ составляютъ большіе суконные, покрытые парусиной, госпитальные шатры, а за ними по два ряда маленькихъ солдатскихъ палатокъ, и тѣ теперь уже устроены двойныя. По срединѣ широкаго пространства этого „покоя“ стоятъ тоже палатки, и большія, и маленькія, очень большой наметъ для цейхгауза и еще три шатра больничные. Тутъ живутъ наши сестры-хозяйки, тутъ и койки для пріѣзжающихъ дежурить сестеръ, и палатка, гдѣ живетъ Елиз. Петр. Карцева. А въ одной—наши запасы, бѣлье для больныхъ, питья, яйца, чай, сахаръ и все, что̀ нужно для перевязки.

И вотъ возлѣ этихъ трехъ палатокъ безпрестанно видишь входящихъ или выходящихъ сестеръ: то одна несетъ миску съ супомъ для слабыхъ больныхъ, другая лимоны, а третья бѣжитъ очень скоро съ нужной для перевязки корпіей и ватой, и еще одна проходитъ тихо и осторожно, неся стклянки съ лекарствами.

И этотъ обширный лагерь совсѣмъ ужъ не военный. Не слышно ни музыки, ни пѣсенъ, не слышно команды, даже зорю не пробьютъ!.. Но вотъ вдругъ раздается команда: „Стой! равняйся! Скорымъ шагомъ, маршъ“! И что-жъ? Вотъ маршируетъ семь человѣкъ, но ужасно смотрѣть на нихъ: у нихъ, у семи—семь ногъ и четырнадцать костылей!

Безрукіе сидѣли на лавочкахъ, устроенныхъ изъ досокъ, положенныхъ на козлы командуютъ тѣмъ—и тѣ, и другіе смѣются. Здѣсь сошлись и доктора; они тоже смѣются, и я улыбаюсь со слезами на глазахъ, но все-таки, хотя это очень грустно, но все же отраднѣе видѣть ихъ марширующими со смѣхомъ, чѣмъ, бывало, видѣть, какъ, пройдя черезъ Гущинъ домъ, ихъ отправляютъ хоронить на Сѣверную.

Пошла я потомъ въ палатки къ только-что привезеннымъ изъ города 150-ти человѣкамъ. Въ этотъ лагерь свозили отовсюду; иногда тутъ бывало и очень много, но, слава Богу, за то очень часто выписывалось отъ 100 до 200 человѣкъ. Я привела къ этимъ раненымъ старушку, которую они звали бабушкой и очень ее любили. Они очень обрадовались, увидавъ ее, очень меня благодарили, что я ее къ нимъ привела; ихъ пугала мысль, что они ея больше не увидятъ, и они все повторяли: „Ну, спасибо, что ты ее привела, а то безъ бабушки скучно! Она славно перевязываетъ, да еще прежде чѣмъ перевязать, насмѣшитъ насъ“!

Digitized by Google

Скоро жаркій день смѣнился пріятнымъ, прохладнымъ вечеромъ; солнце сѣло за розовыя, золотистыя облака; молодой мѣсяцъ ярко заблисталъ въ высотѣ. И все болѣе и болѣе стихало. Больные ушли со скамеекъ въ палатки, зажглись вездѣ огоньки, и блестящія облака превратились въ тяжелую тучу, которая безпрестанно закрывала мѣсяцъ. Завылъ вѣтеръ; въ иныхъ палаткахъ погасли огоньки и замолкло, а въ другихъ слышны еще сказки и разсказы о походахъ. Но вотъ и это постепенно умолкло, только кое-гдѣ раздается оханье или кашель, да промелькнетъ огонекъ: это сестра идетъ съ фонаремъ между рядовъ палатокъ, порученныхъ ей, и старается прислушаться, гдѣ не спятъ, чтобы взойти туда. Тихо и въ палаткахъ сестеръ, но вотъ къ нимъ вошелъ служитель и сказалъ, что мясо и хлѣбъ привезли.

Сейчасъ же двѣ сестры пошли на кухню для пріема.

Когда онѣ возвратились, я тоже пошла въ палатку сестры Елиз. Петр., которая была въ это время у Гротеновыхъ въ Генисалѣ, куда ѣздили отдыхать и поправляться послѣ болѣзни наши сестры. Несторъ Филипповичъ и его жена были очень внимательны къ сестрамъ, и мы многимъ имъ обязаны.

Поговоривъ нѣкоторое время съ сестрой, которая жила въ этой палаткѣ, я стала сладко засыпать подъ заунывное завываніе вѣтра и легкое качаніе палатки... Вдругъ слышу голоса, восклицанія:—Боже мой! Какой ужасъ! Все небо въ огнѣ! Огонь, пожаръ, огромный пожаръ!

Я вскакиваю и спрашиваю громко:—Гдѣ пожаръ?—Взволнованный голосъ внѣ палатки отвѣчаетъ мнѣ: — Симферополь горитъ!—Какъ горитъ?!

— Да, ужасный пожаръ!

Я поспѣшно одѣваюсь; сестра Королева вбѣгаетъ ко мнѣ, дрожа отъ волненія; она поспѣшно отстегиваетъ нѣсколько петель палатки и говоритъ:

— Ужасъ что̀ такое! Посмотрите!

Горитъ удивительно ярко и свѣтло. Я поспѣшно накидываю салопъ и прошу сестру позвать мнѣ служителя.—Куда вы?—Какъ куда? Въ Симферополь.—Что̀ вы, Катерина Михайловна! Ночь, ужасный вѣтеръ, темно! — Но вѣдь горитъ въ сторонѣ собора, нашъ домъ, гдѣ живутъ сестры, домъ Торопова, гдѣ больныя сестры, гдѣ нашъ цейхгаузъ—все тамъ. Ну, а что̀ если горитъ близъ этихъ домовъ, или, упаси Боже, горитъ который-нибудь изъ нихъ! Мнѣ надо быть тамъ; старшая сестра въ Генисалѣ, нашъ докторъ на южномъ берегу. Кто же тамъ?

Digitized by Google

Выйдя изъ палатки, я увидала фельдшера, который тоже собирался въ городъ, позвала его, и мы поспѣшнымъ шагомъ пустились въ путь. Вдругъ намъ почти не стало видно пожара. —Что-жъ это? — Это оттого, что мы сошли подъ гору. А пожаръ должно быть очень большой: вѣрно, горитъ не одинъ домъ,— отвѣчаетъ мнѣ фельдшеръ.

Я прибавляю шагу; вѣтеръ прямо въ лицо и несетъ въ глаза пыль и дымъ. Вотъ подошли мы къ какому-то забору и палаткамъ: это бойня. Стая огромныхъ собакъ окружаетъ насъ съ страшнымъ лаемъ; у моего провожатаго нѣтъ даже палки, но мы благополучно прошли. Всякій разъ, что вспыхнетъ ярче, я иду поспѣшнѣе и думаю съ тревогой:—Ключъ отъ кассы у меня, а желѣзный ящикъ, гдѣ она лежитъ, привинченъ къ полу; шкатулка съ подарками вел. княгини, бриллiантами и часами—въ шкафу, а ключъ отъ шкафа у меня, и никто не знаетъ, гдѣ она стоитъ...

Впереди очень свѣтло, но зато по сторонамъ все совершенно черно. Вошли въ городъ. Стали попадаться прохожіе.

— Что горитъ?

— Лавки.

Если тѣ лавки, что у собора, то нашъ домъ прямо подъ направленіемъ вѣтра, но горитъ что-то очень ярко и близко, ближе дома общины.

— Гдѣ горитъ?—спрашиваю вторично.—На большомъ Базарѣ, балаганы съ дегтемъ, саломъ и масломъ.—Я пошла тише: нѣтъ никакой опасности для нашихъ домовъ. Прошла мимо пожара,—горитъ очень свѣтло, но низко. Насилу я узнала свою улицу—такъ странно все было освѣщено. Мнѣ открыли сейчасъ, какъ я позвонила, такъ какъ никто не спалъ. Пошли возгласы, какъ это я ночью пришла пѣшкомъ. Письмоводитель, священникъ тоже пришли къ сестрамъ, такъ какъ всѣ сначала очень испугались, но, слава Богу, пожаръ скоро совсѣмъ прекратился, и скоро мы всѣ, и во всемъ Симферополѣ, легли спать. Кромѣ бѣдныхъ продавцевъ, пострадавшихъ отъ пожара, все шло по прежнему; на другой день другіе торговали на томъ же мѣстѣ.

Черезъ нѣсколько дней я съ сестрой Базиной поѣхали въ Бахчисарай; тамъ больные были уже всѣ переведены въ аулъ, близъ станціи, такъ что и сестры туда переѣхали. Больные находились и въ домѣ, и въ палаткахъ; ихъ было 550 человѣкъ. Сестры жили тутъ же очень близко, и это было очень удобно.

На другое утро, мы съ сестрой Матильдой Осиповной Чупати, которая была здѣсь старшей, ѣздили въ Бахчисарай къ

Digitized by Google

полковнику Ахматову, который завѣдуетъ госпиталями, и къ коменданту. А потомъ еще на другой день ѣздили съ сестрами на ихъ прежнюю квартиру на горѣ близъ дворца.

Мы поѣхали туда горой. Что за чудный видъ! Весь Бахчисарай подъ ногами. М. О. Чупати уговаривала меня туда ѣхать, такъ какъ очень безпокоилась объ оставленномъ тамъ цейхгаузѣ. Но я нашла, что тамъ всего такъ немного, что не трудно все это перевезти.

Мы воспользовались этой поѣздкой, чтобы посѣтить и дворецъ; особливо сестра Базина этого очень желала; она первый разъ въ Крыму. Но дворецъ былъ въ ужасномъ положеніи послѣ устроеннаго въ немъ госпиталя. Стѣны покрыты какой-то сыростью; великолѣпная зала суда—съ подпорками, фонтаны не бьютъ,—вся поэзія пропала, а грустная, тяжелая дѣйствительности являлась во всемъ!.. И нельзя было повторить: „Люблю немолчный говоръ твой и поэтическія слезы“...

Мы воспользовались прекраснымъ вечеромъ и лунной ночью и сходили пѣшкомъ въ Чуфутъ-Кале и Успенскій монастырь. Поздно вернулись домой. Я не могла этотъ разъ остаться дольше, такъ какъ надо было 20-го непремѣнно вернуться въ Симферополь, чтобы 21-го, въ именины вел. княгини, быть и справить этотъ день въ общинѣ.

Тутъ еще намъ было очень много хлопотъ, чтобы отправить гробъ Екатерины Александровны въ Одессу. Сколько разъ я ѣздила для этого къ губернатору Жуковскому, который всегда былъ къ намъ очень внимателенъ и любезенъ, сколько разъ посылалъ нарочнаго въ Севастополь, чтобы узнать, когда будетъ такой пароходъ, на которомъ, наконецъ, можно отправить гробъ.

До Севастополя провожали Екатерину Александровну докторъ Тарасовъ и Елизавета Петровна. А монахъ Веніаминъ, который находился при общинѣ, сестра Медвѣдева (которая находилась при Екатеринѣ Александровнѣ во все время ея болѣзни), сестра Матковская и пять одесскихъ сестеръ провожали ее до Одессы, до мѣста вѣчнаго ея успокоенія. Я опять ѣздила на кладбище помолиться и поклониться ей въ послѣдній разъ.

Приведу здѣсь небольшую выписку изъ письма сестры Медвѣдевой изъ Николаева, хотя я, разумѣется, получила его позднѣе:

„Мы снялись съ якоря въ двѣнадцать часовъ дня. Капитанъ парохода очень о насъ заботился. Погода была тихая, къ вечеру только начался вѣтеръ, и иныхъ укачало... Мы прибыли въ Одессу въ понедѣльникъ, въ восемь часовъ утра. Батюшка сейчасъ отправился къ княгинѣ. Ее не было въ городѣ, послали

Digitized by Google

за ней на хуторъ. Къ 12 час. она пріѣхала, и съ ней сестра Ѳекла (которая была съ Екатер. Алекс. въ Крыму) и ея воспитанница Лиза Яковлева. Онѣ очень плакали. Княгиня немного пробыла и уѣхала, чтобы всѣмъ распорядиться. Немного послѣ нея пріѣхала старшая сестра и съ ней еще двѣ сестры и ихъ священникъ съ причтомъ и хоругвями.

„Дроги запряжены парой лошадей, покрытыхъ чернымъ сукномъ. Капитанъ парохода просилъ дозволить проводить кондукторамъ до кладбища. На дрогахъ стояло по два по бокамъ.

„Мы всѣ шли пѣшкомъ до самаго заведенія общины. Когда мы проходили мимо монастыря, монахини и дѣти духовнаго званія, которыя тутъ воспитываются, вышли попарно, встрѣтить и проводить до общины. Тамъ всѣ сестры вышли, отслужили панихиду у крыльца и отправились до кладбища. Нѣкоторыя сестры шли пѣшкомъ, а другія поѣхали съ нами, ибо до кладбища 8 верстъ. Внесли въ церковь, отслужили панихиду, и потомъ было погребеніе.

„Послѣ похоронъ насъ благодарили за наши распоряженія и за порядокъ, который былъ имъ извѣстенъ. Всѣ были очень ласковы и радушны, и княгиня, и генеральша Стурдза.

„Возвратились мы съ кладбища въ 6 часовъ въ мирное убѣжище, гдѣ и пробыли съ понедѣльника до четверга и уѣхали въ Николаевъ“. (Видно изъ продолженія письма, что заведеніе одесскихъ сердобольныхъ очень понравилось сестрѣ Медвѣдевой.)

А тутъ начались другія хлопоты. Сестра М. О. Чупати уѣзжала съ шестью сестрами въ Петербургъ, а ее замѣнять мы назначили Мар. Ив. Алексѣеву. Тогда я только съ ней познакомилась, но скоро полюбила всей душой; это была такая милая, сердечная сестра, любящая и благородная, какихъ у насъ очень мало къ несчастію.

5-го іюля я поѣхала въ Херсонъ. Съ Перекопа, гдѣ на нѣсколько часовъ остановилась у сестеръ, я рѣшилась ѣхать на Алешки. Послѣдняя станція къ Алешкамъ, 22 версты—истинное мученіе: глубочайшій песокъ, такъ что я съ сестрой часто шли пѣшкомъ. А въ Алешкахъ опять хлопоты: надо ѣхать на лодкѣ, т.-е. на дубѣ, и два часа съ половиной ѣдешь точно по какимъ-то аллеямъ изъ ветелъ, точно онѣ ростутъ прямо изъ воды; и все это время или на баграхъ, перевозчики бѣгаютъ по краю дуба, или на бичевѣ. Только когда мы выѣхали прямо противъ Херсона, то поѣхали подъ парусомъ; а тутъ еще опять хлопоты—на берегу нанимать лошадей.

Въ Херсонѣ старшею, съ самаго пріѣзда сестеръ, была

Digitized by Google

сестра Варв. Ив. Щедрина. Хотя здѣсь много идетъ не такъ, какъ у насъ,—наши взгляды во многомъ расходятся,—но такъ какъ это шло уже такъ годъ и шесть мѣсяцевъ и, повидимому, все шло хорошо и всѣ довольны, то тутъ измѣнять нечего, тѣмъ болѣе, что это былъ іюнь, а всѣ говорили, что осенью всѣ военно-временные госпитали закроются.

8-го іюня я пріѣхала въ Николаевъ. Что жъ я скажу про сестеръ и про госпитали? Ни вспомнить, ни изъ моихъ же писемъ къ сестрѣ, очень короткихъ по недосугу писать, я ничего не могу сказать положительнаго. Тѣхъ сестеръ, которыя были изъ Петербурга и продолжали еще свое служеніе, разумѣется, хорошо помню; но тѣхъ, которыя были изъ Одессы и изъ другихъ мѣстъ и съ закрытіемъ этихъ госпиталей уѣхали, совсѣмъ не могу вспомнить,—а ихъ было много. Мнѣ всѣ разсказывали, что зимой и ранней весной положеніе сестеръ и больныхъ было ужасное.

Когда я пріѣхала, сестры были въ трехъ госпиталяхъ въ довольно далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Главный госпиталь былъ Морской. Мы такъ прямо и пріѣхали къ сестрамъ, которыя были при этомъ госпиталѣ, гдѣ въ это время было до 1.000 человѣкъ. Старшей сестрой была Аверкіева. Я ее почти не помню. Она была изъ Одессы и очень скоро туда уѣхала. Изъ ея же отдѣленія три сестры ходили въ Сухопутный госпиталь, который былъ противъ нихъ. Въ немъ было 450 человѣкъ.

Помню, какъ эти три сестры мнѣ говорили, что старшая сестра все свое время посвящаетъ Морскому госпиталю, а къ нимъ рѣдко ходитъ. Помню очень хорошо этотъ большой Морской госпиталь. Думаю, что онъ уже больше не существуетъ. Это было что-то престранное. Не знаю, какъ понятнѣе описать его. Это были длинныя галереи; по двумъ сторонамъ стояли койки, а надъ ними хоры тоже идутъ вдоль стѣнъ, такіе широкіе, что на нихъ тоже стояли койки и оставался проходъ между коекъ и перилъ. Въ серединѣ—широкое и высокое пространство. Кажется, такихъ длинныхъ галерей, раздѣляемыхъ сѣнями, было двѣ или три. Но это все очень неудобно; во-первыхъ, совершенно вмѣстѣ было болѣе 200 человѣкъ; во-вторыхъ, что проливали наверху, капало на нижнихъ, а что пахло внизу, несло прямо къ верхнимъ.

Еще былъ въ особомъ домѣ офицерскій госпиталь, куда ходили двѣ сестры. Верстахъ въ двухъ отсюда жили при госпиталѣ шесть сестеръ. Сестра Кояндеръ была старшей. Она, кажется,

Digitized by Google

изъ Москвы, хорошая сестра и продолжала потомъ свою службу въ Петербургѣ.

Въ третьемъ госпиталѣ, за горами и за песками на берегу Буга, была старшей монахиня, и какъ нарочно въ этомъ госпиталѣ былъ самый дурной и вспыльчивый смотритель, и у нихъ очень часто бывали непріятности. Я думаю, оба были виноваты.

Однако, я все-таки съѣздила къ адмиралу Рагулѣ, прося его быть покровителемъ сестеръ. Онъ былъ въ Севастополѣ вторымъ комендантомъ, и я его всякій день видала.

Я опять останавливалась на два дня въ Херсонѣ. Боже мой, какую важность всѣ приписываютъ всякому отчету, и правильному веденію самой мелкой отчетности, и страху не вести его по всѣмъ бюрократическимъ тонкостямъ! Я это испытала въ Херсонѣ. На этотъ разъ сестра Варв. Ив. Щедрина была со мной очень любезна. Она мнѣ показала свой цейхгаузъ, въ которомъ я нашла нѣсколько неоткрытыхъ тюковъ. Я ее спросила:—Отчего вы не разберете ихъ? Можетъ быть, тутъ есть и бѣлье, и компрессы и пр., въ чемъ вы нуждаетесь.

— Но вотъ видите, все это надо ввести въ отчеты, а потомъ вести всему и расходъ. Это такъ затруднительно.

Мнѣ просто было досадно это слышать, и, вспомнивъ, какіе я видѣла толстые компрессы на глазахъ больныхъ, я ей сказала:

— Мы сейчасъ всѣ тюки раскроемъ, и если васъ это затруднятъ, то напишите, что пріѣхала сестра-настоятельница и все растрепала, а ужъ я буду за это отвѣчать.

Потомъ сестры были очень рады, что мы все разобрали и нашли много очень имъ нужнаго, между прочимъ, запасъ персидской ромашки, въ которой онѣ очень нуждались, и которая была имъ необходима.

Кстати, скажу здѣсь и про письмоводителя Александра Порфирьевича Рыбалкина. Это была олицетворенная аккуратность! Получила я разъ письмо отъ вице-губернатора Браилки; по ошибкѣ, онъ писалъ о мальпостахъ, которые были присланы для сердобольныхъ, а не для насъ; но Алекс. Порф. пришелъ на другой день меня спрашивать:—Вы получили письмо?—Да, получила. Да это вздоръ, ошибка!—Что за дѣло, что вздоръ! Все же надо соблюсти форму; вѣдь письмо подъ №?—Ну, что-жъ, что подъ №?—Необходимо надо внести въ бумаги.—Да вѣдь это заводить пустыя бумаги?—Такъ должно. Пожалуйста, дайте его.

Я сыскала письмо на полу и подала ему. Онъ былъ очень радъ, а я ему говорю:—Право, Алекс. Порф., я въ другой разъ разорву и брошу такой вздоръ!—А онъ мнѣ невозмутимо отвѣ-

Digitized by Google

чаетъ:—Ну, что-жъ? Я тогда все-таки обязанъ написать, что бумага, полученная подъ такимъ-то №, разорвана сестрой-настоятельницей по ненадобности.

Кромѣ этой страсти все записывать, доведенной до крайности, это былъ очень хорошій человѣкъ, и я всегда оставалась съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

А каково же ему было смотрѣть, какъ совершенно по походному происходило засѣданіе нашего комитета! Я сидѣла на своей кровати, сестра Е. П. Карцева—на шкатулкѣ, привинченной къ полу, Тарасовъ—на столѣ; только священникъ сидѣлъ на креслахъ, а письмоводитель—за столомъ въ дверяхъ другой комнаты. А какъ живо, съ какимъ одушевленіемъ мы совѣщались! Сколько было предположеній, сколько надеждъ, сколько мечтаній!

Такъ какъ я заговорила о каретахъ для сердобольныхъ, то припомню, что какъ я пріѣхала въ Симферополь, то надо мнѣ было объясниться съ начальницей сердобольныхъ, Распоповой: какъ онѣ располагаютъ—онѣ ли собираются оставаться еще въ Симферополѣ, или передадутъ всѣ госпитали намъ?

Я поѣхала къ ней съ нѣкоторымъ опасеніемъ, такъ какъ мнѣ говорили, что съ ней бываетъ трудно вести дѣла. Но мои сношенія съ ней были всегда очень пріятны, можетъ быть и по тому особому обстоятельству, что она съ самаго начала встрѣтила меня очень любезно, говоря:—Я бывала у васъ въ домѣ. Тогда были тамъ двѣ маленькія дѣвочки, Пашенька и Катенька. Которую изъ нихъ я теперь вижу?

Когда пріѣхали къ намъ мальпосты, то всѣ сердобольныя собирались уѣхать. Мнѣ очень хотѣлось удержать ту, которая была при офицерскомъ госпиталѣ, и которой они были очень довольны. Распопова согласилась ее оставить, и я очень уговаривала ее остаться; она почти согласилась, но потомъ вдругъ отказалась, и мнѣ пришлось послать туда одну изъ нашихъ сестеръ. А вѣдь выбрать сестру для офицерскаго госпиталя очень трудно; молодую—нельзя, боишься ее компрометтировать. Госпиталь же былъ довольно далеко на дачѣ у Салгира въ прекрасномъ саду. Но, слава Богу, туда попала среднихъ лѣтъ сестра, очень добрая, услужливая, и которая умѣла имъ угодить. Сердобольныя уѣхали, да и наши сестры стали уѣзжать небольшими партіями. Больные убываютъ, но въ больничный лагерь они прибываютъ, такъ какъ изъ всѣхъ госпиталей ихъ привозятъ туда.

Въ Бахчисараѣ тоже больныхъ прибыло, потому что уходящіе полки сдаютъ больныхъ изъ своихъ лазаретовъ. Говорили,

Digitized by Google

что къ 24-му всѣ полки должны уйти, и тогда тоже должна быть временная прибыль.

Въ 20-хъ числахъ іюня, мы проводили доктора Тарасова и нашего священника, а съ ними сестру Зельстремъ 1-го отдѣленія. Они поѣдутъ черезъ Херсонъ, Вознесенскъ, Елисаветградъ и на Кіевъ, такъ какъ отецъ Арсеній долженъ былъ тамъ остаться у своего брата; онъ священникомъ въ Бѣлой-Церкви и желалъ повидаться со своимъ семействомъ, которое жило тамъ съ тѣхъ поръ, какъ бѣжало изъ Севастополя.

Въ понедѣльникъ я поѣхала въ Бахчисарай, но лучше сдѣлать выписки изъ моего письма къ сестрѣ, потому что теперь никакъ не буду въ состояніи написать такъ, какъ написала въ первую минуту, не скажу—хорошо и складно, но по крайней мѣрѣ живо, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ. Въ началѣ письма я обвиняю себя, que j'ai commis un crime de lèse charité, но никакъ не могла преодолѣть себя и не побывать въ Севастополѣ. Я знаю, что сестра, а тѣмъ болѣе сестра-настоятельница не должна разъѣзжать столько времени безъ дѣла, но не могла отказаться отъ этого, и была наказана, потому что было ужасно видѣть Севастополь.

„Когда я вспомнила 27-е и 28-е августа, это пламя, эти ужасные взрывы, этотъ шумъ, трескотню, крики толпы, войска, лошадей, воловъ, я не могу тебѣ дать понять этихъ двухъ картинъ, какъ сравненіемъ: представь себѣ, что ты видѣла умирающаго въ послѣднія минуты его агоніи, но, несмотря на страданіе и смерть, все еще прекраснаго,—и послѣ этого на томъ же мѣстѣ тебѣ бы показали груду костей и сказали бы:—Вотъ тотъ, котораго ты видѣла хотя умирающаго, но еще прекраснаго!

„Но лучше разскажу, какъ я на это рѣшилась и какъ устроила.

„Пятницу и субботу я очень усердно занималась то тѣмъ, то другимъ, но на мою бѣду пришелъ ко мнѣ графъ Шанскій и сказалъ, что Севастополь сдаютъ нашимъ, что онъ туда ѣдетъ. И неужели я не увижу Севастополя? Рѣшительно я не хотѣла туда ѣхать, пока тамъ были французы, но тутъ la tentation était devenue trop forte [1]), тѣмъ болѣе, что устроить это было такъ легко.

„Мы, пообѣдавъ и набравъ разныхъ вещей для сестеръ и больныхъ Бахчисарая, съ сестрой Королевой и Рыбалкинымъ поѣхали туда. Въ восьмомъ часу мы туда пріѣхали. Сестеръ

[1]) Искушеніе было черезъ-чуръ велико.

Digitized by Google

нашла здоровыми, больныхъ много, но бо́льшая часть—выздоравливающіе. Обошли палаты, и я объявила, что завтра рано утромъ я уѣду въ Севастополь. Признаюсь, что на вопросъ: по какому дѣлу?—мнѣ было совѣстно отвѣчать:—безъ дѣла, а только съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ ѣдутъ поклониться могилѣ любимыхъ нами людей.

„Вечеромъ нашла ужасная туча, пошелъ дождь. Я думала, что само небо помѣшаетъ мнѣ ѣхать, но, проснувшись утромъ въ пятомъ часу, увидала ясное солнце и чудное голубое небо. Итакъ, въ шесть часовъ мы поѣхали. Было еще довольно прохладно, и какая опять роскошная зелень въ Бельбекской долинѣ! Огромные дубы и вязы, у которыхъ сучья были отрублены, опушились длинными, новыми побѣгами съ крупнымъ листомъ, такъ что они имѣли очень странный видъ; виноградъ, перекопанный и обработанный, густо росъ въ садахъ долины. Такъ все было зелено и свѣжо, точно природа хотѣла вознаградить за прошлогоднія опустошенія.

„На деревьяхъ тысячи цикадъ поютъ безъ умолку. Но только кое-гдѣ увидишь человѣка, работающаго въ виноградникѣ или въ огородѣ,—все такъ тихо и мирно.

„Но вотъ нашъ тарантасъ повернулъ на шоссе; мы переѣхали Бельбекъ, проѣхали то мѣсто, гдѣ въ палаткахъ жили сестры, проѣхали виноградникъ, который раздѣлялъ нашъ лагерь отъ лагеря госпиталя. Онъ славно опушился и ярко зеленѣетъ. Но фруктовыя деревья въ саду, гдѣ былъ госпиталь, почти всѣ съ поблекшими листьями, какого-то красноватаго цвѣта, такъ что у нихъ какой-то болѣзненный, страдальческій видъ. Вотъ видно море, а тамъ вдали, противъ Камышевой бухты — ненавистные англійскіе и французскіе корабли.

„Поднялись на гору. Константиновская и Михайловская батареи стоятъ какъ прежде. Но вотъ тамъ бараки, первый нашъ пріютъ въ Севастополѣ. У нихъ нѣтъ ни рамъ, ни крышъ. А вотъ и кладбище, гдѣ лежатъ четыре наши сестры; по лѣвую руку другое кладбище у Михайловской батареи, а вотъ магазинъ, куда 27-го августа я ходила ночью поить больныхъ водкой. Ихъ нельзя узнать: едва стоятъ полуразвалившіяся стѣны, а изъ бухты все такъ же печально торчатъ мачты кораблей и трубы пароходовъ, и тамъ, по ту сторону бухты, какія-то странныя строенья, какія-то неясные бѣлыя очертанія,—какъ они кажутся далекими! Всегда въ строеніяхъ рѣзко обозначаются окна черныя на бѣломъ строеніи, а тутъ въ окна просвѣчиваетъ тоже или голубое небо, или блестящія облака. Только недостроенная

Digitized by Google

церковь Св. Владиміра стоитъ какъ прежде, а насквозь огромнаго зданія Александровскихъ казармъ такъ и сквозитъ небо.

„Но гдѣ же наша Николаевская батарея, нашъ трехмѣсячный пріютъ отъ бомбъ и смерти? А вотъ эта длинная гряда безобразныхъ обломковъ на берегу моря—вотъ она!

„Мы наняли лодку съ двумя гребцами (теперь уже всѣ русскіе) и поѣхали на ту сторону. Не стану тебѣ дальше описывать... Да и что описывать? Еще съ Сѣверной это можно назвать призракомъ города, а здѣсь—l'abomination de la désolation!.. [1])

„Мы проходили три часа въ самый полдень, подъ палящимъ солнцемъ, исходили почти весь городъ, доходили до 4-го бастіона. Тамъ я рѣшительно ничего не поняла: все изрыто, какой-то хаосъ! Отъ большихъ домовъ стоятъ еще стѣны, иногда всѣ, иногда двѣ или три, но слободки, которыя были ближе къ бастіонамъ, не имѣютъ и подобія домовъ, а только груды бѣлаго камня и черепицы...

„Были мы и на могилахъ павшихъ защитниковъ Севастополя, въ недостроенной церкви. Тутъ нѣтъ ни монумента ни плиты, а только груды камней полуосѣвшихся... Грустно, тяжело!..

„Измучившись физически, а еще болѣе морально, мы вернулись на Михайловскую, гдѣ у того же священника, который пріютилъ насъ, когда мы въ первый разъ пріѣхали въ Севастополь, напились чаю и нѣсколько отдохнули.

„Когда мы доѣхали до сада, гдѣ жили сестры, мы пошли пѣшкомъ, чтобы отыскать могилу сестры Ал. Ив. Линской (она умерла на Бельбекѣ зимой) и прямо пришли туда. Она похоронена въ саду на кладбищѣ тамошнихъ помѣщиковъ, подъ хорошенькими деревьями бѣлой акаціи. Память о ней какъ-то сливается у меня съ памятью о Николаевской батареѣ, гдѣ она постоянно подвизалась въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

„Возвратившись вечеромъ въ Бахчисарай, я еще разъ, par acquit de conscience, обѣгала весь госпиталь, прежде чѣмъ лечь спать. На другой день, pour me compléter le souvenir de Sébastopol, меня разбудили словами:—Катерина Михайловна, вставайте, раненаго привезли!—Какъ раненаго?—Да, бомбой раздроблена нога. —Я вскочила, пошла туда и увидала бѣднаго черноморскаго казака съ совершенно раздробленной ногой. Онъ былъ съ товарищемъ на Черной рѣчкѣ, а вѣдь тутъ вездѣ валяются бомбы и ядра; его товарищъ вздумалъ бросить ядро на бомбу, отъ

[1]) Мерзость запустѣнія.

Digitized by Google

удара бомбу разорвало, того убило, а этому раздробило кость. Ампутація была въ верхней трети бедра. Если бы ты была въ Севастополѣ, то знала бы, что это почти равняется смертному приговору, и врядъ ли онъ теперь еще живъ"...

Я вернулась въ Симферополь въ очень грустномъ настроеніи, и когда Елизавета Петровна сказала мнѣ—она думала, что я поѣду въ Камышъ, то я ей отвѣтила, что послѣ того, что была въ Севастополѣ, ни за что не поѣхала бы, не хочу ихъ видѣть, такъ тяжело даже надписи французскія читать на развалинахъ Севастополя.

На другой день получила я письмо изъ Петербурга, которое меня совсѣмъ разстроило. Пишутъ, что посылаютъ, какъ старшую, въ Елисаветградъ одну красивую, молодую вдовушку, которая уже была сестрой въ первомъ отдѣленіи и, какъ мнѣ казалось, очень много занималась своими прекрасными бѣлокурыми локонами. Она—родственница m-me Кантъ,—да и какая же это безтолочь посылать теперь сестеръ, когда мы ихъ постоянно начали отсюда отправлять, такъ какъ больные быстро убываютъ и госпитали постепенно закрываются. Вѣрно, это m-me Кантъ выдумала. Я тутъ же подумала, что у насъ съ ней будетъ разладъ, какъ я пріѣду въ Петербургъ. Оно такъ и вышло.

Въ Петровъ день пріѣхалъ въ Симферополь Иннокентій. Въ этотъ же день я видѣла его у Браилки. Мнѣ необходимо было его видѣть для нашего священника, отца Арсенія Лебединскаго, который съ нимъ разъѣхался. На другой день я очень рада была, что осталась дома: къ намъ заѣхалъ Иннокентій. Онъ благословилъ всѣхъ сестеръ и тѣхъ, которыя сейчасъ же должны были уѣхать на дежурство, а потомъ пошелъ въ мою комнату и долго оставался, такъ что сестры смѣнились съ дежурства и пріѣхали домой,—тогда онъ и ихъ благословилъ.

Чего, чего мы съ нимъ ни переговорили! Сначала—о моихъ родныхъ, которыхъ онъ зналъ, о кн. А. А. Шаховскомъ, котораго онъ очень любилъ, о моей сестрѣ, которой много стиховъ онъ читалъ, хвалилъ ихъ и ихъ религіозное направленіе; сказалъ мнѣ, что онъ думалъ, что она пойдетъ въ сестры. Я ему сказала, что ея слабое здоровье не могло бы это выдержать. Говорили о военныхъ дѣйствіяхъ, о Севастополѣ и объ общинѣ, чего я и желала. Я его стала просить, чтобы онъ меня выучилъ, какъ внушить религіозность. Онъ мнѣ отвѣтилъ на это:

—Вы такъ легко дѣлаете мнѣ самый трудный вопросъ, который мы такъ часто задаемъ себѣ, когда собираемся проповѣдовать;

Digitized by Google

это такъ трудно, это, должно быть, благодать Божія. Главное, примѣръ и вашъ для этого необходимъ.

Я ему отвѣчала, какъ меня мучитъ то, что я слишкомъ свѣтская.—Что же, вы и не должны быть монахиней. И бойтесь того, чтобы частыми чтеніями, вмѣсто того, чтобы принести пользу, не дать отвращенья отъ хорошаго. Это такъ трудно, и кромѣ навыка, какъ съ кѣмъ дѣйствовать, генеральныхъ правилъ не могу вамъ сказать. И самое главное, пусть у нихъ будетъ почаще Евангеліе хоть передъ глазами,—это всего больше дѣйствуетъ на нашу душу.

Этотъ разговоръ я тоже выписала изъ письма къ сестрѣ, которое я написала ей немедленно.

5-го іюля еще уѣхали сестры, а 7-го—Елизавета Петровна; зато къ намъ въ Симферополь пріѣхала сестра Марья Ивановна Алексѣева. Бахчисарайскій госпиталь закрыли, а оставшихся тамъ больныхъ перевели къ намъ.

Еще прежде всѣ сердобольныя уѣхали и передали намъ и баракъ. Что мнѣ въ это время было очень скучно и даже тягостно—это писанье бумагъ. Надо было писать къ сестрамъ во всѣ отдѣленія, а всего чаще надо было писать въ Петербургъ и надо было непремѣнно писать сначала начерно, не для того, чтобы arrondir mes phrases,—я за этимъ никогда не гналась, да и не умѣла,—а чтобы имѣть „отпускъ“. Вѣдь мы получали отвѣты недѣли черезъ двѣ. Получишь какой-нибудь отвѣтъ, наскоро написанный, такъ что вдругъ и не поймешь на что именно отвѣчаютъ, пока не посмотришь, что тогда спрашивалъ.

И много времени я употребляла на писанье, такъ что мало мнѣ его оставалось для больныхъ, что мнѣ было очень грустно; но все-таки я ѣздила всякій день и въ бараки, и въ лагерь, а дня черезъ два или три и въ офицерскую больницу. Но это больше для отдыха, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Тамъ садъ или, лучше сказать, почти лѣсъ густой, тѣнистый вдоль Салгира, а въ Симферополѣ душно и пыльно, хотя именно въ іюлѣ были часто проливные дожди, иногда цѣлый день. Тогда другая бѣда: такая грязь въ лагерѣ, что изъ палатки въ другую палатку рядомъ насилу пройдешь. Грязь такая липкая, что калоши въ ней остаются.

У насъ былъ аукціонъ лошадей, экипажей и разной мѣдной и чугунной посуды, которой набралось очень много. Всѣмъ этимъ завѣдывалъ Рыбалкинъ. Онъ былъ точно impressario in angustio съ молоткомъ въ рукахъ. Собрались жиды, татары, греки и русскіе; продажа происходила на дворѣ. Кричали, спорили на разныхъ языкахъ. Кончилось тѣмъ, что мы продали на 687 р. сер.

Digitized by Google

Въ это время, т.-е. 29-го іюля, у насъ оставалось больныхъ въ лагерѣ 680 человѣкъ, въ баракахъ 162, и я рѣшила, что могу уѣхать, такъ какъ великая княгиня желала, чтобы я скорѣе пріѣхала въ Петербургъ, да и по многому это было нужно, а вѣдь мнѣ еще надо было заѣхать во многія мѣста, гдѣ были сестры. Я взяла съ собой сестру Наталью Александровну Базину. Сестры провожали меня со слезами, а добрая и милая Марья Ивановна горько плакала.

Мы выѣхали изъ Симферополя въ 7 часовъ послѣ обѣда. Утромъ были въ Перекопѣ, и сейчасъ же, только напившись чаю, поѣхали въ госпиталь. Онъ довольно далеко—тоже въ палаткахъ. Но тамъ мнѣ было очень досадно и даже больно: супъ былъ совершенно жидкій (а если класть крупу по постановленію, то супъ долженъ выйти почти какъ размазня). Я разохалась, пошла тревога, сдѣлала замѣчаніе сестрамъ, велѣла дежурить на кухнѣ. Но есть отвѣтъ, который меня совершенно выводитъ изъ терпѣнія, и сколько разъ я его слышала:—Представьте! вотъ какъ нарочно, когда вы пріѣхали, а то все было исправно!—Боже мой! Кто же этому повѣритъ?

Какъ вернулись изъ госпиталя, такъ сейчасъ поѣхали въ Бериславъ. Туда пріѣхали въ 7 час. Сейчасъ мы обошли госпиталь. Здѣсь и въ Перекопѣ 170 больныхъ. Сестры здѣсь очень милыя. Ихъ три. Мы съ ними поужинали; онѣ легли спать, а мы съ Базиной сѣли въ тарантасъ и поѣхали въ Херсонъ.

Мы пріѣхали рано утромъ; напившись чаю, я съ Варварой Ивановной Щедриной пошла въ госпитали; они въ трехъ разныхъ помѣщеніяхъ, и четвертый, гдѣ арестанты, но очень близко одинъ отъ другого, такъ что мы въ третьемъ часу вернулись домой. Послѣ обѣда я поѣхала къ губернатору и къ моимъ севастопольскимъ знакомымъ Павловскимъ и въ лавки, чтобы купить кисеи, закрывать слабыхъ больныхъ: здѣсь мухъ очень много.

Я не скажу, чтобъ все мнѣ очень нравилось, но все-таки все здѣсь очень порядочно, сестеръ любятъ и уважаютъ, и онѣ живутъ между собою дружно.

На другой день, 1-го августа, мы пошли къ обѣднѣ и на водосвятіе, но у нихъ въ этотъ день не ходятъ на Днѣпръ, а освящаютъ воду въ колодцѣ. Хотя народу было немного, потому что крѣпость довольно далеко отъ города, но толкали страшно, оттого что здѣсь есть такое обыкновеніе, что у всякой женщины и у всѣхъ дѣтей—нельзя сказать, что по букету, а по огромному пуку душистыхъ травъ, даже маковыхъ головокъ, и они кидаются, чтобы ихъ скорѣй намочить въ освященной водѣ.

Digitized by Google

Насъ эскортировалъ плацъ-майоръ, и намъ было хорошо. Обѣдня кончилась довольно поздно, а послѣ обѣда мы выѣхали изъ Херсона въ Николаевъ, и Варвара Ивановна Щедрина съ нами въ другомъ тарантасѣ.

Но я велѣла свернуть съ прямой дороги; мнѣ хотѣлось поклониться Говарду. А когда сестра Базина спросила меня, кто же это такой?—то я ей съ большой живостью сказала, какъ она мена самое обидѣла:—И вамъ не стыдно? Это просто ужасно, я отъ васъ этого не ожидала!—Неужели это такое преступленіе?—отвѣчала мнѣ она.—Разумѣется, преступленіе, а для сестры милосердія и большое преступленіе его не знать!

Мы остановились у высокаго обелиска, обнесеннаго каменной оградой, открыли рѣшетчатыя ворота и вошли туда. Обелискъ стоитъ на возвышенности въ нѣсколько ступеней. На немъ медальонъ съ изображеніемъ мужского лица, а кругомъ—надпись: *Въ темницѣ бѣхъ и посѣтисте меня.* Мы поклонились, перекрестились и сорвали нѣсколько травокъ съ гробницы человѣка, столь извѣстнаго своею добродѣтелью.

Садясь въ тарантасъ, я сказала сестрѣ:—Ну, теперь будете знать, кто̀ такое Говардъ.

Въ Николаевъ мы пріѣхали вечеромъ и прямо поѣхали въ Сухопутный. Сестры живутъ въ томъ же зданіи, гдѣ и госпиталь. Я должна была взять оттуда старшую сестру Кояндеръ, чтобы оставить ее въ Вознесенскѣ у сестры Будбергъ.

Въ этотъ же вечеръ мы обошли этотъ госпиталь, а на другое утро были и въ прочихъ госпиталяхъ. Здѣсь сестеръ хотя въ больницахъ и хвалятъ, но въ домашней жизни у нихъ много неурядицы, жалобы другъ на друга, и я постоянно должна была чинить судъ и расправу. Часто жалобы доходятъ до смѣшного, такъ что стараешься растолковать, какъ это ничтожно, и уговариваешь не обращать вниманія. Это—сестры, поступившія здѣсь; какъ только госпитали закрылись, онѣ оставили общину и не поѣхали въ Петербургъ.

3-го августа я выѣхала изъ Николаева въ Новую-Одессу, и тутъ начинается мое глупое путешествіе.

Въ прекрасную лунную ночь пріѣхали мы въ Новую-Одессу, и быстро подъѣхали къ бѣленькому домику, и на мой вопросъ еще изъ тарантаса:—Гдѣ сестры?—я получила въ отвѣтъ:

— Давно уѣхали.

Нечего дѣлать; поѣхали на станцію; тамъ даже нѣтъ самовара, но хорошо, что были лошади, и мы поѣхали далѣе;

Digitized by Google

только на одной хорошенькой станціи рѣшились остановиться, нѣсколько отдохнуть и напиться чаю.

Мы разсчитали, что намъ нечего спѣшить, и неудобно пріѣхать ночью въ Вознесенскъ, а лучше поутру.

Очень услужливая старушка принесла намъ самоваръ, мы собираемся съ удовольствіемъ напиться чаю,—и вдругъ на мѣсто воды изъ крана потекла какая-то черная жидкость. Зовемъ старушку.

— Ахъ, они безсовѣстные!—вскрикиваетъ она.—Матушки! Это ничего, это кофей! У насъ брали самоваръ на крестины. Экіе право!—И она скоро, вымывъ его и наливъ чистой воды, приноситъ намъ опять.

Проѣхавъ всю ночь, въ грустно-дождливое утро пріѣхали мы въ Вознесенскъ—и опять то же. Подъѣхали къ указанному намъ домику и услыхали:—Сестры уѣхали.

Грустно, досадно и глупо было даромъ проѣхать по поселеніямъ!

Отправились дальше по широкимъ улицамъ города; по обѣимъ сторонамъ—садики и деревья. Чистый, милый и уныло-стройный городокъ. Сейчасъ же со станціи послала къ генералу нашего унтеръ-офицера Фрелиха, очень расторопнаго, просить для меня открытый листъ. Тутъ обыкновенной почты нѣтъ, а поселенская, хотя поселенія, какъ они были сначала, упразднены.

Вдругъ является полиціймейстеръ (привожу изъ письма къ сестрѣ его разговоръ и всѣ мелкія подробности, которыя теперь описываю). Онъ узналъ, что пріѣхали сестры, и сейчасъ же счелъ за долгъ узнать, кто и зачѣмъ.

— Позвольте узнать, кто вы и зачѣмъ вы сюда пріѣхали?

— Я пріѣхала къ сестрамъ. Это мой долгъ навѣстить ихъ и видѣть всѣ отряды, такъ какъ я сестра-настоятельница.

— Слѣдовательно, вы—начальница?

— Да, самая главная начальница.

— Даже выше баронессы Будбергъ!!

— Выше.

Тутъ посыпались похвалы сестрамъ и увѣренія въ готовности сдѣлать все, что̀ угодно ея превосходительству.

Генералъ, который тутъ начальникъ, прислалъ за мной карету, прося меня къ нему пріѣхать, такъ какъ онъ боленъ и самъ не можетъ пріѣхать.

Пришлось къ нему ѣхать. Тутъ опять изъявленія обоюдной благодарности. Наконецъ, явился полиціймейстеръ съ открытымъ листомъ, и онъ же хлопоталъ у нашего экипажа, когда намъ

Digitized by Google

закладывали лошадей. И вотъ мы поѣхали въ Елисаветградъ. Ѣхали мы цѣлый день, не останавливаясь, питались только арбузами.

Пасмурный день смѣнился чудно-ясной ночью. Пришлось ночью въ незнакомомъ городѣ отыскивать незнакомый домъ. Наконецъ, намъ указали улицу, но Фрелихъ постучался въ нѣсколько домовъ, прежде чѣмъ наконецъ въ одномъ хорошенькомъ домикѣ съ разноцвѣтными стеклами открылись ворота, и мы вошли — къ сестрамъ.

Что̀ сказать про Елисаветградъ, про сестеръ, про госпитали? Но прежде я должна повиниться въ моей, какъ я называла, crime de lèse charité. Впрочемъ, на этотъ разъ я не очень считаю себя виноватой, такъ какъ думаю, что сестрѣ милосердія нельзя же перестать быть сестрой своего родного брата, а у меня въ Елисаветградѣ жилъ тогда братъ, и его я не видала лѣтъ семь. Итакъ, я здѣсь и осталась, можетъ быть, нѣсколько лишнихъ дней именно для него, потому что, пріѣхавъ съ 4-го на 5-ое, я только 11-го уѣхала въ Тульчинъ. А дѣла здѣсь было мало. Больныхъ всего 230 человѣкъ, а сестеръ много. Были между ними нѣкоторыя и изъ прежнихъ сестеръ. Признаюсь, не понимаю, для чего только онѣ разъѣзжали взадъ и впередъ, или, лучше сказать, зачѣмъ онѣ заставляли себя возить, что̀ въ то время было и дорого, и затруднительно.

Разумѣется, мы всякій день ходили въ госпиталь, и тутъ, увы! одинъ разъ я была сильно поражена: вдругъ увидала на мѣсто цыплятъ, назначенныхъ на слабую порцію, на столѣ цѣлый рядъ пухленькихъ жирненькихъ утятъ! И услыхала тѣ же противныя слова:—Представьте себѣ, вѣдь это въ первый разъ, и какъ нарочно при васъ!

Да и многое было мнѣ не по душѣ. Мы другъ друга не понимаемъ. Можетъ быть, это и моя вина, но я нахожу—qu'on prend la morgue pour de la dignité et la bassesse pour l'humilité [1]).

Но кромѣ свиданія съ братомъ мои занятія здѣсь были: ходить къ генераламъ, принимать ихъ и смотрителей, слушать разные разсказы, гдѣ всегда мѣстоименіе *я* играло большую роль.

Но, впрочемъ, слава Богу, все здѣсь было благополучно. Больныхъ мало, сестеръ много, домикъ ихъ прехорошенькій. Власти къ нимъ хорошо расположены. Между собой онѣ живутъ дружно и тихо. Однимъ словомъ—все хорошо. Mais l'esprit n'y est pas;

[1]) Принимаютъ спѣсь за достоинство—и низость за скромность.

Digitized by Google

peut être il y a la lettre, mais pas même à la lettre. (Прошу извинить французскія фразы, но я рѣшительно не всегда умѣю ихъ равносильно перевести по-русски).

Опять мы поѣхали по бывшимъ поселеньямъ съ открытымъ листомъ. При въѣздѣ въ селенье, васъ спрашиваютъ:—Хотите ли вы тутъ ночевать, или поѣдете дальше?—Если вы хотите остановиться, то васъ ведутъ въ Комитетъ, т.-е. подвозятъ къ домику, на которомъ надпись „Комитетъ", но вамъ ничего тутъ не напомнитъ о какомъ-нибудь заведеніи, а вы взойдете въ хорошенькую станцію, гдѣ можно отдохнуть. Если же вы скажете, что ѣдете дальше, то побѣгутъ въ поле ловить лошадей. И всегда это продолжается довольно долго, сначала лишь побѣгутъ со всѣхъ ногъ, а уже съ половины идутъ очень тихо, да и закладываютъ очень медленно.

Вотъ въ Уманѣ мы остановились ночевать, но не для того, чтобы отдохнуть, а потому, что la tentation était trop forte, чтобъ рано утромъ ѣхать посмотрѣть извѣстную Софіевку, великолѣпный садъ графовъ Потоцкихъ. И въ 7-мъ часу, взявъ извозчика, мы поѣхали туда. У меня же было отъ брата письмо къ завѣдывающему тамъ офицеру.

По хорошей дорогѣ мы быстро туда поѣхали по хорошенькому городку, разбросанному очень живописно по склону горъ. Сада не стану описывать; онъ извѣстенъ. Скажу только, что все было очаровательно, и мы съ наслажденіемъ проходили тамъ болѣе пяти часовъ. Мнѣ дали нѣсколько горшечковъ съ микроскопическими кактусами (одинъ изъ нихъ до сихъ поръ ведется у меня и стоитъ на моемъ окнѣ).

Вернувшись, мы сейчасъ поѣхали дальше. Стало очень жарко, но что за красивые лѣса или, лучше сказать, рощи! Точно ѣдешь по парку; огромные дубы, ясени, клены—то стоятъ отдѣльно, то составляютъ прекрасныя группы, а между ними свѣжія, зеленыя полянки. Дорога проселочная, мягкая, узкая, извивается среди деревьевъ. Но стало скоро темнѣть, надвинулись тучи, заблистала молнія, а тутъ начались такія крутыя горы, что пришлось выходить изъ тарантаса. На одномъ спускѣ я спрашиваю: далеко ли до станціи?

— Верстъ восемь, да дорога очень дурна, все горы.

Стало совсѣмъ темно, и молнія стала еще ослѣпительнѣе. Хорошо еще, что мы ѣхали тихо, а то тарантасъ началъ вдругъ склоняться, да совсѣмъ и опрокинулся, но такъ тихо, что все было цѣло. Но вотъ бѣда, надо его подымать. Къ счастью, тутъ близко оказался шинокъ; оттуда мы позвали на помощь. Я на-

Digitized by Google

шла, что если шинокъ и очень вреденъ для нравственности, то очень полезенъ для проѣзжающихъ. И нѣсколько разъ на крутыхъ горахъ въ совершенныхъ потемкахъ приходилось пѣшкомъ по грязи и спускаться, и подниматься, потому что лошади съ трудомъ тащили тарантасъ.

Наконецъ, мы въѣхали въ густую аллею. Молнія опять засверкала, опять остановка—переправа, пардомъ, но паромъ прекрасный и уже въ деревнѣ.

Ямщикъ намъ говоритъ:—А за то къ какому дому я васъ привезу! Гдѣ останавливался графъ Никитинъ!

И скоро мы подъѣхали къ прекрасному дому, и солдатъ съ тремя шевронами отворилъ намъ. Двѣ комнаты, хорошія, большія, изящно меблированныя; былъ и диванъ, и кровать, съ великолѣпнымъ тюфякомъ, сторы, стеариновыя свѣчи. А Фрелихъ объявляетъ очень важно солдату, что, несмотря что полночь, генеральшѣ надо самоваръ. Я въ такихъ случаяхъ оставляю его такъ себя величать, зная, что это магически подѣйствуетъ на солдата, который привыкъ, что для генерала нѣтъ ничего невозможнаго. И черезъ полчаса онъ явился съ самоваромъ, чайникомъ, стаканами и даже съ серебряными ложечками.

Когда мы усѣлись за чай, я спросила сестру:—А что, Наталья Александровна, вѣдь этого съ нами бы не случилось, если бы, какъ то слѣдовало, мы не потеряли пяти часовъ на прогулку. Мы засвѣтло не только были бы здѣсь, но и въ Тульчинѣ у сестеръ.

— Нѣтъ, я не жалѣю. Все кончилось благополучно, а садъ прелестный.—А я тѣмъ болѣе не жалѣю, что мнѣ давно хотѣлось видѣть этотъ садъ.

И, несмотря на паденье, грозу, дождь и грязь, мы, очень довольныя, хорошо отдохнули въ прекрасной квартирѣ графа Никитина.

На другой день мы рано утромъ были въ Тульчинѣ. Тогда это былъ грязненькій еврейскій городокъ. Тутъ тоже имѣніе гр. Потоцкаго, но изъ другихъ Потоцкихъ. Имѣнье было тоже подъ опекой, но не за политическія дѣла, а за глупые и безобразные поступки.

Въ большомъ каменномъ домѣ съ большимъ, но совершенно запущеннымъ садомъ, жилъ съ семействомъ какой-то генералъ, опекунъ этого имѣнья. Въ большихъ флигеляхъ, окружающихъ большой дворъ, помѣщались и сестры, и госпиталь. Больныхъ было немного. Но что сказать о сестрахъ? Да лучше ничего не говорить. Это были послѣднія присланныя и приготовлен-

Digitized by Google

ныя m-me Кантъ. Сестра, которая была послана ей какъ старшая, скоро сама отказалась, говоря, что она вполнѣ сознаетъ свою неспособность. Когда я пріѣхала, двѣ сестры исполняли свои обязанности. Онѣ были изъ прежнихъ сестеръ, были въ Севастополѣ, и та именно, которая себя считала старшей, была разъ прислана съ Сѣверной къ намъ на перевязочный пунктъ, но мы черезъ недѣлю, за ея нерасторопность и мѣшковатость, отправили обратно. Другая, которая считалась ея помощницей, была очень добрая и хорошая сестра, простая, безъ всякаго воспитанія, и прочія были въ такомъ же родѣ. Это меня очень огорчило и испугало за будущее. Что же я найду въ Петербургѣ? Даже страшно было подумать, и я старалась остановить свои мысли на поѣздкѣ въ Москву, гдѣ увижу родныхъ и знакомыхъ.

Я не долго оставалась въ Тульчинѣ, чувствуя и сознавая совершенную невозможность тутъ что-нибудь сдѣлать; постаралась только въ матеріальномъ отношеніи устроить сестеръ лучше и, чтобъ онѣ имѣли возможность хоть чѣмъ-нибудь утѣшать больныхъ, пошла, накупила имъ сахару, чаю. Я помню, какъ за мной бѣгали жиды, когда я начала покупать сахаръ пудами, а чай нѣсколькими фунтами.

И что это были за лавчонки! Рядомъ съ чаемъ лежали сальныя свѣчи, а возлѣ головъ сахару стояли бочки съ дегтемъ.

Очень просила генерала покровительствовать сестрамъ, и онъ, и его очень милое семейство, были всегда очень внимательны къ сестрамъ. И я у нихъ нѣсколько разъ была, а что меня еще нѣсколько успокоивало, это — говорили, что госпиталь очень скоро закроется.

15-го, я уѣхала въ Бѣлую-Церковь, гдѣ у своего брата, тоже священника, находился нашъ батюшка, отецъ Арсеній, который долженъ былъ ѣхать съ нами въ Петербургъ, куда его приглашала великая княгиня. Мы провели тутъ двѣ ночи, такъ какъ священнику надо было собраться въ дорогу.

Мы осмотрѣли все, что было замѣчательнаго въ этомъ извѣстномъ имѣніи князей Браницкихъ, долго гуляли въ обширномъ и тѣнистомъ саду, но онъ не такъ изященъ и не такъ красивъ, какъ причудливо устроенный, съ разными затѣями и неожиданностями, уманскій садъ. Тамъ мраморныя статуи и бюсты очень хорошо отдѣляются на густой и разнообразной зелени, а въ этомъ саду статуи бронзовыя и ихъ зеленоватый оттѣнокъ не такъ ясно выдѣляется на окружающей ихъ листвѣ.

Оранжереи большія и великолѣпныя, а высокія деревья, Da-

Digitized by Google

tura arborea, были покрыты душистыми, огромными, бѣлыми цвѣтами, что̀ придавало имъ совершенно тропическій видъ.

Вечеромъ 17-го мы были въ Кіевѣ и остались тамъ двѣ ночи, такъ какъ нашему священнику очень хотѣлось служить въ пещерахъ обѣдню, а для этого ему надо было ѣхать къ митрополиту, который жилъ тогда на дачѣ, чтобъ получить на это разрѣшеніе. Разумѣется, онъ его получилъ.

Мы остановились въ страннопріимномъ домѣ Лавры, и поэтому намъ было удобно ходить на службу въ церкви.

И вотъ рано утромъ 19-го, чему я была очень рада, такъ какъ это день моего рожденія, мы слушали обѣдню въ маленькой пещерной церкви. Служилъ нашъ отецъ Арсеній съ монахами, а въ церкви были только мы двѣ и нашъ унтеръ-офицеръ. Было что-то спокойно-таинственное въ этой службѣ...

Послѣ обѣда мы, 19-го, выѣхали, но, несмотря на то, что нигдѣ не останавливались, мы не скоро добрались до Москвы, такъ много было проѣзжихъ, такой былъ разгонъ лошадей, что мы часто ждали на станціяхъ, или намъ приводили такихъ измученныхъ крестьянскихъ лошадей, что жалко было на нихъ смотрѣть. И только 25-го, при великолѣпной погодѣ и блестящемъ солнцѣ, мы въѣхали въ Москву и сейчасъ же почувствовали всю торжественность этой минуты: мы встрѣтили герольдовъ въ ихъ великолѣпной одеждѣ съ конвоемъ; они объявляли народу, что на другой день будетъ коронація...

Сегодня—21-ое мая 1889 года, день именинъ великой княгини Елены Павловны; мнѣ такъ живо вспоминается, какъ мы разъ справляли этотъ день, были въ церкви на Каменномъ-Острову, которая рядомъ съ дворцовымъ садомъ. Мнѣ помнится, что это и было всего одинъ разъ, что великая княгиня проводила въ Петербургѣ этотъ день. Былъ Государь, Государыня и прочіе члены царской семьи,—всѣ проѣхали въ церковь. Я съ нѣсколькими сестрами была тоже у обѣдни. Помню, что погода была великолѣпная... И вотъ, вспомнивъ все это, я рѣшилась опять приняться за оставленныя записки и постараться описать, какъ помаленьку въ Петербургѣ начали служить сестры, и какъ община послѣ скитанья наконецъ устроилась въ томъ домѣ, гдѣ она и теперь находится. Итакъ, продолжаю.

Я остановилась въ моихъ воспоминаньяхъ—на моемъ пріѣздѣ въ Москву наканунѣ коронаціи. Помню, что въ день коронаціи я съ сестрой и съ знакомыми, у которыхъ остановилась, ходила

Digitized by Google

по Тверской до Кремля и потомъ къ одному нашему знакомому, изъ оконъ дома котораго была видна великолѣпно иллюминованная Театральная площадь.

Но странно,—глядя на эти торжественные огни, мнѣ все вспоминались тѣ ужасные огни, которые я видѣла ровно годъ тому назадъ!..

При всѣхъ торжествахъ коронаціи я не могла часто бывать у великой княгини. Кажется, была у нея раза два; разумѣется, рѣшили, что надо о всемъ говорить и все рѣшить, когда великая княгиня пріѣдетъ въ Петербургъ, по окончаніи всѣхъ празднествъ. А я знала, что въ концѣ сентября великая княгиня собирается уѣхать въ чужіе края, — и вотъ въ этотъ-то короткій промежутокъ надо было устроить общину.

Нашъ докторъ Тарасовъ, нѣкоторыя сестры изъ прежде уѣхавшихъ, которыя были отпущены повидаться съ родными, также или были въ Москвѣ, или пріѣхали, чтобъ ѣхать вмѣстѣ со мной.

4-го сентября—мы выѣхали, и моя родная сестра со мной. Поѣздъ былъ огромный, такъ что нашъ вагонъ, семейный, только на самыхъ большихъ станціяхъ подъѣзжалъ къ платформамъ такъ, чтобы можно было изъ него выйти на станцію.

5-го мая—пріѣхали прямо въ домъ общины; только докторъ, священникъ и нашъ письмоводитель поѣхали на другія квартиры.

Первое, что меня поразило, это слишкомъ маленькій размѣръ этого дома. Я не думала объ удобствахъ, но не было никакой возможности помѣстить ни на койкахъ, ни даже на полу въ повалку всѣхъ сестеръ, которыя должны были пріѣхать съ юга изъ военно-временныхъ госпиталей. Иныя изъ нихъ выходили изъ общины, но все-таки онѣ имѣли полное право пріѣхать въ общину отдохнуть и имѣть въ ней пріютъ хоть на нѣсколько дней.

Домъ общины находился на Петербургской и сначала испытуемыя ходили учиться и приготовляться во Второй Сухопутный госпиталь. Теперь же сестры служили въ двухъ чернорабочихъ больницахъ; одна помѣщалась у Сухарнаго моста въ исправительномъ заведеніи и занимала въ немъ средній этажъ. Хотя на дверяхъ было написано: *Временное помѣщеніе чернорабочей больницы*, но когда мы туда поступили, это „временное“, кажется, уже продолжалось 18-ть лѣтъ. Не знаю, сколько времени оно послѣ меня продолжалось. Думаю, что до тѣхъ поръ, какъ выстроили Александровскую больницу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была

Digitized by Google

другая больница чернорабочихъ. Она помѣщалась въ домѣ Синебрюхова. Въ верхнемъ этажѣ были красивыя, высокія комнаты и круглыя съ колоннами, но въ нижнемъ—небольшія, низкія, противъ всѣхъ правилъ гигіены, какъ нынче говорятъ. Итакъ, въ эти два госпиталя ѣздили сестры всякій день на суточное дежурство, а старшая сестра, Елизавета Петровна Карцева, должна была постоянно ѣздить то въ тотъ, то въ другой; съ Петербургской Стороны это было очень далеко.

Почти тамъ же, у Калинкина моста—Морской госпиталь, гдѣ жили четыре сестры, но все-таки надо было и надъ нимъ имѣть постоянный надзоръ.

Николай Ивановичъ Пироговъ жилъ еще въ Ораніенбаумѣ, когда я пріѣхала. Мы на другой же день съ Тарасовымъ поѣхали къ нему. Вотъ какъ съ нимъ, бывало, поговоришь, то опять и ободришься, и одушевишься!

Ѣздили мы тоже съ Елизаветой Петровной и Тарасовымъ и въ Кронштадтъ, такъ какъ туда просили сестеръ въ госпиталь. Госпиталь огромный, да еще отдѣленіе для чернорабочихъ, помѣщенное въ оборонительной казармѣ. Рѣшили, что надо будетъ еще разъ пріѣхать, когда установится зимній путь и съѣдутся всѣ сестры. Въ это время главною заботою былъ—домъ.

Ѣздили мы съ докторомъ Тарасовымъ нѣсколько разъ съ одного конца города на другой, узнавали, посылали, но ничего подходящаго не нашли. А великая княгиня пріѣхала изъ Москвы и собиралась уѣхать въ чужіе края на зиму, а можетъ быть и на годъ. Сестры начинали собираться, а мы все были въ этомъ несчастномъ домикѣ.

Вдругъ великая княгиня объявила, что она помѣщаетъ общину въ Михайловскомъ дворцѣ; что главное помѣщеніе въ правомъ флигелѣ дворца (лѣвый флигель занимаетъ великая княгиня Екатерина Михайловна), и что будутъ еще отведены другія помѣщенія для сестеръ, по мѣрѣ того, какъ сестры будутъ собираться. Моей сестрѣ тоже давалась одна изъ фрейлинскихъ квартиръ.

Съ m-me Кантъ у меня съ первыхъ же дней вышла размолвка; она стала мнѣ говорить, что она полноправна во всемъ домашнемъ управленіи, а я ей сказала, что она—только моя помощница и просила ее для поясненія того поѣхать спросить у великой княгини. Результатъ этой поѣздки былъ тотъ, что ее взяли въ кастеляншы Михайловскаго дворца.

Великая княгиня уѣхала въ концѣ сентября, а мы въ началѣ октября переѣхали во дворецъ. Сестеръ и испытуемыхъ пере-

Digitized by Google

ѣхало во дворецъ 39. Были тутъ изъ всѣхъ отдѣленій, даже изъ финляндскаго.

8-го октября, пріѣхала сестра М. И. Алексѣева изъ Симферополя съ 26-ю сестрами; 11-го октября, изъ Херсона—В. И. Щедрина съ 20-ю сестрами, а 27-го октября, изъ военныхъ поселеній—Е. О. Будбергъ, Кояндеръ и съ ними 24 сестры. Но тутъ пошли безпрестанныя перемѣны: иныя сейчасъ же выходили, другія доживали свой годовой срокъ. Въ ноябрѣ, декабрѣ и слѣдующихъ мѣсяцахъ вступили прежнія; вступили и новыя, и очень хорошія, и такія, которыя сейчасъ же выходили. Иногда престранныя являлись личности. Помню, какъ одна долго у меня сидѣла, все разспрашивала, но когда я ей сказала, что сестры не получаютъ жалованья, она быстро вскочила и закричала:

— Какъ! Я, дворянка, буду ходить за чернорабочими и не получать за это платы? Это слишкомъ унизительно при моемъ званіи!

Вотъ понятія!

Чтобъ кончить вообще о сестрахъ, я скажу, что я должна была вытребовать 243 бронзовыя медали на голубой лентѣ въ память войны и разослать ихъ прежде вышедшимъ—въ Херсонъ, Одессу и др. мѣста. Умершихъ же сестеръ было въ Севастополѣ 4, въ Симферополѣ 4 или 5 (навѣрное не помню), одна на Бельбекѣ и одна въ Елисаветградѣ. Точно не могу сказать, но, кажется, ни въ Херсонѣ, ни въ Николаевѣ, слава Богу, не было умершихъ.

Скоро, однако, и въ Петербургѣ сестры начали хворать; занемогала то та, то другая; умерла только одна испытуемая отъ воспаленія мозга. Мнѣ это очень памятно. Я получила разрѣшеніе ѣхать въ Шлиссельбургъ—повидаться съ двоюроднымъ братомъ Михаиломъ Бакунинымъ. Ѣхать туда со мной было разрѣшено его родному брату. И вотъ, болѣзнь и смерть этой молодой и, какъ мнѣ помнится, хорошенькой дѣвушки, задержала меня болѣе чѣмъ на недѣлю. Однако эта задержка намъ не помѣшала видѣть М. Бакунина, и я съ благодарностью вспоминаю милое семейство коменданта, въ которомъ я провела два дня въ Шлиссельбургѣ.

Смерть этой бѣдной дѣвушки, которая умерла вовсе не отъ тифа, а еще болѣе болѣзнь и смерть m-me Шибель, навели на Михайловскій дворецъ совершенную панику. Но однако я помню, что въ это время за какимъ-то дѣломъ великая княгиня Екатерина Михайловна призывала меня къ себѣ и была очень любезна и внимательна.

Въ началѣ 1857 года, сестры поступили на служеніе въ Крон-

Digitized by Google

штадтъ. Много было объ этомъ разговоровъ, хлопотъ. Намъ наняли домъ небольшой, въ два этажа, но что было хорошо — домъ былъ у самаго госпиталя. О нашемъ устройствѣ очень любезно и внимательно хлопоталъ полковникъ Иванъ Петровичъ Комаровскій, тотъ самый, который первый насъ пріютилъ по пріѣздѣ въ Севастополь.

Онъ и тамъ былъ смотрителемъ госпиталя, и теперь былъ тѣмъ же при кронштадтскомъ госпиталѣ. Доктора иные были довольны, а другіе, и во главѣ ихъ главный докторъ Ланге, faisaient bonne mine à mauvais jeu. Сестры очень усердно принялись за дѣло. Но мы, разсуждая и толкуя въ нашемъ комитетѣ и посылая наши журналы въ чужіе края къ великой княгинѣ (Николай Ивановичъ въ это время уже уѣхалъ въ Кіевъ), сдѣлали великую ошибку, воображая, что будетъ очень хорошо послать въ Кронштадтъ двухъ какъ старшихъ на равныхъ правахъ, и думая, что тѣ качества, которыхъ нѣтъ у одной, пополнятся тѣми, которыя есть у другой, а недостатки этой будутъ поправляться качествами, которыя есть у той.

И что жъ?! Эта комбинація, которая намъ казалась очень хороша, вышла совершенно непрактична. Слава Богу, не было у нихъ сильныхъ столкновеній, но какъ-то все не ладилось, были des tiraillements, и обѣ были недовольны. Одна изъ нихъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернулась въ общину.

Въ эту же зиму 1857 года были у насъ—не знаю, какъ назвать—комитеты или совѣщанія у генерала Притвица, или у генерала Кнорринга,—не помню, у котораго изъ нихъ на квартирѣ, но оба были тутъ, и еще былъ князь Викторъ Иларіоновичъ Васильчиковъ, какой-то интендантскій генералъ Сорока, я и докторъ Тарасовъ.

Толковали мы о томъ, на какихъ правахъ и при какихъ условіяхъ сестры могутъ поступить въ военные госпитали; они даже говорили, что надо принять во всѣ, въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и другихъ городахъ. Но по числу сестеръ мы и на одинъ городъ не имѣли,—и вышло, что толковать собирались нѣсколько разъ, да на томъ и остались.

Привожу письмо Николая Ивановича, писанное по этому поводу. У меня копія была списана сейчасъ же, а оригиналъ остался у доктора Тарасова:

„Почтеннѣйшій Василій Ивановичъ и почтеннѣйшая сестра-настоятельница Екатерина Михайловна!—Я нарочно пишу къ вамъ обоимъ вмѣстѣ одно посланіе, какъ къ двумъ самымъ главнымъ столпамъ Крестовоздвиженской общины, и увы! вмѣстѣ съ вами

Digitized by Google

же долженъ горевать о предстоящей ей будущности. Слишкомъ быстро принимаетъ она громадные размѣры; громадное въ Россіи быстро деморализуется. Но чѣмъ труднѣе обстоятельство, тѣмъ тверже надо противустоять. Я вижу изъ письма Екатерины Михайловны, что ей подчасъ невесело бываетъ, но какъ же быть? Не бросать же изъ-за этого все хорошее, не бросать же все будущее вонъ изъ окна, потому только, что настоящее не слишкомъ утѣшительно! Я знаю, вы отвѣтите,—и въ будущемъ нѣтъ ничего привлекательнаго! Но будемъ осторожнѣе въ сужденіяхъ о томъ, что̀ не всегда совершается по неизбѣжнымъ законамъ ума и опыта. Какъ бы съ одной стороны ни было грустно, что такое великое дѣло, какъ введеніе женскаго надзора въ наши госпитали, при самомъ его началѣ начинаетъ уже хромать и портиться,—все-таки сдѣланъ шагъ впередъ, и какъ бы ни было сильно противодѣйствіе, какъ бы плохо благая цѣль ни исполнялась,—твердый характеръ, благородство души и прямодушіе настоятельницы еще много успѣютъ сдѣлать и по крайней мѣрѣ не допустятъ заплеснѣвшее перейти въ гнилость. Я впрочемъ боюсь теперь не столько противодѣйствія для общины со стороны госпитальнаго начальства, сколько другого—деморализаціи отъ лести и интереса. Не всѣ будутъ такъ трусливы, какъ главный докторъ московскаго госпиталя, который уже теперь общину величаетъ тайнымъ обществомъ и хочетъ ее передать въ руки тайной полиціи; найдутся люди поумнѣе; петербургскіе госпитальные дипломаты будутъ иначе дѣйствовать; они лучше знакомы со слабостями человѣческой натуры.

„Если община будетъ наконецъ введена въ военные петербургскіе госпитали, то я бы совѣтовалъ поручить ихъ непремѣнно Елизаветѣ Петровнѣ (Карцевой),—никому другому. Напишите мнѣ, ради Бога, что̀ придумаетъ комитетъ министровъ, и какъ онъ опредѣлитъ отношенія общины къ военнымъ госпиталямъ; это конечно еще не главное (главное—каковы будутъ сестры), но изъ этого можно уже будетъ видѣть, разнюхали ли они, въ чемъ состоитъ дѣло. Вамъ надобно было вступить въ переговоры съ русскими піэтистками; изъ этого класса надобно было бы привлечь кандидатокъ для общины; между ними есть, правда, много гипокритства; но это изъ всѣхъ пороковъ сестеръ есть еще самый простительный,—слишкомъ строгими въ выборѣ вамъ теперь уже нельзя быть поневолѣ! Постарайтесь теперь по крайней мѣрѣ при предстоящихъ средствахъ улучшить матеріальную сторону сестеръ и хотя черезъ это сдѣлать ихъ менѣе доступными къ деморализаціи; а то, вы увидите, будутъ брать взятки!

Digitized by Google

„Ко мнѣ приходятъ нерѣдко сестры, бывшія въ общинѣ у сестры Щедриной, плачутся на горькое ихъ положеніе, одна изъ нихъ,—знаемая Ек. Ал. Хитровой, фамиліи не припомню,—особливо жаловалась на Щедрину и говорила, что община ее руинировала совершенно; одну, съ лишаемъ на носу, мы кое-какъ выпроводили въ Кіевъ; одна, которая просила великую княгиню объ опредѣленіи ея сына въ школу, была у меня. Я уже два раза писалъ градоначальнику Алопеусу, чтобы онъ помѣстилъ ея сына въ пріютъ; у насъ въ училищѣ нѣтъ вакантныхъ и казенныхъ мѣстъ, но отвѣта еще не получалъ.

„Что касается до Одессы, то въ настоящее время ее характеризуютъ три превосходныя качества: грязь, воровство и дороговизна. Первое оттого, что для мощенія улицъ употребляютъ вмѣсто камня муку; второе—благодаря усиліямъ Воронцова и Ѳедорова—населить край безпаспортными, а третье ужъ Богъ знаетъ почему, говорятъ—будто бы война и жиды.

„Сдѣлайте одолженіе, похлопочите переслать фрейлинѣ Раденъ мое письмо; но пожалуйста черезъ вѣрныя руки, черезъ курьера, и поскорѣй изъ придворной конторы.

„Надѣюсь, что ни Екатерина Михайловна, ни вы меня не забудете и будете оба меня извѣщать, а я, если не дѣломъ, то словомъ, или чѣмъ могу, остаюсь вамъ вѣрнымъ и готовымъ для васъ.—Вамъ навсегда преданный—Пироговъ".

Одесса.
1857 г.? 14-го дня.

Увидала я сейчасъ, разбирая письма Николая Ивановича, что въ одномъ очень коротенькомъ письмѣ о какой-то сиротѣ, которую надо было помѣстить (письмо, отъ 5-го февраля 1857), онъ меня спрашиваетъ: „Перестали ли вы грустить о томъ, что вы настоятельница"? Я никогда не перестала—и отъ этого и оставила общину.

Въ началѣ марта, я начала получать очень мучительныя письма отъ Э. Ѳ. Раденъ. Паника Михайловскаго дворца дошла до чужихъ краевъ. Великая княгиня Елена Павловна очень волновалась. Письма ко мнѣ были очень длинныя, наполненныя тѣмъ, что слухи о болѣзняхъ сестеръ, о зараженіи нами дворца, распространились по всему Петербургу, дошли до Берлина, до Штутгарта.

Э. Ѳ. Раденъ писала: „Que la Grande-Duchesse a fait une chose extraordinaire en logeant les soeurs dans le palais, une

Digitized by Google

chose sans précédent et qui a dû exercer une grande influence morale sur la position de l'Община".

(„Великая княгиня совершила поступокъ необыкновенный, помѣстивъ сестеръ во дворцѣ,—поступокъ безпримѣрный, который долженъ былъ оказать сильное нравственное вліяніе на положеніе Общины".)

Съ этимъ я совершенно согласна, но все-таки я была сильно поражена, когда г. Гартманъ,—не помню, какой собственно былъ его оффиціальный титулъ, но помню, что онъ всѣмъ завѣдывалъ во дворцѣ,—пришелъ мнѣ сказать, что великая княгиня приказала ему приготовить какую-то квартиру, которая еще прежде была нанята великой княгиней, и что занемогшихъ сестеръ надо отправлять туда. Это меня поразило. Распоряженіе пришло прямо къ Гартману, даже не сообщенное мнѣ, и потомъ—отправлять больную именно тогда, когда ей дѣлается хуже,—вѣдь это можетъ убить! Мнѣ такъ и вспомнился домъ Гущина de terrible mémoire!

Я, какъ то видно по отвѣту Раденъ, все это ей живо написала. И она мнѣ пишетъ длинное письмо, и въ немъ тѣ слова, которыя меня тогда поставили въ ужасное положеніе: „Madame la Grande-Duchesse me charge de vous dire qu'elle est loin de vouloir imposer cette mesure à l'Община. Elle vous a dit ses motif, ses craintes. Vous comprenez le sentiment maternel qui la rend responsable devant son propre coeur. Eh bien, Son Altesse vous laisse à vous même le soin de peser le pour et le contre en cas de maladies des soeurs et s'en remet avec la plus grande confiance à ce que votre conscience vous dictera pour agir". („Великая княгиня поручаетъ мнѣ сказать вамъ, что она далеко не желаетъ примѣнить эти мѣры къ общинѣ. Она высказала вамъ свои мотивы, свои опасенія. Вы поймете материнское чувство, которое дѣлаетъ ее отвѣтственной передъ собственнымъ сердцемъ. Итакъ, ея высочество предоставляетъ вамъ взвѣсить за и противъ въ случаѣ болѣзни сестеръ и *полагается вполнѣ на то, что вамъ внушитъ ваша совѣсть*".)

Я живо и теперь помню, въ какомъ я была ужасномъ, нерѣшительномъ состояніи, прочитавъ эти слова. Это было вечеромъ; и докторъ Тарасовъ, и я, мы сидѣли другъ противъ друга, повторяя то тотъ, то другой:—Что же мы сдѣлаемъ? На что рѣшиться?—Въ это время одна изъ сестеръ екатеринославскаго отдѣленія была очень больна.

И наконецъ рѣшили: утро вечера мудренѣе! Что-то будетъ утромъ? Но, слава Богу, больной ночью стало лучше, черезъ

Digitized by Google

нѣсколько дней она совсѣмъ поправилась, и больныхъ больше во дворцѣ не было.

Зато многія сестры занемогали въ Кронштадтѣ и даже двѣ умерли. Я туда ѣздила очень часто, пока былъ зимній путь, но потомъ необходимо было ждать пароходовъ, и то я помню, что разъ я съѣздила туда на пароходѣ, но потомъ, черезъ недѣлю, опять собралась: погода была холодная, сырая, мы вышли изъ устья Невы, потолкались, потолкались между льдовъ и дали заднягo ходу, и хорошо, что успѣли вернуться, такъ какъ пошелъ огромный ледъ изъ Ладожскаго озера.

Лѣто 1857 года прошло благополучно. О маленькихъ непріятностяхъ, неважныхъ неурядицахъ — нечего и вспоминать. Были новыя сестры, которыя входили и выходили; входили тоже изъ прежнихъ сестеръ, но это всегда было и будетъ.

Но, слава Богу, сестры были здоровы и постоянно и усердно работали въ двухъ чернорабочихъ больницахъ. Иныя уѣзжали въ отпускъ на мѣсяцъ, на два, чтобы отдохнуть и совсѣмъ поправиться. Кронштадтскія сестры переѣхали въ морскіе бараки, Ключинскіе, куда перевозятъ больныхъ цынготныхъ съ мелкими язвами и хрониковъ, которымъ нуженъ хорошій воздухъ для поправленія.

Мѣстоположеніе очень хорошее, на возвышенности, березовая роща; сестры имѣли небольшой домикъ. Сестеръ тамъ могло помѣщаться только четыре, но онѣ мѣнялись, чтобъ всѣмъ подышать хорошимъ воздухомъ. Это верстъ восемь отъ Ораніенбаума по шоссе—красивая дорога. А изъ Кронштадта въ Ораніенбаумъ также очень удобно и пріятно ѣздить на небольшихъ пароходахъ, которые тогда тутъ ходили нѣсколько разъ въ день.

Въ чернорабочій, что у Египетскаго моста, въ іюлѣ къ намъ перевели не помню изъ какой больницы 100 женщинъ. Много изъ этого было хлопотъ съ ними ладить. Да и иныя сестры увѣряли, что очень тяжело и непріятно ходить за женщинами, тѣмъ болѣе, что онѣ были очень избалованы и своевольны. Скоро, однако, это все уладилось, и сестры также привязались къ своимъ больнымъ.

Но это извѣстно всѣмъ сестрамъ всѣхъ націй, что завести порядокъ и чистоту въ женскомъ отдѣленіи очень трудно. Тутъ женская „домовитость“, какъ ни трудно, а все же проявляется въ томъ, что многія стараются у себя подъ кроватью завести что-то въ родѣ хозяйства, и чашечки, и тарелочки, и разное тряпье, которое упорно прячутъ и сохраняютъ...

Digitized by Google

Теперь постараюсь возстановить въ моей памяти то, что̀ мною было передумано и перечувствовано въ продолженіе всего этого времени. Я не думала, что могу теперь это сдѣлать, но, разбирая письма Э. Ѳ. Раденъ и Н. И. Пирогова, я нашла нѣсколько листочковъ и моихъ черновыхъ писемъ къ нимъ. Буду этимъ пользоваться и приводить отвѣты Ник. Иван. на мои письма. Онъ тоже, какъ тѣ, на которыхъ жалуется Тургеневъ, писалъ часто безъ года и числа, а потому очень трудно опредѣлить, когда именно было писано то или другое. Думаю, что слѣдующее, приводимое мной, письмо было написано имъ въ 1857 году.

„9-го октября (1857?). Одесса. — Почтеннѣйшая сестра-настоятельница Екатерина Михайловна! Изъ писемъ вашихъ ясно видно, что вы въ разладѣ съ вами же самими. Избѣгайте видѣть одну только худую сторону. Я не хочу этимъ сказать, что отъ худого должно закрывать глаза. Нѣтъ, смотрите худому прямо въ глаза, знайте всю его подноготную, но не выбрасывайте изъ окна и хорошаго. Очевидно, что община, которой вы служите настоятельницей, не могла по ея происхожденію, развитію и всей обстановкѣ быть тѣмъ, чѣмъ она должна бы была быть. Но развѣ она уже дѣйствительно такъ худа и безобразна, и ненормальна, что должна непремѣнно разрушиться? Развѣ вы сами (вы знаете, я льстить не люблю), развѣ Елизавета Петровна и еще двѣ—три сестры обязаны не общинѣ обнаруженіемъ своихъ достоинствъ? Не будь общины, и всѣ эти личности скрывались бы въ хаосѣ общества. Община еще далеко не исполнила всѣхъ ея высокихъ обязанностей, далеко еще не достигаетъ цѣли, но все-таки она сдѣлала многое нежданное, до ея основанія невиданное, и эту хорошую сторону общины надо постоянно имѣть въ виду, и, имѣя въ виду, идти, идти и идти впередъ, не скрывая худого, поставляя его всѣмъ на видъ, съ искреннимъ желаніемъ его исправить. Повѣрьте, при этомъ прямомъ и испытанномъ уже способѣ смотрѣть на общественныя учрежденія, рано или поздно все пойдетъ на ладъ.

„О! еслибы все худое можно было разомъ съ корнемъ вонъ выкинуть! Когда нельзя, то уцѣпимся обѣими руками, ногами и зубами за хорошее, еслибы даже оно такъ было мало и ломко, какъ соломинка; будемъ мучиться, сдеремъ кожу съ рукъ и ногъ, искрошимъ зубы, но не выпустимъ того, за что разъ ухватились. Больше ничего вамъ не умѣю сказать въ утѣшеніе. Мнѣ кажется, что при настоящемъ развитіи общины вамъ бы можно было учредить, хоть для 3-хъ, для 4-хъ сестеръ, искусъ, да порядочный, чтобы испытать, не удастся ли образовать еще двѣ,

Digitized by Google

три замѣчательныя и дѣльныя личности. Неужели въ цѣломъ русскомъ царствѣ не найдется двухъ или трехъ, которыя бы со славой выдержали трудное испытаніе, въ которыхъ бы не запала мысль о высокости дѣла и цѣли, въ которыхъ бы не пробудилось сознаніе, что можно жить и другой жизнью, не похожей на ежедневную? Я все еще не потерялъ эту вѣру и равно вѣрю въ зло и въ добро, врожденное человѣку. А если вамъ удастся, несмотря на всѣ препятствія, образовать черезъ нравственный искусъ вашими стараніями и наблюденіями такихъ двухъ, трехъ избранныхъ, то вы уже исполнили ваше призваніе и должны будете благодарить только Бога, что онъ послалъ васъ туда, гдѣ вы были нужны. Не предавайтесь отчаянію и безвѣрію въ хорошее, это—модная болѣзнь нашего общества, очень понятная, неизбѣжная, чисто нервная, и, какъ всѣ нервныя болѣзни, требующая воли со стороны больныхъ, чтобъ ей не совсѣмъ поддаться. Пусть же покуда бо́льшая часть сестеръ занимается себѣ, худо ли, хорошо ли, въ госпиталяхъ, но выберите двухъ, трехъ, возьмите ихъ подъ свое крыло, растолкайте, разбудите, испытайте въ тиши, но глубоко; можетъ быть, Богъ и поможетъ вамъ; это будетъ самая прекрасная сторона вашей дѣятельности въ пользу общины и всего человѣчества, а вамъ въ утѣшеніе на трудномъ пути.

„Ѣду въ Екатеринославъ и Таганрогъ завтра. Надѣюсь вернуться черезъ три недѣли. Не забывайте меня. Жена вамъ кланяется и скоро соберется сама вамъ написать; она благодаритъ васъ за Алексѣеву.—Вамъ преданный *Пироговъ*“.

Это былъ отвѣтъ на мое письмо, писанное 16-го сентября, гдѣ я писала: „Сегодня годъ, что я въ Петербургѣ, годъ, что община здѣсь. Тяжело тянулся этотъ годъ. И что́ же принесъ онъ намъ? Подвинулись ли мы впередъ? Право, не знаю, даже думаю противное“...

Потомъ я вспоминаю въ письмѣ, какъ годъ тому назадъ я ѣздила къ Николаю Ивановичу въ Ораніенбаумъ; какія тогда были высокія мечты, свѣтлыя надежды!..

„Но что́ жъ я дѣлала въ этотъ годъ! Ничего, а можетъ быть и хуже, чѣмъ ничего. Мучилась, хлопотала, досадовала и горевала. Съ одной стороны, идеальныя, непримѣнимыя къ намъ теоріи, съ другой—матеріальная пошлость, жадность, глупость! Всѣ высокія мысли разбились въ прахъ объ неумолимую дѣйствительность. Только въ госпиталѣ, у постели больныхъ, видя сестеръ, свято исполняющихъ свои обязанности, и слыша благодарныя слова страдальцевъ, я отдыхаю душой“...

Digitized by Google

Я уже въ этомъ письмѣ писала, что не считаю себя ни способной, ни достойной устроить такое великое дѣло. Я привожу теперь эти строки, чтобы показать, какъ скоро я потеряла мои иллюзіи и какъ мало надѣялась на себя.

Привожу еще письмо Николая Ивановича, такъ какъ оно было тоже отвѣтомъ на такія же грустныя и тяжелыя мысли, которыя постоянно меня волновали; оно, должно быть, было писано уже въ 1858 году 18 апрѣля.

„Одесса. 18 апр. (1858?). — Почтеннѣйшая сестра-настоятельница, Екатерина Михайловна! Я вамъ давно не писалъ, потому что былъ по горло занятъ и дѣломъ, и бездѣльемъ. Для чего вы это все грустите? Вы знаете:

Кто все плачетъ, все вздыхаетъ,
Вѣчно смотритъ сентябремъ,
Тотъ науки жить не знаетъ...

„Полноте! если-бъ я вздумалъ вздыхать обо всемъ, что у меня дѣлается, я весь превратился бы въ одинъ вздохъ.

„Идеалъ мы никогда не должны выпускать изъ мысли и изъ сердца; онъ долженъ быть намъ постояннымъ путеводителемъ; но требовать, чтобы онъ исполнялся по мѣрѣ нашихъ горячихъ желаній, а если не исполняется, то сѣтовать и грустить — недостойно такого характера, какъ вашъ.

„Мы свѣта не перемѣнимъ, а потому должны его брать какъ онъ есть, только не поддаваться ему и ясно видѣть, что въ немъ наше, что чужое. Ясно же видѣть можно только тогда, когда сохранимъ все присутствіе духа, не омраченнаго скорбью и сѣтованіемъ о несовершенствахъ свѣта. Вы сами пишете, что у васъ есть нѣсколько хорошихъ сестеръ,—ну и слава Богу! Будьте пока довольны и этимъ, и того уже довольно. Хорошее съ трудомъ рождается на свѣтъ. Будь это хорошее хоть съ соломинку величиной,—раздосадовавши на худое, не упустите и эту соломинку изъ рукъ. Посмотрите вокругъ себя—вѣдь новое потокомъ льется къ нашему старому. Старые мѣхи должны лопнуть, наконецъ, отъ новаго вина. Другое дѣло,—если вы убѣдитесь совершенно, что васъ хотятъ заставить дѣйствовать по началамъ діаметрально противоположнымъ съ вашими. Тогда и я васъ не буду удерживать; бросьте все и сохраните душу! Но покуда это еще не рѣшено, подождите и убѣдитесь хладнокровно, не возмущаясь. Нѣтъ сомнѣнія, что при *извѣстныхъ условіяхъ* вы, съ вашими твердыми убѣжденіями и съ вашимъ искреннимъ желаніемъ дѣлать добро, можете и должны быть полезны на томъ

Digitized by Google

мѣстѣ, которое занимаете. Это я знаю, какъ дважды два—четыре. Главное дѣло состоитъ въ томъ, узнать—соблюдены ли и существуютъ ли эти условія; если ихъ вовсе уже нѣтъ, если вы убѣдились единожды и убѣдились совершенно хладнокровно въ невозможности ихъ осуществленія, тогда не оставайтесь ни на минуту, но—только тогда. Могли ли вы въ самомъ дѣлѣ думать, что въ общинѣ будетъ хорошо, когда ея основанія еще очевидно такъ шатко поставлены; поколѣніе, которое передъ вами, не годится никуда; оно и въ подметки не годится быть настоящимъ сестрамъ. Это ясно—и не могло быть иначе. Думайте только о будущемъ и старайтесь во что бы то ни стало пріобрѣсти эти условія, хоть съ боя—для лучшаго будущаго. Не пріобрѣтете этихъ условій—уходите, ваша роль тогда кончена, и Провидѣнію не угодно было предоставить вамъ жить въ будущемъ.

„Подождите, что̀ скажетъ великая княгиня. Ея fond содержитъ въ себѣ много превосходнаго; она принадлежитъ не къ дюжиннымъ личностямъ, и если что̀ можно сдѣлать хорошаго, то именно черезъ нее. Все зависитъ теперь отъ того, какъ бы изъ нея извлечь это хорошее. Дѣйствуйте осторожнѣе, не для себя, а для будущаго всего дѣла, слѣдствія котораго неисчислимы.

„Скажите Василью Ивановичу, чтобъ онъ мнѣ писалъ и меня не забывалъ; я всегда съ большимъ удовольствіемъ читаю его письма и всегда, всегда помню его; всегда буду знать и уважать какъ благороднаго и честнаго человѣка. Прочтите ему и мое письмо. Спѣшу послать на почту. Въ другое время напишу вамъ и больше.—Васъ искренно уважающій *Пироговъ*“.

Мы во все продолженіе весны и лѣта 1857 года ѣздили смотрѣть дома, если слышали или читали въ газетахъ о чемъ-нибудь подходящемъ. Но всѣ старанія оставались тщетными. Въ августѣ тоже были все напрасныя поѣздки за домами, но тутъ мы какъ-то успокоились, узнавъ, что великая княгиня остается зимовать за границей, и мы собирались совсѣмъ устроиться во дворцѣ. Хотѣли намъ поставить въ какой-нибудь залѣ особую походную церковь, дали еще кладовыя и подвалы для провизіи; казалось, нечего больше и хлопотать.

Но пріѣхала Е. П. Эл. и сонершенно ошеломила меня, сказавъ:—J'ai cru ne pas trouver l'община ici. La Grande-Duchesse Hélène me l'a dit et elle l'a dit aussi à sa fille“ [1]).

И вотъ, во что̀ бы то ни стало, надо немедленно найти по-

[1]) Я полагала, что не найду общины здѣсь. Великая княгиня мнѣ это сказала. Она тоже сказала и своей дочери.

Digitized by Google

мѣщеніе и переѣхать. Скоро, pour dorer la pilule, былъ присланъ похвальный и очень любезный рескриптъ сестрамъ. Наконецъ, 13-го октября, мы наняли домъ Самойлова въ три этажа, на Фонтанкѣ между Калинкинымъ и Египетскимъ мостами. Хорошо, что домъ былъ въ центрѣ нашихъ госпиталей, но домъ каменный и только-что выстроенный. Меня очень пугало, что онъ будетъ сыръ и поэтому нездоровъ. Но, слава Богу, хотя онъ и былъ сыръ, мы прожили въ немъ благополучно, ни одна сестра не умерла, а мы оставались въ немъ годъ и восемь мѣсяцевъ. Надо было, однако, прежде сдѣлать разныя мелкія поправки, передѣлки, и мы переѣхали только въ концѣ ноября.

Намъ предстояло много хлопотъ устроиться въ новомъ домѣ. Въ немъ было три этажа, во всякомъ этажѣ по двѣ квартиры съ кухнями и пр.; такъ какъ этотъ домъ былъ выстроенъ именно для отдачи въ наемъ небольшихъ квартиръ и никакъ не годился подъ такое заведеніе, какъ наше, то только по той крайности, въ которую мы были поставлены, мы могли кое-какъ въ немъ пріютиться.

Въ самомъ верхнемъ этажѣ, въ очень небольшой и невысокой комнатѣ, была поставлена походная церковь, тутъ же и квартира для священника. Въ другой половинѣ этого же этажа квартира доктора Тарасова и комнаты для больныхъ сестеръ и моя комната (моя родная сестра жила въ одной комнатѣ со мной), а внизу одна квартира; кажется, ее кто-то занималъ эту зиму, самъ ли хозяинъ, или она была съ его вещами, не помню навѣрное, но вторую зиму ее нанимали у насъ мои двѣ родныя сестры.

На другой половинѣ внизу была наша столовая и жила сестра-хозяйка и ея помощница.

Хорошо, что лѣстницы были теплыя и сообщеніе этажей —удобное. Но это былъ настоящій casse-tête chinois — размѣстить и умѣстить кровати и коммоды сестеръ. Я теперь помню, какъ мы съ этимъ бились, и кое-какъ наконецъ все уладилось.

Въ началѣ декабря переѣхалъ къ намъ отецъ Іоаннъ Янышевъ. Хотя мы были и въ наемномъ домѣ, но все-таки были теперь болѣе у себя, чѣмъ во дворцѣ.

Екатерина Бакунина.

Digitized by Google

АДВОКАТСКАЯ ШКОЛА

НАКАНУНѢ

ЕЯ РЕФОРМЫ

Исторія европейской адвокатуры сосредоточивается въ двухъ главныхъ фокусахъ: въ Англіи, совершенно обособленной, съ адвокатурою организованною своеобразно, въ тѣсной связи съ національнымъ судебнымъ строемъ,—и во Франціи, унаслѣдовавшей традиціи древняго Рима, переработавшей ихъ и оказавшей вліяніе на сосѣднія страны: Испанію и Нидерланды. Во всей остальной Европѣ адвокатура есть растеніе, насажденное извнѣ, не далѣе какъ въ послѣднія десятилѣтія нынѣшняго вѣка. Кое-гдѣ это насажденіе совершилось волею закона—въ другихъ мѣстахъ, оно прививалось помимо закона, внѣдряясь постепенно въ судебный обычай; однако и здѣсь, и тамъ, живо еще чувствуется свѣжесть прививки, замѣтны трещины, сквозь которыя въ складывающееся учрежденіе пробиваются чуждыя ему тенденціи, порожденіе той чиновничьей среды, въ которую адвокатура врѣзалась, какъ чужое тѣло со свободнымъ автономнымъ укладомъ, съ ярко выраженною индивидуализаціей труда и заслугъ—вольное казачество, пристегнутое кое-какъ къ бюрократической машинѣ. Неудивительно, что эта машина подчасъ давитъ его всѣмъ своимъ строемъ: молодому учрежденію вольно или невольно навязываются чуждыя ему воззрѣнія, тормазящія свободное его развитіе.

Эта характерная черта европейской адвокатуры отражается особенно замѣтно на вопросѣ объ адвокатской подготовкѣ, школѣ,

Digitized by Google

или такъ называемомъ „стажѣ“. Въ Англіи „стажъ“ создался—худо ли, хорошо ли—внѣ всякой зависимости отъ чиновничьей и частной службы: адвокаты тамъ готовятся въ рядахъ самого сословія, въ учрежденіяхъ, которыя не есть ни университетъ, ни практическая школа, но которыя совмѣщаютъ то и другое, и, пожалуй, еще нѣчто сверхъ того. Учрежденія эти („Inns of Court, судебныя коллегіи) возникли еще въ XIII вѣкѣ въ качествѣ университетовъ обычнаго права и не перестаютъ быть университетами и донынѣ, но эти университеты не только готовятъ исключительно адвокатовъ: они сами по себѣ есть то, что̀ мы на континентѣ называемъ адвокатскою корпораціею во всемъ ея объемѣ. Обученіе не есть нѣчто предшествующее адвокатской дѣятельности, проходящее вдали отъ нея,—оно только первая ступень самой адвокатской жизни, въ самомъ сословіи, въ сообществѣ товарищей, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ старшихъ. Вступающій въ „Inn“ не перестаетъ быть по окончаніи ученія членомъ ея; наоборотъ, переходъ въ адвокатуру есть лишь переходъ въ болѣе дѣйствительные члены той же коллегіи, къ которой адептъ принадлежалъ уже съ первыхъ шаговъ. Англійская адвокатура, вся сосредоточенная въ Лондонѣ, разбивается на четыре совершенно самостоятельныя ячейки. Такими ячейками и являются „Inn'ы“. До недавняго времени между ними не было никакой внѣшней связи, если не считать общаго для всѣхъ ихъ „attorney general“, какъ бы министра или верховнаго арбитра адвокатуры. Попытки къ объединенію, пока еще весьма слабыя, принадлежатъ лишь самому послѣднему времени. Каждая изъ судебныхъ коллегій является, такимъ образомъ, какъ бы самостоятельнымъ сословіемъ: она управляетси по своему усмотрѣнію, принимаетъ членовъ по своему усмотрѣнію и судитъ ихъ по своему усмотрѣнію. Коллегіи имѣютъ свои общежитія, свои общественные обѣды, на которыхъ обязательно должны присутствовать молодые, обучающіеся въ „Inn'ахъ“ члены, извѣстное число разъ; въ помѣщеніи коллегіи всѣ принадлежащіе къ ней адвокаты имѣютъ свои кабинеты для пріема кліентовъ. Молодой кандидатъ, для того, чтобы быть принятымъ въ адвокаты, обязанъ пробыть въ „Inn'ѣ“ три года, или двѣнадцать триместровъ; въ теченіе этого времени онъ слушаетъ курсы юридическихъ наукъ, въ самое преподаваніе коихъ вносится уже практическій элементъ, примѣнительно къ цѣлямъ, которымъ призваны служить коллегіи. „Мы безусловно предпочитаемъ систему, состоящую въ изложеніи и анализѣ отдѣльныхъ дѣлъ,—говорилъ объ англійской системѣ обученія М-г Crackenthorpe на международномъ кон-

Digitized by Google

грессѣ адвокатовъ, — всякимъ разсужденіямъ объ абстрактныхъ юридическихъ проблемахъ“ [1]).

„Будущіе юристы—такъ характеризовалъ англійскую систему профессіональнаго обученія докладчикъ конгресса Hanssens [2])—начинаютъ свое обученіе съ профессіональной практики, изъ которой рождается юриспруденція, и вмѣстѣ съ нею источникъ юридической науки, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи перейти къ теоретическимъ занятіямъ“.

По истеченіи трехгодичнаго срока кандидатъ подвергается экзамену по римскому и англійскому праву, и затѣмъ, по особому старинному церемоніалу, при участіи двухъ „крестныхъ отцовъ“, принимается въ сословіе, т.-е. въ коллегію, совѣтомъ старѣйшинъ (Benchers), сосредоточивающимъ въ своихъ рукахъ всѣ административныя и дисциплинарныя функціи.

Такія условія жизни создаютъ „стажъ“ безъ особой законодательной его регламентаціи. Объ задачи, которымъ онъ призванъ удовлетворять—усвоеніе нравственныхъ принциповъ профессіи и внесеніе практическаго элемента въ познанія „стажьера“—исполняются одновременно уже въ эпоху прохожденія того, что мы на континентѣ называемъ университетскимъ курсомъ. „Стажъ“ является созданіемъ самого сословія, результаты его не ставятся въ зависимость отъ случайнаго подбора умѣлаго и добросовѣстнаго патрона: само сословіе принимаетъ питомца подъ свое покровительство, учитъ и наставляетъ его.

Всякому предоставляется пріобрѣтать навыкъ въ дѣлахъ и путемъ занятій у болѣе опытнаго адвоката, но это—дѣло личнаго усмотрѣнія и свободнаго выбора. Обычай заниматься у болѣе опытныхъ адвокатовъ имѣетъ даже значительное распространеніе, но дурныя его стороны отсутствуютъ не только потому, что онъ не обязателенъ и вслѣдствіе этого не преграждаетъ доступа въ сословіе тѣмъ, кто не въ состояніи обрѣсти себѣ покровителя, но и потому, что внутренній недостатокъ личной связи ученика съ покровителемъ — односторонность усвояемыхъ пріемовъ и воззрѣній—парализуется сословною атмосферою, всецѣло окутывающею юнаго питомца съ первыхъ его шаговъ въ сословіи.

Такимъ же, какъ и въ Англіи, порожденіемъ сословной жизни является организація профессіональной подготовки во Франціи. Къ сожалѣнію, объ истинномъ достоинствѣ этой организаціи

[1]) Premier Congrès International. Compte rendu. Bruxelles. 1897, p. 102.
[2]) Ibidem, p. 78.

Digitized by Google

нельзя судить по современному ея состоянію: вѣкъ застоя, воцарившійся во французской адвокатурѣ со времени великой революціи, отразился на всѣхъ сторонахъ ея корпоративной жизни и между прочимъ на организаціи „стажа“. Идея о сословномъ „стажѣ“ завѣщана была французской адвокатурѣ прежними вѣками —начала его восходятъ еще къ XIV столѣтію,—но окончательную форму онъ пріобрѣтаетъ лишь въ 1751 году, незадолго до рокового для адвокатуры катаклизма. Потому судить о результатахъ этого опыта довольно трудно; важно только отмѣтить, что вѣками развивавшаяся сословная жизнь создала сословную форму „стажа“, и что расцвѣтъ адвокатуры совпалъ съ расцвѣтомъ этой именно формы [1]).

Отдѣльныя мѣры, направленныя къ усовершенствованію адвокатской подготовки, состояли прежде всего въ организаціи особой профессіональной школы: конференцій или бесѣдъ стажьеровъ по вопросамъ права и процесса подъ руководствомъ старшихъ товарищей. На стажьеровъ возлагалась обязанность присутствовать въ бюро безплатныхъ консультацій. Самая профессіональная ихъ дѣятельность—веденіе судебныхъ дѣлъ—ставилась подъ контроль спеціально для того назначенныхъ совѣтомъ руководителей. Занесеніе въ списокъ адвокатовъ, по окончаніи стажа, производилось на основаніи удостовѣренія шести адвокатовъ-руководителей объ успѣшномъ выполненіи кандидатомъ установленныхъ обязанностей. Общія очертанія этой организаціи сохранились и донынѣ.

Ярко расцвѣлъ, и сравнительно рано, сословный патронатъ въ Испаніи. Enquête, собранная международнымъ конгрессомъ адвокатовъ, открыла въ глухомъ углу Европы никому невѣдомую, существующую уже въ теченіе слишкомъ полутораста лѣтъ, академію адвокатуры. Оффиціальное ея названіе: „Королевская академія юриспруденціи и законодательства“ (Académie Royale de Jurisprudence et Législation), но она учреждена (въ 1730 году) одними адвокатами и посвящена спеціально адвокатской профессіи. Въ программу ея входитъ, между прочимъ, „обсужденіе— словесное и письменное—юридическихъ вопросовъ въ конференціяхъ и практическое занятіе дѣлами въ различныхъ отрасляхъ права“. Испанскіе адвокаты удостовѣряютъ, что „это учрежденіе приноситъ громадную пользу молодымъ адвокатамъ, которые подъ управленіемъ и руководствомъ старшихъ пріобрѣтаютъ практическія познанія, принимая участіе въ трудахъ академіи“. Ака-

[1]) Ср. Cresson, Usages et règles de la profession d'avocat, p. 29 sq.

Digitized by Google

демія пользуется чрезвычайнымъ почетомъ въ странѣ; во главѣ ея стоятъ люди съ наиболѣе извѣстными именами.

Но наиболѣе полнаго развитія достигъ сословный патронатъ въ Бельгіи.

Въ основѣ его лежатъ приблизительно тѣ же обязанности, которыя были указаны французскимъ декретомъ 1751 года; значительное различіе замѣчается, однако, какъ въ способахъ исполненія, такъ и въ достигаемыхъ результатахъ. Занятія въ конференціяхъ составляютъ заботу не оффиціальнаго представителя сословія, а свободной ассоціаціи, созданной именно въ видахъ правильной организаціи стажа и исполняющей успѣшно эту задачу уже въ теченіе слишкомъ полувѣка. Заботы направлены на развитіе въ будущихъ адвокатахъ дара слова, на усвоеніе ими правильныхъ методовъ анализа практическихъ случаевъ, на поощреніе ихъ къ серьезнымъ юридическимъ трудамъ, на ознакомленіе съ правилами профессіи. Установлены на своеобразныхъ началахъ такъ-наз. симулятивныя судебныя и парламентскія засѣданія, издается особый журналъ адвокатуры, читается курсъ профессіональныхъ правилъ. Защита дѣлъ бѣдныхъ, ввѣренная по закону стажьерамъ, поставлена подъ бдительный присмотръ совѣта и особыхъ руководителей изъ среды старѣйшихъ адвокатовъ, обязанныхъ шагъ за шагомъ слѣдить за движеніемъ процесса и дѣйствіемъ стажьеровъ. Истинными „помощниками“ являются тутъ, какъ оно и должно быть, не стажьеры, а установленные совѣтомъ патроны [1]).

Вся эта система не можетъ быть признана еще вполнѣ завершенной во всѣхъ деталяхъ: жизнь движется, и каждый день выплываютъ новыя попытки къ посильному разрѣшенію сравнительно новой задачи. Особенно много вниманія удѣлено „стажу“ послѣднимъ, такъ-наз. реформистскимъ, движеніемъ начала девяностыхъ годовъ. Необходимость сословнаго патроната ставится внѣ спора, но вопросъ о видахъ его признается не настолько еще разработаннымъ, чтобы принять форму закона. Потому проектъ реформы требуетъ, чтобы въ законъ включена была общая фраза объ обязанности совѣтовъ организовать „стажъ“, съ предоставленіемъ имъ свободы въ дальнѣйшемъ выборѣ той или иной конкретной формы, сообразно съ указаніями опыта и съ условіями мѣста и времени. Общій принципъ сословнаго па-

[1]) Подробности объ организаціи бельгійскаго стажа см. Réformes professionnalles. Rapport de la Commission du Conseil de l'ordre. Bruxelles 1894. L'enseignement du droit et le stage. Rapport du Conseil de l'ordre. Bruxelles 1895.

Digitized by Google

троната освященъ наконецъ и постановленіемъ международнаго брюссельскаго конгресса,—постановленіемъ, отразившимъ на себѣ въ значительной мѣрѣ воззрѣнія бельгійской адвокатуры. Резюмé оффиціальнаго отчета по вопросу о „стажѣ" гласитъ: „Слѣдуетъ распространять конференціи, руководимыя старшими товарищами, и собранія „молодой адвокатуры"; слѣдуетъ содѣйствовать образованію научныхъ ассоціацій" [1]).

Такова полоса распространенія сословнаго патроната: она вмѣстѣ съ тѣмъ и полоса стародавней адвокатуры, организованной на самобытныхъ началахъ. Сословный духъ, сознаніе особой миссіи адвокатуры—создали его; условія судебной жизни дали ему мощную поддержку. Въ самомъ дѣлѣ, устный процессъ и отдѣленіе функцій avocat отъ avoué, отдаляя дѣятельность адвоката отъ канцеляріи и выдвигая на первый планъ элементы индивидуальнаго творчества, рѣзко подчеркивали различіе между канцелярскою службою и адвокатскою профессіею; съ другой стороны, тѣ же причины, въ предѣлахъ самаго сословія, ослабляли значеніе подражательной ремесленной выучки и личнаго подчиненія подмастерья одному опредѣленному мастеру.

Какъ отраженіе средневѣкового типа обученія въ мастерской съ хозяиномъ и подмастерьемъ, и въ адвокатуру проникалъ личный патронатъ; но онъ остался вольнымъ обычаемъ, никому не вмѣняемымъ въ обязанность, внутренно не связаннымъ со всѣмъ сословнымъ строемъ профессіональной подготовки, покоящейся на представленіи объ адвокатурѣ, какъ искусствѣ, и на сознаніи долга всего сословія, какъ цѣлаго, передъ лицомъ его питомцевъ.

Этотъ личный патронатъ и судебно-канцелярскій „стажъ" процвѣтаютъ зато тамъ, гдѣ сословной организаціи вовсе нѣтъ; они процвѣтаютъ и въ Германіи, и въ Австріи, странахъ съ адвокатурою безъ прошлаго, выросшею вчера еще на развалинахъ адвокатскаго чиновничества, дѣйствующей при сложномъ письменномъ производствѣ и при смѣшеніи въ одномъ лицѣ функцій адвоката, avoué и нотаріуса. Кабинетъ патрона есть только одна изъ степеней канцеляріи,—всѣ ихъ надо пройти, адвокатскую даже въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ всѣ прочія.

Ремесленно-чиновничья адвокатура нуждается и въ ремесленной подготовкѣ. Она къ тому же и проще, и легче всякой другой. Порукою въ пригодности служитъ традиціонное примѣненіе

[1]) Premier Congrès International des Avocats. Compte rendu. Bruxelles 1897, p. 134.

Digitized by Google

ея во всѣхъ областяхъ промышленнаго труда. Внѣшній навыкъ пріобрѣтается этимъ путемъ въ совершенствѣ; а если гибнетъ самое юридическое творчество—печали мало. Къ тому же сословный патронатъ въ одной своей формѣ (англійской) совсѣмъ не поддается пересадкѣ; другія (французская, бельгійская, испанская) сравнительно мало испытаны. Со старымъ покойнѣе...

Потому, если исключить изъ счета Голландію, Швецію, Норвегію, Турцію, Болгарію и большинство швейцарскихъ кантоновъ, какъ страны, въ которыхъ „стажъ" вовсе не существуетъ, то всѣ остальныя представятъ лишь разнообразную комбинацію судебной и частно-адвокатской службы. Комбинація эта принимаетъ троякую форму: 1) судебная служба обязательно чередуется съ личнымъ патронатомъ (какъ въ Австріи, Германіи); 2) стажьеру предоставляется на выборъ либо судебный, либо личный патронатъ (Данія, Венгрія, Греція, Сербія); 3) обязателенъ одинъ личный патронатъ (Италія, Португалія, 5 кантоновъ Швейцаріи). Сроки службы чрезвычайно разнообразны: отъ $^1/_2$ года до 7 лѣтъ. Неодинаковы и условія перехода изъ стажьеровъ въ разряды полноправныхъ адвокатовъ. Исполненіе въ теченіе опредѣленнаго срока установленныхъ обязанностей—таково основное требованіе. Къ нему присоединяется, однако, въ нѣкоторыхъ странахъ еще требованіе особаго переходнаго экзамена. Самая идея о такомъ экзаменѣ, очевидно, плохо мирится съ отсутствіемъ профессіональной школы, которая давала бы всѣмъ одинаковую возможность учиться, и съ прикрѣпленіемъ стажьера къ личности отдѣльнаго адвоката, который можетъ и не обладать педагогическимъ талантомъ и не располагать нужнымъ для практическаго обученія матеріаломъ. Потому понятно, если о введеніи экзамена говорятъ въ Бельгіи, но непонятно, почему онъ съ особенною строгостью требуется въ Германіи и Австріи, и почему онъ вводится нынѣ у насъ проектомъ, поставившимъ себѣ задачею установить какъ единственную форму адвокатской подготовки—личный патронатъ.

Таковы детали, въ которыхъ законодательства разнятся другъ отъ друга; во всемъ остальномъ они поразительно схожи, какъ только могутъ быть схожи двѣ канцеляріи.

За всѣми разнообразіями и сходствами въ формахъ возстаетъ, однако, самый интересный вопросъ: удовлетворяетъ ли лично-служебный патронатъ, въ любой изъ наличныхъ формъ, предъявляемымъ къ нему требованіямъ? На этотъ вопросъ, обра-

Digitized by Google

щенный международнымъ конгрессомъ къ адвокатамъ всѣхъ странъ, получился всего одинъ утвердительный отвѣтъ изъ Сербіи: одни сербы безусловно довольны личнымъ патронатомъ. Другіе или молчатъ, или даютъ отвѣтъ отрицательный. Датчане, имѣющіе три разряда адвокатовъ и въ соотвѣтствіи съ этимъ три степени лично-служебнаго стажа, съ троекратной адвокатско-судебною службою—въ теченіе трехъ лѣтъ каждая—жалуются однако, что „этотъ стажъ неудовлетворителенъ"; жалуются на свой „стажъ" португальцы и даже нѣмцы. Датскіе адвокаты сопровождаютъ свою жалобу весьма характернымъ, нѣсколько наивнымъ восклицаніемъ: „А между тѣмъ законъ съ чрезвычайною ясностью установилъ, что стажъ долженъ быть серьезенъ, что стажьеръ долженъ состоять въ качествѣ дѣйствительнаго помощника (fondé de pouvoirs) при патронѣ и вмѣстѣ съ нимъ реально и серьезно работать надъ судебными дѣлами [1]). Одними предписаніями, повидимому, дѣла не наладишь.

На основаніи сдѣланнаго обзора, я прихожу къ слѣдующимъ выводамъ.

Адвокатура въ тѣхъ странахъ, гдѣ ей предоставлена была полная свобода развитія, гдѣ она была свободна отъ вліянія канцелярско-чиновничьяго и ремесленно-цехового режима, создала и должна была создать свой особливый типъ профессіональной подготовки. Этотъ типъ можетъ воплощаться въ различныхъ конкретныхъ формахъ; относительныя достоинства этихъ формъ еще мало испытаны, частью по случайнымъ причинамъ, частью вслѣдствіе особенностей тѣхъ странъ, въ которыхъ онѣ развились. Во всякомъ случаѣ, правильность основного принципа нигдѣ не поколеблена.

Далѣе, этотъ типъ подготовки не усвоенъ, по недоразумѣнію или сознательно, странами, имѣющими, явно или скрыто, организованное адвокатское чиновничество, но не имѣющими адвокатуры въ качествѣ свободной корпораціи. Въ нихъ господствуетъ, какъ основа профессіональной подготовки, обязательная служба въ канцеляріи или ремесленная выучка по типу мастерской. Построенная на такомъ базисѣ адвокатура, даже тамъ, гдѣ она введена внѣшнимъ образомъ, лишена основныхъ условій для самостоятельнаго развитія.

Даже съ точки зрѣнія тѣхъ ограниченныхъ требованій будничной канцелярской опытности, которыя предъявляются въ

[1]) Réponses au Questionnaire. Bruxelles 1897. Danemark, p. 6.

Digitized by Google

странахъ второго типа къ профессіональной адвокатской школѣ, личный патронатъ никого не удовлетворяетъ.

Личный же патронатъ, не обязательный, а основанный на свободномъ выборѣ, терпимъ постольку, поскольку рядомъ съ нимъ существуетъ правильно организованная сословная профессіональная школа.

Таковы выводы изъ анализа западно-европейскихъ порядковъ; нашъ собственный опытъ въ состояніи кое-что къ нимъ прибавить.

Наши судебные уставы не создали „стажа“ ни въ видѣ личнаго, ни въ видѣ сословнаго патроната; типомъ профессіональной подготовки, по мысли творцовъ уставовъ, была судебная служба. То бѣглое указаніе въ законѣ (ст. 354 Учр. суд. уст.), изъ котораго выросло все такъ-назыв. сословіе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, вовсе не шло, по мысли авторовъ, такъ далеко, какъ желали его впослѣдствіи понимать толкователи. Судебные уставы не создавали въ лонѣ сословія питомника,—и не для людей, сотнями идущихъ въ сословіе, притомъ прямо съ университетской скамьи, писалась 354-я статья. Она имѣла въ виду лицъ, дѣйствительно помогающихъ адвокату въ его—какъ сказано въ мотивахъ—„практическихъ“, то-есть канцелярскихъ занятіяхъ и дѣлающихъ изъ этой службы въ канцеляріи адвоката свою карьеру. Въ составъ этихъ лицъ, какъ видно изъ мотивовъ, могли входить съ одной стороны—люди безъ университетскаго образованія; съ другой — обладающіе всѣми данными для того, чтобы самимъ стать присяжными повѣренными, но предпочитающіе помогать другимъ. Помощничество было хлѣбнымъ занятіемъ, а не школою. Предполагалось, что эти помощники—окончили они университетскій курсъ или нѣтъ—будутъ люди опытные въ дѣлопроизводствѣ, сами уже прослужившіе; въ видѣ исключенія допускалось, что будутъ между ними и люди съ университетскими дипломами, „но нигдѣ не служившіе“. Этимъ „но нигдѣ не служившимъ“ людямъ и разрѣшался, въ видѣ исключенія, доступъ въ сословіе—вѣроятно, изъ опасенія недостаточности числа присяжныхъ повѣренныхъ,—изъ того же опасенія, которое 10 лѣтъ спустя вызвало къ жизни законъ о частныхъ повѣренныхъ. Эти настоящіе помощники не должны были стоять, по предположенію составителей уставовъ, ни въ какой связи,—посредственной или непосредственной—съ сословіемъ. Отъ мысли о предоставленіи имъ права, въ виду ожидавшейся малочисленности адвокатуры, вести дѣла, хотя бы

Digitized by Google

съ особаго разрѣшенія совѣтовъ, творцы уставовъ рѣшительно отшатнулись и чрезвычайно характерно мотивировали такое свое рѣшеніе. „Для того, чтобы быть присяжнымъ повѣреннымъ требуется какъ юридическое образованіе, такъ и служба въ продолженіе извѣстнаго времени по судебному вѣдомству. Если помощникъ присяжнаго повѣреннаго удовлетворяетъ обоимъ этимъ условіямъ, то онъ самъ можетъ приписаться въ число присяжныхъ повѣренныхъ; когда же онъ не совмѣщаетъ какого-либо изъ сихъ условій, то не можетъ замѣнить присяжнаго повѣреннаго, слѣдовательно и разрѣшеніе на ходатайство по дѣламъ наравнѣ съ присяжными повѣренными ему дано быть не можетъ". До мысли о „стажѣ", о „разсадникѣ", какъ принято теперь даже оффиціально выражаться, здѣсь очень далеко. Между тѣмъ, послѣ тридцати лѣтъ оказалось, что разсадникъ выросъ,—но только выросъ дикій; и когда теперь въ этомъ убѣждаются, то всю вину неудачи относятъ не къ тому, что культуру посадили не настоящую или, вѣрнѣе, что не сажали ея вовсе, а къ тому, что охрана была недостаточна. И рѣшили усилить эту охрану. „Стажъ", говорятъ, созданъ былъ у насъ, но онъ не развился, потому что былъ мало регламентированъ. Нужно только ту же 354-ю статью развить въ деталяхъ, обставить надлежащими санкціями — и „стажъ" пышно расцвѣтетъ.

Такими надеждами исполненъ нашъ новый проектъ организаціи адвокатуры, когда онъ, съ нетронутою никакимъ сомнѣніемъ увѣренностью въ непреложности основного принципа, приступаетъ къ тщательной и весьма детальной постройкѣ института профессіональной подготовки.

Неправильно истолкованная статья закона легла въ основу этой постройки, но весьма сильную, пожалуй даже исключительную опору новая эта конструкція встрѣтила въ опытѣ присяжныхъ экспертовъ изъ числа адвокатовъ, приглашенныхъ къ занятіямъ въ коммиссіи. Съ этимъ опытомъ нельзя было не считаться: онъ исходилъ отъ лицъ, которымъ ближе всего знакома врутренняя жизнь сословія. И мы не ошибемся, кажется, если, на основаніи изученія нѣкоторыхъ подробностей проекта, выскажемъ предположеніе, что этотъ опытъ почерпнутъ былъ преимущественно—если не исключительно—изъ жизни нашей, петербургской адвокатуры, имѣющей наиболѣе богатую и пеструю исторію вообще и, быть можетъ, единственную исторію въ области нашего вопроса. Съ нѣкоторыми перипетіями этой послѣдней не мѣшаетъ потому вкратцѣ познакомиться.

Помощники въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ создали уставы,

Digitized by Google

существовали у насъ въ сущности очень недолго. Не прошло трехъ лѣтъ со дня введенія уставовъ, какъ петербургскій совѣтъ принялъ мѣру, предрѣшившую надолго—если не навсегда—направленіе всего нашего помощничества.

11-го декабря 1869 года, совѣтъ постановилъ: исключить изъ состава помощниковъ всѣхъ лицъ, не имѣющихъ университетскаго диплома, завести при совѣтѣ правильный списокъ помощниковъ и не допускать въ ряды помощниковъ лицъ нравственно неблагонадежныхъ.

По смыслу уставовъ сужденіе о свойствахъ кандидата нравственныхъ и умственныхъ было предоставлено совѣту въ моментъ его принятія въ присяжные повѣренные. До этого момента совѣтъ не имѣлъ никакого права вмѣшиваться въ нравственную оцѣнку его личности. Перемѣщая свое право къ моменту принятія помощника, оцѣнивая уже въ этотъ моментъ годность его въ присяжные повѣренные во всѣхъ отношеніяхъ, за исключеніемъ практической опытности, совѣтъ тѣмъ самымъ пріобщалъ помощника къ сословію: онъ въ сущности сразу принимался въ присяжные повѣренные, только подъ условіемъ исполненія одного, единственнаго обязательства. Этимъ помощничество превращалось въ „стажъ", создавался типъ стажьера,—адвоката неполнаго, съ провѣреннымъ уже умственнымъ и нравственнымъ цензомъ,—явившагося не для того, чтобы помогать и дѣлать изъ этого свое ремесло, а исключительно для того, чтобы готовиться къ переходу въ адвокаты полные. Все послѣдующее было уже только естественнымъ послѣдствіемъ этого перваго шага. Оцѣнивая нравственныя качества кандидата при принятіи въ помощники, совѣтъ, идя послѣдовательно, лишалъ себя права оцѣнивать тѣ же качества вторично, при переходѣ въ присяжные повѣренные, ибо нѣтъ двухъ нравственностей,—одной для присяжнаго повѣреннаго, другой для помощника. Перемѣна въ отношеніи совѣта къ принятому ею члену можетъ послѣдовать только вслѣдствіе конкретнаго предосудительнаго поступка. А отсюда рождается дисциплинарная власть совѣта по отношенію къ помощникамъ.

Принимая помощниковъ въ сословіе, совѣтъ не могъ пріобщить ихъ къ самымъ значительнымъ актамъ сословной жизни, къ актамъ самоуправленія. Однако, мѣрами совѣта создались кадры лицъ, имѣющихъ общія задачи и только-что выдѣленныхъ изъ безформенной массы прежнихъ помощниковъ. Естественно, что они дорожили завоеваннымъ положеніемъ и должны были охранять ниспавшую на нихъ привилегію: эта привилегія была

Digitized by Google

нѣжнымъ росткомъ и нуждалась въ бережномъ уходѣ: она выросла силою внутренней необходимости, но ей все еще приходилось доказывать свое право на существованіе. Кадры помощниковъ сомкнулись и образовали собственный судъ, для охраны внутренней чистоты, и собственный строгій контроль надъ лицами, вновь принимаемыми въ ихъ ряды. Создалось нѣчто небывалое, небывалымъ именемъ окрещенное: особое „сословіе помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ". Принятыя имъ на себя задачи исполнялись—въ началѣ, по крайней мѣрѣ, — до того успѣшно, что совѣтъ счелъ возможнымъ всецѣло уступить важнѣйшія свои функціи новоявленному сословію въ лицѣ его выборнаго органа коммиссіи помощниковъ, оставляя за собою лишь верховное надъ нимъ наблюденіе.

Формально помощники являлись въ совѣтъ съ именемъ лица, къ которому желали приписаться и даже съ его письменнымъ согласіемъ. Изъявляющія согласіе лица, получившія впослѣдствіи совершенно некстати имъ присвоенное наименованіе патроновъ, исчезали затѣмъ послѣ принятія ихъ питомцевъ въ лоно сословія. И исчезали потому, что въ нихъ не было никакой надобности. Адвокатура росла быстро; согрѣтая дыханіемъ великой эпохи, ее создавшей, окруженная ореоломъ именъ, одарившихъ ее первымъ, самымъ драгоцѣннымъ вѣнкомъ славы, адвокатура привлекала къ себѣ все лучшія и все новыя силы. Послѣ 8 лѣтъ для одного Петербурга списокъ указывалъ около 300 помощниковъ. Рамки помощничества оказывались для нихъ слишкомъ тѣсными, тѣсными въ самомъ буквальномъ смыслѣ, ибо этихъ молодыхъ, желающихъ яко бы помогать, сразу стало гораздо больше, чѣмъ требовалось: некому было помогать. И въ ту пору, при сильномъ движеніи общественной жизни, никому изъ тѣхъ, кому ввѣрено было руководство сословіемъ, въ голову не приходило ограждать себя отъ прибоя новыхъ силъ, только потому, что ихъ порывы не мирились съ буквою закона, подъ покровомъ которой они по необходимости пріютились. Искали другого пути. Есть силы—ими надо воспользоваться—молодежь надо учить, надо имъ дать недостающую опытность, и множить, и ростить сословіе; страна еще многіе и многіе десятки лѣтъ будетъ въ немъ нуждаться. Надо ихъ ростить даже не для насъ—насъ стало и безъ того много,—а надо для глухихъ угловъ, которымъ болѣе всего нужны добросовѣстные и опытные поборники права во всѣхъ видахъ. Отсюда идея объ организаціи профессіональнаго обученія о сословномъ патронатѣ.

Этотъ переворотъ въ воззрѣніи на помощниковъ и причины,

Digitized by Google

его вызвавшія, отмѣчены отчасти первымъ историкомъ русской адвокатуры, К. К. Арсеньевымъ: „При нѣкоторыхъ присяжныхъ повѣренныхъ—писалъ онъ—числится по 8, 10 и даже болѣе помощниковъ... Большинство присяжныхъ повѣренныхъ имѣютъ не особенно много дѣлъ, съ которыми и справляются собственными силами или при содѣйствіи одного помощника; записывать кого-нибудь себѣ въ помощники, не имѣя возможности доставлять ему занятія, многіе не рѣшаются; другіе присяжные повѣренные, наоборотъ, не считаютъ себя въ правѣ отказывать кому-либо въ званіи помощника: они находятъ, что если бы всякій присяжный повѣренный сталъ принимать лишь столькихъ помощниковъ, сколькимъ онъ можетъ доставить занятія, то множество молодыхъ людей, желающихъ сдѣлаться адвокатами, должны были бы отказаться отъ этого намѣренія, къ явному вреду для адвокатуры... Большинство помощниковъ на самомъ дѣлѣ только числится при своихъ патронахъ; отношенія между ними имѣютъ совершенно формальный характеръ“...

„Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ совѣту достаточный поводъ приступить теперь же къ осуществленію той мѣры, которую онъ считаетъ необходимой на случай новой организаціи сословія помощниковъ, т.-е. на случай уничтоженія личныхъ отношеній между помощниками и ихъ патронами—къ раздѣленію помощниковъ на группы, съ подчиненіемъ каждой изъ нихъ непосредственному наблюденію и руководству одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ по выбору совѣта“ [1]).

А совѣтъ, представляя судебной палатѣ для надлежащаго направленія въ законодательномъ порядкѣ проектъ организаціи помощниковъ, указывалъ (журн. 9 ноября 1871 г.), что въ основу этой организаціи, какъ главное начало, должна быть положена „замѣна личныхъ отношеній, существующихъ въ настоящее время, если не всегда на самомъ дѣлѣ, то по крайней мѣрѣ по имени, между присяжнымъ повѣреннымъ и числящимся при немъ помощникомъ—установленіемъ между помощниками и совѣтомъ непосредственныхъ отношеній, подобныхъ тѣмъ, какія существуютъ между совѣтомъ и присяжными повѣренными. Въ тѣсной связи съ этимъ основнымъ положеніемъ состоятъ слѣдующія: а) соблюденіе, при принятіи въ помощники, тѣхъ же мѣръ предосторожности, которыя соблюдаются при принятіи въ присяжные повѣренные, т.-е. собраніе совѣтомъ о кандидатѣ въ помощники всѣхъ свѣдѣній, какія совѣтъ признаетъ нужнымъ (Учр. суд. уст.

[1]) Замѣтки о русской адвокатурѣ. С.-Пб., 1875, стр. 34, 38—39.

Digitized by Google

ст. 380), б) порученіе каждаго помощника особому наблюденію одного изъ членовъ совѣта или одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ по приглашенію совѣта, и в) установленіе совѣтомъ такихъ, обязательныхъ для помощниковъ, правилъ, которыя обезпечивали бы практическое изученіе помощниками дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ".

Весьма характерны и мотивы, которыми совѣтъ оправдывалъ предлагаемыя имъ реформы. „До сихъ поръ—писалъ совѣтъ—получить званіе помощника можно было не иначе, какъ заручившись согласіемъ одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ. Наблюденіе за помощникомъ принадлежало, de jure—исключительно, de facto—преимущественно, тому присяжному повѣренному, при которомъ помощникъ числился. Такой порядокъ вещей—единственно возможный при дѣйствіи существующаго закона—оказался на практикѣ крайне неудобнымъ и недостигающимъ своей цѣли. Онъ затрудняетъ безъ всякой пользы вступленіе въ адвокатское сословіе, заставляя молодого человѣка, желающаго посвятить себя адвокатурѣ, пріискивать присяжнаго повѣреннаго, который согласился бы принять его къ себѣ въ помощники... Совѣтъ находитъ, что подчиненіе помощниковъ отдѣльнымъ присяжнымъ повѣреннымъ съ большою пользою могло бы быть замѣнено установленіемъ за ними особаго надзора со стороны совѣта, чрезъ посредство его членовъ или другихъ избранныхъ имъ присяжныхъ повѣренныхъ".

Предположенія совѣта не встрѣтили въ законодательныхъ сферахъ ни сочувствія, ни возраженій,—на нихъ просто не отвѣчали. Шли годы, а отвѣта все не было. Тогда совѣтъ рѣшился прибѣгнуть къ нравственному своему авторитету и, основываясь на немъ одномъ, помимо закона, учредилъ профессіональную школу, наиболѣе соотвѣтствующую идеѣ сословнаго патроната. Въ 1877 г. были устроены „Юридическія конференціи".

А ровно 6 лѣтъ спустя (26 сентября 1883 г.) тотъ же совѣтъ буквально писалъ слѣдующее:

„Только при соблюденіи 354-й ст. Учр. суд. уст. установится корпоративная связь между присяжными повѣренными и ихъ помощниками и послѣдніе будутъ въ дѣйствительности получать у присяжныхъ повѣренныхъ практическую подготовку для веденія судебныхъ дѣлъ. Необходимо установить, чтобы помощники присяжныхъ повѣренныхъ занимались судебною практикой только по дѣламъ присяжныхъ повѣренныхъ, при которыхъ они состоятъ и подъ ихъ руководствомъ".

Спрашивается: что случилось за эти 6 лѣтъ?—разочарованіе

Digitized by Google

ли это въ новой системѣ? или актъ отчаянія, усталость отъ безплодныхъ попытокъ добиться исправленія дѣйствующаго закона? Можетъ ли быть рѣчь объ опытѣ и разочарованіи на протяженіи шести лѣтъ существованія учрежденія, новаго не только у насъ, но и на Западѣ,—у насъ въ особенности, ибо ново у насъ само сословіе, новы люди, нова вся атмосфера судебной жизни? Шести лѣтъ еле хватило на подготовку одного поколѣнія стажьеровъ,—а въ теченіе этихъ шести лѣтъ и всѣхъ послѣдующихъ, сдѣланы ли какія-либо попытки къ устраненію недостатковъ въ томъ, что въ теченіе столь продолжительнаго времени составляло цѣль юношескихъ мечтаній сословія? Ничего. Хватило силъ на то, чтобы создать, но не хватило на то, чтобы сохранить.

Юношескіе порывы, широкіе горизонты, строительство по большому масштабу—все исчезло; ихъ замѣнили мелкія заботы о взращеніи исправныхъ канцеляристовъ. Раскаты прежнихъ бурь раздавались еще одно время. Коммиссія помощниковъ протестовала противъ рѣшенія совѣта,—общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ не согласилось съ совѣтомъ, но оно не согласилось и съ коммиссіею; была избрана спеціальная коммиссія для обсужденія программы совѣта; коммиссія эта оказалась въ согласіи съ совѣтомъ, но два члена ея—послѣдніе протестанты—подали особое мнѣніе, въ которомъ указали, что „личный патронатъ, какъ учрежденіе, годенъ только тогда, когда существуетъ нравственная связь между патрономъ и помощникомъ; что связи этой искусственно создать нельзя; что учрежденіе личнаго патроната особенно вредно у насъ, такъ какъ должно вести къ чрезмѣрному сокращенію числа помощниковъ, если только не превратится въ абсолютную фикцію.

На дѣлѣ вышло послѣднее: личный патронатъ и при измѣненныхъ взглядахъ совѣта превратился въ фикцію—и фикцію тѣмъ худшую, что на нее стали закрывать глаза. Установлены были полицейскія мѣры охраненія личнаго патроната, находящагося всегда почему-то въ опасности. Мѣры направлены не противъ молодыхъ кандидатовъ, которыхъ контролировать было бы еще незазорно, а противъ самихъ патроновъ. Установлена система, по которой присяжный повѣренный, принимая, или какъ это правильнѣе называется на техническомъ языкѣ, „приписывая къ себѣ“ помощника, обязанъ являться въ совѣтъ и выдержать допросъ о томъ, на самомъ ли дѣлѣ молодой кандидатъ будетъ ему „помогать“. Къ всеобщему удивленію оказалось, что послѣ введенія этой мѣры нуждающихся въ адвокатской помощи стало необычайно много; совершенно неизвѣстные въ кулуарахъ суда

Digitized by Google

люди со значками стали являться въ совѣтъ и заявлять о крайней необходимости имѣть одного, двухъ, а то и трехъ помощниковъ. Эта „благочестивая ложь“ имъ простится: нельзя же было подчиниться гнету совѣтскаго формализма и жертвовать ради него настоятельными нуждами живыхъ людей. А совѣтъ выслушивалъ эти рѣчи, зная, что онѣ притворны, и успокоивался на томъ, что буквѣ 354-ой статьи дано полное удовлетвореніе.

Была предпринята еще и другая мѣра для достиженія той же цѣли: помощникъ долженъ былъ запасаться разрѣшеніемъ патрона на принятіе каждаго дѣла въ отдѣльности. У меня хранится нѣсколько десятковъ такихъ разрѣшеній; они мнѣ выданы бывшимъ моимъ патрономъ,—поэтомъ, съ довольно извѣстнымъ именемъ въ литературѣ, но весьма мало извѣстнымъ въ судебномъ мірѣ. Разрѣшенія эти давались въ большинствѣ случаевъ тогда, когда дѣла были уже давно приняты и даже окончены. Никакихъ сужденій объ удобопріемлемости дѣлъ не было, да и быть не могло: мой патронъ-поэтъ былъ бы поставленъ въ весьма неловкое положеніе, если бы я вздумалъ дѣйствительно обратиться къ нему за совѣтомъ. Впередъ заготовлялись сплошные листы разрѣшеній, и, бесѣдуя о посторонникъ предметахъ, патронъ выполнялъ пробѣлы на нихъ своею подписью. Сохраняемые мною листы составляютъ уже теперь архивную рѣдкость: ибо не прошло и полугода со времени установленія этого правила, какъ оно само собою вывелось изъ употребленія и забыто прежде всего тѣми, кто его создалъ.

Полоса исторіи, начавшаяся въ 1883 году реабилитаціею 354-ой статьи, продолжается до нашихъ дней. За аксіому признается, что сословный патронатъ не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, что личный патронатъ долженъ быть установленъ, укрѣпленъ; что къ естественнымъ трудностямъ въ подборѣ патрона слѣдуетъ прибавить цѣлый рядъ искусственныхъ: ограничить число помощниковъ у каждаго патрона, связать патрона имущественною отвѣтственностью за помощника предъ кліентомъ, предоставить помощнику веденіе дѣлъ лишь по передовѣрію. Отъ сословнаго патроната остается послѣ этого одна тѣнь—безвредное воспоминаніе о юношеской затѣѣ.

Прежніе взгляды отстаиваются, правда, лучшими представителями адвокатуры (Арсеньевъ, Спасовичъ), которые, и въ рѣчахъ, и въ печати, не перестаютъ протестовать противъ близорукой системы, тормазящей свободное развитіе индивидуальности и удерживающей приливъ новыхъ силъ въ сословіе; но практика совѣта идетъ неуклонно по разъ избранному пути.

Digitized by Google

Въ концѣ концовъ судьба сыграла надъ сословіемъ злую шутку: волновавшему его въ теченіе многихъ лѣтъ желанію быть выслушанными, добиться законодательной санкціи своихъ стремленій суждено было осуществиться именно теперь, въ эти сѣренькіе дни сѣренькихъ, маленькихъ программъ.

Проектъ, выработанный коммиссіею по пересмотру уставовъ, въ которую вошли, какъ эксперты по вопросамъ внутренней жизни адвокатуры, представители преимущественно петербургскаго совѣта, всецѣло отражаетъ на себѣ послѣднія вѣянія жизни петербургскаго совѣта. Щиты для охраны личнаго патроната, съ Сизифовымъ успѣхомъ выковывавшіеся въ теченіе многихъ лѣтъ совѣтомъ, снабжаются законодательнымъ порядкомъ, кое-гдѣ прибавляются новыя подробности, рѣзче подчеркивается основной принципъ—вотъ квинтъ-эссенція всего проекта. И среди массы детальныхъ предписаній тщетно—какъ и прежде—ищешь отвѣта на главный вопросъ: какъ же однако, при несомнѣнномъ перевѣсѣ предложенія надъ спросомъ, размѣстить и подготовить къ дѣятельности весь запасъ молодыхъ силъ, несомнѣнно нужныхъ, признаваемыхъ нужными самимъ проектомъ, который самъ сохраняетъ, за недостаткомъ присяжныхъ повѣренныхъ, субсидіарный институтъ, частную адвокатуру? Молодыя силы, конечно, сами размѣстятся, въ этомъ врядъ ли можетъ быть сомнѣніе. Жизнь окажется сильнѣе бумажныхъ предписаній: запрётъ молодымъ заниматься самостоятельно дѣлами обезвредитъ ихъ только по отношенію къ кліентамъ, но не создастъ для нихъ ничего положительнаго, ибо не дастъ и не можетъ дать занятій у несуществующихъ патроновъ. И личный патронатъ опять превратится въ комедію, какою былъ до сихъ поръ, но комедію, освященную установленнымъ порядкомъ и потому особенно вредную: законодательная санкція можетъ затормазить всякую попытку къ созданію болѣе дѣйствительной школы профессіональной подготовки. А попытку эту сдѣлать необходимо, ибо никто ея до сихъ поръ серьезно не дѣлалъ; исключенія въ этомъ отношеніи не составляетъ, какъ мы сейчасъ попытаемся доказать, и петербургскій совѣтъ.

Изъ программы, начертанной совѣтомъ въ 1871 году, первый и, можетъ быть, важнѣйшій пунктъ, остался вовсе неисполненнымъ. „Каждый помощникъ—гласило постановленіе совѣта—поручается особому наблюденію одного изъ членовъ совѣта или одного изъ присяжныхъ повѣренныхъ по приглашенію совѣта". Это—та самая мѣра, до которой додумываются теперь, хотя въ гораздо менѣе рѣшительной и менѣе дѣйствительной формѣ, въ

Digitized by Google

нѣкоторыхъ странахъ на Западѣ: тамъ предполагается молодымъ стажьерамъ давать срокъ для отысканія патрона, съ тѣмъ, что въ случаѣ безуспѣшности розысковъ стажьеръ вправѣ обратиться къ совѣту съ требованіемъ назначить ему патрона. Эта форма менѣе совершенна, потому что она уже: въ ней рѣзко подчеркивается самая форма сотрудничества; фактическое помощничество составляетъ основной типъ, и по этому типу должны складываться и отношенія помощника къ навязанному ему патрону. Этой формѣ присущъ, слѣдовательно, основной внутренній недостатокъ тѣсной личной связи патрона съ помощникомъ—съуженіе индивидуальности послѣдняго; да и внѣшній недостатокъ—трудность найти для такой роли патроновъ—остается въ силѣ и тогда, когда патроновъ будетъ разыскивать совѣтъ. „Наблюденіе и руководство", о которомъ говорятъ у насъ,—безъ обязательнаго сотрудничества въ дѣлахъ патрона,—представляется съ этой стороны и легче, и безвреднѣе, да къ тому же въ той абсолютной формѣ, въ какой оно у насъ предлагалось,—не „на случай пенахожденія патрона, а всегда—оно давало совѣту полную возможность устранять отъ патронатства лицъ, завѣдомо къ тому неспособныхъ. Какъ бы то ни было, лучше ли, хуже ли наша форма, но ни та, ни другая, у насъ никогда испытаны на дѣлѣ не были, и ужъ одно это не давало основанія отчаяваться въ результатахъ сословнаго патроната.

Испытана была на дѣлѣ другая форма профессіональнаго обученія — юридическія конференціи. По первоначальной программѣ нашихъ конференцій, предметъ ихъ должны были составлять „пренія и рефераты по разнымъ вопросамъ права и судопроизводства". Уже въ этомъ опредѣленіи задача конференціи значительно съужена по сравненію съ тѣмъ, что̀ носилось предъ глазами творцовъ ея. Вотъ какъ изображалъ планъ будущихъ конференцій въ 1875 году К. К. Арсеньевъ: „Руководитель группы (состоящей всего изъ 10 человѣкъ) долженъ былъ бы назначить опредѣленный часъ, въ который каждый членъ его группы имѣлъ бы право обращаться къ нему для разрѣшенія недоразумѣній, встрѣчаемыхъ имъ при принятіи или веденіи дѣлъ, при разсчетахъ съ довѣрителями и т. п. Онъ долженъ былъ бы собирать у себя всѣхъ членовъ своей группы для юридическихъ бесѣдъ, предметъ которыхъ былъ бы заранѣе назначенъ. Онъ долженъ былъ бы выслушать въ судѣ по крайней мѣрѣ двѣ рѣчи каждаго изъ членовъ группы—одну по гражданскому, другую—по уголовному дѣлу, и сообщить ему свои замѣчанія о нихъ. Онъ долженъ былъ бы наконецъ познакомить руководимыхъ имъ помощ-

Digitized by Google

яниковъ съ главнѣйшими правилами адвокатской дѣятельности, выработанными практикой, избирая для этого по возможности форму разговора, а не лекціи. Во всемъ этомъ нѣтъ, по нашему глубокому убѣжденію, ничего неудобоосуществимаго, ничего утопическаго; пожертвовавъ на это часами шестью, семью въ мѣсяцъ, каждый членъ совѣта принесъ бы сословію гораздо болѣе пользы, чѣмъ можетъ принести ему цѣлый рядъ отлично обдуманныхъ и мотивированныхъ постановленій совѣта по дѣламъ дисциплинарнымъ".

Отъ этой программы въ уставѣ конференціи не осталось почти ничего. Непосредственные совѣты и руководство дѣятельностью помощниковъ по судебнымъ дѣламъ, разрѣшеніе недоразумѣній этическаго свойства, ознакомленіе съ правилами профессіональной дѣятельности, наблюденіе за рѣчами на судѣ—все это осталось неиспытаннымъ и въ уставѣ конференціи замѣнено, какъ я уже указалъ, „преніями и рефератами". Для однихъ преній и рефератовъ группа изъ 10 человѣкъ оказалась слишкомъ малою, и въ частыхъ собраніяхъ не было надобности. Занятіе въ маленькой группѣ конкретными, часто мелкими вопросами, создавало нѣкоторую интимность, сокращало разстояніе между руководителемъ и руководимыми. Разстояніе это страшно возрастало въ большихъ, засѣдающихъ сравнительно рѣдко, ученыхъ собраніяхъ, съ перемѣняющимся составомъ посѣтителей. О практическихъ совѣтахъ, о практическомъ обученіи, сообразующимся съ индивидуальностью каждаго ученика и каждаго конкретнаго случая, здѣсь и рѣчи быть не могло. Это была и есть ученая коллегія съ предсѣдателемъ, докладчикомъ, оппонентами и секретаремъ, а не дружеская бесѣда старшаго товарища съ младшими о мелкихъ ихъ дѣловыхъ нуждахъ. При отдаленіи органовъ контролирующихъ (руководителей) отъ самой группы, учетъ занятій не могъ производиться по непосредственной, неформальной оцѣнкѣ руководителемъ успѣховъ стажьера; предусмотрительный уставъ и далъ впередъ внѣшнюю мѣрку успѣшности: два года посѣщеній и прочтеніе трехъ рефератовъ. Именно—рефератовъ, т.-е. ученой обработки общаго тезиса,—съ положеніями, печатаемыми впередъ въ повѣсткѣ. Кромѣ рефератовъ, уставъ упоминаетъ о „преніяхъ", но если подъ этимъ разумѣлось нѣчто особенное отъ рефератовъ,—то такія пренія на дѣлѣ не существовали: пренія происходили по поводу рефератовъ, т.-е. опять-таки въ видѣ общихъ юридическихъ теоремъ.

Участь конференціи предрѣшена была этими двумя условіями —формальностью оцѣнки и доктринерскимъ характеромъ занятій.

Digitized by Google

Доктринерскій характеръ былъ присущъ конференціямъ, несмотря на то, что темы брались и берутся въ большинствѣ случаевъ не изъ области теоретическаго умозрѣнія, а изъ практически дѣйствующаго права и процесса. Ибо не въ области дѣло, а въ методѣ обработки. Изъ какой бы области ни была взята тема, разъ она обработана абстрактно, она лишается смысла для практической школы. Наука о свойствѣ красокъ есть, пожалуй, наука практическая,—тѣмъ не менѣе въ мастерской учатъ художника не разсуждать о свойствѣ красокъ, а писать ими. И намъ необходимо въ мастерской писать, а не разсуждать,—писать съ натуры, или по крайней мѣрѣ съ фантома. Процессъ разложенія сложнаго бытового явленія на простѣйшія юридическія нормы, искусство воплощенія этого процесса мысли въ живомъ убѣдительномъ словѣ—вотъ ядро, около котораго сосредоточиваются всѣ задачи практической адвокатской школы: только на дѣлахъ, по конкретнымъ случаямъ можно усвоить это искусство.

Доктринерскій характеръ темъ оказывался всегда губительнымъ—даже тамъ, гдѣ принимались средства придать занятіямъ видъ не научныхъ дебатовъ, а чисто судебнаго спора. Таковъ опытъ французской конференціи и весьма непродолжительный опытъ оффиціальной брюссельской конференціи. Послѣдняя пала, а первая прозябаетъ именно потому, что, несмотря на точное подражаніе внѣшней сторонѣ процесса, тутъ имѣются и истецъ, и отвѣтчикъ, и прокуроръ, и судейская коллегія; пренія происходятъ по отвлеченнымъ вопросамъ, а не по индивидуальнымъ дѣламъ. Подражаніе внѣшней обстановкѣ процесса, само по себѣ полезное, оказывается однако недостаточнымъ; гораздо важнѣе самое свойство занятій. Наилучшіе результаты достигаются тамъ, гдѣ соединено и то, и другое,—гдѣ близость къ жизни наибольшая. Таковы результаты, получаемые конференціею „молодой адвокатуры“ въ Бельгіи.

Къ искорененію указанныхъ недостатковъ не было сдѣлано со стороны совѣта ни малѣйшей попытки. Мало того: совѣтъ оставался и остается глухъ ко всѣмъ требованіямъ реформы,—даже когда они предлагаются въ формѣ готовыхъ проектовъ. Три года тому назадъ (въ 1895 году), коммиссія помощниковъ представила совѣту проектъ основной реорганизаціи конференцій. Проектъ не былъ, конечно, панацеей противъ всѣхъ золъ; онъ былъ значительно скромнѣе того, что̀ предлагалъ, 20-ью годами ранѣе, К. К. Арсеньевъ, но основное зло онъ стремился искоренить. Онъ ставилъ себѣ задачею измѣнить и характеръ занятій въ конференціи, и систему контроля. Чтенію рефератовъ отводилось

Digitized by Google

самое незначительное мѣсто, на первый планъ выдвигался докладъ и обсужденіе дѣлъ, составленіе заключеній по дѣламъ, произнесеніе рѣчей по дѣламъ, писаніе рѣшеній по дѣламъ. Формальныя требованія (3 реферата) и формальный контроль совершенно устранялись. Свободная, по усмотрѣнію контролирующей власти, оцѣнка индивидуальнаго участія каждаго стажьера въ трудахъ конференціи рѣшала вопросъ о достаточности практической подготовки. Для облегченія этой задачи, а равно для составленія программъ, для распредѣленія труда между участниками, ставился между руководителями съ одной стороны и членами группы съ другой—особый органъ, комитетъ, избираемый самими помощниками изъ числа товарищей, отбывшихъ уже извѣстную часть „стажа". Выборное начало, самодѣятельность группы, близость органа, обладающаго частью распорядительныхъ и контрольныхъ функцій, внушали основательную надежду на устраненіе вынужденности посѣщеній конференціи и пассивности ея участниковъ. Надеждамъ этимъ, къ сожалѣнію, не суждено было сбыться: совѣтъ отнесся къ мечтаніямъ „юнцовъ" такъ, какъ отнеслись къ нему, когда самъ еще „легкомысленъ и молодъ онъ былъ". Совѣтъ молчалъ и молчитъ. Онъ по собственному опыту знаетъ, какъ смиряются порывы подъ вліяніемъ такого воздѣйствія.

Несмотря, однако, на всѣ недостатки, свойственные нашимъ конференціямъ, онѣ успѣли дать и несомнѣнно полезные плоды. Онѣ развили нѣкоторую опытность во внѣшнихъ пріемахъ профессіи—свободу въ обращеніи съ живымъ словомъ. Нашимъ адвокатамъ, вышедшимъ изъ конференціи, недостаетъ практической подготовки, настоящаго метода въ трудѣ, имъ недостаетъ еще болѣе теоретической подготовки—по другимъ, болѣе общимъ причинамъ,—но въ смыслѣ ораторскомъ они, право, не хуже другихъ. И въ странѣ съ неразвитою политическою жизнью, гдѣ не представляется вовсе случаевъ говорить публично и слушать публичныя рѣчи, усвоеніе молодымъ адвокатомъ легкости въ обращеніи съ живымъ словомъ должно быть отнесено преимущественно—если не исключительно—къ заслугѣ конференціи, какъ единственнаго учрежденія, въ которомъ этой способности дана возможность проявиться. И этой заслуги не исторгнетъ у конференціи личный патронатъ, какими бы онъ гарантіями обставленъ ни былъ.

Спрашивается послѣ всего сказаннаго: дѣйствительно ли сословный патронатъ обманулъ возлагавшіяся на него надежды, даже у насъ—не говоря ужъ о Западѣ? И дозволительно ли теперь, при многообразіи существующихъ формъ „стажа", при все-

Digitized by Google

общей неопредѣленности его результатовъ, при сомнительныхъ по меньшей мѣрѣ результатахъ личнаго патроната, при непрерывномъ исканіи болѣе совершенныхъ формъ сословнаго патроната, урѣзывать на Прокустовомъ ложѣ личнаго патроната переросшія его потребности жизни и закрѣплять измѣнчивыя, еще неустановившіяся окончательно воззрѣнія въ опредѣленную схему закона? Не лучше ли, включивъ „стажьеровъ“ въ ряды сословія, подчинивъ ихъ власти совѣта, какъ то правильно дѣлаетъ проектъ, предоставить затѣмъ организацію профессіональнаго обученія самому совѣту, который волѣнъ будетъ, по соображеніи условій мѣста и времени, примѣнять и испытывать ту или другую систему? Вмѣсто всѣхъ статей проекта, трактующихъ о правахъ и обязанностяхъ помощника по занятію дѣлами, не лучше ли было бы поставить одну краткую статью: „Совѣту вмѣняется въ обязанность надлежащею организаціей обезпечить практическую подготовку стажьеровъ“.

Судебные уставы создали адвокатуру, но не создали школы ея; эта задача лежитъ на совѣтѣ. Содѣйствіе къ выработкѣ такой школы было бы величайшею заслугой законодательной коммиссіи передъ лицомъ сословія, составляющаго, по словамъ предсѣдателя коммиссіи, „неотъемлемую принадлежность всего новаго судебнаго строя“ [1]).

М. Винаверъ.

[1]) Журн. мин. юстиціи. Сентябрь 1897 г. Приложеніе, стр. 7.

Digitized by Google

У КОЛЫБЕЛИ

Ночь опустилась спокойная, ясная,
Вѣетъ на землю волшебные сны...
Спи же и ты, мое солнышко красное,
Тихо, спокойно усни!
Здѣсь, у твоей колыбельки, усталая,
Я забываю о горѣ, любя...
Спи, моя крошка, спи, зоренька алая,
Я не оставлю тебя!
Ты вѣдь одна мнѣ теперь утѣшеніе,
Ты мнѣ и счастье, и жизнь, и любовь...
Только въ тебѣ нахожу я забвеніе,
Только съ тобой оживаю я вновь.
Ты, моя крошка, меня не разлюбишь,
Мамѣ своей все простишь ты одна;
Вѣрю,—согрѣешь меня, приголубишь,
Скажешь: какъ много страдала она!..
Чу!.. Умираетъ ужъ ночка усталая,
Прочь отлетаютъ волшебные сны...
Спи, моя крошка, спи, зоренька алая,
Тихо, спокойно усни!..

П. Гайдебуровъ.

Digitized by Google

ДВА МѢСЯЦА

НА

ОСТРОВѢ КУБѢ

I.

Въ маѣ 1896 года, когда я пріѣхалъ въ Нью-Іоркъ, американская пресса была особенно сильно занята возстаніемъ на островѣ Кубѣ: въ каждомъ нумерѣ „The World", „The New-York Herald" и другихъ газетъ постоянные и случайные корреспонденты разсказывали всевозможные ужасы о положеніи острова Кубы и о возрастающемъ успѣхѣ инсургентовъ. Эти извѣстія изобиловали массой подробностей, и въ то же время поражали противорѣчіемъ въ передачѣ фактовъ. Все это, вмѣстѣ взятое, послужило отчасти поводомъ къ тому, что я рѣшился самъ отправиться на островъ, тѣмъ болѣе, что впечатлѣнія, которыя надѣялся вынести оттуда, обѣщали быть интересными. Нашлось двое соотечественниковъ, которые тоже были не прочь очутиться на Кубѣ. Для того, чтобы достичь этой цѣли, слѣдовало обратиться въ испанское консульство въ Нью-Іоркѣ; но это значило или получить отказъ, или по пріѣздѣ на островъ—жить все время въ Гаваннѣ, т.-е. ровно ничего не видѣть и не знать. Оставалось другое — проникнуть туда черезъ кубанскую „патріотическую юнту" въ Америкѣ.

Эта юнта, въ лицѣ своего почетнаго президента Thomas Estrada Palma, является полуоффиціальнымъ представителемъ инсургентовъ въ Соединенныхъ-Штатахъ и имѣетъ своихъ делегатовъ въ большихъ городахъ Америки и во Франціи, гдѣ воспитывается

Digitized by Google

много кубанской молодежи. Въ юнту поступаютъ всѣ пожертвованія на дѣло возстанія; она закупаетъ боевые припасы и снаряжаетъ вооруженныя экспедиціи на Кубу, на спеціально пріобрѣтенныхъ для этого пароходахъ. Несмотря на относительную снисходительность американскихъ законовъ, такого рода дѣятельность не можетъ обойтись безъ какого-нибудь „беззаконія". Испанское правительство пользуется этимъ для возбужденія чрезъ своихъ агентовъ судебныхъ преслѣдованій; но юнта очень искусно изворачивается, и обвиненія сводятся на отдѣльныя личности, а все дѣло оканчивается ничѣмъ. Въ матеріальномъ отношеніи дѣятельность юнты поддерживается кубанцами, эмигрировавшими въ Соединенные-Штаты и во Францію. Въ южныхъ штатахъ—особенно во Флоридѣ—они являются одними изъ самыхъ крупныхъ капиталистовъ и состоятъ американскими гражданами. Поддержка, оказываемая ими возстанію, помимо патріотическихъ побужденій, объясняется еще и тѣмъ, что они надѣются вернуть затраченное сторицею, если Куба будетъ республикою или добьется полной автономіи. Собственно американскій народъ, за небольшими исключеніями, ограничивается довольно платоническимъ сочувствіемъ къ борцамъ за свободу Кубы, а его правительство, ставя коммерческіе интересы выше всего, держится неопредѣленнаго образа дѣйствій, и, кажется, надѣется, что обезсиленная борьбой Испанія уступитъ непокорный островъ Соединеннымъ-Штатамъ, хотя это не вполнѣ согласуется съ желаніемъ большинства инсургентовъ, которые добиваются отъ Соединенныхъ-Штатовъ только того, чтобы американская администрація обращала меньше вниманія на дѣятельность юнты въ Америкѣ.

Въ началѣ возстанія, юнта охотно принимала въ составъ своихъ экспедицій на Кубу всѣхъ желающихъ, особенно если эти охотники состояли американскими гражданами, такъ какъ предполагалось, что это можетъ обострить испанско-американскія отношенія. Однако, несмотря на то, что и до сихъ поръ испанцы не стѣсняются разстрѣливать гражданъ свободной Америки, Соединенные-Штаты не могутъ ничего сдѣлать для защиты своихъ подданныхъ. Къ тому же кубанскій климатъ оказался такъ вреденъ для иностранцевъ, что черезъ нѣсколько недѣль по пріѣздѣ на островъ они заболѣвали, и если вскорѣ не умирали, то были только помѣхой для инсургентовъ. За послѣднее же время, между этими авантюристами нашлись такіе субъекты, которые, попавъ въ составъ экспедицій, являлись потомъ очень важными свидѣтелями противъ юнты въ тѣхъ процессахъ, о которыхъ я упомянулъ выше.

Digitized by Google

Въ виду всего этого юнта согласилась на нашу просьбу не безъ нѣкотораго колебанія и послѣ болѣе близкаго съ нами знакомства, для чего мы поселились въ кубанской семьѣ. Въ это время мы имѣли случай познакомиться съ Роллоу — „военнымъ министромъ кубанской республики", замѣчательнымъ уже потому, что американская пресса называетъ его „русскимъ нигилистомъ". На самомъ же дѣлѣ онъ вывезенъ изъ Варшавы шестилѣтнимъ ребенкомъ (сорокъ-три года тому назадъ), а весь его нигилизмъ заключается въ томъ, что онъ, какъ инженеръ, обратилъ серьезное вниманіе на минныя работы, и по его иниціативѣ въ Нью-Іоркѣ основана школа, въ которой кубанцы могутъ ознакомляться съ употребленіемъ динамита. Въ свое время Роллоу, вмѣстѣ съ главнокомандующимъ силами инсургентовъ Гомецомъ, принималъ участіе въ прорытіи Панамскаго канала.

Послѣ окончательнаго пріема въ составъ экспедиціи, мы прожили въ Нью-Іоркѣ около трехъ недѣль, изучая испанскій языкъ... Наконецъ, 23-го іюля, намъ вручили пассажирскіе билеты на пароходъ „Seminole", отходившій въ тотъ же день въ Чарльстонъ (въ штатѣ Ю.-Каролины), и черезъ полчаса мы очутились на палубѣ. Кромѣ насъ, на „Seminol'ѣ" оказалось около 30 кубанцевъ, съ которыми мы до этого времени нигдѣ не встрѣчались.

Въ тотъ же день, когда мы прибыли въ Чарльстонъ, туда же пришелъ американскій крейсеръ и бросилъ якорь рядомъ съ пароходомъ „Commodore", который долженъ былъ отправиться съ нами на Кубу. Такія непріятныя неожиданности случаются сплошь и рядомъ съ „флибустьерскими" пароходами и обходятся кубанской юнтѣ не въ одну тысячу долларовъ. Въ ожиданіи того времени, когда „Commodore" удастся ускользнуть отъ непріятнаго сосѣда, насъ разсовали по гостинницамъ — по нѣсколько человѣкъ въ каждой. Регулярно каждую ночь „Commodore" дѣлалъ попытки къ бѣгству, но всякій разъ крейсеръ и особенно его носовое орудіе возвращали пароходъ на прежнее мѣсто. Впрочемъ, это нисколько не помѣшало „Commodore" выгрузить ночью грузъ на берегъ и стоять пустымъ, успокоивая своимъ присутствіемъ подозрительность испанскихъ агентовъ [1]).

[1]) Спустя два мѣсяца послѣ этого, „Commodore" былъ освобожденъ изъ-подъ ареста, такъ какъ американскій военный агентъ, обыскавшій его по просьбѣ испанскаго консула, не нашелъ на немъ никакого груза. Снаряженная затѣмъ экспедиція на „Commodore" едва не утонула въ морѣ, такъ какъ въ корпусѣ парохода обнаружилась течь. Однако люди успѣли пересѣсть въ лодку, захвативъ съ собою грузъ. На помощь „Commodore" былъ отправленъ филибустьерскій пароходъ „Three Friends", арестованный въ Джаксонвиллѣ. „Three Friends" принялъ на себя людей съ лодокъ и, доставивъ ихъ съ грузомъ на Кубу, вернулся подъ арестъ.

Digitized by Google

Такъ прошло около трехъ недѣль, когда однажды послѣ обѣда намъ сообщили, чтобы мы готовились къ отъѣзду. Для болѣе успѣшнаго выполненія этой задачи, всѣ экспедиціонеры были раздѣлены на небольшія группы, причемъ никто, даже начальники группъ не знали, какъ и куда мы ѣдемъ. Вслѣдствіе этой предосторожности группа, состоявшая изъ троихъ насъ и троихъ кубанцевъ, опоздала къ поѣзду—остальные же уѣхали въ Джаксонвилль. Когда же и мы прибыли туда со слѣдующимъ поѣздомъ, то экспедиція уже вышла въ море. Это извѣстіе произвело на насъ очень непріятное дѣйствіе, такъ какъ вмѣстѣ съ экспедиціей уѣхалъ и весь нашъ багажъ. Однако, пришлось покориться обстоятельствамъ и терпѣливо ожидать слѣдующей экспедиціи. Наконецъ, въ ночь на 3-е сентября насъ забрали на двѣ громаднѣйшія телѣги и по спящимъ улицамъ вывезли изъ Джаксонвилля. Часа черезъ три впереди заблестѣла рѣка — мы подъѣхали къ берегу St.-John River'a и пересѣли на небольшой пароходъ, доставившій насъ къ устью, гдѣ стоялъ подъ парами пароходъ „Three Friends", а рядомъ съ нимъ—другой, оригинальнаго американскаго типа, съ машиной Уатта, заваленный до верху ящиками и тюками. Немедленно же началась спѣшная перегрузка, окончившаяся только съ восходомъ солнца, когда „Three Friends", при громкихъ пожеланіяхъ: „viva Cuba libra!", вышелъ въ море. Такимъ образомъ, выѣхавъ изъ Нью-Іорка 23-го іюля, мы попали на Кубу 7-го сентября; это обстоятельство показываетъ, какія затрудненія создаетъ экспедиціямъ на Кубу администрація Соединенныхъ-Штатовъ.

Только на морѣ всѣ узнали, что высадка экспедиціи назначена въ провинціи Pinar del Rio, въ разстояніи 750 миль отъ центральной части острова,—мѣста высадки той экспедиціи, отъ которой мы отстали.

II.

„Three Friends"—небольшой пароходикъ, рѣчного типа. Дѣлая по 18 узловъ въ часъ, онъ превосходитъ своей быстроходностью почти всѣ испанскіе военные крейсера. Этимъ его достоинствомъ и опытностью экипажа приходится объяснить тотъ фактъ, что за два года возстанія правительственныя суда не только его не поймали, но даже нѣкоторыя изъ нихъ получили отъ „Three Friends" болѣе или менѣе серьезныя поврежденія. Кромѣ хорошей машины, у этого парохода нѣтъ другихъ средствъ для самообороны, исключая, впрочемъ, тѣ рѣдкіе случаи, когда

Digitized by Google

отправляющаяся на немъ экспедиція везетъ съ собой орудіе, устанавливаемое на кормѣ. Какъ и у большинства американскихъ пароходовъ, на „Three Friends“, кромѣ верхней палубы, имѣется еще нѣсколько надстроекъ, безобразящихъ первоначальную конструкцію парохода. Трюмъ его—не великъ, и болѣе трети груза осталось на нижней палубѣ, на верхней же — подъ открытымъ небомъ—расположились экспедиціонеры.

На другой день послѣ выхода въ море были розданы ружья и патроны. Что же касается насъ, русскихъ, то мы получили только мачеты [1]), такъ какъ было извѣстно, что „russos“ ѣдутъ на Кубу не для того, чтобы драться съ испанцами.

Послѣ 4-хъ-дневнаго крейсированія около береговъ Кубы, рано утромъ, 7-го сентября, пароходъ началъ приближаться къ берегу. Въ утреннемъ туманѣ передъ нами постепенно вырисовывалась небольшая удобная бухта, имѣвшая форму подковы. Берегъ бухты, низкій и песчаный въ средней части, къ краямъ постепенно повышался и оканчивался съ обѣихъ сторонъ симметричными скалистыми массами. За песчаной отмелью начиналась густая заросль, изъ-за которой мѣстами выдавались силуэты пальмъ.

Шаговъ за пятьсотъ отъ берега пароходъ бросилъ якорь... Спустили лодку съ десяткомъ вооруженныхъ людей. Остальные—съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за приближеніемъ лодки къ берегу. Около меня стоялъ старый кубанецъ—эмигрантъ, на глазахъ у него были слезы.—„Viva Cuba libra, viva, cagajo!“—бормоталъ онъ, какъ бы извиняясь за свои слезы... И не одинъ онъ плакалъ... Только американцы не заразились всеобщей нервностью и спокойно занимались около орудія.

Лодка достигла берега.

Первымъ вышелъ капитанъ парохода и воткнулъ въ песокъ весло съ кубанскимъ флагомъ. Это послужило сигналомъ къ разгрузкѣ парохода. Всего было 9 лодокъ: двѣ пароходныя и 7 наскоро сколоченныхъ дощаниковъ, вкладывавшихся—для экономіи мѣста—одинъ въ другой. Такъ какъ они не могли подойти

[1]) Мачетъ — національное оружіе кубанцевъ. Еще очень недавно мачеты употреблялись только рабочими на плантаціяхъ, а затѣмъ примѣнены къ войнѣ. Мачетъ — это отточенная стальная полоса длиною около 1½ фута. Онъ очень популяренъ у кубанцевъ. Испанцы предпочитаютъ мачеты саблямъ, такъ какъ, благодаря своей легкости и кожанымъ ножнамъ, они значительно удобнѣе сабель при передвиженіяхъ по кубанскимъ дебрямъ. Къ тому же воюющимъ сторонамъ приходится очень рѣдко пользоваться въ бою холоднымъ оружіемъ, а для рубки дровъ, копанія картофеля и другихъ хозяйственныхъ надобностей тонкій и широкій мачетъ незамѣнимъ.

Digitized by Google

вплотную къ берегу, то ихъ разгружали, стоя по поясъ въ водѣ. Работали очень дружно, и черезъ два часа „Three Friends“ вышелъ „подъ кубанскимъ флагомъ“ въ море. А работа еще не кончилась: ящики и тюки частью закапывали въ песокъ, частью попрятали въ кусты. Тропическое солнце стояло почти надъ самой головой, и всѣ изнывали отъ жары и непосильной работы. Затѣмъ снарядили экспедицію во внутрь страны для извѣщенія о нашемъ прибытіи Антоніо Масео — главнаго начальника надъ инсургентами въ провинціи Pinar del Rio. Остальные же люди размѣстились подъ пальмами, шагахъ въ двухстахъ отъ моря. Здѣсь мы прожили 9 дней, терпя все время недостатокъ въ пищѣ и водѣ, такъ какъ пароходъ оставилъ очень мало провизіи, а водой пришлось пользоваться дождевою изъ расщелинъ скалъ; въ жаркіе же дни и она высыхала.

Уже на второй день къ намъ начали приходить люди—сначала изъ разсѣянныхъ въ окрестности отрядовъ инсургентовъ, а затѣмъ присланные префектами для переноски груза. Всѣ они были очень плохо одѣты, вѣрнѣе—совсѣмъ раздѣты, такъ какъ попадались между ними такіе, весь костюмъ которыхъ составляла грязная тряпка, прикрывавшая бедра. Между тѣмъ наступало дождливое время года, и многіе изъ нихъ страдали отъ голода и сырости различными мѣстными болѣзнями. Никто изъ нихъ не былъ вооруженъ, такъ какъ для нихъ не хватило оружія, и пока они исполняли различныя работы, являясь какъ бы резервомъ, значительно, впрочемъ, превышающимъ по размѣру „дѣйствующую армію“. Они пригоняли съ собою коровъ, служившихъ единственнымъ нашимъ провіантомъ. Хлѣба и соли не было,—ихъ инсургенты не видѣли съ самаго начала возстанія. Послѣднимъ пришелъ съ небольшимъ отрядомъ генералъ Діасъ—негръ, ближайшій сотрудникъ Масео. Люди его отряда отличались отъ описанныхъ выше только тѣмъ, что были вооружены, а самъ генералъ былъ одѣтъ немногимъ лучше своихъ подчиненныхъ.

Испанцамъ было извѣстно, что въ провинціи Pinar del Rio высадилась экспедиція, и ежедневно вдоль нашей бухты проходила канонерка. Только черезъ два дня послѣ нашего ухода она догадалась обстрѣлять берегъ, гдѣ еще оставалось человѣкъ десять инсургентовъ, воспользовавшихся случаемъ подразнить испанцевъ и лѣниво отвѣчавшихъ на безпрестанные залпы съ канонерки.

16-го сентября, мы двинулись къ мѣсту стоянки Масео. Предстояло сдѣлать 60 миль по мѣстности, почва которой сплошь состояла изъ какой-то вулканической породы, такъ густо порос-

Digitized by Google

шей чахлымъ „дѣвственнымъ“ лѣсомъ, что нельзя было сдѣлать ни шагу въ сторону безъ того, чтобы не уколоться или не запутаться въ ліанахъ. Въ продолженіе первыхъ трехъ дней мы прыгали съ камня на камень и такимъ образомъ подвигались впередъ по узкой, почти заброшенной тропинкѣ. У кубанцевъ такая мѣстность очень мѣтко названа „собачьими зубами“. Черезъ нѣсколько часовъ наша обувь такъ истрепалась объ эти зубы, что пришлось обернуть ноги свѣжей коровьей шкурой, чтобы хотя на нѣсколько дней отсрочить то время, когда придется идти босикомъ. Но если намъ было не совсѣмъ удобно, то людямъ, несшимъ привезенный грузъ, было во сто разъ хуже. Они калѣчили босыя ноги о камни; тяжелые, неуклюжіе ящики натирали спины до ранъ. У нихъ начинались приступы желтой лихорадки: они падали на голые камни и глухо стонали, а здоровые шагали черезъ нихъ и двигались все впередъ и впередъ, буквально неся на плечахъ успѣхъ освобожденія своей родины. Многіе во все время перехода, т.-е. въ теченіе 4—5 дней, почти ничего не ѣли... Но несмотря на это, я не слышалъ ни одной жалобы, ни одного упрека: такъ великъ подъемъ патріотизма у инсургентовъ. Этотъ переходъ, эти „незамѣтные герои“ произвели на меня самое сильное впечатлѣніе изъ всего, что пришлось видѣть на Кубѣ впослѣдствіи. Невольно напрашивалось сравненіе съ другими такими же героями, умиравшими отъ желтой лихорадки на крымскомъ полуостровѣ, замерзавшими на Балканскихъ высотахъ; но въ послѣднемъ случаѣ героевъ создавалъ не одинъ патріотизмъ.

Къ концу дорога нѣсколько измѣнилась: почва изъ каменистой превратилась въ глинистую, а тропинка—въ ручей, по которому мы брели по колѣно въ водѣ. Мѣстами эта водяная тропинка разливалась въ цѣлое озеро, ставя насъ въ тупикъ относительно продолженія пути. Въ такихъ случаяхъ мы шли впередъ наугадъ. Нерѣдко кто-нибудь спотыкался о затонувшее дерево или попадалъ въ колдобину. Онъ размахивалъ въ воздухѣ своимъ вооруженіемъ, дѣлая отчаянную попытку сохранить равновѣсіе, и вдругъ погружался съ головой въ глинистую жижу, обдавъ своихъ сосѣдей брызгами. Немного спустя, изъ воды показывалась его озлобленная физіономія, и мы, какъ ни въ чемъ не бывало, отправлялись дальше. Это были дѣйствительно „свѣжія“ впечатлѣнія.

Digitized by Google

III.

На пятый день мы, голодные и ободранные до неузнаваемости, добрались до Рематаса — лагеря Масео. Насъ помѣстили въ маленькой хижинѣ, вблизи другой, такой же, занятой самимъ Масео.

Рематасъ расположено въ саваннѣ. Вся мѣстность потонула въ роскошной степной растительности, такъ что нѣтъ никакой возможности оріентироваться съ одного мѣста: все время двигаешься по узкой тропинкѣ и ничего, кромѣ зеленыхъ душистыхъ стѣнъ по бокамъ, не видишь. Тропинки встрѣчаются, пересѣкаются и соединяютъ между собой разбросанныя по долинѣ хижины, въ которыхъ и около которыхъ въ шалашахъ временно поселились офицеры и солдаты.

Сейчасъ же по приходѣ въ Рематасъ, мы отправились представляться Масео. Я долженъ остановиться на характеристикѣ этого человѣка поподробнѣе, въ виду его природной талантливости, отмѣченной самими испанцами, патріотизма и другихъ качествъ, дающихъ ему право занять въ исторіи не послѣднее мѣсто среди борцовъ за національную свободу.

Антоніо Масео — мулатъ, уроженецъ провинціи S.-Jago de Cuba. Въ 1868 году, въ началѣ десятилѣтней гражданской войны на Кубѣ, онъ девятнадцатилѣтнимъ юношей примкнулъ къ инсургентамъ и постепенно пріобрѣлъ среди нихъ такое значеніе, что въ мартѣ мѣсяцѣ 1878 года, когда оффиціально возстаніе было подавлено, тогдашній генералъ-губернаторъ острова, Мартинецъ Кампосъ, въ своемъ докладѣ въ Мадридъ сдѣлалъ такую оцѣнку дѣятельности Масео:

„Вопреки всѣмъ ожиданіямъ кабинета и правительства, было невозможно что-нибудь сдѣлать во враждебной странѣ, гдѣ во главѣ стоитъ Антоніо Масео, — прежде погонщикъ муловъ, а теперь генералъ, имѣющій неизмѣримое честолюбіе, большую храбрость и вліяніе, и у котораго подъ грубой внѣшностью скрывается природный талантъ“ (Album el Porvenir. E. Trigillo. Vol. III).

Въ ущербъ самому себѣ испанское правительство слишкомъ понадѣялось на свой режимъ, и обѣщанныя послѣ этого возстанія реформы, если бы даже и были введены сполна, нисколько не коснулись рабочихъ на плантаціяхъ, тогда какъ большинство изъ нихъ состояло въ рядахъ инсургентовъ, и многіе были въ числѣ главныхъ руководителей. Это обстоятельство по-

Digitized by Google

служило кубанскимъ патріотамъ и эмигрантамъ надежнымъ основаніемъ для организаціи новаго возстанія. Небольшіе безпорядки, хронически повторяющіеся черезъ каждые 2—3 года, являются какъ бы предвѣстниками новой революціи. Наконецъ, въ февралѣ 1895 года вспыхиваетъ серьезное возстаніе въ самой безпокойной провинціи С.-Яго де Куба, а черезъ два мѣсяца послѣ этого туда высаживаются: главный организаторъ возстанія—Марти и два брата Масео вмѣстѣ съ другими эмигрантами и Максимо Гомецомъ, принявшимъ главное командованіе надъ инсургентами и начавшимъ открытыя военныя дѣйствія. Въ первой половинѣ іюня, инсургенты пробиваются сквозь линію испанскихъ фортовъ—„старую трочу", построенную Кампосомъ для того, чтобы изолировать „гнѣздо революціи" отъ остальныхъ провинцій. Наступившій вслѣдъ затѣмъ періодъ дождей, парализировавъ до извѣстной степени дѣйствія испанцевъ, оказалъ большую пользу инсургентамъ. Масео безъ особыхъ задержекъ прошелъ вдоль весь островъ. Его имя, въ связи съ прежнимъ возстаніемъ, еще не изгладилось изъ памяти кубанцевъ, и вездѣ, куда только ни показывались отряды инсургентовъ, рабочіе сжигали плантаціи и присоединялись къ отрядамъ. Кубанская юнта въ Нью-Іоркѣ, не теряя времени, отправляла на Кубу ружья и патроны. Такимъ образомъ, къ новому году возстаніе охватило всѣ провинціи, — небывалый примѣръ въ исторіи многочисленныхъ возстаній на Кубѣ. Въ виду этого испанское правительство поспѣшило смѣнить Мартинеца Кампоса, считая его слишкомъ гуманнымъ и нерѣшительнымъ. Его преемникъ, генералъ Вейлеръ, проявилъ всю свою энергію и изобрѣтательность только въ жестокой расправѣ съ плѣнными инсургентами, но въ дѣлѣ усмиренія возстанія и по настоящее время не достигъ никакихъ положительныхъ результатовъ. Впрочемъ, по примѣру своего предшественника, онъ построилъ свою собственную „трочу", отдѣливъ ею провинцію Pinar del Rio, куда уже проникъ Масео, отъ тѣхъ провинцій, которыя Масео уже прошелъ. Троча Вейлера перерѣзала островъ въ самой узкой его части и, упираясь своими фланговыми фортами въ море, заняла въ длину всего 24 мили. На такомъ небольшомъ пространствѣ было сосредоточено 60-ти-тысячное войско, съ цѣлью воспрепятствовать 4-хъ-тысячному отряду Масео выбраться обратно изъ этой безплодной провинціи. Кромѣ того, 10-ти-тысячный корпусъ все время шелъ по слѣдамъ Масео. Однако онъ очень искусно лавировалъ между испанцами и не терялъ надежды очутиться за

Digitized by Google

трочей, тѣмъ болѣе, что оружіе и амуниція, привезенныя экспедиціей, увеличили его силы.

Понятно, съ какимъ интересомъ я отправился представляться этому врагу испанскаго правительства, къ великой радости котораго онъ скоро сошелъ въ могилу, сдѣлавшись жертвой своего довѣрія.

Интеллигентная внѣшность Масео невольно обращала на себя вниманіе. Это былъ высокій, плотный мужчина съ энергичными крупными чертами лица, казавшагося смуглымъ скорѣе отъ загара, чѣмъ потому, что обладатель его былъ мулатъ. Несмотря на морщины и небольшую просѣдь, Масео смотрѣлъ гораздо моложе своихъ 48 лѣтъ. Въ разговорѣ все его лицо какъ-то улыбалось и свѣтилось чисто кубанскимъ добродушіемъ. Въ отличіе отъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, онъ относился ко всѣмъ какъ равный къ равному, и никогда не возвышалъ голоса. Такое отношеніе создало ему популярность среди кубанцевъ, характерно выразившуюся въ томъ фактѣ, что большинство возставшихъ негровъ присоединилось именно къ его отряду. Если бы онъ дождался того времени, когда Куба будетъ свободна, то ему пришлось бы выступить вторымъ Спартакомъ. Даже въ костюмѣ Масео избѣгалъ всякихъ отличій и ограничился только кубанской кокардой, до неузнаваемости полинявшей отъ солнца и непогоды. Я ни разу не слышалъ отъ инсургентовъ дурного отзыва о Масео: всѣ разсказывали чудеса о его храбрости, находчивости, и какъ-то не вѣрилось, чтобы такой здоровый на видъ человѣкъ былъ раненъ 24 раза. Во всемъ, что̀ касалось не его лично, Масео былъ очень остороженъ и никому рѣшительно не сообщалъ своихъ плановъ прежде, чѣмъ являлась необходимость ихъ исполнить. Никто не зналъ времени выступленія и мѣста предстоящей остановки на ночлегъ: сигналъ трубача разрѣшалъ всѣ предположенія.

Масео принялъ насъ очень любезно и, между прочимъ, сказалъ, что ему очень пріятно видѣть у себя людей такой далекой и великой націи, какъ Россія.—Каждый свѣжій иностранецъ,—замѣтилъ онъ, — даетъ мнѣ новую надежду на скорое освобожденіе нашей несчастной родины, такъ какъ съ симпатіями всего міра мы не проиграемъ.—Мы сообщили ему цѣль нашего пріѣзда на Кубу, и онъ обѣщалъ, при первомъ удобномъ случаѣ, отправить насъ на востокъ для того, чтобы ознакомиться съ остальными провинціями. Несмотря на полуоффиціальный характеръ нашего разговора, я сразу понялъ, какъ много должны

Digitized by Google

быть обязаны инсургенты своимъ успѣхомъ этому добродушному и простому на видъ мулату.

IV.

На третій день послѣ нашего прихода, Масео выступилъ изъ Рематаса. Передъ выступленіемъ произошелъ небольшой инцидентъ, который сообщаю, какъ анекдотъ. Нужно было впречь мула въ передокъ привезеннаго экспедиціей орудія. Около него возилось съ десятокъ людей, и никто не могъ приспособить первобытной кубанской упряжи для воловъ къ такой странной повозкѣ, такъ что пришлось вмѣшаться Масео, который самъ, собственноручно перепрегъ мула.

Въ походѣ инсургенты идутъ вразбродъ, по одному или по два въ рядъ—какъ придется, а такъ какъ кромѣ оружія у нихъ ничего при себѣ нѣтъ, то подвигаются впередъ очень быстро. Сзади, подъ прикрытіемъ арьергарда, длинной вереницей тянутся семейства, бѣжавшія изъ мѣстъ, занятыхъ испанцами. Это—люди, неспособные носить оружіе, главнымъ образомъ—женщины и дѣти. Ихъ шествіе кажется великимъ переселеніемъ народовъ, такъ какъ они несутъ съ собой свои пожитки. Для инсургентовъ эти люди являются большой помѣхой, особенно во время стычекъ. Впослѣдствіи мнѣ пришлось видѣть такой же обозъ и у испанцевъ, которымъ приходится не мало возиться съ людьми, оставшимися до поры до времени преданными правительству.

Въ началѣ дорога шла по ровной, сухой мѣстности, поросшей рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ. Около рѣкъ сосны исчезали и ихъ замѣняла богатая тропическая растительность. Попадавшіяся обгорѣлыя развалины свидѣтельствовали, что не всегда эта мѣстность была такою безлюдною. Впрочемъ, я тогда вовсе не зналъ Кубы, иначе не сомнѣвался бы, что это отсутствіе человѣческаго жилья—только кажущееся: стоило углубиться на милю въ сторону отъ дороги, чтобы наткнуться на жилища тѣхъ людей, которыхъ обстоятельства выжили съ большой дороги. Къ вечеру мы вошли въ горы. Всѣ подтянулись въ ожиданіи скораго ночлега, а мы все еще продолжали идти. Сдѣлалось такъ темно, какъ только можетъ быть темно подъ тропиками: люди не видѣли одинъ другого. Наконецъ, послѣ 15-ти-часового почти безостановочнаго перехода, раздался сигналъ для привала. Вслѣдъ за сигналомъ впереди послышались выстрѣлы. Изъ любопытства я протискался впередъ и очутился около большого навѣса, подъ

Digitized by Google

которымъ расположился Масео со своимъ штабомъ. Передъ нами въ ночной темнотѣ еле-еле обозначался контуръ большой горы. Тамъ былъ испанскій фортъ—Мантуа.

Между тѣмъ одиночные выстрѣлы перешли въ настоящую перестрѣлку, и гора, то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, вспыхивала яркими полосами свѣта. Испанцы стрѣляли по цѣпи инсургентовъ, расположенной влѣво отъ навѣса.

У орудія столпилось много народа въ ожиданіи пробы своей первой и единственной пушки. Наугадъ выбрали цѣль, приблизительно опредѣлили дистанцію, и первый пушечный выстрѣлъ гулко раздался въ воздухѣ... За нимъ послѣдовалъ второй... Обѣ стороны прекратили на время стрѣльбу, какъ будто для того, чтобы оцѣнить достоинства и недостатки орудія [1]).

Инсургенты остались имъ очень довольны, но для испанцевъ это была очень непріятная неожиданность: еще два-три такихъ орудія у инсургентовъ, и неприступность бревенчатыхъ, съ черепичными крышами фортовъ будетъ болѣе, чѣмъ сомнительна. Затѣмъ завязалась новая перестрѣлка, и на этотъ разъ такая горячая, будто противники состязались, кто изъ нихъ больше выпуститъ пуль. Конечно, въ темнотѣ всѣ выстрѣлы пропадали даромъ, стрѣляли наугадъ,—зато трескотня поднялась ужасная.

Голодъ и усталость все время напоминали о себѣ, и я съ двумя товарищами направился къ ближайшей хижинѣ, гдѣ заманчиво мигали огни костровъ. Тамъ расположились инсургенты, не принимавшіе участія въ перестрѣлкѣ. Они варили себѣ ужинъ, вѣрнѣе—обѣдъ, такъ какъ со вчерашняго дня ничего не ѣли. Мы раздобыли себѣ цѣлую коровью ногу, и только, было, принялись разводить огонь, какъ двѣ гранаты, одна за другой, прошипѣли надъ крышей. Очевидно, испанцы не хотѣли оставаться въ долгу у инсургентовъ и пристрѣливались по кострамъ. Пришлось погасить огонь и отложить обѣдъ до болѣе удобнаго случая.

Подъ утро Масео перешелъ на новую позицію для дневного боя. Стрѣлковая цѣпь инсургентовъ значительно удлиннилась, хотя половина ея бездѣйствовала, такъ какъ находилась слишкомъ далеко отъ непріятеля. Расположеніе испанцевъ можно

---

[1]) Это скорострѣльное гладкоствольное орудіе является новинкой среди другихъ машинъ, изобрѣтенныхъ на „погибель“ человѣческую. Отъ извѣстныхъ намъ полевыхъ орудій оно отличается, главнымъ образомъ, тѣмъ, что выстрѣлъ производится не порохомъ, а сжатымъ воздухомъ. Снарядъ очень похожъ на торпеду и заключаетъ въ себѣ динамитный патронъ, разрушительное дѣйствіе котораго особенно сильно сказывается на укрѣпленіяхъ. Оно изобрѣтено въ Америкѣ и обошлось кубанцамъ въ 4.000 долларовъ.

Digitized by Google

было разсмотрѣть только въ бинокль: на склонѣ горы желтѣло нѣсколько свѣжихъ траншей, подернутыхъ легкимъ сизоватымъ дымомъ отъ новаго пороха. У подошвы горы и на самой ея маковкѣ стояло по форту. Черезъ часъ послѣ занятія позиціи разнесся слухъ, что испанцы покидаютъ траншеи. Слухъ этотъ все усиливался, но вдругъ непріятель началъ стрѣлять гранатами, которыя падали въ лощину, куда были скрыты кубанскія семьи. Вслѣдъ за этимъ началось отступленіе инсургентовъ. Оказалось, что испанцы только затѣмъ и оставили траншеи, чтобы перейти въ наступленіе.

Между тѣмъ, миляхъ въ двухъ позади, образовался пестрый лагерь изъ людей неспособныхъ носить оружіе. Люди рыскали по давно заброшенному полю, стараясь найти какихъ-нибудь кореньевъ, чтобы удовлетворить свой двухдневный голодъ. Расположенная здѣсь же хижина обратилась въ лазаретъ, и въ нее приносили съ позиціи раненыхъ. Докторъ, Максимо Цертуча, пріобрѣвшій впослѣдствіи извѣстность, какъ предатель Масео, разъѣзжалъ гдѣ-то впереди, оставивъ раненыхъ на попеченіе женщины, поразившей меня своимъ полумужскимъ костюмомъ.

Хотя трескъ выстрѣловъ съ каждой минутой приближался, но люди такъ проголодались, что не обращали вниманія на опасность. Одни подкладывали въ костеръ цѣлыя груды хворосту; другіе, потерявъ надежду дождаться, когда варево будетъ готово, таскали изъ котловъ куски полусырого мяса и ѣли. Вдругъ въ воздухѣ запѣли пули. Упало нѣсколько раненыхъ. Началась паника. Каждый хваталъ свои пожитки и бросался на дорогу—прямо подъ непріятельскіе выстрѣлы. Новые раненые... Люди невольно давили одинъ другого, но хуже всѣхъ досталось дѣтямъ и раненымъ. Послѣднихъ несли въ гамакахъ, которые, качаясь, бились одинъ о другой, а эгоистическая толпа жала ихъ со всѣхъ сторонъ. Вой и визгъ женщинъ и дѣтей, стоны раненыхъ—только усиливали панику. Солдатамъ стоило не мало труда направить ихъ въ лощину. Въ это время сбитые съ позиціи инсургенты заняли новую и открыли правильный огонь по испанцамъ. А обезумѣвшая толпа долго еще бѣжала впередъ, теряя по дорогѣ послѣдніе остатки своего скуднаго имущества.

Во время одной остановки я познакомился съ женщиной, состоящей капитаномъ въ арміи инсургентовъ. Это—по-кубански интеллигентная особа лѣтъ около 30, съ симпатичными чертами лица и черными большими глазами. Она не пользуется никакими преимуществами, на которыя даетъ право ея полъ, и имѣетъ свой отрядъ, которымъ руководитъ въ бою. Такъ какъ у инсур-

Digitized by Google

гентовъ ощущается большой недостатокъ медицинской помощи, то она часто перевязываетъ раны и лечитъ больныхъ. Я проговорилъ съ нею болѣе часа и былъ пораженъ ея основательнымъ пониманіемъ военнаго дѣла. Кромѣ того, она сообщила очень много интересныхъ данныхъ о внутреннемъ бытѣ кубанцевъ. Со всѣхъ сторонъ эта женщина-солдатъ пользуется любовью и уваженіемъ, но особенно ее любятъ дѣти, къ которымъ она очень внимательна. Американскія газеты называютъ ее Жанною Д'Аркъ, хотя она не единственная женщина въ рядахъ инсургентовъ, и не имѣетъ для послѣднихъ такого значенія, какое имѣла Орлеанская дѣва во Франціи.

Поздно вечеромъ мы добрались до большого селенія, куда хотѣлъ попасть Масео прежде, чѣмъ его остановили испанцы. Этотъ переходъ обошелся ему въ 45 человѣкъ убитыми и ранеными.

V.

Чѣмъ дальше мы подвигались къ востоку, тѣмъ мѣстность становилась оживленнѣе и не столь разоренною войной. Зато и испанскіе форты попадались чаще. Каждый лишній день, пробытый инсургентами на одномъ и томъ же мѣстѣ, грозилъ окончиться схваткой съ испанцами.

Масео нигдѣ не засиживался болѣе сутокъ, стараясь сберечь свои силы до того рокового момента, когда придется пробиваться чрезъ „трочу". Для ночлега обыкновенно выбиралось ущелье или долина, защищенная отъ нечаяннаго нападенія горами или лѣсомъ. По долинѣ разбросаны хижины—однообразнаго типа, издали похожія на стога сѣна, благодаря своимъ высокимъ крышамъ изъ вѣтвей королевской пальмы. Внутренность хижины сквознымъ проходомъ раздѣлена на двѣ части. Бо́льшая изъ нихъ, перегороженная пополамъ, предназначена для жилья. Лавка у стѣны служитъ единственнымъ ея убранствомъ и обстановкой. Два-три стула—это уже роскошь. Оконъ нѣтъ: щели въ стѣнахъ пропускаютъ достаточно свѣта. За перегородкой стоитъ сундукъ съ хозяйскимъ скарбомъ и рама съ натянутымъ на нее полотномъ. На ней спятъ женщины и дѣти. Тутъ же висятъ связки прошлогодняго табаку, который курятъ даже дѣти. Меньшая часть жилища занята очагомъ, по своей незатѣйливости вполнѣ соотвѣтствующимъ кулинарнымъ потребностямъ хозяевъ.

Съ началомъ возстанія на островѣ пріостановилось всякое производство. Поля заброшены и успѣли порости кустарникомъ.

Digitized by Google

Въ домашнемъ быту ощущается недостатокъ въ предметахъ первой необходимости, начиная съ хлѣба и кончая одеждой и обувью. Дѣти ходятъ совершенно голыя, а взрослые донашиваютъ послѣднюю одежду, обратившуюся въ тряпки. У иныхъ—нѣтъ и тряпокъ. Деньги потеряли свой авторитетъ: ни у кого ихъ нѣтъ, и никому онѣ не нужны. Отъ коренного населенія острова, индѣйцевъ, осталось только нѣсколько человѣкъ. Остальные же частью вымерли, частью слились съ неграми. Теперешнее полуторамилліонное населеніе острова составляютъ негры, бѣлые (выходцы изъ Испаніи и колоніи) и мулаты. Это населеніе вполнѣ акклиматизировалось, называетъ себя кубанцами и увѣрено, что имѣетъ больше правъ на Кубу, чѣмъ Испанія. Суровый режимъ и хищная эксплуатація въ продолженіе всего времени, отдѣляющаго насъ отъ открытія Кубы, задержали умственное развитіе кубанцевъ. Единственное, что могло найти подходящую почву для своего развитія и развито въ высшей степени, это—патріотизмъ и ненависть къ испанцамъ.

На Кубѣ во многомъ замѣтно вліяніе Соединенныхъ-Штатовъ. Въ настоящее время носителями и проводниками американской культуры являются флоридскіе и нью-іоркскіе фармацевты, „сигармэкеры“ и цирюльники (дѣти объамериканившихся кубанцевъ), пріѣзжающіе сюда въ качествѣ офицеровъ и спасителей отечества, котораго никогда въ глаза не видали. Вліяніе этихъ типичныхъ представителей американской цивилизаціи носитъ отрицательный характеръ. Къ своимъ чумазымъ соотечественникамъ они относятся свысока, какъ будто дѣлаютъ имъ честь своимъ присутствіемъ. Я былъ пораженъ отсутствіемъ у населенія даже намека на народный эпосъ. Я не видѣлъ ни одного музыкальнаго инструмента, не слышалъ ни одной пѣсни, если не считать одного монотоннаго причитыванія, безъ опредѣленныхъ словъ, но распѣваемаго на всемъ островѣ. Кубанскій революціонный гимнъ, „кубанская марсельеза“, какъ его называютъ культурные кубанцы, поражаетъ своими многословіемъ и однообразностью. Слова гимна написаны какой-то патріоткой, проживающей въ Соединенныхъ-Штатахъ, а мотивъ взятъ изъ испанской оперы „Кадиксъ“. Отсутствіе у населенія эстетическихъ потребностей и народной литературы зависитъ, быть можетъ, отъ климата. Этимъ же объясняется и тотъ фактъ, что кубанцы не отличаются ни особой религіозностью, ни изувѣрствомъ. Тропическая природа даетъ слишкомъ мало поводовъ просить Бога о благодѣяніяхъ, а съ людей — людьми же и взыщется. Зато по количеству и разнообразію ругательствъ—кубанцы перещеголяли даже

Digitized by Google

насъ—русскихъ. Свою звонкую рѣчь они приправляютъ такими крѣпкими словцами, передъ которыми блѣднѣютъ наши самыя отборныя ругательства. Кубанецъ не только встаетъ и ругается, но даже умирая... ругается!

Несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, изъ которыхъ сложилась жизнь населенія, кубанцы—народъ очень добродушный и разговорчивый. Во время стычекъ съ испанцами они храбры и находчивы. И не удивительно: вѣдь вооруженная борьба съ Испаніей ведется съ 1826 г., на ней выросло нѣсколько поколѣній, которыя за такой промежутокъ времени могли ко многому привыкнуть и многому научиться.

Я забылъ упомянуть, что въ рядахъ инсургентовъ состоитъ много китайцевъ, отличающихся большой выносливостью.

VI.

Во время слѣдующей остановки—въ селеніи Монтесуэло—на прибывшихъ съ экспедиціей иностранцахъ впервые сказалось вліяніе кубанскаго климата: пять человѣкъ заболѣли разными мѣстными болѣзнями и отстали отъ отряда. Остальные же коекакъ еще крѣпились. Къ вліянію климата присоединились искалѣченныя во время переходовъ ноги. Здѣсь же произошла вторая стычка съ испанцами. Утромъ выступилъ авангардъ инсургентовъ, а послѣ полудня начали двигаться главныя силы. Вдругъ впереди раздался ружейный залпъ, повторенный на нѣсколько ладовъ горнымъ эхомъ. За нимъ — другой, третій... Инсургенты быстро заняли позицію, и началась перестрѣлка. Нѣсколько офицеровъ изъ штаба Масео поскакало разыскивать позицію для орудія. Пришлось взбираться на высокую гору. Стволы свалившихся деревьевъ такъ затрудняли движеніе, что прошло около часу, пока мы добрались до вершины горы. Надъ головами завизжали пули. Отъ стрѣлковой цѣпи насъ отдѣлялъ сосновый лѣсъ, которымъ поросъ склонъ горы и часть долины. Вдали желтѣла дорога, занятая испанцами. Трескъ выстрѣловъ то ослабѣвалъ и прекращался, то возобновлялся съ новой силой. Изъ-за тумана мы не могли отличить своихъ отъ враговъ, и не знали, какъ идутъ дѣла инсургентовъ. Американцы-артиллеристы попробовали-было разъ выстрѣлить изъ орудія—и больше не пытались. Зато непріятельскіе стрѣлки про насъ не забывали. Ящики со снарядами и динамитомъ лежали шагахъ въ десяти за орудіемъ, и какъ-то невольно хотѣлось воспользоваться ими, какъ

Digitized by Google

прикрытіемъ отъ надоѣдливыхъ никелированныхъ шмелей. Около меня стоялъ какой-то негритенокъ, лѣтъ 12-ти, и съ любопытствомъ смотрѣлъ впередъ, хотя тамъ ничего не было видно. Вдругъ онъ началъ всхлипывать, упалъ на колѣни, и уткнулся головой въ траву. Я потрогалъ его за плечо, думая, что онъ испугался стоявшаго въ воздухѣ визга пуль, но мальчикъ уже ничего не боялся: пуля вышла у него между лопатками... Одновременно съ этимъ и одинъ изъ моихъ русскихъ товарищей былъ наказанъ за свое излишнее любопытство: пуля пробила ему ногу. Въ сумерки пріѣхалъ Масео и приказалъ оставить позицію. Невидимые стрѣлки посылали намъ въ догонку торопливые залпы... Черезъ полчаса мы были уже въ лощинѣ и подъ покровомъ наступающей ночи располагались на ночлегъ, а неутомимый Масео снова вернулся къ стрѣлкамъ, оставшимся позади на случай наступленія испанцевъ. Между тѣмъ начался такой ливень, какой только и возможенъ въ горахъ: отъ него не могутъ укрыть никакія бурки и клеенки. Я завернулся съ головой въ клеенку и усѣлся на лысомъ пригоркѣ. Послѣ полуночи дождь пересталъ, и я вышелъ изъ неудобнаго положенія муміи. Вокругъ одинъ за другимъ начали вспыхивать костры. Число ихъ быстро увеличивалось, и скоро вся мѣстность покрылась цѣлымъ моремъ огоньковъ. У каждаго костра толпилось по нѣскольку человѣкъ, стараясь согрѣться и просушить промокшую одежду. Болѣе догадливые снимали съ себя послѣднія тряпки и выжимали изъ нихъ воду, оставаясь въ костюмѣ Адама. Изъ этой массы скопившагося народа до слуха не доносится ни пѣсенъ, ни громкихъ разговоровъ. Кое-гдѣ стонутъ раненые, или больные, которыхъ мучатъ приступы лихорадки... Я задумался надъ окружающей картиной, надъ этими добродушными лицами, привыкшими къ лишеніямъ, равнодушно смотрящими въ лицо смерти во имя своей свободы. А что, если эта свобода не окупится цѣною принесенныхъ жертвъ? Мнѣ казалось, что не эти люди рѣшаютъ вопросъ—быть или не быть, а кто-то другой, и этотъ кто-то — неумолимая связь причинъ и слѣдствій... Вдругъ раздался пушечный выстрѣлъ, и испанская граната упала въ долину: непріятель поздравлялъ насъ съ наступающимъ утромъ. Мгновенно костры погасли, и вся мѣстность погрузилась въ сумерки наступающаго разсвѣта. Одновременно съ этимъ началось выступленіе инсургентовъ. Тропинка, по которой мы двинулись, далеко впереди выходила на ту самую дорогу, которую перерѣзали испанцы. Для Масео воспользоваться обходомъ было очень выгодно, тѣмъ болѣе, что испанцевъ было около 6.000 чело-

Digitized by Google

вѣкъ. Мѣсяцъ спустя, въ главномъ городѣ провинціи Pinar del Rio мнѣ и моимъ русскимъ товарищамъ пришлось разговаривать съ полковникомъ, командовавшимъ испанскимъ отрядомъ при Монтесуэло. Онъ отзывался объ этой перестрѣлкѣ, какъ о серьезной побѣдѣ испанцевъ. Возражать ему въ нашемъ положеніи было очень рискованно, но для насъ стало ясно, какъ во мнѣніи испанцевъ ростутъ ихъ небольшія удачи. Въ самомъ дѣлѣ,—разъ инсургенты оставили позицію, значитъ, испанцы одержали побѣду, и чѣмъ скорѣе это произошло, тѣмъ существеннѣе одержанная побѣда. „Инсургенты разбиты на голову и скрылись въ горы",—доносятъ въ Гаванну испанскіе полководцы, и побѣдителями возвращаются въ городъ. Никто при этомъ не обращаетъ вниманія на то обстоятельство, что побѣжденные очутились не сзади, а впереди побѣдителей. Не нужно быть большимъ стратегомъ, чтобы понять, какое значеніе имѣютъ эти побѣды для испанцевъ.

Отъ безпрерывныхъ дождей почва размякла, такъ что подвигаться впередъ пришлось очень медленно. Неподкованныя лошади спотыкались и калѣчили ноги. Къ тому же мѣстность оказалась гористою: не успѣешь взобраться на одну гору, а за ней виднѣется другая—еще выше и круче. Передъ оврагами движеніе всего отряда пріостанавливалось: люди и лошади скатывались внизъ, образуя тамъ грязно-желтую мокрую кучу. Другую сторону оврага брали приступомъ — на четверенькахъ. Орудіе спускали на веревкахъ или переносили по частямъ. Встрѣтиться съ испанцами не опасались: они по такимъ тропинкамъ не ходятъ.

Подъ вечеръ мы добрались до префектуры Франциско. Здѣсь обнаружилось, что мои русскіе товарищи идти дальше не могутъ. Одинъ былъ раненъ, а другой заболѣлъ сразу двумя болѣзнями—лихорадкой и диссентеріей. Достать лошадей было невозможно, такъ какъ въ нихъ ощущался большой недостатокъ. Я остался вмѣстѣ съ ними въ ожиданіи ихъ выздоровленія. Передъ выступленіемъ къ намъ зашелъ Масео.

— Тамъ—выше, для насъ будетъ лучше и покойнѣе,—сказалъ онъ.—Тамъ всего много—и скота, и провіанта. Вы будете отправлены впередъ съ первымъ вооруженнымъ отрядомъ. Я поручилъ префекту позаботиться объ этомъ.

Несмотря на обѣщаніе Масео, я былъ увѣренъ, что врядъ ли когда удастся выбраться изъ этой трущобы, и что съ уходомъ Масео рушатся мои первоначальные планы, связанные съ поѣздкой на Кубу. Масео я больше не видѣлъ. Два мѣсяца

Digitized by Google

спустя, онъ сдѣлался жертвой предательства одного изъ своихъ приближенныхъ — доктора Максимо Цертуча. Впрочемъ, генералъ Вейлеръ и самъ Цертуча, проживающій теперь въ Гаваннѣ, отрицаютъ и фактъ предательства, и то, что послѣдній получилъ за это 50 тысячъ пэзъ.

Смерть „простого мулата“ вызвала большія празднества въ Мадридѣ и взрывъ негодованія въ Соединенныхъ-Штатахъ. Въ Гаваннѣ долго не вѣрили тому, что Масео убитъ. Многіе требовали, чтобы имъ показали его трупъ, но генералъ Вейлеръ не могъ исполнить этого требованія. Выяснилось, что инсургенты отбили у испанцевъ тѣло своего любимаго вождя. Трупъ Масео оказался сильно изуродованнымъ, такъ какъ испанцы привязали его къ хвосту лошади. Я не могу себѣ представить, какія мученія ожидали Масео, если бы его захватили живымъ. Его мѣсто занялъ порториканецъ Ріусъ-Ривера, пріѣхавшій на Кубу вмѣстѣ съ нами. Новый начальникъ не пришелся по вкусу чумазымъ сподвижникамъ Масео и уступилъ свое мѣсто кубанцу, а самъ перешелъ въ провинцію Гаванна. Можно было ожидать, что со смертью Масео умиротворить островъ будетъ не трудно. Однако прошло уже четыре мѣсяца, а дѣла испанцевъ нисколько не улучшились. Оказалось, что въ провинціи Санта-Клара находится главнокомандующій силами инсургентовъ—Гомецъ, корпусъ котораго въ пять разъ превышаетъ отрядъ Масео. Въ то время какъ испанцы были заняты Масео, Гомецъ получилъ много оружія, сформировалъ артиллерію и обучилъ инсургентовъ военному дѣлу. Въ отвѣтъ на убійство своего друга и смерть сына [1]) онъ отвѣчалъ нѣсколькими удачными нападеніями на испанскіе форты и разгромомъ предмѣстья Гаванны.

Между тѣмъ, въ Мадридѣ выработали проектъ автономіи Кубы. Генералъ Вейлеръ отправилъ къ Гомецу для переговоровъ одного изъ своихъ офицеровъ—кубанскаго уроженца, но Гомецъ предупредилъ офицера, чтобы тотъ къ нему не являлся,—иначе будетъ повѣшенъ, какъ измѣнникъ. При этомъ онъ заявилъ, что не намѣренъ вступать въ переговоры съ правительствомъ прежде, чѣмъ самъ не будетъ въ Гаваннѣ. Кубанская же юнта въ Нью-Іоркѣ объявила, что инсургенты тогда лишь положатъ оружіе, когда Соединенные-Штаты гарантируютъ Кубѣ такую же автономію, какою пользуется Канада...

Черезъ три мѣсяца на островѣ начнется періодъ дождей, и

[1]) Сынъ Максимо Гомеца—Франциско Гомецъ—находился все время при Масео. Когда послѣдній былъ убитъ, онъ закололъ себя кинжаломъ. Ему было не болѣе 18 лѣтъ.

Digitized by Google

смертность въ испанской арміи возрастетъ до громадныхъ размѣровъ. Люди будутъ умирать не отъ пуль, а отъ гнилого климата,—вѣрнаго союзника инсургентовъ. Хватитъ ли послѣ этого у Испаніи средствъ, чтобы продолжать доказывать „превосходство своего оружія"?

VII.

Съ уходомъ Масео наступило затишье. Кромѣ насъ, во Франциско остались пріѣхавшій съ нами на Кубу венецуэлецъ Веласко и какой-то совершенно высохшій капитанъ,—должно быть, ветеранъ одного изъ прежнихъ возстаній. Всѣ мы поселились въ префектурѣ, переполненной ранеными, больными и даже совершенно здоровыми людьми, которые прикомандировались сюда для пропитанія. Цертуча, уѣзжая, не оставилъ никакихъ медикаментовъ. Раненые довольно терпѣливо переносили страданія, но больные, особенно желтой лихорадкой, стонали и за себя, и за раненыхъ. Стоило погодѣ немного ухудшиться, и къ стонамъ присоединялся такой отчаянный лязгъ зубами, что и здоровые не могли найти себѣ мѣста... По счастью у насъ нашлось немного карболовой кислоты и марли. Одинъ изъ насъ принялся дѣлать перевязки раненымъ. По отношенію же къ остальнымъ больнымъ пришлось ограничиться только гигіеническими совѣтами. Больные со вниманіемъ слушали его плохую испанскую рѣчь, утвердительно кивали головами и, обжигаясь, пили кипятокъ, которымъ онъ ихъ потчивалъ во время приступовъ лихорадки. Благодаря этому, мой товарищъ пріобрѣлъ незаслуженное званіе доктора, и при томъ лучшаго, чѣмъ Цертуча. Раненые поправлялись очень быстро. Этимъ они были обязаны отчасти своему желѣзному организму, а главнымъ образомъ—новымъ ружьямъ, которыми, по примѣру другихъ европейскихъ армій, вооружены и испанскіе солдаты. Новая пуля (пробивающая, какъ говорятъ, семь человѣкъ подъ рядъ) оказалась гуманнѣе старой. Она не раздробляетъ костей и рѣдко застрѣваетъ въ тѣлѣ. Ея сравнительно небольшой діаметръ имѣетъ вліяніе на величину раны. Мой товарищъ замѣтилъ свою рану только на вторыя сутки послѣ перестрѣлки при Монтесуэло.

Черезъ недѣлю послѣ ухода Масео, разнесся слухъ, что на дорогѣ замѣченъ испанскій отрядъ, направляющійся въ нашу сторону. Негръ, оставленный префектомъ за старшаго, вышелъ на пригорокъ и началъ кричать: „сюда идутъ испанцы, прячьтесь въ лѣсъ"! Свой крикъ онъ иллюстрировалъ подходящими

Digitized by Google

жестами, и такой своеобразный телеграфъ достигъ своего назначенія. Люди забирали свой скарбъ и шли въ лѣсъ. Мы не успѣли еще добраться до опушки, какъ сзади насъ начались выстрѣлы. Перестрѣлка продолжалась около часа, но мы долго еще не знали ея результатовъ, теряясь во всякаго рода предположеніяхъ. Наконецъ, въ сумерки пришелъ префектъ. Отъ него мы узнали, что испанцевъ было около 500 человѣкъ. Они шли съ провіантомъ для сосѣдняго форта. Выстрѣлы инсургентовъ (всего 18 человѣкъ) заставили ихъ перейти на другую дорогу. Тамъ нашли четырехъ муловъ съ тюками и лошадь съ окровавленнымъ офицерскимъ сѣдломъ.

Можно было ожидать, что испанцы вернутся той же дорогой, и префектъ предложилъ намъ переселиться изъ префектуры въ хижину, одиноко расположенную на пригоркѣ въ глубинѣ лѣса. Мы согласились. На навосельѣ было удобнѣе: больные вернулись въ префектуру, а въ хижинѣ поселились венецуэлецъ, инвалидъ-капитанъ, трое насъ и четыре деньщика, или „ассистента“, какъ ихъ называли кубанцы. Хозяева, не желая стѣснять себя и насъ, перешли въ шалашъ.

Съ пригорка была видна вся окрестность. Впереди—за лѣсомъ на большое пространство раскинулась равнина. Прежде вся ея площадь обработывалась подъ плантаціи, которыя теперь заросли травой и кустарникомъ. Мѣстами торчали остатки обгорѣлыхъ строеній. Казалось, все заглохло и застыло въ ожиданіи лучшихъ временъ, чтобы оживиться съ новою силою. Въ сторонѣ на пригоркѣ ютилась префектура и подъ ея покровительствомъ нѣсколько хижинъ и шалашей. Узкой котловиной эта равнина соединялась съ другой мѣстностью, видъ на которую открывался съ противоположной стороны. Это былъ рядъ зеленыхъ безлѣсныхъ холмовъ. Къ горизонту они постепенно понижались и переходили тоже въ равнину. Тамъ едва замѣтнымъ сѣрымъ пятномъ выступала группа хижинъ съ краснымъ домикомъ въ серединѣ. Это былъ испанскій фортъ—Punto de la Sierra. Такимъ образомъ мы поселились почти на границѣ враждебныхъ сторонъ. Не будь этого контраста, возможно, что послѣдующія событія сложились бы иначе. Вдоль всей этой мѣстности, съ востока на западъ тянулась мрачная холодная Сьерра.

Черезъ нѣсколько дней изъ сосѣдней префектуры къ намъ пришли три американца и ирландецъ. Старшій изъ американцевъ считался teniente-coronel'емъ въ арміи инсургентовъ. На Кубѣ онъ находился уже четыре мѣсяца и, благодаря своему крѣпкому здоровью и запасу медикаментовъ, успѣлъ вполнѣ

Digitized by Google

акклиматизироваться. Во время стычки при Мантуа его ранили въ колѣно, и теперь онъ догонялъ отрядъ Масео. Двое другихъ американцевъ, Конрой и Санти, пріѣхали на островъ вмѣстѣ съ нами. Они, какъ и одинъ изъ моихъ товарищей, страдали диссентеріей. Мы смотрѣли на ихъ страшныя мученія, видѣли, какъ они постепенно принимали видъ скелетовъ, но помочь ничѣмъ не могли: не было доктора, не было медикаментовъ, не хватало молока, такъ какъ кубанскія коровы даютъ его мало и одинъ разъ въ сутки. На четвертый день умеръ Санти. Онъ оставилъ кольцо съ письмомъ, написаннымъ на случай смерти. Я не жалѣю, что, оставивъ своихъ друзей-инсургентовъ, не захватилъ этого письма, чтобы доставить его по адресу: все равно подозрительные испанцы отобрали бы его у меня, полагая, что это документъ политическаго характера, и кольцо досталось бы какому-нибудь солдату.

Черезъ часъ Санти лежалъ уже въ землѣ, а двое другихъ стояли на очереди, чтобы послѣдовать его примѣру. На слѣдующій день явился какой-то человѣкъ, который лечилъ больныхъ въ окрестности. Онъ далъ имъ необходимыя лекарства, а главное, озаботился о томъ, чтобы имъ давали молоко, чего мы сами добиться не могли.

Если у другихъ было занятіе—хворать, то у меня рѣшительно никакихъ занятій не было. Меня угнетали наше бездѣйствіе и скука, грозившія никогда не кончиться. Наши интересы сводились лишь къ тому, какъ бы это сегодня приготовить такъ мясо, чтобы не очень ощущалось отсутствіе соли и хлѣба. Въ этомъ отношеніи мы оказали несомнѣнную культурную услугу кубанцамъ: мы обогатили ихъ словомъ „бефъ-стексъ“ и научили ассистентовъ приготовлять котлеты, которыя имъ такъ понравились, что они жарили ихъ съ утра до вечера и, въ ущербъ пищеваренію, ѣли по десятку за разъ. Мяса было болѣе чѣмъ достаточно, зато единственной къ нему приправой служила маланга, да и той скоро не хватило въ окрестности. Тогда намъ (т.-е. мнѣ и ассистентамъ) пришлось отправляться за ними „на охоту“, сперва за двѣ, а потомъ за три и за четыре мили отъ нашей префектуры. Мы начисто опустошали первыя попавшіяся поля, ни мало не интересуясь тѣмъ, кому они принадлежатъ, и всякій разъ намъ приходилось отыскивать новыя мѣста для охоты, такъ какъ всѣ добывали себѣ овощи такимъ же хищническимъ способомъ. Можно было безошибочно предсказать, что скоро во всей этой мѣстности не останется ничего.

Во время этихъ экскурсій мнѣ часто попадались такія семей-

Digitized by Google

ства, которыя поддерживали свое существованіе одной малангой, отваренной безъ соли въ водѣ. Жалко было смотрѣть на изнуренныхъ поносомъ дѣтей, съ большими, отвислыми животами. Два года тому назадъ у этихъ людей всего было вдоволь,—былъ свой скотъ, поля съ рисомъ, кофе, сахаръ, овощи,—война все это у нихъ отняла и теперь грозила лишить послѣдняго—маланги, которая шла прежде на кормъ свиньямъ. Если въ Россіи существуютъ такіе уголки, гдѣ люди питаются однимъ картофелемъ, то „сѣверу дикому", можетъ быть, такъ и слѣдуетъ, между тѣмъ какъ Куба—богатѣйшій въ мірѣ островъ, „перлъ Атлантическаго океана". Къ тому же маланга, даже съ солью, далеко уступаетъ въ питательности картофелю.

Приходится еще разъ выразить удивленіе выносливости кубанцевъ. Вѣрно, имъ не очень-то хорошо жилось прежде, если они во имя лучшаго будущаго терпѣливо переносятъ теперь такія лишенія.

VIII.

Выдающимся событіемъ за это время былъ пріѣздъ одного изъ офицеровъ, исполнявшаго порученія въ тылу отряда Масео. Хотя онъ не сообщилъ намъ ничего утѣшительнаго, зато привезъ немного морской соли, которую мы по-братски раздѣлили, причемъ на каждаго человѣка пришлось почти по полной столовой ложкѣ. А затѣмъ время потянулось по прежнему...

Отъ скверной, хотя и свѣжей пищи всѣ страдали безсонницей. Обыкновенно оба американца, ирландецъ и насъ двое, просиживали цѣлыя ночи на воздухѣ. Всѣхъ насъ тяготило наше положеніе, и всѣмъ хотѣлось возможно скорѣе выбраться изъ этой трущобы къ Масео, а еще лучше—и съ самаго острова. Практичные американцы видѣли, что до окончанія возстанія имъ не удастся сдѣлать на островѣ никакого „бизнеса", а прежде чѣмъ оно окончится, ихъ доканаетъ кубанскій климатъ. Ирландецъ, лишившійся когда-то кисти лѣвой руки, вѣроятно пріѣхалъ на Кубу, какъ въ богадельню, спасаясь отъ безработицы. Онъ обладалъ громаднымъ ростомъ, еще бо̀льшимъ аппетитомъ и все время молчалъ, но когда въ одинъ прекрасный день вдругъ заговорилъ самъ съ собою, то всѣ поняли, что онъ сходитъ съ ума. Мы, русскіе, пришли къ заключенію, что дальнѣйшее наше пребываніе на Кубѣ—безполезная трата времени. Къ тому же одинъ изъ насъ былъ боленъ, а рана другого послѣ перваго перехода могла осложниться чѣмъ-нибудь болѣе серьезнымъ, что̀

Digitized by Google

и случилось впослѣдствіи. Если бы мы и добрались къ Масео, то мои товарищи служили бы только обузой для инсургентовъ, и намъ пришлось бы застрять въ другой префектурѣ, а при такихъ условіяхъ мы не скоро попали бы въ центральную часть острова, между тѣмъ какъ только тамъ можно было разсчитывать на возможность выбраться съ острова. Оставалось другое—уйти въ испанскій фортъ, который виднѣлся вдали. Это средство вело за собой рядъ некрасивыхъ перспективъ. Если объ этомъ узнаютъ инсургенты, прежде чѣмъ мы очутимся въ фортѣ, то насъ повѣсятъ. У испанцевъ нельзя было разсчитывать на хорошій пріемъ. Они могли сорвать на насъ свою ненависть къ американцамъ—друзьямъ инсургентовъ, и прикончить по прихоти перваго фельдфебеля. Скорѣе, конечно, насъ ожидали только тычки, скитанья по тюрьмамъ и, въ концѣ концовъ, можетъ быть и свобода. Американцы тоже очень часто говорили между собой о фортѣ и даже возбудили легкое подозрѣніе венецуэльца и инвалида-капитана, но намъ они не сообщили своихъ плановъ,—въ свою очередь и мы опасались имъ довѣриться. Я началъ прогуливаться по направленію къ форту, но тропинка двоилась, троилась, и всякій разъ приходилось возвращаться, не узнавъ ничего новаго.

Меня выручила маланга. Такъ какъ въ окрестности ея почти уже не было, то кубанцы составили небольшой отрядъ, съ цѣлью ограбить огороды, расположенные около форта. Они были рады лишнему вооруженному человѣку, и мнѣ ничего не оставалось, какъ воспользоваться этимъ, чтобы узнать дорогу. Я захватилъ мѣшокъ для овощей, кавалерійскій винчестеръ венецуэльца и пѣшій присоединился къ людямъ. До огородовъ мы добрались поздно ночью.

Овощей оказалось много, и наши мѣшки быстро наполнились. Мои спутники взвалили ихъ на лошадей, я — на свою собственную спину, и мы тронулись въ обратный путь. Дорогой каждый кубанецъ сдѣлалъ по выстрѣлу въ воздухъ, чтобы всполошить испанцевъ. Дѣйствительно, вслѣдъ за этимъ гдѣ-то за лѣсомъ началась безпорядочная стрѣльба, прекратившаяся только съ наступленіемъ утра. Судя по силѣ звука, стрѣляли довольно далеко, но съ меня было достаточно и того, что я зналъ дорогу къ огородамъ и направленіе, въ которомъ находится фортъ. На полпути до префектуры съ пригорка блеснулъ огонекъ и раздался выстрѣлъ. Оказалось, что тамъ расположенъ сторожевой постъ инсургентовъ. Меня не удивила манера—сначала стрѣлять въ людей, а потомъ спрашивать,—кто они такіе, но я былъ

Digitized by Google

пораженъ существованіемъ самого поста. Шансы на успѣхъ нашего плана уменьшились, но и наше положеніе было такое, что не приходилось останавливаться ни передъ какими крайностями.

Еще за нѣсколько дней до этого мы начали пріучать своихъ сожителей къ тому, что насъ по нѣскольку часовъ не бываетъ дома. Обыкновенно, одинъ уходилъ рисовать окрестности, другой, если его не трясла лихорадка, присосѣживался къ нему, а съ меня было достаточно и утреннихъ прогулокъ за малангой. Слѣдующій день послѣ нападенія на огороды ушелъ на окончательныя приготовленія къ побѣгу. Для того, чтобы сожители возможно дольше насъ не хватились, мы рѣшили не брать съ собой ничего. Въ томъ случаѣ, еслибы насъ поймали, вещи служили бы явною противъ насъ уликою. Однако, безъ гамаковъ обойтись было нельзя. На Кубѣ можно безнаказанно разгуливать безъ панталонъ, но стоитъ одинъ разъ переночевать на землѣ, чтобы заболѣть лихорадкой.

Кубанцамъ такъ понравились награбленныя овощи, что на третій день послѣ первой коммиссіи была снаряжена вторая, которая оказалась посмѣлѣе и отправилась утромъ. Мы условились бѣжать, какъ только она вернется, и мои товарищи должны были слѣдить за ея возвращеніемъ, а я, „для отвода глазъ“, остался въ хижинѣ. Прошло нѣсколько часовъ. Люди вернулись съ овощами, а мои товарищи не показывались. Переждавъ немного, я отправился ихъ разыскивать,—ихъ нигдѣ не было. Напрасно я распѣвалъ русскія пѣсни,—мой голосъ оставался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Я четыре раза прошелся по дорогѣ къ форту, но мысль о томъ, что товарищи въ свою очередь ищутъ меня, заставляла возвращаться назадъ бѣгомъ. Наконецъ, мой растерянный видъ и прогулки по одному направленію стали обращать на себя вниманіе сожителей. Медлить было опасно, и я ушелъ съ тѣмъ, чтобы уже не возвращаться.

Возможность встрѣчи съ людьми, отставшими отъ коммиссіи, заставляла меня прислушиваться къ малѣйшему шороху въ лѣсу. Отъ сильнаго нервнаго напряженія слухъ сдѣлался очень тонкимъ, а глаза—черезчуръ зрячими. Спрятаться въ случаѣ встрѣчи было некуда, — доступъ въ лѣсную чащу былъ защищенъ ліанами. За лѣсомъ начиналась та поляна, гдѣ находился сторожевой постъ. Здѣсь, у опушки, я нашелъ своихъ товарищей. Оказалось, что они забыли объ уговорѣ—сообщить мнѣ о возвращеніи коммиссіи. Вслѣдствіе такой непростительной забывчивости мы потеряли цѣлыхъ два часа. Нужно было торопиться, а мои

Digitized by Google

спутники еле передвигали ноги. Вѣроятно инсургенты на сторожевомъ посту занялись чѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, потому что мы благополучно миновали долину.

Далѣе дорога поднималась въ гору. На половинѣ горы до нашего слуха начали долетать голоса. Они быстро приближались, и скоро мы ясно разобрали окликъ инсургентовъ:—Alto, quien va?—Насъ замѣтили, и начали облаву. Мы продолжали идти, не обращая вниманія на оклики, но на самомъ пригоркѣ я замѣтилъ, что ошибся дорогой: слѣдовало, не поднимаясь на гору, свернуть по тропинкѣ влѣво. Пришлось возвращаться обратно. Вдругъ голоса умолкли, и раздалось два выстрѣла. Мы замедлили шагъ. Снова—два выстрѣла... Пули пролетѣли такъ близко, что притворяться глухими сдѣлалось опасно. Мы сняли шляпы, и, махая шляпами въ сторону раздавшихся выстрѣловъ, закричали:—Cuba, Cuba!—Насъ больше не безпокоили. Мы спустились съ горы и свернули на тропинку.

Вдругъ раздался новый окликъ, и на этотъ разъ такъ близко, что волей-неволей пришлось остановиться. Обернулись. Шагахъ въ пятидесяти отъ насъ стоялъ негръ съ ружьемъ.

Мы поспѣшили сказать:—Куба.

— Подождите!—негръ сдѣлалъ движеніе въ нашу сторону, но мы предпочли подойти къ нему сами. Мои спутники сразу приняли бодрый видъ, и даже неуклюжій костыль въ рукахъ раненаго превратился въ тросточку. Около негра выросло еще четыре человѣка.

— Добрый вечеръ, граждане!

— Добрый вечеръ, сеньёры!—отвѣчали кубанцы.

Намъ слѣдовало предупредить ихъ вопросы. К*, свободнѣе всѣхъ объяснявшійся по-испански, выступилъ въ качествѣ переговорщика. Мы поддерживали его, стараясь возможно меньше показать, что мы американцы (на Кубѣ всѣ иностранцы сходятъ за американцевъ).

— Давно ли,—началъ К.,—вы начали стрѣлять по своимъ? Позавчера ночью стрѣляли по коммиссіи изъ Франциско, а сегодня въ насъ стрѣляете. Такъ, пожалуй, скоро на островѣ ни одного кубанца не останется.

Кубанцы засмѣялись.

— А зачѣмъ вы не остановились? — замѣтилъ одинъ изъ нихъ:—вѣдь мы вамъ кричали.

— Еслибы кричали, то остановились бы; а не остановились —значитъ, не слышали.

Digitized by Google

Затѣмъ мы сообщили старую новость, что около Франциско совсѣмъ нѣтъ овощей. Мы идемъ за рисомъ, который я видѣлъ, когда ходилъ съ коммиссіей.

— Тамъ нѣтъ никакого рису, — озадачилъ тотъ же кубанецъ. — Сегодня утромъ мы его сняли.

Мы похвалили ихъ за предусмотрительность и замѣтили, что удовольствуемся и боньятами (сладкій картофель).

— А все-таки вы напрасно отправились безъ практика [1]), — не унимался кубанецъ: — васъ могутъ захватить гверильясы.

— Не думаю, — отвѣчалъ я, воинственно потрясая въ воздухѣ винчестеромъ, который стянулъ у венецуэльца. — Въ этомъ ружьѣ сидитъ восемь пуль, для восьми испанцевъ.

Однако ружье заряжено не было, такъ какъ механизмъ его былъ испорченъ. Я его захватилъ съ собою потому, что у инсургентовъ не принято выходить изъ дому невооруженному, особенно въ сторону испанскихъ фортовъ, а теперь можно было тратить цѣлые полчаса на разговоры, не возбуждая никакихъ подозрѣній. Полагаю, что инсургенты не должны обижаться на меня за ломаное ружье: оставленныя нами вещи съ излишкомъ окупали его стоимость.

„Благополучно“ попрощавшись, мы двинулись дальше. Кубанцы предупредили, что если, возвращаясь обратно, мы заблудимся, то слѣдуетъ сдѣлать два выстрѣла подъ рядъ, и они выйдутъ къ намъ на встрѣчу.

IX.

Въ сумерки мы добрались до огородовъ. Здѣсь насъ остановила новая неожиданность: впереди у дороги стоялъ дымъ отъ костра, и пройти мимо незамѣченными было невозможно. По моему предположенію, испанскій фортъ находился влѣво отъ насъ — за лѣсомъ. Оставалось попробовать пробраться къ нему непосредственно черезъ чащу.

Въ лѣсу было совершенно темно, и мы подвигались впередъ ощупью, поминутно теряя изъ вида одинъ другого. Цѣпкія и крѣпкія какъ веревки, ліаны то-и-дѣло заграждали дорогу. Перерѣзать ихъ было нечѣмъ, и приходилось отыскивать болѣе удобный проходъ, сбиваясь этимъ съ первоначальнаго направленія. Я шелъ впереди своихъ спутниковъ, раздвигая руками колючія

[1]) Инсургенты называютъ одинъ другого „практиками“. Практикъ отчасти соотвѣтствуетъ нашему слову: старожилъ.

Digitized by Google

вѣтви лимоновъ и другихъ незнакомыхъ деревьевъ, чтобы они не хлестали по физіономіямъ. Попадались узкія канавы, принятыя мною въ темнотѣ за волчьи ямы, практикуемыя въ военномъ дѣлѣ. Ихъ присутствіе давало поводъ предполагать, что мы находимся очень близко отъ форта. Я — первый провалился въ эти канавы, и если мы не поломали себѣ ногъ, то это слѣдуетъ приписать только случаю, такъ какъ ямы были глубиною не меньше сажени.

Послѣ полуночи мы очутились на безлѣсномъ пригоркѣ. Съ двухъ противоположныхъ сторонъ свѣтилось по огоньку: это были костры, одинъ—въ префектурѣ Франциско, а другой—въ Punto de la Sierra. Оба костра находились отъ насъ въ одинаковомъ разстояніи; другими словами, мы были всего лишь на полпути до форта. Это открытіе заставило насъ призадуматься. Пробираться къ нему снова черезъ чащу было немыслимо. Избитыя и исцарапанныя ноги и руки болѣли и саднили. Рѣшили ожидать утра и тогда, изучивъ съ пригорка мѣстность, двинуться дальше. Вдругъ до нашего слуха долетѣли голоса. Мы растянулись на землѣ пластами и застыли... Люди остановились около насъ, продолжая разговаривать. Разобрать отдѣльныя слова мѣшалъ шелестъ травы, но по тону разговора можно было заключить, что люди за чѣмъ-то наблюдаютъ. Оказалось, что мы попали въ селеніе, но чье — инсургентовъ или испанскихъ гверильясовъ— неизвѣстно. Впрочемъ, одно было не лучше другого. Гверильясы не пожелали бы лишить себя интереснаго зрѣлища, и расправились бы съ нами сами безъ особой огласки, какъ это не разъ случалось со многими плѣнными инсургентами. Нужно было удирать съ пригорка, не ожидая полнаго разсвѣта.

Скоро лѣсъ смѣнился саванной. Взошло солнце, но форта видно не было. Разъ мы наткнулись на большую дорогу, уходившую по направленію къ Сьеррѣ, но не прошли по ней и четверти мили, какъ гдѣ-то въ сторонѣ началась безпорядочная стрѣльба, заставившая насъ перейти на тропинку, протоптанную въ лощинѣ. Выстрѣлы прекратились. Между тѣмъ, мой больной товарищъ совершенно обезсилѣлъ, и началъ заговариваться. Уложивъ его въ гамакъ, мы продолжали поиски вдвоемъ, но скоро сами выбились изъ силъ и вернулись къ больному. Переждавъ до полудня, мы снова отправились на поиски. Полдень подъ тропиками играетъ роль полночи въ нашемъ поясѣ: это время сна и покоя. Солнце стоитъ почти надъ самой головой, и врядъ ли у кого явится охота, безъ крайней необходимости, жариться подъ его горячими лучами. Каждый, не исключая отсюда и стражи,

Digitized by Google

старается укрыться въ тѣнь и вздремнуть часокъ-другой послѣ недавняго обѣда. Мы пробродили около часа, пока я не замѣтилъ въ сторонѣ отъ дороги грушу хижинъ. Мой спутникъ былъ выше меня ростомъ и увидѣлъ около нихъ красный домикъ съ испанскимъ флагомъ на крышѣ.

Черезъ четверть часа насъ остановили восемь вооруженныхъ людей, составлявшихъ, какъ оказалось, почти весь гарнизонъ форта. Мы сообщили старшему—кто мы такіе и зачѣмъ явились. „Старшаго“ мы узнали потому, что у него были одѣты туфли, тогда какъ остальные вышли босикомъ. Онъ отнесся къ нашимъ словамъ очень недовѣрчиво, обшарилъ и даже задалъ наивный вопросъ, не принесли ли мы съ собой динамита. Однако по нашей плачевной внѣшности онъ скоро убѣдился въ неосновательности своихъ опасеній и отправилъ въ сосѣдній фортъ верхового — увѣдомить поручика о нашемъ приходѣ. Затѣмъ я съ шестью провожатыми отправился за третьимъ товарищемъ, оставленнымъ въ лѣсу. Провожатые шли шагахъ въ десяти позади меня съ ружьями на перевѣсъ. Уходя они пообѣщали зарѣзать моего остающагося компаньера, если я готовлю имъ западню. Однако все обошлось благополучно, и нашъ больной товарищъ былъ приведенъ въ фортъ.

Въ это время пріѣхалъ поручикъ. Онъ тоже насъ обыскалъ. Окружавшіе дѣятельно ему помогали въ этомъ: одинъ изъ „старшихъ“ захватилъ ружье; младшіе же удовольствовались парой очковъ, обломками ножницъ, коробкой съ сольо и пустымъ бумажникомъ, который впослѣдствіи былъ возвращенъ. Самъ поручикъ выразилъ было желаніе пріобрѣсть одинъ изъ гамаковъ, но потомъ одумался. Два гамака на троихъ были единственнымъ и самымъ необходимымъ нашимъ имуществомъ.

Затѣмъ моихъ товарищей посадили на лошадей, и мы отправились въ слѣдующій фортъ — главную квартиру поручика, гдѣ онъ снялъ съ насъ допросъ и оставилъ ночевать.

Гарнизонъ Punto de la Sierra, какъ и большинство фортовъ въ этой части острова, составляютъ гверильясы, т.-е. охотники изъ мѣстныхъ жителей. Ихъ содержаніе обходится правительству много дешевле содержанія солдатъ, прибывающихъ изъ Европы, и они значительно опытнѣе и выносливѣе послѣднихъ. Тропическій климатъ не имѣетъ на нихъ такого пагубнаго вліянія, и имъ, какъ туземцамъ, хорошо извѣстно расположеніе мѣстности. Въ бою они придерживаются партизанской тактики инсургентовъ, отъ которыхъ по внѣшнему виду и костюму ничѣмъ не отличаются. Негровъ среди нихъ я почти не видѣлъ. Прави-

Digitized by Google

тельству приходится какъ можно меньше стѣснять гверильясовъ дисциплиной, такъ какъ при случаѣ они первые перейдутъ на сторону своихъ соотечественниковъ—инсургентовъ.

На слѣдующій день отъ коменданта пришла бумага, предоставившая намъ полную свободу съ тѣмъ, чтобы мы представились ему въ фортѣ Santo Carlos, расположенномъ миляхъ въ шести отъ Punto de la Sierra. Казалось, что обстоятельства складываются для насъ очень благопріятно, но предоставленной свободой мы пользовались не болѣе получаса. Мы вышли снабженные пропускомъ и съ однимъ провожатымъ, котораго скоро смѣнили двое конвойныхъ, и мы изъ свободныхъ иностранцевъ превратились въ арестантовъ. Конвойные оказались очень забавнымъ народомъ и всю дорогу приставали къ одному изъ моихъ товарищей, чтобы онъ имъ отдалъ свои часы „на память". Къ намъ на встрѣчу безпрестанно выѣзжали верховые и, убѣдившись, что мы еще не бѣжали, возвращались обратно. А бѣжать изъ этой мѣстности не только намъ, но даже самимъ испанцамъ было некуда. Мы шли по узкому ущелью. По бокамъ, отвѣсными, какъ стѣна, каменными громадами высилась неприступная Сьерра. Мѣстами скалы нависали надъ ущельемъ, образуя массивные каменные балдахины. Вода и время наложили на нихъ свою печать, и балдахины грозили когда-нибудь обрушиться и похоронить подъ собою все живое, которое имѣетъ дерзость спокойно подъ ними развиваться. Это ущелье тянется миль на 20, и два форта — одинъ у входа, другой у выхода изъ ущелья— вполнѣ гарантируютъ его неприступность. Благодаря этому, ущелье густо населено, и мирные кубанцы обработываютъ землю подъ защитою и охраною испанскихъ штыковъ.

На полпути до Santo Carlos насъ остановилъ какой-то офицеръ,—кажется, адъютантъ коменданта. Онъ приказалъ конвойнымъ быть построже „com estes gentes" и остановиться въ домѣ одного поручика, мили за двѣ не доходя до форта. Насъ посадили въ кладовую для табаку, и тотъ же офицеръ началъ допросъ. Онъ принялъ внушительный видъ начальника и залпомъ выпалилъ громаднѣйшую фразу. Вѣроятно, эта фраза была перломъ испанскаго канцеляризма, потому что мы ровно ничего не поняли. Тогда онъ перешелъ на обыкновенный разговорный языкъ.

— Почему вы „съ оружіемъ въ рукахъ" воевали противъ Испаніи?

Мы отвѣчали, что воевать съ Испаніей мы не думали ни съ оружіемъ, ни безъ оружія, и удивляемся, откуда онъ знаетъ

Digitized by Google

такую подробность, когда мы никому объ этомъ не заявляли. Мы ничего не имѣемъ противъ Испаніи, какъ ничего не имѣемъ противъ китайской имперіи или Сандвичевыхъ острововъ. Мы воспользовались случаемъ, чтобы ознакомиться съ островомъ, ознакомились какъ могли, и теперь желаемъ обратиться къ содѣйствію нашего консула для того, чтобы возвратиться въ Россію.

— Вамъ нечего думать о возвращеніи на родину. Вы — революціонеры, это я вижу по вашимъ физіономіямъ... Ваши паспорта — фальшивые. Если до сихъ поръ васъ не убили, какъ собакъ, то теперь, будьте увѣрены, казнятъ. Я увѣренъ, что вы были артиллеристами у бунтовщика Масео. Вы у насъ въ плѣну. Впредь до распоряженія губернатора провинціи, вы будете содержаться подъ строгимъ арестомъ въ этомъ карцерѣ.

Онъ говорилъ очень долго и при этомъ такъ комично горячился, что, вопреки деликатности, приходилось улыбаться. Когда онъ вышелъ, двери заперли на замокъ и приставили двухъ часовыхъ.

Послѣ всѣхъ передрягъ мы были очень рады остаться безъ свидѣтелей, но не тутъ-то было: вѣсть о нашемъ приходѣ быстро разнеслась по окрестности,—каждый спѣшилъ не упустить случая увидѣть трехъ артиллеристовъ Масео, которыхъ не то взяли въ плѣнъ, не то они сами струсили побѣдоносныхъ испанцевъ и явились съ повинною. Говорили, что вмѣстѣ съ артиллеристами взятъ и capon, и что самимъ артиллеристамъ на дняхъ отрубятъ головы. Женщины приносили съ собой дѣтей, чтобы и они могли видѣть злодѣевъ. Часовые предупредительно отворяли передъ посѣтителями двери и исполняли обязанности чичероне, городя всякій вздоръ. Мы пробыли въ этомъ карцерѣ четыре дня, все время пользуясь большимъ, хотя незаслуженнымъ вниманіемъ публики. Любопытные даже ночью не давали намъ покоя и, уже съ разрѣшенія хозяина дома, поручика Лоренцо, являлись со свѣчами—посмотрѣть, какъ мы спимъ. Мой товарищъ-художникъ отъ нечего дѣлать принялся за рисованіе. Его рисунки очень нравились посѣтителямъ, хотя многіе изъ нихъ держали рисунки вверхъ ногами. Лоренцо поручилъ нарисовать на картонкѣ отъ шляпы свою собственную персону и остался портретомъ очень доволенъ. За это насъ хорошо кормили, и когда отправили дальше, то дали двухъ клячъ. Трехъ не дали потому, что опасались, чтобы мы не бѣжали.

Digitized by Google

X.

Мы вышли въ Penar del Rio въ сопровожденіи восьми пѣшихъ и столькихъ же конныхъ солдатъ. Сопровождавшіе насъ пѣхотинцы служили очень типичными представителями испанскихъ солдатъ на островѣ. Каждому изъ нихъ можно было дать не болѣе 18—19 лѣтъ. Они поражали своей мелкорослостью и имѣли такой болѣзненный видъ, какъ будто только-что вышли изъ лазарета. Всю дорогу они ссорились между собой и сообща ругали насъ, изрѣдка подбодряя прикладами. Ихъ бѣсила наша неразговорчивость, такъ какъ мы рѣшили какъ можно меньше хвастаться знаніемъ испанскаго языка. У кого-то изъ кавалеристовъ нашелся осколокъ гранаты инсургентовъ. Онъ всю дорогу вертѣлъ имъ у меня передъ носомъ, повторяя, что это—„моя работа“. Когда одинъ изъ конвойныхъ усталъ, то начальникъ отряда, офицеръ, приказалъ моему больному товарищу уступить ему свою лошадь.

Переночевавъ въ селеніи las Mulas, на полдорогѣ до Pinar del Rio, мы на утро были отправлены въ дальнѣйшій путь съ возвращавшимся обозомъ. Насъ усадили на громаднѣйшихъ муловъ и окружили кавалеристами. Никогда я не испытывалъ болѣе сильныхъ ощущеній, какъ во время этого 30-мильнаго перехода на ослятахъ. На муловъ были одѣты вьючныя сѣдла, совершенно непригодныя для верховой ѣзды. Эти сѣдла представляли собой двѣ кожаныя доски, сходившіяся подъ острымъ угломъ. При движеніи приходилось танцовать на ребрѣ, которое врѣзывалось въ тѣло. Конвойнымъ казалось этого мало: при спускахъ съ горъ они били муловъ прикладами и тѣ пускались въ отчаянный галопъ, совершенно несвойственный этимъ упрямымъ животнымъ. Мы не кричали отъ боли только потому, чтобы удержать испанцевъ отъ дальнѣйшихъ изобрѣтеній въ томъ же направленіи.

Офицеры-начальники обоза, рѣшили провезти насъ, для бо́льшаго эффекта, по лучшимъ улицамъ города. Обозъ пришелъ въ порядокъ, нашихъ муловъ связали между собой, конвойные сомкнулись, и начался торжественный въѣздъ въ Pinar del Rio. Вѣроятно, о нашемъ прибытіи въ городѣ знали заблаговременно, потому что улицы были запружены самой разношерстной публикой. Интеллигенція, солдаты, лавочники—всѣ высыпали смотрѣть на плѣнныхъ американцевъ, бывшихъ артиллеристовъ Масео. Изъ патріотическихъ побужденій никто не опровергалъ этого лестнаго для испанскаго самолюбія слуха, а торжественный

Digitized by Google

въѣздъ и громадный конвой только усиливали впечатлѣніе. Со стороны испанскихъ патріотовъ по нашему адресу сыпались нелестныя пожеланія, ругательства и даже апельсинныя корки. Такой радушный пріемъ служитъ мѣриломъ для опредѣленія кубанско-американскихъ симпатій, жертвами которыхъ, по недоразумѣнію, мы сдѣлались.

Около губернаторскаго дома, а можетъ-быть офицерскаго собранія, насъ сняли съ муловъ и ввели на веранду, гдѣ собралось человѣкъ 15 офицеровъ. Они пригласили насъ сѣсть и окружили со всевозможными разспросами. Въ обращеніи ихъ сквозила европейская изысканность на французскій манеръ, очень поразившая насъ послѣ грубаго обращенія начальниковъ фортовъ и другихъ офицеровъ, съ которыми приходилось имѣть дѣло раньше. Изъ ихъ разспросовъ можно было вывести нелестное для испанцевъ заключеніе,—что о состояніи и бытѣ инсургентовъ они имѣютъ очень неточное понятіе. Исправлять эту неточность—у насъ не было никакихъ основаній.

Мы были представлены губернатору. Онъ принялъ насъ очень любезно и сообщилъ, что отправитъ насъ въ Гаванну въ распоряженіе генералъ-капитана Вейлера. Затѣмъ насъ спросили, — не нуждаемся ли мы въ чемъ-нибудь, и посадили въ тюрьму, предоставивъ въ наше распоряженіе двѣ одиночныя темныя камеры. Туда къ намъ явилось двое субъектовъ, выдавшихъ себя за плѣнныхъ инсургентовъ. Даже прислужникъ оказался тайнымъ инсургентомъ. Мы догадались, какими людьми насъ окружилъ любезный губернаторъ, и были очень осторожны въ своихъ выраженіяхъ.

На другой день съ первымъ и пока единственнымъ въ сутки поѣздомъ насъ отправили въ Гаванну, въ сопровожденіи только жандармскаго офицера и жандарма. Послѣдній—рослый, косоглазый дѣтина принялся-было насъ связывать, но офицеръ приказалъ оставить насъ въ покоѣ.

— Довеземъ цѣлыми и безъ веревокъ,—замѣтилъ онъ.

Желѣзнодорожное сообщеніе между Pinar del Rio и Гаванной происходитъ только днемъ и то съ большой опасностью. Разстояніе между станціями очень велико, а построенныхъ въ промежуткахъ между ними фортовъ далеко не достаточно для охраны движенія. Телеграфъ до самой Гаванны испорченъ инсургентами, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ случаются нападенія на поѣзда, поэтому съ каждымъ поѣздомъ отправляется охрана, помѣщающаяся въ спеціальномъ желѣзномъ вагонѣ въ хвостѣ поѣзда. Эта желѣзная дорога проходитъ у Артемизы (городъ съ фортами) „трочу“ Вей-

Digitized by Google

лера и имѣетъ очень важное значеніе для испанцевъ не только потому, что облегчаетъ и ускоряетъ передвиженіе войскъ: провинція Pinar del Rio—самая неплодородная и разоренная часть острова, и гарнизоны ея фортовъ не могутъ обходиться безъ привознаго провіанта. Если бы инсургенты обратили на это обстоятельство побольше вниманія, то испанцамъ пришлось бы голодать [1]). Планъ генерала Роллоу — возможно чаще прибѣгать къ динамиту—въ данномъ случаѣ сослужилъ бы большую службу инсургентамъ, еслибы у нихъ были хорошіе его исполнители съ соотвѣтствующей подготовкой.

Прежде изъ Pinar del Rio въ Гаванну можно было пріѣхать черезъ 6 часовъ; теперь же поѣзда идутъ два дня съ остановкой на ночь въ Артемизѣ. За нѣсколько дней до нашего пріѣзда этотъ городъ былъ аттакованъ Масео и потому переполнился солдатами, расположившимися, за недостаткомъ мѣста, на улицахъ. Темнота ночи спасла насъ отъ тѣхъ почестей, какими насъ встрѣчали въ Pinar del Rio; къ тому же насъ сопровождалъ по городу только жандармскій офицеръ.

Насъ помѣстили въ церкви, обращенной въ гауптвахту, съ массой арестованныхъ. Водили на показъ офицерамъ, такимъ же изысканно-вѣжливымъ, какъ и въ Pinar del Rio.

На другой день послѣ полудня мы выѣхали въ Гаванну. Пассажирами были почти исключительно больные солдаты и вѣрные правительству поселяне. Появленіе отрядовъ Масео заставило ихъ бѣжать поближе къ Гаваннѣ, бросивъ свое имущество на произволъ судьбы и въ пользу инсургентовъ. Замѣчательно то, что это были почти исключительно бѣлые,—негры не оставляли своихъ жилищъ,—это я замѣтилъ въ окно вагона. Солдаты относились очень скверно къ „мирнымъ туземцамъ“, и изъ этого можно было заключить, что послѣднихъ удерживаютъ отъ пере-

---

[1]) Съ поѣздами изъ Гаванны отправляется масса провіанта въ Артемизу (къ трочѣ) и далѣе—въ Pinar del Rio, гдѣ этотъ грузъ навьючивается на муловъ и отправляется съ большимъ конвоемъ и по отвратительной дорогѣ въ las Mulas, откуда развозится по остальнымъ фортамъ на волахъ. При каждомъ фортѣ устроена лавочка, гдѣ солдаты и жители покупаютъ по хорошей цѣнѣ печеный въ Гаваннѣ хлѣбъ, масло, консервы и даже привозные изъ Испаніи ситцы.

Обратные поѣзда носятъ характеръ санитарныхъ: они везутъ въ Гаванну солдатъ, сдѣлавшихся жертвами климата. Вліяніе этого климата—поразительное: въ концѣ октября 1896 года въ 15 гаванскихъ госпиталяхъ состояло 8.200 больныхъ, а въ 114—на всемъ островѣ—32.000; раненые составляли между ними самый незначительный процентъ. Эти цифры не вполнѣ опредѣляютъ количество больныхъ, такъ какъ три раза въ мѣсяцъ ихъ сотнями отправляютъ въ Испанію на спеціальныхъ пароходахъ.

Digitized by Google

хода на сторону инсургентовъ только страхъ и увѣренность въ успѣхѣ испанцевъ. Нашъ конвой составляла вся охрана поѣзда, и такъ какъ въ вагонѣ было темно, то солдаты всю дорогу щупали насъ—не удрали ли мы? На станціяхъ вагонъ наполнялся любопытными. Они освѣщали наши физіономіи спичками, но на всѣ вопросы и замѣчанія мы отмалчивались, или отдѣлывались лаконическою фразою: „no entiende nada“ (ничего не понимаю), чѣмъ возбуждали неудовольствіе и ругань посѣтителей, по ихъ мнѣнію вполнѣ заслуженныя, потому что они слышали, что мы говоримъ по-испански. Никто, исключая насъ самихъ, не сомнѣвался въ томъ, что насъ казнятъ.

Ближе къ Гаваннѣ на рельсахъ стали попадаться камни. Вагоны получали такіе толчки, что приходилось только удивляться ихъ крѣпости. Въ одномъ мѣстѣ инсургенты обстрѣляли поѣздъ. Желѣзныя стѣнки вагона звенѣли отъ ударявшихся объ нихъ пуль. Это произошло очень близко отъ Гаванны и какъ разъ въ то время, когда генералъ Вейлеръ увѣрялъ иностранныхъ корреспондентовъ, что въ провинціи Гавана нѣтъ ни одного инсургента, а черезъ двѣ недѣли онъ окончательно подавитъ возстаніе въ Pinar del Rio. Я объясняю такую самоувѣренность генералъ-капитана тѣмъ, что ему, какъ и большинству испанскихъ офицеровъ, неизвѣстно настоящее положеніе инсургентовъ. Личное его знакомство съ Кубой ограничивается морскими прогулками на военномъ суднѣ, вдоль береговъ острова.

XI.

Въ Гаванну мы пріѣхали поздно ночью. Нашъ вагонъ отцѣпили послѣднимъ — подальше отъ пассажирской станціи. Тамъ насъ встрѣтили жандармы. Они перевязали насъ между собой бичевками, одѣли наручники и усадили въ темную карету. Черезъ часъ мы подъѣхали къ набережной и пересѣли въ лодку. Всю дорогу наши спутники изощряли надъ нами свое солдатское остроуміе, и, дергая за веревки, спрашивали, не слишкомъ ли онѣ затянуты. Минутъ черезъ десять мы были у воротъ крѣпости Морро и, миновавъ небольшой дворикъ, очутились въ комнатѣ дежурнаго офицера, который, несмотря на позднее время, еще не спалъ. Прежде чѣмъ приступить къ допросу, онъ, по испанскому обыкновенію, началъ ругаться. Когда оказалось, что мы—русскіе, то офицеръ пояснилъ жандармамъ, что russos—это—allemanos. Наши фамиліи онъ записалъ по отцу и по ма-

Digitized by Google

тери. Въ послѣдней графѣ—posesion social—офицеръ отмѣтилъ: pobre. Затѣмъ насъ снова обыскали, отобрали всѣ бумаги и отвели въ общую камеру, помѣщавшуюся во второмъ крѣпостномъ дворикѣ. Въ этой камерѣ помѣщалось человѣкъ 60 арестованныхъ, которые уже спали въ гамакахъ, привязанныхъ къ кольцамъ, вбитымъ въ стѣны.

На утро наши новые сожители окружали насъ со всевозможными разспросами, но мы предупредительно заявили имъ по-французски, что не знаемъ испанскаго языка. Вопреки ожиданіямъ, они не настаивали, а нѣкоторые даже замѣтили, что мы очень умно дѣлаемъ, что не откровенничаемъ. Оказалось, что наши сожители—кубанцы, исключая 3—4 испанцевъ, неизвѣстно зачѣмъ посаженныхъ въ ту же камеру. Во все время нашего пребыванія въ крѣпости, они относились къ намъ очень внимательно, и уже на вторыя сутки мы безъ особаго стѣсненія заговорили по-испански. Почти всѣ заключенные сидѣли или по подозрѣнію, или за сочувствіе. Такими людьми набита вся крѣпость. Когда ихъ накопляется слишкомъ много, то излишекъ ссылаютъ на острова. Для серьезныхъ политическихъ преступниковъ въ Гаваннѣ существуетъ другая крѣпость — Кабанія, которую въ Соединенныхъ-Штатахъ называютъ „бойня“. Въ Кабаніи разстрѣливаютъ, вѣшаютъ, отрубаютъ инсургентамъ головы... Послѣдняя операція производится довольно примитивнымъ способомъ: одинъ палачъ держитъ преступника за голову, а другой рубитъ мачетомъ по шеѣ до тѣхъ поръ, пока голова не отдѣлится отъ туловища. Многіе изъ заключенныхъ въ Морро арестованы задолго до послѣдняго возстанія: одинъ старый „полковникъ“ сидитъ въ одной и той же камерѣ 17 лѣтъ. Недавно къ нему посадили его двадцатилѣтняго сына. Заключенные никогда и никуда не выпускаются изъ камеръ. Офицеръ присутствуетъ только при раздачѣ пищи, а остальное время они предоставлены самимъ себѣ, и за ними нѣтъ никакого надзора, да его, впрочемъ, и не требуется: крѣпость съ трехъ сторонъ окружена моремъ, стѣны —казематы, а ночью на одной изъ башенъ горитъ электрическій фонарь, который вертится и освѣщаетъ стѣны и внутренность крѣпости. Отъ каждаго часового проведенъ на эту башню звонокъ.

Въ Морро меня очень поразило отсутствіе всякаго антагонизма между инсургентами съ одной стороны и испанцами—съ другой. Солдаты, не исключая и часовыхъ, очень мирно бесѣдовали съ арестованными черезъ дверную рѣшетку и охотно бѣгали для нихъ въ крѣпостную лавочку за булками, виномъ, сигарами и

Digitized by Google

т. под. Кромѣ этой лавочки, въ каждой камерѣ имѣются свои торговцы, въ большинствѣ случаевъ отчаянные картежники, проигрывающіе ночью скудный дневной заработокъ. Пьянства особаго нѣтъ,—это зависитъ, конечно, отъ климата. Въ общемъ, тюремные нравы въ Гаваннѣ мало чѣмъ отличаются отъ нравовъ въ нашихъ сибирскихъ тюрьмахъ,—поскольку они намъ извѣстны изъ описаній Достоевскаго, Мамина-Сибиряка и др. Разумѣется, присутствіе среди арестованныхъ кубанской полуинтеллигенціи имѣетъ смягчающее вліяніе.

Мы пробыли въ Морро пять сутокъ, все время окруженные особымъ вниманіемъ сожителей. На шестой день за нами явилось четверо полицейскихъ. Они скрутили намъ веревками руки и переправили на лодкѣ въ городъ, гдѣ началось хожденіе по различнымъ полицейскимъ учрежденіямъ, назначеніе и названіе которыхъ мнѣ неизвѣстны.

Въ одинъ этотъ день мы перебывали, вѣроятно, во всѣхъ гаванскихъ полицейскихъ участкахъ, домахъ предварительнаго заключенія и тюрьмахъ, попадая то въ общество мелкихъ воришекъ и жуликовъ, то къ несостоятельнымъ должникамъ, уголовнымъ и политическимъ преступникамъ. Помѣщенія для арестованныхъ въ участкахъ—едва-ли не хуже нашихъ „темныхъ“. Люди валяются на грязномъ, мокромъ полу. Воздухъ зараженъ убійственной вонью, исходящей изъ отверстій въ полу, куда заключенные отправляютъ всѣ свои нужды. Прибавьте къ этому тропическую жару...

Наконецъ, намъ предложили перейти въ помѣщеніе, за которое арестованные платятъ по 25 сентовъ съ человѣка. Это помѣщеніе оказалось очень большимъ домомъ, и заключеннымъ въ немъ жилось нельзя сказать, чтобы очень скучно. Еще съ улицы я услышалъ звуки музыки, несшіеся изъ оконъ дома, а въ углу пріемной комнаты, гдѣ насъ обыскивалъ какой-то нитатскій господинъ (въ этотъ день насъ обыскивали разъ семь), были свалены декораціи. Комната, куда насъ ввели, скорѣе смахивала на общую столовую въ какой-нибудь гостинницѣ, чѣмъ на камеру для заключенныхъ. Посреди—столъ, покрытый чистой бѣлой скатертью. На немъ—бутылки различныхъ величинъ и обѣденные приборы. Около стола суетились оффиціанты... Кругомъ—на стульяхъ и въ американскихъ качалкахъ—сидѣли арестованные, все очень приличные, изысканно одѣтые люди. Изъ газетъ они уже знали о насъ кое-что и избавили насъ отъ разспросовъ. Въ отношеніи ихъ къ намъ проглядывало только сочувствіе, выразившееся въ томъ, что они накормили насъ обѣдомъ, и даже принялись было

Digitized by Google

дѣлать складчину въ нашу пользу, отъ которой мы отказались. Въ это время насъ потребовали къ тюремному начальству, и—черезъ пять минутъ мы уже мчались въ фіакрѣ въ русское консульство...

Русскій консулъ (французъ, ни слова не понимающій по-русски) принялъ насъ очень любезно, ссудилъ деньгами, и на слѣдующій день мы уже были на палубѣ американскаго парохода, отходившаго въ Нью-Іоркъ.

Такъ кончились наши кубанскія похожденія. Вынесенныя оттуда впечатлѣнія не оправдали тѣхъ надеждъ, которыя были у насъ связаны съ поѣздкой на островъ, а потому эти записки носятъ характеръ личныхъ воспоминаній случайнаго авантюриста и заключаютъ въ себѣ еще мало данныхъ, касающихся внутренняго быта населенія и исторіи его семидесятилѣтней борьбы за свою независимость.

П. С—овъ.

Digitized by Google

НАКИПѢЛО!..

Эскизъ изъ романа: „Pas à pas", par M-me P. Caro.

I.

Десяти лѣтъ отъ роду, Жермэна де-Масье лишилась матери, а отецъ ея, окружный лѣсничій, вынужденный жить круглый годъ въ деревнѣ, поспѣшилъ отдать ее въ монастырскій пансіонъ. Вернулась Жермэна въ отцовскій домъ 17-ти лѣтъ, какъ будто нарочно для того, чтобы, не теряя времени, выйти замужъ за Шарля Дювивьé, съ которымъ недавно познакомили г-на де-Масье его друзья. Старикъ де-Масье, человѣкъ по природѣ довѣрчивый, честный до наивности, чистосердечный и робкій, повѣрилъ горячимъ рекомендаціямъ друзей, впрочемъ совершенно искренно заблуждавшихся насчетъ настоящаго характера Дювивье,—и оказалъ тому радушный пріемъ. Дювивье ухитрился понравиться и старику, и его дочери; ихъ подкупила его кажущаяся откровенность и немного рѣзковатое добродушіе, скрывавшее на дѣлѣ природную грубость и рѣдкій эгоизмъ.

Шарль Дювивье былъ человѣкъ средняго роста, широкоплечій, съ сильно выдающимся брюшкомъ, заставлявшимъ его откидываться назадъ на ходу, что дѣлало еще болѣе надменной его обычно высокомѣрную осанку. Черныя, густыя брови, часто хмурившіяся, придавали его широкому, румяному лицу жесткое выраженіе; порѣдѣвшіе на темени волосы торчали густыми прядями надъ ушами. У него были толстые усы, мясистый ротъ и короткій, выдающійся подбородокъ. Онъ служилъ въ конторѣ одного нотаріуса въ Неверѣ и собирался, женившись, купить эту контору у своего патрона; но какъ только приданое Жер-

Digitized by Google

мэны, врученное ему цѣликомъ наивнымъ тестемъ, очутилось у него въ рукахъ, онъ уѣхалъ съ молодою женой въ Парижъ, поселился на бульварѣ Гаусмана—и занялся *дѣлами*.

Какія это были *дѣла*, знали только онъ самъ, да, пожалуй, его интимнѣйшій другъ, дѣлецъ Лериссé. Де-Масье попытался было выразить робкій протестъ, но видя, что его увѣщанія ни къ чему не ведутъ, вышелъ въ отставку и переѣхалъ тоже въ Парижъ, чтобы быть подлѣ дочери. За короткій промежутокъ времени между выходомъ Жермэны изъ пансіона и ея замужествомъ, отецъ и дочь успѣли такъ нѣжно привязаться другъ къ другу, что ихъ двѣ жизни слились неразрывно одна съ другою. Вскорѣ де-Масье подмѣтилъ разладъ между супругами, и какъ ни старалась Жермэна скрывать отъ отца свои огорченія и разочарованіе, необузданный и грубый нравъ Дювивье проявлялся такъ рѣзко, что старикъ терзался душою, глядя на жизнь дочери. Пока Дювивье, не обладавшій личнымъ состояніемъ, принужденъ былъ содержать себя собственнымъ трудомъ, онъ сдерживалъ свои инстинкты; но какъ только деньги жены развязали ему руки, онъ пересталъ стѣсняться, и его вульгарная, жаждущая наслажденій натура сказалась во всей своей наготѣ. Скоро онъ дошелъ до того, что сталъ откровенно выказывать свое презрѣніе къ старомодному предразсудку супружеской вѣрности. Зачастую у него вырывались такіе нагло прозрачные полунамеки, что Жермэна не могла не догадываться, въ чемъ дѣло. Онъ не скрывалъ даже цифры суммъ, тратившихся имъ на любовныя похожденія. Подобное положеніе было бы пыткою для Жермэны, если бы она любила и ревновала мужа. Но въ первую эпоху своего замужества она была до того молода и неопытна, что чистосердечно желала полюбить этого чужого ей человѣка и сначала принимала свое желаніе за настоящую любовь, а затѣмъ, быстро убѣдившись въ низменности натуры мужа, она,— по природѣ существо нѣжное, любящее, съ утонченными вкусами и чувствами, — вскорѣ отдалилась отъ него и ушла въ себя, оказывая мужу лишь холодное повиновеніе. Самолюбіе Дювивье подсказало ему, что повиновеніе это—лишь маска; что въ душѣ она возмущена противъ него, и онъ сталъ неуклюже подсмѣиваться надъ ея умственнымъ и нравственнымъ превосходствомъ, въ сущности унижавшимъ его. Нагло расточая свои грязныя признанія, онъ пытался пробудить ими ревность въ женѣ, или вызвать хоть тѣнь любви, но она замкнулась въ своемъ высокомѣрномъ презрѣніи къ мужу.

За пятнадцать лѣтъ супружества у нихъ родилось двое сыновей;

Digitized by Google

первый, Фернандъ, былъ здоровый и крѣпкій мальчуганъ, а родившійся черезъ два года послѣ него, Ришаръ, оказался ребенкомъ слабымъ и чахлымъ. Дювивье, самолюбію котораго льстилъ здоровякъ-Фернандъ, оказывалъ ему такое явно несправедливое предпочтеніе, что между нимъ и женою пошли частыя столкновенія. Пока дѣло касалось только ея самой, Жермэна переносила все кротко и терпѣливо, но какъ только вопросъ коснулся дѣтей, она не выдержала. Послѣ каждой тяжелой ссоры изъ-за дѣтей она чувствовала себя нравственно-униженной, и вотъ иногда, измучившись душой, Жермэна испытывала поползновеніе отомстить мужу. Она была молода, хороша собой и несчастна; образъ мести какъ бы самъ напрашивался ей, но она не поддавалась искушенію, по врожденной честности и искренней религіозности. Но порой ея душевное утомленіе и отвращеніе были такъ велики, что самая жизнь казалась ей постылой. Будь она бездѣтна, она бросила бы мужа,—одна мысль о томъ, что въ случаѣ развода придется дѣлить дѣтей съ мужемъ, а также и ея религіозныя убѣжденія—удерживали ее.

Де-Масье всегда ободрялъ дочь и поддерживалъ ее въ этомъ же духѣ, а потому она крайне удивилась когда разъ лѣтомъ, гуляя съ нею въ паркѣ ихъ имѣнія Варэнгиваль, онъ внезапно объявилъ ей, что лучше разойтись, даже развестись, чѣмъ жить съ мужемъ, который ею пренебрегаетъ, обманываетъ ее и дурно съ нею обращается... Дурно обращается! Отецъ преувеличиваетъ, —мужъ ее никогда не бьетъ...

— Этого только недоставало...

И старикъ принялся горячо припоминать все, что ей приходится переносить изъ-за грубости и полнаго невниманія ея мужа, превратившаго супружескую жизнь въ самую возмутительную тираннію.

— Но онъ же не отнимаетъ у меня ни отца, ни дѣтей,— отвѣчала она дрогнувшимъ голосомъ.

— Да, конечно, онъ терпитъ ея стараго отца, пока тотъ молчитъ, держится въ сторонѣ, ни во что не вмѣшивается и только горюетъ украдкой съ дочерью. Но замѣтъ онъ эти слезы, и онъ объявитъ старику, что выноситъ его присутствіе въ своемъ домѣ, пока тотъ поддакиваетъ ему, и не станетъ пускать къ себѣ при малѣйшемъ сопротивленіи его волѣ. Что же касается до дѣтей, то вѣдь онъ покушался уже отнять Ришара и опредѣлить его въ закрытое учебное заведеніе, а если не исполнилъ своего намѣренія, то только потому, что докторъ нашелъ это опаснымъ для мальчика. Рано или поздно онъ ихъ отниметъ.

Digitized by Google

Любитъ же онъ только Фернанда и старается воспитать его по своему образу и подобію; можно опасаться, что онъ сдѣлаетъ изъ него такого же лжеца и порочнаго человѣка, какъ онъ самъ. А вдругъ на сынѣ его отразятся эгоизмъ и испорченность отца! А вдругъ зараза этой испорченности коснется и ея, Жермэны!—Ея?.. что̀ онъ хочетъ этимъ сказать?—А то, что ее давно уже стерегутъ утѣшители, всегда готовые явиться на подмогу хорошенькой женщинѣ.

— Не бойтесь, папà!.. Я съумѣю постоять за себя.

— Положимъ, но вѣдь гнѣвъ и ненависть могутъ внушить ей такой поступокъ, какого не внушила бы любовь.—Это правда, но почему онъ такъ съ нею говоритъ, не узналъ ли онъ еще чего-нибудь такого? Не дошелъ ли до него слухъ о томъ, что Дювивье даритъ брилліанты нѣкоей Валенсіи де-Лиссбоннъ на деньги приданаго жены, когда самой Жермэнѣ надѣть нечего, кромѣ туалетовъ, подаренныхъ отцомъ? Ну, да, она это знаетъ, но развѣ не все равно, — та ли, другая ли? лишь бы отецъ да дѣти были при ней!..

— Скажу тебѣ еще, Жермэна,—мнѣ не нравится гувернеръ твоихъ дѣтей. Занимается онъ съ ними мало, а самъ читаетъ книжки такого свойства, что дѣтямъ не годится въ нихъ и заглядывать. Между тѣмъ, онѣ валяются повсюду... Я сдѣлалъ ему какъ-то замѣчаніе, но онъ только посмѣялся надъ моей отсталостью. Слѣдовало бы, конечно, пожаловаться на него твоему мужу, но мало ли что̀ мнѣ слѣдовало бы дѣлать и говорить, будь я другой человѣкъ, а не тряпка...

Старикъ де-Масье бывалъ на войнѣ и безстрашно выдерживалъ огонь, но жесткіе глаза и насупленный видъ Дювивье наводили на него паническій ужасъ... Человѣческая грубость и ругательства страшили его сильнѣе вражескихъ пуль.

Разговоръ этотъ заронилъ въ душу Жермэны неясную тревогу. Она не понимала совершившагося въ отцѣ ея переворота: прежде онъ все совѣтовалъ ей терпѣть и смиряться, а теперь чуть ли не толкаетъ ее на разводъ. Тутъ есть что-то недосказанное.

Опасность со стороны дѣтей?.. И вотъ, припомнилось ей, какъ недавно, войдя въ комнату мальчиковъ, уѣзжавшихъ каждое утро въ Парижъ съ гувернеромъ на репетиціи, она стала прибирать разбросанныя вещи Фернанда. Вдругъ ее поразилъ странный и сильный запахъ духовъ, вырывавшійся изъ полу-открытаго ящика комода, и посреди платковъ и галстуховъ она нашла длинную шведскую перчатку, тщательно завернутую въ тонкую бумагу,

Digitized by Google

перевязанную розовой ленточкой и необычайно раздушенную. Откуда эта перчатка у четырнадцатилѣтняго мальчика? Она задумалась. Матери не замѣчаютъ, какъ ихъ дѣти подростаютъ и мужаютъ, а эта перчатка изобличала невѣдомое ей душевное состояніе, тѣмъ болѣе удивлявшее ее, что въ Фернандѣ никогда не замѣчалось склонности къ мечтанію и романтизму. Съ полу-улыбкой на губахъ принялась она мысленно перебирать, которой изъ знакомыхъ ей молодыхъ дѣвушекъ могла бы принадлежать эта перчатка? Но нѣтъ, это перчатка не дѣвушки, а женщины... Очевидно, тутъ кроется тайна и тайна невинная; но почему тайна? Къ чему скрываться отъ такой нѣжной матери, какъ она? Она подавила въ себѣ безотчетное чувство грусти, бросила перчатку на мраморъ комода и занялась уборкой. За этимъ занятіемъ и застали ее вернувшіеся домой мальчики, которые ворвались въ комнату и бросились ей на шею. Фернандъ вдругъ замѣтилъ перчатку и вскричалъ:

— Мама, ты рылась у меня въ ящикахъ!

— Не рылась, а прибирала. А ты, мой милый, не долженъ говорить такимъ тономъ съ матерью.

Зная вспыльчивый характеръ сына, она выждала, чтобы онъ убралъ перчатку въ ящикъ и спряталъ ключъ въ карманъ. Онъ продѣлалъ все это съ вызывающимъ видомъ, весь красный и надутый. Когда онъ кончилъ, она кротко подозвала его къ себѣ и спросила, почему онъ не въ духѣ?

— Я не хочу, чтобы рылись въ моихъ вещихъ.

— А я непремѣнно хочу знать, съ какой стати ты говоришь со мною такимъ неумѣстнымъ тономъ. До сихъ поръ этого не бывало. Неужели все это изъ-за той кожаной тряпки, которую ты сейчасъ заперъ на ключъ, точно сокровище, съ такимъ разъяреннымъ и вызывающимъ видомъ? Что тутъ за тайна? Объясни мнѣ, почему я не должна ея трогать?

Онъ отвѣчалъ, надувшись, что дорожитъ этой вещью потому, что это подарокъ; а она заявила ему со смѣхомъ, что и не думаетъ отнимать ея, но хотѣла бы знать, чей это подарокъ?

— Это-то и секретъ.

Замѣтивъ, что онъ сдѣлалъ при этомъ знакъ Ришару, она спросила, извѣстенъ ли ему этотъ секретъ, на что Ришаръ смущенно опустилъ голову и сказалъ, что далъ брату слово молчать. Мать согласилась, что надо держать данное слово, и добавила съ напускной веселостью, что ей приходится, значитъ, отказаться отъ участія въ этомъ секретѣ, неизвѣстномъ, конечно, и ихъ отцу!

Digitized by Google

— Нѣтъ, напротивъ...—Но едва у Фернанда вырвалось это восклицаніе, какъ онъ сейчасъ же пожалѣлъ о немъ, а Жермэна вся насторожилась. Что такое? Мужъ ея—въ секретѣ? Между нею и этими дѣтьми, которыхъ она выростила. и воспитала, выростала невидимая стѣна. Она совладѣла съ давившимъ ее внутреннимъ волненіемъ и заявила съ улыбкой, что разъ въ дѣло замѣшанъ отецъ, то это лишь шутка, мистификація. На протестъ задѣтаго за живое мальчика, она возразила, что спроситъ отца, въ чемъ дѣло.

— Мамà, не говорите ему, а то онъ на меня разсердится.

— Это почему?

Съ сильно бьющимся сердцемъ выслушала Жермэна заявленіе, что отецъ самъ приказалъ ребенку молчать. Она заявила, что спроситъ у мужа, почему ее исключаютъ изъ секрета. Тогда ребенокъ испугался.

— Мамà!.. папà говоритъ, что ты не любишь другихъ женщинъ.

— Нѣтъ, она ихъ очень любитъ, когда онѣ добрыя; но кто же далъ ему эту перчатку?—Фернанду показалось, что долѣе таиться нечего, и онъ разсказалъ, что получилъ перчатку отъ одной дамы на скачкахъ, куда его возилъ недавно отецъ. Но пусть мама не выдаетъ его. Дама была иностранка, изъ Валенсіи или Лиссабона, онъ не помнитъ хорошенько. А дѣло было такъ:

— Я болталъ съ товарищами, когда за мной пришелъ папà и сказалъ, что одна красивая дама хочетъ, чтобы онъ представилъ меня ей. Онъ подвелъ меня къ ея колескѣ и спросилъ: —Ну, какъ она тебѣ нравится? Я не посмѣлъ сказать, что она красавица, растерялся и опустилъ голову, какъ дуракъ, а папà воскликнулъ:—Глупый, поцѣлуй ручку и не гримасничай!—Она протянула мнѣ руку, а я ее поцѣловалъ и сказалъ, стараясь казаться развязнымъ:—Какія у васъ душистыя перчатки.—Они оба разсмѣялись, а она сняла перчатку и дала ее мнѣ, говоря:—Возьмите ее на память обо мнѣ, если вамъ нравятся эти духи...—А папѣ сказала:—Премилый мальчикъ. Я поцѣловала бы его, если бы тутъ не было столько народа. Приведите его ко мнѣ.

— А еще что?

— А еще папа отвѣчалъ ей:—Лакомка!—они оба разсмѣялись, и мы ушли... а папа тоже поцѣловалъ ей руку... у самаго локтя.

Подавляя душившія ее негодованіе и омерзѣніе, Жермэна нѣжно привлекла къ себѣ сына и сказала, что секрета этого и

Digitized by Google

скрывать не стоило... А вотъ это правда,—она вообще остерегается иностранокъ. Теперь же другой вопросъ: неужели ему нравятся эти крѣпкіе духи? Фернандъ сознался, что не очень, тѣмъ болѣе, что весь ящикъ пропитался ими.

— Брось перчатку,—подсказалъ ему тихонько Ришаръ, чуткая и нѣжная душа котораго догадывалась, что во всемъ этомъ есть что-то непріятное для матери.

И душистая перчатка полетѣла въ каминъ.

Какіе примѣры могъ подавать сыновьямъ подобный отецъ? Ему нельзя было даже помѣшать развращать дѣтей, пока онъ не сдѣлалъ ничего такого, за что законъ могъ бы отнять у него надзоръ за ними. Не поможетъ и разводъ, потому что нельзя помѣшать отцу видѣться съ дѣтьми, хотя бы и отданными на ея исключительное попеченіе. Онъ станетъ ихъ баловать, забавлять и безпрепятственно портить. Дѣтскія души мягки какъ воскъ и легко поддаются вліянію примѣра!

— Твой мужъ чудовище! — вскричалъ разъ де-Масье, которому Жермэна сообщала свои опасенія. Она высказала предположеніе, что Дювивье не сознаетъ, гдѣ добро и гдѣ зло... —Нѣтъ, онъ чудовище, т.-е. исключительное существо, творящее только зло. И зараза уже коснулась Фернанда, онъ уже лжетъ, дѣлается эгоистомъ, черствѣетъ.— И въ подтвержденіе де-Масье разсказалъ дочери слѣдующее:

— Встрѣтили мы вчера на дорогѣ старика и дѣвочку калѣку; такіе жалкіе, въ лохмотьяхъ. Ришаръ вынулъ кошелекъ и высыпалъ всѣ деньги въ единственную руку дѣвочки. Но Фернандъ пришелъ въ негодованіе и сказалъ:—А! ты не хотѣлъ одолжить мнѣ пяти франковъ на галстухъ, а теперь бросаешь деньги какимъ-то бродягамъ.—Но эти бѣдняги голодны, а ты можешь обойтись безъ галстуха,—замѣтилъ ему Ришаръ.— А знаешь ли что,—отвѣчалъ Фернандъ:—всѣ нищіе лѣнтяи и воры. — Да вѣдь старикъ слѣпой, а дѣвочка калѣка.—Такъ подумай самъ: вѣдь жизнь калѣкъ не къ чему и поддерживать.— Каково? И мальчуганъ добавилъ, что такъ говоритъ папа, а мсьё Раво еще объяснилъ ему, что, поддерживая жизнь слабыхъ рахитиковъ, мы вредимъ породѣ, а это, конечно, глупо и противно истиннымъ интересамъ человѣчества!

Увы! Жермэна знала сама, что отецъ и гувернеръ стоили другъ друга, и могла только плакать. Она знала, что жизнь уже сама по себѣ развиваетъ грубые инстинкты, и незачѣмъ учить дѣтей эгоизму и черствости... Она знала еще, что тутъ всякое

Digitized by Google

вмѣшательство безполезно... Случилось какъ-то ей, въ пылу ссоры, крикнуть мужу:

— Прежде всего, прошу васъ не водить моихъ сыновей къ вашимъ любовницамъ!

— Что̀ такое?! Я никогда не вожу вашихъ сыновей къ моимъ любовницамъ. Неужели я такъ глупъ, что буду доставлять вашему отцу оружіе противъ себя! Просто одна дама пожелала познакомиться съ моимъ сыномъ, и я не счелъ нужнымъ грубо отказать ей. Я обязанъ уважать всякую женщину, кто бы она ни была.

— Но это не мѣшаетъ вамъ поступать иногда иначе.

— Какъ все это скучно, что вы вѣчно думаете о себѣ, ma chère!.. Развѣ нѣтъ другихъ темъ для разговора?.. Прошу не вмѣшиваться въ мои дѣла, какъ я не мѣшаюсь въ ваши. Дѣти принадлежатъ мнѣ столько же, сколько и вамъ; я желаю быть полнымъ хозяиномъ въ домѣ, а въ монахи сына не готовлю. Такъ и знайте! Честь имѣю кланяться.

Препирательства между ними возникали такъ часто, что Жермэна не разъ отвѣчала на какой-нибудь ни съ чѣмъ несообразный упрекъ мужа однимъ молчаніемъ, или взглядомъ, полнымъ скуки и тревоги. Онъ же, постоянно оскорбляя ее грубыми выходками, воображалъ, что ничуть не отступаетъ отъ уваженія, подобающаго его женѣ.

Вернувшись разъ осенью изъ Парижа передъ обѣдомъ, онъ разразился цѣлымъ градомъ упрековъ за то, что мальчики ушли гулять съ де-Масье, такъ какъ Раво, ихъ гувернеръ, отпросился въ тотъ день въ Парижъ. Развѣ можно отпускать дѣтей съ хилымъ старикомъ! А вдругъ съ ними что-нибудь случится? И о чемъ только думаетъ Жермэна!—Да, о чемъ думала она цѣлыми днями? Подъ монотонный, непрерывный потокъ супружескихъ упрековъ, она старалась припомнить свои мысли и пристально смотрѣла въ окно на сгущающійся вечерній сумракъ. А Дювивье продолжалъ свою рѣчь, лишь изрѣдка прерываемый ея слабыми возраженіями.—Она распускаетъ дѣтей, они мало учатся... Чтобы выйти въ люди, надо учиться и работать... Онъ самъ прошелъ черезъ это... Напрасно она упрекаетъ его въ томъ, что его вывела въ люди выгодная партія. Это лишь случайная удача, и нельзя на это разсчитывать. Какъ это она, мнящая себя такой умной женщиной, не понимаетъ, что въ наше время трудъ сталъ всеобщею цѣлью, а деньги и счастіе достаются самымъ способнымъ! Она живетъ изо дня въ день, не думая объ условіяхъ современной жизни. Молодыя поколѣнія должны быть во всеоружіи для жизненной борьбы...

Digitized by Google

Колоколъ ударилъ первый разъ къ обѣду. Дювивье спросилъ жену, получила ли она его телеграмму, и поставлено ли два лишнихъ прибора?—Да? ну, вотъ и прекрасно.—Кто его гости?—Лериссé и Робертѝ.—Какъ, опять Робертѝ! Въ какой онъ у него милости за послѣднее время! А ей непріятно! —Робертѝ премилый, услужливый малый, къ тому же членъ клуба „L'Epatant", и съ его помощью онъ, Дювивье, тоже попадетъ въ этотъ клубъ. Онъ нарочно молчалъ до сихъ поръ, хотѣлъ сдѣлать ей сюрпризъ. Да наконецъ, съ его состояніемъ, положеніемъ, знакомствами... По губамъ Жермэны скользнула загадочная улыбка, и она сказала, что мсьё Робертѝ—весьма ловкій человѣкъ.—Что̀ это, порицаніе? Разъ эта ловкость полезна ему, Дювивье, такъ онъ же въ выгодѣ. И онъ надѣется, что она пріодѣнется,—вѣдь расфрантилась же она на дняхъ для стараго барона де-Рувре, друга ея отца... А Робертѝ—графъ! Да-съ, графъ! Но онъ, видите ли, его другъ, а слѣдовательно непріятенъ ей.—Ахъ! Боже мой, вовсе нѣтъ, она идетъ одѣваться...

Глупецъ!—думала Жермэна, усмѣхаясь съ какимъ-то состраданіемъ. Вотъ оно, традиціонное ослѣпленіе! Неужели такова судьба подобныхъ мужей! Она была до того душевно утомлена и раздражена, что дурнымъ мыслямъ открывался просторъ. Твердость и природная прямота ея куда-то пропали.—Къ чему бороться, если такъ на роду написано?—Она выбрала свѣтло-сиреневое съ бѣлымъ отливомъ платье, особенно понравившееся разъ Робертѝ.—Тѣмъ хуже для него!—говорилъ въ ней какой-то злорадный голосъ. Вотъ ужъ было бы подѣло̀мъ ему... Да ему все подѣло̀мъ, все!—Она стояла передъ зеркаломъ, высокая, тонкая, моложавая, несмотря на свои тридцать-два года, съ красивой грудью, гибкой, круглой шейкой, изящной головкой съ большими свѣтлыми глазами, опушенными темными рѣсницами и бровями. Бѣдная Жермэна! чѣмъ заслужила она такое паденіе и стыдъ? откуда эти назойливыя мысли, сковывающія ея волю и движенія? А дѣти... что̀ они сдѣлали! и вдругъ мать ихъ окажется падшею женщиной! Нѣтъ, она будетъ бороться до конца! Она взглянула на распятіе, набожно перекрестилась, накинула на обнаженныя плечи бѣлый шарфъ и спустилась къ гостямъ, съ яснымъ челомъ и твердой рѣшимостью въ сердцѣ.

Сѣдѣющій и отяжелѣвшій Дювивье стоялъ рядомъ съ Фредерикомъ Робертѝ, ничуть не подозрѣвая, что такое близкое сосѣдство съ этимъ высокимъ, стройнымъ мужчиной невыгодно для него. Робертѝ разсѣянно прислушивался къ его словамъ, очевидно думая о другомъ и не спуская глазъ съ входной двери,

Digitized by Google

а де-Масье разговаривалъ съ Танкредомъ Лериссе, извѣстнымъ биржевикомъ и другомъ хозяина дома. Какъ только Жермэна показалась, всѣ перешли въ столовую. За обѣдомъ разговоръ зашелъ объ охотѣ, и посыпались охотничьи разсказы и анекдоты. Дювивье, только недавно арендовавшій себѣ охоту и тщеславившійся этой новой для него роскошью, живо интересовался разговоромъ, тогда какъ Робертѝ, сидѣвшій противъ Жермэны, упорно старался поймать ея взглядъ. Онъ давно уже замѣтилъ, что она его избѣгаетъ. Это его и мучило, и ободряло,—значитъ, онъ опасенъ. Сначала Робертѝ просто ухаживалъ за Жермэной, а это было тѣмъ легче, что мужъ ея ничего не замѣчалъ, черезчуръ увѣренный въ самомъ себѣ, чтобы ревновать жену. Но молодой человѣкъ встрѣтилъ такое рѣшительное сопротивленіе, что капризъ его скоро превратился въ страсть. Когда онъ заговорилъ съ нею впервые языкомъ влюбленнаго человѣка, Жермэна не разсердилась, не обидѣлась, а только взглянула на него... и перемѣнила свое прежнее, непринужденное съ нимъ обращеніе. Онъ предпочелъ бы упреки этой нѣмой холодности, но она избѣгала всякихъ объясненій.

Дювивье разсказалъ, какъ онъ разъ чуть-было не убилъ на охотѣ своего сына Фернанда. Лериссе подтвердилъ, что несчастные случаи на охотѣ не рѣдкость, и не разъ этимъ пользовались для негласныхъ дуэлей, причемъ трагическая развязка сходила за простое несчастіе.—Да, это бываетъ въ романахъ. — Ну, не скажите, случается и въ дѣйствительности. Припомните исторію молодого Шантроза, убитаго на охотѣ собственнымъ лѣсничимъ. Лѣсничій отомстилъ Шантрозу за свою хорошенькую жену...—Дювивье смѣялся, находя, что лѣсничій хватилъ черезъ край, но Жермэна назвала его съ негодованіемъ просто убійцей.

— Но позвольте! Вѣдь Шантрозъ не сталъ бы драться на дуэли со своимъ лѣсничимъ, а человѣкъ съ истерзаннымъ, полнымъ ненависти сердцемъ не пойдетъ судиться!

Дювивье раздѣлялъ мнѣніе Робертѝ. Самое лучшее—расправиться самому. Впрочемъ, лѣсничаго оправдали; но Жермэна стояла на своемъ:

— Убійство—преступленіе.

— Какъ? Какимъ образомъ?

И, несмотря на ея негодующіе взгляды, Робертѝ сказалъ, что въ иныхъ случаяхъ не имѣется другого исхода, кромѣ смерти, смерти безъ фразъ, ненужныхъ формальностей и проволочекъ. Дювивье соглашался съ нимъ. Вотъ американцы такъ знаютъ цѣну времени, и не теряютъ его на негодяевъ, а придумали

Digitized by Google

законъ Линча... Когда же старый де-Масье спросилъ, дѣйствительно ли это ихъ мнѣніе, что люди имѣютъ право на личную расправу, Дювивье храбро заявилъ, что—да. И будь онъ увѣренъ въ безнаказанности, онъ не задумался бы убить, а Лериссé добавилъ, что вѣдь иные люди опаснѣе бѣшеныхъ собакъ.

— Я допускаю только законную самооборону, — сказала Жермэна.

— Положимъ, Жермена права, но какъ же быть? Неужели ждать, чтобы васъ схватили за горло, прежде чѣмъ защищаться?

— Въ писаніи сказано: не убей!—отвѣчала Жермэна.

Дювивье попросилъ ее избавить ихъ отъ катехизиса, потому что вопросъ обсуждается съ философской точки зрѣнія, а Робертѝ добавилъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ убійство не только извинительно, но необходимо, какъ исполненіе долга.

— Протестую!—вскричалъ де-Масье:—убійство никогда не можетъ являться долгомъ.

— А въ тѣхъ случаяхъ, когда людское правосудіе безсильно защитить близкихъ, любимыхъ людей отъ жестокости какого-нибудь негодяя?..—Дювивье находилъ, что это вѣрно; что человѣкъ имѣетъ право защищаться всѣми средствами, разъ дѣло идетъ о личныхъ интересахъ; препоны выдуманы лишь изнѣженной цивилизаціей.

Улучивъ удобную минуту послѣ обѣда, Робертѝ спросилъ Жермэну, что̀ съ нею? Напрасно она отнѣкивается,—онъ видитъ, что она къ нему измѣнилась.—Положимъ... годы мѣняютъ людей... время идетъ, жизнь проходитъ, и это къ лучшему!—Но едва эти слова вырвались у нея, какъ она о нихъ пожалѣла и отошла отъ него, чтобы разливать чай. Чай понравился всѣмъ, и по этому поводу Лериссé галантно добавилъ, что вообще madame Дювивье дѣлаетъ все превосходно.

— Все это фразы!.. Взгляните лучше на этого уродца, хорошъ?—вскричалъ Дювивье, притягивая къ себѣ конфузливо отбивавшагося Ришара. Но Лериссé не соглашался съ нимъ, а Жермэна взволнованно слѣдила глазами за мальчикомъ, уходившимъ изъ столовой. Дювивье не унимался и продолжалъ съ обычною своей грубостью: — У всякаго свой вкусъ! А только я забастовалъ послѣ этого, потому что одинъ Богъ знаетъ, на что̀ оказался бы похожъ третій!

Жермэна вспыхнула, и руки ея задрожали. Но гости возстали: ребенокъ только слабъ и нуждается въ уходѣ, а со временемъ изъ него выйдетъ побѣдитель сердецъ, это замѣтно и сейчасъ по его тонкому изяществу.—Побѣдитель сердецъ—ко-

Digitized by Google

сой-то!—не унимался Дювивье.—Косить онъ случайно, это явленіе нервное, а глаза у него великолѣпные, совсѣмъ глаза матери, —робко вставилъ старикъ де-Масье. Прощаясь съ Жермэной, Робертъ сказалъ ей, что обожаетъ ея Ришара, потому что онъ похожъ на нее. Пораженная въ самое сердце грубой выходкой мужа, Жермэна думала: „Несчастный! онъ самъ толкаетъ меня въ бездну“...

Прежде чѣмъ удалиться въ спальню, Жермэна зашла въ комнату сыновей. Мальчики спали. Спокойная поза Фернанда дышала и во снѣ жизнью и дѣятельностью, тогда какъ Ришаръ разметался и прерывисто дышалъ полуоткрымъ ртомъ, а на щекѣ его еще виднѣлась невысохшая слезинка. Бѣдный ребенокъ заснулъ въ слезахъ, какъ это бывало не разъ. Днемъ онъ стойко выносилъ все, но, разъ вернувшись въ свою комнату, онъ далъ волю своему горю. Натура у него была глубокая и покорная, какъ у матери, а отъ дѣда онъ унаслѣдовалъ холодное мужество, способное на отчаянныя, геройскія рѣшенія, несмотря на внѣшнюю боязливость. И припомнилось Жермэнѣ, какъ однажды, послѣ какого-то рѣзкаго выговора отца, онъ спросилъ ее:—А вы огорчились бы, мама, еслибы я умеръ? Очень, очень огорчились бы?.. Но вѣдь вы же не любите, чтобы я плакалъ, а если я умру, то и плакать перестану... А мы могли бы умереть вмѣстѣ, мама... Можно утонуть тамъ, въ рѣкѣ...—И Жермэна отлично понимала, что это не минутная вспышка отчаянія, а обдуманная, взлелѣянная, вкоренившаяся идея. Глубоко ужаснувшись, она взяла съ него клятву не думать болѣе о смерти. Эпизодъ этотъ случился два года тому назадъ, и ребенокъ сдержалъ данное слово; но кто знаетъ, что творится въ тайникѣ его души. И долго молилась она у постели сына, а эта слезинка на его щекѣ снилась ей потомъ всю ночь. И ничѣмъ не могла она помочь этому слабому существу, уже помятому жизнью! Какъ мелки, въ сравненіи съ этимъ, ея личныя разочарованія, сожалѣнія и напрасныя мечты! Имя Робертъ даже не вспоминалось ей; слезинка Ришара вытѣснила его изъ ея сердца вѣрнѣе, чѣмъ могли это сдѣлать ея собственныя усилія.

II.

Вернувшись въ Парижъ, Дювивье переѣхалъ на новую, роскошную квартиру, находя прежнюю слишкомъ скромною. Онъ потерпѣлъ пораженіе на биржѣ и собирался начать какое-то

Digitized by Google

новое предпріятіе; онъ намѣревался устраивать у себя пріемы зимой, чтобы внушить довѣріе, доказать, что положеніе его не поколебалось. На увѣщанія жены, совѣтовавшей расплатиться сначала съ прежними долгами, онъ возразилъ, что это не ея дѣло. Такъ она ничего и не добилась отъ него, кромѣ грубыхъ выходокъ. Неоплаченные счеты такъ и сыпались. Жермэнѣ приходилось выслушивать непріятности отъ раздраженныхъ кредиторовъ, и тутъ выяснилось, что даже ея свадебные подарки не оплачены доселѣ вполнѣ. Въ число счетовъ попадались счеты за драгоцѣнныя украшенія, мѣха, которыхъ она никогда не получала. Въ такихъ случаяхъ она оставляла ихъ на столѣ Дювивье, а тотъ, найдя ихъ, только усмѣхался и пожималъ плечами. На хозяйство онъ выдавалъ такъ скудно, что не помогай ей отецъ, Жермэна никогда не справилась бы, несмотря на всю свою разсчетливость. На туалетъ ей вовсе не хватало, а мужъ только публично высмѣивалъ ея неумѣнье одѣться и скаредность. Выведенная изъ себя, она какъ-то заявила ему, что даже простенькими своими туалетами она обязана отцу. На что Дювивье цинично отвѣтилъ, что отецъ ея такъ часто пользуется его гостепріимствомъ, что не грѣхъ ему и дарить кое-что. Но и самъ онъ не стѣснялся занимать у де-Масье, такъ что личное состояніе старика, около 30-ти тысячъ франковъ годового дохода, стало уменьшаться. Старикъ зналъ, что отъ приданаго дочери осталась едва треть, и что зять его пускается въ безумныя спекуляціи, попавши въ лапы опасныхъ дѣльцовъ. Къ предостереженіямъ тестя Дювивье относился презрительно, высокомѣрно, а застѣнчивость старика была такъ велика, что онъ даже не осмѣливался отказывать зятю въ денежныхъ займахъ.

Робертъ, съ своей стороны, предостерегъ Жермэну, что мужъ ея очень много проигрываетъ въ клубѣ, а на ея упрекъ, зачѣмъ онъ помогъ ея мужу поступить въ этотъ клубъ, онъ отвѣчалъ, что сдѣлалъ это для того, чтобы пріобрѣсть право чаще у нея бывать.—Ну, да, онъ ухаживалъ сначала за нею отъ бездѣлья, потомъ чувство его перешло въ глубокую страсть, а теперь... теперь въ немъ прежде всего говоритъ жалость къ ней, нѣжная, горячая, страстно преданная жалость... Пусть она не скрываетъ своихъ слезъ! Кто же не знаетъ, что за человѣкъ ея мужъ, и съ какимъ достоинствомъ, съ какой кротостью она несетъ свой крестъ. Какъ же ее не уважать, не восхищаться ею, какъ можно не желать ее утѣшить?.. Слушая его, она молча рыдала, и онъ понималъ, что въ эту минуту она безсильна, и ничего не стоитъ овладѣть ею; но подобное насиліе было ему

Digitized by Google

противно... Что̀ можетъ онъ сдѣлать для нея? Онъ готовъ на все! Стоитъ ей захотѣть, и онъ избавитъ ее отъ ея тирана... Долго ли поссориться въ клубѣ, вызвать на дуэль...

Нѣтъ, онъ шутитъ! Развѣ можетъ она замышлять зло противъ отца своихъ дѣтей! Въ умѣ ли онъ? Робертѝ разсмѣялся... А жаль! Съ какимъ удовольствіемъ пристрѣлилъ бы онъ Дювивье!.. Этотъ надутый, чванный животъ—чудесная мишень... Ну, хорошо, хорошо, не нужно... А все-таки очень жаль...

И потянулись долгія недѣли, полныя для Жермэны и ея отца обычныхъ треволненій. Отецъ и дочь мучились молча, скрывая другъ отъ друга свою грызущую тоску. Въ концѣ лѣта, передъ переѣздомъ въ Варэнгивиль, Дювивье вдругъ расплатился съ трескомъ съ самыми настоятельными долгами и заявилъ при этомъ, что онъ надѣется, что впредь его оставятъ въ покоѣ. Въ дѣлахъ всякая заминка возможна. Но при этомъ онъ не заикнулся о своемъ долгѣ де-Масье, а тотъ, довольный наступившей передышкой для Жермэны, не сдѣлалъ ему ни малѣйшаго намека. Скоро ихъ удовольствіе было испорчено извѣстіемъ о томъ, что деньги у Дювивье явились потому, что онъ выигралъ въ карты.

Жермэна была уже съ дѣтьми въ Варэнгивилѣ, куда Дювивье наѣзжалъ только изрѣдка, занятый въ Парижѣ дѣлами. Разъ, въ августѣ, Дювивье увелъ де-Масье въ паркъ и приступилъ къ нему съ требованіемъ ссудить ему 20 тысячъ франковъ; старикъ заранѣе предчувствовалъ это; потъ такъ и катился по его лбу, и онъ внутренно возмущался противъ неумолимаго эгоизма зятя, а всего болѣе противъ своей собственной слабости. Но ему все же хватило духу заявить, что такой суммы у него въ наличности нѣтъ.—Вздоръ! стоитъ ему только черкнуть словечко своему банкиру. Онъ слишкомъ любитъ дочь, чтобы подвергать ее крупнымъ непріятностямъ, а отказъ его повлечетъ не малую бѣду... „Пусть бы онъ ударилъ меня, думалъ про себя старикъ, я вцѣпился бы въ его горло... но я нѣмѣю передъ его зычнымъ голосомъ и дерзкимъ, злымъ взглядомъ. Я побѣжденъ заранѣе... Вотъ и расплачивайся, старый дуракъ, подставляй свою спину, глупый баранъ!“ Но къ его глубокому изумленію, черезъ нѣсколько дней Дювивье возвратилъ съ побѣдоноснымъ видомъ половину взятой суммы. Старикъ былъ до того ошеломленъ, что благодарилъ, точно ему сдѣлали подарокъ, не заикаясь о предъидущихъ займахъ. Встрѣтивши въ тотъ же день Робертѝ, частенько бывавшаго теперь въ Варэнгивилѣ, онъ разсказалъ старику о случившемся и повѣрилъ свои тайныя опасенія насчетъ

Digitized by Google

будущаго. Робертѝ сообщилъ, что Дювивье пустился въ разныя дѣла, ничего не смысля въ нихъ, но руководимый своимъ другомъ Лериссе. Совѣтовать ему что-либо безполезно, тѣмъ болѣе, что теперь Дювивье съ Робертѝ въ размолвкѣ и избѣгаетъ его.—Отчего? — Пустяки, кой-какія клубныя недоразумѣнія. Дювивье въ клубѣ не уважаютъ.—А гдѣ же его уважаютъ? И если бы онъ, Роберти, зналъ его раньше, онъ не хлопоталъ бы о немъ. А за послѣднее время поведеніе его подозрительно. Да, это большое несчастіе, что Жермэна замужемъ за такимъ человѣкомъ и не хочетъ слышать о разводѣ. Осталось еще одно средство помочь горю, но оно неисполнимо... При этихъ послѣднихъ словахъ Робертѝ, старикъ взглянулъ на него такимъ ясно говорящимъ взглядомъ, что Робертѝ улыбнулся и продолжалъ: —Не правда ли, какъ жаль, что законъ и нравственность не позволяютъ отправить къ чорту такое зловредное животное?..

— Да, тѣмъ болѣе вредное, что оно несетъ съ собой заразу... Но все же невозможно... невозможно...

Передышка для Дювивье скоро кончилась, и вновь посыпались разные счеты, мелкіе, раздражавшіе его, и онъ теперь вѣчно былъ не въ духѣ. Разъ вечеромъ, не задолго до открытія охотничьяго сезона, Дювивье привезъ изъ Парижа Лериссе, и тотъ замѣтилъ, обсуждая какое-то новое предпріятіе, что для нихъ было бы весьма полезно привлечь Робертѝ. Но Дювивье досадливо заявилъ, что Робертѝ теперь и съ собаками не сыщешь. —Да вотъ, хоть бы сегодня, шелъ я въ клубъ и встрѣтилъ его... —Въ клубъ? А Лериссе слыхалъ, что Дювивье тамъ теперь не бываетъ!—Какой дуракъ это говорилъ? Ему некогда, вотъ онъ и бываетъ тамъ рѣже... И весь красный, Дювивье распахнулъ окно, подъ предлогомъ духоты.—Погода портится; какъ бы въ субботу, къ открытію охоты, не было дождя...

Оставшись съ дочерью вдвоемъ, де-Масье спросилъ ее: замѣтила ли она смущеніе Дювивье, когда зашла рѣчь о клубѣ? А не удивляетъ ли и ее то, что Роберти пропалъ? Онъ думаетъ, что ея мужъ и Роберти поссорились въ клубѣ или изъ-за клуба. Самъ Роберти говорилъ ему что-то въ этомъ родѣ. Зная характеръ мужа и подозрѣвая, что между нимъ и Роберти вышло что-нибудь крупное, Жермэна все же думала про себя, что нехорошо со стороны Роберти забывать ее и отца, ни въ чемъ неповинныхъ. Напрасно же повѣрила она его преданности. Отцу ея также недоставало Роберти; они привыкли къ его дружбѣ и нравственной поддержкѣ этого единственнаго честнаго человѣка,

Digitized by Google

бывающаго въ ихъ домѣ. Онъ одинъ зналъ, какъ тяжело жилось Жермэнѣ.

Съ какой радостью встрѣтила она зато появленіе Роберти, когда два дня спустя онъ вошелъ въ ея маленькую гостиную въ первомъ этажѣ. На ея упрекъ онъ отвѣчалъ, что бываетъ рѣже потому, что мужъ ея становится ему все нестерпимѣе. —Почему?—Да просто потому, что онъ—ея мужъ. И какъ она ни настаивала, она не добилась ничего, кромѣ уклончивыхъ отвѣтовъ.—Да нѣтъ же, пустяки, не стоитъ и разговаривать. Но зато онъ не прощаетъ ея мужу того, что онъ ея властелинъ, тогда какъ онъ, Роберти, ничто для нея... Положимъ, онъ другъ... но стоитъ ея властелину захотѣть—и онъ можетъ запретить ему бывать у него въ домѣ... а она не съумѣетъ даже воспротивиться тому! И вотъ, когда онъ объ этомъ думаетъ, въ немъ поднимается стихійная ненависть къ этому человѣку!

— Не забывайте, что этотъ человѣкъ—мой мужъ!

Этого онъ никогда не забываетъ, но минутами его такъ и тянетъ задушить его... живое препятствіе между нимъ и счастіемъ... Кроткой душѣ Жермэны невѣдомы эти хищные порывы, это внезапное пробужденіе звѣря, обыкновенно скованнаго привычками цивилизаціи, нравственными принципами, всосанными съ молокомъ кормилицы. Подъ внѣшней оболочкой джентльмена, господина своихъ страстей, всегда кроется существо съ дикими побужденіями, хищникъ, способный на преступленіе для удовлетворенія своихъ страстей.

— Вы клевещете на себя! Будь тутъ хоть доля правды, мнѣ пришлось бы запретить вамъ бывать у меня!

Все же другого средства нѣтъ, какъ оно ни прискорбно. Этотъ человѣкъ—отецъ ея дѣтей? Тѣмъ хуже... Напрасно напоминаетъ она ему объ этой кровной связи съ мужемъ; она нимало не кокетка, а тутъ поступаетъ точно кокетка... Нѣтъ, лучше ему уйти! Онъ только огорчаетъ ее... Вернется ли онъ? Разумѣется, вернется... Хоть это и лишнее...

Наканунѣ дня открытія охоты и въ самый день открытія, Дювивье получилъ четыре извинительныхъ письма отъ приглашенныхъ охотниковъ, въ томъ числѣ и отъ Роберти. Всѣ извинявшіеся были члены клуба. Дювивье, послѣ записки Робертй, бѣшено накинулся на Жермэну. Во всемъ виновата она! Робертй вліятельный и нужный ему человѣкъ, но она оттолкнула его своею проклятой чопорностью. Развѣ онъ не понимаетъ, что Робертй ухаживаетъ за нею? Влюбленъ, таетъ, а она не умѣетъ себя вести... Великая важность, что она честная женщина!

Digitized by Google

Можно быть честной женщиной, но умъ и ловкость никогда не излишни. А пока весь ея хваленый умъ только мѣшаетъ его планамъ. Не требуется, кажется, особенной проницательности, чтобы понять, что онъ дорожитъ дружбой Роберти. Неужели она воображаетъ, что ему нужно было только попасть въ „Epatant"? Это первая ступень, не больше... Теперь же онъ затѣваетъ съ нѣсколькими друзьями крупное дѣло, устричный паркъ въ Порбайлѣ, и имъ необходимо привлечь капиталистовъ. Тутъ нужны имена, внушающія довѣріе публикѣ, а участіе Робертй, съ его родствомъ, связями и богатствомъ, обезпечило бы имъ успѣхъ... Чѣмъ же она могла бы помочь? Какъ чѣмъ! Да будь она женщина какъ всякая женщина, она съумѣла бы убѣдить Робертй принять участіе въ этомъ предпріятіи... къ тому же весьма выгоднымъ.

— То-есть, убѣдить Робертй дать вамъ денегъ?—говоритъ она.

Удивительное у нея искусство выставлять всякую вещь въ обидномъ свѣтѣ... Ну, да, онъ подпишетъ извѣстную сумму, но это же не подарокъ, а выгодное помѣщеніе капитала... Подписаться-то онъ уже обѣщалъ... Но важны не его деньги, а имя, вліяніе... Надо, чтобы онъ согласился быть членомъ совѣта учредителей, отъ чего онъ отказывается подъ разными предлогами... При чемъ тутъ она?!.. Честное слово, съ такой женщиной можно съ ума сойти... Неужели она не понимаетъ, что съумѣй она взяться за дѣло, ей Роберти не откажетъ.

— А вздумай г. Роберти назначить цѣну своему согласію, посовѣтовали ли бы вы мнѣ принять его условія?—спросила она.

Странная у нея манера! Разъ женщина уважаетъ себя, она не ставитъ такихъ вопросовъ... Пусть такъ! что же, по его мнѣнію, должна дѣлать уважающая себя женщина, когда ей предлагаютъ сдѣлку?

— Въ такомъ случаѣ, сударыня, подобному нахалу даютъ понять гнусность предлагаемой сдѣлки!

— И затѣмъ указываютъ ему на дверь?.. Прекрасно! такъ я и поступлю. Если вы этого и желали, то цѣль ваша достигнута!—заключила Жермэна.

Дювивье понялъ по ея рѣшительно-непреклонному виду, что ничего не добьется насиліемъ, и перемѣнилъ тонъ. Если она хочетъ вывести его изъ себя и довести до компрометтирующей выходки, то это ей не удастся... Впрочемъ, не ему учить ее: женщины—врожденные дипломаты... Она можетъ ограничиться туманными намеками, недомолвками, неопредѣленными обѣщаніями...—Но это ложь и обманъ?—Вотъ вздоръ... Все это рисовка, громкія фразы... Какъ ей будетъ угодно, но онъ совѣтуетъ ей

Digitized by Google

не терять изъ виду, что въ случаѣ неудачи они всѣ будутъ разорены, даже и ея отецъ. Мать семейства должна прежде всего думать о своихъ дѣтяхъ.

Пріѣздъ приглашенныхъ охотниковъ прервалъ эту сцену, и пока Дювивье разсыпался въ любезностяхъ передъ гостями, Жермэна думала горькую думу. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ за человѣкъ ея мужъ? Притворяется ли онъ теперь, когда шутитъ и любезничаетъ, или притворялся сейчасъ? И съ этимъ человѣкомъ прожила она цѣлыхъ 15 лѣтъ? Что̀ за нахальный цинизмъ! Приходила ей иногда въ голову мысль, да и то она упрекала себя за нее, что легкая измѣна съ ея стороны не нарушитъ его спокойствія, а пожалуй даже онъ увидитъ въ этомъ оправданіе своего собственнаго поведенія. Но никогда не приходило ей въ голову, чтобы сюда могли примѣшаться корыстные разсчеты. Вѣрно ли она поняла? Что̀ же онъ за человѣкъ?

Когда охотники собрались уѣзжать, Жермэна съ тревогой взглянула на Фернанда, котораго Дювивье бралъ съ собой противъ желанія жены, и на де-Масье, успокоивавшаго ее обѣщаніемъ не спускать глазъ съ мальчика. Ее безпокоило здоровье старика, сильно пошатнувшееся за послѣднее время; онъ страдалъ безсонницей и нервно шагалъ по комнатѣ цѣлыя ночи напролетъ, несмотря на успокоительныя лекарства. Сегодня ее особенно поражали его худоба, блѣдность и странно-унылый взоръ. Пусть лучше онъ останется дома; вѣрно, онъ не спалъ ночью?—Да, правда, онъ провелъ ужасную ночь!—И все его хилое тѣло содрогнулось, точно ему припомнился тяжелый кошмаръ. Нѣтъ, необходимо провѣтриться, освѣжиться... Наконецъ, кто же присмотритъ за Фернандомъ на охотѣ. На всѣ ея увѣщанія, чтобы онъ не ѣздилъ, что онъ можетъ простудиться въ случаѣ дождя, онъ отвѣчалъ:

— Отъ судьбы не уйдешь, дитя мое!

И произнесъ онъ эту незначительную фразу такимъ мрачнымъ тономъ, не соотвѣтствующимъ обстоятельствамъ, что въ душу Жермэны запало смутное предчувствіе бѣды. Она проходила весь день какъ потерянная, нѣсколько разъ выходила на дорогу, поджидая охотниковъ. Но вечеромъ всѣ благополучно вернулись домой, а на вопросъ Жермэны, почему она не видитъ между ними отца, Фернандъ отвѣчалъ, что дѣдушка прямо прошелъ къ себѣ, а на охотѣ перещеголялъ всѣхъ стрѣльбой. Давившая ея душу тяжесть спала, и Жермэна мысленно поблагодарила Бога, не допустившаго до бѣды. Передъ обѣдомъ она зашла

Digitized by Google

къ отцу, и пока она шла къ нему, тяжелое предчувствіе снова охватило ее. Что же такъ гнететъ ее? Ахъ, да! разореніе...

Де-Масье сидѣлъ въ усталой позѣ на стулѣ у двери; на немъ все еще былъ охотничій костюмъ, точно онъ былъ не въ силахъ пошевельнуться. Вся фигура его выражала безконечную апатію. Бѣдный папа, какъ онъ усталъ! вотъ что значитъ представлять изъ себя юношу, а не сидѣть съ нею дома! Но ему необходимо двигаться, утомляться, дышать воздухомъ, чтобы спать ночью. Эти безсонницы убійственны, а докторъ ему не помогаетъ. — Она знаетъ, почему онъ не спитъ по ночамъ...— Нѣтъ... она не знаетъ, она не можетъ знать!—Какъ? Да развѣ трудно угадать, что его гложетъ безпокойство за нее и дѣтей?

Мелькнувшая въ его глазахъ тревога исчезла, и онъ согласился съ дочерью. Но тутъ онъ заговорилъ что-то, чего Жермэна не могла разобрать; думая, что догадывается, она спросила, зачѣмъ онъ далъ ея мужу денегъ на новое предпріятіе, на эти устричные парки Порбайля? И сколько же онъ далъ?—А, 50 тысячъ франковъ... Но вѣдь онъ выбросилъ ихъ за окно, вотъ и все... Хорошо предпріятіе! Отчаянная попытка зарвавшагося дѣльца, и даже не очень честная...—И это его мнѣніе?—Еще бы! мошенничество, прямое мошенничество... Можетъ быть, онъ ошибается, но ему такъ кажется потому, что зачинщикъ дѣла—онъ, ихъ злой духъ, вампиръ!..—Жермэна стала успокоивать его, заговорила о гостяхъ! — Важные гости! мелкота! Ни Роберти, никто изъ солидныхъ людей не пріѣхалъ. Это—конецъ всему...—Но если такъ, зачѣмъ же онъ рискуетъ своими послѣдними рессурсами?

— Говорю тебѣ, — вскричалъ старикъ съ бѣшенствомъ и отчаяніемъ,—что человѣкъ этотъ—демонъ, вампиръ! Онъ выпьетъ до послѣдней капли нашу кровь! А я!.. я—несчастный трусъ! Я не умѣю противиться ему; знаю, что долженъ, и не могу! Я нѣмѣю передъ его голосомъ, теряю волю въ его присутствіи и уступаю ему! Я проклинаю, презираю себя, но уступаю!.. Это какое-то навожденіе... И вотъ почему я потерялъ сонъ... Но пора покончить съ этимъ, пора спасать остатки нашего состоянія!— быть можетъ, нашей чести!

Не вѣрится ей, чтобы мужъ ея былъ безчестный человѣкъ! —Допустимъ, что онъ не обдумываетъ заранѣе обманъ, но онъ игрокъ,—а игроки, проигрывая, еще пуще запутываются въ надеждѣ отыграться...

На другой день Дювивье объявилъ, что отлучается на нѣсколько дней въ Нормандію, и уѣхалъ, не заикнувшись ни словомъ о вчерашнемъ. Жермэна предположила, что онъ разду-

Digitized by Google

малъ, не станетъ болѣе вмѣшиваться въ спекуляціи, и ей стало легче на душѣ. Въ отсутствіе мужа она дышала свободнѣе; а такъ какъ наступила прекрасная погода, то она совершала съ отцомъ и дѣтьми веселыя прогулки. За нѣсколько дней передъ тѣмъ, Дювивье, послѣ довольно сильной ссоры, отказалъ гувернеру мальчиковъ, не объясняя женѣ почему, а только заявилъ, что Равò сталъ черезчуръ много позволять себѣ. Жермэна не настаивала, довольная, что избавилась отъ присутствія непріятнаго ей человѣка. Вернувшись домой съ прогулки въ самый день отъѣзда мужа, Жермэна узнала отъ прислуги, что въ маленькой гостиной ее ожидаетъ Роберти. Въ порывѣ безумной радости она бросилась туда... Какъ сладко сознавать себя любимой! Въ одно мгновеніе осторожность и благоразуміе были позабыты, и только послѣ перваго, горячаго рукопожатія, опомнившись, она вырвала свою руку. Какъ она рада его видѣть!.. Какъ это мило, что онъ пріѣхалъ!..—Но вѣдь она тоже желала поговорить съ нимъ, а такъ какъ онъ всецѣло преданъ ей... Что̀ такое? что̀ онъ хочетъ сказать? — Дювивье говорилъ ему, что ей нужно сдѣлать ему какое-то важное сообщеніе. — Невозможно! — Но, протестуя такъ горячо, она знала и чувствовала, что Робертѝ говоритъ правду.

Роберти не понималъ, почему она такъ огорчается? Самое задушевное его желаніе—быть полезнымъ ей. Развѣ мужъ ея поступилъ нескромно, прямо предупредивъ его, что ей нужно его видѣть? Развѣ она просила его поискуснѣе намекнуть объ этомъ; но это такъ мало похоже на нее... Ахъ, нѣтъ... не то... Она была до того убита и унижена, что не находила словъ. Онъ недоумѣвалъ. Почему она не скажетъ ему прямо, что онъ можетъ помочь ей? Три раза въ какія-нибудь три минуты Дювивье повторилъ, чтобы онъ навѣстилъ ее немедленно. Пусть она прямо скажетъ, чѣмъ онъ можетъ быть ей полезенъ?..—Никогда не говорила она мужу о желаніи видѣть его,—такія желанія она скрываетъ даже отъ себя самой. Ее волнуетъ странное поведеніе мужа... Впрочемъ, разъ Роберти пріѣхалъ, она намѣрена испытать его дружбу...—Прекрасно, онъ готовъ!

Но какъ только она заговорила о новомъ предпріятіи Дювивье, онъ замѣтно смутился, и какъ она ни допрашивала его, почему онъ не хочетъ войти въ составъ совѣта учредителей, онъ отвѣчалъ уклончиво, ссылаясь лишь на свое полное непониманіе въ такого рода дѣлахъ. Чѣмъ болѣе она настаивала, тѣмъ онъ становился мрачнѣе. Странное совпаденіе просьбы мужа съ разспросами жены наводило его на мучительныя подозрѣнія.

Digitized by Google

Возможность ея участія въ замыслахъ мужа казалась ему невыносимой... Неужели она, зная, что онъ любитъ ее, способна принести его въ жертву корыстнымъ стремленіямъ мужа? Не спуская съ него проницательнаго взора, Жермэна требовала отъ него клятвы, что онъ отказалъ ея мужу только потому, что некомпетентенъ въ финансовыхъ операціяхъ. Если онъ ей другъ, онъ не долженъ уклоняться отъ прямого отвѣта! Самъ увѣряетъ ее въ преданности, а отвѣчаетъ уклончиво... Кому же довѣряться въ такомъ случаѣ?—Чего она отъ него хочетъ? Яснаго объясненія того, что̀ такое эти устричные парки Порбайля... Хорошо! Это—предлогъ привлечь необходимые капиталы, какъ и вообще всѣ подобныя дѣла. Положимъ, онъ этого вопроса не изучалъ, но вѣдь бываютъ же инстинктивныя антипатіи... Наконецъ, она отлично знаетъ, что онъ не любитъ ея мужа!—Нѣтъ, нѣтъ, она тутъ въ сторонѣ, а онъ долженъ сказать ей, что̀ бы онъ ей отвѣтилъ, еслибы она попросила его пожертвовать для нея своей инстинктивной антипатіей... И, вся блѣдная, она ждала его отвѣта:

— Я сказалъ бы вамъ, какъ говорилъ уже вашему мужу, что готовъ подписаться... Назначайте сами, на какую сумму...

Она поняла. Онъ готовъ отдать часть своего состоянія, но бережетъ свое имя и честь. Пусть онъ не отговаривается, а если онъ привязанъ къ ней, жалѣетъ ее, то пусть откажетъ ея мужу даже въ денежной поддержкѣ. Какъ милости проситъ она его не давать денегъ и не пускать въ ходъ своего вліянія.—Но онъ уже обѣщалъ свое содѣйствіе Дювивье!—Все равно, пусть возьметъ свое обѣщаніе назадъ; все на свѣтѣ лучше, чѣмъ помогать ему въ такомъ пагубномъ предпріятіи. Да, она знаетъ, что въ случаѣ неудачи имъ грозитъ полное разореніе. Разореніе такъ разореніе, лишь бы честь осталась незапятнанной. И всѣми силами она протестуетъ противъ какой-либо поддержки со стороны друзей.

Она не замѣтила, что Роберти сдерживался, точно ему хотѣлось сказать, что уже поздно! Она продолжала свою горячую рѣчь, утверждая, что не отнимала бы у мужа послѣдней надежды на спасеніе, еслибы могла вѣрить, что они выйдутъ изъ всего этого съ честью. Но уступи Роберти, согласись онъ участвовать въ этомъ дѣлѣ—сколькихъ довѣрчивыхъ людей можетъ увлечь его примѣръ! Ей тяжело дѣйствовать противъ интересовъ этого несчастнаго, надѣющагося найти въ ней союзницу, но долгъ ея ясенъ. Пусть же Роберти предоставитъ ихъ судьбѣ;

Digitized by Google

она только молитъ Бога, чтобы они вышли изъ этого испытанія безъ нравственнаго ущерба.

На порогѣ гостиной показался де-Масье, и со слезами въ голосѣ Жермэна добавила, что отецъ согласится съ нею. И дѣйствительно, узнавъ отъ Роберти, о чемъ идетъ рѣчь, старикъ поддержалъ дочь и сказалъ, что все это дѣло—не болѣе какъ крупное мошенничество. А когда Жермэна стала просить его быть снисходительнѣе и справедливѣе къ Дювивье, который грѣшитъ только по неосторожности и легкомыслію, а не изъ недобросовѣстности, старикъ разразился бурною рѣчью.

Какъ можетъ она защищать его, когда дѣло идетъ о будущности ея дѣтей?.. Случись катастрофа, она и ея старый отецъ могутъ еще стушеваться и жить гдѣ-нибудь въ уголкѣ; но что будетъ съ дѣтьми, когда имя ихъ окажется запятнаннымъ, и имъ придется влачить всю жизнь бремя позора и нищеты? Онъ допускаетъ еще, чтобы этотъ несчастный, попавшись на удочку окружающихъ его обманщиковъ, разорилъ всю семью, но честь должна остаться неприкосновенною! Разореніе семьи еще можно простить. Но когда ваша собственная гибель влечетъ за собою гибель сотни довѣрившихся вамъ людей, то это уже не неспособность и легкомысліе, а преступленіе.

— Ну, а если бы онъ, съ помощью Роберти и кого-нибудь еще, попытался открыть Дювивье глаза и доказать всю опасность и безуміе его попытки?—предложила Жермэна.—Полно, развѣ она говоритъ это серьезно? Развѣ она такъ плохо знаетъ характеръ мужа? Пусть она попытается остановить голоднаго волка, крадущагося къ овчарнѣ! Убѣждать этого человѣка? Да, это голодный волкъ, всѣ пороки его вопятъ объ удовлетвореніи, а онъ видитъ, что скоро у него не будетъ даже куска хлѣба... Воображать, что его могутъ образумить увѣщанія и предостереженія! Это—игрокъ, ставящій послѣднюю ставку. Нечего и надѣяться доказать ему, что его страсть пагубна! Остановить его можетъ только тюрьма... или смерть!..

Робертй раздѣлялъ мнѣніе старика, но въ дополненіе ко всему сказанному выразилъ безполезное, конечно, сожалѣніе о томъ, что Дювивье не связали съ самаго начала рукъ, обезпечивъ Жермэнѣ по контракту отдѣльное владѣніе своимъ имуществомъ.—Совершенно вѣрно, они опоздали... Бѣда нагрянула прежде, чѣмъ они успѣли оглянуться... Это-то и гложетъ де-Масье... Ни предусмотрительности, ни прозорливости, ему не хватило... Онъ повѣрилъ на-слово Дювивье, счелъ его человѣкомъ серьезнымъ, ловкимъ, а главное—честнымъ! Это его вина, что они попали подъ

Digitized by Google

зубцы этой адской машины, которая погубитъ ихъ, поглотитъ и ихъ состояніе, и доброе имя, и честь!.. Душа его истерзана, совѣсть не даетъ ему покоя; онъ умираетъ медленной смертью, отъ горькаго сознанія своей вины...

Бѣдный отецъ, напрасно онъ такъ преувеличиваетъ!.. Не влекутъ ли за собою всѣ наши земные поступки роковыя сцѣпленія разныхъ послѣдствій, приводящихъ насъ непредвидѣнными путями къ невѣдомымъ цѣлямъ? Мы бродимъ на землѣ впотемкахъ, ощупью, зрѣніе наше не всегда проникаетъ за завѣсу внѣшности, и судьба наша сокрыта отъ нашихъ глазъ. Виноваты ли мы въ этомъ? Къ чему такая излишняя строгость къ себѣ и къ другимъ? Бракъ представляетъ собою одинъ изъ тѣхъ жизненныхъ перекрестковъ, на которомъ приходится выбирать дорогу наугадъ, съ закрытыми глазами. Какъ тутъ распознать своего будущаго мужа, когда не знаешь хорошенько и себя самой. Отецъ всегда ее любилъ и стремился доставить ей счастіе,— пусть онъ не обвиняетъ себя напрасно. Остается смириться и твердо продолжать свой путь,—такъ разсуждала дочь.

— Смириться!.. это доступно для тебя, потому что ты религіозна и кротка... А во мнѣ нѣтъ ничего, кромѣ гнѣва, проклятій и ненависти!

Роберти съ обожаніемъ смотрѣлъ на эту кроткую, покорную женщину; ему хотѣлось приласкать ее, какъ больного ребенка, но онъ подавилъ свое желаніе и отвѣчалъ съ улыбкой:

— Не странно ли, что вашъ папа, отрицая свободу воли, говоритъ, чувствуетъ и судитъ такъ, точно онъ въ нее вѣритъ, тогда какъ вы, такая религіозная, защищаете рокъ?.. Это доказываетъ, что не мысли наши управляютъ нами, а сердце.

На минуту де-Масье былъ озадаченъ.—Да, это несомнѣнно! Какъ только мы появляемся на свѣтъ, такъ тотчасъ же оказываемся во власти цѣлаго сцѣпленія роковыхъ причинъ, въ выборѣ которыхъ мы не участвовали. Но и жить мы тоже не просились; мы—не что иное, какъ игралище какой-то невѣдомой силы. Тѣмъ не менѣе, каковы бы ни были обстоятельства нашей жизни, какими дарами или недостатками не надѣлила бы насъ природа, петли жизненной сѣтки достаточно широки, чтобы воля наша могла дѣйствовать, и мы всегда можемъ стянуть или распустить эти петли. И по мнѣнію де-Масье, дѣтямъ необходимо внушать сознаніе свободы воли и личной отвѣтственности.

Разговоръ ихъ былъ прерванъ пріѣздомъ новыхъ гостей и Жермэна ушла принимать ихъ, спросивъ сначала Роберти,

Digitized by Google

когда онъ снова пріѣдетъ. Тотъ отвѣчалъ, что приглашенъ 21-го на охоту ея мужемъ, и она поблагодарила его взглядомъ.

Только-что она ушла, какъ де-Масье живо обратился къ Роберти. При ней онъ не хотѣлъ его разспрашивать, но теперь требуетъ отъ него правды... Старикъ зналъ, что Дювивье вовсе не бываетъ теперь въ клубѣ... Почему? что̀ тамъ вышло? Нѣтъ, нѣтъ, пусть Роберти не уклоняется отъ прямого отвѣта... онъ проситъ правды... ему необходима правда.—Хорошо! вотъ въ чемъ дѣло! Дювивье перестало везти въ карты, и ему пришлось отказаться отъ игры, а клубъ безъ картъ лишенъ для него всякой привлекательности. Вотъ и все!—Нѣтъ, не можетъ быть! Роберти вовсе не умѣетъ лгать... Такъ пу̀сть онъ завѣритъ его, что Дювивье не плутуетъ въ картахъ!—Подъ сверкающимъ взоромъ старика, Роберти стало жутко, и онъ отвѣчалъ ему съ колебаніемъ:

— Видите ли, нѣкоторымъ членамъ показалось, что у него не совсѣмъ правильная манера играть, и мнѣ выпала тяжелая обязанность предупредить его, чтобы онъ не садился болѣе за карточный столъ. Онъ, разумѣется, обидѣлся, и отношенія между нами стали натянутыми. Впрочемъ, не произошло ни скандала, ни огласки. Многіе вовсе ничего не знаютъ объ этомъ.

Лицо у де-Масье исказилось, и онъ застылъ въ неподвижной позѣ.—Плутуетъ въ карты, какъ самый обыкновенный шулеръ! Такъ и слѣдовало ожидать; онъ только хотѣлъ знать все, чтобы принять рѣшительныя мѣры.—Роберти вдругъ спросилъ, не надѣется ли онъ склонить дочь къ разводу?—Увы! онъ заранѣе знаетъ, что это безполезно, потому что разъ церковь отвергаетъ разводъ, то Жермэна ни за что не согласится. Наконецъ, разводъ не устраняетъ всѣхъ неудобствъ, такъ какъ между отцомъ и дѣтьми остается солидарность позора. А дѣти—все для нихъ; это—будущность, это—ихъ плоть, кровь и сердце! Сами они готовы перенести все, лишь бы спасти дѣтей. Эта ежедневная близость, дурной примѣръ,—заражаютъ самыя чистыя дѣтскія души... Одинъ только исходъ... И голосъ старика перешелъ въ неясный шопотъ. А прощаясь съ Роберти, онъ добавилъ съ блуждающимъ взоромъ:

— Пора принять мужественное рѣшеніе; довольно слабости и трусости!..

Какъ ни старался Роберти утѣшить его, повторяя, что прискорбный инцидентъ въ клубѣ не былъ оглашенъ,—это ему не удалось.

Два дня спустя, Дювивье вернулся. Пріѣхалъ онъ прямо къ

Digitized by Google

завтраку, возбужденный и сіяющій, въ восхищеніи отъ своей поѣздки. Онъ побывалъ въ Гранвилѣ, Порбайлѣ, Канкалѣ, видѣлся съ нужными людьми, встрѣтилъ повсюду радушный пріемъ и добылъ цѣнныя свѣдѣнія. Все идетъ отлично, и результаты получатся ошеломительные. Дѣло окончательно налажено. Весь вопросъ теперь—въ капиталахъ. Будетъ и это: всякій радъ выгодно помѣстить свои деньги. Тутъ еще поможетъ гласность и поддержка вліятельныхъ лицъ. Кстати, видѣлась ли Жермэна съ Роберти?—Да? ну и что же?—Какъ! онъ не вѣритъ въ успѣхъ? почемъ онъ знаетъ? Или онъ просто не довѣряетъ ему, Дювивье? Но, собственно, что же онъ сказалъ?—Узнавъ, что Роберти согласенъ только на подписку крупной суммы, Дювивье нервно разсмѣялся и разразился упреками. Хорошъ другъ! И что же, она у него и не просила ничего другого? На этотъ вопросъ Жермэна отвѣчала рѣзкимъ голосомъ; выпрямившись и сверкая глазами, она заявила, что ровно ничего у него не просила!

У Дювивье вырвалось ругательство, и онъ такъ ударилъ кулакомъ по столу, что посуда зазвенѣла, а мальчики перепугались.—Превосходно! Она не съумѣла даже вступиться за интересы мужа. Вотъ и разрывайся на части для семьи, бѣгай, хлопочи, трудись, но не жди сочувствія даже отъ своей собственной жены. Вывертывайся какъ знаешь!

Съ него соскочили его обычное высокомѣріе и наглость; въ словахъ его слышались ноты дѣйствительно встревоженнаго, измученнаго человѣка. Смутившись, Жермэна не знала, чѣмъ его утѣшить, и только надоумилась сказать, что Роберти обѣщалъ пріѣхать на охоту 21-го. Новость эта немедленно успокоила Дювивье.—Послѣднее слово, выходитъ, еще не сказано; увидимъ.

Всѣ послѣдующіе дни въ душѣ Жермэны шла сильная борьба. Мимолетное выраженіе растерянности и тоски, подмѣченное ею на лицѣ мужа, обыкновенно облеченнаго въ маску гордаго самодовольства, пробудило въ ней сильную жалость къ нему. Сознавая, что онъ не стоитъ ея жалости, она все-таки жалѣла его. Припомнилось ей, какъ въ началѣ ея замужества она старалась полюбить его, привязаться къ нему. Любить людей казалось ей такъ естественно. И вся ея послѣдующая тяжелая жизнь не могла изгладить изъ ея души воспоминанія о ея прошлыхъ наивныхъ стараніяхъ полюбить мужа. Наконецъ, онъ—отецъ ея дѣтей, и ей страстно хотѣлось помочь ему; грозный призракъ разоренія и бѣдности страшилъ ее, и эта возможная перемѣна въ жизни побуждала ее искать поддержки и помощи. Если это

Digitized by Google

правда, что участіе Роберти можетъ помѣшать кризису и дать возможность несчастному Дювивье выпутаться изъ бѣды, то имѣетъ ли она право выказывать такую щепетильность? А вдругъ Роберти, такъ часто увѣрявшій ее въ преданности, докажетъ свою привязанность къ ней на дѣлѣ и своимъ великодушнымъ вмѣшательствомъ спасетъ ихъ всѣхъ? Какая радость! Ея довѣріе къ нему было бы оправдано, и мужъ былъ бы спасенъ! Наконецъ, справедливо ли подозрѣвать Дювивье въ нечестности? Она сама и отецъ ея черезчуръ ужъ дурного о немъ мнѣнія, а вотъ Роберти—справедливѣе, и считаетъ его только неосторожнымъ и легковѣрнымъ. Но вѣдь онъ говорилъ, что ровно ничего не смыслитъ въ дѣлахъ! И вдругъ онъ окажется скомпрометтированнымъ по ея милости! Къ тому же, она говорила ему сама, что его участіе повлечетъ за собою подписку множества довѣрчивыхъ людей. Въ такомъ случаѣ она окажется тоже виновницей ихъ гибели. И этотъ внутренній, душевный разладъ терзалъ ее съ каждымъ днемъ все сильнѣе. И ей стало еще тяжелѣе оттого, что внезапно мужъ къ ней перемѣнился, сталъ съ нею мягокъ и почтителенъ. Разумѣется, она ни мало не заблуждалась относительно поводовъ этой перемѣны, ловушка была черезчуръ груба, но по врожденному великодушію она смутно надѣялась, что подобное положеніе вещей окажется непродолжительнымъ. А вдругъ эти тяжелые дни повлекутъ за собою домашній миръ, смягчатъ ея мужа, и между супругами водворится согласіе! Къ тому же годы должны взять свое. А ей такъ мало нужно: только бы не очень ужъ мучиться, да не подвергаться брани и насилію.

И она украдкой взглядывала на мужа, а когда ихъ взоры встрѣчались, она невольно краснѣла, и онъ принималъ удрученный видъ, какъ бы прося ея сожалѣнія и поддержки. И какъ онъ перемѣнился къ ней! Его природная хитрость внушила ему, что единственное средство чего-нибудь отъ нея добиться—это тронуть ея мягкое сердце. И вотъ онъ представлялся въ ея присутствіи чуть ли не безпомощнымъ ребенкомъ. Жермэна видѣла его насквозь, понимала, почему онъ такъ притворяется, и только сильнѣе жалѣла его за подобное униженіе. Но какъ ей помочь ему? Кромѣ Роберти—ей не къ кому обратиться; но Роберти ее любитъ, а она воспретила ему всякую надежду, и вдругъ ей же придется обратиться къ нему за помощью!.. Она не опасалась никакой неделикатности съ его стороны; онъ не потребуетъ у нея ничего взамѣнъ оказанной услуги; но она сама, принявъ его услугу, дастъ ему нѣкоторыя права на себя. Попробовала

Digitized by Google

она обратиться за совѣтомъ къ отцу, но тотъ и слышать ничего не хотѣлъ: мужъ ея—негодяй, не заслуживающій ни малѣйшей жалости, и самое лучшее для нея вовсе не вмѣшиваться въ его нечистыя операціи. Онъ разорилъ уже ее, разоритъ и всѣхъ тѣхъ, кто ему довѣрится. Онъ кончитъ на каторгѣ! незачѣмъ помогать ему попасть туда, онъ и самъ попадетъ! Но, зная антипатію отца къ мужу, Жермэна приписывала ей всѣ эти мрачныя предсказанія и нелестные эпитеты, а въ душѣ мечтала помочь бѣднягѣ.

Какъ разъ въ разгарѣ этого умиротвореннаго настроенія, на ея звонокъ вошла къ ней, вмѣсто горничной, нѣмка, бывшая няня Ришара, оставшаяся въ ихъ домѣ въ качествѣ кастелянши. Вся красная, запыхавшаяся, со слезами на глазахъ,—она искренно была привязана къ дѣтямъ,—она стала жаловаться на неприличное обращеніе съ нею Фернанда. Онъ позволяетъ себѣ съ нею неумѣстныя шутки, и вотъ сегодня еще толкнулъ ее на лѣстницѣ за то, что она не хотѣла дать себя поцѣловать. И это случается не въ первый разъ, да она не хотѣла огорчать Жермэну и молчала, приписывая эти продѣлки ребячеству; но мальчикъ ужъ очень большой и долѣе терпѣть этого нельзя. Жермэнъ успокоила ее и просила впредь опять предупредить ее, если это повторится.

Огорченная и негодующая, позвала она къ себѣ Фернанда, насмѣшливо развязная осанка котораго разсердила ее окончательно, и непривычно строгимъ тономъ она спросила его, знаетъ ли онъ, зачѣмъ она его позвала?—О! да, онъ догадывается: все это сплетни этой „Fräulein“... вотъ-то дура! — А когда мать упрекнула его за непочтительное поведеніе съ нѣмкой, онъ усмѣхнулся и заявилъ, что съ подобными особами почтительность—излишняя роскошь. Мать его твердо потребовала, чтобы онъ перемѣнилъ тонъ, его насмѣшливыя мины въ высшей степени неприличны, онъ самъ виноватъ во всемъ. Бѣдная Fräulein тутъ вдали отъ родины и семьи и заслуживаетъ уваженія. А если онъ не понимаетъ недостойности своего поведенія, то, въ наказаніе за его грубость и неблаговоспитанность, она попроситъ отца не брать его на охоту 21-го.—Какъ! его наказываютъ изъ-за прислуги! Ну, она дорого заплатитъ ему за это!—и мальчикъ сжалъ кулаки.

— Это что за угрозы! И не стыдно ему? Но ребенокъ пришелъ въ ярость, и объявилъ, что отецъ никакъ не накажетъ его за приставанья къ Fräulein... Впрочемъ, онъ знаетъ, что отвѣчать...—Еще того лучше! Что же онъ отвѣтитъ?—И вотъ, послѣ

Digitized by Google

легкаго колебанія, желая отомстить матери за выговоръ, мальчикъ объявилъ ей съ жестокой усмѣшкой:

— А скажу я ему, что если онъ не хочетъ, чтобы я шутилъ съ Fräulein, то самъ не долженъ цѣловать Жюстину.

Въ первую минуту у Жермэны захватило дыханіе, но она оправилась и указала сыну на дверь, говоря, что онъ клевещетъ на отца! Мальчику стало жаль, что онъ огорчилъ мать, но онъ упорно подтверждалъ сказанное имъ. И гувернеру отецъ отказалъ потому, что тотъ любезничалъ съ Жюстиной. Онъ ничего не выдумываетъ. Оробѣвъ передъ скорбнымъ видомъ и остановившимся взоромъ матери, онъ шагнулъ-было къ двери, но порывистая натура его не выдержала, онъ внезапно упалъ передъ нею на колѣни, обнялъ ее и, покрывая горячими поцѣлуями ея руки и платье, вскричалъ, всхлипывая:

— Мамà, прости! Прости меня, дорогая мамà... Я не поѣду на охоту и извинюсь передъ Fräulein... Только прости меня, мамà, прости...

Онъ такъ крѣпко вцѣпился въ нее, что она предоставила свои руки его поцѣлуямъ и слезамъ. Теперь они плакали оба, и слезы Жермэны капали на его волосы. Потомъ она шепнула ему, чтобы онъ ушелъ; онъ обѣщалъ ей исправиться, и она вѣритъ его слову. Она постарается забыть это огорченіе, а онъ пусть не забываетъ, и пусть это послужитъ ему урокомъ. Она прощаетъ ему отъ всего сердца, разъ онъ искренно раскаялся. Онъ сейчасъ же просіялъ, поцѣловалъ ее и исчезъ. Въ корридорѣ онъ встрѣтилъ нѣмку, несшую груду салфетокъ и опасливо прижавшуюся къ стѣнѣ; чтобы отомстить ей, онъ отвѣсилъ ей съ десятокъ глубокихъ поклоновъ. Она можетъ быть спокойна... Ему очень жаль, что онъ вообразилъ ее умной и красивой, и онъ клянется, что это не повторится. Онъ извиняется передъ нею и отнынѣ станетъ держаться отъ нея на почтительномъ отдаленіи.—И прекрасно сдѣлаетъ... Она не какая-нибудь Жюстина!

Изъ своей комнаты Жермэна слышала всю сцену. Значитъ, это правда, и весь домъ знаетъ, какое оскорбленіе наноситъ ей мужъ подъ ея собственнымъ кровомъ! Въ памяти ея внезапно возникла тьма мелкихъ подробностей, ускользнувшихъ отъ вниманія. Припомнилось ей, какъ мало-по-малу измѣнялись манеры и поведеніе ея горничной, какъ та все болѣе и болѣе франтила и на замѣчанія ея отвѣчала съ вкрадчивой дерзостью:—Не извольте, мадамъ, безпокоиться. При умѣньѣ можно одѣваться дешево и нарядно. — Теперь она понимала и наглую иронію

Digitized by Google

отвѣта, и небрежность ея службы, и всѣ ея высокомѣрно-снисходительныя ужимки. Припомнилось ей также вмѣшательство мужа, когда она хотѣла-было отказать разъ горничной за дерзость. Теперь все ясно...

Она вторично позвонила, и на этотъ разъ вошла Жюстина, высокая, красивая брюнетка въ прекрасно сшитомъ по послѣдней модѣ и ловко сидѣвшемъ шерстяномъ платьѣ. И Жермэна подумала, что ни одно ея платье не сшито лучше платья ея горничной. Она приказала Жюстинѣ подать ей вчерашній туалетъ, но платье оказалось не въ порядкѣ, а на замѣчаніе ея Жюстина отвѣчала, что была занята другимъ дѣломъ, а за разъ двухъ дѣлъ не сдѣлаешь. Съ другимъ платьемъ вышла та же исторія. И послѣ нѣсколькихъ нахальныхъ отвѣтовъ горничной, Жермэна объявила, что терпѣніе ея лопнуло, и она отказываетъ Жюстинѣ отъ мѣста. Горничная отнеслась къ отказу презрительно, говоря, что и сама собиралась отойти, да не хотѣла оставить ее въ затрудненіи. — Хорошо, вотъ ея жалованье за цѣлый мѣсяцъ, но пусть она уѣзжаетъ немедленно...—Госпожа шутитъ? развѣ у нея чума, чтобы такъ гнать ее изъ дому? Пусть она подумаетъ, прежде чѣмъ наносить ей такой афронтъ!— Жермэна притворилась, что не замѣчаетъ затаенной угрозы ея словъ, и заявила совершенно спокойно, что ни о какомъ афронтѣ тутъ нѣтъ и рѣчи, но лучше поскорѣе разстаться, не затягивая неловкаго положенія.

И, не споря болѣе, она сошла внизъ къ завтраку. Дювивье по обыкновенію не было дома, онъ все разъѣзжалъ по дѣламъ. Впрочемъ, онъ всегда возвращался аккуратно къ обѣду, а по вечерамъ или гулялъ въ паркѣ, или запирался у себя „заниматься“. До сегодня Жермэна приписывала эту аккуратность съ его стороны перемѣнѣ къ лучшему, но теперь у нея являлись сомнѣнія насчетъ причинъ его вечернихъ уединеній, а въ памяти ея воскресали мелкія подробности весьма сомнительнаго свойства. Какъ! въ то самое время, какъ мужъ добивался отъ нея такой крупной жертвы, когда его спасеніе зависѣло отъ нея, а она, жалѣя его и забывая тяжелое прошлое, вела борьбу съ собственной совѣстью изъ-за него, онъ ставилъ ее въ такое позорное положеніе, подвергалъ непріятностямъ отъ дерзкой прислуги!.. Когда она вышла въ столовую, глаза ея были красны отъ слезъ негодованія. Ришаръ бросился къ ней на шею, восклицая:

— Мама опоздала!.. Штрафъ съ мамы! Два поцѣлуя!

Фернандъ тревожно посматривалъ на ея красные глаза и

Digitized by Google

блѣдность, и, считая себя виновнымъ передъ нею, неловко подошелъ къ ней и прильнулъ къ ея рукѣ долгимъ поцѣлуемъ. Жермэна кротко улыбнулась ему, а на тревожный вопросъ отца, не случилось ли какой новой непріятности, отвѣчала утвердительно, но добавила, что это пустяки. Просто, ей пришлось отказать Жюстинѣ, потому что та стала невыносимо лѣнива и дерзка; сегодня она вывела ее окончательно изъ терпѣнія, и она приказала ей оставить домъ немедленно. Апломбъ ея такъ великъ, что приказаніе это крайне изумило ее, и она почти объявила, что уѣдетъ тогда, когда это ей будетъ угодно.

Жермэнѣ хотѣлось, чтобы Жюстина уѣхала днемъ же, но та, подъ предлогомъ, что не успѣетъ уложиться, протестовала, говоря, что можно же дать ей дождаться девятичасового вечерняго поѣзда. Очевидно, она все разсчитывала на заступничество Дювивье, а Жермэна этого-то и хотѣла избѣжать; но, не желая давать пищи догадкамъ относительно настоящихъ причинъ ухода Жюстины, она уступила и съ тоскою стала ждать неизбѣжной сцены со стороны мужа. Подобныя бурныя объясненія были ей ненавистны, но въ рѣшительныя минуты она умѣла выказать твердость. Когда, вечеромъ, она услыхала стукъ колесъ экипажа, привезшаго Дювивье, а потомъ звукъ его шаговъ въ сѣняхъ и на лѣстницѣ, она вся замерла, въ припадкѣ позорнаго, унизительнаго страха, и выронила книгу изъ рукъ. Она прислушивалась, сдерживая дыханіе. Дювивье тяжело поднимался по лѣстницѣ и каждый шагъ его болѣзненно отдавался въ ея ушахъ; на послѣдней ступенькѣ онъ остановился, раздалось удивленное восклицаніе, потомъ шопотъ, стукъ отворяющейся и запирающейся двери. А затѣмъ воцарилось молчаніе. Дювивье заперся у себя,—но одинъ ли, или съ Жюстиной? Навѣрное, та подстерегла его и передаетъ о случившемся. Скоро дверь распахнулась, и чуткое ухо Жермэны различило чьи-то легкіе, быстрые шаги, а потомъ шаги Дювивье по направленію къ комнатѣ жены. Войдя, онъ прямо и рѣзко спросилъ, что̀ означаетъ вся эта драма и почему она отказала Жюстинѣ?—Да потому, что ея горничная стала лѣнива, небрежна и, вдобавокъ, дерзка. Очевидно, онъ ожидалъ другого и былъ удивленъ, а Жермэна добавила, что не измѣнитъ своего рѣшенія и не потерпитъ долѣе присутствія Жюстины.—Прекрасно! но не слѣдуетъ волноваться. Она имѣетъ полное право требовать отъ прислуги почтительности. Жюстина виновата, тѣмъ хуже для нея,—она должна уѣхать.

Слова его такъ мало соотвѣтствовали ея опасеніямъ, что

Digitized by Google

сначала Жермэна приняла ихъ за шутку, но, убѣдившись, что онъ говоритъ серьезно, она успокоилась. Она очень довольна, что онъ согласенъ съ нею вполнѣ. Жюстина оскорбила ее и не должна оставаться долѣе подъ однимъ кровомъ съ нею. Онъ походилъ нѣсколько минутъ по комнатѣ, посвистывая, освѣдомился о мальчикахъ и ушелъ, не выказывая и тѣни неудовольствія. Что это значитъ? Не повѣрила ли она опрометчиво дѣтскимъ сплетнямъ? Такое спокойное отношеніе Дювивье къ этой исторіи заставляло ее сомнѣваться въ его виновности. Она была обезоружена и вновь стала спрашивать себя, имѣетъ ли право отказывать мужу въ поддержкѣ, когда онъ стоитъ на краю бездны, и какимъ образомъ она можетъ это сдѣлать, безъ ущерба для своей честности?

По мѣрѣ того, какъ время шло, Дювивье становился все нервнѣе и ежеминутно спрашивалъ Жермэну, увѣрена ли она, что Роберти будетъ 21-го? Это—вопросъ жизни и смерти! Разъ онъ пріѣдетъ, онъ ни въ чемъ ей не откажетъ, стоитъ ей только захотѣть!.. Высказывалъ онъ эти чудовищныя мысли съ такимъ спокойнымъ цинизмомъ, что Жермэна порою сомнѣвалась въ его разсудкѣ. Не омрачился ли его разумъ отъ пережитыхъ треволненій; не потерялъ ли онъ всякое представленіе о добрѣ, злѣ, чести и низости? Понимаетъ ли онъ истинный характеръ своихъ требованій, примирился ли заранѣе съ возможными послѣдствіями ея вмѣшательства? Она не могла вѣрить этому, и пришла къ тому заключенію, что просто, въ виду возможной гибели, онъ пересталъ сознавать, что дѣлаетъ, и слѣпо ввѣрился ей, точно отнынѣ вся судьба его—въ ея рукахъ. Такое слѣпое довѣріе трогало ее, хотя она и не знала, какъ его оправдать.

Наканунѣ назначеннаго дня, не получивъ ни отъ кого извинительныхъ писемъ, онъ до того развеселился, что нарвалъ для жены букетъ розъ, разлюбезничался съ нею и потянулся даже обнять ее за талію и привлечь къ себѣ. Но она вся вспыхнула и вырвалась отъ него, возмущенная и оскорбленная такой грубой попыткой примиренія послѣ стольихъ лѣтъ равнодушія. Очевидно, онъ понялъ все, но не подалъ вида и продолжалъ расточать ей льстивыя похвалы и чуть не нѣжности. Она видѣла, что это уловка, но эти нѣсколько дней передышки дадутъ ей силы переносить дальнѣйшія невзгоды. Если мужъ измѣнится къ лучшему послѣ всѣхъ этихъ испытаній, и они заживутъ настоящею семейною жизнью, то она примирится съ потерею состоянія. Онъ будетъ работать; отецъ всегда поможетъ имъ; она забудетъ

Digitized by Google

прошлое, перестанетъ мечтать о счастіи и посвятитъ всю жизнь дѣтямъ.

Пока она предавалась такимъ думамъ, мужъ ея только и говорилъ, что объ успѣхахъ и удачахъ, а какъ только все у него пойдетъ хорошо, онъ устроитъ ей жизнь, достойную ея... До сихъ поръ ему не везло, да и дѣйствовалъ онъ наугадъ... Но теперь все у него разсчитано заранѣе... Его ждутъ огромные барыши... У нея будутъ туалеты, брилліанты... А когда она замѣтила, что прежде всего слѣдуетъ расплатиться съ долгами, то онъ отвѣчалъ, что долги, это—сущій вздоръ.

Разговоръ этотъ шелъ разъ вечеромъ на верандѣ; Дювивье сидѣлъ подлѣ жены и курилъ. Погода стояла теплая, но облачная. Онъ всталъ, потянулся, свистнулъ собаку, надѣлъ пальто, взялъ палку, отказавшись отъ предложеннаго зонтика, и ушелъ гулять, прося не безпокоиться, если онъ вернется поздно. Фернандъ попросился съ нимъ, но онъ его не взялъ, сказавъ, что идетъ сговориться съ лѣсничимъ Люге насчетъ завтрашней охоты —и ушелъ.

Жермэна послала мальчиковъ спать, освѣдомилась объ отцѣ и, узнавъ, что онъ въ своей комнатѣ, осталась одна на верандѣ, вдыхая съ наслажденіемъ теплый, влажный воздухъ. И незамѣтно она замечталась. То были не сонъ и не думы, а какое-то неясное, блаженное состояніе полузабытья. Она боялась пошевельнуться, чтобы не нарушить волшебныхъ чаръ. Такъ прошло болѣе часа; воздухъ посвѣжѣлъ, и внезапный шумъ крупныхъ капель дождя пробудилъ ее. Тотчасъ же она вспомнила, что мужъ ея не вернулся, прошла въ гостиную, позвонила и приказала вошедшему лакею отправиться за ея мужемъ къ лѣсничему Люге, захвативъ съ собою зонтикъ. Лакей ушелъ, а она прошла взглянуть, спокойно ли спятъ дѣти; тутъ часы пробили 11, она вспомнила, что не прощалась еще съ отцомъ, и отправилась къ нему. Но только-что она отворила дверь въ корридоръ, какъ, къ ея удивленію, въ этотъ же корридоръ вошелъ де-Масье, и притомъ со стороны черной лѣстницы. Онъ былъ закутанъ въ плащъ и осторожно пробирался къ себѣ, какъ бы опасаясь быть замѣченнымъ. Она окликнула его вполголоса; очевидно, онъ услышалъ окликъ, потому что какъ бы невольно обернулся въ ея сторону, но не отвѣчалъ и прошелъ къ себѣ. Жермэна встревожилась. Съ чего это отецъ какъ бы избѣгаетъ ея? Она постучалась къ нему и вошла. Въ комнатѣ было темно, и пахло только-что потушенной лампой.—Отчего онъ сидитъ въ темнотѣ?—А потому что лампа потухла отъ вѣтра.—Жер-

Digitized by Google

мэна нащупала спички, зажгла одну изъ нихъ и взглянула на отца. Одежда и сапоги его были забрызганы грязью, а въ углу комнаты валялся совершенно промокшій плащъ.—Гдѣ могъ онъ до того промокнуть? Зачѣмъ выходилъ изъ дому такъ поздно и въ такую непогоду? Долго ли захворать.—Онъ смущенно зажигалъ свѣчи, стоя спиной къ ней.—Ну, да, онъ хотѣлъ что-то скрыть отъ нея, чтобы она не тревожилась за него... Впрочемъ, онъ не могъ простудиться, потому что очень быстро шелъ.—Но куда же онъ ходилъ подъ дождемъ? Настоящій заговорщикъ!

И она ободрительно улыбалась отцу. Тотъ оправился и сказалъ ей, что надѣялся догнать ея мужа и поговорить съ нимъ серьезно. Въ темнотѣ у него хватило бы на это храбрости... Его не парализовали бы наглые глаза Дювивье... Да, сегодня онъ приготовился объясниться съ нимъ на чистоту...

Жермэна усадила отца, подала ему туфли и пытливо всматривалась въ глаза, пробуя прочесть въ нихъ то, чего старикъ не договаривалъ. Что жъ бы онъ ему сказалъ? Да все то, что накопилось у него на душѣ... Припомнилъ бы ему всѣ его спекуляціи, планы, безумныя фантазіи... его ложь, обманы... Вѣдь тамъ, на верандѣ, онъ все лгалъ ей, все лгалъ... Пора положить этому конецъ!

Жермэна нѣжно цѣловала его худыя, дрожащія руки.—Бѣдный отецъ, теперь поздно... Всѣ слова его будутъ безполезны, а самъ онъ только разстроится, расхворается.—Да не все ли равно? онъ и безъ того нездоровъ... А сегодня онъ ощущалъ въ себѣ приливъ силъ, энергіи, сегодня онъ не смутился бы передъ Дювивье... Но, къ сожалѣнію, онъ не встрѣтилъ его вовсе, хотя дошелъ до самаго дома Люге. Должно быть, онъ передумалъ по дорогѣ...—Ну, вотъ, а она послала ему зонтикъ съ лакеемъ! Они разойдутся!—Но не бѣда если онъ и промокнетъ; отъ этого не умираютъ.

Успокоивъ отца и уговоривъ его лечь, Жермэна сошла внизъ приготовить ему теплаго питья, и, возвращаясь назадъ съ чашкой въ рукѣ, встрѣтилась съ только-что вернувшимся мужемъ. Она спросила его, не очень ли онъ промокъ.—До самыхъ костей, несмотря на присланный ею зонтикъ.—Когда она сообщила де-Масье, что мужъ ея встрѣтилъ посланнаго съ зонтикомъ лакея, старикъ очень удивился, не понимая, гдѣ они могли встрѣтиться, разъ онъ не былъ у лѣсничаго. Къ лѣсничему дорога одна... Ну, все равно, пусть Жермэна идетъ спать и не тревожится о немъ.

На утро слѣдующаго дня, Жермэна встала блѣдная отъ без-

Digitized by Google

сонной ночи. Было 21-ое октября, тотъ рѣшительный день, на который Дювивье возлагалъ всѣ свои надежды. Теперь, утверждали ей, все зависитъ отъ нея одной, а она даже не знаетъ, рѣшится ли попытать счастья? Послѣ ночного ливня наступило ясное, чудное утро; живительный воздухъ вливалъ бодрость въ душу. Въ такую погоду въ человѣкѣ удвоиваются энергія и дѣятельность. Жермэна открыла окно, облокотилась на него и задумалась, заранѣе утомленная перспективой предстоящаго дня. Но разслышавъ голоса громко распѣвавшихъ въ своей комнатѣ мальчиковъ, она одѣлась и поспѣшила внизъ. Во дворѣ она столкнулась съ мужемъ, уже занятымъ приготовленіями къ встрѣчѣ гостей. Онъ обратился къ ней.—А! какова погода! Въ такіе дни все должно идти удачно, иначе и быть не можетъ. Впрочемъ, онъ разсчитываетъ на нее, безъ ея помощи ничего путнаго не выйдетъ. Ему необходимо привлечь Роберти и его друзей. Но онъ спокоенъ, онъ знаетъ, что она краснорѣчива, умна и съумѣетъ добиться своего... самымъ честнымъ образомъ, разумѣется.

Жермэна не отвѣчала ни слова на эти льстивыя фразы и заключительное упоминаніе о честности, прикрывающее двусмысленные намеки, съ цѣлью свалить на нее всю отвѣтственность за сдѣлку. Сколько низкаго лицемѣрія, подлости и корыстнаго эгоизма! Отъ охватившаго ее негодованія она онѣмѣла, но все же въ душѣ ея шевелилась доля жалости къ этому человѣку, доведенному, думала она, до отчаянія и ужаса разверзавшейся подъ его ногами бездной. Она давно уже освоилась съ мыслью о разореніи и скромной жизни съ дѣтьми и отцомъ, которому, конечно, удастся спасти крохи своего личнаго состоянія. Но что будетъ съ Дювивье? Очутившись безъ дѣла, въ тягость всѣмъ окружающимъ, не умѣя примириться съ убогой обстановкой новаго образа жизни, не падетъ ли онъ еще ниже, не погрязнетъ ли окончательно въ вертепахъ разврата? А ея бѣднымъ дѣткамъ придется отвыкать отъ роскоши, нуждаться и послѣ трудомъ зарабатывать свой хлѣбъ! Ахъ, еслибы она могла взять на себя одну всю тяжесть лишеній! Всякая перспектива казалась ей лучше и легче ожидавшей ее борьбы и неопредѣленнаго страха настоящей минуты. И въ это чудное, ясное утро душа ея была полна тяжелыхъ предчувствій и мрачныхъ мыслей о смерти. А вдругъ она умретъ?.. Что станетъ дѣлать ея мужъ, предоставленный самому себѣ? А ея бѣдныя дѣти, особенно Ришаръ?..

Рѣзкій свистокъ паровоза вывелъ ее изъ тяжелаго раздумья. Сію минуту пріѣдетъ Роберти!.. Какъ ей быть? что дѣлать? Ко-

Digitized by Google

нечно, она не заговоритъ съ нимъ сейчасъ же о дѣлахъ; потомъ, въ сумерки, послѣ охоты... Нѣтъ, она не пошевельнетъ и пальцемъ!.. Да будетъ на все Господня воля! Нѣтъ, она не унизится до этого! Ни за что... И она облегченно перевела духъ.

Дювивье и мальчики весело бросились къ подъѣзжавшимъ гостямъ, и только де-Масье, опустивъ голову и заложивъ руки за спину, шагалъ по боковой аллеѣ, останавливаясь по временамъ и жестикулируя, точно онъ велъ ожесточенный споръ съ невидимымъ противникомъ. Жермэна наблюдала за нимъ съ крыльца. Бѣдный отецъ, какъ онъ осунулся, измѣнился!

Среди гостей она тотчасъ же разглядѣла Роберти, который тоже скоро ее замѣтилъ и встревожился при видѣ ея необычайной блѣдности. Вотъ она, супружеская драма! Кто вырветъ Жермэну изъ этой каторжной жизни, губящей ея молодость и красоту?

Въ восторгѣ отъ того, что гости пріѣхали въ полномъ составѣ, Дювивье разсыпался въ любезностяхъ. Кромѣ самого Роберти, тутъ были его двоюродные братья, маркизъ де-Шато-Лаваль и де-Фальи, послѣдній—обладатель большого состоянія, графъ Дравелинскій—ярый спортсмэнъ и милліонеръ, нѣсколько менѣе значительныхъ лицъ, и, наконецъ, закадычный другъ Дювивье и его злой геній—Лериссé. Всѣ эти богатые, праздные люди приняли приглашеніе изъ любезности къ Роберти, а тотъ усиливался скрыть истинное положеніе мужа Жермэны. Дювивье уже смотрѣлъ на всѣхъ гостей какъ на своихъ будущихъ вкладчиковъ, невинныхъ соучастниковъ его предпріятія. Стоитъ ему только получить эти деньги—всѣ его дѣла поправятся. И онъ хвастливо сообщилъ сомнѣвающемуся Лериссé, что стоитъ Роберти сказать одно слово за него, и всѣ эти господа дадутъ ему свои подписи.

Сначала за завтракомъ замѣчалось мало оживленія, потому что многіе изъ гостей были въ домѣ впервые и не всѣ были хорошо знакомы другъ съ другомъ. Но шумная развязность и назойливое радушіе Дювивье, сначала непріятныя гостямъ, сдѣлали свое дѣло. Мало-по-малу гости развеселились, а такъ какъ присутствіе Жермэны и ея милая граціи скрашивали все, то разговоръ вскорѣ оживился. Когда заговорили о сегодняшней чудной погодѣ и припомнили вчерашній ливень, Жермэна разслышала, что мужъ разсказываетъ гостямъ, какъ она послала ему вчера зонтикъ, и спросила его съ улыбкой, а гдѣ же встрѣтилъ онъ посланнаго ею лакея? Да на полъ-пути отъ лѣсничаго. Де Масье удивился: онъ былъ вчера у Люге? — Ну, да, былъ, сговаривался о сегодняшней охотѣ.—Онъ былъ вчера

Digitized by Google

вечеромъ у Люге?—Необычная настойчивость старика встревожила Дювивье, почуявшаго ловушку, но онъ запелъ уже слишкомъ далеко, и потому еще разъ подтвердилъ, что былъ у Люге, и не постигаетъ, что̀ тутъ удивительнаго? Странно: де Масье тоже былъ у Люге, но Дювивье не видалъ, а потомъ лѣсничій проводилъ де Масье до дому, такъ и не видавъ Дювивье. Весь красный, Дювивье устремилъ на старика жесткій взглядъ.—Разговоръ этотъ неумѣстенъ при гостяхъ, они успѣютъ поговорить потомъ. „Зачѣмъ онъ лжетъ“? подумала Жермэна, но она не остановилась на этой мысли, давно уже не занимаясь закулисной стороной жизни мужа.

Передъ отъѣздомъ на охоту, пользуясь всеобщей суматохой, Роберти подошелъ къ Жермэнѣ, съ которой едва успѣлъ передъ тѣмъ обмѣняться немногими незначительными словами, а она, здороваясь съ нимъ, почувствовала въ немъ такую глубокую, горячую симпатію къ себѣ, что едва скрыла охватившее ее волненіе. Онъ спросилъ ее, почему Дювивье такъ сіяетъ?—Мужъ радуется ихъ пріѣзду.—Но она должна знать, почему и для кого онъ, Роберти, пріѣхалъ! Онъ хорошо знаетъ, что Жермена—натура гордая и мужественная. Но развѣ добрый другъ ничего не значитъ? Онъ преданъ ей всей душой, она смѣло можетъ довѣриться ему.

Она слушала его съ грустной улыбкой и влажными глазами. Но его позвали, и онъ поспѣшно нагнулся къ ней, прося непремѣнно устроить такъ, чтобы имъ удалось переговорить сегодня вечеромъ на свободѣ. Она не подозрѣваетъ, какъ онъ ее любитъ и на что̀ онъ способенъ ради нея! Но его вторично окликнули, а Дювивье, издали съ удовольствіемъ наблюдавшій за разговоромъ жены съ Роберти, имѣлъ нахальство добавить, что этого Роберти непремѣнно погубятъ женщины. И только-что тотъ отошелъ отъ Жермэны, какъ Дювивье шепнулъ ей на ухо:

— Браво, Жермэна!—все идетъ превосходно. Я чувствую, что побѣда за мною! Увидишь!

Еслибы онъ взглянулъ на лицо неподвижно стоявшей передъ нимъ жены, которая не отвѣтила ему ни слова и даже не подняла на него глазъ, его увѣренность поколебалась бы. Она сопоставляла нагло торжествующія слова мужа съ заключительнымъ увѣреніемъ Роберти. На что̀ только способенъ онъ ради нея! Какое искушеніе! Стоитъ ей захотѣть, произнести одно слово! Но она его не произнесетъ!

Въ самую послѣднюю минуту во дворъ вошелъ Фернандъ въ сопровожденіи де Масье. Старикъ былъ въ полномъ охот-

Digitized by Google

ничьемъ костюмѣ; вся фигура его носила слѣды крайняго утомленія послѣ вчерашней прогулки подъ дождемъ. Нѣжно обнявши мать, Фернандъ попросилъ позволенія сопровождать охотниковъ, чтобы только посмотрѣть на охоту. Она разрѣшила, но стала уговаривать отца не ѣздить, разъ онъ до того утомленъ. Старикъ, не слушая, сказалъ ей на ухо, что Дювивье солгалъ за завтракомъ, и былъ онъ не у Люге, а на фермѣ Дюбрёйль; что подъ всѣмъ этимъ должна крыться какая-нибудь новая гнусность. И онъ уѣхалъ съ охотниками.

Когда экипажъ скрылся изъ вида, Ришаръ, которому было скучно безъ брата, сталъ ласкаться къ матери и просить ее погулять съ нимъ въ такую чудную погоду. Они могутъ пойти въ лѣсъ за грибами, это такъ весело.—Хорошо, идемъ.

Въ лѣсу было тихо, спокойно, и понемногу душа Жермэны проникалась яснымъ равнодушіемъ. Она присѣла у подножія высокаго бука, пока Ришаръ собиралъ грибы. Легкая дрёма обволакивала еще прозрачнымъ покрываломъ ея мысль; всякое горькое чувство пропало, смѣнившись неопредѣленнымъ оптимизмомъ, неясной надеждой на какое-то избавленіе. Издали до нея доносились звуки перестрѣлки, не вызывая никакого представленія о смерти или страданіи, а лишь картину забавы. Вдоволь насобиравши грибовъ, Ришаръ отдыхалъ теперь подлѣ матери, уже давно погрузившейся въ сладкое забытье. Но дѣти не могутъ отдыхать подолгу, и скоро Ришаръ заговорилъ съ матерью, а потомъ предложилъ идти дальше. Она согласилась, и они отправились въ путь. Освѣженная и успокоенная, Жермэна весело рѣзвилась съ сыномъ, бѣгала съ нимъ въ перегонку и улыбалась, глядя на оживленное, беззаботное лицо мальчика. Но, рѣзвясь, они сбились съ пути, и Жермэна остановилась, не соображая — гдѣ они. Она постаралась оріентироваться, потому что имъ пора домой. Побѣгавши немного, онъ скоро объявилъ матери, что узналъ, куда они зашли, потому что вотъ ферма Дюбрёйль. При этомъ имени Жермэна вздрогнула, всѣ огорченія ея жизни вновь воскресли въ ея душѣ, и ей припомнились слова отца о томъ, что Дювивье былъ вчера здѣсь, и что подъ этимъ должна крыться новая гнусность. Ришаръ тянулъ ее за руку, удивляясь, что она вдругъ идетъ такъ медленно. Не устала ли она?—Нѣтъ, но она не желаетъ заходить на ферму. Это безполезно, потому что вотъ по этой дорожкѣ они дойдутъ до Варэнгивиля въ двадцать минутъ. Когда они вышли изъ лѣсу и очутились передъ раскрытыми воротами двора фермы, Ришаръ заинтересовался видомъ этого двора. Голосъ его разбу-

Digitized by Google

дилъ дремавшую большую сторожевую собаку, которая залаяла, а это заставило двухъ женщинъ, сидѣвшихъ съ работой на порогѣ дома, поднять головы. Одна изъ нихъ поспѣшно откинулась назадъ, но Жермэна уже успѣла узнать въ ней Жюстину. Жермэна схватила Ришара за руку и бросилась стремительно впередъ, трепеща, чтобы и онъ не увидалъ того, что̀ увидѣла она.

Она все поняла, и у нея захватило духъ отъ негодованія. Какая низость и лицемѣріе! Она не была огорчена, а только озлоблена. Давно уже не ждала она отъ мужа ни любви, ни вѣрности, но теперь его недавнія попытки супружеской любезности выступали въ такомъ омерзительномъ свѣтѣ, что она вся дрожала отъ гнѣва при одной мысли вновь очутиться лицомъ къ лицу съ этимъ человѣкомъ, прикоснуться къ его рукѣ. Скажетъ она ему, что видѣла Жюстину, или нѣтъ? Въ сущности, что̀ же! Однимъ оскорбленіемъ больше—и только.

Когда они очутились въ виду Варэнгивиля, Ришаръ сталъ наивно восторгаться его красотой, а Жермэна подумала, что скоро они лишатся всей этой роскоши, и дѣти узнаютъ невзгоды и лишенія! Ей пришло въ голову, что причиною подобныхъ катастрофъ почти всегда являются разныя „Жюстины“, и роковымъ образомъ дѣти платятся за пороки своихъ отцовъ. Вся душа въ ней возмущалась передъ этимъ неумолимымъ закономъ наслѣдственности, передъ этой передачей пороковъ и проистекающихъ отъ нихъ черезъ кровь недуговъ, передъ солидарностью позора. Гдѣ же справедливость, о, Господи?!

Но что̀ тамъ такое?.. Вдоль рѣшотки замка двигалась кучка людей, впереди которыхъ группа загонщиковъ несла что-то тяжелое... Часъ былъ еще слишкомъ ранній, чтобы предположить, что охота уже кончилась. И Жермэна сейчасъ же вскрикнула:—Должно быть, случилось несчастіе... Фернандъ!..—она хотѣла броситься впередъ, но застыла на мѣстѣ, блѣдная отъ ужаса. Еле стояла она на ногахъ, и изъ глубины ея истерзаннаго сердца поднималась горячая молитва къ Всевышнему! Но какъ могла она жаловаться? Какъ смѣла роптать?.. Что̀ такое разореніе и позоръ въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ ждетъ ее тамъ?.. Она все спрашивала Ришара, видитъ ли онъ дѣда и Фернанда; Жермэна не смѣла произнести имени Роберти, хотя въ душѣ она боялась и за него. Группа идущихъ людей медленно огибала лужайку и остановилась передъ крыльцомъ. И Жермэна ясно различала теперь носилки съ какой-то темной массой на нихъ.

Когда Жермэна подходила съ сыномъ къ рѣшоткѣ, ихъ замѣтили; отъ кучки у крыльца отдѣлились двое и направились

Digitized by Google

къ нимъ. Одинъ изъ подходившихъ былъ лѣсничій, а другой—Роберти. Что случилось?—спросила Жермэна, несчастіе?—Да...—Съ ея сыномъ?—Нѣтъ...—Лѣсничій приподнялъ фуражку и сказалъ, что случилась бѣда съ господиномъ Дювивье.—Съ ея мужемъ!..

Первымъ инстинктивнымъ движеніемъ Жермэны было чувство избавленія. На вопросъ Жермэны, опасна ли рана, лѣсничій сказалъ, что цѣлый зарядъ—не шутка, а Роберти добавилъ, что положеніе весьма серьезно... Докторъ уже тутъ.—А священникъ?..—Безполезно... Убитъ наповалъ.

Шатаясь, подошла она къ крыльцу и слушала точно сквозь сонъ разсказъ лѣсничаго. Какъ это случилось, никому неизвѣстно. Стояли всѣ охотники въ одну линію, спиной къ рощѣ. Когда показалась дичь, поднятая загонщиками, Фернанду захотѣлось выстрѣлить; ружья у него не было, отецъ далъ ему свое и наклонился къ нему, чтобы помочь цѣлиться, какъ вдругъ вскрикнулъ и упалъ точно подкошенный. Бросились его поднимать, но все было кончено, выстрѣлъ попалъ ему прямо въ спину.—Жермэна слушала, не понимая, но послѣднія слова поразили ее. Въ спину? Какъ это могло случиться?—Не рикошетъ ли?—предположилъ Роберти. Но лѣсничій пробормоталъ, что хорошъ рикошетъ, убивающій наповалъ, какъ выстрѣлъ въ упоръ.

Вмѣстѣ съ де-Масье, молчаливо прижавшимъ ее къ сердцу, вошла она въ билліардную, гдѣ лежалъ трупъ Дювивье, и гдѣ въ креслѣ рыдалъ Фернандъ. Увидя мать, онъ бросился къ ней на шею. Мѣстный докторъ, уже освидѣтельствовавшій трупъ, разговаривалъ съ гостями. Передъ Жермэною всѣ разступились. Лицо покойника не измѣнилось; смерть застала его врасплохъ; казалось, вотъ-вотъ онъ встанетъ и заговоритъ. Но нѣтъ, онъ внезапно предсталъ передъ неподкупнымъ Судіей, предсталъ, погрязшій въ своихъ страстяхъ, дурныхъ намѣреніяхъ и порокахъ. Съ трепетомъ думала Жермэна о жестокости такой внезапной смерти, добровольно принимая на себя его грѣхи. Въ эту роковую минуту ей вспомнилось, что она связана съ этимъ человѣкомъ передъ ликомъ Господнимъ. И долго молилась она на колѣняхъ подлѣ трупа.

Когда всѣ разъѣхались, Жермэна нашла Ришара въ постели. Съ нимъ случился обморокъ, и Роберти снесъ его наверхъ. Теперь мальчикъ бился въ истерическомъ припадкѣ. Увидя мать, онъ сталъ просить ее не покидать его, и она присѣла къ нему съ Фернандомъ, тоже прижавшимся къ матери. Внизу де-Масье дѣлалъ необходимыя распоряженія. Фернандъ сталъ шопотомъ передавать матери исторію катастрофы: — Это было ужасно,

Digitized by Google

мама!.. Папа наклонился ко мнѣ... вдругъ онъ вскрикнулъ, выронилъ изъ рукъ ружье и упалъ... Выстрѣлы раздавались со всѣхъ сторонъ, и мальчикъ не разобралъ, который именно убилъ его отца. Подлѣ нихъ стояли лѣсничій Люге и Роберти, къ которому во время выстрѣла Дювивье стоялъ спиной.—Жермэна вздрогнула...—Отецъ былъ раненъ въ спину, не такъ ли?—Этого ребенокъ не зналъ, потому что его сейчасъ же увели съ мѣста несчастія. Онъ слышалъ только, что толковали про рикошетъ... Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Роберти, на лѣсномъ поворотѣ, стоялъ Лериссе, который стрѣляетъ плохо и неосторожно. Можетъ быть, онъ и есть виновникъ несчастія?—Не слѣдуетъ никого обвинять: это—единственное средство не ошибиться.

Когда мальчики успокоились и заснули, Жермэна прошла къ отцу, выказывавшему съ минуты катастрофы необычайное спокойствіе и хладнокровіе. При видѣ дочери онъ подошелъ къ ней съ вопросомъ, не больна ли она? Нѣтъ, но ей тяжело на душѣ и хочется поговорить съ нимъ.—Хорошо, поговоримъ. Не находитъ ли она, что теперь особенно необходимо не таиться передъ самимъ собою? Вѣдь если взглянуть на случившееся безъ уступокъ принятымъ предразсудкамъ, то придется сознаться, что событіе это ужасно лишь потому, что оно непредвидѣнно и непоправимо, но несчастія тутъ нѣтъ... Когда подумаешь, до какой крайности дошелъ покойный, какіе были у него рискованные, опасные для чести замыслы, то смерть его покажется ниспосланною самимъ Провидѣніемъ справедливостью... Онъ причинилъ много зла, исправить его не могъ, и исчезновеніе его есть актъ правосудія... Пусть она все проститъ ему,—это достойно ея,—но пусть она не относится несправедливо къ невѣдомой рукѣ, освободившей ее. На этотъ разъ случай не былъ слѣпъ. Молиться ей никто не возбраняетъ, но пусть она не забываетъ, что отнынѣ она спасена!

Жермэна упомянула, послѣ нѣкотораго молчанія, о томъ, что, по словамъ лѣсничаго, выстрѣлъ былъ произведенъ въ упоръ.—Это возможно! Но онъ ничего объ этомъ не знаетъ, потому что находился на противоположномъ концѣ поля.—А если мужъ ея палъ жертвой злого умысла или мести?—Чего она только не выдумаетъ! Дѣло гораздо проще, и къ несчастію, подобныя оплошности на охотѣ вовсе не рѣдкость... Неопытные и неосторожные охотники стрѣляютъ зачастую какъ попало... А если лѣсничіе, какъ она говоритъ, подозрѣваютъ тутъ что-то другое, такъ просто потому, что народное воображеніе вообще направлено въ мрачную сторону...—Все равно, она думаетъ, что слѣдуетъ потребо-

Digitized by Google

вать судебнаго слѣдствія, это необходимо для ея спокойствія и для успокоенія общественнаго мнѣнія...—Пожалуй, она и права... судебное слѣдствіе можетъ положить конецъ всякимъ подозрѣніямъ и легендамъ.—А вдругъ близкій и дорогой ей человѣкъ окажется невинно скомпрометтированнымъ обманчивыми доказательствами?..—Господи, кого онъ подразумѣваетъ?—А она сама кого же осмѣливается подозрѣвать?—Боже избави! никого она не подозрѣваетъ... Напротивъ, она именно хочетъ, чтобы никто не подвергался невинно подозрѣнію. Но огласка нужна. Это необходимо для ея душевнаго спокойствія.

III.

Судебное слѣдствіе ровно ничего не обнаружило. Дювивье не былъ любимъ, но и враговъ у него въ округѣ не было. Пробраться врагу въ лѣсъ посреди бѣла дня и въ присутствіи стольких людей было бы непостижимою дерзостью. Розыски на мѣстѣ происшествія не привели ни къ чему, такъ что предположеніе злоумышленія было отстранено, и смерть Дювивье приписана одной изъ тѣхъ ужасающихъ оплошностей, въ которыхъ случайный виновникъ не смѣетъ признаться.

Жермэнѣ пришлось промаяться нѣсколько недѣль съ Ришаромъ, расхворавшимся сильнѣйшей нервной лихорадкой,—результатъ испытаннаго имъ потрясенія. Прошло два мѣсяца. Въ концѣ декабря, де-Масье, распутавъ запутанныя дѣла Дювивье, объявилъ Жермэнѣ, что когда долги будутъ уплачены съ помощью продажи Варэнгивиля и парижской обстановки, у него останется еще 18 тысячъ франковъ годового дохода. Конечно, это немного, но честь имени спасена. Жермэна искренно обрадовалась и благодарила отца, но для полнаго ея успокоенія ей все же недоставало объясненія причины смерти мужа. Мысль эта преслѣдовала и мучила ее; ей казалось, что покойный кричитъ ей:—Ищи!.. Послѣднее слово еще не сказано! Не думай, что ты совсѣмъ избавилась отъ меня... Слѣдствіе не нашло виновнаго, но оно же опредѣлило, что никакого рикошета не было: выстрѣлъ произведенъ почти въ упоръ. Значитъ, все дѣло въ неловкости одного изъ сосѣдей Дювивье. Но всего ближе къ нему стояли Люге и Роберти... Ружье перваго оказалось неразряженнымъ, а второго нельзя заподозрить ни въ неосторожности, ни въ неловкости. Слова ея поразили и встревожили де-Масье.—Неужели она подозрѣваетъ Роберти?—Нѣтъ, все ея существо протестуетъ про-

Digitized by Google

тивъ возможности считать его убійцей... Но она должна признаться отцу, что Роберти любитъ ее, и Дювивье являлся единственнымъ препятствіемъ... Смерть его была выгодна одному Роберти... а на охотѣ онъ стоялъ совсѣмъ близко отъ него... ужасъ!—И она зарыдала. На вопросъ де-Масье, любитъ ли она Роберти? она не знала, что отвѣчать. Знаетъ ли она сама, что она существуетъ? При жизни мужа Жермэна и думать объ этомъ не смѣла, а съ тѣхъ поръ, какъ она свободна, ее мучитъ таинственность этой смерти... Но отецъ-то знаетъ, что его Жермэна любитъ Роберти, и что тотъ достоинъ ея. Старикъ разсчитываетъ, что именно Роберти примиритъ ее съ жизнью. И съ ея стороны безумно питать такія подозрѣнія насчетъ этого славнаго, честнаго человѣка... И все это на основаніи какихъ-то химеръ болѣзненно-настроеннаго воображенія. Это неблагодарность къ такому другу... Много ли останется у нихъ теперь друзей? А этотъ всегда будетъ вѣренъ и преданъ ей; онъ готовъ дать ей то счастіе, котораго она доселѣ не знала... а она подозрѣваетъ его именно изъ-за его любви къ ней! Да любовь должна была бы смыть въ ея глазахъ даже виновность.—Это ужасно! Она не допускаетъ, чтобы любовь могла загладить преступленіе. Зло не можетъ исходить отъ добра. Любовь должна вызывать чувства благородныя, возвышенныя, пожалуй даже экзальтированныя, но ничего низкаго, предательскаго... Любовь не можетъ требовать награды за преступленіе. Пусть лучше отецъ скажетъ, что Роберти невиновенъ, неспособенъ на такое преступленіе, что онъ именно таковъ, какимъ она его считала и какимъ любитъ его и теперь, несмотря на мучительныя сомнѣнія.—Да, разумѣется, Роберти невиненъ, и сомнѣній тутъ быть не должно... Она можетъ повѣрить отцу: Роберти невиненъ!

Въ эту минуту Жермэну особенно поразили блѣдность и худоба отца. Что съ нимъ?—Ничего, онъ усталъ; его замучили эти непривычныя для него хлопоты. Онъ измучился, отстаивая ее и дѣтей. Вотъ она говоритъ, что любовь внушаетъ „благородныя мысли, великодушныя чувства“. Это—фразы: истинная любовь дѣйствуетъ... забываетъ себя, приноситъ себя въ жертву, если нужно.—Бѣдный отецъ, онъ имъ это доказалъ... Да, именно доказалъ... Въ душѣ Жермэны росли тревога и опасеніе лишиться отца. Ему непремѣнно надо отдохнуть. Что будетъ съ ними безъ него!..

На другой день разговора съ отцомъ Жермэна была очень встревожена состояніемъ Ришара, кашлявшаго ночью, а также видомъ отца. Старикъ точно сразу потерялъ энергію, поддерживавшую

Digitized by Google

его со дня катастрофы, осунулся, точно весь съёжился. Лицо пожелтѣло и похудѣло, а глаза подъ очками казались мутными и впавшими. На вопросы испуганной Жермэны де-Масье отвѣчалъ, что его вновь мучатъ безсонницы.

Послѣ завтрака онъ объявилъ, что поѣдетъ въ Парижъ съ Фернандомъ. Гувернера держать Жермэна больше не могла и отдала мальчика въ училище на полный пансіонъ. Шелъ снѣгъ, и намѣреніе отца ѣхать въ такую погоду удивило ее, но тотъ сказалъ, что ему необходимо ѣхать, чтобы навести справки по поводу одного плана, пришедшаго ему въ голову ночью. Но онъ вернется къ обѣду, если ничто его не задержитъ.—Нѣтъ, она не допускаетъ, чтобы его что-нибудь задержало. И она шутливо погрозила ему, но онъ не улыбнулся. Онъ вышелъ съ Фернандомъ, почти шатаясь, но сейчасъ же вернулся подъ предлогомъ посмотрѣть, не забылъ ли онъ чего? Нѣтъ, разсѣянный папа ничего не забылъ. Онъ обнялъ ее и нѣжно нѣсколько разъ поцѣловалъ.—Она знаетъ, что она была единственной любовью его жизни, и за это можно вѣдь все простить!—Да ей не за что прощать его, напротивъ, она благословляетъ его за все то, что онъ для нихъ сдѣлалъ... Онъ простился еще разъ и вышелъ, а Жермэна слѣдила въ окно за тяжелой походкой его согбенной фигуры.

Въ тотъ же день явился въ Варэнгивиль Роберти, но его не приняли. Хотя онъ былъ уже разъ двадцать, онъ ни разу не видалъ Жермэны иначе, какъ въ присутствіи отца и дѣтей, а ея грустно-сдержанныя манеры съ нимъ безпокоили и огорчали его. Сначала онъ приписывалъ ея перемѣну заботамъ и болѣзни Ришара; быть можетъ, она держалась такъ съ нимъ на первыхъ порахъ изъ деликатности. Перебравъ всевозможныя самыя утонченныя побужденія, внушавшія ей эту сдержанность, онъ сталъ находить въ концѣ концовъ подобное отношеніе къ себѣ оскорбительнымъ и тягостнымъ. Сегодня Жермэна чуть было не уступила его настояніямъ, но между нею и этимъ человѣкомъ, любимымъ сначала тайно, а теперь явно, вставалъ окровавленный призракъ покойнаго мужа. Слова отца, защищавшаго Роберти, не успокоили ее; отецъ любитъ Роберти и не слыхалъ его знаменательной фразы передъ охотой о томъ, на что онъ способенъ ради нея! Въ связи съ невыгодной для него обстановкой катастрофы, слова эти поднимали теперь въ ея душѣ мучительныя сомнѣнія. И она отказалась принять Роберти, который написалъ ей нѣсколько холодныхъ фразъ: боясь быть нескромнымъ, онъ не явится болѣе къ г-жѣ Дювивье, пока не получитъ отъ

Digitized by Google

нея разрѣшенія явиться. Жермэна до того огорчилась, что чуть не пригласила его, но не исполнила своего намѣренія, потому что въ головѣ ея снова возникъ вопросъ: кто же убійца?

Вечеромъ, Фернандъ, ѣздившій пока въ Парижъ на репетиціи, вернулся одинъ. Дѣдушка сказалъ, что сегодня ему удобнѣе ночевать тамъ, и просилъ не безпокоиться. На другой день мальчикъ вернулся опять одинъ съ извѣстіемъ, что дѣдушка куда-то уѣзжаетъ, почти уже уложился и прислалъ мамѣ письмо. Глубоко изумленная, Жермэна прочла слѣдующія строки: „Я пришелъ къ заключенію, дорогая моя, что послѣ всѣхъ этихъ потрясеній, и мнѣ, и Ришару, и самой тебѣ будетъ полезна перемѣна воздуха. Я не хотѣлъ говорить тебѣ объ этомъ, не посовѣтовавшись предварительно съ нашимъ докторомъ, который совершенно согласенъ со мною. Къ тому же мнѣ надо было узнать, въ нашихъ ли средствахъ подобный расходъ. Теперь все это выяснилось, и докторъ совѣтуетъ намъ ѣхать на югъ сейчасъ же, не теряя времени. А потому я уѣзжаю сегодня же вечеромъ, не дожидаясь твоего согласія,—чтобы подыскать намъ квартиру. Хорошо зная тебя, дорогая моя, я ни минуты не сомнѣваюсь въ твоемъ согласіи, разъ дѣло идетъ о здоровьѣ любимыхъ тобою близкихъ, о твоемъ старикѣ отцѣ и маленькомъ Ришарѣ. Фернандъ можетъ преспокойно обойтись безъ насъ мѣсяца два или три, о немъ тебѣ нечего безпокоиться, а перемѣна климата и мѣста будетъ весьма полезна и самой тебѣ. Ѣду я въ Ниццу, и какъ только подыщу тамъ что-нибудь подходящее, вызову тебя немедленно. Пиши мнѣ поскорѣе о себѣ и о дѣтяхъ, дорогая и нѣжно любимая дочь моя. Адресуй письма въ почтамтъ, до востребованія. Вдали отъ васъ мнѣ будетъ такъ тяжело! Поцѣлуй дѣтей за меня; они не подозрѣваютъ, до чего я ихъ люблю и какъ мнѣ будетъ скучно безъ нихъ".

Фернандъ очень удивился, когда мать передала ему содержаніе письма отца. И какой же дѣдушка! Онъ провелъ съ нимъ добрые полчаса, и не упомянулъ о такомъ скоромъ отъѣздѣ и даже не поцѣловалъ его на прощанье, а только протянулъ два пальца. Жермэна тоже находила отца страннымъ, и этотъ внезапный отъѣздъ, несмотря на всѣ его уважительныя причины, смутно тревожилъ ее. Однако, внезапность отъѣзда смягчалась удовольствіемъ предстоящей поѣздки. Она была чрезвычайно рада вырваться на свободу, отряхнуть тяжелыя впечатлѣнія, преслѣдующія ее въ этомъ замкѣ, свидѣтелѣ такой кровавой трагедіи, пожить спокойно въ новомъ мѣстѣ. Черезъ нѣсколько дней она получила письмо отъ отца, а потомъ нѣсколько краткихъ запи-

Digitized by Google

сокъ, извѣщавшихъ ее, что онъ не нашелъ еще ничего подходящаго для нихъ. Жермэнѣ казалось, что отецъ самъ создаетъ себѣ затрудненія изъ мелочей, точно не спѣшитъ выписывать ихъ къ себѣ, а это казалось необъяснимымъ въ сопоставленіи съ нѣжными, почти страстными выраженіями его писемъ. Такъ протянулись двѣ долгія недѣли. Наконецъ, де-Масье нашелъ подходящую для нихъ виллу въ Виллафранкѣ, и Жермэна переѣхала дня на три въ Парижъ, передъ отъѣздомъ въ Ниццу, чтобы покончить съ кой-какими дѣлами и повидаться съ Фернандомъ, окончательно водворившимся въ училищѣ. За неимѣніемъ собственной, она остановилась въ скромной квартиркѣ отца и сказала его старой кухаркѣ, что беретъ ее съ собою по его желанію. Старуха уже знала это изъ личнаго письма хозяина и порадовалась, что онъ такъ хорошо, ясно пишетъ, а то она, было, за него побаивалась. Онъ былъ какъ будто не въ себѣ передъ отъѣздомъ, стоналъ на всю квартиру, а на вопросы не отвѣчалъ, точно вовсе не слышалъ ихъ... Должно быть, ужъ черезчуръ захлопотался. И дѣйствительно, письмо отца къ кухаркѣ было до того ясно и точно, что Жермэна внутренно успокоилась.

Въ день своего отъѣзда, возвращаясь поздно домой, Жермэна встрѣтила во дворѣ Роберти. Первымъ ея движеніемъ было убѣжать, но она не посмѣла, подала ему не безъ колебанія руку, но сейчасъ же отдернула ее и потупилась подъ его грустнымъ взглядомъ. Онъ не смѣлъ искать встрѣчи съ нею, онъ былъ тутъ у одной родственницы, и вотъ... Но разъ ужъ это такъ вышло, то онъ воспользуется случаемъ, чтобы поговорить съ нею и узнать, почему она такъ странно избѣгаетъ его? На дворѣ объясняться было неловко, и она пригласила Роберти послѣдовать за нею въ кабинетъ отца. Вся дрожа отъ волненія, она упала въ кресло, а онъ забросалъ ее вопросами.—Почему она его упорно не принимаетъ, обращается съ нимъ какъ съ врагомъ или предателемъ?.. Чѣмъ онъ провинился?.. За что она такъ жестоко къ нему перемѣнилась? Ледяной пріемъ, никакой интимности или довѣрія... Точно ей неловко въ его присутствіи... Вѣдь этакъ можно убить себя съ отчаянія!.. Пусть она прямо скажетъ ему, въ чемъ дѣло. Не оклеветали ли его?...—Нѣтъ, никто не клеветалъ на него... Кто же посмѣлъ бы обвинить его?.. Но онъ не отдаетъ себѣ отчета, до чего ее потрясла смерть мужа... такая трагическая... *необъясненная*... И, глядя ему прямо въ глаза, она добавила, что онъ долженъ бы понять это.—Нѣтъ, онъ не можетъ понять, чтобы горе отталкивало ее отъ друзей. Конечно, это грустно, но, несмотря на все его уваженіе къ ней, такая чрезмѣрная скорбь

Digitized by Google

его все же удивляетъ... Всѣ знаютъ, что она не была счастлива съ мужемъ, и преждевременная кончина злополучнаго Дювинье была даже принята ея друзьями за неожиданный для нея выходъ изъ тяжелаго положенія... Онъ ничуть не желаетъ нападать на покойнаго, лично онъ никогда ничего не имѣлъ противъ него, онъ думалъ только о ея счастіи и спокойствіи и заклинаетъ ее сказать ему теперь, чѣмъ заслужилъ онъ ея немилость... Всѣ поступки его были всегда внушены ему безусловной преданностью ей, честное слово!.. а также и его любовью, глубины которой она даже не подозрѣваетъ...—Жермэна затрепетала. Сначала тронутая его присутствіемъ, трепетнымъ голосомъ, мужественнымъ взглядомъ, а главное—любовью къ ней, она до того испугалась его послѣднихъ словъ, что откинулась съ ужасомъ на спинку кресла.—Что съ нею? Онъ проситъ прямого, яснаго отвѣта. Но онъ не хочетъ понять, что катастрофа еще слишкомъ близка, и ей не по себѣ въ присутствіи того друга, чувства котораго особенно оскорбили бы ея мужа, еслибы онъ ихъ зналъ. Хорошо, онъ уважаетъ и чтитъ всѣ ея душевныя качества, даже когда онѣ кажутся ему преувеличенными,—но какъ это радость, доставляемая ему ея присутствіемъ, можетъ оскорблять въ могилѣ того, кто и при жизни такъ мало дорожилъ тѣмъ, что такъ безгранично дорого ему?.. Онъ готовъ молчать, разъ она этого желаетъ, но онъ такъ давно любитъ ее,—пусть же она будетъ добрѣе и справедливѣе къ нему. Онъ любилъ ее такъ терпѣливо, почтительно и постоянно... Прошлаго никакъ не вернешь, и она не просила такой развязки. Теперь ей слѣдуетъ смотрѣть не назадъ, а впередъ. Стоитъ ей захотѣть, и онъ дастъ ей спокойствіе и безопасность. Чего она боится?—И онъ прижался губами къ ея рукѣ... Съ какой радостью пожала бы она его руку, еслибы могла отогнать отъ себя окровавленный призракъ! Но ее окликнули, и она сказала съ натянутой улыбкой, что очень боится опоздать на поѣздъ. Но онъ такъ горячо просилъ сказать ему хоть слово или подарить взглядомъ, что она подняла на него свои большіе, влажные и чистые глаза, слабо улыбнулась, протянула руку, прошептала:—Прощайте, другъ мой!—и вышла изъ комнаты.

Въ поѣздѣ Ришаръ оживленно болталъ, а Жермэна мало-по-мало успокоивалась, по мѣрѣ того, какъ удалялась отъ Парижа. Но подъ утро одинъ странный случай болѣзненно подѣйствовалъ на ея надорванное воображеніе. Поѣздъ остановился въ Марсели при слабомъ свѣтѣ занимающагося утра; возвращаясь изъ буфета съ чашкой бульона для Ришара, Жермэна

Digitized by Google

нашла мальчика въ возбужденномъ состояніи. Онъ утверждалъ, что сейчасъ видѣлъ дѣдушку, вонъ въ той двери залы. Онъ хотѣлъ броситься къ дѣдушкѣ, но тотъ исчезъ, заслоненный проходящими путешественниками, и мальчикъ не знаетъ, куда онъ дѣвался.—Не можетъ быть, ему померещилось, дѣдушка не сталъ бы прятаться отъ нихъ.—Но ребенокъ чуть не плакалъ, утверждая, что отлично узналъ дѣдушку. Чтобы успокоить его, она, не придавая словамъ ребенка никакого значенія, все-таки стала оглядывать всѣхъ проходящихъ, но отца между ними не нашла. Въ Виллафранкѣ Жермэну встрѣтилъ на вокзалѣ камердинеръ де-Масье и сообщилъ, что онъ уѣхалъ по важному дѣлу. Именно въ Марсели поѣзда должны были скреститься! Въ Марсели! Жермэна остолбенѣла, а Ришаръ повторялъ, что говорилъ же онъ, что дѣдушка въ Марсели... Все это было очень загадочно, и зловѣщія предчувствія охватили Жермэну. Камердинеръ отца ея ничего не зналъ: де-Масье уѣхалъ, не взялъ его съ собою для того, чтобы онъ проводилъ Жермэну, и самъ снесъ въ ея комнату письмо, котораго камердинеръ не смѣлъ потому захватить съ собою. Дорога до нанятой отцомъ виллы казалась Жермэнѣ безконечною; она не чувствовала ни благоуханія цвѣтовъ, ни пріятнаго морского вѣтерка, будучи вся охвачена страшной тревогой. Какъ странно это бѣгство ея отца въ самый день ея пріѣзда съ больнымъ ребенкомъ! Не есть ли это признакъ начинающагося умственнаго разстройства? И, пріѣхавъ, Жермэна торопливо прошла прямо въ предназначенную ей комнату, гдѣ на мраморѣ камина лежало письмо отца. Онъ писалъ: „Я крайне огорченъ, дорогая моя, что не могу встрѣтить тебя, но я вынужденъ уѣхать. Знаю и чувствую, какъ тебѣ будетъ тяжело и горько не найти меня въ такую минуту, когда присутствіе мое тебѣ особенно дорого, когда ты очутишься одна, съ больнымъ ребенкомъ, въ чужой странѣ. Все это очень грустно. Не вини меня, однако: я мучаюсь болѣе, чѣмъ могу это высказать. Мужайся, не падай духомъ. Черезъ нѣсколько дней ты узнаешь тайну моего поведенія. И тогда да поможетъ намъ Господь Богъ, моя дорогая, возлюбленная Жермэна“... Итакъ, существуетъ какая-то тайна? Что еще грозитъ ей впереди?

И потянулись тревожныя ночи и тоскливые дни, а письмо отъ отца все не приходило. Ришаръ терзалъ ее ежечасными вопросами о дѣдушкѣ, средства истощались, несмотря на всю ея бережливость, и она падала духомъ. Что станется съ ними, если это неопредѣленное положеніе затянется? Наконецъ, почта

Digitized by Google

принесла ей толстое письмо отъ отца; она заперлась у себя и принялась читать его:

„Дорогая и нѣжно любимая дочь моя! прежде всего, прошу у тебя прощенія какъ за причиненное уже тебѣ зло, такъ и за то, которое я сдѣлаю тебѣ еще. Собери все свое мужество, всю любовь и жалость, свойственныя твоему нѣжному сердцу, чтобы не отвернуться отъ меня съ ужасомъ, узнавши правду: мужа твоего убилъ я! Убилъ я его по своей волѣ, предумышленно, послѣ долгой и ужасной внутренней борьбы. Я былъ увѣренъ, что имѣю право убить его; я былъ убѣжденъ, что исполняю свой долгъ, что съ моей стороны это—самоотверженіе и самопожертвованіе. Попытаюсь объяснить тебѣ, какимъ путемъ дошелъ я до того убѣжденія, что, убивая его, я поступаю правильно, исполняю свой долгъ и приношу себя самого въ жертву этому долгу. Безполезно описывать тебѣ мое отчаяніе, когда, вскорѣ послѣ твоего рокового брака, я понялъ настоящій характеръ твоего мужа, велики были мои безсильныя сожалѣнія, упреки моей совѣсти въ томъ, что я легкомысленно выдалъ тебя замужъ, положившись на пустыя, беззаботныя рекомендаціи добрыхъ знакомыхъ. Еще разъ прошу у тебя прощенія на колѣняхъ. Увы! скоро выяснилось мнѣ, какая судьба ожидала тебя, и иллюзіи мои скоро смѣнились отвращеніемъ: съ первыхъ же мѣсяцевъ твоей брачной жизни понялъ я, въ какой омутъ ты попала, благодаря моей опрометчивости. Ненависть моя къ этому человѣку росла со дня на день, тѣмъ болѣе жгучая, что присутствіе его нагоняло на меня страхъ. Съ первыхъ же моихъ столкновеній съ нимъ изъ-за тебя я понялъ, что уничтожаюсь передъ натискомъ этой грубой наглости, эгоизма и нахальства, передъ дерзкими и крикливыми нотами этого голоса, бившаго по моимъ первамъ. Я понялъ, что долженъ молча трепетать передъ этимъ человѣкомъ; безстрашно глядѣлъ я въ глаза смерти на полѣ битвы, но передъ нимъ я слабѣлъ. И я молча, безумно ненавидѣлъ его, но мысль убить его не приходила мнѣ въ голову. А годы шли. Въ прошломъ году, разъ вечеромъ, въ Варэнгивилѣ, совершенно безсознательно зародилась во мнѣ мысль объ убійствѣ. Помнишь разговоръ за обѣдомъ объ одномъ лѣсничемъ, убившемъ на охотѣ развратника, соблазнившаго его жену? Завязался споръ о законности этой мести; впрочемъ, кромѣ тебя, всѣ, въ сущности, и твой мужъ первый, единодушно одобрили поведеніе лѣсничаго и оправдательный приговоръ суда присяжныхъ. Такимъ образомъ, человѣческая совѣсть допускаетъ иногда законность убійства? Когда же? Ты протестовала во имя божескаго закона и чело-

Digitized by Google

вѣколюбія, но признавала, что убить дозволяется въ случаѣ законной самообороны; само собою, что это право самообороны простирается на тѣхъ слабыхъ созданій, которыхъ мы призваны защищать. Отецъ не допуститъ зарѣзать своего ребенка или жену; слуга не дастъ убить ребенка своего господина, а оба, если возможно, убьютъ злоумышленника. Это неоспоримо. Но развѣ жизнь есть единственное благо, сохраненіе котораго оправдываетъ убійство? Развѣ честь драгоцѣнна менѣе, нежели жизнь? Мало ли людей жертвуютъ жизнью за честь! Когда Ипполитъ Биссонъ взорвалъ и себя, и свой экипажъ, чтобы не сдавать своего судна, не принесъ ли онъ все въ жертву чести? Мы провозгласили его героемъ. А сколько другихъ людей, не героевъ, рискуютъ ежедневно своей жизнью и жизнью противника, иногда изъ-за простого предлога, слегка затрогивающаго ихъ честь! А снисходительность нашихъ законовъ къ мужьямъ, убивающимъ женъ, застигнутыхъ ими на мѣстѣ преступленія! Только такія религіозныя натуры, какъ твоя; уважаютъ человѣческую жизнь, да и то съ допущеніемъ законности самообороны! Ты знаешь, что у меня нѣтъ той вѣры, что̀ такъ поддерживаетъ тебя во всѣхъ жизненныхъ испытаніяхъ; я принадлежу къ поколѣнію людей, вѣрящихъ въ разумъ. Онъ одинъ руководитъ ими среди земныхъ затрудненій и темноты проблематической загробной жизни; они свободны отъ духовнаго рабства, не признаютъ другихъ законовъ, кромѣ приговоровъ своей совѣсти, да нами же созданныхъ полицейскихъ правилъ, соблюдаемыхъ благоразумными людьми въ интересѣ общественной безопасности, но иногда противныхъ нашимъ личнымъ воззрѣніямъ и понятіямъ о чести. А потому я спокойно отдался этимъ мыслямъ, не имѣвшимъ для меня первоначально никакой личной примѣнимости. Мало-по-малу онѣ внѣдрялись во мнѣ, сплочивались въ цѣлую ткань аргументовъ, которые должны были оцѣпить меня самого. Когда я убѣдился, что отцовскіе примѣры и принципы грозятъ заразить души дѣтей и испортить ихъ, я впервые перешелъ отъ теоріи къ мысли объ исполненіи. Моимъ прямымъ долгомъ было примѣнить самооборону на пользу довѣренныхъ мнѣ слабыхъ существъ. Я видѣлъ, какъ безумно, безсовѣстно и оскорбительно для тебя расточалось твое состояніе, какъ въ тебѣ терзали жену и мать; я только безсильно проклиналъ твоего палача и самого себя, и мнѣ не приходила на умъ никакая насильственная расправа, но осквернѣнія въ моемъ присутствіи чистой женской души, этого священнаго блага, я перенести не могъ. Какъ защитить ее? У меня не имѣлось въ рукахъ никакого законнаго оружія, а о

Digitized by Google

разводѣ ты и слышать не хотѣла, протестуя во имя совѣсти и любви и не допуская раздѣла дѣтей. Вѣдь не было ни публичнаго скандала, ни явнаго насилія, и судъ могъ не отдать тебѣ обоихъ сыновей; потому и ты предпочитала оставаться на своемъ тяжеломъ посту подлѣ нихъ, чѣмъ пожертвовать однимъ изъ нихъ. Что мнѣ было дѣлать?

„Я смотрѣлъ, какъ тебя и твоихъ сыновей раздирало на части безчеловѣчное колесо машины закона, остановить которой я не могъ. Повторяю: что мнѣ было дѣлать? Остановить двигатель, отнять у него силу? И вотъ во мнѣ зародилось желаніе: „Если бы онъ могъ умереть“! Я сталъ разсуждать: онъ толстъ, сангвиникъ, шея плотная и короткая, апоплексія всегда возможна, а образъ его жизни опасный. И я наблюдалъ за нимъ украдкой, отмѣчая малѣйшее недомоганіе. Но онъ не умиралъ, а я сознавалъ, что онъ можетъ отлично пережить меня. Тогда во мнѣ зашевелился нетерпѣливый вопросъ: „Кто же избавитъ меня отъ этого человѣка“? Понемногу я прозрѣвалъ и понялъ, наконецъ, что роль эту судьба предназначаетъ мнѣ. Подобное заключеніе явилось не безъ борьбы и колебаній... Я разжигалъ въ себѣ по ночамъ ненависть къ нему, взвѣшивалъ свои аргументы. Въ правѣ своемъ я не сомнѣвался, но боролся съ трусостью, сантиментальностью, съ суевѣрнымъ отвращеніемъ къ кровопролитію. Мнѣ не хватало мужества для исполненія приговора своей совѣсти. Съ яростью въ сердцѣ, постоянно глядѣлъ я на гибель дорогихъ мнѣ людей, и это была жесточайшая пытка. Я изстрадался, отмѣчая съ негодованіемъ всѣ возмутительные поступки этого человѣка, увлекавшаго всѣхъ насъ съ собою въ бездну позора! Сколько провелъ я безсонныхъ ночей, сознавая, что дѣйствовать необходимо, и тщетно стараясь успокоить себя безплодными проклятіями! Иногда я вдругъ просыпался, чуть не громко восклицая: „Онъ осужденъ, онъ долженъ умереть,—что останавливаетъ тебя? Иди, дѣлай свое дѣло! Это твое право и долгъ“! Но роль палача внушала мнѣ омерзѣніе. Этотъ-то избытокъ омерзѣнія и ужаса далъ мнѣ силу дѣйствовать, принеся въ жертву такому ненавистному долгу свои инстинкты, деликатность, присущую мнѣ мягкость и человѣчность, побѣдить свою слабость, запятнать себя на вѣки въ собственныхъ глазахъ, вѣчно нести бремя пролитой крови и отвратительной тайны, обманывать, лгать. И все это съ цѣлью спасти будущность дѣтей, изъ чистой любви къ нимъ. Такое безусловное самоотверженіе прельстило меня. Клянусь, что къ рѣшенію моему не примѣшивалось ни малѣйшей доли личной выгоды или удовлетворенія мести.

Digitized by Google

Мною руководило лишь чувство долга, я повиновался, съ отчаяніемъ и отвращеніемъ, воплю своей совѣсти. Рѣшеніе было принято; оставалось выбрать день для его исполненія. Способъ выполненія меня не затруднялъ: все должно было произойти на охотѣ,—то была какъ бы заранѣе намѣченная программа. Однако, разъ, въ припадкѣ гнѣва, отчаянія и лихорадки, схватилъ я ружье и бросился вслѣдъ за нимъ, рѣшивши покончить съ нимъ тотчасъ же; дѣло было вечеромъ, я зналъ, что не увижу въ темнотѣ его глазъ, и это придавало мнѣ мужество. Я ждалъ его подъ дождемъ, по дорогѣ къ Люге, куда онъ заявилъ намѣреніе пройти; я весь дрожалъ, а сердце такъ и замирало при малѣйшемъ лѣсномъ шорохѣ. Но онъ не прошелъ; ты знаешь, что онъ былъ не у Люге, а у Жюстины, и въ тотъ вечеръ его спасла эта ложь. Но вотъ странная вещь: ни минуты не боялся я попасться, и твердо былъ увѣренъ въ безнаказанности, а если колебался, то потому, что во мнѣ боролись чувство права и долга съ душевнымъ омерзѣніемъ и предразсудками. Подъ вліяніемъ своей idée fixe, я не пропускалъ ни одной охоты, вѣчно откладывалъ исполненіе своего замысла подъ какимъ-нибудь предлогомъ, а потомъ проклиналъ себя, плакалъ отъ гнѣва и презрѣнія къ собственной дряблости и нерѣшительности. Откуда взялась у меня энергія въ тотъ роковой день? Не знаю. Мои нервы и мозгъ были напряжены до такой степени, что достаточно было простого случая, чтобы я пересталъ принадлежать себѣ и сталъ слѣпымъ орудіемъ невѣдомой силы. По дорогѣ Дювивье выстрѣлилъ въ стаю сорокъ, чтобы посмотрѣть, въ какую сторону онѣ разлетятся, будетъ удача или нѣтъ? Одну изъ нихъ онъ убилъ; она, падая, задѣла его по лбу; онъ объявилъ, что это хорошій знакъ, что онъ пристрѣлилъ неудачу. А по мнѣ пробѣжала холодная дрожь,—мнѣ показалось, что судьба прикоснулась ко мнѣ, и сказала: сегодня! Послѣ перваго загона я до того ослабѣлъ, что присѣлъ, съ ружьемъ между ногъ, не принимая участія во второмъ загонѣ. Была минута, когда Дювивье очутился подъ моимъ дуломъ. Холодный потъ проступилъ у меня на лбу, и я закрылъ глаза... удобная минута была пропущена... Я упрекалъ себя въ слабости воли и трусости, но почему-то почувствовалъ безсознательное облегченіе. На третьемъ загонѣ я стоялъ на противоположномъ концѣ отъ Дювивье, и на этотъ разъ тотъ былъ спасенъ. Мы стояли на опушкѣ, и косые лучи солнца до того увеличивали мое утомленіе, что я пробрался въ тѣнь, въ чащу, и растянулся подъ дубомъ, гдѣ скоро и заснулъ отъ изнеможенія. Но вдругъ я вскочилъ, точно

Digitized by Google

меня дернули за рукавъ и крикнули: иди! Около меня никого не было. Я всталъ, взялъ ружье, и пошелъ наугадъ по первой попавшейся извилистой тропинкѣ. Вдругъ, на одномъ изъ поворотовъ, я замеръ отъ волненія: передо мною, на нѣкоторомъ разстояніи, виднѣлась широкая спина Дювивье. Я притаился за густымъ деревомъ и просунулъ въ листву дуло ружья. Но я не имѣлъ твердаго намѣренія убить его; я дѣйствовалъ механически, какъ солдатъ на ученьѣ, пока ему не крикнутъ: пли! Присутствіе Фернанда подлѣ отца представлялось мнѣ непреоборимымъ препятствіемъ, потому что онъ былъ лишь зрителемъ, и могъ различить, откуда идетъ выстрѣлъ. Но отъ судьбы не уйдешь. Въ ту самую минуту, какъ я подумалъ о Фернандѣ, Дювивье передалъ ему свое ружье и наклонился помочь ему прицѣлиться. По всей линіи шла пальба. Выстрѣлилъ и я. Несчастный Дювивье повернулся на мѣстѣ, и упалъ какъ снопъ. До меня донесся раздирающій крикъ мальчика, и я пустился бѣжать во весь духъ, боясь погони. На бѣгу я столкнулся съ цѣлой группой бѣгущихъ охотниковъ и спросилъ у одного изъ нихъ: что такое? что случилось?—Кажется, вашъ зять раненъ.—Я послѣдовалъ за ними, чтобы не возбуждать подозрѣній, и когда я подошелъ къ раненому, окружавшая его толпа разступилась. Дювивье былъ мертвъ; онъ умеръ безъ мученій, не произнеся ни слова. Фернандъ рыдалъ и кричалъ:—Папа! папа!—Всѣ кругомъ говорили, волновались, одинъ изъ лѣсничихъ побѣжалъ уже за докторомъ и носилками. Мнѣ очень хотѣлось утѣшить рыдавшаго Фернанда, но я не смѣлъ заговорить съ нимъ; въ душѣ моей поднимался какой-то ужасъ, какое-то новое, непредвидѣнное мною чувство, хотя я и думалъ, что все предусмотрѣлъ. Отчаяніе Фернанда точно вопило мнѣ: „Каинъ! что ты сдѣлалъ, Каинъ“? Мнѣ казалось, что всѣ должны понимать смыслъ его воплей и слышать этотъ обличительный возгласъ:—Каинъ!—Я пошатнулся, точно земля разверзлась у меня подъ ногами. Меня поддержали, высказывая соболѣзнованіе, а я прошепталъ:—Уведите ребенка! Мальчика увлекли, но издали до меня доносились его рыданія, и долго еще потомъ, когда горе его уже прошло, слышались мнѣ его слезы и въ нихъ—упрекъ. Имѣлъ ли я право отнять у него отца? Положимъ, отецъ былъ дурной! Но онъ любилъ его, а я объ этомъ и не подумалъ. Я сильно былъ убѣжденъ въ зловредности этого человѣка, отъ котораго могло исходить только зло! Смерть его представлялась мнѣ лишь избавленіемъ, а не горемъ. И глухое раздраженіе поднималось во мнѣ противъ Фернанда; слезы его сердили меня, какъ неблагодарность. И во

Digitized by Google

мнѣ поселилось двойственное чувство: озлобленіе на его скорбь и угрызенія совѣсти въ совершонномъ преступленіи. Разъ совершонное мною—незаконно и несправедливо, тогда я преступникъ, я—не вершитель правосудія, а убійца! Нервная болѣзнь Ришара, послѣдствіе пережитаго потрясенія, еще усилила это чувство; къ моей любви къ твоимъ сыновьямъ примѣшались подозрительность и горечь, и я сталъ отдаляться отъ нихъ. Мнѣ казалось, что взоры ихъ проникаютъ въ мрачную бездну моихъ думъ и читаютъ тамъ мою тайну. Я опасался ихъ проницательности, а минутами мнѣ хотѣлось самому крикнуть имъ:—Я убійца вашего отца! Мнѣ казалось, что это облегчитъ меня, и искушеніе было такъ сильно, что я, пожалуй, поддался бы ему, но приведеніе въ порядокъ разстроенныхъ дѣлъ Дювивье отвлекло меня отъ этихъ мыслей. Ежедневно наталкиваясь въ этой клоакѣ на доказательства недобросовѣстности и развращенности этого человѣка, я вновь убѣждался въ своемъ правѣ истребить его. Сколько разъ нашъ старый другъ Жантò, разбиравшійся со мной въ этомъ хаосѣ, восклицалъ:—Какое счастіе, что онъ умеръ! Онъ кончилъ бы на каторгѣ!—Спокойствіе и горделивый миръ проникали мнѣ въ душу, и я говорилъ себѣ:—Другіе не отважились бы на это, а я отважился.—И я чувствовалъ себя обновленнымъ; но стоило мнѣ вернуться домой и увидать дѣтей, протягивавшихъ мнѣ лобъ для поцѣлуя, чтобы страданія мои возобновились. Разсѣянно похлопывалъ я ихъ по головѣ кончиками пальцевъ моей окровавленной руки, избѣгая цѣловать ихъ. Всякое сожалѣніе объ отцѣ и нервные припадки Ришара выводили меня изъ себя. Неблагодарные, неблагодарные!.. Только подлѣ тебя мнѣ становилось легче, ты была такъ несчастна съ мужемъ, онъ такъ мучилъ тебя! Для тебя исчезновеніе этого дурного человѣка не могло не быть избавленіемъ. Въ глубинѣ души ты не могла не благословлять судьбу, возвратившую тебѣ свободу; я ждалъ, что ты оправишься, когда Ришаръ выздоровѣетъ, и обратишься къ тому вѣрному другу, который такъ глубоко и почтительно любитъ тебя. Я видѣлъ тебя счастливою женою Роберти. Ты понимаешь, въ какомъ я былъ горѣ и отчаяніи, когда узналъ, что ты подозрѣваешь Роберти въ убійствѣ мужа. Все мною сдѣланное оказывалось безполезнымъ, я самъ лишалъ тебя счастія. Это было для меня послѣднимъ ударомъ. Твое упорное желаніе открыть убійцу растравляло мою рану. Какъ ты не угадала? Тебя ослѣпляли уваженіе и любовь ко мнѣ; ты не замѣчала ни моего смятенія, ни безсвязныхъ рѣчей; я понялъ это въ тотъ разъ, когда пытался заставить тебя допустить, что лю-

Digitized by Google

бовь можетъ извинить преступленіе, а ты, подразумѣвая Роберти, клеймила низость и гнусность убійства. Въ тотъ день ты сама произнесла приговоръ надо мною, моя бѣдняжка... Съ той минуты я лишился окончательно своего спокойствія, и никакіе аргументы не могли вернуть его мнѣ, какъ ни убѣждалъ я себя, что поступилъ цѣлесообразно, уничтоживши зловреднаго человѣка... Меня преслѣдовало зрѣлище пролитой мною крови, рыданія сына надъ трупомъ отца и твое подавляющее презрѣніе... Но, по крайней мѣрѣ, честь спасена! Если честь—не что̀ иное какъ уваженіе и почетъ свѣта, опирающіеся на часто обманчивую внѣшность, то это можно еще спасти. Можно спасти еще и сознаніе добра и зла въ душѣ дѣтей, но при непремѣнномъ условіи, чтобы они никогда не узнали, что любимый и почитаемый ими дѣдъ, внушившій имъ первые принципы чести и добродѣтели, поступилъ какъ худшій злодѣй, запятналъ себя самымъ гнуснымъ, самымъ омерзительнымъ преступленіемъ. Сдѣлай такъ, чтобы они никогда этого не узнали... Старайся подавить въ нихъ всякое проявленіе пагубной наслѣдственности, которая перейдетъ къ нимъ отъ отца и отъ меня. Мысль объ этомъ жжетъ меня огненнымъ жаломъ. Я неспособенъ долѣе поддерживать тебя на этомъ пути; тебѣ поможетъ Роберти: это—мое послѣднее желаніе. Я долженъ былъ обѣлить его передъ тобою, какъ ни тяжело мнѣ упасть самому въ твоемъ мнѣніи... Эта жертва теперь принесена; я исчезаю изъ жизни и свѣта. Не бойся, чтобы я покончилъ съ собою; хотя искушеніе это и приходило мнѣ,—это такъ просто и легко! Но я не хочу причинять тебѣ такого огорченія,—довольно одного кроваваго наслѣдства... Я покину Францію и даже Европу, и стану доживать свой вѣкъ въ какомъ-нибудь безвѣстномъ уголкѣ. Даже если бы ты меня простила, я не могъ бы жить среди васъ, незаслуженно уважаемый твоими сыновьями, отца которыхъ я убилъ, и почитаемый людьми, чьи законы я нарушилъ. Во мнѣ возмутились бы природныя честность и прямота, я не вынесъ бы позорнаго лицемѣрія и роковымъ образомъ сознался бы въ своей винѣ, и крикнулъ бы:—Не подходите, не кланяйтесь мнѣ, не прикасайтесь къ моей рукѣ,—на ней кровь!—А этого быть не должно, чтобы, по крайней мѣрѣ, имя твоихъ сыновей осталось незапятнаннымъ въ глазахъ свѣта, чтобы я не все отнялъ у нихъ. Прощай, дорогая, обожаемая дочь моего сердца, моя радость, моя гордость, моя добродѣтель! Я знаю, что ты одна будешь молиться за меня... Кто знаетъ? Быть можетъ, тамъ, на небѣ, и услышатъ тебя, и даруютъ миръ душѣ моей. Тамъ, куда я ѣду скрыть свои терзанія и позоръ,

Digitized by Google

безмятежно живутъ люди съ чистыми руками и сердцемъ; они ведутъ тамъ невинную жизнь передъ ликомъ Божіимъ, они вѣрятъ въ него, надѣются на него. Быть можетъ, близость этихъ избранниковъ, добровольныхъ жертвъ, наложившихъ на себя эпитемію, любящихъ и молящихся за тѣхъ, кто не умѣетъ ни молиться, ни любить,—и дастъ мнѣ постичь священную причину бытія, начальную тайну всего! Быть можетъ, душа моя, невѣрующая и мятежная, обрѣтетъ миръ и прощеніе въ раскаяніи!.. Оставляю тебѣ эту надежду со своимъ послѣднимъ прости!

„Объясни своимъ,—нѣтъ, нашимъ дѣтямъ,—я такъ ихъ любилъ!—объясни нашимъ друзьямъ и свѣту, всѣмъ, кто помнитъ меня, мое исчезновеніе такъ, какъ ты признаешь удобнымъ. Припиши его сумасшествію или религіозному обращенію,—все равно! Отдаю тебѣ все мое состояніе; мой нотаріусъ дастъ тебѣ всѣ нужныя объясненія. Не проклинай меня, не плачь, постарайся быть счастливой. Будь счастлива, прошу тебя, чтобы сознаніе это служило мнѣ утѣшеніемъ и прощеніемъ въ собственныхъ глазахъ въ мой предсмертный часъ. Я заручился вѣрнымъ посредникомъ; онъ будетъ доставлять мнѣ извѣстія о тебѣ, а тебѣ обо мнѣ. Прощай, прощай, мой ангелъ, мое дорогое дитя. Жалѣй меня твоимъ нѣжнымъ сердцемъ, вѣрь, что я искупилъ уже свой грѣхъ, и еще искуплю его! Не смѣю благословить тебя своими преступными руками, цѣлую край твоего платья, дорогая и чистая дочь моя, и еще разъ прошу у тебя прощенія.—Твой несчастный отецъ Алексисъ де-Масьё“.

Когда она начала читать эту длинную исповѣдь, когда передъ глазами ея промелькнуло грозное признаніе, она вздрогнула и вскрикнула отъ ужаса, но сейчасъ же оправилась и успокоилась. Немыслимо! Ея отецъ—преступникъ, убійца! онъ—воплощеніе чести и прямоты! Она подумала, что онъ хочетъ доказать ей, какъ легко ошибочно заподозрить кого угодно, и, взваливая на себя вину, убѣдить ее въ несправедливости подобныхъ подозрѣній, чтобы она перестала не довѣрять Роберти. Но чѣмъ дальше читала она, тѣмъ больнѣе замирало ея сердце, спиралось дыханіе, и не разъ роняла она листки отцовскаго письма... Ей вспоминалась перемѣна, происшедшая въ отцѣ за послѣдній годъ, измѣнчивость его настроенія, все возраставшая ненависть къ ея мужу, безсонницы, душевное смятеніе! Это правда: отецъ ея—убійца! Рыдая, дочитала она до конца мучительную исповѣдь. Всю ночь просидѣла она надъ этимъ письмомъ, и вся прошлая жизнь проходила передъ ея глазами: ранняя смерть матери, школьные годы, поспѣшный бракъ,—отецъ боялся уме-

Digitized by Google

реть и оставить ее безъ опоры,—тяжелые годы супружеской жизни и, наконецъ, убійство, совершонное отцомъ. Онъ хочетъ, чтобы она была счастлива! Возможно ли это съ такимъ кровавымъ воспоминаніемъ? Да, у нея есть вѣрный, любящій другъ, она можетъ опереться на него. Въ сущности, она въ душѣ никогда не переставала думать о Роберти... Но можетъ ли она сказать ему правду? А если это оттолкнетъ его, пошатнетъ его любовь къ ней? Нѣтъ, она не выдастъ ужасной тайны отца! Лгать любимому человѣку? Довольно и того, что всю жизнь ей придется лгать дѣтямъ, чтобы объяснить исчезновеніе дѣда. Но отдаться любви съ ложью въ сердцѣ она не можетъ,—лучше вовсе отказаться отъ нея!..

Когда наступило утро, она вышла изъ дому и направилась къ церкви, чтобы помолиться за отца. Гдѣ-то онъ теперь? Что дѣлаетъ ея бѣдный отецъ? И ничѣмъ не можетъ она помочь ему; она можетъ только молиться. Но церковь оказалась запертой, и ей сказали, что отпирается она только каждые три дня, когда приходитъ священникъ служить обѣдню. Утомленная безсонной ночью, съ трудомъ добрела она до дому и добралась до комнаты Ришара. Тотъ уже проснулся и закидалъ ее вопросами о дѣдушкѣ.—Дѣдушка уѣхалъ въ дальнее путешествіе, здоровъ, и пусть мальчикъ не тревожится. Съ трудомъ дотянула она до вечера, занятая исключительно Ришаромъ, но когда вечеромъ онъ заснулъ, Жермэна усѣлась на террасѣ и погрузилась въ горькое раздумье, не обращая вниманія ни на благоуханіе цвѣтовъ, ни на чудный, разстилающійся передъ нею видъ. Изъ этого тяжелаго раздумья ее вывели быстрые шаги на улицѣ и звонокъ у воротъ. Она подняла голову, и въ слабомъ свѣтѣ догорающаго дня разглядѣла высокую мужскую фигуру.—Боже! это онъ! Что скажетъ она ему? — Но прежде чѣмъ она успѣла опомниться, Роберти уже былъ подлѣ нея, взялъ ея похолодѣвшую руку и прильнулъ къ ней долгимъ поцѣлуемъ. Какъ попалъ онъ сюда и зачѣмъ? Онъ сѣлъ подлѣ нея, обнялъ ее, прижалъ къ себѣ и прошепталъ:

— Мой другъ!.. Моя жена, если вы согласны!

— Нѣтъ, нѣтъ! это невозможно! Я обречена на одинокую жизнь!

Но онъ только крѣпче обнялъ ее и сказалъ:

— Меня послалъ сюда онъ самъ... вашъ отецъ. Я получилъ отъ него письмо... я знаю все!

Онъ знаетъ все?.. и, тѣмъ не менѣе, хочетъ... Да, онъ хочетъ, чтобы она, его обожаемая Жермэна, была его женой; онъ

Digitized by Google

хочетъ счастія, забвенія прошлыхъ тяжелыхъ дней безнадежнаго ожиданія; онъ хочетъ, чтобы и она забыла прошлое; онъ хочетъ утѣшить ее... и любить... Роберти искалъ ея перваго поцѣлуя. Голова Жермэны опустилась ему на плечо, и она простонала сквозь слезы и рыданія:

— Отецъ!.. Боже мой!.. бѣдный отецъ!..

Отецъ ея дошелъ до преступленія изъ любви къ ней и отчаянія. Онъ повиновался внушеніямъ своего больного разсудка, и Богъ проститъ ему, потому что онъ искупаетъ теперь свой грѣхъ... А они станутъ еще больше любить его за все, имъ перенесенное, за его страданія вдали отъ нихъ... И оба они примутъ на себя часть его бремени...

— Не такъ ли, Жермэна?

Ю. З—а.

Digitized by Google

НЕУДАВШАЯСЯ СТАЧКА

Изъ современной жизни Лондона.

I.

Огромная зала на улицѣ Стрэндъ, извѣстная подъ именемъ Exeter-Hall, полна народа. Органъ, возвышающійся рядами своихъ высокихъ трубъ, словно рѣющій въ воздухѣ орелъ съ распростертыми крыльями, изливаетъ потоки звуковъ. Всѣ мѣста, отъ эстрады вплоть до задней стѣны, заняты уже и, очевидно, рабочимъ и вообще мелкимъ людомъ. Цилиндровъ, этого вѣрнаго признака непринадлежности человѣка къ рабочему классу, почти незамѣтно.

Всюду, по всѣмъ рядамъ скамеекъ, котелки и шапки, шапки и котелки. Кое-гдѣ на темномъ фонѣ мужскихъ головъ выдѣляется красное или бѣлое перо, синяя или голубая лента дамскаго наряда. Мало-по-малу наполняются и хоры, все такой же сѣрой, будничной, какъ бы поношенной публикой. Одна лишь обширная эстрада представляетъ еще пустыню, на которой, то тутъ, то тамъ, затерялись одинокія человѣческія фигуры. Стрѣлка часовъ приближается къ восьми. Электрическія лампочки пущены во всю силу. Зала, непомѣрно высокая и большая, сразу освѣщенная яркимъ свѣтомъ, какъ бы вдругъ ожила, заиграла красками и запестрѣла, охваченная жизненнымъ трепетомъ. Ожилъ какъ будто и органистъ—и пальцы его бодрѣе понеслись по клавишамъ, и ноги смѣлѣе стали нажимать на педаль. Органъ загудѣлъ торжественнѣе и громче. Быстро начинаетъ наполняться и эстрада... Вдругъ грянулъ громъ апплодисментовъ. Это привѣтствуютъ поднимающихся гуськомъ по лѣсенкѣ на эстраду че-

Digitized by Google

ловѣкъ десять—двѣнадцать. Это поднимаются герои вечера, ораторы и организаторы собранія.

Предсѣдательское мѣсто занимаетъ членъ парламента, а по обѣ его стороны садятся секретари разныхъ трэдъ-юніоновъ, городскіе, парламентскіе и иные общественные дѣятели. Въ ихъ лицахъ представлены почти всѣ теченія такъ-называемаго рабочаго движенія въ Англіи. Правда, они сюда явились не въ качествѣ делегатовъ, не какъ представители той или другой группы, а сами отъ себя; но ихъ общественная дѣятельность, ихъ участіе въ политической и экономической жизни страны придаютъ имъ совершенно опредѣленную окраску и дѣлаютъ ихъ въ нѣкоторомъ родѣ типичными представителями для цѣлыхъ общественныхъ теченій.

Вотъ, напр., предсѣдатель митинга. Онъ—членъ парламента и богатый человѣкъ; онъ не „рабочій", а „хозяинъ", но съ радикальнымъ образомъ мыслей и съ большими „симпатіями" къ рабочему классу. Въ парламентѣ онъ—ревностный сторонникъ либеральной партіи и никакого отщепенства отъ нея не признаетъ; если вы его назовете соціалистомъ, то онъ улыбнется и спроситъ: „развѣ"? Но если вы ему скажете, что въ такомъ случаѣ онъ „индивидуалистъ", то онъ съ той же невинной улыбкой спроситъ: „неужели"? И въ обоихъ случаяхъ онъ будетъ совершенно правъ, такъ какъ онъ дѣйствительно самъ не знаетъ, что̀ онъ такое по теоріи, хотя, какъ человѣкъ образованный, онъ знаетъ теорію не хуже другихъ. Онъ раньше всего человѣкъ практическій, и о „выдержанности стиля" въ томъ или другомъ теоретическомъ направленіи онъ мало безпокоится. Этотъ членъ парламента—одинъ изъ многихъ. Принадлежа къ либеральной партіи, онъ въ то же время вправѣ считать себя представителемъ рабочаго класса.

Рядомъ съ нимъ сидитъ другой членъ парламента, тоже сторонникъ либеральной партіи, но уже открытый соціалистъ. Это уже не „хозяинъ", а „рабочій", бывшій машинистъ. Для него рабочій вопросъ—уже вопросъ близкій, свой, родной, такъ сказать, и на либераловъ и либеральную партію онъ смотритъ лишь какъ на орудіе для достиженія своихъ собственныхъ сословныхъ цѣлей. Но и онъ, хотя и объявляетъ себя соціалистомъ, далеко еще не настолько прямолинеенъ, чтобы удовлетворять вкусы и требованія болѣе крайнихъ элементовъ въ англійскомъ рабочемъ движеніи.

Уже одно то, что онъ идетъ рука объ руку съ либералами, дѣлаетъ его въ глазахъ многихъ соціалистовъ преступникомъ и

Digitized by Google

ренегатомъ. „Либералъ"!—бросаютъ они съ негодованіемъ и презрѣніемъ въ лицо очень умному и честному представителю рабочихъ, понимая, однако, подъ словомъ „либералъ" нѣчто совершенно другое, не то, что въ другихъ странахъ. Въ Англіи либерализмъ имѣетъ свою длинную исторію. Здѣсь онъ не столько политическая система, сколько доктрина, не столько „мѣропріятія", сколько теоретическая основа государственнаго управленія, черпающая свое начало въ ученіяхъ Давида Юма и Бентама, и хотя за послѣднія 50 лѣтъ либерализмъ и въ теоріи значительно измѣнился, но все-таки по настоящее время въ умахъ многихъ англичанъ онъ все еще отожествляется съ принципомъ „laissez faire", или, говоря по-русски, съ теоріей: „на то щука въ морѣ, чтобы карась не дремалъ". У насъ, напримѣръ, либерализмъ никогда не былъ крайней индивидуалистической доктриной. Напротивъ, онъ даже самъ часто требовалъ государственнаго вмѣшательства, гдѣ „консерватизмъ" его и знать не хотѣлъ, а девизъ „laissez faire" онъ только прилагалъ къ международной торговлѣ, въ которой его признаютъ даже соціалисты.

И вотъ этотъ-то старый грѣхъ столь оклеветанныхъ „манчестерцевъ" и служитъ удобнымъ орудіемъ въ рукахъ нѣкоторыхъ агитаторовъ для нападенія на либераловъ и на всѣхъ сторонниковъ либеральной партіи въ Англіи. Они основали собственную политическую партію подъ именемъ „независимой рабочей", съ чисто соціалистической программой; но въ парламентѣ пока для этой партіи мѣста нѣтъ, и ни одинъ представитель ея не былъ еще избранъ. Очевидно, старыя англійскія партіи еще достаточно живучи и всеобъемлющи, чтобы включать въ себѣ всѣ разнородные общественные элементы, нуждающіеся въ парламентскомъ представительствѣ, и никакой потребности въ особой соціалистической программѣ страна пока рѣшительно не чувствуетъ.

Мы дальше дадимъ поразительный примѣръ нежеланія самихъ рабочихъ имѣть собственную „рабочую" партію, но это все-таки не мѣшаетъ нѣкоторымъ наиболѣе пылкимъ натурамъ возлагать большія надежды на эту партію и поддерживать и распространять ея организацію, гдѣ и какъ только возможно. Пока она состоитъ, главнымъ образомъ, изъ молодыхъ, только-что окончившихъ курсъ университета, теоретиковъ, жаждущихъ „служить дѣлу народному", а съ другой стороны—изъ полуобразованныхъ и не всегда искреннихъ рабочихъ, имѣющихъ свои особые виды.

Представители этой партіи составляютъ лѣвое крыло англійскаго рабочаго движенія; но здѣсь на эстрадѣ мы ихъ видимъ

Digitized by Google

рядомъ съ совершенно противоположнымъ крыломъ, съ „трэдъ-юніонистами"—pur sang, съ рабочими, объявляющими себя противниками соціализма, отвергающими коллективизмъ, какъ экономическую доктрину, и враждебно относящимися къ „независимой рабочей партіи" въ практической жизни. Такіе трэдъ-юніонисты на парламентскихъ выборахъ въ 99 случаяхъ изо ста подаютъ голоса за либераловъ, а гдѣ возможно, посылаютъ въ парламентъ своего же брата трэдъ-юніониста.

Тутъ же среди ораторовъ мы находимъ и двухъ-трехъ „культуртрегеровъ"—одного съ христіански-соціалистическими наклонностями, а другого съ барски-филантропическими. Они, конечно, принадлежатъ къ интеллигенціи, имѣютъ ученыя степени и занимаются рабочимъ вопросомъ изъ моды или дѣйствительно изъ чувства человѣколюбія. Ихъ дѣятельность происходитъ главнымъ образомъ въ стѣнахъ „университетскихъ поселеній", въ комитетахъ разныхъ благотворительныхъ и образовательныхъ обществъ, а подчасъ и въ участковыхъ управленіяхъ (vestry), въ школьномъ совѣтѣ и другихъ учрежденіяхъ мѣстнаго самоуправленія.

Такимъ образомъ, передъ нами представители почти всѣхъ теченій въ этомъ широкомъ руслѣ, извѣстномъ подъ именемъ рабочаго движенія, и всѣхъ ихъ собрала сюда одна задача: призывъ къ общественному мнѣнію, желаніе привлечь сочувствіе общества и возбудить интересъ къ спору, который всколыхалъ всю спокойную поверхность жизни, лишивъ работы десятки тысячъ семействъ.

Споръ, съ внѣшней его стороны, и какъ онъ обыкновенно представлялся на этого рода митингахъ, заключался въ слѣдующемъ. Лондонскіе рабочіе на механическихъ заводахъ, состоящіе членами „Соединеннаго общества механиковъ" (Amalgamated Society of Engineers) и работающіе теперь 54 часа въ недѣлю, потребовали сокращенія рабочихъ часовъ до 48, т.-е. до нормы, принятой уже нѣсколько лѣтъ на всѣхъ казенныхъ заводахъ и мастерскихъ, а также и во многихъ частныхъ учрежденіяхъ. Само собою разумѣется, что сокращеніе рабочаго времени требовалось съ сохраненіемъ прежней платы. До 180 заводчиковъ изъявили согласіе на требованіе рабочихъ; остальные же, самые богатые и крупные, отказали. Когда же рабочіе забастовали на трехъ самыхъ большихъ заводахъ, то въ отвѣтъ на это большинство хозяевъ, соединившись въ одну сильную федерацію, уволило всѣхъ членовъ „Соединеннаго общества механиковъ" какъ въ Лондонѣ, такъ и въ провинціи, и такимъ образомъ изъ 92.000

Digitized by Google

человѣкъ, составляющихъ это общество, около 40,000 оказалось безъ работы.

Стачка и одновременно съ нею увольненіе рабочихъ начались въ іюлѣ, и чѣмъ дальше, тѣмъ несговорчивѣе какъ будто становились обѣ стороны; казалось, что ничто не сдвинетъ ихъ съ разъ уже занятыхъ ими позицій. Хозяева и слышать не хотѣли объ уступкахъ или даже о переговорахъ по поводу какихъ-либо соглашеній, и рабочіе, хотя и заявляли, что готовы вступить въ переговоры, но въ то же время предупреждали, что обратно требованія о восьми-часовомъ рабочемъ днѣ не возьмутъ. И съ первыхъ же дней стачки начался рядъ обвиненій другъ друга въ самыхъ страшныхъ грѣхахъ и злостныхъ намѣреніяхъ. Хозяева увѣряли, что имъ житья нѣтъ отъ вмѣшательства правленія „Соединеннаго общества", которое будто бы имѣетъ спеціальной задачей ограничивать производительность машинъ; что члены рабочаго союза играютъ въ руки только нѣмцамъ, и что, наконецъ, вся эта крайне разорительная и несчастная стачка затѣяна главнымъ секретаремъ „Соединеннаго Общества механиковъ", Джорджемъ Барнсомъ, только потому, что онъ—соціалистъ; рабочіе же сами очень довольны условіями своей работы и пошли лишь за своимъ вожакомъ, какъ стадо глупыхъ барановъ.

Съ другой стороны, рабочіе обвиняли хозяевъ въ безсовѣстной эксплуатаціи, въ желаніи уничтожить „Соединенное общество", существующее еще съ 1851 года, и вообще въ намѣреніи нанести ударъ всему трэдъ-юніонизму, т.-е. такому принципу, который уже освященъ временемъ и закономъ, и признанъ одною изъ основъ англійской общественной жизни.

Въ такомъ-то враждебномъ и непреклонномъ настроеніи обѣ стороны дотянули до октября мѣсяца, когда стало несомнѣнно, что подъ наружной непреклонностью, подъ этой ростущей показной рѣшимостью бороться до конца зрѣетъ все больше и больше потребность какъ-нибудь помириться и покончить со стачкой, разорительной для мелкихъ заводчиковъ и невыносимой для рабочихъ. Огромный капиталъ „Соедин. общества механиковъ", состоявшій въ началѣ стачки изъ 400.000 фунтовъ стерлинговъ, быстро таялъ. Посторонняя помощь, хотя и являлась, была далеко не въ такихъ размѣрахъ, чтобы не чувствовать отсутствія заработковъ, составляющихъ въ среднемъ для лондонскаго „механика" около двухъ фунтовъ въ недѣлю. Министръ промышленности, поэтому, какъ бы почуялъ, что насталъ психологическій моментъ для его вмѣшательства, и онъ предложилъ сторонамъ собраться на конференцію. И вотъ, въ это-то время, когда

Digitized by Google

между министерствомъ и сторонами происходили переговоры о конференціи, состоялся и описываемый нами публичный митингъ, бывшій лишь однимъ изъ цѣлаго ряда большихъ митинговъ, происходившихъ почти ежедневно въ провинціи и въ Лондонѣ.

Митингъ открывается рѣчью предсѣдателя, старающагося доказать, что установить 8-часовой день на механическихъ и судостроительныхъ заводахъ не только не убыточно, но даже выгодно для самого предпринимателя. Что же касается до трэдъ-юніонизма вообще, то онъ считалъ бы величайшимъ бѣдствіемъ исчезновеніе его въ Англіи и выражаетъ свое осужденіе заводчикамъ, посягающимъ на существованіе „Соединеннаго общества механиковъ", истратившаго за время своей дѣятельности 4½ милліона ф. стерлинговъ на поддержку своихъ членовъ.

Другой членъ парламента, какъ соціалистъ и какъ механикъ, состоящій еще по настоящее время членомъ „Соединеннаго общества", болѣе рѣшителенъ и смѣлъ и болѣе откровененъ. Въ его устахъ дѣло уже идетъ о „насъ", рабочихъ, и о „нихъ", капиталистахъ, и со свойственной этому оратору рѣзкостью онъ безпощадно клеймитъ заводчиковъ разными нелестными прозвищами.

Еще болѣе рѣзкимъ и съ болѣе обширными требованіями выступаетъ одинъ изъ ораторовъ, принадлежащій къ „независимой рабочей партіи". Ему уже нужна не болѣе и не менѣе какъ соціальная революція, или по меньшей мѣрѣ всеобщая стачка, полное и повсемѣстное прекращеніе всѣхъ работъ, чѣмъ онъ теперь и грозитъ заводчикамъ, если тѣ не сдадутся.

Христіанскій соціалистъ говоритъ о христіанскомъ милосердіи, о братствѣ людей, о равенствѣ и о многомъ другомъ въ томъ же проповѣдническомъ духѣ. Другой—„культуртрегеръ", какъ представитель филантропіи, взываетъ къ чувству. Онъ стоитъ за заводчиковъ; онъ считаетъ ихъ прекрасными людьми, безъ которыхъ Англія давно погибла бы, а рабочіе умерли бы съ голоду, да бѣда въ томъ, что, по словамъ этого оратора, хозяева не знаютъ о нуждѣ рабочихъ. „О, еслибы они знали, еслибы они могли видѣть этихъ умирающихъ съ голоду дѣтей, ничѣмъ въ стачкѣ не повинныхъ... Что бы только тогда было"!.. Ораторы, продолжающіе еще вѣрить въ свои трэдъ-юніоны, стараются главнымъ образомъ внушить публикѣ, что трэдъ-юніонизмъ въ опасности, и что, поэтому, всѣ рабочіе, какъ одинъ человѣкъ, и всѣ хозяева, дорожащіе мирнымъ развитіемъ англійской промышленности, должны дѣлать все возможное для поддержки „Соединеннаго общества механиковъ".

Digitized by Google

Главный интересъ, однако, сосредоточивается на рѣчи секретаря общества, Барнса, главнаго вождя механиковъ, которому хозяева совершенно напрасно приписывали всю инициативу и подстрекательство къ стачкѣ. На самомъ же дѣлѣ, Барнсъ былъ съ самаго начала противъ стачки, и онъ согласился на нее лишь подъ давленіемъ самихъ рабочихъ, настаивавшихъ на прекращеніи работъ. Они были увѣрены, что хозяева не устоятъ противъ ихъ богатаго и сильнаго дисциплиной союза, и обвиняли своего главнаго секретаря въ излишней робости, уступчивости, и тотъ долженъ былъ согласиться. Но ставъ во главѣ стачки, Барнсъ старался уже хоть чего-нибудь добиться, чтобы выйти съ честью изъ далеко не равнаго спора. Теперь же на митингѣ онъ воздержнѣе всѣхъ. Онъ какъ разъ ведетъ теперь переговоры, и поэтому дипломатически обходитъ разныя обвиненія и вопросы, которые усложняли бы лишь дѣло. Онъ ограничивается лишь фактической стороной происходящей борьбы, и мы узнаёмъ отъ него, что помимо 35 или 40 тысячъ человѣкъ, принадлежащихъ къ „Союзу механиковъ", забастовали по сочувствію еще около 6.000 механиковъ, не состоящихъ членами. Въ судьбѣ всѣхъ ихъ непосредственно заинтересовано „Соедин. общество", которое и выдаетъ имъ еженедѣльно пособіе изъ своихъ капиталовъ и изъ разныхъ поступленій. Нужны поэтому деньги, много денегъ, которыхъ ораторъ и ждетъ отъ сочувствующей публики. Но онъ знаетъ, что деньги эти будутъ. Онъ увѣренъ въ стойкости своихъ товарищей, въ этомъ, какъ онъ говоритъ, авангардѣ англійской рабочей арміи, и не сомнѣвается, что каждый изъ механиковъ скорѣе помретъ съ голода, чѣмъ уступитъ хозяевамъ. Публика апплодируетъ громко и съ увлеченіемъ, хотя всѣ отлично понимаютъ, что заявленіе секретаря о готовности рабочихъ продолжать стачку до голодной смерти сдѣлано скорѣе съ умысломъ повліять на хозяевъ, но, съ другой стороны, никто и не сомнѣвается, что члены „Соединеннаго общества" дешево себя не продадутъ.

Митингъ кончается единодушнымъ принятіемъ резолюціи, выражающей сочувствіе механикамъ, и публика расходится съ глубокимъ сознаніемъ общественнаго значенія стачки и съ гнетущей думой о судьбѣ голодающихъ семей, лишь немного облегчая себя мыслью, что впереди предстоитъ конференція. „Можетъ быть, сговорятся"!—думаетъ каждый про себя.

Digitized by Google

II.

Очень продолжительны и многосложны были приготовленія къ этой конференціи. Сначала хозяева, руководимые президентомъ ихъ федераціи, полковникомъ Дайеромъ, вовсе и слушать не хотѣли о конференціи.—„Съ кѣмъ, о чемъ"?—высокомѣрно спрашивали они, показывая видъ, что совершенно не признаютъ существованія „Соедин. общества механиковъ". Но печать и публичные митинги, не говоря уже о громадныхъ денежныхъ потеряхъ, мало-по-малу сбавили спѣси у вождей федераціи, и они согласились на совѣщаніе съ представителями отъ рабочихъ.

Конференція открылась 24-го ноября въ одной изъ залъ гостинницы „Westminster Palace"; куда каждая изъ сторонъ прислала по четырнадцати человѣкъ представителей. Рабочіе и хозяева встрѣтили другъ друга рукопожатіемъ и любезной улыбкой, и, какъ равные, сѣли за одинъ длинный столъ, имѣя по срединѣ, другъ противъ друга, своихъ предсѣдателей—президента федераціи Дайера и президента „Соед. общества", механика Селликса. Когда делегатамъ той или другой стороны нужно было переговорить между собою, они обыкновенно на время удалялись въ сосѣднія комнаты.

Конференція продолжалась до 12-го декабря. На ней обсуждались слѣдующіе восемь пунктовъ: свобода занятій (отказъ отъ работы и прочее), поштучная работа, сверхурочная, опредѣленіе рабочей платы или оцѣнка труда, число учениковъ, выборъ и подготовка рабочихъ, устраненіе споровъ въ будущемъ и рабочіе часы.

Какъ видно, вопросъ о восьмичасовомъ рабочемъ днѣ былъ сразу отодвинутъ на задній планъ. Очевидно, не въ немъ заключалась сущность спора, и не онъ послужилъ главной причиной стачки.

И дѣйствительно, какъ то и обнаружилось изъ занятій конференціи, восьмичасовой день послужилъ лишь поводомъ и, такъ сказать, формулировкой болѣе существеннаго разногласія, коренящагося въ самыхъ техническихъ условіяхъ труда, все болѣе и болѣе мѣняющихся подъ развитіемъ машиннаго производства. Было время, когда рабочій ломалъ машину, считая ее главной причиной своихъ бѣдствій. Убѣдившись, однако, что всѣхъ машинъ не переломаешь, и что на мѣсто одной испорченной выдумываютъ десять новыхъ, онъ примирился съ ними, затаивъ, однако, къ нимъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми теоретиками, совер-

Digitized by Google

шенно неосновательную злобу. Теоретики политико-экономисты увидѣли въ машинѣ злую разлучницу между рабочимъ и „орудіями производства“, а сами рабочіе увидѣли въ ней просто страшнаго конкуррента. „Машина много производитъ, она вытѣсняетъ человѣческій трудъ, удешевляетъ его, значитъ—если нельзя уничтожить машину, то нужно хотя ослабить ея вредное дѣйствіе, ея производительность“,—разсуждали они и дѣйствительно старались по возможности убавить ходъ, ограничить время ея дѣйствія, тормазить ея движенія. Но въ то же время, благодаря все болѣе и болѣе накоплявшемуся опыту, благодаря образованію и нѣкоторымъ другимъ условіямъ, хозяева и рабочіе стали приходить къ заключенію и сознавать, что ихъ общіе интересы совпадаютъ именно въ усовершенствованіи машинъ, въ расширенномъ производствѣ, а не въ сокращеніи его, и на нашихъ глазахъ постепенно возникали въ нѣкоторыхъ отрасляхъ производства въ Англіи такія отношенія между хозяевами и рабочими, такія экономическія понятія, какія и не снились прежнимъ политико-экономистамъ. Того хозяина, который когда-то существовалъ, напр., въ ланкаширскомъ бумагопрядильномъ и ткацкомъ производствахъ, того „капиталиста“, который рисовался въ теоріи то благодѣтелемъ, то злодѣемъ, и который противопоставлялся „рабочему“,—теперь въ Англіи уже и въ помин̀ѣ нѣтъ.

Нѣтъ и рабочаго, этого представителя „труда“, этой теоретической противоположности капитала. Вмѣсто него, мы имѣемъ колоссальную производительную организацію, въ которой отдѣльные члены, хозяева или рабочіе, не имѣютъ рѣшительно никакой власти не только другъ надъ другомъ, но и надъ условіями собственнаго своего труда. Подобно волонтеру, который, поступивъ въ армію, тѣмъ самымъ отказывается отъ своей личной воли, такъ и нынѣшній ланкаширскій фабрикантъ, вложивъ свой капиталъ въ бумагопрядильное производство, окончательно отдаетъ себя въ чужія руки, и никакихъ такъ-называемыхъ хозяйскихъ правъ у него нѣтъ. Это замѣчательное явленіе въ новой англійской промышленности, которое до сихъ поръ кажется достойно отмѣчено однимъ только Сиднеемъ Вэббомъ въ недавно вышедшей на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ книгѣ: „Industrial Democracy“, заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія какъ ученыхъ, такъ и людей практики. Сущность его состоитъ въ томъ, что ни одинъ фабрикантъ, ни даже группа фабрикантовъ, не могутъ самостоятельно устанавливать рабочую плату. Также и рабочіе сами по себѣ не имѣютъ права договариваться

Digitized by Google

съ хозяевами. Все рѣшаетъ комитетъ, избранный соединенной ассоціаціей рабочихъ союзовъ и такой же ассоціаціей хозяевъ. Рабочая плата — поштучная, и задача комитета заключается въ томъ, чтобы всякая выгода отъ новой машины или какого-нибудь усовершенствованія и вообще улучшенія производства распредѣлялась между хозяевами и рабочими въ справедливой пропорціи. Такъ, напр., съ увеличеніемъ, скажемъ, числа веретенъ въ мюльной машинѣ, поштучная плата, т.-е. плата за каждыя сто фунтовъ пряжи, уменьшается, такъ чтобы выгода отъ введенія большихъ машинъ не шла всецѣло въ пользу одного рабочаго: излишекъ выпряденнаго на машинѣ въ данное время даетъ перевѣсъ рабочему, а нѣкоторое уменьшеніе поштучной платы выгодно для хозяина. Такимъ образомъ, обѣ стороны пользуются преимуществами улучшеннаго производства. Вообще же цѣны труда устанавливаются комитетомъ на слѣдующихъ четырехъ основаніяхъ: 1) плата зависитъ отъ количества произведеннаго товара; 2) преимущества отъ улучшенія въ машинахъ дѣлятся между хозяиномъ и рабочими; 3) соблюдается равенство между рабочими, выпускающими тонкую пряжу и толстую, если только первая не требуетъ больше ловкости, и 4) всякая работа, не входящая въ нормальныя обязанности рабочаго, оплачивается особо.

Конечно, при этомъ принимается за базисъ опредѣленный заработокъ за опредѣленный трудъ. Подробныя обозначенія цѣнъ для каждаго рода работы занимаютъ въ нѣкоторыхъ округахъ Ланкашира десятки и сотни страницъ мелкой печати, и установленіе ихъ требуетъ самаго тщательнаго знакомства съ техническими условіями производства. Это послѣднее обстоятельство привело къ тому, что всякій рабочій, желающій быть избраннымъ въ секретари мѣстныхъ союзовъ ткачей и прядильщиковъ, не говоря уже о должности секретаря главнаго комитета соединенной ассоціаціи, долженъ подвергнуться раньше экзамену въ присутствіи опытныхъ рабочихъ, причемъ экзаменъ этотъ настолько трудный, что выдержавшій его считается выдающимся экспертомъ, и фабриканты часто переманиваютъ его въ секретари собственныхъ мѣстныхъ организацій.

Такимъ образомъ происходитъ коренная перемѣна въ точкѣ зрѣнія на рабочую плату. Съ рыночной оцѣнки она перешла на продуктивную или товарную. Рабочій получаетъ вознагражденіе не соотвѣтственно его личнымъ расходамъ и потребностямъ, въ зависимости не отъ рыночныхъ цѣнъ на трудъ, на товары и на предметы потребленія, словомъ, въ зависимости не

Digitized by Google

отъ спроса и предложенія, а отъ количества и качества вырабатываемыхъ имъ товаровъ. Чѣмъ лучше машина, чѣмъ больше и доброкачественнѣе онъ самъ производитъ, тѣмъ выше его заработокъ. Участіе рабочихъ въ преимуществахъ улучшеннаго производства имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что сами рабочіе требуютъ введенія новыхъ машинъ и разныхъ улучшеній, т.-е. они поступаютъ теперь какъ разъ наоборотъ тому, какъ поступали въ первой половинѣ нашего столѣтія. И разъ только какая-нибудь новая машина введена на одной фабрикѣ, всѣ остальные фабриканты принуждаются ввести и у себя такую же, чтобы ихъ рабочіе не оплачивались меньше другихъ. И если хозяева не хотятъ, или не могутъ, то ихъ заставляютъ платить дороже за работу съ старыми машинами, производительность которыхъ меньше. Сами хозяева подъ тяжестью конкурренціи зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы ни одинъ изъ нихъ не платилъ за трудъ меньше другихъ, и поэтому въ собственныхъ своихъ интересахъ ассоціація ланкаширскихъ фабрикантовъ идетъ въ этомъ отношеніи рука объ руку съ ассоціаціей рабочихъ союзовъ.

Конкурренція на почвѣ эксплуатаціи человѣческаго труда совершенно исчезла такимъ образомъ въ бумагопрядильной и ткацкой промышленности. Фабриканты могутъ только конкуррировать, благодаря лучшей организаціи, лучшимъ машинамъ, болѣе крупному обороту или болѣе доброкачественнымъ продуктамъ. Вотъ почему, вѣроятно, ланкаширское бумагопрядильное дѣло не знаетъ соперниковъ на всемірномъ рынкѣ и оставляетъ позади себя даже Америку, имѣющую, казалось бы, всѣ данныя для борьбы съ Ланка̀широмъ.

Вотъ эта-то новая сторона англійской промышленности значительно измѣнила и характеръ нѣкоторыхъ трэдъ-юніоновъ. Въ то время какъ прежде главная цѣль ихъ была, такъ сказать, взаимнострахова̀я, теперь она — технически-административная. Прежде рабочіе соединялись для *борьбы*, для взаимнаго обезпеченія себя на случай прекращенія работы, теперь же они соединяются главнымъ образомъ для *совмѣстной* работы съ хозяевами, для того, чтобы выдѣлить изъ своей среды извѣстный контингентъ экспертовъ, которые, дѣйствуя рука объ руку съ капиталистами, составили бы мѣстные и главные комитеты для справедливой разверстки выгодъ отъ роста промышленности. При такомъ порядкѣ, стачки по поводу перемѣны машинъ и вообще характера производства, или по поводу паденія или поднятія цѣнъ—никогда не могутъ быть. Споръ можетъ только возникнуть при желаніи одной или другой стороны измѣнить самый базисъ разсчетовъ,

Digitized by Google

какъ это и случилось въ 1893 г., когда ланкаширскіе фабриканты вздумали предложить рабочимъ скидку въ пять процентовъ за данную единицу работы. Но и тогда, благодаря почти идеальной организаціи ланкаширскаго бумагопрядильнаго и ткацкаго производства, дѣло до стачки не дошло.

Къ сожалѣнію, пока немногія отрасли промышленности въ Англіи могутъ гордиться такими порядками, какіе существуютъ въ Ланкаширѣ, гдѣ, къ слову сказать, средній заработокъ ткача и прядильщика доходитъ до трехъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и четырехъ фунтовъ въ недѣлю. На ряду съ ланкаширскими прядильщиками и ткачами могутъ лишь стать котельщики и бронепрокатчики, такъ-называемые „boilermakers“, имѣющіе превосходную организацію. Въ меньшей степени усвоена новая промышленная система въ нортёмберлэндскомъ и дургэмскомъ каменноугольномъ районѣ и въ сѣверо- и средне-англійскомъ желѣзодѣлательномъ производствѣ. Механическое же дѣло совершенно отстало, и отношенія между хозяевами и рабочими въ немъ такія же, какія существовали 50 лѣтъ тому назадъ. Каждый заводчикъ отдѣльно является еще полновластнымъ господиномъ при установленіи цѣнъ на трудъ, и несмотря на огромные шаги, сдѣланные въ механической отрасли промышленности, одинъ заводчикъ норовитъ конкуррировать съ другимъ не на почвѣ лучшей организаціи производства, а на дешевизнѣ рабочей силы. Съ своей стороны, и рабочіе также вольны заключать единолично какія угодно условія. Единственно, что̀ ихъ трэдъюніонъ, „Соединенное общество механиковъ“, требуетъ отъ нихъ, такъ это — чтобы они не работали ниже, чѣмъ за извѣстный минимумъ платы, устанавливаемый въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Въ Лондонѣ минимумъ, напримѣръ, девять пенсовъ за часъ. Меньше этого членъ „Соединеннаго общества“ въ Лондонѣ не получаетъ. Не пользуясь преимуществами отъ улучшенныхъ машинъ, механики отказываются отъ поштучной платы и работаютъ лишь поденно; а чтобы заводчики не очень ужъ наживались отъ введенія новыхъ и улучшенныхъ машинъ, которыя всегда влекутъ за собою болѣе интенсивный трудъ, рабочіе стараются по возможности ограничивать дѣйствіе машинъ и настаиваютъ на сохраненіи прежняго количества рабочихъ рукъ, даже когда новая машина этого вовсе не требуетъ. То-есть, продолжается та же исторія, какая была извѣстна изъ первыхъ дней капиталистическаго производства. Но машинное производство ростетъ не по днямъ, а по часамъ, трудъ дѣлается все больше и больше интенсивнѣе, тяжелѣе,—и рабочій, видя, что этотъ из-

Digitized by Google

лишній трудъ не вознаграждается, ищетъ исхода въ сокращеніи времени работы. Отсюда требованіе механиковъ восьмичасового дня—вмѣсто девятичасового—и постоянная война на отдѣльныхъ заводахъ между управляющими и рабочими, по поводу мелкихъ споровъ о работѣ при машинахъ. Примиреніе этихъ разногласій на почвѣ прежнихъ отношеній невозможно; оно не можетъ быть ни продолжительнымъ, ни яснымъ, ни обоюдно-выгоднымъ. Какъ и слѣдовало поэтому ожидать, выработанный конференціей проектъ соглашенія былъ полонъ противорѣчій и недоговоренностей. Это отлично сознавали обѣ стороны, какъ видно изъ слѣдующаго характернаго ропота, происходившаго при заключеніи занятій конференціи. Передадимъ здѣсь этотъ разговоръ съ стенографической точностью, такъ какъ онъ отлично рисуетъ, въ какомъ духѣ велись переговоры между делегатами:

Полковникъ Дайеръ (президентъ федераціи хозяевъ). — Вы, конечно, пустите проектъ на голосованіе (рабочихъ)?

Мистэръ Розъ (делегатъ рабочихъ).—Да. Иначе нельзя.

Полковникъ Даейръ.—Я бы хотѣлъ знать, просто изъ любопытства, намѣрены ли вы рекомендовать это соглашеніе;—если нѣтъ, то не стоитъ и предлагать его на голосованіе.

Мистэръ Розъ.—Говоря лично за себя, я не намѣренъ это дѣлать.

Мистэръ Барнсъ (секретарь „Соединеннаго общества механиковъ“).—Также думаю и я. Намъ нужно будетъ между собою еще обсудить этотъ вопросъ.

Полковникъ Дайеръ.—А если соглашеніе будетъ отвергнуто, то, значитъ, конференціи — конецъ?

Мистэръ Селликсъ (президентъ „Соединеннаго общества механиковъ“). — Совершенно вѣрно. Ничего больше, полковникъ, нельзя пока дѣлать, къ сожалѣнію. Лично мнѣ это жаль.

Полковникъ Дайеръ.—Жаль и мнѣ.

Сэръ Бенджаменъ Броунъ (делегатъ отъ заводчиковъ).—Намъ всѣмъ жаль.

Полковникъ Дайеръ. — Это непріятно. Мы думаемъ, что боремся за хорошее дѣло. Мы боремся за васъ такъ же, какъ и за себя [1]).

Мистэръ Селликсъ.—Затрудненіе состоитъ именно въ томъ, что нельзя заставить насъ повѣрить этому. Когда вы ударяете

---

[1]) Полковникъ этихъ, конечно, хотѣлъ сказать, что если заводчики согласятся на требованія рабочихъ, то убытки будутъ такіе, что пришлось бы закрыть заводы и тѣмъ лишить средствъ къ существованію механиковъ.

Digitized by Google

кого-либо въ лицо и говорите, что это для его пользы, то трудно заставить его повѣрить вамъ.

Полковникъ Дайеръ. — Но мы васъ не били въ лицо. Мы лишь защищаемся и будемъ защищаться. Теперь же, мистэръ Селликсъ и джентльмены, позвольте мнѣ выразить вамъ свою благодарность за тотъ любезный и вѣжливый тонъ, въ которомъ велись всѣ наши переговоры, и хотя мы еще не пришли къ миролюбивому соглашенію по поводу всѣхъ нашихъ разногласій, но я надѣюсь, что мы все-таки разстаемся въ дружелюбномъ настроеніи.

Мистэръ Селликсъ. — Благодарю васъ, полковникъ Дайеръ, отъ имени моихъ товарищей за тѣ добрыя чувства, которыя вы только-что высказали, и вполнѣ присоединяюсь къ нимъ. Вы всѣ обращались съ нами очень любезно, и я сожалѣю только, что мало нами достигнуто. Надѣюсь, что произойдетъ какая-нибудь перемѣна — и въ будущемъ мы будемъ жить въ лучшемъ согласіи, чѣмъ за послѣдніе шесть мѣсяцевъ. Доброй ночи, господа!

Полковникъ Дайеръ (пожимая руку Селликсу и другимъ).— Доброй ночи!

Делегаты разошлись. Выработанный ими проектъ соглашенія былъ пущенъ на голосованіе членовъ заинтересованныхъ трэдъюніоновъ и отвергнутъ 68.966 голосами противъ 752. Тогда хозяева согласились измѣнить кое-что въ редакціи проекта, но и на этотъ разъ голосованіе рабочихъ было противъ соглашенія. Результатъ второго голосованія быть объявленъ 30-го декабря. Послѣ этого дальнѣйшіе переговоры прекратились, и стачка возобновилась съ новой силой.

III.

Новый годъ начался, такимъ образомъ, для механиковъ довольно печально. Ежемѣсячный органъ „Соединеннаго Общества механиковъ“ начинаетъ свой январьскій нумеръ слѣдующими грустными размышленіями: „Приходится признаться, что виды на ближайшее будущее неутѣшительны. Въ то самое время, какъ мы пишемъ и рождественскіе колокола гудятъ, голодъ и безпріютность царствуютъ въ районѣ федераціи, и „миръ и благоволеніе“ кажутся далеко-далеко. Дѣйствительно, веселое празднованіе Рождества въ этомъ 1897 году для насъ самое неподходящее дѣло. Оно всегда и при обыкновенныхъ условіяхъ довольно странно, но теперь, когда 50.000 человѣкъ, вытолкну-

Digitized by Google

тые изъ мирнаго занятія своими промыслами, должны по неволѣ содержаться на средства и заработки своихъ товарищей, занятыхъ выдѣлкою пушекъ и сабель, торпедъ и другихъ наиболѣе разрушительныхъ для человѣческой жизни орудій, какія только можно себѣ представить,—теперь это празднованіе рожденія Князя Мира прямо таки смѣшно. Однако, оно такъ и есть. Мы не можемъ поэтому по совѣсти писать о „веселомъ Рождествѣ", но мы надѣемся, что новый годъ намъ принесетъ улаженіе спора, и что найдется достаточно мозговъ и мускуловъ у каждаго изъ насъ, чтобы содѣйствовать улаженію споровъ, какъ нынѣшняго, такъ и будущихъ".

И новый годъ дѣйствительно принесъ примиреніе — гораздо скорѣе, чѣмъ иные ожидали. Случилось такъ, что богатый и промышленный городъ Іоркъ потерялъ своего парламентскаго представителя Локвуда, извѣстнаго въ Англіи адвоката, умершаго почти внезапно. Нужно было избрать новаго, и консерваторы выставили кандидатуру адмирала Бэресфорда, а либералы, къ партіи которыхъ принадлежалъ умершій депутатъ, предложили сэра Фарнесса, одного изъ главныхъ владѣльцевъ крупной машиностроительной фирмы на сѣверѣ Англіи. Эта послѣдняя кандидатура сразу перенесла стачку съ экономической на политическую почву и, словно бенгальскимъ огнемъ, освѣтила все дѣло и все положеніе рабочаго вопроса въ Англіи.

Фарнессъ—членъ той самой федераціи хозяевъ, которая выбросила на улицу десятки тысячъ семействъ; стачка все еще продолжается; борьба еще въ полномъ разгарѣ—и вдругъ онъ, этотъ самый Фарнессъ, выступаетъ кандидатомъ въ парламентъ и проситъ рабочихъ подавать за него свои голоса. Что это, насмѣшка, гордый вызовъ зазнавшагося врага или, дѣйствительно, серьезное желаніе быть „представителемъ интересовъ рабочаго класса"? Правда, Фарнессъ заявилъ, что онъ не одобряетъ рѣчей и поступковъ главарей федераціи, и что онъ ни минуты не остался бы членомъ ея, если бы дѣйствительно дѣло шло о разгромѣ трэдъ-юніона механиковъ; правда также и то, что въ самомъ Іоркѣ очень немного членовъ „Соединеннаго общества механиковъ". Но все-таки Фарнессъ—членъ федераціи заводчиковъ, и если солидарность рабочихъ классовъ не звукъ пустой, то его кандидатура должна быть невозможной.

И главари либеральной партіи, понимая отлично щекотливое положеніе своего богатаго кандидата, начинаютъ заискивать у рабочихъ вождей вообще и у вождей стачки въ особенности и выгораживать своего ставленника. Самъ кандидатъ также ищетъ

Digitized by Google

поддержки у рабочихъ вождей, и между нимъ и послѣдними начинаются конфиденціальные переговоры. Онъ, очевидно, обѣщается повліять на федерацію въ пользу рабочихъ, но не всѣ ему вѣрятъ, и сами рабочіе вожди распадаются на два лагеря. Одни думаютъ, что нужно поддержать Фарнесса, а другіе, напротивъ, считаютъ безусловно необходимымъ отвергнуть его, разъ онъ продолжаетъ состоять членомъ федераціи. „Если онъ серьезно хочетъ намъ добра, пусть сейчасъ же отдѣлится отъ федераціи", — говорятъ они. Во главѣ сторонниковъ Фарнесса становится секретарь мѣстнаго отдѣленія „Соединеннаго общества механиковъ", мистэръ Ратклифъ, а во главѣ противниковъ—Джонъ Бэрнсъ, извѣстный соціалистъ и членъ парламента, принадлежащій также къ союзу механиковъ. За нѣсколько дней до выборовъ, Джонъ Бэрнсъ выпустилъ большой манифестъ къ іоркскимъ избирателямъ изъ рабочихъ, въ которомъ онъ между прочимъ говорилъ слѣдующее: „Принципъ коллективнаго договора въ опасности; самая элементарная защита угнетенныхъ колеблется. Теперь-то и представился удобный случай для рабочихъ высказать свой протестъ противъ зачинщиковъ безпричиннаго прекращенія работъ на механическихъ заводахъ. Не прибѣгая къ мукамъ голоданія, безъ страха за потерю мѣста и безъ всякихъ другихъ непріятныхъ послѣдствій, обыкновенно сопровождающихъ сопротивленіе тиранніи капитала, рабочіе могутъ простымъ исполненіемъ своего гражданскаго долга вотированія нанести сильный ударъ политикѣ полковника Дайера и его приверженцевъ... Одинъ изъ этихъ приверженцевъ—сэръ Христоферъ Фарнессъ. Онъ добивается вашихъ голосовъ; у него хватаетъ смѣлости просить іоркширскихъ рабочихъ, поддерживающихъ уже шесть мѣсяцевъ механиковъ, чтобы они послали его въ парламентъ, несмотря на то, что онъ принадлежитъ къ той самой федераціи, противъ которой и направлена эта поддержка. Онъ, какъ и вы, имѣетъ полное право принадлежать къ какой ему угодно федераціи, но онъ не можетъ ожидать, чтобы вы сами укрѣпили ея положеніе его избраніемъ. Можно допустить, что сэръ Хр. Фарнессъ лично не отвѣтственъ за прекращеніе работъ; въ такомъ случаѣ, пусть онъ сейчасъ же на своемъ заводѣ допуститъ до работы людей, съ которыми у него никакихъ споровъ нѣтъ. Если онъ это сдѣлаетъ, тогда соотвѣтственно этому и подавайте свои голоса, руководствуясь лишь политическими программами кандидатовъ".

Спустя, однако, дня два по напечатаніи этого манифеста, Ратклифъ, находившійся въ Лондонѣ, прислалъ телеграмму на

Digitized by Google

имя отдѣленія союза механиковъ: „Прекратить политическую оппозицію. Объясненія удовлетворительны“.

Не успѣла телеграмма стать всѣмъ извѣстной, какъ Бэрнсъ выпустилъ новый манифестъ, въ которомъ онъ порицаетъ поступокъ Ратклифа. Послѣ такихъ противорѣчивыхъ совѣтовъ, мѣстные механики рѣшили собраться вмѣстѣ и обсудить дѣло, благо секретарь ихъ Ратклифъ возвратился изъ Лондона. Поговоривъ въ своемъ собраніи и выслушавъ своего избранника, „брата Ратклифа“, они пришли къ слѣдующимъ заключеніямъ:

„1) Мы, члены іоркскаго отдѣленія союза механиковъ, имѣемъ полное довѣріе къ мистэру Ратклифу, выражаемъ ему нашу сердечную благодарность и одобряемъ его поведеніе; 2) выслушавъ его, мы отказываемся слѣдовать за Джономъ Бэрнсомъ, и 3) выслушавъ подробное сообщеніе брата Ратклифа о положеніи Фарнесса въ спорѣ механиковъ, считаемъ, что слѣдуетъ прекратить всякую политическую оппозицію“.

Въ тотъ же вечеръ, когда въ стѣнахъ одного изъ іоркскихъ трактировъ происходило это собраніе механиковъ, на улицахъ Іорка разыгралась не менѣе любопытная и характерная сцена. Дѣло въ томъ, что въ эту описываемую нами политически-экономическую кампанію вмѣшалась и „независимая рабочая партія“, глава которой, Киръ Гарди, явился въ Іоркѣ съ спеціальной цѣлью помѣшать избранію Фарнесса. Здѣсь Гарди объявилъ митингъ на „Рыночной Площади“. Въ ожиданіи оратора собралась огромная толпа народа. Вскорѣ показалась большая платформа на четырехъ колесахъ, такъ называемая на мѣстномъ языкѣ „lorry“ или „lurry“, съ двумя скамейками на ней для сидѣнья. Пока устанавливали эту телѣгу, пока нѣкоторые изъ мелкихъ ораторовъ говорили, дѣло обстояло довольно благополучно, но когда Киръ Гарди сталъ на платформу и раскрылъ ротъ, чтобы говорить, кто-то схватился за оглобли и подъ хохотъ и свистъ всей толпы быстро потащилъ телѣгу со всѣми сидѣвшими на ней ораторами и членами „независимой рабочей партіи“. Напрасно Киръ Гарди запротестовалъ противъ такого насилія. „Поѣзжай обратно, откуда пріѣхалъ“!—„Измѣнникъ“!—„Подкупной консерваторовъ“! и т. под. нелестные возгласы полетѣли ему въ отвѣтъ. И прокативъ его черезъ всю площадь, толпа остановила телѣгу-платформу въ ближайшемъ узенькомъ переулкѣ, гдѣ, конечно, никакія публичныя рѣчи не были мыслимы, и предполагавшійся митингъ на площади потерпѣлъ такимъ образомъ полную неудачу, не лишенную комизма и пищи для шутокъ.

Мы не будемъ останавливаться на вопросѣ, была ли права, или

Digitized by Google

нѣтъ, толпа, такъ безцеремонно поступивъ съ Киромъ Гарди, который, все-таки, человѣкъ достойный, хотя, быть можетъ, и плохой политикъ. Въ данномъ случаѣ важно то, что сами рабочіе были за Фарнесса. Значитъ, такъ-называемая борьба труда съ капиталомъ въ Англіи далеко не носитъ того узкаго классового характера, того научнаго разграниченія, какое мы обыкновенно находимъ въ теоріи. Этотъ непріятный казусъ съ Гарди какъ разъ въ то время, когда вопросъ объ отношеніяхъ труда къ капиталу былъ поставленъ ребромъ, какъ нельзя лучше показываетъ, что англійскіе рабочіе знаютъ только двѣ партіи, и никакихъ другихъ знать не хотятъ. Англійскій рабочій уже пересталъ смотрѣть на фабриканта или заводчика, какъ на своего благодѣтеля, какъ на своего патрона, дающаго ему хлѣбъ. Онъ давно пережилъ эту первую фазу въ „психологіи“ капиталистическаго производства. Но онъ также пережилъ и вторую фазу, когда „хозяинъ“ объявляется непримиримымъ врагомъ, извергомъ-эксплуататоромъ.

Современный англійскій рабочій, по крайней мѣрѣ наиболѣе яркій типъ его, вступилъ уже въ третью фазу, когда хозяинъ не провозглашается больше ни благодѣтелемъ-кормильцемъ, ни хищникомъ-кровопивцемъ, а партнеромъ и компаньономъ, хотя и болѣе богатымъ. Слѣдуетъ ли считать эту третью фазу предпослѣдней, за которой уже не будетъ ни „хозяина“, ни „работника“, или же она-то и есть послѣдняя, ждущая лишь въ будущемъ своего полнаго и широкаго развитія—сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, мы видимъ только одно, что она наступила въ Англіи, и только ею мы и объясняемъ тотъ казавшійся бы невѣроятнымъ фактъ, что свыше 3.000 рабочихъ подали голоса свои за заводчика, выбросившаго, по распоряженію федераціи, на улицу ихъ же товарищей!

Но Фарнессъ все-таки въ парламентъ не попалъ: его противникъ, адмиралъ Бэресдорфъ, получилъ на одиннадцать голосовъ больше. Удержись нѣсколько человѣкъ отъ подачи голоса за адмирала, или подай лишнихъ нѣсколько человѣкъ свои голоса за Фарнесса, послѣдній былъ бы избранъ. Неудача его такимъ образомъ показала, что хотя англійскіе рабочіе не проникнуты классовымъ антагонизмомъ, но все-таки нельзя и разсчитывать на поддержку рабочихъ—въ званіи члена непопулярной федераціи. Если уже Фарнессъ, одинъ изъ образцовѣйшихъ хозяевъ, одинъ изъ крупнѣйшихъ заводчиковъ, за котораго хлопотали всѣ мѣстные рабочіе, вожди и другіе друзья народа, не могъ попасть въ парламентъ, то о другихъ чле-

Digitized by Google

нахъ федераціи и говорить нечего, и чѣмъ скорѣе поэтому она покончитъ съ стачкой—тѣмъ лучше.

И дѣйствительно, сейчасъ же за іоркскими выборами начались опять переговоры между рабочими и хозяевами. Послѣдніе заявили, что условія, выработанныя на конференціи и отвергнутыя голосованіемъ рабочихъ, не такъ были поняты, какъ слѣдовало, и они снабдили ихъ разными оговорками и толкованіями, значительно измѣнившими характеръ договора. Послѣ этого комитетъ рабочихъ, вѣдавшій стачку, взялъ обратно свое требованіе о сокращеніи рабочаго времени, и затѣмъ, такъ какъ объясненія заводчиковъ вошли составной частью въ соглашеніе, то оно было опять предложено на голосованіе—и на этотъ разъ съ совѣтомъ вождей принять его. Происшедшее голосованіе дало 28.588 голосовъ за него и 13.727 — противъ; остальные воздержались совсѣмъ отъ подачи голоса. Окончательно договоръ былъ подписанъ въ Лондонѣ 28-го января.

Обѣ стороны проиграли и выиграли. Какъ та, такъ и другая сторона какъ бы инстинктивно сознали, что ихъ прежнія претензіи и требованія отжили свой вѣкъ, что ходъ промышленнаго развитія выдвигаетъ нѣчто новое, болѣе сложное, но въ то же время и болѣе справедливое, и что многое, изъ-за чего боролись въ прежнее время, должно потерять свое значеніе при нарождающихся новыхъ экономическихъ отношеніяхъ.

Мы не остановимся на подробностяхъ этого договора, но считаемъ не лишнимъ отмѣтить здѣсь два пункта его: о поштучной работѣ и о соглашеніи для избѣжанія споровъ въ будущемъ.

Механики согласились на введеніе поштучной платы, но съ условіемъ, чтобы въ среднемъ она не была меньше ихъ теперешняго минимума заработковъ, такъ что, напр., въ Лондонѣ она не должна дать меньше девяти пенсовъ въ часъ. При этомъ хозяева обязались „платить лишнее за лишнее усиліе“ (extra payment for extra effort): это — чрезвычайно важная уступка. Пунктъ этотъ былъ бы совсѣмъ хорошъ, еслибы оцѣнка труда дѣлалась, какъ у ланкаширскихъ прядильщиковъ, комитетомъ независимыхъ экспертовъ, а не отдѣльно самими заинтересованными хозяевами и рабочими.

Второй пунктъ очень характеренъ и идетъ совершенно въ разрѣзъ съ заявленіями хозяевъ въ началѣ стачки. Тогда полковникъ Дайеръ и его коллеги прямо заявили, что они не признаютъ никакого трэдъ-юніона, а теперь они подписали соглашеніе, въ которомъ послѣдній пунктъ устанавливаетъ право ра-

Digitized by Google

бочихъ, въ случаѣ какихъ-нибудь жалобъ и претензій, дѣйствовать не лично, а черезъ свой юніонъ, и всякій споръ, возникающій на заводѣ или въ мастерской, долженъ рѣшаться представителями юніона и хозяина. Но, конечно, и эта уступка далеко еще не рѣшаетъ вопроса, покуда механическіе заводы не усвоятъ себѣ системы ланкаширскихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикантовъ, и отдѣльныя фирмы не откажутся отъ права устанавливать свои собственныя цѣны на трудъ, т.-е. пока конкурренція на почвѣ дешевизны человѣческаго труда не станетъ дѣломъ невозможнымъ.

Договоръ былъ подписанъ въ пятницу, 28-го января, а въ слѣдующій понедѣльникъ ворота заводовъ и мастерскихъ уже были открыты для рабочихъ. Работы возобновились, промышленная жизнь начала входить въ свою прежнюю колею, и возбужденныя прекращеніемъ работъ страсти быстро успокоились.

Въ тотъ же день въ газетахъ появилось слѣдующее письмо одного заводчика: „Война кончена, и теперь остается только залечить раны, полученныя въ сраженіи. Хозяева одержали верхъ, и если они воспользуются своей побѣдой разумно, они вскорѣ съумѣютъ вознаградить себя за потери, сдѣланныя ими, отстаивая свои, какъ они полагаютъ, справедливыя права. Съ рабочими, однако, дѣло, къ несчастью, обстоитъ совершенно иначе. Свыше семи мѣсяцевъ они жили на гроши, на мелкія выдачи, совершенно недостаточныя для поддержанія семействъ, и главнымъ образомъ въ кредитъ. При самыхъ благопріятныхъ условіяхъ должно пройти нѣсколько мѣсяцевъ, пока они будутъ въ состояніи расплатиться съ долгами. Было бы поэтому очень умѣстно, чтобы наиболѣе состоятельные хозяева протянули руку помощи своимъ бывшимъ оппонентамъ, а теперь вѣрнымъ слугамъ. Немного великодушія со стороны хозяевъ повліяло бы чудеснымъ образомъ на уничтоженіе непріятнаго чувства пораженія у рабочихъ. Чисто англійская манера, съ которою рабочіе сражались въ этой великой битвѣ, составляла удивленіе всего міра. Мы можемъ многому научиться у народовъ на континентѣ, но зато мы ихъ можемъ поучить, съ начала до конца, какъ вести такія войны — безъ угрозъ, безъ насилій, но съ мужествомъ и достоинствомъ. Я съ удовольствіемъ прилагаю сто фунтовъ въ исполненіе моей мысли, и не сомнѣваюсь, что другіе послѣдуютъ моему примѣру; особенно я обращаюсь къ тѣмъ заводчикамъ, которыхъ стачка и прекращеніе работъ не коснулись“.

И авторъ письма не ошибся: деньги посыпались, и въ пер-

Digitized by Google

вую же недѣлю было получено отъ заводчиковъ въ конторѣ „Соединеннаго общества механиковъ“ до 5.000 фунтовъ стерлинговъ.

Въ этомъ-то гуманномъ, миролюбивомъ характерѣ, слѣдуетъ ожидать, и пойдетъ дальнѣйшее развитіе промышленной жизни въ Англіи.

С. Р—тъ.

Digitized by Google

„ВЫШЕ!..“

Помню, вышло насъ много... Веселой семьей
Бодро раннимъ мы двигались утромъ;
Небеса разгоралися яркой зарей,
И востокъ отливалъ перламутромъ.
Вдалекѣ, тамъ, гдѣ небо съ землей обнялись,
Чуть примѣтная точка сіяла:
Къ ней завѣтныя наши стремленья неслись,
И тропинка туда пролегала...
И чѣмъ дальше—тѣмъ выше тропинка вела,
Извиваясь все круче и круче;
Насъ пугали стремнины безъ дна, безъ числа,
И вкругъ насъ собиралися тучи...
Страшно было... Погибло не мало изъ насъ,
Но мы братьевъ своихъ не жалѣли,
Шли впередъ, уменьшаясь въ числѣ каждый часъ,
Къ той желанной, таинственной цѣли...
Помню, вечеръ насталъ... Боязливой стопой
По камнямъ, черезъ рвы мы ступали;
Съ каждымъ шагомъ мы чуяли смерть за собой,
А на что опереться—не знали...
И пришли мы... Отвѣсно вздымалася въ высь
Передъ нами стѣна... На просторѣ
Плющъ съ терновникомъ всюду по ней завились,
Въ прихотливомъ цѣпляясь узорѣ.
Мракъ сгущался... Пройти утомительный путь,
Хоть и поздно, но все-жъ мы успѣли;
Добрели до конца—и пора отдохнуть
У великой таинственной цѣли...

Digitized by Google

. . . . . .

Скоро утро—и радостный солнца привѣтъ
Намъ откроетъ своей теплой лаской
Тайну жизни... Являйся скорѣй, чудный свѣтъ,
Дай забыть міръ за призрачной сказкой!
И расплавленнымъ золотомъ брызнувшій лучъ
Съ этой тайны сорвалъ покрывало:—
Горы... скалы... утесы... Надъ ними, межъ кручъ,
Путеводная искра мерцала...
Гдѣ же счастье?! Въ груди поднимался и росъ,
На устахъ у всѣхъ слышался ропотъ.
„Гдѣ же счастье?“—въ тиши прозвучалъ вдругъ вопросъ:
„Выше!“—чей-то намъ чудился шопотъ.

Г. Поповъ.

Digitized by Google

„ECCE EGO!“

Романъ Эриста фонъ-Вольцогена.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Блестящая мысль.

— Однако, виноватъ, милѣйшій герръ Шмэксъ! — проговорилъ баронъ фонъ-Клинкенбергъ.—Я совсѣмъ забылъ предложить вамъ—не угодно ли попробовать эту сигару? Она на видъ хоть не особенно красива, но зато хороша;—даю вамъ слово!

И, приподнявшись во весь ростъ (два аршина девять вершковъ!) онъ, не безъ грубости, подарилъ улыбкой маленькаго кривоплечаго человѣчка, лицо котораго оттѣнкомъ своимъ напоминало потертую позолоту. Баронъ протянулъ ему подъ самый носъ ящикъ съ сигарами; но Шмэксъ далеко не любезно отстранилъ его рукой и своимъ тонкимъ, рѣзкимъ голосомъ возразилъ нетерпѣливо:

— Очень мнѣ нужны ваши сигары! Мнѣ нужны ваши деньги, вотъ и все! Ну, что же? Могу я получить ихъ, или нѣтъ?

Молодой человѣкъ, повидимому, совершенно спокойно поставилъ на мѣсто ящикъ сигаръ, но предварительно досталъ себѣ одну изъ самыхъ кривыхъ, самыхъ неказистыхъ. На высокомъ лбу у него проступила чуть видная краска; жила едва замѣтно вздулась; но онъ мгновенно поборолъ въ себѣ приступъ гнѣва и отвѣчалъ своему мучителю съ обычной предупредительной улыбкой:

Digitized by Google

— Само собою разумѣется, вы должны получить, и получите свои деньги,—даю вамъ слово!.. Вы позволите? Я еще закурю одну. Когда мнѣ приходится распутываться въ затруднительныхъ вопросахъ, я непремѣнно долженъ курить и курить. Пожалуйста, присядьте!

— Благодарю!—проворчалъ сквозь зубы Шмэксъ, но все-таки, волей-неволей, усѣлся на ближайшемъ старомъ диванѣ, который составлялъ часть скромной обстановки кабинета, меблированнаго съ древне-франкской простотой.

Баронъ притянулъ поближе къ этому углу дивана плетеное кресло и, развалясь, вытянулъ ноги впередъ. Затѣмъ, не спѣша, выбралъ изъ числа своихъ брелоковъ маленькую гильотину и осторожно подрѣзалъ ею кончикъ своей сигары; потомъ, вынувъ изъ кармана спичечницу, досталъ спичку и ловко, твердо провелъ ею по своимъ туго натянутымъ брюкамъ...

Спичка вспыхнула съ такимъ трескомъ, что Шмэксъ вздрогнулъ.

— А, что?—засмѣялся молодой баронъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ.—Это не очень-то современно въ наше просвѣщенное время, когда царятъ—„utan svafel och fosfor“? Но мнѣ это безразлично, я унаслѣдовалъ еще отъ отца...

— Мнѣ было бы пріятнѣе, если бы вы унаслѣдовали отъ покойнаго барона что-нибудь другое, — язвительно проворчалъ Шмэксъ.

Окинувъ его недобрымъ взглядомъ, баронъ продолжалъ нетерпѣливо:

— Однако, къ дѣлу. Чего вы отъ меня хотите? Развѣ я неисправно вамъ выплачивалъ проценты?

— Проценты! Проценты! На кой чортъ мнѣ ваши проценты? Я хочу, наконецъ, получить самый капиталъ! — и онъ стукнулъ по столу своей костлявой рукою.—Два раза я ужъ вамъ давалъ отсрочку, но теперь—терпѣніе мое лопнуло! Я пять часовъ ѣхалъ по желѣзной дорогѣ, да два часа трясся въ омнибусѣ, чтобы, наконецъ, самому провѣрить: когда могу я получить обратно свои деньги?

— Сколько вамъ должно быть извѣстно, до жатвы еще далеко, а до тѣхъ поръ, ни одинъ землевладѣлецъ не опредѣлитъ суммы своихъ доходовъ.

— Прошу прощенья, а только я на это не поддамся; я вѣдь, ужъ какъ пріѣхалъ, такъ прежде, чѣмъ до васъ дойти, успѣлъ кое-что повысмотрѣть да повыспросить у добрыхъ людей. А что я вашъ единственный кредиторъ,—этого, надѣюсь, и вы не станете отрицать?

Digitized by Google

— Отчего же? Если вы ужъ такъ пристали ко мнѣ съ ножомъ къ горлу, такъ я вамъ готовъ разъяснить, что кромѣ васъ еще бо́льшія права имѣетъ по первой закладной моя тетушка—Луиза фонъ-Клинкенбергъ; затѣмъ, есть еще другія закладныя и, наконецъ, долги моего отца...

Герръ Шмэксъ прикусилъ свои тонкія губы и дрожащими пальцами принялся застегивать свое сѣрое пальто.

— Берегитесь, баронъ; обидѣть меня вамъ не удастся! Нашему брату тоже вѣдь законы хорошо извѣстны.

— Прошу васъ выражаться болѣе благопристойно!—рѣзко, по военному, оборвалъ его хозяинъ.—Съ моей стороны объ „обидѣ“ не можетъ быть и рѣчи; тѣмъ болѣе, что я не отказываюсь платить и—уплачу... ну, скажемъ, хоть черезъ шесть мѣсяцевъ отъ сегодняшняго числа. Честное слово!

— Что́ слово! Обезпеченіе—вѣрнѣе.

— Я думаю, съ васъ и того довольно, если я вамъ скажу, что намѣреваюсь въ скоромъ времени жениться на дочери одного богатаго фабриканта.

— Имя?..—недовѣрчиво протянулъ Шмэксъ.

Клинкенбергъ быстро подошелъ къ окну, распахнулъ его настежъ и такъ громко крикнулъ, что голосъ его гулко отозвался въ стѣнахъ надворныхъ строеній.

— Чучело проклятое! Оселъ!.. Если ты раздерешь губы моему жеребцу, я тебя самого такъ отдѣлаю, что своихъ не узнаешь!

Онъ погрозилъ кулакомъ и, захлопнувъ окно, обернулся къ своему собесѣднику съ любезной улыбкой:

— Итакъ, милый мой Шмэксъ: невѣста—дочь фабриканта Шёнбека, бывшаго аптекаря, а нынѣ—владѣльца химическаго завода, д-ра Генриха Шёнбека. Но уговоръ — честно держать мое признаніе въ тайнѣ.

— Понятно, баронъ! Можете на меня положиться,—ухмыляясь, увѣрялъ довольный кредиторъ.—Какъ мнѣ не знать Генриха Шёнбека? Только бы вы мнѣ не забыли прислать свадебное приглашеніе,—я и тѣмъ уже буду счастливъ: тогда я смѣло продолжу вамъ срокъ на шесть мѣсяцевъ еще.

— Ну, и тогда мы окончательно ужъ будемъ квиты!—улыбнулся баронъ, провожая къ дверямъ своего сіяющаго кредитора.—Постойте, я велю заложить, и васъ довезутъ до станціи: вамъ, вѣрно, не хотѣлось бы сидѣть здѣсь еще шесть часовъ, пока проѣдетъ снова омнибусъ?

— Крайне признателенъ за вашу любезность,—откланиваясь, говорилъ Шмэксъ, и проворно переступилъ за порогъ комнаты...

Digitized by Google

Наконецъ, баронъ окончательно отдѣлался отъ своего непрошеннаго гостя и сравнительно съ облегченнымъ сердцемъ возвратился въ домъ. Этотъ домъ имѣлъ видъ неизящнаго одноэтажнаго, длиннаго строенія; однако, несмотря на его длину и на высокую крышу, окна въ немъ были маленькія, изъ мелкихъ стеколъ; вдоль фронтона такихъ оконъ было цѣлыхъ восемь. На крыльцо вели пять гранитныхъ ступеней, но уже настолько потертыхъ и разрушенныхъ, что нуждались въ поправкѣ. Направо отъ подъема высилась надбитая мраморная ваза, а ея пара стояла безъ верхушки.

На встрѣчу къ молодому владѣльцу помѣстья шаловливо бросился датскій догъ; но задумчиво настроенный баронъ не былъ расположенъ отвѣчать на его заигрыванія:

— Убирайся, мерзкій песъ!—грубо крикнулъ онъ и такъ сильно оттолкнулъ бѣдную собаку, что та завизжала и поплелась прочь, поджавши хвостъ.

— Экая тварь несносная! Только бы ей подъ ноги соваться!—продолжалъ баронъ ворчать, огибая домъ и направляясь въ заглохшій садъ, пользовавшійся торжественнымъ наименованіемъ „парка“.

Но отнюдь не напоминали ничего подобнаго его съузившіяся отъ времени дорожки и нѣкогда цвѣтущія клумбы, теперь представлявшія собою большія плоскія пространства, заросшія травой. Съ восточной стороны къ саду примыкалъ огородъ, а съ южной, за расшатавшейся изгородью, начиналось поле. Со стороны сада домъ казался нѣсколько привлекательнѣе и уютнѣе; окна его обвивали кудрявыя вѣтви дикаго винограда; онѣ ползли вверхъ по стѣнамъ и заплетали старыя колонны, которыя поддерживали большую террасу—единственное украшеніе этого угрюмаго зданія.

Дойдя до калитки, которая вела въ поле, баронъ Клинкенбергъ раздраженно рванулъ ее, и доски разъѣхались у него на глазахъ, а края калитки покосились...

— Іохенъ! Чортъ побери! Тебѣ ли я говорилъ сто разъ, что пора починить калитку?—раздался его грозный окрикъ по адресу старика, который только-что копался поодаль, въ огородѣ, и теперь шелъ оттуда.—Желалъ бы я знать, на что ты пригоденъ, если и калитки-то починить до сихъ поръ не съумѣлъ?

— А почемъ я знаю? Про калитку, г. баронъ, въ первый разъ еще изволите мнѣ говорить.

— Пустяки! Говорю тебѣ въ сотый и въ послѣдній разъ: если до вечера калитка не будетъ въ порядкѣ,—самъ на себя пеняй!

Digitized by Google

Въ эту минуту изъ дома донесся звонкій и сильный женскій голосъ:

— Ааа-ри! Ааа-ри!

Не дожидаясь отвѣта старика, баронъ Клинкенбергъ торопливо пошелъ на зовъ, и вскорѣ на верандѣ его встрѣтила молодая дама, почти одного роста съ нимъ. Рѣзко очерченныя черты ея лица, довольно широкій подбородокъ и красивыя, какъ нарисованныя брови (такія же, какъ у него) не оставляли сомнѣнія, что это его сестра.

— Боже Ты мой, Господи! Гдѣ ты пропадаешь, Ари? Мы ищемъ тебя цѣлыхъ полчаса. Чего ты не идешь пить кофе?

— Вѣрно, у меня есть дѣла поважнѣе,—угрюмо возразилъ ей братъ, поднимаясь вверхъ по ступенямъ на крыльцо веранды.

Недовольно насупившись проходилъ онъ мимо сестры, но Карола схватила его за рукавъ, чтобы остановить.

— Постой! Скажи мнѣ сперва, кто былъ этотъ неказистый господинчикъ, котораго ты отправилъ прокатиться на прадѣдовскихъ дрожкахъ? Онъ вѣдь себѣ навѣрное шею сломитъ.

— Ха-ха-ха! Не велика бѣда: это почтеннѣйшій герръ Шмэксъ,—засмѣялся баронъ.—Онъ даже радъ, что ему выпала такая честь. Но большей онъ, пожалуй, и не стоитъ: онъ грозитъ описать у насъ все, до послѣдней нитки.

— Ты шутишь?

— Нѣтъ, право. Величію Клинкенберговъ наступилъ конецъ! Придется мамѣ отдавать комнаты въ наемъ, а тебѣ идти въ экономки; а я—я могу развѣ только служить въ берейторахъ или въ страховыхъ агентствахъ...

— Какъ глупо такъ острить! — перебила его Карола, но краска испуга залила ея щеки.

— Къ сожалѣнію, это не острота и даже не шутка,—возразилъ баронъ, входя въ столовую, гдѣ его давно ужъ поджидали мать и тетя Луиза.

Карола тотчасъ же поспѣшила сообщить матери только-что слышанное отъ брата, но уже не въ видѣ предположенія, а какъ совершившійся фактъ; не были забыты и яркія картины будущаго положенія баронессы, какъ квартирной хозяйки, и ея собственнаго житья *въ услуженіи*.

Бѣдной баронессѣ, у которой въ очертаніяхъ лица и фигуры не было ничего круглаго, кромѣ золотыхъ очковъ, стало страшно, и она растерянно глядѣла на сына; губы ея дрожали. Маленькая ростомъ толстушка-тетушка первая пришла въ себя и съ мольбой подняла къ небу свои круглые глазки, набожно наморщивъ лобъ:

Digitized by Google

— Богъ не попуститъ!.. Не попуститъ Богъ, всегда охранявшій славный родъ Клинкенберговъ! — восклицала она убѣжденно, прижимая руки къ груди. Будьте покойны, дѣти мои: живъ Богъ отцовъ нашихъ!

Тѣмъ временемъ баронъ Аривертъ подошелъ къ столу и, наливъ себѣ чашку кофе, торопливо выпилъ; на лицѣ у него появилась кислая гримаска, которую одинаково можно было приписать и качеству жидкаго кофе, и тетушкинымъ словамъ. Мать это замѣтила и поспѣшила сказать какъ бы въ оправданіе:

— Ну да; ну да: кофе не изъ важныхъ. Но и ты же вѣдь самъ запоздалъ: кофе ужъ не можетъ быть такъ хорошъ, какъ свѣжій. Хочешь, я велю подогрѣть?

— Нѣтъ, не стоитъ. Лучше пускай Карола мнѣ достанетъ въ погребѣ бутылочку рейнвейна. Вотъ, на!—и онъ швырнулъ на столъ связку ключей.

— Ты хочешь поскорѣй отпраздновать свое банкротство, пока еще не опечатали всего, что у насъ есть?—и Карола пожала плечами.—Какъ это на тебя похоже! „Хоть день, да мой“!..

— Fi donc, Карола, какъ тебѣ не стыдно! Побойся Бога такъ шутить!

— Кто хочетъ?.. Кто?—растерянно спрашивала баронесса, переводя глаза съ одного на другого.

— Ты про кого, мама?.. А, должно быть, про этого, про Шмэкса? Будь покойна: дѣло не такъ ужъ плохо и бѣда еще не такъ близка. Въ самый критическій моментъ меня, по обыкновенію, осѣнила блестящая мысль: я объявилъ ему, что я... же-нюсь!—отчетливо произнесъ онъ, особенно напирая на каждый слогъ.

— Альбертъ!—воскликнула мать и всплеснула руками.

Молодой баронъ съ досады щелкнулъ пальцами и рѣзко оборвалъ возгласъ матери:

— Прошу тебя, мама, сдѣлай одолженіе, не дразни меня своимъ „Альбертомъ“. Терпѣть я не могу этого дурацкаго имени: оно способно разстроить мнѣ самую лучшую изъ партій!

Сестра тоже начала терять терпѣнье и поддержала брата:

— Ну, конечно, мама, сдѣлай ему это удовольствіе. Ну, что тебѣ стоитъ?!—Ну, говори же скорѣе, Аривертъ, голубчикъ, кого ты думаешь осчастливить своею благородной, выхоленной рукой?

— И самъ еще не знаю,—проговорилъ молодой баронъ, вставая и засовывая руки въ карманы.—Только знаю, что на это необходимо рѣшиться и безотлагательно, какъ по командѣ, при-

Digitized by Google

вести въ исполненіе; а не то всѣмъ намъ придется круто... Развѣ что наша милая „тантхенъ“ откуда-нибудь возьметъ да подаритъ намъ десять тысячъ талеровъ?

Тетушка встрепенулась и принялась нервно обдергивать свое черное платье, разглаживая его складки на колѣняхъ.

— Право не знаю, милый Ари, почему это вы, нынѣшніе молодые люди, такъ легкомысленно и такъ не богобоязненно говорите о бракѣ!

— Извини меня, тетенька; но я вѣдь говорилъ о бракѣ не какъ о самомъ таинствѣ, а какъ о средствѣ заполучить необходимый капиталъ. Если же я теперь принужденъ жениться, то смотрю на это единственно какъ на жертву, которую сознательно приношу своей семьѣ, своему именитому роду. Жениться ради своего собственнаго желанія и удовольствія—для этого я лично недостаточно богатъ.

— Однако, не можешь же ты насъ увѣрить, что твой „человѣчекъ“ удовольствовался простымъ увѣреніемъ, что ты женишься? Онъ, вѣроятно, потребовалъ, чтобъ ты назвалъ невѣсту?— возразила Карола.

— Я и назвалъ первую изъ фамилій, которая мнѣ подвернулась: Шёнбекъ... помните?—и Аribертъ натянуто засмѣялся.

Дамы переглянулись въ недоумѣніи, стараясь припомнить.

— *Фонъ*-Шёнбекъ? Я что-то такихъ не слыхала. Гдѣ у нихъ родовыя помѣстья? — какъ-то тревожно допрашивала тетушка Луиза.

— Въ царствѣ шерсти, тетя; а теперь—въ царствѣ машинъ, шутилъ баронъ. — Отецъ уже давно разбогатѣлъ, а Шёнбекъ-сынъ работаетъ самостоятельно: онъ открылъ на свои средства химическій заводъ, въ качествѣ *доктора*, и, говорятъ, получаетъ баснословные доходы. Онъ—старый холостякъ и будто бы поклялся никогда не жениться; но зато у него есть двѣ прехорошенькихъ сестрицы — одна бойкая вдовушка, а другая дѣвица, лѣтъ двадцати—и тоже прелесть! Понятно, кромѣ своего приданаго—онѣ еще и отъ брата наслѣдуютъ все его состояніе.

Баронесса просіяла.

— Что-жъ, и отлично!—поддакнула она.—Но откуда ты все это знаешь?

— Я съ ними познакомился въ городѣ, на вечерѣ у Мейернъ-Конштейновъ. Эти Шёнбеки—настоящіе, чистокровные нѣмецкіе золотые мѣшки; и, вдобавокъ, прекрасно воспитанные и отлично образованные люди.

Digitized by Google

Баронесса фонъ-Клинкенбергъ не выдержала; она встала, подошла къ сыну и, положивъ руку ему на рукавъ, проговорила:

— Дитя мое! Да это было бы такое счастье!.. Говори же скорѣе: ухаживалъ ли ты за дамами и... которая тебѣ больше нравится?

— Вдова, пожалуй, больше мнѣ по вкусу,—началъ Аріберть, тихонько уклоняясь отъ материнской ласки.—Но выбрать себѣ жену не такъ легко, какъ купить лошадь. Я и двухъ словъ не успѣлъ съ ними сказать, а д-ръ Шёнбекъ, какъ будто, не особенно ко мнѣ расположенъ.

— Ахъ, Боже мой, конечно!—вздохнула тетка.

— То-есть, что̀ это именно: „конечно“?

— А то, что между фабрикантами, конечно, попадаются и весьма достойные люди; но въ *нашемъ* кругу... (она запнулась, поймавъ острый взглядъ баронессы).—Ахъ, да! pardon, милая Фридерика...

— Я и сама того мнѣнія,—замѣтила послѣдняя.—Вѣдь моя мать (какъ, впрочемъ, и твоя также!) была не какая-нибудь герцогиня королевской крови... Повторяй, повторяй моимъ дѣтямъ, что они должны стыдиться моего происхожденія! А между тѣмъ, не будь за мною состоянія, которое скопилъ мнѣ мой дѣдъ, знаменитый пивоваръ, давно бы пошли по-міру потомки бароновъ Клинкенберговъ. Ну, что̀ бы вы дѣлали, если-бъ отецъ вашъ былъ женатъ на какой-нибудь безприданницѣ-аристократкѣ? Тетя Лолла сидитъ себѣ, какъ насѣдка, надъ своими деньгами... отъ нея помощи не дождетесь. Ну, да,—конечно, *она* не пропадетъ.

Толстушка-тетушка вся какъ-то съёжилась, кутаясь въ большой платокъ. Ка̀рола нетерпѣливо барабанила по столу пальцами; Аріберть видимо порывался успокоить мать. Тетушка смущенно забормотала:

— Ахъ, Боже мой! Да я вѣдь не въ обиду говорю. Я скоро и совсѣмъ ничего не буду говорить. Только мнѣ всегда памятны слова моего дорогого дяди Виктора объ обязанностяхъ дворянства въ наше время...

— Этого еще не хватало!—шопотомъ вырвалось у молодой дѣвушки, и она какъ-то особенно нервно и порывисто встала, чтобы отойти въ сторону, къ брату. Ни малѣйшаго не было у нея желанія выслушивать разглагольствованія ея почтенной тетушки на эту тему.

Но тонкое ухо тетки уловило ея недовольный возгласъ.

— А, вотъ какъ?—хорохорилась она, раскраснѣвшись и на-

Digitized by Google

дувшись, какъ разсерженная курица.—Тетушка намъ, кажется, ужъ надоѣла! Тетушка здѣсь лишняя! Что-жъ, я могу и освободить васъ отъ своего присутствія: Мейернъ давно ужъ меня приглашаютъ. Майоръ такой человѣкъ, который умѣетъ почтительно обходиться съ особами почтенныхъ лѣтъ; а твоя сестра Ева гораздо милѣе и не такъ нервна, какъ ты, фрейлейнъ Карола. Потому ей Богъ и послалъ такого мужа,—да будетъ тебѣ извѣстно. Ну, а затѣмъ,—monsieur, mesdames, je m'envole. Bonsoir!—и, отвѣсивъ низкій поклонъ по всѣмъ строгостямъ менуэта, толстушка выкатилась вонъ изъ столовой.

Клинкенберги переглянулись и тихонько засмѣялись.

Не впервые грозила имъ тетушка своимъ отъѣздомъ, и этимъ угрозамъ никто не придавалъ значенія. Почти всю свою жизнь провела она здѣсь безвыѣздно, и патріархальный Штрёзенъ какъ нельзя болѣе подходилъ къ ея старомодному образу жизни и воззрѣніямъ. Вдобавокъ, все вокругъ напоминало ей „покойнаго дядю Виктора“, къ которому она питала до комизма неограниченное обожаніе. Въ нарядѣ своемъ также она оставалась вѣрна старинѣ: носила широкополыя соломенныя шляпы ветхозавѣтнаго фасона, бѣлые чулки и неуклюжіе, тупоносые сапоги... Словомъ, не мѣсто ей и у Мейерновъ, да и Клинкенбергамъ нѣчего бояться, чтобы тѣ возстановили „богатую тетушку“ противъ нихъ.

— Ну и пусть себѣ! — проговорила Карола ей вслѣдъ.—А ты, братишка, собирайся и поѣзжай скорѣе за невѣстой. Я пойду сейчасъ уложу тебѣ чемоданъ.

— Постой, постой! Это вовсе не такъ просто, — возразилъ Арибертъ.—Не могу жъ я насильно ворваться въ дверь! Они могли меня и позабыть... Наконецъ, надо мнѣ додуматься до того, какъ найти къ нимъ доступъ...

— Все равно, можешь завтра ѣхать,—твердо перебила его сестра.—Въ рѣшительную минуту тебя осѣнитъ геніальная мысль, какъ обыкновенно.

— Мегсі! Очень мило съ твоей стороны,—улыбнулся Арибертъ.—И въ самомъ дѣлѣ: я пойду къ себѣ, только прошу мнѣ не мѣшать, пока я не набреду на свою вторую „геніальную мысль“!

Карола посмотрѣла ему во слѣдъ и, покачавъ головой, замѣтила матери въ нѣсколько ироническомъ тонѣ:

— Мама, ты въ самомъ дѣлѣ увѣрена, что порядочная дѣвушка можетъ выйти за нашего Ари?

— Еще бы!—тономъ глубокой увѣренности отвѣчала баронесса.

Digitized by Google

II.

Великое открытіе.

Недолго пришлось Ариберту погружаться въ свои многоумныя размышленія, растянувшись во весь ростъ на отцовскомъ кожаномъ диванѣ. Какъ онъ ни думалъ, какъ ни раскидывалъ умомъ, а ни до чего не могъ додуматься; только зѣвота его одолѣла, и онъ крѣпко заснулъ.

Сумерки уже наступили, когда его безпорядочныя, смутныя сновидѣнія были прерваны какимъ-то дикимъ, нечеловѣческимъ крикомъ, или, вѣрнѣе, воплемъ, а за плечо кто-то трясъ его немилосердно. Еще не вполнѣ очнувшись отъ сна, молодой баронъ досадливо подумалъ, что это ему опять надоѣдаетъ его догъ, и онъ проворчалъ сурово:

— Заткни глотку, Лордъ! Убирайся! Кушъ!

Но песъ не унимался, а за плечо его трясли все сильнѣе и сильнѣе. Тогда баронъ ужъ окончательно проснулся, раскрылъ глаза, привсталъ.

У его изголовья стояла мужская невысокая, тщедушная фигура съ высоко-приподнятымъ правымъ плечомъ, въ которое уходила изящная голова съ нѣжнымъ, какъ у женщины, тонкоочерченнымъ лицомъ и шелковистыми волнами свѣтло-русыхъ длинныхъ, кудрявыхъ волосъ. Если-бъ не блѣдность изящнообрисованныхъ губъ и всего лица, его рѣшительно можно было бы назвать красивымъ. Только несоразмѣрно длинныя и тонкія руки и злополучное плечо портили впечатлѣніе, которое производилъ этотъ полуребенокъ съ блѣднымъ лицомъ и темными большими глазами.

Стоя неподвижно, онъ продолжалъ выкрикивать совершенно непонятные звуки, и Аривертъ принужденъ былъ заткнуть себѣ уши, лишь бы не слышать ихъ ужаснаго сочетанія.

Несчастный Фридрихъ-Карлъ былъ глухо-нѣмой отъ рожденія—старшій въ родѣ фонъ-Клинкенберговъ. Въ институтѣ глухонѣмыхъ его выучили читать и писать, но дальше этого, въ виду ограниченныхъ способностей, его развитіе, повидимому, не могло идти. Впрочемъ, у него была одна слабость. Онъ, вотъ уже лѣтъ двадцать, жилъ „на вышкѣ“ въ каморкѣ, гдѣ корпѣлъ почти безвыходно надъ своими книгами и рапортами: онъ любилъ химію и цѣлыми днями что-то составлялъ и растиралъ, тѣша себя надеждой, что скоро сдѣлаетъ какое-то вели-

Digitized by Google

кое открытіе. Но никто этому не придавалъ значенія, и всѣ довольствовались тѣмъ, что если Карлъ-Фрицъ и идіотъ, то хоть, по крайней мѣрѣ, идіотъ безвредный.

Ни мать, ни сестра, ни братъ, не потрудились выучиться понимать его разговоръ на пальцахъ; только тетя Лолла оказывала ему чаще другихъ вниманіе, заботясь о его пищѣ духовной (его никакимъ способомъ не могли убѣдить ходить въ церковь); вотъ тетушка и пополняла этотъ пробѣлъ, снабжая Карла-Фрица воскресными журналами или брошюрами духовнаго содержанія. Итакъ, Аривертъ, которому надоѣло сидѣть на диванѣ, прижимая ладони къ ушамъ, вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія. Онъ топнулъ, крича, чтобы братъ пересталъ, и дѣлая при этомъ сердитое лицо, даже не старался понять, что̀ за кабалистическіе знаки выражаютъ быстро задвигавшіеся пальцы Карла. Тогда, видя, что нѣмой пересталъ кричать, Аривертъ показалъ ему, что лучше написать—и тотъ проворно принялся что-то мелко-мелко выводить грифелемъ на дощечкѣ, которую носилъ при себѣ и съ помощью которой говорилъ со своими домашними.

На дощечкѣ одно за другимъ появились нижеслѣдующія слова:

— Тетя мнѣ все сказала. Ты—жениться, или всѣ банкротъ. Штрёзенъ продать. Я—голодать. Ты глупъ. *Я*—спасать всѣхъ: важное открытіе, потомъ много денегъ. Надо двѣсти талеръ. Въ Берлинъ ѣхать. Жениться не надо.

Аривертъ прочелъ и написалъ вопросъ:

— Какое открытіе?

— *Песокъ.*

— Да ты съ ума сошелъ?—прокричалъ сердито Аривертъ, забывши, что братъ не услышитъ; но затѣмъ написалъ:—И открывать нечего; у насъ и безъ того песку больше, чѣмъ нужно.

Карлъ-Фрицъ усердно и проворно стеръ все написанное и снова написалъ:

— Изъ песку я дѣлать — удобреніе. Весь Штрёзенъ—удобреніе, золотое дно!

Аривертъ расхохотался и отвѣтилъ:

— Твое открытіе испарится, какъ дымъ.

Нѣмой прочиталъ, разсердился и пригрозилъ брату кулакомъ; затѣмъ присѣлъ на стулъ у окна и принялся поспѣшно заполнять свою дощечку цифрами, плюсами и скобками. Глядя ему черезъ плечо, Аривертъ съ удивленіемъ слѣдилъ за грифелемъ, выводившимъ:

$$HNO_3 + KNO_3 + (SiH_3 + P_2O_5) + NH_3 ...$$

Digitized by Google

Но тутъ Аривертъ остановилъ брата, съ большимъ трудомъ пальцами возражая ему однимъ единственнымъ, но обиднымъ словомъ:—Безсмыслица!

Несчастный разсвирѣпѣлъ и знаками, прикасаясь то къ своему, то къ братнину лбу, очевидно хотѣлъ показать, что—*„у него* (молъ) *въ головѣ есть мозги, есть вдохновеніе; а въ головѣ Ари— пусто“*.

Но Ари вырвалъ у брата дощечку и написалъ:

— Мнѣ дѣла нѣтъ: обращай дымъ въ золото, или золото въ дымъ—все равно. Денегъ у меня нѣтъ; отъ меня не получишь.

— Тетя и я уѣзжать. Тетя отказать мнѣ наслѣдство, — отвѣтилъ Карлъ-Фрицъ.

Аривертъ пожалъ плечами.

— Хорошо. Ѣдемъ всѣ втроемъ. Я ѣду смотрѣть невѣсту.

— Хорошо. Разрывную бомбу—и въ день свадьбы все взорвать. Уррра!..

Выкрикивая какіе-то безсвязные звуки, весь красный отъ ярости, Карлъ-Фрицъ закашлялся и чуть не бѣгомъ бросился вонъ изъ комнаты, хлопая одной, другой, третьей дверью, по дорогѣ къ себѣ, на вышку. Еще разокъ хлопнула дверь—и все затихло.

Мало-по-малу стихло и раздраженіе Ариберта. Противъ его воли, въ глазахъ у него мелькали цифры, которыми пестрѣла дощечка брата и ему начало думаться, что, можетъ быть, и есть въ нихъ какой-нибудь смыслъ. Но какъ это узнать? Надо бы спросить человѣка, знакомаго съ химіей.

— Вотъ и предлогъ заѣхать къ д-ру Шёнбеку: онъ вѣдь знатокъ и спеціалистъ. Блестящая мысль! А тамъ—переходъ отъ золотого песку къ вдовѣ или ея сестрѣ устроится какъ-нибудь самъ собою... Лина! Лина! Несите чемоданъ: я завтра ѣду!..

На слѣдующій день, въ первомъ часу дня, баронъ фонъ-Клинкенбергъ уже вышелъ на платформу станціи, отъ которой былъ недалеко химическій заводъ д-ра Шенбека. Доѣхавъ до самой лучшей изъ мѣстныхъ гостинницъ, Аривертъ занялъ приличный нумеръ и скромно закусилъ передъ тѣмъ, какъ одѣться и почиститься. Онъ считалъ весьма важнымъ дѣломъ элегантную внѣшность и съ особымъ стараніемъ ухаживалъ за своими ногтями, красивымъ лицомъ и статною фигурой, которая показалась ему сегодня красивѣе, чѣмъ когда-либо. Бѣлоснѣжный жилетъ, безукоризненно сидѣвшій сюртукъ, небольшой, чуть-чуть къ лѣ-

Digitized by Google

вому уху наклоненный сѣрый цилиндръ; красиво-расчесанная бородка, словно точеныя очертанія лица—все, все было въ немъ полно благородства и изящества.

— Браво! Отлично!—не удержался онъ отъ похвалы себѣ.

Не спѣша, чтобы не разгорячиться, Аристертъ дошелъ до биржи извозчиковъ и выбралъ самыя лучшія изъ дрожекъ, сѣлъ и поѣхалъ.

Ему очень было пріятно узнать изъ календаря, что „Вилла Тегель“, собственность Шёнбековъ—недалеко отъ вокзала, и онъ ѣхалъ въ довольно бодромъ настроеніи, которое, впрочемъ, не покинуло его и по пріѣздѣ на виллу.

Экипажъ его остановился позади дома, такъ какъ фасадомъ онъ стоялъ къ озеру и даже съ той стороны ничего особеннаго не представлялъ. Зато по обѣ стороны его раскинулся густой и дѣйствительно прекрасный садъ, въ бесѣдку котораго пошла пожилая служанка передать карточку вновь прибывшаго. Послѣдній не спѣша шелъ за нею и могъ убѣдиться, что садъ прекрасно содержанъ.

Съ нескрываемымъ любопытствомъ обернулись обѣ дамы, сидѣвшія въ бесѣдкѣ, за столомъ, и смотрѣли на гостя. Изъ мужчинъ одинъ остался сидѣть, а другой, прочитавъ громко имя на карточкѣ, повидимому, ничего не уяснившее ему, всталъ и пошелъ на встрѣчу посѣтителю. Высокій, худой, д-ръ Шенбекъ казался еще болѣе сухимъ и тощимъ безъ шляпы на головѣ. Когда онъ приблизился, баронъ также снялъ шляпу.

Гость и хозяинъ довольно смущенно пожали другъ другу руку.

— Г. фонъ-Клинкенбергъ? — довольно сухо спросилъ докторъ.—Пожалуйста, не безпокойтесь!—и онъ сдѣлалъ жестъ, чтобы гость не трудился снимать шляпу.—Чему обязанъ удовольствіемъ видѣть васъ у себя?

— Pardon! Конечно, вы не могли меня помнить,—съ любезной улыбкой возразилъ баронъ, въ душѣ проклиная непривѣтливаго хозяина дома.—Мы вѣдь встрѣчались только мелькомъ у Мейернъ-Конштейновъ, гдѣ я имѣлъ честь быть вамъ представленнымъ, а равно и вашимъ милымъ дамамъ.

— А, такъ... такъ: у Мейернъ-Конштейновъ... Пожалуйста, прошу!—и докторъ указалъ на бесѣдку, на столъ, за которымъ сидѣли дамы.

— Нѣтъ, благодарю васъ; не смѣю вамъ мѣшать. И, наконецъ, я самъ землевладѣлецъ и понимаю, какъ теперь каждая минута дорога. Я потому только рѣшился васъ побезпокоить,

Digitized by Google

что сегодня воскресенье, и я полагалъ, что вы нѣсколько свободнѣе отъ занятій. Я высоко цѣню вашу просвѣщенную дѣятельность, и еслибъ васъ не слишкомъ затруднило... еслибъ вы не отказали въ вашемъ просвѣщенномъ... совѣтѣ...

— А! Значитъ, вы по дѣлу?—не мѣняя ни тона, ни выраженія лица, проговорилъ Шёнбекъ и пригласилъ движеніемъ руки пойти по направленію къ дому; но баронъ отклонилъ приглашеніе.

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда не прощу себѣ, что оторвалъ васъ отъ завтрака! Я лучше подожду; пожалуйста, не стѣсняйтесь.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте предложить вамъ выпить съ нами вмѣстѣ чашку кофе?

— Благодарю васъ за любезность; тѣмъ болѣе, что почту себя счастливымъ возобновить хоть краткое, но очаровательное знакомство съ вашими прелестными дамами; отнюдь мнѣ не хотѣлось бы васъ стѣснить...

Д-ръ Шенбекъ представилъ своего нежданнаго гостя всему семейству, причемъ старикъ,—такой же высокій и худой, какъ сынъ,—пробормоталъ что-то такое, чего баронъ не могъ разобрать; но наудачу все-таки отвѣтилъ съ почтительнымъ поклономъ:—Весьма любезно съ вашей стороны.

И, отдавъ такимъ образомъ дань старости, баронъ обратилъ свое благосклонное вниманіе на прелестныхъ представительницъ молодости и красоты.

Молодая и хорошенькая вдовушка обернулась къ нему съ улыбкой, которая ясно говорила, что она рада гостю, какъ инциденту, внесшему нѣкоторое разнообразіе въ ихъ однообразную жизнь. Она весьма рѣшительно подтвердила, что и она съ тѣхъ поръ запомнила г. барона, и нашла чрезвычайно милымъ съ его стороны, что онъ вспомнилъ про нихъ. Сестра ея, Шарлотта, молча наклонила свою красивую головку; привѣтливо смотрѣли на гостя ея темно-синіе дѣтски-открытые глаза.

Фрау Прюммеръ была меньше ростомъ, чѣмъ Шарлотта, полнѣе и шаловливѣе на видъ, судя по непослушнымъ завиткамъ ея темныхъ волосъ, которые выбивались у нея изъ-подъ прически. Она продолжала весело болтать въ то время, какъ служанка принесла чашку кофе, и вдовушка своими собственными пухленькими пальчиками передала ее барону.

— Сознайтесь, г. баронъ, неужели вы и въ самомъ дѣлѣ думали о насъ послѣ того, какъ видѣлись впервые у Мейернъ-Конштейновъ? Или, быть можетъ, помнили только нашего ученаго? Въ этомъ мірѣ дѣловыхъ людей и финансистовъ мужчины

Digitized by Google

слишкомъ погружены въ свои дѣловыя соображенія для того, чтобы удѣлять хоть небольшую долю вниманія дамскому обществу.

— Прошу васъ, не считайте меня въ ихъ числѣ!—протестовалъ убѣдительно Аribертъ.—Я лишь случайно очутился въ этомъ дѣловомъ кругу, потому что имѣлъ личное дѣло къ хозяину дома.

— А! Такъ же, какъ и мы,—подхватила молодая женщина.—На биржѣ мы не играемъ,—но иногда по неволѣ, въ виду дѣловыхъ сношеній брата, обязаны фигурировать въ обществѣ: на то мы вѣдь и дочери фабриканта. Въ этомъ мы сравнялись съ высокопоставленными особами и принцессами крови,—хоть то утѣшеніе!

— Удивительно, право, Гедвига!—замѣтилъ ей братъ поучительнымъ тономъ.—Не ты ли сама плачешься на тишину и однообразіе нашей замкнутой жизни? Тебѣ бы слѣдовало...

— Всѣмъ быть довольной, да?—перебила его сестра.—Благодарю покорно! Стремленіе къ общественной жизни и удовольствіямъ обусловливается надлежащимъ настроеніемъ, но и оно у меня довольно требовательно. Я считаю, что общество только тогда не скучно и разнообразно, когда оно пестро, когда въ немъ сливаются самые разнородные элементы (въ наилучшемъ значеніи этого слова, само собою разумѣется). Мнѣ нравится видѣть юношей рядомъ съ сѣдыми стариками, художниковъ и ученыхъ, милыхъ бездѣльниковъ и людей серьезныхъ—только фатовъ и „parvenus“ я не терплю!

— Браво, браво!—подхватилъ баронъ ея горячую рѣчь.—Я понимаю васъ и вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе. Надо же, чтобы въ природѣ существовала симпатія душъ! Недаромъ я тогда почувствовалъ, что вы должны думать и чувствовать иначе, чѣмъ другіе.

— Кто это, я?—кокетливо спросила Гедвига.

— Да, вы и ваша уважаемая сестра, конечно! Впрочемъ, съ тѣхъ поръ я больше не бывалъ нигдѣ и жилъ единственно воспоминаніями, которыя были для меня тѣмъ свѣтлѣе, чѣмъ угрюмѣе было мое одиночество въ моей глухой усадьбѣ.

— О, вы, кажется, склонны преувеличивать?—шутила фрау Прюммеръ.—Конечно, и ты этому не вѣришь, не правда ли, Лотта?

Шарлотта отвѣтила короткимъ, но звонкимъ и искреннимъ смѣхомъ.

— Клянусь вамъ честью! Тому свидѣтельницы моя мать и

Digitized by Google

сестра и, наконецъ, развѣ у меня такое лживое лицо? Ну, неужели?

У него это вышло такъ весело, непринужденно, что даже чело суроваго ученаго прояснилось, и онъ дружелюбно улыбнулся.

Дамы весело разсмѣялись, а Гедвига поспѣшила спросить: какого же рода жизнь приходится ему вести у себя въ имѣніи?

Краснорѣчіе барона только того и ждало, чтобъ ему дали волю, и полилась его горячая, образная рѣчь; картина слѣдовала за картиной... Слушатели не скучали, а это было главное. Сила минутнаго вдохновенія въ словахъ Ариберта превратила его докучное житье въ идиллически-прекрасное и пріятное для землевладѣльца. Свой песчаный Штрёзенъ онъ шутя называлъ своимъ „баронствомъ“, неказистый помѣщичій домъ—„живописнымъ замкомъ въ миніатюрѣ“, заглохшій садъ—„паркомъ“. Свою семейную жизнь въ кругу милыхъ мама, сестрицы и тетушки онъ представилъ въ самомъ лазоревомъ и розовомъ свѣтѣ, а надъ ними невидимо парилъ, благословляя, величавый и благосклонный духъ почтенной бабушки-рейхсграфини.

И четверти часа не прошло, какъ Аribertъ почувствовалъ, что произведенное имъ впечатлѣніе говоритъ въ его пользу.

— Но прошу васъ не думать, что мы живемъ ужъ черезчуръ безлюдно въ своемъ уединеніи!—продолжалъ онъ, спѣша воспользоваться удобнымъ моментомъ, чтобы его упрочить.—Напротивъ, дружеское общеніе въ провинціи сильнѣе и значительнѣе, чѣмъ у васъ въ городахъ. И какое разнообразіе типичнѣйшихъ людей! Какъ они опредѣленно выступаютъ изъ рамокъ безхитростной и вѣчно-юной матери-природы! Тутъ-то и изучать людей, и сближаться съ ними. Скажемъ хоть, напримѣръ, у насъ по сосѣдству. Ну, просто баснословно, до чего интересны типы разныхъ оттѣнковъ и величинъ! Вы думаете, можетъ быть, что у насъ если офицеръ, такъ и говоритъ ни о чемъ, кромѣ лошадей, не умѣетъ? А землевладѣлецъ дальше урожая картофеля не простираетъ своего любопытства? Жестоко ошибаетесь! Какъ въ военной, такъ и въ помѣщичьей средѣ встрѣчаются не только разносторонне-образованные люди, но изслѣдователи и ученые. Нѣтъ, кромѣ шутокъ! Что же касается развлеченій, концертовъ, театровъ и баловъ,—кто намъ мѣшаетъ для этого на нѣкоторое время перебраться въ городъ, какъ вы, горожане, напримѣръ, съ тою же цѣлью освѣжиться переселяетесь на лоно природы?! И развѣ мало у насъ дома развлеченій? Развѣ не эстетическое чувство испытываешь при видѣ своего горячаго,

Digitized by Google

красиваго коня, который мчитъ васъ, какъ вихрь, разрѣзая свѣжій утренній воздухъ? Ничто не сравнится съ наслажденіемъ сознавать, что добрый конь пляшетъ подъ сѣдломъ, чуя своего господина, и не бѣжитъ, а стелется по зеленѣющимъ лугамъ, мимо вспаханныхъ полей, надъ которыми легкій утренній туманъ окутываетъ молодые всходы. А посмотрѣли бы вы, какъ онъ прядетъ ушами, словно не желая упустить ни одного звука изъ переливчатой трели жаворонка или крика перепелки!.. Осенью тоже дивно хорошо у насъ въ лѣсу и на лѣсныхъ лужайкахъ, а далеко въ просвѣтъ между деревьями на встрѣчу вамъ глядятъ солнечные лучи и въ своихъ золотистыхъ волнахъ несутъ тонкую паутину, рой запоздалыхъ мошекъ или легкій красноватый листокъ, который гонитъ осенній, еще теплый вѣтеръ...

Арибертъ умолкъ, самъ изумленный своей словоохотливостью, а еще того болѣе произведеннымъ впечатлѣніемъ, которое отражалось на лицахъ слушателей, внимавшихъ ему, какъ проповѣднику съ высоты каѳедры. Даже Шарлотта, углубившаяся въ работу послѣ того, какъ кончили пить кофе, опустила руки на колѣни и задумчиво смотрѣла куда-то вдаль, а длинныя кудри ея темныхъ волосъ придавали ей такой поэтичный видъ, что Арибертъ самъ заглядѣлся на нее, мысленно сравнивъ съ Тэклой изъ „Валленштейна“.

Всѣ продолжали молчать, и баронъ уже былъ готовъ опять заговорить, чтобы вывести и окружающихъ, и себя изъ состоянія слишкомъ продолжительнаго безмолвія, какъ вдругъ оно было прервано какимъ-то неопредѣленнымъ возгласомъ старика Шенбека, который обратился съ вопросомъ къ гостю, но тотъ лишь съ трудомъ разобралъ изъ его безсвязныхъ словъ нѣчто похожее на:—Вы любите рыбу?

Прежде чѣмъ Арибертъ успѣлъ отвѣтить, остальные члены семьи встали, и д-ръ Шенбекъ, любезно взявъ подъ руку своего гостя, увелъ его говорить по дѣлу.

„Дѣловой“ разговоръ ихъ, однако, длился недолго. Арибертъ дошелъ до химической формулы, которую, къ сожалѣнію, никакъ не могъ припомнить.

— Такъ, такъ!—воскликнулъ горячо д-ръ Шенбекъ.—Это-то больше всего меня и интересуетъ.

— Ахъ, Боже мой, мнѣ что-то не вѣрится въ дѣйствительность этой фантазіи!—возразилъ добродушно молодой баронъ.—Врядъ ли что-нибудь изъ этого выйдетъ, тѣмъ болѣе, что молодой человѣкъ нѣсколько болѣзненнаго склада; у него, что называется, грудь слаба.

Digitized by Google

Д-ръ Шенбекъ усмѣхнулся, подразумѣвая подъ этими словами „душевное разстройство“, и баронъ остался очень доволенъ, что онъ такъ добродушно отнесся къ его заявленію, что врядъ ли выдумка, о которой онъ ему сообщилъ—дѣло серьезное. Онъ радъ былъ, что докторъ такъ легко принялъ свое разочарованіе.

Д-ръ Шенбекъ взялъ подъ руку своего молодого гостя и весело предложилъ:

— Ну, а теперь, когда мы покончили съ дѣлами, не вернуться ли намъ къ нашимъ дамамъ?

— Съ удовольствіемъ!—восторженно подхватилъ гость.—Что у васъ за очаровательныя сестры!..

И они подъ-руку вышли въ садъ.

III.

Очарованіе, разочарованіе и любовь къ природѣ.

Тѣмъ временемъ, сестры расположились на площадкѣ для крокета и были не мало удивлены замѣтнымъ радушіемъ, которое царило между ихъ угрюмымъ братомъ и оживленнымъ гостемъ.

— Смотри, Лотта, что за веселое лицо у нашего Гейни! —громкимъ шопотомъ сообщила Гедвига.—Пари держу, что баронъ сказалъ ему что-нибудь такое... *не*-дѣловое!

— Что же онъ могъ ему сказать?

— Ахъ, не дѣлай, пожалуйста, такого вида, будто не понимаешь! Не для меня же онъ пріѣхалъ...

Шарлотта пожала плечами, улыбаясь, но Гедвига горѣла нетерпѣніемъ скорѣе провѣрить свои предположенія и проворно пошла на встрѣчу мужчинамъ.

— Вотъ и прекрасно, что вы вернулись! Теперь сыграемъ партію въ крокетъ; согласны герръ фонъ-Клинкенбергъ? Сегодня на парусахъ кататься нечего и думать: ни вѣтринки на озерѣ. Лучше поиграемъ здѣсь, и ты также, Гейни, непремѣнно! Не отговаривайся, не поможетъ! Она подхватила брата за рукавъ и потянула его въ сторону, за собою.

— Вы простите, баронъ?—смѣялась она, уходя.—У меня тоже дѣловой разговоръ!..—и очутившись на почтительномъ разстояніи отъ гостя, зашептала брату:—Ну, говори! Ну, что?

— Какъ что? Развѣ тебя дѣла такъ горячо интересуютъ?

Digitized by Google

— Ахъ, Боже упаси! Конечно, нѣтъ. Но онъ вѣдь ради насъ пріѣхалъ.

— Ты думаешь?

— А ты—развѣ нѣтъ? Не представляйся, мой другъ,—самъ давно догадался. Ну, что онъ говоритъ?

— Все глупости и пустяки.

— Ну, вотъ еще! Напримѣръ?

— Онъ говоритъ, что, къ сожалѣнію, нравится только вдовамъ, но никогда въ жизни не рѣшится жениться на вдовѣ.

— Гейни! Ну, какъ тебѣ не стыдно такъ смѣяться!—укоризненно проворчала фрау Прюммеръ и направилась къ молоткамъ.

Арибертъ слѣдилъ за нею восторженнымъ взглядомъ. Въ ней ему нравилась ея бойкая непринужденность, ея граціозныя движенія, ея юная миловидность. Но это не мѣшало ему мысленно задавать себѣ вопросъ: какое состояніе могъ ей оставить покойный Прюммеръ?

— Герръ фонъ-Клинкенбергъ! Не угодно ли вамъ будетъ выбрать оружіе?—перебила Шарлотта его размышленія.

Онъ сконфуженно улыбнулся:

— О, pardon!.. Конечно, съ удовольствіемъ,—и поспѣшилъ взять молотокъ. Красный и зеленый достались ему и Гедвигѣ, черный и желтый—доктору и Шарлоттѣ. На минуту разговоръ оборвался.

— Вы много танцовали эту зиму? — довольно ненаходчиво началъ гость, обращаясь къ Шарлоттѣ.

— Нѣтъ, я вообще еще ни разу не была на балу,—равнодушно замѣтила молодая дѣвушка.

— Да неужели?! — воскликнулъ Арибертъ. — Но, простите: развѣ вамъ не скучно было за всю долгую зиму?

— О, мнѣ никогда скучно не бываетъ,—съ чуть замѣтной ироніей въ улыбкѣ возразила она.—Я много читаю, еще больше —играю и, наконецъ, хозяйничаю...

— А!.. Это... это очень... Но надо же вѣдь нѣсколько и подвигаться?

— Еще бы! Братъ очень любитъ прогулки и всегда беретъ меня съ собою. Лѣтомъ мы ходимъ далеко въ горы... Для меня это верхъ красоты и удовольствія!

— А!..—протянулъ Арибертъ, не зная, что сказать, и радъ былъ, что докторъ и Гедвига начали игру.

— Возможно ли, чтобъ до сихъ поръ фрейлейнъ Шарлотта

Digitized by Google

ни разу не была на балу и не любила танцовать? — спросилъ онъ у своего партнера—фрау Прюммеръ.

— Ну, знаете, отъ того, съ чѣмъ еще незнакома, не трудно отказаться,—отвѣчала она.—Съ пятилѣтняго возраста Лотта осталась сиротою и братъ замѣнялъ ей мать; а онъ ужъ конечно—поглядите на него!—не сочувствуетъ танцамъ. Я сама была уже замужемъ, когда первый разъ появилась на балу, и страстно люблю танцы.

— Можно себѣ представить: ваши движенія, ваша походка... Хотѣлось бы мнѣ быть вашимъ кавалеромъ.

— Ну, это ужъ на будущую зиму,—вспыхнувъ отъ удовольствія, возразила молодая женщина.—Я дала себѣ слово оживить, насколько возможно, будущій сезонъ...

— Будущій сезонъ? Не выдержу такъ долго! — съ комическимъ ужасомъ перебилъ баронъ.

— Берегитесь! Я васъ отогнала,—крикнула ему Шарлотта.—Ищите теперь свой шаръ,—не найдете! Я осмѣлилась васъ подальше послать! Не угодно ли?

Аribертъ разсыпался въ извиненіяхъ, разыскалъ свой шаръ и, подчиняясь указаніямъ дамъ, погналъ его на мѣсто. Видя, что это имъ особенно пріятно, онъ старался казаться менѣе опытнымъ, чѣмъ онѣ. Поставивъ свой шаръ на позицію, онъ остановился и воскликнулъ:

— Позвольте: блестящая мысль! Какъ человѣкъ холостой и неосѣдлый, я, къ сожалѣнію, не могу васъ пригласить къ себѣ; но зато сестра моя и зять фонъ-Мейернъ получатъ отъ меня разрѣшеніе и полную свободу просить васъ къ себѣ на балъ: надо же посвятить въ его прелести фрейлейнъ Шарлотту. Съ вашего позволенія, я почту за честь быть вашимъ крестнымъ!—и онъ отвѣсилъ ей низкій поклонъ.

— Ахъ, такъ вы это затѣваете собственно для меня?—довольно ѣдко замѣтила молодая дѣвушка.

Вдовушка какъ-то черезчуръ по-дѣтски захлопала въ ладоши.

— Браво! Браво! Дѣйствительно блестящая мысль. Гейни! Да что же ты молчишь? Не надо мѣшать нашему веселью.

Докторъ подошелъ къ говорившимъ и отвѣчалъ довольно сдержанно:

— Да я и не хочу ничему мѣшать. Но согласись, что это какъ-то ужъ слишкомъ безцеремонно: мы вѣдь почти незнакомы съ майоромъ и его семьей.

— Помилуйте! Да это устранить такъ просто: на-дняхъ мы

Digitized by Google

всѣ сойдемся въ одномъ изъ ресторановъ, въ Берлинѣ, я вамъ представлю зятя, и—дѣло сдѣлано! И онъ, и сестра моя будутъ оба въ восторгѣ.

Возражая на это, д-ръ Шенбекъ рисковалъ бы показаться невѣжливымъ и неприличнымъ; ему оставалось только согласиться.

Партія фрау Прюммеръ побѣдила, благодаря ея искусству и несмотря на промахи ея партнера, которые она же ловко исправляла. Шарлотту вызвали по хозяйству, брата ея позвалъ отецъ; Аривертъ остался наединѣ съ прелестной вдовушкой.

Благословляя въ душѣ судьбу, пославшую ему такой удобный случай, баронъ глубоко вздохнулъ.

— Что вы? Васъ крокетъ утомилъ?—послышался рядомъ съ нимъ лукавый вопросъ.

— О, нѣтъ! Съ такимъ милымъ партнеромъ я бы весь вѣкъ готовъ играть неутомимо! Рыцарь, который носитъ ваши цвѣта, увѣренъ въ побѣдѣ.

Прелестная вдовушка зарумянилась и стала еще прелестнѣе.

— Кажется, папа все еще удитъ рыбу; хотите, пойдемъ посмотрѣть?

— Ради Бога!—ужаснулся Аривертъ.—Терпѣть я не могу рыбъ,—этихъ скользкихъ тварей съ холодной кровью. Воздухъ вѣетъ такимъ дивнымъ тепломъ и настроеніе также. Что это за чудный день! Когда на горизонтѣ угасаетъ солнце, не чудится вамъ, что оно вливаетъ въ душу тоску разставанья?

— Но если оно разрумянитъ небосклонъ, это вѣдь предвѣщаетъ впереди не одинъ чудный день? — скромно потупивъ глазки, возразила Гедвига.

— Конечно; но зато тѣмъ болѣе вамъ слѣдуетъ пожалѣть о бѣдномъ отшельникѣ, который встрѣтитъ эти дни одинъ въ своемъ уединеніи, куда ему пора ужъ возвращаться.

— О, вы такъ поэтично описали это самое уединеніе!..

— Быть можетъ; но никогда оно не тяготило меня такъ, какъ въ настоящую минуту. Дайте мнѣ вамъ сказать...

— Мама! Мама! Да гдѣ-жъ ты, наконецъ! — чуть не подъ самымъ ухомъ у него раздался сильный дѣтскій голосъ.

Съ нескрываемой досадой Гедвига поспѣшила ко входу въ аллею и на ходу проговорила:

— Ахъ, простите, пожалуйста: это мой малютка. Онъ загулялся съ своей бонной и теперь, вѣроятно, ищетъ меня, чтобы попрощаться передъ сномъ.

Digitized by Google

Аривертъ былъ пораженъ и... непріятно пораженъ такимъ открытіемъ.

— А! У васъ есть... малютка?—смущенно переспросилъ онъ.

Но мальчикъ уже появился, какъ въ рамкѣ, въ потемнѣвшемъ отверстіи тѣнистой аллеи, и съ громкимъ, радостнымъ крикомъ бросился къ матери, которая нагнулась къ нему, поцѣловала и подвела за руку къ „чужому дядѣ“:

— Ну, будь же умница и хлопни ручкой, какъ мужчина!

Аривертъ погладилъ мальчика по большой, неуклюжей головѣ, потрепалъ по раскраснѣвшимся щечкамъ и проговорилъ:

— О, да ты совсѣмъ молодчина! Какъ же тебя зовутъ?

— Долло Прюммеръ!—смѣло отвѣчалъ ребенокъ.

— Его зовутъ Конрадъ, такой глупышка! А спросите, сколько ему лѣтъ? Онъ вамъ отвѣтитъ безъ запинки: девять!— Это его любимое число. Но ему пока только пять.

— Прелестный ребенокъ! — счелъ нужнымъ Аривертъ противъ совѣсти похвалить рѣшительно некрасиваго, большеголоваго мальчугана, лицомъ скорѣе похожаго на своего (по всей вѣроятности, чрезвычайно некрасиваго) отца, нежели на мать.

Гедвига изумилась.

— Что вы? Неужели? Я нахожу, что онъ день ото дня все больше походитъ на отца; тотъ былъ далеко не красивый, но зато весьма достойный человѣкъ и знатокъ торговаго дѣла. Надѣюсь, и Конрадхенъ будетъ у меня такой же хорошій и трудолюбивый; какихъ-либо другихъ талантовъ онъ не проявляетъ.

— Однако, позвольте: у него весьма энергично очерченный профиль и такой звонкій голосъ: ему только бы выкрикивать команду! Ты хочешь быть военнымъ, а, дружище?

Фрау Прюммеръ нагнулась вытереть своему наслѣднику „энергичный“ носъ и проговорила нѣсколько сентиментальнымъ тономъ:

— Ахъ, ужъ, пожалуйста, не вбивайте ему въ голову ничего подобнаго! Ему прямая дорога быть фабрикантомъ и купцомъ, какъ его отецъ; не даромъ же онъ—единственный сынъ и безраздѣльный наслѣдникъ отцовской фирмы. Всѣ только того и ждутъ, чтобы скорѣе выросъ этотъ человѣчекъ.

По мѣрѣ того, какъ она говорила, лицо у Аривертa все вытягивалось и вытягивалось.

— Ага! Такъ вотъ какіе бываютъ знаменитые фабриканты „en herbe“!—попробовалъ-было пошутить примолкшій баронъ; но не весело звучала его шутка. Молодая-женщина поспѣшила

Digitized by Google

проститься съ ребенкомъ, который громко протестовалъ и вырывался. Наконецъ, боннѣ удалось увести его насильно.

Молодой человѣкъ молчалъ; разговоръ начала Гедвига.

— Знаете, я собственно вовсе не гожусь для выполненія этой задачи и съ большой готовностью возложила бы ее на брата: въ немъ вся моя надежда. Я бы скорѣй способна воспитать художника, артиста, но только не ученаго, не коммерсанта. И вообще, я какъ-то пришлась не подъ стать своей семьѣ, а Прюммерамъ—и тому подавно. Я до сихъ поръ еще не могу разобраться въ своихъ житейскихъ стремленіяхъ. Можете ли вы себѣ это представить?

— Отчего же! — разсѣянно отвѣтилъ Арибертъ. — Но, мнѣ кажется, необходимость заботиться о ребенкѣ все-таки могла бы вами въ этомъ случаѣ руководить.

— Не сочтите это съ моей стороны чрезмѣрнымъ легкомысліемъ,—возразила молодая женщина: — но я охотнѣе всего поручила бы брату своего мальчугана, а сама... сама я считаю, что не особенно похвально жить ничего не дѣлая, на одни проценты, и думаю... думаю пойти на сцену... Страстно люблю театръ!

Арибертъ состроилъ въ высшей степени глубокомысленное и степенное лицо.

— Помилуйте, это все хорошо, но не для васъ! Не мѣсто вамъ на грязныхъ подмосткахъ, среди интригъ и закулисной разнузданности. Не съ вашимъ образованіемъ, не съ вашей красотой...

— Вы, можетъ быть, и правы; если-бъ вдругъ сердце мое заговорило... Да, на этотъ разъ я послушалась бы *только* сердца...

Лукавый взглядъ ея украдкой изучалъ малѣйшую перемѣну въ выраженіи лица любезнаго гостя; вѣдь она прямо подсказываетъ ему благопріятный отвѣтъ.

Любезно улыбнулся молодой баронъ, но въ свою очередь потупилъ взоры и тихо, прочувствованно возразилъ:

— Сердце! О, да: сердце въ нашъ сухой матеріальный вѣкъ совсѣмъ вышло изъ моды. Что ни книга, что ни случай изъ жизни, только оглянись кругомъ—повсюду браки по разсчету, изъ-за денегъ; чувства, теплаго, безкорыстнаго чувства не ищите! Его нѣтъ, его днемъ съ огнемъ не найдете. Тѣмъ болѣе цѣню я бракъ моего отца, который былъ основанъ не столько на денежныхъ выгодахъ (правда, моя мать была богата), сколько на сердечномъ влеченіи, тѣмъ болѣе, что и красоты она была не выдаю-

Digitized by Google

щейся... Я также въ этомъ отношеніи одаренъ особой чуткостью, но не чуждъ поклоненія обаятельной наружности, если женщина молода и прекрасна... И знаéте, чѣмъ чаще озираешься вокругъ, чѣмъ больше видишь людскихъ слабостей и прегрѣшеній, которыя безмѣрно возрастаютъ... Pardon! Кажется, это возвращается вашъ батюшка домой? Я слышу его голосъ. — И Аribертъ поспѣшно вышелъ изъ полумрака аллеи на лужайку, которая разстилалась на берегу озера. Гедвига, раздосадованная, поспѣшила за нимъ.

Старикъ, дѣйствительно, шелъ домой, съ удочкой на плечѣ, и всю дорогу ворчалъ, недовольный воскресною неудачей.

— Ужъ эти мнѣ школьники да молодежь!—не совсѣмъ ясно бормоталъ онъ.—Что̀ ни праздникъ—никогда ни одной, самой дрянной рыбки не поймаешь: всю воду взбаломутятъ, всю рыбу разгонятъ!

— Ну, успокойся, папà, успокойся!—уговаривала его Гедвига:—еще вчера ты поймалъ двѣ такихъ огромныхъ рыбы, что просто заглядѣнье!

— Позвольте, я вамъ понесу ведерко... и удочку, — любезно предложилъ баронъ, не оглядываясь на прелестную вдовушку.

— Не сто̀итъ: оно пустое! А удочку я люблю самъ нести,— возразилъ неудавшійся рыболовъ, и всѣ пошли къ дому.

— Пожалуйте кушать! — послышался мягкій голосъ Шарлотты, и она сама подошла поближе.

Гедвига нарочно взяла подъ-руку брата и пошла впередъ, а баронъ, замедляя шаги, шелъ рядомъ съ Шарлоттой, погруженный въ созерцаніе прекрасной картины, которую въ эту минуту представляло озеро и его берега.

— Простите... простите! Я такъ заглядѣлся... Меня такъ захватываютъ картины природы... Да это прелесть... это восторгъ, что̀ такое! Вы, конечно, привыкли; вы видите все это ежедневно, а я, кромѣ своей однообразной равнины...

Онъ еще разъ, какъ бы съ сожалѣніемъ, оглянулся и пошелъ впередъ, тверже сжимая руку своей прелестной спутницы, которая шла подъ-руку съ нимъ.

— Скорѣй, скорѣй, рыба совсѣмъ простынетъ! — торопила его Шарлотта.—Ей казалось, что, въ виду такого недавняго знакомства, не совсѣмъ годится такой tête-à-tête.

— Прошу васъ, не спѣшите!—тихо, но горячо умолялъ Аribертъ. — Не кажется ли вамъ, что закатъ солнца какъ бы навѣваетъ на душу грусть разставанія?

Digitized by Google

Шарлотту такое признаніе рѣшительно ошеломило; ее смущало нѣжное пожатіе руки, которымъ баронъ какъ бы хотѣлъ подтвердить свои слова. Краска залила ей лицо и уши; она чувствовала, что сантиментальностей между этимъ еще незнакомымъ ей человѣкомъ и ею не должно быть, и энергичнымъ движеніемъ вырвала у него свою горячую руку.

— Ахъ, полноте! Къ чему сантиментальности?—съ досадой сказала она, и пошла такъ проворно впередъ, что онъ едва за нею поспѣвалъ.

— И въ самомъ дѣлѣ, къ чему сантиментальничать, если у насъ есть впереди надежда снова скоро увидаться?—какъ бы съ трудомъ подавляя свое элегическое настроеніе, счелъ нужнымъ согласиться баронъ.—Но если вы... если васъ у Мейерновъ не будетъ, я... я выброшусь изъ окна, — честное слово! Судьба моя—въ вашихъ рукахъ!

Шарлотта отъ души разсмѣялась на его патетическій возгласъ, онъ счелъ за лучшее вторить ей, и они, смѣясь, присоединились къ остальному обществу.

За обѣдомъ Гедвига была молчаливѣе обыкновеннаго, досадуя на прерванную интересную бесѣду; докторъ Шенбекъ вообще былъ неразговорчиваго десятка, а старикъ даже не скрывалъ, что онъ не въ духѣ. Арибертъ разсудилъ весьма благоразумно, что слѣдовало бы теперь перенести свое вниманіе на старика, и вскорѣ у нихъ завязался довольно оживленный разговоръ, темою котораго служили рыбы. По окончаніи обѣда, страстный рыболовъ весьма благосклонно пожалъ руку своему молодому собесѣднику и ласково проговорилъ:

— Меня безконечно радуетъ, баронъ, что есть еще на свѣтѣ люди, которыхъ интересуетъ рыбный вопросъ. Рыбамъ слишкомъ мало придаютъ значенія, и долго еще не будутъ отдавать имъ должнаго. Попомните мое слово!

Арибертъ извинился, что не можетъ дольше оставаться, и горячо пожалъ руку Гедвигѣ, а съ Шарлоттой простился горячимъ взглядомъ, говоря задушевнымъ тономъ:—До свиданія!

Какъ-то, словно заранѣе согласившись, всѣ члены семьи Шенбековъ, по уходѣ барона, воздержались отъ подачи своего мнѣнія о немъ. Только передъ сномъ, прощаясь, старикъ сказалъ сыну:

— Онъ мало смыслитъ въ этомъ дѣлѣ; но не бѣда! Будетъ опытнѣе, пойметъ.

— Да; оно такъ, конечно; только для женитьбы...—началъ было тотъ, но сообразилъ, что отецъ вѣрно намекаетъ на рыбо-

Digitized by Google

ловство, и докончилъ уже про себя: — „Надо бы разузнать, на всякій случай, поточнѣе“...

Сестры долго еще не ложились.

Шарлотта сѣла за рояль и заиграла что-то изъ Шопена; Гедвига прилегла съ книгою въ рукахъ на кушеткѣ; но ей что-то не читалось, и она окликнула сестру:

— Лотти! Дай добрый совѣтъ. Онъ очень милъ, не правда ли? Какъ ты мнѣ скажешь: стоитъ выйти за него?

Шарлотта удивленно посмотрѣла на нее:

— Онъ тебя спрашивалъ объ этомъ?

— Нѣтъ еще; къ сожалѣнію, намъ все мѣшали. Но можешь быть спокойна: онъ совсѣмъ былъ готовъ спросить. Въ слѣдующій разъ спроситъ уже навѣрное.

— Вотъ какъ?!—промолвила сестра, и съ какой-то странною улыбкой перевела свой взглядъ на дальній уголъ комнаты, тонувшій въ вечернихъ потемкахъ.

— Ахъ, Лотти! какая ты несносная дѣвчонка, и какъ съ тобою скучно!—опять раздался раздражительный голосъ старшей сестры.—Хотя бы ты заиграла что-нибудь другое, болѣе человѣческое, что могло бы навѣять другія мысли!..

Шарлотта продолжала тихо улыбаться, и блестяще заиграла свадебный маршъ изъ „Лоэнгрина“.

IV.

На выставкѣ.

На слѣдующій день, отославъ сестрѣ письмо, вкратцѣ повѣствовавшее о его главныхъ новостяхъ и впечатлѣніяхъ, Арибертъ пошелъ прямо къ Мейернамъ, предпочитая не безпокоить ихъ телеграммой, въ которой, вдобавокъ, такъ трудно (и даже невозможно!) высказать все подробно. Онъ засталъ супруговъ за завтракомъ, и былъ пріятно польщенъ, что сестра Ева, мнѣніе которой онъ особенно цѣнилъ, одобрила его намѣреніе остепениться и кстати поправить дѣла богатой женитьбой. Ева фонъ-Мейернъ, какъ человѣкъ умный, разсудительный и практичный, всегда внушала Ари особое уваженіе, и его крайне ободрила ея поддержка. Они вмѣстѣ обсудили вопросъ, и фонъ-Клинкенбергъ послалъ Шенбекамъ приглашеніе на завтра, на обѣдъ въ „Зеркальномъ-Дворцѣ“.

Въ пять часовъ онъ былъ уже на мѣстѣ; но ни Мейер-

Digitized by Google

новъ, ни Шенбековъ не было и слѣда. Аристертъ ходилъ по картинной галереѣ, заглядывалъ чуть не въ лицо каждому встрѣчному... Толпа посѣтителей все прибывала; а „ихъ“ нѣтъ, какъ нѣтъ!

Наконецъ, въ волнахъ народа, шедшаго ему на встрѣчу, баронъ различилъ тощую, долговязую фигуру д-ра Шенбека... одного! Впрочемъ, нѣтъ: съ нимъ былъ какой-то еще болѣе тощій, но не такой долговязый господинъ,—судя по лицу, какой-нибудь молодой ученый, очевидно его коллега.

— А ваши дамы? — наскоро поздоровавшись, воскликнулъ Аристертъ, и въ его голосѣ зазвучало искреннее отчаяніе.

— Не знаю; онѣ должны были давно уже быть здѣсь,— пожимая плечами, отвѣтилъ докторъ.—Мы съ д-ромъ Абелэ прямо изъ засѣданія.

— Дамы, вѣроятно, смотрятъ картины,—проговорилъ д-ръ Абелэ, съ сильнымъ швабскимъ акцентомъ.

И къ чему только этотъ Шенбекъ притащилъ своего пріятеля, да еще съ такими ужасными очками!..

На порогѣ въ галерею ему повстрѣчалась фрау Прюммеръ; она подбѣжала скорѣе, чѣмъ подошла къ нему и горячо пожала ему руку.

— А, вотъ и вы! А мы васъ ищемъ, ищемъ! Шарлотта тутъ же: все не можетъ оторваться отъ картины. Ужъ какъ пойдетъ этотъ профессоръ расписывать ей свои объясненія,—ее не дождешься.

— Вы, значитъ, съ нимъ давно знакомы?

— О, да: онъ товарищъ брата и, само собою разумѣется, тоже химикъ. Онъ тамъ открылъ какой-то новый ядъ, и Гейни теперь долженъ его составлять! Д-ръ Абелэ—почти единственный молодой человѣкъ, который заглядываетъ къ намъ на виллу. Мы ужъ и то дразнимъ имъ Шарлотту. Она хоть и посердится немножко, а все-таки онъ ей по душѣ.

— Вы допускаете, что онъ можетъ осмѣлиться?!..

— Нѣтъ, у него смѣлости не хватитъ, а то бы, пожалуй, чего добраго. Онъ вѣдь сынъ богатаго фабриканта, и въ ученомъ мірѣ его имя частенько повторяютъ. Тутъ ничего нѣтъ дурного...

Наконецъ, появились и Мейерны: они просто поздно отзавтракали, и потому задержались дома. Шенбекъ, повидимому, нисколько не стѣснялся, что привелъ съ собой совершенно посторонняго, и представилъ д-ра Абелэ, какъ будто такъ и надо было.

Разговоромъ завладѣла Ева, искусно направляя его на пред-

Digitized by Google

метъ хозяйства и землевладѣнія; часть ея блеска, такимъ образомъ, сообщалась и ея брату, которому она умѣла дать кстати вставить словечко. Съ научными вопросами дѣло пошло туже. Молодой профессоръ принялся распространяться на темы, въ которыхъ не могъ его поддержать Аривертъ, и называлъ имена, пользовавшіяся всемірной славой, но барону совершенно неизвѣстныя. Послѣдній, если спрашивали его мнѣнія, благоразумно отказывался что-либо утверждать, признавая себя не-компетентнымъ въ такихъ серьезныхъ вопросахъ; относительно же химіи и естествовѣдѣнія онъ не безъ ироніи возразилъ Шарлоттѣ:

— Какъ вамъ уже извѣстно, я вѣдь непосвященный въ тайны науки, безхитростный поклонникъ матери-природы; и такимъ профанамъ, какъ я, лучше всего умолкнуть предъ лицомъ представителей серьезной науки.

— О, вы ошибаетесь: д-ръ Абелэ настолько же отвѣчаетъ вашему опредѣленію, насколько вы, баронъ, званію химика. А между тѣмъ, докторъ, вы знаете, баронъ вѣдь на дорогѣ къ великому открытію...

— Знаю; слышалъ,—перебилъ Шарлотту ученый.—И вотъ что я вамъ скажу: если вамъ удастся такую ловкую штуку продѣлать съ пескомъ, вы, значитъ, окажетесь ученѣе меня.

Оба ученые засмѣялись, и Аривертъ почувствовалъ особый приливъ злости, что не могъ должнымъ образомъ имъ возразить. Зато ему удалось мѣшать профессору приблизиться къ Шарлоттѣ, отъ которой онъ не отходилъ ни на минуту, разсыпаясь въ любезностяхъ и всячески изощряя свое остроуміе, чтобы она не скучала.

И въ самомъ дѣлѣ, Шарлотта съ улыбкой слушала его анекдотическія описанія берлинской жизни; но въ этой улыбкѣ неуловимо для него была значительная доля снисходительности, съ какою человѣкъ ученый слушаетъ невѣжду, или разумный старшій легкомысленнаго и неопытнаго, заблуждающагося младшаго: все равно, молъ, его не переубѣдишь!

Чувствуя приливъ краснорѣчія, Аривертъ болталъ безъ умолку, и, довольный собою, не замѣчалъ, что и молодой ученый примолкъ, безмолвствуя съ какимъ-то особымъ, пренебрежительнымъ оттѣнкомъ.

Прогулявшись всѣ вмѣстѣ по выставкѣ картинъ, маленькое общество сошлось опять на террасѣ ресторана, а такъ какъ это заняло часа два, то и казалось естественнымъ снова закусить.

Усѣвшись за круглый столъ, Аривертъ устроилъ такъ, чтобы очутиться между Шарлоттой и своей сестрою; сосѣдкой майора

Digitized by Google

Мейерна была веселая вдовушка, которая съ каждой минутой становилась веселѣе, и болтала и смѣялась безъ умолку.

Кислосладкія улыбки и укоризненно-предупредительные взгляды Евы фонъ-Мейернъ, которыми она хотѣла остановить излишнюю бойкость вдовушки, однако, не могли ее остановить: слишкомъ ужъ увлеклась она, кокетничая одновременно съ майоромъ и съ сосѣдомъ сестры — Аribертомъ.

Въ надеждѣ привлечь на себя больше вниманія со стороны Шарлотты и возбудить ея ревность, Аribертъ и самъ принялся отвѣчать на шутки Гедвиги, чувствуя себя счастливымъ, что несносный швабъ испарился безслѣдно...

Однако Шенбекамъ пора было отправляться на пароходъ, чтобы не опоздать съ вечера вернуться домой, и докторъ предложилъ не спѣша пройтись на пристань пѣшкомъ. Общество разбилось на пары, какъ сидѣло за столомъ; Аribертъ предложилъ руку Шарлоттѣ, но она своимъ обычнымъ холоднымъ тономъ возразила, что предпочитаетъ идти одна.

— Вы на меня сердиты?—идя близко рядомъ съ нею, спросилъ молодой баронъ, тщетно стараясь заглянуть ей въ лицо; но Шарлотта молчала.

— Знаете, меня даже радуетъ вашъ гнѣвъ,—продолжалъ онъ.—Мы, собственно говоря, теперь квиты: я вѣдь также очень, очень былъ на васъ сердитъ.

Шарлотта невольно разсмѣялась на его комическій тонъ.

— Вотъ какъ! Я и не подозрѣвала!

— Еще бы! Одинъ вашъ д-ръ Абелэ чего стоитъ. Вотъ такъ ученый: отъ земли не видать!

— Ну, какъ вамъ не стыдно? И что онъ вамъ, бѣдный, сдѣлалъ?

— И *вы* еще спрашиваете? Вамъ, значитъ, неизвѣстно, что такое ревность?

— Ни малѣйшаго понятія не имѣю!

— За все это время, ни словомъ, ни однимъ единымъ взглядомъ вы меня не подарили...

— Ну, зато и вы меня совсѣмъ забросили, когда мы сидѣли за столомъ,—принудила себя Лотта отшутиться.—Повидимому, вы такъ увлекались разговоромъ съ моей сестрой...

— И вы серьезно это говорите? Прошу васъ убѣдительно, скажите: да? Я былъ бы безгранично счастливъ!

— Мнѣ нечего вамъ говорить, — возразила встревоженная Шарлотта.

Digitized by Google

— Пожалуйста, не откажите мнѣ, признайтесь: для васъ д-ръ Абелэ *только* другъ... не больше?

— Не понимаю даже, откуда у васъ могъ возникнуть подобный вопросъ! Онъ очень мнѣ нравится: такой онъ скромный, умный... Бесѣдовать съ нимъ для меня большое удовольствіе...

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? Чтобъ вамъ понравиться, надо быть умнымъ, ученымъ? Скажите слово,—одно только слово!— и я посылаю къ чорту всѣ свои дѣла и жатву, и... всю семью —и поступаю вольнослушателемъ въ университетъ, слушать химію, исторію...—все, что̀ вамъ угодно!

— Ахъ, что̀ вы! Помилуйте!—смущенно остановила она.— Ка́къ я могу требовать отъ васъ чего-либо подобнаго? Каждый въ своемъ родѣ...

— Да? Не правда ли? — радостно подхватилъ Арибертъ.— Одинъ можетъ быть прекрасный химикъ, другой—сельскій хозяинъ; но эта же разница не исключаетъ возможности для каждаго мечтать, что онъ дождется сочувствія женщины, которая ему дорога... Еслибъ я смѣлъ надѣяться...

— Однако, герръ фонъ-Клинкенбергъ!..

— Простите! Не буду настаивать, — покорнымъ шопотомъ вырвалось у него.—Я знаю, что ничѣмъ не заслужилъ такой чести. Но все-таки было жестоко съ вашей стороны отдать меня на посмѣшище ученымъ. Чтобъ только видѣть васъ, я вѣдь былъ вынужденъ (какъ это ни тяжко мнѣ далось!) придумать всю эту исторію съ пескомъ, которая мнѣ такъ не удалась...

— Мнѣ очень жаль... простите. Я думала, что вы имѣете виды на мою сестру.

— Фрейлейнъ Шарлотта, признайтесь, что вамъ ни на минуту не могло это въ голову придти! Скажите мнѣ хоть доброе словечко на прощанье!

Шарлотта колебалась и на́скоро проговорила:

— Ну, не сердитесь на меня за... за вашу неудачную выдумку съ пескомъ!

Тѣмъ временемъ, они нагнали обѣ переднія пары, поджидавшія ихъ на перекресткѣ, и уже вмѣстѣ дошли до пристани.

Шенбеки уѣхали.

На утро, по приглашенію фонъ-Мейерновъ, Арибертъ переѣхалъ къ нимъ со своимъ чемоданчикомъ, и они сообща обсудили вопросъ о предстоящемъ балѣ. Ева, сама отличающаяся строгой выдержкой, была требовательна и къ другимъ; тѣмъ безпощаднѣе отнеслась она къ вольному обращенію вдовушки

Digitized by Google

фонъ-Прюммеръ, возмущенная ея легкомысліемъ. Единственнымъ доводомъ въ ея пользу послужило то, что она — сестра Шарлотты, которая произвела на Еву самое пріятное впечатлѣніе, и только ради нея согласилась она, послѣ долгихъ просьбъ и увѣщаній, все-таки принять Гедвигу вмѣстѣ съ сестрой у себя въ домѣ. Относительно своихъ родныхъ они рѣшили, что присутствіе одной только Каролы на вечерѣ будетъ совершенно достаточно.

— Бѣдная мама уже лѣтъ десять, какъ отвыкла выѣзжать и наряжаться, и ей всякая тревога будетъ не подъ силу,— замѣтила Ева, подтверждая слова брата, который высказалъ то же мнѣніе, только въ болѣе краткихъ выраженіяхъ.

Необходимыя затраты на проѣздъ и на принадлежности туалета Каролы взяли на себя фонъ-Мейерны, и тѣмъ закончились главные переговоры. Затѣмъ начались визиты и распредѣленіе пригласительныхъ билетовъ къ тѣмъ изъ родныхъ и знакомыхъ, которые (хотя бы и съ трудомъ) могли пріѣхать на ихъ лѣтній „балъ“.

V.

Откровенная бесѣда.

Вернувшись домой, Гедвига бросилась на шею сестрѣ:

— Ахъ, Лотти, душечка! Какая ты была милая сегодня! И какъ любезно предоставила въ мое распоряженіе барона!

— Ну, вотъ еще! — отъ души расхохоталась молодая дѣвушка.—Право, не стоитъ благодарности: вѣдь ты все время бесѣдовала съ майоромъ.

— Ахъ, Боже мой, точно я сама не помню! — обидѣлась Гедвига.—Они за столомъ оба такъ меня заговорили, что у меня голова пошла кругомъ. Что-жъ, и майоръ чудо что за человѣкъ; и какъ любезенъ! Между молодыми такого днемъ съ огнемъ не сыщешь. Жаль, что онъ уже женатъ; а то и на лысину его я бы не посмотрѣла. Велика важность, что у него нѣтъ волосъ! За то какой красивый лобъ и умное лицо!

— Гета! Постой минутку, не ребячься! Пойди ко мнѣ поближе и поговоримъ серьезно и... чистосердечно. Ты въ самомъ дѣлѣ полюбила Клинкенберга?

— Ты въ самомъ дѣлѣ полюбила Клинкенберга?—передразнила ее сестра.—Что ты хочешь этимъ сказать? Не понимаю, что означаетъ этотъ тонъ... Понятно, ты еще неопытна и не

Digitized by Google

умѣешь судить о мужчинахъ; но я ужъ не маленькій ребенокъ, и сразу могу распознать, съ кѣмъ имѣю дѣло. Онъ такой смѣлый и прямой, такой изящный и вмѣстѣ горделивый: онъ съ головы до пять настоящій дворянинъ, аристократъ чистѣйшей крови! Мнѣ жаль, что у тебя нѣтъ природнаго умѣнья распознавать *такихъ* людей. Положимъ, я и не имѣю ничего противъ твоего Абеля; я даже допускаю, что онъ очень добрый, и прекрасный, и очень ученый человѣкъ... Но если его сравнить съ барономъ, должна же ты, наконецъ, согласиться... Ну, когда такъ, не буду больше говорить!

Шарлотта кусала себѣ губы и тихонько про себя улыбалась. Нѣжно притянула она къ себѣ сестру и наклонилась къ ней:

— Послушай, не сердись, моя голубушка Гета! Но право же, мнѣ кажется, что ты ошиблась. Вчера вечеромъ онъ два раза совершенно ясно увѣрялъ меня въ своей любви...

— Докторъ Абель? Въ самомъ дѣлѣ?

— Нѣтъ: фонъ-Клинкенбергъ...

— Фонъ?.. Нѣтъ, ужъ ты извини меня, а только я думаю, что у тебя въ глазахъ помутилось больше, чѣмъ у меня. Это просто смѣху подобно!—Она откинула голову на подушки дивана и умолкла, дѣлая видъ, что устала и дремлетъ. Но Шарлотта молчала, и ничто не нарушало тишины, которая въ сущности была въ тягость взволнованной Гедвигѣ.

— Ну, что же ты молчишь?—вдругъ встрепенулась она.— Что онъ тебѣ сказалъ? Ну, что онъ могъ сказать тебѣ такого?

Шарлотта, не таясь, передала ей слово въ слово все, что говорилъ ей молодой баронъ; каждое его слово запечатлѣлось у нея въ памяти, какъ только-что сказанное.

Головную боль вдовушки какъ рукой сняло. Она вскочила и принялась тревожно ходить по комнатѣ взадъ и впередъ.

— Если онъ такъ... такъ точно говорилъ... онъ вѣрно былъ тогда...

— Постой, Гедвига!—спокойно возразила сестра:—Ты не особенно любезно относишься къ нему, если можешь предположить нѣчто подобное...

— Да ты-то что ему сказала? Не можешь же ты сама броситься первому встрѣчному на шею!—горячилась вдова.

Лукавый огонекъ блеснулъ въ красивыхъ, ясныхъ глазахъ Лотты.

— Ну, дѣло не такъ плохо, какъ кажется. Вѣдь на твою житейскую опытность, во всякомъ случаѣ, можно положиться. Онъ вѣдь такой прямой и гордый человѣкъ, такой аристократъ...

Digitized by Google

— Вотъ еще, вздоръ какой! — неосторожно воскликнула г-жа Прюммеръ.—Мальчишка, вѣтрогонъ, притворщикъ! Нашъ Гейни правъ, относясь къ нему съ предубѣжденіемъ, я сама горько въ немъ разочаровалась. Не вѣрь ему, не вѣрь, душечка Лотта! Я вѣдь тебѣ добра желаю!

Проворно зашелестѣли ея шолковыя юбки, а мягкія волны легкаго бѣлаго капота такъ и запрыгали по пушистому ковру. Гедвига подбѣжала къ сестрѣ и раскрыла свои объятія, дабы съ материнской нѣжностью заключить въ нихъ Шарлотту, какъ малое, легковѣрное дитя; но та обидчиво уклонилась.

— Ну, какъ тебѣ не стыдно? Ты только-что его превозносила безгранично, и вдругъ... Фу! Это даже...

— Пустяки! Со мной онъ говорилъ еще прямѣе тогда... въ аллеѣ.

Лотта повела плечами:

— Напрасно ты волнуешься, милая Гета! Мы, слава Богу, знаемъ тебя хорошо: ты всегда вѣдь была такого характера. Чуть кто изъ мужчинъ скажетъ тебѣ любезность—ты и пошла мечтать: значитъ, онъ тебѣ признался въ любви.

— А! Неужели? Да это чудо, что за прелесть! Ты, кажется, немножко забываешься и упускаешь изъ виду, что я на десять лѣтъ старше тебя?

— Но это тебѣ не мѣшаетъ по внутреннему твоему строю оставаться большимъ ребенкомъ. И это даже очень мило; это одна изъ твоихъ самыхъ привлекательныхъ сторонъ. Наконецъ, почему бы и тебѣ не имѣть свои маленькія погрѣшности? Ты просто милая вѣтреница, вотъ и все!

— Да? Неужели? Ахъ ты, моя бабушка-вѣщунья!—и фрау Гедвига еще быстрѣе зашагала по комнатѣ, комкая въ рукахъ и дергая кончики платка, который рвался и трещалъ. Но вотъ она остановилась передъ сестрою, съ трудомъ сдерживая слезы:

— Ну, и прекрасно! По крайней мѣрѣ, я теперь буду знать, какъ смотрите вы на меня,—ты и твой Генрихъ. Я, слава Богу, давно ужъ была женой и матерью, и видѣла на свѣтѣ побольше, чѣмъ вы всѣ. Была я и въ Парижѣ, и въ Лондонѣ, и все было хорошо, а здѣсь—я не гожусь; я должна каждую минуту наблюдать за собой, чтобы не молвить лишняго слова... Благодарю покорно! Невелико веселье сидѣть въ четырехъ стѣнахъ съ такимъ старымъ сычомъ и съ такой старой дѣвой!.. Да, да: мало того, что ты состарилась надъ своими книгами,—все сердце, всю душу твою изсушила пыль этихъ дурацкихъ хартій. Женственности нѣтъ въ тебѣ ни на грошъ: ты очерствѣла, ты черезъ-

Digitized by Google

чуръ умна, черезчуръ начитана для всего, что̀ можетъ интересовать дѣвушку твоихъ лѣтъ. Своей глупѣйшей математикой и латынью Генрихъ отнялъ у тебя послѣднія крохи женскаго изящества и прелести... Очень рада, что могла высказать тебѣ свое мнѣніе, и теперь умываю руки. Но дальше терпѣть я не намѣрена, и да будетъ тебѣ это извѣстно! Такое обращеніе для меня невыносимо! никто знать ничего не хочетъ, никто не щадитъ моего слабаго здоровья. Ты видишь, что я разстроена, и хватаешься за этотъ удобный случай, чтобы мнѣ насолить... Будетъ съ меня! Уѣду отъ васъ и поступлю на сцену. Не хочу больше задыхаться въ этой ужасной атмосферѣ принужденія и сухой долбни! Не хочу подвергать такимъ мученіямъ своего безцѣннаго малютку... Бѣдненькій Конрàдхенъ!..—Слезы снова подступили ей къ горлу и горячей струей полились изъ глазъ, охлаждая пылающія щеки.

— Дѣлайте, что̀ угодно: кричите до хрипоты въ горлѣ, злитесь, пока не почернѣете отъ злости, кисните себѣ, сохните въ своихъ четырехъ стѣнахъ—мнѣ это безразлично! Я своего намѣренія не измѣню!

Поступью оскорбленной и сильно разгнѣванной богини вышла Гедвига изъ комнаты, и съ театральнымъ паѳосомъ мелькнули въ воздухѣ ея руки, грозно воздѣтыя къ небу. Дверь за нею захлопнулась съ такимъ грохотомъ, что стѣны затрещали.

Шарлотта была смущена и испугана такимъ порывомъ гнѣва, какого она не помнила за сестрой, несмотря на ея природную склонность къ горячности и раздраженію. Послѣ нѣкотораго колебанія она рѣшилась постучаться къ сестрѣ и попробовать успокоить ее лаской и участіемъ; но напрасно! Дверь осталась заперта нàглухо, несмотря ни на какія мольбы и увѣщанія, а на слѣдующее утро Гедвига пригласила доктора, который прописалъ ей сповойствіе и содовые порошки. Шарлотта сочла своимъ долгомъ предупредить доктора о намѣреніи сестры уѣхать, и просила его употребить свою докторскую власть на то, чтобы хоть на время отговорить, удержать ее отъ этого шага, и добрякъ-докторъ любезно согласился.

Еще два дня провела въ добровольномъ заточеніи бойкая вдовушка, а на третій, въ пятницу, она получила отъ сестры записку, въ которой та сообщала, что они съ братомъ хотятъ отказаться отъ приглашенія нà вечеръ къ Мейернамъ въ субботу, потому что имъ это удовольствіе будетъ только въ тягость, если она его не раздѣлитъ. Гедвига велѣла передать въ отвѣтъ, что ей уже гораздо лучше и что она сама сейчасъ сойдетъ внизъ.

Digitized by Google

Розовая, оживленная, въ изящномъ костюмѣ для прогулки, она, дѣйствительно, вскорѣ появилась въ саду и увела сестру за покупками къ предстоящему вечеру. Всю дорогу она весело болтала, добродушно стараясь убѣдить Шарлотту, что она приноситъ себя въ жертву, лишь бы не лишать сестру удовольствія... а можетъ быть и нѣкоторыхъ видовъ на будущее.

Лотта тихонько пожала руку сестрѣ, благодаря ее за участіе, и чуть замѣтная умиленная улыбка мелькала у нея на губахъ.

Довольно поздно въ тотъ же день спохватились Шенбеки, что надо бы сдѣлать визитъ Мейернамъ и, къ великой досадѣ Ариберта, не застали дома ни его, ни его зятя. Дома была одна только Ева, и визитъ продолжался всего минутъ десять, такъ что Гедвига не успѣла замѣтить, что хозяйка дома мало обратила на нее вниманія, и бесѣдовала исключительно съ Шарлоттой.

Теперь молодая дѣвушка чаще задумывалась надъ вопросами, которые ей прежде не приходили въ голову. Она чувствовала какое-то странное смущеніе при мысли, что, можетъ быть, Гедвига и въ самомъ дѣлѣ любитъ фонъ-Клинкенберга. Ей не хотѣлось мѣшать ея счастью, но вмѣстѣ съ тѣмъ и у нея самой въ душѣ шевелилось что-то еще для нея незнакомое, но отрадное и свѣтлое. Воспитанная замкнуто, среди книгъ и нотъ, которыми она, по примѣру брата, увлекалась, Лотта не имѣла ни времени, ни желанія думать о мужчинахъ, а если когда и встрѣчалась съ ними, то видѣла въ нихъ такихъ же себѣ равныхъ собесѣдниковъ и знакомыхъ, какъ въ любой изъ женщинъ. Поэтому и обращеніе ея съ ними было лишено всякой жеманности, всякаго желанія нравиться. Впрочемъ, кромѣ брата и отца, ей мало приходилось видѣть мужчинъ, а глядя на ихъ прямое и откровенное обращеніе со всѣми окружающими, она ни въ комъ не могла заподозрить недостатка искренности, а тѣмъ болѣе — въ притворствѣ. Ни минуты не сомнѣвалась Лотта, что тѣ качества, которыя передъ нею проявилъ молодой баронъ, дѣйствительно ему принадлежатъ. Положимъ, никакихъ романическихъ видовъ или иллюзій касательно мужчинъ вообще и женіховъ въ частности Лотта не имѣла, тѣмъ болѣе, что, сравнительно съ другими дѣвушками ея лѣтъ, она смотрѣла на жизнь серьезнѣе и глубже.

Сначала Аріберъ показался ей интереснымъ, какъ всякое явленіе изъ особаго міра, съ которымъ у нея не было ничего общаго; но затѣмъ, когда онъ заговорилъ съ нею такъ горячо и (какъ ей показалось) такъ искренно, она впервые почувствовала, что она женщина и... даже не прочь нравиться. Ее пу-

Digitized by Google

гала, но въ то же время и пріятно поражала тревога, которую она ощущала при мысли, что могла привлечь къ себѣ сердце этого изящнаго аристократа, не употребляя для того никакихъ хитростей или уловокъ. Она отъ себя не скрывала, что это льститъ ея самолюбію;—что Аривертъ ей нравится, и что она не прочь быть его женой. Лотта даже безъ труда представила себя на ея мѣстѣ, и это не показалось ей непріятно, несмотря на то, что, судя по Мейернамъ, ихъ общество было совсѣмъ не въ ея вкусѣ; въ кругу ученыхъ и любителей науки она чувствовала бы себя, конечно, болѣе у мѣста. Лотта была самаго строгаго, самаго высокаго мнѣнія о брачной жизни, чему не мало способствовалъ внутренній строй ея семьи, которая съ особымъ благоговѣніемъ чтила память ея покойной матери,—примѣрной главы семейства и супруги. Въ бракѣ Шарлотта, прежде всего, видѣла единеніе ума и сердца двухъ существъ, которыя облегчаютъ другъ другу жизненный тяжелый путь; вопросъ о выѣздахъ и свѣтскихъ отношеніяхъ былъ для нея вопросъ второстепенный и, по правдѣ сказать, мало интересный. Денежные вопросы, какъ съ ея, такъ и съ его стороны,—не приходили ей въ голову: землевладѣлецъ, хозяинъ большого родового помѣстья, конечно, могъ бы выбрать себѣ жену познатнѣе и побогаче, нежели дочь бывшаго аптекаря. Въ ней могли его привлечь только ея личныя качества...

Такъ разсуждала молодая дѣвушка, невольно додумавшаяся до необходимости задать себѣ вопросъ:

— Люблю ли я его?

Этотъ вопросъ, однако, пока оставался еще открытымъ; она же сама пришла къ заключенію, что можетъ быть, если бы у нея съ Гедвигой дѣло не дошло до такого горячаго разговора, она, Лотта, и не подумала бы обратить на Ариберта больше вниманія, чѣмъ на кого-либо другого изъ мужчинъ...

Въ ночь на субботу разыгралась гроза; но ни шумъ безпощаднаго ливня, ни раскаты не были причиной безсонницы, которая не дала сомкнуть глазъ Шарлоттѣ. Впрочемъ, она употребляла всѣ усилія, чтобы это не было замѣтно ни въ ея настроеніи, ни въ ея наружности; только ея большіе синіе глаза были еще больше и еще красивѣе обыкновеннаго. Сестры избѣгали оставаться наединѣ, и это имъ почти весь день удавалось: одна хлопотала по хозяйству, а другая больше, чѣмъ всегда, возилась со своимъ мальчуганомъ, который въ хорошую погоду весь день проводилъ на воздухѣ.

Digitized by Google

Шенбеки обѣдали обыкновенно въ шесть часовъ. Каково же было удивленіе Шарлотты, когда въ половинѣ шестого къ ней въ комнату явился братъ и съ какимъ-то особенно торжественнымъ видомъ сообщилъ, смущенно улыбаясь:

— А у меня есть для тебя сюрпризъ! Я привелъ къ намъ обѣдать д-ра Абелэ.

Лотта не могла удержаться отъ легкаго возгласа досады и прикусила губы:

— И надо же—какъ разъ сегодня! Благодарю покорно за такую выдумку!..

— Ну, не сердись, я право не нарочно...

— Но вѣдь послѣ обѣда намъ сейчасъ же придется идти одѣваться: мы приглашены въ восемь часовъ, а надо еще цѣлый часъ положить на дорогу.

— Ну, ужъ такъ пунктуально никто на вечеръ не пріѣзжаетъ,—возразилъ д-ръ Шенбекъ.—Мы смѣло можемъ поболтать лишній часочекъ за обѣдомъ.

— Такъ, значитъ, ты будешь одинъ болтать со своимъ гостемъ, потому что намъ это будетъ невозможно,—довольно непривѣтливо возразила молодая хозяйка;—а пока я пойду посмотрю, догадалась ли Августа хоть что-нибудь лишнее сдѣлать намъ на обѣдъ: у насъ вѣдь въ видахъ предстоящаго ужина сегодня немного—только говядина съ отварнымъ рисомъ, а для папа—телячья котлета.

— Какъ? Даже рыбы нѣтъ?—огорчился докторъ.

— Помилуй! Да по такой погодѣ даже папа не надѣется ничего поймать; а вѣдь я не чародѣй какой...

— Постой минутку!—удержалъ ее братъ.—Я хочу тебѣ кое-что сказать. Д-ръ Абелэ вѣдь пришелъ не просто пообѣдать..

— Пусти! Надо же мнѣ пойти распорядиться...

— Еще успѣешь; онъ сидитъ у папа, и они еще долго тамъ проговорятъ; не даромъ же Абелэ открылъ какой-то новый рыбій ядъ... Онъ, право, человѣкъ способный и сдѣлаетъ себѣ карьеру, помяни мое слово.

— Не спорю; только отпусти меня!

— Наконецъ, ты сама же назвала его ученымъ, и онъ дѣйствительно замѣчательный человѣкъ и такъ преданъ тебѣ... Никогда не пришлось бы тебѣ раскаяться...

Шарлотта вырвалась и горячо, съ негодованіемъ воскликнула:

— Это еще что значитъ? Онъ тебѣ поручилъ признаться мнѣ въ любви?

— Тсс! Тсс!.. Потише! Не кричи. Я ужъ давно замѣтилъ,

Digitized by Google

что онъ глазъ съ тебя не сводитъ, а сегодня... Ну, понимаешь, его напугалъ этотъ баронъ; вотъ онъ и поручилъ мнѣ разспросить, какъ ты посмотришь... У самого у него смѣлости не хватитъ...

— А я скажу, что глупо и смѣшно, и непохоже на мужчину—прятаться за другихъ, когда собираешься дѣлать предложеніе!—не сдерживая больше своего негодованія, воскликнула Шарлотта.—Такъ ты ему и скажи отъ меня, да пояснѣе!

VI.

Неожиданныя происшествія.

Обѣдъ прошелъ въ общихъ усиліяхъ быть веселѣе; разговоръ не вязался; Шарлотта была замѣтно не въ духѣ, а Гедвига, очевидно, только и думала, что о предстоящемъ вечерѣ. Наконецъ, дамы удалились и довольно долго пробыли наверху.

Первой сошла внизъ Шарлотта, чтобы дать отцу полюбоваться ея новенькимъ нарядомъ, который и въ самомъ дѣлѣ былъ прелестенъ. Мягкими складками падала легкая бѣлая матерія вдоль стана и всей фигуры молодой дѣвушки, оставляя открытыми округленныя формы ея нѣжныхъ красивыхъ рукъ и шеи. Лотта, очевидно, и сама была удивлена своей метаморфозой; впервые открыло ей зеркало, что она такъ красива, и, прежде равнодушная къ своей внѣшности, теперь она вся сіяла дѣтски-искреннимъ восторгомъ.

— Ну, папа: нравлюсь я тебѣ?—спрашивала она, поворачиваясь передъ нимъ.

— Смотрите, смотрите!—умиленно посмѣивался старикъ, любуясь дочерью.—Какова? А? Вся въ меня!

Д-ръ Абелэ, бѣдняга, былъ не менѣе его пораженъ и почти испуганъ при видѣ такого блестящаго явленія, какое въ эту минуту представляла собою дама его сердца. Его терзало смутное предчувствіе, что его надеждамъ не суждено осуществиться. Больше, чѣмъ когда-либо, его одолѣвала робость, которую усиливала некстати схваченная простуда. Прибѣгая безпрестанно къ помощи носового платка, онъ боялся даже ротъ раскрыть.

Шарлотта замѣтила его смущеніе, и ей стало жаль его.

— Докторъ, что съ вами? Вы нездоровы?—ласково спросила она.

Digitized by Google

— О, нѣтъ, ничего... право, ничего: вѣрно, немножко простудился... насморкъ,—съ натянутой улыбкой возразилъ бѣднягa.

— Вамъ лучше бы всего полежать и выпить горячаго, чтобы согрѣться... Постойте, вотъ я вамъ дамъ глюнтвейну...—и Лотта проворно побѣжала распорядиться.

Наконецъ, сошла внизъ Гедвига, а за нею слѣдомъ и самъ д-ръ Шенбекъ. Прелестная вдовушка тоже была очень мила, но слишкомъ ужъ было замѣтно на ея нарядѣ и прическѣ стараніе прихорошиться, и это портило общее впечатлѣніе. Она и сама, какъ будто сознавая это, поспѣшила скрыть всѣ свои прелести и совершенства въ глубинѣ пушистой ротонды и изящнаго капора. Д-ръ Абелэ вышелъ провожать дамъ и усаживать ихъ въ карету. Товарищъ воспользовался случаемъ, чтобы ему шепнуть:

— Ну, что? успѣли переговорить?

— Нѣтъ еще... нѣтъ,—возразилъ ученый.—Но такъ мила, такъ ласкова была ко мнѣ милая барышня, что даже сама распорядилась напоить меня глюнтвейномъ. О, я питаю большія надежды!..

Нельзя сказать, чтобы вечеръ у Мейерновъ обѣщалъ быть особенно веселымъ. Слишкомъ ужъ пестро и мало между собой знакомо было общество, которое такъ трудно было собрать среди лѣтняго сезона. То въ той, то въ другой группѣ гостей, однако, раздавался генеральскій густой дробный смѣхъ да звенѣли раскаты звонкаго хохота дѣвочки-подростка. Несмотря на это, большинство приглашенныхъ въ душѣ недоумѣвало, что бы могла означать фантазія супруговъ фонъ-Мейернъ дать вечеръ въ такую глухую пору сезона и для этого нарочно пріѣхать въ свою городскую квартиру, когда всякій бѣжитъ изъ города, отъ жары, духоты и пыли.

Общество, дѣйствительно, было крайне смѣшанное и потому даже интересное. Интересенъ былъ почти каждый изъ гостей—и каждый въ своемъ родѣ. Почтенный генералъ, повѣствуя о своихъ подвигахъ въ семидесятыхъ годахъ, переживалъ ихъ въ памяти своей, и рѣчь его казалась оживленнѣе, чѣмъ можно было ожидать, глядя на его отяжелѣвшую, тучную фигуру. Въ сосѣдней кучкѣ, окруженный пожилыми дамами и, главнымъ образомъ, старыми дѣвами, поклонницами его таланта, красовалась статная фигура изящнаго господина съ Гётевскимъ лицомъ и осанкой: то былъ знаменитый актеръ императорскаго столичнаго театра. Онъ пользовался безупречной репутаціей и вообще слылъ при-

Digitized by Google

личнымъ человѣкомъ, котораго не страшно принимать въ самыхъ великосвѣтскихъ кругахъ. Тутъ же, по близости, молодой графъ Прохъ-Ляска, адъютантъ наслѣднаго принца какого-то небольшого королевства, блисталъ своимъ гусарскимъ мундиромъ и великосвѣтскимъ краснорѣчіемъ передъ группой молодыхъ дѣвушекъ и подростковъ. Смуглый, кофейнаго цвѣта путешественникъ по африканскимъ пустынямъ разсказывалъ объ охотѣ на львовъ и ягуаровъ, объ ужасныхъ и анекдотическихъ сторонахъ жизни чернокожихъ народовъ и ихъ царственныхъ властелиновъ.

Всякій по-своему старался привлечь вниманіе присутствующихъ; одно только лицо не употребляло къ тому никакихъ стараній, и сразу обратило на себя вниманіе. Силой красоты и юной прелести Шарлотта фонъ-Шенбекъ приковала къ себѣ всѣ взоры. Дѣвушки помоложе робко и восторженно смотрѣли на нее; пожилыя дамы и старушки перешептывались многозначительно; старички расцвѣтали, какъ только она обращалась къ нимъ хоть съ полу-словомъ. Къ великому огорченію юныхъ барышенъ, блестящій адъютантъ, графъ Прохъ-Ляска, покинулъ ихъ и перлы своего краснорѣчія положилъ къ стопамъ красавицы-гостьи. Бѣдняжкамъ больше ничего не оставалось, какъ искать утѣшенія подъ крылышкомъ своихъ матерей.

Не безъ зависти наблюдалъ за нимъ знаменитый Шмидтъ, путешественникъ по Африкѣ, и ждалъ только удобнаго мгновенія, чтобы вступить въ разговоръ. Въ ожиданіи этой счастливой минуты, онъ стоялъ тутъ же и, не спуская глазъ съ молодой дѣвушки, энергичнымъ движеніемъ ерошилъ свою русую гриву косматыхъ волосъ, въ которыхъ онъ то-и-дѣло проводилъ всѣми пятью пальцами правой руки. Уже неоднократно подготовлялъ онъ свое вступленіе:

— Извѣстно ли вамъ, почему я не въ силахъ оторваться отъ созерцанія вашихъ прекрасныхъ глазъ?.. Это было, когда я въ первый разъ повелъ отрядъ въ набѣгъ на сѣверо-западъ африканскаго материка. Въ сумерки мнѣ пришлось проходить мимо на-глухо закрытыхъ и загороженныхъ рѣшотками оконъ гарема Мулей Гассана въ Фецѣ, какъ вдругъ въ ихъ таинственной темнотѣ я увидѣлъ двѣ большихъ, сверкающихъ звѣзды...

Вотъ что злополучный и долготерпѣливый Шмидтъ приготовился высказать, но дальше словъ: „Извѣстно ли вамъ, почему...“ онъ не подвинулся, благодаря находчивости маленькаго словоохотливаго майора фонъ-Вихманъ, который вмѣстѣ со своей веселенькой, молоденькой дочкой не давалъ Шарлоттѣ скучать

Digitized by Google

ни минуты. Когда путешественникъ наконецъ началъ свое знаменитое и тщательно-продуманное вступленіе и произнесъ:

— Извѣстно ли вамъ, почему...

Майоръ круто осадилъ его.

— Однако, позвольте: не годится здѣсь загадывать загадки, предупреждаю васъ; а не то я тоже въ свою очередь начну!..

Шмидтъ умолкъ, но въ душѣ его закипѣла ненависть къ дерзкому майору.

Тѣмъ временемъ, Аривертъ вынужденъ былъ, въ качествѣ ближайшаго родственника и помощника хозяина дома, летать отъ одного гостя къ другому, наблюдая за тѣмъ, чтобы никто не скучалъ и не чувствовалъ недостатка вниманія со стороны хозяевъ. Волей-неволей ему приходилось занимать то того, то другого, и лишь мимоходомъ бросать завистливый взглядъ на счастливцевъ, которые заняли его мѣсто около прелестной Лотты Шенбекъ. Для него столько же, сколько и для нея самой, была сюрпризомъ ея пышная дѣвственная красота, и онъ чувствовалъ, что безповоротно, по-уши въ нее влюбился. Но нельзя же было дать замѣтить гостямъ настоящую причину нежданной вечеринки; и онъ всѣми силами старался скрыть свои чувства отъ постороннихъ взоровъ. Однако, нашлись настолько проницательные люди, которые слѣдовали примѣру его превосходительства, остановившаго за рукавъ майора фонъ-Вихманъ въ корридорѣ:

— Милый майоръ! Вамъ всегда все извѣстно: скажите, мнѣ не кажется только, что нашъ графчикъ пылаетъ страстью къ младшей изъ сестеръ Шенбекъ? Блестящія личности... но кто онѣ такія?.. Особенно младшая,—чудо какъ хороша. Немудрено, что графчикъ такъ и таетъ...

— Но не это ему поможетъ,—возразилъ майоръ, подмигивая правымъ глазомъ:—дѣло сдѣлано, и не я буду, если намъ сегодня не предстоитъ неожиданный сюрпризъ...

— А! Она невѣста?

— Да, ваше превосходительство!—Скоро получите: „Герръ фонъ-Клинкенбергъ, изъ Штрезена, и фрейлейнъ Шенбекъ имѣютъ честь сообщить вамъ о своей помолвкѣ...“—и т. д., и т. д. Отецъ ея—бывшій владѣлецъ аптеки Гирша. Кажется, Шенбеки —страшно богатые люди...

— Гм! Это даже необходимо жениху, если онъ сынъ того блестящаго офицера-улана, котораго мы въ третьемъ полку прозвали „бѣшенымъ Клинкенбергомъ“. Онъ былъ добрый товарищъ, но состояніе своимъ дѣтямъ врядъ ли умѣлъ сохранить...

— Сынъ живетъ очень скромно, почти безвыѣздно въ своемъ

Digitized by Google

Штрезенѣ: вѣроятно, Майернамъ приходится иногда тратиться для него...

— Ну, такъ знаете, намъ остается только пожелать, чтобы онъ безпрепятственно заполучилъ себѣ въ жены дочь аптекаря: такіе люди падки на дворянство и аристократизмъ. Но подобная красавица могла бы и въ своемъ кругу составить болѣе блестящую партію!

— Не дай Богъ! Что же осталось бы тогда въ утѣшеніе нашимъ офицерамъ, пока они дождутся слѣдующаго чина,—пошутилъ майоръ.

Въ эту минуту хозяинъ дома тихонько шепнулъ его превосходительству, что проситъ его вести къ ужину хозяйку дома. Генералъ заколыхался всѣмъ своимъ тучнымъ тѣломъ. Ему во слѣдъ двинулись и другія пары...

Шарлотта въ смущеніи смотрѣла, какъ быстро уводятъ дамъ ихъ кавалеры, а она остается одна. Впрочемъ, нѣтъ: къ ней уже спѣшитъ Аривертъ съ привѣтливой улыбкой на лицѣ.

— Простите! Васъ долженъ былъ вести къ столу майоръ фонъ-Вихманъ,—безспорно, самый интересный изъ всѣхъ кавалеровъ; но онъ непремѣнно хотѣлъ идти подъ-руку съ обѣими заразъ подростками Унгевиттеръ. Дѣлать нечего, придется вамъ пока удовольствоваться моимъ обществомъ.

— Дѣйствительно, мнѣ кажется, майоръ премилый собесѣдникъ,—замѣтила Лотта, поглядывая искоса на Ариберта и слегка краснѣя.

— Во всякомъ случаѣ, онъ знатокъ человѣческаго сердца, и... я ему глубоко благодаренъ!—онъ горячо пожалъ ея руку и переступилъ за порогъ столовой.

— Тише! за нами наблюдаютъ! — остановила его порывъ Шарлотта.—Не ставьте меня въ неловкое положеніе!..

Они усѣлись на конецъ стола. Справа отъ Шарлотты сидѣлъ путешественникъ „африканецъ“; слѣва отъ Ариберта — престарѣлая кузина Майбургъ. Африканецъ при первой же возможности снова началъ свою неоконченную фразу:

— Извѣстно ли вамъ, почему я не въ силахъ оторваться отъ созерцанія вашихъ прекрасныхъ глазъ?

— Нѣтъ; я и не замѣтила!—наивно возразила Лотта.

— Я не могъ оторваться,—напирая на каждое слово, обидчиво повторилъ тотъ.

— Мнѣ очень жаль,—разсѣянно замѣтила молодая дѣвушка, которой Аривертъ нашептывалъ взволнованнымъ голосомъ, что

Digitized by Google

онъ никогда еще не видѣлъ ее такой обворожительной, такой идеально-прекрасной...

Но герръ Шмидтъ не хотѣлъ даваться въ обиду, и продолжалъ въ благородно-приподнятомъ тонѣ:

— Это было, когда я въ первый разъ повелъ свой отрядъ въ набѣгъ на сѣверо-западъ африканскаго материка. Въ сумерки, въ Фецѣ мнѣ пришлось проходить мимо на-глухо закрытыхъ и загороженныхъ рѣшотками оконъ гарема Мулей-Гассана, какъ вдругъ...

— Позвольте! Не будете ли вы настолько любезны, чтобы предложить вашей сосѣдкѣ краснаго или бѣлаго вина?—перебилъ его Ари.

— Pardon! — спохватился недовольный перерывомъ путешественникъ и съ чисто-африканской яростью налилъ своей сосѣдкѣ полный стаканъ перваго попавшагося вина.

— ...Какъ вдругъ,—повторилъ онъ:—въ ихъ таинственной темнотѣ я увидѣлъ двѣ большихъ, сверкающихъ звѣзды...

— Простите! Но вы, кажется, хотѣли сначала разсказать, какъ вы первый разъ вели свой отрядъ въ набѣгъ? — замѣтилъ Аривертъ.

Нѣкоторые изъ гостей улыбнулись, какъ бы безмолвно соглашаясь на шутку, затѣянную молодымъ человѣкомъ; всѣ насторожились. Но ихъ постигло разочарованіе. Отвѣта со стороны африканца не послѣдовало; онъ только смѣрилъ барона уничтожающимъ свирѣпымъ взглядомъ.

— Ахъ! Вы были въ Африкѣ?—воскликнула фрейлейнъ фонъ-Майбургъ своимъ робкимъ голосомъ.

— Да; я былъ въ Африкѣ. Это даже, такъ сказать, мое призваніе...

— А, значитъ, вы миссіонеръ? Какъ это прекрасно!

— Да; у людоѣдовъ!—окончательно выходя изъ себя, подтвердилъ онъ.

— Но это уж-жасно! Пожалуй, васъ тоже заставляли... Нѣтъ, нѣтъ! Я ничего больше не могу ѣсть!—и встревоженная кузина Майбургъ отвела отъ себя блюдо, которое ей подавалъ лакей.

Тѣмъ временемъ, майоръ фонъ-Вихманъ, шутившій все время со своими юными сосѣдками, успѣлъ настроить въ сторону Аривертa любопытство все той же кузины Майбургъ, увѣряя ее, что „тамъ“ готовится какой-то сюрпризъ, и что не одинъ Аривертъ будетъ въ немъ участникъ.

— Послушай, Альбертхэнъ! Говорятъ, сегодня готовится

Digitized by Google

что-то такое... Ты и твоя прелестная сосѣдка?.. Вотъ было бы чудесно!

— Тсс! Не такъ громко! Ты все испортишь...—испуганно остановилъ ее Аривертъ, и поспѣшилъ обратиться съ какимъ-то вопросомъ къ своей очаровательной дамѣ. Онъ успѣлъ убѣдиться, что любезностями и восторженными похвалами ее нельзя плѣнить, и, заговоривъ въ болѣе сдержанномъ, серьезномъ тонѣ, перешелъ на близкую ей тему о родной семьѣ; хвалилъ портретъ ея матери, говоря, что онъ произвелъ на него сильное впечатлѣніе; разспрашивалъ о ея собственныхъ воспоминаніяхъ дѣтства; охотно выслушивалъ ея похвалы брату...

— Хотите, наклонитесь немного въ мою сторону,—предложилъ онъ,—и вамъ будетъ прекрасно его видно! Вонъ онъ сидитъ рядомъ съ моей сестрой—Каролой, и, кажется, они очень дружно бесѣдуютъ... Я всей душой этому радъ!—и Аривертъ пустился въ описаніе прелестей ума и сердца своей любимой сестры.

Шарлотта послушала его совѣта и, дѣйствительно, придвинулась къ нему поближе, наклоняясь, чтобы лучше увидать брата и его сосѣдку. Карола случайно взглянула въ сторону Аривертa и обратила на нихъ вниманіе д-ра Шенбека.

Аривертъ поднялъ свой стаканъ съ виномъ и привѣтливо кивнулъ сестрѣ головой, улыбаясь и поднося его къ губамъ. Лотта послѣдовала его примѣру.

Въ первую минуту д-ръ Шенбекъ сдѣлалъ прекомичное лицо, озадаченный тѣмъ, что такъ близко и такъ довѣрчиво склонились къ нимъ на встрѣчу головы молодыхъ людей; но Карола уже отхлебнула изъ своего стакана имъ въ отвѣтъ, и Генриху ничего больше не оставалось, какъ послѣдовать ея примѣру.

— Въ самомъ дѣлѣ, ваша сестра прелестное созданіе!—замѣтила Карола своему сосѣду.—Къ сожалѣнію, мнѣ мало пришлось съ нею говорить, но я вполнѣ понимаю восторженныя чувства моего брата. Онъ послѣ перваго же посѣщенія писалъ намъ про нее въ такихъ выраженіяхъ...

Генрихъ молча поклонился и не сразу нашелся что-либо сказать. Сначала онъ какъ будто находилъ даже удовольствіе въ оживленной бесѣдѣ съ фрейлейнъ фонъ-Клинкенбергъ, но теперь ему было какъ-то не по себѣ, и только нѣкоторое время спустя удалось ему подавить тревогу, чтобы просить фрейлейнъ фонъ-Клинкенбергъ посѣтить ихъ виллу на Тегельскомъ озерѣ.

Его почти ужасала мысль,—неужели у *нихъ* дѣло зашло уже такъ далеко? и ему становилось сердечно жаль бѣднаго боль-

Digitized by Google

ного Абелэ, который скучаетъ въ обществѣ его старика-отца въ то время, какъ здѣсь, въ ярко-освѣщенномъ залѣ, безпрепятственно ухаживаетъ за Шарлоттой этотъ блестящій франтъ. Положимъ, ничего дурного онъ не узналъ про молодого Клинкенберга, но ему все-таки не особенно нравилось какъ бы желаніе его блистать и плѣнять собою.

Выйдя изъ-за стола, въ гостиной снова сошлись обѣ пары сосѣдей; къ нимъ примкнула веселая вдовушка Прюммеръ. Она тотчасъ же бросилась къ Шарлоттѣ и, отводя ее въ сторону, восторженно зашептала:

— Душечка Лоттхенъ, что̀ за чудесный человѣкъ этотъ Гельдорфъ! Мы просто чудо какъ весело разговорились... и, конечно, больше о театрѣ. Ты представить себѣ не можешь, до чего онъ высоко ставитъ свое искусство! Какъ благородны всѣ его стремленія!

— Нѣтъ? въ самомъ дѣлѣ?—улыбаясь, спросила Шарлотта. —Ты вѣдь, напротивъ, всегда находила, что его игра тоску наводитъ.

— Я? находила? *Я* игру Гельдорфа?—горячо переспросила Гедвига.—Это для меня новость!.. Впрочемъ, газетнымъ отзывамъ такъ легко поддаться. Эти „газетныя стряпухи“, рецензенты, хоть кому вкусъ испортятъ. Гельдорфъ открылъ мнѣ совсѣмъ новыя точки зрѣнія, и я даже рѣшилась ему признаться, что хочу поступить на сцену. Онъ былъ такъ милъ, что согласился давать мнѣ уроки. Ну, не восхитительный ли человѣкъ?

— Гедвига! Полно, неужели ты серьезно говоришь?

— Совершенно серьезно! Я завтра же должна пойти къ нему на пробу, и онъ мнѣ скажетъ откровенно, есть ли у меня талантъ. А ты? Какъ подвигаются дѣла съ твоимъ Арибертомъ?

Шарлотта въ испугѣ схватила сестру за руку,—та дѣйствительно говорила слишкомъ громко.

— Ну, что-жъ у васъ за тайны?—пошутилъ д-ръ Шенбекъ, подходя ближе къ сестрамъ.—По лицу его можно было догадаться, что онъ думаетъ о чемъ-то тревожномъ, чего не рѣшается сказать.

Вдругъ онъ наклонился къ Лоттѣ и тихонько, убѣдительно шепнулъ:

— Лотта! Прошу тебя, будь благоразумна.

Сестра пожала плечами.

— Не понимаю рѣшительно, чего ты хочешь! Развѣ я веду себя неприлично?

— Сейчасъ же поймешь! Если бы *ему* вздумалось тебѣ что-

Digitized by Google

нибудь сказать, смотри, будь осторожна и не отвѣчай. Держись подальше отъ него, на тебя такъ и смотрятъ.

Лотта съ досадой отвернулась отъ него и подошла къ Клинкенбергамъ, которые стояли и тихонько разговаривали въ противоположномъ углу комнаты.

Генрихъ поглядѣлъ ей вслѣдъ и глубоко вздохнулъ.

— Послушай, Гедвига, не отходи далеко отъ нея, ты понимаешь?

— Конечно, понимаю, но странно и нехорошо съ моей стороны это будетъ, если я буду становиться сестрѣ на дорогѣ. Еще подумаютъ, что я изъ зависти!..

Братъ грустно покачалъ головой и пошелъ прочь, въ мужскую уборную, искать утѣшенія въ хорошей сигарѣ.

— Премилый у васъ братъ!—замѣтила Карола.—Такой онъ спокойный, такой основательный и серьезный. Чувствуется, что все, что онъ говоритъ, онъ знаетъ достовѣрно, а наши вѣдь мужчины вообще говорятъ только лишь бы болтать всякій вздоръ. Съ нимъ чувствуешь себя какъ-то особенно довѣрчиво и просто, и не боишься пускаться въ откровенности, которыя онъ выслушиваетъ внимательно и старается понять, помогаетъ высказаться. Нѣтъ, рѣшительно вамъ можно позавидовать! Какъ, должно быть, отрадно живется подъ защитой такого человѣка, который за всѣмъ слѣдитъ и всѣхъ ограждаетъ!..

Лотта, немного удивленная, что такъ распространяется о ея братѣ дѣвушка, которая почти его не знаетъ, все-таки съ благодарной улыбкой смотрѣла на рослую сестру изящнаго Ариберта. Даже крупныя черты лица Каролы казались ей въ эту минуту залогомъ того, что она вѣрно „молодецъ“ и „славный малый“.

— Положимъ, я должна признаться, что была отчасти къ тому подготовлена письмами брата,—продолжала Карола,—такъ-что не мнѣ принадлежитъ честь открытія достоинствъ д-ра Шенбека. Я вѣдь нарочно потребовала, чтобы меня посадили рядомъ съ нимъ.

Къ великой досадѣ Шарлотты, въ эту минуту къ ней, звеня шпорами, подлетѣлъ изящный гусарскій адъютантъ и прервалъ ихъ бесѣду. За закрытой дверью слышался стукъ и грохотъ передвигаемой мебели, а издали доносились уже глухіе звуки вальса.

— Слышите? Уже настроиваютъ нашъ оркестръ!—весело говорилъ блестящій графъ.—Смѣю просить васъ на первый вальсъ?

Аривертъ и Карола, по знаку хозяйки дома, ушли хлопотать и распоряжаться.

Digitized by Google

— Ну что, Карлина, какъ удалась твоя бесѣда съ Генрихомъ?—спросилъ молодой Клинкенбергъ.

— Ты правъ, прескучный проповѣдникъ этотъ ученый старикъ! Каждое слово тащи изъ него силой! Говоритъ онъ точно изъ милости, или точно самъ себѣ ставитъ за грѣхъ обмолвиться словечкомъ.

— Пожалуйста, только не дай Лоттѣ ничего замѣтить! Она его, кажется, очень уважаетъ.

— Развѣ я такъ глупа?—обидчиво воскликнула Карола.— Я даже очень постаралась за тебя. И наконецъ, она—такая прелесть, ты ея не стоишь! Прошу покорно обращаться съ нею хорошенько, если въ самомъ дѣлѣ выпадетъ тебѣ на долю такое баснословное счастье! Она просто красавица, ею можно гордиться. Только бы ее немножечко расшевелить.

— Ну, это не бѣда, во мнѣ бойкости хватитъ на двоихъ. Ты понимаешь, я влюбленъ какъ безумный! Да нечего смѣяться, чортъ возьми! Я говорю отъ всего сердца, честное слово!.. Пожалуйста, герръ Вемейеръ, нельзя ли хорошенькій полонезъ, да погромче!—заключилъ онъ, обращаясь къ таперу, который поспѣшилъ исполнить его желаніе.

Его превосходительство добродушно отложилъ въ сторону сигару и съ замѣчательной гибкостью въ движеніяхъ своего тучнаго тѣла всталъ и прошелъ въ сосѣднюю комнату, давно уже намѣтивъ себѣ въ дамы Шарлотту Шенбекъ.

— О, простите!—извинился онъ, видя, что она уже стоитъ подъ руку съ графомъ Прохъ-Ляска. Стремительно подойдя къ самой младшей изъ дѣвицъ Унгевиттеръ, онъ милостиво предложилъ ей руку. Вспыхнувъ, какъ маковъ цвѣтъ, юная барышня повиновалась приглашенію, и, при всеобщемъ взрывѣ веселья, вслѣдъ за этой интересной первой парой стали строиться и выступать остальныя. Шутка генерала была сигналомъ для другихъ: самыхъ старыхъ дамъ приглашали самые юные изъ кавалеровъ, старики со смѣхомъ брали подъ руку дѣвочекъ-подростковъ.

„Балъ“ открывался весело, непринужденно. Музыка съ увлеченіемъ гремѣла полонезъ.

Digitized by Google

VII.

„Шарлотта Шенбекъ и Ариберть фонъ-Клинкенбергъ имѣютъ честь"...

Первый вальсъ приходилъ къ концу, но восхищенный адъютантъ не рѣшался отстать ни на минуту отъ своей прелестной дамы, что, конечно, не входило въ разсчеты Ариберта. Ему ничего лучшаго не оставалось, какъ повертѣться для вида съ веселой вдовушкой; но и по окончаніи танца она его отъ себя не отпустила, искусно наведя разговоръ на свою сестру Лотту.

— Нечего сказать, хорошенькихъ вещей я о васъ наслушалась!—погрозила она ему своимъ розовымъ пальчикомъ, затянутымъ въ перчатку.

— Помилуйте! Что такое?—смущенно взмолился Ариберть. —Я еще вообще не успѣлъ заслужить, чтобы обо мнѣ говорили...

— Однако, намъ хорошо извѣстно, что вы съумѣли, какъ воръ ночью, пробраться въ чье-то незащищенное, невинное сердце...

— О!.. Ахъ, въ такомъ случаѣ... Впрочемъ, нѣтъ...

— Да, да: моя сестрёнка принесла мнѣ серьезную жалобу на васъ... и еслибъ я не образумила ее, она Богъ знаетъ что могла бы забить себѣ въ голову... По счастью, подоспѣло вчера предложеніе д-ра Абелэ...

— Ахъ!—вырвалось у Ариберта, и лицо его отразило полнѣйшее отчаяніе.

— Только вы подождите ее поздравлять: она еще не дала отвѣта, а хотѣла сперва подумать,—лукаво заключила вдовушка. Ари съ облегченіемъ вздохнулъ.

— Пожалуйста, милая, прелестнѣйшая фрау Прюммеръ, скажите отровенно, какъ вамъ кажется: пошла бы она за него? Даже несмотря на... на его простуду?..

— Ну, ужъ на это постарайтесь сами просить ее отвѣтить, —возразила она, и не успѣла оглянуться, какъ Ариберть, наскоро откланявшись, уже подлетѣлъ къ Шарлоттѣ. Вальсъ кончился, она была свободна.

— Вы обѣщали мнѣ первую польку,—утвердительно началъ онъ. Лотта съ комически-глубокомысленнымъ видомъ приложила вѣеръ ко лбу.

— Мнѣ кажется, вы ошибаетесь; это былъ г. „африка-

Digitized by Google

нецъ“. Онъ даже увѣрялъ меня, что не умѣетъ ничего танцовать, кромѣ польки.

— Онъ пошутилъ; „они“ вѣдь всегда шутятъ!.. Ну, такъ хотите—слѣдующій танецъ, какой бы онъ ни былъ, все равно?

Шарлотта кивнула головою въ знакъ согласія, и Ариберть поспѣшилъ бѣгомъ къ таперу, просить его заиграть „рейнлэндеръ“.

— О, Боже, это „рейнлэндеръ“? — въ ужасѣ воскликнула его дама.—Я его не танцую, и не хотѣла бы смѣшить народъ...

— Тѣмъ лучше! Мы отлично поболтаемъ. Мнѣ надо вамъ сказать такъ много.

— Нѣтъ, это не годится!—поспѣшно перебила молодая дѣвушка.—Смотрите, сколько барышенъ сидятъ: исполните же долгъ вѣжливаго кавалера,—повертите ихъ!

Скрѣпя сердце, Ариберту пришлось покориться; но на его бѣду рейнлэндеръ вскорѣ перешелъ въ польку, и ему выпала на долю мука видѣть, какъ „африканецъ“ безъ устали танцовалъ съ дамой его сердца. Но онъ зорко слѣдилъ за нимъ и, улучивъ минуту, поспѣшно увлекъ за собою Шарлотту, которая отъ усталости едва дышала.

Въ комнатѣ, гдѣ они очутились, былъ разлитъ пріятный голубой полумракъ; по стѣнамъ красиво раскинулись макартовскіе букеты, вѣера, воинскія трофеи... Плетеные стулья съ высокими спинками стояли такимъ образомъ, что изъ сосѣдней комнаты сидѣвшихъ на нихъ не было видно. Ариберть знакомъ предложилъ молодой дѣвушкѣ сѣсть, и тотчасъ же сообщилъ ей о томъ, что̀ слышалъ отъ фрау Прюммеръ о д-рѣ Абелэ.

— Но вы вѣдь и не думаете выходить за него? Не правда ли?—настойчиво допрашивалъ онъ.

Шарлотта смущенно играла вѣеромъ и молчала.

— Къ чему этотъ вопросъ?.. Брату моему это было бы пріятно, — промолвила она наконецъ.

— Но вѣдь не можете же вы, изъ любви къ брату, связать себя съ человѣкомъ, котораго не можете любить?

— Почемъ вы знаете? Вы еще такъ мало знакомы съ докторомъ Абелэ.

— Но я же его видѣлъ, и этого съ меня довольно... Это было бы преступленіемъ съ вашей стороны противъ природы, которая васъ надѣлила такой дивной красотой.

— Я васъ прошу, не говорите такъ со мной! Еще за столомъ... Нѣтъ, я лучше уйду!

Но Ариберть горячо жалъ ей руку, и въ волненіи облокотился рукой на спинку ея кресла. Наклонившись надъ нею такъ,

Digitized by Google

что его разгоряченное дыханіе почти касалось ея пылавшей щеки, онъ продолжалъ:

— Я не пущу!.. Я не могу васъ отпустить безъ того, чтобъ не сказать вамъ все, о чемъ вы уже давно должны были догадаться... Я васъ люблю, я жить не въ состояніи вдали отъ васъ! Съ тѣхъ поръ, какъ встрѣтился я съ вами въ первый разъ, я ломалъ себѣ голову, какъ бы стать къ вамъ поближе... и вся моя семья сочувствуетъ мнѣ, раздѣляя до сихъ поръ со мною мои тревоги, мои... упованія! Скажите слово... одно только слово! —и счастливѣе меня нѣ будетъ человѣка во всемъ мірѣ!

Баронъ готовился уже пасть передъ нею на колѣни, но въ эту минуту имъ почудилось обоимъ чье-то сдержанное восклицаніе, и Лотта, поблѣднѣвъ отъ волненія, хотѣла броситься скорѣе въ залу, но Ари удержалъ ее.

— Прошу васъ, умоляю,—успокойтесь! Не отвѣчайте мнѣ, если вамъ это такъ уже тяжко... Только скажите: вы развѣ *совершенно* ко мнѣ равнодушны?

Шарлотта дрожала всѣмъ тѣломъ, и тщетно искала словъ, чтобъ отвѣчать на это страстное воззваніе. Долго не рѣшалась она поднять глаза на Ариберта.

— Пожалуйста, идите... туда, въ залу, дайте мнѣ понемногу придти въ себя... Боже мой! Что я могу вамъ отвѣчать? Я васъ почти не знаю. Если вы будете у насъ бывать... если мы познакомимся домами... можетъ быть... Будьте же такъ добры и великодушны, пустите меня... уйдите!

Душевно утомленная усиліемъ, котораго ей стоило это объясненіе, Шарлотта упала въ кресло и подняла къ нему обѣ руки, какъ бы отстраняя его отъ себя. Но Аріберть подошелъ къ ней, и страстнымъ шопотомъ допытывался: неужели онъ ей такъ противенъ? Или ей нравится кто-нибудь другой?..

— Нѣтъ!.. Нѣтъ!..—шептали въ отвѣтъ ея дрожавшія губы. —Пойдемте танцовать!—рѣшительно заключила она, и они подъ-руку направились въ залу...

Но, прежде чѣмъ войти, Аріберть обвилъ ея станъ рукою и прижалъ къ своей груди, шепча:—Люблю тебя! Люблю!..

Съ выраженіемъ боли на красивомъ блѣдномъ лицѣ Лотта закусила губы и, закрывъ глаза, закинула голову назадъ...

Въ эту минуту на порогѣ появился генералъ Гуфнагель, а за нимъ супруги фонъ-Мейернъ, маіоръ фонъ-Вихманъ, и всѣ остальные, за исключеніемъ только танцующей молодежи. Радушно протягивая руку Ариберту, который отодвинулся отъ Шар-

Digitized by Google

лотты, но не отходилъ отъ нея, сжимая въ своей рукѣ ея холодную ручку, его превосходительство пробасилъ:

— Браво, браво, молодые люди! Едва услышавъ радостную вѣсть, я спѣшу первымъ привѣтствовать васъ отъ души и пожелать вамъ долголѣтнихъ радостей и безоблачнаго счастья.

Вслѣдъ за генераломъ выступали и остальные гости, пожимали ему руку, шумно поздравляя...

Для Ариберта, какъ и для Шарлотты, это было совершенной неожиданностью; онъ тоже смутился, не зная, что̀ сказать, но понемногу приходилъ въ себя, и только все крѣпче пожималъ руку Лотты, какъ бы желая ободрить ее.

Звуки вальса вдругъ оборвались, и группа танцующихъ съ шумомъ влетѣла вслѣдъ за стариками, также весело выражая свой восторгъ. Въ послѣдней парѣ впорхнула подъ руку съ артистомъ Гельдорфомъ прелестная вдовушка; еще мигъ, и, растолкавъ присутствующихъ, она повисла на шеѣ у сестры, осыпая ее такими поцѣлуями, что каждый жалѣлъ въ глубинѣ души, что не онъ на мѣстѣ счастливой невѣсты...

Воспользовавшись минутнымъ перерывомъ, Ариберъ поспѣшилъ шопотомъ спросить своего зятя, что̀ значитъ эта сцена. Майоръ объяснилъ ему, что̀ слышалъ самъ: юная фрейлейнъ Вихманъ изъ любопытства подсмотрѣла, что̀ говоритъ и дѣлаетъ уединившаяся пара, и вѣрно видѣла или слышала что-либо предосудительное, если побѣжала къ отцу съ вѣстью, что они — женихъ и невѣста, а тотъ поспѣшилъ сообщить эту радостную вѣсть всѣмъ остальнымъ.

— А Гейни знаетъ?—тормошила свою ошеломленную сестру Гедвига.

— Да! Гдѣ же нашъ профессоръ?—пробасилъ майоръ фонъ-Вихманъ.—Д-ръ Шен-бекъ! Док-торъ! Идите сюда, дать свое благословеніе!

Наконецъ, Генрихъ отыскался. Онъ сидѣлъ въ уголкѣ, за ширмочкой, въ самой дальней комнатѣ, и вмѣстѣ съ предсѣдателемъ судебной управы рѣшалъ глубокомысленный вопросъ: существуетъ ли на свѣтѣ такая вещь, какъ общественное мнѣніе?

— Боже мой! Что̀ случилось?—воскликнулъ онъ въ испугѣ, видя, что на него надвигается вся толпа гостей въ какомъ-то необычномъ возбужденіи.

— Лотта дала слово!—побѣдоносно провозгласила вдовушка и, притянувъ къ себѣ голову брата, громкимъ шопотомъ, смѣясь, объявила:—„Шарлотта Шенбекъ и Ариберъ фонъ-Клинкенбергъ имѣютъ честь сообщить вамъ о своей помолвкѣ“!

Digitized by Google

Но д-ру Шенбеку было не до смѣха. Съ досадой стряхнулъ онъ съ себя шаловливыя объятія легкомысленной Гедвиги и только могъ проговорить въ отвѣтъ на смѣхъ и привѣтствія гостей односложное:—А!..

Между тѣмъ къ нему подталкивали жениха и невѣсту, которымъ онъ безъ особаго одушевленія пробормоталъ что-то такое совершенно непонятное.

Взявъ за обѣ руки свою любимую сестру, онъ притянулъ ее къ себѣ и шепнулъ тревожно:

— Какъ это такъ случилось?

Обвивая его шею обѣими руками, Лотта прижалась какъ дитя къ его плечу своимъ пылающимъ лицомъ, и чуть-чуть слышно шептала въ отвѣтъ:

— Сама не знаю... ничего не знаю! Скорѣе бы домой, домой!..

Вѣнчаніе кончено.

Все общество, не исключая и духовнаго отца, сошлось опять вокругъ стола въ домѣ невѣсты, чтобы передъ отъѣздомъ молодыхъ позавтракать на-скоро, à la fourchette. Не обошлось и безъ рѣчей, лучшую изъ которыхъ произнесъ братъ новобрачной; положимъ, она не отличалась особой теплотой, но все-таки была значительно горячѣе, нежели всѣ могли отъ него ожидать. Арибертъ отвѣтилъ коротко, но остроумно и съ такимъ замѣтнымъ волненіемъ, что произвелъ самое лучшее впечатлѣніе. Послѣ него говорили — фонъ-Мейернъ, фонъ-Вихманъ и другіе. Все шло гладко, прилично и даже радушно. Самое тяжелое, какъ и всегда, было прощаніе новобрачной съ этимъ домомъ. Плакали искренно всѣ члены ея любящей семьи; даже суровый Генрихъ отиралъ слезы. Искренно-умиленный Арибертъ обѣщалъ имъ хранить ихъ дочь и сестру, какъ драгоцѣннѣйшее изъ сокровищъ, и употребить всѣ свои силы на то, чтобы сдѣлать ей супружескую жизнь легкой и счастливой...

Наконецъ, молодые одни, въ купэ перваго класса. Скорый поѣздъ мчитъ ихъ на сѣверъ, въ „родовое гнѣздо“ фонъ-Клинкенберговъ. Молодые сидятъ молча, стѣсненные присутствіемъ постороннихъ пассажировъ; только изрѣдка обмѣниваются они умиленнымъ взглядомъ и тихонько пожимаютъ другъ другу руки. Устало прислонилась Шарлотта къ спинкѣ сидѣнья; Арибертъ смотрѣлъ въ окно и думалъ свои думы.

Его немного тревожило, какъ отнесется жена къ той сѣти лжи и притворства, которая должна же, въ концѣ концовъ, рас-

Digitized by Google

криться, и онъ заранѣе подготовлялъ возраженія и доказательства, которыя, какъ ему казалось, могли смягчить ея приговоръ. Безысходная нужда, дворянскій ложный стыдъ... Развѣ этого мало для его оправданія!..

Двое мужчинъ, сидѣвшихъ въ одномъ отдѣленіи съ молодыми, наконецъ задремали, и Лотта была рада случаю потихоньку поболтать съ мужемъ.

— Разскажи мнѣ, Ари, что-нибудь про свою мамá,— обратилась она къ нему, придвигаясь поближе.

— Про мамá?—чуть не въ ужасѣ, переспросилъ онъ:—Что же могу я про нее сказать? Она такая же, какъ и всякая другая въ ея годы; порою рѣзкая, порой—только смѣшная... Ну, какъ и всѣ, кто много вынесъ на своемъ вѣку.

— Ты говорилъ, что у нея мягкій характеръ и доброе сердце?

— Ну, да... конечно! Только не всегда у нея это замѣтно.

— Она очень гордится своимъ происхожденіемъ; мнѣ говорила твоя сестра Ева...

— Мало ли чего еще она наскажетъ! Родители мамá были богачи-пивовары... Не знаю, чѣмъ тутъ особенно можно гордиться?

— Вотъ никогда бы не подумала, что твоя сестра Ева...— задумчиво произнесла Шарлотта и умолкла.

Поѣздъ подошелъ къ станціи, гдѣ молодымъ приходилось ждать другого. Тѣмъ временемъ, когда они ходили взадъ и впередъ по платформѣ, Аribертъ ухватился за случай развеселить свою молодую жену и такъ весело болталъ, потѣшаясь самъ смѣшными сторонами толстушки-тетушки и кой-кого изъ сосѣдей, что Лотту дѣйствительно развлекло его остроуміе.

„Мой Аribертъ, значитъ, гораздо выше ихъ стоитъ, если ихъ развитіе кажется ему такимъ ограниченнымъ“, думала она:— Знаешь, вѣдь это будетъ презабавно, когда мы, наконецъ, пріѣдемъ въ твой замокъ!—сказала она вслухъ.

— Ну, пожалуй, что „замокъ“—слишкомъ громкое названіе для этого... сарая,—возразилъ молодой супругъ.

— Однако, ты самъ же говорилъ...

— Ну, въ шутку мало ли чего не скажешь? Теперь мы все, конечно, устроимъ поуютнѣе... А! Вотъ и нашъ поѣздъ... Скорѣй, скорѣй!

Молодые заняли отдѣленіе, въ которомъ не оказалось никого, кромѣ нихъ. Размѣстивъ багажъ, Аribертъ задернулъ на окнахъ занавѣски. Поѣздъ тронулся...

Когда къ нимъ вошелъ контролеръ, двадцать минутъ спустя,

Digitized by Google

Шарлотта сидѣла въ углу длинной скамейки и, рдѣя какъ вишня, оправляла прическу и шляпу. Контролеръ ушелъ, и молодая женщина пожурила мужа за его мальчишеское обращеніе съ нею, а на душѣ у нея было какъ-то нехорошо и жутко. Невольно она сравнила себя (Боже, какое униженіе!) съ какой-то Минной, бывшей своей горничной, которая пылала такъ же точно, какъ она, послѣ того, какъ прибѣгала на господскій зовъ изъ саду, гдѣ ее цѣловалъ (это было извѣстно всему дому!) какой-то „бравый канониръ"... И ей, Шарлоттѣ, тоже вѣдь не особенно противны поцѣлуи Ариберта, хоть и является минутами какъ бы неясное предчувствіе, что̀ такое эта хваленая любовь...

Слезы душили молодую женщину, и она все еще не успѣла успокоиться, какъ поѣздъ уже замедлилъ ходъ, подъѣзжая къ станціи, гдѣ ихъ ожидалъ экипажъ. При видѣ его Аривертъ испыталъ неожиданное удивленіе: къ крыльцу подкатило щегольское ландо, запряженное парой вороныхъ въ дорогой сбруѣ. На козлахъ сидѣли нарядный кучеръ и лакей графа Ретца; баронъ узналъ ихъ сразу, но въ сущности былъ даже радъ этой выдумкѣ, которую приписалъ мысленно находчивости своей матери; вообще новобрачный былъ доволенъ, что можетъ достойнымъ образомъ довезти до дому свою красавицу-жену. Радость его, однако, омрачало сожалѣніе, что на другой же день придется отослать обратно и людей, и экипажъ, которые такъ были бы подъ стать Шарлоттѣ; тревожила его, вдобавокъ, и необходимость наградить „ихъ" по-графски щедрымъ „на водку".

Уже стемнѣло, и лишь неясно могъ Аривертъ различить профиль жены и ея царственно-статную фигуру.

„Ей мѣсто среди величавыхъ горъ и могучихъ лѣсовъ, среди широкаго простора богатыхъ нивъ и луговъ,—думалъ онъ: —а не въ нашихъ унылыхъ, оголенныхъ пескахъ! Слава Богу, что за темнотой ихъ еще не видно, да и ѣхать по нимъ приходится сравнительно недолго"...

Былъ ужъ десятый часъ въ концѣ, когда по сторонамъ дороги замелькали небольшіе домики крестьянъ, живущихъ на землѣ Клинкенберговъ. Особенно зажиточнаго вида они, положимъ, никогда не имѣли, но въ ночной темнотѣ привѣтливо свѣтились въ окнахъ огоньки, и крестьяне цѣлыми семьями толпились на краю дороги—поглядѣть на молодыхъ. Нѣкоторые,—бо̀льшею частью старики и пожилые люди,—снимали шапку въ знакъ привѣта, но всѣ вообще какъ-то глупо молчали, стоя неподвижно. Землевладѣлецъ тоже снималъ шляпу и милостиво отдавалъ поклоны, мысленно браня ихъ за тупость:

Digitized by Google

„Черти!.. Дурачье!.. Хоть бы одинъ догадался прокричать ура“!.. но вслухъ онъ счелъ своимъ долгомъ извиниться за нихъ передъ женой:

— Они немного тяжеловѣсны на подъемъ, но въ сущности народецъ недурной и преданный нашей семьѣ.

Ландо въѣхало въ незатѣйливыя „тріумфальныя“ ворота и покатилось по дорогѣ къ главному крыльцу. Въ эту минуту раздался оглушительный залпъ... Лошади шарахнулись въ сторону, и кучеръ съ трудомъ успокоилъ ихъ. Шарлотта и ея мужъ вздрогнули отъ неожиданности.

Лихо подкатилъ къ крыльцу блестящій экипажъ, и въ тотъ же мигъ въ гранитныхъ вазахъ по обѣ стороны его съ трескомъ вспыхнуло пламя и стало выбрасывать римскія свѣчи и ракеты. И безъ того уже напуганныя лошади взвились на дыбы, грозя опрокинуть ландо... Аribертъ поспѣшилъ выпрыгнуть на землю и ловко вынуть изъ ландо Шарлотту, а затѣмъ бросился прямо въ домъ, дрожа отъ гнѣва на глупую выдумку неумѣлыхъ поздравителей.

— Собаки! Дьяволы!—кричалъ онъ громовымъ голосомъ.—Я вамъ задамъ устраивать сюрпризы! Іохенъ, старая кляча! такъ и ты туда же? Вотъ погодите, будете у меня знать...

Испуганно разступались передъ нимъ мужчины и молодые парни, которыхъ усердный управляющій разставилъ въ темнотѣ, у вазъ и въ сѣняхъ, съ надлежащими инструкціями, когда зажигать заготовленный фейерверкъ. Еще дальше, въ глубинѣ сѣней, стояла группа родныхъ, освѣщенныхъ въ эту минуту бенгальскимъ огнемъ: фрау фонъ-Клинкенбергъ и тетя Лольхенъ, а за ними — маленькій, кривоплечій Карлъ-Фрицъ. Несчастный смѣялся и размахивалъ руками. Всѣ они спорили, кричали; но Аribертъ всѣхъ перекричалъ:

— Я хочу знать, кто сочинилъ эту безумную забаву?—гремѣлъ его разгнѣванный голосъ.

— Господинъ... господинъ управляющій, — робко отозвался кто-то изъ женщинъ.

— А, любезнѣйшій! Благодарю покорно, удружили! И какой васъ чортъ попуталъ?..

— Фрау фонъ-Клинкенбергъ,—возразилъ тотъ; и получилъ въ отвѣтъ полновѣсную пощечину съ наставленіемъ:

— Не забываться!—затѣмъ, выпроводивъ всѣхъ остальныхъ, не исключая и оскорбленнаго управляющаго, Аribертъ обратился къ матери, указывая на исковерканный верхъ коляски, на

Digitized by Google

раненыхъ лошадей, вокругъ которыхъ суетились люди, и, понизивъ голосъ, сказалъ:

— Лучше бы тебѣ вовсе не придумывать подобныхъ угощеній!

— Такъ вотъ какъ ты благодаришь меня за всѣ хлопоты, за все мое вниманіе! А я-то старалась, чтобы васъ прилично встрѣтить...

— Вотъ она гдѣ, вотъ она!—раздался высокій голосъ тетки, и ея толстенькая фигурка появилась въ полуосвѣщенномъ пространствѣ сѣней. Она вела за руку Шарлотту.

Молодая женщина, блѣдная отъ страха, тотчасъ же попала въ объятія своей свекрови и, отвѣсивъ ей низкій, почтительный поклонъ, молчала, не препятствуя ей цѣловать и обнимать ее.

— Бѣдненькая, какъ она испугалась! — продолжала тетя Лольхенъ.

— Да пойдемте же туда, гдѣ посвѣтлѣе!—нетерпѣливо прервалъ Ари ихъ сердечныя изліянія.—Дорогая моя, сердце мое!—нѣжно обратился онъ къ женѣ, обвивая станъ ея рукою.— Гдѣ ты пропадала?

— Тамъ... на дворѣ... Мнѣ было такъ дурно, я едва устояла на ногахъ...—тихонько отвѣчала Лотта, отводя руку мужа.—Ну, какъ ты можешь такъ браниться?

— Бѣдная Лоттхенъ!.. Прости, душа моя, такова ужъ моя обязанность!—и оба прошли въ сосѣднюю пріемную, гдѣ ждалъ, выстроившись, весь штатъ прислуги, чтобы привѣтствовать молодую хозяйку. Свекровь называла ей каждаго по очереди, а Шарлоттѣ не хватало рукъ, чтобы держать букеты, которые видимо нравились ей, несмотря на свою простоту.

Между тѣмъ, Ари подведъ къ ней за руку Карла-Фрица, который упирался, и его красивая голова съ большими, сердитыми глазами сразу привлекла ея вниманіе, заставляя забывать объ уродливой фигурѣ и несоразмѣрныхъ рукахъ.

Лотта быстро повернулась къ нему лицомъ, но онъ злобно уставился на полъ и не хотѣлъ поднять на нее глаза.

— Что съ нимъ? Почему онъ меня возненавидѣлъ? — тихо спросила она мужа.

— Бѣднага—глухонѣмой, а они вѣдь вообще недовѣрчивы ко всѣмъ, и онъ съ трудомъ привыкаетъ къ новому лицу,—мягко пояснилъ Аригертъ. Шарлотта, которой все-таки было немного жутко передъ этимъ жалкимъ созданіемъ, принудила себя улыбнуться и подала ему руку:

— Здравствуйте! Дайте мнѣ вашу руку!

Digitized by Google

Карлъ-Фрицъ, котораго подталкивали къ ней мать и сестра, и братъ, поднялъ глаза, и мигомъ замѣтилъ улыбки всѣхъ присутствующихъ; заглянулъ въ лицо Шарлоттѣ—и на немъ увидалъ тоже улыбку, но привѣтливую, мягкую... Онъ вырвался изъ рукъ брата и убѣжалъ, хлопая дверями.

— Ну, и пусть себѣ!—замѣтила мать. Пойдемте—ужинать! Но Лотта попросила разрѣшенія пойти оправиться и переодѣться, къ великой досадѣ свекрови, которая боялась, что ужинъ простынетъ. Мужъ вызвался самъ проводить Шарлотту, и они вмѣстѣ вошли къ себѣ въ спальню.

А. Б—г—.

Digitized by Google

ЗАЩИТНИКЪ „ВОРОНЪ“

Деревенскій разсказъ.

I.

Въ кухню вошли два мужика. Одному было на видъ лѣтъ сорокъ, другому—лѣтъ двадцать-пять.

— Дома Иванъ Ивановичъ? — спросили они служанку, поздоровавшись, топая ногами и отряхивая снѣгъ съ сапогъ и шапокъ на земляной полъ.

— Дома, а вамъ зачѣмъ?

— Дѣло есть; пускай выйдутъ, мы имъ скажемъ.

Изъ комнаты вышелъ въ кухню человѣкъ средняго роста, худой, съ густыми волосами на головѣ, въ черномъ, сильно потертомъ сюртукѣ съ обтрепанными обшлагами. За нимъ высыпала цѣлая куча дѣтей, сопровождаемая своей матерью, худенькой женщиною высокаго роста, съ вытянутымъ лицомъ и широко открытыми темными глазами, напряженно устремившимися на вошедшихъ.

— Здравствуйте. Что скажете?—обратился къ крестьянамъ Иванъ Ивановичъ.

— Къ вашей милости... Тутъ... бѣда случилась... Не знаю, какъ и разсказать вамъ... — растерянно пробормоталъ старшій, рослый, широкоплечій, но рыхлый и дряблый мужикъ въ истрепанномъ дубленомъ полушубкѣ, взглянулъ оторопѣлыми глазами на товарища и добавилъ:—Говори ты!

— Мы къ вамъ насчетъ прошенія,—началъ, конфузясь, молодой товарищъ его, высокій, стройный и красивый, одѣтый тоже въ дубленый, но болѣе новый полушубокъ.

Digitized by Google

— Въ чемъ дѣло?

— Да земскій присудилъ... за дрова... на четыре съ половиною мѣсяца въ острогъ... Сейчасъ только изъ камеры вышли, прямо къ вамъ. Заступитесь, сдѣлайте милость!

— За какія дрова?

— Да у Хвощинскаго брали!

— Значитъ, крали?

— Никакъ нѣтъ!

— А какъ же вы брали? Разсказывайте! Да говорите толкомъ!

— Ну, слушайте, я разскажу,—вмѣшался старшій мужикъ съ оторопѣлыми глазами, приходя въ себя:—Вы лѣсъ Хвощинскаго знаете?

— Знаю.

— А Волчій-Логъ знаете, что̀ въ лѣсу?

— Ну, знаю.

— И сторожку въ логу знаете?

— Помню, видѣлъ.

— Такъ вотъ возлѣ той сторожки мы брали дрова.

— Зачѣмъ же вы брали?

— Пойди жъ ты! И мы теперь говоримъ: не нужно бъ было брать, Богъ съ ними, да вотъ попутало насъ!

— Днемъ брали?

— Да нѣтъ, уже темно было, часовъ шесть...

— Васъ поймали? Кто васъ поймалъ? Объѣздчики?—нетерпѣливо допытывался Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, самъ нѣмецъ, управляющій Перецъ.

— Пелитцъ? Неужели онъ самъ объѣзжаетъ лѣсъ?

— Не знаемъ, объѣзжалъ ли, или откуда-нибудь возвращался домой, только, смотримъ, онъ ѣдетъ сзади съ кучеромъ, догоняетъ насъ при выѣздѣ изъ лѣсу, спрашиваетъ: „Чьи дрова“?—Свои, говоримъ.—„Изъ чьего лѣсу“?—Изъ своего, говоримъ, потому, знаете, дорога въ нашъ лѣсъ идетъ черезъ панскій лѣсъ. А онъ не повѣрилъ, да обогналъ насъ, заѣхалъ въ хуторъ, выслалъ людей, перехватили насъ. Смотрятъ, а дрова панскія: все осина да кленъ, въ нашемъ лѣсу такихъ нѣтъ. Тутъ мы и попались... Выходитъ, дураки мы: намъ бы, когда онъ спрашивалъ, чьи дрова, надо бъ прямо говорить: ваши дрова, изъ вашего лѣсу. Тогда бъ намъ ничего и не было.

— Это вѣрно, что тогда бы намъ ничего и не было!—подтвердилъ его молодой товарищъ.

— Почему жъ вы такъ думаете?

Digitized by Google

— Обыкновенно... чѣмъ же мы виноваты? Мы не крали!

— А какъ же вы это назовете: пріѣхать ночью въ чужой лѣсъ, набрать дровъ и увезти?

— Да только жъ то и нехорошо, что поздно брали: намъ бы надо днемъ!

— Ну, а днемъ такъ—вы думаете—вамъ такъ и позволили бы увезти дрова?

— Да хоть и не позволили бы, а все-таки лучше бы. А то будто выходитъ, что мы крали...

— Да такъ и выходитъ, что крали! Такъ вѣдь и я понимаю васъ!

— Да нѣтъ же, дрова заработанныя! Сохрани Богъ красть! Вотъ еще: крали! Мы съ роду не крали!

— Такъ дрова заработанныя? Вы такъ бы и говорили! Ну, разсказывайте, да скорѣе! Только, пожалуйста, потолковѣе!

— Да вы не сердитесь: мы вамъ все разскажемъ. Сидора знаете?—спросилъ рыхлый мужикъ.

— Какого Сидора?

— Что въ лѣсу сторожемъ.

— Нѣтъ, не знаю. Да на кой чортъ мнѣ Сидоръ? Вы разсказывайте поскорѣе о дровахъ!

— Ну, такъ вотъ Сидоръ служитъ у Хвощинскаго сторожемъ въ лѣсу. Живетъ онъ въ той сторожкѣ, что въ Волчьемъ-Логу. А самъ онъ нашъ сельскій, его хата какъ разъ на краю Ипатовки, когда ѣхать въ лѣсъ. Дома у него хозяйствомъ правитъ отецъ да братъ...

— Ну, ну, далѣе! Говорите, какъ вы дрова заработали?

— Да вы слушайте: я дойду и до дровъ... Такъ вотъ этому Сидору я дѣлалъ хомутъ. За хомутъ онъ мнѣ пообѣщалъ дровъ.

— Слава Тебѣ, Господи! Наконецъ-то! Но какъ же такъ? Дрова вѣдь Хвощинскаго.

— Извѣстно, Хвощинскаго.

— Какое жъ право имѣетъ Сидоръ платить за свой хомутъ чужими дровами? Вы знали, чьи это дрова, зачѣмъ же вы ихъ брали?

— Да развѣ жъ я зналъ, что такая притча выйдетъ? Я сколько разъ ходилъ къ нему, говорилъ: „отдай деньги за хомутъ“! Онъ мнѣ долженъ былъ за него четыре рубля. А онъ все: „Нѣтъ денегъ. Хочешь, получи дровами, какіе угодно два воза набери, а не хочешь—жди. Я, говоритъ, могу этими дровами, что возлѣ сторожки стоятъ, распорядиться, какъ мнѣ угодно, потому что они для меня даны: хочу, топлю сторожку,

Digitized by Google

хочу—въ холодной буду сидѣть, а дрова отдамъ кому-нибудь“. Я ждалъ, ждалъ, да и ждать больше некуда стало. Думаю: „все равно, надо дрова покупать, возьму дровами“... Своихъ лошадей нѣтъ у меня. Я пошелъ вотъ къ этому человѣку, попросилъ его, запрягли и поѣхали.

— Да развѣ ночью ѣздятъ за дровами въ чужой лѣсъ?

— Э, нѣтъ, мы выѣхали изъ дому, вотъ передъ Богомъ, сейчасъ пообѣдавши, чуть-чуть только солнце свернуло съ полдня. Думали, что еще успѣемъ за-свѣтло и домой вернуться, потому что отъ насъ до лѣсу всего четыре версты... Ну, такъ вотъ пріѣхали мы въ Сидору въ сторожку. Онъ сейчасъ самоваръ, мальчика послалъ на нашей же лошади въ Марьинъ хуторъ за полбутылкой. Слово по слову, разговорились, не замѣтили, когда и темнѣть стало. Мы, было, нѣсколько разъ порывались идти накладывать дрова, а онъ все удерживаетъ: „Посидите, говоритъ, еще немного, потолкуемъ“, говоритъ. А мы думаемъ: „проситъ человѣкъ,—надо уважить“. Хотѣли, какъ лучше, а вышло вотъ что! Теперь къ вашей милости пришли...

— Ну, а Сидоръ былъ на судѣ?

— Былъ.

— Что жъ онъ?

— „Я, говоритъ, ничего не знаю, дровъ имъ никакихъ не давалъ, а за хомутъ, говоритъ, заплатилъ деньгами“.

— Ну, братцы, ваше дѣло плохо, я поправить не могу: я самъ не увѣренъ, правы ли вы, или виноваты.

— Нѣтъ, вы уже сдѣлайте божескую милость, постарайтесь; вызвольте, а мы васъ не оставимъ, потому безвинно...

Иванъ Ивановичъ только пожалъ плечами и задумался... Крестьяне съ тревогой смотрѣли на него и ждали окончательнаго отвѣта, какъ волъ—обуха. Наконецъ, онъ взглянулъ на нихъ и спросилъ:

— А въ какомъ мѣстѣ сложены тамъ дрова? Вы говорите, не далеко отъ Сидоровой сторожки?

— Дрова по всему лѣсу; возлѣ сторожки стоитъ только одна полѣнница—Сидору для отопленія. Изъ той полѣнницы мы и брали. Эти дрова будутъ помельче и похуже,—отвѣчали они.

Лицо Ивана Ивановича оживилось надеждою.

— Ну, а представьте, если бы кто вздумалъ, къ примѣру, красть дрова, то гдѣ бы ему лучше было брать: возлѣ сторожки или въ другомъ мѣстѣ?

— Чего бы его понесло къ сторожкѣ? Чтобъ скорѣе пой-

Digitized by Google

мали? Онъ бы подальше. Возлѣ сторожки отъ однѣхъ собакъ не отобьешься!..

— Значитъ, у Сидора собаки есть? Онѣ лаяли, когда вы брали дрова?

— Сначала лаяли, а потомъ Сидоръ заперъ ихъ въ сѣняхъ и, должно, далъ имъ ѣсть, потому что онѣ молчали.

Иванъ Ивановичъ такъ и просіялъ весь.

— Почему жъ вы этого не говорили на судѣ?—нетерпѣливо спросилъ онъ, потирая руки.

— Да мы-то хотѣли-было сказать, — заговорилъ рыхлый мужикъ:—такъ земскій не далъ: такъ и зажимаетъ ротъ, такъ и зажимаетъ. „Поймались, говоритъ, съ дровами ночью, такъ тутъ, говоритъ, нечего отпираться“. Такъ и осудилъ. Не наше только дѣло, а то не одобряю я его: не настоящій человѣкъ. Не разспроситъ толкомъ, а такъ зря и судитъ, лишь бы поскорѣе. Вотъ прежній земскій, что̀ померъ, царство ему небесное, вотъ душа-человѣкъ былъ! Все, бывало, разберетъ и поговоритъ съ тобою по душѣ! А этотъ накричитъ на тебя безъ толку, затопаетъ ногами... Нѣтъ, не одобряю!.. Такъ вы уже, пожалуйста, похлопочите, чтобы намъ не сидѣть. Мы васъ не оставимъ...

Иванъ Ивановичъ хотѣлъ-было что-то говорить, но жена его, все время стоявшая тутъ и слушавшая разговоръ его съ крестьянами, вызвала его въ сосѣднюю съ кухнею комнату.

— Знаешь что̀?—сказала она шопотомъ, плотно притворивъ за собою дверь:—не берись ты защищать ихъ даромъ, проси съ нихъ денегъ. Не захотятъ сидѣть, заплатятъ: они люди не бѣдные. Хоть башмаки дѣтямъ будетъ на что̀ купить...

— Ну, хорошо, хорошо, — раздраженно отвѣтилъ онъ и возвратился въ кухню.

— Вотъ что̀, господа, пойдите вы къ земскому, попросите дать вамъ копію приговора и принесите ее ко мнѣ. Тогда я и скажу вамъ, можно ли пособить, или нѣтъ.

— Да онъ говорилъ, что копію можно получить черезъ три дня. Такъ развѣ намъ такъ три дня и ждать? Мы и спать не будемъ отъ разныхъ мыслей!.. Хоть бы что-нибудь сказали вы намъ сейчасъ: можете оправдать, или нѣтъ?

— Ну, ладно, я послѣ обѣда самъ схожу въ камеру, посмотрю ваше дѣло. Приходите вечеркомъ, я вамъ и скажу. Какъ ваша фамилія?

— Моя—Ворона, а его—по уличному Галка, а въ книгахъ

Digitized by Google

пишется: Гальченко, — отвѣчалъ толстый мужикъ, указавъ на своего молодого и красиваго товарища.

— Хорошо, я запишу... Впрочемъ, и такъ буду помнить: Ворона и Галка, двѣ птицы.—Иванъ Ивановичъ улыбнулся.— Знаете, господа: мнѣ кажется, что вы оба порядочныя вороны! Какъ-таки такъ впутаться въ это дѣло?! А впутались, то какъ не постоять за себя на судѣ?! Ахъ, вороны вы, вороны! Такъ и знайте: оба вы вороны! За то я съ васъ и деньги возьму, даромъ хлопотать не стану: впередъ будьте умнѣе!

— За деньгами, Иванъ Ивановичъ, не будетъ остановки, хлопочите.

Крестьяне распрощались и вышли.

II.

Вечеромъ они оба опять явились.

— Ну, былъ я въ камерѣ,—сказалъ Иванъ Ивановичъ:— смотрѣлъ ваше дѣло. Очень уже запутались вы, совсѣмъ какъ вороны. Но все же я надѣюсь выпутать васъ. Только... вотъ что, господа: скажите мнѣ, по скольку вы обыкновенно зарабатываете въ мѣсяцъ и сколько вамъ убытковъ причинитъ тюрьма, если вы просидите въ ней по четыре съ половиною мѣсяца?

— Считайте сами: на худой конецъ, заработаешь рублей десять въ мѣсяцъ.

— Значитъ, четыре съ половиною мѣсяца тюрьмы будутъ стоить каждому изъ васъ по 45 рублей, не меньше?

— Извѣстно. А честь, Иванъ Ивановичъ, и того дороже стоитъ. Одно слово: опоръ!

— То-то и есть. Поэтому, господа, вы мнѣ должны заплатить за оправданіе: видите, я самъ живу кое-какъ...

— Да мы за этимъ не постоимъ, Иванъ Ивановичъ, только вызвольте насъ, а мы васъ потомъ не оставимъ!

— Нѣтъ, господа, денежки впередъ: послѣ получать трудно... Вотъ нѣкоторыхъ оправдалъ на съѣздѣ—и до сихъ поръ ничего не получилъ; а вѣдь не будь я, сидѣть бы имъ... Нѣтъ, такъ и знайте, деньги впередъ.

— Сколько жъ вамъ?

Иванъ Ивановичъ подумалъ и отвѣчалъ нерѣшительно:

— По десяти рублей съ каждаго.

— Это жъ очень много будетъ!

— А мы сейчасъ считали, во сколько вамъ обойдется тюрьма.

Digitized by Google

— Да то—вѣрно, только за что жъ вамъ платить двадцать рублей?

— А за то, господа, что я напишу въ съѣздъ отзывъ на приговоръ земскаго начальника и докажу, что этотъ приговоръ неправиленъ. Затѣмъ, за то, что я буду, можетъ быть, недосыпать ночей и готовиться къ защитѣ, а потомъ явлюсь въ съѣздъ и буду тамъ распинаться за васъ, и, наконецъ, за то, что вамъ, благодаря мнѣ, не придется сидѣть въ тюрьмѣ. Вотъ за что!

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, двадцать рублей очень много будетъ. Возьмите пять рублей за все: прошенія у насъ пишутъ по рублю...

— Ну, и подите къ тѣмъ, что пишутъ! Идите къ нимъ!

— Да вы не обижайтесь, Иванъ Ивановичъ: мы къ вамъ потому, что отъ васъ будто больше пособляется...

— Ну, вотъ, вы сами знаете!.. Другіе пишутъ и правымъ, и виноватымъ, пишутъ безъ толку всякую гиль, а я берусь только за правое дѣло, которое навѣрное выиграю... Будь у меня средства, я бы даромъ всѣхъ васъ защищалъ, свои бы даже тратилъ на васъ. Да и теперь защищаю даромъ и, подчасъ, свои трачу. Но вы, господа, можете заплатить мнѣ двадцать рублей вдвоемъ. Мнѣ вѣдь тоже надо жить чѣмъ-нибудь: сами видите, какая у меня каша, малъ-мала меньше; тоже надо прокормить, обуть, одѣть...

Голосъ Ивана Ивановича дрогнулъ, онъ зашмурился, лицо его сдѣлалось жалкое.

— Что говорить! Справедливый вы человѣкъ, Иванъ Ивановичъ, только и насъ пожалѣйте. Возьмите пять рублей за все!

— Пять рублей—деньги, но за это дѣло мало.

— Дадите и двадцать рублей, если не захотите сидѣть!— вмѣшалась жена Ивана Ивановича.

— Да мы дали бы и двадцать только послѣ суда, а то что, если не оправдятъ? Иванъ Ивановичъ здорово помогаютъ людямъ, а все они не Богъ: можетъ, въ этомъ дѣлѣ и не пособятъ! Послѣ суда, извольте, дадимъ двадцать рублей, а пока довольно будетъ и пяти рублей.

— Такъ вотъ же какъ, господа,—сказалъ Иванъ Ивановичъ:— сейчасъ давайте пять рублей за прошеніе, а когда будемъ ѣхать на съѣздъ, тогда отдадите остальные пятнадцать рублей. Если же васъ не оправдаютъ, то я деньги возвращу вамъ сейчасъ послѣ суда.

Digitized by Google

Крестьяне подумали, вышли на кухню, посовѣтовались и опять вошли въ комнату.

— Вотъ что: получите пять рублей, пишите прошеніе, а на съѣздъ вамъ ѣхать не надо: можетъ, оно и отъ одного прошенія пособится.

— Можетъ пособиться, можетъ и не пособиться, но лучше, если поѣду.

— Даромъ, пишите, а про остальное посмотримъ. Вотъ вамъ пять рублей.

Они подали ему три засаленныя истрепанныя рублевыя бумажки и на два рубля серебра и мѣди.

— Хорошо,—сказалъ Иванъ Ивановичъ, принимая деньги.— Только, когда получите повѣстки, то непремѣнно явитесь ко мнѣ. Слышите? Мнѣ необходимо надо будетъ поѣхать съ вами... Такъ явитесь?

— Да, если будетъ время, то почему не явиться?..

— Нѣтъ, непремѣнно, непремѣнно!

— Ну, что-жъ, мы зайдемъ, потолкуемъ: можетъ, вы и уступите...

— Во, во! Смотрите же, а то вамъ же хуже будетъ, если не зайдете!

Крестьяне ушли, а Иванъ Ивановичъ долго ходилъ по комнатѣ, обдумывая, какъ ему построить защиту. Онъ то радовался ожидаемому успѣху и возможности заработать дѣткамъ на башмачки, то мучился сомнѣніями. Наконецъ, онъ принялся за составленіе прошенія. Занятіе это не было для него привычнымъ, и раньше никогда онъ не чувствовалъ къ нему склонности. Въ университетѣ онъ былъ не на юридическомъ факультетѣ, а на медицинскомъ. Курса онъ не окончилъ, какъ говорится, по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ. Потомъ судьба бросала его въ разныя стороны, „отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды“. Кое-гдѣ онъ служилъ, кое-гдѣ жилъ опять-таки по обстоятельствамъ, отъ него не зависящимъ. Отъ природы онъ обладалъ нѣжной и любящей душою. Величайшимъ несчастіемъ для самого себя онъ считалъ причинить хоть маленькую непріятность ближнему, и если ему случалось обидѣть кого-нибудь нечаянно, то онъ прежде всего самъ страдалъ. И все-таки, по какой-то ироніи судьбы, по какому-то печальному недоразумѣнію, вездѣ, гдѣ бы онъ ни жилъ, онъ пользовался репутаціей самаго безпокойнаго человѣка только потому, что не могъ и не хотѣлъ слѣдовать правилу: моя хата съ краю,—ничего не знаю. Въ гимназіи его чуть-было не исключили за то, что, про-

Digitized by Google

ходя по улицѣ вечеромъ и услышавъ зовущій на помощь крикъ изъ кучки дравшихся пьяныхъ людей, онъ, ни минуты не думая, бросился оборонять обижаемаго. Подоспѣвшая полиція всѣхъ забрала въ участокъ, переписала и сообщила о немъ гимназическому начальству. Не исключили его только потому, что онъ былъ очень хорошимъ ученикомъ... Правда, и онъ въ послѣднихъ классахъ гимназіи и потомъ въ университетѣ мечталъ съ группой товарищей пересоздать государство въ двадцать-четыре часа и устроить счастіе всего народа. Правда, и онъ во время студенчества разъ ночью, крадучись, какъ воръ, расклеивалъ по заборамъ и угламъ домовъ пламенныя и дѣтски-наивныя прокламаціи, назначеніе которыхъ было „будить“ народъ. Но все это скоро прошло, и онъ сталъ держаться поближе къ золотой серединѣ. Да и въ самую опасную пору увлеченій онъ не совершилъ ни одного по истинѣ предосудительнаго поступка. Напротивъ, какъ только затѣвалась какая-нибудь исторія, могущая потребовать жертвъ, онъ всегда отговаривалъ отъ нея товарищей. Когда же однажды ему не удалось отговорить студентовъ отъ нелѣпой исторіи, когда исторія была приведена въ исполненіе и виновныхъ потребовали къ отвѣту, то онъ, надѣясь увеличеніемъ числа участниковъ смягчить участь товарищей, самъ подписался на заявленіи, которое гласило, что онъ вполнѣ сочувствуетъ зачинщикамъ. За это и пришлось ему разстаться съ университетомъ. Вообще онъ никакъ не могъ равнодушно пройти мимо вороны, запутавшейся въ сѣть, а всегда бросался спасать ее, совершенно забывая себя. Этимъ своимъ качествамъ онъ обязанъ тому, что прослылъ за человѣка безпокойнаго и, прожив за 35 лѣтъ и обзаведясь семьей, не имѣлъ ни кола, ни двора, ни пристанища...

Въ послѣднее время, поселившись въ большой торговой слободѣ, на родинѣ жены, до пріисканія, вмѣсто потерянаго мѣста, новой должности, онъ неожиданно для себя сдѣлался сначала совѣтникомъ крестьянъ, а потомъ защитникомъ ихъ по уголовнымъ дѣламъ. Нужда, жена и дѣти научили его брать, гдѣ было можно, за свое занятіе деньги.

Составляя прошеніе, онъ перерывалъ законы, перечитывалъ статьи Уложенія и Устава о наказаніяхъ и сенатскія разъясненія къ нимъ, и такимъ образомъ самъ учился. Онъ болѣлъ душою за своихъ кліентовъ и приходилъ въ восторгъ, когда ему удавалось найти что-нибудь въ ихъ пользу. Иногда, принимаясь за дѣло, онъ очень сомнѣвался въ успѣхѣ; но чѣмъ больше онъ вчитывался въ законы, тѣмъ сильнѣе надежда его возрастала:

Digitized by Google

въ груди его кипѣло горячее желаніе выпутать попавшую въ сѣть ворону, и оно подсказывало ему такіе доводы въ пользу оправданія, какіе безъ того и въ голову не могли придти. Писалъ онъ и говорилъ на судѣ совсѣмъ не краснорѣчиво, но зато выходило необыкновенно горячо и убѣдительно: онъ заражалъ судей и публику тѣмъ духомъ, который сидѣлъ въ немъ. Слушая его патетическую рѣчь, всѣ думали, что онъ говоритъ экспромтомъ и оттого именно такъ волнуется; на самомъ же дѣлѣ у него все уже заранѣе было продумано, прочувствовано и приноровлено къ тому, чтобы добиться оправданія.

Защита его всегда имѣла неожиданный успѣхъ. И сколько чистой радости доставляло ему это!

Однажды, послѣ суда, знакомый повѣренный поздравлялъ его съ удачной защитою и говорилъ:

— У васъ талантъ. Возьмитесь-ка вы за гражданскія дѣла, и вы наживете деньги.

Но онъ отвѣчалъ:

— Не знаю, есть ли у меня талантъ или нѣтъ, но думаю, что для гражданскаго процесса я не гожусь.

Однако вскорѣ нужда заставила его выдержать экзаменъ и получить свидѣтельство частнаго повѣреннаго. Онъ въ первый разъ взялся поправить на съѣздѣ одно гражданское дѣло какого-то торговца, проигранное у земскаго начальника, такое дѣло, въ которомъ нельзя было разобрать, кто правъ, истецъ или отвѣтчикъ, такъ какъ самая сдѣлка, которой ограждались ихъ интересы, была не симпатична. Дѣло онъ выигралъ, но пока оно тянулось, онъ испортилъ хорошее расположеніе духа, лишился спокойнаго сна, потерялъ аппетитъ, сталъ раздражителенъ и почувствовалъ, что какъ будто начинаетъ падать нравственно. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы отбить у него всякую охоту къ дальнѣйшимъ подобнымъ опытамъ и всецѣло отдаться любимому дѣлу—защитѣ „ворона“.

Вотъ и теперь онъ сидитъ надъ прошеніемъ для Вороны и Галки. Каждая новая мысль, пришедшая ему въ голову, приводитъ его въ восторгъ, и онъ обращается къ женѣ:

— Вѣрочка, а вѣдь ихъ непремѣнно оправдаютъ! Теперь уже нѣтъ никакого сомнѣнія въ этомъ. Знаешь, мнѣ кажется, что нѣтъ такого обвиняемаго, котораго взявшись защищать, съ увѣренностью въ его невиновности, я не добился бы оправданія! Необыкновенную силу въ себѣ чувствую! Чѣмъ больше вникаю въ дѣло, тѣмъ чаще дѣлаю все новыя и новыя открытія, точно мнѣ свыше приходитъ помощь!.. Только, знаешь, Вѣрочка, мнѣ

Digitized by Google

необходимо поѣхать на съѣздъ, потому что въ прошеніи всего не выскажешь. Непремѣнно поѣду!

— А если не дадутъ денегъ?

— Буду уговаривать ихъ, чтобы дали, а не дадутъ—все равно, поѣду.

— Не совѣтую: ты только балуешь ихъ этимъ.

— Ну, посмотримъ,—рѣзко оборвалъ онъ разговоръ.

Прошеніе написано, подано и дѣло отправлено въ съѣздъ. Ворона и Галка обѣщались, какъ только получатъ повѣстки, явиться къ Ивану Ивановичу.

III.

Прошло недѣли три. Приближалось время, въ которое обыкновенно бываютъ разъ въ мѣсяцъ засѣданія съѣзда. Иванъ Ивановичъ какъ-то зашелъ въ волостное правленіе, какъ будто только за полученіемъ корреспонденціи: письма и газеты всегда приходили по земской почтѣ чрезъ волостное правленіе. На столѣ онъ будто случайно замѣтилъ кипу повѣстокъ съѣзда, сталъ перебирать ихъ, нашелъ повѣстки Воронѣ и Галкѣ, прочиталъ, подумалъ и обратился къ сидѣвшему рядомъ писарю съ просьбою передать Воронѣ и Галкѣ, когда будетъ вручать имъ эти повѣстки, чтобы они зашли отсюда прямо къ нему, такъ какъ онъ ихъ защитникъ и хочетъ кое-что сказать имъ.

Писарь обѣщалъ передать имъ сегодня же и добавилъ, что, за ними уже посланъ десятскій.

Иванъ Ивановичъ вернулся домой. Ждетъ часъ, ждетъ другой. И вечеръ уже насталъ, а Ворона и Галка не являются. Иванъ Ивановичъ начинаетъ волноваться и говоритъ женѣ:

— Вотъ дурачье! Что же это они не приходятъ? Чего добраго, уѣдутъ безъ меня. Тогда имъ, пожалуй, придется сидѣть. Пойду-ка къ нимъ самъ, узнаю, въ чемъ дѣло.

— И охота тебѣ навязываться съ своими услугами! Не захотятъ сидѣть и не пожалѣютъ денегъ, такъ придутъ; а не придутъ—и подѣломъ имъ, пусть посидятъ, на то они и вороны. Лучше не ходи.

— Ну, ладно, не пойду.

Но далѣе безпокойство еще больше разобрало его. Ночь онъ долго не спалъ, все думалъ и уже жалѣлъ, что послушался жены и не сходилъ къ своимъ воронамъ.

Утромъ онъ не вытерпѣлъ, одѣлся и ушелъ изъ дому, не

Digitized by Google

сказавъ женѣ—куда. Онъ пришелъ къ Воронѣ, но не засталъ его дома: сказали, что онъ у Галки молотитъ. Отправился къ Галкѣ и нашелъ ихъ обоихъ на току съ цѣпами въ рукахъ.

— Чего же вы не приходили ко мнѣ?—спросилъ онъ, поздоровавшись.

— Да что-жъ...—сказалъ Галка, не переставая молотить.—Денегъ нѣтъ. Должно, поѣдемъ одни...

— Тогда вамъ придется сидѣть!

— Тамъ видно будетъ, что Богъ дастъ. Легко сказать: по десяти рублей заплатить съ брата! Пусть онъ виновенъ: его дрова, а я за что долженъ отвѣчать? Такъ и въ семействѣ положили: что Богъ дастъ, поѣдемъ одни.

— Да вѣдь послѣ, говорю же, будете жалѣть! Четыре съ половиною мѣсяца посидѣть—тоже не шутка!

— Такъ я жъ не одинъ въ семьѣ хозяинъ!..—сказалъ Галка, ставя цѣпъ на землю и опираясь на него рукою.—Положимъ, отецъ и особливо мать вотъ какъ желали бъ лучше вамъ заплатить, только чтобы мнѣ не сидѣть, ну, а старшій братъ не согласенъ, а онъ у насъ всему голова.

— А вы?—обратился Иванъ Ивановичъ къ Воронѣ.

— Да и я такъ же, какъ и онъ,—отвѣчалъ тотъ, продолжая мѣрно взмахивать цѣпомъ и не глядя на собесѣдника.—У меня такъ и денегъ совсѣмъ нѣтъ. Везти васъ мнѣ тоже нечѣмъ: лошадей нѣтъ, а одинъ я и пѣшкомъ пойду, если онъ не повезетъ.

Иванъ Ивановичъ задумался.

— Коли такъ, то поѣду жъ я съ вами и безъ денегъ, а если васъ оправдаютъ, то вы потомъ заплатите мнѣ остальные 15 рублей по частямъ, когда будутъ у васъ деньги. Очень уже мнѣ не хочется, чтобы вы сидѣли въ тюрьмѣ. Заѣзжайте за мною въ понедѣльникъ часовъ въ семь утра: намъ надо выѣхать не позже начала восьмого, чтобы поспѣть въ съѣздъ къ десяти. Согласны?

— На это согласны, спасибо вамъ,—отвѣтили они какъ-то нехотя.—Мы еще зайдемъ къ вамъ въ воскресенье вечеромъ, чтобы вы готовились.

— Хорошо, буду ждать.

Настало воскресенье, уже и вечеръ, а Вороны и Галки нѣтъ.

— Что это съ ними? Неужели опять раздумали и уѣдутъ одни?!—говоритъ Иванъ Ивановичъ.

— Ну, и пусть ѣдутъ!—отвѣчаетъ жена.

— Да вѣдь дурачье они; ихъ дѣло такъ запутано, что мое

Digitized by Google

прошеніе можетъ не пособить, и если я не поѣду, то имъ придется сидѣть!

— А тебѣ очень нужно!? Не тебѣ сидѣть, а имъ.

— Что-жъ, если не мнѣ? Удивительно, какъ ты разсуждаешь, удивительно!

Иванъ Ивановичъ все еще надѣялся, что они придутъ... Однако, вотъ и девять часовъ, а ихъ нѣтъ; вотъ и десять, а ихъ все нѣтъ.

— Значитъ, они сегодня не будутъ. Вѣроятно, они прямо завтра утромъ заѣдутъ за мною. Анна,—обратился онъ къ служанкѣ,—завтра въ шесть часовъ поставь самоваръ и разбуди меня: надо напиться чаю, пока они подъѣдутъ. Смотри же, не забудь!

— Не забуду.

Поужинали. Иванъ Ивановичъ помогъ женѣ уложить дѣтей, поцѣловалъ каждаго и жену, которая тоже легла, затѣмъ подсѣлъ къ столу и вынулъ мелко исписанный листъ бумаги. Это была подробная программа защитительной рѣчи, почти цѣлая рѣчь, которую онъ завтра долженъ будетъ сказать въ съѣздѣ. Хотя все у него уже раньше было готово, но онъ взялъ перо и еще разъ пробѣжалъ по порядку всѣ пункты защиты, какъ солдатъ, собравшійся въ походъ, въ послѣдній разъ обозрѣваетъ свою аммуницію. Найдя, что все въ порядкѣ и никакихъ исправленій не требуется, онъ свернулъ листъ, положилъ въ боковой карманъ сюртука, поспѣшно раздѣлся и легъ спать.

Однако, онъ не могъ уснуть сразу. Надуманныя мысли, противъ его воли, одна за другою вставали въ головѣ его, онъ воображалъ себя стоящимъ передъ съѣздомъ, его такъ и подмывало схватиться и заговорить... Только уже послѣ 12 часовъ, выбившись изъ силъ, онъ, наконецъ, съ трудомъ заснулъ... Тревожный это сонъ былъ.

На разсвѣтѣ служанка разбудила его.

— Еще не пріѣхали? — спросилъ онъ, просыпаясь и съ трудомъ раскрывая отяжелѣвшіе глаза.

— Нѣтъ еще.

Онъ перевернулся на другой бокъ и укрылся одѣяломъ съ головою, выставивъ наружу одинъ носъ. Ему сильно хотѣлось спать, и онъ надѣялся еще вздремнуть хоть немного; но сообразивъ, что можетъ опоздать, онъ поспѣшно всталъ, умылся и сталъ одѣваться. „Что это значитъ, что до сихъ поръ нѣтъ ихъ“?—спрашивалъ онъ себя.—„Или они подъѣзжали раньше, стучали, да не достучались, и уѣхали одни“?—Онъ вышелъ на

Digitized by Google

улицу и сталъ присматриваться, нѣтъ ли у воротъ на снѣгу слѣдовъ. Но слѣдовъ никакихъ не было.

Онъ опять вошелъ въ комнату, наскоро выпилъ чаю, чего-то закусилъ, поминутно прислушиваясь, не подъѣзжаетъ ли кто къ воротамъ, потомъ опять одѣлся и ушелъ на деревню.

Странное чувство испытывалъ онъ, направляясь въ ту сторону, гдѣ жили его „вороны“. Съ одной стороны, ему не хотѣлось показаться навязчивымъ, а съ другой—его что-то неудержимо толкало идти скорѣе, чтобы застать ихъ дома, и онъ боялся, что они уже уѣхали одни.

На дворѣ уже совсѣмъ становится видно. Въ нѣкоторыхъ хатахъ давно погасили утренніе огни; въ другихъ они еще блѣдно горѣли, смѣшиваясь съ сѣрымъ свѣтомъ утра.

Иванъ Ивановичъ подходитъ къ хатѣ Галки, останавливается у воротъ и всматривается, нѣтъ ли слѣдовъ. Видно, что по свѣжему снѣгу кто-то прошелъ въ калитку, но ни полозьевъ саней, ни лошадиныхъ слѣдовъ не замѣтно. — „Значитъ, еще не уѣзжали“, подумалъ онъ, и вошелъ во дворъ, потомъ въ хату.

Въ хатѣ были только мать Галки и его жена, да спавшія еще на полу [1]) дѣти.

— Гдѣ жъ это ваши?—спросилъ онъ, поздоровавшись.

Старуха вскинула на него свои маленькіе, острые глаза. По сухому благообразному и задумчивому лицу ея пробѣжало чувство досады, затѣмъ, склонивъ на бокъ повязанную платочкомъ голову, она отвѣчала протяжно, какъ бы разсуждая сама съ собою:

— Старикъ ушелъ съ одною невѣсткою молотить, старшій сынъ поѣхалъ въ экономію возить навозъ, а меньшій, сами знаете, подался съ Вороною въ городъ еще до разсвѣта.

— Что же они не заѣхали за мною?

— Гдѣ-шей, видите, жалѣютъ!—угрюмо, сердито отвѣчала жена Галки, до сихъ поръ молча подметавшая хату.

— Охъ, сыночекъ! Они пѣшкомъ ушли!—запѣла старуха.— Я говорила имъ про васъ: „запрягите, говорю, лошадь, возьмите вы ихъ, нехай ѣдутъ съ вами, что-нибудь пособятъ вамъ“! Такъ не послушались меня, сынокъ! Денегъ платить не хотятъ, да и лошади нужны—навозъ возить. Охъ, и трудно жъ, сыночекъ, зарабатывать деньги! Да и въ острогѣ сидѣть не легко! Имъ, можетъ быть, и ничего, а матери-то какъ! Для того ли я ро-

[1]) Въ Малороссіи поломъ называется то, что у великороссовъ зовется полатями.

Digitized by Google

дила его на свѣтъ, чтобъ такой опорокъ принимать?! Да не кралъ же онъ, сыночекъ, не кралъ! Видитъ Богъ, не кралъ: въ роду нашемъ не было вора, никогда никто не сидѣлъ въ острогѣ! Такъ-таки, сыночекъ, понапрасну и осудили его! Поѣхалъ онъ въ лѣсъ, чтобы заработать: Ворона обѣщалъ ему по 40 копѣекъ на подводу. Для насъ, сынокъ, заработать восемь гривенъ за полдня выгодно! Онъ и поѣхалъ. Вотъ теперь и заработалъ! Охъ, сыночекъ, лучше бъ не видать мнѣ такихъ заработковъ до смерти!

— Не безпокойтесь, бабушка, я тоже поѣду въ городъ, догоню ихъ, буду защищать ихъ на съѣздѣ и постараюсь оправдать...

— Охъ, сыночекъ, сдѣлайте такую божескую милость!— заговорила старуха, становясь на колѣни.—Поѣзжайте, мой родненькій, поѣзжайте! Пожалѣйте вы меня, старуху!—Она поклонилась до земли, потомъ, стоя на колѣняхъ со сложенными, какъ во время молитвы, руками, посмотрѣла на Ивана Ивановича жалкимъ, умоляющимъ взглядомъ, со слезами на глазахъ.

— Что вы, бабушка, встаньте! Я ѣду сейчасъ, пусть только ваши отвезутъ меня.

— Сію минуту, сыночекъ, я скажу старику, пускай везетъ васъ.

Старуха пошла на токъ просить старика. Иванъ Ивановичъ отправился за нею. Но старикъ рѣшительно отказался везти его въ городъ.

— Пошли—и пусть идутъ: что Богъ дастъ, то и будетъ,— отвѣчалъ онъ на доводы обоихъ.

— Ну, я найму на свой счетъ подводу, а все-таки поѣду, —сказалъ Иванъ Ивановичъ, уходя.

— Поѣзжайте, сыночекъ, поѣзжайте! — шопотомъ говорила старуха, провожая его за ворота.—Мы васъ такъ не оставимъ; я вашей хозяйкѣ сейчасъ понесу и яичекъ, и мяса: мы недавно зарѣзали барана, такъ я вамъ всю заднюю часть отдамъ. Славная баранина! А за подводу, сыночекъ, мы потомъ заплатимъ, я заплачу. Поѣзжайте, сыночекъ, дай вамъ Богъ здоровья!

Жена Галки вышла на крыльцо и молча жадно смотрѣла, какъ онъ уходилъ.

Иванъ Ивановичъ зашелъ въ одинъ дворъ, въ другой, въ третій, спрашивалъ, не повезутъ ли его сейчасъ въ городъ; но вездѣ отвѣчали: „нельзя, лошадь не выкормлена, работа уже съ утра начата, бросать не стоитъ“. Въ одномъ дворѣ ему по-

Digitized by Google

совѣтовали сходить въ волостное правленіе и, если почта еще не ушла, то съѣхать въ городъ съ почтаремъ.

Когда онъ подошелъ къ волостному правленію, лошадь для почты уже запрягли. Онъ переговорилъ съ писаремъ и старостою, усѣлся въ сани рядомъ съ мальчикомъ-почтаремъ, положившимъ подъ себя кожаную сумку съ пакетами, и уѣхалъ.

IV.

Догнать Ворону и Галку ему не удалось. Когда онъ, часа черезъ три, пріѣхалъ въ городъ и явился въ съѣздъ, они были уже тамъ. Онъ нашелъ ихъ въ просторной швейцарской, среди толпы народа. Чиновникъ, исполнявшій обязанности судебнаго пристава, выкликалъ изъ толпы людей по списку и отсылалъ въ верхній этажъ, въ залъ засѣданій. Судъ еще не начинался.

Первымъ дѣломъ Иванъ Ивановичъ хорошенько пробралъ Ворону и Галку за то, что не заѣхали за нимъ, потомъ вошелъ съ ними въ залъ. Здѣсь народу все прибывало. Всѣ скамьи были уже заняты, многіе стояли. Въ переднемъ ряду, въ сторонкѣ сидѣли одѣтые во фраки, напомаженные и прилизанные двое частныхъ повѣренныхъ — изъ тѣхъ, которые всегда безъ „дѣлъ“, вѣчно терпятъ нужду, являются въ съѣздъ раньше публики, сами предлагаютъ свои услуги тяжущимся и берутъ за выходъ рубля по три, по два и по рублю. Раньше они смотрѣли на Ивана Ивановича свысока, а теперь, когда за нимъ установилась слава хорошаго защитника, они встрѣтили его, какъ стараго знакомаго, несмотря на его поношенный сюртукъ и невзрачную наружность бѣднякa, пріятельски пожали ему руку и освѣдомились, какое у него сегодня дѣло. Онъ сказалъ и отошелъ къ своимъ кліентамъ, а повѣренные опять усѣлись рядомъ и передавали другъ другу свои соображенія о восходящей звѣздѣ Ивана Ивановича...

Вошелъ исполнявшій обязанности судебнаго пристава, оглядѣлъ публику и вышелъ въ сосѣднюю комнату. Черезъ минуту онъ возвратился вмѣстѣ съ секретаремъ. Послѣдній принесъ кипу бумагъ и часть ихъ положилъ на большомъ столѣ, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, а другую на маленькомъ столикѣ, стоявшемъ въ сторонѣ, за которымъ онъ самъ сидѣлъ.

— Судъ идетъ! — провозгласилъ исполнявшій обязанности пристава, заглянувъ въ дверь.

Всѣ встали. Вошли два земскіе начальника, товарищъ про-

Digitized by Google

курора и почетный мировой судья. Предсѣдатель, то-есть уѣздный членъ окружного суда, не явился. Его мѣсто занялъ одинъ изъ земскихъ начальниковъ, видѣвшій Ивана Ивановича въ первый разъ. Не зналъ его также и почетный мировой судья, такъ какъ члены засѣдали въ съѣздѣ по очереди, составъ съѣзда каждый разъ мѣнялся, и въ присутствіи ихъ Иванъ Ивановичъ еще не велъ ни одного дѣла.

Засѣданіе открылось... Когда вызвали Ворону и Галку, они, наученные своимъ адвокатомъ, заявили:

— У насъ есть защитникъ.

Иванъ Ивановичъ взошелъ на каѳедру.

— Кто вашъ защитникъ?—спросилъ предсѣдательствовавшій земскій начальникъ, взглянувъ сначала на Ивана Ивановича, потомъ на Ворону и Галку.

— Я ихъ защитникъ! — сказалъ Иванъ Ивановичъ, приложивъ руку къ груди и чуть замѣтно наклоняя голову.

— Я не понимаю вашего знака!—предсѣдатель тоже приложилъ руку къ груди и наклонилъ голову.—Я спрашиваю: кто защитникъ?—повторилъ онъ строго.

Онъ хотѣлъ, чтобы Иванъ Ивановичъ назвалъ себя по фамиліи. Но защитникъ „воронъ“ именно этого и избѣгалъ: онъ зналъ, что фамилія его для многихъ, судившихъ о немъ по слухамъ, служитъ пугаломъ. Поэтому, не называя себя, онъ только сказалъ:

— Я уже имѣлъ честь раньше съ успѣхомъ вести здѣсь нѣсколько дѣлъ...

Предсѣдатель перешепнулся съ товарищами и сталъ читать дѣло. Впечатлѣніе отъ чтенія было такое, что оба обвиняемые дѣйствительно виноваты, и съѣзду остается только утвердить приговоръ земскаго начальника. Впечатлѣніе это все болѣе и болѣе усиливалось, и когда дѣло было дочитано до конца, судьи получили непоколебимую увѣренность въ виновности подсудимыхъ. Но нельзя было прямо утвердить приговоръ земскаго начальника: требовалось еще соблюсти необходимыя формальности, допросить стороны, выслушать заключеніе товарища прокурора и рѣчь защитника. Все это надо было продѣлать какъ можно скорѣе, такъ какъ въ тотъ день было назначено къ пересмотру 40 дѣлъ, и на каждое изъ нихъ приходилось удѣлять всего отъ пяти до десяти минутъ. Свидѣтели не были вызваны: съѣздъ широко пользовался предоставленнымъ ему правомъ обходиться безъ вызова свидѣтелей, потому что спѣшилъ „отзвонить и съ колокольни долой“.

Digitized by Google

Предсѣдатель спросилъ Ворону и Галку:

— Признаете ли вы себя виновными?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе,—отвѣтилъ по военному Галка.

Ворона подтвердилъ его.

— А брали жъ вы дрова?

— Брали... только...

— Васъ поймали?

— Такъ точно, только мы... ваше высокоблагородіе!

— Вы подтверждаете обвиненіе? — обратился предсѣдатель къ управляющему.

— Да, да: ихъ поймали... я самъ, — проговорилъ толстый нѣмецъ, краснѣя.

— Ваше высокоблагородіе, мы точно брали дрова, только не крали.

— Ночью? экономическія дрова? сказали, что изъ своего лѣса?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, дрова экономическія, только я хомутъ дѣлалъ сторожу, и за хомутъ онъ далъ мнѣ дровъ...

— Сторожъ показалъ у земскаго начальника, что онъ вамъ дровъ не давалъ! — рѣзко перебилъ предсѣдатель. — Ваше объясненіе?—обратился онъ къ Ивану Ивановичу.

— Я просилъ бы вашего позволенія сдѣлать нѣсколько вопросовъ представителю потерпѣвшей стороны, — сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Только покороче,—отвѣтилъ предсѣдатель.

Иванъ Ивановичъ спросилъ управляющаго, въ одномъ ли только мѣстѣ въ лѣсу сложены дрова, или во многихъ, и въ какомъ именно мѣстѣ дрова украдены. Нѣмецъ отвѣтилъ, что дрова сложены по всему лѣсу, но украдены изъ полѣнницы возлѣ сторожки.

— А нѣтъ ли тамъ у сторожа собакъ?—спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Это къ дѣлу не относится! — сказалъ предсѣдатель, полагавшій, что дѣло уже достаточно выяснено, и, не давъ управляющему отвѣтить на вопросъ, обратился къ товарищу прокурора:—Ваше заключеніе?

Товарищъ прокурора медленно всталъ и, упершись обѣими руками въ столъ, началъ что-то тихо говорить.

— Виноватъ! — перебилъ его Иванъ Ивановичъ, устремивъ тревожный и умоляющій взглядъ на предсѣдателя.

— Замолчите!—осадилъ его предсѣдатель, который не лю-

Digitized by Google

билъ тратить время на пустые разговоры, тѣмъ болѣе, что впереди было еще очень много дѣлъ.

Товарищъ прокурора опять началъ говорить, но Иванъ Ивановичъ, въ отчаяніи, вновь громко перебилъ его:

— Виноватъ! Я хотѣлъ...

— Я васъ велю вывести! — спокойно, но твердо сказалъ предсѣдатель.

Остальные судьи переглянулись, улыбнулись: каковъ, молъ, защитникъ?

Совсѣмъ уничтоженный и взволнованный, Иванъ Ивановичъ сѣлъ. Товарищъ прокурора, наконецъ, докончилъ свое краткое заключеніе, изъ котораго слышны были только послѣднія слова: „а потому я полагалъ бы приговоръ земскаго начальника утвердить“,—и сѣлъ.

— Теперь можете говорить,—обратился предсѣдатель къ защитнику.

Судьи опять переглянулись. Иванъ Ивановичъ началъ, волнуясь:

— Къ стыду своему, я не съумѣлъ съ перваго же момента настолько заинтересовать господина предсѣдателя съѣзда судьбою своихъ кліентовъ, чтобы у него явилось желаніе терпѣливо выслушать все, что̀ касается ихъ дѣла. Каюсь въ этомъ и прошу извиненія за то, что я пытался перебить товарища прокурора.

Предсѣдатель посмотрѣлъ на Ивана Ивановича во всѣ глаза. Остальные судьи тоже взглянули на него какъ-то иначе.

Онъ продолжалъ:

— Если бы мнѣ было позволено получить отвѣтъ на мой вопросъ къ представителю потерпѣвшей стороны, то вы услышали бы, господа судьи, что возлѣ сторожки, гдѣ взяты дрова, имѣются собаки—и собаки очень злыя, которыя не могли не лаять на вора.

Иванъ Ивановичъ остановилъ взглядъ на управляющемъ. Управляющій два раза кивнулъ головою. Судьи замѣтили это. Защитникъ продолжалъ:

— Если собаки лаяли, когда Ворона и Галка брали дрова, то сторожъ могъ выйти и изловить воровъ. Если же собаки не лаяли, то очевидно, что для этого были приняты мѣры сторожемъ, который, вѣроятно, заперъ ихъ. Такъ или иначе, а онъ не могъ не знать, что Ворона и Галка брали дрова. Да и мыслимо ли, чтобы кто-нибудь сталъ красть дрова на глазахъ у сторожа, рискуя быть пойманнымъ, когда дрова въ лѣсу вездѣ?

Иванъ Ивановичъ говорилъ все болѣе волнуясь и размахи-

Digitized by Google

вая руками. Глаза всѣхъ были устремлены на него. Его слушали невольно, стараясь не проронить ни одного слова: было что-то увлекающее и покоряющее въ его страстной, убѣжденной рѣчи. Порывисто, съ натискомъ онъ опровергнулъ, какъ могъ, всѣ доводы обвиненія.

— Я оканчиваю, господа судьи. Но я не прошу у васъ оправданія обвиняемыхъ, не прошу потому, что не допускаю и мысли, чтобы вы могли обвинить людей, въ невиновности которыхъ теперь никто уже не сомнѣвается. Да, они не виновны! Почему же они вели себя какъ воры и были обвинены? По собственной неразвитости и тупости! И Ворона, и Галка, оба они —вороны, запутавшіяся въ сѣть, благодаря своимъ вороньимъ качествамъ. Если дѣло суда—уловлять и наказывать преступныхъ, то постольку же его дѣло—распутывать и освобождать подобныхъ ротозѣевъ. Въ этомъ заключается главная задача суда и защиты. Пусть наградой намъ будетъ сознаніе, что мы сдѣлали то, что должны были сдѣлать!..

Голосъ Ивана Ивановича рѣзко оборвался. Онъ совсѣмъ не по адвокатскому обычаю низко поклонился судьямъ, сѣлъ и схватился обѣими руками за грудь. Блѣдное лицо его искривилось, глаза закрылись, голова повисла. Онъ чувствовалъ, что жизнь его виситъ на волоскѣ, что сердце его вотъ-вотъ разорвется...

Судъ ушелъ въ другую комнату совѣщаться. Немного спустя, онъ вернулся и былъ прочитанъ приговоръ, которымъ Ворона и Галка оправданы.

Иванъ Ивановичъ понемногу приходилъ въ себя, но все еще сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, не шевелясь.

— Спасибо вамъ, вѣкъ не забудемъ!—говорили оправданные, подойдя къ нему. — Такъ спасибо, такъ спасибо!.. Ну, одначе теперь можно и въ трактиръ: водки не пьете, такъ, можетъ, наливки?..

— Ни наливки не пью, ни пива!

Онъ слабо махнулъ рукою и медленно всталъ.

— Чѣмъ же васъ угощать?—пожимая плечами, спросили они.

— Если хотите, то накормите меня чѣмъ-нибудь и напойте чаемъ,—сказалъ Иванъ Ивановичъ, такъ какъ чувствовалъ, что ему необходимо подкрѣпить ослабѣвшія силы, а въ карманѣ у него не было ни копѣйки.

Часа черезъ два, когда уже наступила ранняя зимняя ночь, они всѣ возвращались домой на саняхъ, запряженныхъ парою

Digitized by Google

лошадей: Ворона и Галка съ полчаса бѣгали по городу, пока на одномъ постояломъ дворѣ не напали на знакомаго мужика изъ сосѣдней деревни, привозившаго въ городъ продавать пшено. Чтобы не ѣхать обратно съ пустыми санями, онъ взялся довезти ихъ всѣхъ домой за недорогую плату.

Когда Иванъ Ивановичъ пріѣхалъ домой, жена сообщила ему, что мать Галки принесла ей съ фунтъ коровьяго масла, десятокъ яицъ и фунтовъ пять баранины.

На другой день утромъ Ворона и Галка явились къ Ивану Ивановичу и отвалили ему по цѣлому рублю денегъ. Когда они ушли, жена долго выговаривала ему за то, что онъ поѣхалъ на съѣздъ, такъ какъ вчера приходили какіе-то мужики, и онъ, сидя дома, заработалъ бы больше одними прошеніями.

— Какъ же я могъ не поѣхать? Да понимаешь ли ты, что ихъ оправдали только благодаря тому, что я поѣхалъ?

— Ну, и что жъ, тебѣ легче отъ этого?

— О, Боже мой! Какая ты безтолковая! Да какъ же не легче?! Какъ я могъ отказать людямъ въ помощи, зная средство пособить имъ? Да понимаешь ли ты, что это значило бы убить свою собственную душу? Вѣдь я съ ума сошелъ бы, если бы не поѣхалъ и ихъ обвинили! меня совѣсть загрызла бы! А теперь я спокоенъ, доволенъ—и больше мнѣ ничего не надо!

Ѳ. Тищенко.

Москва.

Digitized by Google

ОДИНОЧЕСТВО

Подражаніе Арману Сильвестру.

Не буду дѣдомъ я... Любовью окруженный
И свѣтлой радостью играющихъ дѣтей,
Наивной лаской ихъ душою умиленный,—
Я не пролью слезы изъ старческихъ очей.

И если суждено дожить мнѣ до сѣдинъ,—
Состарѣюсь, какъ жилъ, печально, одиноко,
И будетъ холоденъ и мраченъ мой каминъ,
Лишь черной впадиной пугая мое око...

И съ тихой пѣснею въ немъ вѣрная подруга
Въ часъ позднихъ сумерекъ огня не разведетъ,
Лишь, съ воемъ жалобнымъ въ него врываясь, вьюга
Ненастной осени дыханье принесетъ.

И саванъ, брошенный поспѣшною рукою,
Бѣлѣя въ темнотѣ, колеблется слегка...
Иль это смерть моя неслышною стопою
Приблизилась, какъ тѣнь, къ постели бѣднякa?..

. . . . . .

Однако, помнишь ли,—обиженный, забытый
Участье и любовь въ душѣ моей встрѣчалъ;
Она была какъ храмъ, для всѣхъ равно открытый,—
Изгнанникъ, сирота, пріютъ въ ней обрѣталъ?...

Н. Г.

Digitized by Google

ИЗЪ
ЖИЗНИ РАБОЧАГО НАСЕЛЕНІЯ
БЕРЛИНА

Путешественнику, сравнивающему Берлинъ 60-хъ годовъ съ нынѣшней столицей Германіи, сразу бросается въ глаза колоссальный ростъ этого города, роскошь его центральныхъ улицъ, гдѣ жизнь до поздней ночи бьетъ ключомъ, красота зданій, изъ которыхъ многія по своей монументальности напоминаютъ дворцы; вездѣ чистота, порядокъ, все указываетъ на богатство и высокую культуру. Неужели, спрашиваетъ онъ, все это создано національнымъ объединеніемъ, успѣхами одной четверти вѣка?

Нѣтъ сомнѣнія, что въ развитіи Берлина національное единство играетъ также роль, но это не прямая и не единственная причина его почти американскаго роста,—даже не главная. Что значатъ нѣсколько десятковъ тысячъ чиновниковъ съ семействами и ихъ поставщиковъ въ сравненіи съ сотнями тысячъ людей, живущими въ Берлинѣ, но работающими для *всей* Германіи и для рынковъ *всего* міра? Въ центрѣ столицы, напр. на „Hausvoigtei“, каждый домъ представляетъ склады товаровъ, принадлежащихъ къ такъ-называемой берлинской „Confection“; только самая незначительная часть ихъ идетъ въ мѣстные магазины, а огромные транспорты съ платьемъ, мантильями, шляпами, и т. п., отправляются въ Россію и Америку, въ Африку и Австралію, даже въ Парижъ и Лондонъ (made in Germany—„сдѣлано въ Германіи“). Выйдите изъ центральнаго города въ одно изъ предмѣстій: что ни домъ, то фабрика или мастерская, машинные и пивоваренные заводы, фабрика мебели и бронзы, а невдалекѣ отъ нихъ—тѣ же чистыя и хорошо мощеныя улицы съ длинными рядами

Digitized by Google

5-ти и 6-ти-этажныхъ домовъ, которые по внѣшности немного уступаютъ домамъ на главныхъ улицахъ. А если вы заглянете во дворы, то найдете и тамъ такіе же многоэтажные флигеля, снизу до верху населенные рабочими семьями, иногда сырые, переполненные жильцами, но очень рѣдко грязные, какъ рѣдко попадается и квартира рабочаго безъ занавѣсей или горшка цвѣтовъ на окнѣ и безъ визитной карточки у дверей. Вотъ гдѣ надо искать причины быстраго роста Берлина, причемъ если не весь милліонъ людей, на который увеличилась столица Гогенцоллерновъ, то двѣ трети его прибыли вновь; столица уже не Пруссіи, а Германіи—теперь не только крупный политическій центръ, но и одинъ изъ величайшихъ торговыхъ и промышленныхъ центровъ Европы, имѣющій предъ другими еще то преимущество, что онъ лежитъ въ сердцѣ ея.

Условія жизни этого рабочаго населенія неоднократно были предметомъ изслѣдованій, распространявшихся, однако, или на незначительныя группы людей, или на отдѣльныя отрасли промышленности. Первую попытку систематическаго изученія рабочаго класса Берлина представляетъ вышедшая недавно книга берлинскаго статистика д-ра Э. Гиршберга: „Die sociale Lage der arbeitenden Klassen in Berlin“ (1897, Verlag von O. Liebmann). Авторъ сгруппировалъ матеріалы, разбросанные въ ежегодникахъ статистическаго бюро, дополнивъ ихъ нѣкоторыми собственными наблюденіями, отчетами профессіональныхъ кассъ и свѣдѣніями изъ другихъ монографій. Въ общемъ это только сводъ матеріала, не дающій еще ни вполнѣ точной, ни яркой картины, но тѣмъ не менѣе и въ нынѣшнемъ видѣ книга д-ра Гиршберга содержитъ въ себѣ много любопытнаго и поучительнаго. Мы извлечемъ изъ нея нѣсколько цифръ и фактовъ, бросающихъ, какъ намъ думается, свѣтъ на положеніе рабочихъ классовъ въ Германіи.

I.

По профессіональной статистикѣ 1895 г., въ Берлинѣ оказалось 320.528 рабочихъ и 185.338 работницъ, считая въ томъ числѣ и домашнюю прислугу и низшихъ служащихъ въ торговлѣ и путяхъ сообщенія. Число членовъ ихъ семействъ достигало 419.176 душъ. Сравнивая перепись 1895 г. съ предъидущей, отъ 1882 г., мы узнаемъ, что въ 1882 г. доля рабочаго класса составляла 56,2% всего населенія столицы, тогда какъ теперь оно уже превышаетъ 60%. Доля *самодѣятельныхъ* рабочихъ-мужчинъ увеличилась лишь съ 60,1 на 60,5, тогда какъ доля самодѣятельныхъ женщинъ-работницъ поднялась съ 67 до 71,7. Сравненіе Берлина съ другими большими нѣмец-

Digitized by Google

кими городами (съ населеніемъ болѣе 100.000), по численности рабочаго населенія, обнаруживаетъ, что столица занимаетъ въ этомъ случаѣ седьмое мѣсто: выше Берлина оказываются лишь чисто фабричные города: Дортмундъ, Барменъ, Хемницъ, Аахенъ, Дюссельдорфъ и Эльберфельдъ, въ которыхъ доля рабочаго населенія доходитъ до 664 на 1.000 жителей. Лейпцигъ—съ 548, Кельнъ—съ 555, и Нюрнбергъ съ 545 на тысячу — близко подходятъ къ Берлину, тогда какъ Мюнхенъ съ 516, изъ которыхъ только 466—рабочіе, а 50 прислуга, Франкфуртъ-на-М., въ которомъ 432 рабочихъ и 73 прислуги, и Штутгартъ съ 409 рабочими и 71 прислугой—значительно менѣе Берлина носятъ характеръ рабочихъ городовъ. Если взять численность прислуги масштабомъ богатства, то наиболѣе богатыми изъ большихъ нѣмецкихъ городовъ окажутся Франкфуртъ, Штутгартъ и Шарлоттенбургъ (близъ Берлина) съ 73—70 прислуги на 1.000 жителей; Мюнхенъ и Бременъ, съ 50, занимаютъ среднія мѣста; въ Гамбургѣ только 45 прислугъ на 1.000; въ фабричномъ Хемницѣ минимумъ прислуги большихъ городовъ—всего 22 на тысячу.

Возрастный составъ рабочаго населенія Берлина существенно отличается отъ состава другихъ сословій. Изъ рабочихъ-мужчинъ, 33,6% относились къ возрасту отъ 20 до 30 лѣтъ, тогда какъ у всѣхъ другихъ самодѣятельныхъ онъ не превышалъ 27,3. Наоборотъ, старше 50 лѣтъ въ Берлинѣ только 96 изъ 1.000 рабочихъ, между тѣмъ какъ въ остальномъ самодѣятельномъ населеніи въ этихъ старшихъ возрастахъ оказывается 201 изъ тысячи. Еще рѣзче различіе у женщинъ младшаго возраста: среди работницъ 42,4% отъ 20 до 30 лѣтъ, а среди прочихъ добывающихъ женщинъ—только 26,6. Моложе 16 лѣтъ—47 мальчиковъ и 50 дѣвушекъ на 1.000 рабочихъ, а въ остальномъ добывающемъ населеніи—только 4 мальчика и 6 дѣвочекъ.

Различія въ возрастномъ составѣ указываютъ уже, что въ своемъ большинствѣ рабочее населеніе Берлина—пришлое. Это прямо подтверждается текущими записями, изъ которыхъ можно видѣть, какъ велики приливъ и отливъ въ столичномъ населеніи. Въ 1895 г. вновь прибыли въ столицу 74.000 мужчинъ и 53.000 женщинъ; выѣхали 64.000 мужчинъ и 43.000 женщинъ. Въ этой массѣ прибывающихъ и убывающихъ рабочее населеніе представлено 70%, т.-е. участіе его въ приливѣ и отливѣ значительно больше, чѣмъ его процентное отношеніе ко всему населенію. Откуда происходятъ берлинскіе рабочіе? На этотъ вопросъ статистика иммиграціи отвѣчаетъ, что если оставить безъ вниманія провинцію Бранденбургъ, въ которой главное участіе имѣютъ берлинскія же предмѣстья, то на первомъ мѣстѣ по числу отпускаемыхъ ею въ Берлинъ рабочихъ надо поставить провинцію Силезію,

Digitized by Google

за нею слѣдуютъ Померанія и прусская Саксонія, Восточная Пруссія (Ostpreussen) и Познань.

Несомнѣнно, что значительный притокъ провинціальнаго рабочаго населенія въ столицу имѣетъ своей причиной лучшія условія заработковъ въ Берлинѣ, чѣмъ въ восточныхъ провинціяхъ. Изученіе жизни берлинскихъ рабочихъ поэтому требуетъ прежде всего выясненія ихъ рабочей платы. Для разсчетовъ кассъ страхованія въ Германіи происходятъ періодическія отмѣтки средней заработной платы для обыкновеннаго труда, не требующаго особой подготовки. Въ 1884 г., этотъ средній заработокъ составлялъ въ Берлинѣ 2,40 марки для мужчинъ, 1,50—для женщинъ, 1,30—для подростковъ-мальчиковъ и 1 м.—для дѣвочекъ. Въ 1892 г. мужской заработокъ повысился до 2,70 м., всѣ остальные остались безъ перемѣны. Сравнивая берлинскіе заработки чернорабочаго съ заработками въ другихъ большихъ городахъ Германіи, мы видимъ, что они принадлежатъ къ лучшимъ, но не къ самымъ высшимъ. Такъ, въ Гамбургѣ и Бременѣ взрослый мужчина зарабатывалъ 3 марки; во Франкфуртѣ, Кельнѣ и Кенигсбергѣ — 2,50 м.; въ Бреславлѣ заработокъ чернорабочаго не превышаетъ 2 м., въ Данцигѣ—1,80 м. Неизмѣримо ниже заработки въ сельскихъ округахъ, особливо въ Восточной Пруссіи: въ Силезіи, напр., мужской заработокъ составляетъ 1,17 м., въ Познани—1,09 марки. Авторъ нашего изслѣдованія, на основаніи книгъ „Центральнаго Общества указанія работъ", пришелъ къ выводу, что въ настоящее время средній *еженедѣльный* заработокъ простого рабочаго (ungelernt) въ Берлинѣ составляетъ 16 м. 20 пф. Изъ каждой тысячи чернорабочихъ, внесенныхъ въ книгу Centralverein'a, 11 получали отъ 9 до 12 марокъ; 239—отъ 12 до 15 м.; 558—отъ 15 до 18 м.; 176—отъ 18 до 21 м., и 16—отъ 21 до 24 марокъ. Изъ 1.000 мальчиковъ-подростковъ 247 получали менѣе 9 марокъ въ недѣлю; 548—отъ 9 до 12 м., и 205—отъ 12 до 15 м. Авторъ однако справедливо прибавляетъ: „Само собою разумѣется, что для опредѣленія годового заработка нельзя помножать этихъ недѣльныхъ заработковъ на 52 или даже на 50, такъ какъ именно чернорабочіе больше всего страдаютъ отъ непостоянства труда: многіе изъ нихъ до 9 разъ въ теченіе года нуждались въ новомъ мѣстѣ. 250 рабочихъ дней въ годъ будетъ уже достаточно высокая цифра, и такимъ образомъ средній годовой заработокъ никакъ не выше 675 марокъ".

Чрезвычайно цѣнны свѣдѣнія о заработкахъ служащихъ и рабочихъ въ путяхъ сообщенія: на конно-желѣзныхъ дорогахъ, омнибусахъ; въ каретныхъ компаніяхъ и при перевозкѣ грузовъ,—обнародованныя статистическимъ бюро за 1895 г. Изъ 4.920 кучеровъ каретъ (около половины всѣхъ) почти 93% получали отъ 3 до 3,50 марокъ въ день, 3%—отъ 2,50 до 3, и столько же—отъ 3,50 до 4 мар. Изъ 444 *кучеровъ*

Digitized by Google

при омнибусахъ болѣе 40% получали отъ 4 до 4,50 м. въ день; 16%—отъ 3,50 до 4; 8%—отъ 2,50 до 3; 10%—отъ 2 до 2,50 м. Около 41% всѣхъ кучеровъ имѣли занятія въ продолженіе 300 дней и болѣе, 19%—отъ 250 до 300, остальные—менѣе 250 дней. Заработокъ кондуктора при омнибусѣ—отъ 2,50 до 3,50 марокъ, причемъ одна половина всѣхъ служащихъ получала 2,50—3 м., а другая 3—3,50 мар. Ломовые извозчики въ большинствѣ (58%) зарабатываютъ отъ 2,50 до 3 марокъ; заработки ниже 2,50 м. въ день во всѣхъ указанныхъ предпріятіяхъ встрѣчаются крайне рѣдко. Изъ 1.457 *кучеровъ конки* почти половина получала 3,50—4 м. въ день; 30%—отъ 4 до 4,50 м.; минимумъ въ 2 м. и максимумъ въ 6 м.—чрезвычайно рѣдки. Трудъ ихъ довольно постоянный: 83% всѣхъ кучеровъ ѣздили по 300 и болѣе дней въ году. Какъ и на омнибусахъ, заработки кондукторовъ при трамваѣ нѣсколько хуже заработковъ кучеровъ, что, впрочемъ, болѣе чѣмъ уравновѣшивается обычаемъ давать кучеру на чай. У одной трети кондукторовъ заработки отъ 3 до 3,50 марокъ, у 27%—отъ 3,50 до 4 м.; минимумъ —2,50 марки. Этотъ трудъ нѣсколько менѣе постояненъ, чѣмъ у кучеровъ. Относительно рабочихъ въ строительныхъ промыслахъ, берлинская статистика, пользуясь отчасти данными, собранными Ольденбергомъ, даетъ намъ свѣдѣнія не только о настоящемъ, но и о довольно отдаленномъ прошломъ. Такъ, мы узнаёмъ, что въ половинѣ прошлаго столѣтія плотничьи подмастерья работали съ 4-хъ утра до 7 час. вечера съ двухчасовой паузой, получая за рабочій день 9 „грошеновъ“. Къ концу вѣка цѣна повысилась до 10 гр. Въ 1848 г., при болѣе короткомъ трудѣ, отъ 6 ч. до 6 ч., заработокъ уже составлялъ 25 гр., а въ 1869 г., послѣ крупной стачки плотниковъ и каменщиковъ, цѣна дошла до талера. Въ 1871 г., каменщики послѣ четырехъ-недѣльной стачки успѣли провести требованіе десятичасового рабочаго дня безъ сокращенія прежняго заработка. Въ эпоху „грюндерства“ заработная плата каменщиковъ и плотниковъ составляла около $4^1/_2$ мар. въ день, или около 50 пф. въ часъ. Наступившій затѣмъ „крахъ“ и связанная съ нимъ безработица понизили заработки строительныхъ рабочихъ до 35 и даже до 30 пф. въ часъ, и только въ 1883 г. рабочимъ удалось, опять путемъ стачекъ, довести плату до 40 пф., а въ 1886 г.—до прежняго уровня—50 пф. Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ долго въ рабочей жизни отражаются потрясенія въ организмѣ народнаго хозяйства. Въ настоящее время, по свѣдѣніямъ самихъ рабочихъ, положеніе каменщиковъ представляется въ слѣдующемъ видѣ. При 550 постройкахъ (весною 1897 г.) въ Берлинѣ работали 5.883 каменщика; при 498 постройкахъ съ 5.218 рабочими приняты были „нормальныя“ требованія послѣднихъ—девятичасовой рабочій день и 55 пф. платы въ часъ; на остальныхъ работали 10

Digitized by Google

часовъ при той же почасной платѣ, или же 9 час., но при низшей платѣ.

Одно изъ наиболѣе точныхъ изслѣдованій берлинской статистики вводитъ насъ въ кругъ аристократіи среди берлинскаго пролетаріата,— той избранной категоріи рабочихъ, у которой есть досугъ на чтеніе и высшія культурныя потребности. Это прежде всего рабочіе механическихъ мастерскихъ, оружейныхъ, электрическихъ и др. предпріятій, подводимыхъ въ Германіи подъ категорію тонкой механики (Feinmechanik). Свѣдѣнія эти обнимаютъ три года (1891—93 гг.) и обширную группу рабочихъ отъ 15.369 до 22.211 чел. Менѣе 3 мар. въ день зарабатываютъ 25%, но это преимущественно подростки и женщины; главная масса взрослыхъ мужчинъ получаетъ отъ 3 до 5 мар. (56%), и 16%—19% всѣхъ рабочихъ зарабатываютъ болѣе 5 марокъ въ день. Среди рабочихъ этой группы очень много молодыхъ людей— 20-ти—25-ти лѣтъ съ высокими заработками; 25% этой молодежи зарабатываютъ отъ 4 до 5 мар. въ день, 10%—болѣе 5 мар. Среди рабочихъ въ возрастѣ отъ 30 до 45 лѣтъ 33—32% получаютъ отъ 4 до 5 мар.; 16—19%—отъ 5 до 6 мар.; 12—14%—болѣе 6 мар. въ день. Начиная съ 50-лѣтняго возраста, заработки понижаются, и среди 65-лѣтнихъ только 24% получаютъ болѣе 4-хъ, и 5%—болѣе 6 мар.

Средній заработокъ наборщика въ Берлинѣ опредѣляется въ 25,5 мар. въ недѣлю, или въ 1.000—1.200 мар. въ годъ; въ словолитняхъ— 30 мар. въ недѣлю и въ 1.470 мар. въ годъ, при 9 — $9^1/_2$-часовомъ рабочемъ днѣ. Условія труда, заработки и рабочее время, устанавливаются соглашеніемъ между союзомъ предпринимателей и союзомъ рабочихъ. Интересно прослѣдить различіе въ заработкахъ по размѣрамъ предпріятій. Въ 1893 г. низшій средній заработокъ, въ 736 мар. въ годъ, оказался въ самыхъ маленькихъ типографіяхъ съ 1—10 рабочими; въ типографіяхъ съ 11 — 20 раб. средній заработокъ былъ 865 мар.; и чѣмъ выше мы поднимаемся, до крупныхъ производствъ, тѣмъ замѣтнѣе улучшеніе заработной платы: максимумъ ея—въ типографіяхъ со 100 — 150 рабочими, гдѣ средній заработокъ на одного человѣка достигаетъ 1.513 мар. Сторонники капитализма не найдутъ, однако, въ этой статистикѣ доказательства тому положенію, будто отъ одного роста крупныхъ производствъ положеніе труда уже улучшается: въ берлинскихъ типографіяхъ съ 150—200 рабочими средній заработокъ на человѣка уже опускается до 1.389 мар., а въ типографіяхъ съ 300 и болѣе рабочими онъ—только 1.265 мар. Причина вполнѣ понятна: мелкія типографіи, какъ и очень крупныя, въ большей степени пользуются трудомъ подростковъ и женщинъ. Участіе женскаго труда очень значительно въ работахъ при машинѣ и при экспедиціи; а въ послѣднее время въ Берлинѣ, какъ и въ провинціи, начинаетъ

Digitized by Google

умножаться контингентъ женщинъ-наборщицъ. Въ общемъ же плата, получаемая берлинской работницей, такъ низка, что не надо удивляться, если только незначительная часть дѣвушекъ остается незадѣтой публичнымъ развратомъ большого города. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ „побочный" заработокъ дѣвушки отъ продажи женской чести входитъ прямо въ разсчетъ нанимателей промышленныхъ и торговыхъ предпріятій. Иначе трудно представить себѣ, какъ можно требовать отъ продавщицы, получающей 30—40 марокъ въ мѣсяцъ, безъ квартиры и стола,—а такихъ приказчицъ въ Берлинѣ не одна тысяча,—чтобы она всегда была хорошо одѣта!.. Относительно лучше еще поставлены работницы на фабрикахъ, тогда какъ въ домашнихъ производствахъ, за рѣдкими исключеніями, дѣвушкамъ, не имѣющимъ поддержки въ семьѣ, приходится выбирать между голодомъ и развратомъ.

Тяжелыя условія жизни работницъ въ такъ-называемомъ „Confection", т.-е. производствахъ бѣлья, шитаго платья, мантилій, шляпъ и т. д., обратили на себя вниманіе уже въ концѣ 70-хъ годовъ. Одно изъ первыхъ оффиціальныхъ изслѣдованій посвящено было заработкамъ и продолжительности труда портнихъ и швей (въ 1869 г.). Оно обнаружило, что какъ въ Берлинѣ, такъ и въ большинствѣ другихъ большихъ городовъ, значительнѣйшее большинство работницъ не въ состояніи прокормиться честнымъ трудомъ. Очень многія жили по угламъ, платя отъ 4 до 6 мар. за пріютъ, питаясь жидкимъ кофе и хлѣбомъ, и не видя по цѣлымъ мѣсяцамъ куска мяса. Изслѣдованіе не оставляло сомнѣнія въ томъ, что другія нравственныя условія большого города—не столько продуктъ моральной неустойчивости, сколько нищеты и голода. Дѣвушка, работающая по 14 и 16 часовъ въ сутки и еле зарабатывающая при этомъ 8 марокъ въ недѣлю, едва ли въ состояніи устоять предъ искушеніями большого города. Можно было думать, что въ послѣднія 15 лѣтъ, когда „Confection" стала одной изъ главныхъ отраслей берлинской промышленности и завоевала себѣ сбытъ по всему міру, работницамъ ея достанется болѣе благопріятное существованіе. Дѣйствительность показала, однако, что это не такъ. Изслѣдованіе, предпринятое въ прошломъ году коммиссіей статистики труда въ связи съ частными сообщеніями во время обширной стачки работницъ, обратившей на себя вниманіе парламента и всего берлинскаго общества, даютъ понятіе о всемъ ужасѣ жизни берлинской работницы. Она сидитъ за шитьемъ отъ 12 до 17 часовъ въ сутки, зарабатывая при большомъ опытѣ 500—550 марокъ въ годъ, при меньшей ловкости—рѣдко больше одной марки въ день; въ мастерскихъ заработки доходили до 9 мар. 60 пф. Промышленный судъ, которому во время стачки поручена была роль примирителя хозяевъ съ работницами, такъ резюмировалъ обнаружившіяся предъ нимъ условія ра-

Digitized by Google

боты: „На основаніи происшедшихъ изслѣдованій примирительная камера пришла къ убѣжденію, что въ производствѣ мужского и дѣтскаго платья заработки опустились до того уровня, при которомъ работницы, несмотря на упорный и продолжительный трудъ, не могутъ вести существованія, достойнаго человѣка. Камера должна была признать, что протестъ рабочихъ противъ пониженія заработной платы вполнѣ справедливъ... и вытекаетъ изъ условій, которыя и при нынѣшнемъ производствѣ возможно было бы предотвратить". Картина страданій, обнаруженная во время этого столкновенія между „конфекціонерами" и работницами (и въ особенности между послѣдними и подрядчиками—Zwischenmeister), была такъ ужасна, что раздался крикъ негодованія во всемъ населеніи и даже во всемъ рейхстагѣ, безъ различія партій. Хозяева пошли на уступки, но когда общество успокоилось, заработки опять были понижены, и все осталось по старому...

Къ числу свѣтлыхъ пунктовъ въ берлинской промышленности надо отнести стремленіе нѣкоторыхъ фабрикантовъ путемъ сокращенія рабочаго времени и повышенія заработной платы удовлетворить тѣ требованія рабочихъ, которыя совмѣстимы съ данными условіями хозяйственнаго строя. Опытъ ихъ доказываетъ, что это достигается даже безъ жертвъ предпринимательской прибылью. Особенно интересны выводы, къ которымъ пришелъ извѣстный предприниматель Фреезе на основаніи продолжительныхъ наблюденій на своей собственной фабрикѣ. Фреезе пришелъ къ убѣжденію, что слишкомъ продолжительный трудъ невыгоденъ и хозяину. На фабрикѣ его отца работали 14 часовъ; постепенно ему самому удалось, въ концѣ 80-хъ годовъ, довести рабочій день до $9^1/_2$ часовъ, затѣмъ понизить его, въ 90 г., до 9 ч. и въ 92 г. ввести существующій и теперь 8-ми-часовой рабочій день. На его фабрикѣ (шторы, жалюзи) введена поштучная плата, оставшаяся безъ перемѣны, и тѣмъ не менѣе рабочій въ среднемъ при 8 час. зарабатываетъ 30,5 мар. вмѣсто 24 при $9^1/_2$ часахъ; работница же (швея), при томъ же сокращеніи труда и при той же задѣльной платѣ, получаетъ 12—13 марокъ, вмѣсто 11 мар. Можно было бы привести много другихъ примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что вниманіе къ участи рабочихъ соединимо съ сохраненіемъ предпринимательскихъ выгодъ. На извѣстной красильной фабрикѣ Шиндлера рабочіе пользуются, напр., каникулами, въ продолженіе которыхъ не прекращается выдача жалованья; на заводахъ Борзига существуетъ широкая помощь для больныхъ; въ электрическихъ предпріятіяхъ Сименса щедро обставлено полученіе рабочими пенсій за продолжительную службу; на рѣдкой фабрикѣ нѣтъ свободнаго дня въ теченіе лѣта, когда всѣ рабочіе, вмѣстѣ съ хозяиномъ или управ-

Digitized by Google

ляющимъ, предпринимаютъ экскурсіи за городъ, и т. п. Всѣ эти черты фабричной или хозяйской филантропіи въ общей массѣ условій рабочей жизни не играютъ никакой замѣтной роли: о патріархальныхъ отношеніяхъ больше нѣтъ рѣчи, и жизнь рабочихъ зависитъ отъ состоянія ихъ заработковъ, отъ силы коллективной организаціи труда и того участія, которое проявляетъ къ нему государство и общественное самоуправленіе.

II.

Дурныя жизненныя условія Берлина не составляютъ, впрочемъ, особенности новѣйшей фабричной эры. Уже въ концѣ прошлаго вѣка въ одной изъ первыхъ медицинскихъ топографій (Формея) встрѣчается замѣчаніе, что ужасное состояніе квартиръ много содѣйствуетъ распространенію болѣзней среди рабочаго класса. Очень многіе дома уже тогда имѣли боковыя и заднія зданія, въ которыхъ ютились по 12—16 семействъ. Изъ средины нынѣшняго вѣка до насъ дошли сообщенія о пяти домахъ предъ гамбургскими воротами, принадлежавшихъ одному спекулянту, въ которыхъ жило до 1.800 ч. За квартиру изъ одной комнаты, дававшей часто пріютъ нѣсколькимъ семьямъ, платили 24 тал., а если при квартирѣ находилась темная кухня, то она стоила 36 тал. Собственникъ этихъ домовъ затратилъ на нихъ 80.000 тал. и получалъ 12% на свой капиталъ. По сообщеніямъ „Центральнаго Общества о благѣ рабочихъ классовъ“, въ 1850 г., въ Берлинѣ находилось до 8.000 подвальныхъ квартиръ, въ 4—6, нерѣдко даже до 18 ступеней подъ землей; стѣны и полъ почти безъ исключенія были сырые; окна нерѣдко находились ниже уровня земли. При обиліи снѣга „около половины обитателей подваловъ, подобно лапландцамъ, проводили часть зимы въ полной тьмѣ“. Въ 1861 г. насчитали болѣе 14.000 квартиръ съ одной лишь отапливаемой комнатой, въ которыхъ жило отъ 6 до 20 человѣкъ въ каждой. Наиболѣе внимательно къ состоянію берлинскихъ жилищъ отнеслись переписи 1867 и 1871 гг., подъ руководствомъ Швабэ. Съ 1867 по 1871 гг. число квартиръ, не имѣвшихъ вовсе или только одну отапливаемую комнату, съ 6 — 20 обитателями, увеличилось съ 15.574 до 30.519. Начало 70-хъ годовъ вообще наиболѣе критическое время въ квартирныхъ условіяхъ бѣднѣйшаго населенія. Многимъ еще памятно, что въ 1872 г. нѣсколько тысячъ душъ, за неимѣніемъ жилищъ, должны были поселиться въ баракахъ. Число подвальныхъ квартиръ дошло до 10,2% всѣхъ жилищъ, съ 96.000 обитателей; 46,3% всего берлинскаго населенія жили въ квартирахъ, имѣвшихъ не болѣе одной отапливаемой комнаты; болѣе 160.000 чел. тѣснились по 6 — 20 въ одной комнатѣ;

Digitized by Google

болѣе 8% жили въ углахъ. Авторъ заканчиваетъ свой отчетъ о жилищахъ въ Берлинѣ слѣдующими словами: „Супружеская пара съ родственницей, ребенкомъ, принятымъ на воспитаніе, постояльцемъ и тремя ночлежницами — всѣ въ одной комнатѣ; супруги съ сыномъ и дочерью, родственницей, нахлѣбницей и 3 постояльцами—тоже всѣ въ одной комнатѣ: таковы жилищныя условія, характерныя для бѣднѣйшихъ кварталовъ Берлина".

Хотя скученность населенія, измѣряемая числомъ жителей на одинъ застроенный участокъ, съ тѣхъ поръ даже увеличилась, но квартирныя условія все же теперь благопріятнѣе, чѣмъ въ 70-хъ годахъ. Правда, по переписи 1890 г. оказалось еще болѣе 28.000 квартиръ, съ 194.000 обитателей, которыя принадлежатъ къ категоріи переполненныхъ, т.-е. съ четырьмя и болѣе обитателями на одну отапливаемую комнату. Это, однако, только 7,7% всѣхъ квартиръ и 12,6% населенія. Еще отраднѣе уменьшеніе подвальныхъ жилищъ, которымъ новые строительные уставы рѣшительно объявили войну. Между 90—95 г. произошло еще и отрадное уменьшеніе средняго числа обитателей одной квартиры съ 4,17 на 3,97; квартиръ съ одной комнатой — съ 2,25% на 1,96%, квартиръ съ ночлежниками съ 8,8 на 7,7%; несмотря на сильное увеличеніе населенія, число нанимателей угловъ абсолютно понизилось съ 95.365 до 78.901. Отчасти послѣдній фактъ объясняется прекращеніемъ обычая, чтобы подмастерья и ученикъ жилъ въ семьѣ мастера; въ гораздо большей степени, однако, это продуктъ лучшихъ экономическихъ условій. Зато въ послѣдніе годы квартиры стали нѣсколько дороже. Въ нижеслѣдующей таблицѣ отмѣчено движеніе цѣнъ по переписямъ 1880—1890 гг.

Цѣны квартиръ въ среднемъ:	1880 г.	1885 г.	1890 г.
За одну комнату	221 м.	235 м.	248 м.
На одного жителя	119 „	122 „	127 „
Въ квартирахъ съ одной отапливаемой комнатой	191 „	197 „	229 „

За одинъ куб. метръ воздуха въ 3/4 берлинскихъ квартиръ платятъ отъ 2 до 3 марокъ въ годъ.

Первыя попытки къ улучшенію берлинскихъ жилищъ исходятъ отъ „Берлинскаго Общеполезнаго Строительнаго Общества", основаннаго въ 1848 г. и поставившаго себѣ цѣлью въ различныхъ частяхъ города и его окрестностяхъ создать здоровыя и просторныя жилища для такъ-называемыхъ „kleinere Leute", отдавать эти квартиры въ наемъ по дешевой цѣнѣ, предоставить нанимателямъ преміи и, наконецъ, дать возможность нанимающимъ отдѣльные домики пріобрѣтать ихъ въ собственность. Общество задалось цѣлью строить дома среднихъ размѣровъ, безъ подваловъ и мансардъ. Въ жильцы оно принимало

Digitized by Google

только людей съ незапятнанной репутаціей, имѣющихъ собственную мебель и опредѣленный заработокъ. Общество носитъ характеръ акціонернаго предпріятія, но дивидендъ не долженъ превышать 4%. Въ концѣ 1895 г., ему принадлежали 59 домовъ съ 580 квартирами и 1.906 жильцами. Изъ жильцовъ 149 были подмастерья и рабочіе, 16—приказчики, 125—мелкіе чиновники, 101—ремесленники и торговцы, 151—вдовы, женщины и дѣвушки. Квартиры на половину состоятъ изъ 2—4 комнатъ, на половину—изъ одной комнаты съ кухней. Большинство квартиръ послѣдней категоріи отдавалось по 200—250 марокъ въ годъ, самыя большія квартиры—по 400 и даже 500 марокъ. Нѣсколько другихъ попытокъ этого рода сдѣлано было съ цѣлью дать рабочему возможность пріобрѣсть собственный домикъ, съ болѣе скромными, но и болѣе соотвѣтствующими условіямъ большихъ городовъ задачами, ограничивающимися улучшеніемъ такъ-называемыхъ домовъ-казармъ. При населеніи въ нѣсколько сотъ тысячъ пролетаріевъ это, однако, капля въ морѣ. Надежды дѣятелей жилищной реформы направлены поэтому не на дѣятельность частныхъ союзовъ: они ждутъ бо̀льшихъ послѣдствій отъ иниціативы общественнаго самоуправленія, уже взявшагося за этотъ вопросъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, Мангеймѣ и нѣкоторыхъ другихъ германскихъ городахъ.

Расходы на квартиру—одинъ изъ главныхъ элементовъ бюджета рабочей семьи. Относительно другихъ: пищи, расходовъ на платье и т. п., мы встрѣчаемъ нѣкоторыя указанія въ нѣсколькихъ рабочихъ бюджетахъ, представленныхъ Гиршбергомъ въ его книгѣ. Они по большей части относятся къ семьямъ, стоящимъ на средней ступени рабочей лѣстницы. Въ одномъ случаѣ, предъ нами семья съ заработкомъ въ 1.541 марку, изъ которыхъ мужъ, Vorarbeiter, зарабатываетъ 1.180 мар., жена остается дома, изрѣдка нанимаясь на случайныя работы. 200 мар. платитъ общественное призрѣніе за принятаго ими воспитанника и 118 мар. получается отъ квартиранта. Квартира, въ дальнемъ сѣверномъ предмѣстьѣ Берлина, въ пятомъ этажѣ во дворѣ, состоитъ изъ комнаты, кухни и корридора и стоитъ 234 м. въ годъ. Семья въ одномъ отношеніи не можетъ быть признана типичной: у родителей только одинъ ребенокъ—тринадцатилѣтняя дочь. Мужъ—трудолюбивый и очень умѣренный работникъ, мало пьющій, тѣмъ не менѣе его личные расходы на пивную и сигары составляютъ 147 мар. въ годъ, или 10% всего бюджета. На *пропитаніе* семьи по точнымъ записямъ ушло 596 мар. 45 пф. На первомъ мѣстѣ въ этомъ бюджетѣ стоятъ расходы *не на хлѣбъ или картофель*, а *на мясо*, на которое ушло 174 мар. 35 пф., въ томъ числѣ 45 мар. на колбасу. Сала, масла и меда семья употребила почти на 100 мар., хлѣба—на 140 мар. *Бѣлый* хлѣбъ въ этомъ, какъ и въ большинствѣ лучше зара-

Digitized by Google

батывающихъ рабочихъ семействъ, вытѣсняетъ черный: послѣдняго употреблено на 60, бѣлаго на 80 мар. въ годъ. Значительно также потребленіе молока—на 50 мар., яицъ—15 мар., фруктовъ—24 мар., тогда какъ расходы на картофель составляютъ всего 12 мар. 20 пф. въ годъ.

Изъ 13 берлинскихъ бюджетовъ только два сведены съ 2.000 и болѣе марокъ, причемъ въ одномъ изъ нихъ, относящемся къ семьѣ изъ 8 душъ, высокая общая сумма достигается не заработкомъ главы семьи, состоящимъ всего изъ 768 мар. въ годъ, а тѣмъ, что 1.710 м. вносятся женою и дѣтьми. Зато въ этой многочисленной семьѣ на одну пищу уходитъ 1.450 мар., и остается относительно очень немного на удовлетвореніе другихъ потребностей. Типичнымъ бюджетомъ, наиболѣе часто повторяющимся, оказывается бюджетъ въ 1.400—1.500 мар., и въ этомъ случаѣ подспорье отъ заработковъ другихъ членовъ семьи рѣдко или незначительно.

Во всѣхъ приведенныхъ бюджетахъ расходы на квартиру составляютъ 16—17%; минимумъ въ 11% встрѣчается лишь разъ въ той многочисленной семьѣ со многими работниками, которую мы выше отмѣтили. На отопленіе уходитъ отъ 3 до 4% бюджета; освѣщеніе поглощаетъ 1, рѣдко 2%. Главный предметъ расходовъ, конечно, пища, на которую въ среднемъ уходитъ половина всего бюджета. Отъ 8 до 12%, въ рѣдкихъ случаяхъ 15% (но зато встрѣчается и обратная крайность—5—6%), расходуются на платье, бѣлье и обувь. Расходы мужа въ пивной по большей частью поглощаютъ 5—6% бюджета, хотя мы встрѣчаемся съ однимъ бюджетомъ, изъ котораго 23% уходятъ на эту статью. Довольно замѣтную долю расходовъ поглощаютъ взносы въ кассы страхованія, колеблющіеся между 2 и 7,5% всего бюджета. Почти въ каждой семьѣ есть расходы на „ферейны“ и на сборы въ пользу бѣдныхъ товарищей. Весьма небольшую роль играютъ налоги, которые рѣдко поглощаютъ болѣе 1% всего дохода. Разумѣется, здѣсь рѣчь идетъ только о прямыхъ налогахъ. Пріятно поражаетъ значительный элементъ культурныхъ развлеченій почти во всѣхъ берлинскихъ бюджетахъ; даже въ бюджетѣ чистильщика улицъ встрѣчаются такія отмѣтки, какъ: посѣщеніе промышленной выставки, осмотръ рейхстага, за входъ въ „Уранію“. Еще выше культурныя потребности въ семьѣ литографа, состоящей изъ мужа, жены и двухъ дѣтей и отличающейся очень высокимъ, по берлинскимъ понятіямъ, доходомъ въ 2.180 мар. въ годъ. Въ этой семьѣ покупаютъ на 50 мар. въ годъ книгъ и выписываютъ на 30 мар. газетъ и журналовъ. Однако, и при несравненно болѣе скромныхъ заработкахъ два слесаря тратятъ по 12 мар. въ годъ на выписку газетъ и 4 мар. на посѣщеніе театра и концертовъ.

Digitized by Google

III.

Не входя въ подробное изложеніе состоянія народной школы въ Берлинѣ, о которой мы уже имѣли случай говорить въ особой статьѣ, отмѣтимъ лишь нѣкоторые факты изъ области школъ, имѣющіе ближайшее отношеніе къ жизни рабочаго класса. Въ городскихъ школахъ обучается теперь около 200.000 дѣтей, изъ которыхъ болѣе 32% дѣти наемныхъ рабочихъ на фабрикахъ, около 27,5%—дѣти ремесленныхъ подмастерій; у 24% отцы—самостоятельные ремесленники и мѣщане; 10,5%—дѣти мелкихъ чиновниковъ, 3,5%—купцовъ и приказчиковъ, остальные—дѣти учителей, фабрикантовъ, врачей, пасторовъ и другихъ высшихъ сословій. Такимъ образомъ, рабочій классъ поставляетъ въ народную школу около 60% ея питомцевъ, что вполнѣ соотвѣтствуетъ долѣ рабочаго класса въ общемъ населеніи столицы. Затрачивая около 11½ милліоновъ въ годъ на народную школу, городъ, несомнѣнно, оказываетъ огромную услугу трудовому классу; она тѣмъ цѣннѣе, что школа не только снабжаетъ дѣтей бѣдняковъ знаніями, но служитъ для нихъ несравненно болѣе здоровымъ пріютомъ, чѣмъ фабрики, ремесленныя заведенія и жилища, въ которыхъ ютятся рабочіе. Къ сожалѣнію нужно сказать, что если программа нынѣшней народной школы въ общихъ чертахъ соотвѣтствуетъ требованіямъ массъ, ея среднихъ элементовъ, то для очень значительной части берлинскихъ дѣтей и эта программа далеко не осуществляется. Только 58% всѣхъ берлинскихъ школьниковъ проходитъ полный курсъ школы, разсчитанной для дѣтей отъ 6 до 14 лѣтъ; остальные, хотя и остаются въ школѣ до 14 лѣтъ, но по малоуспѣшности не достигаютъ высшаго класса; заставлять же родителей посылать дѣтей въ школу по достиженіи дѣтьми 14-лѣтняго возраста городъ не въ правѣ.

Не менѣе высокое значеніе для рабочаго класса имѣютъ профессіональныя училища и такъ-называемыя дополнительныя школы (Fortbildungsschulen) При старыхъ цеховыхъ условіяхъ ремесла, мастерская была школой ремесленника, изъ которой онъ выносилъ всестороннее знаніе своей профессіи. Съ развитіемъ фабрикъ, съ упраздненіемъ обязательнаго „стажа"—искуса, который долженъ былъ проходить всякій ремесленный ученикъ, прежде чѣмъ стать подмастерьемъ, возникла необходимость въ новой организаціи профессіональнаго обученія. Фабрика не беретъ на себя труда обучать мальчика,—она пользуется только его трудомъ, и кто попалъ въ нее, не зная опредѣленной спеціальности, почти всегда осужденъ на всю жизнь оставаться чернорабочимъ. Что касается ремесла, то не только сфера его съузилась,

Digitized by Google

не и въ тѣхъ случаяхъ, когда оно сохранило свое значеніе, ремесленная мастерская—уже плохая школа. Раздѣленіе труда, спеціализація, играютъ теперь въ ремеслѣ не меньшую роль, чѣмъ на фабрикѣ. Если на машинномъ заводѣ рабочему необходимо широкое техническое образованіе, чтобы обозрѣть работу въ цѣломъ и выяснить значеніе своей частичной роли въ общемъ механизмѣ, то во многихъ мастерскихъ ученикъ цѣлаго продукта вообще не видитъ. Въ Берлинѣ сотни столярныхъ мастерскихъ, работающихъ только одинъ предметъ, напр., стулья; или даже только отдѣльныя части мебели, какъ, напр., гнутыя палки, шары и т. п. Нерѣдки уже портняжныя заведенія и швейныя мастерскія, въ которыхъ шьютъ только жилеты или даже только рукава въ сорочки. Чему ребенокъ можетъ здѣсь научиться?

Уже въ 1849 году берлинское самоуправленіе вводитъ у себя первыя „Fortbildungsschulen, по настоянію „Центральнаго общества попеченія о рабочихъ классахъ". Въ эти школы принимаютъ только мальчиковъ, кончившихъ курсъ въ городскомъ училищѣ, и задача ихъ—снабдить своихъ учениковъ элементарными свѣдѣніями въ черченіи, геометріи, бухгалтеріи и нѣкоторыхъ другихъ предметахъ, имѣющихъ значеніе въ ремесленной жизни, хотя не носящихъ спеціальнаго характера. Вслѣдъ затѣмъ городъ начинаетъ субсидировать ремесленные классы, устроенные на средства цеховъ и промышленныхъ ферейновъ; далѣе, наконецъ, происходитъ учрежденіе собственныхъ городскихъ ремесленныхъ школъ—столярныхъ, слесарныхъ, и устройство промышленной залы (Gewerbesaal). Въ настоящее время Берлинъ располагаетъ слѣдующими школами для промышленнаго и „дополнительнаго" образованія: 1) 5 Fortbildungsanstalten—для юношей, занимающихся практической дѣятельностью; предметы преподаванія въ нихъ: нѣмецкій, французскій, англійскій языки, математика, черченіе, бухгалтерія, химія, товаровѣдѣніе; изъ 960 учениковъ 570—ученики въ ремесленныхъ заведеніяхъ и лавкахъ; плата—4 марки за полугодіе. 2) 12 Fortbildungsschulen—для юношей практическихъ профессій, имѣющія цѣлью „содѣйствіе профессіональному труду, нравственному развитію и дополненію элементарнаго образованія". Предметы преподаванія: нѣмецкій и иностранные языки, математика, черченіе, приспособленное къ спеціальнымъ ремесламъ, моделированіе, стенографія, физика, химія, бухгалтерія, законовѣдѣніе. Въ этихъ школахъ обучаются 7.426 мальчиковъ; изъ нихъ 5.126 служатъ на фабрикахъ, въ мастерскихъ и въ торговыхъ предпріятіяхъ. 3) Fortbildungsschule ремесленнаго общества—съ 260 учениками, въ которой преподаются элементарные предметы народной школы, языки, стенографія, черченіе, бухгалтерія, корреспонденція, пѣніе и гимнастика. Школьная плата —отъ 2 до 5 мар. въ полугодіе. 4) 8 городскихъ Fortbildungsschulen

Digitized by Google

для дѣвушекъ. Предметы преподаванія: языки, ариѳметика, бухгалтерія, рисованіе и черченіе, рукодѣліе, шитье платья и бѣлья, глаженье, изготовленіе шляпъ, стенографія, гимнастика. Въ этихъ школахъ могутъ обучаться не только дѣти, но и взрослыя. Плата отъ 50 пф. до 1,50 мар. въ мѣсяцъ; 2.958 учениць. Къ этимъ *городскимъ* школамъ присоединяется еще пять, устроенныхъ частными ферейнами, почти съ той же программой, но съ присоединеніемъ поварскихъ курсовъ, обученія конторскимъ работамъ й употребленію пишущихъ машинъ. Плата 1 мар. въ мѣсяцъ. 5) Городская высшая ткацкая школа, въ которую принимаютъ учениковъ не моложе 16 лѣтъ, прошедшихъ реальное училище или же получившихъ основательную практическую подготовку. Плата за полный годовой курсъ 200 мар. въ годъ; но при школѣ имѣются вечерніе и воскресные классы съ платою 30 мар. въ годъ, и курсъ рисованія моделей и образцовъ, въ которые допускаются и дѣвушки. 6) Двѣ ремесленныя школы для вечернихъ и воскресныхъ занятій, въ которыя принимаются рабочіе и ремесленники, желающіе дополнить свое общее и профессіональное образованіе. Кромѣ черченія, рисованія, моделированія, ариѳметики и бухгалтеріи, въ этихъ школахъ преподаютъ еще электротехнику, механику, химію, физику и развиваютъ въ ученикахъ знакомство съ лучшими художественными образцами ихъ профессіональнаго труда. Плата отъ 6 до 12 мар. за полугодіе; 3.297 учениковъ. 7) Школа строительныхъ промысловъ для развитія теоретическихъ знаній у рабочихъ при постройкахъ. Кромѣ общеобразовательныхъ предметовъ, въ ней преподаютъ математику, физику, архитектуру, ученіе о конструкціяхъ, вентиляціи, о значеніи строительныхъ матеріаловъ, строительное право. Довольно высокая плата: 100 мар. за полугодіе; но тѣмъ не менѣе школа посѣщается 266 учениками. 8) Городской Gewerbesaal, задача котораго—усовершенствовать слесарей, механиковъ и рабочихъ машинныхъ заводовъ въ спеціальномъ черченіи, проектированіи и конструкціи. Школа состоитъ изъ 10 отдѣленій, имѣющихъ отъ 58 до 251 ученика. Всѣхъ учащихся 1.468; плата: 4 мар. въ полугодіе. Наконецъ, 9) 20 Fachschulen, устроенныхъ корпораціями и цехами каменщиковъ, плотниковъ, обойщиковъ, садовниковъ, портныхъ, переплетчиковъ и другихъ ремеслъ. Преподаваніе состоитъ изъ общихъ предметовъ и спеціальныхъ курсовъ по каждой профессіи. Занятія по преимуществу вечеромъ и по воскресеньямъ. Обученіе частью безплатное, частью за плату отъ 2 до 10 мар. за курсъ; всѣхъ учениковъ 5.254.

Расходы на городскія Fortbildungsanstalten, т.-е. школы, имѣющія въ виду снабженіе учащихся общимъ образованіемъ и техническими свѣдѣніями, не приноровленными къ одной узкой спеціальности (№№ 1 и 2 вышеуказанныхъ школъ), составили въ 1895 г. 338.000 марокъ;

Digitized by Google

изъ нихъ 44.000 марокъ получены отъ учениковъ и 294.000 мар. падаютъ на городской бюджетъ. Кромѣ того, городъ несетъ значительные расходы по содержанію 8 городскихъ дополнительныхъ школъ для дѣвушекъ, субсидируетъ частныя школы ферейновъ и цеховъ и, наконецъ, ассигнуетъ болѣе 300.000 марокъ въ годъ на содержаніе спеціальныхъ ремесленныхъ и техническихъ школъ. Такъ напр., содержаніе двухъ названныхъ „Handwerkerschulen“ обходится въ 229.000 марокъ, изъ которыхъ на долю города падаетъ 168.000 м.; государственная субсидія составляетъ 20.000, и около 40.000 покрываются платой за ученіе. Изъ 512.710 мар., составляющихъ расходы Берлина на спеціальное профессіональное образованіе, городское самоуправленіе тратитъ 309 т., государство 81 т., цехи 9 тысячъ, и 110 тысячъ покрываются платой учениковъ.

Нужно удивляться, что городское самоуправленіе Берлина, затрачивающее такія огромныя суммы на народныя школы, удѣляетъ относительно очень мало вниманія *народнымъ библіотекамъ и читальнямъ*. Первыя 4 народныя библіотеки были основаны въ 1850 г.; съ тѣхъ поръ число ихъ возросло до 27, но всѣ вмѣстѣ не располагаютъ еще и 100.000 томовъ, тогда какъ не только въ Лондонѣ и Нью-Іоркѣ, но и во многихъ второстепенныхъ городахъ Англіи и Соединенныхъ-Штатовъ городскія библіотеки и читальни располагаютъ сотнями тысячъ сочиненій и несравненно доступнѣе народу. Въ теченіе 1896 г., изъ народныхъ библіотекъ взято было для чтенія 462.748 томовъ, что, конечно, ничтожная цифра для города съ населеніемъ въ $1^3/_4$ милліона. Еще ничтожнѣе цифры читателей—менѣе 20.000, изъ которыхъ лишь 24% ремесленники и рабочіе. Въ берлинской думѣ высказано было мнѣніе, которое раздѣляется и авторомъ изслѣдованія о берлинскихъ рабочихъ, будто среди рабочихъ обнаруживается слишкомъ малый спросъ на книги изъ городскихъ библіотекъ, оттого ли, что большинство читаютъ лишь газеты, или потому, что въ библіотекахъ нѣтъ партійной литературы. Проще, однако, это объяснить тѣмъ, что библіотеки мало доступны населенію, открыты лишь 3 раза въ недѣлю по два часа, и до послѣдняго времени не имѣли при себѣ читальныхъ залъ. Когда въ 1895 г. „Общество этической культуры“ открыло первую въ Берлинѣ безплатную народную читальню, ее посѣтили въ теченіе перваго же года 50.000 человѣкъ, изъ которыхъ большинство были рабочіе. Это побудило наконецъ и думу открыть при одной изъ городскихъ библіотекъ читальню, усердно посѣщаемую по вечерамъ и воскресеньямъ массой бѣднѣйшаго населенія. Дума, вслѣдствіе этого, наконецъ согласилась увеличить фондъ народныхъ библіотекъ и постепенно превратить ихъ въ народныя читальни.

Digitized by Google

Мы ограничиваемся этими немногими штрихами изъ жизни берлинскаго рабочаго населенія, далеко не выясняющими еще его соціальнаго положенія, но обнаруживающими по крайней мѣрѣ главные элементы этого положенія. Какъ велико можетъ быть значеніе общественнаго самоуправленія въ жизни многочисленнѣйшаго класса городского населенія, объ этомъ можно составить себѣ понятіе, проходя мимо берлинскихъ школъ, вглядываясь въ ихъ обстановку и вспоминая при этомъ, изъ какихъ тѣсныхъ и нездоровыхъ квартиръ тысячи дѣтей переходятъ въ просторное и здоровое помѣщеніе школы, выстроенное самимъ городомъ. Та же мысль возникаетъ у васъ, когда вы гуляете по паркамъ и даже когда вы восхищаетесь чистотой берлинскихъ улицъ до самыхъ отдаленныхъ предмѣстій, потому что на улицѣ бѣднѣйшее населеніе проводитъ бо̀льшую и лучшую часть своихъ дѣтскихъ лѣтъ. А сколько жизней сохранено устройствомъ канализаціи, образцовой постановкой городскихъ больницъ, возникающими теперь пріютами для выздоравливающихъ? Новыя и еще болѣе обширныя задачи ставятся общественному самоуправленію въ области народной гигіены, призрѣнія бѣдныхъ, указанія работъ неимѣющимъ заработка. Не забудемъ, что, при внимательномъ отношеніи къ нуждамъ многочисленнѣйшаго класса населенія, государственныя и общественныя учрежденія могутъ устранить много язвъ современнаго порядка, возмущающихъ нашу совѣсть. Мы это наглядно видимъ въ Берлинѣ, гдѣ, при несомнѣнномъ существованіи нужды и страданій, наиболѣе безобразныя явленія уличной нищеты исчезли, бездомный не проситъ по вечерамъ „копѣечки на ночлегъ“, выздоравливающій и увѣчный не вынуждены протягивать руку за подаяніемъ. Послѣднее напоминаетъ намъ о значеніи страхованія рабочихъ въ жизни берлинскаго населенія, а потому позволимъ себѣ въ заключеніе еще привести изъ книги Гиршберга нѣсколько строкъ, показывающихъ, какъ много выше въ этомъ отношеніи германскіе порядки отъ многихъ другихъ.

Къ кассамъ страхованія отъ болѣзни принадлежало 415.000 душъ берлинскаго населенія: 301.000 мужчинъ и 114.000 женщинъ. Каждый членъ кассы получалъ въ случаѣ болѣзни отъ 1,20 до 2 мар. въ день пособія, и въ случаѣ смерти кассы выдавали семьѣ 30—160 мар. на погребеніе. Въ среднемъ каждый мужской членъ кассы болѣлъ 22 дня въ годъ, женщина—25 дней. Расходы кассъ превышали 11 милліоновъ марокъ въ годъ! Изъ нихъ болѣе 10% уходило на вознагражденіе врачей, 12% на лекарства, отъ 45 до 50%—на денежную помощь больнымъ или за содержаніе ихъ въ лечебницахъ.

Что касается страхованія отъ несчастныхъ случаевъ, то число увѣчныхъ на берлинскихъ фабрикахъ и заводахъ въ теченіе года до-

Digitized by Google

стигаетъ 5.000 человѣкъ. Большинство увѣчій относится къ категоріи легкихъ, и вознагражденіе выдается изъ кассы страхованія отъ болѣзней; потерпѣвшіе же тяжкія увѣчья получали приличную пенсію. Прибавимъ еще, что въ 1896 г. 2.500 мужчинъ и 850 женщинъ получали ренты изъ кассъ страхованія на случай старости и неспособности къ труду. При этомъ расходы по общественному призрѣнію составляютъ въ Берлинѣ болѣе $7^1/_2$ милліоновъ, но ими по большей части пользуются женщины, дряхлые и старики. Остальные же рабочіе, при наступленіи болѣзни или несчастія, не просятъ, а получаютъ должное по праву.

Г. Іоллосъ.

Берлинъ, 13 (25) марта.

Digitized by Google

БОРЬБА НА ОСТРОВѢ КУБѢ

и

ИЗЪ-ЗА КУБЫ.

Письмо изъ Калифорніи.

I.

Столѣтняя борьба острова Кубы за свою независимость приходитъ, повидимому, къ концу. Чѣмъ бы ни окончилось настоящее острое осложненіе отношеній между Испаніей и Сѣверо-Американскими Соединенными-Штатами, разрѣшится ли оно войной, или будетъ улажено дипломатическими способами—Куба несомнѣнно достигнетъ своихъ конечныхъ цѣлей. Еще въ этомъ же году, по всѣмъ видимостямъ, она будетъ свободна и независима. Этотъ результатъ едва ли подлежитъ и въ настоящій моментъ какому-либо сомнѣнію.

Еще въ началѣ настоящаго столѣтія Испанія владѣла большею частію Сѣверной и почти всею Южною Америкой. Съ утратой Кубы у нея не будетъ ни одной сколько-нибудь значительной американской колоніи; на всемъ пространствѣ западнаго полушарія, которымъ она такъ долго владѣла и по праву открытія, и по праву завоеванія, въ ея владѣніи останутся всего два маленькихъ островка, по самой своей ничтожности не могущіе и мечтать о независимости, и никому не нужные. Испанскій народъ доказалъ свою неспособность къ колонизаціи самымъ очевиднымъ образомъ. Несмотря на общность языка, религіи, нравовъ, несмотря на единство крови въ правящихъ классахъ, несмотря на повальное невѣжество народныхъ массъ и провербіальную неспособность высшихъ слоевъ къ самоуправленію, испанская

Digitized by Google

Америка, шагъ за шагомъ, провинція за провинціей, посредствомъ долгой кровавой борьбы, добилась въ концѣ концовъ полной независимости, истощивъ этой столѣтней распрей свою метрополію до крайнихъ предѣловъ и доведя ее до безусловнаго банкротства во всѣхъ отношеніихъ. Исторія освобожденія Кубы—въ сущности не что̀ иное, какъ повтореніе исторіи Мексики, республикъ Центральной Америки, Бразиліи, южно-тихоокеанскаго побережья. Она только затянулась дольше другихъ—благодаря географическому положенію этого острова, вызывавшему, съ одной стороны, большій интересъ въ разныхъ государствахъ къ сохраненію существовавшаго status quo, съ другой—большую легкость оккупаціи. Сами Соединенные-Штаты никогда не желали и теперь не желаютъ присоединенія Кубы. Еще въ теченіе первой половины текущаго столѣтія они были дважды вынуждены гарантировать Испаніи ея владычество надъ островомъ противъ притязаній и стремленій другихъ европейскихъ державъ—въ 1825 г., противъ Франціи, и въ 1840 г. противъ Англіи, открыто обязуясь пустить въ ходъ всѣ свои военныя и морскія силы противъ кого бы то ни было въ случаѣ кризиса. Затѣмъ, въ теченіе всей десятилѣтней революціи—1868—1878 гг., несмотря на многое множество самыхъ вызывающихъ, самыхъ раздражающихъ эпизодовъ [1]), правительство Союза съумѣло сдержать негодованіе общественнаго мнѣнія и дать возможность Испаніи, страдавшей отъ внутреннихъ междоусобій и государственныхъ переворотовъ, послѣдовавшихъ за революціей 1868 г., умиротворить островъ — тѣмъ извѣстнымъ способомъ умиротворенія, къ которому Испанія всегда любила прибѣгать, когда ея колоніальныя возстанія становились ей не подъ силу. Въ теченіе этой десятилѣтней революціи испанская дипломатія не разъ восторжествовала надъ сѣверо-американской—нѣсколько разъ отношенія обострялись до того, что, казалось, слѣдовало только объявить войну — и всякій разъ получались торжественныя обѣщанія самыхъ широкихъ реформъ для острова съ одной стороны, и удовлетворенія претензій союза, съ другой;—затѣмъ, и тѣ, и другія, откладывались въ долгій ящикъ и искусно замѣщались новыми осложненіями, новыми инцидентами и переговорами. Такъ, уничтоженіе рабства на островѣ, потребованное ультиматумомъ Союза еще въ 1869 году, хотя и было какъ будто установлено закономъ, извѣстнымъ подъ именемъ билля Морета, уже въ 1870 г., но не было въ дѣйствительности объявлено на самомъ островѣ въ тече-

[1]) Однимъ изъ самыхъ серьезныхъ былъ захватъ испанцами въ открытомъ морѣ въ 1873 г. американскаго парохода „Virginius“; капитанъ его, весь экипажъ и всѣ пассажиры, числомъ 53, были растрѣляны по приговору испанскаго военно-полевого суда, безъ соблюденія самыхъ примитивныхъ требованій международнаго права и юстиціи.

Digitized by Google

ніе послѣдующихъ двухъ лѣтъ, и затѣмъ, по истеченіи этого срока, послѣдовавшею прокламаціей генералъ-капитана Кубы объявлены были свободными только рабы инсургентовъ, такъ что ядро это оказалось новымъ сильнѣйшимъ пособникомъ военнымъ властямъ для усмиренія возстанія—дѣйствительное же уничтоженіе рабства послѣдовало только въ 1885 г.,—семь лѣтъ спустя по заключеніи мира въ 1878 году. По этому миру, Кубѣ были предоставлены: полная политическая амнистія и сравнительная автономія; ей давалось представительство въ испанскихъ кортесахъ, мѣстное самоуправленіе, ограниченіе власти генералъ-капитана. Ни одно изъ этихъ условій не было выполнено Испаніей, хотя бы даже поверхностно. Представителями Кубы въ кортесахъ были всегда *назначаемы* кровные испанцы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ никогда даже не бывавшіе на островѣ, такъ что въ результатѣ оказалось только увеличеніе обязательныхъ расходовъ на ихъ содержаніе. Торговые тарифы, столь важные для благосостоянія Кубы, страны тропической, производящей почти только сахаръ и табакъ, и ввозящей все необходимое для жизни,—не только не были предоставлены внутреннему самоуправленію, что было безусловно обѣщано, но и съ каждымъ годомъ все больше и больше усиливали крайне убыточныя для острова монополіи его метрополіи. Дошло до того, что американскую пшеничную муку везли въ Испанію, и уже оттуда въ Кубу, причемъ испанскіе купцы дѣлали больше барыша на бочкѣ, чѣмъ она первоначально стоила. Экспортная пошлина на сигары была возвышена до того, что американскій рынокъ оказался окончательно утраченнымъ, и громадныя сигарныя фабрики съ десятками тысячъ кубанскихъ рабочихъ были основаны въ портахъ Флориды, Тампѣ, Ки-Уэстѣ и во многихъ другихъ портахъ. Въ то же время на внутреннее благоустройство страны не обращалось ни малѣйшаго вниманія—испанскіе чиновники, присылавшіеся временно, исключительно съ цѣлями быстраго обогащенія, безнаказанно грабили народонаселеніе; суды открыто торговали правосудіемъ; явный шантажъ и доносы процвѣтали, какъ никогда прежде, и генералъ-капитанъ былъ неограниченнымъ, безусловнымъ властелиномъ и жизни, и имущества. За предшествовавшее настоящему возстанію десятилѣтіе землевладѣніе на островѣ измѣнилось самымъ радикальнымъ образомъ: иностранные синдикаты и частныя лица, нѣмцы, французы, и преимущественно англичане и американцы, мало-по-малу вытѣснили природныхъ кубанцевъ, не потому, чтобы эти послѣдніе желали покинуть отечество, а потому, что землевладѣніе сдѣлалось возможнымъ только для иностранцевъ, находившихся подъ покровительствомъ своихъ консуловъ; испанскіе чиновники не смѣли такъ же нахально притѣснять англичанина, какъ своего собственнаго поддан-

Digitized by Google

наго, и извѣстно не мало случаевъ, когда богатѣйшія плантаціи фиктивно передавались во владѣніе англичанъ и американцевъ, чтобы избѣжать вымогательствъ и жадности правительственныхъ агентовъ. Значительныя колоніи кубанскихъ патріотовъ-эмигрантовъ завелись во многихъ большихъ городахъ Союза; ихъ имѣнія завѣдывались американскими управляющими, ихъ, якобы, владѣльцами, и имущества эти, за самое послѣднее передъ возстаніемъ время оцѣнивались въ громадную сумму—въ двѣсти милліоновъ долларовъ. Было очень трудно отличить дѣйствительные иностранные интересы, какъ поземельные, такъ и торговые, отъ фиктивныхъ, и однимъ изъ самыхъ вѣскихъ аргументовъ противъ вмѣшательства Союза во внутреннія дѣла Кубы было именно опасеніе поставить эти интересы въ опасное положеніе. Испанія, не желая какого-либо иностраннаго изслѣдованія дѣйствительнаго положенія дѣлъ на мѣстѣ, обыкновенно очень внимательно относилась къ вознагражденію за убытки иностранцевъ, происходившіе вслѣдствіе полнаго безначалія и произвола—и всегда страшала сложеніемъ съ себя всякой отвѣтственности въ случаѣ какого-либо вмѣшательства. Она предпочитала щедро вознаграждать жалобщиковъ за продѣлки своихъ ставленниковъ—присланныхъ „на кормленіе“ воеводъ—и, конечно, въ концѣ концовъ заставляла кубанцевъ же платить за всѣ подобные убытки.

Съ 1878 г., Куба доставляла Испаніи не менѣе 26 милліоновъ долларовъ въ годъ чистаго дохода, помимо тѣхъ десятковъ милліоновъ, которые шли ежегодно же на содержаніе и обогащеніе испанскихъ чиновниковъ, на оплату концессій на различныя монополіи и на вознагражденіе иностранныхъ притязаній. Несмотря на изумительныя естественныя богатства Кубы, ея населеніе нисколько не росло, оставаясь на цифрѣ около полутора милліона душъ (около милліона бѣлыхъ и около полумилліона черныхъ и цвѣтныхъ), тогда какъ населеніе острова Явы, напримѣръ, при совершенно одинаковой территоріи въ 51.000 англ. кв. миль, достигло, по послѣдней переписи, 32 милліоновъ душъ, хотя и извѣстно, что и голландское владычество не отличается еще особенною мягкостью.

II.

Само собою разумѣется, что такое положеніе не могло продолжаться вѣчно, и въ февралѣ 1895 года на Кубѣ опять вспыхнуло возстаніе. Генералъ-капитаномъ былъ нѣкто Каллеха (Calleja), но уже въ апрѣлѣ онъ былъ смѣненъ маршаломъ Мартинецомъ Кампосъ (Martinez Campos), присланнымъ со стороны новаго консервативнаго министерства Кановаса, вступившаго въ управленіе Испаніей въ концѣ марта мѣсяца 1895 года. Организаторомъ возстанія и его первымъ вождемъ былъ Хозе Марти (Jose Marti), убитый въ одной изъ апрѣльскихъ

Digitized by Google

стычекъ инсургентовъ съ испанскими войсками; его смерть вызвала образованіе перваго временнаго правительства кубанскихъ повстанцевъ, съ Массо, какъ президентомъ, Максимо Гомецомъ, какъ военнымъ министромъ, и Антоніо Мацео, какъ главнокомандующимъ войсками. Въ теченіе первыхъ мѣсяцевъ возстаніе разсматривалось Испаніей какъ незначительная мѣстная вспышка, которая будетъ немедленно подавлена; были пока приняты самыя строгія цензурныя мѣры, и такъ какъ мѣсяцы эти совпали съ дождливымъ сезономъ, очень нездоровымъ, когда европейцы и сѣверо-американцы обыкновенно покидаютъ островъ, то только самыя отрывочныя и не всегда достовѣрныя извѣстія проникали въ американскую печать,—испанскія же оффиціальныя извѣстія фабриковались въ Гаваннѣ по внушеніямъ изъ Мадрида и по одному шаблону; въ нихъ не придавали возстанію никакого значенія. Необходимо замѣтить, что въ мирное время Испанія содержала на Кубѣ только возможный minimum спеціальныхъ регулярныхъ войскъ, преимущественно артиллеріи; она полагалась и на корпусъ волонтеровъ, организація котораго была крайне своеобразна и служила однимъ изъ главныхъ доказательствъ тѣхъ жестокихъ средневѣковыхъ методовъ, которыхъ Испанія держится въ управленіи островомъ. Дѣло въ томъ, что зачисленіе въ колоніальную милицію, по испанскому закону о всеобщей воинской повинности, даетъ освобожденіе отъ дѣйствительной военной службы, и потому десятки тысячъ состоятельной испанской молодежи ѣдутъ на Кубу на то время, пока они подлежатъ призыву, служатъ на ней мелкими чиновниками, купеческими приказчиками, клэрками и т. д., а наиболѣе состоятельные просто бьютъ баклуши и, состоя въ спискахъ милиціи, избавляются тѣмъ отъ военной службы на родинѣ. Такихъ волонтеровъ, изъ молодежи въ призывномъ возрастѣ, числится на Кубѣ свыше 50.000 человѣкъ, и они всегда готовы занять любое мѣсто за самое незначительное жалованье, только чтобы такъ или иначе отбыть здѣсь свой срокъ. Волонтеры эти вооружены, и первое время Испанія пыталась подавить возстаніе при ихъ посредствѣ—и, конечно, не успѣла, такъ какъ эта „золотая“ молодежь готова была носить красивый мундиръ, кричать ура и парадировать по городскимъ улицамъ, но оказалась совершенно непригодной для полевой службы и сраженій. Въ сентябрѣ 1895 г., когда нездоровый дождливый сезонъ кончился, а возстаніе, хотя по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ уже давно подавленное, въ дѣйствительности оказалось охватившимъ весь островъ, Испанія сразу отправила на Кубу нѣсколько дивизій, такъ что въ ноябрѣ ея регулярныя силы на островѣ достигли численности слишкомъ въ сто тысячъ человѣкъ всѣхъ родовъ оружія, и всю осень и зиму велась противъ инсургентовъ самая дѣятельная кампанія. Куба—очень длинный и очень узкій островъ, вся внутренность котораго покрыта значительными горами и дремучими

Digitized by Google

тропическими лѣсами; только очень незначительная ея часть воздѣлана, преимущественно въ западной половинѣ; желѣзныхъ и хорошихъ обыкновенныхъ дорогъ въ ней очень мало, и инсургенты, несмотря на свою сравнительную малочисленность (всѣ ихъ „арміи", вмѣстѣ взятыя, за все время возстанія, даже по ихъ собственнымъ свѣдѣніямъ, никогда не достигали шестидесяти тысячъ человѣкъ), и плохое вооруженіе, не только съ успѣхомъ избѣгали открытыхъ столкновеній съ значительными испанскими отрядами, но и наносили имъ почти ежедневно серьезный уронъ искусными засадами и гверильясскими способами, не подвергаясь сами сколько-нибудь чувствительнымъ потерямъ. Въ первую же зиму (1895-1896), въ рукахъ испанцевъ остались одни значительные портовые города—вся внутренность острова находилась безраздѣльно въ рукахъ инсургентовъ, за исключеніемъ трехъ пунктовъ въ разныхъ частяхъ острова, занятыхъ сильными испанскими гарнизонами, и вся война свелась къ тому, чтобы доставлять этимъ гарнизонамъ продовольствіе и военные снаряды, которые постоянно отбивались повстанцами; утверждаютъ даже, что, благодаря этой системѣ, хотя Испанія удержала за собой и до сихъ поръ тѣ три пункта, почему-то считаемые ею особенно важными, но сама же доставила возстанію больше продовольствія и военныхъ снарядовъ, чѣмъ всѣ его остальные источники, вмѣстѣ взятые. Чтобы прекратить сообщеніе между силами возстанія, раздѣленными на арміи—восточную подъ начальствомъ Гомеца и Гарсіи, и западную, въ окрестностяхъ Гаванны подъ начальствомъ Мацео,—поперекъ всего острова, въ самой узкой его части, была устроена испанцами, съ громаднымъ трудомъ и расходами, военная дорога, съ фортами и укрѣпленіями, называемая „trocha"; но мѣстность эта такъ непригодна для бдительной охраны и требуетъ такого сильнаго гарнизона для достиженія цѣли, что „trocha" эта оказалась совершенно безполезной, такъ какъ инсургенты никогда ею не задерживались, и всегда не только успѣвали сохранить свои сообщенія, но и зачастую передвигали и передвигаютъ и доселѣ по своему усмотрѣнію значительные отряды. Они основательно знаютъ каждый дюймъ мѣстности, тогда какъ у испанцевъ, несмотря на нѣсколько столѣтій владычества, нѣтъ и до сихъ поръ ни одной достовѣрной военной карты страны. Оставляя въ сторонѣ политическія, административныя и всякія другія соображенія, не подлежитъ никакому сомнѣнію, что и съ чисто военной точки зрѣнія испанскіе военачальники проявили изумительную несостоятельность, безсистемность и самую очевидную неспособность, такъ что инсургенты всегда и вездѣ опережали ихъ и безнадежно разстраивали всѣ ихъ хитроумныя предначертанія. За всѣ три года возстанія, испанскія войска не одержали рѣшительно *ни одного* дѣйствительнаго успѣха.

Digitized by Google

Политика маршала Кампоса, хотя и традиціонно жестокосердо-испанская во всѣхъ деталяхъ, тѣмъ не менѣе не была исключительно политикой устрашенія—онъ былъ на Кубѣ и прежде, зналъ мѣстныя условія, сознавалъ силу возстанія и вѣрилъ въ возможность его подавленія только при посредствѣ компромиссовъ съ его вождями, почему и придавалъ большее значеніе переговорамъ съ ними, чѣмъ военнымъ дѣйствіямъ. Не прекращая ихъ и постоянно требуя подкрѣпленій, онъ въ то же время проводилъ и политику подкупа, обѣщаній, и упорно отвергалъ крайнія мѣры. Ультра-испанская партія была крайне недовольна такой „мягкостью"—она вѣрила только въ насиліе, и въ февралѣ 1896 г. Кампосъ былъ смѣненъ, а на его мѣсто присланъ генералъ-капитаномъ маршалъ Вейлеръ съ неограниченными полномочіями. Трудно представить себѣ въ концѣ XIX-го столѣтія другое такое олицетвореніе кровожадности, безсердечности и вѣроломства, какъ этотъ страшный человѣкъ. Принимая въ соображеніе время и нравы, можно понять Аттилу, Батыя, Ивана Грознаго, вождей инквизиціи, даже Робеспьера, маршала Даву и Аракчеева—но нельзя понять Вейлера. Это—„мясникъ" въ полномъ смыслѣ этого ужаснаго слова, попавшій въ неограниченные распорядители судебъ полутора милліона несчастныхъ кубанцевъ. Съ самаго начала и самымъ откровеннымъ образомъ онъ провозгласилъ политику „искорененія" (extermination), задался цѣлью „уничтожить" не только возставшихъ, но и все, что̀ сколько-нибудь имъ способствовало такъ или иначе, ихъ женъ, дѣтей, ихъ имущество. Чтобы лишить ихъ средствъ къ пропитанію, добываемыхъ ими въ земледѣльческихъ округахъ, онъ не задумался согнать въ города̀ сотни тысячъ не принимавшихъ участія въ возстаніи, но жившихъ на своихъ земляхъ, мелкихъ собственниковъ, бывшихъ рабовъ; самъ называя ихъ въ своихъ прокламаціяхъ pacificos, т.-е. мирными, онъ тѣмъ не менѣе повсюду, гдѣ его войска могли достичь до нихъ, уничтожалъ ихъ посѣвы, ихъ дома, ихъ скотъ и домашнюю птицу, чтобы ничто не могло достаться инсургентамъ, и согналъ ихъ въ узкія кольца вокругъ занятыхъ испанскими гарнизонами укрѣпленныхъ мѣстъ, съ воспрещеніемъ отлучаться за кордоны часовыхъ, и безъ малѣйшей возможности какимъ-либо образомъ добыть себѣ средства къ существованію. Эти скученные насиліемъ въ числѣ нѣсколькихъ сотъ тысячъ, безъ крова и безъ пищи, reconcendrados, какъ онъ ихъ оффиціально окрестилъ, сразу сдѣлались безпомощной жертвой эпидемій и голодной смерти въ ужасающей пропорціи; ихъ безвыходное положеніе, ихъ приговоръ Вейлеромъ, безъ суда, къ голодной смерти, были констатированы много разъ и оффиціальными донесеніями американскихъ и европейскихъ консуловъ своимъ правительствамъ, и безусловно достовѣрными корреспонденціями прессы,

Digitized by Google

а наконецъ многими путешественниками съ оффиціальнымъ положеніемъ и неотразимымъ авторитетомъ. Впрочемъ, и самъ Вейлеръ, несмотря на всю обычную наглость его оффиціальныхъ бюллетеней о положеніи острова и возстанія, никогда не отрицалъ этихъ фактовъ; а его преемникъ съ санкціей мадридскаго правительства вынужденъ былъ въ концѣ концовъ открыто принять помощь благотворительности Сѣверо-американскаго Союза посредствомъ оффиціально имъ утвержденныхъ распорядителей. Хотя свыше 17.000 душъ кормятся въ настоящій моментъ этими распорядителями въ районѣ одной Гаванны, десятки тысячъ женщинъ и дѣтей мёрли и мрутъ ежемѣсячно непосредственно отъ голода; мужчинъ, пытающихся проскользнуть за линію часовыхъ въ поискахъ за пищей, пристрѣливаютъ безъ всякихъ церемоній; за малѣйшее подозрѣніе въ попыткѣ къ побѣгу судятъ полевымъ военнымъ судомъ и разстрѣливаютъ въ 24 часа. Судьба этихъ несчастныхъ pacificos, т.-е. въ сущности индифферентныхъ, невѣжественныхъ земледѣльческихъ рабочихъ, по истинѣ невыносима; по всему острову, въ западной его половинѣ, заключающей въ себѣ свыше $^3/_4$ всѣхъ военныхъ силъ, они скучены по вышеописанному плану: въ восточной—ихъ убиваютъ и жгутъ, съ одной стороны, испанцы, съ другой—инсургенты, за малѣйшее подозрѣніе въ симпатіи или помощи тѣмъ или другимъ. По самымъ достовѣрнымъ, консервативнаго источника, свѣдѣніямъ, свыше двухсотъ тысячъ человѣческихъ жизней уже принесены въ жертву политикѣ „искорененія“ Вейлера—по истинѣ, ничего подобнаго ей еще не было занесено на страницы человѣческой исторіи! А въ то же время, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, за всѣ три года возстанія убитыми и ранеными испанскія войска потеряли менѣе тысячи человѣкъ!

Одновременно съ назначеніемъ Вейлера и опубликованіемъ его системы „искорененія“, началось и возбужденіе общественнаго мнѣнія въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатахъ. До того назначенія, общественное вниманіе было обращено на защиту американскихъ интересовъ и гражданъ на островѣ. Американскій народъ симпатизировалъ Кубѣ въ ея стремленіи завоевать свою независимость, но, помня исторію своей собственной междоусобной распри 1861—1865 гг., не считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться во внутреннія дѣла сосѣда и ограничивался строгимъ наблюденіемъ за своими собственными интересами. Инсургенты, желая подорвать источники испанскихъ доходовъ, запрещали обрабатывать сахаръ и табакъ и вывозить ихъ, препятствовали сбору и сжигали ихъ запасы,—испанскія власти не были въ состояніи оградить плантаціи, и большое число иностранныхъ претензій по этому поводу на громадныя суммы было предъявлено испанскому правительству, клавшему иногда ихъ подъ сукно и отдѣлы-

Digitized by Google

вавшемуся многозначительнымъ молчаніемъ. Вашингтонское правительство было поставлено въ самое неудобное, въ самое щекотливое положеніе. Съ одной стороны, много-милліонныя претензіи его разоренныхъ на Кубѣ гражданъ, съ другой — постоянныя напоминанія Испаніи о снаряжаемыхъ въ портахъ Союза флибустьерскихъ экспедиціяхъ и о снабженіи инсургентовъ оружіемъ и военными снарядами. На Кубѣ почти совсѣмъ нѣтъ фабричной промышленности—да и всѣ ея значительные города находятся въ рукахъ испанцевъ—и потому всякое ружье, всякій патронъ, всякая „машета“ (такъ называется спеціально-кубанское холодное оружіе—прямая сабля), всякая мелочь артиллерійскаго, конскаго и всякаго другого вооруженія, должны быть добыты инсургентами гдѣ-нибудь за границей, причемъ, само собою разумѣется, Соединенные-Штаты являются, главнымъ образомъ и, по всей вѣроятности, даже единственнымъ рынкомъ, благодаря своей близости къ театру войны. Испанское посольство въ Вашингтонѣ всегда содержало цѣлое полчище тайныхъ агентовъ для наблюденія за сношеніями кубанцевъ съ Союзомъ; вмѣстѣ съ началомъ возстанія, шпіонство было удвоено и утроено, и посыпались безконечные доносы и требованія задержки экспедицій и секвестрацій предназначенныхъ Кубѣ военныхъ грузовъ. Если испанцы, всегда зорко слѣдившіе за контрабандой на Кубѣ и содержавшіе тамъ для этой цѣли цѣлую дозорную таможенную флотилію, съ началомъ возстанія усиленную въ нѣсколько разъ военными судами, не въ состояніи были устеречь съ успѣхомъ незначительную, сравнительно, береговую линію острова, то что же могло сдѣлать американское правительство при многихъ тысячахъ миль своего побережья какъ атлантическаго, такъ и Мексиканскаго залива, особенно если принять въ соображеніе смѣлость и находчивость инсургентовъ, для которыхъ снабженіе оружіемъ было вопросомъ жизни и смерти, и всеобщую, повсемѣстную къ нимъ симпатію жителей Союза? Тѣмъ не менѣе, союзныя власти крайне добросовѣстно относились къ требованіямъ международнаго права, учредили строгій, очень дорого стоющій спеціальный надзоръ, и очень часто останавливали и пароходы, и ихъ грузы,—много разъ дѣла этого рода доводились до суда присяжныхъ, но, насколько мнѣ извѣстно, только однажды удалось добиться обвинительнаго приговора. А Испанія упорно связывала и эти какъ-бы „послабленія“ Союза по адресу инсургентовъ съ притязаніями его гражданъ на убытки, и утверждала, что, не будь этого „послабленія“, возстаніе было бы давно подавлено и никакихъ убытковъ бы не было.

Всѣ эти „инциденты“, слѣдовавшіе почти безпрерывно одинъ за другимъ, все болѣе и болѣе раздражали общественное мнѣніе Союза, а когда политика Вейлера стала приводиться въ исполненіе, а газеты стали

Digitized by Google

все болѣе и болѣе наполняться достовѣрными извѣстіями о ея послѣдствіяхъ,—индифферентизмъ и финансовые мотивы начали мало-по-малу уступать мѣсто требованіямъ человѣколюбія и жалости къ угнетенному населенію Кубы. Въ засѣдавшій въ то время конгрессъ (весна 1896 г.) стали вноситься резолюціи то о признаніи инсургентовъ воюющей стороной, то о вмѣшательствѣ,—то о признаніи независимости несчастнаго острова. Дебаты продолжались нѣсколько мѣсяцевъ и вызвали всеобщее негодованіе въ Испаніи, гдѣ городскія толпы и университетская молодежь не разъ нападали на американскія консульства, жгли звѣздный флагъ и волочили его по улицамъ. Къ сожалѣнію, всѣ эти предлагавшіяся и горячо обсуждавшіяся въ конгрессѣ резолюціи возбудили прежде всего довольно сложный конституціонный вопросъ: президентъ Кливелэндъ, и въ особенности его премьеръ, министръ иностранныхъ дѣлъ Ольнэй, упорно стояли за исключительность прерогативы исполнительной власти къ возбужденію всѣхъ подобныхъ международныхъ вопросовъ, отрицали компетентность по нимъ конгресса—власти законодательной, и успѣли-таки не только разъединить силы защитниковъ Кубы въ конгрессѣ, но и отвратить нежелательныя и несвоевременныя, по ихъ мнѣнію, постановленія. Надобно отдать имъ въ этомъ случаѣ справедливость:—судя по заключеніямъ громаднаго большинства лучшихъ нашихъ законовѣдовъ по конституціоннымъ вопросамъ, они были, по всѣмъ видимостямъ, вполнѣ правы въ своихъ притязаніяхъ по этому поводу. Когда же легальная сторона этого конфликта по вопросу о юрисдикціи власти была выяснена, Кливелэндъ, который всегда былъ абсолютнымъ приверженцемъ теоріи невмѣшательства, зная, что, къ тому же, это былъ послѣдній годъ его пребыванія въ Бѣломъ Домѣ, рѣшилъ оставить все дѣло на отвѣтственность своего будущаго въ немъ преемника. Даже въ своемъ послѣднемъ посланіи вновь между тѣмъ собравшемуся въ декабрѣ 1896 г. конгрессу, онъ опять проповѣдовалъ терпѣніе и выжиданіе событій, и, зная, что исполнительная власть будетъ упорно противодѣйствовать всякому начинанію по кубанскому вопросу, конгрессъ презрительно обошелъ молчаніемъ все посланіе, такъ что и самый вопросъ совершенно застылъ во всѣхъ оффиціальныхъ американскихъ сферахъ до перемѣнъ администраціи. Испанія, между тѣмъ, еще лѣтомъ отлично сообразила, въ чемъ дѣло, и въ послѣднюю половину 1896 г. и первые мѣсяцы 1897 г., Вейлеръ былъ окончательно спущенъ, такъ сказать, съ цѣпи и неистовствовалъ самымъ варварскимъ образомъ, совершенно безконтрольно, все еще разсчитывая уничтожить возстаніе жестокостью своихъ мѣръ—до тѣхъ поръ, пока новая администрація въ Союзѣ не выяснитъ своего отношенія къ кубанскому вопросу вообще. Въ декабрѣ былъ заманенъ въ западню и вѣроломно

Digitized by Google

убитъ Мацео,—но и эта смерть только усилила упорство инсургентовъ и ихъ непримиримую ненависть—и въ то же время дала міру самое отвратительное зрѣлище—его убійцы были награждены безъ мѣры, и вся Испанія открыто ликовала, жгла фейерверки и торжествовала надъ свѣжей могилой жертвы ея коварства. Оффиціальныя сообщенія кубанскихъ испанскихъ властей никогда не пользовались чьимъ бы то ни было довѣріемъ—но прокламаціи Вейлера, хвастливыя, лживыя, безусловно завѣдомо недобросовѣстныя, постоянно кричавшія о великихъ побѣдахъ, окончательномъ усмиреніи городовъ и областей, покорности самыхъ извѣстныхъ и популярныхъ вождей возстанія, возстановленіи земледѣлія и торговли, словомъ, полныя самыхъ фантастическихъ, самыхъ наивныхъ вымысловъ,—съ теченіемъ времени стали встрѣчаться откровеннымъ смѣхомъ даже въ самой Гаваннѣ, въ самой интенсивно-лойяльной испанской средѣ. Инсургенты продолжали держаться своей тактики, не разъ опустошали предмѣстья самой Гаванны, отбивали транспорты провіанта и военныхъ снарядовъ, избѣгали рѣшительныхъ сраженій и вели вообще самую успѣшную герильясскую войну, владѣя всей внутренностью острова и даже успѣвая воздѣлывать и убирать урожаи для своего продовольствія.

4-го марта 1897 года сдѣлался президентомъ Макъ-Кинлей. Потребовалось не мало времени, чтобы ознакомиться съ оффиціальнымъ, бумажнымъ, такъ сказать, положеніемъ кубанскаго вопроса;—кромѣ того, онъ счелъ нужнымъ отправить своихъ собственныхъ эмиссаровъ для изслѣдованія дѣйствительнаго положенія дѣла на мѣстѣ, на самомъ островѣ. Уже въ началѣ мая безвыходное положеніе умирающаго съ голоду населенія было выяснено вполнѣ достовѣрно, и послѣдовало его спеціальное посланіе къ конгрессу относительно необходимости немедленнаго ассигнованія суммъ для помощи кубанцамъ; конгрессъ единогласно предоставилъ въ его распоряженіе необходимыя средства. Въ то же время была открыта подписка по всему Союзу;—Общество Краснаго-Креста отправило на островъ нѣсколько отрядовъ, за которыми послѣдовала вскорѣ и глава общества въ Союзѣ—знаменитая миссъ Клара Бартонъ. Организація систематической борьбы съ голодной смертью была начата и продолжалась съ тѣхъ поръ съ свойственными всякому американскому предпріятію упорствомъ и умѣньемъ—были собраны громадныя суммы денегъ и многіе цѣлые пароходные грузы провіанта и одежды. Затѣмъ, въ іюнѣ былъ отправленъ Макъ-Кинлеемъ въ Мадридъ, въ качествѣ спеціальнаго посла, генералъ Вудфордъ, съ цѣлымъ рядомъ требованій, изъ которыхъ главное заключалось въ опредѣленіи срока, въ который умиротвореніе острова должно быть достигнуто, такъ или иначе, и миръ возстановленъ. Между тѣмъ, испанскій премьеръ Кановасъ былъ убитъ; вре-

Digitized by Google

менное консервативное министерство не удержалось, и либералъ Сагаста образовалъ въ сентябрѣ новое правительство, немедленно извѣстившее Вашингтонъ объ отозваніи Вейлера и радикальной перемѣнѣ политики на островѣ. Сагаста требовалъ времени на выработку проекта необходимыхъ реформъ и для приведенія его въ исполненіе. Въ то же время было предложено Союзу вступить въ переговоры о новыхъ тарифныхъ договорахъ и съ Испаніей, и съ островомъ Кубой, уполномоченнымъ которой, будто бы, будутъ предоставлены совершенно самостоятельныя права на заключеніе независимаго отъ испанскаго правительства трактата. Дѣйствительно, Вейлеръ былъ отозванъ, и на его мѣсто отправленъ маршалъ Бланко, человѣкъ съ сравнительно сносной репутаціей среди сонма многочисленныхъ испанскихъ колоніальныхъ „усмирителей“. Въ виду этой перемѣны фронта, американскому правительству невозможно было настаивать на своихъ первоначальныхъ требованіяхъ, вызванныхъ совершенно другими условіями; ему пришлось по неволѣ опять обратиться къ политикѣ выжиданія, чтобы дать Испаніи время привести въ исполненіе свои обѣщанія—на этотъ разъ уже не кубанскому народу, а правительству С.-А. Соединенныхъ-Штатовъ. Только съ огромнымъ трудомъ удалось администраціи Макъ-Кинлея удержать вновь собравшійся въ декабрѣ 1897 г. конгрессъ отъ непріязненныхъ Испаніи запросовъ и резолюцій;—долготерпѣніе американскаго народа истощилось, и онъ пересталъ вѣрить и искренности, и, главное, способности къ осуществленію оффиціальныхъ испанскихъ обѣщаній. Необходимы были удивительная твердость и замѣчательный политическій тактъ, чтобы противустоять въ данномъ случаѣ могучей силѣ общественныхъ теченій въ пользу Кубы. Макъ-Кинлей и его главные совѣтники по этому вопросу—военный министръ Альджэръ и морской Лонгъ—сами были солдатами; они знаютъ по опыту, какая ужасная вещь война, и что она значитъ, а потому не хотятъ ея, и они употребили дѣйствительно нечеловѣческія усилія, чтобы сдержать общее негодованіе и протестъ. Тѣмъ не менѣе, къ сожалѣнію, по всѣмъ видимостямъ, все это оказалось ненужнымъ, и только продолжило страданія Кубы и отдалило окончательное разрѣшеніе давно назрѣвшаго вопроса. Съ одной стороны, Испанія сама раскрыла свои карты, сама оповѣстила свѣту о своей неискренности—уроки прошлаго не пошли ей въ прокъ, и она не смогла отказаться отъ своей традиціонной вѣроломной политики. Съ другой, инсургенты безусловно отказались даже слушать о какихъ бы то ни было обѣщаніяхъ реформъ — они требуютъ абсолютной независимости, рѣшились драться до тѣхъ поръ, пока не добьются ея такъ или иначе, и даже разстрѣляли полевымъ военнымъ судомъ молодого адъютанта маршала Бланко, полковника Рюнца, присланнаго въ ихъ станъ съ разными посулами его вождямъ.

Digitized by Google

Политика Сагасты-Бланко опоздала тремя годами—дѣятельность Кановаса-Вейлера сдѣлала ее совершенно невозможной.

III.

По своемъ пріѣздѣ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, на островъ, маршалу Бланко пришлось сразу встрѣтить самыя многочисленныя и серьезныя препятствія. Испанцы-пришельцы, составляющіе испанское управленіе на островѣ, гражданское и военное, армію и городское торговое сословіе, были крайне недовольны отозваніемъ Вейлера. Теперь уже не подлежитъ сомнѣнію, что между ними даже былъ организованъ обширный заговоръ, чтобы помѣшать осуществленію этой перемѣны силой. Они знаютъ, что инсургенты не пойдутъ ни на какія соглашенія, и что у Испаніи, помимо насилія, не осталось никакой надежды на миръ. Вейлеръ былъ самымъ совершеннымъ олицетвореніемъ насилія, и потому единственнымъ возможнымъ представителемъ успѣха дальнѣйшаго владычества. Имъ нужна Куба—но безъ кубанцевъ, которыхъ необходимо „искоренить", такъ или иначе. Эта разбойничья орда, подкрѣпленная волонтерами, о которыхъ я упоминалъ выше, не вѣритъ въ примиреніе, въ уступки; она боится, что они только отдалятъ и даже могутъ уничтожить возможность успѣха единственнаго ими признаваемаго метода—насилія. Поэтому они встрѣтили Бланко и его инструкціи и проекты не только скрытымъ недоброжелательствомъ, но и часто съ открытымъ презрѣніемъ и ненавистью. Онъ не можетъ на нихъ положиться, не можетъ разсчитывать на ихъ дѣйствительную помощь, а только на строго оффиціальное, вынужденное содѣйствіе. Эти мѣстные дѣльцы, настоящіе „бонапартисты", не принимаютъ въ соображеніе обще-политическихъ затрудненій министерства Сагасты, боясь внутренней революціи или карлистскаго возстанія въ самой Испаніи, опасностей для династіи и монархіи,—они руководствуются только своими непосредственными алчными интересами, и представляя собою громадное большинство незначительнаго, сравнительно, чисто испанскаго населенія Кубы, несомнѣнно парализовали бы принятымъ ими положеніемъ всѣ реформатскія начинанія Сагасты-Бланко, еслибъ они даже и были искренни. Организованный маршаломъ Бланко изъ старожиловъ Кубы автономистскій кабинетъ сразу проявилъ такую рознь, такое безсиліе, такое отсутствіе какого бы то ни было вліянія внѣ крѣпостныхъ стѣнъ самой Гаванны, что даже крайне беззастѣнчивая пресса этого города скоро вынуждена была совершенно замолчать о его дѣятельности. Уже первые три мѣсяца существованія этого мертворожденнаго дѣтища испанской мадридской дипломатіи доказали абсо-

Digitized by Google

лютную нищету какихъ-либо надеждъ на умиротвореніе острова призраками автономіи. А что въ дѣйствительности всѣ эти обѣщанія и попытки съ самаго начала были не чѣмъ инымъ, какъ дипломатическимъ обманомъ, изобрѣтеннымъ для выигрыша времени,—это было неопровержимо доказано письмомъ испанскаго посла въ Вашингтонѣ, Дюпюи де-Лома, перехваченнымъ агентами инсургентовъ въ гаванскомъ почтамтѣ и адресованнымъ сенору Саналихасу, уполномоченному министерства Сагасты для изслѣдованія положенія дѣла въ Вашингтонѣ и на островѣ. Въ этомъ письмѣ, опубликованномъ въ свое время во всѣхъ нашихъ газетахъ, де-Ломъ, оцѣнивая крайне низко и умственныя способности, и мотивы и нравственныя качества президента Макъ-Кинлея, прямо говоритъ о томъ, что единственной надеждой Испаніи на отдаленіе вмѣшательства Союза въ кубанскій вопросъ остается затумариваніе его государственныхъ людей посулами выгодныхъ тарифныхъ соглашеній въ будущемъ, а его общественнаго мнѣнія — мнимыми успѣхами фальшивыхъ, показныхъ реформъ. Ничто лучше не характеризуетъ дѣйствительныхъ намѣреній Испаніи, какъ это письмо, а такъ какъ его подлинности не было ни малѣйшей возможности отрицать (что̀ де-Ломъ, тѣмъ не менѣе, пытался-было сдѣлать въ началѣ), то оно, конечно, съ одной стороны, и вызвало его немедленную отставку даже до предъявленія о томъ требованія вашингтонскаго правительства, съ другой же—открыло окончательно глаза всѣмъ сомнѣвавшимся и все еще вѣрившимъ въ искренность испанскихъ обѣщаній и намѣреній.

IV.

Въ такомъ натянутомъ положеніи находились дѣла въ январѣ текущаго года, когда въ Гаваннѣ произошло нѣсколько серьезныхъ возмущеній, вызванныхъ офицерами арміи и волонтерами, недовольными маршаломъ Бланко и его „мягкой“ системой. Конторы нѣкоторыхъ газетъ, ему сочувствовавшихъ, были разбиты толпой, и жизнь и имущество американскихъ гражданъ оказались въ несомнѣнной опасности. Для доставленія имъ, въ случаѣ необходимости, убѣжища отъ расправы толпы, былъ посланъ въ гавань Гаванны, съ согласія испанскаго правительства, американскій военный броненосный корабль „Мэнъ“. Мѣстныя военныя власти назначили мѣсто его стоянки въ гавани,—а 15-го февраля, въ 10 часовъ вечера, когда вся команда уже спала, корабль этотъ былъ взорванъ, причемъ погибло 2 офицера и 258 нижнихъ чиновъ. Командиръ корабля капитанъ Сигзби и остатки уцѣлѣвшей команды проявили при этомъ удивительное хладнокровіе и самую строгую дисциплину. Всѣ наружные признаки, насколько можно

Digitized by Google

было судить какъ участникамъ катастрофы, такъ и постороннимъ наблюдателямъ, ясно указывали на взрывъ судна снаружи подводной миной или торпедо, а не изнутри, вслѣдствіе неосторожности или несчастнаго случая. На другое же утро телеграфъ разнесъ это ужасное извѣстіе по всему Союзу. Я и до сихъ поръ не могу отдать себѣ отчета, что̀ именно удержало тогда американскій народъ отъ страшнаго взрыва. Я самъ бесѣдовалъ съ десятками людей, дрожавшихъ съ ногъ до головы отъ негодованія и злобы и не могшихъ связно говорить отъ волненія. Только удивительное обычное самообладаніе англо-сакса и безусловная увѣренность въ патріотизмѣ и способности настоящей администраціи—и могутъ служить объясненіемъ. Немедленно была назначена коммиссія изъ командировъ самыхъ большихъ военныхъ судовъ Союза для изслѣдованія дѣла. Въ ея распоряженіе были предоставлены всѣ необходимыя средства—искуснѣйшіе водолазы Америки были посланы на мѣсто со всѣхъ концовъ Союза. Общественное мнѣніе сначала отказывалось вѣрить, чтобы „Мэнъ“ былъ умышленно, измѣнически взорванъ—и народъ, въ особенности правительство, чувствовалъ, что необходимы самыя безспорныя доказательства, прежде чѣмъ можно бы было предъявить противъ Испаніи такое ужасное обвиненіе. Мѣстныя испанскія власти тоже назначили коммиссію для изслѣдованія причинъ взрыва, предсѣдатель которой былъ настолько неосторожень, что заранѣе публично высказался въ пользу того мнѣнія, что „Мэнъ“ погибъ вслѣдствіе внутренняго взрыва одного изъ порюховыхъ магазиновъ. Едва ли можно сомнѣваться, что заключенія двухъ этихъ коммиссій будутъ совершенно противоположны, и что испанское правительство будетъ всячески оспаривать не только участіе своихъ слугъ, хотя и безъ его вѣдома, но и вообще внѣшнюю причину взрыва! Вопросъ объ отвѣтственности за него, за отсутствіемъ, насколько извѣстно, какихъ-либо аналогичныхъ прецедентовъ, и очень сложенъ, и, при настоящемъ настроеніи общественнаго мнѣнія обѣихъ странъ, конечно, крайне опасенъ и можетъ сдѣлать тщетными всѣ усилія дипломатіи къ мирному разрѣшенію всей распри. Невозможно передать словами то возбужденіе, которое затаено и кипитъ во всей странѣ съ того момента, какъ зародились и стали укрѣпляться подозрѣнія, затѣмъ перешедшія въ увѣренность, относительно вѣроломной намѣренности взрыва. Единственными наружными признаками являются, съ одной стороны, тотъ потокъ пожертвованій, который широкой рѣкой льется въ пользу фонда для семействъ погибшихъ, съ другой—масса предложеній со стороны всевозможныхъ организацій и отдѣльныхъ гражданъ встать въ ряды войска въ случаѣ надобности.

Маршалъ Бланко, преслѣдуя воздушный замокъ автономіи, не отмѣ-

Digitized by Google

нилъ, тѣмъ не менѣе, приказовъ Вейлера по поводу pacificos, и несчастные эти, или то, что отъ нихъ осталось, все еще скучены внутри военныхъ кордоновъ и содержатся исключительно на пожертвованія изъ Соединенныхъ-Штатовъ и заботою Общества Краснаго-Креста. На всѣ представленія американскаго правительства по этому поводу до сихъ поръ получались только самые уклончивые отвѣты, а острые инциденты, какъ опубликованіе письма де-Лома и взрывъ „Мэна“, отвлекали одинъ за другимъ наше общественное мнѣніе отъ этого вопроса. А тѣмъ временемъ выяснились какъ безнадежность умиротворенія возстанія обѣщаніями какихъ-либо реформъ, такъ и военнаго покоренія,—испанская армія не можетъ вытѣснить инсургентовъ изъ ихъ горныхъ и лѣсныхъ твердынь и возстановить хотя бы тѣнь управленія во внутренности острова, а инсургенты не могутъ вытѣснить испанцевъ изъ ихъ укрѣпленныхъ портовыхъ городовъ. Такимъ образомъ, возстанію не предвидится конца; въ то же время, принадлежавшіе до сихъ поръ острову рынки для сбыта его произведеній захватываются его конкуррентами, и самое рѣшительное, даже окончательное разореніе грозитъ всему его населенію, и коренному, и иностранному. Плантаціи запущены и зарастаютъ лѣсомъ, рабочій и домашній скотъ уничтожены, постройки выжжены, рабочіе разбѣжались или перемерли. Теперь уже никто, даже гаванская пресса и „вейлериты“, не рѣшаются отрицать всѣхъ этихъ фактовъ. Сотни тысячъ жизней и сотни милліоновъ долларовъ имущества унесены уже испанскимъ упорствомъ,—а „либеральное“ министерство Сагасты все еще и слышать не хочетъ объ единственномъ условіи, на которомъ теперь возможно прекращеніе этой безполезной бойни—условіи очищенія острова испанцами, признанія его независимости и принятія на себя извѣстной части испанскаго государственнаго долга.

Соединенные-Штаты давно ни съ кѣмъ не воевали, и ихъ наличныя военныя силы, конечно, ничтожны даже сравнительно съ испанскими. Но ихъ рессурсы неистощимы, ихъ энергія, изобрѣтательность и умѣнье справляться съ самыми невыгодными условіями—безконечны. Съ момента взрыва „Мэна“ всѣ сразу поняли, что война не только возможна, но и вѣроятна, можетъ-быть даже неотвратима, и всевозможныя военныя приготовленія идутъ на всѣхъ парахъ. Конгрессъ единогласно ассигновалъ пятьдесятъ милліоновъ долларовъ въ распоряженіе президента „на усиленіе средствъ обороны страны“, по его усмотрѣнію; всѣ оружейные и пороховые заводы, всѣ кораблестроительныя верфи работаютъ день и ночь, съ тысячами экстренныхъ рабочихъ; быстрѣйшіе пароходы торговаго флота обращаются въ крейсеры—больше тысячи всевозможныхъ судовъ уже предложены правительству, многіе даромъ; всѣ значительные порты атлантическаго

Digitized by Google

побережья укрѣпляются и вооружаются съ лихорадочною поспѣшностью; организовано нѣсколько новыхъ артиллерійскихъ полковъ; не прошло и мѣсяца, а уже оборонительныя средства страны удесятерены, и она почти готова ко всякой встрѣчѣ. Морскія силы Союза и сильнѣе, и новѣе, и эффективнѣе испанскихъ; кромѣ того, у него нѣтъ такихъ чувствительныхъ, такихъ отдаленныхъ больныхъ мѣстъ какъ Филлипинскіе острова, въ сущности совершенно беззащитные и только ждущіе перваго случая не только отпасть отъ метрополіи, но и причинить ей всевозможный вредъ. Тогда какъ въ случаѣ внѣшней войны Союзъ представитъ собою компактную, совершенно единодушную народную массу въ семьдесятъ-пять милліоновъ, Испаніи едва ли можно разсчитывать выйти изъ нея безъ самыхъ существенныхъ внутреннихъ переворотовъ, всегда грозящихъ разъединить ея силы и энергію. Наконецъ, ея финансы и такъ безнадежно разстроены; ея займы не могутъ быть помѣщены и за 60% своей нарицательной цѣны, и ея многочисленные европейскіе кредиторы вѣроятно не преминутъ подать и свой голосъ. Кредитъ Союза несокрушимъ, и его собственный народъ легко покроетъ всякій заемъ даже на цѣлые милліарды долларовъ. Къ тому же вниманіе Европы обращено на дѣла азіатскаго Востока, и газеты полны извѣстій о предложеніяхъ всякихъ наступательныхъ и оборонительныхъ союзовъ со стороны Англіи и Японіи; несомнѣнно, что пресса первой никогда еще не относилась такъ доброжелательно къ Америкѣ, какъ именно теперь, и нѣкоторые запросы въ англійскомъ парламентѣ, конечно, очень многознаменательны. Но американскій народъ надѣется, что онъ и теперь съумѣетъ выйти изъ сложнаго положенія съ честью и своими собственными силами и средствами, безъ помощи кого бы то ни было, и будетъ въ состояніи удержаться отъ какихъ-либо обязательствъ въ ущербъ своей свободѣ дѣйствія.

П. Тверской.

18 (6) марта 1898 г.—Лосъ-Анжелесъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1898.

Новый фазисъ продовольственнаго вопроса.—Призывъ Общества Краснаго-Креста.—Сравненіе двухъ корреспонденцій.—„Московскія Вѣдомости“ и продовольственный вопросъ.—Пересмотръ продовольственнаго устава.—„Безпечность“ народной массы.—Препятствіе, встрѣченное тульскимъ губ. земствомъ при разработкѣ вопроса о народномъ образованіи.—Post-Scriptum.

Истекшій мѣсяцъ принесъ съ собою давно ожидавшійся, но все не наступавшій поворотъ въ отношеніи къ продовольственному вопросу. Существованіе значительной нужды констатировано оффиціально; вмѣстѣ съ тѣмъ признана „настоятельная, крайняя необходимость своевременной и скорой помощи наиболѣе нуждающимся“. Мы заимствуемъ эти слова изъ объявленія Общества Краснаго-Креста, напечатаннаго въ петербургскихъ газетахъ 1-го апрѣля. И раньше уже въ Общество Краснаго-Креста поступали отъ отдѣльныхъ земскихъ учрежденій, должностныхъ и частныхъ лицъ заявленія и просьбы о помощи пострадавшимъ, и они не были оставляемы безъ вниманія; но къ открытію повсемѣстно сбора пожертвованій и къ *организаціи* помощи въ восьми наиболѣе потерпѣвшихъ губерніяхъ (воронежской, калужской, курской, орловской, рязанской, ставропольской, тамбовской и тульской) Общество Краснаго-Креста приступило въ послѣднихъ числахъ марта, по предложенію г. министра внутреннихъ дѣлъ. Участіе Краснаго-Креста въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожая весьма важно не только потому, что онъ располагаетъ большими матеріальными средствами и цѣлою сѣтью мѣстныхъ органовъ, готовыхъ къ дѣятельности, но и потому, что призывъ Краснаго-Креста не оставляетъ болѣе мѣста для сомнѣній, столь долго державшихъ въ неизвѣстности наше общество и пріостановившихъ активную заботу о голодающихъ. Призывъ Краснаго-Креста—это сигналъ, свидѣтельствующій о началѣ серьезной борьбы и вмѣстѣ съ тѣмъ приглашающій къ ея продолженію, расширенію и углубленію. Вполнѣ „своевременной“, однако, помощь,

Digitized by Google

организуемая въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, названа быть не можетъ; едва ли она окажется и настолько скорой, насколько этого требуютъ условія данной минуты. Несмотря на запоздалость нынѣшней весны, въ половинѣ апрѣля должны были начаться, почти во всѣхъ неурожайныхъ мѣстностяхъ, полевыя работы; трудно предположить, чтобы въ столь короткое время можно было пополнить вездѣ, гдѣ слѣдуетъ, недостатокъ яровыхъ сѣмянъ и предоставить большинству крестьянъ, лишившихся послѣдняго рабочаго скота, возможность обработать яровое поле. Легче осуществимо содѣйствіе прокормленію самаго населенія, которое скоро должно остаться даже безъ скудныхъ продовольственныхъ ссудъ, разрѣшенныхъ только до 1-го мая. И здѣсь, однако, помощь была бы несравненно дѣйствительнѣе, если бы ей было положено начало нѣсколько раньше. Гораздо болѣе значительны, во-первыхъ, были бы средства, собранныя путемъ пожертвованій; гораздо шире, во-вторыхъ, была бы самая организація помощи. Въ нѣсколько дней или недѣль нельзя ни открыть попечительства вездѣ, гдѣ въ нихъ чувствуется потребность, ни снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ для плодотворной дѣятельности.

Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что уже въ іюлѣ мѣсяцѣ предпринимаются первыя земскія изслѣдованія продовольственной нужды, уже въ августѣ созываются первыя экстренныя губернскія земскія собранія; около того же времени, многіе органы печати начинаютъ кампанію въ пользу широкой помощи, оффиціальной и не-оффиціальной, мѣстностямъ, пострадавшимъ отъ неурожая. Параллельно съ этой кампаніей идетъ, въ средѣ печати, другая, направленная къ противоположной цѣли. Нужда признается не особенно большою, не требующею никакихъ особыхъ мѣропріятій; земскіе разсчеты провозглашаются преувеличенными, земскія ходатайства—легкомысленными и неосновательными; выдвигается цѣлый рядъ „словечекъ“—*право на хлѣбъ, существованіе одной части населенія на счетъ другой, содержаніе населенія на государственный счетъ*,—прямо разсчитанныхъ на то, чтобы дискредитировать всякую мысль объ активной поддержкѣ нуждающейся массы. Эта агитація не прекращается даже теперь, даже въ виду призыва Краснаго-Креста, по прежнему прибѣгая то къ умолчанію или извращенію фактовъ, то къ „чтенію въ мысляхъ“. Сравнимъ, для примѣра, двѣ корреспонденціи изъ елецкаго уѣзда (орловской губерніи), появившіяся почти одновременно на двухъ противоположныхъ полюсахъ нашей ежедневной прессы—въ „Русскихъ“ и въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. Елецкій корреспондентъ „Русскихъ Вѣдомостей“ (№ 85), сообщая, что на всю орловскую губернію продовольственная ссуда ассигнована въ размѣрѣ меньшемъ сравнительно съ тѣмъ, въ какомъ она испрашивалась на одинъ елецкій уѣздъ, рисуетъ положеніе уѣзда

Digitized by Google

въ слѣдующемъ видѣ: „съ осени еще происходило массовое избіеніе скота вслѣдствіе недостатка корма. Соломы уродилось мало, а ею приходится и кормить скотъ, и отапливать избы. Предложенія продажи скота были огромны, а цѣны самыя низкія (лошади продавались по 5—4 руб.). Оставшійся у крестьянъ скотъ истощенъ; коровы не стоятъ на ногахъ, лошади обезсилѣли. На кормъ скоту раскрываютъ крыши. По деревнямъ, вмѣстѣ съ распродажей скота и имущества, съ сдачей земли, идетъ усиленная запродажа за безцѣнокъ своего труда на будущія работы весны, лѣта и осени. Изъ деревень приходятъ тревожныя извѣстія о распространяющемся тифѣ". Елецкій корреспондентъ „Московскихъ Вѣдомостей" (№ 91), признавая, что „рабочій скотъ по недостатку и истощенію кормовыхъ продуктовъ за зиму сильно исхудалъ и работать будетъ не скоро", да и самое количество рабочаго скота сократилось на одну треть, а нерабочаго—на половину, старается внушить мысль, что этимъ и ограничивается бѣдствіе. Сокращеніе, вдвое и втрое, земскихъ требованій по части продовольственныхъ ссудъ не нанесло, по увѣренію корреспондента, никакого ущерба продовольственному дѣлу, „такъ что одно изъ сосѣднихъ земствъ, за невозможностью распредѣленія полученной отъ министерства финансовъ ржи, оставило таковую въ елецкомъ элеваторѣ до іюня". Итакъ, рѣчь идетъ о нѣсколькихъ уѣздахъ,—а въ доказательство ихъ благополучія (сравнительнаго) приводится распоряженіе *одного* земства, въ корреспонденціи даже не названнаго! Допустимъ, что въ какомъ-нибудь уѣздѣ ассигнованная ссуда оказалась слишкомъ высокой (и притомъ слишкомъ высокой въ *дѣйствительности*, а не по заключенію уѣздной земской управы; вѣдь и между земствами есть такія,—къ счастію, весьма немногія,—которыя смотрятъ на продовольственное дѣло глазами „Московскихъ Вѣдомостей"). Что же изъ этого слѣдуетъ по отношенію къ другимъ уѣздамъ того же района? Кивая на „сосѣднее" земство, которому некуда, будто бы, дѣвать полученный хлѣбъ, сотрудникъ московской газеты хотѣлъ, очевидно, подорвать вѣру въ бѣдственное положеніе цѣлаго края, но хитрости у него оказалось меньше, чѣмъ усердія, и придуманная имъ уловка похожа на то, что въ юриспруденціи носитъ названіе „покушенія негодными средствами"... „Въ полный контрастъ несчастному 1891 г.",—читаемъ мы въ той же корреспонденціи,—„нынѣ никто *не заработалъ* (курсивъ въ подлинникѣ) отъ продовольственныхъ и сѣменныхъ покупокъ, а потому и много недовольныхъ новою покупною системой; но большое спасибо скажутъ тѣ, кому придется потомъ расплачиваться за полученныя ссуды". И здѣсь умыселъ весьма коварный, но исполненіе—неумѣлое. Единомышленникамъ московской газеты желательно пустить въ обращеніе догадку, что недовольны

Digitized by Google

ходомъ продовольственнаго дѣла, въ настоящую минуту, только тѣ кому не удалось обратить его, по примѣру 1891 г., въ источникъ наживы; но кто же не знаетъ, что злоупотребленія, шесть лѣтъ тому назадъ, были исключеніемъ, а не общимъ правиломъ, и что тогдашнія высокія цѣны на хлѣбъ меньше всего зависѣли отъ неправильныхъ земскихъ покупокъ? И теперь, быть можетъ, есть нѣсколько отдѣльныхъ лицъ, недовольныхъ „новой системой“ по соображеніямъ корыстнаго свойства,—но для громаднаго большинства недостатокъ системы заключается исключительно въ томъ, что она не удовлетворяетъ насущнымъ потребностямъ населенія. Сѣменная ссуда, напримѣръ, составляетъ въ восточной части орловской губерніи, по словамъ корреспондента „Московскихъ Вѣдомостей“, сто тысячъ пудовъ на уѣздъ. Въ елецкомъ уѣздѣ во владѣніи крестьянъ числится болѣе 210 тыс. десятинъ надѣльной пахотной земли. Если считать, что яровыя поля составляютъ около трети всей пашни, и что на одну десятину требуется около 10 пуд. сѣмянъ, то на посѣвъ требуется около 700 тыс. пудовъ, т.-е. ссуда дастъ только одну седьмую часть сѣмянъ, необходимыхъ для посѣва (не говоря уже о землѣ, арендуемой крестьянами)... Что бѣдственное положеніе елецкаго уѣзда не „сочинено“ корреспондентомъ „Русскихъ Вѣдомостей“, это видно изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ о немъ мѣстнымъ отдѣленіемъ Краснаго Креста: „въ елецкомъ уѣздѣ, вслѣдствіе сперва засухъ, а потомъ гессенской мухи, *полный недородъ*... Елецкій уѣздъ—безлѣсный, и полное отсутствіе соломы въ этомъ году бьетъ его двойнымъ ударомъ: нѣтъ ни корма для скота, ни топлива“.

Такихъ прямыхъ попытокъ отрицать бѣдствіе, какая сдѣлана въ елецкой корреспонденціи „Московскихъ Вѣдомостей“, въ реакціонной печати встрѣчается немного; ея обычная тактика — не вдаваться въ детали, молчать о томъ, что дѣлается въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, и сосредоточивать боевыя силы на защитѣ существующей продовольственной системы. Орудіемъ защиты служитъ, прежде всего, заподозриваніе противниковъ. Типичной, въ этомъ отношеніи, является статья „Московскихъ Вѣдомостей“ (№ 97), направленная противъ вольно-экономическаго общества. Оно пришло только къ заключенію, намѣчающему ближайшіе способы помощи населенію и дальнѣйшія мѣры къ предупрежденію зла, такъ часто, въ послѣднее время, разражающагося надъ Россіей. Къ участію въ засѣданіяхъ были приглашены, съ разныхъ концовъ Россіи, предводители дворянства, предсѣдатели и члены земскихъ управъ, гласные земскихъ собраній—и многіе изъ нихъ откликнулись на призывъ, ознакомивъ общество и съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, и съ господствующими взглядами на его причины. Уже въ самомъ фактѣ созыва собранія, разсматривающаго

Digitized by Google

одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ общественной жизни, есть нѣчто непереваримое для газетныхъ сторонниковъ „тиши и глади“, находящихъ, согласно съ прусскимъ администраторомъ Наполеоновской эпохи, что „спокойствіе — первая обязанность гражданина“ (Ruhe ist die erste Bürgerpflicht). Раздраженіе усиливается содержаніемъ предложеній, сдѣланныхъ и отчасти принятыхъ въ собраніи — и ведетъ къ попыткѣ „перевести эти предложенія на иной, болѣе ясный языкъ“. Къ чему сводятся, на страницахъ „Московскихъ Вѣдомостей“, всѣ подобныя попытки—это слишкомъ хорошо извѣстно. Вотъ небольшіе отрывки изъ „переложенія“, произведеннаго и на этотъ разъ по всѣмъ правиламъ искусства: „нѣкоторые желаютъ, чтобы государство приняло на себя кормленіе народныхъ массъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда эти массы будутъ ощущать какую-либо продовольственную нужду. Всякому, если онъ нуждается, будетъ выдаваться безвозвратное пособіе. Государственная казна наша, повидимому, такъ разбогатѣла, что находятся филантропы, которые предлагаютъ немедленно же сложить рѣшительно всѣ и всякія крестьянскія недоимки—пусть-де такъ и знаютъ, что государство только пошутило, назначая съ населенія налоги: налоги эти ему, государству, совершенно не нужны. Предлагается возобновить въ усиленной степени то швырянье сотенъ тысячъ рублей изъ скудныхъ земскихъ источниковъ, какое было такъ недавно, на земскую статистику. Кстати уже проектируется и всесословная волость, а слѣдовательно и несомнѣнное упраздненіе института земскихъ начальниковъ, и наконецъ, pour la bonne bouche, предлагается *нѣчто въ родѣ земскаго собора* для выработки мѣропріятій по улучшенію экономическаго положенія народа. Вотъ къ чему привело обсужденіе одного продовольственнаго вопроса“! Центръ тяжести всей этой тирады лежитъ, безъ сомнѣнія, въ подчеркнутыхъ нами словахъ о земскомъ соборѣ; не даромъ же они повторены въ концѣ статьи („а мы готовы чуть не созывать земскій соборъ“). Умыселъ совершенно ясенъ: усиленно подчеркивается „неблагонамѣренность“ общества, чтобы поколебать этимъ самымъ значеніе всѣхъ его постановленій. И чему же дается видъ ходатайства о земскомъ соборѣ?! Указанію на то, что „при окончательной выработкѣ новаго продовольственнаго устава, для устраненія теоретичности и для болѣе близкаго приспособленія къ жизни, необходимо участіе въ его составленіи выборныхъ представителей самого земства, а наилучшимъ путемъ къ тому былъ бы созывъ съѣзда представителей всѣхъ земствъ и *сельско-хозяйственныхъ обществъ*“: Чтобы усмотрѣть въ *такомъ* съѣздѣ нѣчто похожее на земскій соборъ, нужно обладать или больной фантазіей, или преувеличеннымъ усердіемъ, которому всюду мерещатся „посягательства на основы“... Не лучше

Digitized by Google

и остальныя выходки, приведенныя нами выше. Не дѣлается, во-первыхъ, никакого различія между *постановленіями* общества и *мнѣніями* отдѣльныхъ его членовъ. Читая статью московской газеты, можно подумать, что за немедленное сложеніе *всѣхъ* и *всякихъ* недоимокъ высказалось *общество*, между тѣмъ какъ оно возбудило только ходатайство о *пріостановленіи* принудительнаго взысканія податей въ пострадавшихъ мѣстностяхъ и о болѣе правильной постановкѣ дѣла *разсрочки* недоимокъ по выкупнымъ платежамъ. Не высказывалось общество и за выдачу безвозвратныхъ пособій *всякому* нуждающемуся, а нашло лишь нецѣлесообразнымъ „принципъ кредитованія завѣдомо некредитоспособныхъ элементовъ“... Дѣйствительно, состоявшимся постановленіямъ общества газета придаетъ, во-вторыхъ, такой смыслъ, какого они вовсе не имѣютъ. „Кормленіе народныхъ массъ, ощущающихъ *какую-либо* продовольственную нужду“ — эта формула пускается въ ходъ, очевидно, потому, что въ ней можно усмотрѣть нѣчто похожее на „соціализмъ“; она должна внушить мысль, что, при *какой бы то ни было* продовольственной нуждѣ, обязанность кормить нуждающихся переходитъ на государство. Это — явное извращеніе чужихъ мыслей. Въ продовольственномъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ другомъ, предполагается, само собою, соотвѣтствіе между цѣлями и средствами, между потребностями и способами ихъ удовлетворенія: далеко не *всякая* нужда можетъ и должна вызывать вмѣшательство государства.

„Земскій соборъ“ и „кормленіе народныхъ массъ“ (иначе — „право на хлѣбъ“) — это „страшныя слова“, которыми московская газета пытается заслонить главную причину своего напускного негодованія. „До сихъ поръ“ — читаемъ мы въ той же передовой статьѣ — „продовольственная организація была исключительно дѣломъ взаимопомощи въ средѣ крестьянскаго сословія, такъ что, напримѣръ, помѣстное дворянство не несло рѣшительно никакихъ расходовъ на обезпеченіе народнаго продовольствія; теперь предлагаютъ продовольственные сборы распространить на всѣ предметы земскаго обложенія, т.-е. заставить и помѣщиковъ платить продовольственный сборъ, конечно — рѣшительно никогда не пользуясь продовольственною помощью, такъ какъ нужды собственно въ продовольствіи помѣщики никогда не ощущаютъ; предлагаютъ привлечь къ сбору на обезпеченіе народнаго продовольствія заводчиковъ и фабрикантовъ, хотя также несомнѣнно, что фабричные и заводскіе рабочіе въ обезпеченіи продовольствія никогда не нуждаются“. На самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ не о распространеніи продовольственныхъ сборовъ на всѣ предметы *земскаго* обложенія, а о распространеніи ихъ на всѣ предметы *государственнаго* обложенія, т.-е. о включеніи ихъ въ число

Digitized by Google

государственныхъ расходовъ; но, помимо этой неточности, противное „Московскимъ Вѣдомостямъ“ мнѣніе передано вѣрно—общество дѣйствительно высказалось противъ „принципа сословности въ составленіи и распредѣленіи продовольственныхъ запасовъ“. Но система налоговъ давно уже перестала строиться на началѣ вознагражденія за услуги. Цѣлые классы населенія давно уже участвуютъ въ покрытіи расходовъ, не приносящихъ имъ, *непосредственно*, никакой пользы. Никому не приходитъ въ голову утверждать, что масса народа ничего не должна вносить на содержаніе университетовъ, куда изъ ея среды попадаютъ лишь весьма немногіе, а достаточная часть общества, по аналогичной причинѣ, ничего не должна вносить на содержаніе народныхъ школъ. Никому не приходитъ въ голову утверждать, что расходы на общественное призрѣніе должны упадать всецѣло или почти всецѣло на наименѣе достаточныя группы населенія, доставляющія весь или почти весь контингентъ больницъ, богаделенъ, пріютовъ. Народное образованіе и общественное призрѣніе—это потребности общегосударственныя, въ удовлетвореніи которыхъ должны участвовать, по мѣрѣ средствъ и силъ, всѣ граждане государства. То же самое слѣдуетъ сказать и о народномъ продовольствіи, разъ что забота о немъ становится непосильной для небольшого конгломерата лицъ, связанныхъ единствомъ имущественныхъ интересовъ. Различныя мѣстности имперіи, различныя группы крестьянскаго населенія нуждаются въ продовольственной помощи далеко не одинаково: изъ общаго для имперіи продовольственнаго капитала одне губерніи черпаютъ гораздо больше и гораздо чаще, чѣмъ другія, да и въ предѣлахъ одной и той же губерніи продовольственныя ссуды распредѣляются далеко не равномѣрно. Съ узкой партикуляристической точки зрѣнія, отстаиваемой „Московскими Вѣдомостями“, привлеченіе западныхъ губерній къ покрытію расходовъ, идущихъ на пользу губерній центральныхъ или восточныхъ, зажиточныхъ крестьянъ—къ покрытію расходовъ, идущихъ на пользу бѣднѣйшей части сельскаго населенія, должно быть признано столь же несправедливымъ, какъ и привлеченіе дворянъ или фабрикантовъ къ участію въ продовольственныхъ сборахъ. Исходя изъ того же отправного пункта, слѣдовало бы признать, что центральная Россія не должна участвовать въ расходахъ, вызываемыхъ особеннымъ положеніемъ окраинъ, земледѣльческое населеніе—въ содержаніи фабричной инспекціи, фабричные рабочіе — въ содержаніи министерства земледѣлія, и такъ далѣе до безконечности. Послѣдній этапъ на этомъ пути — самое широкое примѣненіе формулы: chacun pour soi, равносильное распаденію всякаго общественнаго союза. Мы очень хорошо знаемъ, что ничего подобнаго не имѣетъ въ виду и не желаетъ реакціонная печать: мы указываемъ только на логическій

Digitized by Google

выводъ изъ ея предпосылокъ... Возвращенный на свою настоящую почву, вопросъ о народномъ продовольствіи долженъ быть поставленъ такъ: обезпеченіе, въ неурожайную годину, за каждымъ несомнѣнно нуждающимся, извѣстнаго минимума хлѣба составляетъ ли задачу государственной власти, подлежащую исполненію всецѣло или отчасти изъ общегосударственныхъ средствъ? При утвердительномъ отвѣтѣ на этотъ вопросъ не можетъ, очевидно, быть и рѣчи о нераспространеніи продовольственныхъ сборовъ на помѣстное дворянство, на заводчиковъ и фабрикантовъ — или, говоря точнѣе, объ освобожденіи этихъ классовъ отъ участія въ расходахъ на народное продовольствіе. Сохраненіе жизненныхъ силъ народной массы не можетъ считаться дѣломъ одного крестьянскаго сословія, т.-е. дѣломъ самой массы, и безъ того уже выносящей на своихъ плечахъ наибольшую долю податного бремени...

Но никакимъ тенденціознымъ нападеніямъ со стороны „Московскихъ Вѣдомостей“ не удастся исказить истину и заставить другихъ вѣрить тому, чему и сама газета едвали вѣритъ. Общество можно было бы упрекнуть развѣ въ томъ, что оно нѣсколько запоздало; выступивъ на сцену двумя-тремя мѣсяцами раньше, оно смягчило бы, быть можетъ, ту остроту, которой нужда достигла именно въ послѣднее время. Возможно, впрочемъ, и обратное предположеніе: возможно, что въ декабрѣ или январѣ указанія общества прозвучали бы безслѣдно, такъ какъ размѣры бѣдствія въ то время можно было только предвидѣть, но не осязать, и отдѣльнымъ тревожнымъ голосамъ можно было еще противопоставить множество противоположныхъ увѣреній—болѣе или менѣе успокоительнаго свойства... Нужно было, притомъ, приготовить матеріалъ, нужно было выбрать время, удобное для большинства земскихъ дѣятелей (осенью и зимою занятыхъ приготовленіями къ земскимъ собраніямъ и самыми собраніями) —и вотъ почему, по всей вѣроятности, засѣданія общества по продовольственному вопросу не могли состояться раньше половины марта.

Какъ бы то ни было, въ настоящее время наступилъ конецъ равнодушію публики, въ значительной степени зависѣвшему отъ незнакомства съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. На страницахъ газетъ появились сообщенія, болѣе точныя и вполнѣ опредѣленныя. Вотъ что̀ пишетъ, напримѣръ, гр. В. А. Бобринскій, предсѣдатель богородицкой (тульской губ.) уѣздной земской управы, извѣстный своею прежнею энергичною дѣятельностью на пользу голодающихъ: „тифъ, этотъ неизбѣжный спутникъ голода и холода, уже начинаетъ разыгрываться по уѣзду и мѣстами принимаетъ эпидемическій характеръ. Земскія больницы переполнены, масса больныхъ лежитъ въ сырыхъ, нетопленныхъ избахъ, безъ ухода, безъ соотвѣтствующей пищи. Изъ земскаго персонала три сестры-мило-

Digitized by Google

сердія и женщина-врачъ заболѣли тифомъ... О спасеніи коровъ, овецъ и молодого скота мы уже не думаемъ (они остались только у богачей); дай Богъ, чтобы часть рабочихъ лошадей могла выйти въ поле для весеннихъ посѣвовъ"... Подтверждая недостаточность размѣра, въ которомъ выдаются ссуды (по 30 фунт. въ мѣсяцъ на ѣдока, кромѣ мужчинъ рабочаго возраста и дѣтей моложе трехъ лѣтъ), гр. Бобринскій удостовѣряетъ, что заработковъ у населенія нѣтъ, и потому часть хлѣба, выдаваемаго въ ссуду, по необходимости идетъ на пропитаніе взрослыхъ мужчинъ; сколько же приходится, въ среднемъ, на каждаго дѣйствительнаго ѣдока?... По словамъ гр. Бобринскаго, ему и другимъ дѣятелямъ богородицкаго уѣзда трудно было опять просить о помощи такъ скоро послѣ 1892-го года, и они долго напрягали всѣ силы, чтобы справиться собственными средствами; но долгъ, какъ по отношенію къ бѣдствующему населенію, такъ и къ обществу, не позволяетъ имъ дольше молчать, и они обязаны заявить, что положеніе крестьянъ богородицкаго уѣзда по истинѣ удручающее. Понимая и уважая чувство, затруднявшее для гр. Бобринскаго и его сотрудниковъ обращеніе къ общественной помощи, мы все-таки думаемъ, что не слѣдовало ждать такъ долго. Если бы изъ каждаго пострадавшаго уѣзда пришли, около Новаго года, такія вѣсти, какія приходятъ теперь, организація помощи осуществилась бы, быть можетъ, нѣсколькими мѣсяцами раньше и положеніе дѣлъ въ моментъ начала полевыхъ работъ было бы менѣе безотрадно... Къ несчастію, богородицкій уѣздъ не составляетъ исключенія. О голодовкѣ, начавшейся еще въ февралѣ мѣсяцѣ и выражающейся „всевозможными формами заболѣваній", пишутъ въ „Русскія Вѣдомости" изъ острогожскаго уѣзда (воронежской губерніи); аналогичныя свѣденія та же газета получаетъ изъ мценскаго уѣзда (орловской губерніи). Крайняя нужда господствуетъ и въ такихъ мѣстностяхъ, которыя не включены въ сферу дѣйствій Краснаго-Креста — напр., въ кубанской области („Новое Время" № 7940) и въ области Войска-Донского („Недѣля" № 13). Съ газетными сообщеніями совершенно согласуются свѣденія, получаемыя Краснымъ-Крестомъ. Такъ, напримѣръ, въ нижнедѣвицкомъ уѣздѣ (воронежской губерніи) они констатируютъ „лютую" нужду, распространяющуюся между прочимъ, и на дворянъ-однодворцевъ (avis aux „Московскія Вѣдомости"!). Въ тульской губерніи къ наиболѣе бѣдствующимъ уѣздамъ причисляется новосильскій—тотъ самый, для котораго уѣздное земское собраніе, подъ вліяніемъ рѣчей объ *орліяхъ* 1891 г., признало вовсе ненужной продовольственную ссуду! Въ ливенскомъ уѣздѣ (орловской губ.) голодные родители выпроваживаютъ дѣтей въ школы, чтобы дома они не просили хлѣба (а школьныя столовыя еще не открыты!). Суммы, которыя Красный-Крестъ немедленно

Digitized by Google

могъ обратить на помощь голодающимъ, повидимому, не особенно значительны; весь вопросъ въ томъ, въ какой степени онѣ возрастутъ благодаря пожертвованіямъ. Примѣръ 1891—92 гг. свидѣтельствуетъ о томъ, что рядомъ съ оффиціальными учрежденіями остается много мѣста для частныхъ лицъ и частныхъ обществъ, помощь которыхъ, хотя и менѣе значительная по размѣрамъ, оказывается особенно дѣйствительною благодаря своей непосредственности, своей близости къ населенію. Немалыя суммы направляются теперь жертвователями или группами жертвователей прямо къ мѣстнымъ жителямъ, хорошо знакомымъ и съ общимъ положеніемъ дѣлъ, и съ нуждами отдѣльныхъ лицъ, и съ различными формами помощи, выработанными опытомъ прежнихъ неурожайныхъ годовъ.

Менѣе чѣмъ когда-либо, въ виду всего пережитаго въ послѣдніе мѣсяцы, можно сомнѣваться теперь въ настоятельной необходимости новаго продовольственнаго устава. Едва ли основательно, поэтому, газетное сообщеніе, что составленіе этого устава (или разсмотрѣніе составленнаго уже проекта) будетъ поставлено на очередь лишь по окончаніи пересмотра положеній о крестьянахъ. Не отрицая внутренней связи между обѣими работами, мы думаемъ, что вторая изъ нихъ, требующая, по своей обширности и сложности, очень много времени, не должна задерживать первой, гораздо болѣе простой и вмѣстѣ съ тѣмъ гораздо болѣе спѣшной. Не меньше, чѣмъ продовольствіе, зависитъ отъ общей организаціи крестьянскаго дѣла и общественное призрѣніе; тѣмъ не менѣе, послѣднее сдѣлано предметомъ особаго законопроекта, внесеннаго уже или вносимаго на разсмотрѣніе государственнаго совѣта. Этотъ законопроектъ создаетъ, между прочимъ, „участковыя попечительства по призрѣнію“, для исполненія на мѣстахъ законовъ о призрѣніи и для принятія непосредственныхъ мѣръ помощи. Учрежденіе такихъ попечительствъ *предоставляется* земскимъ собраніямъ и городскимъ думамъ, опредѣляющимъ и составъ ихъ, и организацію; дѣятельность попечительствъ ставится подъ наблюденіе и руководство земскихъ и городскихъ управъ. Нѣчто аналогичное могло бы быть установлено, по крайней мѣрѣ въ видѣ временной мѣры, и по отношенію къ народному продовольствію. Продовольственныя попечительства—въ ожиданіи другого, болѣе систематическаго устройства низшей территоріальной единицы—явились бы именно тѣми „органами для живого веденія исполнительной части продовольственныхъ мѣропріятій“, объ отсутствіи которыхъ сожалѣло правительство во время борьбы съ послѣдствіями неурожая 1891 года [1]).

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 7 „Вѣстн. Европы“ за 1892 г., стр. 401.

Digitized by Google

Введенныя въ новый продовольственный уставъ, они сдѣлали бы возможнымъ изданіе его раньше окончанія пересмотра положенія о крестьянахъ. Еслибы послѣдняя работа привела къ созданію мелкой самоуправляющейся единицы, отдѣльныя продовольственныя попечительства сдѣлались бы, быть можетъ, излишними, т.-е. вошли бы, какъ часть, въ составъ общаго волостного или сельскаго управленія; но вѣдь та же участь постигла бы, по всей вѣроятности, и „попечительства по призрѣнію"—а это не мѣшаетъ имъ занимать видное мѣсто въ законопроектѣ объ общественномъ призрѣніи. Вся разница между тѣми и другими попечительствами могла бы быть сведена къ тому, что учрежденіе продовольственныхъ попечительствъ было бы объявлено не факультативнымъ (какъ учрежденіе попечительствъ по призрѣнію), а обязательнымъ. Разрѣшился бы, такимъ образомъ, и вопросъ объ отношеніи продовольственной реформы къ „институту" земскихъ начальниковъ—вопросъ, которымъ такъ сильно озабочены „Московскія Вѣдомости". Конечно, *нормальная* всесословная волость немыслима до тѣхъ поръ, пока остается въ полной силѣ положеніе 12-го іюля 1889 г.; но вполнѣ возможны ея суррогаты, или въ видѣ хозяйственной (т.-е. не административной) всесословной волости, стоящей рядомъ съ крестьянскою (административною) и объединяющей на мѣстахъ всѣ составныя части земскаго хозяйства, или въ видѣ отдѣльныхъ попечительствъ, завѣдующихъ тою или другою отраслью этого хозяйства [1]).

Какъ ни велики неудобства отсрочки на неопредѣленное время пересмотра продовольственнаго устава, они блѣднѣютъ сравнительно съ тѣми, которыя явились бы послѣдствіемъ неудачной продовольственной реформы. Для „Московскихъ Вѣдомостей" вся задача продовольственной организаціи сводится къ принудительному „сбереженію излишковъ продовольствія", т.-е. къ снабженію земледѣльца, во время неурожая, тѣмъ хлѣбомъ, который въ урожайные годы былъ имъ внесенъ въ запасный магазинъ. На вопросъ о томъ, почему такихъ сбереженій не дѣлаетъ само населеніе, московская газета отвѣчаетъ такъ: „да потому, что населеніе или, вѣрнѣе, болѣе или менѣе значительная часть его, а именно часть наиболѣе нуждающаяся въ обезпеченіи продовольствія, *обыкновенно бываетъ безпечна* и въ хорошіе дни не думаетъ о возможности наступленія дурныхъ. Эта безпечность для многихъ была бы роковою, и государство относиться къ этому равнодушно не можетъ; поэтому-то оно и вмѣшивается въ это дѣло и отбираетъ у обывателя въ хорошіе годы излишки продовольствія, чтобы возвратить ему ихъ въ годы неурожайные. Вотъ и вся продовольственная система"! Въ чемъ другомъ, а въ „упрощенности" этому взгляду

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 11 „Вѣстн. Европы" за 1897 г.

Digitized by Google

отказать нельзя. „Безпечность“ играетъ въ немъ ту роль, которая въ аналогичныхъ теоріяхъ отводится обыкновенно—по традиціи, идущей еще отъ временъ крѣпостного права — „лѣности грубаго простонародья“. Предполагается доказаннымъ, что въ магазинъ вносятся „излишки продовольствія“, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ у множества крестьянъ такихъ излишковъ никогда не бываетъ; сдѣлавъ установленный взносъ въ запасный магазинъ, они весьма скоро начинаютъ покупать хлѣбъ на сторонѣ. Игнорируются, дальше, всѣ неудобства, проистекающія изъ магазинной системы. Главное изъ нихъ—это взглядъ крестьянина на хлѣбъ, внесенный имъ въ „магазею“, какъ на свою собственность, на которую только онъ одинъ имѣетъ право. До чего укоренился такой взглядъ и къ чему онъ на практикѣ иногда приводитъ—объ этомъ подробно трактуетъ интересная статья г. К. Тура, напечатанная въ № 98 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Борисоглѣбское (тамбовской губ.) уѣздное земское собраніе, въ послѣдней сессіи своей, постановило возбудить ходатайство о разрѣшеніи земской управѣ выдавать необезпеченной части сельскаго населенія изъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ ссуды и безвозвратныя пособія *безъ приговоровъ сельскихъ обществъ*, „въ виду наблюдавшейся въ 1891 г. тенденціи обществъ раздавать хлѣбъ изъ магазиновъ только засыпавшимъ его, и притомъ безразлично нуждающимся и ненуждающимся“. Такое же отношеніе крестьянъ къ хлѣбозапаснымъ магазинамъ замѣчается и въ старооскольскомъ уѣздѣ (курской губерніи); по выраженію одного изъ гласныхъ отъ крестьянъ, чтобы достигнуть раздачи хлѣба изъ магазиновъ не тѣмъ, кто его засыпалъ, а однимъ нуждающимся, придется *поступать очень серьезно*... Явленіе, указанное г. Туромъ, имѣетъ, повидимому, общій характеръ. Хлѣбозапасные магазины—не новинка, къ которой не успѣло еще привыкнуть населеніе; они существуютъ уже болѣе полувѣка, и если крестьяне до сихъ поръ смотрятъ на нихъ иначе, чѣмъ законъ, то это значитъ, что есть нѣчто ненормальное въ самой системѣ. *Серьезный* образъ дѣйствій, на который намекалъ старооскольскій гласный, не только нежелателенъ, но и трудно примѣнимъ. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что на практикѣ раздача хлѣба изъ магазиновъ производится, сплошь и рядомъ, именно на основаніяхъ, согласныхъ съ воззрѣніемъ народной массы: получаютъ хлѣбъ, если не исключительно, то преимущественно, тѣ, которые считаютъ себя и считаются его собственниками.

Какъ бы удачно ни завершился пересмотръ продовольственнаго устава, результаты новаго порядка обнаружатся еще не скоро; какъ бы широко ни развилась частная и общественная помощь постра-

Digitized by Google

давшимъ отъ неурожая, значительнаго упадка народнаго благосостоянія она не предупредитъ. Неразрѣшеннымъ остается, такимъ образомъ, самый настоятельный, самый жгучій вопросъ: что же дѣлать *теперь*, для возможно бо̀льшаго уменьшенія размѣровъ бѣдствія? Весьма вѣрный отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ статья „Земца“ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 94). Нисколько не умаляя значеніе благотворительности, авторъ совершенно правильно признаетъ, что ей одной не справиться съ задачей, созданной народнымъ бѣдствіемъ. Выдача хлѣба „весьма нуждающимся“, выдача сѣмянъ для засѣва всѣхъ яровыхъ полей, снабженіе крестьянъ рабочимъ скотомъ —„дѣло государственное, а потому и деньги должны быть отпущены на это изъ общегосударственныхъ средствъ“. Для распредѣленія ихъ на мѣстахъ необходимо немедленно создать приходскія попечительства, которыя дѣйствовали бы подъ надзоромъ земскихъ учрежденій. „Ссуды слѣдовало бы выдавать только лицамъ кредитоспособнымъ, а неимущимъ выдавать безвозвратныя пособія, допустивъ для лицъ, занимающихъ срединное положеніе, одновременную выдачу частью—ссуды, частью—безвозвратнаго пособія“. Для выясненія общаго размѣра помощи и для установленія порядка заготовленія хлѣба, сѣмянъ и скота необходимо созвать чрезвычайныя губернскія земскія собранія, предоставивъ распоряженіе ассигнуемыми суммами губернскимъ земствамъ и возложивъ на нихъ отвѣтственность за правильное расходованіе этихъ суммъ. Въ настоящую минуту засѣвъ яровыхъ полей въ неурожайныхъ мѣстностяхъ находится въ полномъ ходу или даже приходитъ къ концу; во всемъ своемъ объемѣ планъ „Земца“ осуществленъ, поэтому, быть не можетъ—но еще не упущено время для поддержки разорившихся или разоряющихся хозяйствъ, особенно необходимой въ виду возможности новаго неурожая.

Когда на очереди стоитъ такой вопросъ, какъ помощь пострадавшимъ отъ неурожая, чрезвычайно нежелательно усложнять его другими, связанными съ нимъ чисто внѣшнею или искусственною связью. Нельзя не пожалѣть, поэтому, что въ нѣкоторыхъ органахъ печати бѣдствующему центру Россіи противополагаются окраины, „сытыя, обогащенныя за счетъ центра, глухія къ его нуждамъ“. Не особенно отзывчиво къ народному бѣдствію было, до самаго послѣдняго времени, и коренное русское общество; упрекать другихъ ему не подобаетъ, а объяснять скудость пожертвованій равнодушіемъ окраинъ—просто смѣшно. Неправильно, дальше, самое пріуроченіе бѣдствія къ одному только центру: оно оффиціально признано въ ставропольской губерніи, а на самомъ дѣлѣ отъ него страдаетъ, въ той или другой степени, и югъ, и востокъ, и даже западъ имперіи. Центръ имѣетъ право на государственную помощь не потому, что

Digitized by Google

онъ центръ, а потому, что онъ нуждается въ помощи, и настолько, насколько онъ въ ней нуждается... Въ такія минуты, какъ переживаемая нами теперь, о племенныхъ различіяхъ не должно быть и рѣчи; апеллировать нужно къ тому, что̀ объединяетъ народъ, а не къ тому, что̀ его раздѣляетъ.

Продовольственный вопросъ, внезапно выдвинувшись на первый планъ, не заставилъ забыть о другихъ, существенно важныхъ народныхъ нуждахъ. Даже въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, земство не перестаетъ заботиться о народномъ образованіи, совершенно правильно связывая съ его распространеніемъ подъемъ матеріальнаго благосостоянія народной массы. Къ числу губернскихъ земствъ, принимающихъ на себя дѣятельную роль въ развитіи начальной школы, присоединилось недавно тульское. Оно пошло не такъ далеко, какъ многія другія, и поставило себѣ задачи гораздо болѣе скромныя. Московское, вятское, тамбовское, харьковское губернскія земства сразу внесли въ свои смѣты крупныя ассигновки на школьное дѣло, съ цѣлью увеличить число начальныхъ школъ и приблизиться къ введенію всеобщаго обученія; тульское земство проектировало только организацію ссудъ на постройку школьныхъ зданій, устройство ежегодныхъ педагогическихъ курсовъ, открытіе учебно-педагогической библіотеки, и возложило все это на особую коммиссію, поручивъ ей составленіе ежегодныхъ отчетовъ о ходѣ и положеніи начальнаго народнаго образованія въ губерніи. Скромности задачъ соотвѣтствовалъ и размѣръ суммы, вновь внесенной въ губернскую смѣту (2.500 рублей). Всѣ эти постановленія собранія были результатомъ работъ земской коммиссіи, продолжавшихся цѣлыхъ два года и не вызывавшихъ никакихъ оффиціальныхъ возраженій. По словамъ бывшаго предсѣдателя коммиссіи, извѣстнаго земскаго дѣятеля Р. А. Писарева, всѣ вѣдомства и учрежденія, вѣдающія дѣло народнаго образованія—епархіальный училищный совѣтъ съ его отдѣленіями, директоръ и инспекторы народныхъ училищъ, уѣздные училищные совѣты и земскія управы — съ одинаковымъ сочувствіемъ относились къ занятіямъ коммиссіи, охотно снабжая ее всѣми необходимыми для нея свѣденіями и матеріалами. Трудно было ожидать, чтобы работа, выполненная при такихъ условіяхъ, могла встрѣтить какое-либо противодѣйствіе со стороны мѣстной администраціи. Нѣкоторыя сомнѣнія по этому предмету возникли лишь тогда, когда докладъ коммиссіи, представленный на цензуру губернатора еще въ половинѣ января, былъ возвращенъ, съ зачеркну-

Digitized by Google

тыми фразами и предложеніями [1]), только въ февралѣ, слишкомъ поздно для разсылки его гласнымъ (губернское собраніе было назначено на 17-ое февраля). Дальнѣйшій ходъ дѣла оживилъ надежды на успѣхъ: возраженій противъ доклада коммиссіи слышалось мало и они не имѣли, бо́льшею частью, принципіальнаго характера. Въ концѣ концовъ главный противникъ коммиссіи, гласный Бодиско, объявилъ, что его убѣдили доводы ея защитниковъ, и предложенія коммиссіи были приняты всѣми голосами противъ одного (чернскаго уѣзднаго предводителя дворянства, г. Сухотина, о которомъ еще недавно шла рѣчь въ одномъ изъ нашихъ обозрѣній). Постановленію собранія суждено, однако, по крайней мѣрѣ въ ближайшемъ будущемъ, остаться неисполненнымъ; оно опротестовано тульскимъ губернаторомъ. Мотивомъ протеста выставлена *незаконность* постановленія „объ учрежденіи коммиссіи изъ 12 губернскихъ гласныхъ, на срокъ ихъ полномочій, объ ассигнованіи въ распоряженіе ея секретаря, на канцелярскіе расходы и на устройство учебно-педагогической библіотеки и музея, 2.500 руб., и о порученіяхъ этой коммиссіи". Нельзя не пожалѣть, что въ протестѣ—или въ томъ изложеніи его, которое приведено въ письмѣ г. Писарева—не указанъ законъ, нарушенный, будто бы, тульскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ. Усматривается ли нарушеніе закона въ самомъ фактѣ образованія коммиссіи? Этого нельзя допустить какъ въ виду ст. 72 Полож. о земск. учрежд., прямо уполномочивающей земское собраніе возлагать предварительное разсмотрѣніе подлежащихъ вѣденію его дѣлъ на особыя коммиссіи изъ гласныхъ, такъ и въ виду состоявшагося недавно опредѣленія Прав. Сената, признавшаго, вопреки мнѣнію тверского губернатора и тверского губернскаго по земскимъ дѣламъ присутствія, что земское собраніе въ правѣ образовать коммиссію *для разработки вопроса о современномъ состояніи народнаго образованія въ губерніи* [2]). Это же опредѣленіе Прав. Сената устраняетъ возможность сомнѣваться въ законности *порученій*, данныхъ тульскимъ губ. земскимъ собраніемъ коммиссіи по народному образованію: всѣ эти порученія истекали изъ пун. 10 ст. 2 Полож. о земск. учрежд., т.-е. входили въ кругъ дѣлъ, подлежащихъ вѣденію земскаго собранія. Или, быть можетъ, незаконнымъ признается избраніе коммиссіи на весь срокъ полномочій составляющихъ ее гласныхъ, т.-е. на

[1]) Письмо г. Писарева, напечатанное въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№ 90), даетъ нѣкоторые образцы цензурныхъ сокращеній, которымъ подвергся докладъ. Зачеркнуты, между прочимъ, слова: „послѣ 1861 г. обновленная русская жизнь"; зачеркнуто предложеніе коммиссіи ходатайствовать о сложеніи съ земства нѣкоторыхъ обязательныхъ расходовъ, много разъ безпрепятственно проходившее въ другихъ земскихъ собраніяхъ и пропущенное самимъ тульскимъ губернаторомъ безъ возраженій въ одномъ изъ докладовъ губернской управы.

[2]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 1 „Вѣстн. Европы" за 1897 г.

Digitized by Google

три года? Но законъ нигдѣ не ограничиваетъ срокъ дѣйствій земскихъ коммиссій однимъ годомъ; онъ требуетъ только, чтобы членами коммиссій были *гласные*, не допуская, этимъ самымъ, дальнѣйшаго пребыванія въ составѣ коммиссіи тѣхъ ея членовъ, которые перестали быть гласными. Отсюда обычай избирать *постоянныя* земскія коммиссіи (т.-е. коммиссіи, образуемыя для подготовки не одного только опредѣленнаго вопроса, а цѣлой группы однородныхъ вопросовъ, уже возникшихъ или могущихъ возникнуть) не болѣе какъ на три года, сообразно съ трехлѣтней продолжительностью полномочій земскихъ гласныхъ. Этотъ максимальный срокъ является, обыкновенно, и минимальнымъ: для пользы дѣла необходимо, чтобы личный составъ подобныхъ коммиссій не измѣнялся слишкомъ часто. Земскіе экономическіе совѣты, земскія санитарныя коммиссіи, земскія дорожныя коммиссіи избираются, сплошь и рядомъ, одновременно съ земскими управами и на одинъ съ ними срокъ [1]) — и это, сколько намъ извѣстно, не вызвало до сихъ поръ никакихъ возраженій со стороны администраціи. Остается еще, наконецъ, одно предположеніе: незаконнымъ признано, быть можетъ, ассигнованіе извѣстной суммы въ распоряженіе *секретаря коммиссіи*. Не имѣя въ рукахъ текста постановленія собранія, мы не знаемъ, что и какъ въ немъ было сказано на счетъ распоряженія ассигнованной суммой. Изъ письма г. Писарева можно вывести заключеніе, что способъ употребленія этой суммы опредѣленъ самимъ собраніемъ, назначившимъ на жалованье секретарю 1.200 руб., на печатаніе трудовъ и отчетовъ 800 руб., на пріобрѣтеніе книгъ и т. п. 500 руб. Допустимъ, однако, что постановленіе было редактировано, въ этомъ отношеніи, не совсѣмъ точно: неужели нельзя было достигнуть его разъясненія, не протестуя противъ него по существу, не останавливая приведеніе его въ дѣйствіе? Вѣдь если даже распоряженіе суммами, ассигнованными на печатаніе трудовъ коммиссіи и на покупку книгъ, и предоставлено собраніемъ секретарю коммиссіи, то это не освобождаетъ послѣдняго отъ контроля самой коммиссіи, губернской управы, ревизіонной коммиссіи, губернскаго земскаго собранія, и не грозитъ ни малѣйшею опасностью правильному веденію земскаго хозяйства и земской отчетности... Въ концѣ концовъ постановленіе губернскаго собранія, вѣроятно, останется въ полной силѣ; если оно даже будетъ отмѣнено губернскимъ по земскимъ дѣламъ присутствіемъ, то иначе, мы въ этомъ убѣждены, отне-

[1]) Точно также избираются обыкновенно и городскія постоянныя коммиссіи, какъ подготовительныя (финансовая, о пользахъ и нуждахъ), такъ и исполнительныя (по народному образованію, больничная, санитарная и др.), съ тою только разницею, что здѣсь срокъ избранія четырехлѣтній, равный сроку полномочія самихъ городскихъ думъ.

Digitized by Google

сется къ дѣлу Прав. Сенатъ; но сколько будетъ понапрасну потеряно времени, какую отсрочку, несмотря на всю свою умѣренность и сдержанность, потерпитъ благое начинаніе тульскаго земства!.. „Контроль губернской правительственной власти надъ дѣятельностью мѣстныхъ общественныхъ органовъ,—такъ заканчивается письмо г. Писарева,—конечно необходимъ, но онъ долженъ носить характеръ строгой законности и не являться проявленіемъ личныхъ, измѣняющихся и различно примѣняющихся взглядовъ облеченнаго властью лица. При отсутствіи этого условія невольно опускаются руки... и только развѣ съ твердою увѣренностью въ непоколебимое значеніе земства можетъ хватить еще стараго запаса силъ, чтобы не сойти съ этого уже многими покинутаго поприща". Печальныя слова,—но, къ несчастью, находящія полнѣйшее оправданіе въ дѣйствительномъ положеніи земскихъ учрежденій.

Post-scriptum.—Наше обозрѣніе было уже закончено, когда мы прочли въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" замѣчательное сообщеніе изъ калужской губерніи, о которой до сихъ поръ почти ничего не говорилось въ печати. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ, по словамъ корреспондента, „продовольственная нужда уже *оффиціально называется голодомъ*. Отсутствіе достаточной и своевременной продовольственной помощи, приближеніе посѣва, полный недостатокъ яровыхъ сѣмянъ поставили крестьянское населеніе нѣкоторыхъ уѣздовъ въ крайне тяжелое положеніе. Чрезвычайное губернское земское собраніе, бывшее въ сентябрѣ прошлаго года, постановило ходатайствовать о ссудѣ изъ имперскаго продовольственнаго капитала одного милліона рублей. Послѣдовавшее затѣмъ въ ноябрѣ совѣщаніе предсѣдателей уѣздныхъ управъ, отвергнувъ выработанную статистическимъ отдѣленіемъ губернской управы минимальную норму продовольственной нужды крестьянскаго населенія въ два слишкомъ милліона руб., опредѣлило размѣръ ссуды на продовольствіе въ 224.000 руб. и на обсѣмененіе полей въ 537.400 руб. На совѣщаніи у губернатора 10 ноября размѣры продовольственной нужды были еще болѣе сжаты: было рѣшено ходатайствовать только о ссудѣ на обсѣмененіе яровыхъ полей въ 300.000 руб. Министерство внутреннихъ дѣлъ нашло возможнымъ открыть кредитъ только въ 150.000 р. Очередное губернское земское собраніе, находя недостаточной ссуду въ такомъ размѣрѣ, постановило просить правительство о дополнительной ссудѣ въ 150.000 руб. Губернаторъ, 21 января, увѣдомилъ губернскую управу, что дополнительная ссуда въ размѣрѣ 150.000 руб. въ принципѣ разрѣшена министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и „просилъ губернскую управу доставить ему какъ подробныя свѣденія о распредѣленіи ассигнованной уже ссуды въ 150.000 р., такъ

Digitized by Google

и болѣе точныя цифровыя и иныя данныя въ пользу необходимости немедленной выдачи полностью просимой ссуды. Къ 21 февраля губ. управою были получены отвѣты отъ трехъ уѣздныхъ управъ: жиздринской, мещовской и лихвинской. Первыя двѣ отвѣтили, что суммы, опредѣленныя для ихъ уѣздовъ совѣщаніемъ у губернатора, составляютъ крайній минимумъ, далеко не отвѣчающій дѣйствительной нуждѣ населенія. Лихвинская управа въ своемъ отвѣтѣ сообщила, что въ управѣ имѣется уже въ настоящее время ходатайствъ сельскихъ обществъ о ссудѣ на сумму до 30.000 руб. и предвидится еще дальнѣйшее ихъ поступленіе. Въ виду такихъ заявленій, губернская управа обратилась къ губернатору съ просьбой о разрѣшеніи выдать вторую половину ссуды. Въ позднѣйшихъ своихъ сообщеніяхъ уѣздныя управы говорятъ о дальнѣйшемъ ростѣ продовольственной нужды. До какихъ размѣровъ она достигла въ жиздринскомъ уѣздѣ, видно изъ слѣдующаго. Земскій начальникъ 1-го участка этого уѣзда, препровождая приговоръ крапивинскаго сельскаго схода о продовольственной ссудѣ, сообщаетъ, что „положеніе крестьянъ с. Крапивны дѣйствительно ужасное, и если не будетъ оказана своевременно помощь, хотя бы и въ малыхъ размѣрахъ, то крестьяне не только разорятся, но, вѣроятно, начнутся смертные случаи отъ голода". 7-го марта, лихвинская управа увѣдомила губернскую о поступленіи ходатайствъ сельскихъ обществъ относительно выдачи ссудъ болѣе чѣмъ на 177.000 руб. Козельская управа сообщила, что по даннымъ, собраннымъ земскими начальниками, для удовлетворенія всѣхъ нуждающихся потребуется по крайней мѣрѣ 200.000 руб.; назначенная сумма въ 40.000 руб. слишкомъ мала, тѣмъ болѣе, что нужда увеличивается. Подъ давленіемъ такихъ сообщеній губернская управа увѣдомила губернатора, что „не можетъ принять на себя отвѣтственности за послѣдствія промедленія въ удовлетвореніи нуждъ населенія въ обсѣмененіи полей, и въ случаѣ поступленія отъ другихъ уѣздовъ требованій на новыя ссуды вынуждена будетъ ходатайствовать о разрѣшеніи на созывъ чрезвычайнаго губернскаго собранія". Наконецъ, губернаторъ, въ виду бѣдственнаго положенія крестьянъ бѣшовской волости, предложилъ губернской управѣ ассигновать въ распоряженіе козельской управы изъ губернскаго продовольственнаго капитала 3.000 руб. на покупку хлѣба. Въ концѣ марта, губернская управа опять обратилась къ губернатору съ просьбой о разрѣшеніи выдать изъ второй половины ассигнованной суммы 54.046 руб.". Эта страница изъ исторіи продовольственной помощи чрезвычайно характеристична... Хорошо, по крайней мѣрѣ, что калужская губернія включена въ число тѣхъ восьми, на которыя распространена попечительная дѣятельность Краснаго-Креста.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1898.

Война между сѣверо-американскими Соединенными-Штатами и Испаніею.—Политика президента Макъ-Кинлея и поведеніе партій въ обѣихъ палатахъ конгресса.—Возможныя послѣдствія войны.—Событія на дальнемъ Востокѣ: занятіе гавани Вей-ха-вей англичанами.—Опять процессъ Золá.

Война между великою сѣверо-американскою республикою и какою-либо изъ европейскихъ державъ казалась еще недавно чѣмъ-то совершенно невѣроятнымъ и фантастическимъ; но событія часто впадаютъ въ противорѣчіе съ самыми очевидными соображеніями здраваго смысла. Первое возбужденіе, вызванное взрывомъ крейсера „Maine" близъ Гаванны, прошло—или по крайней мѣрѣ должно было пройти, насколько оно было направлено противъ Испаніи и испанскаго правительства, — послѣ того какъ американская судебная коммиссія оффиціально признала невозможнымъ установить чью-либо отвѣтственность за случившееся, на основаніи имѣющихся свѣдѣній. Дипломаты, какъ и промышленные дѣятели, были твердо убѣждены, что шумная агитація сторонниковъ войны не имѣетъ серьезной почвы и не повліяетъ на рѣшенія президента Макъ-Кинлея. Въ половинѣ марта нью-іоркскій корреспондентъ лондонскаго „Times" сообщалъ, что „президентъ держитъ въ рукахъ всѣ главныя нити вопроса и пользуется содѣйствіемъ огромнаго большинства республиканской партіи; Кливелэндъ съ своею демократическою группою также поддерживаетъ своего преемника. Между президентомъ и конгрессомъ, или возможнымъ большинствомъ конгресса, происходитъ горячая борьба, какой не запомнятъ американцы. Президентъ старается избѣгнуть войны и освободить Кубу; конгрессъ стремится прежде всего возбудить войну, не заботясь о томъ, можетъ ли быть достигнуто освобожденіе Кубы мирными средствами". Правительство Макъ-Кинлея, по общему мнѣнію, разсчитывало „обезпечить миръ твердостью, справедливостью и надлежащимъ вниманіемъ къ правамъ Кубы, Испаніи и Соединенныхъ-Штатовъ". Такъ какъ внѣшняя политика страны зависитъ исключительно отъ президента, то трудно было сомнѣваться въ мирномъ исходѣ кризиса. Только одна оговорка въ газетныхъ сообщеніяхъ изъ Вашингтона и Нью-Іорка предвѣщала опасность: на случай, еслибы не могло состояться соглашеніе, президентъ предполагалъ передать всю дипломатическую переписку конгрессу и предо-

Digitized by Google

ставить послѣднему опредѣленіе того пути, котораго слѣдуетъ держаться въ возникшемъ конфликтѣ. Настроеніе конгресса было извѣстно заранѣе; воинственная пресса настойчиво требовала немедленныхъ рѣшительныхъ мѣръ и рѣзко возставала противъ „позорнаго мира", къ которому будто бы склонялся президентъ Макъ-Кинлей. Такое негодованіе по поводу мирнаго оборота, принятаго событіями, высказывалось не только въ уличныхъ листкахъ, но и въ средѣ вліятельныхъ политическихъ дѣльцовъ и публицистовъ, заинтересованныхъ въ возбужденіи войны. Съ разныхъ сторонъ посыпались нападки на президента; всякій сенаторъ или депутатъ, озабоченный предстоящими осенью выборами, считалъ своимъ долгомъ громко заявлять свои патріотическія чувства и осуждать миролюбіе Макъ-Кинлея, съ цѣлью пріобрѣтенія дешевой популярности. Наконецъ, произошло то, чего никакъ нельзя было ожидать отъ президента, воплощавшаго собою интересы мирной промышленности и торговли и обязаннаго своимъ возвышеніемъ покровительственному тарифу: Макъ-Кинлей отказался отъ собственной политики и выпустилъ изъ рукъ вопросъ первостепенной важности, за рѣшеніе котораго въ ту или другую сторону онъ одинъ долженъ былъ нести отвѣтственность передъ страною и исторіею.

Надо замѣтить, что испанское правительство съ своей стороны пыталось предупредить столкновеніе прямыми и косвенными уступками, болѣе или менѣе существенными; оно обѣщало пріостановить военныя дѣйствія на островѣ Кубѣ и созвать кубанскій парламентъ для выработки условій прочнаго и „почетнаго" мира. Заявленія Испаніи разсматривались въ двухъ засѣданіяхъ кабинета въ Вашингтонѣ, но не привели ни къ чему; партія войны заволновалась въ конгрессѣ и употребляла всевозможныя усилія, чтобы заставить палаты дѣйствовать до полученія президентскаго посланія. Великія европейскія державы обратились къ президенту Макъ-Кинлею съ нотою, въ которой выражали надежду на мирное улаженіе кризиса и ссылались на чувства человѣчности и умѣренности, присущія американскому народу. Президентъ, въ своемъ отвѣтѣ, сообщилъ, что „правительство Соединенныхъ-Штатовъ раздѣляетъ надежду державъ", но что оно считаетъ невыносимою для себя дальнѣйшую неопредѣленность положенія, съ которымъ и старается поэтому покончить. Мирная развязка становилась все болѣе сомнительною. Испанія сдѣлала еще одинъ важный примирительный шагъ: ея посланникъ въ Вашингтонѣ, Паоло де Барнабе, вручилъ американскому правительству, 10-го апрѣля (нов. ст.), документъ, извѣщающій Соединенные-Штаты о пріостановкѣ военныхъ дѣйствій противъ инсургентовъ на островѣ Кубѣ, безъ всякихъ условій или ограниченій; въ документѣ заявлено также, что Испанія предо-

Digitized by Google

ставила Кубѣ либеральныя автономныя учрежденія, которыя должны быть окончательно выработаны и развиты будущимъ кубанскимъ парламентомъ; затѣмъ повторяется предложеніе передать вопросъ о взрывѣ крейсера „Maine“ на разсмотрѣніе экспертовъ, назначенныхъ главными морскими державами. На другой же день, 11-го апрѣля, обнародована была въ Гаваннѣ прокламація генерала Бланко слѣдующаго содержанія: „Правительство ея величества, уступая желаніямъ, неоднократно выраженнымъ папою и посланниками шести великихъ державъ Европы, рѣшилось, съ цѣлью подготовить и облегчить возстановленіе мира на островѣ, пріостановить военныя дѣйствія и уполномочило меня привести эту мѣру въ исполненіе и сдѣлать надлежащія по этому поводу распоряженія. Вслѣдствіе того, прекращаются военныя дѣйствія на всемъ пространствѣ острова, въ каждой мѣстности, по полученіи настоящей прокламаціи. Подробности исполненія этой прокламаціи и продолжительность перемирія будутъ установлены спеціальными инструкціями командующимъ генераламъ“.

Между тѣмъ, въ тотъ же день, 11-го апрѣля, было доставлено конгрессу давно ожидаемое посланіе президента Макъ-Кинлея, написанное въ воинственномъ тонѣ и едва упоминающее о примирительныхъ мѣрахъ и предложеніяхъ Испаніи. Изложивъ вкратцѣ послѣдовательный ходъ возстанія, президентъ указываетъ на тяжелые матеріальные убытки, причиненные американской торговлѣ, и на жестокую, варварскую военную практику, оскорблявшую человѣческія чувства американской націи; онъ говоритъ, далѣе, что цѣль, ради которой упорно борются испанцы, не можетъ быть достигнута, и что „во имя гуманности и цивилизаціи, во имя задѣтыхъ американскихъ интересовъ, война на Кубѣ должна прекратиться“. По разнымъ причинамъ было бы, по его мнѣнію, неблагоразумно и нецѣлесообразно провозглашать теперь независимость такъ называемой кубанской республики. Остается лишь альтернатива вмѣшательства для окончанія войны, или въ качествѣ нейтральной державы, путемъ понужденія обѣихъ спорящихъ сторонъ къ принятію разумнаго компромисса, или въ качествѣ активнаго союзника одной изъ сторонъ. „Насильственное вмѣшательство Соединенныхъ-Штатовъ, какъ нейтральной державы, для прекращенія войны, оправдывается раціональными основаніями,—побужденіями человѣчности, правомъ и обязанностью защиты американскихъ гражданъ на Кубѣ, вредными послѣдствіями хроническихъ неурядицъ на островѣ для американской торговли и промышленности и тѣмъ обстоятельствомъ, что настоящее положеніе Кубы является постоянною угрозою для мира и спокойствія Соединенныхъ-Штатовъ и возлагаетъ на правительство огромныя издержки“. Поэтому президентъ предлагаетъ конгрессу уполномочить его „принять мѣры, способныя обезпечить пол-

Digitized by Google

ное и окончательное прекращеніе непріязненныхъ дѣйствій на островѣ и установленіе тамъ прочнаго правительства", и предоставить ему, Макъ-Кинлею, употреблять военныя и морскія силы Соединенныхъ-Штатовъ, насколько это окажется необходимымъ для достиженія предположеннаго результата. „Исходъ теперь зависитъ отъ конгресса,— прибавляетъ президентъ:—правительство исчерпало всѣ способы, чтобы облегчить невыносимое положеніе дѣлъ, и ожидаетъ дѣйствія конгресса". Въ заключеніе, коснувшись декрета испанскаго правительства о перемиріи, Макъ-Кинлей оговаривается, что этотъ фактъ сообщенъ ему уже послѣ составленія посланія; президентъ увѣренъ, что упомянутое извѣщеніе будетъ принято во вниманіе конгрессомъ, и если означенная мѣра увѣнчается успѣхомъ, то „стремленія Соединенныхъ-Штатовъ, какъ христіанской, миролюбивой державы, осуществятся".

Президентское посланіе было передано въ комитетъ иностранныхъ дѣлъ обѣихъ палатъ. Въ среду, 13-го числа, комитеты представили палатамъ свои заключенія. Комитетъ палаты представителей ограничился предложеніемъ уполномочить президента вмѣшаться въ кубанскія дѣла для возстановленія мира на островѣ, при помощи сухопутныхъ и морскихъ силъ Соединенныхъ-Штатовъ; меньшинство членовъ комитета требовало, сверхъ того, признанія независимости кубанской республики. Послѣ шумныхъ и горячихъ преній, доходившихъ подчасъ до рукопашной схватки, заключенія меньшинства были отвергнуты 191 голосомъ противъ 150, и подавляющее большинство собранія согласилось затѣмъ съ комитетскимъ большинствомъ. Сенатскій комитетъ съ своей стороны высказалъ, что населеніе Кубы должно быть свободно и независимо, что Испанія должна отказаться отъ владычества на островѣ и удалить отъ Кубы свои сухопутныя и морскія силы, и что слѣдуетъ предоставить президенту пользоваться всѣми военными силами и средствами Соединенныхъ-Штатовъ, чтобы привести эти рѣшенія въ дѣйствіе. Въ особомъ докладѣ комитета подробно излагаются мотивы, побуждающіе въ данномъ случаѣ держаться политики вмѣшательства, причемъ дѣлается ссылка на поведеніе европейскихъ державъ относительно Турціи; испанскому правительству приписывается также прямая отвѣтственность за взрывъ крейсера „Maine". Меньшинство сенатскаго комитета присоединило еще требованіе объ оффиціальномъ признаніи кубанской республики. Сенатъ не сразу разрѣшилъ спорный вопросъ, а посвятилъ ему три засѣданія, окончившіяся конфликтомъ съ палатою представителей. Сенатъ принялъ поправку, касающуюся кубанской республики, и утвердилъ, большинствомъ 67 противъ 21 голоса, измѣненныя такимъ образомъ заключенія комитета, съ дополнительною статьею, отвергающею

Digitized by Google

намѣреніе Соединенныхъ-Штатовъ присвоить себѣ верховную власть или юрисдикцію надъ Кубою внѣ задачи умиротворенія. Палата представителей, въ засѣданіи 18-го апрѣля, рѣшительно устранила мысль о признаніи кубанской республики, но въ остальномъ одобрила резолюцію, совпадающую съ сенатскимъ текстомъ; заключенія палаты, немедленно посланныя сенату, были имъ однако отклонены, и сенатъ не соглашался также потребовать совмѣстной конференціи обоихъ комитетовъ съ цѣлью достигнуть соглашенія. Палата представителей вновь подтвердила свою поправку и предложила обсудить дѣло въ соединенномъ засѣданіи комитетовъ; тогда сенатъ уступилъ, и комитеты въ тотъ же вечеръ собрались на совѣщаніе. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ и неоднократныхъ перерывовъ, состоялось, наконецъ, соглашеніе, подтвержденное обѣими палатами въ Вашингтонѣ утромъ 19-го апрѣля. Изъ сенатской резолюціи были окончательно вычеркнуты слова о кубанской республикѣ, а остальное принято большинствомъ 310 голосовъ противъ шести въ палатѣ представителей, и 42 голосами противъ 35—въ сенатѣ. Сущность этихъ заключеній сводится къ тому, что народъ Кубы долженъ быть свободенъ, что президентъ долженъ потребовать отъ Испаніи прямого отказа отъ власти надъ Кубою и полнаго очищенія острова и окружающихъ его водъ отъ испанскихъ военныхъ силъ, и что для этой цѣли должны быть употреблены всѣ сухопутныя и морскія силы Соединенныхъ-Штатовъ. Въ среду, 20-го апрѣля, президентъ Макъ-Кинлей подписалъ соединенныя резолюціи конгресса и отправилъ въ Мадридъ посланнику, генералу Вудворду, депешу съ ультиматумомъ для немедленной передачи испанскому правительству; копія депеши была вручена представителю Испаніи въ Вашингтонѣ, Паоло де Барнабе, который тотчасъ же заявилъ, что содержаніе и характеръ сообщенія заставляютъ его покинуть свой постъ. Ультиматумъ давалъ Испаніи трехдневный срокъ для отвѣта—до субботы 23 числа. Требованія, предъявленныя въ подобной формѣ, означали войну, и съ 21-го (9-го) апрѣля война уже оффиціально существовала между Соединенными-Штатами и Испаніею.

Война съ Испаніею рѣшена и объявлена Соединенными-Штатами съ цѣлью прекращенія войны на островѣ Кубѣ, и притомъ съ необыкновенною поспѣшностью, въ тотъ именно моментъ, когда эта послѣдняя война, длившаяся цѣлые годы, уже фактически пріостановлена, уступивъ мѣсто серьезнымъ попыткамъ мирнаго соглашенія. Торопливая воинственность американскаго конгресса и президента Макъ-Кинлея не вызывалась никакими обстоятельствами и не можетъ быть оправдана никакими доводами разсудка. Американцы не вступали въ защиту гуманности, когда на Кубѣ свирѣпствовалъ генералъ

Digitized by Google

Вейлеръ, опустошавшій островъ своими варварскими распоряженіями, сгонявшій десятки тысячъ мирныхъ жителей въ немногіе центры подъ предлогомъ сосредоточенія, обрекая ихъ на нужду и голодъ и сознательно вносившій повсюду разореніе, чтобы лишить инсургентовъ возможности добывать какіе-либо жизненные припасы;—американцы тогда бездѣйствовали, хотя имѣли бы нравственное право и обязанность вмѣшаться во имя человѣчности и разумной національной политики. Тогда весь культурный міръ былъ бы на сторонѣ американцевъ, еслибы они категорически потребовали отъ Испаніи прекращенія легальныхъ злодѣйствъ на островѣ Кубѣ, и Соединенные-Штаты могли одержать крупную нравственную и политическую побѣду безъ войны. Генералъ Вейлеръ давно отозванъ, и система его осуждена самими испанцами; мадридское правительство рѣшилось предоставить Кубѣ автономію задолго до послѣдняго конфликта и возвѣстило объ этомъ независимо отъ американскаго вмѣшательства, такъ что Соединенные-Штаты имѣли теперь полную возможность добиться прочнаго умиротворенія острова при помощи цѣлесообразныхъ дипломатическихъ мѣръ, безъ ущерба для интересовъ общаго мира. Вмѣсто обычныхъ дипломатическихъ мѣръ и усилій были внезапно пущены въ ходъ военныя угрозы, для которыхъ придумывались запоздалыя и неправдоподобныя объясненія. Политика и дипломатія отсутствовали въ этомъ неожиданномъ взрывѣ фальшивыхъ воинственно-патріотическихъ чувствъ, которымъ не съумѣлъ противостоять отвѣтственный правитель великой американской республики, президентъ Макъ-Кинлей. Страсти разгорѣлись въ конгрессѣ и въ журналистикѣ при участіи дѣльцовъ извѣстнаго типа; но каково бы ни было настроеніе политическихъ партій и кружковъ, оно не обязывало президента съ буквальною точностью исполнять то, что предлагалось ему обѣими палатами. Отъ президента зависѣло сдѣлать тѣ или другіе практическіе выводы изъ рѣшеній конгресса; онъ могъ стремиться къ указанной ему цѣли безъ преувеличенной поспѣшности, безъ нарушенія правилъ международной вѣжливости, безъ суровыхъ ультиматумовъ, закрывающихъ путь къ мирнымъ уступкамъ и компромиссамъ. Въ резолюціяхъ конгресса не упоминалось ни о формѣ требованій, съ которыми предстояло обратиться къ Испаніи, ни объ ультиматумѣ, ни о назначеніи трехдневнаго срока для отвѣта мадридскаго правительства;—все это было уже вполнѣ дѣломъ президента. Въ его посланіи конгрессу бросается въ глаза одна странная подробность: Макъ-Кинлей заявляетъ, что посланіе было уже написано, когда получена отъ Испаніи нота съ извѣщеніемъ о перемиріи на островѣ Кубѣ и о созывѣ кубанскаго парламента, и на этомъ основаніи онъ не входитъ въ разсмотрѣніе сообщенныхъ ему новыхъ фактовъ, предоставляя обсудить ихъ конгрессу.

Digitized by Google

Почему нельзя было передѣлать воинственный текстъ не отправленнаго еще посланія, въ виду важныхъ примирительныхъ заявленій, полученныхъ отъ Испаніи,—понять невозможно. Когда дѣло идетъ о первостепенныхъ политическихъ интересахъ, о мирѣ или войнѣ, то какое значеніе могъ имѣть моментъ написанія не отосланной еще бумаги, сравнительно съ фактами, способными измѣнить самый смыслъ и характеръ событій, о которыхъ говорится въ этой бумагѣ? Ради правильнаго освѣщенія вопроса о мирѣ или войнѣ, можно было не останавливаться передъ неудобствомъ передѣлки приготовленнаго уже посланія, противорѣчащаго обстоятельствамъ. Президентъ оставилъ безъ разсмотрѣнія существенныя испанскія уступки и сохранилъ воинственный тонъ своего посланія; конгрессъ въ свою очередь вполнѣ игнорировалъ эти уступки и всецѣло проникся тѣмъ же воинственнымъ тономъ,—и въ результатѣ разразилась война, благодаря тому, что Макъ-Кинлей счелъ лишнимъ измѣнить содержаніе приготовленнаго документа или отложить отсылку его на нѣсколько часовъ.

Мелкія и неясныя еще для европейцевъ закулисныя причины вовлекли Соединенные-Штаты въ эту войну, вопреки всѣмъ политическимъ традиціямъ американской націи. Идея третейскаго суда для разрѣшенія международныхъ споровъ нигдѣ не имѣла такихъ горячихъ и убѣжденныхъ защитниковъ, какъ въ Америкѣ; можно сказать, что первая крупная попытка осуществить эту идею принадлежитъ американцамъ, благодаря ихъ настойчивости въ извѣстномъ дѣлѣ о крейсерѣ „Алабама", снаряженномъ въ Англіи для южныхъ штатовъ во время междоусобной войны. Англо-американская распря, едва не приведшая къ разрыву, окончена была третейскимъ разбирательствомъ, въ силу конвенціи, подписанной въ 1871 году въ Вашингтонѣ; третейскій трибуналъ, засѣдавшій въ Женевѣ, присудилъ съ Англіи 15 милліоновъ долларовъ въ пользу Соединенныхъ-Штатовъ, въ видѣ вознагражденія за убытки, причиненные „Алабамою" американцамъ. Съ тѣхъ поръ мысль о замѣнѣ войны третейскимъ судомъ пріобрѣла большую популярность и получила какъ будто практическую почву; различные парламенты, начиная съ англійской палаты общинъ, высказывались за широкое примѣненіе „арбитража" въ международныхъ спорахъ, и впереди этого движенія стояли американскіе публицисты и политическіе дѣятели, на ряду съ нѣкоторыми англійскими идеалистами, въ родѣ сэра Генри Ричарда. Какъ далеко ушли мы отъ этихъ мечтаній семидесятыхъ годовъ! Въ настоящее время мы видимъ, что правительство и конгрессъ Соединенныхъ-Штатовъ даже не отвѣчаютъ на предложеніе Испаніи разобрать третейскимъ судомъ спорный вопросъ о причинахъ взрыва американскаго крейсера близъ Гаванны, а заранѣе признаютъ рѣшеннымъ, что ви-

Digitized by Google

новата Испанія и что ей слѣдуетъ объявить за это войну. Если,—какъ можно предполагать,—американцы просто пожелали воспользоваться благовиднымъ предлогомъ, чтобы прямо или косвенно захватить въ свои руки Кубу, то они выбрали неудачный для этого моментъ и придумали неподходящіе мотивы; истинныя побужденія слишкомъ рѣзко выступаютъ наружу во всей этой мало привлекательной лихорадочной кампаніи, и никто не повѣритъ напыщеннымъ фразамъ, наполняющимъ теперь американскія газеты. Американцы какъ будто боялись, что добыча ускользнетъ отъ нихъ, когда проекты кубанской автономіи и созыва кубанскаго парламента побудятъ инсургентовъ согласиться на сдѣлку съ Испаніею; по крайней мѣрѣ, ничѣмъ другимъ, кромѣ этой боязни, нельзя объяснить торопливость американскихъ рѣшеній и дѣйствій въ данномъ случаѣ, послѣ многолѣтняго пассивнаго нейтралитета. Воинственные инстинкты и порывы, прикрываемые патріотизмомъ, вездѣ одинаковы; пустые возгласы честолюбцевъ, политикановъ и аферистовъ легко создаютъ извѣстное настроеніе, противъ котораго безсильны лучшіе умы и истинные патріоты. Американцы, очевидно, не отличаются въ этомъ отношеніи отъ другихъ народовъ, при всемъ различіи своихъ политическихъ порядковъ отъ европейскихъ; и они способны легкомысленно увлекаться перспективою завоеваній и побѣдъ; и они поддаются господству смѣлыхъ глашатаевъ неодолимаго патріотическаго чувства, запрещающаго будто бы возражать противъ соблазновъ воинственной политики. Макъ-Кинлей, миролюбивый по натурѣ и по убѣжденіямъ, оказывается вдругъ оффиціальнымъ виновникомъ войны, о которой онъ, конечно, и не думалъ при избраніи своемъ на постъ президента; онъ не вышелъ въ отставку и не рѣшился возстать противъ ложнаго общественнаго мнѣнія, завладѣвшаго конгрессомъ,—руководствуясь, быть можетъ, многими авторитетными примѣрами изъ новой европейской исторіи. Даже такой знаменитый дипломатъ, какъ князь А. М. Горчаковъ, принималъ оффиціальное участіе въ подготовкѣ и объявленіи войны, которая, по позднѣйшему компетентному свидѣтельству, представляла собою ниспроверженіе всей его политической системы. Но американскіе Соединенные-Штаты были до сихъ поръ свободны отъ военныхъ увлеченій и не обнаруживали склонности къ предпріимчивой внѣшней политикѣ; и первый опытъ ихъ въ этомъ родѣ тѣмъ болѣе поразителенъ, что и въ старой Европѣ вышли уже изъ моды внезапныя войны между культурными державами. Американцы поступили по образцу европейцевъ прежнихъ поколѣній, а не современныхъ; въ наше время едва ли какая-либо изъ великихъ европейскихъ націй предприняла бы войну съ такою безпринципною

Digitized by Google

легкостью, какъ это сдѣлало правительство Соединенныхъ-Штатовъ по отношенію къ Испаніи.

Огромное превосходство силъ и средствъ далеко еще не обезпечиваетъ за американцами успѣха въ предпринятой войнѣ. Насколько дѣло касается Кубы, то судьба острова зависитъ прежде всего отъ самихъ кубанцевъ, которые могутъ отнестись недоброжелательно или даже враждебно къ американскому вмѣшательству; а противъ воли туземцевъ, опытныхъ въ партизанской борьбѣ, ничего не въ состояніи сдѣлать иноземная власть, опирающаяся на броненосныя эскадры. Разсчеты на завоеваніе или фактическое занятіе острова должны по необходимости потерпѣть неудачу. Серьезныя военныя дѣйствія на Кубѣ были бы возможны для американцевъ только при содѣйствіи и полномъ сочувствіи инсургентовъ, а это содѣйствіе и сочувствіе подлежатъ большому сомнѣнію. Испанскія войска, расположенныя на островѣ, могутъ пострадать лишь косвенно, вслѣдствіе затрудненій въ подвозѣ необходимыхъ запасовъ изъ метрополіи; но вытѣснить эту армію или заставить ее сдаться на капитуляцію чрезвычайно мудрено, тѣмъ болѣе, что дѣйствительная блокада всего побережья Кубы едва ли осуществима на практикѣ. Испанскій военный флотъ, разумѣется, несравненно слабѣе американскаго; но морская война сама по себѣ опасна не столько для военныхъ флотовъ, сколько для торговаго судоходства и для всей вообще частной промышленности заинтересованныхъ націй. Чѣмъ богаче страна и чѣмъ обширнѣе ея морская торговля, тѣмъ разорительнѣе для нея прекращеніе безопасности на моряхъ, хотя бы война велась съ гораздо слабѣйшею державою. Коммерческіе корабли и частное имущество гражданъ непріятельской страны доступны свободному захвату въ открытомъ морѣ, такъ какъ въ морской войнѣ вообще не признается и не соблюдается принципъ неприкосновенности частной собственности; право захвата принадлежитъ всякому военному судну противника, и нѣтъ ничего легче, какъ увеличивать число этихъ судовъ-захватчиковъ формальнымъ превращеніемъ торговыхъ кораблей въ военные, подъ неопредѣленнымъ именемъ крейсеровъ. Суда нейтральныхъ націй подвергаются также остановкамъ и осмотрамъ для удостовѣренія того, что не везутъ военной контрабанды, и весь ходъ международныхъ морскихъ сношеній подвергается сильнѣйшимъ замѣшательствамъ при одной мысли о крейсерахъ, дѣйствующихъ гдѣ-нибудь въ открытомъ морѣ. Въ этомъ отношеніи матеріальные интересы Соединенныхъ-Штатовъ пострадаютъ весьма чувствительно, и трудно понять, чѣмъ могутъ быть искуплены эти неисчислимыя потери. До самой Испаніи американцы не доберутся, Кубу тоже едва ли займутъ и получатъ, а пока будутъ нести на себѣ тяжелыя послѣдствія морской войны безъ опредѣленной цѣли

Digitized by Google

и смысла, въ ущербъ всѣмъ вообще торгово-промышленнымъ странамъ. Подобное положеніе долго продолжаться не можетъ, и каковы бы ни были его политическіе результаты для самихъ американцевъ, оно во всякомъ случаѣ не доставитъ почета и славы нынѣшнему вашингтонскому правительству въ глазахъ культурнаго человѣчества.

На дальнемъ Востокѣ съ успѣхомъ примѣняется великими европейскими державами новая система выгодныхъ пріобрѣтеній путемъ дружественныхъ сдѣлокъ,—система, неизмѣримо болѣе цѣлесообразная, чѣмъ старая практика войны, столь неожиданно соблазнившая теперь американскіе Соединенные-Штаты. Великія державы понемногу дѣлятъ между собою различныя гавани и мѣстности китайскаго побережья, избѣгая враждебнаго соперничества былыхъ временъ. Вслѣдъ за извѣщеніемъ о русской оккупаціи Портъ-Артура и Таліенвана по соглашенію съ правительствомъ Китая, телеграфъ сообщилъ объ уступкѣ англичанамъ гавани Вей-хай-вей, признаваемой достаточнымъ противовѣсомъ Портъ-Артуру. Договоръ заключенъ 2-го апрѣля (нов. ст.), съ вѣдома и согласія Японіи, которая занимаетъ еще Вей-хай-вей своими войсками; мѣсто должно быть очищено ими и передано новымъ хозяевамъ послѣ уплаты японцамъ суммы военнаго вознагражденія, причитающейся отъ Китая въ маѣ мѣсяцѣ. О значеніи и мотивахъ этого новаго шага Англіи въ китайскихъ водахъ подробно говорили въ парламентѣ, 5-го апрѣля (нов. ст.), оффиціальные представители кабинета,—Бальфуръ въ палатѣ общинъ, и герцогъ Девонширскій въ палатѣ лордовъ. Объ министерскія рѣчи обнаруживали нѣкоторое недовольство русскою политикою, по поводу Портъ-Артура, и доказывали логическую необходимость равносильнаго отвѣта со стороны Англіи, въ видѣ пріобрѣтенія Вей-хай-вея.

Названные пункты были въ свое время завоеваны японцами послѣ блестящихъ побѣдъ надъ Китаемъ, и какъ теперь оказывается, эти завоеванія, возвращенныя китайцамъ по настойчивому требованію великихъ державъ, пригодились для болѣе солидныхъ государствъ, чѣмъ Японія. Британскіе оффиціальные ораторы намекаютъ на отвѣтственность Россіи за эту иронію судьбы, хотя они, конечно, не могли бы отрицать свою самостоятельную рѣшимость завладѣть выгоднымъ китайскимъ портомъ, не дожидаясь русскаго почина; впрочемъ, и послѣднему предшествовала германская иниціатива въ Кіао-Шау, для которой въ свою очередь имѣлись многочисленные, достойные подражанія образцы, доставленные въ разное время политикою Англіи. Такъ какъ эти взаимные счеты имѣютъ вполнѣ дружественный характеръ, и самъ Китай сохраняетъ наилучшія отношенія съ назван-

Digitized by Google

ными державами, то событія на дальнемъ Востокѣ развиваются тихо и мирно, ко всеобщему удовольствію.

Весьма важный успѣхъ достигнутъ былъ Англіею въ Суданѣ: англо-египетскія войска, подъ предводительствомъ сэра Китченера, одержали полную побѣду надъ дервишами при Атбарѣ, 8 апрѣля (нов. ст.), причемъ взятъ въ плѣнъ и непріятельскій вождь, Махмудъ. Сраженіе было серьезное; со стороны англичанъ участвовало 13 тысячъ человѣкъ, а махдистовъ—около 16 тысячъ. Значительная часть Судана очищена отъ воинственныхъ полчищъ, и занятіе Хартума англичанами считается только вопросомъ времени. Императоръ Вильгельмъ II, узнавъ объ этой побѣдѣ, послалъ поздравительную депешу британскому послу въ Берлинѣ, съ просьбою передать ее также лорду Сольсбери и „сердару", т.-е. египетскому главнокомандующему, сэру Китченеру. Газеты придаютъ большое политическое значеніе дружескому германскому поздравленію, усматривая въ немъ признакъ поворота въ чувствахъ оффиціальной Германіи относительно Англіи. Нѣкоторые думаютъ даже, что Вильгельмъ II имѣлъ въ виду загладить непріятное впечатлѣніе, произведенное въ свое время извѣстною телеграммою къ президенту Трансвааля, Крюгеру, послѣ неудавшагося набѣга Джемсона. Такова уже привычка газетныхъ политиковъ—дѣлать глубокомысленные и далекіе выводы изъ самыхъ простѣйшихъ фактовъ. Вильгельмъ II поздравилъ англичанъ по той же причинѣ, какая побудила его поздравить Крюгера;—въ качествѣ любителя военнаго дѣла, германскій императоръ, надобно думать, испытываетъ удовольствіе при всякомъ извѣстіи о какой-либо удачной и крупной битвѣ, независимо отъ политическихъ соображеній и интересовъ.

Во Франціи предстоитъ повтореніе процесса Золя, въ виду приговора кассаціоннаго суда, отъ 2 апрѣля (нов. ст.), которымъ уничтожено все прежнее производство, какъ неправильно возбужденное военнымъ министромъ. Эмиль Золя обвинялся въ оскорбленіи военнаго суда, разбиравшаго дѣло Эстергази, и только члены этого суда имѣли право жаловаться на причиненную имъ обиду. Можно было думать, что правительство отнесется съ нѣкоторымъ равнодушіемъ къ этому рѣшенію высшей кассаціонной инстанціи, и что никто не пожелаетъ возобновить тягостныя сцены перваго разбирательства, оказавшагося вообще столь утомительнымъ, безцѣльнымъ и даже просто скучнымъ для большинства французской публики. Къ сожалѣнію, усердные патріоты не согласились отказаться отъ намѣренія посадить увлекшагося писателя на скамью подсудимыхъ и затѣмъ, быть можетъ, въ тюрьму. По предложенію военнаго министра, военный судъ почув-

Digitized by Google

ствовалъ себя оскорбленнымъ и оклеветаннымъ забытою уже статьею Золя, и надлежащая жалоба подана уже на точномъ основаніи законовъ и кассаціонныхъ разъясненій. Обвинительный пунктъ касается только словъ, приписывающихъ военному суду оправдательное рѣшеніе по дѣлу Эстергази въ силу полученнаго приказа; слѣдовательно, подчиненіе военному министру въ дѣлахъ военно-судебныхъ признается чѣмъ-то обиднымъ для чести военныхъ судей, хотя подчиняться высшему начальству не можетъ быть постыдно, съ точки зрѣнія профановъ. Тонкія различія между военною администраціею и военно-судебною властью едва ли настолько ясны для большинства, чтобы позволительно было строить на нихъ обвиненіе противъ писателя, откровенно заявившаго на судѣ, что онъ не знаетъ никакихъ законовъ. Во всякомъ случаѣ, распорядившись опять поставить на сцену дѣло Золя, нынѣшнее французское министерство погрѣшило противъ правила: non bis in idem!

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 мая 1898.

— Письма Константина Николаевича Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени. Спб. 1898.

„Переписка академика Константина Николаевича Бестужева-Рюмина съ графомъ Сергіемъ Дмитріевичемъ Шереметевымъ о Смутномъ времени,—читаемъ въ предисловіи, — обнимаетъ собою періодъ времени съ 1892 по 1896 годъ. Появленіе ея въ печати вызвано желаніемъ К. Н. Бестужева-Рюмина, который незадолго еще до своей кончины высказывалъ мысль объ изданіи этихъ писемъ. Письма напечатаны подъ редакціей Александра Осиповича Круглаго“...

Письма Бестужева-Рюмина (числомъ 91) всѣ касаются одного предмета. Онѣ вызывались трудомъ гр. С. Д. Шереметева о Смутномъ времени: этотъ трудъ, въ то время еще не конченный, возбуждавшій все новые вопросы, требовавшій все новыхъ изслѣдованій, былъ извѣстенъ Бестужеву-Рюмину въ той долѣ, которая была болѣе или менѣе закончена (она была, какъ видно изъ писемъ, прочитана въ небольшомъ ученомъ кружкѣ); о дальнѣйшемъ ходѣ труда, о новыхъ предпринимаемыхъ изслѣдованіяхъ, онъ получалъ извѣщенія отъ автора, который интересовался его мнѣніями и впечатлѣніями. Бестужевъ-Рюминъ въ своей „Русской Исторіи“ еще далеко не дошелъ до Смутнаго времени, но занимался этой эпохой, и разные вопросы ея были имъ затронуты въ „Обзорѣ событій со смерти Грознаго“ (1887): онъ былъ вообще изслѣдователь весьма внимательный и осторожный, съ обширной начитанностью и также съ большою памятью детальныхъ фактовъ и отношеній. Бестужевъ-Рюминъ былъ чрезвычайно заинтересованъ изслѣдованіемъ, которое предпринято было гр. Шереметевымъ. Въ самомъ дѣлѣ, оно ставило вопросъ объ одномъ изъ самыхъ темныхъ, таинственныхъ вопросовъ нашей исторіи, о которомъ крайне разнорѣчили современники и о которомъ но-

Digitized by Google

вѣйшіе историки до сихъ поръ не могли придти къ какому-либо опредѣленному заключенію. Вопросъ былъ не только въ томъ, чтобы объяснить загадочную личность перваго „Самозванца", но и въ томъ, чтобы раскрыть всю ту область внутреннихъ общественныхъ отношеній, на почвѣ которыхъ совершалась исторія Смутнаго времени и основаніе новой династіи. Эта эпоха издавна привлекла вниманіе ученыхъ историковъ, которые старались разгадать темное дѣло убійства царевича и опредѣлить смыслъ происходившей внѣшней и внутренней борьбы; драматическій интересъ событій вызвалъ „Бориса Годунова" Пушкина. Историческая критика давно уже не удовлетворялась традиціоннымъ толкованіемъ событій, но не пришла ни къ какому опредѣленному выводу: факты и лица, какъ характеръ Годунова, Шуйскаго, Самозванца, кн. Пожарскаго, патріарха Филарета и т. д., оставались предметомъ спора и недоумѣнія. Трудность рѣшенія проистекала изъ противорѣчія современниковъ, а также отсутствія многихъ основныхъ документовъ, которые въ послѣдующее время исчезли—нужно было „уничтожать слѣды". Чтобы разобраться въ лабиринтѣ неясностей и противорѣчій, предстояло собрать и изучить всѣ малѣйшіе детальные факты, показанія и намеки современниковъ, извѣстія иностранцевъ, дипломатическіе документы, личныя и родовыя отношенія главныхъ дѣйствующихъ лицъ, разыскивать предшествующія данныя и позднѣйшіе оттолоски этихъ отношеній и т. д. Изслѣдователю, который поставилъ бы своей цѣлью разрѣшеніе, или по крайней мѣрѣ приближеніе къ разрѣшенію, этой исторической загадки, предстояла бы чрезвычайно сложная работа во всѣхъ тѣхъ направленіяхъ, гдѣ можно было ожидать какого-либо слѣда,—и понятно, что когда такая именно сложная работа была предпринята гр. С. Д. Шереметевымъ, Бестужевъ-Рюминъ встрѣтилъ ее съ величайшимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что въ самыхъ пріемахъ (а это было существенное) и началѣ исполненія онъ нашелъ много новаго и вѣрнаго. Съ первыхъ писемъ (и конечно еще раньше, съ первыхъ бесѣдъ) онъ выражаетъ свои сочувствія и одобренія.

„Ваше изслѣдованіе крайне интересуетъ меня" (ноябрь, 1892).

„Письмо ваше возбуждаетъ сильное желаніе подробнѣе ознакомиться съ результатами вашихъ изслѣдованій, которыя, очевидно, прольютъ новый свѣтъ на запутанныя событія конца XVI и начала XVII в. и вмѣстѣ съ тѣмъ ближе познакомятъ съ бытомъ той поры... Чрезвычайно любопытны собираемые вами намеки на дѣятельность Ѳеодора Никитича"... (апрѣль, 1893).

„Ваша характеристика Димитрія мнѣ очень нравится... Что онъ нисколько не былъ католикомъ, хотя временемъ и казался имъ въ

Digitized by Google

Краковѣ, въ этомъ я не сомнѣваюсь, и даже Пирлингъ обвиняетъ его въ холодности" (май, 1893).

„Съ большимъ интересомъ слѣжу я за вашими изысканіями. Въ общемъ я полагаю, что вы на настоящей дорогѣ: въ томъ, что ключъ (т.-е. вѣроятно къ разрѣшенію вопроса о судьбѣ Димитрія) на сѣверѣ, я вполнѣ убѣжденъ... Чрезвычайно соблазнительно ваше толкованіе борьбы претендентовъ въ 1598 году... Мнѣ кажется, что теперь не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Димитрія ожидали еще въ началѣ правленія Годунова. Относительно роли казаковъ вы, разумѣется, вполнѣ правы... Съ нетерпѣніемъ жду окончанія вашего изслѣдованія и повторяю то, что̀ уже разъ сказалъ: оно должно пролить новый свѣтъ не только на главное событіе, но и на весь ходъ исторіи той эпохи. Пока можно только предчувствовать важность общихъ результатовъ, но трудно еще оріентироваться въ частностяхъ... Каждое ваше сообщеніе даетъ такъ много новаго, открываетъ такіе широкіе горизонты, что понятно, съ какимъ интересомъ можно слѣдить за ними. Я очень вамъ благодаренъ за ваши сообщенія, которыя, предваряя всѣ труды, позволяютъ освоиваться съ ними и не быть разомъ пораженнымъ новостью результата.

„Мнѣ было чрезвычайно пріятно, какъ я ужъ писалъ вамъ, встрѣтить ту характеристику названнаго царя (т.-е. „Самозванца"), которую вы дѣлаете. Конечно, если бы онъ былъ дѣйствительно проченъ на престолѣ и не такъ легкомысленъ (отъ чего, впрочемъ, онъ могъ бы исправиться), онъ былъ бы важнымъ историческимъ дѣятелемъ" (іюнь, 1893).

„Ваши послѣднія письма меня окончательно убѣдили въ вѣроятности вашего предположенія о самомъ углицкомъ дѣлѣ. Въ правильности вашей постановки вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ партій и въ основательности вашей характеристики лицъ, а также въ точности принятаго вами метода изслѣдованія я давно убѣдился. Конечно, детали могутъ быть еще разработаны". „...Я слишкомъ дорожу тѣмъ, чтобы ваше изслѣдованіе принесло всю ту пользу наукѣ, какой отъ него слѣдуетъ ожидать" (іюль, 1893).

„Что Разстрига во многомъ предшественникъ Петра, это для меня несомнѣнно, какъ и то, что онъ сознавалъ себя царемъ, что̀, конечно, много говоритъ за его подлинность. Любопытны ваши соображенія о живучести его плановъ или скорѣе направленія. Кстати, до сихъ поръ не выбьешь (т.-е. у другихъ) увѣренности, что онъ дружилъ съ поляками: у насъ рѣшительно не умѣютъ перенестись въ начало XVII вѣка" (октябрь, 1893).

Такимъ образомъ Бестужевъ-Рюминъ отъ времени до времени, но постоянно, до послѣднихъ дней своей жизни, получалъ отъ гр. Ше-

Digitized by Google

реметева сообщенія о ходѣ изслѣдованій и отзывался на нихъ своими замѣтками. Всего чаще въ этихъ замѣткахъ высказывается живѣйшій интересъ къ новымъ добытымъ фактамъ, полное согласіе съ тѣми соображеніями, къ которымъ приходилъ изслѣдователь, наконецъ желаніе, чтобы трудъ былъ приведенъ къ концу и сталъ достояніемъ науки. Два-три раза опытный ученый указывалъ на необходимость болѣе точнаго разслѣдованія данныхъ прежде, чѣмъ извлекать изъ нихъ выводъ, и остерегалъ отъ уклоненій къ предметамъ, не имѣвшимъ ближайшаго отношенія къ дѣлу. Съ другой стороны, можно видѣть, какъ самъ критикъ, сначала нѣсколько недовѣрчивый къ тѣмъ или инымъ предположеніямъ, потомъ увлекается развитіемъ гипотезы, наконецъ совсѣмъ убѣждается въ ней. Увѣренность изслѣдователя передавалась критику.

Интересъ Бестужева-Рюмина былъ совершенно понятенъ и безъ сомнѣнія будетъ раздѣленъ всѣми историками, которые—хотя бы изъ напечатанныхъ теперь писемъ—ознакомятся съ объемомъ поставленнаго вопроса. Изъ писемъ можно видѣть,—хотя, конечно, только въ очень неполной мѣрѣ,—какъ вопросъ все болѣе разростался, обнимая цѣлое политическое положеніе вещей въ концѣ XVI-го и въ первые годы XVII вѣка, и сложныя связи и отношенія дѣйствующихъ лицъ. Дѣло шло о томъ, чтобы разрѣшить, наконецъ, историческую загадку о томъ, кто же былъ „Самозванецъ", откуда явился, какъ могъ воспитаться и кѣмъ былъ „поставленъ" человѣкъ, появленіе котораго стало такимъ переворотомъ съ 1604 года. При этомъ появленіи, правительство Годунова поспѣшило заявить о самозванствѣ; но еще нѣкоторыя извѣстія совре́менниковъ,—независимо отъ собственныхъ политическихъ приверженцевъ Самозванца,—утверждали, что это былъ именно подлинный Димитрій. Новѣйшіе историки, разбирая сѣть противорѣчивыхъ показаній, давно уже усумнились въ правдивости заявленій Годунова, усумнились, чтобы Самозванецъ былъ именно Отрепьевъ, или чтобы это былъ западно-русскій шляхтичъ, воспитанный іезуитами, и т. п. Являлась новая гипотеза, которая представлялась Бестужеву весьма убѣдительной: былъ ли „названный царь" самозванцемъ; не былъ ли это подлинный Димитрій, подмѣненный въ день убійства? Предположеніе чрезвычайно интересное, и имъ только объяснялось бы многое, что̀ иначе остается совсѣмъ необъяснимымъ и страннымъ. Но полному утвержденію этого взгляда и именно его изложенію въ литературѣ являлось препятствіемъ существованіе легенды и канонизаціи, установленныхъ при царѣ Василіи Шуйскомъ... Слухъ объ этомъ новомъ объясненіи событій внушилъ одну газетную статью, по поводу которой Бестужевъ писалъ гр. Шереметеву въ іюнѣ 1894: „Предположеніе (высказанное въ упомянутой газетной статьѣ) о томъ,

Digitized by Google

что царствовалъ настоящій Димитрій, важно въ томъ отношеніи, что стало быть съ вопроса снято *табу* и можно о немъ говорить".

Было бы крайне прискорбно, если бы какія-либо затрудненія въ смыслѣ „табу" могли помѣшать раскрытію исторической истины. Историческое прошлое дорого для насъ какъ память національнаго бытія и труда древнихъ поколѣній; легенда была ихъ вѣрой и поэзіей; въ самой агіографіи встрѣчаются варіанты сказаній, и если приходится выбирать между ними, т.-е. одно принимать, и другое отвергать, это не устраняетъ церковной поэзіи: она остается свидѣтельствомъ настроеній вѣка, его благочестивыхъ и нерѣдко поэтически привлекательныхъ вѣрованій, какъ и въ данномъ случаѣ святость неповинно умерщвленнаго царственнаго младенца. Но вмѣстѣ съ тѣмъ на исторіи лежитъ обязанность опредѣленія подлинныхъ фактовъ, дѣйствительнаго теченія событій: исторія есть народное самосознаніе, народная совѣсть; искажать или умалчивать ее не позволяетъ научная правда, и не должно бы позволять само національное достоинство. Объ этомъ не было сомнѣній у Бестужева-Рюмина, который однако считался вполнѣ человѣкомъ такъ называемаго консервативнаго направленія.

Въ дальнѣйшихъ письмахъ Бестужевъ опять съ величайшимъ интересомъ и сочувствіемъ встрѣчаетъ новыя разысканія и догадки гр. Шереметева.

„Признаюсь, что вы увлекли меня своими соображеніями о политикѣ Никитичей при Шуйскомъ и въ междуцарствіе. По моему, это надлежащая точка зрѣнія. Чѣмъ болѣе развиваются ваши изслѣдованія, тѣмъ болѣе укрѣпляете вы меня въ старомъ моемъ убѣжденіи, что во всѣхъ событіяхъ той эпохи такъ или иначе сказалась рука *царя Ѳеодора Никитича*" — какъ подписано на одномъ старинномъ портретѣ, изданномъ нѣкогда г. Бартеневымъ (май, 1894).

Относительно мнимыхъ обличеній Самозванца чудовскимъ архимандритомъ Бестужевъ замѣчалъ: „Давно мнѣ подозрительны эти обличенія, о которыхъ такъ распространяются наши историки" (май, 1894).

Бестужевъ высказывалъ не разъ желаніе, чтобы изданы были самые матеріалы. „Повторю то, что̀ давно говорилъ, — писалъ онъ въ іюнѣ 1895: — капитальное изданіе документовъ ранѣе появленія изслѣдованія, которое будетъ на нихъ основано". Дѣйствительно, это было бы чрезвычайно важно въ разныхъ отношеніяхъ. Собираніе и объединеніе матеріала само по себѣ есть существенное объясненіе эпохи: оно вызвало бы новыя частныя разработки и въ концѣ концовъ облегчило бы изданіе самаго изслѣдованія, что̀, какъ мы видѣли, казалось сопряженнымъ съ затрудненіями.

Digitized by Google

Мнѣ случалось не однажды видаться съ К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ въ послѣдніе годы его жизни. Онъ не разъ съ великимъ интересомъ говорилъ объ этомъ изслѣдованіи событій Смутнаго времени: изслѣдованіе еще не было завершено, но онъ думалъ, что самое изданіе разнообразныхъ документовъ, собранныхъ гр. Шереметевымъ, съ нѣкоторыми частными комментаріями, было бы истиннымъ пріобрѣтеніемъ для науки; и если бы самое изслѣдованіе потребовало времени и благопріятныхъ условій для своего появленія, то для спеціалистовъ русской исторіи было бы исполнено интереса, на первый разъ, изданіе тѣхъ сообщеній, путемъ которыхъ Бестужевъ-Рюминъ могъ слѣдить за ходомъ работы гр. Шереметева. Бестужевъ, очень цѣнившій эти сообщенія, думалъ, что, въ неопредѣленномъ еще ожиданіи цѣльнаго труда, онѣ могли бы быть изданы, хотя бы для тѣснаго круга спеціалистовъ, какъ лѣтопись и программа этой интересной работы.

Въ изданіи „Писемъ“ вкрались опечатки и нѣкоторыя неисправности, вѣроятно вслѣдствіе того, что почеркъ Бестужева былъ не весьма четкій. Напр., стр. 25, въ выпискахъ польскаго текста; стр. 35, Бодянскій дѣлалъ поиски не въ Парижской, а въ Познанской библіотекѣ; стр. 43: Уилксъ и Уилькинсъ, и т. п.—А. Пыпинъ.

— Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и Историческому Розысканію о нихъ. А. Н. Неустроева. Спб. 1898.

Библіографическій трудъ, завершеніемъ котораго является настоящій Указатель, начатъ былъ г. Неустроевымъ ровно тридцать лѣтъ тому назадъ, въ 1868 году. Первая часть его, подъ названіемъ „Историческаго Розысканія о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 гг.“, вышла въ 1874. „Розысканіе“ представляло полный обзоръ названныхъ изданій, который долженъ былъ дать множество полезныхъ указаній для изучающихъ литературу прошлаго столѣтія. Составитель возъимѣлъ мысль своего труда безъ сомнѣнія подъ вліяніемъ тѣхъ усиленныхъ изученій, какія направились на литературу прошлаго столѣтія особливо съ пятидесятыхъ годовъ: онъ совершенно правильно думалъ, что для полноты и точности подобныхъ изученій необходимо обстоятельное опредѣленіе самыхъ фактовъ, и здѣсь однимъ изъ важныхъ и наименѣе изслѣдованныхъ пунктовъ была литература повременныхъ изданій. Въ предисловіи къ „Розысканію“ г. Неустроевъ указывалъ, что необходимость подобнаго библіографическаго обзора замѣчена была уже въ концѣ XVIII вѣка: въ нынѣшнемъ столѣтіи сдѣлано было нѣсколько опытовъ такого обзора, но всѣ они ограничились только началомъ. О назначеніи

Digitized by Google

своего труда г. Неустроевъ говорилъ такъ: „Не касаясь здѣсь общаго вопроса о значеніи, которое имѣло, въ свое время, все печатавшееся въ этихъ (описываемыхъ имъ) изданіяхъ, мы не можемъ не сказать, что историкъ русской литературы не долженъ игнорировать совершенно этотъ періодъ развитія русской мысли. Отъ него, конечно, будетъ зависѣть—почерпнуть изъ всего, періодически издававшагося за то время, то, что̀ указывало бы болѣе или менѣе выдающіяся формы развитія русской мысли; но для такого выбора онъ долженъ имѣть передъ глазами полную картину этого развитія"... Свою библіографическую работу г. Неустроевъ опредѣлялъ такъ: „1) Розыскать полные экземпляры всей нашей періодической литературы и литературныхъ сборниковъ за время 1703—1802 гг.; 2) указать форматъ, форму и порядокъ выхода каждаго изданія; 3) отыскать въ разныхъ, печатныхъ и письменныхъ, источникахъ и объявить: имена редакторовъ и сотрудниковъ, принимавшихъ участіе въ изданіи, равно и имена издателей; 4) опредѣлить съ точностью, по достовѣрнымъ источникамъ, время появленія, вмѣстѣ и срокъ существованія каждаго изъ періодическихъ изданій за избранный нами періодъ; 5) выяснить, какія предлагались условія при подпискѣ на данное изданіе, и какая была его программа; 6) по извѣстнымъ источникамъ объяснить историческую судьбу каждаго изданія; 7) открыть, по возможности, анонимныя подписи, встрѣчающіяся подъ извѣстными статьями, и, наконецъ, 8) указать всѣ послѣдующія изданія извѣстнаго журнала, сборника или газеты, если только эти изданія были"... Эту программу г. Неустроевъ исполнилъ весьма обстоятельно, такъ что „Розысканіе" впервые привело въ извѣстность по возможности весь матеріалъ періодической литературы прошлаго столѣтія. На это пришлось положить, конечно, очень много внимательной работы и времени. Между прочимъ, не легко было исполнить самый первый и основной пунктъ программы, именно — отыскать полные экземпляры изданій: кромѣ собственнаго собранія, г. Неустроевъ пользовался собраніями нѣкоторыхъ извѣстныхъ библіографовъ; чего не находилъ тамъ, искалъ въ библіотекахъ Публичной и Академіи наукъ; наконецъ, черезъ посредство печати, обращался къ библіографамъ и любителямъ, отъ которыхъ также получилъ важныя дополненія,—и, тѣмъ не менѣе, въ предисловіи къ „Указателю" онъ замѣчаетъ, что въ розыскахъ этихъ памятниковъ печати ему не разъ приходилось „убѣждаться, что нѣкоторая часть ихъ для насъ безвозвратно утеряна".

Послѣ „Розысканія", которое дало внѣшнюю исторію и оглавленіе изданій, г. Неустроевъ приступилъ къ приготовленію другой, столь же важной, части своего труда: „Указатель" даетъ возможность обозрѣнія всего матеріала, заключеннаго въ періодическихъ изданіяхъ про-

Digitized by Google

шлаго вѣка. Это—опять огромная книга, сверхъ 800 страницъ мелкой печати въ два столбца. Составленіе указателя можетъ сложиться различно — по взгляду составителя, который можетъ выбрать для него тотъ или иной объемъ и размѣщеніе указываемыхъ предметовъ. Г. Неустроевъ отказался отъ указателя „систематическаго", который вслѣдствіе своей сложности легко ведетъ къ недоразумѣніямъ и дурно исполнялъ бы свою главную, единственную, цѣль—служить сколько можно проще и удобнѣе—для справокъ. Онъ предпочелъ простой азбучный указатель, который поставилъ слѣдующимъ образомъ:

„Признавая трудность и почти невозможность судить о томъ, какія статьи должны быть признаны болѣе, какія менѣе важными, предусматривая, что нашей книгой могутъ воспользоваться изслѣдователи разныхъ спеціальностей, мы помѣстили въ алфавитномъ порядкѣ, безъ исключенія, названія всѣхъ именъ и предметовъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ періодической прессѣ прошлаго столѣтія, а также имена, о которыхъ упоминается въ нашемъ Историческомъ Розысканіи. Кромѣ авторовъ статей и ихъ переводчиковъ, изслѣдователь, пользующійся нашей книгой, найдетъ въ ней и лицъ, прикосновенныхъ къ печатному дѣлу, какъ-то: содержателей типографій, книгопродавцевъ и переплетчиковъ, такъ какъ они-то и были большею частію настоящими двигателями тогдашней періодической литературы въ публикѣ.

„Принявъ въ нашемъ Указателѣ алфавитный порядокъ, мы, для болѣе удобнаго отысканія, сочли нужнымъ повторить нѣкоторыя статьи подъ другими рубриками; такъ, напримѣръ, статью „О женитьбѣ и свадебныхъ употребленіяхъ древнихъ евреевъ, грековъ, римлянъ и нѣмцевъ" читатель найдетъ еще подъ рубриками „Свадьбы", „Евреи", „Греки" и „Римъ"; статья „Граматы" помѣщена нами подъ рубриками: „Граматы", съ перечисленіемъ въ алфавитномъ порядкѣ всѣхъ царей, князей и духовныхъ особъ, коими она пожалована, кромѣ того подъ рубриками лица ее давшаго и лица ее получившаго съ обозначеніемъ въ этихъ двухъ послѣднихъ рубрикахъ ея содержанія. Такъ же точно повторяется и съ другими подобными статьями: кромѣ мѣста, которое онѣ занимаютъ по алфавиту, онѣ соединены нами въ цѣлое (въ алфавитѣ), какъ, напримѣръ: „Басни", „Драмы", „Комедіи", „Повѣсти" и проч., нѣкоторыя же повторены въ хронологическомъ порядкѣ. Подобной классификаціей мы имѣли въ виду оказать помощь лицу, пользующемуся Указателемъ, которое, не найдя искомаго подъ одною рубрикою, можетъ найти ее подъ другой".

Пріемъ, намъ кажется, правильный, потому что удовлетворяетъ единственной задачѣ указателя—облегченію справокъ.

Понятно, какую важную услугу оказываетъ трудъ г. Неустроева для тѣхъ, кто изучаетъ нашу литературу XVIII вѣка. Двѣ его книги

Digitized by Google

становятся въ рядъ необходимыхъ руководствъ, какихъ у насъ вообще слишкомъ мало. Но г. Неустроевъ не ограничился этимъ трудомъ, и въ предисловіи къ „Указателю“ мы читаемъ, что, не имѣя возможности продолжать свой трудъ по исторіи русской журналистики, онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, содѣйствовать этому съ матеріальной стороны, и въ Академіи наукъ имъ были учреждены двѣ преміи его имени, которыя предназначены продолжателямъ его труда, по оцѣнкѣ Академіи. Одна, въ 750 рублей,—за „Историческое Розысканіе“ о русскихъ періодическихъ изданіяхъ въ 1803—1850 годахъ; другая, въ 500 р., за указатель къ такому розысканію. Срокомъ назначается 1906 годъ; а если премія не будетъ тогда присуждена, то—1915 годъ, и въ этомъ случаѣ изъ процентовъ, которые накопились бы къ 1915 году, должна быть назначена третья премія, въ 500 р., за составленіе указателя къ „Спб. и Московскимъ Вѣдомостямъ“ 1703—1850-къ годовъ (въ настоящемъ своемъ изслѣдованіи г. Неустроевъ не внесъ указателя къ нимъ за 1703—1802 годы, такъ какъ онъ вышелъ бы слишкомъ громоздкимъ).—А. П.

— Гр. Джаншіевъ. Эпоха великихъ реформъ. (Освобожденіе крестьянъ.—Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. — Университетская автономія. — Земство. — Цензурная реформа.—Гласный судъ и судъ присяжныхъ.—Воинская реформа.—Городское самоуправленіе. — Изъ общественной хроники. — Дѣятели преобразовательной эпохи). Историческія справки. Съ портретами Бѣлинскаго, Грановскаго, графовъ С. С. Ланского и Я. И. Ростовцева, Я. А. Соловьева, гр. В. Н. Панина, С. И. Зарудняго, Н. А. Милютина, В. А. Арцимовича, Д. А. Ровинскаго, Н. А. Буцковскаго и К. К. Грота. 7-е дополненное изданіе. М. 1898. Съ эпиграфомъ: „Чѣмъ ночь темнѣй—тѣмъ звѣзды ярче“, Майкова.

Въ „Литературномъ Обозрѣніи“ отмѣчено было нѣсколько лѣтъ тому назадъ первое появленіе книги г. Джаншіева, которая вышла теперь уже седьмымъ изданіемъ. Съ каждымъ изданіемъ г. Джаншіевъ расширялъ свою исторію эпохи великихъ реформъ, и небольшая книжка перваго изданія разрослась теперь въ большой томъ, свыше 900 страницъ, и авторъ счелъ себя въ правѣ нѣсколько измѣнить заглавіе (прежде книга называлась: „*Изъ* эпохи великихъ реформъ“), потому что въ своемъ настоящемъ объемѣ трудъ г. Джаншіева обнимаетъ всѣ главныя явленія внутренней жизни въ эпоху реформъ. Успѣхъ книги, по размѣрамъ нашей литературы, надо признать весьма замѣчательнымъ, и онъ является любопытнымъ свидѣтельствомъ живого интереса современнаго общества къ знаменательному періоду нашей новѣйшей исторіи и, быть можетъ, показателемъ того, что въ обществѣ продолжаетъ жить сознаніе жизненной необходимости преобразованій и дальнѣйшаго ихъ развитія. Интересу книги, требовав-

Digitized by Google

шей все новыхъ изданій, содѣйствовалъ самъ авторъ: при каждомъ новомъ изданіи онъ расширялъ ея содержаніе; когда оканчивали жизненное поприще замѣчательные дѣятели шестидесятыхъ годовъ, оставшіеся до конца вѣрными старымъ убѣжденіямъ, г. Джаншіевъ посвящалъ имъ некрологическія поминки, разсказывая исторію ихъ трудовъ и испытаній. Такъ, одна за другой, вошли въ книгу біографіи и некрологи А. М. Унковскаго, Д. А. Ровинскаго, С. И. Зарудnаго, В. А. Арцимовича и др. Наступали сроки историческихъ воспоминаній, и авторъ говоритъ о такихъ предшественникахъ эпохи реформъ въ области общественной мысли, какъ Грановскій; теперь, когда наступаетъ пятидесятилѣтіе со смерти Бѣлинскаго, авторъ опредѣляетъ его значеніе въ развитіи нашего общественнаго сознанія, — и такимъ образомъ все расширяется изображеніе „эпохи великихъ реформъ“. Въ разсказѣ о ходѣ самыхъ преобразованій авторъ не ограничивается свѣдѣніями о выработкѣ и установленіи новыхъ учрежденій—въ крестьянскомъ дѣлѣ, судѣ, земствѣ, городскомъ самоуправленіи, печати, воинской повинности, и обращается также къ тѣмъ настроеніямъ и мыслямъ, какія въ то же время или еще раньше назрѣвали въ литературѣ: исторія административная, правительственная, дополняется и иллюстрируется исторіей общественной. Весь трудъ г. Джаншіева проникнутъ живѣйшимъ, можно сказать, восторженнымъ сочувствіемъ къ тому великому дѣлу, которое было задумано, и частію совершено, во внутренней жизни русскаго народа преобразованіями шестидесятыхъ годовъ.—Т.

— Проф. К. Ярошъ. Психологическая параллель. Іоаннъ Грозный и Петръ Великій. Харьковъ, 1898.

— Петръ Великій. Духовный элементъ въ военной и политической дѣятельности государя. Генеральнаго штаба капитана Марченко. Спб. 1897.

Въ прошломъ столѣтіи была литературная мода проводить историческія и психологическія параллели между знаменитыми лицами, даже разныхъ временъ и народовъ, въ формѣ „разговоровъ въ царствѣ мертвыхъ“. Такіе „разговоры“ бывали и въ нашей литературѣ. Они бывали не лишены интереса—въ рукахъ остроумныхъ наблюдателей; но конечно ни къ какому серьезному результату не вели, такъ какъ настоящая историческая оцѣнка, прежде всего, можетъ быть достигнута не параллелью, болѣе или менѣе случайною, а опредѣленіемъ лица и его дѣяній именно въ особенныхъ условіяхъ его времени и обстановки.

Такое впечатлѣніе оставляютъ и параллели г. Ярошa. Общаго между избранными имъ героями ничего нѣтъ ни по личнымъ харак-

Digitized by Google

терамъ, ни по условіямъ ихъ времени; изъ сопоставленія ничего не слѣдуетъ. Іоанна Грознаго авторъ считаетъ человѣкомъ богатыхъ умственныхъ дарованій, но безъ твердости характера и умѣнья практически проводить свои идеи въ жизнь. „Личность царя, разсматриваемая съ этой стороны, представляетъ собою зрѣлище слабой воли и болѣзненной, чуткой впечатлительности". Этимъ объясняются его колебанія, его страстныя увлеченія, наконецъ самыя жестокости. Авторъ не оправдываетъ его свирѣпостей; но находитъ, что тѣмъ не менѣе Іоанну принадлежитъ великая историческая заслуга установленія „принципа монархизма". Авторъ утверждаетъ, что „не пятная принципъ монархизма примѣсью цезаристическаго (?) элемента, Іоаннъ былъ далекъ отъ того, чтобы отождествлять въ теоріи царскую власть съ тираническою", и авторъ ссылается на „всѣхъ политическихъ мыслителей, *начиная* съ Аристотеля, Монтескьё и т. д.", что „тиранія есть государство, въ которомъ всѣ интересы страны и народа принесены въ жертву выгодамъ одного лица, стоящаго во главѣ". Здѣсь происходитъ какая-то игра словъ. Въ нынѣшнемъ употребленіи слова, тиранія есть не только узурпація власти, но и жестокое правленіе, кѣмъ бы оно ни производилось, монархомъ или узурпаторомъ. Тираническимъ называли правленіе Іоанна Грознаго, какъ и Петра Великаго, хотя оба были вовсе не узурпаторы. Іоаннъ Грозный не смѣшивалъ своей власти съ „цезаризмомъ", потому что о послѣднемъ не имѣлъ представленія, какое предполагаетъ авторъ. Понятіе Іоанна о власти было библейско-византійское. Но, какъ бы высоко ни ставилъ онъ теоретически свою власть—по этимъ готовымъ образцамъ, едва-ли можно сказать, чтобы Іоаннъ употреблялъ ее не тираннически на практикѣ. Авторъ настаиваетъ, что Іоаннъ не употреблялъ своей власти какъ „орудія удовлетворенія своихъ вожделѣній и произвола"; но развѣ не были произволомъ мучительства, которыя самъ г. Ярошъ считаетъ ненужными, или тѣ четвертые, пятые и т. д. браки, которыхъ церковь не разрѣшаетъ? и т. д. Невѣрно въ сущности и то, чтобы особенной заслугой Іоанна Грознаго было утвержденіе монархіи: фактически, она была утверждена еще великими князьями XV-го вѣка; Іоаннъ Грозный получилъ готовую монархическую власть отъ дѣда и отца, и только придалъ ей торжественную форму церковнымъ освященіемъ.

Въ заключеніе характеристики Грознаго авторъ говоритъ: „...Въ силу приведенныхъ соображеній" (авторъ изображаетъ Іоанна какъ мученика своихъ свирѣпостей), „а также памятуя твердо, что Іоаннъ не вторгался въ святилище народной души, не разбивалъ хранившихся тамъ кумировъ, но, напротивъ, мудро прозрѣвалъ (?) условія будущаго роста своей страны, мы получаемъ возможность понять, по-

Digitized by Google

чему народная память ограничилась присоединеніемъ къ его личности наименованія „Грозный“ и почему она не проводила его въ могилу своимъ проклятіемъ“. Вопросъ „народной памяти“ еще не выясненъ; въ поэзіи она не бываетъ документальна, и къ нашему времени далеко не сберегло преданіе въ своей цѣлости. Относительно „вторженія въ святилище народной души“ Іоанну авторъ видимо противопоставляетъ Петра; но хотя въ свое время извѣстная часть народа, именно, кажется, старообрядческая, изображала „погребеніе кота мышами“ и представляла Петра антихристомъ, „народная память“ прославляла и Петра въ исторической пѣснѣ.

Іоаннъ Грозный былъ „теоретикъ“, Петръ Великій былъ „практикъ“. Авторъ не умалчиваетъ недостатковъ русской жизни, и указывая отсутствіе организаціи труда и развитой техники, находитъ, что „стремленіе Петра придти на помощь Россіи въ этомъ отношеніи было его великимъ служеніемъ пользѣ и чести государства“. Но въ этомъ была и великая ошибка. „Будучи чрезвычайно зоркимъ въ выборѣ ближайшихъ средствъ для достиженія ближайшихъ цѣлей, будучи талантливымъ практикомъ, Петръ не обладалъ охотой уноситься мыслью въ высь и даль. Основной присущій ему грѣхъ заключался въ томъ, что онъ смотрѣлъ излишне просто на жизнь и на людей. Такая утрированная „трезвость“ взгляда, не затемненная сложностью зрѣлища историческихъ, психическихъ и соціальныхъ перспективъ, придавала, конечно, рѣшимость и смѣлость Петру, но упомянутая сложность мстила за презрѣніе къ себѣ, сообщая дѣйствіямъ реформатора характеръ односторонности“. И авторъ приводитъ примѣры односторонностей, которыхъ было не мало въ дѣятельности Петра,— какъ была въ ней также изумительная многосторонность, какою не владѣлъ ни одинъ изъ русскихъ руководящихъ дѣятелей до и послѣ Петра.

Одну изъ самыхъ тяжкихъ крайностей авторъ указываетъ въ той борьбѣ Петра противъ суевѣрія и ханжества, гдѣ способъ этой борьбы, насмѣшка и иронія, перешли всякіе предѣлы. Авторъ не соглашается съ мнѣніемъ С. М. Соловьева, что учрежденіе „всепьянѣйшаго собора“ не имѣло за собою задней мысли и было простою игрой, а напротивъ, думаетъ, что это была именно выдумка послѣдовательная и тенденціозная, и здѣсь „ударъ, занесенный надъ болѣзненными явленіями общежитія, пришелся по самому источнику духовной жизни“. Это однако не совсѣмъ вѣрно: предметъ насмѣшки въ выдумкѣ „всепьянѣйшаго собора“, съ титулами его членовъ, ясенъ и „тенденція“ не подлежитъ сомнѣнію; но Соловьевъ судитъ правильно въ томъ смыслѣ, что эта насмѣшка не заключала всего взгляда Петра на религіозные вопросы; насмѣшка носила черты той грубости, какою въ

Digitized by Google

тѣ времена и въ томъ кругу отличалась всякая „шутка“—она переходила очень часто всякую мѣру. О религіозности Петра есть положительныя свидѣтельства, но къ тогдашнимъ представителямъ церковности онъ относился независимо и по своимъ взглядамъ, и по соображеніямъ правительственнымъ. Онъ смотрѣлъ на этихъ представителей церковности иначе, нежели они являются въ изображеніи нашего автора: между ними бывали люди истинно благочестивые и смиренные, но были и люди властолюбивые; за недавнее время Петръ долженъ былъ хорошо знать о Никонѣ, въ свое время онъ встрѣчалъ прямое противодѣйствіе со стороны патріарха Адріана, видѣлъ недовѣрчивое и полувраждебное отношеніе Стефана Яворскаго; съ другой стороны ему очевидно было фанатическое отрицаніе всякаго нововведенія у людей „старой вѣры“. Многое въ этомъ противорѣчіи его преобразовательнымъ планамъ могло раздражать его совершенно справедливо. Авторъ приводитъ слова Петра къ патріарху, который явился къ нему съ заступничествомъ: „Зачѣмъ ты пришелъ сюда съ иконой? Убирайся и знай, что я чту Бога, быть можетъ, болѣе чѣмъ ты, но мой верховный санъ и долгъ повелѣваютъ мнѣ охранять народъ и карать въ глазахъ всѣхъ злодѣянія, клонящіяся къ его гибели“. „Другими словами,—продолжаетъ авторъ,—царь просилъ владыку отойти съ дороги и не мѣшать ему дѣлать нужное дѣло“. Дѣло было жестокое, стрѣлецкія казни, но Петръ былъ глубоко, вѣроятно и справедливо, убѣжденъ, что бунтъ могъ вести если не къ гибели, то къ великому вреду для народа. Онъ устранилъ патріарха, но при Грозномъ, котораго авторъ восхваляетъ за храненіе „святилища народной души“,—непріятный ему митрополитъ Филиппъ былъ просто умерщвленъ.

Въ заключеніе авторъ говоритъ о томъ, какъ по смерти Петра послышались сѣтованія благочестивыхъ людей о господствовавшемъ непочтеніи къ христіанскому благочестію: „Кто хотя мало постникъ или воздержникъ, то у нихъ званъ былъ раскольщикомъ, лицемѣромъ и ханжей. И весь россійскій благочестивый народъ плачущима очима съ болѣзнею сердца сіе видѣлъ“. „Такимъ образомъ,—замѣчаетъ авторъ,—народный смыслъ чувствовалъ смѣну стараго нравственнаго, аскетически-монашескаго идеала новымъ европейскимъ принципомъ „удовлетворенія естественныхъ человѣческихъ потребностей“, и онъ скорбѣлъ по прежнему идеалу, инстинктивно трепеща въ опасеніи, чтобы не водворилась въ жизни эманципированная плоть“.

Эти заключительныя слова должны какъ будто быть и общимъ выводомъ о нравственномъ тонѣ реформы. Въ такомъ случаѣ онѣ представляютъ довольно странную путаницу: „естественныя потребности“ составляютъ неизбѣжную принадлежность человѣческой при-

Digitized by Google

роды, а вовсе не придуманный „европейскій принципъ“, и идеалъ реформы было не „эманципированіе плоти“, а нѣчто иное, и между прочимъ этого идеала никакъ нельзя свести къ личнымъ излишествамъ самого Петра.

Проще, не мудрствуя лукаво, приступаетъ къ своей задачѣ г. Марченко. Это — спеціально военно-политическій историкъ, и въ этой области онъ хотѣлъ изобразить „духовный элементъ“ дѣятельности Петра, т.-е. не только вообще нравственный, но также и религіозный. Изложеніе его—чисто фактическое; постановку общихъ данныхъ онъ беретъ у авторитетныхъ историковъ, напр. изъ литографированнаго курса русской исторіи В. О. Ключевскаго, изъ исторій Соловьева, Брикнера, но частности заимствуетъ въ особенности изъ опубликованныхъ въ послѣднее время матеріаловъ, а частію также изъ неизданныхъ архивныхъ. Основное представленіе о дѣятельности Петра, прямо противоположное представленію г. Яроша, авторъ беретъ изъ словъ Вл. С. Соловьева: „Едва ли во всемірной исторіи есть другой примѣръ такого, какъ у Петра Великаго, всецѣлаго рѣшительнаго, неуклоннаго преобладанія *одного нравственнаго интереса* —общаго блага своей родины. Отъ раннихъ лѣтъ, отвергнувъ самодовольный покой, Петръ I до послѣдняго дня жизни работаетъ надъ созданіемъ условій этого общаго блага, съ этой точки зрѣнія является лицомъ *предопредѣленнымъ, какъ бы историческимъ сотрудникомъ Божества*“. Цѣль автора собрать въ политическихъ и военныхъ дѣлахъ Петра нравственныя черты его характера, примѣры его могущественнаго воздѣйствія на окружающихъ и исполнителей, наконецъ его взгляды нравственные и религіозные. Упоминая о множествѣ изданныхъ въ послѣднее время историческихъ матеріаловъ, относящихся къ самой личности Петра и событіямъ его времени, авторъ находитъ въ нихъ свидѣтельство прочныхъ основъ государственности, положенныхъ Петромъ, его умѣнья выбирать людей, его удивительнаго дѣйствія на окружающихъ, наконецъ того, что „въ основу воспитанія молодой арміи онъ всегда клалъ признаніе въ солдатѣ человѣческаго достоинства и укрѣплялъ въ немъ лучшія стороны человѣческой души“. По изслѣдованіямъ новѣйшихъ военныхъ историковъ Петра (самымъ авторитетнымъ изъ нихъ г. Марченко называетъ издателя многотомнаго „Сборника военно-историческихъ матеріаловъ“, А. З. Мышлаевскаго), оказывается несомнѣннымъ, что „въ то время какъ съ административнымъ устройствомъ войска, съ пріемами тактической подготовки, царь не спѣшилъ, предоставляя выработку этихъ началъ продолжительному опыту, прежде чѣмъ занести ихъ въ кодексъ,—въ вопросахъ дисциплины и системы воспитанія солдата Петръ поступилъ совершенно обратно“. А именно, въ разысканныхъ только недавно

Digitized by Google

разныхъ военныхъ распоряженіяхъ Петра, задолго предшествовавшихъ Воинскому Артикулу, находятся уже такія наставленія: „Солдата не слѣдуетъ бить; солдатомъ не можетъ быть воръ; безнравственный человѣкъ не можетъ быть начальникомъ; въ солдатѣ слѣдуетъ развивать чувство военной чести, начала товарищества, взаимной поддержки и христіанской любви; солдатъ не долженъ дѣлать того, что̀ терпимо (дѣлается?) въ средѣ простой черни; солдату стыдно воевать съ женщинами, дѣтьми, стариками; начальнику слѣдуетъ на солдата смотрѣть какъ отцу на дѣтей“ и т. д.; или, напр., подлинными словами старыхъ правилъ: „Всѣмъ вообще къ нашему войску принадлежащимъ, не смотря на то, каковой ни есть вѣры или народа они суть, между собою христіанскую любовь имѣти и другъ другу ни словами, ни дѣломъ безчестія не учинить и во всѣхъ воинскихъ прилучаяхъ вѣрно пособствовать... Беречися и стыдитися всѣмъ, которые ежедень съ оружіемъ обходятся, то чинить, что простая чернь чинитъ, и бездѣльниковъ и робячье дѣло есть“ (стр. 73).

О религіозности Петра авторъ говоритъ: „По свойству своего открытаго характера Петръ I не терпѣлъ внѣшняго благочестія, фарисейства̀ и лицемѣрія. Вмѣстѣ съ тѣмъ религія, въ самомъ широкомъ примѣненіи, служила въ рукахъ преобразователя нравственнымъ и политическимъ двигателемъ въ его работѣ. Это фактъ тѣмъ болѣе важный, что неодобреніе преобразованій принимало въ народѣ именно видъ религіознаго протеста... Сознавая силу православія, хотя и принужденный реорганизовать духовную его администрацію, Петръ I совершенно искренно поддерживаетъ этотъ могучій двигатель и внѣдряетъ его силу въ старшемъ и младшемъ. Государь ввелъ въ положительный законъ главу „о страхѣ Божіемъ“ и въ воинскихъ статьяхъ „устава прежнихъ лѣтъ“ выразилъ мысль свою такъ:

„Глава 1. Понеже все счастіе, благословеніе и благополучіе войны отъ Бога Всевышняго Единаго происходитъ и умоленно быть имать, и того ради подобаетъ всѣмъ, которые намъ воинскою должностью обязаны суть и принадлежатъ, Его Всемогущество прежде и во всѣхъ дѣлѣхъ усердно призывать, боятися и чтити и купно при христіанскомъ житіи и поступкахъ о всѣхъ истинныхъ благодѣяніяхъ и храбрости тщитися“.

„Послѣ каждаго крупнаго успѣха на театрѣ войны,—продолжаетъ авторъ,—...служатся благодарственные молебны, произносятся проповѣди. Упоминаніе о Богѣ у Петра входитъ въ поговорку. Его письма испещрены выраженіями: „Для Бога! Съ Божьей помощью! Богъ вразумилъ!“ Отдаваемые по войскамъ пароли и лозунги были: „Благодаримъ тебѣ, Боже! Дай, Боже, добрыхъ вѣдомостей! Никто какъ Богъ! Со святымъ Духомъ совершаемъ!“ и т. д. (стр. 102, 103). Въ штатъ

Digitized by Google

полковъ введены были священники, установлены ежедневныя молитвы и строго предписано соблюдать посты. Петръ заботится о походныхъ церквахъ и пишетъ Нарышкину: „также возьми съ собою іконостасъ и церковъ“...

Далѣе авторъ иначе смотритъ и на всепьянѣйшій соборъ. „Совершенно несправедливо было бы думать,—говоритъ онъ,—что этотъ соборъ преслѣдовалъ какія-либо религіозныя и политическія цѣли (какъ это утверждаютъ нѣкоторые изслѣдователи) и направленъ былъ противъ русской церковной іерархіи, или даже самой русской церкви. Это было славленье и гульба, облеченныя въ канцелярскія формы; это была потѣха, которая съ возрастомъ приняла лишь иной обликъ и отвѣчала одной изъ основныхъ чертъ характера государя, именно его юмору“ (стр. 106). И авторъ приводитъ примѣры „юмора“, грубость которыхъ даетъ возможность заключать, какъ вообще складывалась „шутка“ того времени и того круга. Замѣтимъ именно, что этотъ характеръ шутки, не только грубой, но иногда и жестокой, принадлежалъ не только Петру: онъ былъ и въ народныхъ вкусахъ того времени. — Д.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовъ, Я. В.—Заемъ, закладъ и залогъ. Спб. 98. Стр. 47. Ц. 25 к.

Барсуковъ, Ив.—Письма Иннокентія, митрополита москов. и коломенскаго. 1855-65 гг. Кн. II. Спб. 98. Стр. 496. Ц. 2 р. 50 к.

Бестужевъ-Рюминъ, К. Н.—Письма о смутномъ времени. Спб. 98. Стр. 80.

Боргіосферъ, С.—Образовательное путешествіе. Живописные очерки отдаленныхъ странъ. Перев. съ нѣм. В. И. Писаревой. Съ 73 рис. въ текстѣ. 3-е изданіе. Спб. 98. Стр. 270. Ц. 1 р.

Брандтъ, Б. Ф.—Иностранные капиталы, ихъ вліяніе на экономическое развитіе страны. Ч. I: Теоретическія основанія.—Опытъ иностранныхъ государствъ. Спб. 98. Стр. 312. Ц. 2 р.

Виндельбандъ, В.—Исторія философіи. Перев. съ нѣм. П. Рудина. Спб. 98. Стр. 613. Ц. 3 р.

Водовозовой, Е.—Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Итальянцы. Спб. 98. Стр. 169. Ц. 40 к.

Волжинъ, В. А.—Физическіе парадоксы и софизмы. Пособіе для учениковъ и преподавателей средн. учебн. заведеній. Спб. 98. Стр. 48. Ц. 25 к.

Волконскій, кн. Н.—Условія помѣщичьяго хозяйства при крѣпостномъ правѣ. Ряз. 98. Стр. 86.

Гансенъ, П.—Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи, 25 очерковъ. Спб. 98. Стр. 246. Ц. 1 р.

Гаупъ, От.—Гербертъ Спенсеръ. Перев. съ нѣм. А. Острогорскаго, съ портр. автора. Спб. 98. Стр. 196. Ц. 50 к.

Гернесъ, М.—Исторія первобытнаго человѣчества. Перев. съ нѣм. Н. Березина. Спб. 98. Стр. 156. Ц. 50 к.

Digitized by Google

Геффдингъ, проф. Г.—Ж.-Ж. Руссо и его философія. Перев. съ нѣм. Л. Давыдовой. Съ портр. Ж.-Ж. Руссо. Спб. 98. Стр. 172. Ц. 50 к.

Гиршъ, П.—Преступленія и проституція, какъ соціальныя болѣзни. Перев. съ нѣм. Спб. 98. Стр. 100. Ц. 30 к.

Гуришъ, Евгеній.—Новый способъ и новыя задачи скораго и легкаго изученія иностранныхъ языковъ. Вып. 1: Изученіе словъ и словаря. Кіевъ, 98. Стр. 26. Ц. 25 к.

Джаншіевъ, Гр.—Эпоха великихъ реформъ.—Освобожденіе крестьянъ. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Университетская автономія. Земство. Цензурная реформа. Гласный судъ и судъ присяжныхъ. Воинская реформа. Городское самоуправленіе. Изъ общественной хроники. Дѣятели преобраз. эпохи. Историческія справки (съ 12 портретами). 7-е дополненное изданіе. М. 1898. LXX, 896, X стр. Ц. 2 р. 50 к. Выручка съ 1.200 экземпляровъ обращается на благотворительныя цѣли.

Жонво.—Женское образованіе въ Америкѣ. Перев. съ франц. Спб. 1898. Стр. 16. Ц. 20 к.

Зальскій, В. Ф.—Ученіе о происхожденіи прибыли на капиталъ. Отд. 2: Ученіе о капиталѣ. Вып. 1: Часть историко-критическая. Вып. 2: Часть догматическая. Каз. 98. Стр. 328, 92 и XXII. Ц. за оба вып. 3 р.

Зуевъ, В. И.—Бани и ванны, ихъ устройство, гигіеническое значеніе и историческое развитіе. Съ 65 рис. и чертежами. Од. 98. Стр. 157. Ц. 2 р.

И., Н.—Записки по элементарной русской грамматикѣ, съ нѣкоторыми методическими указаніями. Курсъ приготовительнаго и 1-го классовъ элементарной школы. Спб. 98. Стр. 88.

Ивановъ, И. М.—Петръ В., его жизнь и государственная дѣятельность. Съ портретомъ Петра В. Спб. 98. Стр. 95. Ц. 25 к.

К., П.—Эскизы. Вып. 1. Спб. 98. Стр. 57. Ц. 50 к.

Кавелинъ, К. Д.—Собраніе сочиненій. Т. II: Публицистика.—I. Крестьянскій вопросъ, дворянство и земледѣліе.—Сельскій бытъ и самоуправленіе.—III, Общественныя направленія и политическіе вопросы.—IV. Воспоминанія и разныя статьи. Съ портретомъ автора, статьею В. Д. Спасовича и примѣч. проф. Д. А. Корсакова. Спб. 98. Стр. 1258. Ц. 3 р. 50 к.

Кампфмейеръ, П.—Очерки изъ исторіи нѣмецкой культуры. Перев. съ нѣм. А. М. Гердъ, п. р. П. Струве. Спб. 98. Стр. 168. Ц. 60 к.

Каптеревъ. П.—Новая русская педагогія, ея главнѣйшія идеи, направленія и дѣятели. Спб. 98. Стр. 146. Ц. 80 к.

Каррэмъ, Генріетта.—Въ крѣпости Небывалой. Разсказы изъ военнаго быта. Спб. 98. Стр. 175.

Кено, Л.—Вліяніе среды на организмы. Перев. съ франц. В. Агаѳонова. Спб. 98. Стр. 96. Ц. 40 коп.

Ковалевскій, Евгр. П.—Отчетъ завѣдывавшаго XIX отдѣломъ на Всероссійской Выставкѣ въ Н.-Новгородѣ въ 1896 г.: Народное образованіе. Съ рис., план. и прилож. главы о народномъ образованіи въ Венгріи. Спб. 97. Стр. 461.

Кони, А. Ѳ.—За послѣдніе годы: Судебныя рѣчи; Юридическія сообщенія и замѣтки; Воспоминанія и біографическіе очерки; Приложенія. Изд. 2-е, дополненное. Спб. 98. Стр. 745. Ц. 3 р. 50 к.

Куприяновъ, А.—Современная Бельгія, въ связи съ ея историческимъ развитіемъ. Спб. 98. Стр. 243. Ц. 75 к.

Лампъ, Ант.—Силы и законы природы. Перев. съ нѣм. Г. Паперне. Съ 45 рис. Стр. 308. Ц. 1 р.

Digitized by Google

*Липперт*ъ, Ю.—Исторія семьи. Переводъ съ нѣмецкаго, Н. Шатерникова. Спб. 1897. VIII и 206 стр. Изданіе Ф. Павленкова. Ц. 60 коп.

Луговскій, Л. Е.—Поѣздка на сѣверъ Тобольской губерніи, съ цѣлью врачебно-санитарн. осмотра рыбопромышленныхъ заведеній въ 1896 г. Тоб. 1897. Стр. 65.

Луговскій, П. М.—На помощь дѣтямъ. Нѣсколько мыслей по школьному вопросу. Новгородъ, 98. Стр. 63. Ц. 60 к.

Макензи, Дж. С.—Этика. Ученіе о нравственности. Перев. съ англ. Спб. 1898. Стр. 320. Ц. 1 р.

М., М.—Критическіе наброски: I. „Потонувшій Колоколъ". Г. Гауптмана. II. Поэзія Бодлэра. Спб. 98. Стр. 56. Ц. 25 к.

Мантегацца, Паоло.—Будущее человѣчество (3000-й годъ). Соціальная фантазія. Переводъ съ итальянскаго, съ 20 рисунками въ текстѣ. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1898. 120 стр. Ц. 40 коп.

*Марк*ъ, Сергѣй, вр.—Отчетъ по командировкѣ на Персидскій заливъ въ 1897 г. Спб. 98. Стр. 96.

*Мартенс*ъ, Ф.—Собраніе трактатовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. Т. XII: Трактаты съ Англіею. 1832—1895. Спб. 1898. Стр. 504.

*Михайлов*ъ, В.—Переселенцы и переселенческое дѣло въ Бирскомъ и Мензелинскомъ уѣздахъ Уфимской губ. Уфа. 1897, стр. 173. Ц. 1 р. 50 к.

Молль, Альбертъ.—Гипнотизмъ, его теоретическія основы и практическое примѣненіе въ общедоступномъ изложеніи. Перев. съ 3-го изд. д-ра Д. Фридберга. Спб. 98. Стр. 345. Ц. 2 р. 80 к.

*Моргулис*ъ, М. Г.—Историческіе этюды: Гиллель, Акиба. Спб. 98. Стр. 61. Ц. 50 к.

*Нансен*ъ, Фр.—Среди льдовъ и во мракѣ полярной ночи. Перев. А. Крубера, п. р. Д. Анучина. М. 98. Стр. 201. Ц. 4 р.

*Неустроев*ъ, А. Н.—Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг., и къ историческому розысканію о нихъ. Спб. 98. Стр. 805.

*Никифоров*ъ, Л. П.—Элементарный курсъ психологіи. Руководство для воспитателей. По Карре и Ливье. М. 98. Стр. 84. Ц. 25 к.

Нордау, Д.—Итоги XIX вѣка (Bilanz des Jahrhunderts). Перев. съ нѣм. Эл. Зауеръ. Спб. 98. Стр. 136. Ц. 40 коп.

Островскій, Д. Н.—Путеводитель по Сѣверу Россіи. Архангельскъ; Бѣлое море; Соловецкій монастырь; Мурманскій берегъ; Новая Земля; Печора. Съ приложеніемъ 1 плана и 12 картъ. Спб. 98. Стр. 146.

Пискарскій, Влад.—Кастильскіе кортесы, въ переходную эпоху отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. 1188—1520 гг. Кіевъ, 1897. Стр. 185. Ц. 1 р. 50 коп.

*Плещеев*ъ, А. Н.—Стихотворенія (1844—1891 г.). 3-е дополн. изданіе, п. р. П. В. Быкова. Спб. 98. Стр. 824. Ц. 4 р.

*Попов*ъ, И. В.—Самоубійство. Этико-психологическій очеркъ. Сергіевъ-Посадъ, 98. Стр. 36. Ц. 25 к.

*Пругавин*ъ, А. С.—Законы и справочныя свѣдѣнія по начальному народному образованію. Спб. 98. Стр. 785. Ц. 3 р. 50 к.

*Пыпин*ъ, А. Н.—Поддѣлки рукописей и народныхъ пѣсенъ. Спб. 98. Стр. 33.

Риль Алоизъ. *Зиммель* Г.—Фридрихъ Ницше. I. Художникъ и мыслитель. II. Этико-философскій силуэтъ. Переводъ съ нѣмецкаго Н. Южина. Одесса, 1898, 160 стр. Ц. 60 коп.

Digitized by Google

Ромеръ, Ѳ. Э.—Сказки и правда. Повѣсти, разсказы и статьи. М. 1898. Стр. 227. Ц. 1 р. 50 к.

Рябинина, К.—Алкалоиды. Химико-физіологическіе очерки. П. р. А. А. Волкова и М. М. Тихвинскаго. Спб. 98. Стр. 54. Ц. 60 коп.

С., Л.—Мысли Бѣлинскаго о воспитаніи. Къ 50-лѣтію со дня его смерти: 1848—1898. Спб. 98. Стр. 34. Ц. 25 к.

Салосъ, И. А.—Дѣла житейскія. Очерки, разсказы и повѣсти. Изданіе О. К. Куманиной. М. 1897. 325 стр. Ц. 1 р. 50 коп.

Сапинъ, А.—Изъ экономической жизни западной Европы. Сборникъ статей. Вып. 1. Перев. съ нѣм. Спб. 98. Стр. 122. Ц. 75 к.

Сапожниковъ, А. А.—Иновѣрцы и иноземцы въ Россіи. (Ихъ права и отношенія къ кореннымъ жителямъ). Спб. 1898. 30 стр.

Сперанскій, Николай.—Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. М. 98. Стр. 240. Ц. 1 р.

Тихомировъ, Д. А.—Педагогическіе курсы 1897 г., въ г. Полтавѣ. Полт. 98. Стр. 328.

Тойнби, Ари.—Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII ст. Перев. съ англ., съ предисл. проф. А. И. Чупрова. М. 98. Стр. 329. Ц. 50 к.

Толстой, гр. А. К.—Полное собраніе сочиненій. Т. IV: Князь Серебряный. Повѣсть временъ Іоанна Грознаго. Спб. 98. Стр. 395. Ц. 1 р. 50 к.

Толстой, Л. Л.—Для дѣтей. Разсказы. М. 98. Стр. 142. Ц. 80 к.

Топеліусъ, З.—Юнгарсы. Историч. романъ. Перев. со швед. А. Полторацкой. Съ 12 рис. М. 98. Стр. 308. Ц. 1 р. 50 к.

Торсое, А.—Исторія нашего столѣтія. 1815—1890 г. Т. I: 1815—1863 г. Перев. съ дат. М. В. Лучицкой. Кіевъ, 98. Стр. 512. Ц. 1 р. 75 к.

Туганъ-Барановскій, М.—Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Истор.-экономич. изслѣдованіе. Т. I: Историческое изслѣдованіе русской фабрики въ XIX в. Спб. 98. Стр. 496. Ц. 3 р.

Туръ, Евгенія.—Катакомбы. Повѣсть изъ первыхъ временъ христіанства. Съ англ. Изд. 9-е. Спб. 98. Стр. 287. Ц. 1 р.

Тэнъ-Брикъ, Бернардъ.—Лекціи о Шекспирѣ. Съ нѣмецк. И. Д. Городецкаго. М. 98. Стр. 119. Ц. 40 к.

Фламмаріонъ, Кам.—Стелла. Астрономическій романъ. Перев. Е. Предтеченскаго. Спб. 98. Стр. 348. Ц. 80 к.

——— Множественность населенныхъ міровъ и условія обитаемости небесныхъ земель съ точки зрѣнія астрономіи, физіологіи и естественной философіи. Перев. Е. Предтеченскаго. Спб. 98. Стр. 396. Ц. 1 р.

Френкель, А. С.—Средства для борьбы съ разбоемъ на Кавказѣ. Тифл. 98. Стр. 76.

Фэдо, Ф.—Химикъ-любитель. Практическое знакомство съ химіей посредствомъ ряда простыхъ и интересныхъ опытовъ, не требующихъ большихъ расходовъ. Съ 152 рис. Перев. съ франц. В. Обреимова. Спб. 98. Стр. 272. Ц. 1 р.

Ціолковскій, К.—Самостоятельное горизонтальное движеніе управляемаго аэростата. Новыя формулы сопротивленія воздуха и движенія аэростата. Од. 1898. Стр. 22.

Ш., Г. С.—Воспоминанія 1853—1861. Спб. 98. Стр. 120.

Ш., П.—Конспектъ не-органической химіи составленъ по „Основамъ химіи", Д. Менделѣева. Спб. 98. Стр. 30. Ц. 60 к.

Шохоръ-Троцкій, С.—Ариѳметическій задачникъ для учителей. Вып. 2: для учебныхъ заведеній съ полнымъ курсомъ ариѳметики. М. 98. Стр. 367. Ц. 75 к.

Digitized by Google

——— Ариѳметическій задачникъ для учениковъ. Вып. 2: для учебн. завед. съ полн. курс. ариѳметики. М. 98. Стр. 156. Ц. 35.

——— С. И.—Методика ариѳметики. Ч. I: Для учителей одноклассныхъ начальныхъ школъ. Изд. 5-е, переработ. и существ. дополненное. М. 98. Стр. 243. Ц. 80 к.

Шпаковскій, Б. А.—На судъ общественный. Правда объ одесской психіатрической эпопеѣ. Од. 98. Стр. 389. Ц. 85 к.

Шумигорскій, Е. С.—Екатерина Ивановна Нелидова. 1758—1839. Очеркъ изъ исторіи имп. Павла I. Спб. 98. Стр. 172. Ц. 1 р. 25 к.

Щеловъ, Ив.—Народный театръ въ очеркахъ и картинкахъ. 2-е изд., значит. исправл. и дополн. Спб. 98. Стр. 303. Ц. 1 р. 50 к.

Эллисъ, Гевлокъ.—Мужчина и женщина. Этюдъ о вторичныхъ половыхъ признакахъ у человѣка. Перев. съ англ. А. Николаевъ и И. Шмурло. Спб. 98. Стр. 312. Ц. 1 р.

Эттельгардтъ, М. А.—Л. Пастеръ, его жизнь и научная дѣятельность. Съ портретомъ Пастера. Спб. 98. Стр. 96. Ц. 25 к.

Эркманъ-Шатріанъ.—Сочиненія, въ 2-хъ томахъ. Т. I и II. Спб. 1898. Стр. 975 и 824. Ц. за оба тома 3 р.

Яковлева, Н. В. (авторъ „Обрусителей“).—Повѣсти и разсказы. Спб. 1898. Стр. 424. Ц. 1 р. 25 к.

Fiedler, Friedrich.—Gedichte von Alexander Puschkin. Im Versmass der Urschrift. Mit Puschkins Bildniss. Leipzig. Philipp Reclam jun., 1898. Стр. 153.

——— L'année scientifique et industrielle, fondée par L. Figuier. 41-me année, par. Em. Gauthier. 68 fig. Par. 98 Стр. 452.

Petit, Eugène.—Étude critique des differentes théories de la valeur (dans l'échange interieur). Thèse pour le doctorat. Paris, Arthur Rousseau, 1897. Стр. 320.

— Библіотека нашихъ дѣтей, изд. Е. Лавровой и Н. Попова: Волшебныя сказки Перро, съ 23 рис., п. 25 к. (каждая сказка отдѣльно, п. 2, 3, 4 и 5 к.).— Пушокъ и пушинка, Ж. Массонъ, съ 5 рис., п. 5 к. — Козочка г-на Сегена. А. Додэ, п. 3 к.—Приключеніе маленькаго Витта въ ночь подъ Рождество, съ 6 рис., В. Рюдберга, п. 10 к. Спб. 98.

— Лѣтнія колоніи московскихъ городскихъ начальныхъ училищъ 1897 г. М. 98. Стр. 40.

— Образовательно-воспитательныя учрежденія для рабочихъ и организація общедоступныхъ развлеченій въ Москвѣ. Съ архит. проектомъ Ф. Шехтеля: „Народный домъ“ въ Москвѣ. М. 98. Стр. 70. Ц. 50 к.

— Опытъ изслѣдованія по оцѣнкѣ земель въ двухъ межевыхъ дачахъ Полтавской губерніи, № 50. Полт. 97.

— Сборникъ статей въ помощь самообразованію по математикѣ, физикѣ, химіи и астрономіи, составленныхъ кружкомъ преподавателей. Вып. 2. Съ 5 портр. и 118 чертеж. М. 98. Стр. 247—550. Ц. 1 р. 20 к. Всѣ 4 вып.—4 р.

— Сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, составленное Блюмомъ, фонъ-Баррасомъ и Баркгаузеномъ. Т. I: Провѣшиваніе линіи и устройство пути, съ 82 рис. и 4 табл. Перев. А. Ф. Штюрмера. Спб. 98. Стр. 122. Ц. 2 р.

— Труды Варшавскаго Статистическаго Комитета. Вып. IX. Сравнительная статистика заработковъ и продовольствія сельск. населенія въ 10 губ. Царства Польскаго. Варшава, 1897 г. Стр. 300. Вып. XIII. Статистика движенія населенія, хлѣбн. урожаевъ и пр. 1895—96 г. Стр. 400. Вып. XIV. Сельское безземельное населеніе въ 10 губ. Ц. П. 1897 г. Стр. 200.

Digitized by Google

ЗАМѢТКА.

По поводу новаго изданія „Слѣпого Музыканта", Владиміра Короленко.

„Чувствую, что пересмотръ и дополненія въ повѣсти, выдержавшей уже пять изданій, являются нѣсколько неожиданными и требуютъ нѣкотораго объясненія", — совершенно справедливо замѣчаетъ Вл. Г. Короленко въ предисловіи къ новому изданію своего „этюда", впервые напечатаннаго 12 лѣтъ тому назадъ. Объясненіе — отвѣтъ критикамъ, выразившимъ сомнѣніе, чтобы основной мотивъ этюда— т.-е. „инстинктивное, органическое влеченіе слѣпорожденнаго къ свѣту"—былъ согласенъ съ дѣйствительностью. „По мнѣнію возражавшихъ, — говоритъ авторъ, — этотъ мотивъ всегда отсутствуетъ у слѣпорожденныхъ, которые никогда не видѣли свѣта и потому не должны чувствовать лишенія въ томъ, чего совсѣмъ не знаютъ". В. Г. Короленко, признаваясь, что этотъ мотивъ „вошелъ въ его работу, какъ апріорный, подсказанный лишь воображеніемъ", впослѣдствіи, благодаря счастливому случаю, встрѣтилъ подтвержденіе своей догадкѣ и счелъ умѣстнымъ теперь включить въ рамки повѣсти сцену, „занесенную (имъ) въ записную книжку прямо съ натуры, на вышкѣ колокольни одного монастыря тамбовской епархіи, гдѣ два слѣпыхъ— одинъ отъ рожденія, другой ослѣпшій семи лѣтъ, исполняли обязанности звонарей. Слѣпорожденный—озлобленный, со смутнымъ чувствомъ какой-то неудовлетворенности, вслѣдствіе этого черствый, раздражительный, вымещающій на другихъ недовольство своимъ роковымъ „убожествомъ", отъ котораго онъ страдаетъ. Ослѣпшій—благодушнѣе, мягче, смирившійся. Первый изъ нихъ какъ разъ подходитъ къ тому типу, котораго авторъ избралъ героемъ своей повѣсти: это сознаніе своего убожества указываетъ на возможное *инстинктивное* влеченіе слѣпорожденнаго къ свѣту и, при извѣстныхъ условіяхъ, предусмотрѣнныхъ г. Короленко въ первой редакціи его разсказа, оно могло привести къ душевному кризису и его разрѣшенію въ указанномъ имъ смыслѣ. Итакъ, эта сцена (гл. VI новаго изданія)—своего рода оправдательный документъ. Другимъ, тоже до нѣкоторой степени оправдательнымъ документомъ является эпизодъ о слѣпомъ бандуристѣ Юркѣ, сопровождавшемъ въ походахъ казачьяго атамана

Digitized by Google

Игната Караго, въ прошломъ вѣкѣ, эпизодъ, разсказанный—съ выпиской изъ лѣтописи — во время поѣздки пикникомъ Попельскихъ и Ставругенокъ въ „леваду Остапа“. Наконецъ, въ поясненіе внутренняго переворота, произошедшаго со слѣпымъ Петромъ при встрѣчѣ съ нищими, авторъ заставляетъ его на время раздѣлить образъ жизни (гл. VI, 9) бродящихъ слѣпцовъ, съ которыми онъ отправляется на богомолье въ Почаевъ. „Съ каждымъ новымъ шагомъ,—пишетъ авторъ,—на встрѣчу ему лились новые звуки невѣдомаго, широкаго, необъятнаго міра, смѣнившаго теперь лѣнивый и убаюкивающій шорохъ тихой усадьбы... Незрячіе глаза расширялись, ширилась грудь, слухъ еще обострялся; онъ узналъ своихъ спутниковъ, добродушнаго Кандыбу и желчнаго Кузьму, долго брелъ за скрипучими возами чумаковъ, ночевалъ въ степи у огней, слушалъ гомонъ ярмарки и базаровъ, узналъ горе слѣпое и зрячее, отъ котораго не разъ больно сжималось его сердце“... Такъ постепенно „прозрѣвалъ“ слѣпой духовными очами, и душа его исцѣлилась. Тотъ же психологическій переломъ намѣченъ былъ, какъ извѣстно, и въ первой редакціи повѣсти, но здѣсь онъ болѣе развитъ, распространеннѣе. Нужны ли были эти вставки?

Повинна въ нихъ во всякомъ случаѣ критика, на которую и ложится отвѣтственность за нарушеніе цѣльности первоначальнаго замысла. Такъ, нѣкогда Торквато Тассъ, прислушиваясь къ „возраженіямъ критиковъ“, переработалъ цѣликомъ свою поэму и даже перемѣнилъ ея заглавіе: „*Освобожденный* Іерусалимъ“ сталъ „*Побѣжденнымъ* Іерусалимомъ“. Однако, наперекоръ тогдашнимъ зоиламъ, именно первая редакція поэмы увѣковѣчила имя ея автора и, со всѣми ея достоинствами и недостатками, она осталась понынѣ излюбленнымъ чтеніемъ, тогда какъ изъ „исправленной“ редакціи цитируются лишь отдѣльныя мѣста для характеристики требованій рѣчи того времени. Произведеніе В. Г. Короленко пріобрѣло широкую извѣстность уже въ первой своей редакціи. Переведенное почти на всѣ европейскіе языки, оно выдержало нѣсколько изданій не только у насъ, но также въ Англіи и въ Америкѣ. Недавно вышелъ и итальянскій переводъ, и кстати, по вопросу о различныхъ оцѣнкахъ — съ крайностями въ положительномъ и отрицательномъ направленіи—и критическихъ замѣчаніяхъ объ этой повѣсти отмѣтимъ отзывъ г-на Чьямполи, въ предисловіи къ итальянскому переводу (изд. въ Rocca S. Casiano, 1897). По мнѣнію итальянскаго критика, „Слѣпой Музыкантъ“ можетъ смѣло быть причисленъ къ лучшимъ современнымъ произведеніямъ европейскихъ литературъ и „стоитъ на грани съ шедевромъ“ (rasenta il capolavoro). Чьямполи разбираетъ сюжетъ съ внѣшней и внутренней стороны; съ внѣшней, т.-е. самый мотивъ „постепеннаго развитія,—ум-

Digitized by Google

ственнаго и музыкальнаго, — слѣпорожденнаго, который становится артистомъ"; съ внутренней — гуманное настроеніе автора, который, сообщая своему разсказу чувство „грустной меланхоліи", „таинственнаго и щемящаго страха передъ неизвѣстнымъ", описывая „божественный восторгъ передъ могуществомъ искусства", остается самимъ собою и глубоко трогаетъ читателя высотою своего нравственнаго облика, какъ человѣкъ, „страдавшій, но простившій и преисполненный любви къ человѣчеству, несмотря на всѣ неправды жизни и людскую несправедливость. Г. Чьямполи не возбуждаетъ вопроса, на который г. Короленко счелъ нужнымъ отвѣтить въ послѣднемъ изданіи своей повѣсти,—о правдоподобности самой темы разсказа. Напротивъ того, она представилась итальянскому критику настолько естественной и вѣроятной, что онъ восхищается лишь „точностью какъ бы научныхъ пріемовъ психологическаго анализа", съ которой воспроизведена вся духовная жизнь слѣпого и его постепенное знакомство съ внѣшнимъ міромъ. „Шагъ за шагомъ,—пишетъ г. Чьямполи,—раскрывается передъ читателемъ вся условность нашихъ представленій и взаимоотношеніе между ощущеніями и сознаніемъ, затѣмъ —взаимоотношеніе между жизнью и духомъ въ пространствѣ и времени; отношенія, первоначально простыя, потомъ болѣе сложныя. Далѣе, авторъ приводитъ въ связь (координируетъ) разрозненныя ассоціаціи представленій и, обращаясь къ анализу умственнаго развитія ребенка, показываетъ, какъ постепенно крѣпнутъ и достигаютъ въ немъ зрѣлости разныя свойства — память, мышленіе, чувства, воля. Превосходна (stupenda, magistrale) та часть разсказа, гдѣ изучается возникновеніе представленій у слѣпого, при отсутствіи самаго существеннаго органа воспріятія внѣшнихъ ощущеній, т.-е. зрѣнія, представленій пространства, времени, движенія, устойчивости, сходства и различія и т. д. Всѣ эти наблюденія изложены въ видѣ небольшихъ сценъ и картинокъ, отличающихся почти математической точностью изображенія. Къ первичнымъ представленіямъ естественно примыкаютъ болѣе сложныя понятія; создается языкъ „эмоцій"; развиваются чувства общительности и симпатіи, и, наконецъ, наступаетъ расцвѣтъ эстетическихъ ощущеній, которыя охватываютъ (profumano) все произведеніе. По прочтеніи разсказа кажется, что можно по нему установить законы данныхъ явленій, воспроизведенныхъ съ такой точностью и съ такимъ мастерствомъ".

Мы выписали цѣликомъ этотъ отзывъ, какъ показатель впечатлѣній критика, чуждаго нашей жизни (эта отчужденность сказалась въ нѣкоторой неточности и ошибочности сужденій въ другихъ мѣстахъ очерка Чьямполи) и соотвѣтственно разсуждающаго о произведеніи нашего автора съ большей объективностью въ оцѣнкѣ

Digitized by Google

самой фабулы разсказа, независимо отъ соотношенія къ русской жизни. И, какъ мы видѣли, невѣроятнаго по существу онъ въ данной темѣ ничего не нашелъ. Но вопросъ, *вѣрна* ли тема съ точки зрѣнія физіологической, это—вопросъ спеціальный, относительно котораго даже въ средѣ спеціалистовъ-окулистовъ возможны различныя мнѣнія. „Чужая душа—потемки", и врядъ ли подборъ даже цѣлаго ряда наблюденій можетъ привести къ вполнѣ безапелляціонному рѣшенію вопроса: присуще ли слѣпорожденнымъ инстинктивное стремленіе къ свѣту, о которомъ они не могутъ имѣть никакого конкретнаго представленія? Въ художественномъ отношеніи достаточно, чтобы данная тема представлялась правдоподобной, и это условіе, на мой взглядъ, было вполнѣ соблюдено. Однако, въ виду высказанныхъ по этому вопросу сомнѣній, записанная авторомъ сцена „прямо съ натуры", подтверждающая до нѣкоторой степени его апріорное настроеніе, во всякомъ случаѣ интересна. Встрѣча со слѣпыми звонарями, начертанная мастерской кистью съ той яркостью и сжатостью изложенія, которыя составляютъ отличительныя черты таланта Короленко, могла бы имѣть и самостоятельное значеніе, не будучи вставленной въ рамки повѣсти, гдѣ нѣсколько пригнано внѣшнее сходство Петра со слѣпорожденнымъ звонаремъ. Разсказъ о бандуристѣ Юркѣ не нарушаетъ цѣльности изложенія. Что же касается „паломничества" Петра вмѣстѣ съ слѣпцами-нищими, то до нѣкоторой степени оно проясняетъ душевный переворотъ въ героѣ разсказа, избалованномъ попеченіями родныхъ, обособленномъ отъ жизни, какъ вслѣдствіе своей слѣпоты, такъ и вслѣдствіе искусственной обстановки, которую ему старается создать его мать, чтобы оградить отъ превратностей жизни. Противодѣйствуетъ этой системѣ воспитанія дядя Максимъ—человѣкъ жизни, дѣла, прямая, открытая натура, —который именно изъ любви къ своему племяннику хочетъ сдѣлать изъ него человѣка въ лучшемъ смыслѣ слова; для этого онъ и устраиваетъ, потихоньку отъ матери, „хожденіе" Петра, чтобы доставить послѣднему возможность наблюдать непосредственную жизнь, узнать чужое горе и смягчить свое строптивое сердце. Эпизодъ этотъ нѣсколько напоминаетъ традиціонную тему повѣсти „о гордомъ царѣ Аггеѣ", которому Богъ назначилъ испытаніе: царь долженъ на время обратиться въ нищаго и странствовать по міру, чтобы узнать, какъ люди живутъ, и смириться. За него тѣмъ временемъ правитъ на царствѣ ангелъ, принявшій его обликъ. По окончаніи испытанія, царь снова возвращается на престолъ, но, „принявъ скипетръ и начавъ царствовать по прежнему", онъ сталъ теперь, какъ указано въ нашей старинной повѣсти, „зѣло милостивъ ко всякому человѣку и благородно зажилъ, хваля и славя Бога Вседержителя". Повѣсть эта

Digitized by Google

была, какъ извѣстно, пересказана и Всеволодомъ Гаршинымъ, измѣнившимъ ея окончаніе въ нѣсколько тенденціозномъ смыслѣ. У г. Короленко основной мотивъ возстановленъ въ его традиціонной правдѣ, хотя и въ новомъ пріуроченіи. Въ этомъ его преимущество надъ Гаршинымъ, но нужно ли было проясннять на данномъ эпизодѣ то, что было намѣчено и въ первой редакціи разсказа? Извѣстная недосказанность, на нашъ взглядъ, отнюдь не вредила художественному впечатлѣнію, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ она даже составляетъ существенное свойство поэзіи, которая „внушаетъ“ намъ то или другое настроеніе, именно вызывая самостоятельную работу мысли. Съ этой точки зрѣнія тѣ дополнительныя вставки, которыя внесены теперь авторомъ въ эпилогъ повѣсти, представляются намъ едва ли умѣстными. Эпилогъ былъ прекрасенъ въ первой редакціи: ни слова лишняго и достаточно намековъ, чтобы вызвать рядъ образовъ, картину и настроеніе. Если вставленныя теперь фразы—тоже уступка критикѣ, то уступка въ ущербъ принципу, что не художникъ долженъ „опускаться“ для проясненія своего замысла, а слушатели или читатели—вырости до его пониманія. Такое проясненіе отзывается подчеркиваніемъ со всѣми неудобствами этого пріема. Новая редакція эпилога врядъ ли отъ этого выиграла, но въ изложеніи раньше указаннаго вставного эпизода В. Г. Короленко остался самимъ собой, т.-е. намѣтивъ въ сжатыхъ, рельефныхъ штрихахъ нѣсколько небольшихъ сценъ, авторъ стушевалъ контуры рисунка умѣлой кистью и далъ впечатлѣніе жизни, съ примѣсью „вымысла“, опредѣляющаго отношеніе художника къ своему сюжету, тотъ внутренній смыслъ, который онъ желалъ придать своему разсказу.

Мнѣ не хотѣлось бы настаивать на разборѣ архитектоники въ повѣсти В. Г. Короленко, архитектоники, которая именно въ настоящемъ его произведеніи, быть можетъ, всего болѣе озабочиваетъ критиковъ, тогда какъ главное обаяніе его заключается во внутренней работѣ души поэта, которая сообщаетъ всему разсказу особую привлекательность. Сила г. Короленко, какъ художника, и отличительныя качества его таланта выразились, быть можетъ, съ большимъ рельефомъ въ другихъ его произведеніяхъ, но едва ли которое нибудь изъ нихъ проникнуто такой теплотой чувства и, мѣстами, такой искренностью задушевныхъ признаній. Образъ невѣсты и впослѣдствіи жены Петра, Эвелины—одинъ изъ самыхъ удачныхъ типовъ, созданныхъ г. Короленко; Эвелина, съ ея самоотверженной преданностью и мужественной кротостью, можетъ по праву занять самостоятельное мѣсто въ галереѣ женскихъ характеровъ нашихъ лучшихъ писателей. Съ чрезвычайной нѣжностью очерченъ обликъ „многострадальной“ матери героя повѣсти, и въ рельефныхъ чертахъ обрисованъ симпатичный „чудакъ“, воинъ-калѣка, дядя Максимъ. Вообще, жизненной правды

Digitized by Google

въ повѣсти очень много, независимо отъ ея основного мотива, и едва ли не напрасно критики, и наши и иностранные, настаивали на крайней *простотѣ* сюжета. Онъ простъ по внѣшнимъ очертаніямъ, по темѣ того апріорнаго построенія, которое составляетъ въ повѣсти элементъ „вымысла“; но въ цѣломъ, въ идейномъ отношеніи и по отзвукамъ жизни сюжетъ повѣсти весьма сложенъ, быть можетъ, даже слишкомъ сложенъ и вслѣдствіе этого не всѣ части равномѣрно выполнены.

Одинъ тезисъ—выше указанъ самимъ авторомъ: влеченіе слѣпорожденнаго къ свѣту и внутреннее недовольство роковой участью. Другой, параллельный ему,—возможность знакомства съ внѣшнимъ міромъ безъ зрѣнія, по аналогіи психическаго воспріятія свѣтовыхъ и слуховыхъ ощущеній, съ замѣной первыхъ вторыми, аналогіи, подсказанной самимъ языкомъ и смѣшеніемъ эпитетовъ, относящихся къ цвѣтамъ и звукамъ (это очень любопытная глава очерка: наблюденія художника во многомъ совпадаютъ съ выводами научнаго языкознанія и, съ другой стороны, объясняютъ особенности поэтическаго языка такъ называемыхъ „поэтовъ-символистовъ“). Далѣе—собственно художественное развитіе музыканта, переходъ отъ творчества примитивнаго, отъ народной пѣсенки къ высшему искусству, къ общечеловѣческой гармоніи (превосходная сцена „состязанія“ между доморощенной дудкой и фортепіано). Затѣмъ еще—обособленность исключительной жизни въ искусственной обстановкѣ, эгоистическое чувство личнаго горя, заслоняющее пониманіе мірового строя, стремленіе къ болѣе гуманитарной дѣятельности. И еще—историко-бытовой моментъ умственной жизни нашего общества въ связи съ пріуроченіемъ дѣйствія повѣсти къ 70-мъ годамъ: отголосокъ розни „отцовъ“ и „дѣтей“ въ средѣ помѣщиковъ юго-западнаго края, стремленіе молодежи „въ народъ“ и разное отношеніе къ этому движенію дѣйствующихъ лицъ разсказа. Наконецъ, общимъ, надъ всѣмъ возвышающимся, преобладающимъ мотивомъ—исканія свѣта—т.-е. правды и всепрощающей и примиряющей любви, которая вноситъ высшую гармонію въ жизни, побѣждаетъ личное горе и властно прорывается даже въ область вѣчной красоты. Изо всѣхъ этихъ мотивовъ сплетается своеобразная симфонія слѣпого музыканта, прозрѣвшаго душою и отнынѣ увлекающаго за собой тысячи людей силой своего искусства. Настроеніе такъ прекрасно, что имъ хочется просто, какъ недавно выразился гр. Л. Н. Толстой, „заражаться“, не вдаваясь въ критическій анализъ произведенія. Да, въ этомъ отношеніи парадоксъ Л. Н. Толстого, будто „критиками всегда были люди менѣе другихъ способные заражаться искусствомъ“, можетъ найти себѣ примѣненіе: вполнѣ несостоятельный по сущности опредѣленія задачъ критика, онъ справедливъ въ томъ смыслѣ, что когда подчиняешься обаянію художественнаго воспроиз-

Digitized by Google

веденія, его критика представляется какъ бы излишней. Умѣстенъ ли былъ вопросъ о литературныхъ достоинствахъ или недостаткахъ „Хижины Дяди Тома", когда это произведеніе увлекало (или „заражало") участниковъ освободительной войны противъ рабства? А мы имѣемъ теперь особое основаніе дорожить именно настроеніемъ „Слѣпого Музыканта": только-что вышелъ отдѣльнымъ изданіемъ послѣдній романъ Золя, „Парижъ". Опредѣляя его основныя идеи, Эмиль Фагэ сводитъ ихъ къ слѣдующимъ положеніямъ: „ненависть къ христіанству, вѣра въ науку. Христіанство потерпѣло банкротство. Оно выдумало милосердіе. Девятнадцать протекшихъ вѣковъ доказали несостоятельность милосердія для того, чтобы отстранить несчастія людей. Христіанство осуждено. Нужно стремиться не къ милосердію и любви, а къ справедливости. Наука водворитъ справедливость и будетъ охранять ее. Все для науки"! Однако, какъ справедливо замѣчаетъ тотъ же критикъ, наука также существуетъ съ давнихъ поръ; она даже старше христіанства; но ей еще ни разу не удавалось водворять справедливости на землѣ. Наука, съ точки зрѣнія нравственной, безразлична. „Будьте учены, если угодно, заканчиваетъ Фагэ, наука, конечно, сила. Но, если вы ищете счастья, старайтесь любить другъ друга. Въ этомъ вся суть и въ этомъ состоитъ истинное милосердіе". Такое пониманіе „милосердія" заключается и въ основной идеѣ повѣсти В. Г. Короленко. Раздвоеніе и даже противоположеніе вышеуказанныхъ двухъ понятій—милосердія и справедливости, т.-е. любви къ ближнему и стремленія къ истинѣ, представляется намъ крайне искусственнымъ и—особенно въ толкованіи Золя—тенденціозно-одностороннимъ. Между тѣмъ, на Западѣ оно, къ сожалѣнію, не является изолированнымъ мнѣніемъ французскаго романиста, выдумавшаго „банкротство" христіанства, словно въ отместку за такое же мнимое „банкротство" науки, изобрѣтенное недоброжелательнымъ къ Золя критикомъ Брюнетьеромъ. Любопытно, что и въ вышеуказанномъ очеркѣ г. Чьямполи, итальянскій критикъ, какъ ни сильно онъ подчинился обаянію искусства г. Короленко, дѣлаетъ своеобразный общій выводъ о „Слѣпомъ Музыкантѣ": стремленіе къ „свѣту", т.-е. къ правдѣ, кажется ему юношескимъ увлеченіемъ, которое проходитъ у людей, умудренныхъ жизненнымъ опытомъ. „*Слѣпая* молодость,—говоритъ Чьямполи,—ищетъ разгоряченнымъ воображеніемъ (nel fervor della imaginativa) правды, какъ *зрячіе* ищутъ мечты; она стремится къ реальному и положительному, какъ зрячіе ищутъ забвенія (ebrezza) въ вымыслахъ фантазіи". Не слишкомъ ли далеко заходитъ скептицизмъ на Западѣ, „прозрѣвшій" въ иномъ смыслѣ, чѣмъ слѣпой въ повѣсти г. Короленко? Развѣ любовь и истина такъ безусловно исключаютъ другъ друга? Развѣ онѣ не вполнѣ совмѣстимы съ справедливостью? Мы во всякомъ случаѣ по-

Digitized by Google

желали бы, чтобы широкая популярность, которою пользовалась повѣсть нашего даровитаго романиста въ первой редакціи ея, упрочилась и за новымъ изданіемъ, и чтобы настроеніе автора сообщилось наивозможно большему числу читателей. Порываніе къ свѣту, быть можетъ, интенсивнѣе у „слѣпой“ молодости, но развѣ послѣднія слова умиравшаго старца Гёте не были подсказаны тѣмъ же стремленіемъ къ свѣту: „Больше свѣта“? Свѣта научнаго—т.-е. познанія, и въ то же время просвѣтленія сердца, т.-е. любви и воздѣйствія ихъ на міръ силою искусства—вотъ сущность „философіи“ „Слѣпого Музыканта“.

Ѳ. Батюшковъ.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Max Nordau, Drohnenschlacht. Berlin 1898. Band I, стр. 373. Band II, стр. 404.

Максъ Нордау составилъ себѣ громкое имя въ Европѣ, главнымъ образомъ, благодаря своему умѣнью обличать. По рѣзкости и увѣренности сужденій, а также по нервности темперамента, это—обличительный критикъ, а по своему природному остроумію, находчивости и умѣнью облекать мысли въ яркія парадоксальныя формы, Нордау—журналистъ по призванію. Выступивъ въ нѣмецкой журналистикѣ со своими памфлетами противъ общественной жизни и условной нравственности, поселившись затѣмъ въ Парижѣ и направляя свои нападки и остроты, главнымъ образомъ, противъ французскаго общества, Нордау какъ бы хотѣлъ продолжить традицію двухъ своихъ соотечественниковъ и соплеменниковъ, которые жили за нѣсколько десятковъ лѣтъ до него и тоже обличали общественную жизнь въ письмахъ изъ Парижа. Максъ Нордау, видимо, стремится объединить въ себѣ свободную насмѣшку Гейне съ весьма положительными политическими и нравственными принципами Бёрне,—быть по манерѣ и стилю Гейне современной Германіи, а по своей суровой проповѣди и твердому признанію общественнаго и нравственнаго долга—продолжателемъ романтика Бёрне.

Но эта двойная роль оказалась слишкомъ сложной для средняго полемическаго таланта Макса Нордау. Онъ сталъ обличителемъ, готовымъ нападать на всѣ произведенія современности, нападать безъ разбора, съ исключительной цѣлью проявлять свое остроуміе. Но обличенія зашли слишкомъ далеко, и не обладая остроуміемъ Гейне, Нордау не справился со своею задачею. Послѣ довольно удачнаго, хотя и не глубокаго вышучиванія современности въ „Conventionnelle" Lügen", „Paradoxe", „Seifenblasen" и др.—Нордау написалъ прогремѣвшую книгу о вырожденіи, которая и показала границы его умѣнья. Гейне имѣлъ право быть несправедливымъ, потому что даже возмутительныя по существу насмѣшки его надъ невинными писателями или просто надъ его личными врагами (полемика противъ графа Платена, противъ Бёрне и т. д.) послужили поводомъ къ проявленію тончай-

Digitized by Google

шаго юмора и глубокаго пониманія людскихъ дѣлъ. Нордау же воодушевленъ только страстью къ обличенію и не вноситъ *себя* въ свою полемику, не проявляетъ оригинальныхъ свойствъ натуры, имѣющей право надъ всѣмъ смѣяться во имя своихъ личныхъ возвышенныхъ идеаловъ, передъ которыми все видимое кажется одинаково мелкимъ и ничтожнымъ. Насмѣшка надъ всѣмъ выкупается только самобытностью обличителя, а этой черты именно нѣтъ въ Нордау. Въ своемъ „Вырожденіи" онъ выказалъ себя рабомъ научной гипотезы, измѣряя сложную идейную жизнь современности узкой мѣркой клиническихъ наблюденій. Въ своемъ природномъ тяготѣніи къ роли строгаго судьи, Нордау обрадовался тому, что у него въ рукахъ оказалась признанная научными авторитетами мѣрка. И безъ всякаго зазрѣнія совѣсти онъ сталъ пригонять ее къ явленіямъ, которымъ не сочувствовалъ,—объявляя Толстого и Ибсена маніаками и называя ихъ мнимыя душевныя болѣзни латинскими названіями, Нордау такимъ образомъ обогатилъ литературную полемику новымъ элементомъ—естественно-научными теоріями и терминами, но эту попытку едва ли можно назвать удачной, и остроуміе Нордау, направленное противъ современной литературы, не сдѣлалось болѣе близкимъ къ безсмертнымъ полемическимъ выходкамъ Гейне, оттого что Нордау сталъ послѣдователемъ различныхъ медицинскихъ доктринъ.

Обличеніе, которымъ занимается Нордау—далеко не безпринципное. Его общественные и нравственные идеалы очень ясны, даже, скорѣе, ограниченны и лишены всякой новизны. Существованіе честной бюргергерской семьи, озабоченной тѣмъ, что о нихъ говорятъ сосѣди, преданной заботамъ другъ о другѣ и считающей преступленіемъ всякое желаніе выйти изъ тѣсныхъ рамокъ, намѣченныхъ судьбой, кажется ему идеальнымъ,—и съ точки зрѣнія такой образцовой семьи, счастливой въ сознаніи исполненнаго долга, Максъ Нордау критикуетъ французскую жизнь и вообще лихорадочное существованіе общества, которымъ овладѣло стремленіе испытать все, что можетъ дать жизнь, напряженная до крайности.

Казалось бы, что, обладая такимъ спокойнымъ и скромнымъ идеаломъ жизни, трудно разыгрывать роль общественнаго судьи и проповѣдника, и смѣяться надъ всѣмъ и надъ всѣми, считая ихъ, по примѣру Гейне, тѣми дураками, которые своею глупостью кормятъ того, кто надъ ними смѣется. Нельзя также и требовать, подобно Бёрне, слѣдованія гражданскому и нравственному долгу, если слѣдованіе это обозначаетъ только ограниченную, безобидную жизнь умѣренныхъ бюргеровъ, далекихъ отъ смѣлыхъ прогрессивныхъ стремленій. А между тѣмъ Нордау такъ именно и поступаетъ: онъ осуждаетъ и зоветъ къ исполненію долга; пока онъ это дѣлалъ въ видѣ краткихъ и остро-

Digitized by Google

умныхъ изреченій, парадоксовъ или мелкихъ картинъ нравовъ, гдѣ наблюдательность автора была болѣе замѣтной, чѣмъ его поучительные замыслы,—его талантъ памфлетиста придавалъ интересъ его писаніямъ; но внутренняя безсодержательность его сатиры, обнаружившаяся уже въ его „Вырожденіи", еще яснѣе выступаетъ въ его новѣйшемъ романѣ „Drohnenschlacht", очень претенціозномъ и объемистомъ, но болѣе интереснымъ для характеристики автора, чѣмъ по своему непосредственному значенію.

Нордау воспользовался для своего романа той средой, которая ему наиболѣе знакома,—жизнью нѣмецкаго общества во Франціи. Нордау живетъ въ Парижѣ очень обособленной жизнью; въ противоположность Гейне, которому онъ хочетъ подражать, онъ не съумѣлъ составить себѣ симпатій во французскомъ обществѣ, и извѣстенъ какъ ненавистникъ Франціи и обличитель ея въ газетныхъ статьяхъ и книгахъ. Докторъ по профессіи, онъ главнымъ образомъ живетъ въ обществѣ своихъ соотечественниковъ и смотритъ на французовъ извнѣ, односторонне ихъ критикуя, не стараясь вникнуть въ сложность французской натуры, являясь, какъ всегда, судьей, а не психологомъ. Изъ своего общенія съ французами Нордау вынесъ только злобу на нихъ за ихъ отношеніе къ нѣмцамъ, и злоба эта—преобладающая черта его новаго романа. Конечно, злоба и страсть къ обличительству могутъ быть очень цѣнными свойствами художественнаго произведенія, обусловливая страстность изображенія и яркость идейнаго замысла. Но у Нордау сатира нравовъ исчерпываетъ все содержаніе. Въ романѣ чувствуется не художникъ, а памфлетистъ, къ тому же не особенно остроумный. Еслибы Нордау вышучивалъ и обличалъ французскіе нравы, не противопоставляя имъ своего идеала, не выводя въ романѣ положительныхъ героевъ, онъ не могъ бы возбудить въ читателяхъ негодованіе своимъ изображеніемъ парижской жизни. Но къ сожалѣнію онъ открываетъ карты, и читатель перестаетъ негодовать; его идеалъ безупречно сѣраго существованія такъ же мало привлекателенъ, какъ и разнузданность людей, о которыхъ онъ говоритъ въ поучительномъ тонѣ.

Содержаніе романа Нордау не отличается особенной новизной, а изложеніе поражаетъ своей тяжеловѣсностью и отсутствіемъ красокъ. Странно, что, живя такъ долго въ Парижѣ, изучая французовъ и французскую литературу, хотя бы для того, чтобы осмѣивать ихъ, Нордау не заразился похвальной французской сжатостью художественнаго изложенія. Даже еслибы приходилось изложить нѣчто никому неизвѣстное, необычайное по новизнѣ, французскій писатель не позволилъ бы себѣ выйти за предѣлы удобочитаемой книги средняго формата. Нордау же, избравъ своимъ предметомъ столь часто и много

Digitized by Google

описанную биржевую среду Парижа, изображаетъ ее въ двухъ томахъ большого объема, около четырехсотъ страницъ въ каждомъ. Такіе размѣры подобаютъ только нѣмецкимъ профессорскимъ изслѣдованіямъ, да развѣ еще историческимъ романамъ, наполненнымъ книжными матеріалами. Психологія современной жизни—слишкомъ нервная и живая, чтобы укладываться въ рамки тяжелой растянутой сатиры, загроможденной описаніемъ банальныхъ людей, банальной роскоши, пустыхъ разговоровъ и еще болѣе пустыхъ чувствъ.

Сюжетъ романа Нордау—биржевая спекуляція Парижа. Герои его—подозрительные спекуляторы нѣмецкаго происхожденія, которымъ удается пустить пыль въ глаза наивнымъ французамъ и сдѣлаться, въ силу своихъ талантовъ и своей изворотливости, властителями Парижа, безцеремонно третирующими всякихъ аристократовъ и цѣлую ораву авантюристовъ. То, что продѣлываютъ эти баловни счастья, прежде чѣмъ лопаются ихъ предпріятія, въ сущности настолько отвратительно и мелко, что брезгливое отношеніе французовъ, о которомъ сознательно говоритъ Нордау, кажется читателю совершенно понятнымъ, и выраженіе „sale prussien", которымъ Нордау болѣе всего коритъ французовъ, кажется иногда самымъ подходящимъ эпитетомъ для его героевъ, несмотря на все ихъ джентльменство и широту замысловъ. Мораль романа сводится, во-первыхъ, къ тому, что биржевая спекуляція—вещь богопротивная и къ добру не можетъ привести, а во-вторыхъ, что раскаяніе никогда не приходитъ слишкомъ поздно, и честный отецъ семейства достоинъ всякаго уваженія и благословенія судьбы, если онъ во-время понялъ безнравственность легкой наживы и вернулся на путь труда и добродѣтели.

Казалось бы, что проповѣди такого рода истинъ не стоило растягивать на два обширныхъ тома, и что вообще онѣ не требуютъ доказательствъ. Но такова уже натура Макса Нордау: онъ не можетъ изображать, не проповѣдуя, а его отношеніе къ жизни—такое умѣренно добродѣтельное, что его возмущаетъ въ окружающей жизни только наглядная несправедливость, только то, что лежитъ на поверхности вещей, не составляя непоправимаго зла жизни. Люди должны работать, а не стремиться къ существованію праздныхъ трутней, трудиться, а не искать быстрой наживы—вотъ то евангеліе, которое проповѣдуется въ романѣ Нордау, и чтобы показать на примѣрѣ справедливость своего несложнаго ученія, онъ рисуетъ блестящую, но краткую карьеру нѣсколькихъ трутней, т.-е. биржевыхъ дѣльцовъ, и показываетъ роковой исходъ ихъ безплодной жизни.

Героемъ биржевой эпопеи является баронъ Генебергъ—типъ классическаго авантюриста. Онъ выросъ въ бѣдности, спалъ въ дѣтствѣ чуть ли не въ хлѣвѣ и, конечно, тогда же началъ мечтать о милліо-

Digitized by Google

нахъ. Ему помогъ случай: изъ простого гимназическаго учителя математики онъ превратился, благодаря дружбѣ съ какимъ-то заморскимъ ученикомъ, въ финансоваго агента, добывающаго деньги для никому невѣдомаго южно-американскаго королевства. Изъ скромнаго, трудолюбиваго Берлина Генебергъ попадаетъ въ Парижъ, пользуется своимъ химерическимъ назначеніемъ, чтобы стать крупнымъ дѣльцомъ, и тутъ сразу начинается феерія его биржевого царства. Онъ пріобрѣтаетъ титулъ барона, окружаетъ себя безумной роскошью, связываетъ свою жизнь съ цѣлымъ рядомъ видныхъ парижскихъ дѣльцовъ, образуетъ синдикатъ для эксплуатаціи ртути и создаетъ небывалую биржевую горячку, которая, конечно, кончается крахомъ въ тотъ моментъ, когда изъ простого милліонера Генебергъ хочетъ сдѣлаться обладателемъ милліардовъ. Конечно, какъ и полагается для нравоучительнаго романа, судьба доводитъ жаднаго, смѣющагося надъ совѣстью и долгомъ Генеберга не только къ матеріальному, но и къ нравственному паденію. Генебергъ теряетъ не только милліоны, ему не только грозитъ кара правосудія за совершонныя мошенничества, но онъ теряетъ и женщину, которую онъ любитъ, которую онъ хочетъ добыть для себя хотя бы цѣною преступленія, съ ненавистью и презрѣніемъ,—и волшебная сказка нищаго мальчика, превратившагося въ милліонера, заканчивается подобающимъ финаломъ, т.-е. выстрѣломъ изъ револьвера за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, какъ полицейскій коммиссаръ приходитъ арестовать зарвавшагося спекулянта.

Можно ли придумать нѣчто болѣе заурядное и условно типичное, чѣмъ этотъ герой биржевой мелодрамы, котораго Нордау обстоятельно и въ тонѣ благороднаго негодованія рисуетъ на страницахъ своего романа?

Рядомъ съ нимъ въ романѣ выведены столь же условныя фигуры биржевого міра, коршуны и жертвы игры, баронъ Агостини, занятый только тѣмъ, чтобы скрыть отъ окружающихъ распатанность своего организма подъ маской корректности и щегольства; равнодушный къ своимъ милліонамъ, онъ недостаточно изобрѣтателенъ, чтобы эксплуатировать другихъ,—поэтому становится самъ жертвой слишкомъ крупной спекуляціи и также кончаетъ жизнь самоубійствомъ, какъ и его злой духъ—Геннебергъ. Жена его, гордая красавица Августа, обычный типъ трагической пожирательницы сердецъ; она, конечно, вступила въ жизнь съ непорочной, чистой душой, но жизнь и люди обманули ее, и она „метитъ“ обществу своимъ паденіемъ, становится сначала любовницей стараго богатаго графа, потомъ кружитъ головы молодымъ людямъ, выходитъ замужъ за барона и возрождается для почетнаго положенія въ обществѣ. Озлобленная противъ общества, она не вѣритъ въ добро и хочетъ „забыться“ въ наслажденіяхъ и

Digitized by Google

роскоши. Но добродѣтель ея натуры одерживаетъ побѣду надъ мстительными инстинктами. Когда старый баронъ застрѣливается, она съ ужасомъ отталкиваетъ отъ себя своего порочнаго соблазнителя—Геннеберга, и кончаетъ жизнь въ монастырѣ. Всѣ другія лица представляютъ столь же мало новизны: есть нѣсколько удачныхъ каррикатуръ, въ родѣ лаосскаго короля, авантюриста, обирающаго биржевиковъ, загипнотизированныхъ его титуломъ, остряка Кона, который хочетъ открыть подписку въ пользу голодающихъ милліонеровъ и умѣетъ всегда извлечь пользу даже изъ краха своихъ друзей, и т. д. Самыя описанія роскоши биржевиковъ не доказываютъ большого развитія фантазіи автора; какъ у многихъ нѣмецкихъ писателей, высшимъ проявленіемъ роскоши у Нордау является шампанское (Sekt); при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ дѣйствующія лица романа отправляются въ буфетъ своихъ банально-роскошныхъ дворцовъ выпить стаканъ шампанскаго. Въ описаніяхъ же одежды и обстановки баронессы Агостини, Геннеберга и другихъ обладателей милліоновъ преобладаютъ главнымъ образомъ эпитеты: „царственная мантія“, „княжескій блескъ“, „безумная роскошь сервировки“ и т. д.

Но всѣ эти типы биржевиковъ, также какъ исторія гигантской спекуляціи со ртутью, служатъ только для характеристики среды. Внутреннее содержаніе романа заключается въ исторіи скромной нѣмецкой семьи, работящей и умѣренной въ своихъ желаніяхъ, и вдругъ очутившейся въ водоворотѣ парижской биржевой лихорадки. Семья эта воплощаетъ жизненный идеалъ самого автора, и судьба ея становится для него мѣриломъ для сужденій о Франціи. Значительная часть романа посвящена критикѣ французскихъ порядковъ, которые не по нраву хозяйственной и аккуратной Frau Käthe, женѣ учителя Коппеля, и ея жалобы излагаются какъ авторитетная критика французской жизни. Переѣзжая изъ Берлина, Коппели перевезли оттуда свою мебель, и такъ какъ громоздкіе, тяжеловѣсные шкафы и столы не умѣщаются въ изящныхъ парижскихъ комнатахъ, то, очевидно, виновата Франція. Въ романъ введенъ длиннѣйшій и совершенно лишній эпизодъ исчезновенія изъ дому старухи матери Коппеля, заблудившейся въ Парижѣ, и единственная цѣль этого эпизода—показать, какъ скверно организована полиція въ Парижѣ, какъ изъ одного участка въ другой не даютъ знать о заявленіяхъ приходящихъ лицъ—и какъ, наконецъ, все устраивается въ одинъ мигъ, какъ только въ дѣло вмѣшивается какое-нибудь вліятельное лицо. Казалось бы, что̀ характерно-парижскаго въ этомъ эпизодѣ, который могъ одинаково произойти въ Парижѣ, какъ и въ Берлинѣ и во всякой другой столицѣ? Кромѣ того, обличенія столь точнаго фактическаго содержанія имѣютъ смыслъ только какъ документально доказанныя проис-

Digitized by Google

шествія. Выдуманная исторія объ исчезновеніи старой нѣмки въ Парижѣ никого не убѣдитъ въ халатности французской полиціи; въ такихъ случаяхъ важно только то, что̀ произошло, а не то, что̀ могло случиться.

Исчерпавъ въ двухъ „книгахъ“ (главы романа Нордау такъ велики, что онъ предпочитаетъ называть ихъ книгами) эпизодъ пропавшей, но благополучно возвращенной своей семьѣ матери, Нордау столь же пространно изображаетъ дальнѣйшую судьбу учителя Коппеля,—его минутное увлеченіе возможностью стать трутнемъ и жить въ роскоши—и его конечный возвратъ къ истинному смыслу жизни. Психологія мелкаго человѣка, охваченнаго минутной жаждой измѣнить какъ-нибудь, хотя бы во внѣшнихъ условіяхъ жизни, сѣрость своего существованія — самое лучшее въ романѣ Нордау. Коппель интересенъ не своимъ возмущеніемъ противъ рыцарей наживы, а тѣмъ, что онъ самъ переживаетъ и паденія, и борьбу, и живетъ болѣе сложной жизнью инстинктовъ, чувствъ и разума, чѣмъ его однообразно-добродѣтельная жена. Постепенный захватъ Коппеля игрой на биржѣ изображенъ очень правдиво и драматично; смѣна ощущеній и настроеній, различныя чувства къ биржѣ—источнику его упованій, чередованіе надеждъ и отчаянія, цѣлый рой мелкихъ человѣческихъ слабостей, выступающихъ наружу, когда напряжены всѣ душевныя силы, и, наконецъ, неизбѣжный роковой финалъ съ униженіями и страданіями,—все это передано съ живыми подробностями. Конечно, все это описывалось слишкомъ часто, чтобы быть оригинальнымъ; Коппель отличается отъ жертвъ биржевой игры хотя бы, напр., въ „Argent“ Зола̀ только тѣмъ, что это—нѣмецъ, играющій на парижской биржѣ, и что, какъ нѣмецъ, онъ сохранилъ въ душѣ традиціи честнаго бюргерства и, благодаря этому, уцѣлѣлъ.

Изображая нѣмцевъ и французовъ въ ихъ постоянныхъ столкновеніяхъ, Нордау отдаетъ явное предпочтеніе нѣмцамъ и такъ же односторонѣнъ въ своемъ огульномъ осужденіи Парижа, какъ тѣ французы, которые обозлили его криками: „sale prussien“. Главная цѣль Парижа въ романѣ „Drohnenschlacht“:—осужденіе паразитнаго существованія жадныхъ безчестныхъ французскихъ биржевиковъ во имя бюргерской добродѣтели; но у него есть еще другая цѣль—показать, къ чему ведетъ эмиграція нѣмцевъ въ другія страны; какъ они вносятъ въ растлѣнную Францію твердость своихъ нравственныхъ устоевъ и черезъ одно или два поколѣнія становятся гражданами своего новаго отечества—и гражданами во всѣхъ отношеніяхъ образцовыми. Геннебергъ—типъ нѣмца-авантюриста, проходящаго какъ метеоръ на горизонтѣ парижской жизни. Но и онъ полезенъ тѣмъ, что возбуждаетъ энергію и предпріимчивость въ лишенныхъ иниціативы французахъ.

Digitized by Google

Выше его—второй типъ нѣмецкаго пришельца, Коппель, поражающій подозрительный міръ французскихъ „coulissiers“ своей честностью. А сынъ Коппеля — по симпатіямъ, вкусамъ и жизни уже вполнѣ французъ, вносящій во французскую жизнь сокровища нѣмецкой солидности и нравственный закалъ. Такимъ образомъ, оказывается, что Франція только выигрываетъ, пріобрѣтая согражданъ нѣмецкаго происхожденія, между тѣмъ какъ нѣмцы осуждены на страданія въ этой странѣ, обреченной на гибель. Вотъ результатъ долголѣтнихъ наблюденій въ Парижѣ Макса Нордау. Любопытно знать, будетъ ли переведенъ его романъ на французскій языкъ, и что́ скажутъ французы на выводы, къ которымъ пришелъ Нордау.

II.

Gabriele D'Annunzio. La Ville Morte. Tragédie en cinq actes. Paris, 1898. Стр. 124.

Одну изъ отличительныхъ чертъ современной литературы составляетъ ея космополитизмъ. Писатели разныхъ странъ часто настолько сходятся въ идеяхъ, вкусахъ и даже въ манерѣ, что національныя различія исчезаютъ. Даже языкъ, на которомъ пишутся художественныя произведенія, пересталъ составлять непреодолимую преграду; есть писатели, которые не ограничиваются роднымъ языкомъ и пишутъ на языкѣ той страны, которая имъ родственна по духу. Существуютъ драмы, написанныя англійскимъ поэтомъ по-французски—для французской актрисы; нѣкоторые скандинавскіе авторы пишутъ одновременно на родномъ языкѣ и по-нѣмецки и т. д. Къ числу писателей, у которыхъ космополитическія наклонности заслонили собой національныя черты, принадлежитъ болѣе чѣмъ кто-либо Габріэль Д'Аннунціо, итальянскій поэтъ, романистъ и драматургъ.

Судьба этого писателя—странная. Онъ еще молодъ,—ему не болѣе тридцати-пяти лѣтъ,—но онъ успѣлъ пережить цѣлый рядъ колебаній своей литературной славы. Первыя его произведенія имѣли въ нѣкоторомъ родѣ оглушительный успѣхъ. Въ самой Италіи особенно цѣнили его поэзію—страстную и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжную, яркую по силѣ красокъ, изысканную по формѣ и болѣзненнымъ настроеніямъ. За предѣлами Италіи онъ возбудилъ сразу шумный восторгъ своими романами. Заговорили о „латинскомъ возрожденіи“, которымъ французская критика рада была воспользоваться, какъ орудіемъ борьбы противъ возрастающаго вліянія русскаго романа. Зачѣмъ искать образцовъ художественнаго творчества на непонятномъ сѣромъ сѣверѣ, когда открылся новый источникъ свѣтлой, близкой латинскому духу

Digitized by Google

красоты въ яркихъ и прозрачныхъ по изысканности и нѣжности новеллахъ и романахъ молодого итальянскаго художника, поражающаго глубокой искренностью и открытостью своего таланта? Романы Д'Аннунціо: „Il Piacere", „L'innocente", „Trionfe della Morte", появлялись во французскомъ переводѣ почти одновременно съ оригиналомъ и вовсе не производили впечатлѣнія переводныхъ. Д'Аннунціо сразу оказался французскимъ писателемъ, который только фабулой своихъ произведеній выдавалъ свою принадлежность другой странѣ; носитель „латинскаго возрожденія" оказался ученикомъ французскихъ романистовъ-психологовъ, напоминающимъ, несмотря на всѣ свои новаторскіе пріемы, болѣе всего Бурже съ его психологическими романами изъ свѣтской жизни. „Возрожденный латинскій геній" оказался слѣдователемъ литературнымъ шаблонамъ, и когда это стало все болѣе и болѣе выясняться изъ каждаго новаго произведенія Д'Аннунціо, то критика—итальянская и французская—ударилась въ другую крайность, обвиняя романиста уже не только въ подражаніи тѣмъ или другимъ писателямъ, а прямо въ плагіатѣ. Приводились выписки взятыхъ имъ и слегка перефразированныхъ мѣстъ изъ Флобера, Бодлэра, изъ англійскихъ поэтовъ, изъ Ницше, Толстого и т. д., и все его творчество представлялось въ видѣ надерганныхъ изъ разныхъ писателей и связанныхъ между собой красивыми фразами идей и образовъ.

Конечно, этотъ приговоръ критики былъ столь же несправедливъ, какъ и прежнее славословіе Д'Аннунціо. Выписками и перефразировками отдѣльныхъ мѣстъ изъ разныхъ писателей нельзя создать ничего цѣльнаго, и художественное впечатлѣніе романовъ Д'Аннунціо зависитъ отъ самобытныхъ элементовъ его творчества, а не отъ его заимствованій. Кампанія, затѣянная противъ Д'Аннунціо съ цѣлью обличить его въ плагіаторствѣ, сильно повредила ему, и въ теченіе нѣкотораго времени публика и критика съ недовѣріемъ относились къ его новымъ произведеніямъ. Теперь это неосновательное гоненіе на писателя, несомнѣнно интереснаго при всей подражательности своего таланта, кончилось, и за послѣдніе два года появилось нѣсколько новыхъ вещей Д'Аннунціо—романъ „Vergine delle Rocche" и драма „Sogno d'una notta di primavera", встрѣченные въ критикѣ съ прежнимъ вниманіемъ къ талантливому романисту.

Теперь, когда прекратилось острое отношеніе къ Д'Аннунціо и изъ полемики о его заимствованіяхъ и подражаніяхъ выяснилось много характернаго для манеры его творчества, можно составить себѣ ясное представленіе объ этомъ писателѣ. Д'Аннунціо менѣе всего непосредственный художникъ. Онъ крайне воспріимчивъ къ литературнымъ вліяніямъ и весь состоитъ изъ отголосковъ. Его муза—женственная, чуткая и умѣетъ очень искусно разыграть внушенную ей или под-

Digitized by Google

слушанную мелодію. Въ сущности это нельзя даже назвать отсутствіемъ самобытности, такъ какъ Д'Аннунціо отражаетъ воспринятое съ полной искренностью и находитъ своеобразные образы, воплощающіе его чувства и настроенія. Д'Аннунціо интересенъ какъ типъ современнаго человѣка, въ которомъ надъ всѣми стремленіями преобладаетъ эстетическій вкусъ и который тѣмъ самымъ лишенъ всякой непосредственности. Страсти въ соединеніи съ холодностью души и головнымъ характеромъ увлеченій, чувства, не усыпляющія въ человѣкѣ самоанализа, а, напротивъ того, возбуждающія его, исканіе контрастовъ въ жизни, тяготѣніе къ таинственному, любовь къ смерти, какъ къ тому, что наиболѣе непонятно и неизбѣжно,—вся эта тревога души, вѣчно недоумѣвающей и вѣчно ищущей, отразилась въ произведеніяхъ Д'Аннунціо. Онъ не выдумалъ душевныхъ страданій своихъ героевъ и даже не наблюдалъ ихъ въ дѣйствительности, а вычиталъ изъ книгъ; любовь къ красивому въ чувствахъ, самый идеалъ красоты, основанной на контрастахъ, онъ почерпнулъ у англійскихъ прерафаэлитовъ и у нихъ же научился любить флорентійскую живопись и средневѣковыя легенды; культъ страданія очевидно заимствованъ у Достоевскаго, а тяготѣніе къ утонченнымъ ощущеніямъ создано вліяніемъ французскихъ поэтовъ школы Бодлэра. Но въ сущности эти литературныя вліянія—не что иное, какъ источникъ общаго склада души Д'Аннунціо. Для оцѣнки его таланта и его произведеній источники эти имѣютъ въ сущности лишь историческій характеръ. Откуда бы они ни шли, важно, что Д'Аннунціо переживалъ эти настроенія, что весь онъ проникнутъ пониманіемъ красоты, какъ божественной тайны; что въ немъ живетъ жажда вѣры, и что его аналитическій умъ разрушаетъ всѣ существующія вѣрованія. Именно благодаря своей неоригинальности, т.-е. своей отзывчивости на всѣ колебанія современной мысли, Д'Аннунціо является полнымъ выразителемъ современности, сочетающимъ въ себѣ всѣ элементы идеалистическаго міровоззрѣнія, опирающагося на эстетическое чувство. Чтобы цѣнить Д'Аннунціо, нужно видѣть въ немъ только вѣрное зеркало современныхъ вкусовъ—скорѣе именно вкусовъ, чѣмъ чувствъ, не искать въ немъ оригинальныхъ мыслей, которыхъ у него нѣтъ, а разсматривать его только какъ художника, призваннаго быть самобытнымъ въ созиданіи формъ и образовъ, а не идей. Всѣ романы Д'Аннунціо показываютъ, какъ художникъ переживалъ послѣдовательно всѣ душевныя настроенія современнаго человѣчества. Въ первыхъ своихъ новеллахъ—„Епископо и комп.“, онъ весь отдается жалости къ забитымъ тихимъ жертвамъ судьбы и рисуетъ житейское горе, проникнутый самъ состраданіемъ къ людямъ, страдающимъ отъ внѣшнихъ условій жизни. Конечно, Достоевскій — вдохновитель этихъ первыхъ опытовъ Д'Аннунціо въ области реалистическаго романа, но итальян-

Digitized by Google

скій художникъ слѣдуетъ ему не какъ литературному образцу. Онъ заразился отношеніемъ Достоевскаго къ людямъ и жизни, самъ сталъ отыскивать скрытыя страданія гордыхъ жертвъ судьбы и изображалъ ихъ искренно и горячо, съ смѣлостью и увлеченіемъ южнаго темперамента. Реалистическія подробности разсказовъ, описаніе постепенной потери собственнаго достоинства человѣкомъ, для котораго сущность жизни—только въ созианіи своей личности, обличаютъ въ Д'Аннунціо очень чуткаго психолога, а яркость уродливыхъ и отвратительныхъ сценъ, описаній болѣзни и грубаго разгула показываетъ, что, слѣдуя формуламъ натуралистической школы, онъ не былъ слѣпымъ подражателемъ, а обладалъ широкимъ полемъ наблюденія и умѣньемъ сильно передавать свои ощущенія.

Въ послѣдующихъ романахъ замѣтны другія литературныя вліянія. „Il Piacere" написанъ въ чисто французскомъ духѣ; въ этомъ романѣ зоркіе критики нашли цѣлый рядъ заимствованій изъ Флобера, Бодлэра и т. д., но въ сущности въ немъ еще больше близости къ менѣе достойнымъ подражанія романистамъ, главнымъ образомъ—къ Бурже. Свѣтская интрига молодого фата, для котораго занятія любовной психологіей — единственное содержаніе и цѣль жизни, выдержана въ тонѣ парижскихъ романовъ Бурже. Тѣ же описанія любовной канители на почвѣ бездѣлья, тотъ же избытокъ психологической изощренности, направленный на анализъ настроеній героя и героини въ ту минуту, когда онъ чиститъ ногти, или она мѣняетъ въ сотый разъ на день весь свой туалетъ, описанный со всѣми подробностями, доступными лишь модному портному и lingère большого парижскаго дома. Но въ романѣ д'Аннунціо примѣшивается къ этому заимствованному характеру психологическаго анализа нѣчто совершенно самобытное—молодая южная страстность. Исторія любви теряетъ у него холодно-развращенный характеръ французскихъ романовъ, которымъ онъ хочетъ подражать, и становится чѣмъ-то животрепещущимъ, веселымъ или трагичнымъ, но всегда прочувствованнымъ, а не выдуманнымъ для развлеченія уставшей души. Въ „Il Piacere" д'Аннунціо противопоставляетъ одинъ другому два рода любви: земное, отуманивающее душу чувство къ женщинѣ, которая возбуждаетъ въ героѣ стремленіе извѣдать до дна наслажденія, доступныя человѣку,—и преклоненіе передъ духовной красотой женщины, недосягаемой въ своей чистотѣ, воплощающей святыню на землѣ. Борьба между этими двумя чувствами составляетъ психологическую основу романа и намѣренно придаетъ первой его части, гдѣ описывается любовная исторія героя и самой обыкновенной изъ свѣтскихъ женщинъ, пошлый характеръ. Герой—молодой, достигшій славы художникъ—скучаетъ, занятъ собой, стремится разнообразить формы

Digitized by Google

жизни. Влюбленность въ женщину, которая ему нравится, но оставляетъ его душу свободной, кажется ему желаннымъ развлеченіемъ, и онъ готовъ принять и ту необходимую долю страданій, безъ которой любовь не можетъ быть полной. Но въ силу своей молодости и непосредственной душевной свѣжести онъ вноситъ и въ это поверхностное чувство неординарную сложность и силу ощущеній, и заурядная свѣтская интрига превращается въ поэму любви, краткую, но пережитую своеобразно и сильно. Духовный подъемъ героя совершается тогда, когда онъ любитъ во второй разъ женщину иного типа. Отъ него отпадаетъ жажда земныхъ наслажденій и — опять-таки на короткое время—онъ весь во власти чистаго поклоненія неземной красотѣ. Конечно, побѣда духа не окончательная, и при новой встрѣчѣ съ прежней возлюбленной старыя чувства снова овладѣваютъ имъ. Но весь интересъ романа—въ самой борьбѣ.

Въ романѣ „L'Innocente" Д'Аннунціо возвращается на время къ вліянію Достоевскаго, но въ слѣдующемъ его романѣ: „Торжество смерти", вполнѣ оказывается самобытный элементъ его творчества. Романъ этотъ — единственный въ своемъ родѣ по сосредоточенной страсти и глубокому трагизму. Въ длинномъ, нескончаемо длинномъ романѣ—только два дѣйствующихъ лица: онъ и она, и художникъ умѣетъ такъ живо разнообразить ихъ дѣйствія, что никакая пестрота жизни не могла бы возбудить столь же сильнаго интереса въ читателѣ. Двое влюбленныхъ, которые по роковой силѣ своей страсти—непримиримые и вѣчные враги другъ друга, любовь, превращенная въ смертельный поединокъ двухъ властныхъ страстей, исканіе безконечнаго торжества и безконечнаго счастья въ обладаніи другимъ существомъ, и роковой конецъ этой жажды безконечнаго—смерть, торжествующая надъ всѣмъ,—вся эта трагедія страсти доведена итальянскимъ романистомъ до истиннаго величія, до того, что она перестаетъ быть исторіей двухъ людей, а становится изображеніемъ типической трагедіи жизни съ ея роковымъ тяготѣніемъ къ смерти. Какъ художникъ, Д'Аннунціо достигъ высшаго развитія таланта именно въ этомъ романѣ. Стиль его является то пламеннымъ, то нѣжнымъ и изысканнымъ въ передачѣ ощущеній, то твердымъ, звучнымъ и колоритнымъ въ описаніяхъ внѣшней природы, зрѣлищъ и всего, что составляетъ прекрасныя рамки, среди которыхъ разыгрывается трагическая исторія любви.

Въ послѣдніе два года Д'Аннунціо сталъ писать драмы. Первая его короткая драма, „Сонъ въ весеннюю ночь", написана была для Элеоноры Дузе и всецѣло состоитъ изъ громкой реторики, красивыхъ лирическихъ фразъ, лишенныхъ, однако, болѣе глубокаго внутренняго значенія. Теперь появилась вторая—„Мертвый городъ" (La ville morte"),

Digitized by Google

написанная по-французски для того, чтобы Сара Бернаръ могла первая поставить ее на сценѣ своего театра. Въ этой драмѣ Д'Аннунціо остается вѣренъ всѣмъ качествамъ своего таланта и особенностямъ своей манеры. Содержаніе трагедіи очень странное, и въ ней ежеминутно проглядываетъ подражаніе символическимъ драмамъ Метерлинка, желаніе придать людямъ характеръ инстинктивныхъ силъ, которыя дѣйствуютъ по непонятнымъ имъ самимъ внушеніямъ, исполняя рѣшенія судьбы и превращаясь въ изумленныхъ созерцателей того, что помимо ихъ воли творится въ ихъ душѣ. Очень своеобразна обстановка дѣйствія, которая происходитъ въ Аргосѣ, передъ микенскими развалинами, куда пріѣхали для раскопокъ два молодыхъ археолога—одинъ Леонардъ, со своей нѣжно любимой златокудрой сестрой, другой—Александръ, со своей еще болѣе красивой, но слѣпой женой. Леонардъ страстно любитъ свое дѣло; цѣль его жизни—открыть гробницы троянскихъ вождей. Онъ много лѣтъ жилъ въ пыли раскопокъ, далеко отъ людей, довольствуясь обществомъ сестры. Теперь его цѣль достигнута, гробницы Атридовъ имъ открыты; ликующій, покрытый пылью, онъ возвращается домой въ сопровожденіи цѣлой толпы, прославляющей его за драгоцѣнныя открытія. Другъ его Александръ раздѣляетъ его радость, какъ прежде раздѣлялъ его труды, и тѣсный кружокъ друзей, такъ долго и упорно трудившійся вмѣстѣ, предается теперь ликованію. Вспоминаются трудные дни поисковъ, и Леонардъ съ нѣжностью говоритъ о помощи, которую доставляла ему сестра, облегчавшая его труды своей любовью и заботами. Теперь жизнь среди мертвящей пыли древности кончена, и можно вернуться къ жизни, молодости и радости. Но тутъ-то начинаетъ обнаруживаться внутренняя трагедія, страннымъ образомъ сплетающая взаимныя отношенія маленькаго круга друзей. Смерть и тлѣнъ—не только въ древнихъ развалинахъ, а въ нихъ самихъ, въ томъ, что въ нихъ самихъ продолжаютъ жить губительныя страсти, испепелившія окружающій ихъ городъ. Слѣпая Анна первая чувствуетъ приближеніе грозы. Она заставляетъ Blanche-Marie, сестру Леонарда, читать вслухъ „Антигону“ и прислушивается къ звукамъ ея голоса при чтеніи. Она зоветъ своего мужа и прислушивается къ измѣненіямъ его голоса и голоса молодой дѣвушки, когда они говорятъ между собой. Предметъ разговора—всегда одинъ и тотъ же. Сестра и другъ Леонарда страшно озабочены измѣненіемъ въ характерѣ ученаго. Что-то злое подкралось къ нему; онъ сталъ избѣгать сестры, не говоритъ о причинѣ своихъ страданій. Но чуткая Анна понимаетъ, въ чемъ дѣло, и принимаетъ суровое рѣшеніе. Въ ней нѣтъ ни злобы, ни борьбы за собственное счастье. Она знаетъ, что любовь и молодость всесильны, понимаетъ, что мужъ ея полюбилъ молодую дѣвушку, и что она въ свою очередь

Digitized by Google

любитъ его, боясь себѣ въ этомъ сознаться. Ея долгъ—открыть каждому тайну его души, и устроить такъ, чтобы исполнились завѣтныя желанія, если даже для этого нужно, чтобы она принесла себя въ жертву. Но, прежде чѣмъ она успѣваетъ совершить воскресающій подвигъ любви, смерть и тлѣнъ довершаютъ свое дѣло. Александръ и Бланшъ-Мари смутно понимаютъ чувство, которое влечетъ ихъ другъ къ другу, и страшатся его, какъ преступленія; но они не знаютъ еще новаго осложненія, новой побѣды вѣкового зла, поднявшагося изъ мрачныхъ глубинъ прошлаго надъ молодыми, безнадежно стремящимися къ свободѣ душами. Александръ допытывается у Леонарда о причинѣ его страданій, доказываетъ ему, что источникъ его мукъ—мертвый городъ, что нужно отряхнуть пыль былого, вернуться къ природѣ, къ здоровой жизни на свѣжемъ воздухѣ, въ общеніи съ простой дѣйствительностью, жить не выдуманными интересами, а непосредственными чувствами, не головой, а сердцемъ. Поэтическіе образы въ проповѣди Александра служатъ покровомъ идейнаго замысла Д'Аннунціо: отъ искусственной, тепличной красоты современнаго искусства онъ зоветъ къ слѣдованію здоровымъ жизненнымъ инстинктамъ. Проклятія, которыя Александръ шлетъ „мертвому городу", представляютъ нѣкоторымъ образомъ отреченіе отъ искусства, чуждаго жизни, отъ эстетизма, отдѣляющаго современныхъ художниковъ отъ живыхъ источниковъ жизни, приковывающаго ихъ къ картинамъ и книгамъ. „Бѣдный другъ"!—говоритъ Александръ Леонарду:—„Вотъ уже два длинныхъ года, какъ ты здѣсь, въ этой странѣ вѣчной жажды, у подошвы этой голой скалы, очарованный мертвымъ городомъ; ты копаешь землю, вѣчно видя передъ глазами въ раскаленной пыли страшные призраки, которыхъ ищетъ твое воображеніе... Какъ еще твои силы выдержали это до сихъ поръ! Въ теченіе двухъ лѣтъ ты вдыхалъ смертельные міазмы гробницъ и былъ полонъ ужасовъ самой трагичной судьбы, которая когда-либо поражала родъ людской. Какъ ты могъ устоять противъ этого? Какъ ты не боишься безумія? Ты подобенъ отравленному человѣку, и въ глазахъ твоихъ иногда видно безуміе". Но спасеніе уже невозможно: онъ зараженъ тлѣномъ; въ душѣ его возникло чувство, губительность котораго онъ сознаетъ. Поддаваясь дружескимъ увѣщаніямъ Александра, Леонардо открываетъ ему свою душу, говоритъ о томъ, что полюбилъ сестру свою Бланшъ-Мари, Александръ съ ужасомъ выслушиваетъ его исповѣдь и только молитъ его замолчать, не говорить о томъ, что онъ переживаетъ. Анна вполнѣ рѣшила вернуть счастіе въ постигнутую горемъ семью, считая, что она—единственное препятствіе на пути своего мужа, Бланшъ-Мари и брата ея, страдающаго горемъ сестры. Она объясняетъ дѣвушкѣ ея права на счастіе и любовь, и затѣмъ зоветъ Леонардо, чтобы сказать ему о взаимной любви Александра и Бланшъ-Мари. Леонардо охваченъ ужа-

Digitized by Google

сомъ. Онъ видитъ, что зло окружило ихъ всѣхъ тѣснымъ давящимъ кольцомъ, и что нужно разбить кольцо. Всѣ чувства пошли по ложному пути подъ страшнымъ гнетомъ мертваго города, власть котораго тѣмъ болѣе губительна, что зло воплощено въ образѣ прекрасной, чистой дѣвушки, невинной, какъ искупительная жертва. Чтобы сломить власть мертваго города, чтобы вернуться къ живой дѣйствительности, нужно уничтожить ту красоту, которая вела не къ жизни, а къ смерти, нося въ себя отраву тлѣна. Съ этого момента психологическій характеръ трагедіи замѣняется отвлеченнымъ, и происходящія событія имѣютъ уже чисто символическое значеніе. Узнавъ о любви Бланшъ-Мари и Александра, Леонардо рѣшаетъ, что дѣвушка должна умереть. Въ немъ уже не говоритъ личная страсть—онъ становится исполнителемъ рѣшеній судьбы. Дѣвушка должна быть спасена отъ позора и пасть невинной жертвой, сокрушающей силу зла. Онъ увлекаетъ сестру къ фонтану. Анна и Александръ говорятъ между собой о тяготящемъ надъ ними рокѣ, причемъ каждый понимаетъ иначе то, что происходитъ. Анна говоритъ мужу о его любви къ Бланшъ-Мари; Александръ думаетъ, что она поняла преступную страсть Леонардо. Встревоженные отсутствіемъ брата и сестры, приводя въ связь событія и слова, они бросаются къ фонтану и застаютъ Леонардо надъ трупомъ сестры. Въ эту минуту къ слѣпой Аннѣ возвращается зрѣніе.

Конецъ пьесы—чисто символическій. Въ лицѣ Бланшъ-Мари погибаетъ красота, отклоняющая людей отъ жизни. Слѣпая или, вѣрнѣе, ослѣпшая Анна (въ дѣтствѣ она была зрячей)—образъ души, которая ищетъ правды инстинктомъ и вѣчно колеблется. Она прозрѣваетъ, когда правда души найдена, и зло—хотя бы обаятельное и безконечно дорогое—уничтожено.

Весь этотъ замыселъ, конечно, сильно напоминаетъ Метерлинка, и даже образъ слѣпоты взятъ у него. Но по идеѣ—д'Аннунціо совершенно отличенъ отъ бельгійскаго символиста; онъ занятъ не разгадками тайнъ бытія, а проповѣдью практической морали, забытой эстетами. Оставаясь вѣрнымъ формамъ символическаго искусства, д'Аннунціо на этотъ разъ удаляется отъ него сущностью своей проповѣди.

Въ художественномъ отношеніи трагедія д'Аннунціо представляетъ несомнѣнный интересъ. Въ ней много поэтической реторики, много заимствованныхъ у Метерлинка пріемовъ (троекратное повтореніе той же фразы, разговоры о внѣшнихъ предметахъ, получающихъ въ разговорѣ значеніе роковыхъ предзнаменованій), но вмѣстѣ съ тѣмъ есть много красоты въ параллельномъ изображеніи мертваго города, съ его раскаленной пылью и зіяющими гробницами, и человѣческой души, которая тоже полна гробницъ и пыли.—З. В.

Digitized by Google

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 мая 1898.

Пятидесятилѣтіе со времени смерти Бѣлинскаго. — Союзъ писателей и его право ходатайствовать о нуждахъ русской печати.—Возобновленіе „литературнаго сыска". —Противорѣчіе между закономъ и жизнью.—Поправка. — Правительственное сообщеніе, 22 апрѣля, о положеніи продовольственнаго дѣла въ губерніяхъ нуждающихся въ помощи.

Приближается пятидесятилѣтіе со времени смерти Бѣлинскаго. Москва чествовала уже его память; такое же чествованіе готовится и въ Петербургѣ. Слава, которой Бѣлинскій почти не зналъ при жизни, окружила его имя очень скоро послѣ его кончины. Какъ только окончился періодъ, въ продолженіе котораго нельзя было ни называть Бѣлинскаго, ни даже вспоминать о его дѣятельности, онъ занялъ, въ глазахъ русскаго общества, то мѣсто, которое закрѣпили за нимъ послѣдующія десятилѣтія. Возникали и исчезали новыя теченія въ литературѣ и въ жизни, появлялись и сходили со сцены новыя критическія теоріи—но Бѣлинскій оставался неизмѣнно тѣмъ, чѣмъ онъ сталъ съ самаго дня напечатанія „Литературныхъ мечтаній": руководителемъ русской общественной мысли, учителемъ юношества, точкой опоры для всѣхъ лучшихъ прогрессивныхъ стремленій. Такого продолжительнаго и глубокаго вліянія не имѣлъ ни одинъ изъ западно-европейскихъ критиковъ, хотя бы дарованіе ихъ и не уступало дарованію Бѣлинскаго. Всего ближе, съ этой точки зрѣнія, къ нему подходитъ Лессингъ; но послѣднему легче было поколебать преувеличенныя репутаціи, доказать бѣдность достигнутыхъ результатовъ, освѣтить важность предстоящихъ задачъ—легче уже потому, что въ Германіи XVIII-го вѣка борьба съ „авторитетами" гораздо меньше, чѣмъ въ Россіи тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, влекла за собою подозрѣніе въ „неблагонамѣренности". Господство „просвѣщеннаго деспотизма" во многомъ благопріятствовало критикѣ; Лессингъ дѣлалъ, отчасти, то же дѣло, что̀ и Фридрихъ II-й или Іосифъ II-й — а у Бѣлинскаго, за исключеніемъ одного короткаго момента, не было никакихъ точекъ соприкосновенія съ оффиціальными настроеніями его эпохи... Есть еще одно существенное различіе между Бѣлинскимъ и Лессингомъ. Лессингу почти не пришлось разъяснять нѣмецкому обществу значеніе новыхъ литературныхъ явленій, потому что классическій періодъ нѣмецкой литературы начался или, по меньшей мѣрѣ, достигъ своего апогея уже послѣ его смерти; Бѣлинскій былъ современникомъ и ис-

Digitized by Google

толкователемъ Пушкина, Лермонтова, Гоголя и первыхъ произведеній Тургенева, Достоевскаго, Гончарова—истолкователемъ ихъ для такого общества, которое готово было поставить Венедиктова выше Пушкина и Марлинскаго—выше Гоголя. Ему нужно было въ одно и то же время расчищать почву и возводить зданіе—и если первая работа имѣетъ теперь только историческую цѣнность, то вторая продолжаетъ жить полною жизнью, какъ тѣ великіе образцы искусства, которыми она была вызвана и внушена.

Какъ натура по преимуществу боевая, Бѣлинскій не могъ не имѣть враговъ при жизни; не можетъ онъ не имѣть ихъ и теперь, потому что многое, противъ чего онъ возставалъ, до сихъ поръ еще не исчезло, многое, за что онъ боролся, еще не осуществилось. Ненормально было бы, слѣдовательно, чествованіе памяти Бѣлинскаго, если бы оно было единодушно: скажемъ болѣе—ненормальнымъ было бы даже молчаніе его противниковъ. Подобно тому, какъ для музыкальной картины нуженъ иногда диссонансъ, для полноты впечатлѣнія, производимаго похвальнымъ гимномъ Бѣлинскому, нуженъ былъ хоть одинъ непріязненный голосъ, идущій въ разрѣзъ съ общимъ чувствомъ. Этотъ голосъ не заставилъ себя долго ждать—и все устроилось какъ слѣдовало. Въ древности, во время тріумфа, нанимали раба, который долженъ былъ бѣжать подлѣ тріумфальной колесницы и поносить тріумфатора, какъ бы ,велики ни были его заслуги; теперь аналогичная роль исполняется добровольцами, дѣйствующими не по заказу, а по собственному побужденію. „Бѣлинскій не обладалъ самостоятельнымъ умомъ“; Бѣлинскій „безъ особаго труда и безъ мучительныхъ колебаній сжигалъ то, чему поклонялся, и поклонялся тому, что сжигалъ“; Бѣлинскій „срѣзался на Пушкинѣ, плохо понялъ Лермонтова, грубо оклеветалъ Гоголя“; „для грядущихъ поколѣній имя Бѣлинскаго будетъ связано съ именами *разрушителей*, а не *созидателей* русской литературы“; Бѣлинскій „приблизился къ типу шаблоннаго западника космополита, у котораго для Россіи не находится ничего, кромѣ отрицанія, и который *по части положительныхъ идеаловъ не идетъ дальше пересказа чужихъ словъ, плохо воспринятыхъ и совсѣмъ не провѣренныхъ*“. Всѣ подобные отзывы, исходя изъ извѣстнаго источника, совершенно естественны, совершенно умѣстны; безъ нихъ намъ—и, конечно, не намъ однимъ—чего-то бы недоставало. Напрасно только писатель, котораго мы цитируемъ, не остался послѣдовательнымъ до конца и предположилъ возможность обращенія Бѣлинскаго на путь истинный, т.-е. на путь Каткова и катковствующихъ публицистовъ. „Живи Бѣлинскій въ наши дни“—читаемъ мы рядомъ съ вышеприведенной характеристикой Бѣлинскаго—„его искренность и прямота, вѣроятно, помѣшали бы ему предаваться ли-

Digitized by Google

беральнымъ утопіямъ съ тѣмъ самозабвеніемъ, которое характеризуетъ нынѣшнихъ русскихъ либераловъ"... Эта смѣлая догадка понадобилась автору, повидимому, только для того, чтобы присоединить къ ней другую, мѣтящую уже не въ прошедшее, а въ настоящее: „нынѣшніе либералы и чествованіе Бѣлинскаго предприняли главнымъ образомъ съ цѣлью поддержать въ обществѣ и скрѣпить авторитетнымъ именемъ тѣ заблужденія, которыя въ настоящее время просто неизвинительны ни для умныхъ, ни для честныхъ людей". Иными словами—caveant consules...

Мы не ошиблись, предполагая, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, что агитація въ печати противъ союза писателей имѣетъ цѣлью дискредитировать заранѣе тѣ мѣры, которыя онъ, на основаніи своего устава, можетъ принять въ интересахъ литературной профессіи. Какъ только до Москвы дошла по телеграфу вѣсть о томъ, что общее собраніе союза одобрило докладъ юридической коммиссіи о возбужденіи ходатайства, относящагося къ положенію печати, „Московскія Вѣдомости" (№ 89) разразились статьею, еще больше прежняго извращающею намѣренія и дѣйствія союза. Ему ставится въ вину, что онъ обращается къ правительству *отъ имени русской литературы*, между тѣмъ какъ онъ представляетъ собою, въ сущности, только „коалицію либеральныхъ и радикальныхъ кружковъ". „Отъ подобной коалиціи"—восклицаетъ усердствующая газета—„право ходатайствовать отъ имени русской литературы должно бы быть, очевидно, отнято". Не слѣдуетъ удовлетворять даже самой незначительной части ходатайства, заявленнаго союзомъ: иначе его „претензія" получитъ „извѣстную санкцію свыше"—а это „только и нужно главарямъ партіи, принявшей всѣ мѣры къ тому, чтобы въ союзѣ установился духъ самой крайней, самой непримиримой и нетерпимой партійности". Нѣсколько дней спустя, московская газета (№ 98) еще разъ отрицаетъ право союза возбуждать ходатайства отъ лица русской литературы, стараясь доказать, что къ этому принципіальному вопросу и сводится, въ данномъ случаѣ, вся полемика ея противъ союза. На самомъ дѣлѣ, однако, это вопросъ не реальный, а сочиненный „Московскими Вѣдомостями". Союзъ никогда не говорилъ отъ имени или отъ лица русской литературы, никогда не выставлялъ себя ея представителемъ; ходатайство, вызывающее ярость реакціонной печати, возбуждено имъ отъ *его собственнаго лица*, на точномъ основаніи § д ст. 1 его устава. Конечно, въ ходатайствѣ идетъ рѣчь о предметахъ, касающихся вообще литературной профессіи; но вѣдь такіе именно предметы и предусмотрѣны въ только-что приведенномъ нами параграфѣ устава. Никакой „претензіи", выходящей за предѣлы его компетентности, союзъ, такимъ образомъ, не предъявлялъ и не предъявляетъ; онъ только пользуется

Digitized by Google

своимъ законнымъ правомъ. *Какъ* онъ имъ пользуется—объ этомъ возможенъ споръ, но въ самомъ существованіи права не можетъ быть никакого сомнѣнія. Если бы, при утвержденіи устава союза, имѣлось въ виду предоставить перечисленныя въ уставѣ права только всей совокупности русскихъ писателей или, по меньшей мѣрѣ, значительному ихъ большинству, то слѣдовало бы опредѣлить, во-первыхъ, какимъ условіямъ должно удовлетворять лицо, оффиціально признаваемое писателемъ; во-вторыхъ—сколько лицъ подходитъ, въ данную минуту, подъ эти условія; въ-третьихъ — при какомъ процентномъ отношеніи членовъ союза къ общему числу писателей можетъ начаться и продолжаться дѣятельность союза. Ничего подобнаго сдѣлано не было: дѣйствія союза рѣшено было открыть при наличности ста учредителей (ст. 39 устава) — а какъ только они открылись, союзъ сдѣлался учрежденіемъ полноправнымъ, способнымъ осуществлять все то, что̀ предоставлено ему уставомъ. Въ составѣ ста учредителей союзъ могъ возбудить точно такое же ходатайство, какое онъ возбудилъ теперь, когда въ его спискахъ числится болѣе трехсотъ членовъ. Право ходатайства дано именно *союзу*, какъ учрежденію, задачи и полномочія котораго точно опредѣлены уставомъ; дѣйствуя въ качествѣ такого учрежденія, онъ не имѣлъ никакой надобности прикрываться чьимъ-либо именемъ, выставлять себя чьимъ-либо представителемъ — ему достаточно было быть самимъ собою. Объ *отнятіи* у союза права ходатайства *отъ имени русской литературы* не можетъ быть рѣчи уже потому, что этого права союзъ никогда не имѣлъ и никогда себѣ не присвоивалъ. Умыселъ московской газеты, очевидно, другой: ей хотѣлось бы просто „отнять“ у союза если не право на существованіе, то, по меньшей мѣрѣ, право ходатайства по общимъ вопросамъ литературной профессіи — и вотъ, для достиженія этой цѣли, союзу приписываются притязанія, ему совершенно чуждыя. Говорить *о литературѣ* и *въ интересахъ литературы*—не значитъ еще говорить *отъ лица литературы*.

Пойдемъ далѣе: посмотримъ, права ли московская газета, называя союзъ „коалиціей либеральныхъ и радикальныхъ кружковъ“, принявшей всѣ мѣры, чтобы доставить торжество духу „самой непримиримой и нетерпимой партійности“. Мы желали бы знать, во-первыхъ, въ чемъ заключались эти мѣры? Что между учредителями союза преобладали писатели болѣе или менѣе близкихъ между собою направленій—это вполнѣ понятно, потому что самая мысль объ учрежденіи союза зародилась, какъ это всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, въ небольшомъ, сравнительно, кружкѣ, далеко не однородномъ по составу, но свободномъ отъ слишкомъ рѣзкихъ диссонансовъ. Распространяясь отъ него въ разныя стороны, она захватила, однако, и другія литературныя группы: въ окончательномъ своемъ видѣ списокъ

Digitized by Google

учредителей обнималъ собою имена, никогда, до тѣхъ поръ, не стоявшія другъ возлѣ друга. Затѣмъ, когда началась дѣятельность союза, что̀ предпринималось комитетомъ и общимъ собраніемъ для укорененія въ союзѣ духа „партійности“? Пускай намъ назовутъ писателей, забаллотированныхъ изъ-за „направленія“ [1]); пускай намъ укажутъ хоть одну мѣру, имѣвшую цѣлью затруднить доступъ въ союзъ для представителей „консерватизма“. Намъ возразятъ, быть можетъ, что „консерваторы“ сами не хотятъ выступать кандидатами въ члены союза, опасаясь быть забаллотированными или не желая имѣть ничего общаго съ „либералами“; но для опасеній должны же быть какія-нибудь основанія—а нежеланіе дѣйствовать вмѣстѣ съ „либералами“ свидѣтельствуетъ о „партійности“, устраняющей возможность обвинять другихъ въ томъ же недостаткѣ. Или, можетъ быть, проводникомъ „непримиримости“ и „нетерпимости“ является судъ чести? Но вѣдь въ дѣлѣ бывшей издательницы „Новаго Слова“ съ бывшими сотрудниками этого журнала—единственномъ, по которому рѣшеніе суда чести оглашено во всеобщее свѣденіе—обѣ стороны принадлежали къ „либеральному“ или „радикальному“ лагерю, и слѣдовательно о „партійности“ рѣшенія не можетъ быть и рѣчи (тѣмъ болѣе, что оно состоялось по большинству двухъ голосовъ противъ одного, и оба члена суда, составившіе большинство, стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ литературныхъ партій)... До какой степени несостоятельна и несерьезна вся аргументація нашихъ противниковъ—объ этомъ всего лучше, впрочемъ, можно судить по небольшой замѣткѣ, напечатанной въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 88) наканунѣ главной выходки ихъ противъ союза. Въ Москвѣ образовался „литературно-художественный кружокъ“, облеченный, въ силу своего устава, тѣмъ же правомъ, которое принадлежитъ союзу писателей—правомъ ходатайствовать передъ правительствомъ о „профессіональныхъ нуждахъ“. Что же, возстаетъ ли противъ этого московская газета, на томъ основаніи, что литературно-художественный кружокъ не можетъ говорить „отъ имени литературы“? Предлагаетъ ли она, по меньшей мѣрѣ, широко раскрыть двери кружка для писателей всѣхъ направленій? Нѣтъ; она относится къ кружку съ большимъ сочувствіемъ, радуется предоставленнымъ ему широкимъ правамъ и совѣтуетъ его учредителямъ „отнестись съ должнымъ вниманіемъ къ лицамъ, которыя пожелаютъ баллотироваться въ члены кружка, и не впускать такихъ элементовъ, присутствіе которыхъ можетъ сдѣлать кружокъ учрежденіемъ несимпатичнымъ“. Итакъ, новому обществу прямо рекомендуется „нетерпимость“—нетерпимость, конечно, къ тѣмъ „элемен-

[1]) Случаевъ неизбранія въ члены союза вообще было очень мало (если мы не ошибаемся—не болѣе трехъ), между тѣмъ какъ принято вновь, послѣ открытія дѣйствій союза, больше 200 человѣкъ.

Digitized by Google

тамъ", которые „несимпатичны" реакціонной газетѣ. Не ясно ли, что у нея двѣ мѣры, два критерія, смотря по тому, имѣетъ ли она дѣло съ „своими" или съ „чужими"?.. Мы искренно желаемъ успѣха московскому литературно-художественному кружку, искренно надѣемся, что онъ широко воспользуется своими правами—и заранѣе обѣщаемъ разбирать ходатайства, которыя онъ заявитъ, исключительно по внутреннему ихъ содержанію, а не съ узко-формальной точки зрѣнія, излюбленной реакціоннымъ крючкотворствомъ.

Разъ что союзъ писателей говоритъ не „отъ лица литературы", а отъ своего собственнаго имени—какъ будетъ говорить, безъ сомнѣнія, и московскій литературно-художественный кружокъ—вопросъ о личномъ составѣ союза не имѣетъ, очевидно, того рѣшающаго значенія, какое силится придать ему московская газета. Ходатайство возбуждено учрежденіемъ, имѣющимъ на то безспорное право, возбуждено въ предѣлахъ и формѣ, соотвѣтствующихъ уставу: ему нельзя противопоставить, слѣдовательно, никакихъ формальныхъ fins de non recevoir, оно подлежитъ разсмотрѣнію по существу. Въ виду упорнаго искаженія истины, допускаемаго нашими противниками, мы должны, однако, сказать нѣсколько словъ о томъ, что̀ представляетъ собою, въ настоящую минуту, союзъ писателей. Прежде „Московскія Вѣдомости" не стѣснялись увѣрять, что „добрая половина" членовъ союза—„счастливые обладатели чисто еврейскихъ фамилій". Теперь, когда мы указали, что евреевъ (т.-е. лицъ еврейскаго *происхожденія*) въ союзѣ никакъ не болѣе 10%, одинъ вымыселъ уступилъ мѣсто другому: въ союзѣ, говорятъ намъ, *участвуютъ одни либеральные литераторы и публицисты*—и ссылаются при этомъ на слова „Вѣстника Европы", что „внѣ союза остаются почти одни не-либералы". Мы не станемъ возстановлять настоящаго смысла нашихъ словъ, имѣвшихъ—какъ видно изъ связи ихъ со всѣмъ предыдущимъ—ироническое значеніе [1]). Допустимъ, что ихъ нужно понимать буквально: изъ того, что *внѣ союза* „остались почти одни не-либералы", еще не слѣдуетъ, что *внутри союза*—почти одни либералы. Мы по прежнему не хотимъ называть именъ—но и безъ нихъ нетрудно убѣдиться въ совершенной невѣрности положенія, которое съ такимъ апломбомъ провозглашаютъ „Московскія Вѣдомости". Къ 1-му апрѣля членовъ союза было всего 345. Между ними мы насчитали не меньше 53 профессоровъ и доцентовъ, теперешнихъ и бывшихъ—въ томъ числѣ профессоровъ такихъ предметовъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ политикѣ: математики, анатоміи, физики, химіи, ботаники, зоологіи, минералогіи, патологіи, антропологіи, сравнительнаго языкознанія, славянскихъ языковъ, санскритскаго языка [2]); нѣкоторые изъ этихъ предме-

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 2 „Вѣстн. Европы" за текущій годъ, стр. 882.

[2]) Къ этой группѣ принадлежатъ *четверо* изъ *девяти* членовъ и кандидатовъ къ членамъ суда чести.

Digitized by Google

товъ—напр., физика, ботаника, химія—имѣютъ въ союзѣ по два, по три представителя. Изъ профессоровъ юридическихъ наукъ, участвующихъ въ союзѣ, нѣкоторые занимаютъ высокія должности по государственной службѣ; одинъ состоитъ редакторомъ оффиціальнаго журнала. Къ публицистикѣ большинство ученыхъ, состоящихъ членами союза, не имѣютъ никакого отношенія—а тѣ немногіе, которые съ нею соприкасались, далеко не всегда выступали въ ней сторонниками „либеральныхъ" взглядовъ. Во что̀ обращается, въ виду одного этого факта—доказать который, въ случаѣ спора, весьма нетрудно,—смѣлое увѣреніе московской газеты, что въ союзѣ участвуютъ одни либеральные литераторы и публицисты? Но этого мало: членами союза состоятъ редакторы или собственники такихъ изданій, которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ либерализмѣ („Новое Время", „С.-Петербургскія Вѣдомости", „Историческій Вѣстникъ"); одинъ изъ нихъ былъ даже членомъ комитета союза, изъ котораго вышелъ по жребію. Въ составъ комитета и теперь входятъ два постоянныхъ сотрудника „Новаго Времени"; издатель этой газеты состоитъ членомъ юридической коммиссіи союза. Въ спискѣ членовъ союза бросаются въ глаза имена трехъ ветерановъ нашей изящной литературы, никогда не примыкавшихъ ни къ какой „партіи"; одинъ изъ нихъ служилъ и служитъ по цензурному вѣдомству. Не ясно ли, что мнимая одноцвѣтность и одношерстность союза существуетъ только въ воображеніи газетныхъ реакціонеровъ?

Оспаривая, per fas et nefas, *право* союза на ходатайство, московская газета старается показать, что для нея совершенно безразлично самое *существо* желаній, выражаемыхъ союзомъ. Мы едва ли ошибемся, если назовемъ это мнимое равнодушіе простой уловкой и объяснимъ его тѣмъ, что даже такой газетѣ, какъ „Московскія Вѣдомости", неловко выступать открыто противъ стремленій, направленныхъ къ улучшенію юридическаго положенія русской печати. Въ первой статьѣ о ходатайствѣ, нѣсколько менѣе сдержанной, чѣмъ вторая, газета проговорилась: она прямо объявила, что „*требованія* (?) союза, въ общемъ, *нельзя назвать даже относительно умѣренными*". „Подъ понятіе умѣренныхъ—читаемъ мы дальше—очевидно не можетъ подходить ни требованіе безотлагательнаго пересмотра законовъ о печати, ни требованіе объ уравненіи провинціальной печати съ столичною". Какъ „неумѣренной" признается просьба (о *требованіяхъ* въ *ходатайствѣ*, конечно, не можетъ быть и рѣчи) о „возможно безотлагательномъ" пересмотрѣ постановленій, бо̀льшая часть которыхъ съ самаго начала носитъ временной характеръ—пересмотрѣ, который неоднократно былъ поставленъ на очередь самимъ правительствомъ (въ послѣдній разъ—еще весьма недавно, въ Высочайше утвержденномъ 28-го марта 1897 г. положеніи комитета министровъ)? „Неумѣренна" просьба объ уравненіи провинціальной печати съ столичною, подчиненною сложной си-

Digitized by Google

стемѣ административныхъ каръ?.. Въ выборѣ этого эпитета настоящій взглядъ газетныхъ реакціонеровъ на современное положеніе нашей печати выразился съ достаточною ясностью. Они предвидѣли, что союзъ писателей, получивъ право ходатайства передъ правительствомъ „по предметамъ, касающимся литературной профессіи", не можетъ не воспользоваться имъ для попытки уменьшить гнетъ, тяготѣющій надъ печатью—и вотъ, они задались цѣлью заранѣе поколебать значеніе такого ходатайства. Все то, что̀ тяжело, иногда невыносимо-тяжело для большинства періодическихъ изданій—любезно и дорого для отщепенцевъ нашей печати, радующихся ея печалямъ и огорчающихся ея радостями. Что мы не ошибаемся, что реакціонной прессѣ дѣйствительно ненавистенъ всякій шагъ впередъ къ свободѣ печати — это давно извѣстно изъ статей Spectator'a, о которыхъ мы въ свое время говорили въ „Вѣстникѣ Европы"; но и въ послѣднее время въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" появлялись статьи, устраняющія всякое сомнѣніе по этому предмету. Вотъ, напр., небольшой отрывокъ изъ „набросковъ" г. Quidam'a „Обо всемъ" (рѣчь идетъ объ освобожденіи „Кіевлянина" отъ предварительной цензуры): „печать должна быть разсматриваема не въ общемъ, не въ массѣ, а въ отдѣльныхъ своихъ представителяхъ. Изданія, руководимыя опытными и вполнѣ зарекомендовавшими себя съ надлежащей стороны публицистами, должны пользоваться бо̀льшимъ довѣріемъ, нежели обладающія сомнительными руководителями. Прочность и опредѣленность занимаемаго даннымъ органомъ положенія можетъ находиться въ прямомъ отношеніи только къ его внутренней цѣнности, къ степени полезности его для церкви, для русскаго государства, для русскаго общества. Наши передовые публицисты требуютъ для печати всевозможныхъ преимуществъ на одномъ лишь основаніи, что печать — печать. Удивительно ясное и разумное основаніе! Нѣтъ, надо признать разъ навсегда, что *преимущества* могутъ быть только результатомъ плодотворной и полезной дѣятельности *даннаго* органа". Настоящая мысль газеты высказана здѣсь безъ всякихъ прикрытій: пользоваться „прочнымъ и опредѣленнымъ положеніемъ" должны лишь тѣ публицисты, которые „зарекомендовали себя съ надлежащей стороны". Совершенно понятно, что съ такимъ пониманіемъ дѣла несовмѣстна какая бы то ни было *правомѣрная* организація печати; возможенъ только полнѣйшій произволъ, полнѣйшее неравенство между овцами и козлищами... Публицисты, принадлежащіе къ разряду овецъ, потеряли даже способность понимать различіе между *преимуществами* и *правами*. Никакихъ „преимуществъ" для печати „передовые публицисты" нѐ домогаются, предоставляя заботу такого рода своимъ противникамъ; они желаютъ только укрѣпленія за печатью, путемъ закона, извѣстныхъ *правъ*, неотъемлемыхъ

Digitized by Google

иначе какъ по суду. Къ этой же цѣли направлено и ходатайство союза писателей.. Общій пересмотръ законодательства о печати признается необходимымъ именно потому, что оно не даетъ печати ни одного права, которое не могло бы быть парализовано или упразднено актомъ административнаго усмотрѣнія. Отсюда исходятъ и указанія союза на отдѣльныя аномаліи, особенно вредно отзывающіяся на положеніи печати (ограниченіе гражданскихъ правъ издателя, утвержденіе редакторовъ лишь на время, отсутствіе давности для предостереженій, суммарный порядокъ прекращенія періодическихъ изданій, полнѣйшая безправность провинціальной прессы). Въ средѣ печати, понимающей свое назначеніе, ни одно изъ этихъ указаній не могло бы стать предметомъ сомнѣнія и спора. Уважающій себя писатель, какихъ бы взглядовъ онъ ни держался, долженъ желать и домогаться свободы не какъ монополіи, не какъ „преимущества", а какъ *права*, одинаковаго для органовъ всѣхъ направленій; онъ долженъ гнушаться борьбы, въ которой одна сторона является вооруженною, другая—безоружною и на половину связанною. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ это было азбучной истиной, одинаково очевидной для редакторовъ „Русскаго Вѣстника" и „Современника", „Дня" и „Русскаго Слова". Систематическому отрицанію ея положилъ начало Катковъ, въ послѣднемъ періодѣ своей дѣятельности—и по его стопамъ неуклонно идутъ его эпигоны. До чего они при этомъ способны доходить—показали дебюты новаго редактора „Московскихъ Вѣдомостей", г. Грингмута. Попытка сыска, направленная имъ, года полтора тому назадъ, противъ „Русскихъ Вѣдомостей" и „Вѣстника Европы", вызвала горячее негодованіе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей" и болѣе сдержанное, но рѣшительное осужденіе даже со стороны... „Гражданина" [1])! На время урокъ подѣйствовалъ, но теперь онъ, очевидно, забытъ, и „Московскія Вѣдомости" опять выступаютъ въ роли самозваннаго слѣдователя. „Наша программа"—читаемъ мы въ передовой статьѣ отъ 14-го апрѣля (№ 102)—„всѣмъ извѣстна; но кому извѣстна программа „Русскихъ Вѣдомостей"? Кто ихъ вдохновители, либералы или соціалисты? Стоятъ ли они за свободу, а слѣдовательно и за свободу труда, или ихъ идеалъ заключается въ соціалистическомъ рабствѣ? „Русскимъ Вѣдомостямъ" хотѣлось бы одновременно играть роль и либераловъ, и соціалистовъ. Но этого нельзя. Пусть они снимутъ съ себя маску и покажутъ свое настоящее лицо. Всякій разъ, когда имъ ставится категорическій вопросъ, они молчатъ. Мы увѣрены, что они и теперь не рѣшатся отвѣтить прямо и искренно на поставленный имъ прямой вопросъ:—Кто вы такіе? либералы или соціалисты" [2])?—Эта „увѣрен-

[1]) См. Обществ. Хронику въ № 2 „В. Европы" за 1897 г.

[2]) Мы вездѣ сохраняемъ курсивъ подлинника.

Digitized by Google

ность" оправдалась, потому что она не могла не оправдаться; кто же, въ самомъ дѣлѣ, можетъ унизиться до изложенія своей profession de foi по первому требованію добровольческой литературной полиціи? И вотъ, въ „упорномъ молчаніи" своего противника „Московскія Вѣдомости" (№ 105) спѣшатъ усмотрѣть „молчаливое признаніе". „Если бы *Русскія Вѣдомости*",—такъ разсуждаетъ пламенѣющая усердіемъ газета—„не сочувствовали соціализму, ничто имъ не препятствовало бы прямо отвѣтить на поставленный имъ вопросъ отреченіемъ отъ соціализма и объясненіемъ своей истинной точки зрѣнія. Но очевидно, что газетѣ и отъ соціализма отрекаться не хочется, и не хочется также признаваться въ соціализмѣ"... Заканчивается „торжествующая" статья слѣдующими словами: „*Русскія Вѣдомости* отреклись *отъ либерализма* и, принявъ требованія соціалистовъ, тѣмъ самымъ *росписались и въ собственномъ соціализмѣ*. Такъ и запишемъ". Рядомъ съ „записками" „Московскихъ Вѣдомостей" ведутся другія, на матеріалѣ болѣе прочномъ и письменами болѣе неизгладимыми: записки исторіи. Въ нихъ найдетъ надлежащее мѣсто дѣятельность газеты, потерявшей всякое чувство мѣры, всякое сознаніе обязанностей, лежащихъ на печатномъ словѣ.

Намъ могутъ сказать, что мы придаемъ слишкомъ большую важность эфемернымъ литературнымъ явленіямъ, заслуживающимъ только презрѣнія. Да, сами по себѣ они безспорно таковы; но они составляютъ характерный признакъ времени. Многое отражая въ себѣ, они, въ свою очередь, отражаются на многомъ; вліяніе ихъ распространяется гораздо дальше, чѣмъ можно было бы предположить, основываясь только на ихъ дѣйствительномъ значеніи. Подтвердимъ нашу мысль наглядньмъ примѣромъ. Мы получили, изъ двухъ различныхъ источниковъ, два экземпляра брошюры, изданной въ Вяткѣ и озаглавленной: „Новое чудо Знаменія Божіей Матери". Она состоитъ изъ четырехъ частей: въ первой перепечатана корреспонденція „Московскихъ Вѣдомостей" о взрывѣ въ соборѣ курскаго знаменскаго монастыря, во второй—статья „Новаго Времени", посвященная тому же предмету; въ третьей содержатся разсужденія о событіи 8 марта, безъ указанія источника, изъ котораго они взяты. Не касаясь третьей части, также заимствованной, повидимому, изъ газетной корреспонденціи, остановимся на четвертой, составляющей буквальное повтореніе передовой статьи „Московскихъ Вѣдомостей". Это—та самая статья, которая обращаетъ событіе 8-го марта въ орудіе борьбы противъ мнимыхъ „отщепенцевъ русскаго народа", противъ „невольныхъ молчальниковъ" (т.-е. противъ людей, не поющихъ въ унисонъ съ реакціонной печатью), противъ представителей „интеллигентной мути", противъ „организованной сѣти" чтеній, бесѣдъ, самообразовательныхъ программъ,

Digitized by Google

„народныхъ университетовъ", „народныхъ развлеченій" [1]). Дѣло, конечно, не въ томъ, что перепечатка этой статьи, безъ указанія источника, нарушаетъ авторское право (на это могли бы претендовать только сами „Московскія Вѣдомости"); дѣло въ томъ, что злобныя инсинуаціи, бездоказательныя обвиненія, понятныя на страницахъ реакціонной газеты, хотя и тамъ глубоко возмущающія нравственное чувство, переносятся цѣликомъ въ брошюру, предназначенную для широкаго распространенія въ народѣ [2])—и переносятся безъ всякой оговорки, какъ будто бы они шли не отъ періодическаго изданія, при всякомъ и неудобномъ случаѣ проводящаго свои излюбленныя тенденціи, а отъ составителя (или составителей) брошюры, стоящаго на высотѣ, недоступной для борьбы партій. Отсюда колоссальное недоразумѣніе, сѣющее вражду и недовѣріе, возбуждающее народную массу противъ образованнаго меньшинства, затрудняющее дружную работу надъ общимъ дѣломъ, противъ общаго врага—народнаго невѣжества.

Въ настоящее время, когда приближается къ концу работа комиссіи по пересмотру судебныхъ уставовъ, невольно возникаетъ вопросъ, что̀ парализуетъ всего чаще благое дѣйствіе новыхъ процессуальныхъ нормъ, созданныхъ великою реформою 1864 г.? Мы едва ли ошибемся, если найдемъ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ противорѣчіи между закономъ и жизнью. Иногда оно ведетъ къ прямому нарушенію закона, иногда—къ обращенію его въ мертвую букву, иногда—къ несогласованности пріемовъ, господствующихъ въ разныхъ отрасляхъ судебной и административной практики. Возьмемъ, для примѣра, ст. 398-400, 430 и 431 уст. угол. судопр. По ст. 398, судебный слѣдователь обязанъ снять съ обвиняемаго первоначальный допросъ немедленно, и никакъ не позже сутокъ послѣ явки или привода его. По ст. 399, причины отсрочки допроса, если онъ не былъ сдѣланъ въ теченіе первыхъ двѣнадцати часовъ послѣ явки или привода, означаются въ протоколѣ, съ котораго копія выдается обвиняемому, по его требованію. По ст. 400, если слѣдователь не прибудетъ для снятія допроса въ теченіе сутокъ по приводѣ обвиняемаго къ слѣдствію, полиція составляетъ о томъ протоколъ, пріобщаемый къ дѣлу, и объявляетъ обвиняемому, насколько это ей извѣстно, о причинахъ его задержанія. По ст. 430 постановленіе о взятіи подъ стражу должно заключать въ себѣ, между прочимъ, точное означеніе преступленія,

---

[1]) См. Общественную Хронику въ предыдущемъ № нашего журнала.

[2]) Намъ пишутъ, что брошюра напечатана въ количествѣ десяти тысячъ экземпляровъ, раздавалась въ церквахъ и учебныхъ заведеніяхъ и читалась на народномъ чтеніи. Вмѣсто цензурнаго разрѣшенія она снабжена слѣдующею надписью: „печатано по распоряженію Его Преосвященства Епископа Вятскаго и Слободскаго".

Digitized by Google

въ которомъ задержанный обвиняется или подозрѣвается, и основаній задержанія. По ст. 431 постановленіе о взятіи подъ стражу предъявляется обвиняемому при самомъ отправленіи его въ мѣсто заключенія и во всякомъ случаѣ до истеченія сутокъ отъ времени его задержанія. Всѣ эти постановленія исходятъ, очевидно, изъ той справедливой и гуманной мысли, что лицо, привлекаемое къ слѣдствію—и, тѣмъ болѣе, лицо, заключаемое подъ стражу — ни одной лишней минуты не должно оставаться въ невѣденіи причинъ принимаемой противъ него мѣры. Неизвѣстность, въ подобныхъ случаяхъ, хуже всего; на нервнаго, слабаго духомъ или тѣломъ человѣка она дѣйствуетъ съ потрясающею силою. Продолжаясь нѣсколько дней, нѣсколько недѣль, она становится рѣшительно невыносимою и можетъ привести къ самымъ крайнимъ рѣшеніямъ, къ самымъ печальнымъ результатамъ. Отсюда строгія, категорическія предписанія закона, не допускающія никакихъ исключеній—ни по важности дѣла, ни по тяжести уликъ, имѣющихся противъ обвиняемаго. Когда полиція замѣняетъ слѣдователя, для нея безусловно обязательны, за силою ст. 259, всѣ требованія, предъявляемыя закономъ къ судебному слѣдователю. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что они примѣнимы и къ дознаніямъ о государственныхъ преступленіяхъ, хотя не повторены въ спеціальныхъ постановленіяхъ по этому предмету (уст. угол. суд. ст. 261[1]—261[8] и 1034—1035[16]). Составляя одно изъ основныхъ началъ уголовнаго процесса, правило о немедленномъ допросѣ обвиняемаго могло бы считаться недѣйствующимъ только въ тѣхъ случаяхъ, по отношенію къ которымъ прямо была бы сдѣлана соотвѣтствующая оговорка—а такой оговорки въ вышеупомянутыхъ постановленіяхъ мы не находимъ. Нѣтъ ея и въ тѣхъ статьяхъ положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (Прилож. 1 къ ст. 1, прим. 2, св. зак. т. XIV уст. о предупр. и пресѣч. преступл., §§ 21 и 29), по которымъ мѣстные начальники полиціи, а также начальники жандармскихъ управленій и ихъ помощники въ правѣ дѣлать распоряженія о предварительномъ задержаніи, на срокъ не болѣе двухъ недѣль (въ мѣстностяхъ, гдѣ объявлено положеніе усиленной охраны) или семи дней (въ остальныхъ мѣстностяхъ), всѣхъ лицъ, внушающихъ основательное подозрѣніе въ совершеніи государственныхъ преступленій, или въ прикосновенности къ нимъ, или въ принадлежности къ противозаконнымъ сообществамъ (въ мѣстностяхъ, гдѣ объявлено положеніе усиленной охраны, срокъ задержанія, по письменному распоряженію губернатора или градоначальника, можетъ быть продолженъ до одного мѣсяца). Изъ отсутствія оговорки слѣдуетъ заключить, что лицамъ, задерживаемымъ на основаніи ст. 21 или 29, долженъ быть производимъ допросъ и объявляема причина задержанія согласно съ правилами устава уголовнаго

Digitized by Google

судопроизводства. Къ тому же заключенію ведетъ и примѣчаніе къ ст. 21 и 29, предписывающее чинамъ полиціи и жандармскаго корпуса о всякомъ заарестованіи составлять немедленно надлежащее постановленіе, копія съ котораго сообщается лицу прокурорскаго надзора. Обязанность *немедленно* составить постановленіе объ арестѣ предполагаетъ наличность фактическихъ данныхъ если не для обвиненія, то для подозрѣнія—и нѣтъ причины, по которымъ нельзя было бы сообщить задерживаемому если не всѣ эти данныя цѣликомъ, то по крайней мѣрѣ сдѣланный изъ нихъ выводъ. Зная о причинахъ ареста, арестованный можетъ отнестись къ нему сравнительно спокойно и тотчасъ же указать факты, служащіе къ его оправданію — факты, успѣшной провѣркѣ которыхъ можетъ помѣшать, иногда, малѣйшее промедленіе. Представимъ себѣ, напримѣръ, что главнымъ поводомъ къ аресту служитъ предполагаемое свиданіе арестованнаго, въ такомъ-то мѣстѣ, въ такое-то время, съ такимъ-то лицомъ; представимъ себѣ, далѣе, что этого свиданія не только не было, но и не могло быть, такъ какъ арестованный, въ данное время, не былъ и не могъ быть въ данномъ мѣстѣ. Понятно, что доказать свое alibi ему тѣмъ легче, чѣмъ меньше прошло времени послѣ момента, къ которому относится обвиненіе. Черезъ нѣсколько недѣль не только свидѣтели могутъ забыть, когда именно и гдѣ они видѣли обвиняемаго, но даже самъ обвиняемый можетъ не вспомнить, гдѣ онъ былъ въ ту минуту, когда, по свѣденіямъ обвиненія, происходило инкриминируемое свиданіе... Повредить ходу разслѣдованія сообщеніе арестованному, въ главныхъ чертахъ, сущности обвиненія можетъ столь же мало, какъ и немедленный допросъ, производимый обвиняемому въ обыкновенномъ преступленіи: вѣдь пріемы и способы раскрытія истины въ дѣлахъ политическихъ—тѣ же самые, какъ и во всѣхъ остальныхъ. Замѣтимъ, вдобавокъ, задержаніе на основаніи ст. 21 и 29—не простая предосторожность, вызываемая смутными сомнѣніями относительно благонадежности арестуемаго лица: это—мѣра совершенно аналогичная съ обыкновеннымъ подслѣдственнымъ арестомъ, такъ какъ она требуетъ *основательнаго подозрѣнія* въ совершеніи преступнаго дѣянія. Ея особенность заключается только въ томъ, что она можетъ быть принята должностнымъ лицомъ, не уполномоченнымъ, по общему правилу, на производство дознаній по государственнымъ преступленіямъ, и безъ немедленнаго приступа къ дознанію; сообразно съ этимъ и освобожденіе арестованнаго не обставлено тѣми условіями, съ которыми сопряжено прекращеніе дознанія. Отсюда ясно, что лица, арестуемыя на основаніи ст. 21 или 29, признаются—по крайней мѣрѣ въ моментъ ареста — менѣе скомпрометтированными, чѣмъ лица, прямо привлекаемыя къ дознанію. Нѣтъ, слѣдовательно, никакихъ причинъ

Digitized by Google

относиться къ первымъ строже, чѣмъ къ послѣднимъ, лишая ихъ возможности знать, за что̀ и почему они лишены свободы. Мы думаемъ, поэтому, что во избѣжаніе недоразумѣній, иногда непоправимыхъ, желательно было бы прямо примѣнить ко всѣмъ безъ исключенія случаямъ ареста правила, установленныя ст. 398-400, 430 и 431 уст. угол. судопр.—другими словами, согласовать *букву* различныхъ узаконеній, безспорно и всецѣло однородныхъ по своему назначенію и смыслу.

Въ мартовской книжкѣ нашего журнала („Внутреннее Обозрѣніе, стр. 378) было приведено, со словъ газетнаго сообщенія, постановленіе нижегородскаго дворянства, положенное въ основаніе ходатайства о преобразованіи средней школы. Первый пунктъ постановленія былъ изложенъ въ газетѣ, а затѣмъ и у насъ, такимъ образомъ: „признать желательнымъ оставленіе двухъ типовъ школъ, одной—съ сокращеннымъ преподаваніемъ латинскаго языка и съ уничтоженіемъ греческаго, другой—совсѣмъ безъ древнихъ языковъ; въ программы обоихъ типовъ школъ ввести преподаваніе законовѣденія, естественныхъ наукъ, гигіены, *сузить* преподаваніе родного языка и сдѣлать французскій и нѣмецкій языки обязательными". Изъ печатнаго же доклада коммиссіи по преобразованію среднихъ учебныхъ заведеній, присланнаго намъ секретаремъ коммиссіи, видно, что въ это изложеніе вкралась серьезная ошибка: коммиссія предлагала не *сузить*, а наоборотъ, *усилить* преподаваніе родного языка, и въ этомъ видѣ предложеніе ея и принято дворянскимъ собраніемъ. Въ мотивахъ доклада мы читаемъ слѣдующее: „коммиссія не могла не обратить вниманіе на недостаточность преподаванія русскаго языка. Каждый изъ насъ, къ сожалѣнію, знаетъ, что воспитанники, кончившіе курсъ средней школы, безграмотны; фактъ этотъ удостовѣренъ и оффиціально, въ циркулярѣ одного изъ попечителей учебныхъ округовъ". Главное возраженіе, сдѣланное нами противъ постановленія нижегородскаго дворянства, оказывается, такимъ образомъ, основаннымъ на газетной ошибкѣ. Мы очень этому рады, потому что вполнѣ сочувствуемъ основной мысли постановленія.

Digitized by Google

Наша хроника была уже въ печати, когда въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, № 87, появилось нижеслѣдующее правительственное сообщеніе о положеніи продовольственнаго дѣла въ губерніяхъ, нуждающихся въ помощи, и о мѣрахъ, принятыхъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ для обезпеченія населенія тѣхъ губерній:

„Въ послѣднее время стали появляться въ печати корреспонденціи изъ пострадавшихъ отъ неурожая минувшаго года губерній, въ которыхъ положеніе населенія этихъ губерній изображается въ крайне безотрадномъ и бѣдственномъ видѣ, при отсутствіи на мѣстахъ организованной помощи.

„Свѣдѣнія, содержащіяся въ упомянутыхъ корреспонденціяхъ, большею частью преувеличиваютъ размѣръ бѣдствія и далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. По оффиціальнымъ даннымъ не было случаевъ ни отказа въ продовольственной помощи нуждающимся, ни, тѣмъ болѣе, случаевъ голода и развитія тифа и другихъ болѣзней въ пострадавшихъ отъ неурожая мѣстностяхъ, вслѣдствіе недостатка питанія. Тѣ изъ оглашенныхъ въ печати фактовъ, которые могли быть провѣрены отчасти, не подтвердились вовсе, а отчасти не выходятъ изъ ряда обычныхъ явленій бѣдности и нужды, встрѣчающихся въ условіяхъ жизни, какъ сельскаго, такъ и другаго населенія. Общее положеніе дѣла обезпеченія народнаго продовольствія въ 1897—1898 гг. въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, предвидя еще въ началѣ іюня истекшаго года возможность въ продовольственномъ отношеніи затрудненій, предложило въ то же время циркуляромъ 10-го іюня губернскимъ начальствамъ озаботиться, къ окончанію уборки хлѣбовъ, выясненіемъ, при содѣйствіи земскихъ начальниковъ, степени постигшаго населенія бѣдствія и размѣра правительственной помощи, если бы таковая потребовалась, дабы могли быть приняты заблаговременно мѣры къ обезпеченію продовольственныхъ и сѣменныхъ нуждъ населенія. Полученныя вслѣдъ за симъ отъ губернскихъ начальствъ свѣдѣнія по народному продовольствію не обнаруживали и не внушали особыхъ опасеній. По обсѣмененію озимыхъ полей ни по одной изъ пострадавшихъ отъ неурожая губерній правительственной помощи не потребовалось; значительная же наличность хлѣба въ запасныхъ сельскихъ магазинахъ неурожайнаго района давала основаніе разсчитывать, что и на продовольствіе, а также по обсѣмененію яровыхъ полей, при умѣломъ и бережливомъ расходованіи означеннаго запаснаго хлѣба, большая часть потребности будетъ покрыта изъ этого источника.

„Тѣмъ не менѣе, предвидя, что по нѣкоторымъ губерніямъ, въ виду пестроты урожая, могутъ оказаться мѣстности, въ которыхъ наличность запасовъ будетъ недостаточна для обезпеченія населенія отъ послѣдствій недорода, и принимая во вниманіе ограниченность средствъ общаго продовольственнаго капитала, было признано необходимымъ, для своевременнаго удовлетворенія продовольственныхъ и сѣменныхъ нуждъ населенія, пострадавшаго отъ неурожая минувшаго года, предоставить земствамъ возможность воспользоваться всѣми имѣющимися на мѣстахъ продовольственными средствами.

Digitized by Google

„Вслѣдствіе сего, Высочайшимъ повелѣніемъ, 19-го іюня 1897 г., было разрѣшено Министерству, между прочимъ, допускать по ходатайствамъ подлежащихъ земствъ: а) позаимствованіе хлѣба изъ сельскихъ магазиновъ обществъ не нуждающихся въ магазинномъ хлѣбѣ для нуждающихся обществъ, подъ гарантіей земства и на условіи срочнаго возврата позаимствованнаго хлѣба и б) покупку продовольственнаго и сѣменнаго хлѣба для нуждающихся обществъ на счетъ продовольственныхъ капиталовъ губернскихъ, собственныхъ общественныхъ капиталовъ подлежащихъ обществъ, а также и капиталовъ, принадлежащихъ обществамъ, не нуждающимся въ продовольственной помощи, съ тѣмъ, чтобы срочный возвратъ послѣднихъ капиталовъ былъ обезпеченъ ручательствомъ земства.

„Эти мѣры были примѣняемы земствами восьми неурожайныхъ губерній и благодаря сему по пяти изъ этихъ губерній никакой правительственной ссуды не потребовалось, а по одной разрѣшена, согласно ходатайству подлежащаго земства, ссуда изъ общаго продовольственнаго капитала всего лишь въ суммѣ 120 тысячъ руб.

„Заявленія со стороны земствъ о необходимости правительственной продовольственной помощи начали поступать съ сентября, но болѣе или менѣе обстоятельному обсужденію продовольственный вопросъ былъ подвергнутъ на очередныхъ и отчасти на чрезвычайныхъ губернскихъ земскихъ собраніяхъ въ исходѣ минувшаго года.

„Не выжидая, однако, земскихъ ходатайствъ и руководствуясь имѣвшимися свѣдѣніями о мѣстныхъ запасахъ, Министерство Внутреннихъ Дѣлъ рѣшило заблаговременно приступить къ заготовкѣ, при посредствѣ Министерства Финансовъ, продовольственнаго и сѣменнаго зерна, и такимъ способомъ заготовлено до 6 мил. пудовъ зерна.

„При подробномъ разсмотрѣніи въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ ходатайствъ земствъ о правительственной помощи населенію не могло, конечно, имѣться въ виду полное возмѣщеніе понесенныхъ имъ отъ неурожая потерь, а имѣлось въ виду воспособленіе продовольственнымъ и сѣменнымъ нуждамъ въ тѣхъ размѣрахъ и на тѣхъ основаніяхъ, которыя установлены на сей предметъ закономъ.

„При назначеніи продовольственныхъ ссудъ по губерніямъ, принимались въ соображеніе, независимо отъ разсчетовъ земствъ, также свѣдѣнія по народному продовольствію, собранныя при содѣйствіи земскихъ начальниковъ, данныя центральнаго статистическаго комитета объ урожаѣ минувшаго года, о количествѣ продовольственныхъ ссудъ, выданныхъ по неурожаю 1891 г., и проч.

„По губерніямъ, пострадавшимъ отъ неурожаевъ 1891—1892 гг., возстановленіе израсходованныхъ въ эти годы общественныхъ и губернскихъ продовольственныхъ капиталовъ (равнымъ образомъ какъ и общаго продовольственнаго капитала) возложено, по особому Высочайшему повелѣнію, на финансовое вѣдомство, по мѣрѣ взысканія продовольственныхъ ссудъ съ населенія, но такъ какъ взысканіе это производится довольно медленно и потому означенные продовольственные капиталы оставались невозстановленными, то засимъ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ признало необходимымъ по тѣмъ изъ упомянутыхъ губерній, кои постигнуты неурожаемъ минувшаго года, подкрѣпить мѣстные продовольственные капиталы на счетъ общаго про-

Digitized by Google

довольственнаго капитала, чтобы дать мѣстнымъ учрежденіямъ средства для принятія своевременно необходимыхъ мѣръ по народному продовольствію.

„По случаю неурожая минувшаго года ассигновано на подкрѣпленіе мѣстныхъ продовольственныхъ средствъ и назначено въ ссуду по губерніямъ, всего, по приблизительному подсчету, хлѣбомъ и деньгами до 8.500.000 рублей [1]).

„Кромѣ означенныхъ въ вѣдомости губерній, къ числу неурожайныхъ должны быть отнесены губерніи: Астраханская и Пензенская, но по этимъ губерніямъ, согласно имѣющимся свѣдѣніямъ, никакихъ ассигнованій не потребуется. Не ожидается также ходатайствъ о правительственныхъ ссудахъ по губерніямъ: Казанской, Самарской, Саратовской, Симбирской и Нижегородской.

„Независимо отъ отпуска денежныхъ продовольственныхъ средствъ, въ цѣляхъ облегченія положенія пострадавшаго отъ неурожая населенія, по сношеніи Министерства Внутреннихъ Дѣлъ съ подлежащими вѣдомствами, установлены льготы по взысканію казенныхъ сборовъ, разрѣшенъ безплатный отпускъ валежника изъ казенныхъ дачъ, установленъ пониженный тарифъ на перевозку кормовъ для скота, а также на провозъ скота изъ неурожайныхъ мѣстностей въ мѣстности съ запасомъ кормовъ.

„По даннымъ центральнаго статистическаго комитета, въ губерніяхъ: Астраханской, Воронежской, Казанской, Калужской, Курской, Нижегородской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Пермской, Рязанской, Самарской, Саратовской, Симбирской, Тамбовской, Тульской, Уфимской и области Войска Донского общій сборъ хлѣбовъ (въ тысячахъ пудовъ) составлялъ:

	Озимыхъ.	Яровыхъ.	Итого.
Въ 1897 году . . .	381.759,9	454.066,4	835.826,3
Въ 1891 году . . .	292.777,8	322.452,4	615.230,2
Переборъ въ пользу 1897 года	88.982,1	131.614	220.596,1

„По упомянутымъ губерніямъ было выдано въ 1891 году въ ссуду на продовольственныя надобности: деньгами—3.044.292 руб. и хлѣбомъ—95.105.753 пуда.

„По тѣмъ же и по Ставропольской губерніямъ состояло хлѣба въ запасныхъ магазинахъ къ 1-му января 1892 г.: озимаго 22.253.688 пуд. и ярового 5.452.405 пуд.; къ 1-му января 1897 г.—озимаго 57.501.333 и ярового—13.813.225 пуд.

„Сверхъ сего, по особому распоряженію, въ видахъ сбереженія, къ яровому посѣву, сѣмянъ, было засыпано въ теченіе осени 1897 года въ запасные магазины ярового хлѣба до 10 мил. пуд.

„По разсмотрѣніи изложенныхъ данныхъ, оказывается, что въ упомянутыхъ губерніяхъ въ минувшемъ году по сравненіи съ 1891 г. собрано хлѣба болѣе на 200 мил. пудовъ и наличность хлѣба въ запасныхъ магазинахъ увеличилась болѣе чѣмъ на 53 мил. пуд., слѣдовательно общее превышеніе количества хлѣба, коимъ населеніе

[1]) Приложена таблица по губерніямъ.

Digitized by Google

располагало послѣ уборки хлѣбовъ въ минувшемъ году, превысило таковое же количество въ 1891 г. на 273 мил. пуд.; исключая же отсюда количество выданнаго въ ссуду населенію въ 1891 г. хлѣба (до 95 мил. пуд.) и пріобрѣтенный на счетъ денежной ссуды (до 3 мил. р.), считая, приблизительно, по 1 р. за пудъ (соотвѣтственно цѣнамъ того времени), хлѣбъ, въ количествѣ до 3 мил. п., а всего до 98 мил. п., превышеніе количества хлѣба нынѣ въ указанныхъ губерніяхъ все-таки составитъ до 175 мил. пудовъ.

„Нельзя не обратить вниманія на то, что въ нынѣшнемъ году, по собраннымъ свѣдѣніямъ, въ неурожайныхъ губерніяхъ, какъ у населенія, такъ и у хлѣботорговцевъ, благодаря низкимъ цѣнамъ на хлѣбъ въ предыдущіе года, были значительные запасы непроданнаго зерна урожаевъ прежнихъ лѣтъ, и цѣны на хлѣбъ, по сравненіи съ 1891 г., состоятъ весьма умѣренныя. Такъ, въ 1891 г. средняя заготовительная цѣна, безъ накладныхъ расходовъ, была для ржи 1 р. 20 к. и для овса 80 к.; въ нынѣшнемъ же году цѣна на рожь опредѣлялась въ предѣлахъ отъ 50 до 65 к. за пудъ и на овесъ отъ 65 до 75 к. за пудъ. По этимъ цѣнамъ и была произведена покупка продовольственнаго и сѣменнаго зерна по распоряженію Правительства.

„Такимъ образомъ, неурожай минувшаго года далеко не можетъ идти въ сравненіе съ бѣдствіемъ 1891 г. и благодаря принятымъ къ облегченію положенія нуждающихся мѣрамъ, какъ выяснилось нынѣ, населеніе не встрѣтитъ особыхъ затрудненій въ продовольствіи и по обсѣмененію яровыхъ полей весною сего года, но при всемъ томъ остается широкое поле дѣятельности и частной благотворительности въ означенныхъ мѣстностяхъ для борьбы съ послѣдствіями недорода, которыя сказываются, очевидно, не въ одномъ недостаткѣ средствъ для прокормленія населенія, подлежащемъ устраненію продовольственными мѣрами, но также въ общей нуждѣ по прокормленію скота, въ топливѣ и проч. Особливаго попеченія благотворительности заслуживало бы населеніе, не входящее въ составъ сельскихъ обществъ и не пользующееся правомъ на продовольственную помощь, согласно общеустановленному порядку. Для этой части населенія, по состоянію средствъ общаго продовольственнаго капитала, могли быть назначены сравнительно весьма незначительныя суммы и то только для выдачи ссудъ нуждающимся, а не безвозвратныхъ пособій, въ чемъ, по имѣющимся свѣдѣніямъ, во многихъ случаяхъ представляется необходимость.

„Въ виду сего Министерство Внутреннихъ Дѣлъ встрѣтило вполнѣ сочувственно предложеніе главнаго управленія россійскаго общества Краснаго Креста относительно оказанія помощи населенію пострадавшихъ отъ неурожая прошлаго года мѣстностей Имперіи. Равнымъ образомъ всякія частныя пожертвованія, облегчая положеніе наиболѣе нуждающихся отдѣльныхъ семей и лицъ сельскаго населенія, безъ обремененія ихъ долгами, не могутъ не быть признаны весьма желательными“.

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ

Отъ Харьковскаго Комитета по присужденію премій при Университетѣ въ память 25-лѣтія царствованія Имп. Александра II.

Комитетъ по присужденію премій, учрежденныхъ Харьковскимъ Земельнымъ Банкомъ при *Императорскомъ* Харьковскомъ Университетѣ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, объявляетъ, что на основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го мая 1894 года положенія, назначеніе названныхъ премій имѣетъ цѣлью содѣйствовать изученію экономическаго состоянія части Россіи въ составѣ губерній: Харьковской, Воронежской, Курской, Черниговской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической и области Войска Донского, а также и другихъ сторонъ народной жизни въ связи съ экономическимъ положеніемъ данной мѣстности. Преміи — одна въ 1000 рублей и двѣ по 500 рублей—присуждаются одинъ разъ въ три года. Первое присужденіе этихъ премій состоится въ началѣ февраля 1901 г.; въ виду этого, сочиненія для соисканія премій должны быть представлены въ Комитетъ не позже 19-го февраля 1900 года.

Сочиненія, представляемыя на конкурсъ, могутъ быть печатныя и писанныя. Первыя должны присылаться въ пяти экземплярахъ, а вторыя—въ двухъ экземплярахъ. Кромѣ того, на конкурсъ допускаются только сочиненія, преждѣ нигдѣ непремированныя и вышедшія въ свѣтъ не раньше 1897 года (§ 11 положенія о преміяхъ).

Авторы, желающіе представить свои сочиненія для соисканія премій, благоволятъ присылать ихъ по адресу: *г. Харьковъ, Университетъ, въ Комитетъ по присужденію премій въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II.*

Подробныя условія, которымъ должны отвѣчать премируемыя сочиненія, см. въ подлинномъ положеніи о преміяхъ въ память двадцатипятилѣтія царствованія Императора Александра II, экземпляры котораго, по требованію заинтересованныхъ лицъ, высылаются немедленно предсѣдателемъ Комитета.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Кони, А. Ѳ.—За послѣдніе годы. Изд. второе, дополненное. Спб. 98. Стр. 745. Ц. 3 р. 50 к.

Новое изданіе сборника, появившагося въ первый разъ въ 1896 г., гдѣ были соединены „обвинительныя рѣчи“ и „кассаціонныя заключенія“ автора, произнесенныя имъ въ сенатѣ, съ 1877 по 1896 гг., дополнено пятью очеркомъ жизни доктора Галла, некрологомъ сенатора А. Д. Шумахера и статьею о „Задачахъ трудовой позиціи“; въ концѣ тома помѣщенъ алфавитный указатель юридическихъ объясненій и ссылокъ, съ указателемъ приводимыхъ статей закона. Авторъ сборника посвящаетъ настоящее изданіе памяти извѣстнаго общественнаго и литературнаго дѣятеля, кн. В. Ѳ. Одоевскаго, и въ предисловіи даетъ краткій очеркъ его жизни. Успѣхъ, съ которымъ разошлось первое изданіе, въ короткое время, говоритъ самъ по себѣ объ интересѣ, какой возбудилъ сборникъ въ обществѣ и между юристами.

Кавелинъ, К. Д.—Собраніе сочиненій. Т. II. Спб. 98. Стр. 1258. Ц. 3 р. 50 к.

Продолженіе изданія покойнаго Константина Дмитріевича, одного изъ лучшихъ представителей „эпохи реформъ“ и имѣетъ самой симпатичной личности, еще живущей въ памяти пережившихъ его современниковъ, невольно возвращаетъ насъ къ тѣмъ временамъ, задачи которыхъ продолжаютъ вызывать, и по истеченіи сорока лѣтъ, симпатіи и ту же борьбу матеріальныхъ интересовъ съ идеями, лежавшими въ основаніи реформъ 60-хъ годовъ. Новый томъ посвященъ „публицистикѣ“, и статьи, входящія въ его составъ, распредѣлены по слѣдующимъ группамъ: 1) Крестьянскій вопросъ, дворянство и землевладѣніе; 2) Сельскій бытъ и самоуправленіе; 3) Общественныя направленія и политическіе вопросы. Въ заключеніе тома помѣщены воспоминанія К. Д. Кавелина и мелкія статьи, съ примѣчаніями ко второму тому проф. Д. А. Корсакова, а вмѣсто предисловія—интересныя воспоминанія В. Д. Спасовича о самомъ Кавелинѣ и его портретъ начала 60-хъ годовъ.

Письма Иннокентія, митрополита московскаго и коломенскаго, 1855—1865 гг. Собраны Ив. Барсуковымъ. Кн. 2-я. Спб. 98. Стр. 496. Ц. 2 р. 50 к.

Настоящій выпускъ писемъ митроп. Иннокентія, обращенныхъ преимущественно въ Петербургъ съ дальняго Востока, изъ бытность его архіепископомъ Камчатскимъ, начинается годами крымской войны, когда и приамурскій край подвергался непріятельскимъ дѣйствіямъ тогдашнихъ „союзниковъ“. Вторичный, главный интересъ писемъ представляетъ характеристика мѣстной администраціи и порядковъ того времени; особенно заслуживаютъ вниманія письма, на которыхъ отмѣчено: „партикулярно“, а также тѣ письма, гдѣ авторъ касается церковныхъ порядковъ того времени: „Перо мое такъ и рвется,—пишетъ авторъ, въ январѣ 1856 г., къ А. Н. Муравьеву,—изложить все то, что бы я могъ сказать касательно сего предмета; но нельзя дать ему воли, главное—потому, что это ни къ чему не поведетъ. Не я одинъ вижу неустройства, безпорядки въ нашей церкви; это видятъ даже сами члены св. Синода, но ничего не исходитъ. Быть можетъ, по крайней мѣрѣ я сильно уповаю, что при нынѣшнемъ Государѣ (Александрѣ II) много и многое устроится къ лучшему“... Пророческія слова!

Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе. Профессора А. Трачевскаго. Спб., 1898. Изд. О. Н. Поповой. Стр. IV и 292. Ц. 1 р. 20 к.

Въ книгѣ г. Трачевскаго соединены двѣ серіи очерковъ: первая изображаетъ политическое и общественное состояніе Германіи въ концѣ прошлаго вѣка, передъ французскою революціею, а вторая посвящена бѣглому обзору и характеристикѣ главнѣйшихъ моментовъ и элементовъ эпохи національнаго объединенія нѣмцевъ подъ главенствомъ Пруссіи. Связующимъ звеномъ между обѣими серіями служитъ короткій этюдъ о германской политикѣ отъ конца XVIII столѣтія, при Наполеонѣ I, и до 1849 года (стр. 176—189). При живомъ и картинномъ изложеніи книга читается съ интересомъ; но тремѣрная склонность къ яркимъ образамъ и рѣзкимъ эпитетамъ часто увлекаетъ автора за предѣлы исторической правды и мѣшаетъ правильному освѣщенію событій. Особенно достается отъ него князю Бисмарку; г. Трачевскій представляетъ его такимъ воплощеніемъ всякаго зла, что читатель долженъ только удивляться несомнѣнной популярности и славѣ этого государственнаго человѣка въ просвѣщенной Германіи. Вильгельма II авторъ называетъ „декадентомъ на тронѣ“, а отца его, императора Фридриха, „идеологомъ“. Больной Фридрихъ III, возбуждавшій лишь глубокое сочувствіе и состраданіе, былъ будто бы „встрѣченъ всеобщею радостью (!) при воцареніи; его врачей закидывали предложеніями вставить свое горло взамѣнъ его, больного“ (стр. 251). Г. Трачевскій объясняетъ важность изученія современной исторіи Германіи тремя обстоятельствами: необычайнымъ ростомъ нѣмецкаго могущества за послѣднюю четверть вѣка, развитіемъ марксизма (?) и нашимъ сосѣдствомъ съ германскою имперіею, у которой мы многое заимствовали.

Подоходный налогъ въ Англіи. Экономическія и общественныя условія его существованія. И. Озерова. М. 98. Стр. 472. Ц. 2 р. 50 к.

Тамъ, гдѣ, какъ у насъ, прямые налоги остаются на второмъ планѣ, а потому и тяжесть вообще налоговъ падаетъ весьма неравномѣрно, настоящее изслѣдованіе автора обращаетъ на себя особенное вниманіе, такъ какъ исторія подоходнаго налога въ Англіи, избранная имъ главною темою, можетъ дать несомнѣнные отвѣты на существенный въ этомъ дѣлѣ вопросъ, а именно: слѣдуетъ ли разумѣть подъ подоходнымъ налогомъ равномѣрное обложеніе всѣхъ общественныхъ группъ. Въ результатѣ весьма детальной и обстоятельной работы автора оказывается, что подоходный налогъ вовсе не есть необходимая форма равномѣрнаго обложенія всѣхъ классовъ; самое же введеніе такого налога не можетъ быть установлено какимъ-нибудь законодательнымъ актомъ, и зависитъ вполнѣ отъ общественныхъ и экономическихъ условій страны.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

ВЪ 1898 Г.

(Тридцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою . . . . . 17 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и другихъ городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ государствахъ почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;
— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ П. В. Мамонтова, на Кузнец.-Мосту; П. В. Карбасникова, на Моховой, и Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. Е. П. Распопова, Дерибасовская улица.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Новый-Свѣтъ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адреса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. и иногородные, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ и, согласно объявленію Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Требованія* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ М. М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:

Digitized by Google

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ

ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-я.

ІЮНЬ, 1898.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Digitized by Google

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 7

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1898.

Стр.

I.—ВЕЛИКАНЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. — Очеркъ.— **Ив. Ив. Янжула** 453

II.—ДВА РАЗСКАЗА.—I. Прослезился!—II. На травѣ.—**А. А. Виницкой**. . . . 503

III.—ЗАВѢЩАНІЕ ОГЮСТА КОНТА.—Очеркъ.—**Г. Б. Сліозберга**. 522

IV.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Башкирія.—II. Поблекшіе цвѣты.— III. Весна прошла какъ мимолетный сонъ.—IV. Какъ опытный граверъ, трудясь надъ хрусталемъ.—**А. Евреинова**. 552

V.—ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ ВЪ АМЕРИКѢ.—**П. А. Тверского** 557

VI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I.-III.—**В. П. Маркова** 574

VII.—ВОСПОМИНАНІЯ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.—1854-1860 гг.—IV.—Окончаніе.—**Екатерины Бакуниной** . 578

VIII.—КАРЬЕРА ВЯЗИГИНА.—Разсказъ.—**В. Г. Авсѣенко**. 617

IX.—ECCE EGO!—Ром. Эрнста фонъ-Вольцогена. — Часть вторая. — VIII-XV. — Окончаніе.—Перев. съ нѣм. **А. Б—г**. 692

X.—ВВЕРХЪ ПО ЛЕНѢ ВЪ ПОЧТОВОЙ ЛОДКѢ.—Путевыя замѣтки.—**П. С. Алексѣева** 749

XI.—СТИХОТВОРЕНІЯ.—I. Мимо Троады.—II. Нильская дельта.—**Владиміра Соловьева** 756

XII.—ПРОМЫШЛЕННАЯ ИДЕОЛОГІЯ.—„Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ", М. Туганъ-Барановскаго.—**Л. З. Слонимскаго**. 768

XIII.—ПОСЛѢДНІЙ ПОРТРЕТЪ В. А. АРЦИМОВИЧА. — Стих. **А. М. Жемчужникова**. 784

XIV.—ХРОНИКА.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новые газетные дворянскіе „прожекты".—Сравненіе дворянскихъ программъ 1885 и 1898 гг.—„Изнемѣщеніе" четырехъ тысячъ дворянскихъ семей, съ затратой милліарда рублей.—Злоупотребленіе „ссылкою„ на государственные интересы. — „Привилегія" или „обязанность"?—Опять „ограниченный разумъ подданныхъ". — Умѣренный защитникъ сословности. — Совѣщаніе при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ.—Положеніе продовольственнаго дѣла. 785

XV.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Смерть Гладстона. —Его жизнь и дѣятельность.—Главнѣйшія черты его политической карьеры.—Рѣчь Чамберлэна.—Событія на дальнемъ Востокѣ. - Испанско-американская война.—Французскіе выборы. 810

XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Протопопъ Аввакумъ, А. К. Бороздина.—Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I.—**А. Н. Пыпина**.—Русскій біографическій Словарь: Ибакъ-Ключаревъ. — Архивъ кн. Куракина, кн. VII.—Турецкія легенды о св. Софіи, В. Д. Смирнова.—**Т.**—Новыя книги и брошюры . 821

XVII.—ЗАМѢТКА.—Новая монографія о гетманѣ Мазепѣ.—**Н. Ж—цкаго**. . . . 838

XVIII.—ОСОБЫЙ РОДЪ ЛЖЕУЧЕНІЙ.— По поводу новаго изданія перваго тома „Капитала", Маркса.—**Л. С.** 847

XIX.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.— I. G. Clemenceau, Les plus forts.—II. Fr. Funck-Brentano, Légendes et Archives de la Bastille.—III. P. et V. Margueritte, Le Désastre.—**З. В** 851

XX.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ. — Минскій процессъ. — Существенная разница между „обвинительнымъ актомъ" и „окончательнымъ приговоромъ".—Что такое „чрезвычайные способы разслѣдованія"? — „Гнётъ" или „распущенность".—Какъ иногда понимаютъ „улучшеніе" положенія печати?—Нѣчто о „рыцарскихъ" чувствахъ. — Всесословная школа и орловское дворянство. . . . . [illegible]

XXI.—ИЗВѢЩЕНІЯ.—Отъ Правленія Спб. Общества вспомоществованія б. воспитанникамъ Кіевскаго Университета. — II. Отъ Комитета Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ. 870

XXII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. — Народное образованіе на Всероссійской выставкѣ въ Н.-Новгородѣ, Е. П. Ковалевскаго.—Начальное народное образованіе въ тульской губерніи въ 1896—97 г.—Народные учители и учительницы въ тульской губерніи, гр. П. С. Шереметева. — Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи, Швеціи, П. Ганзена.—Стихотворенія, П. Д.

РЕДАКЦІЯ „ЕНІЯ.—I-IV; I-XVI стр.

Спб., Га. ...ска на годъ, полугодіе и третью четверть 1898 года.
(...дробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

Digitized by Google

ВЕЛИКАНЫ
ЕВРОПЕЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Очеркъ.

Еще сравнительно недавно развитіе горной промышленности у насъ въ Россіи, и спеціально на югѣ, приняло значительные размѣры, а между тѣмъ все чаще и чаще приходится слышать о крупныхъ несчастіяхъ съ рабочими, которыя нерѣдко встрѣчаются въ этой опасной отрасли человѣческаго труда. Такъ, 3 января нынѣшняго года газеты сообщили о страшномъ несчастіи въ екатеринославской губерніи на шахтѣ „Иванъ", принадлежащей „Бельгійскому Обществу". Благодаря взрыву газа, погибло ужасной смертью во цвѣтѣ лѣтъ до 80 человѣкъ рабочихъ, сгорѣвшихъ или задохшихся. Но если въ данномъ случаѣ вниманіе нашей печати и публики было привлечено большимъ количествомъ жертвъ, то не надо забывать, что во всей фабрично-заводской промышленности, и помимо горной, происходитъ огромное количество одиночныхъ несчастныхъ случаевъ по тѣмъ или инымъ причинамъ, число которыхъ у насъ точно неизвѣстно, но навѣрное насчитывается многими тысячами въ годъ. Публикѣ большею частію дѣлаются извѣстными лишь тѣ изъ немногихъ случаевъ, [к]рые доходятъ до суда; въ огромномъ же большинствѣ, разу[м]ѣется, они оканчиваются мирнымъ соглашеніемъ.

[О]чевидно, и у насъ, при значительныхъ размѣрахъ промы[ш]ленности, приспѣло время государственнаго воздѣйствія въ данномъ вопросѣ, почему является крайне своевременнымъ и важ[н]ымъ познакомиться съ положеніемъ означеннаго вопроса въ за-

Digitized by Google

падной Европѣ. Въ обыденной жизни, когда что-либо у насъ въ домѣ не въ порядкѣ, то всегда является на сцену естественный вопросъ:—а что въ данномъ случаѣ дѣлается у нашихъ сосѣдей?.. Такъ и въ настоящемъ случаѣ—вполнѣ натуральной и справедливой будетъ справка о томъ, что дѣлается по вопросу объ обезпеченіи участи промышленныхъ рабочихъ въ западной Европѣ, гдѣ промышленность развилась гораздо раньше насъ, и гдѣ поэтому опытъ жизни опередилъ насъ на многіе годы.

У всякаго человѣка, начиная съ низшихъ ступеней его развитія, проявляется стремленіе къ благополучію въ смыслѣ удовлетворенія его потребностей, хотя благополучіе понимается весьма разно. На первомъ мѣстѣ стоитъ, конечно, удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей, и ими у мало развитого человѣка дѣло и ограничивается. Но чѣмъ онъ далѣе подвигается на пути своего духовнаго совершенствованія, тѣмъ потребности его становятся шире, и къ матеріальнымъ—присоединяются духовныя; но дѣло далеко, впрочемъ, не ограничивается матеріальнымъ благополучіемъ данной минуты. Весьма рано у человѣка является мысль и забота объ обезпеченіи себя отъ нужды *въ будущемъ, на завтрашній день*. Болѣзнь, несчастный случай, наступленіе старости, а вмѣстѣ съ нею, естественный упадокъ силъ и ограниченіе заработка—вотъ тѣ стимулы, которые ближе всего побуждаютъ человѣка заботиться и думать о будущемъ. Это чувство заботы о томъ, чтобы обезпечить себя про черный день ведетъ за собою одинъ хорошій результатъ, отличающій, между прочимъ, человѣка первобытнаго отъ человѣка культурнаго. Мы разумѣемъ—бережливость. Часть продуктовъ своего труда человѣкъ уже рано начинаетъ откладывать для удовлетворенія будущихъ потребностей. Лишь дикарь не заботится о завтрашнемъ днѣ, являясь вполнѣ человѣкомъ минуты, и уничтожаетъ всю свою добычу немедленно. Къ сожалѣнію, бережливость, этотъ важнѣйшій несомнѣнно стимулъ къ накопленію всѣхъ богатствъ, созданныхъ трудомъ, и двигатель всей цивилизаціи, далеко не достаточенъ въ своей личной формѣ для обезпеченія человѣка вполнѣ про черный день. Во-первыхъ, зарабатывающій мало—можетъ и откладывать немного и лишь медленно путемъ бережливости за много лѣтъ скопить себѣ необходимое обезпеченіе. Но и здѣсь его желанія могутъ встрѣтить серьезное препятствіе въ наступленіи момента нужды гораздо раньше того времени, когда необходимыя средства найдутся на лицо. Несчастный случай и даже упадокъ силъ раньше времени (инвалидность), а равно безработица, могутъ уничтожить разсчеты самаго бережливаго чело-

Digitized by Google

вѣка и оставить его безъ средствъ. Вотъ причина, почему весьма рано человѣкъ уже былъ озабоченъ мыслью о иныхъ, наилучшихъ средствахъ обезпечить себя, помимо одного сбереженія.

Въ современномъ мірѣ большинство людей живетъ наемнымъ трудомъ и принадлежитъ къ классу рабочихъ, а потому естественно, что въ заботѣ о будущемъ разсчетъ о помощи прежде всего остановился на работодателяхъ или хозяевахъ промышленныхъ предпріятій. Эта надежда во многихъ случаяхъ оправдалась, и уже довольно рано во всѣхъ промышленныхъ странахъ выдвигается благотворительная забота предпринимателей въ той или иной формѣ о своихъ рабочихъ. Чѣмъ болѣе развивается промышленность и принимаетъ крупные размѣры, тѣмъ чаще встрѣчаются различные виды этой заботливости, сначала со стороны однихъ хозяевъ, потомъ въ формѣ взаимной помощи въ складчину съ обѣихъ сторонъ. Но скоро въ частныхъ случаяхъ такіе способы обезпеченія оказываются недостаточными. Предоставленные чисто на волю людей, въ однихъ случаяхъ рабочіе являются обезпеченными хорошо, благодаря щедрымъ предпринимателямъ, въ другихъ—совершенно неудовлетворительно. Выдвигается необходимость взять государству этотъ вопросъ въ свои руки и извѣстныя формы обезпеченія рабочихъ классовъ изъять изъ области частнаго и личнаго произвола и сдѣлать для обѣихъ сторонъ обязательными на извѣстныхъ условіяхъ.

Разнородныя заботы о рабочихъ въ современной Европѣ можно подвести подъ двѣ категоріи: во-первыхъ, по отношенію къ настоящему времени, онѣ выражаются, диктуемыя столько же собственнымъ интересомъ хозяевъ, сколько и чувствомъ гуманности, въ доставленіи, напримѣръ, рабочимъ, удобныхъ жилищъ и въ содѣйствіи ихъ санитарному благополучію, въ помощи образованію и развлеченію для рабочихъ и, наконецъ, улучшенію ихъ матеріальнаго положенія, путемъ ли устройства продажи имъ необходимыхъ для питанія продуктовъ въ формѣ потребительныхъ обществъ, или путемъ такъ-называемыхъ премій или участія въ прибыляхъ; наконецъ, для будущаго времени эта забота можетъ выразиться въ устройствѣ разныхъ кассъ (отъ болѣзни, инвалидности и старости) и страхованій, причемъ обыкновенно такъ или иначе государство принимаетъ свое участіе или обнаруживаетъ его разными способами поощренія. Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ фабрики и развились въ настоящихъ крупныхъ размѣрахъ, заботы о рабочихъ пережили три момента. Первый—это періодъ равнодушія—относится преимущественно къ прошлому вѣку, и частію—первой половинѣ нынѣшняго, къ

Digitized by Google

началу возникновенія фабрично-заводскаго производства, когда всѣ заботы предпринимателя относительно своихъ рабочихъ ограничивались нерѣдко лишь выполненіемъ взятыхъ на себя условій и уплатой жалованья. Вмѣстѣ съ этимъ, забота прекращалась. Но очень скоро естественный интересъ хозяевъ заставилъ измѣнить взгляды на этотъ вопросъ, и чѣмъ машины становились сложнѣе и дороже и требовались рабочіе болѣе искусные и опытные, тѣмъ предприниматели становились болѣе заинтересованными имѣть постоянно хорошій выборъ рабочихъ, вполнѣ обезпеченныхъ и довольныхъ своимъ положеніемъ, а потому начинаютъ оказывать имъ безплатную помощь всякаго рода. Но даровой принципъ благотворительности, занимающій здѣсь первую стадію развитія, т.-е. устройство въ тѣхъ или иныхъ видахъ обезпеченія исключительно на счетъ хозяевъ, также скоро обнаруживаетъ значительные недостатки. Вмѣсто права на помощь при этой формѣ обезпеченія получается произволъ. Само обезпеченіе не можетъ развиваться должнымъ образомъ, будучи построено на такомъ одностороннемъ базисѣ, какъ личный произволъ, а потому весьма скоро собственныя усилія рабочихъ присоединяются къ хозяевамъ, и устройство тѣхъ или иныхъ обществъ на началахъ взаимопомощи дѣлается распространеннымъ въ промышленныхъ заведеніяхъ всей Европы. Къ нимъ присоединяется страхованіе, которому такъ или иначе содѣйствуетъ, а часто и беретъ подъ свой контроль, государство, поощряющее нѣкоторые виды обезпеченія рабочихъ, а въ иныхъ случаяхъ и нормирующее обезпеченіе законодательнымъ путемъ.

Обезпеченіе рабочихъ по справедливости можетъ считаться не только модным, но и насущнѣйшимъ вопросомъ нашего времени, которымъ одинаково заняты и Европа, и Америка. Третьяго года, департаментъ труда Соединенныхъ-Штатовъ въ Вашингтонѣ, находящійся подъ руководствомъ знаменитаго статистика Карроля Райта, рѣшилъ посвятить ему даже спеціальное изслѣдованіе. Съ этой цѣлью одинъ изъ его дѣятельнѣйшихъ помощниковъ, м-ръ Уилогби (W. F. Willoughby), извѣстный статистикъ, былъ отправленъ въ Европу, дабы лично познакомиться съ положеніемъ вопроса на европейскихъ фабрикахъ и заводахъ. Съ этой послѣдней цѣлью Уилогби посѣтилъ разные промышленные пункты континентальной Европы (Францію, Германію, Бельгію и Голландію), знакомясь и изучая различныя учрежденія, устроенныя въ промышленныхъ заведеніяхъ для обезпеченія участи работниковъ. Для своего изслѣдованія Уилогби выбиралъ преимущественно крупнѣйшія промышленныя учрежденія, считая ихъ

Digitized by Google

наиболѣе типичными, а можетъ быть, по свойственной американцамъ слабости, приписывая вообще крупной промышленности исключительное значеніе въ будущемъ. Поэтому имъ были посѣщены и изучены преимущественно такія учрежденія, которыя насчитываютъ число рабочихъ многими тысячами. Гдѣ возможно, настоящее положеніе рабочихъ онъ старался сравнить съ прошедшимъ временемъ, и, наконецъ, предпочиталъ промышленныя заведенія, отнюдь не одиноко стоящія въ сторонѣ отъ промышленной жизни, но именно помѣщенныя въ центрахъ и могущія такъ или иначе служить типами учрежденій извѣстнаго производства. Къ сожалѣнію, вниманіе Уилогби почти исключительно сосредоточилось на горномъ и металлическомъ производствѣ, и онъ почти не касался другихъ видовъ труда, но зато въ указанныхъ отрасляхъ промышленности имъ посѣщены и тщательно изучены дѣйствительно наиболѣе типичные и интересные представители крупной промышленности. Такъ какъ постоянство труда или нахожденіе рабочаго продолжительное время въ одномъ и томъ же заведеніи играетъ важную и серьезную роль для его обезпеченія, устанавливая болѣе твердыя и прочныя узы взаимнаго интереса съ предпринимателемъ, то Уилогби и выбиралъ именно преимущественно заведенія этого рода [1]).

Общій результатъ описанія коммиссіи Уилогби, помѣщеннаго въ трудахъ, или такъ-называемыхъ бюллетеняхъ вашингтонскаго „Департамента Труда“, отличается довольно оптимистическимъ характеромъ. Въ цѣломъ, Уилогби нашелъ положеніе рабочихъ въ Европѣ далеко лучшимъ, нежели его считаютъ американцы, но такъ какъ ученая добросовѣстность Уилогби, какъ статистика, находится внѣ всякаго сомнѣнія, и американцамъ вообще скорѣе свойственно пренебрежительно смотрѣть на положеніе европейскаго рабочаго, сравнительно съ высокимъ уровнемъ американцевъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ общемъ нельзя не отнестись съ полнымъ довѣріемъ къ выводамъ американскаго изслѣдованія, заслужившаго одобреніе выдающихся знатоковъ этого вопроса въ Европѣ.

I.

Франція принадлежитъ къ странамъ въ Европѣ довольно богатымъ въ горномъ отношеніи и спеціально извѣстна значительными размѣрами своего каменноугольнаго производства. Это

[1]) Bulletin of the Department of Labor. Washington. 1896. №№ 3, 4, 5, 6, 7.

Digitized by Google

драгоцѣнное ископаемое, „черный алмазъ“, какъ иногда называютъ англичане уголь, добываютъ во Франціи въ 41 департаментѣ, изъ которыхъ, впрочемъ, 7 департаментовъ производятъ $^{9}/_{10}$ всего количества добываемаго угля. Но первое мѣсто, нѣтъ сомнѣнія, по размѣрамъ своего производства и добыванія этого ископаемаго занимаетъ каменно-угольная компанія въ Анзенѣ, въ сѣверной Франціи, въ департаментѣ Па-де-Кале. Изъ 25 милл. тоннъ угля, въ 1893 г. добытаго во всей Франціи, почти 3 милл. тоннъ (2.975.691) добыто въ обширныхъ шахтахъ „Анзенской Компаніи“, т.-е. около $^{1}/_{9}$ всего производства Франціи. При такихъ огромныхъ размѣрахъ дѣятельности компаніи, она имѣетъ, разумѣется, и соотвѣтственное количество рабочихъ, а именно число однихъ работающихъ, не считая семействъ, простирается до 12.604 человѣкъ. Компанія имѣетъ 340 коксовыхъ печей, 3 печи для выдѣлки брегета, и владѣетъ 37 километрами собственной желѣзной дороги, не говоря уже о цѣломъ рядѣ мастерскихъ для желѣзнодорожнаго, а частью руднаго дѣла. Общія условія труда въ анзенской каменноугольной компаніи, благодаря ея многолюдству, а равно и продолжительности существованія (около 150 лѣтъ), доставили американскому изслѣдованію богатый матеріалъ для знакомства съ общимъ положеніемъ этой отрасли труда во Франціи, тѣмъ болѣе, какъ повторяетъ нѣсколько разъ Уилогби, что Анзенъ представляетъ *типичный* образчикъ условій труда этого рода во всей странѣ, повторяемый лишь съ малыми варіантами во всемъ каменноугольномъ производствѣ.

Общія условія работы въ Анзенѣ таковы: огромное большинство рабочихъ начинаетъ свой трудъ съ дѣтскаго возраста и притомъ въ большинствѣ случаевъ онъ передается по наслѣдству, такъ что цѣлый рядъ поколѣній рабочихъ родились, выросли и работали въ Анзенѣ, и члены одной и той же семьи появляются въ спискахъ анзенской компаніи въ теченіе ряда поколѣній. Весьма долго первоначально трудъ дѣтей въ шахтахъ, т.-е. подъ землей, дозволялся французскимъ законодательствомъ начиная съ десяти лѣтъ, но въ 1874 г. этотъ минимумъ былъ поднятъ на двѣнадцать лѣтъ и, наконецъ, въ 1892 г., до тринадцати. Что же касается до минимума возраста, дозволеннаго по закону для работы внѣ шахты, то онъ также тринадцати лѣтъ, исключая тѣхъ двѣнадцатилѣтнихъ дѣтей, которыя имѣютъ уже школьный аттестатъ и удостовѣреніе врача о хорошемъ физическомъ здоровьѣ. Только-что нанятый рабочій первоначально употребляется на поверхности земли для мытья и сортировки угля, а затѣмъ отправляется работать въ шахты, большею частью

Digitized by Google

подъ руководствомъ и вмѣстѣ съ кѣмъ-либо изъ своихъ родственниковъ, часто съ отцами, у которыхъ они являются помощниками, увозя на телѣжкахъ или тачкахъ выработанный ими уголь. Продолжительность пребыванія рабочихъ на одномъ и томъ же заводѣ составляетъ, по словамъ Уилогби, характеристичную черту Анзена и другихъ каменноугольныхъ копей Франціи. Періодъ дѣятельнаго труда въ теченіе жизни каждаго углекопа, по статистическимъ даннымъ Анзена, простирается, примѣрно, до сорока лѣтъ въ сложности и продолжается до пятидесяти-пяти лѣтъ возрастомъ, когда углекопъ, если пожелаетъ, можетъ удалиться отъ труда на покой, выслуживши пенсію на старость, средства для которой доставляются взаимными усиліями фирмы и рабочихъ. Время труда въ описанномъ промышленномъ учрежденіи распредѣлено такимъ образомъ: подъ землею работа продолжается отъ восьми до девяти часовъ, что̀ въ общемъ не только не ниже, но даже нѣсколько выше средняго времени, употребляемаго на работу въ другихъ копяхъ Франціи; внѣ шахты работа продолжается въ среднемъ до десяти часовъ. Плата, какъ общее правило въ этомъ и другихъ заведеніяхъ подобнаго рода, сдѣльная, по размѣрамъ выработки, и расплата и разсчетъ совершаются два раза въ мѣсяцъ, или въ двѣ недѣли разъ. Помощникъ углекопа, вывозящій уголь, всегда нанимается отъ него или является чаще всего, какъ было упомянуто, его сыномъ или другимъ родственникомъ. Въ общемъ, на основаніи богатыхъ данныхъ въ архивахъ компаніи, Уилогби пришелъ къ заключенію, что время труда въ анзенскихъ копяхъ постепенно все болѣе и болѣе сокращается, и наоборотъ заработная плата сильно ростетъ и увеличивается. Такъ, средняя дневная плата въ 1870 г. составляла 2 фр. 96 сант. и достигла въ 1890 г. уже до 4 фр. 61 сант.; средняя же годовая плата равнялась 890 фр. въ 1870 г. и 1.330 фр. въ 1893 г. Другими словами, произошло увеличеніе платы въ 23 года на цѣлыхъ 49%, почти на половину.

Но ростомъ платы улучшеніе быта рабочихъ на французскихъ копяхъ не ограничивается: заботы предпринимателей также значительно возросли, какъ это свидѣтельствуетъ, по словамъ Уилогби, тотъ фактъ, что и ростъ добавочныхъ расходовъ хозяевъ на рабочихъ выразился значительной цифрой въ 10% прибавки къ ихъ заработной платѣ, т.-е. другими словами: если подвести итогъ расходовъ хозяевъ въ Анзенѣ на жилища, санитарную помощь, кассы и проч. для рабочихъ, то общій итогъ примѣрно составляетъ $^1/_{10}$ суммы, расходуемой на заработную плату. Но при этомъ и сама покупательная сила заработной платы значи-

Digitized by Google

тельно выросла, и, слѣдовательно, въ общемъ положеніе рабочихъ несомнѣнно улучшилось во всѣхъ отношеніяхъ. Пользуясь здѣсь трудами одного французскаго экономиста, разработавшаго статистическія данныя рабочихъ бюджетовъ въ копяхъ Анзена за послѣднія 50 лѣтъ, и цѣнами припасовъ, извлеченными изъ торговыхъ книгъ тамошняго же потребительнаго общества, Уилогби приводитъ по этому предмету слѣдующія данныя. Мясо, которое 50 лѣтъ тому назадъ рабочіе потребляли въ Анзенѣ лишь одинъ разъ въ недѣлю, въ настоящее время составляетъ, какъ видно изъ этихъ данныхъ, ежедневную пищу каждаго рабочаго; расходъ на платье, какъ видно изъ этихъ бюджетовъ, значительно также выросъ, хотя американскій ученый не приводитъ самаго процента увеличенія, и, наконецъ, расходъ на удовольствія за 50 лѣтъ, или второстепенныя потребности рабочихъ, что̀ служитъ лучшимъ, можетъ быть, доказательствомъ улучшенія ихъ быта, составляетъ нынѣ 10% общихъ издержекъ каждой семьи, тогда какъ прежде этотъ расходъ былъ совершенно ничтожный и почти не поддавался разсчету.

Но наилучшимъ мѣриломъ теперешняго положенія рабочихъ въ копяхъ Анзена служитъ сдѣланное Уилогби обстоятельное описаніе разнородныхъ учрежденій для ихъ благополучія, тамъ устроенныхъ. Въ этомъ отношеніи, повторяетъ американскій статистикъ, учрежденія эти являются типомъ для всей остальной Франціи. На первомъ мѣстѣ стоитъ для рабочаго, конечно, удовлетвореніе потребности въ жилищѣ, и въ этомъ отношеніи, какъ заявилъ Жоржъ Пико въ своемъ отчетѣ о домахъ для рабочихъ на парижской международной выставкѣ 1889 г., не существуетъ отрасли промышленности во Франціи, гдѣ бы не было обнаружено по этой части большого прогресса. Потребность въ жилищахъ удовлетворяется для рабочихъ промышленныхъ заведеній слѣдующими четырьмя способами: во-первыхъ, предприниматели строятъ дома, гдѣ рабочіе живутъ безплатно, т.-е. съ нихъ не взимается особой платы; во-вторыхъ, хозяева строятъ дома, въ которыхъ рабочіе платятъ за помѣщеніе, но обыкновенно пониженную ренту; въ-третьихъ, хозяева строятъ дома и перепродаютъ ихъ на льготныхъ условіяхъ своимъ рабочимъ, и, въ-четвертыхъ, хозяева даютъ рабочимъ взаймы деньги, а иногда и кусокъ земли для постройки дома по собственному вкусу и собственными усиліями. Каждая изъ этихъ системъ, говоритъ Уилогби, имѣетъ свои выгоды и недостатки. Первая изъ нихъ во Франціи встрѣчается сравнительно рѣдко; спеціально въ Анзенѣ практикуются всѣ три послѣднихъ указанныхъ способа, т.-е. компанія

Digitized by Google

воздвигаетъ жилое зданіе, которое отдаетъ рабочимъ въ наймы по низкой цѣнѣ; она воздвигаетъ домики, перепродавая ихъ рабочимъ, и, наконецъ, даетъ имъ деньги взаймы и необходимую землю, гдѣ они уже сами могутъ воздвигать собственныя жилища и по своему вкусу. Нынѣ анзенской компаніей отдается въ наймы до 2.582 домиковъ, какъ правило, ниже дѣйствительной стоимости; обыкновенно—отдѣльный домикъ съ небольшимъ садикомъ за ренту отъ $3^1/_2$ до 6 франковъ въ мѣсяцъ. Съ 1869 г. начинается постройка такихъ домиковъ для продажи рабочимъ съ разсрочкой за свою цѣну, или *стоимость дѣйствительныхъ издержекъ*, отъ 2 до 3 тысячъ франковъ за домикъ. Лишь за періодъ до 1888 г., до котораго имѣются данныя, такимъ образомъ перешло въ собственность рабочихъ на льготныхъ условіяхъ до 747 домовъ. Никакихъ процентовъ при расплатѣ не полагается. Послѣднія десять лѣтъ компанія начала употреблять новый способъ, а именно, выдавать деньги самимъ рабочимъ, дабы они строили дома уже по собственной фантазіи. Такимъ образомъ, разумный самоинтересъ устроиваетъ этотъ вопросъ къ выгодѣ обѣихъ сторонъ, и анзенская компанія пріобрѣтаетъ постоянныхъ рабочихъ цѣною нѣкотораго матеріальнаго пожертвованія.

Учрежденія для обезпеченія будущаго въ Анзенѣ весьма многочисленны, и изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ существующая тамъ пенсія на старость для всѣхъ рабочихъ. Весьма долго въ Анзенѣ, до 1887 г., эта форма обезпеченія имѣла исключительно благотворительный характеръ, т.-е. составляла всецѣло пожертвованія хозяевъ, и рабочіе не несли при этомъ никакой обязанности. Но скоро почувствовались неудобства односторонняго благотворительнаго базиса. Чувству самодостоинства рабочихъ было противно сознаніе, что ихъ участь зависитъ отъ милосердія компаніи. Выдача пенсій зависѣла отъ произвола управляющихъ въ отдѣльныхъ случаяхъ и отъ хорошаго хода дѣлъ компаніи, что, разумѣется, лишало возможности рабочихъ съ полной увѣренностью взирать на будущее. Благодаря этому, съ 1 января 1887 г. анзенская компанія вошла съ рабочими въ соглашеніе и объявила новую систему пенсіи на старость. Согласно этой системѣ, взносы уплачиваются обѣими сторонами, какъ хозяевами, такъ и рабочими, и страховой фондъ держится совершенно независимо отъ фонда и управленія компаніи. Такимъ образомъ, его будущее гарантировано, и прежняя *милость превратилась въ право* каждаго рабочаго. Общая организація этихъ пенсій въ Анзенѣ была настолько удачна, что когда въ 1894 г. французское правитель-

Digitized by Google

ство рѣшилось установить у себя обязательное страхованіе этого рода для всѣхъ горнорабочихъ, то цѣликомъ воспользовалось положеніями, созданными жизнью въ Анзенѣ, и Анзенъ явился. такимъ образомъ моделью для французскаго закона въ данномъ отношеніи. Въ общихъ чертахъ устройство этого страхованія въ Анзенѣ слѣдующее. Съ 1 января 1887 г., компанія вноситъ въ такъ-называемый „Національный банкъ для пенсій на старость" (государственное учрежденіе, спеціально для этой цѣли основанное еще въ 1850 г.) извѣстный взносъ за каждаго работника, а именно $1^1/_2{}^0/_0$ съ его заработной платы и равную сумму съ своей стороны, т.-е. за счетъ компаніи. Эти два депозита заносятся въ разсчетную книгу каждаго рабочаго и остаются его собственностью. Для рабочаго въ шахтѣ подъ землею платежъ начинается со времени его поступленія въ эту работу, а для рабочаго на поверхности—съ восемнадцатилѣтняго возраста и послѣ пребыванія на службѣ компаніи по меньшей мѣрѣ трехъ лѣтъ. Платежъ компаніи прекращается, когда работникъ достигаетъ возраста 50 лѣтъ. Послѣдній, однако, можетъ, если пожелаетъ, продолжать свои платежи съ цѣлью увеличить пенсію.

Этимъ путемъ работникъ получаетъ маленькую пенсію, достигши 50 лѣтъ, на весь остатокъ своей жизни, а въ случаѣ неспособности къ труду и раньше достиженія этого возраста рабочій можетъ получить пенсію пропорціонально возрасту и сдѣланнымъ депозитамъ. Кромѣ того, въ добавленіе къ этому, въ видѣ награды за продолжительную или хорошую службу, компанія многимъ рабочимъ увеличиваетъ пенсію до размѣра ихъ заработной платы и притомъ на извѣстныхъ, заранѣе опредѣленныхъ условіяхъ. Такъ, напримѣръ, когда работникъ достигъ 35 лѣтъ возрастомъ и пробылъ безъ перерыва на службѣ компаніи не менѣе десяти лѣтъ, то открывается для него спеціальный счетъ увеличенія пенсіи, который значительно увеличиваетъ общій размѣръ пенсіи на сумму отъ 42 р. для вдовы, до 72 р. прибавки въ годъ для женатаго рабочаго, помимо его законной пенсіи на старость. Уилогби ставитъ въ особую заслугу или подчеркиваетъ здѣсь два обстоятельства: назначеніе пенсіи вдовамъ рабочихъ и устраненіе французскимъ закономъ вопроса о назначеніи пенсіи отъ контроля компаніи. Каждый рабочій при этомъ порядкѣ знаетъ точно, что ему предстоитъ получить какъ пенсіонъ подъ старость, и отъ его собственнаго желанія зависитъ, оставаться ли ему къ тому времени на службѣ компаніи, или уйти. Съ какими важными расходами это обезпеченіе рабочихъ на старость связано собственно для предпринимателей, можно судить изъ того, что анзен-

Digitized by Google

ской компаніи приходится ежегодно платить лишь по этому страхованію своихъ рабочихъ въ „Національный банкъ для пенсій на старость“ крупную сумму въ 294.173 фр. въ годъ; столько же платятъ и рабочіе, а всего, слѣдовательно, платится 588.346 фр.

Но важная забота о будущемъ у человѣка является прежде всего по поводу наступленія болѣзни и прекращенія черезъ это работы; такимъ образомъ, для рабочаго больного предстоятъ двѣ заботы: добыть средства для леченія—и средства, необходимыя для собственнаго существованія и для существованія семьи въ теченіе болѣзни. Эта двойная цѣль, и даже нѣкоторыя иныя, прекрасно разрѣшаются во Франціи путемъ устройства такъ-называемыхъ „обществъ взаимной помощи“—Sociétés de Secours Mutuels,—учрежденіе, уже имѣющее въ ней мѣсто около 50 лѣтъ, но быстро распространяющееся, особенно въ послѣдніе годы, и современемъ вѣроятно обниметъ всю Францію въ буквальномъ смыслѣ. Въ 1892 г., такихъ обществъ уже насчитывалось во Франціи 9.662, причемъ ежегодно число обществъ вновь открываемыхъ увеличивается на 248; число членовъ считается милліонами. Эти общества взаимной помощи преслѣдуютъ три цѣли: доставляютъ своимъ больнымъ членамъ медицинскую помощь съ необходимыми лекарствами, уплачиваютъ въ теченіе болѣзни сочленамъ ежедневную субсидію въ замѣнъ жалованья, гарантируютъ имъ иногда маленькую пенсію при достиженіи извѣстнаго возраста и, наконецъ, въ случаѣ смерти, доставляютъ расходы на похороны. Для нуждъ рабочихъ въ каменноугольныхъ копяхъ Анзена существуетъ семь такихъ обществъ взаимной помощи и 8.000 рабочихъ, или 94% всего персонала состоятъ его членами. Еще до послѣдняго времени, когда эти общества изъ добровольныхъ превращены закономъ въ обязательныя, каждый членъ вносилъ 50 сантимовъ въ мѣсяцъ, и за это, кромѣ безплатной медицинской помощи, получалъ по франку въ каждый день болѣзни въ теченіе цѣлаго года. Помимо взноса, всѣ штрафы, назначаемые какъ наказаніе, шли точно также въ добавленіе къ суммамъ, собираемымъ этими кассами. Новый законъ 29 іюня 1894 г. произвелъ нѣкоторую перемѣну въ организаціи этихъ обществъ, а именно французскій законъ сдѣлалъ такія общества въ отношеніи болѣзней и несчастныхъ случаевъ обязательными для всѣхъ горнорабочихъ. Главное измѣненіе для тѣхъ заводовъ, гдѣ, подобно Анзену, уже существовали давно подобныя общества, состоитъ въ томъ, что, помимо пожертвованій компаніи, каждая промышленная компанія обязана вносить въ фондъ этихъ обществъ сумму равную съ своими рабочими, причемъ со стороны рабо-

Digitized by Google

чихъ можетъ быть дѣлаемъ вычетъ изъ жалованья на эту цѣль не свыше 2%, сумма, равная которой уплачивается и фирмой. Къ этому, наконецъ, присоединились субсидіи, выдаваемыя въ извѣстныхъ случаяхъ государствомъ для этой цѣли.

Но и помимо существованія обществъ взаимной помощи, анзенская компанія несетъ крупные расходы и для заботъ по доставленію медицинской помощи своимъ рабочимъ и служащимъ; при этомъ лишь дѣлается нѣкоторое различіе между рабочими по размѣрамъ получаемой ими платы и по тому—работаютъ ли они въ шахтахъ, или на поверхности. Въ первомъ случаѣ, безплатная медицинская помощь со стороны компаніи въ извѣстныхъ случаяхъ распространяется на вдовъ, дѣтей и родителей рабочихъ, во второмъ же—только на самихъ рабочихъ. А вообще безплатная медицинская помощь имѣетъ мѣсто для рабочихъ получающихъ не свыше 1.000 франковъ. Что касается до пенсіи при несчастныхъ случаяхъ, то хотя во Франціи до сихъ поръ по закону это страхованіе только въ проектѣ, но въ Анзенѣ оно уже осуществлено „Обществомъ взаимной помощи", и пострадавшіе отъ несчастнаго случая получаютъ вспомоществованіе, смотря по роду поврежденія и классу, а также семейному положенію отъ 3 до 30 франковъ два раза въ мѣсяцъ. Компаніи приходится содержать на свой счетъ цѣлыхъ одиннадцать врачей и тратить до 34.000 фр. въ годъ на этотъ предметъ, помимо пенсіи больнымъ и раненымъ.

Для того, чтобы рабочіе имѣли всѣ необходимые для нихъ предметы потребленія по возможно дешевой цѣнѣ, и чтобы большая часть расходовъ возвращалась въ ихъ же карманъ, еще съ 1865 года анзенская компанія учредила обширное потребительное общество для нуждъ своихъ рабочихъ, причемъ всѣ его доходы поступаютъ цѣликомъ имъ же самимъ, т.-е. работающимъ, которые распоряжаются и являются истинными хозяевами во всемъ этомъ дѣлѣ. Для каждаго рабочаго или служащаго компаніи обязательно имѣть одинъ пай или акцію потребительнаго общества въ 50 фр. Потребительное общество безусловно не зависитъ отъ какого-либо контроля со стороны фирмы. Членство строго ограничено рабочими и служащими компаніи, и только члены могутъ даже исключительно торговать въ складахъ и лавкахъ общества. Цѣль потребительнаго общества—покупать всѣ товары по оптовымъ цѣнамъ и продавать ихъ сочленамъ по возможности дешевле, такъ чтобы доставить имъ всю прибыль, приходящуюся обыкновенно иначе посредникамъ. При этомъ принято за правило, впрочемъ, съ цѣлью увеличить сбереженія общества, продавать

Digitized by Google

товары насколько возможно по цѣнѣ приблизительно подходящей къ обычной раздробительной продажѣ, а затѣмъ уже вся прибыль отъ покупокъ распредѣляется между членами-покупателями, за покрытіемъ расходовъ и 5% дохода на пай. Насколько велики выгоды этого потребительнаго общества для рабочихъ, можно судить по нѣкоторымъ, приводимымъ Уилогби, извлеченіямъ изъ ихъ отчетовъ. За тридцать лѣтъ рабочіе Анзена получили отъ своихъ покупокъ отъ потребительнаго общества дивидендъ на 2½ милл. рублей на наши деньги; за послѣдній отчетный 1895 годъ лишь получено было 135.000 р.

Съ 1882 г. первоначальное образованіе во Франціи объявлено государственнымъ и безплатнымъ, и потому обязанность заботиться объ образованіи рабочихъ до извѣстной степени этимъ закономъ снята была съ компаніи, но тѣмъ не менѣе компанія до сихъ поръ тратитъ на этотъ предметъ, вспомоществуя сосѣднимъ школамъ, въ которыхъ учатся рабочіе, и иными способами до 31.000 франковъ слишкомъ въ годъ, причемъ особенно способныхъ молодыхъ рабочихъ посылаетъ для усовершенствованія въ среднепрофессіональную школу, „Ecole des maîtres mineurs de Douai".

Перечисленными мѣрами не ограничивается, впрочемъ, забота въ тѣхъ или иныхъ видахъ о рабочихъ въ Анзенѣ. Такъ, рабочимъ въ разныхъ размѣрахъ, смотря по тому, работаютъ ли они въ шахтахъ, или на поверхности, безплатно выдается каменный уголь для ихъ употребленія, что составляетъ для компаніи 162.000 р. въ годъ. Сверхъ того, по обычаю, принятому въ горномъ дѣлѣ, каждому рабочему, въ первый разъ спускающемуся въ шахту, выдается полный даровой костюмъ, а при исполненіи воинской повинности рабочимъ, за все время его отсутствія, его жена получаетъ 50 сант. въ день лично и 25 сант. на каждаго ребенка.

Такова картина положенія рабочихъ въ богатѣйшей изъ каменноугольныхъ копей Франціи. По словамъ Уилогби, эта картина, имъ описанная—почти *всеобщая* между учрежденіями этого рода въ странѣ, т.-е. положеніе рабочихъ на другихъ копяхъ отнюдь и ни въ какомъ отношеніи не хуже. Насколько велики жертвы, которыя приходится приносить при этомъ хозяевамъ, можно судить изъ того, что общій расходъ, по вычисленіямъ Уилогби, въ годъ на всѣхъ рабочихъ, *въ добавленіе къ заработной платѣ*, простирается въ Анзенѣ до 660.000 руб. на наши деньги, и въ среднемъ это огромное дополненіе не только не уменьшается, а все продолжаетъ расти. Такъ, съ 89 фр. на человѣка въ 1883 г., оно поднялось до 134 фр. въ 1893 г., и

Digitized by Google

составляетъ въ среднемъ 10% съ чистой прибыли компаніи. То же самое, утверждаетъ Уилогби, т.-е. не меньшіе расходы несутъ для блага рабочихъ и другія французскія копи этого рода, а у нѣкоторыхъ расходы достигаютъ, какъ видно изъ приводимыхъ имъ цифръ, даже до 15% съ прибыли.. Но самымъ краснорѣчивымъ фактомъ общаго благоустройства на анзенскихъ коняхъ, по нашему мнѣнію, является то обстоятельство, что $^2/_3$ рабочихъ, какъ видно изъ многочисленныхъ цифровыхъ данныхъ, приводимыхъ американскимъ изслѣдователемъ, поступили на этотъ заводъ въ возрастѣ отъ 13 до 14 лѣтъ и проводятъ на немъ цѣлые десятки лѣтъ отъ поколѣнія къ поколѣнію...

На противоположномъ краю Франціи, на юго-востокѣ, лежитъ другая крупная каменноугольная копь, осмотрѣнная американской коммиссіей,—копь Бланзи. По своимъ размѣрамъ она уступаетъ Анзену, хотя все-таки достигаетъ весьма крупной величины. Такъ, угля добывается въ ней ежегодно 1.105.000 тоннъ, а число рабочихъ простирается до 7.834 чел. Только-что описанный Анзенъ представлялъ интересъ, потому что былъ типиченъ, какъ образецъ распространенныхъ видовъ и формъ учрежденій для рабочихъ; наоборотъ, Бланзи имѣетъ нѣкоторыя свои особенности, которыя, впрочемъ, отчасти повторяются и на другихъ подобныхъ учрежденіяхъ.

Въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими въ Бланзи долго существовалъ патронатъ, т.-е. всѣ учрежденія для улучшенія и обезпеченія быта рабочихъ содержались на счетъ хозяевъ, которые ежегодно съ этой цѣлью затрачивали крупную сумму въ 1 милл. фр.; но, какъ сообщаютъ американцы со словъ оффиціальнаго отчета этой фирмы, патронатъ скоро показалъ много невыгодныхъ сторонъ и даже прямо вредныхъ результатовъ. Благодѣяніе, говоритъ отчетъ, получаемое безъ всякихъ усилій со стороны людей, весьма рѣдко оцѣнивается должнымъ образомъ; на милость начинаютъ смотрѣть какъ на право, и самый источникъ тѣхъ или иныхъ учрежденій разсматривается лишь какъ результатъ себялюбиваго разсчета со стороны хозяина. Еще хуже того: рабочіе перестаютъ полагаться на самихъ себя, теряютъ привычку предусмотрительности и экономіи, индивидуальная инициатива исчезаетъ, а самодостоинство уменьшается. Вотъ тѣ причины, которыя заставили постепенно благотворительность въ Бланзи замѣнить духомъ ассоціаціи и самопомощи, какъ это нынѣ имѣетъ мѣсто и въ большинствѣ европейскихъ промышленныхъ учрежденій.

Digitized by Google

Обратно съ Анзеномъ, каменноугольная копь въ Бланзи возникла въ нынѣшнемъ вѣкѣ въ тридцатыхъ годахъ и притомъ въ совершенно земледѣльческой мѣстности, не имѣвшей прежде промышленныхъ заведеній. Мѣстечко Монсо, гдѣ сосредоточилась администрація и главныя учрежденія компаніи, силою вещей изъ небольшой деревушки въ тридцатыхъ годахъ превратилось въ настоящее время, вмѣстѣ съ ростомъ дѣятельности компаніи, въ приличный городъ, почти въ 20.000 жителей. Ростъ и жизнь его до такой степени связаны съ появленіемъ въ данной мѣстности каменноугольной промышленности, что большинство жителей такъ или иначе связаны съ компаніей, и большинство городскихъ учрежденій, начиная съ ратуши и префектуры, выстроены на счетъ фирмы. Также какъ и въ другихъ большихъ каменноугольныхъ копяхъ, собственно добываніе угля составляетъ лишь одну изъ отраслей труда. Компанія имѣетъ, напримѣръ, цѣлый рядъ печей для приготовленія кокса, брегета и даже стеклянный заводъ для собственныхъ потребностей. Но отчеты всѣхъ этихъ учрежденій, принадлежащихъ компаніи, не входятъ въ общій торговый оборотъ собственно каменноугольнаго дѣла.

Условія труда въ Бланзи нѣсколько сходны съ Анзеномъ, но въ общемъ—лучше. Такъ, время работы короче и продолжается подъ землею менѣе восьми часовъ въ день. Работа обыкновенно начинается съ дѣтскаго возраста, съ тринадцати лѣтъ, первоначально на поверхности земли, а затѣмъ мальчикъ отправляется въ шахту, гдѣ и работаетъ съ кѣмъ-либо изъ родственниковъ. Плата сдѣльная, но большею частью организованная по системѣ такъ-называемыхъ „аккордовъ", т.-е. шести—семи рабочимъ отдается извѣстная работа, напримѣръ выработка части шахты съ разсчетомъ по ярдамъ или тоннамъ добытаго угля, и затѣмъ рабочіе уже распредѣляютъ общую плату между собою. Какъ правило въ Бланзи, замужнія женщины отнюдь ни къ какой работѣ не допускаются; дѣвушки же въ небольшомъ количествѣ работаютъ при сортировкѣ угля на поверхности земли. Но, благодаря послѣднему усовершенствованію сортировочныхъ машинъ, и въ этомъ дѣлѣ ихъ трудъ уменьшился.

Что касается до учрежденій для рабочихъ, то большею частью они тѣ же самыя, какъ въ Анзенѣ, но со многими важными отличіями. Относительно снабженія своихъ рабочихъ жилищами компанія должна была, на первыхъ же шагахъ своего существованія, въ 30-хъ годахъ, считаться съ большими затрудненіями. Въ земледѣльческой, мало населенной мѣстности частныхъ домовъ для найма оказалось слишкомъ мало,—пришлось все строить

Digitized by Google

заново. При этомъ, какъ характеръ построекъ, такъ и условія снабженія рабочихъ жилищами нѣсколько разъ измѣнялись. Первоначально компанія строила домики обыкновенно въ двѣ квартиры, съ маленькимъ садикомъ, для отдачи рабочимъ въ наймы не только по своей, но даже по уменьшенной цѣнѣ. Бо́льшую часть этихъ домиковъ, существующихъ донынѣ, вмѣсто 12 франковъ въ мѣсяцъ, обычной цѣны въ той мѣстности за квартиру въ 2—3 комнаты, компанія отдаетъ своимъ рабочимъ за $4^1/_2$—6 франковъ. Съ 60-хъ годовъ, компанія избрала другой путь: купила значительное количество земли, разбила его на мелкія части и стала отдавать эти участки рабочимъ въ наймы или продавать за свою цѣну, гораздо ниже обычной рыночной, ссужая ихъ деньгами для постройки дома, или выстроивая дома на собственный счетъ. Первоначально компанія выдавала эту ссуду въ ограниченномъ размѣрѣ, лишь до 1.000 франковъ, но въ виду того, что многимъ рабочимъ не хватало этой суммы, и они входили въ большіе долги, послѣднее время размѣръ ссуды возросъ до $2^1/_2$ тысячъ франковъ, и уплата разложена по частямъ на цѣлыхъ 15 лѣтъ и на наиболѣе необременительныхъ для рабочихъ условіяхъ. Явившееся въ послѣднее время, съ 1887 г., учрежденіе, о которомъ мы будемъ говорить далѣе, въ родѣ банка, такъ-назыв. „La Prudence“, по желанію компаніи приняло на себя обязательство выдавать ссуды на льготныхъ условіяхъ желающимъ изъ рабочихъ пріобрѣсти или выстроить домъ. Дѣятельность этого учрежденія идетъ весьма живо, и такъ какъ оно находится въ рукахъ рабочихъ, то рабочіе къ нему относятся довѣрчиво; компанія же, съ своей стороны, заинтересованная, разумѣется, имѣть осѣдлыхъ въ данной мѣстности рабочихъ, помогаетъ банку „La Prudence“, выдавая ему по 45 фр. въ годъ въ теченіе 5 лѣтъ за каждый домъ для рабочихъ, который выстроенъ при содѣйствіи этого банка. Благодаря всѣмъ этимъ мѣропріятіямъ, уже въ 1889 г. въ Бланзи число рабочихъ-подомовыхъ собственниковъ составляло около 1.000 человѣкъ, а въ 1892 г. выросло до 1.306, или 25% всего числа работающихъ, или главъ семействъ, и слѣдовательно значительная часть рабочихъ уже снабжены собственными жилищами, которыя американцы очень хвалятъ, и постройка которыхъ удовлетворяетъ обоюднымъ интересамъ фирмы и рабочихъ. Жилища—новѣйшаго типа, обыкновенно домики съ довольно большимъ садомъ, въ которомъ рабочіе въ минуты отдыха и по праздникамъ занимаются огородничествомъ, разводятъ необходимые для ихъ стола овощи и цвѣты, нужные для украшенія, къ которымъ вообще углекопы, можетъ

Digitized by Google

быть по противоположности самаго занятія своего подъ землею, вообще чувствуютъ большую слабость; хорошенькіе садики, часто изящно расположенные, по описанію американцевъ, украшаютъ дома-особняки, разбросанные по обширной долинѣ, окружающей шахты, и представляютъ въ цѣломъ веселый пейзажъ, ничѣмъ не напоминающій съ перваго взгляда родъ занятія рабочихъ и ихъ тяжелой подземной работы.

Изъ учрежденій для рабочихъ на первомъ планѣ въ Бланзи стоитъ вышеупомянутое общество, называемое „La Prudence". Оно возникло въ 1887 г., какъ акціонерное общество, между самими рабочими, и вызвано на свѣтъ ихъ жалобами на обманы продавцевъ лотерейныхъ билетовъ—для преслѣдованія ихъ и вообще регулированія денежныхъ дѣлъ рабочихъ, какъ-то: пріобрѣтеніе ими цѣнныхъ бумагъ, помѣщеніе денегъ, иски на судѣ и т. д. Это оригинальное учрежденіе было основано такъ: рабочіе сложились и съ помощью компаніи составили капиталъ въ 118.000 франковъ съ акціями по 50 фр.; три четверти всѣхъ акцій нынѣ уже находятся въ рукахъ рабочихъ. Цѣль учрежденія—дѣловая, именно: оно исполняетъ всякія порученія и коммиссіи, веденіе судебныхъ, административныхъ и др. дѣлъ всѣхъ своихъ сочленовъ даромъ, для чего необходимо имѣть акцію; для постороннихъ же людей, въ томъ числѣ для фирмы, за деньги. Второе занятіе—банковыя операціи всякаго рода. Эта часть до такой степени ведется La Prudence хорошо, что фирма находитъ возможнымъ во многихъ случаяхъ даже для своихъ нуждъ пользоваться ея услугами. Третій видъ дѣятельности „La Prudence" — это сберегательныя кассы, которыя имѣютъ два вида: такъ-назыв. „La Tire-lire" — школьный сберегательный банкъ—и „La Fourmis", для всей остальной публики. Школьная касса существуетъ только для несовершеннолѣтнихъ до 21 года, посѣщающихъ школы компаніи или занятыхъ въ качествѣ учениковъ при ея промышленныхъ учрежденіяхъ. Ея депозиты даютъ 4%, и когда достигаютъ до 200 фр., то общество превращаетъ ихъ въ свидѣтельства обыкновенной сберегательной кассы. Дѣло идетъ прекрасно и сбереженія насчитываются многими тысячами, годъ отъ года увеличиваясь. Кромѣ того, „La Prudence" имѣетъ четвертую обязанность: это—вспомогательный фондъ, который составляется частью путемъ взносовъ, частью путемъ пожертвованій компаніи, и употребляется для вспомоществованія членамъ въ крайнихъ, экстренныхъ случаяхъ, когда обыкновенная помощь, получаемая иными способами, недостаточна, или когда они на нее почему-либо не имѣютъ права.

Digitized by Google

Успѣхъ „La Prudence“ имѣла чрезвычайный. Замѣчено, что это оригинальное, весьма сложное учрежденіе, находящееся почти исключительно въ рукахъ рабочихъ и ими веденное, способствуетъ развитію интересовъ солидарности хозяевъ и рабочихъ. По словамъ американца, и другіе жители всей мѣстности состоятъ, благодаря дѣятельности „La Prudence“, болѣе или менѣе подъ его вліяніемъ и относятся къ нему крайне дружественно и довѣрчиво, отдавая туда всѣ свои сбереженія и ведя часто всѣ свои дѣла съ помощью его представителей.

Изъ другихъ учрежденій для рабочихъ на копяхъ Бланзи первое мѣсто занимаетъ прекрасно организованная пенсія на старость. Это учрежденіе организовано на этихъ копяхъ впервые изъ всѣхъ промышленныхъ учрежденій этого рода во Франціи еще въ 1854 году. Пенсіи выдаются, смотря по семейному положенію лица, отъ 180 до 240 фр. холостому, и отъ 240 до 300 фр. женатому рабочему, когда онъ достигъ извѣстнаго возраста и проработалъ компаніи извѣстное количество лѣтъ. На половину соотвѣтственной пенсіи имѣетъ право вдова пенсіонера. Очень долго пенсіи эти были дѣломъ благотворительности, и компанія всецѣло вносила за нихъ деньги безъ участія рабочихъ (до 50.000 р. въ годъ), но съ 1894 г., съ государственнымъ закономъ во Франціи обязательнаго страхованія горнорабочихъ, пришлось измѣнить порядокъ, и если въ Анзенѣ устройство осталось такое же, какъ было прежде, на началахъ взаимопомощи, то здѣсь пришлось благотворительный характеръ перемѣнить на платежъ или страхованіе за счетъ обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ, т.-е. рабочіе были привлечены къ уплатѣ той же суммы, какую несетъ и фирма. Кромѣ этого обезпеченія рабочихъ на старость, фирма Бланзи въ 1880 г. установила особый видъ обезпеченія для служащихъ и старшихъ рабочихъ на нѣсколько измѣненныхъ началахъ: именно, они платятъ $2^1/_2\%$ съ ихъ жалованья (вмѣсто $1^1/_2\%$, какъ остальные рабочіе), и такую же сумму вноситъ компанія, а затѣмъ на старости застрахованные получаютъ пенсію отъ половины до двухъ третей жалованья за послѣднія 5 лѣтъ службы, смотря по общему количеству времени, которое они провели на службѣ компаніи.

Общество взаимопомощи, которое мы встрѣтили въ Анзенѣ, встрѣчается и здѣсь, но съ цѣлями значительно болѣе широкими и разнообразными, а именно: это общество страхуетъ не только отъ болѣзни, но и отъ несчастныхъ случаевъ, выдаетъ, кромѣ помощи больнымъ, денежную помощь вдовамъ и сиротамъ въ извѣстныхъ случаяхъ и беретъ на себя также заботы объ

Digitized by Google

образованіи дѣтей своихъ сочленовъ, выдавая имъ, между прочимъ, различныя школьныя пособія. Страхованіе здѣсь ведется по двумъ классамъ. Участники перваго платятъ 1% изъ жалованья, участники второго—2½%. Значительныя субсидіи выдаетъ компанія, которая также обязуется на свой счетъ содержать для всѣхъ подобныхъ обществъ „ясли“ и элементарную школу для дѣтей, госпиталь для больныхъ, пострадавшихъ отъ несчастій или серьезныхъ болѣзней, аптеку и т. д. Отличіе отъ Анзена здѣсь заключается, кромѣ того, и въ томъ, что участіе въ этихъ обществахъ уже обязательно для всѣхъ лицъ изъ семействъ рабочихъ обоего пола и всякаго возраста. Общество гарантируетъ вознагражденіе за 100 дней болѣзни, а иногда и больше. Какъ бы въ видѣ наказанія, болѣзни и несчастія отъ пьянства и дурного поведенія лишаютъ права на вознагражденіе, и такіе больные получаютъ лишь медицинскую помощь безъ субсидіи; потерпѣвшіе несчастіе получаютъ какъ помощь, такъ и субсидію, соотвѣтственно роду несчастія. Наконецъ, третій видъ дѣятельности здѣшнихъ обществъ взаимопомощи относится къ назначенію пенсіи инвалидамъ, т.-е. лицамъ, сдѣлавшимся неспособными къ работѣ раньше времени, установленнаго для пенсіи на старость, а также малолѣтнія дѣти лицъ, умершихъ отъ какого-либо несчастнаго случая. Всѣ такого рода лица получаютъ отъ общества взаимопомощи бо́льшихъ или мѣньшихъ размѣровъ вознагражденіе въ формѣ пенсіи. Вдова, напр., рабочаго, убитаго отъ несчастія, со дня смерти своего мужа получаетъ 20 фр. въ мѣсяцъ, если она моложе 60 лѣтъ, и 25 фр., если старше; ея дѣти—по 6 фр. въ мѣсяцъ до 5 лѣтъ и по 8 фр. до 13 лѣтъ и т. д. Сверхъ того, компанія содержитъ на свой счетъ 4-хъ врачей, 11 сидѣлокъ, монахинь или сестеръ милосердія, и каждый больной рабочій, не имѣющій по какимъ-нибудь обстоятельствамъ въ семьѣ ухода, имѣетъ право требовать, по предписанію врача, себѣ для ухода такую сидѣлку, или, наконецъ, поступить въ госпиталь, всецѣло содержимый на счетъ фирмы.

Несмотря на извѣстный намъ законъ о государственномъ первоначальномъ образованіи во Франціи, какъ бы снявшій съ отдѣльныхъ лицъ заботу по этому вопросу, компанія Бланзи тратитъ тѣмъ не менѣе крупныя деньги на помощь школамъ разнаго рода, дѣлая возможнымъ для своихъ рабочихъ самое широкое ими пользованіе. Компанія помогаетъ 21 школѣ въ бо́льшихъ или мѣньшихъ размѣрахъ субсидіей. На первое ихъ устройство она уже истратила, по словамъ американскаго отчета, болѣе 1 милліона фр. и въ настоящее время употребляетъ до

Digitized by Google

171.000 фр. въ годъ. При 7 школахъ находятся мастерскія: башмачная, вязальная, шитья бѣлья и платья, и число всѣхъ учащихся въ этомъ обширномъ вѣдомствѣ своего рода народнаго просвѣщенія одного завода превосходитъ 6.000 душъ обоего пола.

Заботливость компаніи Бланзи о своихъ рабочихъ недавно приняла, по словамъ отчета, весьма оригинальную форму, а именно: женское молодое поколѣніе тамъ, за исключеніемъ весьма ограниченнаго числа дѣвушекъ, совсѣмъ не находило работы въ каменноугольныхъ копяхъ компаніи даже на поверхности земли, а потому дочери рабочихъ должны были часто съ большими затрудненіями и непріятностями для своихъ семействъ отправляться далеко въ поискахъ за трудомъ; и вотъ компанія, желая въ этомъ случаѣ облегчить положеніе своихъ рабочихъ, рѣшила къ своему дѣлу пристегнуть другое и устроила довольно обширную ткацкую мастерскую, фабрику дешевыхъ шелковыхъ и бумажныхъ издѣлій, поставила въ ней около 254 станковъ, и въ настоящее время вся женская молодежь, кромѣ замужнихъ женщинъ, по правилу не принимаемыхъ ни на какую работу (около 500 чел.), имѣютъ работу у себя на родинѣ и могутъ оставаться жить съ своими семействами, вмѣсто того, чтобы отправляться въ неудобное и рискованное для дѣвушекъ путешествіе для отысканія работы на сторонѣ.

Ко всѣмъ перечисленнымъ учрежденіямъ по американскому отчету присоединяется цѣлый рядъ и другихъ видовъ помощи. Такъ, напр., каждый рабочій имѣетъ право безплатно на 72 гектолитра, цѣною столько же франковъ, каменнаго угля, на что компаніи приходится ежегодно затрачивать около 300.000 фр. Компанія содержитъ нѣсколько церквей для своихъ рабочихъ, обширныя бани и купальни, библіотеку, большую мельницу, съ цѣлью удешевить муку для рабочихъ, и въ большей или меньшей степени способствуетъ и помогаетъ устройству на заводѣ цѣлаго ряда клубовъ для общенія и увеселеній для своихъ рабочихъ и служащихъ, напр. клубъ ружейный, гимнастическій, фехтовальный, спеціальный клубъ молодыхъ людей и молодыхъ дѣвушекъ и т. д. Въ общемъ,—дѣлаетъ выводъ Уилогби,—рабочіе Бланзи, точно также какъ и Анзена, годъ отъ года живутъ лучше, пожертвованія со стороны хозяевъ увеличиваются и ростутъ, и общее благосостояніе замѣтно какъ на экономическомъ, такъ и на физическомъ улучшеніи быта рабочихъ. Главный признакъ довольства рабочихъ, являющійся драгоцѣннымъ условіемъ и основаніемъ многихъ изъ описанныхъ учрежденій — продолжи-

Digitized by Google

тельность работы на заводѣ—все ростетъ и увеличивается, и поколѣніе за поколѣніемъ рабочихъ, къ обоюдному интересу своему и хозяевъ, остаются жить многіе годы на одномъ и томъ же заводѣ.

Изъ всѣхъ разнородныхъ промышленныхъ заведеній въ свѣтѣ самымъ крупнымъ, принадлежащимъ, притомъ, одному лицу, а не компаніи, безспорно является желѣзодѣлательный и сталелитейный заводъ Круппа въ Эссенѣ, въ Германіи. Впрочемъ, это учрежденіе имѣетъ лишь свой центръ въ Эссенѣ, и филіи, или побочныя учрежденія, разбросаны въ разныхъ мѣстахъ Германіи, а одно (добываніе желѣзной руды) находится даже въ Испаніи. Этому огромному предпріятію, вырабатывающему разнородные продукты, начиная съ знаменитыхъ пушекъ, имѣющихся почти во всѣхъ арміяхъ цѣлаго свѣта, и до различныхъ машинъ, принадлежитъ собственно нѣсколько металлическихъ заводовъ разнаго характера и угольныхъ и желѣзныхъ копей и рудниковъ. Число его рабочихъ нынѣ насчитывается свыше 26.000 чел., а если считать ихъ семейства, то болѣе 87.000. Все предпріятіе отличается притомъ за послѣднее время необыкновенно быстрымъ ростомъ, обратно съ началомъ своего существованія. Впервые заводъ настоящаго „короля пушекъ“ Круппа появился еще въ 1810 г. въ видѣ ничтожной мастерской съ дюжиной рабочихъ и оставался въ такомъ видѣ приблизительно до конца 40-хъ гг., когда въ немъ насчитывалось всего-на-все 70 чел. рабочихъ; но съ тѣхъ поръ онъ ростетъ необыкновенно быстро, почти скачками каждый годъ. Число заказовъ начинаетъ измѣряться у него милліонами, а число рабочихъ тысячами, главнымъ образомъ въ пушечно-литейномъ дѣлѣ. Какъ бы вмѣстѣ съ ростомъ германскаго милитаризма увеличивалось это предпріятіе, поставляющее свой грозный продуктъ во всѣ концы свѣта. Эссенъ, бывшій недавно ничтожнымъ городомъ въ 2—3 тысячи жителей, насчитываетъ теперь уже далеко болѣе 70.000 и является вполнѣ приличнымъ городомъ средней руки.

Послѣдствія такого быстраго роста за послѣднія 50 лѣтъ этого предпріятія доставили хозяину Круппу не мало хлопотъ. Прежде всего необходимо было ему позаботиться о жилищѣ для рабочихъ, такъ какъ наличныхъ домовъ и построекъ въ городѣ Эссенѣ съ его окрестностями не хватало для помѣщенія всѣхъ его служащихъ. Какъ всегда, нуждою пользовались и злоупотребляли, и рабочіе, и служащіе вынуждены были за дурное помѣщеніе съ дурными санитарными условіями платить весьма

Digitized by Google

дорого. Не менѣе они страдали и отъ отсутствія въ городѣ хорошей воды, и отъ дурной организаціи снабженія припасами. Фабрика своихъ лавокъ не имѣла; мѣстные же лавочники на перебой конкуррировали другъ передъ другомъ и, заманивая рабочихъ, спаивали ихъ, выдавая имъ преміи водкой, и держали ихъ у себя въ неоплатномъ долгу, развращая и приводя къ полному нищенству. Съ одной стороны, Круппъ долженъ былъ затратить вмѣстѣ съ быстрымъ ростомъ своего предпріятія крупныя же деньги на пріобрѣтеніе участковъ земли въ Эссенѣ и его окрестностяхъ и быструю постройку зданій для рабочихъ, первоначально исключительно отдаваемыхъ въ наймы. Земля покупалась кусками по довольно дорогой цѣнѣ и строились зданія большія, въ нѣсколько квартиръ, отдѣльными колоніями, разбросанными по довольно обширному пространству (Нордгофъ, Баумгофъ, Шедергофъ, Кронбергъ и др.). Въ 80-хъ годахъ, однако, когда всѣ наличныя требованія въ жилищахъ были достаточно удовлетворены, Круппъ началъ употреблять мѣры съ цѣлью привязать своихъ рабочихъ, выдавая имъ пособія для постройки домовъ по своему вкусу, или пріобрѣтая ихъ за ихъ счетъ. Для этой цѣли въ 1889 г. онъ пожертвовалъ въ спеціальный фондъ 500.000 марокъ. Каждый рабочій, пробывшій у него не менѣе 3 лѣтъ и хорошаго поведенія, отъ 25 до 50 лѣтъ отъ роду и заработывающій менѣе 3.000 марокъ въ годъ, имѣетъ право на пособіе для пріобрѣтенія или постройки дома по своему вкусу, причемъ лишь въ доказательство серьезности его намѣреній онъ долженъ представить отъ себя изъ собственныхъ сбереженій 300 марокъ. Домъ строится самымъ экономнымъ образомъ архитекторомъ фирмъ подъ наблюденіемъ покупателя, а капиталъ уплачивается имъ по условію съ компаніей мелкими взносами помѣсячно или двухнедѣльно, и по этой системѣ въ настоящее время уже много домовъ выстроено и переведено въ собственность рабочихъ. По послѣднимъ даннымъ, приводимымъ американцемъ, изъ работающихъ у Круппа, считая ихъ семейства, 46.800 человѣкъ въ настоящее время живутъ еще нанимая помѣщенія у частныхъ лицъ, 25.800 нанимаютъ квартиры у фирмы, а 15.300 чел. имѣютъ уже собственные дома. Водопроводы, дренажъ, подъѣздные пути, мощеніе многихъ улицъ произведено на счетъ фирмы.

Что касается до учрежденій, предназначенныхъ такъ или иначе обезпечить участь рабочихъ въ настоящемъ и будущемъ въ формѣ кассъ страхованія, то таковыя существуютъ на заводахъ Круппа уже съ 1853 г., причемъ на счетъ ежегодныхъ

Digitized by Google

взносовъ фирмы составился обширный благотворительный больничный и вмѣстѣ съ этимъ пенсіонный фондъ для рабочихъ, изъ котораго выдавались пособія одинаково, какъ больнымъ рабочимъ, такъ и пенсія престарѣлымъ или неспособнымъ къ труду. Расходъ былъ весьма значителенъ, судя по приводимымъ американцемъ даннымъ. На каждаго человѣка онъ составлялъ не менѣе 15 русскихъ рублей въ годъ еще въ 1884 г. Но, какъ извѣстно, въ 80-хъ гг. одинъ за другимъ проходятъ три знаменитые соціальные закона Бисмарка, которые право обратили въ обязанность и прежнюю благотворительность замѣнили началами взаимопомощи на указанныхъ и обязательныхъ по закону условіяхъ. Поэтому, прежде чѣмъ говорить о томъ, что сдѣлано для обезпеченія участи рабочихъ на заводахъ Круппа, необходимо познакомиться съ общими требованіями и условіями дѣйствующихъ нынѣ для всей Германіи трехъ законовъ кн. Бисмарка.

1) *Больничныя кассы* (*Kranken-Kassen*). Онѣ существовали въ Германіи уже болѣе 50 лѣтъ, особенно въ горномъ дѣлѣ, а съ 1883 г., согласно первому закону Бисмарка, сдѣланы обязательными для всѣхъ промышленныхъ заведеній въ Германіи; однако, для лицъ, получающихъ не болѣе 2.000 марокъ въ годъ жалованья, рабочій платитъ $^2/_3$, а фирма $^1/_3$ всѣхъ взносовъ (рабочій—1,7% своей платы, а фирма—половину этой суммы). За все это больной рабочій получаетъ:

а) безплатную медицинскую помощь во всѣхъ видахъ (госпиталь, если нужно);

б) не менѣе половины своей обычной платы, какъ субсидію (5% на каждое дитя и до $^2/_3$ всей платы). Все это вспомоществованіе продолжается въ теченіе 13 недѣль болѣзни, если рабочій служитъ въ данной фирмѣ менѣе 5 лѣтъ, и въ теченіе 26 недѣль, если онъ служитъ дольше 5 лѣтъ;

в) похоронныя издержки въ размѣрѣ 20 дней средней заработной платы.

Вообще на счетъ этого фонда содержится, напр., у Круппа при заводѣ 16 врачей, изъ которыхъ 10 живутъ въ Эссенѣ; расходы составляютъ болѣе 1 милліона марокъ въ годъ.

2) *Страхованіе отъ несчастій*. Этотъ законъ вступилъ въ дѣйствіе съ октября 1885 г. Онъ составляетъ какъ бы самостоятельное дополненіе къ предыдущимъ больничнымъ кассамъ и распространяется на тѣхъ же лицъ, т.-е. получающихъ менѣе 2.000 марокъ, но зато плату эту исключительно несутъ хозяева соразмѣрно риску предпріятія и заработной платы, получаемой рабочими (13 недѣль платежная тяжесть лежитъ на больничной

Digitized by Google

кассѣ, а далѣе съ 14-й недѣли уже падаетъ на этотъ новый фондъ страхованія за счетъ администраціи). Пострадавшему уплачивается $^2/_3$ жалованья въ случаѣ неспособности къ труду. Въ случаѣ смерти мужа, вдова получаетъ издержки погребенія (20 дней средней платы) и пенсію. Каждое дитя также участвуетъ въ пенсіи въ размѣрѣ $^1/_5$ платы отца, а въ сложности—не болѣе $^3/_5$ его вознагражденія. Въ двухъ кассахъ, больничной и отъ несчастій, застраховано въ Германіи всего болѣе 17 милліоновъ человѣкъ.

3) *Пенсіи на старость*—послѣдній изъ цикла Бисмарковскихъ законовъ и существуетъ съ 1889 г. Къ нему принадлежитъ весь рабочій классъ. Мужчины и женщины съ шестнадцатилѣтняго возраста подлежатъ этому обезпеченію на старость и инвалидность. Всего нынѣ такихъ застрахованныхъ 12 милл. взрослыхъ рабочихъ. Всѣ рабочіе раздѣляются на 4 класса, смотря по размѣру получаемаго жалованья (отъ 350 марокъ ежегодной платы, причемъ вносится въ кассу фонда 14 пфениговъ еженедѣльно, и до 850 марокъ и выше, причемъ вносится 30 пфениговъ въ недѣлю). Премію платятъ пополамъ хозяинъ и рабочій. Государство прибавляетъ 50 марокъ на каждаго человѣка субсидіи. Полный срокъ пенсіи—30 лѣтъ платежа, но въ случаѣ инвалидности можно получить даже и за 5 лѣтъ. Всего платежными считаютъ 47 недѣль въ году.

Спрашивается: что же дѣлаетъ Круппъ сверхъ требуемаго описанными тремя законами Бисмарка для своихъ рабочихъ?

Во-первыхъ, дѣлается имъ рядъ пожертвованій ежегодно не менѣе 5.000 марокъ для вспомоществованія бѣднѣйшимъ рабочимъ для взноса въ больничную кассу для членовъ своего семейства.

Во-вторыхъ, при учрежденіи пенсіи на старость, хозяевамъ, у которыхъ раньше, какъ это было на заводѣ Круппа, существовало такое обезпеченіе, было предоставлено закрыть такой фондъ, т.-е. взять его обратно въ свою собственность. Вмѣсто того, несмотря на очень крупный размѣръ этого фонда, фирма Круппа удержала его, какъ добавленіе къ новому установленному закономъ; поэтому на заводѣ Круппа пенсіи, идущія на старость рабочимъ, значительно выше обязательныхъ по закону (до 25%).

Въ-третьихъ, для лицъ, какъ рабочихъ, такъ и служащихъ фирмы, получающихъ жалованья болѣе 2.000 марокъ, вышеозначенные обще-германскіе законы не установили никакой пенсіи на старость и инвалидность; Круппъ поэтому, по образцу госу-

Digitized by Google

дарственной кассы, учредилъ особый видъ страхованія, причемъ внесъ пожертвованіе 500.000 марокъ и обязательство вносить ежегодно въ кассу сумму, равную 3% вычету изъ жалованья застрахованныхъ лицъ. Это частное страхованіе было, однако, объявлено обязательнымъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время всѣ, какъ рабочіе, такъ и служащіе на обширныхъ предпріятіяхъ Круппа, одинаково имѣютъ полную увѣренность и обезпеченіе на старость, въ которомъ, притомъ, хозяинъ участвуетъ въ сложности въ бо́льшемъ размѣрѣ, нежели сами рабочіе и служащіе.

Въ-четвертыхъ, для лицъ, получающихъ точно также содержаніе болѣе 2.000 марокъ, германскіе законы не установили государственнаго страхованія отъ несчастій; Круппъ исправилъ эту несправедливость и всецѣло на счетъ фирмы установилъ страхованіе отъ несчастій и для этихъ лицъ, несмотря на размѣръ ихъ вознагражденія. Такимъ образомъ, по предшествующему примѣру всѣ безъ различія служащіе и рабочіе у Круппа обезпечены на случай могущаго быть несчастія.

Въ-пятыхъ, какъ ни важны всѣ предпринятые виды страхованія и обезпеченія, но они все-таки не предусматриваютъ всѣхъ поводовъ къ помощи и не могутъ замѣнить широкаго страхованія жизни во всѣхъ видахъ и особенно для членовъ семействъ, не участвующихъ непосредственно въ трудѣ. Женщины, напр., на всѣхъ заводахъ Круппа на работу не принимаются, а потому онѣ въ указанныхъ выше благодѣяніяхъ участвовать не могутъ. Чтобы исправить нѣсколько этотъ пробѣлъ, Круппъ вошелъ въ соглашеніе съ нѣсколькими компаніями страхованія жизни, выговорилъ у нихъ льготныя условія, выторговалъ комиссіонный процентъ, идущій въ особый фондъ, прибавилъ къ нему пожертвованіе въ 54.000 марокъ и обязался еще вдобавокъ прибавлять ежегодно половину этой суммы. Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, страхованіе жизни для служащихъ и рабочихъ Круппа понизилось болѣе, чѣмъ на 8%, и кромѣ того изъ указаннаго фонда, въ случаѣ важнаго несчастія, уплачивается премія за члена при его безденежности, а кромѣ того онъ всегда можетъ занять тамъ деньги на случай крайности подъ залогъ своихъ полисовъ.

Въ-шестыхъ, не довольствуясь всѣми перечисленными видами обезпеченія участи рабочихъ, Круппъ въ 1887 г. учредилъ такъ-называемый рабочій фондъ, „Arbeiter Stiftung“, для основанія котораго онъ пожертвовалъ одинъ милліонъ марокъ, дабы проценты расходовались слѣдующимъ образомъ: выдавались денежныя вспомоществованія, какъ наличнымъ, такъ одинаково и бывшимъ ра-

Digitized by Google

бочимъ фирмы въ случаѣ крупнаго несчастія, не предусмотрѣннаго всѣми предшествовавшими формами обезпеченія, или когда эти формы недостаточны, напримѣръ когда рабочій или членъ его семьи больны слишкомъ продолжительное время, дольше, нежели это соотвѣтствуетъ правиламъ больничныхъ кассъ, или когда вспомоществованія по закону малы, или когда дѣти остались сиротами безъ взрослыхъ родныхъ и въ подобныхъ экстренныхъ случаяхъ. На эти же деньги устроиваются при заводѣ „ясли", школы для сидѣлокъ для ухода за больными, кухмистерскія для немощныхъ, и проч., и проч.

Въ-седьмыхъ, Круппъ учредилъ такъ-называемый эссенскій дарственный фондъ въ полмилліона марокъ, пожертвованныхъ имъ городу, гдѣ находится главное управленіе его завода, спеціально для улучшенія условій жизни города, населеннаго преимущественно рабочими или служащими его фирмы.

Важную роль въ жизни завода Круппа съ его обширнымъ населеніемъ играетъ огромное потребительное общество, при немъ существующее. Какъ мы упоминали прежде, злоупотребленія частныхъ лавочниковъ вводили рабочихъ постоянно въ долги. Это заставило Круппа основать данное общество, доходы котораго первоначально поступали не членамъ, а въ контору фирмы и употреблялись для разныхъ благотворительныхъ цѣлей. Но въ 1890 г. потребительное общество перешло вполнѣ въ руки рабочихъ. Теперь владѣльцы получаютъ 5%, а остатокъ раздается покупателямъ пропорціонально сдѣланнымъ закупкамъ. Цѣны держатся близкія къ существующимъ и во всякомъ случаѣ скорѣе низкія, нежели высокія. Всего потребительное общество, благодаря обширнымъ размѣрамъ предпріятія, имѣетъ 68 лавокъ, самыхъ разнообразныхъ, въ томъ числѣ, напримѣръ, 6 булочныхъ, 7 ресторановъ, 8 питейныхъ домовъ, 2 кофейни и проч. Въ связи съ потребительнымъ обществомъ находятся при заводѣ двѣ большихъ хлѣбни, одна мельница, башмачная мастерская, щеточная фабрика, заведеніе для выдѣлки бумажныхъ мѣшковъ, весьма обширныя бойни, на которыхъ ежегодно убиваютъ нѣсколько тысячъ головъ скота, и такія же обширныя колбасныя и т. д. Всѣхъ служащихъ въ лавкахъ и складахъ потребительнаго общества у Круппа 135 чел. и оборотъ многомилліонный.

Хотя начальныя школы у Круппа на заводѣ, какъ и во всей Германіи, государственныя, безплатныя, но тѣмъ не менѣе у Круппа много дѣлается и на счетъ фирмы для дополненія къ начальному образованію. Такъ, въ главныхъ центрахъ его завода устроены вездѣ вечерніе классы, преимущественно для взрослыхъ

Digitized by Google

рабочихъ, съ преподаваніемъ рисованія, новыхъ языковъ, математики, механики, естественныхъ наукъ и проч. Классы платные—18 марокъ въ годъ съ человѣка. Въ Эссенѣ собственно 21 классъ съ 45 учителями и 900 учениковъ, а въ Альтенбургѣ —22 учителя и 300 учениковъ при 14 классахъ. Сверхъ того при заводѣ устроено нѣсколько профессіональныхъ школъ, преимущественно для женщинъ и дѣвочекъ. Во-первыхъ, классы для взрослыхъ женщинъ, преимущественно по шитью и вышиванью, съ маленькой платой; во-вторыхъ, школы для дѣвочекъ школьнаго возраста съ значительнымъ количествомъ ученицъ (1897 въ послѣднемъ отчетномъ году), тѣ же предметы и съ маленькой платой, но съ условіемъ освобожденія отъ нея за оказанные успѣхи; въ-третьихъ, школа домоводства для дѣвочекъ старше 14 лѣтъ. При ней находятся: школа кулинарнаго искусства и дешевая столовая. Содержаніе одной школы домоводства стоитъ Круппу 11.000 марокъ въ годъ. Эта школа состоитъ въ связи съ потребительнымъ обществомъ.

При огромныхъ размѣрахъ заведенія Круппа число различныхъ учрежденій для рабочихъ и служащихъ, приводимыхъ американцемъ, насчитывается многими десятками, если не сотнями. Такъ, на заводѣ существуетъ собственная заводская гостинница для пріѣзжающихъ, два большихъ пансіона для рабочихъ и служащихъ, съ различнымъ содержаніемъ, для доставленія имъ помѣщенія и стола за возможно дешевую плату на счетъ фирмы. Во всѣхъ мастерскихъ доставляется рабочимъ удешевленный кофе (по 7 пфениговъ чашка съ хлѣбомъ), устроено множество разнообразныхъ ваннъ, душъ и бань, въ значительной степени безплатныхъ и необходимыхъ при такихъ тяжелыхъ работахъ, какъ въ металлическихъ мастерскихъ. Затѣмъ, съ помощью также фирмы, устроена библіотека, разнообразные клубы и развлеченія для рабочихъ. Все это поглощаетъ у фирмы большія суммы, которыя трудно, разумѣется, вычислить.

Помимо указанныхъ больничныхъ кассъ, сама администрація завода Круппа разнообразными путями, по словамъ американской коммиссіи, заботится о здоровьѣ своихъ рабочихъ: содержитъ цѣлый обширный персоналъ врачей, нѣсколько хорошо устроенныхъ госпиталей, ведетъ точную статистику заболѣваній. Все это, конечно, стоитъ много денегъ, но, къ сожалѣнію, американскій отчетъ цифру этихъ расходовъ не приводитъ.

Подводя итоги обширному описанію предпріятія „короля пушекъ“, какъ называютъ нѣмцы Круппа, американская коммиссія утверждаетъ, что на всемъ лежитъ печать взаимнаго ува-

Digitized by Google

женія и добрыхъ отношеній между хозяевами и рабочими. Чувствуется, что фирма самымъ дѣятельнымъ и благожелательнымъ образомъ заботится объ интересѣ послѣднихъ. Въ то же время, эссенскій заводъ, говоритъ она, отнюдь нельзя считать результатомъ какихъ-либо сантиментальныхъ увлеченій реформами въ пользу меньшой братіи. У каждаго посѣтителя остается впечатлѣніе, что здѣсь нѣтъ мѣста ни капризу, ни личной прихоти, а лишь истинное желаніе удовлетворить всѣ справедливыя и необходимыя требованія для блага рабочаго. Каждое изъ учрежденій, существующихъ на заводѣ, вызвано спеціально для того требованіемъ времени и опыта. Экономность замѣчается вездѣ. Американцамъ бросилось, напримѣръ, въ глаза, что тамъ, гдѣ въ Америкѣ для питья употребляется фарфоръ, здѣсь довольствуются цинковыми или желѣзными сосудами и проч. Школьная обстановка крайне проста, но очевидно также приспособлена къ вкусамъ и требованіямъ нѣмецкаго рабочаго люда. Что рабочіе вообще на заводѣ Круппа составляютъ классъ довольныхъ, доказывается почти абсолютнымъ отсутствіемъ всякихъ на его заводѣ безпорядковъ и высокой степенью устойчивости и прочности пребыванія тамъ рабочихъ. 21% всѣхъ рабочихъ проживаетъ тамъ свыше 15 лѣтъ, и 23% болѣе 5 лѣтъ, но менѣе 15, а всего, слѣдовательно, 44% рабочихъ, занятыхъ на заводѣ, остаются на немъ болѣе 5 лѣтъ. Нужно при этомъ сдѣлать оговорку, что заказы фирмы и размѣры производства быстро ростутъ, что и вынуждаетъ нанимать многихъ рабочихъ, и благодаря чему процентъ продолжительности какъ бы нѣсколько понижается.

Что касается до результатовъ всей системы, господствующей у Круппа, и всѣхъ значительныхъ расходовъ, которые несутся для блага рабочихъ, то лица, завѣдующія заводомъ, категорически объявили американской коммиссіи, что всѣ эти расходы вознаграждаются гораздо лучшимъ классомъ и подборомъ рабочихъ, нежели какой фирма могла бы получить сравнительно съ другими промышленными заведеніями, и отсутствіемъ въ большинствѣ всякихъ столкновеній между администраціей и персоналомъ рабочихъ. Всѣ улучшенія въ положеніи рабочихъ непремѣнно имѣютъ въ своихъ результатахъ и *улучшеніе въ свойствахъ и характерѣ труда*, ими совершаемаго, а тѣмъ самымъ увеличиваются и выгоды фирмы и улучшаются общія взаимныя условія существованія фирмы и рабочихъ.

Digitized by Google

II.

16-го марта 1869 г., въ столицѣ Германіи — Берлинѣ, въ тамошнемъ юридическомъ обществѣ, передъ избранной интеллигентной публикой, знаменитый статистикъ Энгель прочелъ рефератъ о такъ-называемомъ вопросѣ объ участіи рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія. Рефератъ престарѣлаго ученаго заканчивался слѣдующими характерными словами: „Соціальный вопросъ,—говорилъ онъ,—теперь уже не вопросъ, такъ какъ рѣшеніе его найдено, и примѣненіе этого рѣшенія на практикѣ уже началось". Затѣмъ, Энгель, какъ въ своемъ рефератѣ, такъ и въ особой брошюрѣ, по этому поводу изданной, развиваетъ подробно свой планъ преобразованія современнаго промышленнаго строя путемъ постепеннаго допущенія рабочихъ къ участію въ прибыляхъ предпріятія. Этотъ рефератъ уважаемаго ученаго вызвалъ въ Германіи весьма много возраженій, но въ свою очередь и защитниковъ. Онъ много способствовалъ къ возбужденію этого вопроса въ печати, и привелъ даже за собою нѣсколько практическихъ попытокъ примѣнить предлагаемыя имъ средства участія рабочихъ въ прибыли къ жизни, какъ средства, умиротворяющія разъ навсегда два противные лагеря: хозяевъ и рабочихъ [1]).

Спрашивается: въ чемъ же именно заключается этотъ способъ рѣшенія соціальнаго вопроса, и какого рода до сихъ поръ были сдѣланы въ этомъ смыслѣ попытки, и что онѣ сулятъ въ будущемъ? Прежде всего, тѣ формы, въ которыхъ рабочіе могутъ принимать участіе въ дѣлежѣ прибыли съ ихъ хозяевами, не представляютъ ничего однообразнаго, и могутъ выражаться весьма различно. Но ихъ можно подвести подъ двѣ категоріи: во-1-хъ, косвенное участіе рабочихъ въ прибыли, которое выражается въ различныхъ подаркахъ и гратификаціяхъ со стороны хозяевъ въ пользу своихъ рабочихъ или въ силу гуманныхъ чувствъ хозяина, или же въ силу простого разсчета, чтобы удержать, напр., рабочихъ и заставить ихъ дорожить своимъ мѣстомъ и занятіемъ. Предшествовавшее описаніе, почерпнутое нами изъ американскаго оффиціальнаго изслѣдованія, представляетъ цѣлый рядъ примѣровъ этого рода участія въ прибыляхъ въ формѣ устройства различныхъ пенсіонныхъ и вспомогательныхъ кассъ, пособій для пріобрѣтенія жилищъ, уступокъ съ обыкновенной за нихъ

[1]) См. мое изслѣдованіе по этому вопросу въ „Юрид. Вѣсти." въ 80 гг

Digitized by Google

арендной платы и т. д. Эта добровольная благотворительность хозяевъ не поддается никакимъ разсчетамъ и регламентаціямъ, и ее нельзя создать искусственно, хотя нѣтъ сомнѣнія, что съ теченіемъ времени и развитіемъ какъ самихъ хозяевъ, такъ и рабочихъ, случаи такой благотворительности должны встрѣчаться все чаще и чаще, обусловливаемые здравымъ смысломъ хозяевъ и нерѣдко простымъ для нихъ разсчетомъ. Во-вторыхъ, является непосредственное или прямое участіе рабочихъ въ прибыли предпріятія, когда въ ихъ пользу отчисляютъ бо́льшую или мѣньшую часть всей чистой прибыли съ предпріятія. Здѣсь возможны, какъ увидимъ ниже, даже такія комбинаціи, что при равномъ дѣлежѣ ея между капиталомъ и трудомъ предпріятіе можетъ перейти въ другую, такъ-называемую кооперативную форму производства.

Выгоды, представляемыя болѣе или менѣе широкимъ участіемъ рабочихъ въ прибыляхъ для обѣихъ сторонъ, какъ указалъ уже опытъ, весьма значительны и разнообразны. На основаніи близкаго изученія и знакомства съ этимъ вопросомъ германскаго ученаго Бёмерта и англійскаго Сэдлей-Тэйлора, выгоды хозяевъ отъ новой формы производства слѣдующія. Во-1-хъ, увеличеніе производства, обязанное прекращенію всякой непроизводительной траты времени со стороны рабочихъ въ часы ихъ занятій; во-2-хъ, уменьшеніе въ издержкахъ контроля и надзора; въ-3-хъ, сбереженіе для хозяина, вслѣдствіе болѣе разумнаго и бережливаго обращенія рабочаго съ матеріалами, механизмами и всякими инструментами, ему принадлежащими; въ-4-хъ, улучшеніе въ качествѣ производства, обязанное не только лучшему индивидуальному труду, но и успѣхамъ самой технической процедуры, которые подсказываются рабочему въ его ежедневномъ трудѣ собственнымъ самоинтересомъ въ данномъ предпріятіи.

Вообще интересы предпріятія и предпринимателя выигрываютъ отъ правильно организованнаго участія рабочаго въ прибыляхъ въ весьма разнообразныхъ отношеніяхъ и по понятнымъ причинамъ. За уступленную ему долю участія въ прибыли рабочій, превратившись изъ простого наемника въ участника, отплачиваетъ посредствомъ аккуратности, порядка и сбереженія сырыхъ и вспомогательныхъ продуктовъ и орудій, и вообще тщательнаго выполненія работы, почему увеличивается доходность предпріятія и устанавливается реноме́ самой фабрики. Современемъ можетъ оказаться, что доля хозяина, вслѣдствіе усердія рабочихъ и усовершенствованія продуктовъ, увеличится отъ введенія участія рабочихъ въ прибыли предпріятія—вмѣсто того, чтобы

Digitized by Google

уменьшиться, какъ бы слѣдовало предполагать. Рабочій, видящій при этомъ свою пользу, снимаетъ съ предпринимателя часть отвѣтственности, контроля и заботъ, и при удачномъ ходѣ дѣла всегда готовъ продлить часы занятія, нежели сократить. Въ мастерской господствуетъ охота къ труду, миръ и гармонія.

Въ свою очередь, выгода для рабочихъ отъ новой формы отношеній еще существеннѣе и разнообразнѣе. Система участія рабочихъ въ прибыляхъ предпріятія представляетъ собою цѣлесообразное улучшеніе заработной платы, и является сильнѣйшимъ стимуломъ къ развитію бережливости между рабочими. Обыкновенно система заработной платы, даже съ примѣненіемъ всякаго рода подарковъ и проч., рѣдко побуждаетъ рабочихъ къ сбереженіямъ. Неограниченнымъ повышеніемъ платы не достигается часто улучшеніе благосостоянія рабочихъ, а лишь вздорожаніе всякаго рода продуктовъ, такъ какъ рабочій чѣмъ болѣе получаетъ, тѣмъ болѣе потребляетъ. Между тѣмъ, участіе рабочихъ въ прибыли предпріятія, въ противоположность заработной платѣ, даетъ возможность рабочему сразу дѣлать значительныя для него сбереженія, и при правильной организаціи даже принуждаетъ его сдѣлаться маленькимъ капиталистомъ. Однимъ словомъ, это участіе дополняетъ и возвышаетъ заработную плату, вызывая у рабочаго интересъ къ достиженію большей прибыли отъ своего занятія, что вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, улучшаетъ и обезпечиваетъ его экономическое положеніе.

Еще болѣе важнымъ для рабочихъ результатомъ участія въ прибыляхъ является его послѣдствіе въ соціальномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Рабочіе становятся при этой системѣ болѣе свободными, самостоятельными и отвѣтственными. Они уже не смотрятъ на себя какъ на простыхъ наемниковъ или машины, но какъ на товарищей и соучастниковъ, интересы которыхъ общи съ интересами хозяина предпріятія. Рабочій, благодаря этому, чувствуетъ себя на высшей ступени въ соціальномъ строѣ, и старается вести себя лучше, соотвѣтственно своему новому положенію. Получая всѣ выгоды людей обезпеченныхъ, они имѣютъ увѣренность въ настоящемъ и спокойствіе за будущее.

Забастовки и всякіе безпорядки, столь тормазящіе дѣло промышленности, въ значительной степени при этомъ теряютъ свой смыслъ и значеніе, и становятся излишни, какъ противные во всѣхъ отношеніяхъ интересамъ самихъ рабочихъ.

Вотъ важнѣйшія несомнѣнныя выгоды, которыя участіе въ прибыляхъ можетъ доставить улучшенію существующихъ соціальныхъ отношеній. Извѣстны уже сотни болѣе или менѣе удач-

Digitized by Google

ныхъ попытокъ примѣненія этого принципа къ практикѣ. Изъ нихъ большой извѣстностью пользуется одинъ изъ старыхъ случаевъ примѣненія этой системы въ обширной мастерской разныхъ малярныхъ и лѣпныхъ работъ Леклера въ Парижѣ, въ 40-хъ гг. Владѣлецъ небольшой сначала мастерской, нѣкто Леклеръ, путемъ трудолюбія и энергіи достигъ выдающихся результатовъ въ смыслѣ полученія массы выгодныхъ заказовъ по своему мастерству. Несмотря на то, что онъ не скупился на хорошее жалованье, желая привлечь больше образцовыхъ рабочихъ, но онъ не въ состояніи былъ заставить ихъ съ полной добросовѣстностью и желательной энергіей примѣнять свой трудъ. И вотъ путемъ размышленій онъ пришелъ къ мысли о привлеченіи ихъ къ интересу въ самой работѣ посредствомъ предоставленія имъ доли изъ общей чистой выручки. Въ 1842 г., онъ впервые объявилъ имъ свое желаніе, и отчисливъ 5% на капиталъ, лежавшій въ предпріятіи, и жалованье себѣ, какъ руководителю, онъ раздѣлилъ, между маленькимъ, сравнительно, числомъ тогда рабочихъ (44 чел.) выручку пропорціонально получаемой заработной платѣ. При этомъ дѣлежѣ каждый въ среднемъ получилъ примѣрно по 250 фр., и скептицизмъ, съ которымъ первоначально рабочіе встрѣтили его намѣреніе, перешелъ скоро въ энтузіазмъ. Дѣло Леклера шло и увеличивалось; добросовѣстность его рабочихъ, качество ихъ труда, прославили его предпріятіе, и когда въ 1872 г. Леклеръ умеръ, онъ изъ мелкаго мастера былъ уже богатымъ человѣкомъ, а его рабочіе получили къ тому времени свыше 1 милліона франковъ въ прибыляхъ, и тѣмъ не менѣе Леклеръ оставилъ послѣ себя состояніе въ 1½ милл. Всю свою жизнь Леклеръ настаивалъ, подтверждая фактами и всячески пропагандируя, на правильности своей системы дѣйствія. „Гораздо выгоднѣе,—говорилъ онъ,—заработывать 100 фр. и отдавать изъ нихъ 50 рабочему, нежели заработывать 25 и держать ихъ только про себя". „Если бы я шелъ,—писалъ онъ еще въ 1865 г.,—по избитой дорожкѣ рутины и не стѣснялся бы даже обманными способами, столь привычными у ремесленниковъ, то и тогда я не достигъ бы для себя того матеріальнаго положенія, которое нынѣ имѣю".

Главное возраженіе, которое долго выставлялось противъ возможности примѣненія болѣе или менѣе широкаго участія въ прибыляхъ—это размѣры заведенія; но опытъ самого Леклера, у котораго подъ конецъ жизни число рабочихъ насчитывалось сотнями, уже показалъ несостоятельность этого возраженія, а данныя, приводимыя американскимъ изслѣдованіемъ вашингтон-

Digitized by Google

скаго бюро „Труда“ тѣмъ именно и драгоцѣнны, что доказываютъ несомнѣнно фактъ возможности примѣненія и развитія принципа участія въ прибыляхъ при самыхъ даже широкихъ размѣрахъ предпріятія между великанами промышленности.

Изъ описанныхъ Уилогби такого рода промышленныхъ заведеній на первомъ мѣстѣ стоятъ каменноугольныя копи Маріемона и Баку (Mariemont et Bascoup) въ Бельгіи, представляющія интересный образчикъ косвеннаго участія въ прибыляхъ. По своимъ размѣрамъ, Маріемонъ и Баку представляютъ крупнѣйшее каменноугольное предпріятіе въ Бельгіи. Размѣръ добычи угля доходитъ отъ 1 милліона до $1^1/_2$ милліоновъ тоннъ угля въ годъ, а число постоянныхъ рабочихъ равняется $6^1/_2$ тысячамъ человѣкъ. Заработная плата покоится на принципѣ сдѣльнаго вознагражденія, но въ прибавокъ къ ней существуютъ преміи или „бонусы“, выдаваемые какъ за хорошую работу, такъ и за всякое сбереженіе, которое рабочимъ дѣлается въ употребленіи матеріала или инструмента. Дѣлается примѣрный подсчетъ обыкновенныхъ тратъ въ этомъ отношеніи, и всякое сбереженіе противъ этого средняго размѣра дѣлится поровну между компаніей и рабочимъ. Вейлеръ, инженеръ компаніи, по словамъ американскаго изслѣдованія, является величайшимъ энтузіастомъ въ отношеніи успѣха принятой системы. Система эта установилась постепенно, сначала для работающихъ въ шахтахъ, т.-е. добывающихъ уголь, потомъ для транспортирующихъ его, и затѣмъ на всѣ остальныя категоріи труда. Результаты превосходные, одинаково, какъ для фирмы, такъ и для рабочихъ. Производство увеличилось на 20%, и на ту же цифру соотвѣтственно поднялись заработки рабочихъ. Дѣлаются всѣ усилія, дабы заинтересовать далѣе рабочихъ въ общемъ успѣшномъ ходѣ дѣлъ компаніи.

Въ виду того, что многія неудовольствія между рабочими возникаютъ вслѣдствіе частой невозможности правильнымъ образомъ договориться съ администраціей заведенія и этимъ путемъ придти къ тѣмъ или другимъ взаимнымъ уступкамъ, фирма Маріемонъ и Баку установила въ этомъ отношеніи два любопытныхъ и оригинальныхъ учрежденія, которымъ американцы посвятили большое мѣсто въ своемъ описаніи. Это такъ называемыя „Камеры для объясненія“ (Chambres d'explications) и „Совѣты для примиренія и посредничества“ (Conseil de conciliations et d'arbitrage), устроенные въ 80-хъ гг. спеціально для указанной выше цѣли. Организація ихъ такова: 9 цеховъ, существующихъ на заводѣ у рабочихъ, выбираютъ 36 представителей, а

Digitized by Google

эти—6 уполномоченныхъ, и въ свою очередь хозяинъ назначаетъ 6 служащихъ или старшихъ рабочихъ по своему выбору. Такимъ образомъ, въ каждомъ учрежденіи засѣдаетъ, по мѣрѣ надобности, по 12 человѣкъ, кромѣ предсѣдателя и его товарищей, изъ которыхъ одинъ непремѣнно отъ хозяина, а другой выбирается рабочими. Первое учрежденіе—Камера объясненій—обыкновенно разбираетъ мелкія цеховыя дѣла или недоразумѣнія; болѣе же серьезныя дѣла общаго характера переносятся уже въ Совѣтъ, который широко занимается всѣми дѣлами общаго интереса. Какого бы рода недоразумѣніе ни возникло между хозяевами и рабочими, условлено, что работы отнюдь не будутъ прерываться, пока не состоится то или иное рѣшеніе Совѣта. Объ стороны согласились во всякомъ случаѣ подчиняться рѣшенію этого „Совѣта примиренія" по меньшей мѣрѣ на три мѣсяца по всякому вопросу, который имъ былъ разсмотрѣнъ. Всѣ издержки Совѣта уплачиваются компаніей. Каждый представитель или делегатъ получаетъ 2 франка за каждый посѣщенный имъ митингъ и вознагражденіе за пропущенное время работы. Уилогби приводитъ длинный рядъ различныхъ постановленій Совѣта по поводу какъ возвышенія заработной платы, такъ и тѣхъ или иныхъ столкновеній между хозяиномъ и рабочими, мирно разрѣшенными ими, благодаря существованію этого учрежденія. Въ 1893 г., напр., по послѣднимъ отчетамъ, состоялось 13 засѣданій Совѣта, на которыхъ разсмотрѣны были 32 общихъ вопроса, 8 спеціальныхъ и 2 личнаго характера, а всего было рѣшено 42 дѣла, изъ которыхъ многія, можетъ быть, были бы достаточны, безъ существованія этого оригинальнаго учрежденія, чтобы вызвать безпорядокъ и привести объ стороны ко взаимнымъ неудовольствіямъ и матеріальнымъ потерямъ.

Спеціально для горнорабочихъ въ Бельгіи существуютъ всѣ три вида страхованія, намъ знакомые и раньше описанные (т.-е. больничное, страхованіе отъ несчастій и пенсія на старость), но они тутъ соединены вмѣстѣ,—обратно съ германскими порядками. Расходы несутся пополамъ хозяевами и рабочими, и сверхъ того выдаются субсидіи правительствомъ. Какъ отличіе существуетъ въ Бельгіи требованіе закона, чтобы каждая горная компанія имѣла спеціальный вспомогательный фондъ, помимо страхованія, и въ выполненіи этого требованія на копяхъ Маріемонъ и Баку имѣются два такихъ фонда: одинъ въ Маріемонѣ, другой въ Баку. Фондъ составляется вычетомъ $^3/_8\%$ съ заработка рабочаго и такой же суммой, вносимой компаніей, и кромѣ того въ кассу фонда поступаютъ всѣ штрафы, взятые съ рабочихъ.

Digitized by Google

Изъ этого фонда въ случаѣ несчастія рабочій въ теченіе трехъ мѣсяцевъ получаетъ субсидію, равную 30% своего жалованья, помимо издержекъ леченія, а спустя это время, расходъ уже перечисляется на общій страховой фондъ. Въ случаѣ болѣзни, вознагражденіе выплачивается въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ въ размѣрѣ 22% жалованья паціента, а въ теченіе слѣдующихъ 6—15%; и даже второй годъ болѣзни не лишаетъ рабочаго вспомоществованія въ размѣрѣ $7^1/_2$% его средняго жалованья. Кромѣ того, компанія Маріемонъ и Баку всецѣло на свой собственный счетъ выдаетъ пенсію большинству своихъ рабочихъ при достиженіи возраста 55 лѣтъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ и 60 въ другихъ—и неспособности къ труду вслѣдствіе болѣзни или несчастія. Размѣры пенсіи различны, смотря по установленной для того таксѣ. Но помимо всѣхъ этихъ учрежденій, что любопытнѣе всего, рабочіе имѣютъ свою спеціальную и вполнѣ независимую отъ компаніи больничную и похоронную кассу, устроенную и руководимую всецѣло ими на тѣхъ же началахъ, на какихъ примѣрно ведутся французскія общества взаимопомощи.

Изъ другихъ спеціальныхъ учрежденій на копяхъ Маріемонъ и Баку, предназначенныхъ для рабочихъ и содержимыхъ въ большей или меньшей мѣрѣ на счетъ компаніи, существуетъ устройство сберегательныхъ кассъ, начальныхъ и техническихъ школъ, потребительнаго общества и вспоможенія рабочимъ къ пріобрѣтенію домовъ или найму ихъ на удешевленныхъ началахъ.

Еще болѣе развитія получилъ принципъ участія въ прибыляхъ на многочисленныхъ цинкодѣлательныхъ заводахъ въ Вьельмонтанѣ, въ той же Бельгіи. Эти промышленныя заведенія отличаются многими интересными чертами своихъ учрежденій и являются въ высшей степени замѣчательнымъ образцомъ успѣшности въ проведеніи въ жизнь начала участія въ прибыляхъ.

Вьельмонтанская цинкодѣлательная компанія представляетъ собою старое и обширное учрежденіе, мало-по-малу охватившее собою 21 заводъ, въ Бельгіи и, существуя уже съ начала нынѣшняго вѣка, имѣетъ за собою продолжительность, опытъ и традиціи. Число рабочихъ на ней простирается до $6^1/_2$ тыс. чел., а производство цинка—отъ $^1/_6$ до $^1/_5$ всего количества этого металла, добываемаго въ Европѣ (53.000 тоннъ изъ 287 тыс.). Фактически, — говоритъ американское изслѣдованіе, — Вьельмонтанъ въ цинковомъ дѣлѣ господствуетъ во всей Европѣ и распоряжается цѣнами. Но, пользуясь выгодами своихъ размѣровъ и относительной, можетъ быть, монопольности производства, вьель-

Digitized by Google

монтанская компанія не забываетъ и интересовъ рабочихъ. Во главѣ правилъ этого завода стоятъ два такихъ цѣнныхъ положенія: во-1-хъ, лучшій способъ вознагражденія рабочихъ заключается въ томъ, чтобы заинтересовать ихъ не только въ общей прибыли предпріятія, но и въ промышленныхъ результатахъ, на которые рабочіе своимъ трудомъ могутъ обнаруживать личное вліяніе; во-2-хъ, доставить рабочимъ возможность въ сложности заработать достаточно не только для настоящаго удовлетворенія ихъ потребностей, но и для сбереженія на будущее.

Въ виду выше поставленной задачи, здѣсь установлена такая система опредѣленія платы и участія въ прибыляхъ: рабочіе получаютъ, сверхъ обыкновеннаго, *экстренное* жалованье, пропорціональное или количеству руды, ими добытой, или экономіи въ употребленіи матеріала или топлива, или въ конечномъ итогѣ работы за данное время. Сумма этихъ „экстра“ мѣняется, смотря по важности труда, но рабочій (такъ устроено) всегда знаетъ, сколько ему придется получить лишку. Этотъ лишекъ онъ и получаетъ вмѣстѣ съ жалованьемъ, но только въ размѣрѣ половины; другую же половину ему выдаютъ въ концѣ года, что дѣлаетъ возможность полученія сразу значительной суммы, а это позволяетъ дѣлать соотвѣтственно большія сбереженія каждому рабочему. По разсчетамъ завода, провѣреннымъ американской коммиссіей, эти преміи, или лишки, увеличиваютъ размѣръ жалованья отъ 10 до 25%, помимо еще того обстоятельства, что сама плата, какъ видно изъ матеріаловъ, добытыхъ коммиссіей, за 50 лѣтъ выросла съ 1 фр. 35 сант до 3 фр. 24 сант., т.-е. увеличилась въ $2^1/_2$ раза. Въ то же время, замѣчаетъ отчетъ американской коммиссіи, главный продуктъ, необходимый для питанія, мука, уменьшился цѣною въ Бельгіи на цѣлую треть, и слѣдовательно, въ общемъ положеніе бельгійскаго рабочаго въ Вьельмонтанѣ значительно улучшилось.

Какъ и на предшествующемъ заводѣ, въ Вьельмонтанѣ существуютъ всѣ три вида страхованія рабочихъ. Страхованіе отъ болѣзни и несчастія составляетъ одинъ фондъ, вмѣстѣ соединенный. Но что замѣчательно и отличаетъ эту компанію отъ всѣхъ, раньше нами описанныхъ, это—то, что въ 1891 г., благодаря хорошему ходу дѣлъ и прибылей компаніи, *она постановила взять на себя всѣ платежи по всѣмъ тремъ видамъ страхованія*, и теперь рабочіе въ Вьельмонтанѣ, обратно съ огромнымъ большинствомъ своихъ собратій, застрахованы во всѣхъ трехъ видахъ, не неся, однако, никакой тягости. Для страхованія на старость и инвалидность требуется 15 лѣтъ службы, но въ

Digitized by Google

случаѣ несчастія—нѣтъ никакого ограничительнаго срока. Избавляя своихъ рабочихъ отъ всякихъ тяжестей даннаго рода, компанія—или, точнѣе, синдикатъ въ Вьельмонтанѣ, потому что онъ представляетъ соединеніе цѣлаго ряда отдѣльныхъ фабрикъ и заводовъ—несетъ ежегодно расхода по этому предмету болѣе 160.000 нашихъ рублей.

Не ограничиваясь всѣмъ уже сдѣланнымъ въ интересахъ своихъ рабочихъ, администрація въ Вьельмонтанѣ въ 1877 г. организовала собственное общество страхованія жизни. Согласно его правиламъ, каждый служащій въ его компаніи, уплачивая 3% своего ежегоднаго жалованья, можетъ себя застраховать. Компанія добавляетъ къ этому сумму въ размѣрѣ 1% жалованья. Это страховое общество управляется комитетомъ, избраннымъ изъ членовъ служащихъ и рабочихъ, и всѣ выгоды изъ цѣлаго предпріятія поступаютъ въ ихъ пользу.

Каковы же результаты дѣятельности этой компаніи?—спрашиваетъ отчетъ коммиссіи. Въ отвѣтъ является,—говоритъ Уилогби,—свидѣтельство, какъ самой компаніи, такъ и рабочихъ, о томъ, о чемъ лучше всего можно судить по продолжительности ихъ пребыванія на заводѣ. Полная гармонія постоянно царствуетъ въ многочисленныхъ заведеніяхъ компаніи. За все время существованія ея,—говоритъ отчетъ,—несмотря на такое огромное количество работы, не было ни одной стачки и средняя длина времени пребыванія рабочаго—не менѣе 12 лѣтъ для каждаго. Въ то же самое время, несмотря на всѣ добавочныя щедрыя издержки, финансовые результаты оплатили ихъ сторицею и могутъ считаться цвѣтущими. Средній дивидендъ вьельмонтанской компаніи за 50 лѣтъ равняется 20% ежегоднымъ.

Еще дальнѣйшій шагъ представляетъ собою принципъ участія въ прибыляхъ на дрожжевомъ и винокуренномъ заводѣ Агнета Паркъ, Дельфтъ—въ Голландіи, хотя и посѣщенномъ Уилогби, но, къ сожалѣнію, описанномъ слишкомъ кратко и отрывисто. Всѣ рабочіе этого завода (300 чел.), какъ видно изъ записи Уилогби, получаютъ плату однообразно по часамъ. При этомъ примѣняется забота, чтобы заработокъ за цѣлый день труда былъ не ниже, во всякомъ случаѣ, чѣмъ содержаніе обыкновенной семьи рабочаго. Такимъ минимумомъ принято 12 флориновъ въ недѣлю. Но сверхъ этой классификаціи установлено раздѣленіе всѣхъ рабочихъ на пять классовъ по времени и качеству труда. Первый классъ—это новички и худшіе рабочіе. Они ничего не получаютъ, кромѣ указаннаго жалованья, пропорціонально времени и качеству труда; второй классъ получаетъ

Digitized by Google

сверхъ того 2% платы съ чистой прибыли предпріятія; третій классъ—5%, четвертый—10% и пятый—20%. Повышеніе и переводы изъ класса въ классъ рабочихъ дѣлаются одинъ разъ въ году 1-го января и заранѣе, не болѣе какъ на 1 классъ сразу. Изъ чистой прибыли завода 10% идутъ означеннымъ манеромъ на долю рабочихъ.

Кромѣ того, компанія этого завода устроила для рабочихъ страхованіе жизни, потребительную лавку, страхованіе отъ несчастій, на старость и др. полезныя учрежденія, участвуя во всѣхъ ихъ болѣе или менѣе, помимо указанныхъ выше тратъ.

Но самымъ замѣчательнымъ, можно сказать, поучительнымъ опытомъ участія рабочихъ въ прибыляхъ можно считать знаменитую металлическую фабрику въ Гизѣ, во Франціи, представляющую собою примѣръ наивысшаго развитія принципа участія въ прибыляхъ, дошедшаго постепенно до полной ассоціаціи.

Основатель этого высокоинтереснаго учрежденія, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей нашего времени—Жанъ-Баптистъ Годѣнъ; онъ родился въ 1817 г. и былъ сынъ маленькаго слесаря въ маленькой же деревнѣ въ департаментѣ Энъ, на сѣверѣ Франціи. Въ дѣтствѣ Годѣнъ получилъ, какъ и подобаетъ сыну бѣднаго крестьянина, самое элементарное образованіе и всѣмъ дальнѣйшимъ обязанъ лично самому себѣ; 11-ти лѣтъ онъ окончилъ курсъ начальнаго ученія и поступилъ ученикомъ въ мастерскую своего отца. Затѣмъ, по обычаю французскихъ ремесленниковъ, онъ много путешествовалъ и учился въ Парижѣ и другихъ мѣстахъ страны, дополняя свое общее и профессіональное образованіе и совершенствуясь въ техникѣ своего мастерства. 23-хъ лѣтъ отъ роду, въ 1840 г., Годѣнъ вернулся, наконецъ, въ родную деревню и основалъ тамъ свое собственное небольшое заведеніе для выдѣлки желѣзныхъ печей и нѣкоторыхъ желѣзныхъ инструментовъ. Неожиданно, какъ это бываетъ часто, для окружающихъ, хотя и заслуженно для способностей и энергіи молодого слесаря, заведеніе его имѣло большой успѣхъ. Онъ скоро прославился множествомъ изобрѣтеній и улучшеній въ избранномъ мастерствѣ и настолько усовершенствовалъ и развилъ его, расширивши сбытъ своихъ произведеній, что черезъ какихъ-нибудь шесть лѣтъ, въ 1846 г., счелъ за полезное перенести предпріятіе въ болѣе удобное мѣсто—въ сосѣднюю деревню Гизъ, гдѣ прямо устроилъ уже значительныхъ размѣровъ фабрику. Такимъ образомъ слѣдуетъ постепенное, но вмѣстѣ съ тѣмъ быстрое обогащеніе Годѣна. Онъ началъ въ Гизѣ свое предпріятіе съ 30 ра-

Digitized by Google

бочими, а уже въ 60-хъ гг. насчитывались у него цѣлыя сотни рабочихъ и свыше 1 милліона франковъ состоянія...

Съ раннихъ лѣтъ, Годѐнъ, однако, лелѣялъ мечты объ улучшеніи быта рабочихъ, не забывая собственной когда-то бѣдности, и въ 50-хъ годахъ, уже будучи богатымъ человѣкомъ, онъ, охотно потерялъ 100.000 франковъ на попытки Виктора Консидерана устроить рабочую общину въ Тэхасѣ, въ Америкѣ. По словамъ англійскаго кооператора Грѝнига, эта цифра, довольно значительнаго риска, на который пошелъ Годѐнъ, является для него крайне характеристичной. Если бы онъ былъ обыкновенный предприниматель, только любящій толковать объ улучшеніи быта рабочихъ—и не болѣе того, онъ не рискнулъ бы такой значительной для него цифрой, а лишь удовольствовался бы какой-нибудь тысячей франковъ; а съ другой стороны, еслибы онъ былъ, какъ нерѣдко бываетъ, безголовый энтузіастъ, не разсуждающій о послѣдствіяхъ, онъ отдалъ бы все свое состояніе на предпріятіе Консидерана и остался бы нищимъ. Но Годѐнъ далъ въ данномъ случаѣ весьма значительную цифру денегъ, серьезный капиталъ, и въ то же самое время не лишилъ себя возможности послѣ неудачи вести дальше начатое промышленное предпріятіе въ томъ духѣ и видѣ, какъ онъ мечталъ объ этомъ, вѣроятно, давно.

Серьезно обсуждая способы, дабы улучшить и упрочить положеніе рабочихъ, Годѐнъ, уже вскорѣ послѣ упомянутой неудачи, началъ въ этомъ случаѣ дѣлать нѣкоторые опыты и разрабатывать частности своего плана. Для наилучшаго и прочнаго улучшенія быта рабочихъ требуется, по мнѣнію Годѐна, прежде всего ослабленіе сильнаго между ними индивидуализма и развитія взаимности, что̀ можетъ быть достигнуто, во-первыхъ, путемъ устройства названнаго имъ „фамилистѐра“, т.-е. общаго сожительства рабочихъ въ одномъ и томъ же домѣ, воспитанія ихъ дѣтей въ общихъ школахъ, устройства обществъ взаимопомощи, общаго страхованія и вообще возможно бо̀льшаго скрѣпленія узъ общенія и связи интереса между всѣми работающими у него лицами и соотвѣтственно этому ослабленія индивидуализма и всякихъ проявленій личной обособленности и эгоизма; во-вторыхъ, эта цѣль должна достигаться, по мнѣнію Годѐна, производствомъ на строго кооперативныхъ началахъ, чему должно предшествовать участіе въ прибыляхъ, пока эти прибыли не дадутъ возможности выкупить рабочимъ у хозяина всю фабрику. При этомъ, Годѐнъ поставилъ за руководящее правило отсутствіе всякой даровщинки. Ничего рабочимъ даромъ не дается,

Digitized by Google

за все должно быть заплачено! Этимъ лишь путемъ образуется необходимая дисциплина духа и воли и постепенно вырабатываются тѣ качества рабочихъ, которыя нужны безусловно для благополучія и успѣшнаго веденія промышленнаго предпріятія на новыхъ началахъ.

Въ 1880 г., Годенъ, расчистивши нѣсколько почву и подготовивши вѣроятно нѣсколькихъ лучшихъ рабочихъ къ осуществленію своего плана,—по словамъ, напр., Гринига [1]),—уже раньше понемногу приступилъ къ дѣлежу между ними нѣкоторой части прибыли съ цѣлью пріучить ихъ къ принципу—рѣшительно принялся за выполненіе своего плана. Съ этой цѣлью онъ однажды призвалъ своихъ рабочихъ на обширный дворъ фабрики подъ знаменитый нынѣ дубъ, гдѣ поставленъ ему памятникъ послѣ его смерти благодарными рабочими, и объяснилъ имъ свое намѣреніе постепенно совершить въ ихъ пользу выкупъ фабрики на новыхъ началахъ, которыя и прочелъ въ довольно объемистой „конституціи", какъ онъ назвалъ правила преобразуемаго заведенія (планъ занималъ цѣлыхъ 150 страницъ и предусматривалъ всѣ мелочи). Его фабрика съ этихъ поръ по его мысли должна была измѣнить все, начиная съ названія. Ея названіе должно было именоваться „Фамилистеръ Гиза, кооперативная фабрика, или ассоціація труда и капитала". Ея цѣль, какъ говорится въ начальныхъ же правилахъ, заключается въ развитіи и организаціи интересовъ между членами путемъ участія, одинаково капитала и труда въ прибыляхъ предпріятія. Членами могутъ быть лица обоего пола, владѣющія паевыми свидѣтельствами и участвующія въ трудахъ общества. Всѣ члены раздѣлены на слѣдующіе классы: 1) associés—„сотоварищи"; 2) sociétaires—„сочлены", и 3) participans—просто „участники". Кромѣ того, еще такъ-назыв. „заинтересованные" и „помощники" (наемные рабочіе), которые членами считаться не могутъ и участіемъ въ прибыляхъ пользуются только косвенно и лишь немногіе. Чтобы сдѣлаться сотоварищемъ, associé, надо имѣть отъ роду не менѣе 25 лѣтъ, жить въ фамилистерѣ и состоять на службѣ на фабрикѣ не менѣе 5 лѣтъ; сверхъ того, надо умѣть читать и писать и быть собственникомъ паевыхъ свидѣтельствъ по меньшей мѣрѣ на 500 франковъ. Чтобы сдѣлаться сочленомъ, sociétaire, требуется возрастъ минимумъ 23 года, свобода отъ воинской повинности, и надо состоять на службѣ

[1]) The Cooperative Traveller Abroad, by *Edward Owen Greening* London, 1888.

Digitized by Google

или работать на фабрикѣ не менѣе трехъ лѣтъ и жить въ фамилистерѣ. Для „участника“ нуженъ минимумъ 21 годъ возраста, свобода отъ воинской повинности и 1 годъ службы или работы. *Только эти три класса* считаются въ истинномъ смыслѣ полноправными членами фабрики; прочіе же, такъ-назыв. „помощники“, простые рабочіе, которые еще не выполнили условій или наняты временно, могутъ, разумѣется, со временемъ перейти въ члены, если удовлетворятъ предъявленнымъ для того требованіямъ. „Заинтересованные“, это—постороннія лица, почему-либо сдѣлавшіяся, напр. путемъ наслѣдства, владѣльцами паевыхъ свидѣтельствъ даннаго кооперативнаго общества.

Дѣленіе на классы имѣетъ въ фамилистерѣ Гиза первостепенную важность, какъ относительно правъ, такъ и относительно обязанностей рабочихъ. Такъ, товарищи участвуютъ въ прибыляхъ вдвое противъ своего жалованья, т.-е. въ двойномъ размѣрѣ, сочлены — въ $1^1/_2$ раза, а участники—ровно въ размѣрѣ своей платы. Кромѣ того, сотоварищи исключительно удерживаютъ въ своихъ рукахъ все завѣдываніе дѣлами общества. Мало того, заработная плата первыхъ двухъ классовъ назначена выше и—что, наконецъ, всего важнѣе—въ случаѣ, напр., избытка рукъ или уменьшенія сбыта фабрики, благодаря кризису, они лишь послѣ всѣхъ остальныхъ рабочихъ могутъ остаться сверхъ штата или потерять часть работы, такъ что до извѣстной степени, а благодаря вообще хорошему ходу промышленно-торговыхъ дѣлъ общества фактически почти навѣрное, имъ гарантирована постоянная работа.

Организація участія въ прибыляхъ этого оригинальнаго учрежденія и переходъ его въ кооперацію предусмотрѣнъ „конституціей“ Годѐна и совершился на практикѣ слѣдующимъ образомъ. Въ 1880 г. передъ основаніемъ кооперации была произведена оцѣнка всего заведенія возможно строго и безпристрастно по существующимъ торговымъ цѣнамъ: оно оцѣнено было въ 4.600.000 франковъ (около 1.702.000 р.). На эту сумму были выпущены Годѐномъ такъ-назыв. „паевыя свидѣтельства основателя“, приносящія $5^0/_0$ дохода. По покрытіи первыхъ издержекъ производства, ежегодно, покрывался этотъ $5^0/_0$ доходъ. Правила, установленныя Годѐномъ, предусматриваютъ подробно весь дѣлежъ прибылей, а именно: за покрытіемъ всѣхъ текущихъ расходовъ, включая заработную плату, остается валовой доходъ или прибыль; изъ нея дѣлаются слѣдующіе вычеты: 1) погашеніе или амортизація построекъ, машинъ и орудій фабрики; 2) $2^0/_0$ вычитаются на фондъ страхованія рабочихъ; 3) не менѣе 25.000 фран-

Digitized by Google

ковъ относится на фондъ образованія дѣтей рабочихъ; 4) 5% дивиденда уплачивается на паевыя свидѣтельства со сказанныхъ 4.600.000 фр. основного капитала учредителя или основателя, *въ чьихъ бы рукахъ въ данный моментъ эти паи ни находились.*

То, что затѣмъ составляетъ чистую прибыль за сказанными исключеніями, уже подлежитъ дѣлежу на основаніи кооперативнаго принципа: 1) 25% откладывается въ резервный фондъ, но такъ какъ уже на слѣдующій 1881 г. этотъ фондъ создался, то и отчисленіе остановилось; 2) 50%, а съ 1881 г. 75%, идетъ какъ прибыль на дѣлежъ между капиталомъ и трудомъ; 3) 25% дѣлится какъ вознагражденіе между администраціей и фабрикой.

Изъ упомянутыхъ 75%, во-первыхъ, прибыль на капиталъ разсчитывается на дивидендъ, т.-е. на полученные 5% съ 4.600.000 фр. (или прибыль на 230.000 фр. дивиденда); затѣмъ дальше идетъ уже собственно участіе рабочихъ въ прибыли по установленной іерархіи или по классамъ, т.-е. „сотоварищи“ получаютъ прибыль вдвое противъ своей платы, т.-е. ихъ капиталъ какъ бы считается двойнымъ при этомъ разсчетѣ; „сочлены“ въ 1½ раза, а „участники“—лишь равную ей. За примѣрный годъ эти платежи составляли 9% для всѣхъ. Но при этомъ рабочій получаетъ прибыль отнюдь не наличными деньгами, а соотвѣтствующая сумма паевъ основателя *погашалась* и замѣнялась на имя каждаго рабочаго „свидѣтельствами ассоціаціи“ или *„паями сбереженія“*. Такимъ образомъ, лишь мало-по-малу, годъ за годомъ, паи отъ хозяина переходили въ руки рабочихъ, и постепенно, слѣдовательно, фабрика какъ бы мѣняла своего хозяина. По увѣренію же м-ра Гринига, 100.000 р., какъ передалъ ему самъ Годенъ, уже принадлежали рабочимъ за три года до реформы, т.-е. въ 1877 г. Въ дѣйствительности участіе рабочихъ собственно еще выше, строго говоря, такъ какъ не слѣдуетъ забывать вычета въ 2% съ валовой прибыли и крупные расходы на образованіе (не менѣе 25.000 фр. въ годъ).

Управленіе фабрикой, согласно правиламъ въ Гизѣ, установленнымъ Годеномъ, состоитъ изъ слѣдующихъ учрежденій: во-первыхъ, главный завѣдующій. Пока живъ былъ самъ Годенъ, разумѣется, безсмѣнно онъ былъ этимъ завѣдующимъ, но со смертью его, которая послѣдовала въ 1888 г., какъ это было предусмотрѣно его правилами, главный завѣдующій былъ избранъ общимъ собраніемъ пожизненно; онъ получаетъ 15.000 фр. жалованья и 4% съ прибыли, обладая обширными полномочіями, весьма строго соблюдаемыми въ интересахъ дисциплины, какъ это замѣтили одинаково и американцы, и другія лица, посѣщав-

Digitized by Google

шія фабрику. Очевидно, такая дисциплина высоко стоитъ и требуется для подобнаго рода новыхъ предпріятій. Во-вторыхъ, при главномъ завѣдующемъ состоитъ совѣтъ управленія изъ 10 лицъ подъ его предсѣдательствомъ, частью изъ назначаемыхъ по его волѣ сотоварищей, частью—имъ приглашаемыхъ другихъ лицъ. Всѣ они получаютъ вознагражденіе 16% съ прибыли предпріятія. Далѣе, стоятъ еще три коллегіальныхъ учрежденія: второй совѣтъ промышленности, т.-е. отдѣлъ техническій—изъ лицъ слѣдящихъ и занимающихся всѣми вопросами на фабрикѣ, касающимися самаго производства; третій совѣтъ фамилистера, т.-е. завѣдующій общежитіемъ, поставленнымъ обязательнымъ условіемъ, какъ мы видѣли, для всѣхъ сочленовъ; четвертый совѣтъ контроля и отчетности, куда относится вся бухгалтерская часть. Всѣ эти совѣты, выборные изъ лицъ, наиболѣе заслуживающихъ довѣрія, преимущественно старыхъ рабочихъ.

Въ 1888 г. умеръ Годенъ, но это не оказало никакого вліянія на ходъ предпріятія,—настолько все было хорошо налажено. Число членовъ возросло въ нѣсколько разъ. Напр., „сотоварищи“ съ 40 чел. въ 1880 г.—до 277 въ 1895 г.; „сочлены“—съ 62 до 209 и т. д. Вообще, старшіе рабочіе или члены возросли гораздо быстрѣе, нежели простые наемники: 15 лѣтъ назадъ, члены составляли всего 32% общаго числа рабочихъ,—нынѣ же составляютъ уже 60%, и число первыхъ ежегодно рекрутируется переводящимися изъ класса въ классъ низшими или наемными рабочими. Постоянство труда при этихъ условіяхъ—вполнѣ понятный и естественный результатъ и отличительная черта всего предпріятія. Треть рабочихъ пробыла на фабрикѣ менѣе 10 лѣтъ, а 67%, или $^2/_3$—долѣе 10 лѣтъ.

30-го іюня 1894 г. былъ большой праздникъ и знаменательный день въ Гизѣ: *послѣдніе паи основателя въ этотъ день были выкуплены*, и фабрика, слѣдовательно, превратилась уже фактически изъ личнаго предпріятія въ полную кооперацію. Съ 1894 г. прибыль стала поступать, за исключеніемъ небольшого выкупа паевъ, попавшихъ въ постороннія руки, цѣликомъ сочленамъ наличностью.

Если сравнить прежнее и настоящее положеніе рабочихъ на фабрикѣ въ Гизѣ, какъ конечный результатъ всей обширной произведенной реформы, то получимъ слѣдующую картину, по разсчетамъ Уилогби: въ 1880 г. рабочій получалъ 1.650 франковъ жалованья, а въ 1895 г., считая всѣ прибавки—не менѣе 2.122 фр. А именно, нынѣ рабочій получаетъ: 1) заработную плату; 2) прибыль, приходящуюся на эту плату; 3) прибыль на

Digitized by Google

паевыя свидѣтельства, ему принадлежащія; 4) 5% на эти самыя свидѣтельства; 5) участіе въ различныхъ соціальныхъ учрежденіяхъ, принадлежащихъ фабрикѣ, и 6) прибыли на закупки въ собственномъ потребительномъ обществѣ.

Такимъ образомъ, *принудительнымъ путемъ* Годенъ сдѣлалъ своихъ рабочихъ сравнительно зажиточными счастливыми людьми и указалъ имъ дальнѣйшій вѣрный и надежный путь къ благополучію. Но Годенъ—въ чемъ его и не малая заслуга или залогъ успѣха предпріятія — отнюдь не забывалъ правъ капитала и ничего не желалъ давать рабочимъ даромъ. „Моя цѣль,—говорилъ Годенъ англичанину Гринигу,—вовсе не благотворительность, а лишь дѣло справедливости. Весь дѣловой промышленный міръ легко можетъ подражать мнѣ. Я надѣюсь, что это и будетъ, когда люди сдѣлаются болѣе просвѣщенными и перестанутъ быть такъ близорукими въ собственныхъ интересахъ. Еслибы я затѣялъ филантропическій опытъ, меня бы, конечно, сильно хвалили, но никто не сталъ бы мнѣ подражать"...

Изъ соціальныхъ учрежденій въ Гизѣ первое мѣсто, конечно, занимаетъ вышепоименованный „фамилистеръ". Подъ этимъ именемъ разумѣется семейный домъ для рабочихъ, или общежитіе рабочихъ, обширное зданіе съ нѣсколькими крыльями и съ крытыми стекломъ дворами, раздѣленное на маленькія квартиры, большею частью по двѣ комнаты съ кухней, которыя занимаютъ отдѣльныя семьи рабочихъ, платя за свое помѣщеніе, какъ это дѣлается на всѣхъ фабрикахъ. Для желающихъ есть при фабрикѣ мелкіе участки земли, которые можно превратить въ огородъ. Но благодаря большимъ размѣрамъ и казарменному характеру постройки фамилистера, большая часть земли вокругъ него свободна и превращена въ обширный паркъ, гдѣ могутъ гулять взрослые и рѣзвиться дѣти. Нижній этажъ фамилистера занятъ всевозможными лавками, почтовой конторой и даже банкирской конторой, гдѣ рабочіе могутъ совершать тѣ или другія нужныя имъ денежныя операціи и сберегать свои деньги. Годенъ, какъ мы видѣли, придавалъ огромное значеніе фамилистеру, и житье въ немъ считалъ обязательнымъ условіемъ для полученія правъ члена на его фабрикѣ. Между тѣмъ, отзывы путешественниковъ, посѣтившихъ фамилистеръ, напр. одного бельгійскаго и другого французскаго экономиста, далеко не выставляютъ его въ радужномъ свѣтѣ. Бельгіецъ сравниваетъ его съ монастыремъ и пишетъ, что отъ этого зданія несетъ скукой, а англичанинъ Гринигъ, хотя самъ энтузіастъ-кооператоръ, тѣмъ не менѣе пола-

Digitized by Google

гаетъ, что подобное общежитіе семейныхъ рабочихъ едва ли было бы мыслимо въ Англіи. Очевидно, Годѣнъ желалъ употребить общежитіе какъ орудіе для борьбы съ столь господствующимъ на Западѣ и еще сравнительно мало развитымъ у насъ индивидуализмомъ и желалъ смягчить его крайности. Трудно сказать, безъ близкаго знакомства, насколько это ему удалось достигнуть. Несомнѣнно, однако, слѣдуетъ считать въ санитарномъ отношеніи эту мѣру выгодной, ибо, какъ свидѣтельствуютъ статистическія данныя, дѣти на фабрикѣ въ Гизѣ умираютъ гораздо меньше между рабочими и отличаются лучшимъ здоровьемъ, нежели въ самой деревнѣ Гизъ. Затѣмъ, другія несомнѣнныя выгоды фамилистера—экономическаго характера, ибо, благодаря общежитію, за крайне скромную цѣну рабочіе имѣютъ вполнѣ добропорядочное житье и цѣлый рядъ очень важныхъ, въ соціальномъ и личномъ отношеніи, учрежденій. Такъ, при фамилистерѣ организована прекрасная общая прачешная, общая баня съ большимъ бассейномъ для плаванія, прекрасная библіотека, театръ, въ которомъ зимой играетъ пріѣзжая труппа и т. д.

Изъ другихъ учрежденій для рабочихъ въ Гизѣ существуютъ цѣлыхъ три общества взаимопомощи противъ болѣзни, организованныя по тому же шаблону, какъ извѣстныя намъ общества въ Бланзи и Анзенѣ, и одно общество для обезпеченія отъ старости и неспособности къ труду. Первое общество поддерживается вычетомъ $1^0/_0$ съ заработка и въ теченіе 1 года времени доставляетъ безплатно медицинскую помощь больному рабочему и денежную поддержку. Сюда же идутъ и всѣ штрафы, собираемые на фабрикѣ. Для общества страхованія на старость идетъ изъ чистыхъ прибылей фабрики вычетъ $2^0/_0$.

Что особенно характерно и рисуетъ съ лучшей стороны самого Годѣна — это забота его объ образованіи рабочихъ, что мы видѣли уже изъ самаго устава его учрежденій. Каждый годъ не менѣе 25.000 фр., вычитаемыхъ изъ прибыли, поступаетъ на образовательныя цѣли фабрики. На эти деньги, во-1-хъ, содержатся ясли, весьма обширныя, для всѣхъ малютокъ до 2 лѣтъ возраста, затѣмъ 2 дѣтскихъ сада и школа, обязательная для всѣхъ дѣтей до 14 лѣтъ; наконецъ, для наиболѣе способныхъ дѣтей фабрика не останавливается на этомъ и даетъ имъ средства дальше учиться, посылая ихъ, сообразно ихъ способностямъ, въ другія школы въ разные города. Какъ принципъ, для всѣхъ живущихъ и служащихъ на фабрикѣ, образованіе — безплатно.

Наконецъ, въ Гизѣ имѣется обширное потребительное обще-

Digitized by Google

ство. До 1880 г., какъ и вся фабрика, оно было личнымъ предпріятіемъ Годѣна, но съ этого времени уже вполнѣ принадлежитъ рабочимъ. Членами общества могутъ быть только рабочіе. Потребителямъ общества принадлежитъ булочная, бойня, колбасная и цѣлый рядъ другихъ заведеній. Количество продавцевъ въ многочисленныхъ лавкахъ общества до 60 лицъ, а прибыли отъ закупокъ раздается ежегодно сочленамъ до 50.000 руб. Распредѣленіе этихъ прибылей довольно оригинально, а именно: половина прибыли возвращается покупателямъ деньгами, а другая половина оставляется, какъ кредитъ для будущихъ закупокъ. Въ послѣдніе же годы, по желанію рабочихъ, лишь 15% стали уплачивать деньгами, а остальные поступаютъ въ счетъ кредита.

Какой же общій выводъ можно сдѣлать при общемъ обзорѣ этого несомнѣнно счастливаго и удачнаго предпріятія Годѣна, память котораго по справедливости рабочіе благословляютъ до настоящаго времени, на металлической фабрикѣ Гиза, имъ созданной? Въ общемъ, результатомъ его предпріятія является блестящій успѣхъ и благоденствіе цѣлыхъ сотенъ лицъ, безъ всякаго, притомъ, ущерба ему лично или его наслѣдникамъ, такъ какъ весь капиталъ, въ который оцѣнена его фабрика, имъ или ими полученъ былъ обратно. А въ торгово-промышленномъ отношеніи несомнѣнно успѣхъ предпріятія былъ не менѣе важенъ, ибо продукты фабрики Гиза цѣнятся не только во Франціи, но сбываются охотно и въ Англію, которая сама такъ славится металлическими издѣліями. Причина этого обширнаго и, нѣтъ сомнѣнія, устойчиваго успѣха, согласно англійскому изслѣдователю,—въ данномъ случаѣ совершенно впрочемъ совпадающему и съ матеріаломъ американскаго оффиціальнаго отчета,—высказана въ слѣдующемъ короткомъ афоризмѣ: „Превосходство производства,—говоритъ Гринигъ въ указанной выше книгѣ,—взятое въ цѣломъ, обязано всегда *людямъ, а не матеріаламъ*“... [1]) т.-е. качеству рабочихъ, поднятыхъ экономически, а черезъ то поднятыхъ нравственно и духовно.

Итакъ, что же мы видимъ въ описанныхъ американцами крупныхъ промышленныхъ заведеніяхъ Европы? Мы видимъ во всѣхъ приведенныхъ случаяхъ въ большей или меньшей степени

[1]) См. The Co-operative Traveller Abroad, by Edward Owen Greening, London, 1888, стр. 98.

Digitized by Google

существующее для рабочихъ *обезпеченіе на будущее* во всѣхъ видахъ важныхъ для человѣческаго благополучія, т.-е. на случай болѣзни, несчастія, старости и неспособности къ труду. Мы видимъ, кромѣ того, изъ всѣхъ данныхъ, хотя, конечно, не полныхъ, собранныхъ американской коммиссіей, но достаточныхъ по своей величинѣ для нѣкоторыхъ обобщеній и дающихъ на нихъ право, что всѣ эти виды обезпеченія рабочихъ на будущее въ Европѣ вовсе не являются непремѣнно результатомъ одного государственнаго вмѣшательства и воздѣйствія. Мы вездѣ въ приведенныхъ случаяхъ видимъ бо̀льшія или меньшія заботы хозяевъ, которые предшествуютъ или опережаютъ даже вмѣшательство правительства и созданіе тамъ необходимыхъ законовъ. Очень часто послѣдніе, какъ это видно относительно пенсіи на старость въ Анзенѣ, прямо берутъ для своего нормированія готовыя правила отдѣльныхъ фабрикъ. Но мало того: мы видимъ, что хозяева далеко даже не ограничиваются лишь требованіями и предѣлами законовъ. Почти во всѣхъ приведенныхъ американцами случаяхъ нормы обезпеченія въ тѣхъ или иныхъ кассахъ или страхованіяхъ *превосходятъ* размѣры, положенные закономъ. Такъ, въ Бланзи существуетъ пенсія на старость служащимъ, по закону не обязательная; Круппъ въ цѣломъ рядѣ формъ обезпеченія или повысилъ вознагражденіе и пенсіи, получаемыя своими рабочими, или прямо ввелъ ихъ тамъ, гдѣ законъ не предусмотрѣлъ (напр., для служащихъ или рабочихъ, имѣющихъ выше 2.000 марокъ содержанія въ годъ); въ Вьельмонтанѣ мы видѣли даже такой рѣдкій случай, какъ платежъ фирмы за всѣ виды страхованія, что̀ никакимъ закономъ не предусматривается; наконецъ, самымъ яркимъ примѣромъ стремленія хозяевъ иногда примирить по возможности свои интересы съ интересами рабочихъ является уже описанное участіе въ прибыляхъ, дошедшее въ послѣднемъ случаѣ до полнаго перехода фабрики въ руки рабочихъ.

Очевидно, интересы этихъ двухъ сторонъ, хозяевъ и рабочихъ, считаемые почему-то непремѣнно враждебными, въ дѣйствительности далеко не всегда противорѣчатъ, а напротивъ, самоинтересъ въ союзѣ съ гуманными чувствами сглаживаетъ соціальныя шероховатости, а интересы нерѣдко совпадаютъ. Если хозяинъ заинтересованъ и стремится получить наивозможно бо̀льшую прибыль съ своего предпріятія, то не надо забывать, что при теперешнихъ сложныхъ дорогихъ машинахъ ему требуется для этого искусный, ловкій и образованный рабочій. Лишь при

Digitized by Google

этомъ условіи онъ можетъ успѣшно выдержать часто острую конкурренцію и добиться перевѣса въ международномъ состязаніи промышленнаго труда качествомъ своихъ рабочихъ. Возможное *обезпеченіе рабочихъ и ихъ лучшій бытъ* являются по этой причинѣ для каждаго разумнаго и дальновиднаго капиталиста такою же необходимостью, такимъ же conditio sine qua non, какъ и его развитіе и образованіе. Самая широкая постановка обезпеченія рабочихъ въ настоящемъ и будущемъ и ихъ должная образовательная подготовка являются, слѣдовательно, тѣми столбами, на которыхъ только можетъ быть прочно установлена и покоиться промышленность, такъ же, какъ и торговля любой страны.

Мы привыкли часто гордиться тѣмъ, что у насъ почти каждый крестьянинъ имѣетъ свой кровъ, свою хату и болѣе или менѣе соотвѣтственное земельное устройство. Я не сомнѣваюсь въ достоинствахъ всѣхъ этихъ благъ, но спрашивается: чѣмъ обезпеченъ, не говоря о крестьянинѣ вообще, нашъ фабричный рабочій, нерѣдко уже посвящающій всю свою жизнь промышленному труду, на старость, инвалидность, несчастіе, болѣзнь? Правда, на окраинахъ, въ царствѣ польскомъ, прибалтійскомъ краѣ и проч.,—какъ оазисы, и внутри Россіи—встрѣчаются различныя попытки устройства кассъ для рабочихъ, страхованія отъ несчастій и проч., но все это одни единичныя усилія благожелательныхъ хозяевъ. Въ общемъ же, въ сѣверной и центральной Россіи, хотя мы не имѣемъ, можетъ быть, недостатка въ добрыхъ и хорошо настроенныхъ къ рабочимъ предпринимателяхъ, но по отсутствію общей организаціи, за отдѣльными исключеніями, *почти всѣ формы обезпеченія рабочихъ на будущее у насъ отсутствуютъ*. Къ сожалѣнію, этому способствуетъ цѣлый рядъ условій, стоящихъ частію даже внѣ воли отдѣльныхъ лицъ. Самая связь русскаго фабричнаго работника съ землею, которая въ нѣкоторомъ отношеніи является для него выгодной, въ то же время дѣлаетъ нашего промышленнаго рабочаго столь подвижнымъ и мало спеціализированнымъ, что одинъ французскій экономистъ назвалъ его вполнѣ справедливо „номадомъ промышленности“ (!). Огромное большинство рабочихъ не только прерываетъ работу на нашихъ фабрикахъ въ теченіе года, но мѣняетъ легко даже и самые виды производства, и вчерашній кирпичникъ нынче работаетъ на ткацкой фабрикѣ, завтра—на кумачной, а потомъ, можетъ быть, обработываетъ торфъ... Такія перемѣны нерѣдки.

Digitized by Google

Самый общинный строй нашъ вмѣстѣ съ круговой порукой и другими его условіями, даже при полномъ желаніи со стороны многихъ рабочихъ, держа ихъ какъ бы въ кабалѣ, лишаетъ ихъ возможности часто выработать себѣ постоянную спеціальность и бо̀льшую устойчивость въ выборѣ рода занятій, въ пребываніи въ одномъ и томъ же промышленномъ заведеніи болѣе или менѣе продолжительное время. Пока же всѣ эти условія не измѣнятся, нѣтъ сомнѣнія, не можетъ быть и рѣчи о быстромъ у насъ развитіи *нѣкоторыхъ* изъ описанныхъ формъ обезпеченія рабочихъ...

Но въ то же время, однако, несомнѣнно и у насъ назрѣла уже необходимость такъ или иначе правительственнаго воздѣйствія и серьезнаго вмѣшательства въ тѣ стороны труда, которыя до сихъ поръ игнорировались или по крайней мѣрѣ имъ придавалось мало значенія, и дѣятельное вмѣшательство отсутствовало, какъ то видно, напр., въ № 35 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ за нынѣшній годъ изъ того, что̀ кн. Шаховской сообщаетъ о жизни нашихъ горнозаводскихъ рабочихъ въ связи съ настоятельною необходимостью ихъ обезпеченія на случай ужасныхъ несчастій, посѣтившихъ, 3 января, знаменитую нынѣ шахту „Иванъ“. Общее санитарное состояніе рабочихъ также не менѣе важно, чѣмъ эти отдѣльныя несчастія, поражающія воображеніе. Вотъ какъ описываютъ тѣ же „С.-Петербургскія Вѣдомости“ положеніе рабочаго на нашихъ металлургическихъ заводахъ и на каменноугольныхъ шахтахъ. „Контингентъ рабочаго населенія,—говоритъ кн. Шаховской,—составляетъ преимущественно молодежь, поступающая въ него здоровою и сильною, но быстро теряющая то и другое и пріобрѣтающая черезъ годъ, два, работы особый изможденный видъ. Узнать рабочаго среди обыкновеннаго населенія всегда бываетъ легко. Желтосѣрый цвѣтъ лица, глаза въ громадныхъ впадинахъ, обрамленныхъ густою синевою, дрожащія руки—словомъ, полная картина уже надорваннаго организма. Однимъ изъ признаковъ ненормальности жизни людей той же группы служитъ ихъ безсемейная жизнь“... „Правда,—говоритъ онъ далѣе собственно о несчастныхъ случаяхъ,—нѣкоторые изъ заводчиковъ оказываютъ помощь въ разныхъ несчастныхъ случаяхъ, напр. семействамъ пострадавшихъ, но всѣ эти постоянныя и единовременныя выдачи имѣютъ *характеръ случайности*; онѣ точно не опредѣлены, возбуждаютъ недоразумѣнія и уже успѣли создать особый классъ повѣренныхъ, живущихъ такого сорта судебными процессами,—классъ

Digitized by Google

одинаково безполезный для заводчиковъ и для рабочихъ"... „Измѣните вы"—такъ заключаетъ кн. Шаховской свою статью—„быть рабочаго, избавьте его жизнь отъ развращающаго вліянія разныхъ случайностей—и вы тѣмъ самымъ повысите качество труда, увеличите его продуктивность, другими словами, улучшите контингентъ рабочихъ"!

Иванъ Янжулъ.

Digitized by Google

ДВА РАЗСКАЗА

I.

„Прослезился"!...

Жена увезла дѣтей и няньку къ бабушкѣ на именины, и прокуроръ Перекатовъ остался дома одинъ. Такъ какъ баринъ въ дѣла горничной не вмѣшивается, и она куда-то ушла. Скомканныя одѣяла на постеляхъ, сбитые съ мѣста ковры, незадвинутый ящикъ комода и спертый запахъ туалетнаго уксуса—такъ и осталось все это въ спальнѣ. Стояла, какъ послѣ погрома, неприбранная дѣтская: второпяхъ снятое бѣлье, книжки, кострюльки, умывальный тазъ, сапожки и шляпка, все кинуто гдѣ ни попало на столахъ и кроваткахъ, передъ раскрытыми дверцами шкафа на полу, на опрокинутый омнибусъ. Видно, что все хватали наскоро, толкали и бросали, наконецъ оставили въ покоѣ и ушли. И омнибусъ, и мыльная вода въ тазу, и упавшая головой въ блюдцо кукла, довольная, что ее больше не трогаютъ, все такъ и замерло, не будучи въ силахъ пошевелиться,—и все предается покою. Въ гостиной сквозь неподнятыя шторы чуть пробивается дремлющій свѣтъ, и тамъ царитъ покой, словно послѣ усталости; тотъ же покой въ безлюдной, холодной длинной залѣ. Тишина непривычная. И Перекатовъ, обойдя комнаты, велѣлъ выдвинуть на двери дощечку: „дома нѣтъ"; онъ рѣшилъ какъ можно лучше отдохнуть въ полномъ уединеніи.

Въ кабинетѣ у него все на своемъ мѣстѣ. Тамъ лежатъ неразвернутыя за недѣлю газеты, и онъ засѣлъ за чтеніе газетъ. На первой страницѣ бросилась ему въ глаза, большими буквами, реклама: „Побѣда надъ старостью".

Digitized by Google

Не онъ, конечно, будетъ интересоваться рекомендуемымъ противъ старости средствомъ безсовѣстною и наглой рекламой. Всѣхъ бы этихъ шарлатановъ... Не стоитъ, впрочемъ, и думать о нихъ. Онъ уже повернулъ страницу, читая передовую статью, въ которой говорилось о дипломатическомъ столкновеніи между Испаніей и Соединенными-Штатами, но вычурныя, кричащія буквы рекламы все еще видѣлись ему, и въ памяти механически повторялось между строками статьи: „Побѣда надъ старостью"...

Съ нѣкоторыхъ поръ онъ сталъ равнодушнѣе къ общественнымъ дѣламъ, газеты читаются имъ съ принужденіемъ, обязанностями онъ утомляется, и во всемъ начинаетъ замѣчать перемѣну въ себѣ. На прошлой недѣлѣ, въ окружномъ судѣ, желая пройтись молодцомъ передъ публикой, онъ не могъ... Словно къ пяткамъ были прицѣплены гири—такъ медленно двигались ноги его. И рѣчи его не тѣ, что были прежде, и лѣнь овладѣваетъ имъ, и какъ только онъ остается ничѣмъ незанятымъ—чего-то недостаетъ ему. Чего? Жена у него хорошая, любитъ его, дѣти прелестны. Сорокъ-пять лѣтъ ему только; скорѣй же молодостью можно назвать этотъ возрастъ, при его здоровьѣ и силахъ, а фигура все утучняется, жесты, движенія тяжелѣютъ... Неужели отъ старости? Бросивъ газету на столъ, онъ всталъ, прошелся и постоялъ передъ зеркаломъ.

Баки у него длинныя каштановыя, очень густыя баки; онъ ихъ разгладилъ въ обѣ стороны, оскалилъ зубы и прищурился. Удивительно какъ сохранились его зубы и волосы и цвѣтъ лица! Чего-то все-таки ему недостаетъ... Собственно говоря, карьера прокурора—далеко не блестящая карьера, если на ней остановиться. Съ его способностями онъ могъ бы, пожалуй, управлять министерствомъ, да вотъ случая нѣтъ—обратить на себя вниманіе кого слѣдуетъ...

Въ такихъ размышленіяхъ засѣлъ онъ въ оттоманку между двумя пружинными подушками, уперся въ третью головой, а ногу поднялъ на валикъ. Очень удобная поза. Онъ могъ бы весь годъ такъ прожить, не выходя изъ кабинета,—надоѣло ему работать, читать, говорить. Теперь онъ любитъ молчать. А прежде... Не далѣе какъ лѣтъ шесть, восемь тому назадъ, какой онъ былъ оживленный, ретивый, дѣятельный человѣкъ. А въ молодости... какой неутомимый танцоръ, разговорчивый, веселый кавалеръ, и пѣлъ хорошо. Голосъ у него былъ пріятный—густой баритонъ. Давно ужъ онъ не пѣлъ, не веселился, не радовался ничему; ничто особенно его не огорчаетъ и не волнуетъ. Философски,—

Digitized by Google

можно даже сказать: теоретически—относится онъ ко всему, что прежде выводило его изъ себя.

— Да... Все тотъ же я, какимъ былъ прежде, но совсѣмъ какъ будто не тотъ. Со всякимъ происходитъ та же метаморфоза, а мнѣ моя почему-то кажется странной, или по меньшей мѣрѣ преждевременной,—думаетъ Перекатовъ, держа передъ лицомъ свою руку, такую же бѣлую, какой она была въ молодости, красивую руку съ большимъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ. Скучно ему. Скука—тоже несомнѣнный признакъ старости; потомъ наступитъ апатія, ожирѣніе сердца, обрюзглость...—Да... Жизнь есть постоянное умираніе,—произноситъ онъ вслухъ.

Въ тишинѣ слышны ему женскіе крики на черной лѣстницѣ, потомъ торопливые шаги въ столовой, въ передней, у его двери кто-то остановился, стукнулъ разъ и другой, не дождался позволенія и вошелъ къ нему. Это—кухарка „за повара".

— Что вамъ нужно, Анфиса?

Анфиса въ волненіи. Уголокъ ея передника откололся отъ лифа, висѣлъ и качался на груди, лицо и шея въ поту, а чепецъ сидитъ немного бокомъ, готовый соскочить съ ея лоснящихся отъ помады волосъ. И говоритъ она съ частымъ дыханіемъ отрывистыя фразы.

— Какъ вамъ угодно, баринъ... чтобъ это въ послѣдній разъ... никакъ нельзя такъ оставить. Барыня стали со мной холодно обращаться... а чѣмъ же я виновата?..

— Что такое? Нельзя ли безъ предисловій?

Недовольный ея появленіемъ, Перекатовъ неохотно поднялся и садится на стулъ; все-таки она женщина, и неловко лежать передъ ней,—но строгость будетъ умѣстна, и онъ хмуритъ лицо. Она поправила на себѣ передникъ и чепчикъ, заговорила толковѣе.

— Никакой возможности нѣтъ. Намедни украли за дверью картофель. На минутку постановила на полъ корзину, чтобъ дверь отворить, внесла провизію, всего сразу не ухватить, вернулась за корзиной, а ея нѣтъ... Потомъ гляжу: пустая корзина на томъ же самомъ мѣстѣ стоитъ. У кухарки-напротивъ унесли банку съ огурцами, и опять на мѣсто пустую банку поставили. Фокусы какіе!.. А сейчасъ вотъ кухарка-напротивъ ходила на чердакъ и сама видѣла, какъ утащилъ мальчишка поганое ведро совсѣмъ съ помоями, словно вотъ тебѣ на смѣхъ! Наше ведро. Куда жъ я буду соръ бросать? Въ раковину нельзя!

Перекатовъ брезгливъ, и носъ его сморщился при этихъ подробностяхъ.

Digitized by Google

— Ну? Кончите вы когда-нибудь?—спросилъ онъ.

— Изъ семьдесятъ-восьмого номера мальчишка съ чердачнаго этажа.

— Не выставляйте ничего на лѣстницу,—посовѣтовалъ Перекатовъ, гладя свой выбритый подбородокъ,—и оставьте меня, я занятъ.

— Какъ же мнѣ не выставлять?.. Пахнетъ. Сами же приказываете смотрѣть за воздухомъ.

— Идите, не безпокойте меня!—строго сказалъ Перекатовъ.

Опять онъ одинъ.

Противъ желанія и воли, мысль о поганомъ ведрѣ засѣла въ его голову.

Строго говоря, онъ въ интересахъ собственности не долженъ бы оставлять безъ вниманія этотъ случай, хотя, съ другой стороны, мелочно, гадко вмѣшательство въ кухонныя дрязги. Вотъ развѣ тещѣ предоставить разбирательство дѣла о похищеніи помой,—это ей какъ разъ по характеру. Поѣдетъ онъ ее поздравить, пригласитъ къ себѣ завтра обѣдать, и пусть исполнитъ свою функцію. Сдѣлавъ такое рѣшеніе, Перекатовъ дымитъ ароматной сигарой, не двигаясь съ мѣста. Воображеніе его настраивалось довольно мрачно. Онъ вспоминалъ, въ какихъ выраженіяхъ онъ обвинилъ на дняхъ рецидивиста, и мысленно слѣдилъ за его участью въ тюрьмѣ, гдѣ чувствуетъ себя этотъ каналья—какъ рыба себя чувствуетъ въ водѣ.

Перекатовъ—большой сторонникъ смертной казни. Тюрьмы, поглощающія значительную часть государственныхъ доходовъ—огромное зло. Не слѣдуетъ переполнять ихъ рецидивистами, а слѣдуетъ, по его мнѣнію, навсегда избавлять отъ нихъ общество, отчего много выиграетъ родъ человѣческій во всѣхъ отношеніяхъ. Никому онъ не высказывается по этому вопросу, но кое-что написалъ еще въ молодости, и пусть когда-нибудь при другихъ условіяхъ, когда вопросъ назрѣетъ, его внучата или правнуки воспользуются его мыслями.

Кабинетъ не затворенъ, и слышно, какъ, стуча тарелками въ столовой, Анфиса съ кѣмъ-то говоритъ:

— Только бы увидать у нихъ ведро и заявить, а одной мнѣ пойти—какъ же можно? Баринъ велѣлъ вамъ со мной идти,—солгала она.

Дворникъ изъ кухни ей отвѣчаетъ:

— Что жъ, я—пожалуй. Только вѣдь запрятано; глядишь, ведро, а обыска дѣлать нельзя. Правъ такихъ нѣтъ, чтобъ обыски

Digitized by Google

дѣлать, за это въ отвѣтѣ останешься. Плюньте, Анфиса Максимовна! не стоитъ возни, пусть ихъ подавятся.

На такое разсужденіе прокуроръ про себя негодуетъ, но хладнокровно, теоретически негодуетъ.

— Никакого понятія о культѣ собственности не только въ низшихъ классахъ, но и вообще...—Будь онъ помоложе, самъ бы пошелъ сейчасъ, ради принципа, уличилъ бы виновныхъ и, можетъ быть, пролилъ бы свѣтъ на рядъ задуманныхъ и скомбинированныхъ преступленій, показалъ бы свои способности. Быть можетъ, удалось бы ему напасть на заговоръ, какъ нѣкогда Меншикову... Нѣтъ... Даже любопытства онъ не испытываетъ, даже отъ скуки лѣнь ему пойти поглядѣть, что за люди обитаютъ чердачный этажъ, на что имъ помои, и всѣ эти фокусы,—какъ сказала Анфиса. Тутъ не совсѣмъ заурядныя кражи: пустую корзину, пустую банку вернули,—вотъ, молъ, вамъ: получите обратно! Тутъ, очевидно, глумленіе, насмѣшка, молодечество... Можетъ быть, тутъ гнѣздо озлобленныхъ интеллигентовъ, враговъ правительства и государственнаго строя, да!.. Еслибъ попристальнѣе разсмотрѣть, пожалуй и вышло бы что-нибудь... Открытіе тайной типографіи... Кипы подпольныхъ брошюръ... динамитъ... Предотвращеніе ужаснаго злодѣйства!.. Карьера... Блестящая карьера!.. Первое лицо въ администраціи...

Духъ занимается у прокурора. Фантазія мгновенно освѣтила его будущее, сокрытое въ зародышѣ на чердакѣ, и вотъ онъ уже поднимается наверхъ по черной лѣстницѣ, шагаетъ черезъ двѣ ступеньки, не чувствуя никакой тяжести въ ногахъ.

Дѣлая таинственный знакъ глазами сопровождающей его Анфисѣ, онъ приложилъ къ губамъ палецъ съ большимъ перстнемъ, прокрался въ темный корридоръ, машетъ рукой, чтобъ Анфиса не топала, и подслушиваетъ у низенькой двери семьдесятъ-восьмого номера. Осторожно потянулъ онъ за скобу, пріоткрылъ дверь и смотритъ однимъ глазомъ въ отверстіе.

Сначала трудно что-нибудь разобрать въ полутемномъ чуланѣ съ косымъ оконцемъ подъ крышей. Но вотъ улика на лицо: ведро съ помоями, и надъ нимъ копошится живое маленькое существо. Это—ребенокъ, дѣвочка съ длинными волосами, въ рубашкѣ. Она плескается ручонкой въ ведрѣ и радостно вскрикиваетъ:

— Еще луковку нашла, совсѣмъ цѣленькую!

— Положи на рѣшето, я сполосну ее,—отвѣчаетъ женщина у стола.

Digitized by Google

Что она тамъ дѣлаетъ у стола подъ оконцемъ съ мальчикомъ лѣтъ двѣнадцати? Чѣмъ они оба такъ заняты, что не видятъ вошедшихъ къ нимъ посторонникъ людей?

Прокуроръ, вытянувъ шею, приближается къ столу, щурится, разглядываетъ ихъ.

Съ кочерыжкой въ рукѣ, мальчикъ припадалъ всей головой къ столу, придерживая на немъ голую кость, и глодалъ, скоблилъ ее зубами. Кость трещала въ его зубахъ. Между тѣмъ, женщина... Нѣтъ, этого быть не можетъ... Неужели она ѣстъ мокрую картофельную шелуху?.. Какъ жадно ѣстъ!

Открывъ ротъ и шевеля ноздрями, блѣдный, стоитъ, за ея согнутой спиной, прокуроръ Перекатовъ; нижняя челюсть его судорожно скосилась вмѣстѣ съ трясущимися баками; онъ хочетъ что-то сказать, но стиснуто горло.

Анфиса плюнула и прикрыла передникомъ лицо. Ее тошнило.

Застигнутые за трапезой, люди вскакиваютъ изъ-за стола. Въ смущеніи, зарываетъ мальчикъ свою кость въ кучку смокшихся хлѣбныхъ корокъ подъ рыбьи жабры и желтые листья салата, сверху кладетъ кочерыжку, и все накрываетъ тарелкой. Онъ загородилъ столъ спиной и оглядывается назадъ.

Лицо женщины, истощенное и синевато-блѣдное, но съ папильотками на лбу, мелькнуло на мгновеніе, испуганное и пристыженное подъ взглядами неожиданныхъ посѣтителей; какъ лунный бликъ, оно мелькнуло въ сѣрой полутьмѣ и спряталось. Лбомъ къ стѣнѣ прислонилась уничтоженная женщина, она говоритъ едва слышно. Она извиняется. Она дѣлаетъ сыну упрекъ.

— Витя, надо было сейчасъ же ведро возвратить...

Дѣвочка теребитъ за платье Анфису:

— Тётя, дай хлѣбца!

Худенькая ручка ея до локтя, весь передъ рубашонки и носъ выпачканы помоями, и она кусаетъ бѣлыми зубками грязную луковицу.

Прокуроръ все это видитъ и слышитъ въ ѣдкомъ запахѣ поганаго ведра, какъ въ тяжкомъ бреду. Онъ комкаетъ въ рукѣ ассигнацію, кладетъ ее на столъ, и молча спѣшитъ уйти съ чердака.

Крѣпко прижалъ онъ ладони къ глазамъ, остановясь посреди своего кабинета, плечи его медленно поднялись и опустились. И съ облегченной грудью онъ вытеръ мокрыя отъ слезъ ладони и лицо надушеннымъ платкомъ.

Digitized by Google

Прошло минутъ десять. Перекатовъ сидѣлъ на оттоманкѣ, погруженный въ себя; полуденное солнце освѣтило бронзовую чернильницу, скользнуло по газетѣ на столѣ, потянулось длинной полосой по ковру. Разносчикъ кричалъ подъ окномъ: — Рыба живая!—Перекатову представились жабры, облѣпленныя чешуей, подъ косымъ оконцемъ, папильотки на морщинистомъ лбу, длинноволосая дѣвочка, угрюмый мальчикъ... Непремѣнно онъ доставитъ бѣднымъ людямъ покровительство своей жены.

Съ улыбкой онъ принялъ удобную позу, чувствуя себя какъ нельзя лучше; мысли медленно шевелятся въ головѣ, глаза закрываются. Пріятно иногда побыть одному, помечтать, подремать безъ стѣсненія...

За завтракомъ онъ тихо, размягченнымъ голосомъ, попросилъ кухарку отнести туда остатки отъ стола и вообще взять подъ свое покровительство бѣдныхъ дѣтей. Онъ нерѣшительно спрашиваетъ:

— Кто она... эта женщина?

— Учитель—мужъ-то у ней. Поѣхалъ въ провинцію на мѣсто поступать, да вотъ ужъ второй мѣсяцъ какъ нѣтъ его. Знать, не поступилъ, а пріѣхать-то не на что,—печально проговорила Анфиса. Она тоже поплакала.

Перекатовъ вздохнулъ, но ему весело. Глиссадомъ прошелся онъ по залѣ, ощущая легкость движеній, открылъ рояль и сталъ припоминать аккомпаниментъ къ партіи Валентина: „Богъ всесильный“... Еще студентомъ онъ это отлично пѣлъ. Онъ пробуетъ голосъ и увлекается. „Не за себя прошу“!—съ особеннымъ чувствомъ, съ ласковой силой, съ сладкой и нѣжной тоской выводилъ его густой баритонъ, и разливался по квартирѣ, за ея окнами, доносился до чердака. Наплывъ хорошихъ чувствъ вылился въ пѣніи,—и возбужденіе прошло.

Закрывая рояль, Перекатовъ подумалъ о перепроизводствѣ интеллигенціи, и лицо его, серьезное, солидное, застыло какъ въ судѣ.—Совсѣмъ не то надо дѣлать,—говорилъ онъ себѣ,—не такъ и не то... Но что же?.. Указать на этихъ несчастныхъ благотворительному обществу, членомъ котораго онъ состоитъ, и сдѣлать еще членскій взносъ за жену... Ему все еще видится чердачное помѣщеніе съ застигнутыми врасплохъ обитателями, легкая судорога пробѣгаетъ по его лицу, онъ морщитъ носъ, сдвигаетъ въ сторону баки. Сѣлъ онъ, пожимаясь, къ окну, но тотчасъ всталъ и пошелъ въ гостиную. Тамъ, въ темномъ уголкѣ, на диванѣ, онъ мысленно дѣлаетъ себѣ выговоръ:

— Отличился!.. Бросилъ пять рублей въ бездонную пропасть

Digitized by Google

горя и нужды, и сейчасъ возрадовалась, взыграла мелкая душонка... „Мѣщанинъ“! подалъ нищему копѣечку, и погладилъ себя по головкѣ... и давай пѣсни пѣть... Пошлякъ! Узкій, ничтожный пошлякъ!—бранилъ онъ себя, и не могъ спокойно сидѣть.

Недовольство, доходящее до недомоганія, захватывало его все сильнѣе; онъ взялъ обѣими руками голову и ходилъ, не находя себѣ мѣста, кругомъ по всѣмъ комнатамъ.—Что это за безпорядокъ вездѣ? Какъ смѣютъ оставлять до сихъ поръ въ такомъ видѣ квартиру?.. О, люди, люди! Чего ждать отъ неразвитой массы, ужъ если мы... я... тупица, пошлякъ!

Презрѣніе, относящееся къ самому себѣ, къ намъ и къ неразвитой массѣ, еще усилилось при входѣ въ кабинетъ, гдѣ онъ сѣлъ, наконецъ, и, положивъ локти на столъ, закрылся руками. —Каково, прослезился!—шепнулъ онъ въ ладони, и свой собственный шопотъ принялъ какъ посторонній насмѣшливый шопотъ; уши его начинали горѣть, вспыхнули подъ ладонями щеки.

Стыдъ его такъ великъ, что онъ чувствуетъ подъ поясомъ колючія горячія мурашки, тогда какъ холодная испарина проступила на спинѣ, и съ нею досада примѣшалась къ волненію. —Всю эту грязь съ папильотками—слезами міра не смыть, не избыть, и отравлять себѣ существованіе безъ пользы для другихъ—глупо!—сказалъ онъ себѣ, позвонилъ, и повернулъ сердитое лицо къ вошедшей кухаркѣ.

— Если вы еще разъ меня потревожите своей жалобой,—отчеканилъ онъ каждое слово,—вы получите разсчетъ. И чтобъ до барыни не дошла исторія съ ведромъ. Ни словомъ не безпокоить ее... Что значитъ, что я вижу васъ? Гдѣ же горничная, и почему не убраны комнаты?... Ахъ, да... Идите въ свою кухню.

Самому себѣ онъ уже хладнокровно прочелъ наставленіе: не пошлѣть, не мельчать, не дѣлать глупостей—вотъ лучшее средство противъ старости,—и въ особенности не плакать... Кому, какъ не себѣ одному, легче отъ слезъ? Но за минутное облегченіе онѣ портятъ лицо...

Съ озабоченной миной онъ встаетъ и смотрится въ зеркало...

II.

На травѣ.

Мнѣ было грустно оттого, что хороша природа, а люди мелочны, злы и корыстны,—и я ушелъ далеко отъ людей.

Долго я шелъ, куда глаза глядятъ, вдали отъ жилыхъ мѣстъ,

Digitized by Google

по зеленой равнинѣ; я слился съ окружавшей меня луговой степью; всѣ мои мысли и впечатлѣнія замолкли во власти могучей земли. Одинокій и затерянный на ея поверхности, ея ничтожная частица, я чувствовалъ себя, исчезнувъ въ безконечномъ зеленомъ пространствѣ, такимъ безсильнымъ, безпомощнымъ, жалкимъ. Вѣтеръ могъ меня сдунуть съ ногъ—до такой степени я усталъ; но вѣтеръ меня щадилъ, слабо колебля головки травъ, озаренныхъ сіяніемъ солнца, которое опускалось все ниже, все ближе къ травѣ. Только одно оно, багряное, ясное солнце, да моя печальная фигура—обнаруживали движеніе среди благоухающей пустыни. И захотѣлось мнѣ видѣть людей—мелочныхъ, злыхъ и корыстныхъ, такихъ же людей, какъ и я. Нѣтъ! нельзя долго прожить безъ ихъ общества, и всѣ эти пустынники-аскеты мнѣ кажутся чѣмъ-то противоестественнымъ, отрицательнымъ... Нѣтъ, „не хорошо быть человѣку одному“...

Только-что я это подумалъ, какъ показалась надъ травой темная точка; она росла, вытягивалась въ лучахъ заходящаго солнца, приближалась ко мнѣ. Шелъ человѣкъ, и я радъ былъ ему. Я поджидалъ его, усѣвшись на склонѣ небольшого холма.

Мѣстность была мнѣ мало извѣстна, такъ какъ я съ дѣтства тутъ не былъ, и надо было разспросить дорогу въ ближнюю деревню, гдѣ приходилось ночевать. Съ нетерпѣніемъ я ждалъ человѣка. Вотъ уже онъ недалеко, повернулъ въ мою сторону, ускоряетъ шаги. На немъ черный сюртукъ, нельзя сказать чтобы старый, но смятый и сѣрый отъ пыли,—черный жилетъ съ глубокой выемкой и поджилетникомъ и бѣлый галстухъ. Костюмъ городской, совсѣмъ не по сезону,—рѣдкость на этомъ фонѣ. Шляпу-цилиндръ онъ поднялъ надъ головой шаговъ за двадцать отъ меня, кланяясь, и хотя видѣлъ меня въ первый разъ, заговорилъ со мной какъ съ близкимъ знакомымъ.

— Мое почтеніе!.. Мечтаете въ тиши уединенія, т-а-акъ!.. Недурно посидѣть на травкѣ на муравкѣ, не правда ли? Вѣдь недурно?... Меня зовутъ: Валентинъ Викторовичъ Лихаимовъ. Древняя фамилія. Сынъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, потомственный дворянинъ—Лихаимовъ, Валентинъ.

На рукѣ у него плэдъ, въ другой хлыстикъ изъ вербы, и онъ хлещетъ имъ во всѣ стороны, говоря и отсѣкая съ каждымъ слогомъ по травяной головкѣ.

— Ва-лен-тинъ. Звучное имя?.. Да? Вѣдь очень звучное? Ахъ, какое чудное солнце!—воскликнулъ онъ, повернувшись спиной ко мнѣ, и я увидѣлъ на его спинѣ клеенчатый мѣшокъ, въ родѣ

Digitized by Google

ранца.—Чуд-но-е, див-но-е!—обсѣкаетъ онъ траву, вертясь.—Вѣдь чудное? Посмотрите. Не правда ли?

Въ пять минутъ уже онъ успѣлъ мнѣ надоѣсть назойливымъ вымогательствомъ отвѣтовъ на нелѣпые вопросы; но все равно, я былъ доволенъ, что не одинъ теперь, и слушалъ его и кивалъ ему головой утвердительно. А онъ все говорилъ.

— Не вернусь я больше къ теткѣ! Представьте: прогнала меня. Вы ее знаете? Остервенѣлову? Это я ее такъ прозвалъ; вѣдь хорошо? Скажите, вѣдь остроумно? Да? Ос-тро-у-мно... Мерзавцы мужики! Ни одинъ не взялся меня довезти, и вотъ посредствомъ пѣшаго хожденія предпринялъ я путь въ Дубки къ мадамъ Zakorouzloff. Она всегда меня прикармливала...—онъ сдѣлалъ масляные глаза, сощурился и вытянулъ губы.—Лю-юбитъ мужчинъ,— прошепталъ онъ, и весь безстыдно осклабился, показавъ вмѣстѣ съ деснами оба ряда необыкновенно крупныхъ бѣлыхъ зубовъ,—нечеловѣческихъ зубовъ.

Ротъ у него очень великъ, носъ маленькій, вздернутый, съ круглыми ноздрями, и кончикъ его чуть замѣтно кривитъ налѣво; одинъ изъ его выпуклыхъ глазъ безъ всякаго выраженія чуть замѣтно шире другого, и очень большія ушныя раковины, съ развернутыми верхними краями, какъ у обезьянъ, отстаютъ отъ головы. Со всѣмъ тѣмъ, его оживленная физіономія, дышащая довольствомъ и здоровьемъ, обаяніемъ молодой, жизнерадостной, дикой силой,—можетъ назваться почти красивой.

— Позвольте узнать, — началъ я, когда онъ на секунду умолкъ:—въ какую сторону отсюда ближайшая деревня?...

— А! Вы идете въ Крутыши! Хотите, вмѣстѣ отправимся? Мнѣ все равно, куда идти. Къ Закорузловой можно и завтра отправиться... Это я ей далъ такое прозвище,—не правда ли, мѣтко? Скажите: вѣдь очень мѣтко?... Что жъ вы не отвѣчаете?

— Я не знаю, о комъ вы говорите. По этой дорогѣ Крутыши, или туда?

— Кру-ты-ши? Я васъ доведу, пойдемте. Тамъ живетъ одинъ негодяй, льномъ торгуетъ; онъ дастъ намъ чаю, водки и закуски.

Но мнѣ уже захотѣлось отъ него избавиться, и я рѣшилъ ничего съ нимъ не говорить, только чтобъ онъ ушелъ поскорѣй.

— Не пойти ли лучше въ Зеленое? — предлагаетъ онъ: — тамъ есть трактиръ и хоръ дѣвокъ; пойдемте. Слушайте, идемъ въ Зеленое, да ну, пойдемте же. Да?

Теряя терпѣніе, невольно я всталъ, прошелся, какъ бы гуляя, и повернувъ на дорогу, откуда онъ пришелъ, замыслилъ

Digitized by Google

отъ него бѣжать. Но тотчасъ онъ догналъ и взялъ меня подъ руку.

— Такъ идемъ, стало-быть, въ Остервенѣловскія палестины?

— Не знаю. Во всякомъ случаѣ, намъ не по дорогѣ.

— Мнѣ все равно. Вамъ дадутъ тамъ лошадь, а вы меня подвезете.

— Не могу я съ вами идти, я усталъ, мнѣ надо отдохнуть... Можетъ быть, я здѣсь ночь проведу.

Съ порывистымъ прыжкомъ онъ завизжалъ отъ удовольствія, и сбросилъ со спины мѣшокъ.

— И-и, отлично! Вѣдь это чудо что̀ такое! Прелесть! Въ самомъ дѣлѣ, давайте здѣсь ночуемъ. Безподобно! Без-по-до-бно! —повторилъ онъ разъ десять, садясь на разостланный плэдъ у холма.—Вѣдь это прелесть! Да? Вѣдь прелесть что̀ такое?

Его глухой и вмѣстѣ съ тѣмъ металлически-скрипучій гортанный голосъ невыносимо рѣжетъ слухъ въ благодатной тишинѣ догорающаго вечера. Послѣ нѣсколькихъ попытокъ вывѣдать у него дорогу въ Крутыши, видя, что ничего не добьюсь и никакъ отъ него не отдѣлаюсь, усѣлся я опять на склонъ холма, и волей-неволей глядѣлъ на него.

Безсмысленно уставясь на меня глазами, онъ повторялъ: —Такъ, такъ, такъ, та-акъ! Вотъ какъ. Мы тутъ ночуемъ. Да? Ночуемъ? Послушайте, вѣдь да?

Когда онъ, устроивъ изъ своего мѣшка изголовье, снялъ цилиндръ, моимъ глазамъ предсталъ съуженный кверху черепъ, покрытый короткими, стоячими какъ щетина рыжими волосами, начавшими свою растительность недалеко отъ бровей.

Видалъ я сыновей знатнаго рода, съ наслѣдственными большими аппетитами, но безъ большихъ наслѣдственныхъ средствъ къ ихъ удовлетворенію, и безошибочно причислилъ его къ этому типу.

— Такъ, та-акъ!—повторяетъ онъ.—Залягу спать въ парадномъ туалетѣ, больше нечего мнѣ надѣть, все спустилъ. Люблю, чортъ возьми, въ карты играть, выпить, поѣсть и того... Гдѣ бы мнѣ денегъ достать цѣлую бездну?.. Льстилъ я теткѣ всю недѣлю, и хоть бы что̀... Подлая, по-одлая тетка. Вѣдь подлая?

Между тѣмъ, солнце скрылось, воздухъ сразу посвѣжѣлъ, сгустился, и мокрая отъ росы трава не представляла никакихъ удобствъ для ночлега. Край горизонта еще горѣлъ пунцовымъ блескомъ, но въ необъятно глубокомъ, темнѣющемъ небѣ начинали свѣтлѣть, золотиться бѣлыя звѣздочки, померкла трава.

Товарищъ моего уединенія съ головой обвернулъ себя плэ-

Digitized by Google

домъ, съёжился весь, сидя съ поджатыми ногами на мѣшкѣ, и куритъ сигару. Молчать онъ не могъ.

— Смотрите, птица какая-то летитъ, смотрите, смотрите! Жаль, что ружья съ нами нѣтъ. Вѣдь жаль? Да? Ну, скажите, вѣдь жаль?

Напрасно я отмалчивался, сдѣлавъ суровую мину,—это не дѣйствуетъ на него. Одно мнѣ оставалось утѣшеніе—предательски уйти, какъ только онъ заснетъ. Но, лежа на спинѣ, онъ дрыгалъ ногами, твердя какое-нибудь слово:—Такъ!... Остер-ве-нѣлиха. Ужинаетъ она теперь, пельмени ѣстъ и жареную баранину,—говоритъ онъ съ вожделѣніемъ, подкативъ зрачки подъ лобъ и щелкнувъ зубами, совсѣмъ какъ животное.—Нѣтъ ли у васъ чего-нибудь съ собой? Булокъ? Лепешекъ? Скажи-ите!

— Ничего у меня нѣтъ.

— Жаль. А деньги есть?

— Немного.

— А сколько?

Я промолчалъ. Вдругъ онъ завозился, поднялся, захлопалъ ладонями, затопалъ ногами.

— Б-р-р-р... холодно! Выпить бы рому теперь. Чудный ромъ Закорузлиха привезла изъ Москвы. Теперь ужъ я былъ бы у ней, еслибъ не вы.

— Я васъ не удерживалъ.

— Изъ-за васъ я тутъ рискую простудиться. Идемъ въ Крутыши.

Но я не шевельнулся.

— Надо хоть костеръ развести; помогите мнѣ, что же вы?... Не нужно, сидите, я самъ. Лихаимовы нигдѣ не пропадутъ.

Собирая сухой ковыль, ломая вербы, бурьянъ, онъ съ порывистымъ проворствомъ прыгалъ, ползалъ на четверенькахъ, кривлялся, даже кувыркался, чтобы согрѣться.

— Вотъ я и исцарапалъ свои маленькія, аристократическія ручки. Смотрите, какія у меня ручки. Видите? Я—Лихаимовъ. Моя фамилія записана въ шестой книгѣ... У меня романическое имя—Валентинъ; я молодъ, очень недуренъ собой, вѣдь да? И смѣлость, натискъ, рѣшительность съ женщинами—лю-юбитъ это бабье! И вотъ какъ видите: исключенный изъ третьяго класса реальнаго, я всегда сытъ и отлично одѣтъ, нигдѣ не служа, и прихоти мои исполняются. Только ничего постояннаго не имѣю: спускаю и пріобрѣтаю. Пріобрѣтаю и опять спускаю.

Коренастый, сильный и вертлявый, онъ направилъ мое воображеніе въ тѣ отдаленнѣйшія времена, когда въ теченіе со-

Digitized by Google

тенъ тысячъ, милліоновъ вѣковъ,—если вѣрить ученымъ,—нашъ праотецъ, орангъ-утангъ, перерождался постепенно въ человѣка. Представлялось мнѣ двуногое, но незаконченное существо того періода, когда, уже освободясь отъ шерсти, начинало оно произносить членораздѣльные звуки, рѣчи,—безсмысленно болтливое, прожорливое, безпокойное существо. Въ переходной стадіи неполнаго человѣка,—такъ думалъ я,—находится и этотъ Лихаимовъ, обратно вырождаясь въ животное изъ человѣка. Потомки его еще ближе подойдутъ къ породѣ обезьянъ, черезъ тысячи вѣковъ плодясь въ безпредѣльномъ количествѣ и вырождаясь сначала въ человѣческой оболочкѣ, но уже лишенные способности мыслить, работать, созидать, они будутъ главенствовать на землѣ своимъ подавляющимъ большинствомъ, потомъ вся земля будетъ ими населена. Если изрѣдка между ними и явится вполнѣ человѣкъ, они будутъ гнать его, жечь, распинать... Исчезнетъ вѣра въ Любовь и Истину, исчезнутъ слѣды цивилизаціи, а они будутъ обростать шерстью и станутъ другъ друга пожирать... Вотъ о чемъ думалъ я, глядя на этого вертляваго говоруна, безъ тѣни понятія о чести, совѣсти, правдѣ и благородствѣ.

Согрѣвъ себя движеніемъ, Лихаимовъ снялъ съ себя сюртукъ и жилетку, зажегъ костеръ и сталъ выплясывать передъ нимъ пируэты, потирая руки и визжа. Огромными ступнями ногъ, въ ботинкахъ со шнуровкой, онъ безбоязненно подталкиваетъ въ самый огонь дымящійся бурьянъ.

— Сойдите сюда!—зоветъ онъ меня.—Смотрите, какъ тутъ свѣтло, можно и въ картишки перекинуться. Идетъ? По маленькой... Слушайте, давайте играть, у меня есть съ собой двѣ колоды. Ну же, давайте, идите сюда.

Я сказалъ, что въ карты играть не умѣю.

— Жаль. Ну, знаете что: давайте бороться. Если вы побѣдите, я вамъ отдамъ мѣшокъ съ перемѣной бѣлья, а если я, то отдайте мнѣ деньги. Сколько у васъ? Скажите же. Отчего вы не говорите? Начнемте бороться. Да начнемте же, ну, приготовьтесь.

И онъ пошелъ на меня съ поднятыми кулаками. Я испугался. Гдѣ мнѣ, усталому и голодному, справиться съ такимъ здоровякомъ!

— Прочь!—крикнулъ я такъ внушительно, что на мгновеніе опустились его кулаки; но онъ все-таки подходитъ ко мнѣ.

— Не подходите! Терпѣть не могу такихъ шутокъ!

— Да я не шучу. Не все ли равно: выиграть въ карты, или

Digitized by Google

на кулакахъ. Отбросьте пустой предразсудокъ, боритесь! Ну, защищайтесь...

Я вскочилъ, и откуда у меня сила взялась: толчкомъ ноги я его сбросилъ къ подножію холма, онъ упалъ на спину, застоналъ и захныкалъ.

— Очень я васъ ушибъ?—нагнувшись, спрашиваю я его съ участіемъ, хочу его поднять. Вдругъ онъ самъ поднялся, захвативъ въ горсть карманъ моей жилетки, и замахнулся на меня другой рукой.

— Часы отдайте!—сказалъ онъ.—Сейчасъ я ихъ выиграю.

Тогда я ударилъ его въ грудь, и побѣжалъ отъ него по травѣ.

— Куда же вы? — кричитъ онъ, всхлипывая: — вѣдь мнѣ больно! Что вы въ самомъ дѣлѣ деретесь, шутокъ не понимаете. Я пошутилъ, не оставляйте меня одного. Я бо-юсь!

Обернувшись, я крикнулъ ему:

— Если вы за мной послѣдуете, я васъ убью!

То-и-дѣло я оглядывался, ожидая его погони, но онъ былъ и трусливъ какъ животное. Скорчившись сидѣлъ онъ у костра, озирался и всхлипывалъ.

— Вернитесь, вернитесь! Вы мнѣ очень понравились,—закричалъ онъ во все горло.—Вы симпатичный, чудный человѣкъ! Извините меня! Послушайте... я васъ полюбилъ!

Я путался въ высокой травѣ, оступался, падалъ въ овражки; я страшно былъ золъ. Все глуше доносился до меня его хриплый, скрипучій голосъ.

— Чудный, чудный, дивный человѣкъ!.. Мерзавецъ!

Измучился я, плутая въ темнотѣ, погруженный отъ страха въ жестокую, мрачную думу: истреблять, истреблять надо такихъ выродковъ, чтобы не размножались, истреблять ихъ безъ всякой пощады,—иначе они людей истребятъ.

Совсѣмъ сбитый съ ногъ, набрелъ я на возвышеніе изъ мягкихъ мшистыхъ кочекъ, хотѣлъ сѣсть—и отскочилъ. Чья-то голова поднялась мнѣ на встрѣчу. Еще человѣкъ! Рѣшительно правы были аскеты-пустынники; о, какъ я ихъ понималъ въ ту минуту!

— Ни-ча-во, добрый человѣкъ, не пужайся!—услышалъ я старческій голосъ:—это я, дядя Антипъ; слыхалъ небось обо мнѣ. Иду на богомолье, притомился, да и легъ тутотка. Ничаво, отдохни, ложись со мной рядышкомъ. Сѣмъ, я тебѣ армячокъ подстелю—и покрыться дамъ.

Довѣрчивымъ привѣтомъ потянуло меня на голосъ, и въ полномъ изнеможеніи я легъ и заснулъ, не зная, съ кѣмъ, подъ

Digitized by Google

одной овчиной. Мнѣ снилось, что живу я одинъ среди полуживотныхъ. Они мучатъ меня, жгутъ на кострѣ, дымъ ѣстъ мнѣ глаза, щиплетъ ноздри... Я чихнулъ и проснулся.

— Ничаво,—опять слышу я, и, высвободивъ голову изъ-подъ овчины, вижу, стелется прозрачный дымокъ пластами надъ травой, вижу старика въ лаптяхъ, въ полосатой синей рубахѣ, съ высокимъ грешневикомъ на головѣ, раздувающаго подъ большимъ желѣзнымъ чайникомъ огонь.

— Ничаво, небось выспался,—говоритъ онъ: — а я водицы скипятилъ, чайкомъ побалуимси. И ситничка тебѣ дамъ. Добраго здоровья. Да никакъ вы изъ караваевскихъ господъ?

— Почемъ ты меня знаешь?

— А какъ же, я—тамошній. Слыхалъ про васъ, что вы газеты и книжки писать умѣете. Меня дядей Антипомъ зовутъ. Неужто не знаете? Я тамъ лавку держалъ. Не самъ ее нажилъ, нечего грѣха таить—простъ я на это, сынъ мнѣ оставилъ лавочку, царство ему небесное,—снявъ грешневикъ, перекрестился старикъ.—У-умный былъ сынъ, покой его душу, взялъ деньги за женой, да и расторговался. Анъ смерть всѣхъ прибрала у меня: и сына, и невѣстку, и „мнучка“. Съ „мнучка“ и началось. Захватило горлышко у него, походили за нимъ да и слегли тоже горломъ. Сколько-то дѣнъ полежали, и представились Богу. Лавочка мнѣ и досталась. Поплакалъ это я... Накось еще сахарку.

Жадно пилъ я мутную горячую жидкость съ хлѣбомъ изъ просѣянной ржаной муки. Мой благодѣтель налилъ мнѣ вторую кружку, и съ улыбкой проситъ—кушать на здоровье. Болѣли ноги у меня отъ ходьбы, и кисть правой руки, какъ раздробленная, ныла во всѣхъ суставахъ. Я расшибъ кулакъ о деревянную грудь,—со злостью вспоминалъ я. Понемногу, однако, всматриваясь въ старика, въ его широкую и свѣтлую улыбку, на которую я не могъ не отвѣтить улыбкой, понемногу я успокоился. Сѣдая круглая бородка, усы, подстриженные кисточкой, крѣпкія загорѣлыя щеки, наивные, какъ у ребенка, открытые глаза, подъ черными бровями дугой, и посконная его рубаха, и самый грешневикъ,—все дѣйствуетъ на меня примирительно, и все какъ будто знакомо и мило мнѣ. Должно быть, въ дѣтствѣ я видалъ такихъ дядей, и по дѣтски любилъ ихъ тогда.

Кругомъ, въ нѣжно-розовыхъ лучахъ восходящаго солнца вздыхаетъ, млѣетъ и гудитъ трава живыми звуками; насѣкомыя рѣютъ, вьются птицы надъ каждымъ кустомъ, трескотня, писк, чириканье; пахнетъ цвѣтами и свѣжестью.

— Какъ это я твоей лавки не видалъ, дядя Антипъ?

Digitized by Google

— Закрылъ я ее.

— Отчего?

Онъ махнулъ рукой, и весь словно осѣлъ, понуренный, неподвижно надъ чайникомъ. Прошла минута въ молчаніи; онъ началъ завертывать въ тряпочку хлѣбъ, крошки стряхнулъ себѣ въ горсть и бросилъ въ кусть птичкамъ.

— Ты разорился, дядя?—спрашиваю я осторожно. Онъ не сразу отвѣтилъ.

— Помоги ты мнѣ, коль въ тебѣ человѣчья душа!—проговорилъ онъ вдругъ малодушно-жалобнымъ голосомъ: — напиши про меня въ книжку либо въ газету. Сними обиду съ меня!

— Что̀ такое случилось съ тобой?

— Дразнятъ меня. Дуракомъ прозываютъ. Господи, Мать Пресвятая Заступница! Отродясь не былъ дуракомъ, на старости лѣтъ наградили!—мигая рѣсницами, поглядѣлъ онъ на меня съ недоумѣніемъ, и сморкнулся въ руку. — Вотъ до чего дожилъ!—сказалъ онъ.

— Кто тебя обижаетъ?

— А вотъ видишь, я тебѣ все по порядку скажу, дай только котомочку уложить.

Свернувъ въ два тючка посуду съ одеждой, онъ сѣлъ противъ меня на кочку и принялся разсказывать, потирая колѣнки ладонями.

— Сталъ я за прилавокъ, и начали ко мнѣ приходить: „Дядя Антипъ,—пристаютъ,—отпусти осьминку на посѣвъ до Покрова; ссуди до вешняго Миколы полозьями". Тотъ—дай того, другой—другого, всѣмъ нужно, кому овсеца, крупицъ, деготьку. Сто̀итъ разъ дать—и пойдутъ. Не только свои, изъ чужихъ деревень понашли, просятъ, божатся, пристаютъ,—чуть не оглохъ. Разобрали, почитай, весь товаръ, а денегъ не несутъ. Были, что и чистоганомъ платили. Нѣчего Бога гнѣвить понапрасну. Приказчикъ купилъ рукавицы, попадья дрожжи брала, учитель табакъ и спички забиралъ,—все до копѣйки выплатили; въ вашу усадьбу тоже овесъ, керосинъ, соль поставлялъ на прислугъ,—отдали; ну, а прочіе всѣ... Богъ имъ судья! Не спорилась торговля. Больше я не сталъ закупать товару. Оставилъ мучки про себя, чайку, сахарку, заперъ лавку, пошелъ въ избу и легъ. Не хочу торговать. Они думаютъ—я дуракъ; нѣтъ, погоди...

Искоса поглядѣлъ онъ на меня съ простоватымъ лукавствомъ, и глаза его засвѣтились, явилось забавное выраженіе удержаннаго смѣха на лицѣ, и онъ понизилъ голосъ.

— Деньги-то, сколько осталось, я при себѣ въ холщевый

Digitized by Google

мѣшочекъ зашилъ,—никому не сказываю и не показываю. Сотъ до двухъ безъ малаго было... аль пятьдесятъ-восемь рублей... признаться сказать, считать я не мастеръ, грамотѣ не учился, только разнаго цвѣта бумажки были. Боялся потерять: не обронить бы грѣхомъ, не порвался бы гайтанъ,—все думалъ и щупалъ за пазухой. Они, знать, и смѣтили это. Ночью тоже плохо спалось: не снялъ бы съ шеи лихой человѣкъ деньги-то, не убилъ бы соннаго-то. Безъ покаянія помереть хуже всего. Съ мѣсяцъ такъ я помаялся и привыкать сталъ къ деньгамъ-то, словно не чую ихъ на себѣ. Такъ что-жъ бы ты думалъ?! вѣдь они у меня всѣ деньги повыманили. Сейчасъ провалиться, не лгу!

— Ты и отдалъ?

— Какъ же было не дать, вотъ послушай. Спервоначала Грызлиха принесла самоваръ, говоритъ:—„Будь отцомъ роднымъ, ссуди на малыхъ ребятъ пять цѣлковыхъ, вотъ тебѣ мой самоваръ порукой: отдамъ“.—Нѣтъ у меня денегъ, говорю, гоню ее. Она мнѣ въ ноги, реветъ. Крѣпился, крѣпился, а она—вдовая. Далъ ей. Потомъ Никифоръ шубу принесъ въ самые заморозки, стало быть, стукнула нужда, выпросилъ восемь рублей. Далъ и ему. Потомъ и пошло. Бабы нанесли юбокъ, дѣвки—уборовъ, парень—гармонію; набралась въ избѣ всячина, а денегъ самая малость осталась, и тѣ подъ конецъ разошлись.

— Эхъ, дядя, дядя!—сорвалось у меня невольно.

— Да я объ нихъ не очень тужу: заботушка съ деньгами-то! Можетъ, кто по малости и отдастъ мнѣ на хлѣбушко; чай, съ голоду помереть не дадутъ. Сижу, думаю. И приходитъ ко мнѣ, въ самый что ни на есть холодино, зимой, Никифоръ.—„Дай, говоритъ, ради Христа мою шубу надѣть только до города съѣздить. Пріѣду назадъ—отдамъ, коли денегъ не привезу. Дѣло, говоритъ, у меня обстоятельной важности“.

— Ну? И ты далъ ему шубу?

— Да какъ же ему безъ шубы въ морозъ-то было, ты самъ посуди.—Старикъ развелъ руками. Мнѣ захотѣлось его обнять, хотѣлось и смѣяться, но я удержался.

— Ни шубы, ни денегъ такъ и не отдалъ Никифоръ,—не судиться же съ нимъ! Грызлиха тоже пришла попросить самоваръ, чаю напиться съ пріѣзжей родней, и сперва назадъ принесла самоваръ, а вдругорядь взяла—и пропала. Иду мимо ейной избы, вижу въ окно: ребятишки грѣются вкругъ самовара. Ничаво, думаю, пусть погрѣются, не заводить же непріятность съ сиротами.

Digitized by Google

— Вотъ я ихъ пристыжу, и Грызлиху, и Никифора,—сказалъ я ему въ утѣшеніе.

— Да что съ ихъ взять-то! Нечего взять-то съ ихъ. Такимъ-то вотъ родомъ—ничего у меня не осталось, окромя узоровъ, да двухъ гармоній, и тѣ самъ роздалъ назадъ, мнѣ же лучше—безъ всякой заботушки... Только вотъ зачѣмъ же они дразнятъ меня...

Неподдѣльно горькое, безсильное чувство обиды опять зазвучало въ упавшемъ его голосѣ; видно, затронуто его самое слабое мѣсто. Съ поднятыми бровями посмотрѣлъ онъ на небо, пожевалъ усы и вздохнулъ.

— Проходу не даютъ. Завидятъ на улицѣ и со смѣху умираютъ:—„Дядя Антипъ, нѣтъ ли у тебя сотенной подъ старую подметку, а завтра безпремѣнно подметку отдай“... Нешто можно такъ надъ старикомъ трунить? Кричатъ тоже: — „блаженный, блаженный“!—А какой я блаженный? Грѣхъ меня такъ называть. И ребятишки сейчасъ обступятъ, чуть выду—посидѣть на заваленку,—дразнятся, пострѣлята:—„Старичокъ-дурачокъ“!—Ахъ, вы... Да, можетъ, я все настоящимъ манеромъ понималъ, еще когда ихъ отцы у своихъ матерей на колѣняхъ сидѣли, а они кажутъ мнѣ языкъ. Каково это мнѣ?

— Я поговорю, усовѣщу деревню, я имъ втолкую, дядя,—они перестанутъ.

— Ну ихъ! Они думаютъ, что я сглупу все роздалъ. Нѣтъ, не сглупу, тоже не зря: пьяницамъ я не давалъ да шалопутамъ. Я, можетъ быть, поумнѣй кого другого на деревнѣ-то буду, а далъ потому, что нельзя было не дать. Вотъ этого они сами-то не понимаютъ, да меня же въ дураки произвели. Совсѣмъ я не дуракъ.

— Нѣтъ, дядя, ты очень умный человѣкъ, — сказалъ я серьезно.

— То-то вотъ. Кто поученѣе, тотъ понимаетъ. И батюшка говоритъ: „тебѣ Богъ подастъ“. А они надо мной глотку деруть, хохочутъ; вѣрно тебѣ говорю, безъ животовъ остались, хохотамши! Стыдобушка показаться на улицѣ, особливо въ праздникъ, и сижу въ избѣ. До самаго сердца доходило,—таково мнѣ обидно. Ушелъ отъ нихъ къ чудотворцамъ угодникамъ Божіимъ, на богомолье—по крайности тамъ смѣяться надо мной не будутъ. Помолюсь—душѣ будетъ легче. Да вотъ хотѣлось бы, чтобъ узнали, оправдали меня:—не дуракъ, молъ, дядя Антипъ, это они дураки-то, хохочутъ; ученымъ-то людямъ виднѣе, молъ...

Потирая ладонями колѣни, онъ медленно всталъ и началъ

Digitized by Google

надѣвать армякъ и нагружать спину имуществомъ, думая и вздыхая.

— Въ путь-дорожку пора. Тебѣ въ Крутыши вотъ по этой по тропочкѣ; тамъ возьмешь у Савихи лошадь до Караваева, а мнѣ, стало быть, на востокъ противъ солнышка. Счастливо!

Не хотѣлось мнѣ разстаться съ нимъ, съ лазорево-алой степью и ея шолковой травой. Казалось мнѣ, что доброта, ея чарующая сила въ темно-розовомъ свѣтѣ, въ мягкомъ шелестѣ травъ, въ пискѣ и стрекотаньѣ, въ душистомъ вѣяніи воздуха, во всей торжествующей жизни утра—разливалась теплом, и свѣжестью, и лаской по землѣ. Мы обнялись.

— Съ Богомъ, со Христомъ!—говоритъ дядя.—Не забудь ты меня, добрый человѣкъ!

Я пожималъ его руку. Онъ снялъ грешневикъ и улыбался мнѣ просительно, съ надеждой и умиленіемъ.

— Ты напиши про меня въ твою книжку, сдѣлай такую милость, сними обиду съ меня! Оправдай: такъ, молъ, и такъ, онъ это не сглупу, а нельзя, молъ, иначе было. Ты ужъ тамъ знаешь, какъ написать.

— Непремѣнно, дядя, напишу.

А. Виницкая.

Digitized by Google

ЗАВѢЩАНІЕ
ОГЮСТА КОНТА

ОЧЕРКЪ

Недавно минуло сто лѣтъ со дня рожденія основателя новѣйшей позитивной философіи, родоначальника науки объ обществѣ—Огюста Конта. Лучшіе представители знанія устроили поминки великому мыслителю, и предъ многочисленною аудиторіею характеризовались въ блестящихъ рѣчахъ жизнь и творенія философа.

Казалось, что только въ философскихъ трудахъ и журналахъ можно черпать свѣдѣнія о личности и трудахъ Огюста Конта; трудно было бы предположить, что вся жизнь его и произведенія какъ бы запротоколированы въ судебныхъ анналахъ. Между тѣмъ, въ парижскомъ судебномъ архивѣ, подъ обычною обложкою, скрывается „dossier", въ которомъ о Контѣ можно узнать многое, быть-можетъ нѣчто и такое, что представится интереснымъ и новымъ даже для людей, знакомыхъ вообще съ жизнью основателя позитивизма.

Этотъ „dossier"—дѣло по спору противъ дѣйствительности духовнаго завѣщанія Огюста Конта. Постараемся, именно въ виду исполнившагося столѣтія со дня рожденія Ог. Конта, познакомить читателей съ этимъ дѣломъ, совершенно своеобразнымъ, какъ по своему предмету, такъ и по обстановкѣ его.

Оно разбиралось въ февралѣ 1870 г. въ парижскомъ гражданскомъ судѣ. Въ качествѣ истицы фигурировала вдова Конта; въ качествѣ отвѣтчиковъ—душеприказчики, назначенные самимъ Контомъ, съ Лаффитомъ во главѣ.

Digitized by Google

Политическія событія 1870 г. заслонили собою внутренніе, мирные интересы Франціи и Парижа передъ остальною Европою, и только этимъ надо объяснить то, что процессъ о завѣщаніи Огюста Конта, несмотря на свой не столько юридическій, сколько культурно-историческій интересъ, остался до послѣдняго времени незамѣченнымъ и неизвѣстнымъ въ подробностяхъ; даже въ самой Франціи стенографическій судебный отчетъ о немъ воспроизведенъ только недавно („Revue des grands procès", издаваемая адвокатомъ Lèbre, 1890, IV—V).

I.

Дѣло шло о признаніи завѣщательныхъ распоряженій Конта недѣйствительными; вдова Конта заинтересована была въ признаніи завѣщанія недѣйствительнымъ не изъ-за имущественныхъ выгодъ; самый предметъ процесса не представляетъ собой гражданскаго интереса, могущаго уложиться въ тѣсную рамку юридической формулы, очерченной статьей закона. Представители какъ истицы, такъ и отвѣтчиковъ, не скрывали ни отъ себя, ни отъ суда, эту особенность процесса, и если кѣмъ-либо изъ нихъ и призывалась на помощь та или другая статья „Code Civil", если пускался въ битву тотъ или другой юридическій снарядъ, обстрѣливались гражданско-правовыми формулами, то больше ради обстановки, по привычкѣ говорить предъ судомъ во всеоружіи юриспруденціи. Задача суда была—не присуждать или отсуждать, а одобрить или осудить; можно сказать, что въ этомъ дѣлѣ призвана была на судъ философская мысль основателя позитивной философіи, и судили вовсе не о его имущественномъ наслѣдіи; вещественными доказательствами были идеи Конта; осмотры относились не къ мѣстамъ и предметамъ, а къ философскимъ концепціямъ; въ качествѣ документовъ фигурировали философскіе трактаты. Съ полнымъ правомъ могъ представитель отвѣтчиковъ, извѣстный ораторъ, адв. Allou, начать свою рѣчь предъ судомъ съ указанія на то, что „настоящій процессъ особенно любопытенъ и чрезвычайно интересенъ: вопросы философскіе, религіозные, литературные смѣшиваются здѣсь съ вопросами юридическими—въ тѣсномъ смыслѣ; самый предметъ дебатовъ побуждаетъ къ тому, чтобы представить цѣлую массу соображеній, обыкновенно не подлежащихъ судебному разсмотрѣнію".

Почвою для процесса служили факты изъ жизни и дѣятельности Огюста Конта, какъ частнаго человѣка и мыслителя. Вотъ по-

Digitized by Google

чему необходимо прежде всего, для полнаго уясненія процесса, вкратцѣ изложить тѣ біографическія данныя, которыя имѣли значеніе въ дѣлѣ.

Контъ родился въ 1798 году, въ Монпелье, отъ родителей католиковъ. Съ ранняго дѣтства онъ обнаруживалъ большія способности, которыя, казалось, были развиты въ немъ на счетъ его физической организаціи, не отличавшейся особенной крѣпостью. Въ 1814 году, 16-ти лѣтъ отъ роду, Огюстъ Контъ отправился въ Парижъ, гдѣ и поступилъ въ политехническую школу; вслѣдствіе какихъ-то безпорядковъ въ школѣ, онъ въ первый же годъ своего пребыванія въ ней, въ 1816 году, долженъ былъ ее оставить; воротиться домой онъ не пожелалъ, а остался въ Парижѣ, гдѣ продолжалъ свои занятія по математикѣ и началъ работать надъ философіей. Жилъ онъ на средства, добываемыя частными уроками,—„il donna des leçons et il médita“,—какъ сказалъ о немъ адвокатъ Allou.

Начавъ съ увлеченія сенъ-симонизмомъ, Контъ вскорѣ вступилъ на самостоятельный философскій путь, и уже въ небольшихъ работахъ этого ранняго періода его развитія просвѣчивались основныя черты будущей позитивной философіи. Въ кругу спеціалистовъ его скоро отмѣтили, за нимъ скоро установилась репутація серьезнаго мыслителя. Въ 1825 году онъ познакомился съ тою особою, которая вскорѣ потомъ сдѣлалась его женой. Родители Конта были недовольны его намѣреніемъ жениться, но онъ настоялъ на своемъ, и въ томъ же 1825 году, 27 лѣтъ отъ роду, женился. Кто была его жена до брака—жена, являющаяся истицей въ дѣлѣ,—въ процессѣ осталось необнаруженнымъ, несмотря на то, что этотъ вопросъ имѣлъ немаловажное значеніе. Вотъ что̀ пишетъ Контъ одному своему другу въ письмѣ, которое читано было на судѣ: „Сообщу тебѣ пока безъ всякихъ подробностей, что женюсь на молодой парижанкѣ, чрезвычайно умной, милой и красивой; она вполнѣ подходитъ подъ мою организацію; капиталъ ея вполнѣ эквивалентенъ моему. Эта новость тебя, вѣроятно, поразитъ не мало; прошу тебя держать ее пока въ секретѣ, впредь до новаго сообщенія. Надѣюсь, что въ слѣдующемъ письмѣ я буду въ состояніи сообщить объ этомъ, какъ о совершившемся фактѣ, — фактѣ весьма важномъ, которому предстоитъ фиксировать мою жизнь, что̀ для меня столь необходимо“... Но уже чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своей свадьбы Контъ пишетъ тому же другу: „Еслибы ты зналъ, насколько для меня необходимо чувствовать, что гдѣ-то тамъ, хотя, къ несчастью, на разстояніи 200 миль отъ меня, есть кто-то, кому

Digitized by Google

я преданъ сердцемъ и душой, то ты бы не былъ такъ скупъ на письма. Въ тотъ прекрасный день, когда, надѣюсь, капризная судьба доставитъ намъ возможность непосредственно излить другъ предъ другомъ душу, ты все узнаешь. Моя жизнь—романъ, и притомъ романъ, который оказался бы весьма экстраординарнымъ, еслибы я вздумалъ напечатать его подъ вымышленнымъ именемъ. Тогда же и ты самъ почувствуешь, дорогой другъ, насколько мнѣ нужно письменное общеніе съ тобой. До тѣхъ поръ вѣрь мнѣ на слово. Ты несомнѣнно полагаешь, что я счастливъ; и въ нѣкоторомъ отношеніи,—особенно во всемъ, что̀ зависитъ отъ моей натуры и прошлаго, — я дѣйствительно счастливъ, но зато во всемъ прочемъ — моему злѣйшему врагу не пожелалъ бы я такого счастья. Все это, я понимаю, покажется тебѣ загадкой, но впослѣдствіи она для тебя разрѣшится. Если ты изъ сказаннаго мною предугадываешь что-либо, то пусть это останется сокрытымъ въ глубинѣ твоей души,—сокрытымъ даже для меня, пока случай не доставитъ намъ возможности объясниться".

Таковы извѣстія о первой порѣ семейной жизни Конта. Онъ продолжалъ заниматься преподаваніемъ математики и работой надъ философскими вопросами. Въ 1826 г., онъ открылъ частный курсъ философіи, но послѣ первыхъ же нѣсколькихъ чтеній онъ заболѣлъ и долженъ былъ быть помѣщенъ въ заведеніе для душевно-больныхъ д-ра Esquirol'я, извѣстнаго въ то время французскаго психіатра. Способъ леченія, по словамъ самого Конта, былъ таковъ, что отъ него не только нельзя было ожидать пользы, но, наоборотъ, можно было опасаться безповоротнаго помѣшательства паціента (un traitement de nature à me rendre complètement fou). Пришлось взять его изъ заведенія, и первымъ движеніемъ Конта было покушеніе на самоубійство,—его едва спасли, вытащивъ изъ воды. Благодаря тщательному домашнему уходу со стороны его жены и прибывшей изъ Монпелье матери, выздоровленіе Конта пошло такъ быстро, что уже въ 1827 году онъ могъ приступить къ продолженію прерваннаго курса философіи. О своей болѣзни Контъ говоритъ въ VI томѣ своей позитивной философіи: „Размахъ моей мысли, развернувшейся отчасти благодаря устному изложенію (cette opération orale), былъ несчастнымъ образомъ прерванъ, весной 1826 г., мозговымъ кризисомъ, явившимся результатомъ большихъ нравственныхъ страданій, въ совокупности съ чрезмѣрнымъ утомленіемъ отъ работы. И будь этотъ кризисъ предоставленъ своему естественному теченію, онъ скоро, безъ сомнѣнія, минулъ бы благополучно, и нормальное состояніе было бы скоро возста-

Digitized by Google

новлено, что вполнѣ подтвердилось впослѣдствіи. Но благодаря слишкомъ трусливой и необдуманной заботливости, — весьма, впрочемъ, естественной въ подобныхъ случаяхъ, — я былъ обреченъ на печальное вмѣшательство эмпирическаго врачеванія (désastreuse intervention d'une médication empirique) въ частномъ заведеніи знаменитаго Esquirol'я, гдѣ послѣдствіемъ безобразнѣйшаго способа леченія не замедлило проявиться весьма рѣзко выраженное острое помѣшательство. И только послѣ того, какъ медицина, къ счастью моему, признала мою болѣзнь неизлечимой, внутренняя сила моего организма, воспособствуемая самымъ нѣжнымъ домашнимъ уходомъ, одержала верхъ надъ болѣзнью въ теченіе самаго короткаго времени, побѣдивъ, между прочимъ, и лекарства. Побѣда моего организма, предоставленнаго самому себѣ, была настолько основательною, что, восемнадцать мѣсяцевъ спустя послѣ болѣзни, я могъ, говоря въ одномъ журналѣ о книгѣ Broussaie, „Sur l'irritation et la folie", утилизировать мой личный опытъ (les lumières personnelles) въ этой важной отрасли,—опытъ, который я пріобрѣлъ столь дорогою цѣной".

Въ періодѣ отъ 1830 до 1842 года Контъ занятъ своею „позитивной философіей", которую онъ публикуетъ томъ за томомъ. Источникомъ средствъ къ существованію было по прежнему преподаваніе математики и астрономіи въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ; но въ 1832 году онъ былъ назначенъ репетиторомъ, а вслѣдъ затѣмъ и экзаменаторомъ въ политехнической школѣ, что давало ему довольно независимое и обезпеченное положеніе. Но вотъ въ 1842 году положеніе Конта мѣняется къ худшему. Онъ не уживался съ профессорами политехнической школы (представителями такъ-называемой геометрической школы), и это обстоятельство послужило причиной того, что, несмотря на всѣ благопріятныя условія, несмотря даже на покровительство тогдашняго министра (Гизо), Контъ не попадалъ въ число профессоровъ (избиравшихся коллегіей преподавателей), и, кромѣ того, ему угрожала еще изъ году въ годъ опасность не быть избраннымъ и въ число экзаменаторовъ или репетиторовъ. Настоянія жены не удерживали его отъ нападковъ, которымъ онъ подвергалъ своихъ сослуживцевъ по школѣ при всякомъ удобномъ случаѣ,—между прочимъ, въ предисловіи къ послѣднему тому философіи, и даже по случаю одного процесса, который онъ самъ велъ съ книгопродавцемъ Bachelier. Въ 1843 году, онъ лишился мѣста экзаменатора, а въ 1851—и репетитора. Но еще до этого, въ 1842 году, въ жизни Конта произошла большая перемѣна: 5-го августа этого года онъ разошелся со

Digitized by Google

своей женой,—разошелся навсегда. Во время судебнаго разбирательства по дѣлу о завѣщаніи Конта, стороны нѣсколько разъ возвращались къ вопросу о причинахъ окончательной размолвки Конта съ женой. Судя по тому, что Контъ долго еще послѣ того переписывался со своей женой, — они обмѣнивались 15—20 письмами въ годъ,—наконецъ, по письмамъ его самого и по свидѣтельству Литтрé — его біографа и ученика — надо думать, что особыхъ причинъ къ тому не было; практическій умъ г-жи Контъ не совсѣмъ уживался съ теоретическимъ, философски-беззаботнымъ, нетерпѣливымъ и раздражительнымъ умомъ и характеромъ Конта, или, какъ говоритъ адвокатъ г-жи Контъ, Griolet:—„Des deux côtés il n'existait pas une irritation profonde; il y avait surtout entre les deux époux une véritable incomptabilité d'humeur". Приходится сказать также и вмѣстѣ съ адвокатомъ противной стороны, Allou:—„можно допустить, что эти великіе мыслители не созданы для мирнаго существованія у домашняго очага; нельзя сказать, чтобы съ этими полубогами легко было уживаться".

На содержаніе жены Контъ обязался выдавать пенсію въ 3.000 фр., которая потомъ, когда онъ лишился мѣста экзаменатора, была уменьшена до 2.000 фр.

Что касается состоянія умственныхъ способностей Конта, то никакихъ кризисовъ послѣ 1826 года больше не послѣдовало, несмотря на то, что онъ работалъ много и доходилъ до крайняго умственнаго напряженія. Литтрé, въ біографіи Конта, описываетъ способъ работы Конта. Прежде чѣмъ написать что-либо, онъ обдумывалъ цѣликомъ все произведеніе, весь планъ, всѣ детали, всѣ мысли въ ихъ послѣдовательномъ развитіи; все обработывалось, такъ сказать, на память, и только послѣ того, когда вся книга была такимъ образомъ готова, онъ переносилъ ее на бумагу. Только въ 1845 году, въ письмѣ къ Стюарту Миллю (27-го іюня), Контъ жалуется на постигшую его нервную болѣзнь, отъ которой онъ, впрочемъ, скоро оправился. „Я долженъ сообщить,—пишетъ онъ въ этомъ письмѣ,—еще нѣкоторыя интересныя детали о постигшей меня тяжкой нервной болѣзни; она заключалась въ упорной безсонницѣ, тихой меланхоліи (mélancolie douce), однако весьма интенсивной, и въ угнетенномъ состояніи духа, соединенномъ съ крайней слабостью; пришлось на 15 дней прервать работу и оставаться въ постели".

Съ 1842 по 1845 годъ, Контъ не былъ занятъ обширными философскими работами; онъ публиковалъ элементарные учебники по астрономіи, аналитической геометріи, но онъ уже на-

Digitized by Google

чалъ размышлять надъ выработкой своей „позитивной политики“. Матеріальное положеніе его было весьма неудовлетворительно. На помощь Конту пришли его ученики, успѣвшіе образовать цѣлую школу. Гордый и неспособный сдаваться даже въ тяжелыя минуты жизни, Контъ считалъ справедливымъ и возможнымъ требовать матеріальной поддержки со стороны тѣхъ, которые раздѣляли его идеи; онъ такъ вѣрилъ въ свою миссію на пользу человѣчества, что ему представлялось совершенно естественнымъ, чтобы тѣ, которые раздѣляли его доктрину, ему помогали и давали ему возможность выполнить эту миссію. Еще раньше, чѣмъ во Франціи, у него образовался большой кругъ послѣдователей въ разныхъ странахъ. Въ Англіи, гдѣ позитивизмъ раньше всего пустилъ глубокіе корни, представителями идей Конта были Милль, Бокль, Конгревъ и др.; въ Голландіи, въ Америкѣ (гдѣ даже начали издавать спеціальный органъ „Modern Times“), въ Испаніи, всюду имѣлись послѣдователи Конта. Позже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, стали признавать громадное значеніе позитивной философіи Конта въ его отечествѣ, во Франціи, и только благодаря усердной пропагандѣ Литтре, самаго горячаго послѣдователя Конта, Фурье, Робэна и другихъ, доктрина Конта начала привлекать все большее число адептовъ. Это обстоятельство и сдѣлало возможнымъ образованіе такъ-называемой „subside positiviste“,—субсидіи, для реализаціи которой существовала подписка; во главѣ организаціи ея стоялъ Литтре. Въ смыслѣ матеріальномъ больше всѣхъ содѣйствовали успѣху субсидіи англичане. Изъ суммъ субсидіи выдавалась и пенсія г-жѣ Контъ.

Въ 1845 году Контъ познакомился съ Клотильдой де-Во, женщиной, имѣвшей весьма большое вліяніе на внутренній міръ Конта въ послѣдній періодъ его жизни. Клотильда де-Во была бѣдной женщиной, молодой и довольно привлекательной, пріѣхавшей въ Парижъ для пріисканія себѣ занятій. Мужъ ея былъ осужденъ за совершонное имъ преступленіе и лишенъ правъ, вслѣдствіе чего они по суду были разведены. Встрѣчѣ съ Клотильдой де-Во самъ Контъ придавалъ значеніе важнѣйшаго событія въ его жизни. Вскорѣ послѣ знакомства его съ нею, имъ пришлось вмѣстѣ крестить ребенка общихъ знакомыхъ въ церкви St. Paul; союзъ душъ—полагалъ Контъ—освященъ былъ этою торжественной религіозной церемоніей. Контъ сталъ питать къ де-Во невыразимую привязанность; она стала для него единственнымъ существомъ, предъ которымъ онъ открывалъ свою душу; присутствіе ея согрѣвало сердце философа, вносило въ

Digitized by Google

его атмосферу ту теплоту, которой Контъ напрасно искалъ въ окружающемъ его мірѣ. Отношенія Конта къ де-Во занимаютъ весьма важное мѣсто въ процессѣ, и мы къ нимъ впослѣдствіи еще вернемся. Необъяснимая привязанность Конта къ этой женщинѣ совершила цѣлый переворотъ во внутреннемъ мірѣ философа. Изъ строгаго научнаго мыслителя онъ сдѣлался мистикомъ; къ этому времени и относится окончательная выработка его „позитивной политики". Клотильда де-Во скоро умерла, но память о ней до конца вдохновляла Конта; она до конца осталась для него „sa compagne éternelle, son ange gardien, sa déesse".

Отношенія Конта къ женѣ его со времени встрѣчи съ де-Во ухудшились. Начавшись съ сокращенія корреспонденціи, охлажденіе это къ началу 50-хъ годовъ перешло въ непріязнь, а въ произведеніяхъ послѣднихъ лѣтъ его жизни онъ уже съ ожесточеніемъ отзывался о своей женѣ, всякій разъ, какъ заходила о ней рѣчь; онъ ее называлъ не иначе, какъ „épouse indigne". Во всей жизни Конта, какъ и въ произведеніяхъ этого періода, онъ проявляетъ крайнюю эксцентричность. Контъ установилъ для себя самый строгій режимъ, особенно относительно пищи; отрицая всякія, какъ онъ говорилъ, „superfluités nutritives", излишества въ пищѣ, онъ, садясь за столъ, строго отвѣшивалъ себѣ количество хлѣба и другихъ продуктовъ. Онъ прекратилъ всякое чтеніе книгъ, и единственными авторами для него были Гомеръ и Виргилій.

Въ „Позитивной политикѣ" Контъ развиваетъ свои мысли объ основаніи новой „позитивной религіи". Онъ устанавливаетъ догму ея, регламентируетъ культъ, учреждаетъ таинства и общественныя празднества; наконецъ, онъ излагаетъ свои мысли о политикѣ, о государственномъ и соціальномъ строѣ. Произведеніе это не могло не вызвать критики, и дѣйствительно, во всемъ сказанномъ въ „Позитивной политикѣ", какъ мы увидимъ ниже, очень много до крайности страннаго.

Озлобленіе противъ жены со стороны Конта не повліяло, однако, на отношенія къ нему съ ея стороны. Она всюду, гдѣ могла, устраняла отъ него непріятности, и на судѣ прочитано было письмо г-жи Контъ къ современному критику Erdan'у,—который собирался жестоко осмѣять „Позитивную политику" Конта, —съ просьбой не раздражать болѣзненнаго самолюбія Конта и, по возможности, щадить его. Все письмо проникнуто безграничной преданностью и почтеніемъ къ оскорблявшему ее мужу.

Появленіе „Позитивной политики" вызвало расколъ среди почитателей и послѣдователей Конта. Литтрé, Робэнъ и др. не

Digitized by Google

могли принять религіи Конта; они ее признавали стоящею въ самомъ крайнемъ противорѣчіи съ идеями, высказанными Контомъ въ „Позитивной философіи“. Другая группа учениковъ Конта, съ Лаффитомъ и д-ромъ Робинэ во главѣ, осталась вѣрною его ученію до конца, приняла его религію, подчинилась ея культу. Эти двѣ группы послѣдователей Конта и являются, собственно говоря, сторонами въ процессѣ о завѣщаніи Конта.

Завѣщаніе написано Контомъ за два года до смерти; оно окончено было 5-го марта 1855 года. Завѣщаніе представляетъ собою почти цѣлую книгу; помимо имущественныхъ распоряженій, выраженія воли его относительно порядка похоронъ, въ немъ заключается и завѣщаніе его идей потомству, изложеніе основъ его религіи, инструкція будущему замѣстителю его въ званіи „первосвященника человѣчества“ (Grand Pontife de l'humanité), каковымъ онъ себя считалъ. Контъ многократно выражалъ увѣренность, и въ завѣщаніи она повторяется, что онъ доживетъ до лѣтъ Фонтенелля или, по крайней мѣрѣ, Вольтера; онъ не можетъ умереть раньше,—иначе его работа не будетъ окончена. Еслибы ему суждено было умереть раньше,—на какой случай и составлено имъ завѣщаніе,—онъ очень жалѣлъ бы объ этомъ. Нельзя не привести одного мѣста изъ завѣщанія, въ которомъ Контъ говоритъ о боязни смерти, стараясь обосновать ее и оправдать съ философской точки зрѣнія. „Главное несовершенство человѣческаго организма,—говоритъ онъ,—состоитъ въ томъ, что тѣло и мозгъ настолько непропорціональны въ своей жизненности, что послѣдній въ два или три раза больше можетъ выдержать, чѣмъ первое, еслибы только статуя могла сойти со своего пьедестала. Умирая ста лѣтъ отъ роду, Фонтенелль проявлялъ такую же силу мозга, какая была присуща ему и раньше. Вотъ почему позитивная религія освящаетъ невольное чувство, побуждающее насъ жалѣть объ уходящей жизни; тогда какъ мы еще способны любить, мыслить, дѣйствовать на пользу семьи, отечества, человѣчества, немощь тѣла безпощадно уничтожаетъ, уноситъ съ собою способность мозга“.

Надеждѣ Конта, что онъ будетъ пользоваться исключительнымъ долголѣтіемъ, не суждено было сбыться: чрезъ два года послѣ составленія завѣщанія, 5-го сентября 1857 года, Контъ умеръ.

Содержаніе завѣщанія, какъ мы уже упомянули, было довольно разнообразно и представляется совершенно необычнымъ для такого рода документовъ. Вотъ существеннѣйшіе пункты его.

Контъ въ завѣщаніи резюмируетъ свои идеи о религіи, имъ

Digitized by Google

установленной, о „культѣ человѣчества“. Онъ регламентируетъ какъ догму, такъ и культъ этой религіи; эта часть завѣщанія представляетъ, такимъ образомъ, какъ бы катехизисъ новой вѣры—позитивной; въ ней устанавливается и іерархія. „Первосвященникъ человѣчества“—не только духовное лицо, но и политическое, онъ управляетъ всѣмъ. За невозможностью для Конта въ завѣщаніи назвать то лицо, которое онъ считалъ бы достойнымъ замѣстителемъ своимъ въ должности первосвященника, онъ, предоставляя себѣ право назвать такое лицо впослѣдствіи,—право, которымъ онъ не успѣлъ воспользоваться, назначаетъ особый комитетъ изъ 13 членовъ, съ Лаффитомъ въ качествѣ предсѣдателя, и Робинэ—вице-предсѣдателя, и этому комитету поручаетъ исполненіе функцій Grand Pontife'a, и на него же возлагаетъ обязанность избранія первосвященника. Этотъ комитетъ функціонируетъ впредь до избранія Grand Pontife. Въ случаѣ смерти кого-либо изъ его членовъ, остальные члены выбираютъ по большинству голосовъ замѣстителя. Комитетъ, кромѣ обязанностей по отношенію къ человѣчеству и позитивной религіи, исполняетъ обязанность душеприказчика по всѣмъ завѣщательнымъ распоряженіямъ Конта.

Все литературное наслѣдіе,—то, что Контъ въ завѣщаніи называетъ „fond typographique“, библіотека его, вся обстановка его квартиры—„храма человѣчества“, гдѣ происходятъ церемоніи, богослуженія,—остается собственностью понтификата; всѣмъ этимъ владѣетъ и пользуется первосвященникъ, который все обязанъ передать затѣмъ своему намѣстнику. Нѣкоторыя вещи назначены на память ученикамъ Конта, а также его „fille adoptive“, служившей у него въ качествѣ служанки,—Thomas (умершей раньше Конта). Жена его пожизненно должна пользоваться рентой въ 2.000 фр., которую ей выплачиваетъ комитетъ душеприказчиковъ. Устанавливается рента въ пользу католическаго духовенства въ 100 франковъ ежегодно, на случай если прекратится бюджетъ исповѣданій и католичество будетъ лишено государственной поддержки; этой рентой Контъ желаетъ выказать благодарность свою католичеству за оказанныя имъ услуги человѣческому прогрессу.

Въ завѣщаніи исчислены тѣ историческія личности, память которыхъ должна праздноваться особыми общественными празднествами, въ знакъ благодарности человѣчества за содѣйствіе съ ихъ стороны прогрессу и культурѣ. Въ завѣщаніи установленъ съ той же цѣлью особый календарь; мѣсяцы носятъ названія тѣхъ лицъ, значеніе которыхъ, по мнѣнію Конта, для прогресса осо-

Digitized by Google

бенно велико. Само завѣщаніе отмѣчено по этому новому календарю: „Commencé le 21 Fréderic, fini le 22 Bichat".

Затѣмъ идетъ рядъ распоряженій, регламентирующихъ его похороны. Онъ желаетъ, чтобы его хоронили не раньше, чѣмъ его трупъ начнетъ разлагаться, дабы не похоронили его въ летаргіи. Если возможнымъ окажется, онъ желалъ бы, чтобы его положили въ одинъ гробъ съ останками Клотильды де-Во; гробъ этотъ должно помѣстить между гробомъ его матери и гробомъ его „fille adoptive", если она умретъ раньше его. Онъ запрещаетъ участіе католическаго духовенства при погребальной церемоніи. Завѣщаніе содержитъ самыя подробныя указанія насчетъ того, кто и въ какомъ порядкѣ долженъ сопровождать его прахъ; онъ выражаетъ желаніе, чтобы процессія остановилась у церкви St.-Paul, гдѣ онъ вмѣстѣ съ Клотильдой де-Во крестилъ ребенка. Къ участію въ процессіи онъ проситъ не допускать трехъ названныхъ имъ лицъ и, главнымъ образомъ, его жену. О послѣдней онъ въ завѣщаніи говоритъ съ озлобленіемъ, называетъ ее недостойной и приписываетъ ей много дурного.

Главною обязанностью комитета душеприказчиковъ,—къ выполненію ея они должны приступить тотчасъ по его смерти,—онъ считаетъ публикованіе самого завѣщанія цѣликомъ, и затѣмъ—разборъ его корреспонденціи и публикованіе ея по усмотрѣнію комитета; цѣликомъ должны быть напечатаны его письма къ Клотильдѣ де-Во, которымъ Контъ придаетъ особое значеніе.

Если жена какъ-либо будетъ противодѣйствовать исполненію завѣщанія, то онъ предписываетъ комитету душеприказчиковъ вскрыть прилагаемый къ завѣщанію запечатанный конвертъ, въ которомъ содержится тайна, весьма невыгодная для репутаціи его жены, и опубликовать ее. Объ этой тайнѣ знаетъ только онъ, жена его и служанка Thomas. „Если я переживу мою недостойную жену,—пишетъ онъ въ завѣщаніи,—я уничтожу этотъ документъ, и фатальный секретъ останется навсегда скрытымъ. Въ противномъ случаѣ — усердіе и мудрость душеприказчиковъ опредѣлятъ, какое употребленіе слѣдуетъ сдѣлать изъ этого документа для защиты моей памяти и чести близкихъ мнѣ".

По смерти Конта, душеприказчики предложили г-жѣ Контъ получать назначенную ей пенсію, но она отъ этого отказалась. Для уплаты долговъ Конта душеприказчики возмѣстили его вдовѣ стоимость оставшагося движимаго имущества Конта; по настоянію, однако, Литтрé, вдова потребовала неприведенія въ дѣйствіе завѣщанія, и, въ виду несогласія душеприказчиковъ, по ходатайству г-жи Контъ, судомъ наложенъ былъ арестъ на бумаги Конта,

Digitized by Google

которыя для храненія переданы были нотаріусу Aubry, до рѣшенія судомъ вопроса о дѣйствительности или недѣйствительности завѣщанія. Дѣло объ этомъ было тогда же возбуждено, но окончательное рѣшеніе состоялось лишь въ 1870 году: сторонамъ пришлось собирать много доказательнаго матеріала, добывать изъ различныхъ источниковъ данныя, что̀ не могло не повліять на затяжку дѣла.

По смерти Конта, расколъ между указанными выше двумя группами учениковъ его обозначился еще рѣзче. Представители „позитивной философіи“ (Литтрé, Гротъ, Вырубовъ) отстаивали въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ, въ журналѣ, издававшемся ими, чистоту перваго ученія Конта и объявили себя открытыми противниками „позитивной политики“ и „религіи человѣчества“. Въ біографіи Конта, составленной Литтрé, проводилась мысль, что вторая половина литературной дѣятельности Конта — продуктъ мистическаго образа мыслей, болѣзненнаго напряженія умственныхъ силъ философа; что она не стоѝтъ ни въ какой связи съ прежнимъ направленіемъ Конта и поэтому должна быть отброшена. Послѣдователи же „позитивной политики“ высоко цѣнили эту часть произведеній Конта, и объявили себя послѣдователями его религіи, придерживались культа ея, исполняли всѣ предписанные Контомъ обряды. Квартира, въ которой жилъ и умеръ Контъ (Rue Monsieur-le-Prince, № 10) осталась для нихъ „храмомъ человѣчества“. Защитникъ завѣщанія, Allou, могъ во время судебныхъ преній заявить, что адвокатъ изъ Дублина, M. Hutton, счелъ нужнымъ, прежде чѣмъ вступить въ отправленіе избранной имъ профессіи, пріѣхать въ Парижъ и исполнить въ „храмѣ“ обрядъ „Destination“, т.-е. торжественнаго обѣщанія свято хранить традиціи своего сословія и неуклонно исполнять принимаемыя имъ на себя обязанности. Послѣдователи религіи Конта собирались 1-го января и 5-го сентября (день смерти Конта) каждаго года, ими произносились рѣчи въ память учителя; въ теченіе года читались Лаффитомъ научные курсы о философіи и религіи Конта.

Насколько для послѣдней группы учениковъ Конта завѣщаніе его было свято, настолько оно для первой группы было неудобно,—неудобно, главнымъ образомъ, въ виду того, что публикованіе его, согласно послѣдней воли Конта, еще разъ должно было подтвердить тѣ идеи послѣдней части его жизни, которыя отвергались ими. Неудобнымъ и нежелательнымъ для нихъ было и печатаніе корреспонденціи Конта, особенно—его писемъ къ Клотильдѣ де-Во. Еще больше заинтересованной оказалась въ

Digitized by Google

признаніи завѣщанія недѣйствительнымъ—вдова Конта. Враждебный тонъ завѣщанія, упоминаніе о запечатанномъ конвертѣ, заключающемъ позорную для чести ея тайну, были глубоко оскорбительными для той, которая и послѣ окончательной съ Контомъ размолвки относилась къ нему не только съ подобающимъ ему почтеніемъ, но и съ глубокой преданностью. Болѣе естественныхъ союзниковъ, чѣмъ послѣдователи „позитивной философіи", она имѣть не могла бы. Вотъ почему дѣло о признаніи завѣщанія Конта недѣйствительнымъ имѣло значеніе судебнаго разбора двухъ ученій, рѣшенія спора между двумя школами, созданными Контомъ.—„Умеръ пророкъ; Али и Омаръ спорятъ о его наслѣдіи",—сказалъ адв. Allou, характеризуя предъ судьями настоящій процессъ.

Истица—вдова Конта—требовала отъ суда признанія завѣщанія недѣйствительнымъ. Помимо того основанія, что Контъ не имѣлъ права устранять свою жену отъ распоряженія и пользованія оставшимся послѣ него наслѣдіемъ, ибо по брачному договору послѣдняя выговорила себѣ право пожизненнаго пользованія ихъ общимъ имуществомъ и послѣ смерти мужа; завѣщаніе, какъ полагала истица, недѣйствительно и потому, что содержаніе его обнаруживаетъ разстройство умственныхъ способностей автора. Нарушеніе интересовъ своихъ она усматривала и въ томъ, что, до закона 1866 года объ авторскихъ правахъ, авторъ не могъ по закону распоряжаться на случай смерти своею литературной собственностью помимо жены своей. Указывалось со стороны истицы и на то, что содержаніе завѣщанія противно общественной нравственности, и потому одному должно быть признано недѣйствительнымъ.

Въ изложеніи доводовъ сторонъ по спору о завѣщаніи Конта насъ интересуетъ здѣсь, конечно, не юридическая сторона дѣла, —вообще меньше выдвинутая въ данномъ дѣлѣ впередъ,—а сторона литературно-историческая, и на ней мы поэтому преимущественно остановимся.

II.

Представитель истицы, г-жи Контъ, на судѣ, адв. Griolet, прежде всего указалъ на то, что въ этомъ процессѣ рѣчь идетъ не объ имущественномъ интересѣ. Не послѣдній побуждаетъ истицу домогаться признанія завѣщанія недѣйствительнымъ. Мотивъ здѣсь совершенно иной. „Она (г-жа Контъ) отвергаетъ,— сказалъ онъ,—вторую часть произведеній ея мужа, вторую часть

Digitized by Google

его жизни. Но она дорожитъ первою. Она присоединилась къ прежнимъ ученикамъ его, которые, какъ Литтре и Робэнъ, не слѣдовали за нимъ до конца... На ряду съ душеприказчиками Конта, исповѣдующими его позитивную политику, образовалась вторая группа, чисто философская, которая защищаетъ и отстаиваетъ созданный Контомъ позитивный методъ въ философіи". Этотъ же мотивъ требованія вдовы Конта объ уничтоженіи завѣщанія указывается и Литтрé въ приведенномъ—адвокатомъ Griolet —письмѣ его къ Миллю. „Теперь,—пишетъ Литтре,—когда представляется возможность уяснить себѣ въ цѣломъ характеръ Огюста Конта, и когда школа, имъ созданная, увеличилась, и приверженцы, какъ и противники его доктрины, не могутъ избѣгнуть надобности выяснить въ подробности его доктрину,—г-жа Контъ требуетъ уничтоженія завѣщанія,—этого безнравственнаго и клеветническаго произведенія человѣка настолько честнаго, сколь и знаменитаго философа, котораго усиленное напряженіе ума привело къ уклоненію во многихъ отношеніяхъ отъ правильнаго пути (avait fait dévier). Ни юность Конта, ни вся его жизнь, не находятся въ связи съ направленіемъ и дѣйствіями его послѣднихъ дней".

Г-жа Контъ не ищетъ вовсе имущественныхъ выгодъ, но на основаніи закона она добивается исключительнаго права, отнятаго у нея завѣщаніемъ, публиковать корреспонденцію Конта и само завѣщаніе. „Это право даетъ ей возможность, какъ говоритъ ея адвокатъ, публиковать произведенія и корреспонденцію Конта „въ духѣ, воодушевляющемъ истицу",—въ духѣ не позитивной политики, а позитивной философіи; она не будетъ публиковать ничего изъ того, что относится къ послѣдней концепціи Конта; но зато она ничего не пропуститъ изъ всего того, что можетъ пополнить, разъяснить философскую его систему, дать лучшее понятіе о его характерѣ и жизни. Эта публикація будетъ сдѣлана при содѣйствіи Литтре, который, конечно, болѣе всякаго другого достоинъ миссіи — собрать послѣдніе останки своего учителя; онъ это заслужилъ уже однимъ тѣмъ, что больше всякаго другого содѣйствовалъ распространенію идей и прославленію имени Конта. Съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что душеприказчики по исполненію завѣщанія, если за ними признано будетъ это право, сдѣлаютъ эту публикацію совершенно въ иномъ духѣ. Съ непоколебимой вѣрностью ученію своего учителя,—вѣрностью, заслуживающей всякаго уваженія, даже въ заблужденіи,—они, по скольку это только будетъ возможнымъ, выполнятъ волю его. „Я не знаю,—продолжаетъ адв. Griolet,—

Digitized by Google

въ какой мѣрѣ они придерживаются обрядовъ, установленныхъ Контомъ въ религіи человѣчества, почитанія богини—останковъ Клотильды де-Во; но, судя по ихъ трудамъ и, главнымъ образомъ, по статьѣ одного изъ нихъ—Robinet, опубликованной при содѣйствіи Лаффита, они не отвергали ни одной изъ концепцій Конта и пропагандируютъ ихъ съ обычною для нихъ вѣрою. M-r Robinet ничего не выпускаетъ: и Grand Être, и Grand Fétiche, и Grand Milieu — все на лицо; онъ не забываетъ даже объ утопіи „дѣвственной матери". Г-жа Контъ имѣетъ право не желать и не желаетъ допустить, чтобы то, что осталось послѣ ея мужа, служило къ продолженію этого его созданія. Было бы достойно сожалѣнія, если бы у нея не оказалось для осуществленія этого права легальныхъ средствъ".

Яснѣе поставить вопросъ нельзя было; эта постановка, понятно, предопредѣлила ходъ судебныхъ дебатовъ сторонъ. Представителю вдовы Конта надлежало доказать, помимо юридическихъ основаній, требованія о признаніи завѣщанія недѣйствительнымъ, и то нравственное, если можно такъ выразиться, литературное основаніе къ признанію за нею, вопреки завѣщанію, права распоряжаться литературнымъ наслѣдіемъ философа. Нужно было доказать, что позитивная политика и религія Конта не только не стоятъ ни въ какой связи съ созданною Контомъ позитивной философіей, но прямо ей противорѣчатъ, представляя собою плодъ болѣзненнаго умственнаго разстройства и того мистическаго тумана, которымъ окутаны были мысли создателя позитивной философіи, благодаря отношеніямъ къ Клотильдѣ де-Во. Нужно было также доказать, что, только благодаря знакомству съ де-Во, отношенія его къ женѣ, носившія, несмотря на раздѣльность ихъ жизни, характеръ довѣрія и интимности, не только измѣнились, но приняли характеръ озлобленности, непонятной ненависти, доходящей до желанія оклеветать ее такимъ недостойнымъ путемъ, какъ приложеніе запечатаннаго конверта къ завѣщанію.

Прямое основаніе къ признанію завѣщанія недѣйствительнымъ представитель истицы усматривалъ, какъ увидимъ ниже, въ перемѣнѣ его отношенія къ женѣ, въ той непонятной ненависти, которую Контъ къ ней обнаруживалъ, почему и воля его, выраженная въ завѣщаніи, не была свободной, а зависимой, подчиненной этому преобладавшему чувству. Къ этому основанію присоединялись и основанія чисто юридическія, на которыхъ мы долго останавливаться не будемъ, въ виду ихъ спеціальнаго значенія.

Digitized by Google

Адвокатъ Griolet излагаетъ въ нѣсколькихъ словахъ основныя черты позитивной философіи и подчеркиваетъ то обстоятельство, что философія эта создана въ тотъ періодъ жизни Конта, когда онъ жилъ совмѣстно съ своей женой, или хотя отдѣльно отъ нея, но въ интимной съ ней перепискѣ, подъ живымъ съ ея стороны воздѣйствіемъ на него.

Позитивной философіей Контъ достигъ двухъ результатовъ—созданія истинной, положительной философіи и созданія новой науки, науки объ обществѣ, соціологіи. Оба результата обусловлены были однимъ положеніемъ, составлявшимъ основу всей мыслительной, если можно такъ выразиться, работы Конта. Еще и раньше высказывалась мысль о томъ, что не только природа, но и человѣкъ имѣетъ свои законы, которымъ онъ подчиняется во всѣхъ своихъ проявленіяхъ. Еще Монтескьё сказалъ: „L'homme a ses lois"; но ни онъ, ни Тюрго, ни Кондорсé, изучавшіе развитіе прогресса, не посвятили этимъ законамъ систематическаго научнаго изслѣдованія; только Контъ далъ научную систематическую разработку этого положенія. По Конту, все развитіе человѣчества состоитъ въ непосредственной связи съ развитіемъ умственнымъ. Какъ умственное развитіе, такъ и прогрессъ, проходятъ извѣстныя стадіи — стадію теологическую, метафизическую и позитивную. Въ первой стадіи человѣчество склонно всѣ міровыя явленія объяснить проявленіемъ воли высшей, но организованной на подобіе той, которою самъ надѣленъ; во второй — оно ищетъ сущности вещей, замѣняя дѣйствительность фикціями, категоріями своего мышленія,—и только въ третьей, положительной, міровыя явленія познаются путемъ опыта и наблюденія. Философія имѣетъ единственною цѣлью обобщеніе и открытіе законовъ существующаго. Положительная философія можетъ познаваться только путемъ метода à posteriori; подобно Юму, Контъ отрицаетъ возможность и надобность познанія причины всѣхъ причинъ. Новая позитивная философія, вмѣсто принятой метафизикой системы наукъ, устанавливаетъ новую, сообразно прогрессирующей сложности тѣхъ явленій, которыя онѣ изучаютъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ математика, независимая отъ физическихъ и другихъ явленій, наука мыслительная, сама себѣ предписывающая законы; затѣмъ идетъ астрономія, физика, химія, біологія и, наконецъ, самая сложная, чисто индуктивная, положительная наука—соціологія. Относительно каждой изъ этихъ наукъ изслѣдуется Контомъ индуктивный, опытный методъ; указывается, какимъ видоизмѣненіямъ онъ неминуемо подвергается подъ вліяніемъ объекта изслѣдованія, усложняющагося съ пере-

Digitized by Google

ходомъ одной науки къ другой, выше ея въ системѣ помѣщающейся. Строгая послѣдовательность мысли, строгое примѣненіе позитивнаго индуктивнаго метода и привели Конта къ созданію, къ открытію, какъ говоритъ Дж. Ст. Милль, соціальной науки.

Таковы мысли Конта до средины сороковыхъ годовъ. Усиленная работа, неблагопріятныя матеріальныя условія жизни не могли не повліять, по мнѣнію Griolet, на нервную систему философа, не отличавшуюся особой устойчивостью. И вотъ, при такихъ условіяхъ и произошла встрѣча съ Клотильдой де-Во; неотразимое и сильное вліяніе, которое имѣла на Конта эта встрѣча, можетъ быть объяснима, по мнѣнію адвоката г-жи Контъ, только болѣзненнымъ настроеніемъ мыслителя, его напряженнымъ умственнымъ состояніемъ, побудившимъ его умъ, не ограничиваясь сферой дѣйствительнаго, положительнаго, проникнуть въ сферу мистическую, почти фантастическую. Подъ вліяніемъ „вѣчной спутницы, ангела-хранителя, богини“ — Клотильды де-Во, онъ, этотъ творецъ позитивной философіи, этотъ борецъ противъ метафизики и апріорнаго метода, отправляется на поиски за „позитивной религіей“, „позитивной политикой“, о которой Ст. Милль говоритъ: „другіе пусть смѣются надъ нею; мы скорѣе будемъ оплакивать это прискорбное паденіе геніальнаго духа“.

Вотъ основныя черты религіи Конта, въ изложеніи Griolet.

Богъ позитивной религіи — человѣчество, понимаемое Контомъ какъ совокупность всѣхъ человѣческихъ существъ настоящихъ и будущихъ, и тѣхъ изъ прошедшихъ, которыя, благодаря своему полезному существованію, пріобщились къ „великому существу“ (Grand Être). Женщины, хотя и не должны играть никакой активной роли, пріобщены къ „великому существу“ не непосредственно, а чрезъ мужчинъ, на которыхъ онѣ, въ качествѣ матери, сестры, жены, дочери, благотворно вліяютъ. Да и животныя, которыя служатъ людямъ, чрезъ это отчасти пріобщаются къ высшему существу. Это великое существо, человѣчество, и есть то, чему мы всѣмъ обязаны, къ чему долженъ быть обращенъ религіозный культъ. Но „великое существо“ проявляетъ себя на „великомъ фетишѣ“ и въ „великой средѣ“ (Grand Fétiche, Grand Milieu), т.-е., на земномъ шарѣ и въ пространствѣ.

Великое существо должно быть символизированнымъ, персонифицированнымъ; только женщина можетъ достойнымъ образомъ представлять божество; человѣчество должно, такимъ образомъ, изображаться въ видѣ богини и являться въ образѣ Клотильды де-Во. У каждаго человѣка должны быть наиболѣе близкія для него существа, которыя должны быть предметомъ част-

Digitized by Google

наго культа — мать, жена и дочь, онѣ ангелы-хранители каждаго изъ насъ. Если одна изъ нихъ отсутствуетъ или оказывается недостойной, ее можно замѣнить пріемною. Самъ Контъ замѣнилъ свою, какъ онъ ее называетъ, недостойную жену, Клотильдой де-Во, и, за неимѣніемъ дочери, своимъ ангеломъ-хранителемъ считалъ ту женщину, которая была у него въ услуженіи,—Thomas.

Дѣлая изъ женщины символъ „человѣчества", этого высшаго существа, Контъ неминуемо долженъ былъ натолкнуться на вопросъ о дѣвственной чистотѣ женщины; и вотъ онъ сначала робко, а затѣмъ, въ томъ же IV-мъ томѣ своей „Позитивной политики", болѣе увѣренно высказываетъ мысль о возможности продолженія рода человѣческаго и при абсолютномъ воздержаніи, о возможности „дѣвственной матери" (Vierge-Mère).

Контъ не отдѣляетъ политики отъ религіи. Глава религіозный—первосвященникъ человѣчества (Grand Pontife de l'humanité) есть вмѣстѣ съ тѣмъ и политическій глава въ государствѣ, въ народѣ, въ человѣчествѣ. Человѣческое общество управляется двумя видами власти, — властью духовной, представляемой священниками позитивной религіи, которые суть вмѣстѣ съ тѣмъ профессора, ученые, врачи, и властью временной, которая представлена въ лицѣ патриціевъ, т.-е. промышленниковъ и, главнымъ образомъ, банкировъ. Пролетаріи и женщины никакого участія въ управленіи не принимаютъ. Священниковъ назначаетъ первосвященникъ; онъ же назначаетъ и преемника себѣ.

Первымъ „Grand Pontife'омъ Контъ назначилъ себя; онъ не успѣлъ назначить себѣ преемника, но, какъ мы видѣли выше, онъ въ своемъ завѣщаніи предусмотрѣлъ способъ избранія первосвященника.

Позитивная политика должна, по мнѣнію Конта, проникнуть въ сознаніе всего міра, и осуществленіе ея должно начаться весьма скоро; онъ опредѣляетъ количествомъ лѣтъ время, когда позитивная политика сдѣлается господствующей въ той или другой части свѣта. Торжественное—завоевательное шествіе ея начнется съ Франціи, гдѣ ей предстоитъ пройти три фазы. Въ первой—власти еще раздѣлены; первосвященникъ (Контъ) установляетъ культъ „великаго существа", диктаторъ же (Наполеонъ III) завѣдуетъ матеріальнымъ порядкомъ. Во второй фазѣ—диктаторъ, не будучи еще самъ позитивистомъ и оставаясь скептикомъ въ отношеніи позитивной религіи, не будетъ, однако, дѣлать препятствій для укрѣпленія господства позитивной политики, будетъ допускать осуществленіе ея, которое начнется съ ряда реформъ, въ родѣ

Digitized by Google

упраздненія постоянной арміи, учрежденія позитивной большой академіи, въ директора которой диктаторъ назначитъ самого Конта. Въ третьей фазѣ—диктаторъ отречется отъ власти и передастъ ее въ руки трехъ пролетаріевъ, которые имѣютъ быть указанными Контомъ. Въ завѣщаніи своемъ Контъ не забылъ указать этихъ трехъ пролетаріевъ. Эти три фазы потребуютъ тридцать-три года времени: первая—семь лѣтъ, вторая—пять лѣтъ и третья—21 годъ. Къ концу столѣтія вся западная Европа приметъ позитивную вѣру и заведетъ у себя порядокъ позитивной политики. Послѣ этого начнется обращеніе въ эту религію остальной части міра. Въ семь лѣтъ въ нее обратится вся монотеистическая Азія, въ слѣдующія 13 лѣтъ—вся остальная Азія, и затѣмъ, не дальше какъ въ 13 лѣтъ, новую религію будетъ исповѣдывать вся языческая Африка и Америка. Сопоставляя Ог. Конта въ „Позитивной философіи“ съ тѣмъ же Контомъ въ его „Позитивной политикѣ“, представитель истицы приходитъ къ заключенію, что это какъ бы два различныхъ лица; во второмъ нельзя узнать перваго. Завѣщаніе представляетъ собою волю не истиннаго, великаго основателя позитивизма, каковымъ Огюстъ Контъ долженъ остаться навсегда, а плодъ мистическаго настроенія, навѣяннаго и поддерживаемаго близостью къ де-Во, плодъ болѣзненнаго духовнаго состоянія, въ которое онъ впалъ послѣ окончательной размолвки съ женою. И если это духовное или умственное состояніе завѣщателя нельзя признать равно сильнымъ полному безумію или сумасшествію, то все же, по мнѣнію адв. Griolet, оно представляется такимъ состояніемъ, которое исключаетъ возможность свободы воли, выраженной въ завѣщаніи; въ самомъ завѣщаніи поэтому нѣтъ этой воли; имѣется лишь странное литературное произведеніе, распоряженіе коимъ принадлежитъ по закону вдовѣ его, подобно тому какъ ей должны принадлежать всѣ другія литературныя произведенія Конта.

Какъ на фактъ, несомнѣнно характеризующій связанность воли, ненормальность умственнаго состоянія Конта, адв. Griolet указываетъ на оставленіе запечатаннаго конверта, въ которомъ содержится тайна жены его. Угрозой разоблаченія позорнаго для истицы обстоятельства, Ог. Контъ, этотъ человѣкъ, который, по выраженію Милля, „страдалъ страстью къ нравственности“,—обезпечиваетъ покорность своимъ завѣщательнымъ распоряженіямъ со стороны жены его! Болѣе того, самое указаніе на наличность въ прошломъ г-жи Контъ позорнаго обстоятельства является ложью,—вся совмѣстная жизнь супруговъ Контъ, уваженіе, которое всегда оказывалъ мыслитель своей женѣ даже послѣ того,

Digitized by Google

какъ они разошлись, опровергаетъ этотъ спрятанный въ угрожающемъ пакетѣ секретъ. Такую ложь Контъ, здоровый и великій философъ, себѣ позволить не могъ бы.

„Нѣтъ надобности,—продолжаетъ адв. Griolet,—далѣе доказывать, что Контъ былъ больной. Онъ изобрѣлъ фатальный секретъ, какъ вообразилъ возможность vierge-mère; онъ вѣрилъ въ реальность перваго, подобно тому, какъ доказывалъ возможность реализаціи второй. Его ненависть къ женѣ, развивавшаяся вмѣстѣ съ возраставшею привязанностью къ де-Во, побудила его вообразить, что г-жа Контъ всегда была способна на все. Отъ этого воображенія до убѣжденія, будто жена его дѣйствительно совершила воображаемое, для Конта былъ одинъ шагъ. Могъ же онъ въ одной и той же книгѣ сначала осторожно высказать гипотезу, для него самого звучавшую парадоксомъ, о vierge-mère, а затѣмъ, уже нѣсколько страницъ спустя, говорить о ней какъ о дѣйствительности, какъ о самой истинѣ, вытекающей изъ его религіи. По отношенію къ людямъ, Контъ въ послѣдній періодъ своей жизни прибѣгаетъ къ тому же способу разсужденій, какой примѣненъ имъ относительно его странныхъ концепцій, съ тою лишь разницей; что относительно послѣднихъ будущее переносится на настоящее, тогда какъ въ отношеніи людей онъ чувства и воображенія, которыя черпаются изъ настоящаго, переноситъ на прошедшее. Только этимъ объясняется то, что онъ къ концу своей жизни забылъ всѣ услуги, оказанныя ему учениками, не сдѣлавшимися адептами религіи человѣчества; онъ сталъ отрицать всѣ тѣ похвальные о нихъ отзывы, которые онъ расточалъ раньше,—они для него были врагами не только въ настоящемъ, но и въ прошедшемъ, иными никогда почти они для него не были. Контъ забылъ, чѣмъ была для него жена, забылъ тѣ чувства, которыя самъ всегда къ ней питалъ,—привязанность, уваженіе и почтительность... Странная необъяснимая, преисполнившая Конта ненависть къ женѣ могла явиться только послѣдствіемъ болѣзненнаго проявленія полной маноманіи.

„Каково бы ни было право автора на его произведеніе, оно не можетъ простираться до права предписывать публикованіе такихъ твореній, которыя явно направлены противъ должнаго его памяти уваженія, противны общественной нравственности и самому здравому смыслу. Семьѣ автора должно быть предоставлено право вмѣшаться, защитить завѣщателя противъ его же самого, правосудіе же должно оказывать содѣйствіе такимъ начинаніямъ. Къ завѣщанію Конта примѣнимы общія начала, по которымъ законъ признаетъ недѣйствительными соглашенія без-

Digitized by Google

нравственныя и противныя здравому смыслу; безнравственные договоры и завѣщанія содержатъ въ себѣ не имѣющія силы волеизъявленія, которыя, какъ говоритъ извѣстный юристъ Потье, недостойны покровительства со стороны законовъ"...

Завѣщаніе Конта недѣйствительно, по мнѣнію адв. Griolet,—и по соображеніямъ болѣе формальнымъ. Въ немъ нѣтъ опредѣленнаго указанія на лицо, которому передается право собственности на произведенія Конта. Такимъ лицомъ нельзя считать „Pontife de l'Humanité", который впослѣдствіи обязанъ, согласно постановленію завѣщанія, передать свои права своему намѣстнику. Этотъ „жрецъ человѣчества"—лицо неопредѣленное; это и не юридическое лицо. Да и комитетъ душеприказчиковъ—не юридическое лицо, которое могло бы пріобрѣтать по завѣщанію право собственности на наслѣдіе Конта.

Наконецъ, литературное наслѣдіе Конта, послѣ его смерти, по закону должно перейти къ вдовѣ его, бывшей съ нимъ въ бракѣ, на началѣ общей собственности. Только закономъ 1866 г. авторамъ предоставлено неограниченное право распоряженій, какъ при жизни, такъ и на случай смерти, своею литературною собственностью, независимо отъ брачнаго имущественнаго начала.

Произведеніями литературными адв. Griolet считаетъ не только опубликованныя при жизни Конта сочиненія его, но и рукописи, корреспонденціи и, наконецъ, само завѣщаніе. Поэтому, все это должно перейти въ собственность истицы, которая одна можетъ распоряжаться ими и рѣшить, что подлежитъ публикованію—и что нѣтъ.

Таковы, въ общихъ чертахъ, были доводы представителя г-жи Контъ въ пользу признанія завѣщанія недѣйствительнымъ.

Рѣчь отвѣтчика—адвоката Allou, представителя комитета душеприказчиковъ съ Лаффитомъ во главѣ — можно назвать замѣчательнымъ образцомъ судебнаго краснорѣчія. При той постановкѣ дѣла, которая дана была противною стороною, для отвѣтчика представлялось дѣломъ весьма нелегкимъ, не задѣвая чести истицы и оставаясь въ предѣлахъ анализа фактовъ, указанныхъ противною стороною, изъ нихъ же черпать доводы за признаніе завѣщанія Конта дѣйствительнымъ. Адв. Allou въ своей рѣчи обнаружилъ глубокое знакомство съ твореніями Конта, и съ замѣчательною ясностью, въ нѣсколькихъ словахъ судебной рѣчи, вмѣсто длинной философской конференціи, намѣтилъ ту связь между „позитивною философіею" Конта и его „позитивною политикою", которая въ дѣйствительности существуетъ. Задача адв. Allou была выяснить, что отношенія Конта къ Клотильдѣ де-Во, при

Digitized by Google

безспорной чистотѣ ихъ, не представляли собою ничего необычайнаго, объяснимаго будто бы лишь душевнымъ разстройствомъ, и что его религіозное ученіе—отнюдь не плодъ больного мозга, а почти послѣдовательное развитіе его идей.

Выяснивъ, что за спиною истицы, вдовы Конта, стоитъ Литтрé и его товарищи,—приверженцы позитивной философіи, но враги позитивной политики, адв. Allou говоритъ въ началѣ своей рѣчи:

„Истицѣ понадобилось разорвать жизнь ея покойнаго супруга на двѣ части: первая часть—та, когда г-жа Контъ сопричтена къ его существованію; эта часть жизни — разумна, преисполнена достоинства, труда, плодотворнаго и блестящаго по великимъ твореніямъ. Вторая же—когда Огюстъ Контъ одинъ, когда онъ создаетъ себѣ новыя привязанности, другія склонности. Эту половину жизни Конта нужно уничтожить, о ней слѣдуетъ забыть; это—годы умственнаго, душевнаго мрака... И для Литтрé, который усвоилъ доктрину Конта эпохи позитивной философіи, также необходимо провести въ области идей учителя рѣзкую пограничную черту, отдѣляющую первый періодъ отъ второго. Онъ,—вѣрный послѣдователь Конта, претендующій на честь быть таковымъ,—говоритъ: „здѣсь я останавливаюсь и отказываюсь слѣдовать дальше за учителемъ“. Это, конечно, его право; но нельзя понять странную претензію Литтрé на право гнуть по-своему доктрину Конта, продолжать прикрываться знаменемъ Конта, несмотря на то, что онъ прямо отвергаетъ половину его идей. И что за мысль—утверждать, будто съ того мѣста, гдѣ Литтрé оставляетъ Конта, начинается сумасшествіе, безуміе мыслителя! А это именно и утверждаютъ съ противной стороны,—и вотъ въ этомъ пунктѣ Литтре и его единомышленники приближаются къ тому, что говоритъ г-жа Контъ: въ немъ—связь между требованіями истицы и претензіями Литтре, у нихъ одна общая цѣль. Подобно тому, какъ истица, въ своемъ раздраженномъ, ревнивомъ чувствѣ, стремится сохранить навсегда одну только ту часть существованія ея мужа, которая имъ проведена возлѣ нея, и изгнать, какъ галлюцинацію безумія, привязанности послѣднихъ дней Конта, такъ и для Литтре—Контъ, какъ великій мыслитель, существуетъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ, Литтре, его сопровождаетъ; ему хотѣлось бы и на будущее время имѣть возможность изображать Конта такимъ, какимъ онъ представляется капризу собственныхъ концепцій Литтре; онъ готовъ боготворить Конта, какъ своего создателя, но при условіи, чтобы самъ Контъ созданъ былъ его руками“.

Адв. Allou оспариваетъ заявленія своего противника, адв. Griolet,

Digitized by Google

о глубокой благодарности, которую Контъ всегда будто питалъ къ своей женѣ, какъ единственной спасительницѣ отъ одолѣвшаго его, въ 1826 г., душевнаго недуга. Не женѣ, а матери своей Контъ обязанъ тѣмъ уходомъ, который его поставилъ на ноги. Отношенія между супругами Контъ всегда были мало нормальными. Каковы бы ни были причины окончательной размолвки въ 1845 г., несомнѣнно то, что Клотильда де-Во въ ней никакой роли не играла; Контъ, еще до знакомства съ нею, окончательно и безповоротно разошелся съ женою. Затѣмъ адв. Allou останавливается на отношеніяхъ Конта къ де-Во. „Я отлично понимаю,—говоритъ онъ,—что относительно привязанности Конта къ Клотильдѣ возможны шутки. Эти мистическія воздыханія, этотъ союзъ душъ, восторги экзальтированнаго спиритуализма—на ряду съ тяжеловѣснымъ багажемъ позитивной философіи, — все это легко изобразить въ смѣшномъ видѣ, все это дѣйствительно можетъ вызывать улыбки. Но для меня, какъ и для моего противника, нѣтъ сомнѣнія относительно истиннаго характера той привязанности, которая установилась между Контомъ и де-Во“... „Готическій міръ, съ своимъ туманнымъ спиритуализмомъ, жаждетъ совершенства; эта жажда незнакома южнымъ народамъ; этотъ міръ мечтаетъ о совершенной гармоніи въ отношеніяхъ между мужчиной и женщиной, въ видѣ душевнаго союза, болѣе возвышеннаго, еще болѣе священнаго, чѣмъ бракъ. Вы найдете эту экзальтацію душъ у Сведенборга, кое-что изъ нея—въ романѣ Гёте—„Wahlverwandschaften“. Идея душевной гармоніи, лишенной всякой чувственности,—прошла уже долгій путь и достигла образованія сектъ“. Далѣе, адв. Allou напоминаетъ объ эбеліанцахъ въ Кёнигсбергѣ, — „la ville savante encore toute parfumée du souvenir du Kant“; о разныхъ сектахъ въ Сѣверной Америкѣ, признающихъ „духовный бракъ“ (mariage spirituel). „Въ отношеніяхъ Конта къ Клотильдѣ де-Во есть нѣчто подобное опьяненію души; нѣтъ ничего нечистаго въ этой энтузіастической жаждѣ любви, идеальномъ единеніи душъ; мысль философа, экзальтируясь, поднимается въ высь, раздается въ ширь, и вотъ къ Клотильдѣ возноситъ онъ свои идеи, къ ней обращаетъ свои мечты; она для него Беатриче поэта, олицетвореніе его мыслей, его доктринъ“.

Лучшимъ объясненіемъ и характеристикой чувствъ Конта къ де-Во можетъ служить письмо Конта къ ней, прочитанное на судѣ адвокатомъ Allou. Вотъ что̀ пишетъ Контъ:

„До сихъ поръ я искалъ утѣху моей личной частной жизни въ моей общественной дѣятельности. Но вотъ теперь, благодаря

Digitized by Google

вамъ, наступила реакція; въ противоположность тому, что было прежде, мои личныя привязанности вліяютъ и совершенствуютъ мою соціальную дѣятельность. Таково, моя Клотильда, важное объясненіе, которое мнѣ приходится вамъ дать разъ навсегда, при чемъ напередъ прошу сердечнаго отношенія вашего при оцѣнкѣ этого объясненія; несмотря на мои усилія сдѣлать его по возможности болѣе яснымъ, оно, боюсь, окажется достаточно простымъ лишь послѣ многократнаго прочтенія его.

„Съ самаго начала, я, какъ вы знаете, особенно оцѣнилъ сближеніе (connexité) съ вами, которое возбуждало во мнѣ глубокое, хотя и неясное для меня чувство. Обстоятельства, среди которыхъ осуществлялось это, какъ бы предопредѣленное, сближеніе, должны были, естественно, побудить васъ усматривать въ моей склонности не больше какъ одно преувеличеніе, и въ крайнемъ случаѣ вы могли бы лишь констатировать въ ней подтвержденіе общаго правила о необходимости соотвѣтствія между умственнымъ и моральнымъ состояніями. Однако, съ того самаго незабвеннаго утра (когда Контъ и Клотильда крестили въ церкви св. Павла ребенка), послѣдствія котораго для меня столь драгоцѣнны, и съ котораго должно считаться зарожденіе нашей святой дружбы, я успѣлъ уже представить вамъ осязательное доказательство той глубины, которой достигло это фундаментальное родство (affinité fondamentale). Но это доказательство могло бы только подготовить, но не замѣнить объясненіе, надъ которымъ я столько размышлялъ, и которое я пытаюсь теперь дать вамъ. Не вводя васъ въ общій обзоръ хода моей дѣятельности, и не останавливая вашего вниманія и на нынѣшней фазѣ развитія моихъ работъ, я, однако, надѣюсь дать вамъ понять, насколько глубоко мое убѣжденіе въ томъ, что вѣчная привязанность, которая, какъ мнѣ кажется, отнынѣ предназначена согрѣвать мою частную жизнь, замѣтно улучшитъ и мою общественную жизнь. Однимъ словомъ, глубокая гармонія этихъ двухъ сторонъ моего существованія до сихъ поръ не могла найти во мнѣ своего осуществленія, и только теперь она, наконецъ, имѣетъ прочную почву, созданную за послѣдніе три мѣсяца, когда вы, наоборотъ, могли опасаться, что невольно нарушили общее теченіе моей работы. Въ этомъ послѣднемъ мнѣ и хотѣлось бы разубѣдить васъ, а для того достаточно будетъ изложить вамъ мою прежнюю двойственную жизнь... Въ моей душевной организаціи сокрыты унаслѣдованныя отъ весьма нѣжной матери женственно-мягкія струны; онѣ только потому не могли достаточно вибрировать, что ихъ не умѣли—какъ слѣдуетъ задѣвать. Нынѣ наступилъ моментъ дать

Digitized by Google

имъ надлежащее развитіе; онѣ мало чувствительны въ первомъ томѣ моего труда, но ими охарактеризуется слѣдующій и въ особенности—четвертый, послѣдній. Отъ вашего благодѣтельнаго вліянія я жду, моя Клотильда, того неоцѣнимаго улучшенія въ моихъ работахъ, которое избавитъ ихъ отъ упрековъ нѣкоторыхъ моихъ критиковъ, указывающихъ на отсутствіе въ моемъ талантѣ гибкости (défaut d'onction), хотя нѣкоторые болѣе привилегированные умы давно открыли свойственную ему сантиментальность; мнѣ многіе сознавались, что плакали, читая нѣкоторыя изъ моихъ философскихъ страницъ; и замѣчательно то, что это были какъ разъ тѣ страницы, которыя я въ слезахъ и писалъ. Предъ вами одною у меня хватаетъ духа изложить все то, о чемъ я мечталъ для всесторонняго развитія нравственнаго величія человѣка, и только теперь я въ состояніи это сдѣлать,—теперь, когда вы уже сами начинаете чувствовать, насколько ненормальна дружба, лишенная задушевныхъ бесѣдъ съ глазу на глазъ. Только вы, и никто болѣе, цѣликомъ разсѣете ложный философскій стыдъ—казаться слишкомъ чувствительнымъ; чистота и искренность моихъ побужденій—вами никогда не будутъ заподозрѣны, какъ бы экзальтированны они ни были... Одинъ знаменитый писатель (De-Lamenais), который зналъ о моемъ печальномъ домашнемъ положеніи, лѣтъ двадцать тому назадъ еще говорилъ обо мнѣ: „c'est une belle âme qui ne sait où se prendre". Надѣюсь, теперь я доказалъ ему, что знаю—où me prendre, если только онъ слѣдилъ за общимъ моимъ развитіемъ. Благодаря вамъ, я надѣюсь, у него разсѣется на этотъ счетъ всякое сомнѣніе. Не опасайтесь, мой другъ, что ваше образованіе недостаточно для того, чтобы быть въ состояніи оказать мнѣ ту помощь, которой я напрасно искалъ внѣ вашей привязанности. Невеселая личная жизнь вамъ дала, помимо вашей воли, самое трудное изъ всѣхъ знаній,—знаніе человѣческой природы, то знаніе, которое, будучи даже только эмпирическимъ, имѣетъ большую философскую цѣнность, чѣмъ голая научная подготовка, ибо послѣдняя, даже въ самой возвышенной области,—математикѣ,—нерѣдко влечетъ за собою полное искаженіе истиннаго логическаго режима (l'altération radicale du vrai régime logique) посредствомъ привычки къ софистическому аргументированію (d'un ergotage sophistique), основанной на неразумной тенденціи къ разрушенію, къ анализу, даже и тогда, когда, наоборотъ, нужно сохранять,—когда нуженъ синтезъ"...

Въ красивыхъ и трогательныхъ выраженіяхъ адв. Allou изображаетъ успокаивающее мощную душу философа вліяніе тихой,

Digitized by Google

нѣжной, задумчивой и всегда благоговѣйно внимательной къ слову учителя Клотильды. Какой рѣзкій контрастъ съ всегда недовольною матеріальнымъ положеніемъ своего мужа, утилитарно-практичною, не замѣтившею отсутствія у своего великаго мужа той гармоніи душевной и умственной жизни, которой онъ такъ жаждалъ—женою его, истицею по настоящему дѣлу! Безъ іроніи и безъ утомленія, или нетерпѣнія, выслушивала Клотильда тяжелую, не всегда понятную для нея рѣчь Конта,—„elle jeta une grâce délicate et mélancolique, une sorte de reflets d'attendrissement et de charme sur les labeurs austères de Comte". Отношенія Конта къ Клотильдѣ не представляютъ собою ничего необъяснимаго съ точки зрѣнія здраваго ума. Влеченіе его къ ней знаменуетъ собою лишь оставленіе имъ области чистой спекуляціи и вступленіе въ область практической жизни, гдѣ, однако, онъ,—пылая страстью къ нравственному и чистому,—остается тѣмъ же позитивистомъ,—и позитивистомъ прежде всего. Съ этой точки зрѣнія адв. Allou и пытается объяснить всѣ тѣ странности, въ которыхъ усматриваютъ проявленіе болѣзненнаго душевнаго разстройства, вплоть до взвѣшиванія пищи и вообще усвоенія строгаго режима.

Ничѣмъ инымъ, какъ экзальтированнымъ позитивистомъ, вѣрнымъ самому себѣ, остается Контъ и въ позитивной политикѣ. Оговариваясь, что онъ не намѣренъ адвокатскій шопитръ превратить въ профессорскую каѳедру, Allou въ немногихъ словахъ намѣчаетъ связь и преемство идей Конта въ его философіи и политикѣ.

По ученію Конта—абсолютныхъ причинъ, первоначалъ, нѣтъ, а существуютъ лишь законы эволюціи; человѣчество прошло всѣ три, намѣченныя Контомъ, стадіи, и наступилъ періодъ позитивный; знаніе—вотъ единственное положительное. Исчерпавъ въ философіи задачи науки, исторіи, мысль Конта необходимо должна была остановиться на вопросѣ о религіи. Литтрѐ находитъ, что, съ позитивной точки зрѣнія, религіи вовсе быть не можетъ; Контъ,—говоритъ онъ,—уничтожилъ самъ теологію, установивъ необходимость положительныхъ и точныхъ знаній. „Но Литтрé ошибается, когда онъ Конта желаетъ опровергать самимъ Контомъ",—„il se trompe, quand il veut ainsi condamner Comte avec Comte lui-même". Религія Конта—именно позитивная религія; зародышъ ея истинные ученики Конта усматриваютъ уже въ позитивной философіи. „Для Конта религіозныя вѣрованія размѣщаются по лѣстницѣ; въ самомъ низу—идолопоклонство, выше—теократія и монотеизмъ, еще выше наконецъ—позитивизмъ.

Digitized by Google

Религія больше не можетъ быть выводима изъ сверхъестественныхъ причинъ; существо великое и реальное—человѣчество въ его развитіи, стремящееся къ прогрессу,—это и есть божество"! „Мой противникъ,—продолжаетъ адв. Allou,—говоритъ, что культъ человѣчества, его храмъ, обряды этого культа, могутъ вызывать лишь смѣхъ; я же не стану вовсе входить въ оцѣнку этой религіи, я только излагаю ея основную мысль и нахожу, что сходное съ мыслями Конта мы находимъ у Гегеля, у Фейербаха. „Homo homini deus"; все человѣчество не въ смыслѣ совокупности данныхъ индивидуумовъ, а человѣчество въ идеѣ всѣхъ временъ, прошлыхъ и будущихъ, развитіе его, прогрессъ, есть то, чему нужно поклоняться;—вотъ главный догматъ позитивной религіи". За догмой слѣдуетъ культъ. Всѣ обряды и таинства взяты изъ явленій, касающихся человѣчества, знаменующихъ его прогрессъ; отсюда—празднества въ честь людей, содѣйствовавшихъ этому прогрессу, отсюда и трогательная мысль о переименованіи календаря именами великихъ людей. Дальнѣйшій выводъ изъ той же догмы,—торжество идеи о чистой морали, какъ двигательницѣ прогресса, объ альтруизмѣ,—этомъ, какъ говоритъ адв. Allou, „mot disgracieux". „Я не раздѣляю идей Конта,—продолжаетъ онъ,—я не позитивистъ. Сознаюсь, что не люблю сухости формулъ позитивизма; въ его чисто математическихъ выкладкахъ нѣтъ, по моему мнѣнію, мѣста для истиннаго идеала, для высокаго вдохновенія, составляющаго честь человѣчества. Чувствуется въ немъ матеріализмъ, а въ отношеніи политическомъ—деспотизмъ; я не мечтаю о соціократической диктатурѣ, не желаю неумолимаго поглощенія индивидуума обществомъ, будь это даже необходимо для его благоденствія. Не могу я примириться съ безпощадною регламентаціею, доходящей до нормированія инстинкта питанія и чувственности. Я вѣрю въ спиритуализмъ и свободу. Пойду еще дальше—и скажу даже, что я вижу въ идеяхъ Конта, какъ и во всѣхъ философскихъ системахъ, нѣчто наивное. Но нельзя не видѣть въ нихъ плода великаго ума, истинной духовной мощи; въ его теоріи и классификаціи нельзя не видѣть глубокаго уваженія къ прошлому и проявленія моральнаго высокаго чувства. Мы не призваны, однако, судить идеи Конта или примѣнять ихъ къ дѣйствительности, а заняты вопросомъ о томъ, продолжалъ ли Контъ обладать сильнымъ здравымъ умомъ и духомъ".

Сущность того, чего домогается г-жа Контъ въ сообществѣ съ Литтре, заключается въ осужденіи судебнымъ приговоромъ идей Конта, изложенныхъ въ его завѣщаніи и повторяющихъ то, что развито имъ въ „Позитивной политикѣ". Литтре не долженъ

Digitized by Google

быть религіознымъ, поэтому нужно уничтожить мысли Конта о религіи! Контъ сдѣлалъ распоряженія относительно своихъ произведеній, организовалъ исполнителей его воли, приказалъ публиковать завѣщаніе, корреспонденцію, особенно же его письма къ де-Во; вѣрные исполнители его воли, истинные его послѣдователи, принимающіе все ученіе Конта, въ правѣ бороться противъ этой странной конфискаціи человѣческой мысли, преслѣдуемой истицей и Литтре: на какомъ основаніи могутъ они претендовать на право разрывать на части мысли Конта и самую его жизнь? Есть ли *это* уваженіе къ его памяти, уваженіе, побудившее ихъ привлечь эту память къ суду для того, чтобы оскорблять? И что за странное желаніе подвергнуть на ваше, господа судьи, усмотрѣніе идеи Конта, просить васъ одобрить однѣ, отвергнуть другія, сказать, что вотъ именно до сихъ поръ—истина, а дальше—заблужденіе! Гдѣ тотъ наивысшій, непогрѣшимый критерій, при помощи котораго наши противники хотѣли бы сдѣлать выборъ между идеями того, чей умъ они сами признаютъ столь возвышеннымъ и столь могучимъ"?... „Вы, Литтре, утверждаете, что вы—позитивистъ; нѣтъ, ваша доктрина—дочь позитивизма, mais fille indépendante et révoltée. Ради чего же конфисковать въ вашу пользу имя, которое вамъ не принадлежитъ, и которое вы не имѣете права носить? Истинные позитивисты—это ученики Конта, не отвернувшіеся отъ него до послѣдней его минуты. Вы же самозванно выкраиваете позитивизмъ по-своему. Вы—такой же позитивистъ, какъ протестантъ—католикъ. Можете создавать доктрины, какія вамъ угодно, но не вырывайте изъ нашихъ рукъ знамени, которое не вамъ ввѣрено, и которое не имѣете права носить, а хотите лишь взять въ руки, чтобы изорвать.

„Странности Конта, проявившіяся въ концѣ его жизни, васъ приводятъ въ отчаяніе, вы ихъ хотите объяснить безуміемъ. Не могутъ ли другіе, въ свою очередь, превзойти еще ваши обвиненія и добраться до мыслей Конта, до его философской идеи, господствовавшей у него въ тотъ періодъ его жизни, который составляетъ предметъ вашего почтительнаго культа? Когда Литтре предлагаетъ остановиться на философской его идеѣ и утверждаетъ, что въ ней выразилось цѣликомъ міровоззрѣніе Конта, то не чувствуетъ ли онъ, что вокругъ него, въ католическомъ мірѣ, имѣется много искренно вѣрующихъ, убѣжденныхъ, которые въ свою очередь могутъ его самого, невѣрующаго, считать сумасшедшимъ?

„И какъ можете вы сказать,—Огюстъ Контъ великій мыслитель лишь настолько, насколько его мысли совпадаютъ съ вашими,

Digitized by Google

во всемъ же прочемъ его глубокій умъ покрытъ туманомъ, тамъ царитъ безпорядокъ, тамъ одно смѣшеніе понятій!

„Какъ! Литтрé предлагаетъ взять на себя эту странную отвѣтственность и наложить свою руку на произведенія Конта? Онъ говоритъ:—я одобряю одни, и отвергаю другія; я пороюсь въ бумагахъ, которыя онъ оставилъ, и, будьте спокойны, я это сдѣлаю разумно и толково!

„Для прославленія памяти философа, Литтрé сдѣлаетъ выборъ изъ всего матеріала, разсортируетъ его переписку,—да вѣдь будущія поколѣнія будутъ знать не Конта, а Литтрé!

„И вы думаете, что, поступая такимъ образомъ, вы выразите уваженіе къ Конту, уваженіе къ истинѣ, наконецъ уваженіе къ исторіи? Мы, въ интересахъ Конта, претендуемъ только на право изложить всѣ его идеи, на право свободы его мыслей. Пусть люди потомъ судятъ; мы же исполнимъ долгъ совѣсти и законности, и предоставимъ всякому самому сдѣлать свой выборъ, всякому уму его свободу.

„Въ послѣднихъ произведеніяхъ Конта,—говоритъ истица,—ничего нѣтъ, кромѣ помраченія его великаго ума? Вы понимаете Огюста Конта при помощи Литтрé, при посредствѣ вашего гнѣва, вашихъ личныхъ счетовъ съ памятью Клотильды де-Во; вы, очевидно, не можете быть здѣсь судьею"!...

Обосновавъ такимъ образомъ выводъ о томъ, что ни въ отношеніяхъ Конта къ Клотильдѣ де-Во, ни въ мысляхъ его о религіи нельзя найти основанія для признанія Конта умственно и душевно разстроеннымъ и признать поэтому завѣщаніе его недѣйствительнымъ, адв. Allou переходитъ къ юридической сторонѣ вопроса. Изъ доводовъ его остановимся только на одномъ, имѣющемъ общее значеніе. Адв. Griolet находилъ, что Контъ не имѣлъ права распорядиться въ пользу третьихъ лицъ и въ ущербъ истицѣ своимъ литературнымъ наслѣдіемъ, такъ какъ до 1866 г. вдова, бывшая съ мужемъ въ общности имущества, имѣетъ по закону право литературной собственности на произведенія ея мужа. Адв. Allou не раздѣляетъ этого мнѣнія. Право литературной собственности относится до произведеній уже изданныхъ; оно не распространяется на изложенныя на письмѣ мысли, не сдѣлавшіяся, однако, еще достояніемъ печати. Право публиковать или не публиковать свои мысли—личное право, которое не переходитъ къ вдовѣ или вообще къ наслѣдникамъ по закону.

„Мы въ настоящемъ случаѣ вовсе не имѣемъ дѣла,—говоритъ адв. Allou,—съ требованіемъ о признаніи за вдовою Конта

Digitized by Google

права литературной собственности; она домогается не права на произведенія Конта, а права на уничтоженіе ихъ.

„Представьте себѣ писателя, мысли котораго въ послѣднія минуты его жизни сконцентрированы на идеѣ, заполонившей всю его жизнь; передъ смертью онъ желаетъ, чтобы его философская мысль получила послѣднее выраженіе, онъ ее резюмируетъ въ своемъ завѣщаніи, онъ выражаетъ свою послѣднюю волю о томъ, чтобы завѣщаніе и корреспонденція были напечатаны и освѣтили всю его доктрину—результатъ ученыхъ трудовъ въ теченіе всей его жизни. Гдѣ то всесильное право, гдѣ тотъ высокій принципъ, по которымъ было бы возможно воспротивиться этой волѣ? Рѣчь идетъ не о произведеніяхъ, уже превратившихся въ объектъ права собственности, путемъ изданія ихъ, а о посмертныхъ произведеніяхъ, которымъ распоряжаться можетъ только авторъ,—онъ одинъ волёнъ ихъ уничтожить, или, наоборотъ, приказать публиковать".

Свою рѣчь адвокатъ Allou заканчиваетъ слѣдующими словами: „Вы хотите отдать судьбу литературныхъ произведеній на волю наслѣдника, кто бы онъ ни былъ; а если эти произведенія религіознаго содержанія, наслѣдникъ же философъ и скептикъ,—да вѣдь онъ ихъ уничтожитъ! Іезуитъ сожжетъ произведенія Вольтера, ультрамонтанъ—изорветъ завѣщаніе Боссюэта! Писатель завѣщаетъ всю свою жизнь, свою душу, лучшую часть самого себя—легатару, достойному его довѣрія, а законъ передастъ этотъ священный депозитъ въ невѣрныя руки"!...

Судъ призналъ завѣщаніе дѣйствительнымъ и подлежащимъ публикованію по усмотрѣнію душеприказчиковъ—съ пропускомъ, однако, тѣхъ мѣстъ его, которыя касаются чести вдовы и постороннихъ лицъ.

Г. Слюзбергъ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

БАШКИРІЯ.

1.

Степь.

Необъятная ширь! Неоглядная даль!
Ни пригорка, ни лѣса зеленаго...
Небо—точно на бой закаленная сталь,
Точно отблескъ меча вороненаго.
Все—трава и цвѣты. Море пышной травы.
Вѣтеръ стелется крупными волнами.
И головки цвѣтовъ изъ росистой листвы
Поднимаются чашами полными.
Ароматъ напоилъ колокольчикъ степной.
Дышетъ нѣгой тюльпанъ очарованный;
И стоитъ въ полуснѣ задремавшій левкой,
Точно сторожъ страны заколдованной.
Высоко въ небесахъ вольный хищникъ степей
Чутко замеръ надъ гладью зеленою...
Тишина. Только въ балкѣ проворный ручей
Что-то шепчетъ волною студёною.

Digitized by Google

2.

Степная рѣчка.

Въ зеленыхъ берегахъ, привѣтлива, свѣтла,
Она скользитъ, не торопясь, безъ шума,
Гладка, какъ зеркало, какъ вешній день мила,
Спокойна, какъ давно продуманная дума.
Какъ бирюза, синѣютъ омута;
Какъ скатный жемчугъ, блещутъ перекаты,
И лилій водяныхъ нѣмая красота
Одѣла грудь ея, какъ опашень богатый.
Покой, вездѣ покой. Голодной чайки крикъ
Порой нарушитъ строгое молчанье
И рѣзко прозвенитъ, да вдалекѣ куликъ
Издастъ протяжное, тоскливое рыданье.

3.

Вечеръ.

Край небесъ золотя, догораетъ заря.
По землѣ потянулися тѣни.
Сходитъ теплая ночь, ярко въ звѣздахъ горя,
Ночь таинственныхъ сновъ и видѣній.
Утомительно жарокъ погасшій былъ день.
Степь дышать перестала отъ зноя,
И теперь ей вздохнуть точно нечѣмъ и лѣнь,
Ждетъ прохлады она и покоя.
Вотъ душистой волной вѣтерокъ пробѣжалъ,
И ковыль зашепталъ, отдыхая;
Тихій вздохъ прокатился, какъ по морю валъ,
И пронесся отъ края до края.

4.

Ночь.

Звѣзды ярко горятъ. Задремала рѣка,
Не шелохнется чуткій камышъ.
Въ небесахъ легкой дымкой плывутъ облака,
И вокругъ—непробудная тишь.

Digitized by Google

Незамѣтно уносится дума моя
Отъ земли и тревогъ ея прочь,
Далеко, далеко, въ голубые края,
Гдѣ царитъ эта звѣздная ночь.
Необъятныхъ міровъ лучезарная даль
Манитъ душу впередъ и впередъ,
Въ эту высь, въ эту глубь, гдѣ безмолвна печаль,
Гдѣ страданье безслѣдно пройдетъ.

II.

ПОБЛЕКШІЕ ЦВѢТЫ.

1.

Поблекшіе цвѣты—разбитыя желанья!
Что погубило ихъ? Нежданный ли морозъ,
Внезапный вихрь, иль долгое страданье?
Не все ль равно,—подъ шумомъ лѣтнихъ грозъ,
Иль въ тишинѣ незримо увядая,
Они нашли безвременный конецъ?
Свята и дорога ихъ красота былая,
Какъ брошенный въ пыли, растоптанный вѣнецъ.
Въ ихъ тусклыхъ краскахъ, въ блѣдномъ очертаньи
Для насъ прошедшее живетъ и дышетъ вновь;
Такъ въ очеркѣ лица, измятаго страданьемъ,
Былую красоту спѣшитъ найти любовь.

2.

Они безъ запаха. Исчезъ ихъ яркій цвѣтъ,
Какъ свѣжей юности восторги и мечтанья.
Тревогъ и радостей равно глубокій слѣдъ
Оставили въ душѣ воспоминанья;
Такъ тихой осени задумчивые дни
Хранятъ въ себѣ слѣды минувшей бури,
Но манятъ взоръ всегда сильнѣй они,
Чѣмъ лѣтній блескъ привѣтливой лазури;

Digitized by Google

Такъ музыки, умолкнувшей вдали,
Порой звучитъ еще аккордъ пѣвучій,
И тихо таетъ онъ въ дыханіи земли,
Дрожа волной смолкающихъ созвучій.

3.

Они заброшены... Но тотъ, кто ихъ нашелъ,
Невольно привлеченъ минутнымъ состраданьемъ,
Даритъ тревожное и грустное вниманье
Ихъ красотѣ... Поблекшій ореолъ
Дрожитъ надъ ними блѣдными чертами;
Глубокими, печальными слезами
Означенъ ложный путь, но въ слѣдъ очамъ мечта
Въ нихъ ищетъ жизни, трепета, желанья,—
И, можетъ быть, былая красота
Спасетъ грядущее отъ новаго страданья.

III.

Весна прошла, какъ мимолетный сонъ,
И лѣто настаетъ—суровый день работы.
Готовъ ли къ ней пѣвецъ, иль все растратилъ онъ
На праздникѣ весны, безъ думъ и безъ заботы?
Сберегъ ли онъ ковчегъ завѣта свой?
Все та же ль истина сверкаетъ предъ очами
И тотъ ли мечъ подъемлетъ онъ рукой,
Что̀ принялъ въ юности, идя на бой съ врагами?
Попрежнему любовь царитъ въ его груди,
И чисто отъ земной корысти вдохновенье?
Иль ненависти ядъ онъ принялъ на пути
И злобой отравилъ незлобивое пѣнье?
Полна ли думъ свободная душа?
Стремленье къ свѣту водитъ ли перстами?
Попрежнему ль къ нему, волнуясь и спѣша,
Созвучья стройныя съ небесъ слетаютъ сами?
О, если да, то пусть прошла весна;
Онъ сохранитъ ее въ воспоминаньи

Digitized by Google

И новыхъ силъ источникомъ она
Послужитъ вновь въ грядущемъ испытаньи.
Но если нѣтъ?.. Какъ горько проклянётъ
Ее онъ за обманъ, за призракъ наслажденья,
За сладость лживыхъ словъ, за непосильный гнётъ
Тяжелой горечи и ѣдкаго сомнѣнья!
Онъ проклянётъ плѣнительный туманъ
Пустыхъ страстей и пышныхъ обѣщаній,
И слабый, какъ дитя, въ крови отъ тяжкихъ ранъ
Опуститъ мечъ въ тоскѣ негодованья.

IV.

Какъ опытный гравёръ, трудясь надъ хрусталемъ,
Гранитъ его затѣйливо и смѣло,
Такъ времени рука надъ сердцемъ и умомъ
Кладетъ свои черты незримо, но умѣло.
Чѣмъ больше легкихъ чертъ положитъ въ ней рѣзецъ,
Тѣмъ тоньше грань, тѣмъ драгоцѣннѣй чаша;
Страданья и печаль—нашъ жизненный вѣнецъ,
И чѣмъ сильнѣй они, тѣмъ жизнь полнѣе наша;
Но чуть лишь въ сторону уклонится рука,—
Нарушена гармонія созданья,
И въ жизни та черта, что̀ слишкомъ глубока,
Оставитъ тяжкій слѣдъ страданья.
Одинъ неловкій взмахъ,—далъ трещину хрусталь
И больше не горитъ алмазными огнями.
Одинъ ударъ, но вглубь,—и жизни намъ не жаль,
И свѣтъ ея померкъ передъ очами.

А. Евреиновъ.

Digitized by Google

ЖЕНСКІЙ ТРУДЪ

въ

АМЕРИКѢ

Мнѣ только-что пришлось прожить по дѣламъ нѣсколько недѣль въ штатѣ Миннесотѣ, въ городѣ Миннеаполисѣ—очень большомъ, сравнительно, и давно уже составляющемъ главный коммерческій и промышленный центръ всего великаго американскаго новаго Сѣверо-Запада. Для явки разныхъ документовъ я нѣсколько разъ побывалъ въ зданіи окружного суда графства, въ конторѣ County Recorder'a, выборнаго чина, исправляющаго нѣкоторыя функціи русскихъ старшихъ нотаріусовъ. Огромная, свѣтлая, длинная зала, въ которой публика отдѣлена изящнымъ прилавкомъ, идущимъ напротивъ дверей въ нее изъ корридора, параллельно длинной стѣнѣ; за этимъ прилавкомъ стоятъ въ центрѣ комнаты три большихъ стола—самого рекордера и двухъ его старшихъ помощниковъ, а по обѣимъ ихъ сторонамъ—множество небольшихъ, и за каждымъ изъ нихъ сидитъ за пишущей машиной молодая женщина или дѣвушка. Принимаютъ публику трое мужчинъ — клэрковъ. Огромныя зеркальныя окна, дающія массу свѣта, прелестные мозаичные полы, богатѣйшая свѣтлая дубовая отдѣлка, высокія, тонкія, рѣзныя стальныя полки съ безчисленными отдѣленіями для явочныхъ книгъ, на невидимыхъ колесахъ безшумно ѣздящія по залѣ по мѣрѣ надобности, всюду изящная, удобная мебель—словомъ, впечатлѣніе получается весьма импонирующее, всегда присущее различнымъ американскимъ присутственнымъ мѣстамъ. Одинъ изъ предъявленныхъ мною доку-

Digitized by Google

ментовъ оказался настолько сложнымъ, что клэркъ счелъ нужнымъ доложить о немъ самому рекордеру, и меня пригласили за прилавокъ, къ его столу. Онъ оказался очень симпатичнымъ и очень интеллигентнымъ господиномъ лѣтъ подъ сорокъ, внимательнымъ и отлично знающимъ свое дѣло; покончивъ съ возбудившимъ сомнѣнія клэрка документомъ, мы разговорились. Я выразилъ удивленіе по поводу очевиднаго преобладанія женскаго пола въ его конторѣ. На шестерыхъ мужчинъ было болѣе сорока женщинъ. Я, конечно, не разъ встрѣчалъ это и прежде, но тутъ, въ этой строго оффиціальной, дѣловитой до крайней степени обстановкѣ, пестрые дамскіе костюмы почему-то особенно меня поразили. Онъ добродушно улыбнулся.

— Да, дѣйствительно, ихъ у меня около восьми на каждаго изъ нихъ, мужчинъ. Впрочемъ, моя контора не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи. Всѣ остальныя отдѣленія нашего суда —въ томъ же положеніи. И у раскладчика налоговъ, и у сборщика податей, и у управляющаго народнымъ образованіемъ, и въ канцеляріяхъ судей—все то же самое.

— Однако,—возразилъ я,—лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, въ странѣ не было ничего подобнаго. Я хорошо помню тѣ времена. Тогда въ зданіяхъ судовъ графствъ нельзя было встрѣтить ни одной женщины, кромѣ просительницъ, свидѣтельницъ и т. д. Женщинъ совсѣмъ не было между служащими—или мнѣ это только теперь такъ кажется, при видѣ вашего женскаго полчища?

— Нѣтъ, это совершенно вѣрно. Я служилъ въ конторѣ рекордера нашего графства лѣтъ десять, сначала клэркомъ, потомъ помощникомъ, прежде чѣмъ, года два тому назадъ, и меня самого выбрали на эту должность. Когда я только-что поступилъ сюда, въ конторѣ не было ни одной женщины. Помню, какъ, лѣтъ восемь тому назадъ, появилась у насъ первая изъ нихъ, сейчасъ же оказавшаяся отличнѣйшей копировщицей. Мы всѣ съ удивленіемъ смотрѣли на нее и думали, что она не долго продержится, не выдержитъ, устанетъ — а она работаетъ и посейчасъ. Потомъ онѣ стали поступать одна за другой, и мы скоро совсѣмъ къ нимъ привыкли—а теперь, видите, все копировочное дѣло у нихъ въ рукахъ, и мужчины остались только для дѣловыхъ объясненій съ нашими кліентами — да я самъ съ моими депутатами, лица выборныя по конституціи нашего штата.

— И это не мѣшаетъ правильному ходу вашего дѣла? Вѣдь оно требуетъ исключительной точности, щепетильности, если можно такъ выразиться? Вѣдь тутъ, при крѣпостной явкѣ дѣ-

Digitized by Google

ловыхъ документовъ, всякая точка, всякая запятая имѣетъ нерѣдко самое серьезное значеніе, не правда ли?

— Совершенно вѣрно, малѣйшая неточность можетъ возбудить безконечные споры, огромныя тяжбы. Нѣтъ, въ этомъ отношеніи я смѣло могу ручаться за свой штатъ. Я вѣдь отвѣчаю графству за правильность дѣлопроизводства въ моей конторѣ огромнѣйшимъ залогомъ, въ нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ, и весьма тщательно слѣжу за всякой мелочью. Только очень рѣдко къ намъ попадаютъ такія дамы, которыя по своей натурѣ неспособны къ нашей работѣ, и такихъ, конечно, мы немедленно удаляемъ. За такими новичками мы смотримъ во всѣ глаза, сличаемъ ихъ работу по три, по четыре раза на разные манеры. Нѣтъ, я давно пришелъ къ тому заключенію, что для копированія въ книги документовъ женщина гораздо лучше мужчины. Она внимательнѣе, не такъ самонадѣянна, всегда своевременно справится обо всемъ, въ чемъ она не безусловно увѣрена. На этой чисто механической работѣ она несомнѣнно добросовѣстнѣе и аккуратнѣе любого мужчины. Работаетъ не такъ быстро, особенно если почему-либо сомнѣвается, зато ужъ что сдѣлаетъ, то вѣрно. У насъ во всемъ зданіи много профессіональныхъ, такъ сказать, чиновъ для сличенія цифръ и рукописей, и всѣ они—женщины. Нѣтъ, на нихъ въ этомъ случаѣ можно безусловно положиться. Онѣ не остановятся для разсужденій, если въ копируемомъ документѣ попадется фраза безъ всякаго смысла, скопируютъ ее слово въ слово — мнѣ часто сдается, что работаютъ онѣ чисто механически, будто строчатъ рубашку или простыню, имъ до смысла дѣла нѣтъ, зато копія получается безукоризненная.

— А какое жалованье вы имъ платите?

— На опредѣленномъ жалованьѣ состоятъ только очень немногія—для сличенія, для алфавитовъ и тому подобной работы. Копировщицы всѣ работаютъ съ листа, поштучно, такъ сказать. Штатная легислатура опредѣляетъ вознагражденіе моей конторы съ частныхъ лицъ за явку документовъ — столько-то за букву, строчку, листъ—и мы ихъ нанимаемъ соотвѣтственно.

— А скажите, пожалуйста, не вліяетъ ли эта новая конкурренція на плату за трудъ вообще? Вѣдь вашъ теперешній женскій персоналъ вышилъ изъ вашей конторы столько же или почти столько же мужчинъ? Куда они дѣвались, и не понизило ли это заработную плату?

— Да, несомнѣнно понизило. Видите ли, громадное ихъ большинство, особенно молоденькія дѣвушки, которыхъ у насъ очень

Digitized by Google

много, готовы сначала работать совсѣмъ даромъ, только чтобъ получить мѣсто, а съ нимъ и возможность хотя бы впослѣдствіи сдѣлаться независимыми. Никакъ не больше половины поддерживаютъ самихъ себя работой—только у меньшинства есть родственники или семьи, которымъ дѣйствительно нужна ихъ работа. У насъ необходима очень чистая работа — а чтобы сдѣлаться экспертомъ на пишущей машинѣ нужно начать учиться писать на ней рано, въ юности; механическій навыкъ нуженъ почти тотъ же, что и для игры на фортепьяно или органѣ, — а безъ этого навыка никакая конкурренція невозможна, плата недостаточно высока. Бываютъ, конечно, исключенія, но я говорю объ общемъ правилѣ. Пожилой женщинѣ, оставшейся вдовой съ ребятами, уже поздно учиться—у нея не окажется необходимой гибкости рукъ и пальцевъ, ей нельзя разсчитывать хотя бы на сколько-нибудь сносный заработокъ у насъ. Поэтому большинство, чуть-ли не всѣ наши копировщицы, начинаютъ работу не по необходимости, а благодаря, такъ сказать, духу времени — и только впослѣдствіи нѣкоторыя изъ нихъ оказываются вынужденными поддерживать этой работой и самихъ себя, и, иногда, и свои семьи. Я увѣренъ, что главнымъ и, въ особенности, первоначальнымъ рычагомъ служатъ не необходимость работы, не заработная плата, а именно духъ времени. Наша работа очень скучна и не можетъ быть интересна никому сама по себѣ—и то упорство и терпѣніе, съ которыми онѣ ея добиваются и держатся, доказываютъ, прежде всего, на мой взглядъ, сильныя моральныя побужденія, которыми онѣ руководствуются и которыя ихъ поддерживаютъ. Нѣчто въ родѣ фанатизма, что-ли! Ничего нѣтъ мудренаго, когда человѣкъ работаетъ, потому что ему нужно ѣсть — а тутъ тотъ же результатъ производятъ совсѣмъ другія причины.

— Если онѣ, какъ вы говорите, понизили заработную плату, можете ли вы опредѣлить какъ-нибудь размѣры этого пониженія и отнести его прямо по ихъ адресу? Не дѣйствовали ли въ этомъ случаѣ и другія причины, помимо женскаго нашествія?

Мой собесѣдникъ задумался и отвѣчалъ не сразу. Очевидно было, что мой вопросъ засталъ его врасплохъ, и что онъ прежде на немъ не останавливался особенно.

— Что заработная плата въ нашей конторѣ понизилась, это для меня несомнѣнно главнымъ образомъ потому, что лѣтъ восемь тому назадъ, прежде чѣмъ женщины на насъ обрушились, самый дешевый клэркъ у насъ получалъ не менѣе 60 долларовъ въ мѣсяцъ, а теперь многія изъ этихъ копировщицъ

Digitized by Google

заработываютъ не болѣе 25, даже 20 долларовъ, хотя работаютъ такъ же усердно и тѣ же семь часовъ въ день. Бывало, наши клэрки для сличенія и алфавитовъ—я самъ былъ такимъ клэркомъ нѣсколько лѣтъ—получали 75, 80, 100 долларовъ въ мѣсяцъ; теперь женщины на ихъ мѣстахъ получаютъ 60, 50 и даже 40. Правда, онѣ работаютъ тише и приходится держать ихъ больше по числу. Понизилась эта плата, такимъ образомъ, не сразу, а какъ-то постепенно, понемногу — всякій новичокъ-женщина довольствовалась обыкновенно въ началѣ самой малостью, и была крайне довольна, когда ея жалованье увеличивали до 40 и 50 долларовъ. А съ теченіемъ времени эти цифры обратились въ возможный maximum, и онѣ не мечтаютъ о чемъ-либо большемъ.

— Чѣмъ же вы объясняете такую разницу въ требованіяхъ?

— А главнымъ образомъ тѣмъ, что клэркъ-мужчина долженъ во всякомъ случаѣ поддерживать самого себя и почти всегда и семью или родителей, или младшихъ братьевъ и сестеръ, или, если онъ женатый, свое собственное гнѣздо. Ему необходимы для этого извѣстныя, опредѣленныя средства, и онъ просто не можетъ продавать свой трудъ дешевле, чѣмъ допускаетъ необходимость; а женщина, какъ я уже не разъ упоминалъ, почти никогда не начинаетъ и только развѣ въ половинѣ случаевъ продолжаетъ свою работу при тѣхъ же условіяхъ. Ей нужно меньше въ громадномъ большинствѣ случаевъ,—вотъ она безсознательно и сбиваетъ заработную плату. Вѣроятно, есть и другія причины и соображенія, да я не могу сразу припомнить всего. Признаться, никогда не обдумывалъ этого вопроса обстоятельно и со всѣхъ сторонъ. Теперь и самъ вижу, какъ онъ важенъ и какое вліяніе несомнѣнно оказываетъ на всю нашу современную жизнь.

Онъ съ какимъ-то страннымъ, новымъ для самого себя любопытствомъ тихо обвелъ глазами работавшихъ за своими маленькими столиками, по обѣимъ сторонамъ отъ насъ, женщинъ. Ихъ пальцы быстро мелькали по клавишамъ машинъ, глаза были сосредоточены на рукописяхъ,—лица все молодыя, возбужденныя, серьезныя. Съ правой стороны, ближе другихъ, сидѣла высокая, красивая, видная блондинка, въ безукоризненномъ, дорогомъ платьѣ, изъ тяжелой, превосходной матеріи; на ея столикѣ лежало щегольское портмонэ рядомъ съ длинными перчатками подъ цвѣтъ платью; на одномъ изъ пальцевъ сверкалъ чудными огнями великолѣпный изумрудъ; къ корсажу былъ при-

Digitized by Google

шпиленъ прелестный букетикъ фіалокъ—это въ декабрѣ мѣсяцѣ подъ 50-мъ градусомъ широты, когда на улицѣ стоялъ двадцатиградусный морозъ!

Дѣвушка вдругъ сморщила лобъ, откинула рычагъ машины, посмотрѣла на рукопись, потомъ смущенно оглянулась, достала ножикъ и стала тщательно подскабливать ошибку.

Мой собесѣдникъ подвинулся ближе ко мнѣ и указалъ на нее глазами.

— Вотъ вамъ превосходный субъектъ для иллюстраціи всего того, что я вамъ говорилъ. Она—дочь одного нашего богатаго купца, очень вліятельнаго въ нашихъ городскихъ дѣлахъ, моего давняго и хорошаго знакомаго, очень существенно мнѣ помогшаго на прошлыхъ выборахъ. Съ годъ тому назадъ заѣхалъ онъ съ нею сюда по дѣлу—я и тогда замѣтилъ, что она очень внимательно ко всему здѣсь присматривалась. Очевидно было, что наша обстановка ее очень заинтересовала. Потомъ, смотрю, пріѣзжаетъ въ другой разъ, въ третій; а затѣмъ пожаловалъ папенька и говоритъ, что его дочь желаетъ поступить къ намъ въ копировщицы. „Я, говоритъ, и такъ съ ней, и этакъ—ну, посудите, говоритъ, сами, какая нужда, какой смыслъ? Нѣтъ, говоритъ, папа, желаю да и все тутъ. Я ужъ, говоритъ, на васъ разсчитываю, на васъ одна надежда, что вы ее со временемъ расхолодите. Что же дѣлать, говоритъ, пусть попробуетъ. Хуже будетъ, если на сцену станетъ проситься, или въ армію спасенія ударится". У насъ, знаете, отцы обыкновенно крайне безпомощны, во всемъ, что касается взрослыхъ дочерей. Что съ ней, въ самомъ дѣлѣ, подѣлаешь? Чѣмъ больше противорѣчишь, тѣмъ она хуже и упорнѣе. Подавай сейчасъ! Ну-съ, я, конечно, принялъ, посадилъ въ свое время за работу. Раньше всѣхъ другихъ пріѣзжаетъ, позже всѣхъ уѣзжаетъ, сидитъ цѣлый день, не разгибая спины, такое усердіе проявляетъ, что мы всѣ глазамъ не вѣримъ. И вотъ, работаетъ уже около года, дня ни одного не пропустила, совсѣмъ экспертомъ сдѣлалась. Теперь на поштучной работѣ до сорока долларовъ въ мѣсяцъ получаетъ, и самыхъ старыхъ, самыхъ лучшихъ нашихъ копировщицъ за поясъ заткнетъ. Я сначала не разъ съ ней заговаривалъ—отецъ, знаете, заѣзжалъ нарочно раза три, чуть не плачетъ, все проситъ, чтобы уговаривать ее бросить всю эту канитель. Ну, я, конечно, и такъ, и этакъ старался. Помилуйте, совсѣмъ и меня-то съ толку сбила. „Я, говоритъ, чрезвычайно признательна этой конторѣ. Она меня, говоритъ, уравновѣсила. Мнѣ именно недоставало обязательной работы. Теперь я совершенно довольна и ничего больше не желаю".

Digitized by Google

А вѣдь, понимаете, чтобы работать у насъ съ утра до вечера, ей пришлось совершенно всю свою обычную жизнь перемѣнить—вѣдь она была свѣтская дѣвушка, жила до тѣхъ поръ исключительно свѣтскими интересами—а теперь вмѣсто баловъ да разъѣздовъ—пишущая машина, и сорокъ долларовъ въ мѣсяцъ!

Онъ въ совершенномъ недоумѣніи развелъ руками и весь какъ-то съёжился. А красивая блондинка давно справилась съ своей опиской и опять вся погрузилась въ однообразную, тихую музыку клавишей прозаической пишущей машины Ремингтона!

Рекордеръ опять обвелъ залу глазами, и на этотъ разъ остановилъ мое вниманіе на небольшого роста женщинѣ, съ серьезнымъ, худымъ лицомъ, гладко зачесанными назадъ и свернутыми въ небрежный узелъ волосами, одѣтую въ скромное черное платье, безъ малѣйшихъ украшеній. Она сидѣла очень прямо на своей табуреткѣ и удивительно быстро играла пальцами, хотя вся ея фигура была совершенно неподвижна.

— А вотъ эта лэди,—опять заговорилъ онъ, дружелюбно и ласково окидывая ее съ ногъ до головы внимательнымъ, симпатизирующимъ взглядомъ, — совсѣмъ другого рода. Шестнадцати лѣтъ она вышла замужъ — изъ богатой, уважаемой въ городѣ семьи. Мужъ оказался пьяницей и негодяемъ—живо промоталъ все приданое, пустился на аферы, потомъ во всѣ тяжкія и наконецъ скандально проворовался и вынужденъ былъ скрыться изъ города внезапно. Совершенно неизвѣстно, гдѣ онъ теперь пропадаетъ—сидитъ, можетъ быть, въ какой-нибудь пенитенціарной тюрьмѣ. Ея семью, между тѣмъ, постигли разныя финансовыя несчастія, она распалась и разбрелась въ разныя стороны, и она осталась съ тремя малыми ребятами — это наслѣдство мужчина подобнаго рода не преминетъ оставить—безъ куска хлѣба, ни вдовой, ни разводкой, всего двадцати-двухъ лѣтъ. Ей пишущая машина какъ-то особенно далась, и вотъ она работаетъ у насъ ужъ лѣтъ пять, получаетъ теперь самое высшее женское жалованье и поднимаетъ семью...

Я съ особеннымъ почтеніемъ взглянулъ еще разъ на маленькую лэди... Она ни разу не перемѣнила положенія, не смотрѣла ни направо, ни налѣво и ни на секунду не отрывалась отъ своей машины. Да, это была настоящая, породистая лэди; а кто знаетъ, что постигнетъ, въ концѣ концовъ, и красавицу-блондинку: вѣдь въ Америкѣ нѣтъ майоратовъ, и какой-нибудь „up and down“ нашей кипучей жизни можетъ съ успѣхомъ уничтожить ея вліятельнаго теперь отца и оставить и ее, въ одинъ прекрасный день, на самой послѣдней ступени житей-

Digitized by Google

ской лѣстницы... Мы оба опять посмотрѣли на нее, и я понялъ по взгляду выразительныхъ глазъ моего собесѣдника, что и у него въ головѣ промелькнули тѣ же мысли...

Женщины, между тѣмъ, работали не разгибаясь, мужчины какъ будто не замѣчали ихъ и тоже строчили въ своихъ большихъ книгахъ. Когда въ залѣ не было посѣтителей, раздавался только однообразный, легкій стукъ машинъ, да слышался по временамъ тотъ своеобразный звукъ, который производитъ перемѣняемый въ рычагѣ листъ рукописи.

— А что, скажите, — вдругъ пришло мнѣ на умъ, — не вамъ, такъ многимъ мужчинамъ не опасно постоянное сосѣдство такого цвѣтника?—и я не могъ удержаться отъ довольно выразительной улыбки.

— Опасно? Помилуйте, да я и до сихъ поръ старый, неисправимый холостякъ. Нѣтъ, опасности, я думаю, даже меньше, чѣмъ при обыкновенныхъ условіяхъ. Мы привыкли къ постоянному присутствію постороннихъ, большею частью молоденькихъ и иногда очень хорошенькихъ женщинъ. Мнѣ иногда кажется, что это постоянное присутствіе притупляетъ въ насъ тѣ нервы, которые должны бы быть особенно чувствительны къ женскому полу. Да и женщины эти какія-то совсѣмъ особенныя. Почти всѣ—именно то, что теперь называютъ „новой“ женщиной. Объ замужествѣ и не думаютъ. Имъ „независимость“ дороже всего, повидимому. Послушайте ихъ, какъ онѣ разсуждаютъ во время полдника! Да и то сказать, какъ и разсуждать-то иначе, когда такіе разительные примѣры, какъ эта маленькая лэди въ черномъ—всегда передъ глазами? Наши всѣ просто боятся замужества. У насъ нѣтъ ни одной замужней—либо разводка, либо вдова, либо покинутая безъ всякихъ формальностей. Больше всего незамужнихъ, дѣвушекъ. Не боятся остаться на весь вѣкъ старыми дѣвами, а боятся замужества. Считаютъ его—folly, глупостью, даже сумасшествіемъ. Въ нашей конторѣ до сихъ поръ не было ни одного романа между служащими.

Явились другіе посѣтители, рекордеръ долженъ былъ оставить меня, и я съ сожалѣніемъ покинулъ эту интересную контору и отправился домой. Я владѣю въ Миннеаполисѣ большимъ „дѣловымъ“ домомъ въ центрѣ города, и въ немъ, между прочимъ, помѣщается большой отель. Отель этотъ, до покупки мною дома, находился много лѣтъ въ арендѣ у расторопнаго янки, американца, котораго я и оставилъ моимъ управляющимъ. Онъ завѣдуетъ всѣмъ персоналомъ служащихъ, нанимаетъ и разсчитываетъ ихъ по своему усмотрѣнію. Въ конторѣ отеля,

Digitized by Google

какъ и во всякомъ другомъ большомъ заведеніи этого рода въ Америкѣ, имѣется особый „news stand“, т.-е. прилавокъ, за которымъ продаются газеты, журналы, книги, сигары и т. п., и гдѣ помѣщается также телеграфная станція. Такой „news stand“ исправляетъ всегда также и должность какъ бы справочнаго бюро относительно поѣздовъ, городскихъ учрежденій и увеселеній, продаетъ театральные билеты и т. д. Съ годъ тому назадъ, когда я въ послѣдній разъ былъ здѣсь, учрежденіемъ этимъ завѣдывалъ клэркъ-мужчина; теперь же за прилавкомъ сидятъ двѣ молодыя дѣвушки, очень щеголевато одѣтыя, хорошенькія и бойкія. До моего разговора съ рекордеромъ, я не обратилъ на это вниманія; теперь же онѣ меня очень заинтересовали. Я спросилъ у управляющаго, зачѣмъ онъ сдѣлалъ эту перемѣну.

— Причинъ было много,—отвѣтилъ онъ.—Главное, пока былъ за этимъ прилавкомъ одинъ клэркъ, ему приходилось, конечно, по временамъ отлучаться—уходилъ обѣдать, за покупками, и тому подобное. И чуть не всякій разъ, когда кому-нибудь изъ гостей нужно отправить спѣшную телеграмму, навести какую-нибудь справку и т. д.,—„news stand“ пустъ. Ну, конечно, иногда выходили неудовольствія. Я платилъ клэрку сорокъ долларовъ въ мѣсяцъ, и онъ получалъ еще процентъ съ телеграфной компаніи съ каждой отправленной имъ депеши,—мнѣ и не было разсчета нанимать ему помощника. А тутъ подвернулись эти дѣвушки и предложили обѣ сидѣть за прилавкомъ за тѣ же деньги. Онѣ—сестры, обѣ телеграфистки, да и кромѣ того обязались взять у насъ комнату и содержаніе. Это намъ, конечно, было гораздо выгоднѣе, и я немедленно сдѣлалъ перемѣну. Онѣ оказались предѣловитыя, продаютъ гораздо болѣе товару и отправляютъ гораздо болѣе депешъ, такъ что и намъ, и имъ выгодно. И рѣшительно никакихъ неудовольствій: которая-нибудь всегда за прилавкомъ, и наши постоянные кліенты очень довольны. Потолкуйте съ ними, онѣ—очень неглупыя дѣвушки. Я васъ представлю имъ, если хотите.

Я не преминулъ воспользоваться его совѣтомъ, забрался за прилавокъ, и немедленно вступилъ съ ними въ оживленный разговоръ. Дѣвушки, очевидно, изъ хорошаго семейства, съ болѣе или менѣе культурнымъ домашнимъ воспитаніемъ, и обѣ кончили курсъ въ городской высшей школѣ. У обѣихъ хорошій слухъ, и телеграфному искусству онѣ выучились въ три мѣсяца, между дѣломъ, въ „дѣловомъ“ коллэджѣ города. Владѣютъ и пишущей машиной, стоящей тутъ же за прилавкомъ, переписываютъ рукописи, дѣловыя бумаги, письма и т. д., и на этомъ

Digitized by Google

также добываютъ долларовъ десять, пятнадцать въ мѣсяцъ. Словомъ, въ финансовомъ отношеніи онѣ устроились вполнѣ удовлетворительно, заработывая вдвоемъ долларовъ семьдесятъ-пять или восемьдесятъ въ мѣсяцъ и платя за полное содержаніе, съ комнатой—всего сорокъ; онѣ оказываются не только совершенно независимыми, но и имѣютъ возможность вносить ежемѣсячно долларовъ двадцать въ сберегательный банкъ. А одной изъ нихъ всего девятнадцать, другой двадцать-два года. Обѣ чистенькія, со вкусомъ и даже щегольски одѣтыя, въ совершенно одинаковыхъ костюмахъ.

— Скажите, какъ это вамъ пришло въ голову взяться за такое дѣло? Мнѣ почему-то кажется, что отельная контора, гдѣ всего можно насмотрѣться и наслушаться, совсѣмъ бы вамъ не мѣсто.

— Почему? Нѣтъ, мы здѣсь работаемъ уже больше полугода, а ничего такого, что̀ намъ было бы непріятно, еще ни разу не случалось. Нѣтъ, мы очень довольны, и наше дѣло постоянно увеличивается и улучшается. А попали мы сюда по протекціи миссисъ А., жены вашего управляющаго. Она знаетъ наше семейство и насъ самихъ съ дѣтства и помогла намъ устроиться здѣсь. Мы до этого всегда жили дома.

— Что̀ же васъ заставило покинуть семью? Извините, можетъ-быть это слишкомъ нескромный вопросъ? Но, видите ли, мнѣ очень интересна нынѣшняя „новая“ женщина, а вы, кажется, принадлежите къ этому типу?

Онѣ обѣ разсмѣялись.

— „Блумеровъ“, какъ видите, мы не носимъ,—отвѣчала старшая, старательно расправляя смятый воздушный шаръ на затѣйливомъ буффѣ рукава младшей, и тревожно и быстро осматривая и свой собственный костюмъ,—а независимости дѣйствительно добиваемся, если вы только этимъ послѣднимъ характеризуете современную американскую „новую“ женщину... Нѣтъ, отчего же, вашъ вопросъ совсѣмъ не нескроменъ, тѣмъ болѣе, что исторія наша крайне проста. Года два тому назадъ, у насъ умерла мать—мы жили только съ отцомъ, завѣдывали его домашнимъ хозяйствомъ,—то-есть, этимъ занималась я, такъ какъ сестра была еще въ школѣ. Но потомъ женился нашъ старшій братъ и жилъ съ нами же, въ отцовскомъ домѣ. Онъ былъ долго боленъ, жилъ на югѣ, познакомился съ своей женой въ Джорджіи, и она, пріѣхавъ сюда, пожелала, конечно, завести въ домѣ свои собственные порядки—у нихъ тамъ, на югѣ, все дѣлается не такъ, какъ къ этому привыкли мы здѣсь. Она очень милая женщина, очень

Digitized by Google

любитъ брата и очень понравилась отцу—ну, мы съ сестрой не хотѣли ей мѣшать, да и сами не желали отставать отъ всего того, на чемъ мы выросли. Вы, мужчины, гораздо легче переносите и освоиваетесь съ такими перемѣнами, чѣмъ мы, женщины—братъ и отецъ ихъ и не замѣчали, а намъ по временамъ было очень не по себѣ. Мелочи, конечно, но что же за охота жить въ постоянной ирритаціи? У отца средства небольшія, — мы не составляли ему обузы, пока жили въ домѣ, но онъ не могъ бы безъ стѣсненія содержать насъ на сторонѣ,—вотъ мы выучились телеграфіи, писанью на машинѣ; подвернулась возможность устроиться въ вашемъ отелѣ — вотъ мы и независимы. Отецъ сначала былъ нѣсколько недоволенъ, братъ и невѣстка долго насъ отговаривали — но теперь все это обошлось, мы съ ними въ наилучшихъ отношеніяхъ, и въ то же время сами себѣ госпожи во всемъ.

— Все-таки,—продолжалъ я настаивать на своей тэмѣ,—было бы вѣдь гораздо покойнѣе жить дома: ни заботы, ни ранняго вставанья — здѣсь вѣдь вы должны быть уже за прилавкомъ съ семи часовъ утра каждый день—опять-таки повторяю, дома нѣтъ всегда непріятной атмосферы отельной конторы, съ ея шумомъ, неизбѣжной грязью...

— Никакая грязь къ намъ не пристанетъ, если мы сами этого не захотимъ, — увѣренно и серьезно перебила меня старшая, и я, признаюсь, глядя на нихъ, долженъ былъ внутренно съ нею согласиться. — Нѣтъ, мы очень довольны. Во-первыхъ, мы не связаны. Одна изъ насъ всегда совершенно свободна, если это нужно. Во-вторыхъ, мы уже скопили сто долларовъ и надѣемся, что эти сбереженія будутъ рости съ каждымъ мѣсяцемъ. Потомъ, когда-нибудь, когда попривыкнемъ къ „дѣлу“, заведемъ и свое собственное что-нибудь. А главное, мы обезпечены. Вѣдь случись что-нибудь съ отцомъ,—онъ ужъ старикъ и часто хвораетъ — еслибъ мы не устроились такимъ образомъ, мы очутились бы на шеѣ у брата. У отца нѣтъ состоянія,—только то, что ему даетъ его дѣло, пока онъ живъ и имъ завѣдуетъ. А у брата своя семья, они ужъ скоро ждутъ перваго ребенка. Да и что бы мы стали дѣлать дома? Сестра тоже кончила курсъ въ прошломъ году, и обѣимъ намъ пришлось бы просто помирать со скуки безъ всякаго дѣла въ нашей комнатѣ. Вѣдь только бы и оставалось, что дожидаться жениховъ!

И обѣ громко, искренно разсмѣялись и лукаво поглядѣли на меня.

— Что-жъ, развѣ вы не собираетесь замужъ? Такія моло-

Digitized by Google

денькія и—извините—такія хорошенькія, вѣдь не стремитесь же вы на-вѣкъ остаться въ старыхъ дѣвахъ? Это и неестественно, и нерезонно, и смѣшно.

— Почему? Не знаю, какъ Алиса, — опять отвѣчала старшая,—а я привыкла думать, что замужество дастъ только однѣ заботы и несчастіе. Изъ десяти одно, можетъ быть, выйдетъ счастливое. Почитайте наши газеты—онѣ полны семейными скандалами, разводами, убійствами и самоубійствами изъ-за семейныхъ недоразумѣній. Какое мы имѣемъ основаніе думать, что составимъ непремѣнное счастливое исключеніе? Нѣтъ, я иногда такъ вся и задрожу, когда подумаю, что и со мной приключится такое несчастіе — какъ замужество. Я, видите ли, допускаю возможность потери силы воли въ этомъ случаѣ, возможность такого увлеченія несчастной встрѣчей, что можетъ получиться временное затемненіе разсудка—и тогда бѣда!

И она нервно, безсознательно вздрогнула и отвернулась.

— Ну, вы дѣйствительно форменная „новая“ женщина. Но мнѣ, человѣку пожилому и семейному, эта ваша логика, которую вы проповѣдуете такъ, повидимому, сознательно и съ такимъ хладнокровіемъ, кажется просто страшною. Что станется съ семьей, съ общиной, съ государствомъ, съ человѣчествомъ, наконецъ? Вѣдь всѣ они основаны, болѣе или менѣе, на вашемъ замужествѣ. Все разлетится въ прахъ, если краеугольный камень, семья, исчезнетъ?

— А съ этимъ ужъ вѣдайтесь вы, мужчины. Вѣдь вы же все это и устраивали — вѣдь женщина всегда была только пассивной жертвой, только покорной исполнительницей вашихъ же вердиктовъ. Вы и до сихъ поръ упорно отказываете ей въ правѣ на голосъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ. Если жизнь стала ей до того невыносима, что она не только добровольно отказывается отъ священнѣйшихъ своихъ прерогативъ — любви и материнства, но и болѣзненно дрожитъ при одной мысли о нихъ—пеняйте сами на себя. Не она установила эти жизненныя условія, и если ихъ результаты вамъ не нравятся—измѣните условія соотвѣтственно. Мы, при настоящемъ устройствѣ общества и семьи, не можемъ этого сдѣлать и протестуемъ—конечно, опять-таки только пассивно, благодаря издавна укоренившимся въ женскомъ полѣ привычкамъ — тѣмъ, что не хотимъ выходить замужъ и поголовно стремимся къ независимости!

И она съ непоколебимымъ убѣжденіемъ тряхнула своей хорошенькой головкой.

Вотъ тебѣ и „неземныя созданія“! невольно подумалъ я. Ка-

Digitized by Google

кова философія? Что же приключилось съ ихъ традиціоннымъ „сердцемъ“? У этихъ дѣвицъ, очевидно, дѣйствовала одна голова; сердце же—если, конечно, и было, то, несомнѣнно, отправляло однѣ чисто физіологическія функціи.

Вечеромъ я опять навелъ на ту же тэму и управляющаго, и присоединившагося къ намъ старшаго клэрка отеля, молодого щеголя въ безукоризненномъ костюмѣ, очень дѣловитаго и бойкаго. Мнѣ все сдавалось утромъ, что рекордеръ, говоря о женщинахъ своей конторы, относится къ нимъ не какъ къ женщинамъ, а какъ къ какимъ-то безполымъ существамъ, одѣтымъ, правда, въ женскіе костюмы и потому требовавшимъ извѣстныхъ оттѣнковъ въ обращеніи съ ними, но, въ то же время, не обладавшимъ специфическими внутренними особенностями женскаго пола. И въ нихъ самихъ, и, главное, въ его отношеніи къ нимъ мнѣ чувствовалось какъ-бы совершенное отсутствіе всего того, что я смолоду привыкъ подразумѣвать подъ словомъ „женственность“, мудренымъ словомъ, не вполнѣ поддающимся точнымъ опредѣленіямъ, но заключающимъ въ себѣ, въ моемъ представленіи, чрезвычайное обиліе самыхъ разнообразныхъ, но всегда очень симпатичныхъ понятій. Мнѣ хотѣлось узнать, какъ относятся эти мужчины къ этимъ до извѣстной степени привлекательнымъ и, несомнѣнно, очень неглупымъ дѣвушкамъ, съ которыми они сталкиваются такъ или иначе каждый день и цѣлый день. Управляющій, человѣкъ уже очень пожилой и давно женатый, пожалъ прежде всего плечами очень выразительно.

— Какъ вамъ сказать?—какъ бы не зная, съ чего именно начать, заговорилъ онъ:—онѣ очень хорошія, нравственныя дѣвушки, и никому и въ голову не придетъ позволить себѣ съ ними ничего дѣйствительно лишняго. Наша публика нынче уже привыкла къ женщинѣ вездѣ и всюду, и хотя я и торчу въ конторѣ съ утра до вечера, мнѣ ни разу еще не только не пришлось замѣтить что-либо неподходящее, но и обратить на это вниманіе. Въ то же время нельзя никакъ отрицать, что сами онѣ существенно перемѣнились. Еще бы! возятся постоянно почти исключительно съ мужчинами, предлагаютъ имъ купить то то, то другое, выслушиваютъ при этомъ всякія любезности, а иногда, вѣроятно, и двусмысленности и даже пошлости—вѣдь у насъ публика всякая, часто подолгу стоятъ цѣлыя театральныя труппы, а актеры народъ не особенно церемонный—ну, вотъ онѣ и сами стали замѣтно развязнѣе, что-ли, менѣе чуткими къ разнымъ тонкостямъ. Большая разница—говорить съ молодымъ мужчиной, какъ съ гостемъ, въ гостиной родительскаго

Digitized by Google

дома, или—какъ съ мимолетнымъ отельнымъ постояльцемъ, которому нужна сигара или журнальная книжка, а иногда просто убить время. Онѣ и сами, такъ сказать, „обмужчинились", утратили ту разницу, которая въ то время, когда я ухаживалъ за моей теперешней женой, чувствовалась всѣмъ моимъ существомъ, опьяняла меня, такъ сказать, казалась мнѣ такой восхитительной и манила къ себѣ, какъ мотылекъ на огонь. Этой разницы въ нихъ теперь совсѣмъ нѣтъ—ароматъ весь выдохся, ему не удержаться въ дѣвушкѣ, если она протолчется въ отельной конторѣ всего два, три мѣсяца. Голосъ и костюмъ женскіе, на видъ дѣвушка какъ дѣвушка, а разговоръ, понятія, даже до извѣстной степени вкусы—какіе-то безполые, что-то среднее, неопредѣленное. Никакъ нельзя предвидѣть, какъ она поступитъ въ извѣстномъ случаѣ — по-женски или по-мужски. Иной разъ я объ закладъ готовъ биться, что по-мужски. Съ ней можно вести любое дѣло, зато ужъ не жди дѣвическихъ ароматовъ и дѣвической краски—отучились краснѣть и не стѣсняются передъ очень многимъ. Я, конечно, старикъ и привыкъ цѣнить именно то, что̀ казалось цѣннымъ въ молодости,—и мнѣ особенно странно то, что жена моя ихъ любитъ и одобряетъ, и даже очень завидуетъ, что родилась двадцатью-пятью годами раньше, чѣмъ какъ бы слѣдовало. А мы съ ней прожили душа въ душу лѣтъ тридцать. Да-съ. И будь она тогда такой, какъ эти мои конторщицы, я бы ее и не замѣтилъ, прошелъ бы мимо, какъ проходилъ мимо театральныхъ афишъ и сигарныхъ объявленій.

Клэркъ внимательно слушалъ своего принципала, и, очевидно, одобрялъ—его красивая голова, съ безукоризненнымъ проборомъ по срединѣ, и гладко, превосходно выбритымъ лицомъ, не разъ кивала безусловно утвердительно. Я вопросительно посмотрѣлъ на него, желая, чтобы и онъ высказался.

— Я, признаться, чувствовалъ себя не совсѣмъ по себѣ самое первое время, когда эти дѣвушки смѣнили Кокса. Но это живо прошло и наладилось—all right. Теперь я, когда говорю съ ними и провѣряю ихъ дневные отчеты, совсѣмъ не принимаю въ соображеніе, что онѣ женщины,—и говорю все то, что̀ сказалъ бы и Коксу. Конечно, снимаю шляпу и не такъ свободенъ въ выраженіяхъ, но все-таки и выговоръ сдѣлаю, и ко всякой неисправности отнесусь точно такъ же. Я говорю это къ тому, что мнѣ не разъ приходилось слышать и читать, будто бы введеніе женскаго персонала значительно смягчило наши дѣловые нравы. Я думаю, что я нисколько не измѣнился, благодаря ихъ присутствію здѣсь, и въ то же время увѣренъ, что онѣ

Digitized by Google

именно „обмужчинились“, какъ справедливо выразился мистеръ А. Я холостъ и совсѣмъ не намѣренъ еще жениться, но знаю, что если онѣ не хотятъ замужъ, то и я бы ни на одной изъ нихъ и имъ подобныхъ ни за что бы не женился. Это, такъ сказать, взаимное предубѣжденіе. Мы имъ не хороши, а онѣ намъ не годятся. Я бы женился только на женщинѣ не по костюму только и внѣшности, а на дѣйствительной женщинѣ со всѣми ея недостатками, но и со всѣми ея прелестями. Я не желаю жениться съ тѣмъ, чтобы развестись черезъ полгода, потому что окажется, что мы любимъ различныя блюда за обѣдомъ и ужиномъ, различные театры или журналы, или привыкли ходить въ различныя церкви. Мнѣ нужна въ жены настоящая дѣвушка—а не demie-vierge,—съ трудомъ, но правильно произнося французскія слова, указалъ онъ на приспособленную къ этой нашей „злобѣ дня“ удачную каррикатуру извѣстной картины Монтзэгля въ парижскомъ салонѣ 1896 года, воспроизведенную въ краскахъ на оберткѣ предпріимчивой мѣстной газеты.

Я не знаю, насколько успѣшно мнѣ удалось, въ литературномъ отношеніи, воспроизвести эти такіе характерные для нашего времени разговоры—ручаюсь только за ихъ фотографическую точность и безусловное сохраненіе тона. Никогда прежде обиліе женщинъ-работницъ во всѣхъ рѣшительно сферахъ человѣческой дѣятельности у насъ не бросалось мнѣ такъ рѣзко въ глаза, какъ именно послѣ этихъ разговоровъ. Въ конторѣ моего адвоката изъ четырехъ клэрковъ оказались три женщины; въ конторѣ поземельнаго агента изъ пяти—четыре; даже въ банкахъ кассиры и тэллеры, т.-е. лица, приходящія въ непосредственное соприкосновеніе съ публикой,—мужчины, а за бухгалтерскими столами и пишущими машинами вездѣ преобладаютъ пестрые дамскіе костюмы. Во всѣхъ конторахъ, магазинахъ, даже ресторанахъ и аптекахъ—всѣ кассиры, бухгалтеры, часто всѣ клэрки—женщины и молодыя дѣвушки. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Миннеаполисъ — вмѣстѣ съ Сэнтъ-Полемъ, съ которымъ онъ смеженъ, въ немъ насчитывается теперь не менѣе четырехъ сотъ тысячъ жителей—ихъ, конечно, много тысячъ, даже, вѣроятно, десятковъ тысячъ—и всѣ онѣ смѣнили на этихъ мѣстахъ мужчинъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Одна изъ самыхъ существенныхъ, до очевидности безспорныхъ причинъ царствовавшей у насъ за послѣдніе года безработицы для меня совершенно ясна. Всѣ эти мужчины были такъ или иначе вытѣснены съ своихъ мѣстъ женщинами и вынуждены искать другой работы. Десять лѣтъ тому назадъ, большинство этихъ жен-

Digitized by Google

щинъ сидѣли бы по родительскимъ домамъ и ожидали бы жениховъ—теперь онѣ обратились въ производительницъ и безжалостно конкуррируютъ на рабочемъ рынкѣ. Покуда эта конкурренція ограничена сферой такихъ мѣстъ, которыя не требуютъ особыхъ спеціальныхъ познаній, и въ ней она особенно остра—вытѣсненнымъ ею мужчинамъ чрезвычайно трудно найти себѣ новыя занятія. Ихъ способности ограничены — это, преимущественно, слабѣйшіе индивидуумы, которымъ успѣшная борьба съ жизнью и прежде не особенно давалась, теперь же сдѣлалась и совсѣмъ не подъ силу.

Но личныя впечатлѣнія могутъ быть легко и ошибочны, и односторонни. Обратимся къ безспорнымъ даннымъ въ той же сферѣ, къ оффиціальной статистикѣ. Я только-что получилъ изъ Вашингтона вторую часть послѣдняго, пятнадцатаго тома докладовъ одиннадцатой всенародной переписи 1890 года [1]). Правда, работа эта [2]), особенно по такому живому и быстро развившемуся именно за самые послѣдніе года вопросу, каковъ женскій трудъ, уже значительно устарѣла, но она единственная въ своемъ родѣ, и такъ какъ данныя слѣдующей, двѣнадцатой переписи 1900 года по этому предмету не будутъ опять опубликованы лѣтъ семь или восемь послѣ нея, то до тѣхъ поръ она и останется наиболѣе современной. Въ ней есть драгоцѣнныя данныя относительно распредѣленія населенія Союза по роду занятій и поламъ, притомъ въ сравненіи съ данными предшествовавшихъ переписей 1870 и 1880 годовъ. Изъ этихъ данныхъ усматривается прежде всего, что число женщинъ по всѣмъ рѣшительно родамъ занятій увеличилось въ теченіе десятилѣтія 1880—1890 годовъ самымъ поразительнымъ образомъ. Въ этомъ послѣднемъ году оно составляло уже цѣлую треть работниковъ по всѣмъ профессіямъ—66,99% мужчинъ и 33,01% женщинъ. Тогда какъ общее число работниковъ мужчинъ увеличилось за десятилѣтіе всего на 27,64%—почти то же, что̀ и приростъ всего населенія страны—число женщинъ увеличилось на 47,88%. Въ профессіяхъ процентъ увеличенія числа мужчинъ былъ 48,53, женщинъ—75,84; въ мануфактурномъ и механическомъ дѣлахъ мужчинъ—46,01, женщинъ—62,82; въ ремеслахъ и путяхъ сообщенія мужчинъ—

[1]) Report on population of the United States at the eleventh census, 1890. Part II. Ages, school attendance, illiteracy, citizenship, occupation, education. Washington, D. C. 1897. CLXXV and 824, VII and 141.

[2]) Въ Америкѣ всенародныя переписи такъ сложны и обширны, что ихъ данныя публикуются обыкновенно въ теченіе всего слѣдующаго за ними десятилѣтія, въ извѣстномъ порядкѣ и постепенности, вслѣдъ за ихъ обработкой.

Digitized by Google

71,75, женщинъ—263,43, т.-е. относительно занимавшихся этими дѣлами въ 1880 году мужчинъ и женщинъ число послѣднихъ возросло въ 1890 году въ четыре почти раза больше, чѣмъ число первыхъ. Переходя, затѣмъ, къ отдѣльнымъ родамъ занятій, которыхъ перечислено всего 181, видимъ, что тогда какъ въ 1880 году въ сорока изъ нихъ не было ни одной женщины, въ 1890 ихъ не было только въ двухъ — офицеровъ и нижнихъ чиновъ арміи и флота. Въ профессіяхъ оказалось 22 женщины архитектора, 124 гражданскихъ инженера, 208 адвокатовъ, 337 дантистовъ, 888 журналистовъ, 1.143 священника, 4.557 докторовъ и даже 2 ветеринара, и 4.875 правительственныхъ чиновниковъ... 47 управляли паровыми машинами, 221 были кучерами, 279 служили полицейскими, 1—лоцманомъ и 17—матросами. 25.480 вели самостоятельныя торговыя дѣла; 168.808 служили бухгалтерами и клэрками, 611—комми-вояжёрами. Въ ремеслахъ, 10 были подрядчиками-строителями, 15—штукатурами, 45 — чугунолитейщиками, 56 — кузнецами, 58—каменотесами, 117—мясниками, 134—машинистами. По всѣмъ этимъ ремесламъ не далѣе какъ въ 1880 году ихъ не было *ни одной*.

Изъ того немногаго, что̀ я уже привелъ, ясно, что американская „новая“ женщина далеко не шутитъ. Она ищетъ абсолютной „независимости“, и, очевидно, ни передъ чѣмъ не останавливается, чтобы ея добиться. Будущая перепись, конечно, дастъ еще болѣе поразительныя данныя въ этомъ отношеніи, такъ какъ движеніе это во время прошлой переписи было только въ зародышѣ. Что эта быстрая перемѣна въ самыхъ коренныхъ жизненныхъ условіяхъ женскаго быта достигается не безъ убійственнаго ущерба многимъ крайне драгоцѣннымъ, на мой взглядъ, ея особенностямъ — не подлежитъ также никакому сомнѣнію. Этотъ „новый“ женскій типъ окажется, въ концѣ концовъ, настолько новымъ, что мужчинѣ настало время серьезно призадуматься—оставить ли въ покоѣ это такъ близко его касающееся перерожденіе „прекрасной“ его половины, или идти ему на встрѣчу соотвѣтственными измѣненіями традиціонныхъ основъ существующаго общественнаго быта. Мнѣ сдается, что у насъ здѣсь, въ Америкѣ, дѣло зашло настолько далеко, настолько укоренилось, что необходимы „поступки“; разсужденіями и „жалкими словами“ помочь уже нельзя—слишкомъ поздно.

П. Тверской.

Лосъ-Анжелесъ, Калифорнія.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Тихо гонитъ вѣтеръ сонный
Засыпающія волны
Внизъ,—куда-то по рѣкѣ;
Нѣжный ропотъ
Ихъ, какъ шопотъ,
Еле слышенъ въ челнокѣ.

Подъ аккорды водяные
Льются звуки ужъ иные,—
Ночи дивнаго пѣвца;
Трель то вспыхнетъ,
То затихнетъ,
Замирая безъ конца.

Все смирилось, все подвластно
Этой пѣснѣ сладострастной,—
Даже ночи тишина;
Все стихаетъ,
Все внимаетъ:
Небо, берегъ и волна.

Темной зеленью прикрытый,
Подъ развѣсистой ракитой,
На челнѣ, какъ подъ шатромъ,
Околдованъ,
Очарованъ,
Я уснулъ волшебнымъ сномъ.

Digitized by Google

Снится мнѣ: пора былая,
Моя юность золотая
Силъ, надеждъ и счастья дни,
Наши встрѣчи,
Взоры, рѣчи,
Слово первое любви.

Снится мнѣ: что къ изголовью
Припадаешь ты съ любовью,
И что смотрятъ на меня
Твои глазки,
Полны ласки,
Полны нѣги и огня.

Все минувшее забылось,
Все въ тебѣ одной лишь слѣлось;
Ницъ упавши, я рыдалъ,
Съ воплемъ муки
Твои руки,
Твои ноги цѣловалъ!

Мигъ еще,—и, полонъ страстью,
Распахнулъ я двери къ счастью!..
Но промчался вѣтерокъ,
Челнъ качнулся,
И проснулся,
Какъ всегда, я одинокъ.

Пѣсни будто не бывало;
Какъ густое покрывало,
Все туманъ собой затмилъ
И, холодный,
Жаръ безплодный
Въ бѣдномъ сердцѣ остудилъ.

II.

Весна пришла... и шумно воды,
Бросая зимній свой покровъ,
Бѣгутъ искать себѣ свободы
Въ просторъ рѣки и глубь прудовъ,

Digitized by Google

Гдѣ отразились неба своды
И дымка легкихъ облаковъ.

Луга травой зазеленѣли;
Прорвавши почку, вышелъ листъ;
Поля цвѣтами запестрѣли;
Весенній воздухъ свѣжъ и чистъ;
Въ немъ ароматъ, въ немъ пѣсенъ трели,
Въ немъ жизни трепетъ, шумъ и свистъ.

Какъ хорошо!.. Пойдемъ же въ поле
Сбирать весенніе цвѣты;
Тамъ легче дышется на волѣ,
Теплѣй становятся мечты,
Тамъ то сорвется поневолѣ,
О чемъ зимой смолчала ты!

III.

Солнышко садится
За зеленый лѣсъ;
Ярко золотится
Синева небесъ.

На вечерней зорькѣ
Стало холоднѣй;
Вотъ, въ лѣсу на горкѣ,
Щелкнулъ соловей.

Страстно замирая,
Пѣсня пронеслась;
Ей въ отвѣтъ другая
Трель отозвалась.

Сколько тайной муки,
Страсти и любви,
Этой пѣсни звуки,
Пробудили вы!

Такъ легко и больно
Стало сердцу вдругъ;

Digitized by Google

Вспомнилось невольно
О тебѣ, мой другъ;

Вспомнились другія,
Чудныя мечты,
Сердцу дорогія,
Милыя черты;

Вспомнилися ночи
Съ пѣсней соловья,
Ласковыя очи,
Полныя огня.

Ихъ давно не стало,
Дивныхъ тѣхъ ночей,
Какъ, съ тебя, бывало,
Не сводя очей,

Весь отдавшись страсти,
Я, подъ трель пѣвца,
Говорилъ о счастьи,
Счастьи безъ конца!

Вл. Марковъ.

Digitized by Google

ВОСПОМИНАНІЯ
СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ

КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.

(1854 — 1860 гг.)

(*Окончаніе.*)

IV *).

Какъ мнѣ помнится, зима 1857 года прошла довольно благополучно. Сестры по прежнему служили въ двухъ чернорабочихъ, въ морскомъ калинкинскомъ и въ Кронштадтѣ. Еще въ эту же зиму сестры поступили въ максимиліановскую лечебницу. Туда поступила Мат. Ос. Чунати; она была урожденная баронесса Будбергъ, а въ этомъ госпиталѣ понадобилась именно

---

[1]) См. выше: май, 55 стр.—Заканчивая печатаніе „Воспоминаній" Екатерины Михайловны Бакуниной, сообщимъ самыя краткія біографическія о ней свѣдѣнія. Е. М. родилась, какъ намъ сообщаютъ ея родственники—въ 1812 г., вѣроятно, въ Петербургѣ, гдѣ отецъ ея былъ въ то время губернаторомъ, а позже—сенаторомъ; ея мать была племянницею Кутузова-Смоленскаго. „Воспоминанія" Е. М. служатъ отчасти ея автобіографіею въ короткій, но памятный періодъ нашей исторіи. Въ концѣ 70-хъ годовъ, во время восточной войны, она, будучи уже 65 лѣтъ отъ роду, приняла начальство надъ отрядами Краснаго Креста на Кавказѣ. Ек. М. скончалась въ августѣ 1894 г., 82-хъ лѣтъ; за двѣ недѣли до смерти она могла еще работать въ сельской больницѣ, устроенной ею и ею же руководимой. Мы надѣемся въ непродолжительномъ времени сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія объ этой замѣчательной, по своей необыкновенной энергіи, личности, посвятившей свою жизнь на служеніе страдающему человѣчеству.—*Ред.*

Digitized by Google

нѣмка, такъ какъ знаніе нѣмецкаго языка было тамъ необходимо,—очень часто туда попадались нѣмцы. Съ ней была сестра Башмакова, очень религіозная сестра; ее очень полюбила Ек. Ал. Хитрово.

Не въ эту зиму, а нѣсколько позднѣе, сестры поступили и въ дѣтскую Елизаветинскую больницу, которой тоже завѣдывала великая княгиня. Тамъ жила сестра Татьяна Орѣхова. Сначала къ ней ходили поочередно дежурить сестры, но потомъ мы увидали, что съ дѣтьми, и особливо такими маленькими, намъ невозможно справиться,—надо, чтобы они привыкли и къ рѣчи, и къ лицу той, которая даетъ имъ лекарства или перевязываетъ ихъ.

Вотъ такъ проходилъ второй годъ; мы только письменно сносились съ великой княгиней, что̀ было очень тяжело. Отвѣтъ и рѣшеніе приходили тогда, когда уже обстоятельства совсѣмъ перемѣнились и требовали другого рѣшенія.

Въ этотъ годъ сестры и входили, и выходили изъ общины. Были, разумѣется, и разныя мелкія непріятности, неизбѣжныя въ такомъ мѣстѣ, гдѣ сошлись люди совершенно разнаго воспитанія и которые на многое смотрѣли совершенно разно. Были больныя, но не опасно. Только одна несчастная Праведникова была въ ужасно страдательномъ положеніи, такъ что она совершенно не могла разогнуться и долго съ терпѣніемъ переносила свои муки.

Собственно въ общинѣ ни одна не умерла за все время, что̀ мы жили въ этомъ домѣ. Только въ Кронштадтѣ умерла сестра Додованникова, молодая дѣвушка; она умерла съ большой твердостью, причащалась, соборовалась, и когда сестры пришли отъ свѣтлой заутрени, похристосовалась со всѣми и скончалась.

Въ 1858 году пасха была 23-го марта, и я могла въ Кронштадтъ ѣхать очень спокойно по льду, и очень была рада, что могла навѣстить сестеръ. Еще прежде этого, я помню, что ѣздила, кажется, въ посту, въ Кронштадтъ съ І. Л. Янышевымъ. Помню, что когда мы съ нимъ ѣхали, онъ мнѣ сказалъ, что оставитъ насъ, такъ какъ очень желаетъ опять быть гдѣ-нибудь въ чужихъ краяхъ.

Онъ служилъ обѣдню въ кронштадтской госпитальной церкви и, несмотря на то, что уже собирался насъ оставить, сказалъ прекрасную проповѣдь, обращенную къ сестрамъ.

Э. Ѳ. Раденъ знала прежде объ его желаніи попасть въ Берлинъ, но она молчала и все надѣялась, что разныя предложенія великой княгини удержатъ его. Но его ничто не удер-

Digitized by Google

жало, и въ іюнѣ мѣсяцѣ онъ уѣхалъ. Видно, что онѣ были очень поражены этимъ отъѣздомъ.

M-lle Раденъ мнѣ писала: „Le départ du père Янышевъ est une vraie calamité". Потомъ къ намъ сталъ ѣздить протоіерей Палисадовъ, для чтеній и духовныхъ наставленій. На эти чтенія почти всегда пріѣзжала Татьяна Борисовна Потемкина, какъ grande admîratrice его. Онъ читалъ очень живо и одушевленно.

Хотя это и не очень идетъ къ моей общей рѣчи, но не могу не упомянуть, какъ любезенъ былъ къ сестрамъ Александръ Ивановичъ Ивановъ. Онъ пріѣхалъ въ іюнѣ въ Петербургъ со своей картиной. Не знаю, по какой связи онъ сейчасъ же былъ у Тарасова. Мнѣ кажется, его картина была выставлена во дворцѣ и показывалась въ извѣстные дни и часы. Я сейчасъ же поѣхала ее посмотрѣть и познакомилась съ нимъ. Онъ зналъ мою старшую сестру, которая тоже занималась живописью въ Италіи, и сталъ мнѣ говорить, зачѣмъ я не привезла и всѣхъ сестеръ посмотрѣть его картину. Я ему сказала, что такъ какъ половина сестеръ на дежурствѣ, то имъ можетъ показаться обиднымъ, что однѣ видѣли, а другія нѣтъ. Тогда онъ мнѣ сказалъ, что для сестеръ онъ два дня сряду будетъ показывать свою картину.

Какъ же не воспользоваться такимъ милымъ предложеніемъ? Но я всякій разъ ѣхала со страхомъ, зная, что для многихъ сестеръ это совершенно неизвѣстный предметъ, и боялась разныхъ неловкостей. Но, слава Богу, все сошло благополучно, и я отъ души его благодарила.

Но мы, къ несчастью, со своей стороны оказали ему грустную услугу, когда онъ, совершенно одинокій, занемогъ холерой на маленькой квартирѣ живописца Боткина; сестры постоянно были при немъ. Нашъ докторъ, сестра Е. П. Карцева и я, мы тоже часто тамъ бывали. 3-го іюля онъ скончался. Живо помню, какъ изъ академической церкви мы провожали его пѣшкомъ до женскаго монастыря, гдѣ онъ похороненъ.

Желая привести одно письмо Николая Ивановича Пирогова, въ которомъ онъ мнѣ отвѣчаетъ на много общихъ вопросовъ, касающихся устройства общины, и которые у насъ должны были être discutées, какъ только пріѣдетъ великая княгиня,—я должна привести для ясности и нѣсколько отрывковъ изъ моего письма, чтобы лучше объяснить, на что онъ мнѣ отвѣчаетъ.

Всю зиму І. Л. Янышевъ охлаждалъ во мнѣ понемногу мою пылкую энергію, всю надежду быть полезной, отрицалъ возможность устройства общины и т. п.

Digitized by Google

Это все я подробно пишу Николаю Ивановичу и потомъ прибавляю:

„Передъ отъѣздомъ у насъ былъ съ нимъ большой разговоръ: онъ мнѣ сказалъ, что я веду все не къ добру! Признайтесь—это ужасно слышать. Вы знаете меня, Николай Ивановичъ. Чужія слова на меня бы еще не много подѣйствовали, несмотря даже на то, что это слова человѣка очень умнаго и который имѣетъ большую репутацію. Но когда эти слова приходятъ въ подкрѣпленіе моихъ собственныхъ мыслей, тогда они удостовѣряютъ меня еще болѣе въ томъ, что̀ уже нѣсколько времени составляетъ мое мученіе...

„Извините, что вмѣсто того, чтобы предлагать вамъ прямо *вопросы*, на которые прошу разрѣшенія, я не могла не написать вамъ всего, что̀ чувствую, да и это вамъ пояснитъ мой *первый вопросъ*. Я думаю, что долгъ чести требуетъ, чтобы я, по пріѣздѣ ея высочества, рѣшительно отказалась отъ общины. Но, съ другой стороны, я не вижу, кто можетъ меня замѣнить. Развѣ она рѣшится взять какую-нибудь даму изъ святошъ прямо въ начальницы. *Второй вопросъ*: хорошо ли это будетъ? Мнѣ кажется, что это прямо подкопаетъ фундаментально основы общины. Но признайтесь, что мнѣ даже нельзя будетъ возражать противъ этого. Что̀ вы думаете? Напишите объ этомъ ваше *рѣшительное мнѣніе*. *Третій вопросъ:* могутъ ли быть у насъ въ общинѣ лютеранки и католички? Я еще сама себѣ не рѣшила окончательно этотъ вопросъ. Мнѣ кажется—могутъ“ (Я не знаю, какъ теперь рѣшенъ этотъ вопросъ и принимаютъ ли въ сестры лютеранокъ и католичекъ, т.-е. именно въ общину, потому что въ военное время въ сестры Краснаго Креста принимали всѣхъ исповѣданій. Тогда я ждала, что у насъ объ этомъ будутъ много судить, и я настойчиво спрашиваю въ своемъ письмѣ мнѣнія объ этомъ Николая Ивановича).

„*Четвертый вопросъ*: l'ordre de la journée“.

Я кончаю, умоляя его написать его мнѣніе и наставленіе насчетъ четырехъ пунктовъ.

Написавъ все это, для объясненія письма Николая Ивановича, привожу теперь весь его отвѣтъ вполнѣ:

„Одесса. 5 августа, 1857 г.

„Почтеннѣйшая Екатерина Михайловна.

„*На первый* вашъ вопросъ я уже, кажется, нѣсколько разъ вамъ отвѣчалъ: если отъ общины и ея настоятельницы будутъ требовать того, что̀, по вашимъ глубокимъ убѣжденіямъ, невоз-

Digitized by Google

можно исполнить, или того, что̀ противно идеѣ, составленной вами объ устройствѣ и обязанностяхъ учрежденія,—то откажитесь.

„Мнѣ, какъ я думаю, хорошо извѣстны и ваши хорошія качества, и ваши недостатки (у кого ихъ нѣтъ); но я никого другого не знаю, кому бы можно поручить нравственное и служебное завѣдываніе общиной. Если же бы нашлось другое лицо, которое по вашему убѣжденію, или по убѣжденію высшаго начальства общины, можетъ лучше вашего устроить ее на будущее время и дать ей болѣе прочное жизненное начало, то передайте съ радостью этому лицу ваши права.

„У васъ будетъ довольно для этого и самоотверженія, и благородства души, и безпристрастія, и истинной любви къ начатому дѣлу. Я знаю очень хорошо, что вы не можете сообщить общинѣ характеръ *формально-религіознаго* учрежденія; но вашимъ примѣромъ дѣйствій и вашей любовью къ дѣлу вы можете, конечно при благопріятныхъ условіяхъ, сообщить ей *извѣстный нравственный характеръ*. Итакъ, если великой княгинѣ угодно будетъ сдѣлать изъ общины *религіозный орденъ*, то вы навряд ли успѣете способствовать къ достиженію этой цѣли; но ваша честность, прямодушіе, усердіе къ дѣлу и опытность болѣе чѣмъ достаточны придать *истинно-нравственный* характеръ учрежденію, если захотятъ ограничиться только такимъ направленіемъ именно.

„На *второй* вопросъ отвѣчаю: *да. Настоятельницей въ настоящее время* можетъ быть избрано и лицо, не находившееся до сихъ поръ въ общинѣ, а постороннее. На будущее же время, еслибы удалось общинѣ укрѣпиться и духомъ, и тѣломъ, выборъ, по моему мнѣнію, долженъ бы быть непремѣнно ограниченъ, и кандидатки должны бы быть избираемы изъ среды общины.

„Теперь же очевидно, что terrain общины еще недостаточно разработанъ для того, чтобы доставлять матеріалъ, необходимый для образованія *настоятельницы* (вы употребили слово *начальницы*, которое, какъ вы знаете, я и Екат. Алекс. Хитрово вычеркнули изъ прежняго статута общины).

„*Третій вопросъ*—о протестантизмѣ и католицизмѣ—тогда только можетъ быть рѣшенъ положительно, когда окончательно рѣшатъ, какое *направленіе*, или какой *характеръ* долженъ быть данъ общинѣ. Если *религіозно-орденскій*, то, конечно, должны быть принимаемы однѣ православныя; если же чисто *нравственно-филантропическій*, то странно бы было ограничивать выборъ однѣми православными. Я что-то сомнѣваюсь, чтобы у насъ и

Digitized by Google

въ наше время можно было съ успѣхомъ сдѣлать изъ общины *религіозный орденъ*. Во-первыхъ, наше православіе какъ-то худо клеится съ орденскими учрежденіями; оно не довольно самостоятельно для этого; во-вторыхъ, вообще въ наше время нельзя учредить хорошо того, что̀ такъ хорошо учреждалось въ средніе вѣка или за три-четыре столѣтія до насъ. Впрочемъ, еслибы уже пошло на то, чтобы дать общинѣ *орденскій характеръ*, то, мнѣ кажется, удобнѣе бы было опредѣлить для этой цѣли одинъ изъ *женскихъ монастырей*. Иначе, какъ вы хотите временно посвятившихъ себя служенію больнымъ сдѣлать истинными и ревностными членами религіозно-орденскаго учрежденія?

„Во всякомъ случаѣ при этомъ направленіи непремѣнно нужно будетъ требовать, чтобы сестры оставались *навсегда* сестрами, будутъ ли онѣ монахини, или нѣтъ.

„Наконецъ то же самое должно сказать и о четвертомъ вопросѣ (l'ordre de la journée).

„При орденскомъ направленіи общины необходимо самое точное распредѣленіе времени какъ служебнаго, такъ и внѣ-служебнаго. Вся жизнь вступившихъ въ орденъ должна идти по ниточкѣ; другое дѣло, если община останется только чисто *нравственнымъ филантропическимъ* учрежденіемъ; въ этомъ случаѣ я не вижу необходимости слишкомъ вмѣшиваться во внѣ-служебное время сестеръ; это было бы ни къ чему не ведущее насиліе личности; достаточно, если настоятельница будетъ вполнѣ убѣждена, черезъ точное наблюденіе, что внѣ-служебное время употребляется сестрами съ хорошею цѣлью и прилично ихъ званію.

Итакъ, вы видите, что по моему мнѣнію все зависитъ отъ того, какъ рѣшится коренной вопросъ о *характерѣ общины*. Я самъ клонюсь болѣе на сторону *нравственно-филантропическаго направленія*, и думаю, что оно болѣе соотвѣтствуетъ духу и потребности нашего времени. Впрочемъ, не мнѣ рѣшать, что̀ у насъ должно взять верхъ: Евангеліе во всей его чистотѣ, или номоканонъ, четіи-миней и молитвенникъ. Да пріидетъ царствіе Твое и да будетъ воля Твоя!

„Вамъ навсегда и всегда преданный, васъ искренно уважающій —Н. Пироговъ".

„Прочтите это письмо и В. И. Поклонитесь ему отъ меня отъ души; я ему скоро также надѣюсь написать. Жена васъ отъ души обнимаетъ".

Въ половинѣ сентября 1858 года, послѣ двухъ лѣтъ отсут-

Digitized by Google

ствія, вернулась великая княгиня въ Петербургъ. Очень отрадно было думать, что наша безконечная и часто очень неудовлетворительная корреспонденція кончена. А то—часто мы такъ получали отвѣтъ, что приходилось, ради перемѣны обстоятельствъ, не довольствоваться этимъ отвѣтомъ и просить и ждать опять новаго.

Но прошло три-четыре дня, и намъ ничего не присылали сказать о пріѣздѣ. Это меня очень безпокоило. Но вдругъ, когда мы этого совсѣмъ не ожидали, великая княгиня пріѣхала сама съ Э. Ѳ. Раденъ. Не знаю, можетъ быть, мнѣ такъ показалось, но я нашла что-то холодное и оффиціальное въ великой княгинѣ, и даже въ m-lle Раденъ, точно она совсѣмъ охладѣла къ этому дѣлу.

И я опять писала длинное, предлинное письмо къ Николаю Ивановичу, подробно описывала ему наше положеніе, недостатокъ хорошихъ истинныхъ сестеръ, которыя бы входили въ общину изъ любви къ дѣлу, изъ самоотверженія, а не для насущнаго хлѣба. Но пишу тоже, что у меня по временамъ мелькаетъ утѣшительная мысль, что можетъ быть наше шаткое положеніе есть результатъ отсутствія религіозной власти; у насъ нѣтъ священника, нѣтъ госпиталя, нѣтъ дома. „Не можетъ же такое заведеніе кочевать изъ одного наемнаго дома въ другой, а вы не можете себѣ представить, какое ненормальное состояніе души, quand tout ce qui nous entoure est précaire [1]), начиная отъ денегъ на башмаки сестеръ—до церкви, гдѣ совершаются таинства. Такъ что и придя въ нашу походную церковь, гдѣ всякое воскресенье служатъ разные священники изъ прихода,—не успокоиваешься, а думаешь, что и этого мы можемъ лишиться... Вы сами мнѣ разъ писали, что госпиталь при общинѣ необходимъ, чтобы въ немъ приготовлялись и привыкали сестры.

„Но вѣдь все это будетъ стоить очень дорого, а если я нахожу, что все идетъ нехорошо, то имѣю ли я по совѣсти право настаивать на этомъ? Поможетъ ли это нашему дѣлу? Будьте моей совѣстью“!

Я очень долго писала это письмо, такъ какъ въ это время были у меня разныя треволненія, разговоры, переговоры, наговоры—все это я сообщала Н. И. Пирогову.

„Изъ всего этого я заключила, что великой княгинѣ надоѣло это дѣло, что она хочетъ какъ-нибудь съ нами развязаться и передать общину. И вчера я просто спросила ее, и

[1]) Когда все, что́ насъ окружаетъ, непрочно.

Digitized by Google

она мнѣ отвѣчала:—Mais comment est-ce que vous pouvez penser que j'abandonnerai mon oeuvre!—Je lui ai répondu:—Mais, Votre Altesse, il va encore tant d'imperfections dans l'община que j'ai pensé que cela vous a déjà lassé.—Elle m'a repondu que nous sommes encore meilleures qu' on ne pouvait l'espérer, que je la connais bien peu pour avoir pu penser que les difficultés la découragent, que pour elle, si elle a commencé, elle continue. (Какъ вы могли думать, что я брошу свое дѣло! Я ей отвѣчала: —Но, ваше высочество, въ общинѣ столько еще несовершенствъ, что я подумала, что она уже вамъ наскучила". Она отвѣчала мнѣ, что мы лучше, чѣмъ можно было надѣяться, и я мало ее знаю, если могла подумать, что трудности ее обезкураживаютъ; что касается до нея, то разъ она начала что̀, она продолжаетъ.) Это все—отрывки изъ моего письма къ Николаю Ивановичу.

Послѣ этого разговора у насъ все пошло спокойнѣе и пріятнѣе, хотя и было много интригъ и много хожденій по всѣмъ заднимъ лѣстницамъ дворца. Являлись и лично, и писались письма, но великая княгиня не обращала никакого вниманія. Да и надо правду сказать, главное—преобладали въ нихъ не злость и клевета, а пошлость и глупость.

И въ эту зиму и весну я часто видала великую княгиню и могла о всемъ спокойно переговорить. Много говорили и о помощи бѣднымъ; сестра В. И. Щедрина была назначена на это дѣло. Много читали и разсуждали о разныхъ уставахъ и запискахъ объ общинахъ, и католическихъ, и протестантскихъ, которыя были получены великой княгиней еще въ чужихъ краяхъ. Иныя мнѣ были присланы, иныя только тутъ переданы. Принялись еще усерднѣе искать домъ для покупки, и на наше счастье домъ Доста, гдѣ было сначала ортопедическое заведеніе, сталъ продаваться. Этотъ домъ былъ самый подходящій для насъ: въ два этажа, съ мезониномъ, съ большой особенной залой, которая точно готовилась для церкви, хотя я знаю, что она была первоначально строена какъ бальная зала, съ амурами и геніями на потолкахъ. Садъ, большое мѣсто, и такъ же на Фонтанкѣ, близъ нашихъ госпиталей. Но мнѣ нечего его описывать, это—тотъ домъ, въ которомъ и теперь находится община. Разумѣется, послѣ столькихъ лѣтъ тамъ много передѣлано, прибавлено, но и тогда этотъ домъ былъ очень для насъ хорошъ.

Пошли переговоры, толки, торги. Помню, какъ разъ я и Вас. Ив. Тарасовъ сидѣли съ Достомъ и толковали о томъ, что онъ дорого проситъ, долженъ уступить. Меня вызвали, и я ушла. Достъ сталъ уговаривать Вас. Ив. устроить ему такъ, чтобы

Digitized by Google

дали ему дороже, а тогда онъ съ удовольствіемъ дастъ ему самому тысячу рублей. Вотъ какъ дѣла дѣлаются въ Петербургѣ!

Но въ этотъ разъ онъ ошибся,—не на такого напалъ. Вас. Иван. такъ былъ преданъ общинѣ, что готовъ былъ свое отдать, а ужъ никакъ не пользоваться чѣмъ-нибудь ей во вредъ. Покупка дома была окончательно рѣшена, но не помню, отчего именно, отъ починокъ ли, или отъ чего другого,—хотя все рѣшилось весной 1859 года,—мы не могли перейти въ него прежде іюля.

Въ маѣ великая княгиня переѣхала въ Ораніенбаумъ. По ея желанію, для больныхъ сестеръ былъ нанятъ домикъ въ деревнѣ Вѣнки, верстъ за пять отъ Ораніенбаума, мѣсто очень высокое, воздухъ хорошій, но много неудобствъ и для провизіи, и оттого, что тамъ какъ-то постоянно былъ вѣтеръ, холодно и продувалъ домикъ, такъ что въ половинѣ августа мы должны были перевезти сестеръ ниже, въ Ораніенбаумъ.

Въ томъ же маѣ великая княгиня ѣздила изъ Ораніенбаума въ Кронштадтъ. Я была тамъ. Эффектъ этого посѣщенія былъ прекрасный и на сестеръ, и на кронштадтское начальство. Я помню, какъ адмиралъ Новосильцевъ, который былъ тогда главнымъ лицомъ, очень былъ недоволенъ, когда я ему послала сказать, что великая княгиня сейчасъ пріѣдетъ сюда, и сказалъ мнѣ, проводивъ ее:

— А надо сказать правду, она очень любезна и мила.

Великая княгиня обошла весь огромный кронштадтскій госпиталь, была и въ оборонительной казармѣ, гдѣ тогда были отдѣленія для чернорабочихъ и женщинъ, потомъ—въ домѣ сестеръ; всѣ были отъ нея въ восторгѣ. Она была такъ мила и внимательна, что даже и на меня это подѣйствовало успокоительно.

Живо помню, какъ мы провожали великую княгиню въ чужіе края, какъ до завтрака мы катались съ ней въ коляскѣ по красивымъ садамъ Ораніенбаума, а когда вернулись, былъ молебенъ о путешествующихъ. А потомъ проводили ее на пароходъ.

Въ концѣ іюня, когда я ночевала у больныхъ сестеръ въ Вѣнкахъ, вдругъ рано утромъ я получила записку изъ Петербурга, гдѣ было сказано, что надо, чтобъ я сейчасъ вернулась въ Петербургъ, что есть нужное письмо и телеграмма отъ великой княгини.

Я сейчасъ поѣхала въ Петергофъ, къ счастью застала пароходъ, на которомъ и пріѣхала въ Петербургъ. Я нашла письмо отъ Эд. Өед. Раденъ. Она мнѣ писала 16-го, что великая княгиня желаетъ, чтобы я 27-го, въ субботу, отправилась на пароходѣ

Digitized by Google

въ Берлинъ, а потомъ въ Парижъ; великая княгиня устроила такъ, что мнѣ удобно будетъ видѣть заведеніе діаконисъ и сестеръ и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ. Эдита Ѳедоровна должна будетъ пріѣхать ко мнѣ въ Берлинъ. Онѣ разсчитывали, что я получу это письмо раньше и успѣю собраться, но я получила его только 26-го—и то за Ораніенбаумомъ, въ Вѣнкахъ.

Какъ мнѣ ни было трудно, потому что мнѣ надо было похлопотать даже и о своемъ туалетѣ, которымъ я очень неглижировала, но я рѣшила, что уѣду на другой же день. И, просидѣвъ всю ночь, чтобы привести въ порядокъ свои счета и письменныя дѣла, съ двоюроднымъ братомъ, который мнѣ помогалъ, я только въ субботу 27-го, когда простилась съ сестрами и родными, провожавшими меня до Кронштадта, и очутилась на большомъ пароходѣ, и мы стали удаляться отъ Кронштадта, тогда только я опомнилась отъ всей этой суеты и спѣха.

Я не скажу, чтобы я была совершенно недовольна этой поѣздкой. Напротивъ того, меня очень интересовало все то, что я должна была увидать, да и сама поѣздка занимала меня, но она пришлась мнѣ не ко времени. Во-первыхъ, въ это время пріѣхала въ Петербургъ съ сыновьями больная тетушка, чтобы посовѣтоваться съ докторами, и наняла квартиру въ нашемъ же переулкѣ. А во-вторыхъ, и это главное, сестры должны были безъ меня переходить въ *свой* новый домъ. Но что же дѣлать! И я поѣхала.

Я не стану подробно описывать моего путешествія. Разскажу все вкратцѣ. Но главное, мнѣ надо разсказать о впечатлѣніи, произведенномъ на меня всѣми заведеніями, которыя я видѣла,—это и было цѣлью моей поѣздки.

Меня проводили до Кронштадта, гдѣ съ небольшого парохода надо пересѣсть на другой, и родныя, и нѣкоторыя крестовоздвиженскія сестры, и нашъ докторъ. И тутъ же еще до Кронштадта Василій Ивановичъ познакомилъ меня съ Васильемъ Петровичемъ Боткинымъ, который былъ тоже давно знакомъ съ моими двоюродными братьями и сестрами. Я очень была благодарна Вас. Петр. за его вниманіе ко мнѣ.

Когда мы пріѣхали въ Берлинъ, онъ меня проводилъ въ Hôtel Royal, гдѣ мнѣ было назначено остановиться, доставилъ мнѣ мои вещи, и, что было мнѣ всего пріятнѣе, на другой день утромъ пріѣхалъ ко мнѣ, чтобъ сопровождать меня въ берлинскій музей. Лучшаго чичероне нельзя было и желать. И я провела тамъ цѣлое утро очень спокойно и пріятно. И это не было, какъ я называю всякое отступленіе отъ обязанностей сестры,

Digitized by Google

crime de lèse-charité, потому что я рѣшительно не знала, что̀ мнѣ дѣлать и къ кому обратиться.

На другой день вернулся Абаза, который былъ въ отсутствіи, и сказалъ, что надо телеграфировать великой княгинѣ, которая была въ Мейнингенѣ. Въ отвѣтъ я получила телеграмму, въ которой было сказано, чтобы я отыскала въ Берлинѣ доктора Каде и съ нимъ бы ѣхала въ „Виѳанію“ (Bethanie), такъ называется домъ діаконисъ, устроенный королевой Августой, нынѣ (1858 г.) вдовствующей императрицей.

Положеніе мое было критическое, да и нѣсколько комическое. Абаза опять уѣхалъ, адреса Каде я не знала, городъ для меня новый, неизвѣстный, да и къ тому же нѣмецкій, а я по-нѣмецки не знаю. Но надо его отыскать. Пошла я въ наше посольство; тамъ только застала двухъ нѣмцевъ, ничего отъ нихъ не добилась, отправилась въ полицію, и тамъ, посредствомъ смѣшенія разныхъ языковъ, добилась-таки адреса русскаго доктора Каде. Сейчасъ же поѣхала къ нему. Я его знала въ Севастополѣ, но онъ очень удивился, увидавъ меня на своей квартирѣ въ Берлинѣ. На другой день мы поѣхали съ нимъ въ Bethanie.

Намъ показали все заведеніе, но, къ моей великой досадѣ, пріорши, графини Штернбергъ, не было. Она уѣхала на морскія купанья; и при нашемъ посѣщеніи съ Каде мы не застали пастора, который здѣсь главное лицо; онѣ—его помощницы. Однако, несмотря на это, я могла на другой же день туда переѣхать, такъ какъ объ этомъ уже было переговорено съ великой княгиней. Да и здѣсь это очень удобно и хорошо устроено, потому что даже въ ихъ статутѣ есть постановленіе, что кто желаетъ остаться здѣсь нѣкоторое время и посмотрѣть, что̀ здѣсь дѣлается, on paye seulement sa pension.

Итакъ, 4-го іюля я переѣхала одна. Раденъ пріѣхала на другой день, и мы съ ней прожили въ Diaconesses Haus Bethanie четыре дня.

Что̀ же сказать объ общемъ впечатлѣніи, произведенномъ на меня этимъ великолѣпнымъ, богато и прочно устроеннымъ заведеніи? Первое (какъ я писала тогда сестрѣ)—большая прочность. Все выстроено для одной цѣли, выстроено грандіозно, широкой рукой. Церковь большая, красивая; садъ и огородъ. Все отъ самаго большого до самаго малаго приспособлено къ одной цѣли. Аккуратность и чистота во всемъ отличныя. Но я помню, что на меня точно повѣяло холодомъ. Діаконисы очень аккуратныя, очень привѣтливыя, но почти всѣ очень молодыя; видно, что неопытныя; онѣ могутъ при строгой дисциплинѣ

Digitized by Google

прекрасно исполнять и свои мелкія обязанности, и серьезно заняться чищеніемъ мѣдныхъ ручекъ и половъ. Но это не тѣ сестры, о которыхъ мы мечтали,—о сестрахъ утѣшительницахъ больныхъ, ходатайницахъ за нихъ, сестрахъ, вносящихъ въ чужіе госпитали горячія чувства любви и участія, правду и добросовѣстность!

Для этого высокаго занятія не сформируешь сестеръ чисткой половъ и замковъ. Но чѣмъ же? Какъ же? Эти мысли меня все болѣе и болѣе волновали. Много я говорила съ пасторомъ обо всемъ, что касается направленія сестеръ. Наши мечты онъ, какъ мнѣ кажется, считалъ совершенно неисполнимыми. Онъ также противъ смѣшенія всѣхъ вѣроисповѣданій, и еще онъ мнѣ сказалъ, что самое лучшее, когда поступаютъ молодыя деревенскія дѣвушки; что хотя онѣ бываютъ очень грубы, но религіозное развитіе очень скоро въ нихъ совершается; самыя худшія—это городскія служанки, которыя всегда остаются „atrocement vulgaires“. Изъ этого можно заключить, что изъ другихъ классовъ входятъ очень мало par vocation, а эти—изъ нужды. И они стали даже избѣгать вдовъ, потому что онѣ слишкомъ уже самостоятельны.

Всякій день ходитъ къ больнымъ дѣтямъ учитель и учитъ тоже испытуемыхъ; докторъ учитъ два раза въ недѣлю, а пасторъ —всякій день. А по вечерамъ онъ садился за фортепіано, и возлѣ него становилось нѣсколько діаконисъ.

Помню одинъ вечеръ. Это было въ ихъ столовой, внизу подъ сводами, въ готическомъ стилѣ. Заходящее солнце такъ красиво и живописно освѣщало розовымъ свѣтомъ и залу, и поющихъ; торжественный напѣвъ ихъ голосовъ — все это такъ сильно и отрадно дѣйствовало на меня...

Но я оглянулась на ряды сидящихъ сзади меня діаконисъ и испытуемыхъ, — и блескъ спицъ, быстро двигающихся въ ихъ рукахъ, какъ-то вдругъ уничтожилъ мое религіозно-поэтическое настроеніе. Я признаюсь, что это глупо, но это вязанье чулокъ повѣяло на меня всей прозой и пошлостью обыденной жизни.

Однако, хотя это и протестантская община, но въ ней тоже сильное религіозное направленіе. И утромъ, и вечеромъ—общая молитва въ церкви, и даже мнѣ говорили, что діаконисы причащаются почти каждый мѣсяцъ.

Еще вспомнила, что пасторъ былъ противъ избранія начальницы. Вотъ его собственныя слова: „La supérieure doit-être nommée d'en haut; on ne peut se choisir un chef, c'est une mère, et c'est Dieu qui nous donne une mère“ (Настоятельница должна

Digitized by Google

быть назначена свыше; нельзя себѣ избрать начальника, это мать, а мать дается намъ Богомъ).—Но вѣдь тутъ не Богъ, а король назначаетъ.

Что же сказать о службѣ сестеръ у больныхъ? Можно сказать, что то же, что и вездѣ: и тѣ же недостатки, и тѣ же качества. Тщательно, прекрасно перевязываютъ, но иногда сдѣлаютъ ту же ошибку, какъ и вездѣ: отъ дурной язвы перейдутъ къ чистой, не умывши рукъ, или оставятъ валяться грязный компрессъ. Я вѣдь постоянно ходила съ ними на перевязку. А разъ я была очень поражена: въ особой комнатѣ лежалъ умирающій больной, — гангрена и піэмія; при немъ сидѣлъ служитель, а діаконисса въ другой комнатѣ чистила мѣдный замокъ! Такъ бы я ихъ и перемѣнила; да и вообще я находила, что онѣ очень холодно относятся къ больнымъ; и ихъ одѣянье, черное платье, очень маленькая пелериночка, бѣлые передники съ нагрудникомъ, кисейные съ мушками чепчики съ тюлевымъ рюшемъ, придаютъ имъ скорѣй видъ субретокъ, чѣмъ служительницъ страждущимъ. Да и ихъ очень много. Такъ что я нахожу, что имъ мало дѣла; больныхъ при мнѣ было 217 челов., а діакониссъ и испытуемыхъ 60. Это очень хорошо тѣмъ, что онѣ очень хорошо видятъ, что не заведеніе въ нихъ нуждается, а онѣ въ немъ.

Счеты и всѣ записыванія, приходы и расходы, которыхъ очень много, такъ какъ есть комнаты съ платой и абонементы для рабочихъ, и фабрикъ, и заводовъ,—ведутся отлично, и огромныхъ книгъ, испещренныхъ клѣтками, много. Но тутъ есть и двое чиновниковъ или секретарей,—не помню, какое ихъ названіе.

Ѣздила я тоже съ докторомъ Каде въ Charité. Это огромный госпиталь въ 3.000 человѣкъ. Въ это время было всего 1.000, такъ какъ много чинилось и поправлялось; тутъ при дѣтяхъ, помѣщеніе которыхъ мнѣ очень не понравилось, есть сестры изъ Кейзеръ-Вертъ; онѣ ухаживаютъ за дѣтьми и за сифилитическими женщинами самаго низкаго разряда. Это ужасно! Надо быть святыми, чтобы сдѣлать имъ истинное добро.

8-го, мы съ Раденъ переѣхали въ католическую общину сестеръ S-te Hedwig; но это нельзя назвать общиной; это монастырь, при которомъ больница. Ихъ основатель—S-t Charles de Baromée. La Maison-Mère—въ Нанси; тамъ онѣ послѣ довольно продолжительнаго новиціата и постригаются въ сестры; послѣ 10-ти-дневнаго молчанія, постоянной молитвы, причащенія Св. Таинствъ, онѣ произносятъ вѣчный обѣтъ.

Digitized by Google

Сюда нельзя придти отъ нужды,—тѣмъ болѣе, что испытуемыя должны внести за себя 200 талеровъ,—и не обдумавъ хорошенько своего вступленія, а для этого нужно проникнуться совершенно и покориться всѣмъ строгимъ правиламъ отреченія и покорности, которыя требуются ихъ строгимъ уставомъ.

Вотъ одна изъ надписей, которыхъ очень много на всѣхъ стѣнахъ и корридоровъ и палатъ; она совершенно характеризуетъ тотъ духъ, который ихъ направляетъ: „Tout pour Vous plaire, mon Dieu, rien pour me satisfaire“ (Все, чтобы угодить Тебѣ, Господи, ничего—чтобы удовлетворить себя).

Но мнѣ, какъ православной, стало отраднѣе и теплѣе на душѣ при частомъ изображеніи Божіей Матери, или въ прекрасной мраморной группѣ снятія со креста Спасителя, или въ одиночныхъ статуяхъ и картинахъ. Но и тутъ мое чувство русской и православной было огорчено: онѣ насъ не приглашали обѣдать съ ними, а приносили обѣдъ въ комнату, впрочемъ всегда очень хорошій, и говорили, que la règle le défend (уставъ это запрещаетъ). Разъ онѣ насъ свели въ свой дортуаръ. Онѣ всѣ въ одной комнатѣ; стоятъ два ряда кроватей, и la chère Mère, какъ онѣ называютъ старшую, съ ними вмѣстѣ. И тутъ на столѣ подъ стекломъ—не знаю, какъ и назвать, въ аршинъ или болѣе—статуя, восковое лицо, такъ что приходится прямо сказать—точно кукла, одѣтая въ бѣлое атласное платье, тюлевый вуаль и fleurs d'orangers вѣнокъ,—и это должно изображать Божію Матерь!

Я не показала сестрамъ, какъ это мнѣ не нравится. Онѣ такія милыя, такія радушныя, въ нихъ такая aménité, что нельзя ихъ не полюбить. Все у нихъ гораздо проще и тѣснѣе, чѣмъ въ Bethanie, но надо удивляться и тому, что онѣ сдѣлали. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, католическое общество ихъ вызвало изъ Нанси; ихъ пріѣхало четыре. Онѣ ничего не имѣли и доставали пустые боченки, чтобы было на чемъ сидѣть. Теперь у нихъ трехъ-этажный домъ, въ которомъ больница на 200 челов., церковь, два садика, одинъ для мужчинъ, другой для женщинъ. Въ старомъ строеніи, которое здѣсь находилось, когда онѣ купили это мѣсто, находится пріютъ для мальчиковъ; они тутъ живутъ, а ходятъ учиться въ другія мѣста. Сестра, которая съ ними живетъ, говорила мнѣ, что ей много съ ними хлопотъ.

Въ этомъ же домѣ живутъ призрѣваемые ими старики и старухи. Старики кое-что работаютъ, а старушки чинятъ больничное бѣлье.

Сестры очень усердно, а главное, съ большой любовью ухаживаютъ за больными. Вотъ какъ онѣ смотрятъ на служеніе

Digitized by Google

больнымъ: когда онѣ мнѣ разсказывали l'ordre de la journée, то сказали, что—les mères et aussi la grande Supérieure de la Maison-Mère ходятъ ежедневно въ палаты больныхъ; а когда я сказала, что у начальницы много другого дѣла, она мнѣ отвѣчала, что онѣ ходятъ только утромъ, *чтобы имѣть счастіе послужить больнымъ*. Мнѣ этотъ взглядъ на уходъ за больными очень понравился. Службъ церковныхъ у нихъ три и четыре, а иногда даже пять разъ въ день; но когда сестры идутъ въ церковь, то двѣ, а если нужно, то и три остаются при больныхъ. А потомъ, когда сестры придутъ, онѣ идутъ въ церковь, читать тѣ же молитвы. Причащаются онѣ нѣсколько разъ въ недѣлю, а исповѣдываются одинъ разъ въ недѣлю, и стараются себя такъ вести, чтобы можно было причащаться и безъ исповѣди, se conserver en grâce. Итакъ, онѣ постоянно находятся въ такомъ состояніи, въ какомъ мы бываемъ, когда говѣемъ, или даже въ такомъ, въ какомъ мы бываемъ въ день исповѣди или причастія. Я у нихъ спрашивала: такое частое повтореніе не дѣлаетъ ли ихъ равнодушными къ этому? Онѣ говорятъ, что напротивъ того, on sent un désir, une ardeur de plus en plus croissante (ощущаютъ желаніе, рвеніе, которое возрастаетъ все болѣе и болѣе). У нихъ ничего нѣтъ своего, нѣтъ своей воли, чтобы что-нибудь дѣлать, даже въ свободное время. Надо спрашивать позволенія à la chère Mère. Есть часы, назначенные для молчанія.

Но онѣ говорятъ, что это-то и хорошо, что онѣ счастливы, довольны и совершенно спокойны. Нельзя ими не восхищаться, и еслибъ я была католичкой, я бы, кажется, вошла къ нимъ, но не могу понять, какъ наши православныя дамы идутъ въ католички. Я восхищалась этими сестрами, любовалась всѣми многочисленными и великолѣпными заведеніями Парижа, тоже основанными католицизмомъ, но и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ отъ всей души благодарила св. равноапостольнаго кн. Владиміра, что я—православная.

Я писала тамъ же свои замѣтки о „Виѳаніи“ и о всемъ строѣ и порядкѣ этихъ заведеній. И вотъ чѣмъ я кончила то, что записывала въ домѣ св. Гедвиги: „Здѣсь душно и физически, и морально. Но что-то сердечное, простое и веселое невольно заставляетъ примириться съ этимъ безконечнымъ моленіемъ, съ этимъ подавляющимъ послушаніемъ. Но онѣ такъ легко все это выполняютъ, такъ спокойны, веселы, что это дѣйствуетъ и на другихъ.

„Прощай, мирный уголокъ! Ты не можешь не быть благословенъ Тѣмъ, чьимъ Именемъ все здѣсь дѣлается“!

Digitized by Google

Приведу кстати нѣсколько словъ изъ письма моего къ сестрѣ изъ Берлина; они дадутъ понятіе о томъ мучительномъ положеніи, въ которомъ спутывались мои мысли, обращенныя все-таки всего больше на нашу Крестовоздвиженскую Общину.

„Монастырь св. Гедвиги, это—средневѣковое начало, которое сохранилось во всей своей цѣлости и непоколебимости. Виѳанія—есть произведеніе нынѣшняго вѣка и протестантизма, прекрасная мысль, полезная, устроенная прочно, и спокойно исполняется женщинами, посвятившими себя на это служеніе; онѣ знаютъ, что это—доброе дѣло. А вѣдь дѣлать надо что-нибудь, тѣмъ болѣе тѣмъ, которымъ надо работать, чтобы жить... Итакъ, S-te Hedwig есть произведеніе экзальтированной религіи и мысли о спасеніи своей души... „Виѳанія“ —можно сказать—есть произведеніе разсудка и желанія жить по-христіански съ кой-какими удобствами. Крестовоздвиженская Община—произведеніе патріотическаго чувства, стремящагося участвовать въ общемъ дѣлѣ, испытывающаго сильное сочувствіе къ столькимъ страданіямъ и готовность раздѣлить общую опасность и труды. Невольный интересъ, связанный съ войной — вотъ начало нашей общины. Что-жъ изъ этого выйдетъ? Не знаю, но понимаю, что надо другія начала. Но что? Какія? Мои мысли здѣсь еще больше спутались, чѣмъ въ Петербургѣ. Грустно, тяжело!...“

11-го, мы выѣхали изъ Берлина. Тогда въ Кёльнѣ (Cologne) не было желѣзно-дорожнаго моста черезъ Рейнъ. Для насъ это было очень кстати. Великая княгиня ночевала въ Кёльнѣ, и мы съ Эдитой Ѳедоровной могли воспользоваться этимъ часомъ, который полагается на переѣздъ въ экипажахъ, чтобы проѣхать въ Hôtel Belle-Vue, который именно достоинъ этого названія, и видѣть великую княгиню. Свиданіе наше съ ней было очень короткое, ни объ чемъ нельзя было поговорить, такъ какъ мы боялись опоздать на поѣздъ. Какъ хороша и красива была дорога! То скалы, то небольшіе туннели и потомъ хорошенькіе домики у самаго полотна дороги, даже цвѣтники на самыхъ откосахъ дороги. Не то, что наша Николаевская,—мчится какъ дикій звѣрь по мелкимъ лѣсамъ и болотамъ.

Когда мы пріѣхали въ Vervier, на французскую границу, то я такъ была рада, что понимаю все, что вокругъ меня говорятъ; мнѣ даже казалось, что всѣ говорили по-русски. Я надѣялась, что мы пріѣдемъ въ Парижъ часовъ въ семь; мнѣ такъ хотѣлось видѣть его въ полномъ вечернемъ освѣщеніи. Но къ моей досадѣ какой-то несчастный поѣздъ съ каменнымъ угломъ сошелъ съ рельсовъ. И такъ досадно! Пройди онъ еще нѣсколько

Digitized by Google

впередъ, мы могли бы его объѣхать, а тутъ намъ пришлось стоять, телеграфировать и ждать, чтобъ насъ отвели заднимъ ходомъ до такого мѣста, гдѣ мы могли перейти на другіе рельсы.

Итакъ, мы пріѣхали въ Парижъ, когда онъ уже не блисталъ своимъ освѣщеніемъ. Наши вещи, чтобъ намъ не было безпокойства на границѣ, должны были осматриваться въ Парижѣ, и хотя насъ очень скоро и любезно отпустили, но все-таки это взяло время. Хорошо, что Ѳ. М. Дмитріевъ, который былъ въ Парижѣ, приготовилъ намъ нумеръ въ гостинницѣ, и мы могли туда прямо пріѣхать.

На другой день мы ждали отвѣта отъ Père Etienne, Supérieur des Lazaristes, которому Раденъ сейчасъ же написала: онъ одинъ могъ намъ доставить возможность видѣть la Maison-Mère des Soeurs de S-t Vincent de Paul.

Отвѣта въ это утро не дождались, а Дмитріевъ соблазнилъ насъ ѣхать въ Hôtel des Invalides, на могилу Наполеона I. Мы ходили по всему зданію, были и въ столовыхъ, и въ библіотекѣ, и на кухнѣ; тамъ 3.200 солдатъ и 170 офицеровъ. Прекрасное заведеніе. Хоть это и не шло къ цѣли моего путешествія, но для военной сестры было очень кстати.

На другой день мы тоже не имѣли отвѣта отъ Père Etienne, и я начинала бояться, что насъ никуда не пустятъ; тогда мы сами рѣшились ѣхать въ домъ лазаристовъ. Но только-что мы вышли, намъ подали записку, которая давно была готова, но Эд. Ѳед. забыла сообщить нашъ адресъ.

Насъ проводили въ rue du Bac, гдѣ домъ сестеръ очень близко отъ лазаристовъ. Насъ сейчасъ же ввели dans le parloir (пріемную), гдѣ было приготовлено очень много священническихъ и служебныхъ одѣяній (названій ихъ я не знаю), такъ какъ въ этотъ день была l'octavie de S-t Vincent, и въ церкви сестеръ будутъ служить лазаристы, а въ церкви лазаристовъ намъ сказали: son corps est exposé (выставлены его мощи). Потомъ насъ провели въ комнаты de la Supérieure и просили подождать. Проходя по галереямъ, мы видѣли, что онѣ обѣдаютъ; за обѣдомъ—чтеніе. Покуда la Mère Supérieure къ намъ не пришла, къ намъ приходили то одна, то двѣ сестры. Онѣ и меня разспрашивали, и сами намъ разсказывали; у нихъ въ этомъ домѣ 400 новисъ и отъ 200 до 300 сестеръ. Заведенія при домѣ никакого нѣтъ, только больница для сестеръ. Прислуги никакой нѣтъ, да и что жъ бы она дѣлала? У нихъ въ день только одинъ урокъ—la religion.

Пришла la Mère Supérieure, очень привѣтливая, пожилая и серьезная; пришелъ le Père Etienne—типъ своего званія, рѣчь

Digitized by Google

спокойная и пріятная. Повели насъ въ садъ, и черезъ садъ—въ то, что̀ онѣ называютъ le Séminaire. Тамъ, въ длинной, продолговатой залѣ, уставленной рядами скамеекъ, очень тѣсно сидѣли les novices. Онѣ въ черномъ и на головѣ тоже такой же чепчикъ, или, лучше сказать, шляпа, какъ у сестеръ, а сверху вуаль изъ чернаго гроденапля. Много хорошенькихъ и молоденькихъ.

Но это просто былъ смотръ, даже было неловко. Père Etienne попросилъ насъ взойти на маленькое возвышеніе въ одну ступеньку, и тутъ намъ объясняли, кто изъ какихъ націй, и по скольку ихъ. Онъ началъ:—Nous avons des Italiennes; que les Italiennes se lèvent! (у насъ есть итальянки; пусть итальянки встанутъ!).—И такъ вызывались всѣ націи; дошло и до Соединенныхъ-Штатовъ, и до Бразиліи. Тутъ вставало только по одной.

Для новисъ есть особенный садъ, куда онѣ и пошли; но прежде онѣ остановились передъ статуей Божіей Матери и пѣли. Потомъ намъ показали la Chapelle où on fait la retraite. Всѣ сестры должны это исполнять; вотъ въ чемъ это состоитъ: цѣлую недѣлю онѣ проводятъ въ этой церкви въ молчаніи. Только два раза въ день священникъ приходитъ ихъ назидать. Гулять онѣ могутъ, спать уходятъ къ себѣ, но всѣ эти дни постоянно молчатъ. Мы просили показать намъ весь домъ, но намъ сказали, что сегодня это невозможно, такъ какъ у нихъ большой праздникъ и службы.

Новисъ было такъ много, что онѣ въ церкви не помѣщались. Тутъ пришли затѣмъ и лазаристы. Ихъ было очень много—и много молодыхъ; на черныхъ сутанахъ ихъ бѣлыя surplis (можетъ быть, это и не такъ называется) дѣлали очень хорошій эффектъ.

Отъ нихъ мы поѣхали въ Chapelle des Lazaristes—saluer S-t Vincent. Son maître-autel—на большомъ возвышеніи, ступеней около 20-ти. Онъ лежитъ подъ стекломъ, во всемъ облаченіи; видно все очень хорошо. Я усердно помолилась ему, чтобы онъ намъ помогъ; теперь онъ не католикъ, и всѣ должны быть для него равны. У него любовь къ ближнему и милосердіе, la charité envers le prochain, были развиты въ высшей степени. Да помолитъ же онъ о насъ Господа, какъ я его молила!...

Я не знаю, каковы были сестры при св. Викентіи, когда онъ ихъ самъ устроилъ, и когда онѣ носили скромное названіе servantes des pauvres: служанки бѣдныхъ. Но теперь, это—чисто произведеніе католичества, и такія сестры возможны только при братьяхъ-лазаристахъ. Главная, основная мысль сестеръ—это пропаганда. Всякая болѣе или менѣе видитъ въ себѣ апостольское призваніе.

Digitized by Google

Вотъ что мнѣ сказала la Mére Supérieure:—Oui, nous soignons le corps, mais notre premier devoir est de parler de religion (Да, мы ходимъ за тѣломъ, но нашъ первый долгъ—говорить о религіи).—У нихъ все очень строго, хотя онѣ произносятъ обѣтъ только на одинъ годъ, послѣ пяти лѣтъ de professorat (не знаю, какъ перевести это слово).

Что же я себѣ могла сказать послѣ всего видѣннаго и слышаннаго? Мнѣ кажется, у насъ все это совершенно невозможно. Наша православная церковь такъ строго не требуетъ подобнаго всепоглощающаго повиновенія, да и для этого было бы необходимо католическое духовенство. И что же? Я сдѣлалась спокойнѣе, хотя мнѣ было очень грустно. Я и тутъ также писала всякій вечеръ о томъ, что видѣла и испытала въ этотъ день. Эти записки очень подробны и позволяютъ мнѣ теперь вспомнить все самое главное. Выписываю одно очень странное и прозаическое сравненіе, которое мнѣ тогда пришло въ голову: „Чтобъ сдѣлать фарфоръ, надо необходимо имѣть фарфоровую глину; а если имѣется только песокъ, изъ котораго можно сдѣлать только стекло, то нечего стараться дѣлать то, для чего нѣтъ нужныхъ элементовъ“...

Однако для чего же я въ Парижѣ? Изъ сестры милосердія я превращаюсь въ туристку и, что еще хуже, въ свѣтскую барышню! Съ какимъ я удовольствіемъ ходила по Лувру, когда я имѣла руководителемъ Ѳ. М. Дмитріева; но я не удовольствовалась однимъ разомъ, и въ другой разъ провела тамъ цѣлое утро, войдя туда, когда только-что открыли музей, и оставалась тамъ до той минуты, когда насъ всѣхъ, хотя очень любезно, но попросили убираться вонъ.

Была тоже въ Palais du Luxembourg, чтобы видѣть картины новыхъ современныхъ художниковъ, о которыхъ много слыхала отъ сестры моей, которая жила нѣкоторое время въ Парижѣ и рисовала въ ателье извѣстнаго живописца Eugène Delacroix.

А для свѣтской барышни—какіе красивые магазины, какъ въ нихъ всѣ учтивы, привѣтливы, внимательны, даже тогда, когда покупаешь самыя мелочи! Разумѣется, для себя я ничего не покупала, но какъ не привезти изъ Парижа роднымъ и знакомымъ хотя какія-нибудь бездѣлушки!

Вотъ и ходишь по магазинамъ...

Но вернусь къ сестрамъ и госпиталямъ.

Прямо отъ лазаристовъ мы поѣхали разыскивать les Petites Sœurs—и съ трудомъ ихъ нашли. Какое это трогательное и симпатичное заведеніе! Онѣ живутъ какъ птицы небесныя: Богъ

Digitized by Google

далъ день, Богъ дастъ и пищу! Онѣ всякій день ходятъ за подаяніемъ; имъ даютъ и старыя платья, и остатки отъ кушаньевъ. Многія гостинницы, говорятъ, нарочно припасаютъ для нихъ. Онѣ живутъ такими подаяніями, но видно однако, что подаянія были очень велики. У нихъ теперь хорошее гнѣздышко, свой трехъ-этажный домъ, и у нихъ призрѣвается до 200 стариковъ и старушекъ; есть очень старые—80-ти и даже 90 лѣтъ, всѣ въ разныхъ платьяхъ, какія у кого есть, или какія имъ дали. У нихъ ничего нѣтъ положеннаго, а что Богъ послалъ, тѣмъ онѣ и живутъ. Есть у нихъ и церковь, и при домѣ огородъ. Все чисто и опрятно, даже воздухъ хорошій, хотя старушки и старики помѣщены довольно тѣсно. Сестры въ черномъ, но платья сшиты или, лучше сказать, перешиты изъ разныхъ старыхъ платьевъ. Всѣ сестры—изъ простыхъ.

На другое утро мы съ сестрой Нарышкиной (она русская, выросла въ Парижѣ и перешла въ католичество) поѣхали въ большой военный госпиталь—Val de Grâce. Тамъ 40 сестеръ. У нихъ все особенное и своя chapelle, и parloir. Такъ какъ мы были съ сестрой изъ ихъ же общины, то насъ сейчасъ же приняли. У нихъ все мило, очень чисто.

Мы пошли въ большую церковь, выстроенную Anne d'Autriche, потомъ черезъ садъ—тутъ есть и ботаническій садъ—въ школу въ родѣ нашей фельдшерской.

Больныхъ бываетъ больше 1.000 человѣкъ, но такъ же, какъ и у насъ въ военныхъ госпиталяхъ, мало слабыхъ. Сестры завѣдуютъ всѣмъ хозяйствомъ, даже покупаютъ все нужное, кромѣ хлѣба и говядины, которые имъ ставятъ, и при пріемѣ должны быть и докторъ, и офицеръ; но это не всегда бываетъ.

Я еще въ другой разъ провела цѣлый день въ Val de Grâce, видѣла весь порядокъ дня и много съ сестрами говорила. La soeur Supérieure, которая тогда уже вернулась, была очень привѣтлива и почти весь день была со мной, водила въ ихъ дортуары. Видѣла я сестеръ и во время рекреаціи; онѣ занимались разными работами, и нѣкоторыя вышивали une aube (ризу) очень красивую; всѣ были очень веселы и разговорчивы, но обѣдомъ, отъ котораго я долго отказывалась, онѣ все-таки кормили меня отдѣльно, несмотря на то, что говорили мнѣ: révérende Mère.

Я долго была въ кухнѣ, видѣла весь порядокъ приготовленія и раздачи, слышала отъ больныхъ тѣ же жалобы, что и у насъ, что порція мала, что они голодны. Порціи у нихъ гораздо разнообразнѣе, чѣмъ у насъ.

Потомъ пошла съ сестрами въ госпиталь. За главнымъ док-

Digitized by Google

торомъ онѣ не ходятъ, потому что за нимъ идетъ цѣлая толпа и докторовъ, и учениковъ. Перевязкой тоже сестры не занимаются,—это должны дѣлать ученики, и они же должны давать лекарства. Но больше лекарства даютъ сестры, такъ какъ онѣ цѣлый день въ палатахъ, и уходятъ только раза четыре или пять на молитву и обѣдъ, но и тогда остаются дежурныя. Также и ночью сестры бываютъ въ палатахъ поочередно. Сестры завѣдуютъ и бѣльемъ, и стиркой его.

Вотъ что мнѣ разсказала старшая сестра: еще Louis-Philippe хотѣлъ помѣстить сестеръ въ этотъ госпиталь, такъ какъ тутъ открыли много безпорядковъ въ продовольствіи, но февральская революція этому помѣшала. И только при второй имперіи, нѣсколько мѣсяцевъ avant la guerre d'Orient, — какъ онѣ называютъ нашу крымскую кампанію,—онѣ сюда поступили (въ морскихъ госпиталяхъ онѣ давно уже были). Когда онѣ пріѣхали, никто ихъ не встрѣтилъ, на нихъ не глядѣли, и онѣ слышали, какъ говорили aux infirmiers (родъ больничныхъ служителей): „Не надо слушать женщинъ"! Дошло до того, что поддѣлали фальшивые ключи, и у нихъ стало исчезать вино, и тогда стали говорить: „Что-жъ мудренаго? Онѣ его пьютъ"...

Теперь имъ гораздо лучше, а особливо съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ новый директоръ, le principal, а прежній приходилъ въ такомъ положеніи, что долженъ былъ держаться за стѣны, и такъ напуталъ дѣло, что попросился въ Италію.—Итакъ, это не у насъ однихъ бываетъ!

Нынѣшнимъ онѣ очень довольны; я его тоже тутъ видѣла; онъ хвалилъ сестеръ, и сестры его хвалили.

Все у нихъ дѣлается по звуку трубы (clairon), которая безпрестанно слышна. Я осталась до раздачи ужина, для котораго все варилось снова, а передъ этимъ долго ходила по палатамъ, слушала ихъ насмѣшки другъ надъ другомъ и надъ самими собой. Только вмѣсто „Пошехонья" говорили, ну, пожалуй, хоть—Тарасконъ. А одинъ парижанинъ, больше похожій на гамена, чѣмъ на солдата, дразнилъ всѣхъ и смѣялся надъ всѣми. Въ этотъ день во мнѣ опять проснулась „сестра", и это былъ для меня спокойный и пріятный день.

Мы были опять dans la Maison Mère, и осмотрѣли все—de la cave au grenier. Въ кухнѣ сестра-хозяйка очень полная; она такъ и сказала мнѣ: „que des personnes, qui font le service actif doivent être bien nourries" (лица, находящіяся на дѣйствительной службѣ, должны быть хорошо кормлены). Я съ ней согласна.

Digitized by Google

Много говорили о вступленіи, о новиціатѣ. Все у нихъ такъ умно разсчитано, съ цѣлью поглотить и изгладить всякую индивидуальность. Не знаю, добросовѣстно ли это. Вотъ что мнѣ говорила одна изъ сестеръ. Привожу ея слова по-французски, какъ я ихъ тогда же записала: „Oui, quand on vient dans la Maison-Mère, cela fait un singulier effet, mais puis on est domptée, on est mâtée, et quand on s'est tout à fait soumise, que l'on n'a plus de volonté, on devient tranquille et heureuse, comme un enfant". (Да, когда придешь въ главный домъ, онъ производитъ странное впечатлѣніе; но потомъ покоришься, сдашься, а разъ совсѣмъ себя подчинишь, когда воли не остается, становишься покойна и счастлива, какъ дитя.)

А другая мнѣ говорила, что сначала она плакала отъ ихъ головного убора (cornette) и уходила къ себѣ на кровать снять хоть на минуту, а потомъ привыкала. Ихъ головной уборъ полотняный, и очень жёстко накрахмаленый.

А это говорили многія: „Хотя мы даемъ обѣтъ на одинъ годъ, но всякая думаетъ, а можетъ быть въ душѣ и обѣщаетъ, что даетъ на всю жизнь".

Ѣздили мы съ сестрой Нарышкиной въ Gros Caillot, тоже военный госпиталь. Разумѣется, тѣ же порядки. Но вотъ что меня удивило: сестры постоянно въ палатахъ, но онѣ уходятъ пять разъ въ день, и тогда остается одна сестра, и ей въ помощь наемная женщина! Но онѣ находятъ, что ихъ мало. Ихъ комплектъ 20. Теперь ихъ 18, такъ какъ двѣ уѣхали. Комплектъ больныхъ 600, но есть палаты, въ которыя сестры не ходятъ; а тутъ у нихъ больныхъ было 300. Когда я изъявила удивленіе относительно наемной женщины, то сестры мнѣ сказали:

— Насъ такъ мало, а потому ночное дежурство приходилось бы слишкомъ часто; если сестра еще занеможетъ, то намъ очень затруднительно.

— Да развѣ вамъ не замѣнятъ больную сестрой изъ Maison-Mère?

— О, нѣтъ! Мы должны сами все устраивать. Nous devons nous suffire à nous mêmes.

Странно,—вѣдь ихъ такъ много. Еще что меня удивило: когда я спросила, могутъ ли онѣ готовить что-нибудь особенное изъ своего для больныхъ, онѣ сказали, что для слабыхъ больныхъ могутъ, но прибавили, что дѣлаютъ это очень рѣдко, car cela fait toujours des désagréments (всегда причиняетъ непріятности). Не понимаю, отчего?

Больнымъ позволяютъ курить только въ саду. У воротъ вся-

Digitized by Google

каго военнаго госпиталя есть une cantinière, у которой больные могутъ покупать почти все.

Видѣла я больныхъ, играющихъ въ палатѣ въ карты, и спросила:

— Развѣ это позволено?

— Нѣтъ, но мы дѣлаемъ видъ, какъ будто не видимъ.

Были мы и въ домѣ, гдѣ живетъ сестра Нарышкина. Это une Maison d'arrondissement; я такъ поняла, что такіе дома должны быть во всякой части города, и они устраиваются парижскимъ муниципалитетомъ. Это очень хорошо, потому что устроено именно для нуждъ той же мѣстности.

Вотъ въ такомъ родѣ заведеніе желала устроить въ Москвѣ кн. Соф. Степ. Щербатова, когда устраивала общество дамъ-попечительницъ въ каждой части Москвы. Тогда это пошло очень живо. Всякая устраивала, что̀ могла, и богадельню, и пріютъ, и школу. Не знаю, какъ это теперь идетъ.

И здѣсь, у сестры Нарышкиной, съ которой живутъ еще сестры, все есть: и маленькая богадельня для 10-ти старушекъ, и ясли, въ которыя приносятся дѣти на день, и сироты, которыя учатся и работаютъ, и экстерны, которые приходятъ только въ школу, и аптека для раздачи лекарствъ бѣднымъ по рецептамъ. Сестры также посѣщаютъ въ квартирахъ бѣдныхъ этой части. Домъ небольшой, но все хорошо приспособлено, и нѣтъ сомнѣнія, что это истинно полезное и доброе дѣло, и исполняется совершенно добросовѣстно. Существуютъ ли въ Парижѣ еще такіе дома? Жаль, если нѣтъ.

Сестра Нарышкина намъ все очень мило показывала, и я очень жалѣла, что на другой день я не съ ней должна была ѣхать, а съ другой сестрой, въ разныя заведенія, гдѣ служатъ ихъ же сестры, а сестрѣ Нарышкиной было разрѣшено съ дѣтьми ея заведенія ѣхать за-городъ, такъ какъ это день ея именинъ.

Итакъ, на другой день я поѣхала одна съ сестрой Barbe. Были мы въ дѣтской больницѣ. Barbe недавно перешла къ сестрамъ S-t Vincent, да и сама больница не такъ давно устроена. Мнѣ очень она не понравилась: домъ въ 4-е этажа, но какъ-то тѣсно, не особенно чисто, или это можетъ быть оттого такъ кажется, что бѣлье поступаетъ небѣленое, и по мѣрѣ употребленія выбѣливается.

Меня очень удивило то, что въ палатахъ острыхъ болѣзней, если у ребенка вдругъ сдѣлается оспа, крупъ или скарлатина, онъ все-таки остается на своемъ мѣстѣ. Я видѣла трехъ, у которыхъ были прорѣзаны горлышки и вставлены трубочки;

Digitized by Google

у нихъ былъ крупъ. Про одну бѣдную дѣвочку сестра мнѣ сказала, указывая на нее, что у нея былъ крупъ, скарлатина, а теперь оспа. На кухнѣ сёстры смотрятъ и раздаютъ пищу, но не онѣ покупаютъ. Разсказывая про это, онѣ говорили: „Cela nous arrange beaucoup mieux, c'est bien plus commode". Бѣлье стирается и чинится въ salpêtrerie. На дворѣ садъ и хорошенькая церковь. Очень хорошія ванны и особыя ванны для приходящихъ, которыхъ бываетъ весьма много, до 100 чел. въ день. Туда сестры не ходятъ.

Потомъ были мы въ Maison Necker, hôpital civil. Это не изъ очень старыхъ, 1779 года, на 350 кроватей. Въ это время многое тамъ перестраивалось и дѣлались вентиляціи посредствомъ паровой машины. Чисто, красиво; стѣны отдѣланы не то штукатуркой, не то фальшивымъ мраморомъ, но свѣтлыя и нѣсколько даже блестящія. У сестеръ то же устройство, какъ и вездѣ, и сестры, какъ и всегда, были премилыя.

Еще посѣтили мы l'Orphelinat de l'Impératrice. Все выстроено богато и красиво. Сестры здѣсь всѣмъ завѣдуютъ, и имѣютъ sous-maîtresses для работъ. Тутъ должны воспитываться бѣдныя дѣвушки отъ 8 до 21 года. Онѣ учатся читать, писать, закону Божію, а главное—шитью. Домъ выстроенъ на 300 воспитанницъ. При моемъ посѣщеніи, ихъ было еще только 140. Церковь прекрасная; престолъ бѣлый мраморный, но надъ самымъ престоломъ картина: Божія Матерь, а надъ нею—сёстры, дѣти и императрица Евгенія, полунаклоненныя, avec le mouvement d'offrir un don à Dieu. Но — портретъ живого человѣка прямо надъ престоломъ — очень нехорошо.

Но все тутъ было такъ чисто, мирно, спокойно и цѣломудренно, и все это мнѣ такъ живо вспомнилось, когда я потомъ съ ужасомъ читала въ „Revue des deux Mondes" статью Maxime Ducamp о томъ, что тутъ дѣлалось во время коммуны—ужасно!

Еще мы посѣтили богадельню на 400 стариковъ; сестры тутъ тоже всѣмъ завѣдуютъ. Въ палатахъ, гдѣ есть слабые, онѣ постоянно бываютъ, а въ другія только заходятъ посмотрѣть за порядкомъ. Сестры здѣсь, кажется, очень сжились со своими стариками; иные здѣсь по нѣскольку лѣтъ, а другіе и по нѣскольку десятилѣтій. Очень хорошо тутъ все устроено; самые слабые, или безногіе—въ нижнемъ этажѣ; у нихъ есть стулья, на которыхъ они выѣзжаютъ въ садъ, и могутъ кататься безъ посторонней помощи. Старикамъ позволяется уходить изъ богадельни всякій день отъ 7-ми час. утра до 8-ми вечера. Когда мы пріѣхали,

Digitized by Google

они собрались къ ужину. Ужинъ состоитъ изъ салата и сыра! Вотъ бы нашихъ русскихъ стариковъ такъ накормить,—я думаю, они бы взбунтовались!

Не могу не вспомнить, что въ этотъ же день, когда мы проѣзжали мимо la Sainte Chapelle, которую мнѣ очень давно хотѣлось видѣть, мы туда вошли. Ахъ, какъ она мнѣ понравилась! Что за прелесть!

Вслѣдъ за нами вошелъ аббатъ; увидавъ на мнѣ крестъ и узнавъ, что я русская, онъ сейчасъ обратился ко мнѣ со словами: „Я надѣюсь, что вы уніатка"? И когда я сказала, что я православная, онъ началъ меня уговаривать повѣрить въ папу, говоря: „Priez Dieu, ma soeur, que Dieu vous accorde la foi dans notre Saint père le Pape"! (Молитесь, сестра, чтобы Богъ даровалъ вамъ вѣру въ нашего святого отца — папу!)

А когда я отвѣчала, что молиться объ этомъ не буду, онъ мнѣ жалобно сказалъ: „Que vous a donc fait notre pauvre Pape"? (Что вамъ такого сдѣлалъ нашъ бѣдный папа?)

Когда мы перешли изъ S-te Chapelle въ Galerie du Palais de Justice, гдѣ расхаживали судьи, адвокаты и нотаріусы въ шапочкахъ и мантіяхъ, а со мной сестра, avec sa cornette, и вспомнились мнѣ рѣчи аббата—все это перенесло меня въ средніе вѣка. Я повернулась къ своей спутницѣ, чтобы сдѣлать замѣчаніе насчетъ аббата,—она набожно подняла глаза и руки къ небу и проговорила съ убѣжденіемъ: „Cela doit être un saint homme"! (Это долженъ быть святой человѣкъ!). Я промолчала...

Теперь мнѣ остается еще сказать только о сестрахъ Du bon Secours и объ августинкахъ. Начну съ первыхъ. Насъ позвала туда ѣхать бывшая сестра Крестовоздвиженской Общины, Рогачева, у которой была тамъ знакомая сестра Marceline.

Однако, несмотря на это, насъ не вдругъ туда впустили, и старшая сестра къ намъ не вышла, а пришла другая сестра и показала больницу для сестеръ. Очень хорошо устроена; только въ одной большой комнатѣ три кровати, а то все по одной. Сестры тоже живутъ всякая въ особенной комнатѣ. Показали намъ еще прекрасную и очень щегольскую, élégante, церковь, а потомъ мы сидѣли съ сестрой въ parloir. И вотъ что я помню изъ разговора съ нею. Эта община устроена тридцать лѣтъ тому назадъ одной дамой подъ попечительствомъ (patronage) архіепископа парижскаго, отъ котораго онѣ зависятъ и который ихъ начальникъ и покровитель. Онѣ только ухаживаютъ за больными въ домахъ, куда ихъ приглашаютъ, по 5-ти фр. въ день. Если болѣзнь тяжелая и опасная, онѣ требуютъ, чтобы брали двухъ

Digitized by Google

сестеръ (но она прибавила, что иногда плата убавляется); но кромѣ того, вотъ ихъ условія: чтобы сестеръ кормили особенно, чтобы каждыя сутки онѣ имѣли шесть часовъ отдыха и свободное время прочитать всѣ назначенныя имъ молитвы, чтобы онѣ могли уходить всякій день къ обѣдни и причащаться раза два или три. La Supérieure и прочія сестры не посѣщаютъ сестеръ въ домахъ, гдѣ онѣ ходятъ за больными, но всѣ сестры должны съѣзжаться въ субботу въ общину на нѣсколько часовъ.

Разсказывая правила поступленія ихъ въ дома, она очень тривіально прибавила: „Ну, если не принимаютъ нашихъ условій,—могутъ обойтись безъ насъ". Плата за уходъ отнимаетъ у нихъ священный характеръ сестры милосердія.

Въ новисы принимаются со взносомъ отъ 200 до 400 фр. Дѣлается исключеніе только для самыхъ способныхъ. Новисы учатся уходу за больными при больницѣ сестеръ; не думаю, чтобы онѣ могли пріобрѣсти большую опытность, такъ какъ сестеръ не очень много; ихъ менѣе 200.

Въ домѣ руководятся тѣмъ же уставомъ, какъ во всѣхъ конгрегаціяхъ: частыя молитвы, часы молчанія, причащеніе нѣсколько разъ въ недѣлю. Начальница должна избираться, но съ тѣхъ поръ, какъ онѣ устроились, у нихъ все одна и та же. Онѣ почти совсѣмъ никуда не выходятъ; ихъ не отпускаютъ даже къ больнымъ роднымъ, а если туда будутъ просить сестру, то посылаютъ чужую, а не родную!

Ужъ это слишкомъ! Это—идти противъ человѣческихъ чувствъ самыхъ натуральныхъ и законныхъ.

Я очень была рада, что намъ удалось побывать у этихъ сестеръ, и очень жалѣю, что не видала всѣхъ конгрегацій, какія есть въ Парижѣ, но это было невозможно и по времени, а главное потому, что безъ особой протекціи попасть къ нимъ невозможно. Вѣдь и къ сестрамъ Bon Secours мы попали только оттого, что у Рогачевой была тамъ знакомая.

Теперь перейду къ августинкамъ, но ихъ не называютъ сестрами, а—religieuses, монахинями. Имъ говорятъ: mère, и даже: révérende mère.

Въ Hôtel Dieu—ихъ Maison-Mère. La mère Supérieure была очень любезна; она всюду насъ сама провожала, но мы все осмотрѣли очень поверхностно, такъ какъ этотъ госпиталь интересенъ только своей древностью.

Я знаю, что онъ теперь совсѣмъ перестроенъ, но я прошу тѣхъ, которые будутъ читать эти несвязныя записки, помнить,

Digitized by Google

что я все это видѣла въ 1859 году и записывала все очень подробно, какъ тогда мнѣ было нужно.

Я думаю, что теперь многое совсѣмъ перемѣнилось, а другого, можетъ быть, и совсѣмъ уже нѣтъ.

Уходъ въ этомъ госпиталѣ долженъ быть очень затруднителенъ, и я даже не понимаю, какъ только одна сестра, какъ мнѣ говорили, остается на ночь, когда палатъ много и онѣ соединены такими оригинальными переходами, какъ, напр., крытый мостъ черезъ каналъ или подземный ходъ подъ улицей.

Больные мнѣ показались слабыми, но въ это время были у больныхъ гости; шумъ и толкотня были ужасные. Этотъ Maison-Mère августиновъ устроенъ par S-t Landry évêque de Paris, въ 650 г. Ихъ всего только 160, но онѣ, мнѣ кажется, имѣютъ о своемъ орденѣ высокое понятіе, какъ о самомъ старинномъ и о самомъ аристократическомъ. И у нихъ такой же строгій уставъ.

Боже мой! Неужели людей только и можно вести строгой, убивающей дисциплиной? Грустно это для человѣчества.

Изъ этихъ же августиновъ есть сестры и въ госпиталѣ Lariboisière. Этотъ госпиталь былъ тогда только отстроенъ года три. Все ново, чисто. Вентиляція и топка устроены въ подвальномъ этажѣ. Прекрасная церковь, садъ на дворѣ. Зданіе устроено „покоемъ“. Штукатурка разноцвѣтная, блестящая; бѣлыя тонкія занавѣси на кроватяхъ. На открытой галереѣ, соединяющей верхніе павильоны—вазы съ цвѣтами. Однимъ словомъ,—хотя это прилагательное не очень идетъ къ госпиталю,—веселый госпиталь! Какая великолѣпная прачешная: чистая вода, въ которой полощутъ бѣлье, бѣжитъ по широкимъ бѣлымъ мраморнымъ желобамъ.

Тутъ въ помощь сестрамъ, т.-е. монахинямъ, есть des internes, которые должны дѣлать перевязки и давать лекарства. Насъ тоже провожалъ какой-то—не то изъ internes, не то чиновникъ—съ краснымъ воротникомъ, и все отлично показывалъ.

Мы встрѣтили одну монахиню и просили ее сказать à la révérende Mère, что мы ее просимъ насъ принять. Она приняла насъ очень любезно, и даже русскаго доктора Реберга, который былъ съ нами, и очень охотно отвѣчала на наши вопросы. Новаго мы ничего не узнали, но живо помню ея строгое лицо и энергію, съ которой она сказала: „Да, мы произносимъ вѣчные обѣты, и при реставраціи мы добились на это позволенія. И я первая прошла по погребальному покрову (le drap mortuaire)“.

Digitized by Google

Я думаю, на сестеръ также много вліяетъ соревнованіе разныхъ конгрегацій.

Можетъ быть, я многое забыла записать изъ того, что видѣла и слышала; все мое пребываніе въ Парижѣ было какимъ-то калейдоскопомъ,—такъ все быстро проходило передъ глазами! И я должна признаться, что между поѣздками по общинамъ и госпиталямъ я побывала и въ Jardin des Plantes, и въ Hôtel Cluny, и въ нѣсколькихъ церквахъ, но, къ моей великой досадѣ, не видѣла Notre Dame de Paris!—тамъ производились какія-то починки и никого не пускали.

Я съ удовольствіемъ возвратилась бы въ Петербургъ, но вѣдь мы должны были ѣхать черезъ Остенде—видѣть великую княгиню.

Что же я скажу ей? Какой результатъ моей поѣздки? Что я видѣла? чему научилась?

Много, много я передумала, и вотъ что написала въ своихъ вечернихъ замѣткахъ, надъ которыми иногда засыпала. Писала, чтобы прочесть великой княгинѣ, и потому писала по-французски, но я, кажется, въ Парижѣ начала и думать по-французски.

„Oui, je dirai très hardiment que pour le service des hôpitaux, nous n'avons rien à envier aux autres. Mais pour la force morale, qui les retient toujours à leur devoir, pour la sécurité que l'on a qu'elles ne bavardent pas, qu'elles aient la tenue qu'elles doivent avoir, nous aurions en beaucoup de choses à apprendre.

„Mais dirais-je que pour cela soit l'idéal?—Non. Ce sont toujours cependant des esclaves qui travaillent dans la maison de leur maître, mais non des enfants qui travaillent dans la maison de leur père. Et cependant Jésus Christ nous a rachetés de l'esclavage et nous a rendus enfants du Père céleste"...

(Да, я смѣло скажу, что относительно службы въ госпиталяхъ намъ нечего завидовать другимъ. Но что касается нравственной силы, которая ихъ всегда удерживаетъ при ихъ обязанностяхъ, увѣренности, что онѣ не будутъ болтать, и будутъ держать себя такъ, какъ слѣдуетъ,—мы многому тутъ можемъ научиться.

Но скажу ли я, чтобы это былъ для меня идеалъ?—Нѣтъ. Это все же рабы, работающіе въ домѣ господина, а не дѣти, работающія въ домѣ отца. А между тѣмъ Іисусъ Христосъ искупилъ насъ изъ рабства и сдѣлалъ насъ дѣтьми Отца Небеснаго.)

Сестрѣ я писала, что я очень много думала, и съ грустью,

Digitized by Google

но и съ спокойной совѣстью убѣждаюсь, что надо нѣчто другое для общины, а поэтому надо и другую сестру-настоятельницу.

Изъ Парижа въ Остенде мы пріѣхали 24-го іюля. Великая княгиня приняла меня очень любезно. Я ей прочитала все, что записывала и въ Берлинѣ, и въ Парижѣ,—а написано было очень много, такъ какъ я входила во всѣ мелочи, касающіяся и сестеръ, и госпиталей (у меня было исписано кругомъ 14 листовъ большой почтовой бумаги), и сказала ей, что писала къ сестрѣ, —я съ грустью убѣдилась, что не могу устроить общины въ родѣ католической, и что ей надо имѣть другую сестру-настоятельницу.

Можно спросить послѣ этого:—зачѣмъ же я оставалась ею? Да, по моему, отъ двухъ причинъ: некому было меня замѣнить, да и не было положительно рѣшено, каковъ будетъ окончательный характеръ нашей общины; вѣдь у насъ и уставъ, и правила, пока сохранялись тѣ же, что и во время войны.

Я осталась на нѣсколько дней въ Остенде; всякій день обѣдала у великой княгини. Помню, какъ было хорошо, когда мы разъ обѣдали въ Pavillon Royal sur la Jetée. Погода была великолѣпная, что здѣсь рѣдко бываетъ. Море было у нашихъ ногъ, и мнѣ очень хотѣлось видѣть морской приливъ.

Я и въ Остенде была въ госпиталѣ, гдѣ видѣла маленькую и совершенно своеобразную общину. Это посѣщеніе мнѣ устроилъ докторъ великой княгини, Арнетъ, который предупредилъ доктора госпиталя, и онъ меня ждалъ. Тутъ три доктора; больница небольшая, отъ 16 до 20 кроватей для мужчинъ, столько же для женщинъ; и въ богадельнѣ 12 кроватей для мужчинъ, столько же для женщинъ. Это устроено городомъ; тутъ есть совѣтъ; бургомистръ —президентъ. Вотъ какъ сестры сюда попали: лѣтъ 20 тому назадъ, нашли, что госпиталь не хорошо содержанъ par les infirmiers et les infirmières—это не прислуга, а что-то выше. И стали просить у епископа въ Bruges прислать сестеръ въ госпиталь; тогда имъ прислали трехъ сестеръ августинокъ изъ тѣхъ, которыя подвизаются или служатъ (desservent) въ большомъ и, какъ говорятъ, очень хорошемъ госпиталѣ въ Bruges. Ихъ тамъ 24; онѣ сдѣлали такое условіе, что если имъ будетъ неудобно, то онѣ могутъ уѣхать. Но онѣ остались и къ нимъ прислали еще трехъ. А когда время, положенное для опыта, прошло, то онѣ остались какъ отдѣльная община, не зависящая отъ Maison-Mère, а только имѣющая въ лицѣ епископа въ Bruges высшаго духовнаго начальника.

Онѣ все имѣютъ отъ госпиталя, — зато и все тамъ дѣ-

Digitized by Google

лаютъ: приготовляютъ пищу и для себя, и для больныхъ, стираютъ бѣлье и свое, и больничное. Онѣ могутъ принимать новисъ, но сами не могутъ быть болѣе шести. Многого нельзя было и разспросить, такъ какъ съ нами сидѣла ихъ старшая, 79 лѣтъ, у которой было нѣсколько апоплексическихъ ударовъ. Она не говоритъ, но, повидимому, все слышитъ. Какъ же было при такой дряхлой старушкѣ спросить, какъ назначается старшая, какъ замѣщается умершая? Въ разговорѣ онѣ сообщили, что и изъ ихъ новисъ могутъ быть посвящены въ монахини августинки послѣ трехъ лѣтъ испытанія. Только надо, чтобы епископъ прислалъ своего делегата для этой церемоніи.

У нихъ тѣ же частыя молитвы и обѣдня всякій день, и та же строгость монастырская—la clôture. Туалетъ ихъ престранный, совсѣмъ не такой, какъ въ Парижѣ: черная юбка, потомъ сверху une casaque бѣлаго сукна съ очень широкими рукавами, потомъ—черная, въ родѣ эпитрахили, темно-синій фартукъ, а на головѣ бѣлая coiffe, въ родѣ чепчика; на лбу—широко сложенная полоса linon baptiste, сверху накрахмаленный кусокъ холста, такъ что торчитъ по обѣ стороны головы, и все покрыто прозрачнымъ вуалемъ изъ черной шерстяной матеріи.

Престранный и пренеудобный костюмъ! Насъ онѣ встрѣтили въ полномъ парадѣ, но прямо говорили, что переодѣваются позднѣе, и пока есть дѣло, одѣты иначе, прибавляя: — Да можно ли что дѣлать въ этомъ одѣяніи?

Онѣ всѣ изъ простого званія, и мнѣ очень понравились; хотя онѣ живутъ совершенно самостоятельно, но все-таки гордятся своимъ орденомъ, и когда я спросила:—А въ домѣ сиротъ тоже ваши сестры августинки?—мнѣ отвѣчали съ большимъ пренебреженіемъ:—О, нѣтъ, это какія-то новыя,—кажется, св. Іосифа.

Э. Ѳ. Раденъ осталась въ Остенде, а я поѣхала одна въ Берлинъ, Штеттинъ, и на пароходѣ „Владиміръ“, 4-го августа, пріѣхала въ Петербургъ.

Моя сестра, которая была весь мѣсяцъ въ деревнѣ, пріѣхала меня встрѣтить. Сестры крестовоздвиженскія встрѣтили меня такъ радушно, такъ весело, что я была очень довольна, и всѣ тяжелыя мысли, недоразумѣнія, какъ-то невольно исчезли, и я стала спокойнѣе.

Матеріальныя мелкія хлопоты при новомъ помѣщеніи, устройство въ своемъ собственномъ домѣ—все это очень развлекало и занимало.

Digitized by Google

Еще изъ Парижа я писала Николаю Ивановичу о дѣйствіи, которое произвело на меня все, что я видѣла.

Сначала, за отсутствіемъ Николая Ивановича на цѣлый мѣсяцъ, мнѣ отвѣчала жена его, Александра Антоновна, милымъ и сердечнымъ письмомъ, за которое я ей была очень благодарна.

Потомъ я получила отъ Николая Ивановича, изъ Кіева, отъ 1-го сентября, письмо. Это меня ободрило, утѣшило и придало рѣшимости продолжать трудиться въ общинѣ въ предѣлахъ возможности.

Привожу это письмо.

„Кіевъ, 1 сентября 1859 г.

„Я очень благодаренъ женѣ, что она написала вамъ, почтеннѣйшая Екатерина Михайловна, вмѣсто меня, пользуясь моимъ отсутствіемъ.

„Въ письмѣ ея вы, вѣрно, это и сами замѣтили, много чувства, а слѣдовательно и правды, хотя бы и нелогической, но это все равно, лишь бы правда. Я съ моей стороны прибавлю къ ея посланію немножко и логики. Надобно брать вещи какъ онѣ есть, это—первое, что впрочемъ нисколько не противорѣчитъ и необходимости всякаго мыслящаго и чувствующаго человѣка—имѣть свои идеалы или брать во вниманіе и идеальную сторону дѣла. Главное,—не пересолить. Я понимаю очень хорошо, какъ вы теперь смотрите на нашу общину, побывавъ въ Берлинѣ и въ Парижѣ; такъ и нашъ братъ смотритъ на доморощенную науку, потолкавшись въ западныхъ университетахъ. Но стѣну лбомъ не прошибешь. По одежкѣ протягивай ножки. За моремъ телушка—полушка, да провозу рубль. Вѣдь, для усовершенствованія нашей общины, не выписывать же намъ католицизмъ, протестантизмъ и піэтизмъ изъ-за границы. Будемъ по крайней мѣрѣ довольны тѣмъ, что тогда какъ католицизмъ есть уже дѣло покончeнное, и кромѣ того, что онъ произвелъ уже, ничего подобнаго болѣе на свѣтъ не произведетъ,—наше православіе еще содержитъ въ себѣ начало незаконченное и способное къ развитію. Будемъ утѣшать себя этой мыслью, она пригодится не для насъ, но, можетъ быть, для нашихъ внуковъ. Не все же жить въ настоящемъ, надо умѣть жить и въ будущемъ; а безъ этого умѣнія—бѣда; не имѣя его, да имѣя слишкомъ живое чувство, можно попать Богъ знаетъ куда. Не теряйте терпѣнія, — одна попытка не удалась, попробуйте на другой манеръ, но за сдѣланное однажды держитесь крѣпко обѣими руками, не упускайте его изъ отчаянія, что нейдетъ такъ, какъ бы хотѣлось.

„Мысль учрежденія общины въ критическое время, ея дѣйствія

Digitized by Google

—это все факты „Errungenschaft", по-русски—достигнутости, какъ выражался король прусскій, когда ему было жутко; это все-таки прогрессъ; оставить все это, бросить, кинуть—значило бы сдѣлать шагъ назадъ. А вы, какъ истая русская прогрессистка, какою я васъ привыкъ всегда видѣть, не должны объ этомъ и думать. И, я васъ увѣряю, если вы покинете общину, то будете сами потомъ грустить и упрекать себя. Великая княгиня не потеряла участія къ общинѣ, это доказываетъ и ваше путешествіе, и пріобрѣтенный домъ; зачѣмъ же натягивать тетиву слишкомъ туго!

„Мужайся, стой и дай отвѣтъ! Казенщину трудно вытащить изъ сердца и головы русскаго человѣка; она проникла и въ сердце женщины со временъ Петра, а съ ними и въ Крестовоздвиженскую Общину. Какъ же быть; не вы однѣ съ этимъ добромъ возитесь; съ нимъ и церковь Божія не скоро сладитъ. Прощайте покуда, уже поздно, и я иду спать, а вы бодрствуйте —за себя и за общину.—Вашъ Пироговъ".

Еще прежде чѣмъ великая княгиня уѣхала весной въ чужіе края, я говорила ей, что, можетъ быть, мать Софіи Вениаминовны Броневской, которая была у насъ сестрой, согласится пріѣхать хоть вмѣстѣ съ дочерью, чтобы заняться испытуемыми.

Я ее лично мало знала, но читала ея письма, въ которыхъ такъ ясно была видна ея доброта, религіозность и полное сочувствіе служенію сестры милосердія, что и ясно доказывалось тѣмъ, что, живши только вдвоемъ съ дочерью, она не противилась ея желанію и отпустила ее; а когда на ту вдругъ нашло уныніе и желаніе вернуться домой, то она же ее уговаривала не бросать разъ начатаго дѣла и послѣ того, какъ она надѣла крестъ, оставаться, какъ тогда давала обѣщаніе, весь положенный годъ.

Въ 1858 году, Анастасія Александровна Броневская пріѣзжала за своей дочерью изъ смоленской губ., гдѣ она жила въ своемъ имѣніи. Тутъ я съ ней и познакомилась.

Итакъ, я, съ разрѣшенія великой княгини, написала къ Анаст. Алекс., и въ письмѣ, отъ 3-го іюля, она изъявила полное согласіе поступить къ намъ, чтобы заниматься испытуемыми.

Выписываю нѣсколько словъ изъ ея письма: „Oui, Madame, j'accepte avec reconnaissance, puisque vous m'en jugez digne votre bienveillante proposition de prendre ma part de travail à l'Община et de coopérer en tout que je pourrai et avec l'aide de Dieu à son avancement moral, mission toute de paix et d'amour qui s'accorde si bien avec mon caractère. Je l'accepte aux termes énoncés dans la lettre de m-lle Rhaden".

Digitized by Google

(Да, я принимаю съ благодарностью, такъ какъ вы считаете меня достойной, ваше благосклонное предложеніе, взять на себя долю труда въ общинѣ и принять участіе, насколько могу и съ Божьей помощью, въ ея нравственномъ преуспѣяніи—дѣло мира и любви, столь подходящее къ моему характеру. Я соглашаюсь на условіяхъ, высказанныхъ въ письмѣ г-жи Раденъ.)

Я сдѣлала эту выписку, чтобы было видно, что не я одна ее приглашала. Я это письмо Анаст. Алекс. сообщила великой княгинѣ въ Остенде. Въ концѣ сентября я получила еще одно письмо отъ Анаст. Алекс., что годъ очень хорошъ, что все можно скоро продать, и что онѣ уже дѣлаютъ нѣкоторыя приготовленія къ отъѣзду. Но вѣдь надо вспомнить, что это еще было при крѣпостномъ положеніи, поэтому многое лежало на совѣсти, и, оставляя деревню, надо было о всемъ подумать и устроить.

Докторъ Тарасовъ уѣхалъ въ чужіе края; сестеръ пріѣзжалъ учить анатоміи и перевязкамъ докторъ Чартораевъ, а для больныхъ сестеръ ѣздилъ Конст. Ос. Лапушинскій, который теперь главный докторъ Александровской больницы, а тогда былъ ординаторомъ въ той чернорабочей больницѣ, которая тогда была на этомъ же мѣстѣ.

Священника у насъ не было; служить къ намъ въ общину приходили по очереди священники екатеринославской церкви; ихъ было тогда тамъ трое. А священникъ Полисадовъ, о которомъ я уже прежде говорила, скоро отказался, говоря, что у него очень много дѣла и что ему очень далеко къ намъ ѣздить. Кажется, онъ или уже былъ, или вскорѣ поступилъ въ Петропавловскій соборъ въ крѣпости; такъ, наши духовные уроки, или, лучше сказать, назиданія, прекратились.

13-го сентября у насъ была торжественная всенощная, и на другой день—обѣдня и завтракъ отъ великой княгини, и постный, и скоромный. Были тоже ею приглашенные гости. Все шло великолѣпно и парадно. Великая княгиня была очень любезна, только одно слово меня больно укололо, и можно было тогда же предугадать его послѣдствія. Это было сказано, когда я съ великой княгиней поднималась по лѣстницѣ: „Eh bien! nous avons une maison, et cependant les soeurs s'en vont"! (Что-жъ! Вотъ у насъ и домъ, а сестры все-таки уходятъ!)

Это было точно предсказаніе огорченій и непріятностей, которыя меня ожидали въ новомъ домѣ, о покупкѣ котораго я такъ хлопотала!..

Съ пріѣздомъ великой княгини, пошли разныя починки, переправки и устройства въ домѣ. Не помню, въ это ли точно

Digitized by Google

время, или нѣсколько позднѣе, великая княгиня пожелала, чтобы въ Крестовоздвиженской Общинѣ были тоже сестры, которыя бы посѣщали бѣдныхъ и раздавали пособія. На это дѣло и поступила сестра Варв. Ив. Щедрина, которая только-что вернулась изъ продолжительнаго отпуска. Кто была ея помощница—не помню.

Не помню также, когда именно, но въ концѣ ноября великая княгиня мнѣ вдругъ сказала, что она беретъ изъ женскаго монастыря одну графиню, полу-монахиню, и что она можетъ заниматься съ испытуемыми. Это меня совершенно поразило и испугало. Я напомнила великой княгинѣ, что вѣдь мы для этого ждемъ Ан. Алекс. Броневскую, которая такъ устраиваетъ свои дѣла въ имѣніи, чтобъ пріѣхать къ намъ. Не знаю, какая дама, или дамы, имѣли несчастную мысль рекомендовать великой княгинѣ эту графиню, и вѣрно очень ее расхвалили, потому что Эд. Θед. сама привезла ее къ намъ, водила по всему дому и предложила ей выбирать, какую она захочетъ комнату.

Я должна сознаться, что я ее приняла нелюбезно; но меня такъ волновала мысль, что Броневская пріѣдетъ, — и вдругъ ея мѣсто занято! Какое же мое положеніе будетъ по отношенію къ ней? Но, слава Богу, все обошлось хорошо, только... Но лучше буду продолжать разсказывать по порядку.

10-го декабря, день, въ который пять лѣтъ тому назадъ я поступила въ сестры, великая княгиня прислала мнѣ вѣнокъ лавровый съ камеліями и велѣла сказать, что она вспомнила этотъ день, а я невольно вспомнила изъ старинныхъ французскихъ стиховъ:

De tout laurier le poison est l'essence!..

13-го декабря, былъ у насъ Ник. Ив. Пироговъ. Онъ быстро обѣгалъ весь домъ. Наканунѣ онъ былъ у великой княгини. Она ему говорила, что хочетъ устроить нѣчто религіозное. Онъ ей прямо сказалъ: „Тогда Бакунина не можетъ быть настоятельницей, да и все это кончится ипокритствомъ—что всего хуже".

Онъ оставался въ Петербургѣ не долго, но помню, что два или три вечера я была съ нимъ вмѣстѣ у Эд. Θед., и мы до поздней ночи толковали и составляли уставъ. Ник. Иван. говорилъ, что уставомъ спѣшить нечего, что община существуетъ de facto. Говорили мнѣ, что былъ тоже проектъ устава, написанный о.о. Васильевымъ и Янышевымъ. Я его не видала, но слышала неблагопріятные отзывы о немъ.

Еще у насъ было много разговоровъ съ великой княгиней о

Digitized by Google

разныхъ перемѣнахъ. Она и Раденъ находили, что надо ихъ дѣлать исподволь, а я находила, что лучше вдругъ,—разумѣется, давая полное право всякой желающей выйти сейчасъ же изъ общины. А если дѣлать помаленьку, то это будетъ волновать сестеръ, всѣ будутъ ожидать постоянно чего-нибудь новаго и толковать объ этомъ. Но это такъ и осталось открытымъ вопросомъ при мнѣ,—не знаю, что было послѣ.

На новый 60-й годъ у насъ была лотерея для сестеръ. Я, на деньги отъ великой княгини, покупала разныя бездѣлушки, несессеры для работы или писанья, бювары, чернильницы, прессъ-папье. Изъ дворца были присланы чашки, стаканы и пр.

Лотерея въ общинѣ была наканунѣ новаго года, а 2-го января я поѣхала въ Кронштадтъ, чтобы и тамъ устроить тоже лотерею. Всѣ были веселы и довольны.

Но вернувшись изъ Кронштадта, я нашла уже въ очень дурномъ положеніи одну изъ испытуемыхъ. Она была наша сосѣдка по деревнѣ, и сестра привезла ее съ собой. Это была простая, добрѣйшая дѣвушка—она поступила въ общину, чтобы, проведя въ ней нѣсколько лѣтъ, выучиться ходить хоть нѣсколько за больными, приглядѣться къ болѣзнямъ и вернуться въ деревню, чтобъ ухаживать за больными крестьянами, что она и прежде дѣлала, просиживая ночи въ избѣ надъ больными. А это гораздо мучительнѣе, чѣмъ въ госпиталѣ! Во-первыхъ, нѣтъ ничего подъ руками, чтобъ помочь, а во-вторыхъ, семья, дѣти, которыя рыдаютъ, жена, которая причитаетъ: „На кого ты насъ, несчастныхъ, покидаешь!.. Будутъ наши дѣточки выпрашивать подъ окошкомъ кусочки!..“ Это такъ ужасно слышать! И вотъ на этотъ скрытый и смиренный подвигъ она себя готовила. Но Богъ ее прежде призвалъ къ себѣ, и, послѣ двухъ слишкомъ недѣль страданія, она скончалась...

23-го янв., Анаст. Алекс. Броневская съ дочерью пріѣхала. Радостно было для меня свиданіе, но все-таки меня безпокоило, какъ-то все обойдется. И какъ нарочно, великая княгиня была не совсѣмъ здорова и десять дней не принимала ее. Но когда она вернулась отъ великой княгини довольная и съ тѣмъ, что она должна заниматься испытуемыми,—я была такъ рада, почувствовавъ большое облегченіе.

Въ февралѣ она и начала заниматься испытуемыми, читала имъ и просила тѣхъ, которыя плохо читали и писали, заниматься съ нею. На 4-й недѣлѣ поста нѣкоторыя сестры должны были надѣть крестъ. Великая княгиня пожелала, чтобы это происходило у нея во дворцѣ; и послѣ обѣдни сестры получили кресты, по-

Digitized by Google

томъ былъ завтракъ, grand maigre, безъ рыбы, такъ какъ я прежде сказала, что на крестопоклонной недѣлѣ мы строго постимся. Софи Броневская тоже опять надѣла крестъ.

И какъ намъ хорошо жилось въ это время! Анаст. Алекс. была такая добрая, такая снисходительная, съ такой любовью, съ такой сердечной добротой относилась ко всякому. Отрадно, спокойно было на душѣ!..

Но не долго это продолжалось. Послѣ всенощной въ вербную субботу Анаст. Алекс. почувствовала себя нехорошо. Ночью начались приступы, какъ въ холерѣ, хотя въ это время ни въ одномъ нашемъ госпиталѣ, да и во всемъ Петербургѣ не было о ней и слышно. Во вторникъ она скончалась! Никогда не забуду этой ужасной ночи! Дочь ея была въ отчаяніи, а для меня это была ужасная потеря, — точно я почувствовала, что нѣтъ Божьяго благословенія на моихъ начинаніяхъ!..

Никогда не забуду службы этой Страстной недѣли. Когда шла служба 12-ти Евангелій, Анастасія Александровна лежала въ гробу посреди церкви. Слава Богу, тогда не была такъ развита паника всѣхъ микробовъ и бактерій, и мы спокойно окружали ея гробъ (да никто и не занемогъ). Въ пятницу мы, послѣ отпѣванія, проводили ее на кладбище. Я не въ состояніи была причащаться въ четвергъ, и отложила до субботы. Помню, что меня передъ самымъ Евангеліемъ, когда священникъ облачается въ свѣтлыя ризы, позвали къ сестрѣ Егоровой. Это была хорошая сестра изъ тѣхъ, которыя пріѣхали со мной въ Екатеринославъ; она уже тамъ имѣла всѣ признаки чахотки, и можно было удивляться, что она еще такъ долго прожила. Она меня просила о матери и сестрѣ, которая тоже была въ общинѣ, просила, чтобы ее схоронили на Смоленскомъ кладбищѣ, гдѣ ея родные, говорила о разныхъ мелочахъ для сестры, была въ полной памяти, говорила спокойно и тутъ же тихо скончалась!.. И я, перекрестивъ и поцѣловавъ ее, еще успѣла придти къ концу обѣдни и принять Св. Таинъ. Всякій вѣрующій можетъ легко понять, съ какимъ чувствомъ я въ этотъ разъ причащалась.

Хотя Святая недѣля въ этомъ году была ранняя, но однако въ день погребенія сестры 6-го апрѣля, солнце ярко блистало, и мы при торжественномъ пѣніи: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ“ проводили ее, по ея желанію, на далекое отъ насъ Смоленское кладбище.

7-го мая великая княгиня уѣхала. По всему можно было видѣть, что ея отношенія ко мнѣ были не тѣ, что прежде, хотя, кажется, теперь графинѣ нечего было быть недовольной; послѣ

Digitized by Google

кончины Броневской, ея положеніе стало совсѣмъ опредѣленнымъ: она сдѣлалась вполнѣ сестрой-наставницей испытуемыхъ. Но она волновалась изъ-за всякихъ пустяковъ, даже изъ-за дурно приготовленнаго для нея супа; а когда приходилось послать испытуемую на дежурство въ госпиталь, она говорила, что это *козни* противъ нея, дѣлала сцены, которыя выводили меня изъ терпѣнія.

Да, я должна признаться, что не нахожу правильнымъ такое терпѣніе, которое будетъ смотрѣть молча на то, что̀ приноситъ вредъ. Но всѣ эти coups d'épingles волновали и огорчали меня, и я просила Бога просвѣтить меня. Неужели я одна виновата во всей этой неурядицѣ?

Я имѣла привычку—„въ минуту жизни трудную, тѣснится ль въ сердцѣ грусть“, ѣхать помолиться въ Казанскій соборъ, который я очень любила. Вотъ и при этихъ мучительныхъ вопросахъ я поѣхала туда. На крыльцѣ собора я встрѣтила игуменью и казначейшу здѣшняго монастыря. Я съ ней была знакома. Мы стали разговаривать. Она съ участіемъ спросила меня: „А графиня у васъ“? (она прежде жила въ ихъ монастырѣ). Я отвѣчала, что у насъ. Тогда она, взглянувъ на меня съ участіемъ, повторила два раза: „Дай вамъ Богъ терпѣнья! Дай вамъ Богъ терпѣнья“!

И это меня нѣсколько успокоило.

В. И. Тарасовъ вернулся въ маѣ. Ему было поручено устроить въ пристройкѣ дома, гдѣ у Доста были какіе-то странные бассейны для его ортопедическихъ больныхъ, небольшую женскую больницу. Но для этого требовались большія передѣлки.

Ему отведена была квартира во дворцѣ съ тѣмъ, чтобы потомъ нанять квартиру внѣ общины. Это тоже былъ знакъ недовѣрія, а у насъ, въ нашей домашней жизни, все шло хуже и хуже и удручающе дѣйствовало на умныхъ и развитыхъ сестеръ, а для любившихъ сплетни и пустые пересказы это было на̀-руку.

Священникъ, который часто бывалъ въ общинѣ, разъ даже въ церкви, въ проповѣди, не говорилъ просто христіанской проповѣди, а, стоя передъ царскими дверьми, позволилъ себѣ говорить разныя личности. Я помню, въ какомъ смущеніи сестры выходили изъ церкви.

Можетъ быть, я слишкомъ подробно пишу объ этомъ, но мнѣ хотѣлось показать тотъ вредъ, который происходитъ въ общемъ дѣлѣ; если занимающіеся имъ не дѣйствуютъ и не живутъ въ полномъ согласіи.

Я рѣшилась оставить общину. Какъ мнѣ это ни было грустно и тяжело, но я видѣла, что болѣе я не была полезна,—напротивъ того, можетъ быть, противъ своей воли—вредна!..

Digitized by Google

Итакъ, я начала съ того, что просила отпуска. Это было записано въ журналѣ комитета. На комитетскихъ протоколахъ великая княгиня дѣлала на поляхъ собственноручныя замѣчанія и написала: *„Прошу остаться до моего возвращенія"*.

Тогда я отправила письмо прямо къ великой княгинѣ, писала, что я оставалась въ общинѣ, пока надѣялась, что могу быть полезна, а теперь, видя всѣ неурядицы и ея отношеніе ко мнѣ, нахожу, какъ мнѣ это ни грустно и ни тяжело, что я дольше не должна оставаться.

На это письмо Эд. Θед., по приказанію великой княгини, оффиціально мнѣ писала, что великая княгиня отпускаетъ меня въ отпускъ, но она еще не принимаетъ моего рѣшенія совсѣмъ оставить общину; успокоясь и отдохнувъ въ деревнѣ, я должна написать вторично.

А сама Эд. Θед. послала мнѣ очень длинное, непріятное и жесткое письмо, на которое я ей тоже, можетъ быть, рѣзко отвѣчала.

Не могу сказать, чтобы ея письмо заставило меня рѣшиться, потому что я совершенно рѣшилась еще тогда, когда писала къ великой княгинѣ, но ея письмо утвердило меня въ мысли, что я поступаю какъ должно.

Итакъ, покончивъ разныя дѣла и отдавъ въ дѣтскую больницу бѣлье, которое готовилось у насъ, я стала собираться къ отъѣзду. Съѣздила проститься въ Кронштадтъ съ сестрами, какъ уѣзжающая въ отпускъ, а съ сестрой М. И. Алексѣевой—какъ оставляющая общину совсѣмъ.

Грустное было прощанье! Какъ она плакала! Но съ ней наша дружба продолжалась и въ письмахъ, и въ рѣдкихъ свиданіяхъ.

И въ домѣ я прощалась, какъ уѣзжающая въ отпускъ,—такъ этого желала великая княгиня. Но тутъ были сестры, которыя знали, что я уѣзжаю совсѣмъ.

Въ общинѣ былъ установленъ порядокъ, что сестра, уѣзжающая въ отпускъ, снимала и оставляла въ общинѣ свой золотой крестъ, который мы носимъ на широкой голубой лентѣ.

Живо помню свѣтло-сумрачную петербургскую лѣтнюю ночь, полумракъ красивой общинной церкви, и какъ я вошла въ нее одна, помолилась, заплакала и сняла, съ грустью, но съ полной рѣшимостью, тяжелый крестъ сестры-настоятельницы и повѣсила его на общинскій образъ Воздвиженья Креста Господня...

На другой день я уѣхала...

Еще прибавлю нѣсколько словъ. Когда въ 1879 году ис-

Digitized by Google

полнилось 25 лѣтъ основанія общины, я получила отъ великой княгини Екатерины Михаиловны слѣдующую телеграмму:

„Въ сегодняшній день исполнившагося двадцатипятилѣтія, Крестовоздвиженская Община сестеръ милосердія не можетъ не вспомнить съ чувствомъ особой признательности о вашей неутомимой образцовой дѣятельности въ Общинѣ въ самые трудные для нея года зарожденія и устройства.—Екатерина".

Эта телеграмма была мнѣ очень пріятна. Она меня удостовѣрила въ томъ, что мое пребываніе въ общинѣ не было для нея безполезно.

Екатерина Бакунина.

с. Казицыно.
1888 — 1889 г.

Digitized by Google

КАРЬЕРА ВЯЗИГИНА

РАЗСКАЗЪ.

I.

Въ большой комнатѣ казеннаго вида, называемой „коптилкою“ и предназначенной для куренія, толпилось довольно много народу. Одни стояли группами; другіе прохаживались мелкими и скорыми шагами, что-то обдумывая на ходу и спѣшно затягиваясь изъ папиросокъ; третьи сидѣли на уставленныхъ вдоль стѣнъ диванахъ, продавленныхъ, съ громадными дырьями въ клеенчатой обивкѣ и торчащими оттуда волосомъ и мочалой. Эти—волосъ и мочала какъ будто раздражали чиновниковъ своею неистощимостью. Какъ только кто-нибудь сядетъ на диванъ, рука словно сама собою просовывается въ дырку, и начинаетъ вытягивать оттуда все содержимое казенной обивки. Но хотя такъ продолжалось изо дня въ день цѣлыми годами, въ дыркѣ подъ клеенкой всегда находились и волосъ, и мочалка.

Между чиновниками преобладала молодежь, въ щеголеватыхъ вицмундирахъ, очевидно, сшитыхъ у хорошаго портного. Разговоры шли разные: говорили о вчерашнемъ бенефисномъ спектаклѣ, о преимуществахъ шить сапоги у сапожника Шиммеля, о столкновеніи между начальниками отдѣленія, о какой-то Шурочкѣ, и больше всего о благотворительномъ концертѣ баронессы Кильвейнъ, билеты на который многіе изъ нихъ получили цѣлыми пачками, съ просьбою раздать между знакомыми.

— Какому чорту я ихъ роздамъ, когда всѣ мои знакомые сами всѣмъ ихъ навязываютъ?—жаловался высокій молодой человѣкъ на длинныхъ ногахъ, казавшихся еще длиннѣе отъ не-

Digitized by Google

обычайно узкихъ панталонъ. — Хоть бы она разсовала ихъ по разнымъ вѣдомствамъ, а то каждый разъ все наши страдаютъ.

— А вы, господа, не церемоньтесь очень, — вставилъ толстенькій, коренастый чиновникъ съ крестомъ на шеѣ.—Я взялъ одинъ билетъ, приложилъ за него пять рублей, а остальныя отослалъ обратно, вотъ и все.

Присутствовавшіе промолчали на это, очевидно, находя такой способъ мало удовлетворительнымъ. Авторъ его считался обыкновеннымъ чиновникомъ, живущимъ жалованьемъ; онъ могъ такъ сдѣлать. Другіе же принадлежали къ молодымъ людямъ, имѣющимъ собственныя средства, посѣщавшимъ петербургское общество, и причисленнымъ къ вѣдомству больше для украшенія.

— Я предлагаю билеты съ уступкой. Господа, кто хочетъ трехрублевый билетъ за полтора?—крикнулъ съ маленькимъ смѣхомъ краснощекій брюнетъ, только-что шлепнувшійся на диванъ.—Великолѣпная программа, Фигнеръ обѣщалъ пѣть.

— И покойный Рубинштейнъ играть, — подхватилъ другой.

— Нѣтъ, господа, я вамъ совсѣмъ не то скажу, — перебилъ, шепелявя, пухлый юноша, совсѣмъ розовенькій, съ крошечнымъ носомъ и громадными шлепающими губами. — Нѣтъ, вы представьте только, какую штуку мнѣ сказалъ Викентій Ѳомичъ: „Вы, говоритъ, никогда ничего не дѣлаете, возьмите-ка вотъ эту пачку вѣдомостей, да составьте сводку". Нѣтъ, что вы на это скажете? Вотъ типъ!

Слово „типъ" было въ большомъ употребленіи между молодыми чиновниками, и имѣло особое значеніе: „типами" назывались люди другого склада, смѣшные, не усвоившіе себѣ принятыхъ въ ихъ обществѣ понятій.

— Я боюсь, что васъ прочатъ въ столоначальники, — произнесъ дѣланнымъ серьезнымъ тономъ чиновникъ на длинныхъ ногахъ.

Пухлый юноша подобралъ губы, и тоже принялъ серьезный видъ.

— Что-жъ, это идея. Вамъ не часто приходятъ такія удачныя идеи, голубчикъ,—произнесъ онъ.—Я давно жду заняться дѣломъ. Но пусть прежде назначатъ, дадутъ хорошее жалованье... А такъ, ни съ того, ни съ сего, вотъ охота!

— Сколько вы вчера выиграли въ винтъ, Вязигинъ?—обратился одинъ изъ чиновниковъ къ другому, стоявшему нѣсколько въ сторонѣ, подлѣ камина, и казавшемуся значительно старше остальныхъ.

Тотъ, къ кому относился вопросъ, бросилъ окурокъ папи-

Digitized by Google

росы въ огонь, заложилъ руки въ карманы, и слегка наклонивъ голову, такъ что кончикъ бороды его раздвоился на бѣломъ пластронѣ сорочки, отвѣтилъ, поглядывая на вопрошавшаго маленькими, улыбающимися, сѣрыми глазами:

— Всего только двѣнадцать рублей съ копѣйками. А вы думали — цѣлое состояніе?

— Когда-нибудь кончится тѣмъ, что вы выиграете цѣлое состояніе,—продолжалъ молодой чиновникъ;—я не видалъ, чтобъ кому такъ везло, какъ вамъ.

Сѣрые глаза Вязигина улыбнулись еще веселѣе; онъ любилъ, когда говорили, что ему везетъ.

— А иначе я бы не игралъ,—сказалъ онъ. — Но въ клубахъ я не бываю, а въ обществѣ у насъ шлепаютъ по маленькой.

— Отчего же вы не запишетесь въ клубъ?

— Зачѣмъ? Я не игрокъ; такъ, между прочимъ, если всѣ винтятъ...

Въ эту минуту въ дверь „коптилки“ просунулся курьеръ, и, увидя Вязигина, торопливо сообщилъ ему:

— Сергѣй Павловичъ, васъ директоръ проситъ.

Вязигинъ встрепенулся, вынулъ изъ кармановъ руки, расправилъ бородку и направился скорыми шагами по корридору.

II.

Директоръ сидѣлъ за письменнымъ столомъ, заваленнымъ дѣлами и бумагами; но при входѣ Вязигина всталъ, потянулся всѣмъ тѣломъ, съ видомъ почти пріятной усталости, и сдѣлалъ два шага по ковру. Полное, мясистое, съ пробритымъ подбородкомъ лицо его улыбалось, но эта улыбка не нарушала присущаго ему важнаго и даже озабоченнаго выраженія.

— Просилъ васъ на пару словъ, — сказалъ директоръ, подавая руку.—Какъ идутъ ваши занятія? Много ли у васъ теперь работы?

Вязигинъ отвѣтилъ, что не особенно много. Онъ старался догадаться, зачѣмъ его позвали къ директору, и на всякій случай держался уклончиваго тона.

— Вотъ и прекрасно, что не особенно много,—продолжалъ директоръ.—Я имѣю въ виду дать вамъ одно маленькое порученіе, не относящееся до вашихъ постоянныхъ занятій. Очень, въ сущности, не важное дѣло, но которое требуетъ, какъ бы

Digitized by Google

сказать... этакого особеннаго изложенія... требуетъ, что̀ называется, пера... Вы меня понимаете?

— Позвольте ознакомиться, какое дѣло,—произнесъ Вязигинъ.

— Да, да, разумѣется. По существу, я вамъ говорю, ничего головоломнаго, но такъ какъ требуется изложить для лица посторонняго вѣдомства, и притомъ именно для Бахарина, Артамона Яковлевича Бахарина, который, вы знаете... онъ вѣдь извѣстенъ широкою просвѣщенностью... Словомъ, тутъ желательно что-нибудь этакое... Вы понимаете, мы всѣ среди нашего канцелярскаго дѣла привыкли уже къ извѣстному стилю, держимся больше точности и закономѣрной логичности... А тутъ такой предметъ, что требуетъ, такъ сказать, литературнаго освѣщенія. Вы, я знаю, не чуждаетесь литературныхъ занятій, пишете въ газетахъ... Кстати, не было ли у васъ на дняхъ чего-нибудь новенькаго?

Директоръ при этихъ словахъ даже дотронулся рукой до локтя Вязигина, и повернулъ его лицомъ къ окну, какъ будто ожидаемый отвѣтъ требовалъ особеннаго зоркаго вниманія.

— Кое-что готовлю, но еще не появилось въ печати,— отвѣтилъ Вязигинъ признательнымъ тономъ.

— А, значитъ, скоро появится? по земскому вопросу?—выразилъ любопытство директоръ.

— Нѣтъ, изъ другой области. Объ элементахъ народнаго творчества въ культурѣ... — пояснилъ Вязигинъ.

— А, о народномъ творчествѣ! Чрезвычайно интересно. И тѣмъ болѣе, что мы объ этомъ предметѣ такъ мало знаемъ. Предметъ еще неясенъ, совершенно неясенъ... — произнесъ директоръ, впадая въ нѣкоторую мимолетную задумчивость.— Между тѣмъ, тэма представляетъ выдающееся значеніе. Мы теперь именно въ томъ историческомъ моментѣ, когда національное самосознаніе окрѣпло, и мы начали черпать изъ... изъ глубины... изъ своей собственной глубины, однимъ словомъ.

Вязигину хотѣлось подсказать директору, какъ именно надо выразиться, но онъ удержался. „Пускай плететъ,—можетъ быть, еще что-нибудь забавное выплететъ",—подумалъ онъ.

— Такъ вотъ, возвращаюсь къ нашему дѣлу,—продолжалъ директоръ.—Матеріалъ весь собранъ, справки подложены, остается только изложить. Конечно, это можно было бы поручить Ивану Евграфовичу, у котораго дѣло въ производствѣ, но мнѣ хотѣлось бы, понимаете, представить его высокопревосходительству этакій, можно сказать, этюдъ, въ соотвѣтствующемъ изложеніи. Разумѣется, важнѣе всего предъидущая разработка въ дѣлопро-

Digitized by Google

изводствѣ, и съ этой стороны трудъ исполненъ блистательно; но въ окончательномъ изложеніи желательно, знаете, чтобъ чувствовалось перо...

Брови Вязигина понемногу хмурились. Ему не нравилось, что директоръ намекаетъ на неважность ожидаемаго отъ него труда.

„Шалишь, голубчикъ, отлично понимаешь, что въ перѣ все дѣло, а дѣлопроизводству Ивана Евграфовича цѣна—грошъ“,—думалъ онъ, и глаза его теряли свое весело-улыбающееся выраженіе.

— Мнѣ удавались подобныя работы,—сказалъ онъ сдержаннымъ тономъ достоинства.

— Какъ же, знаю, помню, — подхватилъ директоръ.—Еще недавно у васъ очень хорошо вышелъ этотъ... историческій очеркъ отношеній; министръ тогда прямо назвалъ вашу работу академической; это было его собственное выраженіе.

„А награду-то къ новому году дали тебѣ, а не мнѣ“,—подумалъ Вязигинъ.

— Ваше превосходительство упомянули, что дѣло поступитъ къ Бахарину?—сказалъ онъ вслухъ.

— Да, мы будемъ просить его заключенія. Вотъ здѣсь собрана вся переписка,—объяснилъ директоръ, загребая со стола обѣими руками порядочную связку бумагъ и передавая ее Вязигину.—Если понадобятся справки, обратитесь къ Ивану Евграфовичу.

— Справки онъ долженъ былъ самъ подготовить, если дѣло какъ слѣдуетъ разработано,—не удержался вставить Вязигинъ.—Но я во всякомъ случаѣ самъ управлюсь; предметъ, какъ я вижу, мнѣ знакомый.

— Вполнѣ на васъ полагаюсь. И пожалуйста какъ можно скорѣе, дѣло-то у насъ позадержалось.

— У меня дѣла не задерживаются, — сухо отвѣтилъ Вязигинъ, недовольный тѣмъ, что не только хотятъ умалить значеніе его труда, но еще и торопятъ его.

Онъ поклонился, но прежде чѣмъ повернуться, сказалъ какъ бы незначительнымъ тономъ:

— Можетъ быть не мѣшало бы предварительно переговорить съ Артамономъ Яковлевичемъ! Я на дняхъ буду имѣть случай видѣться съ нимъ.

Директоръ взглянулъ на Вязигина не то подозрительно, не то недовѣрчиво.

— Вы знакомы съ его высокопревосходительствомъ?—спросилъ онъ.

Digitized by Google

— Нѣтъ, но мнѣ предстоитъ обѣдать съ нимъ у Стрѣлецкаго.

— У какого Стрѣлецкаго? Игоря Васильевича?—снова удивился директоръ.

— Да, у Игоря Васильевича.

Директоръ еще разъ скользнулъ взглядомъ по всей фигурѣ Вязигина, пожевалъ губами и, принявъ совершенно равнодушный видъ, промолвилъ:

— Если найдете случай, конечно, можно бы заранѣе ознакомить Артамона Яковлевича съ предметомъ. Впрочемъ, мнѣ придется разсматривать вашъ докладъ; можетъ быть, понадобится измѣнить постановку вопроса... Лучше, пожалуй, воздержаться отъ преждевременныхъ сообщеній...

„Ну, это вы лукавите, ваше превосходительство",—пронеслось въ головѣ Вязигина.—„Никакой перестановки вопроса вы не придумаете, а просто вамъ хочется, чтобъ моя работа сошла за вашу собственную".

— Въ такомъ случаѣ,—сказалъ онъ громко, — не удобнѣе ли было бы, еслибы ваше превосходительство дали мнѣ предварительныя указанія? А то, пожалуй, мой трудъ пропадетъ даромъ.

Глаза и все лицо директора выразили преувеличенную торопливость.

— Такіе прекрасные труды, какъ ваши, Сергѣй Павловичъ, (онъ вдругъ вспомнилъ имя и отчество Вязигина) никогда не могутъ пропасть даромъ, объ этомъ не безпокойтесь,—проговорилъ онъ съ любезной улыбкой, и спѣшно протянулъ руку.

III.

Вязигинъ вышелъ отъ директора очень довольный собою. Повторяя въ памяти весь разговоръ, онъ находилъ, что отлично держалъ себя, и съ большою ловкостью вырвалъ у лукаваго начальства принудительный комплиментъ своимъ способностямъ. Пріятно было и вообще, что къ нему обратились съ значительнымъ порученіемъ. Какъ ни лукавилъ директоръ, а все-таки ясно, что никто во всемъ департаментѣ, кромѣ него, этой работы исполнить не можетъ. Иванъ Евграфовичъ, начальникъ отдѣленія, можетъ сотворить „дѣлопроизводство", но дать докладу такую редакцію, которая удовлетворила бы умнаго и даже ученаго Бахарина, и поддержала бы блескъ вѣдомства — это уже не въ его средствахъ. Порученіе опять, и уже не въ первый разъ, должно выдвинуть Вязигина изъ среды обыкновенныхъ чи-

Digitized by Google

новниковъ, переполняющихъ департаментъ, и отмѣтить его, какъ извѣстную силу, безъ которой въ иныхъ случаяхъ нельзя обойтись. Директору, съ его канцелярской закваской, это даже не нравится, и онъ пробуетъ увѣрить, будто дѣло сущій пустякъ— требуется „перо"; но въ душѣ онъ отлично сознаетъ, что безъ „пера" выйдетъ не докладъ, а одинъ срамъ.

Но была и очень обидная сторона въ этой маленькой побѣдѣ, наполнявшей Вязигина чувствомъ удовлетворенія. Служебная опытность подсказывала ему, что подобные успѣхи мало отражаются на карьерѣ. Что изъ того, если за нимъ признаютъ способности, выдѣляющія его изъ массы сослуживцевъ? Съ той точки зрѣнія, которой все подчиняется въ департаментской машинѣ, эти способности всегда останутся какими-то посторонними, не настоящими. „Перо"—что это такое? Вещь почти подозрительная, и во всякомъ случаѣ не такая, которая ускоряетъ чинопроизводство. Всякій столоначальникъ считаетъ, что владѣетъ именно такимъ перомъ, какое нужно; ну, а если является иногда надобность еще и въ литературности, то это ужъ ихъ не касается, и поступаться для такой случайной надобности своими личными служебными интересами они не намѣрены.

Директору сегодня приходилось быть любезнымъ, и онъ прикинулся, будто очень сочувствуетъ литературнымъ занятіямъ Вязигина. Но это благодаря необходимости въ немъ, уже нѣсколько разъ испытанной. А раньше на него косились за эти занятія, и даже намекали на ихъ несовмѣстимость со службой. Да и теперь, можетъ быть, намекали бы, еслибъ онъ въ своихъ статьяхъ держался другого тона. Но онъ не такъ глупъ, чтобъ не догадаться, какой тонъ нуженъ и тамъ, и здѣсь. Онъ не подслуживается, не виляетъ, а прямо бьетъ въ одну точку: торжество русскихъ началъ, въ ихъ противоположности съ началами западно-европейской цивилизаціи. На такой линіи подъ него никто не подкопается.

Вязигинъ вообще не любилъ останавливаться на непріятныхъ впечатлѣніяхъ. Онъ вѣрилъ въ себя, въ свой умъ, въ свою житейскую находчивость, и даже въ свою звѣзду. Ему не особенно везло до сихъ поръ, однако всегда все недурно устраивалось. Карьеры онъ еще не сдѣлалъ, но надо имѣть терпѣніе. Судьбу всякаго человѣка окружаетъ до поры до времени невидимая стѣна препятствій, а потомъ вдругъ удается или прошибить ее, или перескочить черезъ нее. И онъ чувствовалъ, что это „вдругъ" какъ будто начинаетъ понемногу слагаться.

Заданная ему работа оказывалась очень подходящею для

Digitized by Google

того, чтобы блеснуть. Предметъ знакомый; можно подпустить нѣчто въ родѣ историческаго очерка, для чего онъ всегда умѣлъ подыскать интересные и мало кому извѣстные матеріалы. Кромѣ того, ясно съ перваго взгляда, какъ нужно изложить, чтобы записка понравилась Бахарину. У Бахарина были свои коньки, съ которыми онъ даже самъ когда-то выступалъ въ литературѣ, когда еще не былъ крупнымъ сановникомъ и вліятельнымъ лицомъ. Теперь онъ еще крѣпче держался за эти коньки, чтобъ придать себѣ видъ человѣка идеи, а не заурядnаго бюрократа. Вязигинъ эти коньки хорошо зналъ, и сѣрые глаза его заранѣе весело поблескивали, по мѣрѣ того, какъ въ головѣ его слагались всѣ подробности и украшенія записки. Несомнѣнно, Бахаринъ придетъ въ восхищеніе, и непремѣнно будетъ говорить министру, что надо обратить вниманіе на такого даровитаго чиновника.

Во всемъ этомъ, если понадобится, поможетъ Стрѣлецкій. Это драгоцѣннѣйшій человѣкъ, и у Вязигина были въ рукахъ нити, связывавшія его съ нимъ.

Стрѣлецкій обладалъ, такъ сказать, неуловимою цѣнностью. Самъ по себѣ онъ ровно ничего не стоилъ, занималъ какое-то почетное, но совсѣмъ не вліятельное мѣсто по службѣ, состояніе давно растратилъ, и существовалъ отчасти долгами, отчасти наслѣдствами, періодически перепадавшими ему отъ многочисленной родни. Главнымъ его свойствомъ было то, что богатые люди охотно давали ему въ долгъ, и такъ же охотно забывали объ этомъ. Достигалось это изумительнымъ умѣньемъ Стрѣлецкаго оказывать нужнымъ людямъ всевозможныя услуги. Онъ былъ знакомъ со всѣмъ служебнымъ и вліятельнымъ петербургскимъ міромъ, вездѣ былъ симпатиченъ и близокъ, вездѣ умѣлъ дать почувствовать свою пріятную необходимость, и всегда сохранялъ видъ большого барина, нѣсколько безалабернаго, какъ и слѣдуетъ быть русскому барину, но безконечно милаго и услужливаго. Среди знавшихъ его составилось мнѣніе, что стоитъ только попросить Стрѣлецкаго похлопотать, а ужъ ему нигдѣ не откажутъ. И дѣйствительно, Стрѣлецкому не отказывали.

IV.

Уйдя немного ранѣе обыкновеннаго изъ департамента, Вязигинъ прошелъ двѣ-три улицы и завернулъ въ подъѣздъ огромнаго, плоской архитектуры дома, гдѣ жило знакомое ему семей-

Digitized by Google

ство Мамыкиныхъ. Поднявшись въ четвертый этажъ, онъ позвонилъ. Изъ квартиры послышались звонкіе, веселые крики: „звонятъ! отоприте!“ и какъ только дверь отворилась, въ темноватой передней разомъ обрисовались фигуры трехъ барышенъ, выбѣжавшихъ встрѣтить гостя.

— А-а! Сергѣй Павловичъ!—прокричала каждая изъ нихъ.

Затѣмъ старшая тотчасъ убѣжала, а вторая дружески пожала Вязигину руку и проговорила низкимъ голосомъ, съ чуть слышнымъ пришепетываніемъ:

— Входите скорѣй, у насъ гости.

— Игорь Васильевичъ?—спросилъ Вязигинъ.

— Да, и кромѣ него еще... Какая-то троюродная тетушка изъ провинціи пріѣхала, мы ее въ первый разъ видимъ.

Третья сестра, такого же роста, какъ и старшія, но очень полненькая, съ лицомъ и бюстомъ преждевременно выросшаго и развившагося ребенка, подошла къ Вязигину почти вплотную и шепнула, пряча свои большія и красноватыя руки въ карманчики форменнаго передника:

— Богатая, фуфырится...

И при этомъ какъ-то смѣшно надула свои пухлыя, твердыя щеки, словно желая пояснить такимъ образомъ, что̀ значитъ „фуфыриться“.

Вторая барышня тоже совсѣмъ близко придвинулась къ Вязигину, и даже приподнялась на цыпочки, чтобъ быть еще ближе къ его уху.

— Цѣлый часъ уже сидитъ, забралась—когда Шуша только-что изъ гимназіи пришла, а насъ дома не было,—продолжала она шопотомъ.—И разговариваетъ, точно мы весь вѣкъ знакомы.

— По моему, она на актрису похожа,—шепнула еще тише младшая.—И вотъ тутъ у нея... понимаете?

И она, въ поясненіе, провела пальчикомъ по рѣсницамъ и по губамъ.

— Подправлена?—догадался Вязигинъ.

Шуша кивнула головой, зажавъ ротъ.

— Слышите духи? У нея даже шуба пахнетъ,—досказала сестра, и распахнула полу висѣвшей на вѣшалкѣ плюшевой ротонды, отъ чернобураго мѣха которой такъ и нанесло цѣлую волну какой-то благовонной смѣси.

— Въ лорнетъ оглядываетъ. Цѣпочка золотая въ три аршина, съ жемчужинами,—добавила съ своей стороны Шуша, и приставила къ уголку глаза руку, какъ будто наводила лорнетъ. Потомъ круто повернулась на своихъ крѣпкихъ, не очень ма-

Digitized by Google

ленькихъ, но хорошо очерченныхъ ногахъ и убѣжала въ гостиную.

Вязигинъ, оставшись съ средней сестрой въ полутемной передней, осторожно придержалъ ея руку.

— Какъ поживаете?—спросилъ онъ тономъ дружески принятаго въ домѣ человѣка.—Только-что со службы?

— Да, недавно. Съ Людмилой въ подъѣздѣ сошлись: она съ уроковъ, а я изъ правленія,—отвѣтила барышня.—Ну, идите, я за вами войду.

Гостиной у Мамыкиныхъ называлась небольшая комната въ два окна, во дворъ, убранная очень мило, но безъ затѣй. Низенькая атласная мебель, трюмо въ простѣнкѣ, рояль, одинъ коврикъ побольше, другой поменьше, столикъ подъ лампой, этажерка съ бездѣлушками—все отзывалось умѣренностью, вмѣстѣ съ нѣкоторою неумѣлостью и непривычкою къ болѣе взыскательному комфорту.

Сестры были сироты, и получили послѣ отца, служившаго во флотѣ, очень маленькій капиталъ. Жили онѣ пенсіей и собственнымъ заработкомъ. Старшая, Людмила, давала уроки музыки—она была отличная музыкантша—и изъ другихъ предметовъ; вторая, Павла, служила въ правленіи одного крупнаго частнаго учрежденія, гдѣ получала сорокъ рублей въ мѣсяцъ; младшая, Александра, которую дома звали Шушей, еще доучивалась въ гимназіи, но также ухитрялась кое-что зарабатывать уроками.

Уже нѣсколько лѣтъ сестры жили самостоятельно. Между ними было мало сходства. Людмила считалась красавицей, и въ самомъ дѣлѣ была очень хороша. Стройная блондинка съ тонкими чертами лица, съ серебристо-пепельными волосами и умными, спокойными, темно-сѣрыми глазами; она одна между сестрами производила впечатлѣніе изящной, свѣтски-воспитанной барышни, хотя именно она завѣдывала хозяйствомъ, заглядывала на кухню, и вообще заправляла дѣловою стороною жизни. Раннія заботы наложили на нее печать серьезности, но это очень шло къ ней, къ ея сдержанному, грудному голосу, обдуманнымъ движеніямъ и ровной походкѣ.

Вторая сестра, Павла, смуглая „шатэнка“, никакой красотой не отличалась, только ея большіе черные глаза были очень симпатичны. Шуша хотя и располнѣла преждевременно, но еще не сложилась окончательно, и ея свѣжая миловидность отзывалась дѣтствомъ.

Digitized by Google

V.

Въ гостиной было почти тѣсно. Высокая фигура Стрѣлецкаго, неудобно умѣстившаяся въ низенькомъ креслѣ, бросалась въ глаза своими крупными размѣрами. Ему на видъ было около сорока лѣтъ. Свѣтъ отъ окна предательски обнаруживалъ его зачинающуюся лысину и буровато-смуглый цвѣтъ кожи. Но и лицо, и плечистое туловище его не лишены были представительности. Сѣрые глаза смотрѣли проницательно и живо, узкій носъ съ горбинкой былъ отмѣченъ породистой характерностью. Нѣкоторая общая загрубѣлость не портила впечатлѣнія, а напротивъ, отзывалась силой, деревенской свѣжестью и темпераментомъ. Она не разрушала типа свѣтски-воспитаннаго человѣка, а только давала ему больше выразительности.

Онъ еще издали кивнулъ головой Вязигину, дружески и фамильярно, какъ человѣку, котораго привыкъ часто встрѣчать здѣсь. Самъ онъ уже давно сдѣлалъ привычку заѣзжать къ Мамыкинымъ раза два въ недѣлю. Онъ зналъ ихъ отца, и послѣ смерти его былъ опекуномъ дочерей, помогалъ имъ устроиться, хлопоталъ относительно пенсіи. Онѣ поднялись на его глазахъ, а Людмила на его глазахъ сдѣлалась красавицей. Онъ привыкъ ею любоваться, и можетъ быть къ этой привычкѣ примѣшалось болѣе нѣжное личное чувство. Но онъ не позволялъ себѣ никакого вульгарнаго ухаживанія, втайнѣ сознавая, что всякая перемѣна отношеній заключала въ себѣ огромный рискъ—потерять эту маленькую милую гостиную, куда его такъ часто и такъ сильно влекло.

Людмила медленно обернулась при входѣ Вязигина, и представила его сидѣвшей на диванѣ дамѣ. Та вскинула лорнетъ и оглядѣла Сергѣя Павловича быстрымъ, любопытнымъ взглядомъ, какимъ она, очевидно, привыкла вообще оглядывать всякое новое лицо. Ея крупныя, но не пухлыя губы при этомъ даже улыбнулись довольно привѣтливо.

Вязигинъ тоже оглянулъ ее, и она ему не понравилась. Ее даже какъ-то странно было видѣть въ этой цѣломудренной квартиркѣ барышенъ, до такой степени все въ ней отзывалось чѣмъ-то другимъ, чуждымъ, крикливо заявлявшимъ свою принадлежность иному міру. Неправильныя, крупныя черты лица, прическа головы, носившая слѣды по крайней мѣрѣ двухъ-часовой работы надъ ondulations, широкій прорѣзъ слегка подрисованныхъ глазъ, выпуклыя ноздри, отъ которыхъ тянулись къ угол-

Digitized by Google

камъ рта двѣ замѣтныя морщинки, придававшія лицу выраженіе блѣклости и вмѣстѣ чувственной страстности,—все это не лишено было грубой пикантности, но уже слишкомъ отзывалось какимъ-то перегаромъ широко прожитой жизни. Даже въ ея посадкѣ, очень свободной, съ разставленными колѣнями и круто поднятой грудью, что-то невольно обращало на себя вниманіе, навязывалось на физическую оцѣнку.

„Не на актрису она похожа, а на провинціальную львицу второго сорта, избалованную дешевенькими побѣдами“,—подумалъ въ первую минуту Вязигинъ, по необходимости присаживаясь къ тому же круглому столу передъ диваномъ.

Ему, впрочемъ, пришлось отдать ей и справедливость: она легко поддерживала разговоръ, въ сущности пустой, но бойкій, отмѣченный знаніемъ житейскихъ вещей. Разсуждала она обо всемъ очень просто, съ нѣсколько насмѣшливымъ здравомысліемъ, и только сквозившій въ ея разговорѣ легкій цинизмъ женщины, уже оставившей за собою первую молодость, звучалъ рѣзко въ этой обстановкѣ.

— Вы не адвокатъ?—обратилась она къ Вязигину послѣ первой же паузы.

Тотъ отвѣтилъ отрицательно.

— Мнѣ здѣсь какой-нибудь адвокатъ нуженъ будетъ,—пояснила свой вопросъ m-me Галатская.—Вѣдь я веду бракоразводное дѣло. Тамъ, въ Саратовѣ, у меня есть адвокатъ, спеціалистъ по этимъ дѣламъ, но мнѣ придется еще сводить денежные счеты съ мужемъ—это ужъ по другой части. Въ консисторіи все кончено, осталось провести въ синодѣ, но это я и сама сдѣлаю.

— Да, конечно, это уже не такъ трудно,—отозвался Стрѣлецкій, по глазамъ котораго Вязигинъ понялъ, что и ему барыня не нравилась. Было замѣтно, что онъ участвуетъ въ разговорѣ только изъ вѣжливости. Галатская, напротивъ, оказывала ему явное вниманіе, какъ человѣку, общество котораго она признавала наиболѣе подходящимъ для себя.

— Ахъ, ужъ скорѣй бы это все кончилось! — продолжала она, повернувшись къ Стрѣлецкому.—Хотя все шло какъ нельзя удачнѣе, но, право, можно потерять терпѣніе. Сколько разъ я плакалась, что такъ поздно взялась за дѣло; но все же лучше поздно, чѣмъ никогда.

— Вашъ мужъ не дѣлалъ вамъ препятствій? — спросилъ, чтобы что-нибудь сказать, Вязигинъ.

— Нѣтъ, мы съ нимъ предварительно сговорились, — отвѣ-

Digitized by Google

тила Галатская. — Я выдѣляю ему одно изъ моихъ имѣній, съ двумя тысячами дохода. Это очень недурно, когда у насъ нѣтъ дѣтей? Что дѣлать, женщинѣ иногда приходится выкупать свою свободу. Но въ концѣ концовъ я очень счастлива, что имѣю чѣмъ заплатить за нее.

— Вы были такъ несчастливы замужемъ?—опять по необходимости отнесся къ ней Вязигинъ.

Галатская сдѣлала презрительную мину.

— Нѣтъ, я не изъ такихъ. Это отзывалось бы угнетенною невинностью,—отвѣтила она.—Но наша супружеская жизнь мнѣ надоѣла, это стоитъ одно другого.

Стрѣлецкій выразительно усмѣхнулся, всталъ и отошелъ къ роялю, у котораго сидѣла Людмила.

VI.

Галатская наконецъ собралась уѣзжать. Она очень привѣтливо, по-родственному, перецѣловала сестрицъ, сообщила имъ свой адресъ, и просила какъ можно чаще навѣщать ее. Тутъ въ ней сказалось что-то милое, простое и благодушное, чего нельзя было ожидать отъ нея. Съ Стрѣлецкимъ и Вязигинымъ она простилась тоже очень любезно.

— У меня въ Петербургѣ совсѣмъ нѣтъ знакомыхъ, и я пока не собираюсь заводить ихъ, но если вы найдете нескучнымъ бывать у меня, я буду очень рада, — сказала она имъ обоимъ совершенно просто, и крѣпко пожала имъ руки.

— А моего приглашенія вы не забыли?—обратился, по уходѣ ея, Стрѣлецкій къ Вязигину:—въ четвергъ вы у меня обѣдаете.

Вязигинъ поклонился.

— У васъ и Бахаринъ будетъ?—спросилъ онъ.

— Обѣщалъ быть.

— Вотъ это очень кстати, потому что мнѣ поручено составить записку по одному дѣлу, которое должно интересовать его,—объяснилъ Вязигинъ. — И хотя я могу угадать его точку зрѣнія заранѣе, но было бы очень полезно переговорить съ нимъ при удобномъ случаѣ.

— Чего же удобнѣе такого случая!—отозвался Стрѣлецкій.— Да вотъ что между прочимъ, вѣдь я на васъ виды имѣю. Вы можете доставить огромное удовольствіе и Бахарину, и намъ всѣмъ: захватите непремѣнно съ собою вашъ „гудокъ“, и послѣ обѣда что-нибудь сыграете на немъ.

Digitized by Google

Вязигинъ недовѣрчиво усмѣхнулся.

— Вы думаете?—проговорилъ онъ.

— Разумѣется. Это всѣхъ заинтересуетъ, и Бахарина тоже; онъ любитъ такія вещи. Непремѣнно привозите свой „гудокъ".

— Что̀ это за гудокъ такой?—спросила своимъ серьезнымъ тономъ Людмила, проводившая Галатскую.

— Какъ, вы не знаете? — удивился Стрѣлецкій. — Сергѣй Павловичъ, вы ничего здѣсь не разсказывали про свой гудокъ?

— Да развѣ сто̀итъ разсказывать?

— Помилуйте, это скромность, выходящая изъ предѣловъ позволительнаго,—воскликнулъ Стрѣлецкій. — Стало быть, здѣсь никто не знаетъ, что Сергѣй Павловичъ трудится надъ возобновленіемъ, въ усовершенствованномъ видѣ, стариннаго русскаго музыкальнаго инструмента, называемаго гудкомъ? Но это чрезвычайно интересно, гораздо интереснѣе, чѣмъ балалайка.

— Гудокъ? — переспросила, наморщивая брови, Людмила: она всегда ихъ немножко морщила, когда лицо ея принимало серьезный видъ.—Что̀ же это такое? Дудка какая-нибудь?

— Совсѣмъ не дудка, а струнный инструментъ, весьма оригинальный и простой. Да вы разспросите Сергѣя Павловича, онъ вамъ все объяснитъ. Вы вѣдь сами музыкантша, для васъ это любопытно.

И оставивъ Людмилу съ Вязигинымъ, Стрѣлецкій подошелъ къ Павлѣ, и взявъ ее за руку, подмигнулъ на нихъ.

— Вы не ревнуете?—спросилъ онъ, улыбаясь.

— По какому случаю?—возразила та, слегка вспыхнувъ.

— Я пошутилъ, конечно,—отвѣтилъ Стрѣлецкій;—но тѣмъ не менѣе, по праву стараго друга и опекуна, я хотѣлъ бы знать немножко больше, чѣмъ я знаю...

Смуглое лицо Павлы еще ярче вспыхнуло.

— О чемъ вы говорите? Я васъ не понимаю... — произнесла она.

— А краснѣете-то почему же, если не понимаете?—возразилъ Стрѣлецкій, и не выпуская ея руки, сдѣлалъ съ ней вмѣстѣ нѣсколько шаговъ по направленію къ смежной комнатѣ, маленькой, въ одно окно, служившей столовой.—Отойдемте-ка въ сторону, да поговоримъ минутку.

Смущеніе Павлы возрастало; ей казалось, что она того и гляди расплачется. Она очень привыкла къ Стрѣлецкому, очень довѣряла ему, но ни за что не хотѣла бы говорить съ нимъ о томъ, на что̀ намекали его слова.

— Да, да, дитя мое, я хотѣлъ улучить минутку разговора

Digitized by Google

съ вами, чтобъ успокоить разныя безпокойныя мысли, которыя съ нѣкоторыхъ поръ лѣзутъ мнѣ въ голову,—продолжалъ Стрѣлецкій, останавливаясь съ нею за стѣной, отдѣлявшей ихъ отъ гостиной, и прислоняясь къ маленькому буфету.

— Относительно... чего же?—спросила съ усилившимся пришепетываніемъ Павла.

— А вотъ именно относительно того, о чемъ вы сразу догадались,—пояснилъ Стрѣлецкій.—Да впрочемъ, если и съ луны свалиться, такъ можно догадаться. Сергѣй Павловичъ заходитъ къ вамъ чуть не каждый день... не правда ли?

— Это вѣдь всегда такъ было...—промолвила Павла.

— Положимъ, да. Но когда-то вы были почти ребенокъ, въ родѣ Шуши, а теперь вы взрослая барышня. Теперь вамъ девятнадцать лѣтъ, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь.

— Вотъ видите. А такъ какъ я считаю Сергѣя Павловича порядочнымъ человѣкомъ, то мнѣ думается, что между вами былъ когда-нибудь разговоръ, въ которомъ онъ счелъ нужнымъ намекнуть вамъ на свои намѣренія... хотя бы для осуществленія ихъ требовалось извѣстное время и нѣкоторыя условія... Такъ вотъ, скажите-ка мнѣ откровенно, какъ самому старому вашему другу: былъ у васъ подобный разговоръ. Хотя бы въ видѣ намековъ?

Его зоркіе сѣрые глаза пытливо глядѣли на нее въ упоръ. А у нея все лицо пылало, и края вѣкъ были влажны. Она молчала.

— Почему вы объ этомъ стали думать? Я совсѣмъ объ этомъ не думаю...—проговорила она наконецъ, и въ голосѣ ея, кромѣ смущенія, выразилось чувство обиды, разочарованія въ самой себѣ.

Стрѣлецкій въ свою очередь помолчалъ, продолжая глядѣть на нее.

— Гм... — недовольнымъ тономъ пропустилъ онъ затѣмъ сквозь усы.—Стало быть, вы такъ же мало знаете, какъ и я. Ну, „будемъ подождать“, какъ говорятъ нѣмцы. А вы успокойтесь, дитя мое; я потому завелъ этотъ разговоръ, что мнѣ показалось, будто вы недостаточно откровенны со мною. Но у васъ есть Людмила, вы въ хорошихъ рукахъ.

Онъ опять дружески пожалъ ея похолодѣвшіе пальцы и вернулся въ гостиную, а она убѣжала въ свою комнату. Ей было по-дѣтски горько и стыдно, что она не могла отвѣтить: „ну да, конечно, у насъ былъ такой разговоръ, и я сама сказала ему,

Digitized by Google

что еще рано, пока онъ не устроилъ прочнымъ образомъ свое положеніе". Да, такого разговора не было...

VII.

Стрѣлецкій занималъ отличную квартиру въ домѣ одного изъ своихъ многочисленныхъ и богатыхъ родственниковъ. Для него это былъ, въ сущности, единственный способъ хорошо устроиться въ Петербургѣ, такъ какъ квартирная плата вносилась имъ раза два въ годъ, какими-то произвольными и очень маленькими долями, во всякомъ случаѣ гораздо мѣньшими, чѣмъ тѣ суммы, которыя онъ перехватывалъ у хозяина въ видѣ родственнаго займа.

Въ просторныхъ, нѣсколько темноватыхъ комнатахъ перваго этажа, Стрѣлецкій очень недурно расположился съ остатками старинной барской обстановки, сохранившимися отъ той эпохи, когда онъ еще не былъ вдовцомъ. Отъ поры до времени рука судебнаго пристава накладывала на эту обстановку казенныя печати, и тогда гостепріимныя двери rez-de-chaussée закрывались на нѣкоторое время. Пріятели Стрѣлецкаго спокойно сообщали тогда другъ другу, что къ нему нельзя—онъ запечатанъ. Но проходило нѣсколько дней, и Стрѣлецкій „распечатывался", и какъ ни въ чемъ не бывало приглашалъ къ себѣ завтракать. Если кто-нибудь изъ друзей, въ минуту непринужденной откровенности, спрашивалъ его, какимъ способомъ ему приходится такъ легко улаживать подобныя непріятности, онъ отвѣчалъ тономъ убѣжденія:

— Mon cher, всякое положеніе трудно, пока имъ не овладѣешь; такъ и положеніе несостоятельнаго россійскаго дворянина. Но я уже овладѣлъ имъ до такой степени, что могъ бы прописать это званіе на своихъ визитныхъ карточкахъ.

И дѣйствительно, нельзя было проще, милѣе и веселѣе относиться къ такому не вполнѣ авторитетному положенію.

Завтраки, обѣды и ужины Стрѣлецкаго не были дѣломъ праздная хлѣбосольства. Они занимали очень важное мѣсто въ его общественной дѣятельности, такъ какъ онъ сводилъ этимъ способомъ нужныхъ ему людей, и непримѣтно чего-нибудь достигалъ. Уже издавна какъ-то все такъ сложилось въ его жизни, что и большія, и маленькія дѣла у него дѣлались не иначе, какъ за трапезой.

Обѣдъ въ четвергъ, къ которому приглашены были Бахаринъ,

Digitized by Google

Вязигинъ и еще кое-кто, былъ поданъ въ большой длинной столовой, очень солидно обставленной. Массивный дубовый буфетъ, не у стѣны, а поперекъ комнаты, отгораживалъ дальній конецъ ея, маскируя приходившуюся за нимъ дверь. Онъ исполнялъ роль театральной декораціи, изъ-за которой, какъ на сценѣ, то выскакивалъ казачокъ Микѣшка, въ курточкѣ съ двумя рядами мелкихъ пуговицъ, то выступалъ степенной и беззвучной походкой старый лакей Филиппъ, въ лицѣ и во всѣхъ движеніяхъ котораго сказывалось такое выраженіе, какъ будто ему однажды на всю жизнь дали въ каждую руку по полному стакану воды, и велѣли такъ ходить, не проливая ни капли. Стрѣлецкій очень дорожилъ Филиппомъ и увѣрялъ, что такая наружность лакея усиливаетъ довѣріе къ кредитоспособности хозяина.

По стѣнамъ столовой располагались обычныя для такихъ комнатъ украшенія: деревянные и гипсовые медальоны съ изображеніями дичи и другихъ охотничьихъ трофеевъ, расписныя блюда и тарелки на крючкахъ, полочка съ серебряными жбанами и оправленнымъ въ серебро турьимъ рогомъ, и т. д. Были также и дѣйствительные трофеи охоты: оленьи рога, кабанья голова съ клыками, и въ углу, у окна, громадное медвѣжье чучело, съ подносикомъ въ переднихъ лапахъ. На этомъ подносикѣ прежде стояли хрустальный боченокъ съ водкой и рюмки, но Микѣшка въ короткое время все это переколотилъ, ссылаясь на недастатокъ равновѣсія у медвѣдя. Теперь на подносикѣ лежала обыкновенно только коробка шведскихъ спичекъ.

Въ другомъ углу стояли на особомъ поставцѣ нѣсколько дорогихъ охотничьихъ ружей и мужицкая рогатина, едва ли когда-нибудь употреблявшаяся въ дѣло хозяиномъ квартиры. И ужъ навѣрное никогда не употреблялась имъ стоявшая тутъ же туркменская пика, съ оправой изъ черненаго серебра, украшенной какимъ-то священнымъ стихомъ.

Надо замѣтить, что въ сложной жизни Стрѣлецкаго былъ періодъ, когда онъ увлекался сначала всѣмъ національно-русскимъ, съ боярскимъ оттѣнкомъ, а потомъ, въ силу неизбѣжной логики вещей, всѣмъ азіатскимъ. Онъ устраивалъ какія-то историческія охоты въ тульскомъ имѣніи жены, едва ли даже не соколиныя, на манеръ царя Алексѣя Михайловича, и два раза ѣздилъ зачѣмъ-то въ Ташкентъ. Потомъ, натолкнувшись на богатаго и бездѣтнаго родственника, проживавшаго безвыѣздно въ Парижѣ, и едва не потерявъ, изъ-за несходства вкусовъ, крупнаго наслѣдства, онъ рѣшилъ, что излишняя опредѣленность убѣжденій не соотвѣтствуетъ избранной имъ дѣятельности. Но

Digitized by Google

въ его гардеробѣ до сихъ поръ сохранялась плисовая безрукавка, а по утрамъ онъ очень любилъ надѣвать на голову какую-то текинскую тюбитейку.

Въ самое послѣднее время, впрочемъ, онъ позволялъ себѣ понемногу снова возвращаться къ прежнимъ увлеченіямъ, и русско-боярскимъ, и азіатскимъ. Только ни соколиной, ни даже псовой охоты онъ уже не могъ устраивать.

VIII.

Расположившееся за столомъ общество состояло изъ нѣсколькихъ мужчинъ разнаго возраста. Первымъ съ краю сидѣлъ самъ хозяинъ. Направо отъ него предсѣдательское мѣсто занималъ крупный старикъ лѣтъ шестидесяти, съ густыми подкрашенными бакенами и накладкой на головѣ. Это и былъ Артамонъ Яковлевичъ Бахаринъ, очень заслуженная особа, занимавшая видное и вліятельное мѣсто. Онъ ѣлъ медленно и озабоченно, съ трудомъ прожевывая свой филе-миньонъ и поминутно отхлебывая маленькими глотками изъ стаканчика съ жиденькимъ краснымъ винцомъ, которое хозяинъ усиленно рекомендовалъ всѣмъ, какъ замѣчательный продуктъ винодѣлія его дяди, бессарабскаго помѣщика. Пропагандой этого сквернаго винца Стрѣлецкій вообще сильно занимался въ послѣднее время, потому что надѣялся сдѣлать у бессарабскаго дяди заемъ при первомъ же его пріѣздѣ въ Петербургъ.

Замѣтивъ, что глотки Бахарина становятся все меньше, а въ крупно-очерченныхъ губахъ его проступаетъ выраженіе вкушаемой кислоты, Стрѣлецкій взялъ бутылку съ затѣйливой этикеткой, по краямъ которой было выведено славянскою вязью: „Изъ собственныхъ садовъ Галактіона Алексѣевича Стрѣлецкаго, урожая 1889 года“, и держа ее между ладонями, чтобъ освидѣтельствовать температуру, сказалъ ко всѣмъ вообще:

— Немножко холодновато, надо было бы раньше внести изъ погреба. Но какъ вы находите, господа? По-моему, очень пріятное винцо, легкое и отлично выдержанное.

— Жидковато, Игорь Васильевичъ, жидковато,—отвѣтилъ пониженнымъ, интимнымъ тономъ Бахаринъ.—Но пріятно, что русское вино, не заграничное.

— И ужъ ни малѣйшей фальсификаціи: дядя самъ лично наблюдаетъ за розливомъ. Я въ послѣднее время совсѣмъ отказался отъ французскихъ винъ. Что-нибудь одно: или поддержать

Digitized by Google

русское винодѣліе, или бросить его къ чорту. Безъ насъ дѣло не пойдетъ. Если русское вино будутъ пить одни попы, да армейскіе офицеры, оно всегда будетъ отзываться чихиремъ и кизляркой. Для того, чтобы стоило его совершенствовать, надо пробить ему дорогу въ высшіе круги потребителей.

— Нѣтъ, прежде пусть усовершенствуютъ, тогда я явлюсь потребителемъ,—возразилъ Бахаринъ, въ которомъ тонкіе вкусы гурмана всегда спорили съ круто-національнымъ образомъ мыслей.

— Но какъ же совершенствовать, если не будутъ поощрять? Гдѣ у насъ для этого капиталы, выдержка?—возразилъ въ свою очередь Стрѣлецкій.

Бахаринъ взглянулъ на него, какъ бы удивляясь, что такой простой вопросъ можетъ затруднять кого-нибудь.

— Поощрять можетъ правительство, казна,—отвѣтилъ онъ.— Есть много способовъ: запретительныя пошлины, тарифныя ставки, субсидіи, кредитъ. А жертвовать своими вкусовыми ощущеніями во славу нашихъ винодѣловъ я не согласенъ.

И Бахаринъ засмѣялся. Засмѣялись и остальные гости, и хозяинъ.

Прямо противъ Бахарина сидѣлъ высокій, съ длиннымъ лицомъ отставной полковникъ, смуглый, не по военному сутоловатый. Онъ очень низко наклонялся надъ тарелкой и безпрестанно двигалъ своими длинными ногами, словно не находя для нихъ достаточно мѣста подъ столомъ. Узкіе каріе глаза его то щурились, то вдругъ широко раскрывались; ему кто-то сказалъ, что они у него очень выразительны, и онъ постоянно ими кокетничалъ.

Бахаринъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— А какъ на этотъ счетъ въ Марокко? есть тамъ какое-нибудь мѣстное винцо?

Полковникъ вскинулъ глазами, потомъ приподнялъ голову.

— Превосходное, въ родѣ греческихъ винъ; и красное есть, напоминаетъ итальянскія,—отвѣтилъ онъ.—Но туземцы сами мало пьютъ, это удивительно трезвый народъ. Винодѣліе у нихъ еще мало развито, но французы уже пытаются завладѣть имъ.

— Вѣчно одна и та же исторія: гдѣ только появятся на Востокѣ европейцы, сейчасъ начинается эксплуатація,—вставилъ Стрѣлецкій.—А мы зѣваемъ, хотя Востокъ—наше естественное и законное достояніе.

Со времени своихъ поѣздокъ въ Ташкентъ, Стрѣлецкій былъ сильно настроенъ въ пользу энергической эксплуатаціи туземныхъ богатствъ русскими силами, и даже вербовалъ пайщиковъ для

Digitized by Google

какого-то громаднаго торгово-промышленнаго предпріятія, не чуждаго, какъ онъ выражался, и патріотическихъ цѣлей. Но пайщики не находились.

Полковникъ покачнулся всѣмъ туловищемъ, такъ что его подбородокъ вошелъ въ пустой стаканъ, и прищурился.

— Россія исполнитъ свое назначеніе на Востокѣ,—проговорилъ онъ нѣсколько загадочнымъ тономъ, и вдругъ откинулся на спинку стула и потупился, какъ человѣкъ, твердо рѣшившійся не распространяться болѣе о затронутомъ предметѣ.

IX.

Этотъ полковникъ, Зиновій Ивановичъ Бочарскій, принадлежалъ къ любопытному типу дѣятелей, совершающихъ какія-то продолжительныя и таинственныя путешествія въ невѣдомыя страны. Онъ еще въ маломъ чинѣ проникалъ для чего-то въ глубину Тибета и показывался одно время въ Петербургѣ въ обществѣ вольнаго казака Ашинова, а теперь всего мѣсяцъ назадъ вернулся изъ Марокко, и очень старался заинтересовать собою нѣкоторые столичные круги. Стрѣлецкій горячо за него взялся, представилъ его во многихъ домахъ, и даже сегодняшній обѣдъ устроилъ именно для того, чтобы показать интереснаго путешественника Бахарину и другимъ. Но сановникъ слабо на это поддавался: у него было много своихъ коньковъ и безъ Марокко. Зато Вязигинъ, сидѣвшій рядомъ съ полковникомъ, приглядывался къ нему съ большимъ любопытствомъ: его занималъ вопросъ, какую собственно карьеру можно сдѣлать посредствомъ путешествій въ неизвѣстныя страны?

— Дикость, однако, большая въ этомъ Марокко?—вопросительно произнесъ Бахаринъ.—Говорятъ, люди тамъ голые подъ плащами ходятъ.

— Прекрасные они солдаты,—отвѣтилъ не совсѣмъ на вопросъ полковникъ.—Отличный боевой матеріалъ. Конечно, нужна организація. Въ этомъ даже слѣдовало бы помочь имъ.

— Да... — съ задумчивой отяжелѣлостью протянулъ Бахаринъ.—Изъ чего же, собственно, вы заключаете, что имъ помочь надо? Никакихъ нашихъ интересовъ тамъ нѣтъ.

Полковникъ подобралъ подъ столомъ одну ногу, потомъ другую.

— Этотъ народъ давно ждетъ дыханія жизни, — сказалъ онъ. — Но, помилуйте, на кого они могутъ разсчитывать? Съ

Digitized by Google

фронта ихъ тѣснятъ испанцы и французы, въ тылу у нихъ пустыня... имъ дохнуть нельзя! А между тѣмъ, можно было бы завязать сношенія...

Вязигинъ, отъ котораго не ускользнулъ нѣсколько скептическій тонъ Бахарина, позволилъ себѣ вмѣшаться.

— По правдѣ сказать, я совсѣмъ не понимаю, что̀ такое для насъ ваше Марокко,—сказалъ онъ.—По моему, какая-нибудь калужская губернія гораздо больше нуждается въ нашихъ заботахъ, чѣмъ Марокко.

Полковникъ сперва прищурился на сосѣда, какъ бы желая измѣрить силу нападенія, потомъ снова качнулся впередъ.

— Калужская губернія отъ насъ не уйдетъ,—произнесъ онъ иронически. — Великая страна не можетъ не дѣлать политики. А какая же политика въ калужской губерніи?

— А вы забыли калужскую губернаторшу? — послышался голосъ съ конца стола.

Этотъ возгласъ принадлежалъ Родіонову, господину лѣтъ тридцати, довольно щеголеватаго вида, извѣстному сплетнику и балагуру, открывшему себѣ этими талантами доступъ въ самые различные круги петербургскаго общества. Всѣ повернулись къ нему, смѣясь.

— Я больше ничего не хочу сказать, я укрываюсь подъ защиту историческаго факта,—отвѣтилъ онъ.—Калужская губернаторша—историческій фактъ. Я накрываю имъ себѣ голову.

Всѣ опять разсмѣялись. Родіоновъ былъ извѣстенъ своей манерой выражаться въ такомъ родѣ, и эта манера всѣмъ казалась забавной. Болѣе всего же, кажется, нравилось, что никогда нельзя было догадаться, куда собственно клонились его шутки.

Вязигинъ тоже смѣялся, но не считалъ споръ законченнымъ. Ему хотѣлось высказать свой взглядъ, который, по его мнѣнію, долженъ былъ понравиться Бахарину.

— Тѣмъ не менѣе, все это какая-то экзотическая политика, и у насъ совсѣмъ не такъ много силъ, чтобъ на нее тратиться,— заговорилъ онъ своимъ пріятнымъ, мягкимъ, немножко вкрадчивымъ баритономъ, поблескивая глазами.—Можетъ быть, намъ и нужно съ какой-нибудь стороны завязывать отдаленныя политическія сношенія, но вѣдь за всѣмъ не угонишься. Есть вещи важнѣе всего этого, и поближе.

Бахаринъ съ благосклоннымъ видомъ повернулъ къ нему голову.

— Какъ же не быть!—сказалъ онъ.

— Не позволяю себѣ вдаваться въ вопросы государственные,

Digitized by Google

но возьму примѣръ изъ области культуры,—продолжалъ Вязигинъ.—Развѣ не было бы въ высшей степени важно поддержать замѣчаемый въ этой области поворотъ? Какъ намъ всѣмъ извѣстно, сквозь нашу заимствованную у европейцевъ культуру начинаетъ прорываться струя самобытнаго народнаго творчества. Въ литературѣ, въ искусствѣ, въ наукѣ, вездѣ замѣтно исканіе старыхъ, давно заслоненныхъ отъ насъ идеаловъ, образовъ, формъ. Мнѣ представляется, что мы вступаемъ въ свою собственную эпоху Возрожденія, что у насъ уже явились свои собственные русско-византійскіе антики... Вотъ гдѣ наша культурная точка нынѣшней минуты.

— Прекрасно! Отлично сказано! — произнесъ съ оживленіемъ Стрѣлецкій.

Бахаринъ, запуская въ ротъ ложку пломбьера, кивнулъ Вязигину головой.

— Очень вѣрная мысль, и для которой вы нашли счастливое выраженіе,—отозвался онъ.—Именно, что-то въ родѣ нашего русскаго Возрожденія. Даже скажу вамъ прямо, у меня у самого вертѣлась подобная мысль, когда я писалъ мою книгу о кустарной иконописи.

— Я полагаю, что именно эта книга и навела меня на мою мысль,—сказалъ Вязигинъ, весь какъ бы потянувшись къ благосклонному сановнику.

X.

Съ этой минуты между Бахаринымъ и Вязигинымъ какъ-то сразу произошло сближеніе. Вязигинъ это тотчасъ почувствовалъ, и веселое поблескиваніе его глазъ усилилось. Но онъ ничѣмъ не выдавалъ своего торжества. Онъ, казалось, былъ увлеченъ серьезнымъ разговоромъ, въ которомъ неожиданно нашелъ интереснѣйшаго единомышленника. Въ немъ свѣтилась спокойная, ободряющая радость раздѣленнаго убѣжденія. Какъ только разговоръ сбивался въ сторону, Вязигинъ осторожно и ловко возвращалъ его къ предметамъ, которые должны были особенно интересовать Бахарина. Онъ словно производилъ надъ нимъ какое-то мягкое щекотаніе, немножко льстя, немножко играя имъ и незамѣтно будя въ немъ любопытство. Бахарина, дѣйствительно, сталъ интересовать этотъ неглупый молодой человѣкъ, такъ глубоко проникнутый идеями и вкусами, составлявшими для просвѣщеннаго сановника своего рода культъ.

Digitized by Google

— Вы, конечно, служите гдѣ-нибудь?—спросилъ онъ.

Этимъ вопросомъ Вязигинъ воспользовался какъ нельзя лучше, и постарался показать, что хотя онъ и занимается „идейными“ вопросами, но къ службѣ относится весьма серьезно, и желалъ бы всецѣло посвятить себя ей. О литературныхъ занятіяхъ своихъ онъ выразился съ нѣкоторой шутливостью, давая понять, что все это хорошо, пока его служебное положеніе очень скромно, но что всѣ планы и стремленія его направлены исключительно къ государственной дѣятельности. На Бахарина этотъ отвѣтъ произвелъ особенно благопріятное впечатлѣніе, потому что и самъ онъ, въ глубинѣ души, на свою собственную просвѣщенность смотрѣлъ какъ на украшеніе, выдвигающее его изъ ряда обыкновенныхъ тайныхъ совѣтниковъ, единственною же серьезною цѣлью всѣхъ помысловъ и вожделѣній считалъ служебную карьеру.

Когда обѣдъ кончился и всѣ перешли въ обширный кабинетъ хозяина, Бахаринъ самъ предложилъ Вязигину занять мѣсто поближе къ нему, и разговоръ между ними продолжался. Это, въ сущности, нарушало всѣ соображенія Стрѣлецкаго, потому что совсѣмъ стушевывало полковника Бочарскаго, предназначавшагося именно къ тому, чтобы составить центръ общества и заинтересовать собою Бахарина. Поэтому Стрѣлецкій пытался выдвинуть впередъ значеніе таинственныхъ поѣздокъ въ невѣдомыя страны, но убѣдившись въ равнодушномъ отношеніи къ нимъ сановника, мысленно махнулъ рукою и рѣшилъ, что свести Вязигина съ Бахаринымъ тоже недурно, такъ какъ это можетъ оказаться не безъ послѣдствій въ другомъ отношеніи. Если Бахаринъ въ самомъ дѣлѣ заинтересуется Вязигинымъ, онъ поможетъ его служебной карьерѣ, можетъ быть даже перетащитъ къ себѣ, а это, по всей вѣроятности, отразится на маленькомъ романѣ, въ тайну котораго онъ проникъ на дняхъ, у Мамыкиныхъ. „Бѣдная Павла по-уши влюблена въ него... Что-жъ, пусть онъ поскорѣе выдвигается въ люди, а тамъ мы подумаемъ, какъ все это уладить“,—думалъ Стрѣлецкій, съ большимъ, чѣмъ всегда, любопытствомъ приглядываясь и прислушиваясь къ Сергѣю Павловичу.

А Бахаринъ, откинувшись всѣмъ своимъ нѣсколько тучнымъ туловищемъ на подушки дивана и прихлебывая кофе, совсѣмъ отдался процессу пріятнаго щекотанія, какой производилъ надъ нимъ Вязигинъ. Онъ испытывалъ рѣшительное, рѣдкое удовольствіе отъ бесѣды съ этимъ неизвѣстнымъ чиновникомъ, въ которомъ неожиданно обнаружилось такъ много идейнаго единомыслія, разносторонихъ свѣдѣній, способности сдержанно, но

Digitized by Google

глубоко увлекаться предметами и вопросами, какими интересуются, по мнѣнію Бахарина, лишь весьма немногіе, очень твердые въ своей умственной зрѣлости люди.

Вязигинъ, наконецъ, добрался и до порученной ему директоромъ записки и сообщилъ обо всемъ этомъ чрезвычайно ловко, со скромностью человѣка, не придающаго такому обстоятельству особеннаго значенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не опустивъ ничего, выгоднымъ образомъ оттѣнявшаго его положеніе среди другихъ чиновниковъ. Бахаринъ и здѣсь показалъ большой интересъ къ дѣлу, совершенно одобрилъ точку зрѣнія Вязигина, и даже выразилъ желаніе познакомиться съ запискою предварительно, прежде чѣмъ она будетъ оффиціально препровождена къ нему на заключеніе.

Это было больше, чѣмъ Вязигинъ могъ ожидать, и отвѣчало самымъ тайнымъ его вожделѣніямъ.

— Какъ-нибудь вечеркомъ, часовъ въ девять, загляните ко мнѣ съ вашей запиской, мы и познакомимся съ ней,—съ окончательной благосклонностью предложилъ сановникъ.

XI.

Стрѣлецкій разсудилъ, что ужъ если, вопреки его предположеніямъ, Вязигинъ сдѣлался героемъ дня, то надо съ этимъ примириться и примкнуть къ ходу вещей.

— А что, Сергѣй Павловичъ, привезли вы съ собою свой инструментъ? — обратился онъ къ Вязигину.—Надо непремѣнно показать Артамону Яковлевичу ваше изобрѣтеніе.

— Что за изобрѣтеніе? — полюбопытствовалъ съ улыбкой Бахаринъ.

— Очень интересная вещь, на мой взглядъ,—отвѣтилъ Стрѣлецкій.—Вотъ, вы давеча говорили, что мы стоимъ наканунѣ эпохи русскаго Возрожденія, что у насъ явятся свои народные русскіе антики,—а Сергѣй Павловичъ какъ разъ открылъ такой антикъ.—Можно велѣть принести эту штучку сюда?

Вязигинъ всталъ съ нерѣшительнымъ видомъ.

— Если желаете, принесу... не знаю только, заинтересуетъ ли васъ...—проговорилъ онъ скромно.—По моему, впрочемъ, любопытно взглянуть. Это наша старина, народная старина. Извольте, я сейчасъ покажу.

И онъ поспѣшно вышелъ въ переднюю, и черезъ минуту вернулся, бережно неся въ рукахъ какой-то длинный ящикъ,

Digitized by Google

уложенный въ кожаный чехолъ. Этотъ ящикъ онъ положилъ на столъ, развязалъ чехолъ, открылъ крышку и вынулъ какой-то странный инструментъ, напоминающій не то скрипку, не то ящикъ изъ-подъ сигаръ, съ натянутыми во всю длину тремя толстыми струнами.

— Что же это такое?—съ недоумѣніемъ спросилъ Бахаринъ.

— Старинный русскій музыкальный инструментъ, гудокъ,—пояснилъ Вязигинъ.—Онъ когда-то былъ очень распространенъ въ народѣ, въ особенности въ южныхъ окраинахъ; потомъ его совершенно забыли, и даже внѣшній видъ его мало кому извѣстенъ. Многіе думаютъ, что гудокъ—дудка или рожокъ, тогда какъ это струнный инструментъ, подобно гуслямъ.

— Совершенно вѣрно,—подхватилъ Стрѣлецкій;—помните у Пушкина: „Москва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли"...

Бахаринъ привсталъ, и съ серьезнымъ любопытствомъ разсматривалъ странный предметъ.

— А вѣдь представьте, я тоже не подозрѣвалъ, что гудокъ имѣетъ такое устройство...—сознался онъ.—Но вѣдь это новая работа, воспроизведеніе?—спросилъ онъ, осторожно щелкнувъ по декѣ толстымъ и крѣпкимъ ногтемъ.

— Да, я придумалъ нѣкоторыя усовершенствованія, впрочемъ очень незначительныя,—объяснилъ Вязигинъ.—Старинный характеръ сохраненъ вполнѣ, и даже та особенность, что двѣ струны настроены въ униссонъ, а третья квинтой вверхъ. Это даетъ инструменту необычайную наивную простоту, въ высшей степени отвѣчающую нѣкоторымъ древнимъ народнымъ мотивамъ.

— Скажите пожалуйста!—произнесъ съ сочувственной задумчивостью Бахаринъ.—Три струны, и двѣ въ униссонъ?

— Какъ видите, всего только три, и двѣ изъ нихъ униссономъ,—подтвердилъ Вязигинъ, и взявъ въ руку смычокъ, осторожно провелъ имъ по струнамъ. Инструментъ издалъ слабый, жалобный, нѣсколько скрипучій звукъ.

Полковникъ подошелъ и наклонился, разставивъ свои длинныя ноги.

— Это какое же дерево?—полюбопытствовалъ онъ.

— Липовое,—отвѣтилъ Вязигинъ.

— Но вѣдь это прелесть что такое!—воскликнулъ Стрѣлецкій. — Вы услышите, какъ Сергѣй Павловичъ мастерски играетъ на своемъ гудкѣ.—Что, развѣ это не антикъ?—повернулся онъ къ Бахарину.

— А вы и музыкантъ, какъ оказывается?—обратился тотъ къ Вязигину.

Digitized by Google

— Большой любитель,—скромно отозвался послѣдній.

Всѣ стали просить его сыграть что-нибудь. Онъ тотчасъ согласился, и комната огласилась странными, но не лишенными пріятности звуками. Разыгрывался какой-то простой старинный мотивъ, которому Вязигинъ очень искусно придавалъ извѣстную колоритность. Затѣмъ, убѣдившись въ сочувственномъ вниманіи слушателей, онъ сыгралъ другую вещь, немножко сложнѣе, справиться съ которой при помощи трехъ струнъ было довольно трудно; но зато колориту было еще больше.

— Но это совсѣмъ, совсѣмъ что-то древнее, народное!—воскликнулъ Бахаринъ, почувствовавшій совершенно дѣтское восхищеніе.—Это поразительно!

— Да, это древнѣйшіе народные мотивы, вѣроятно XIV вѣка, а можетъ быть и древнѣе,—объяснилъ Вязигинъ.—Я ихъ прилаживаю, комбинирую... А вотъ, если угодно, для разнообразія, плясовой, скоморошескій мотивъ.

И онъ мастерски сыгралъ что-то веселое, залихватское, съ какою-то шутовскою дробью, невольно заставлявшею улыбаться.

Восхищеніе было всеобщее, шумное. Стрѣлецкій дѣтски радовался, точно онъ былъ импрессаріо, выводившій въ публику найденный имъ и законтрактованный талантъ. Бахаринъ испытывалъ какое-то млѣніе; у него даже нижняя губа нѣсколько отвисла, выражая душевное разслабленіе. Бочарскій, покачиваясь на разставленныхъ ногахъ, обласкивалъ задумчивымъ взглядомъ и Вязигина, и его гудокъ, какъ бы соображая и недоумѣвая, что вотъ тоже какую штуку можно выдумать, и имѣть успѣхъ. Родіоновъ шумно восторгался, и потомъ, наклонившись къ Вязигину, шепнулъ ему:

— Вѣдь это, собственно говоря, чортъ знаетъ, что̀ такое, но вы напали на счастливѣйшую идею. Русскій народный инструментъ, да еще древній: вы будете дьявольскій фуроръ производить!

Вязигинъ былъ такъ радостно настроенъ, что и ему съ чувствомъ пожалъ руку.

XII.

Зайдя черезъ нѣсколько дней къ Мамыкинымъ, Вязигинъ нашелъ барышенъ подъ сильнѣйшимъ впечатлѣніемъ сдѣланнаго ими визита къ m-me Галатской. Тетушка поразила ихъ еще больше, чѣмъ при первомъ своемъ появленіи. Оказалось, что она наняла большую, роскошно меблированную квартиру, за которую платила пятьсотъ рублей въ мѣсяцъ. Тамъ были и картины, и

Digitized by Google

статуи, и фарфоръ, и удивительная мебель, какой сестры никогда раньше не видали. Въ спальной, на туалетномъ столикѣ, разложена такая масса принадлежностей, что за одинъ разъ не пересмотришь.

— И представьте, она нисколько не стѣсняется: у нея и бѣлила, и румяна, и карандашики, и пудры всякія, все на виду!— сообщила со своимъ обычнымъ пришепетываньемъ Павла.

— За спальной особая гардеробная, и можно въ ужасъ придти, чего только тамъ не понавѣшано,—добавила Людмила.— Я отдернула занавѣску, такъ однихъ халатиковъ и кофточекъ больше дюжины, и все какія-то такія... не знаю, но по моему просто совѣстно ихъ надѣть.

— А въ одномъ шкафу нижній ящикъ весь до верху заваленъ туфлями,—вставила Шуша.—Въ шифоньерѣ корсеты точно дрова накиданы.

— Впрочемъ, она была чрезвычайно съ нами любезна, намъ подавали шоколадъ, фрукты, конфекты,—продолжала Людмила.— И надо видѣть, какъ все было подано! Какое серебро, фарфоръ! Но всего лучше были вишни въ шампанскомъ. Мы не знали, что это шампанское, и чуть не опьянѣли.

— У меня лицо такъ разгорѣлось, такъ разгорѣлось, просто срамъ!—подхватила Павла, и отъ одного воспоминанія лицо ея снова вспыхнуло.

— И подавали эти вишни въ такихъ низенькихъ широкихъ рюмочкахъ...—припомнила Людмила:—и съ бисквитами. А сама тетушка все накладывала себѣ, накладывала этихъ вишенъ, и хоть бы что ей! Только порозовѣла немножко.

— И пудра обсыпаться стала, — разсмѣялась Шуша.—Да это что, а послѣ она велѣла подать шампанскаго, прямо шампанскаго въ бутылкѣ, въ такой огромной серебряной вазѣ со льдомъ...

— Шуша, довольно!—остановила ее Людмила.

— Нѣтъ, почему же не разсказать? Вѣдь мы не пили, мы всѣ трое наотрѣзъ отказались,—продолжала младшая сестра.— Въ самомъ дѣлѣ, съ какой стати? Вѣдь это даже неприлично, среди дня, безъ всякаго повода, и вдругъ пить шампанское. Мы даже не дотронулись до своихъ бокаловъ. А тетушка...

— Шуша! — снова остановила ее недовольнымъ тономъ старшая сестра.

— Нѣтъ, что жъ такое? Сергѣй Павловичъ все равно что свой человѣкъ, ему можно разсказать,—не унималась Шуша.— И Игорю Васильевичу я тоже разскажу.—Тетушка какъ начала

Digitized by Google

пить, бокалъ за бокаломъ, бокалъ за бокаломъ, всю бутылку и выпила. А потомъ, когда ужъ ничего не было, стала надъ нами смѣяться, что мы не пьемъ, и говоритъ, что она должна сама за насъ выпить. И что жъ вы думаете, изъ всѣхъ нашихъ бокаловъ въ самомъ дѣлѣ все выпила!

— Всю, всю бутылку, до послѣдней капли, одна выпила!— подтвердила тономъ ужаса Павла.

Вязигинъ засмѣялся; его забавляло возбужденіе, овладѣвшее сестрами.

— Тетушка ваша, какъ оказывается, молодецъ,—сказалъ онъ.—Только, конечно, барышенъ такъ угощать совсѣмъ не слѣдуетъ.

— Понимаете, я теперь просто боюсь ея,—проговорила Людмила.—Она взяла съ насъ слово обѣдать у нея, и я просто не знаю, что дѣлать. Зачѣмъ только она сюда пріѣхала и разыскала насъ!

— Не бойтесь, ничего страшнаго не случится,—успокоилъ ее Вязигинъ.—Угоститъ васъ отличнымъ обѣдомъ, вотъ и все.

— Ужъ можно себѣ вообразить, какой будетъ обѣдъ!—подхватила Шуша.

— И сколько она шампанскаго выпьетъ!

— Очевидно, дама съ довольно широкими привычками,— сказалъ Вязигинъ.—Она должна быть очень богата, ваша тетушка.

— О, она страшно богата,—отвѣтила Людмила.—Она говоритъ, что въ тотъ годъ, когда не ѣздитъ за границу, проживаетъ тысячъ двадцать-пять, а если уѣзжаетъ на зиму въ Парижъ и въ Ниццу, то тысячъ сорокъ.

— Ого!—невольно вырвалось у Вязигина.—Если только она не имѣетъ обыкновенія прихвастнуть немножко.

— Нѣтъ, что же ей передъ нами хвастать?—возразила Людмила.—Для насъ, кто проживаетъ десять тысячъ, такъ и тотъ богачъ.

„Муженька-то своего, слѣдовательно, она не очень щедро наградила“,—подумалъ Вязигинъ.—„Глупъ долженъ быть очень, если такую жену выпустилъ изъ рукъ за какое-то имѣньишко съ двумя тысячами дохода“.

„Кто-нибудь поблагодаритъ его“,—добавилъ онъ, мысленно улыбаясь предположенію, что какой-нибудь ловкій господинъ завладѣетъ же и этой женщиной, и этимъ богатствомъ.—„А вѣрнѣе всего, что кто-нибудь уже есть, и оба выжидаютъ только, когда получится разводъ“.

Digitized by Google

А Павла, какъ будто угадывая его мысли, произнесла съ своимъ обычнымъ пришепетываніемъ:

— Она непремѣнно второй разъ замужъ выйдетъ. Богатымъ не трудно замужъ выходить.

XIII.

Сестры предложили Вязигину остаться у нихъ обѣдать. Онъ согласился, зная, что онѣ къ нему уже привыкли и не стѣсняются имъ. За эту любезность онъ расплачивался конфектами, корзинками съ фруктами, билетами въ театръ и тому подобными маленькими услугами, и съ этой стороны считалъ ихъ отношенія правильно установленными.

Но эта пріятная близость съ такимъ милымъ, хорошо расположеннымъ къ нему семействомъ немножко стѣсняла его по другой причинѣ. Онъ былъ единственнымъ гостемъ въ домѣ, на котораго можно было смотрѣть какъ на претендента. Частыя посѣщенія Стрѣлецкаго объяснялись его званіемъ опекуна. Другіе молодые люди, заходившіе иногда къ Мамыкинымъ, были совсѣмъ юны и несамостоятельны, и ихъ нельзя было принимать въ разсчетъ безъ крайняго легкомыслія. Вязигинъ же не только находился въ условіяхъ, располагавшихъ придавать особое значеніе его короткости въ домѣ, но и предметъ его предполагаемыхъ исканій какъ-то самъ собою для всѣхъ опредѣлялся. Всѣ знали, что онъ интересуется Павлой, а Стрѣлецкій неравнодушенъ къ Людмилѣ. Павла была нехороша собой, но за то обладала самымъ мягкимъ, ровнымъ, симпатичнымъ характеромъ. Притомъ, у нея были прекрасные глаза, выражавшіе много доброты и сердечности. Вязигинъ же производилъ впечатлѣніе осторожнаго, разсудительнаго человѣка, которому такая дѣвушка могла нравиться.

И она дѣйствительно ему нравилась. Это началось давно, когда онъ только-что началъ бывать въ домѣ. Павла еще ходила въ гимназію, и со своей шестнадцатилѣтней свѣжестью, съ забавной серьезностью выпускной ученицы, была интереснѣе, чѣмъ теперь. Конечно, онъ не влюбился; онъ къ этому даже не считалъ себя способнымъ, и во всякомъ случаѣ не желалъ бы пройти чрезъ подобное испытаніе. Но полу-шутливыя отношенія взрослаго человѣка къ ребенку смѣнились сочувственнымъ интересомъ, по мѣрѣ того какъ этотъ ребенокъ на его глазахъ развивался въ самостоятельную дѣвушку. Къ наружности ея онъ привыкъ. Онъ

Digitized by Google

былъ того мнѣнія, что красивыя женщины слишкомъ рискованны для семейнаго счастья. Павла, съ своимъ скромнымъ видомъ, съ своимъ чудеснымъ характеромъ и даже съ своимъ пришепетываніемъ представлялась ему дѣвушкой, изъ которой должна выйти отличная жена и мать.

Тѣмъ не менѣе, вопросъ о бракѣ вовсе не былъ рѣшенъ у него. Свое служебное и матеріальное положеніе онъ считалъ еще въ переходномъ періодѣ. Запрягаться въ семейную лямку при своихъ теперешнихъ средствахъ онъ не хотѣлъ. Надо посмотрѣть, что будетъ дальше. Если ему повезетъ, если его положеніе значительно улучшится, тогда онъ обсудитъ вопросъ основательно, и поступитъ такъ, чтобы не пришлось раскаяваться.

Поэтому онъ, бывая очень часто у Мамыкиныхъ, держалъ себя съ крайнею осторожностью, избѣгая всякаго намека на ухаживаніе, придавая своей короткости самый безпритязательный видъ. Шутя, онъ иначе не называлъ себя, какъ „дядя Сергѣй", и вообще преувеличенно выдвигалъ впередъ свои будто бы „пожилыя лѣта". Никто не могъ сказать, чтобъ онъ хотя однажды обмолвился неосторожнымъ словомъ, къ чему-нибудь нравственно его обязывавшимъ.

Сегодня, сидя за столомъ прямо противъ Павлы, онъ почему-то мысленно припоминалъ всѣ три года близкаго знакомства съ этой семьей, и былъ особенно доволенъ своимъ умѣньемъ держаться такъ, чтобы сохранить полную независимость. Онъ выдержалъ искусъ, и это было особенно пріятно сознавать теперь, когда ему казалось, будто близится существенная перемѣна въ его жизни.

Въ послѣдніе дни онъ чувствовалъ себя бодрѣе и возбужденнѣе, чѣмъ всегда. Еще неясно, но что-то уже обрисовывалось. Во всякомъ случаѣ, цѣли были ближе, путеводныя нити обозначались опредѣленнѣе. Онъ ощущалъ всѣми нервами тотъ особый подъемъ духа, который иногда предсказываетъ человѣку неожиданныя удачи и успѣхи.

И онъ смотрѣлъ на Павлу съ поблескиваньемъ глазъ, въ которомъ отражалось что-то загадочное, медленно назрѣвавшее въ немъ самомъ...

Послѣ обѣда онъ предложилъ показать свой гудокъ. Но на этотъ разъ древній народный инструментъ потерпѣлъ полную неудачу. Сестры рѣшительно не поняли, что въ немъ интереснаго, а Людмила, въ качествѣ музыкантши, готова была даже обидѣться.

Вязигинъ, впрочемъ, нисколько не былъ этимъ огорченъ.

Digitized by Google

„Женщинамъ это недоступно; онѣ, конечно, не понимаютъ, въ чемъ тутъ дѣло“,—думалъ онъ снисходительно.

Людмилѣ надо было идти на урокъ. Павла осталась въ маленькой гостиной съ Вязигинымъ; Шуша ушла въ свою комнату заниматься.

XIV.

Раньше, когда Вязигину случалось оставаться вдвоемъ съ Павлой, у нихъ очень легко завязывался разговоръ. Но сегодня что-то невыяснившееся стѣсняло ихъ обоихъ. Павла находилась подъ впечатлѣніемъ недавняго объясненія съ Стрѣлецкимъ. Впечатлѣніе это еще больше усилилось тѣмъ, что Стрѣлецкій заѣхалъ къ Мамыкинымъ на другой день послѣ своего обѣда, разсказалъ при Людмилѣ о побѣдѣ Сергѣя Павловича надъ важнымъ сановникомъ, и добавилъ значительнымъ тономъ, что положеніе Вязигина должно упрочиться.

А Вязигину казалось, что теперь онъ могъ бы быть откровеннѣе съ Павлой, завязать съ ней разговоръ серьезнѣе. Но оба вяло говорили о предметахъ, никого изъ нихъ не интересовавшихъ, и какъ будто боялись другъ друга.

Вязигинъ вернулся къ своему гудку и сталъ объяснять, почему интересно возстановить древній народный инструментъ.

— Тутъ самобытность, элементъ непосредственной народной культуры, вотъ что̀ важно. Вы представьте себѣ, что этимъ инструментомъ пользовались люди, не видавшіе въ глаза ни скрипки, ни віолончели, никогда не слыхавшіе композиторской музыки,— объяснялъ онъ. Но Павла плохо его понимала.

— Потому этотъ вашъ гудокъ и былъ для нихъ хорошъ,— возражала она. — А когда у насъ есть инструменты гораздо лучше, то какой смыслъ играть на какой-то балалайкѣ?

— А вотъ играютъ же теперь на балалайкѣ, и еще какой фуроръ производитъ,—доказывалъ Вязигинъ.

— Ну, это мода такая явилась, оттого и нравится,—стояла на своемъ Павла.

— Мода!—подхватилъ съ оживленіемъ Вязигинъ.—А развѣ это пустяки—мода? Это силища, вотъ что̀ это такое. Что̀ мы разумѣемъ подъ этимъ словомъ? Общее, стихійное, неодолимое стремленіе въ какую-нибудь сторону. Это и есть главное. Понять, уловить такое стремленіе, умѣть отвѣтить на него—вотъ вся тайна успѣха на какомъ угодно поприщѣ.

Digitized by Google

— Успѣхъ, это другое дѣло, объ этомъ я не спорю,—сказала Павла.—Но все-таки это вздоръ, совсѣмъ ничего.

— То-есть, какъ же ничего, если всѣ въ восторгѣ?—возразилъ Вязигинъ.

— И все-таки, въ музыкѣ, въ искусствѣ, это совсѣмъ ничего. Балалайки, гудки—одна глупость.

— Да, если смотрѣть серьезно, можетъ-быть вы правы. Но куда же тамъ забираться въ чистое искусство! По-моему, былъ бы успѣхъ, вотъ и все. А какъ онъ достигнутъ, это ужъ пусть разбираютъ, кому хочется. Вы несогласны съ такимъ взглядомъ?

Павла нерѣшительно взглянула на него своими добрыми глазами.

— Право, не знаю, какъ вамъ сказать,—отвѣтила она.—Это вопросъ личный. Для васъ, напримѣръ, я вообще желала бы всякаго успѣха, во всемъ, потому что вы нашъ хорошій знакомый, и очень милый.

Вязигинъ поблагодарилъ, улыбаясь.

— А я къ вашему желанію присоединяюсь,—сказалъ онъ.—И тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно, непремѣнно нужно успѣть въ нѣкоторыхъ моихъ планахъ... И не для себя только нужно.

Въ его глазахъ опять появилось усиленное поблескиванье. Павла это чувствовала, хотя не смотрѣла на него.

— До сихъ поръ я довольно туго подвигался въ своей карьерѣ, такъ что являлась опасность окончательно затеряться среди человѣческой мелочи,—продолжалъ Вязигинъ.—Но пора серьезно подумать о себѣ. „Годы уходятъ, все лучшіе годы“... Незамѣтно и старикомъ можно сдѣлаться.

— Ну, вамъ еще далеко до этого,—возразила Павла.—Я, впрочемъ, не знаю, сколько вамъ лѣтъ. Тридцать будетъ?

— Тридцать-первый, Павла Степановна, тридцать-первый,—отвѣтилъ Вязигинъ. — Самая настоящая пора, чтобъ благоустроиться прочнымъ образомъ, порѣшить всѣ жизненные вопросы, и плыть на всѣхъ парусахъ по открытому морю. Представьте себѣ, что я начинаю серьезно объ этомъ подумывать.

Павла взглянула на него бокомъ, исподтишка, въ нѣкоторомъ пугливомъ недоумѣніи передъ его загадочными словами. И такое же загадочное выраженіе его лица смутило ее еще болѣе.

— Какая самоувѣренность: рѣшить всѣ жизненные вопросы! —сказала она съ напряженной улыбкой.

— Свои, свои личные жизненные вопросы, а не въ философскомъ смыслѣ,—пояснилъ Вязигинъ.—Это каждый человѣкъ долженъ самъ рѣшить, самъ очертить свой жизненный кругъ.

Digitized by Google

— И вы рѣшили? очертили?—съ тѣмъ же напряженіемъ спросила Павла.

Онъ посмотрѣлъ на нее весело играющимъ взглядомъ.

— Насколько зависитъ отъ меня—да,—отвѣтилъ онъ.

Ему хотѣлось прибавить: „Я рѣшилъ не за себя только, но и за тебя, и ты войдешь въ этотъ очерченный мною жизненный кругъ“... Но это были бы слишкомъ опредѣленныя, отвѣтственныя слова. Зачѣмъ произносить ихъ сегодня, когда скоро ихъ скажетъ сама судьба?

По ея разросшемуся смущенію онъ видѣлъ, что она поняла его. Этого довольно, дальше онъ не сдѣлаетъ ни шагу.

И онъ осторожно, незамѣтнымъ образомъ перевелъ разговоръ на предметы, казавшіеся ему болѣе безопасными. Только продолжавшееся ласковое и веселое поблескиванье его глазъ какъ бы подкрѣпляло догадку Павлы.

„Ужъ не было ли у Стрѣлецкаго разговора съ нимъ на мой счетъ“?—думала она, еще болѣе смущаясь и внутренно вся настороживаясь.—„И почему онъ не выскажется прямо? Развѣ онъ не увѣренъ во мнѣ, не знаетъ, что я“...

Но она даже въ мысляхъ своихъ не досказала этой фразы.

XV.

Все то, что Вязигинъ слышалъ о m-me Галатской, представляло для него извѣстный интересъ. Онъ вообще не былъ нечувствителенъ ко всякому богатству. Капиталъ оживляетъ все окружающее, даетъ движеніе труду и способностямъ. Провинціальная барынька, можетъ-быть еще не рѣшившая, какъ устроить себя и свои деньги, очевидно, не имѣла подлѣ себя въ Петербургѣ ни одного надежнаго дѣлового лица. Она сама говорила, что ей нуженъ адвокатъ. Вязигинъ могъ бы ей порекомендовать кого-нибудь, и пріобрѣсть такимъ образомъ признательность полезнаго человѣка. Да и самъ онъ, хотя не адвокатъ, но юристъ, и довольно свѣдущъ въ дѣлахъ. Это можно выставить ей на видъ, и если она пожелаетъ пользоваться его услугами, то такого рода частное дѣло отлично дополнитъ его казенное жалованье и литературный гонораръ. Наконецъ, во всякомъ случаѣ нельзя уклоняться отъ знакомства съ богатымъ и пріятнымъ домомъ, если имѣется къ тому случай. Стрѣлецкому хорошо аристократничать и дѣлать пренебрежительныя гримасы; но онъ, Вязигинъ, долженъ пробивать себѣ дорогу и создавать положеніе.

Digitized by Google

По этимъ соображеніямъ, Сергѣй Павловичъ посѣтилъ черезъ нѣсколько дней m-me Галатскую.

Его приняли какъ нельзя любезнѣе. Раиса Ивановна вышла къ нему сіяющая, великолѣпно причесанная, въ свѣтломъ корсажѣ съ глубокимъ вырѣзомъ напереди и высокимъ воротомъ сзади. Въ ушахъ и на пальцахъ у нея сверкали брилліанты: очевидно, она никогда съ ними не разставалась.

— Очень мило, что вы зашли: я здѣсь безобразно скучаю, въ вашемъ Петербургѣ,—сказала она, опускаясь на диванчикъ.— Но это, конечно, только на первыхъ порахъ, пока у меня нѣтъ знакомыхъ. Въ сущности же, мнѣ здѣсь нравится. Я успѣла побывать во всѣхъ театрахъ, каталась за городомъ, ужинала въ ресторанѣ... кажется, довольно для перваго начала, не правда ли?

И она разсмѣялась, при чемъ въ разрѣзѣ ея крупныхъ губъ сверкнули бѣлые, крѣпкіе, плотоядные зубы.

Черезъ минуту она вспомнила о своихъ племянницахъ.

— Что подѣлываютъ мои телефонныя барышни?— спросила она.—Давно ли ихъ видѣли?

— Вы называете ихъ телефонными барышнями?—озадаченнымъ тономъ переспросилъ Вязигинъ.

— А развѣ онѣ не напоминаютъ что-то въ такомъ родѣ? Онѣ всѣ гдѣ-то служатъ или что-то дѣлаютъ... Это очень мило, впрочемъ, и сами онѣ премилыя,—продолжала Раиса Ивановна. —На дняхъ онѣ всѣ у меня были, и я, кажется, порядкомъ удивила ихъ. Воображаю, какимъ тономъ онѣ вамъ разсказывали, какъ я угощала ихъ шампанскимъ.

Вязигинъ, котораго никогда нельзя было застать врасплохъ, проговорилъ серьезнымъ тономъ:

— Въ первый разъ слышу.

— Неужели онѣ вамъ не разсказывали? А у нихъ былъ такой видъ, что я думала, мое шампанское произвело на нихъ потрясающее дѣйствіе,—продолжала m-me Галатская.—Знаете, у насъ въ провинціи барышни держатъ себя гораздо свободнѣе. Тамъ онѣ на пикники ѣздятъ, и въ шампанскомъ знаютъ толкъ не хуже меня.

— „Тѣмъ хуже для нихъ“,— подумалъ Вязигинъ, и произнесъ съ нѣкоторою серьезностью:

— Мамыкины—святыя. Да имъ и некогда было бы на пикники ѣздить, онѣ всѣ трудятся, зарабатываютъ. Даже Шуша даетъ какіе-то уроки.

— Что жъ онѣ могутъ заработать? всѣ вмѣстѣ сто рублей въ мѣсяцъ? Стоитъ стараться!—возразила Галатская.—Имъ надо

Digitized by Google

замужъ выйти, это—другое дѣло. Людмилѣ уже двадцать-одинъ годъ? Красивая дѣвочка, могла бы устроиться. Но ей Стрѣлецкій мѣшаетъ... Разумѣется, мѣшаетъ, это ясно. Хуже всего такія ни къ чему не ведущія отношенія. Жениться онъ на ней никогда не женится, а сбивать съ толку тоже не станетъ, опекунская совѣсть не позволитъ. Впрочемъ, это иногда совсѣмъ нечаянно случается...

— Людмила Степановна не такая,—замѣтилъ еще серьезнѣе Вязигинъ.—Она въ высшей степени благоразумная дѣвушка.

— Вѣрю, увѣрена. Но что же у нея впереди? Черезъ пять лѣтъ дурнѣть станетъ, а черезъ десять отъ прежней красоты слѣдовъ не останется. Такъ и закостенѣетъ телефонной барышней. Нѣтъ, это безсмысленно, я за нее сама возьмусь,—продолжала, оживляясь, Раиса Ивановна.—У меня составится кружокъ знакомыхъ, будутъ вечера, обѣды, я ее сосватаю за кого-нибудь. Вотъ увидите, я ее устрою. Лучше всего было бы, еслибъ она совсѣмъ перебралась жить ко мнѣ. Я ее всюду брала бы съ собою, она увидѣла бы свѣтъ...

— Никогда она на это не согласится!—возразилъ убѣжденно Вязигинъ.—Во-первыхъ, у нея на рукахъ младшія сестры; а во-вторыхъ, это совершенно не отвѣчаетъ ея наклонностямъ.

— Полноте пожалуйста!—воскликнула со смѣхомъ Галатская. —Развѣ красивыя дѣвушки родятся съ наклонностями къ телефонной службѣ?... Ну, виновата, не къ телефонной, а къ какой-то другой, это все равно. Просто, она пока не позволяла себѣ мечтать ни о чемъ, не вошла во вкусъ. Въ ней еще не разбужены ни темпераментъ, ни воображеніе. А посмотритъ, приглядится, и отлично пойметъ жизнь... Что вы такіе глаза на меня дѣлаете? Не бойтесь, я вовсе не собираюсь сдѣлаться ея демономъ-искусителемъ. Дурного она ничего у меня не увидитъ. Я хочу выдать ее замужъ, законнѣйшимъ образомъ. Съ ея наружностью и другими достоинствами, это будетъ не трудно. И я не только возьмусь за это, но даже сдѣлаю васъ своимъ союзникомъ...

XVI.

Глаза и все лицо Вязигина выражали если не удивленіе, то возбужденный интересъ. Онъ былъ всецѣло настроенъ противъ идеи Раисы Ивановны, но ему нравились увлекающаяся подвижность, простота и увѣренность, съ какими она къ этой идеѣ относилась. Во всемъ этомъ онъ различалъ присутствіе свѣжаго,

Digitized by Google

практическаго ума, понимавшаго житейскія вещи сразу, съ перваго взгляда со стороны. И пожалуй, была своего рода правда въ томъ, какъ она оцѣняла положеніе Людмилы. Дѣйствительно, Стрѣлецкій ей мѣшалъ, какъ мѣшало вообще все въ ея обстановкѣ. Возраженіе противъ плановъ Галатской могло исходить только изъ недовѣрія, внушаемаго ея собственной личностью. Такая барыня могла сорвать дѣвушку съ мѣста, разбудить въ ней, какъ она выражалась, темпераментъ и воображеніе, привить ей инстинкты паразитнаго хищничества, вымотать душу, и потомъ, мало-по-малу, забыть о своихъ планахъ и начать смотрѣть на Людмилу какъ на обыкновенную приживалку. Въ сущности, это и будетъ съ самаго начала приживальство, плохо прикрытое какимъ-то троюроднымъ родствомъ, и Людмила, съ ея чрезвычайно развитою нравственною щепетильностью, тотчасъ пойметъ это, и ни за что не согласится поставить себя въ такое положеніе.

— Какимъ образомъ я могъ бы сдѣлаться вашимъ союзникомъ?—спросилъ Вязигинъ.

— Очень просто: вы тамъ свой человѣкъ, вамъ довѣряютъ, и если вы войдете въ мои планы, выгодную сторону которыхъ не трудно понять, то ваши убѣжденія подѣйствуютъ на Людмилу, — отвѣтила Галатская.—А для нея, вы сами знаете, другого такого случая устроить свою судьбу не представится. Не скрою, мнѣ самой будетъ очень удобно имѣть въ домѣ такую прелестную племянницу, съ которой я могла бы всюду выѣзжать. Но для нея это прямо выходъ изъ положенія, ничего не обѣщающаго въ будущемъ. Наконецъ, у меня большія средства, я и въ этомъ отношеніи была бы ей полезна!

При словахъ: „большія средства“—Вязигинъ какъ-то особенно проницательно взглянулъ на Раису Ивановну.

— Не отрицаю, ваша идея представляетъ много заманчиваго для бѣдной дѣвушки, но насколько я знаю Людмилу Степановну, я думаю, что она не согласится,—отвѣтилъ онъ.

— Почему? — спросила нѣсколько задорнымъ тономъ Галатская.

— Потому что все это до крайности противорѣчитъ ея теперешнимъ условіямъ, — пояснилъ Вязигинъ. — Это значило бы отказаться отъ всего, съ чѣмъ она сжилась. И прежде всего, какъ я уже говорилъ, она не рѣшилась бы бросить своихъ сестеръ.

Галатская, въ свою очередь, взглянула на него очень пытливо, потомъ нѣсколько разъ поправила свои многочисленныя кольца на пальцахъ.

Digitized by Google

— Вы все говорите о сестрахъ; но вѣдь Павлу нельзя считать у нея на рукахъ: она невѣста, или почти невѣста...—промолвила она, и ея крупныя губы улыбнулись.

Вязигинъ чуть не вздрогнулъ, и въ первый разъ въ жизни растерялся.

— Павла... Павла Степановна?—повторилъ онъ.

Раиса Ивановна сжала губы, какъ бы удерживая смѣхъ, причемъ выпуклыя ноздри ея еще болѣе надулись, и наконецъ она откинулась туго затянутымъ въ корсетъ корпусомъ на спинку дивана и захохотала.

— Мы играемъ въ прятки, мосьё Вязигинъ? — проговорила она весело.—Перестаньте, отъ меня вамъ не спрятаться. Достаточно видѣть васъ тамъ одинъ разъ, чтобы все стало ясно. Вы осторожны, но у женщинъ есть инстинктъ.

Вязигинъ успѣлъ оправиться, и отвѣтилъ совершенно серьезно:

— Даю вамъ слово, что между мной и Павлой Степановной никогда не заходилъ разговоръ объ этомъ. Я тамъ давнишній, хорошій знакомый, и чрезвычайно люблю все это милое семейство, но это не даетъ повода къ такимъ увѣреннымъ заключеніямъ...

Раиса Ивановна, не мѣняя положенія, продолжала смотрѣть на Вязигина упорнымъ, смѣющимся, почти насмѣхающимся взглядомъ. Этотъ взглядъ и смущалъ, и оскорблялъ, и бѣсилъ Вязигина.

— Ну, какъ хотите,—сказала она наконецъ.—Если желаете таиться, не буду настаивать. Но я готова была радоваться за судьбу Павлы. Она премилая дѣвушка, у нея характеръ замѣчательный. Я ихъ всѣхъ, впрочемъ, полюбила съ перваго раза. И я настолько заботливая тетушка, что уже подумываю о ея приданомъ. Да, я была рада за нее. Хотя, съ другой стороны, меня немножко удивляло... Впрочемъ, вѣдь это все мои фантазіи.

— Что же именно васъ удивляло?—спросилъ Вязигинъ.

— Не все ли равно, разъ что я заблуждалась?—уклонилась отъ отвѣта Раиса Ивановна.

Но любопытство Вязигина было сильно задѣто. Онъ настаивалъ, добивался. Галатская опять посмотрѣла на него продолжительнымъ, словно насмѣхающимся взглядомъ, и наконецъ объяснила:

— Мнѣ показалось удивительнымъ, что вы сдѣлали такой серьезный, страшно серьезный выборъ. Все на внутреннихъ достоинствахъ... Это великолѣпно, но это больше подходило бы старику, думающему только о томъ, чтобъ ему не налѣпили ро-

Digitized by Google

говъ и не слишкомъ бы его тормашили... А вы... мнѣ казалось, —вы изъ тѣхъ молодыхъ людей, которые знаютъ себѣ цѣну.

XVII.

Чувство непріятнаго смущенія снова овладѣло Вязигинымъ. Ему точно поставили дурной баллъ за работу, въ которой онъ самъ былъ не очень увѣренъ, и при этомъ объяснили, что отъ него ждали чего-нибудь получше. И за Павлу онъ тоже былъ обиженъ. Эта оцѣнка нестѣсняющейся провинціальной барыни, давно уже размотавшей свои и внутреннія, и наружныя достоинства, казалась ему циничеcкой безтактностью.

Но Раиса Ивановна не дала ему остановиться на этомъ непріятномъ впечатлѣніи. Словно угадывая, что надо дать его мыслямъ совсѣмъ другое направленіе, она быстро перемѣнила разговоръ, стала толковать о своихъ дѣлахъ, о разводѣ, о мужѣ, о безпорядкѣ, который будто бы по его винѣ спуталъ ея огромное состояніе, и съ не допускающей отказа любезностью оставила Вязигина обѣдать.

Вязигинъ понемногу оживился, а свѣдѣніями о дѣлахъ очень заинтересовался. Богатства Раисы Ивановны заключались въ имѣніяхъ и капиталахъ. Первыя приносили меньше, чѣмъ могли, потому что управлялись плохо, и самое главное изъ нихъ было заложено. Деньги лежали частью въ довольно рискованныхъ бумагахъ. Вязигину сразу представилось, какъ бы это слѣдовало распутать, перемѣстить и благоустроить. „Я бы могъ поднять ея доходы въ полтора раза“, подумалъ онъ, и тутъ же рѣшилъ, что никакого адвоката онъ ей не порекомендуетъ, а устроитъ такъ, чтобъ она обратилась къ нему съ предложеніемъ лично заняться ея дѣлами.

И это дѣйствительно устроилось, и даже скорѣе и легче, чѣмъ онъ самъ предполагалъ. Тутъ же, за обѣдомъ, Галатская заговорила опять о необходимости найти адвоката. Вязигинъ отвѣтилъ, что хорошихъ адвокатовъ въ Петербургѣ много, но что, по его мнѣнію, ей нуженъ не адвокатъ, а честный и дѣльный юристъ, болѣе знакомый съ административными и биржевыми дѣлами, чѣмъ съ судебными. Раиса Ивановна тотчасъ съ этимъ согласилась, и сейчасъ же перевела рѣчь прямо на него, стала разспрашивать о его службѣ и занятіяхъ. Вязигинъ отвѣчалъ такимъ образомъ, что его занятія и познанія оказывались какъ разъ подходящими для искомаго лица, и при этомъ очень

Digitized by Google

ловко, вскользь, но авторитетнымъ тономъ высказалъ нѣкоторыя свои предположенія относительно выгоднѣйшаго устройства дѣлъ Галатской. Предположенія казались дѣльными и практичными. Раиса Ивановна, уже подготовленная почти незамѣтно для себя самой, кончила вопросомъ, не возьмется ли онъ самъ заняться ея дѣлами? Вязигинъ и здѣсь отвѣтилъ очень ловко, не отказываясь и не соглашаясь, но выражая искреннѣйшую готовность быть полезнымъ ей по мѣрѣ силъ. Тогда Раиса Ивановна сама стала настаивать, чтобъ онъ формально принялъ на себя обязанности ея повѣреннаго. Въ четверть часа все было устроено, опредѣлена сумма вознагражденія—и рѣшено завтра же сойтись у нотаріуса для выдачи довѣренности.

Покончивъ съ этимъ тяготившимъ ее дѣломъ, Раиса Ивановна оживилась, потребовала шампанскаго и сдѣлалась необычайно разговорчива. Прекрасный обѣдъ, произведеніе только-что нанятаго ею за хорошія деньги повара, возбуждалъ жажду. Стаканчики опорожнялись и наполнялись, за первою бутылкой послѣдовала вторая, потомъ подали ликеры. Раиса Ивановна раскраснѣлась, чему способствовалъ и ея туго стянутый корсетъ, пудра на ея лицѣ собралась пятнами, съ густо подведенныхъ карандашикомъ рѣсницъ осыпались черныя порошинки; все это не возвышало ея сомнительной красоты, но Вязигинъ болѣе расположенъ былъ видѣть въ ней крупную кліентку, чѣмъ женщину. Неожиданно быстро устроенное дѣло приводило его въ отличное расположеніе духа. Разговоръ оживленно продолжался, принявъ подъ конецъ довольно скабрёзный характеръ. Это не удивляло и не стѣсняло Вязигина—онъ уже хорошо зналъ свою собесѣдницу и находилъ, что иначе и быть не могло, и что надо держаться такого же тона.

XVIII.

Вязигинъ былъ хорошій работникъ; записка, составленіе которой поручилъ ему директоръ, черезъ недѣлю уже была готова. Она вполнѣ удовлетворяла его: вопросъ обсуждался толково и, какъ требовалъ предметъ, достаточно литературно. Въ видѣ вступленія, предпосланъ былъ историческій очеркъ, очень искусно выкраденный изъ одного мало извѣстнаго сочиненія: Вязигинъ не вполнѣ довѣрялъ учености Бахарина, и не сомнѣвался, что его плагіатъ не будетъ замѣченъ. Далѣе, ряды цифръ, таблицы и справки пріятно освѣжались собственными разсу-

Digitized by Google

жденіями и сопоставленіями автора, которымъ приданъ былъ живой, почти газетный характеръ. Эта несвойственная канцелярской работѣ живость сейчасъ же, впрочемъ, уравновѣшивалась новыми рядами цифръ или фактическихъ данныхъ, извлеченныхъ изъ оффиціальнаго матеріала, а затѣмъ опять слѣдовали какія-нибудь литературныя украшенія въ выдержанномъ академическомъ тонѣ. Вязигинъ, во время работы перечитывая эти литературныя страницы, немножко ухмылялся подъ усами, представляя себѣ, какое впечатлѣніе онѣ должны произвести на тѣхъ, для кого предназначались. Но всего болѣе онъ былъ доволенъ постановкой основного взгляда. Этотъ взглядъ красною нитью проходилъ по всей запискѣ, сообщая ей отпечатокъ чего-то высшаго. Самыя лучшія украшенія были обильно разсѣяны именно въ тѣхъ частяхъ работы, гдѣ систематически развивался и уяснялся основный взглядъ. И все это было приведено въ связь съ исторической и національной идеей, и окрашено нѣкоторымъ воодушевленіемъ, именно настолько, насколько позволилъ и даже требовалъ самый предметъ. Словомъ, это была не канцелярская записка, а монографія, щеголевато завернутая въ просвѣщенную оффиціальность. Она напоминала очень свѣтскаго чиновника, на которомъ вицмундиръ сидитъ еще элегантнѣе фрака.

Согласно уговору съ Бахаринымъ, Вязигинъ уложилъ свою работу въ портфель и поѣхалъ къ нему въ девять часовъ вечера. Артамонъ Яковлевичъ былъ дома и принялъ Вязигина въ своемъ обширномъ кабинетѣ, уставленномъ громадными книжными шкафами. Этотъ кабинетъ бюрократа походилъ бы скорѣе на святилище ученаго, если бы не торчавшія на самыхъ видныхъ мѣстахъ этажерки со „Сводомъ Законовъ“ и еще какими-то изданіями очень казеннаго вида. Въ сущности, это соотвѣтствовало самому Бахарину, который тоже походилъ бы на ученаго, еслибъ изъ каждой складки его домашняго пиджака не торчалъ коренной петербургскій сановникъ.

Онъ принялъ Вязигина съ крайнею любезностью, усадилъ его въ обитое сафьяномъ кресло и, позвонивъ, приказалъ подать чай.

— Разучиваете что-нибудь новенькое для вашего гудка? — полюбопытствовалъ онъ.

Вязигинъ отвѣтилъ, что занятъ былъ докладомъ по порученному ему дѣлу, и не имѣлъ времени продолжать интересующіе его розыски древнихъ русскихъ мотивовъ.

— Записка ваша, повидимому, готова? Вотъ и прекрасно, вы прочтете вслухъ существенныя мѣста, это облегчитъ мнѣ

Digitized by Google

трудъ познакомиться съ ея содержаніемъ, — предложилъ Бахаринъ.

Вязигинъ вынулъ изъ портфеля рукопись, придвинулся къ столу и началъ чтеніе. Читалъ онъ очень хорошо, съ оттѣнками, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже съ одушевленіемъ. Бахаринъ слушалъ съ возрастающимъ вниманіемъ, кивалъ головой, распускалъ и собиралъ свои сочныя губы, и все чаще повторялъ: „прекрасно! совершенно согласенъ! именно такъ"! Когда чтеніе кончилось, онъ даже откинулся въ своемъ креслѣ и минуты двѣ молча, съ благосклонностью, доходящею до восторга, смотрѣлъ на молодого чиновника.

— Превосходно! превосходно составлено! Это не докладъ, а интереснѣйшая монографія,—произнесъ онъ, наконецъ, и затѣмъ, снова повернувшись къ Вязигину и даже протянувъ по направленію къ нему руку, какъ бы желая мысленно соединиться съ нимъ, добавилъ:—Вы давно уже служите по вѣдомству Алексѣя Семеновича? У васъ какая часть?

Вязигинъ отвѣтилъ, что служитъ уже девятый годъ, что прямыя обязанности его не представляютъ, къ сожалѣнію, ничего интереснаго, и что это дѣло поручено ему, вѣроятно, совершенно случайно.

— Удивляюсь, удивляюсь,—сказалъ Бахаринъ.—Еслибы чиновникъ съ вашими способностями служилъ у меня, я давно предоставилъ бы ему болѣе серьезныя занятія, выдвинулъ бы его впередъ. Право, меня удивляетъ это. Алексѣй Семеновичъ знаетъ васъ лично?

— Очень мало, только по службѣ,—отвѣтилъ Вязигинъ.

— Вы, вѣроятно, очень скромны, не стараетесь напомнить о себѣ,—продолжалъ Бахаринъ.—Но мнѣ придется говорить съ Алексѣемъ Семеновичемъ по поводу вашей записки, и я ему прямо скажу, что онъ, должно быть, не знаетъ, какой у него есть чиновникъ. Я за удовольствіе сочту обратить на васъ его вниманіе.

Вязигинъ признательно поклонился и отвѣтилъ, что для него, человѣка безъ всякой протекціи, рекомендація Артамона Яковлевича будетъ имѣть громадное значеніе.

— Помилуйте, какая тамъ протекція! Ваши способности—вотъ ваша протекція!—горячо подхватилъ Бахаринъ.—Но дѣло дѣломъ, — сейчасъ же перемѣнилъ онъ тонъ: — а гудокъ вашъ чрезвычайно меня интересуетъ. Новенькаго, вы говорите, ничего еще не подыскали? Надо бы показать кое-кому ваше изобрѣтеніе. Я подумаю, что бы такое устроить...

Digitized by Google

Вязигинъ снова благодарилъ, сдержанно и скромно, какъ человѣкъ, который не навязывается на вниманіе, но умѣетъ цѣнить его. А въ душѣ у него расцвѣталъ рай...

XIX.

Раиса Ивановна была очень довольна, что поручила свои дѣла Вязигину. Съ нимъ пріятно было говорить о самыхъ скучныхъ вещахъ. Всѣ разсчеты, всю черновую работу онъ дѣлалъ дома, а къ ней являлся только сообщить о ходѣ дѣла и узнать ея мнѣніе о какой-нибудь имъ же придуманной мѣрѣ. Нельзя было лучше совмѣстить въ своемъ лицѣ повѣреннаго и хорошаго знакомаго. Раиса Ивановна всегда удерживала его, оставляла обѣдать или посидѣть вечеромъ. Съ нимъ было легко болтать, въ его разговорѣ всегда было много остроумной находчивости. Онъ казался ей чрезвычайно умнымъ человѣкомъ, который пока какъ-то затерялся въ Петербургѣ, но долженъ непремѣнно далеко пойти.

Барышни Мамыкины раза два были у тетушки, и при Вязигинѣ гораздо меньше удивлялись и пугались; даже шампанское не казалось имъ такъ страшно, когда тутъ же за столомъ сидѣлъ Сергѣй Павловичъ. Стрѣлецкій не пріѣхалъ къ Галатской, и та отзывалась о немъ иронически. По части знакомствъ вообще какъ-то не ладилось, „свой кружокъ“ не составлялся. Раиса Ивановна приписывала это своему неопредѣленному положенію жены безъ мужа.

— Вашъ Петербургъ блудливъ какъ кошка, трусливъ какъ заяцъ и лицемѣренъ какъ старая дѣва, — выражалась она; — я начинаю бояться, что въ концѣ концовъ мнѣ здѣсь покажется скучно. Право, тутъ всѣ немножко смахиваютъ на барышенъ Мамыкиныхъ.

Вязигинъ улыбался и совѣтовалъ вооружиться терпѣніемъ.

— Подождите, васъ еще никто не знаетъ здѣсь,—говорилъ онъ. — Петербургъ большой формалистъ, но, какъ всѣ формалисты, легко удовлетворяется пустяками. Кто вамъ мѣшаетъ, напримѣръ, показываться съ вашимъ мужемъ, пока онъ здѣсь и пока разводъ не конченъ?

— Показываться съ мужемъ? Мегсі, для этого мнѣ не стоило переѣзжать сюда,—возразила Раиса Ивановна.—Гораздо остроумнѣе было бы начать выѣзжать съ нимъ послѣ того, какъ со-

Digitized by Google

стоится разводъ. По крайней мѣрѣ, такой штуки еще никто не дѣлалъ.

Разговоръ относительно Людмилы долго между ними не возобновлялся, но однажды Раиса Ивановна сказала Вязигину:

— Вы не хотите помочь мнѣ.

— Какимъ образомъ? въ чемъ?—спросилъ Вязигинъ.

— Вы не торопитесь съ вашей свадьбой. Пока вы не женились на Павлѣ, я не могу завладѣть Людмилой, — объяснила Галатская.—А она мнѣ необходима, я не могу безъ нея устроиться.

Вязигинъ былъ непріятно смущенъ такимъ неожиданнымъ нападеніемъ, но постарался улыбнуться.

— Вы рѣшили непремѣнно женить меня на Павлѣ Степановнѣ?—отозвался онъ.—Но согласитесь, что отъ меня вы никогда не слыхали о такихъ моихъ намѣреніяхъ.

— Не будете же вы отрицать, что у васъ есть виды,—возразила какъ бы досадливымъ тономъ Раиса Ивановна.

— Ахъ, виды! — протянулъ Вязигинъ. — Что значитъ имѣть виды? У меня, напримѣръ, есть виды получить повышеніе по службѣ, но я не знаю...

— Кстати,—вспомнила Галатская: — вѣдь и я тоже ничего не знаю о вашемъ служебномъ положеніи. Вы мнѣ никогда ничего не разсказываете о себѣ. Гдѣ вы служите, какой у васъ чинъ?

Вязигинъ, очень довольный, что разговоръ перешелъ на другой предметъ, поспѣшилъ удовлетворить ея любопытству. Но онъ ошибался: Раиса Ивановна хотѣла высказаться до конца.

— Все это очень хорошо, но мало денегъ, вотъ что скверно, —замѣтила она.—Допустимъ, что васъ должны, наконецъ, оцѣнить, повысить; предположимъ, что въ короткое время васъ сдѣлаютъ — ну, хотя бы вице-директоромъ; это вѣдь карьера, не правда ли?

— Да, конечно...

— И сколько же вы тогда будете получать? четыре, пять тысячъ? Но вѣдь это сущіе пустяки. Какимъ образомъ жить въ Петербургѣ съ семьей на пять тысячъ? Это значитъ имѣть горничную за лакея, кухарку за повара, покупать шляпки и матеріи въ Гостиномъ Дворѣ, брать съ биржи карету съ нумеромъ... Павла, конечно, будетъ довольна всѣмъ этимъ. Ну да, вы правы, вамъ надо жениться именно на такой дѣвушкѣ, какъ Павла. Она не только не избалована, но все отзывающее роскошью прямо пугаетъ ее. На первое время у нея всего будетъ

Digitized by Google

достаточно, такъ что не придется бѣгать въ Гостиный Дворъ; объ этомъ я позабочусь. И, кромѣ того, про черный день, маленькій семейный капиталъ—тысячъ пять. При ея характерѣ, это больше, чѣмъ за другой женой взять пятьдесятъ тысячъ.

Вязигину было не по себѣ; онъ совсѣмъ не хотѣлъ говорить о женитьбѣ, какъ о дѣлѣ рѣшенномъ. На лицѣ его появилась напряженная улыбка.

— Какая вы отличная сваха!—проговорилъ онъ съ маленькимъ смѣхомъ.

Раиса Ивановна внимательно посмотрѣла на него.

— Возможно, впрочемъ, что я васъ не понимаю,—сказала она.—Разумѣется, спѣшить вамъ не зачѣмъ. Павла не уйдетъ, жениховъ у нея нѣтъ. Но бѣдная дѣвушка, кажется, по уши влюблена въ васъ...

— Ваша проницательность на этотъ разъ, вѣроятно, васъ обманываетъ,—возразилъ Вязигинъ.

Галатская продолжала смотрѣть на него пристальнымъ и уже не насмѣхающимся, а скорѣе задумчивымъ взглядомъ. Этотъ взглядъ смущалъ Сергѣя Павловича; ему казалось, что Раиса Ивановна читаетъ въ его душѣ яснѣе, чѣмъ онъ самъ.

— Да, очень можетъ быть, что я васъ не понимаю, — повторила она.—Какъ у всякаго умнаго человѣка, у васъ должно быть чувство перспективы. Павла очень милая дѣвушка, но вѣдь она—телефонная барышня, и больше ничего.

И Галатская засмѣялась маленькимъ, снисходительнымъ смѣхомъ, отъ котораго Сергѣя Павловича опять непріятно покоробило.

XX.

Департаментскій курьеръ, подойдя къ Вязигину и почтительно наклонясь надъ нимъ, сообщилъ, что директоръ приказалъ просить его.

— Здравствуйте, здравствуйте, Сергѣй Павловичъ!—встрѣтилъ его директоръ, крѣпко и продолжительно пожимая ему руку.—Присядьте, пожалуйста, мнѣ съ вами побесѣдовать надо...

Вязигинъ сѣлъ, сохраняя свой обычный при оффиціальныхъ разговорахъ безстрастно-вѣжливый видъ.

— Записка ваша обратила на себя особенное вниманіе господина министра, какъ образцовая работа,—продолжалъ директоръ. — Мнѣ, прежде всего, очень пріятно сообщить вамъ объ этомъ.

Digitized by Google

Вязигинъ поклонился.

— Артамонъ Яковлевичъ уже возвратилъ ее, съ самымъ лестнымъ отзывомъ и выраженіемъ полнаго согласія. У него былъ даже особый разговоръ по этому поводу съ его высокопревосходительствомъ, и оба отдали полную справедливость вашему прекрасному труду.

Вязигинъ опять поклонился.

— Можетъ быть, эта работа потому вышла удачной, что она интересовала меня болѣе, чѣмъ мои обычныя занятія въ департаментѣ, — сказалъ онъ. — То, что я дѣлаю по своей должности, одинаково могъ бы дѣлать всякій другой.

— Отчасти именно объ этомъ я и хотѣлъ побесѣдовать съ вами, — продолжалъ директоръ. — Совершенно согласенъ, ваша нынѣшняя должность не вполнѣ отвѣчаетъ вашимъ способностямъ. Это уже замѣчено Алексѣемъ Семеновичемъ, и я съ своей стороны какъ нельзя болѣе сочувствую такому мнѣнію. Мнѣ доставило истинное удовольствіе дать о васъ самый лестный отзывъ.

— Чрезвычайно признателенъ вашему превосходительству,— проговорилъ Вязигинъ.

Его лицо принимало все болѣе безстрастное выраженіе, по мѣрѣ того какъ разросталось въ немъ внутреннее волненіе.

— Такъ вотъ-съ, вы теперь знаете, что ваши способности и усердіе замѣчены, и слѣдовательно вознаградить ихъ будетъ только вопросомъ времени, — высказалъ директоръ, обласкивая молодого чиновника до приторности любезнымъ взглядомъ.

Вязигинъ чуть примѣтно покраснѣлъ. Слова директора совершенно разочаровывали его: онъ чувствовалъ въ нихъ намекъ на какую-нибудь запоздалую награду, которою хотѣли отъ него отдѣлаться. Но это значило бы очень дешево оцѣнить его права и совсѣмъ не оцѣнить благопріятнаго сочетанія условій, которое можетъ и не повториться въ близкомъ будущемъ.

Онъ опять поклонился, и проговорилъ съ невольно прорвавшеюся въ голосѣ напряженностью:

— Буду признателенъ за всякое вниманіе къ моимъ трудамъ, но позволяю себѣ высказать, что все мое служебное честолюбіе заключается въ желаніи получить наконецъ мѣсто, на которомъ мои скромныя способности могли бы быть вполнѣ примѣнены къ дѣлу.

Директоръ быстро взглянулъ на него; этотъ взглядъ оставался любезнымъ, но уже безъ приторности.

— О, это само собою, безъ сомнѣнія само собою,—прого-

Digitized by Google

ворилъ онъ торопливо.—Ваше желаніе совпадаетъ и съ интересами службы, которые требуютъ, чтобы мѣсто соотвѣтствовало способностямъ чиновника. Но вы знаете сами, что служебныя условія не чужды извѣстнаго формализма: тутъ и порядокъ чинопроизводства, и старшинство, и необходимость держаться линіи...

Волненіе Вязигина все больше накипало; онъ уже съ трудомъ сдерживалъ себя.

— Позволю себѣ обратить вниманіе вашего превосходительства на то, что я служу уже десятый годъ, и за это время много разъ нарушались къ моей невыгодѣ и порядокъ чинопроизводства, и линія...

Директоръ повернулся въ креслѣ съ выраженіемъ нетерпѣнія.

— Что дѣлать, все это въ рукахъ нашего общаго начальства, все отъ него исключительно зависитъ, — проговорилъ онъ съ возраставшею торопливостью. — Моя роль только въ засвидѣтельствованіи трудовъ и способностей моихъ сослуживцевъ. Исполненіе этого долга всегда было моимъ главнымъ удовольствіемъ.

Вязигинъ промолчалъ.—„Знаю я, съ какимъ удовольствіемъ ты исполняешь этотъ долгъ...“—думалъ онъ съ раздраженіемъ.

Директоръ, какъ бы внезапно что-то вспомнивъ, быстро обернулся къ нему.

— А знаете ли что? Вы попадаете въ очень удачный моментъ,—сказалъ онъ.—Сообщу вамъ по секрету, что у насъ въ департаментѣ предвидится вакансія начальника отдѣленія. Если начальству угодно будетъ обратиться ко мнѣ по вопросу о замѣщеніи, я сочту пріятнымъ долгомъ указать на васъ.

Вязигинъ опять слегка вспыхнулъ. Обѣщаніе вакансіи, хотя бы и въ такой уклончивой формѣ, кое-что значило. Но ему именно не хотѣлось получить повышеніе въ томъ же департаментѣ: это значило бы оставаться безъ движенія много лѣтъ, и зависѣть по прежнему все отъ того же директора, любезности котораго онъ рѣшительно не довѣрялъ, и котораго считалъ человѣкомъ двуличнымъ, готовымъ обойти кого угодно, чтобъ услужить вліятельному лицу.

— Въ настоящее время имѣется вакансія чиновника особыхъ порученій при министрѣ, въ томъ же классѣ, какъ и начальники отдѣленій, — сказалъ онъ. — Если позволите говорить откровенно, то я болѣе всего хотѣлъ бы занять эту должность. На ней я могъ бы заниматься именно такими дѣлами, какъ мой послѣдній докладъ.

Лицо директора сдѣлалось очень серьезно, губы пришли въ

Digitized by Google

такое движеніе, какъ будто ему мѣшало что-то завязнувшее въ зубахъ.

— Такая вакансія есть, вы правы,—проговорилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.—При докладѣ я доведу до свѣдѣнія о вашемъ желаніи. И будьте увѣрены въ моемъ лестномъ отзывѣ.

Рука директора протянулась черезъ столъ. Вязигинъ откланялся.

XXI.

Выходя изъ департамента, Вязигинъ взглянулъ на часы. Было какъ разъ такое время, когда Стрѣлецкій имѣлъ обыкновеніе заѣзжать къ сестрамъ Мамыкинымъ. Сергѣй Павловичъ хотѣлъ непремѣнно съ нимъ видѣться, и по нѣкоторымъ соображеніямъ предпочиталъ встрѣтиться съ нимъ именно у Мамыкиныхъ. Онъ поѣхалъ прямо туда.

Стрѣлецкій дѣйствительно сидѣлъ у сестрицъ и слушалъ, улыбаясь и жмуря свои зоркіе сѣрые глаза, ихъ ироническій разсказъ объ обѣдѣ у тетушки. При входѣ Вязигина онъ весело потрясъ ему руку и сказалъ:

— Вы что же это, ходатаемъ по бракоразводнымъ дѣламъ сдѣлались? великолѣпную тетушку съ мужемъ разводите? И притаились, ни слова мнѣ не сказали!

Вязигинъ улыбнулся и отвѣтилъ простодушнымъ тономъ:

— Что же дѣлать, мы люди маленькіе, нуждаемся въ заработкѣ. Только не по разводу, а вообще по ея дѣламъ я ей помогаю немножко. Она кліентка хорошая, не скупится. А намъ это пригодиться можетъ.

Стрѣлецкій лукаво подмигнулъ ему, но Вязигинъ сдѣлалъ видъ, что не замѣтилъ или не понялъ.

— У меня, впрочемъ, есть новость гораздо важнѣе,—заговорилъ онъ, садясь и обводя всѣхъ взглядомъ, какъ будто предупреждая, что новость имѣетъ общій интересъ.—Объясненіе съ директоромъ сейчасъ было, касающееся моего повышенія по службѣ.

— А-а!—протянулъ съ участіемъ Стрѣлецкій, и повернулся всѣмъ корпусомъ. Сестры тоже подвинулись ближе.

— Разговоръ начался съ того, что министръ остался чрезвычайно доволенъ моей запиской по одному серьезному дѣлу,—продолжалъ Вязигинъ. — Тутъ, впрочемъ, вашъ Бахаринъ оказалъ мнѣ большую услугу: именно онъ и обратилъ вниманіе министра. Ну, если довольны, значитъ является вопросъ о наградѣ.

Digitized by Google

Наученный опытомъ, я на этотъ разъ поступилъ довольно безцеремонно, и прямо указалъ на вакансію чиновника особыхъ порученій.

— Есть, есть такая вакансія, — сочувственно подтвердилъ Стрѣлецкій, всегда знавшій наперечетъ всѣ свободныя должностныя мѣста по всѣмъ вѣдомствамъ.—Послѣ князя Сѣцкаго, переведеннаго на мѣсто барона Фрорера. И что же вашъ директоръ?

Вязигинъ слегка пожалъ плечами.

— Да хорошо ужъ и то, что не отказалъ сразу, и обѣщалъ доложить министру, — отвѣтилъ онъ. — Но, откровенно говоря, если положиться на одного директора, шансовъ мало: онъ любитъ слукавить. Вотъ еслибы со стороны замолвили ему за меня, и прямо указали бы на это мѣсто...

— А прекрасно было бы получить вамъ это мѣсто: работы немного, жалованье приличное, ходы открыты, и никакого начальства, кромѣ министра и товарища, — замѣтилъ Стрѣлецкій.

— Помилуйте, еще бы не прекрасное мѣсто: я лучшаго и желать не могу, — оживленно отозвался Вязигинъ. — Еслибъ я получилъ его, то я считалъ бы свою карьеру сдѣланной. Это уже положеніе, и человѣкъ весь на виду. Тогда я могъ бы во всѣхъ отношеніяхъ устроиться.

Онъ, не подымая глазъ на сестеръ, видѣлъ, что онѣ быстро переглянулись, а Павла чуть-чуть покраснѣла. Стрѣлецкій смотрѣлъ на нихъ, и на губахъ его мелькала улыбка.

— Ахъ, еслибъ вамъ получить это мѣсто!—сказала искреннимъ тономъ Людмила.

— Игорь Васильичъ, вы попросите кого-нибудь,—вмѣшалась Шуша, пряча руки въ карманы форменнаго фартучка и покачиваясь на толстенькихъ ногахъ.

Вязигинъ, внутренно торжествуя, улыбался втихомолку. Онъ именно и разсчитывалъ, что сестры будутъ сами просить за него Стрѣлецкаго, и что во всемъ этомъ будетъ предполагаться связь съ его положеніемъ въ домѣ. Онъ не скажетъ ничего лишняго, но все само собою наведетъ Стрѣлецкаго на мысль, что служебное повышеніе необходимо для осуществленія его намѣреній.

— Для Сергѣя Павловича я больше чѣмъ для кого-нибудь всегда готовъ похлопотать,—сказалъ Стрѣлецкій. — Да это, вѣроятно, и не трудно. Министръ уже подготовленъ, надо только, чтобы кто-нибудь поговорилъ прямо насчетъ той вакансіи. Попрошу графа Геймбурга, онъ человѣкъ вліятельный... Батюшки, да о чемъ же я думаю?! Вѣдь я хорошъ съ товарищемъ вашего министра, а въ немъ вся сила. Сегодня же вечеромъ на раутѣ

Digitized by Google

у этого Геймбурга напою ему о васъ такихъ чудесъ, что онъ самъ заинтересуется. Онъ мнѣ не откажетъ, я знаю.

— Милочка, Игорь Васильичъ, вы постарайтесь! — воскликнула Шуша, привскакнувъ.

— Да, Игорь Васильичъ, вѣдь Сергѣй Павловичъ такой хорошій нашъ знакомый,—добавила и Павла,—и покраснѣла.

Стрѣлецкій посмотрѣлъ на нее и улыбнулся, и снова плутовато подмигнулъ Вязигину. Но Вязигинъ казался углубленнымъ въ свои мысли.

— За меня тутъ такіе милые ходатаи, что не стоитъ присоединять мои личныя просьбы,—проговорилъ, наконецъ, Сергѣй Павловичъ, и протянулъ Стрѣлецкому руку, которую тотъ дружески пожалъ.

— Ну, а гудокъ вашъ? Продолжаете имъ заниматься? — полюбопытствовалъ Стрѣлецкій.

— Мало времени было, но теперь я буду разучивать кое-что новенькое,—сообщилъ Вязигинъ.

— Отлично, отлично, и когда у меня соберутся, вы опять намъ что-нибудь сыграете, — заключилъ Стрѣлецкій.

XXII.

Бракоразводное дѣло Раисы Ивановны, наконецъ, благополучно окончилось. Вязигинъ первый зашелъ сообщить ей объ этомъ. Она громко вздохнула всей грудью, потомъ закрыла глаза руками, и отъ волненія съ минуту ничего не могла сказать. Когда она, наконецъ, отняла руки, на рѣсницахъ ея, къ удивленію Вязигина, блистали слезы.

— Васъ удивляетъ, что меня это такъ взволновало? — сказала она. — Я сама не понимаю, почему я такъ разнервничалась. Впрочемъ, какъ хотите, вѣдь это огромный шагъ. Положимъ, все было рѣшено, но вотъ подите же, чуть не расплакалась. Какъ-то страшно: одна полоса жизни отошла, начинается совсѣмъ другая. Вы, мужчины, не можете этого понять, вамъ одиночество не страшно.

— Одиночество при вашемъ положеніи, богатствѣ, молодости—это только независимость,—сказалъ Вязигинъ.

Раиса Ивановна обмахнула лицо платкомъ.

— Какая же молодость для женщины? Вѣдь я, вѣроятно, однихъ лѣтъ съ вами,—возразила она.

Digitized by Google

„А я полагаю, что ты годиковъ на пять постарше меня“,— подумалъ Вязигинъ, но сказалъ вслухъ:

— Вы, кажется, прикидываете себѣ для солидности... Во всякомъ случаѣ, есть тысячи женщинъ, которыя позавидовали бы вамъ.

— То-есть, моему состоянію? Очень можетъ быть, — досказала Галатская.

— И состоянію, и всему остальному.

— А именно?

— Молодости, какъ я сказалъ, независимости,—продолжалъ Вязигинъ: — да и кромѣ того...

— Напримѣръ?

— Если не сочтете это за комплиментъ, то я сказалъ бы: вашему уму, характеру, вашему знанію жизни, вашей наружности...

Вязигинъ не безъ затрудненія выговорилъ послѣднее слово: онъ вовсе не находилъ наружность Раисы Ивановны красивою. Но онъ подумалъ, что женщины никогда не рощутъ на преувеличенную оцѣнку ихъ достоинствъ, и потому рискнулъ.

Раиса Ивановна слегка даже вспыхнула, и бросила на него неувѣренный взглядъ.

— Ну, что теперь говорить о моей наружности,—сказала она.—Когда-нибудь что-то было, а теперь одни прощальные слѣды остались.

Вязигинъ, въ свою очередь, съ невольною внимательностью, взглянулъ на нее. Онъ, въ сущности, никогда раньше не давалъ себѣ отчета въ ея наружности. При первой встрѣчѣ она не показалась ему красивой, не заинтересовала его, и онъ потомъ не приглядывался къ ней. Теперь слова о ея прежней красотѣ расшевелили его вниманіе. Онъ, продолжая разговаривать, исподтишка всматривался въ нее. Красоты нѣтъ и, очевидно, никогда не было; но могла быть пикантная представительность, грубоватая смазливость. Слѣды той и другой несомнѣнно сохранялись. Въ фигурѣ до сихъ поръ замѣчалась упругая свѣжесть хорошо сложеннаго, здороваго тѣла. При этомъ—маленькія руки и ноги, красивая постановка головы, мягкій спускъ плечъ. Въ мало раздавшейся таліи еще чувствовалась гибкость. Черты лица не изящны, носъ съ выпуклыми ноздрями простонароднаго типа, но ничего отталкивающаго. Въ очеркѣ крупныхъ губъ много темперамента, и въ глазахъ тоже, особенно сегодня, когда, послѣ обсохшихъ слезъ, въ нихъ проступило что-то женственное, сердечное.

Digitized by Google

„Странно, что я никогда раньше не замѣчалъ этого; я смотрѣлъ на нее слишкомъ съ дѣловой стороны", — подумалъ Вязигинъ.

Женщины всегда чувствуютъ, когда ихъ разсматриваютъ и о нихъ думаютъ. Взгляды Вязигина какъ будто безпокоили ее, раздражали въ ней инстинкты кокетства. Она перемѣнила положеніе рукъ, взглянула на выставившуюся изъ подъ юбки ногу, но не убрала ее, а только пошевелила носкомъ туфли. Потомъ, черезъ минуту, она встала медленно, словно по кошачьи, разгибая станъ, точно хотѣла дать возможность обнять взглядомъ его упругій рисунокъ, и проговорила:

— Вы, конечно, обѣдаете со мной? Я пойду распорядиться.

XXIII.

За обѣдомъ было подано шампанское. Его всегда подавали у Галатской, но сегодня она пила его больше обыкновеннаго, и требовала, чтобы Вязигинъ съ нею чокался.

— За благополучное окончаніе дѣла, за свободу, за новую жизнь,—произнесъ онъ.

Раиса Ивановна разомъ отпила полъ-бокала.

— Что касается свободы, то я прихожу къ заключенію, что для женщинъ она не существуетъ,—сказала она.—Раньше, когда я начинала это дѣло, я дѣйствительно мечтала о независимости, о свободѣ, но вашъ Петербургъ очень разочаровалъ меня.

— Почему же?—спросилъ Вязигинъ.

— Но потому, что въ моемъ положеніи разведенной жены я никогда не буду пользоваться въ обществѣ одинаковыми со всѣми правами. Я въ немъ точно штрафованная какая-то,—сказала она.—Если я захочу дѣлать пріемы, давать хорошіе ужины, заведу баккара à deux tableaux,—мужчины охотно станутъ ко мнѣ ѣздить, можетъ-быть будутъ даже волочиться за мной, но порядочныя дамы будутъ избѣгать меня, и въ общество я не попаду, или буду каждую минуту чувствовать, что я допущена туда только по снисходительности. А это мнѣ не по характеру, и я на такія условія не пойду.

— Конечно, не пойдете,—подтвердилъ Вязигинъ.—Но принимать у себя и не быть обязанной ѣздить самой по разнымъ тошнотворнымъ журфиксамъ—чего же лучше? По моему, это привилегія.

Digitized by Google

— Привилегія авантюристокъ! — съ невеселымъ смѣхомъ возразила Галатская.—Нѣтъ, разводъ только освобождаетъ отъ мужа, а свободы не даетъ.

— Потому что разводъ—только поправка сдѣланной ошибки, мѣра отрицательная,—замѣтилъ Вязигинъ.—А той свободы, которой вы хотите, вы тоже можете достигнуть: для этого надо вторично выйти замужъ.

Раиса Ивановна улыбнулась съ тѣмъ же невеселымъ видомъ.

— По вашему, это очень легко?—сказала она.—Я думаю иначе. Если я выйду за человѣка съ положеніемъ, съ личнымъ значеніемъ, онъ пожелаетъ устроить нашу общую жизнь сообразно своимъ интересамъ, привычкамъ, вкусамъ, а я не люблю подчиняться. Если я возьму какое-нибудь ничтожество, онъ надоѣстъ мнѣ черезъ недѣлю, и я прогоню его. Нѣтъ, я могла бы выйти только за человѣка, который заставилъ бы меня уважать его умъ, характеръ, внушилъ бы мнѣ безусловное довѣріе къ себѣ. Гдѣ же такой человѣкъ? Да нѣтъ, меня просто смѣшитъ, что мы говоримъ объ этомъ. Мнѣ слишкомъ поздно думать о второмъ замужествѣ; слава Богу, что все кончено съ первымъ.

Вязигинъ подвинулъ къ ней свой стаканъ и чокнулся. Въ его засвѣтившемся взглядѣ выражалось ласковое участіе.

— Вы говорите это такимъ тономъ, какъ будто въ сущности вамъ жаль этой отброшенной половины жизни,—сказалъ онъ.

Лицо Раисы Ивановны приняло еще болѣе невеселое выраженіе.

— Мнѣ жаль не того, о чемъ вы думаете,—отвѣтила она.— Кончить съ мужемъ—это давно было рѣшено, объ этомъ надо перестать думать. Но мнѣ жаль своей молодости, своихъ лучшихъ лѣтъ, прожитыхъ безъ толку, Богъ знаетъ какъ; мнѣ обидно это нищенство сердца, въ какомъ я жила. Хотя бы немножко, немножко было любви... Ничего не было!

Галатская опустила голову; Вязигину показалось, что на ея рѣсницахъ опять блеснули слезы. Она удивляла его сегодня: раньше онъ никогда не видѣлъ ее такою разстроенною. И опять онъ съ невольнымъ любопытствомъ оглядывалъ ея опущенную голову, густые завитки волосъ, сбѣгавшіе ко лбу и къ ушамъ, мягкую линію шеи и упругую гибкость стана. „Положительно, я раньше не видѣлъ въ ней женщины“,—подумалъ онъ.

И вдругъ цѣлый рядъ мыслей съ неожиданной быстротой встрепенулся въ его умѣ. Ему показалось, что онъ разомъ, отъ

Digitized by Google

какого-то тайнаго толчка, въ нѣсколько минутъ понялъ Раису Ивановну—и не ту, какою она представлялась ему раньше, съ ея дѣловымъ, нѣсколько циническимъ умомъ и съ скептицизмомъ женщины, извѣдавшей весь жизненный перегаръ, а совсѣмъ другую, какой она явилась сегодня, съ этимъ неожиданнымъ припадкомъ нервничанья, съ этимъ безсиліемъ увядающей, но еще жаждущей женственности, съ этой беззащитностью вдругъ заговорившихъ потребностей сердца.

„Да, это—минута кризиса. Женщина въ ней разомъ проснулась, со всѣми слабостями запоздалыхъ порывовъ, раскаяній и сожалѣній; и эта женщина—добыча“,—пронеслось въ его головѣ.

Ему какъ будто даже жутко стало. Съумѣетъ ли онъ овладѣть этой добычей? А если удастся? Но почему же нѣтъ?

И онъ съ возраставшимъ жаднымъ чувствомъ глядѣлъ на густые завитки ея волосъ, на вздрагивавшія рѣсницы и на громадные солитеры въ ушахъ. Эти солитеры словно рѣзали ему глаза нестерпимымъ блескомъ...

XXIV.

Раиса Ивановна наконецъ подняла голову, встала и предложила перейти къ ней въ кабинетикъ.

— Мнѣ не слѣдовало давать воли своимъ нервамъ, обѣдъ вышелъ какой-то скучный,—сказала она, идя впереди Вязигина маленькими, замедленными, какъ будто утомленными шагами.—Но я не считаю васъ совсѣмъ чужимъ; я уже привыкла къ вамъ...

Вязигинъ пробирался за ней по ковру осторожной, словно крадущейся походкой. Въ выраженіи лица его тоже было что-то крадущееся, выстораживающее...

Она забралась съ ногами на коротенькую кушетку. Онъ сѣлъ подлѣ.

— Я безконечно признателенъ вамъ, если вы въ самомъ дѣлѣ не считаете меня совсѣмъ чужимъ,—промолвилъ онъ.—И я имѣю маленькое право на такое отношеніе, потому что безгранично преданъ вамъ. Мнѣ жаль, что я еще такъ мало имѣлъ случаевъ доказать это.

— Я вижу, вѣрю,—произнесла Раиса Ивановна, и протянула ему руку, къ которой онъ крѣпко прижался губами.—Хотите курить? Я разрѣшаю вамъ.

Вязигинъ закурилъ, и разговоръ съ минуту не возобновлялся.

Digitized by Google

Раиса Ивановна, въ ея утомленной позѣ, казалась все еще во власти овладѣвшаго ею невеселаго настроенія.

— Глупые нервы,—повторила она наконецъ какъ бы извиняющимся тономъ;—изъ-за нихъ я дѣлаю очень скучное вступленіе въ свою новую полосу жизни... Но это пройдетъ, и вы не обращайте на меня вниманія.

— Напротивъ, я хотѣлъ бы доказать вамъ, какъ близко я раздѣляю ваше настроеніе,—возразилъ Вязигинъ.—На кого же не находятъ подобныя минуты? Люди съ душой, съ сердцемъ, никогда не переживаютъ равнодушно рѣшительныхъ шаговъ въ жизни. Разрывъ съ прошлымъ всегда даетъ ощущеніе нѣкоторой боли, какое бы это прошлое ни было. Къ сожалѣнію, я такъ мало знаю о вашемъ прошломъ... На дняхъ мнѣ пришлось въ первый разъ видѣть вашего мужа; полчаса дѣлового разговора было достаточно, чтобъ понять, что вы не подходите другъ къ другу. Но я не знаю, какія обстоятельства привели васъ къ этому браку, какъ складывалась ваша семейная жизнь...

— Ахъ, это все очень грустно, хотя какъ нельзя болѣе обыкновенно,—отвѣтила Галатская.—Можетъ быть, вся драма въ томъ и заключается, что никакой драмы, въ сущности, не было, и все складывалось и тянулось до гадости обыкновенно. Какія обстоятельства привели меня къ браку, вы спрашиваете? Но я не помню никакихъ обстоятельствъ. Я жила въ деревнѣ у отца, очень богатаго помѣщика. Онъ рано овдовѣлъ, и потому сдалъ меня въ институтъ, находя, что для насъ обоихъ такъ будетъ удобнѣе. Онъ былъ, несомнѣнно, правъ—я могла въ этомъ убѣдиться, пріѣхавъ домой по окончаніи институтскаго курса. Нельзя придумать болѣе безалаберной жизни, какъ та, которую онъ велъ. Была и грязь, конечно. Я не виню его, онъ выросъ при крѣпостномъ правѣ, образованіе имѣлъ старо-кавалерійское, и провинція, деревня, рано засосала его — степная русская деревня, изъ которой сутки надо ѣхать до уѣзднаго города, а въ этомъ уѣздномъ городѣ изъ всѣхъ продуктовъ цивилизаціи можно найти только ромъ, шампанское и карты. По этимъ чертамъ вы легко можете возсоздать обстановку, среди которой я явилась дѣвушкой семнадцати лѣтъ, невѣстой...

— Да, нетрудно; такъ же нетрудно, какъ печально,—сказалъ тономъ участія Вязигинъ.

— Мужчинъ въ домѣ бывало много, — продолжала Раиса Ивановна; — но это было, конечно, общество отца, а не мое. Между тѣмъ, замужъ надо было выйти, и я рѣшила выйти какъ можно скорѣе. Галатскій былъ моложе и приличнѣе другихъ. Въ

Digitized by Google

своемъ уланскомъ мундирѣ—тогда еще существовали армейскіе уланы—онъ казался даже представительнымъ. Только его затылокъ, широкій и короткій, выпуклый, всегда остриженный до корней, смущалъ меня: въ немъ было удивительно глупое и тяжелое выраженіе. Когда Галатскій посватался, я рѣшила, что нельзя же отказывать человѣку изъ-за его затылка, и дала согласіе. Потомъ я убѣдилась, что судила неправильно. Впечатлѣніе затылка какъ-то распространилось на всего человѣка. Во всей его внѣшности, въ манерахъ, въ какой-то кадетской ловкости обращенія, даже въ его характерѣ, я видѣла затылокъ. Когда онъ говорилъ какую-нибудь чудовищную глупость, мнѣ представлялся его затылокъ; когда онъ тупо молчалъ, запуганный моими сарказмами, я говорила себѣ, что такъ молчать и пыхтѣть можетъ только человѣкъ, обладающій подобнымъ затылкомъ. Въ концѣ концовъ мнѣ начинало казаться, что самое слово „затылокъ", такое глупое, противное, точно по-татарски звучащее, можетъ обозначать именно только такіе затылки, принадлежность низшей, круглоголовой расы, а не всякіе вообще.

Вязигинъ засмѣялся особеннымъ, тихимъ смѣхомъ, въ которомъ какъ бы слышалась грусть.

— Но вы изумительно охарактеризовали вашего бывшаго мужа,—воскликнулъ онъ.—Знаете, вѣдь и меня какъ-то съ перваго раза поразило устройство его затылка...

— Отецъ далъ намъ свой громадный старинный домъ въ губернскомъ городѣ, куда мы и переселились,—продолжала Раиса Ивановна.—И началась обычная широкая провинціальная жизнь. Говорили, что мы живемъ весело, открыто, прикидывали въ умѣ, сколько мы тратимъ въ годъ, и конечно, по провинціальному, завидовали. Отецъ, дѣйствительно, не скупился, давалъ мнѣ много. Потомъ, года черезъ три послѣ моего замужества, онъ умеръ, и я оказалась богатой наслѣдницей.

XXV.

Раиса Ивановна опять помолчала, и даже закрыла на минуту глаза. Вызванныя воспоминанія, очевидно, все болѣе волновали ее.

— Вамъ не легко было, такой молоденькой, управиться съ дѣлами,—замѣтилъ Вязигинъ.

— Дѣлами я, вѣроятно, распорядилась плохо, — заговорила опять Галатская; — и мы раннею весной уѣхали за границу.

Digitized by Google

Пробыли мы тамъ почти два года, и это было бы лучшимъ временемъ моей жизни, еслибъ неотлучная близость мужа не портила моихъ впечатлѣній. Въ путешествіи люди невольно стоятъ ближе другъ къ другу: ѣдешь въ одномъ купэ, живешь въ двухъ тѣсныхъ комнатахъ въ отелѣ. Эти условія привели къ тому, что мнѣ захотѣлось поскорѣе вернуться въ Россію. И вотъ, съ той поры протянулись еще десять лѣтъ. Нѣтъ, не протянулись, а промелькнули съ непостижимою быстротою. Порознь, дни, недѣли, мѣсяцы проходили до одури медленно и долго, а какъ оглянешься назадъ, на всѣ прожитые годы—словно и не было ихъ. Все шло своей обычной чередой. Зимой мы жили въ губернскомъ городѣ, лѣтомъ—въ деревнѣ. Тамъ и здѣсь я скучала невообразимо, хотя въ обществѣ имѣла самый оживленный видъ. Можетъ-быть это происходило отъ моей способности брать всѣ окружающія явленія съ ихъ комической стороны. Даже больше: у меня вырабатывался циническій взглядъ на вещи. Я сдѣлалась очень матеріальна, отъ прежней институтки слѣдовъ не осталось.

Вязигинъ слегка наклонился къ Галатской.

— А сердце? Неужели оно десять лѣтъ оставалось спокойнымъ, не предъявляло своихъ правъ?—спросилъ онъ.

— Сердце... я даже сомнѣвалась, есть ли оно у меня, — отвѣтила Раиса Ивановна. — Волненіе отъ шампанскаго было мнѣ болѣе знакомо, чѣмъ всякое другое. Еслибы сердце заговорило, я, конечно, раньше подумала бы о своей свободѣ. Но мнѣ не было необходимости спѣшить, да и лѣнь было раскачать себя. Съ мужемъ у меня установились отношенія... какъ бы вамъ объяснить? Вотъ, какъ бываетъ, когда прислуга заживется въ домѣ: надоѣла она, и рѣшено, что надо отъ нея избавиться, а все какъ-то откладываешь со дня на день. Сбросила я съ себя эту лѣнь уже когда онъ сталъ свои романы у меня въ дѣвичьей разводить. Этого я не люблю, мѣста вѣдь много есть... — Ну, вотъ и всѣ мои „обстоятельства“. Какъ видите, самая обыкновенная канитель, а между тѣмъ на нее пятнадцать лѣтъ ушло, лучшая часть женской жизни... Молодость ушла, душа ушла, и вся я состариться успѣла... Право, когда я обо всемъ этомъ подумаю... Раньше я какъ-то хладнокровнѣе къ этому относилась, а сегодня, вотъ, нервы разыгрались, и ужъ который разъ я плакать собираюсь... Ужасно это глупо.

Галатская достала изъ кармана платокъ и прижала его къ глазамъ. Вязигинъ осторожно дотронулся до ея руки.

— Простите, это я виноватъ, я вызвалъ васъ на воспоми-

Digitized by Google

нанія,—сказалъ онъ голосомъ, зазвучавшимъ дружеской лаской. —Но я вамъ несказанно признателенъ. Мнѣ кажется, что я только сегодня, послѣ этого разговора, понялъ васъ вполнѣ. И я очень, очень благодаренъ.

Раиса Ивановна отняла отъ лица платокъ и взглянула на него смущенными глазами.

— За что?—спросила она.

— За то, что вы вызвали во мнѣ живое, горячее участіе. Это—хорошее чувство; оно доставляетъ наслажденіе,—отвѣтилъ Вязигинъ.

Раиса Ивановна молча протянула ему руку. Онъ наклонился и прижался къ ней крѣпкимъ, продолжительнымъ поцѣлуемъ.

— У меня у самого нервы готовы разыграться,—добавилъ онъ слегка дрогнувшимъ голосомъ.—Вѣдь моя собственная внутренняя жизнь хотя непохожа на вашу, а въ сущности и она вся—такое же нищенство сердца, какъ вы выразились. Другія условія, обстановка, а содержаніе то же: ни одной привязанности, ни одного горячаго мгновенія... Борьба за существованіе, трудъ, разлагающія наблюденія надъ окружающимъ, скептицизмъ холостяка и себялюбивый цинизмъ полнаго одиночества...

— Будто у васъ не было ни одной привязанности?—спросила тономъ сомнѣнія Галатская.

„Развѣ намекнуть, что первая привязанность рождается только теперь? Нѣтъ, еще рано",—подумалъ Вязигинъ.

— Ни одной!—отвѣтилъ онъ вслухъ.

Раиса Ивановна посмотрѣла на него вопросительно.

— Но въ семействѣ моихъ телефонныхъ барышенъ? Вѣдь это ваши друзья,—сказала она.

— Ахъ, я очень люблю это милое семейство, но вѣдь мы не о томъ говоримъ;—отвѣтилъ Вязигинъ.

— Но Павла? Мнѣ кажется, вы продолжаете скрытничать, тогда какъ я подала вамъ поводъ къ откровенности,—замѣтила Галатская.

— Мнѣ совсѣмъ нечего скрывать,—возразилъ Вязигинъ. — Павла Степановна отличная дѣвушка, но... она изъ тѣхъ дѣвушекъ, къ которымъ привязываются впослѣдствіи, когда жизнь сближаетъ и научаетъ, когда создаются общіе интересы, довѣріе, уваженіе, привычка...

Раиса Ивановна еще разъ скользнула по Вязигину недоумѣвающимъ, недовѣрчивымъ взглядомъ.

— Мнѣ кажется, я не понимаю васъ,—сказала она, и пожала плечами.

Digitized by Google

Вязигинъ нетерпѣливо повернулся на табуреткѣ.

— А вы хотѣли бы понять? Извольте, я объясню вамъ. Я, дѣйствительно, считаю Павлу Степановну способною сдѣлаться идеальною женою, составить, какъ говорится, счастье избраннаго ею человѣка,— заговорилъ онъ съ замѣтнымъ волненіемъ. — Но бракъ съ нею—знаете, что онъ обозначалъ бы? Отреченіе, отреченіе отъ другого, жуткаго, но полнаго, широкаго счастья. Да, отреченіе! А вы думаете, легко отрекаться человѣку, который никогда не испыталъ этого счастья, а между тѣмъ... не можетъ же считать себя недостойнымъ его, или неспособнымъ къ нему? Человѣку, который ждетъ его, тайно желаетъ всѣми нервами, всею кровью... Я, не правда ли, мало похожъ на такого человѣка? Но представьте, мнѣ тяжело, мнѣ трудно отрекаться!

Онъ замолчалъ, и опустилъ голову на руки. Раиса Ивановна тоже молчала. Она чувствовала, какъ будто его внезапное волненіе сообщилось ей и словно холодкомъ пробѣгало по ея утомленнымъ нервамъ. Это было совсѣмъ новое, неожиданное, жуткое и пріятное ощущеніе. Оно и пугало, и удивляло, и какъ будто радовало ее...

— Отречься—вамъ, въ тридцать лѣтъ? Какой вздоръ!—сказала она убѣжденнымъ тономъ.—Мнѣ очень жаль Павлу, но вы никогда этого не сдѣлаете. Я думала, что вы ее любите, и хотя это меня нѣсколько удивляло, но вѣдь бываютъ же такія вещи. А такъ... какъ вы объясняете... Это совсѣмъ неестественно, фальшиво. Вы никогда на ней не женитесь. Вы просто попали въ ложное положеніе, и не знаете пока, какъ изъ него выйти. А потомъ это вамъ надоѣстъ, и выходъ самъ собою откроется. Бѣдная дѣвочка, ей это не легко обойдется, но что же дѣлать...

Въ тонѣ, какимъ были произнесены эти слова, звучала жестокость. И дѣйствительно, Раиса Ивановна испытывала какую-то холодную радость, какъ будто—непонятное враждебное чувство вдругъ отдѣлило ее отъ Павлы.

Она сама себя поймала на этомъ чувствѣ, и внутренно смутилась... Ей не хотѣлось продолжать разговоръ. Она лѣниво встала съ кушетки, и проговорила какъ будто ослабѣвшимъ голосомъ:

— Хотите сыграть партію въ пикетъ? Я велю подать карты.

Digitized by Google

XXVI.

Вязигинымъ овладѣло чувство, похожее на головокруженіе. Никогда раньше онъ не находился въ такомъ возбужденномъ состояніи. Словно внезапно набѣжавшая волна подхватила его и понесла. Какъ въ сказкѣ, судьба создавала ему „случай".

Онъ внутренно усмѣхался всему сложившемуся ходу вещей. Все вышло неожиданно-ново. Ему и въ голову не приходило раньше взглянуть на m-me Галатскую, какъ на женщину, на которую онъ могъ бы претендовать въ качествѣ свободнаго мужчины. Ея богатство представлялось ему слишкомъ колоссальнымъ, несимметричнымъ съ его собственнымъ общественнымъ положеніемъ. Притомъ, онъ какъ будто боялся ея циническаго ума и взбалмошности ея провинціальнаго самодурства. Фантазіи такой барыни должны быть не мѣньшихъ размѣровъ, чѣмъ ея годовые доходы. Она, какъ ему казалось, добивалась свободы для того, чтобы сдѣлать изъ нея какое-нибудь громадное употребленіе. Пристроиться тутъ въ качествѣ домашняго секретаря, завѣдующаго дѣлами, сохраняя притомъ свое личное достоинство,—и это ужъ было очень хорошо.

И вдругъ эта женщина, передъ которой онъ представлялся самому себѣ такимъ маленькимъ, неожиданно обнаружила свою слабость. Вязигинъ отчетливо это понялъ. Онъ былъ вообще очень наблюдателенъ и проницателенъ во всемъ, что̀ касалось характеровъ и настроеній. „Моментъ" Раисы Ивановны, какъ онъ мысленно выражался, былъ имъ безошибочно угаданъ. Ея скептицизмъ не былъ для нея достаточной защитой противъ этого поздняго бунтованія темперамента, противъ нравственнаго разслабленія, въ которомъ она находилась. Добытая свобода уже встрѣтилась съ первыми разочарованіями. Неудобная праздность подневольнаго одиночества томила ее. Въ душѣ подымалась тоска по утраченной молодости, боязнь невозвратности непрожитаго, пропущеннаго въ жизни.

„Бабёнка нервничаетъ самымъ бабскимъ образомъ",—думалъ Вязигинъ.—„Никакого настоящаго, глубокаго разочарованія въ ней нѣтъ, и никакого серьезнаго испытанія въ жизни она не перенесла. Просто, не знаетъ, какъ устроиться, что̀ взять отъ своей свободы. Развелась съ мужемъ, и ни съ мѣста. А хочется пожить пошибче, убѣдить себя, что можно наверстать недополученное въ жизни. Самая бабья дурь, и самая опасная для женщины. Кто теперь съумѣетъ захватить ее, тому и достанется".

Digitized by Google

Онъ, Вязигинъ, съумѣетъ ли?

Обстоятельства несомнѣнно благопріятствовали. У Раисы Ивановны почти не было знакомыхъ; на петербургскую жизнь ей приходилось отчасти смотрѣть его глазами. А онъ уже отлично изучилъ ее, ему не трудно было не сбиться съ тону, не сдѣлать безтактности.

Какъ бы то ни было, игра стоила свѣчъ. Занимаясь дѣлами Галатской, онъ имѣлъ возможность подсчитать ея богатство. Тысячъ тридцать въ годъ она и теперь имѣетъ, а распорядиться хорошенько, такъ и сорокъ будетъ. Нынче такія состоянія наперечетъ.

Правда, она старше его; это нарушаетъ симметрію. Но развѣ можно останавливаться на пустякахъ, когда дѣло идетъ о милліонѣ? Она, во всякомъ случаѣ, отлично „несетъ свой возрастъ“, и если присмотрѣться, привыкнуть,—ея наружность можетъ нравиться. Отъ упругой гибкости ея тѣла еще вѣетъ соблазномъ, въ ней есть кокетство, есть темпераментъ...

Вязигинъ далъ замѣтить, что послѣдній разговоръ съ Раисой Ивановной нравственно приблизилъ ихъ другъ къ другу, что въ ихъ отношенія вкралось больше довѣрія и обоюдной сердечной ласки. Онъ не заявлялъ никакихъ правъ, но и не скрывалъ, что наслаждается перемѣной, въ которой такъ много очаровательнаго. Онъ какъ будто еще болѣе весь проникся безпредѣльнымъ участіемъ къ женщинѣ, которую только теперь вполнѣ понялъ, съ ея душевнымъ томленіемъ и нерастраченнымъ богатствомъ нравственныхъ силъ. Теперь онъ какъ будто и самъ не боялся дать заглянуть себѣ въ душу, и распознать тамъ нѣчто болѣе дѣлового взгляда на вещи, дѣлового ума и дѣловой аккуратности—качествъ, которыя онъ предпочиталъ показывать людямъ чужимъ и близорукимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его обращеніи съ Раисой Ивановной все больше выражалось чего-то недосказаннаго, какъ будто его стѣснявшаго и пугавшаго, но чему онъ подчинялся, какъ властному и радостному призыву...

XXVII.

Разъ Вязигинъ заѣхалъ къ m-me Галатской въ необычный часъ, во время ея завтрака. Онъ былъ въ вицмундирѣ, съ орденомъ на шеѣ, и имѣлъ особено торжественный и сіяющій видъ.

Его провели въ маленькую столовую, гдѣ Раиса Ивановна обыкновенно завтракала и обѣдала, когда была совсѣмъ одна.

Digitized by Google

Ей только-что успѣли убрать голову. На ней былъ накинутъ утренній халатикъ изъ мягкой шолковой матеріи, съ открытымъ воротомъ, изъ-подъ котораго сквозили ея бѣлая, атласная шея и круглыя плечи. Въ этомъ туалетѣ она не приняла бы Вязигина, но онъ вошелъ тотчасъ вслѣдъ за доложившимъ о немъ лакеемъ, и она успѣла только покраснѣть и слегка вскрикнуть. Убѣжать переодѣваться ей показалось смѣшнымъ, и она осталась какъ была: къ Сергѣю Павловичу она вѣдь успѣла уже привыкнуть, а халатикъ съ широкимъ воротомъ къ ней шелъ, и она чувствовала себя въ немъ удобно.

— Откуда вы въ такомъ торжественномъ видѣ?—обратилась она къ гостю, приказавъ глазами подать ему приборъ.

— Прямо отъ начальства, имѣлъ честь представляться,— отвѣтилъ Вязигинъ.—Поздравьте меня: я назначенъ.

— Браво, я очень рада!—воскликнула Раиса Ивановна.— Садитесь, будемъ завтракать, и вспрыснемъ какъ слѣдуетъ ваше торжество.

Вязигинъ былъ очень голоденъ, и съ наслажденіемъ принялся за котлетки изъ рябчика, которыя поваръ Раисы Ивановны дѣлалъ съ совершенствомъ, достойнымъ удивленія. Но не трудно было замѣтить, что кромѣ голода въ этомъ превосходномъ аппетитѣ участвовало также состояніе блаженной радости, въ какомъ находился Вязигинъ.

— Да, наконецъ!—говорилъ онъ, торопливо жуя.—Откровенно сказать, до послѣдней минуты я не былъ вполнѣ увѣренъ: тутъ такъ много значатъ случайности, разныя скрытыя теченія и давленія; претендентовъ было такъ много!

— Такъ что вы довольны? — промолвила m-me Галатская.

— О, еще бы! Это самое большое, чего я могъ ожидать и даже желать,—восторженно отвѣтилъ Вязигинъ, съ какимъ-то даже свистомъ обсасывая крошечную косточку.—Повышеніе это разомъ меня выдвигаетъ; я становлюсь въ число чиновниковъ, на которыхъ обращено особенное вниманіе. Сейчасъ мнѣ даже сказали именно этими словами.

Раиса Ивановна смотрѣла на Вязигина ласково-оживленными глазами. Его радостное возбужденіе какъ будто сообщилось ей. Какъ только подали шампанское, она протянула къ нему свой бокалъ и звонко чокнулась.

— За нынѣшній и за будущіе ваши успѣхи!—сказала она.

— Придутъ и будущіе, — отозвался съ веселымъ поблескиваньемъ глазъ Вязигинъ.—Важно начало, а тамъ ужъ все своимъ порядкомъ пойдетъ.

Digitized by Google

— Я очень, очень за васъ рада,—повторила Галатская.

Она, сама того не замѣчая, любовалась Вязигинымъ. Въ вицмундирѣ, съ сегодняшнимъ торжественнымъ оживленіемъ въ лицѣ, онъ казался ей не только представительнымъ, но даже красивымъ. Сквозь его всегдашнюю дѣловитую серьезность, въ немъ чувствовалось что-то молодое, задорное, вызывающее. Она подлила ему въ бокалъ.

— Итакъ, черезъ нѣсколько лѣтъ вы—„особа“ и „ваше превосходительство“?—сказала она, улыбаясь и показывая свои крупные, плотоядные зубы.

Вязигинъ тоже улыбнулся.

— Все своимъ порядкомъ,—повторилъ онъ тономъ человѣка, рѣшившаго, что въ такую исключительную минуту смѣшно обнаруживать излишнюю скромность.

— Ну, за „ваше превосходительство“—сказала Раиса Ивановна, предлагая ему снова чокнуться.

Она разомъ выпила свой бокалъ и откинулась на спинку стула. На минуту глаза ея какъ будто потеряли ласковое выраженіе. Она не давала себѣ отчета въ шевельнувшемся въ ней чувствѣ, но это чувство настраивало ее какъ-то враждебно. Почему она должна радоваться, сочувствовать этой прокладывающей себѣ жизненную дорогу молодости—совершенно чужой молодости, которая не помолодитъ ее и ничего не дастъ ей? Въ сущности, что̀ ей за дѣло до этого господина въ вицмундирѣ, охотно завѣдующаго ея дѣлами, потому что вицмундиръ не дастъ ему столько, сколько онъ заработаетъ у нея? Онъ и потомъ, въ рангѣ „превосходительства“, будетъ втихомолку пріискивать себѣ какое-нибудь частное дѣльце, чтобъ дополнить тощій казенный окладъ и сбиться на заграничную поѣздку. Оффиціальныя командировки за границу, „для изученія постановки даннаго вопроса въ главнѣйшихъ западно-европейскихъ государствахъ“, теперь, говорятъ, сдѣлались очень рѣдки, такъ какъ мы перестали учиться у Европы.

Какое-то насмѣшливое, полу-презрительное выраженіе легло на лицо Раисы Ивановны, пока она сидѣла молча, откинувшись на спинку стула, и глядя куда-то передъ собой, мимо тоже задумавшагося и примолкшаго Сергѣя Павловича.

— Вы теперь будете больше жалованья получать?—вдругъ спросила она тономъ безразличнаго любопытства.

— На тысячу рублей больше, но я лишаюсь наградныхъ изъ остатковъ, такъ что въ этомъ отношеніи разница незначительная,—обстоятельно отвѣтилъ Вязигинъ.

Digitized by Google

— Но и дальше, тоже, разница будетъ не весьма значительная? — продолжала Галатская съ невольно прорывавшейся ироніей.—Если не ошибаюсь, даже директорскіе оклады—что-то въ родѣ шести или семи тысячъ.

XXVIII.

Вязигинъ слышалъ звучавшую въ словахъ Галатской иронію, и не понималъ, что она означаетъ.

— Да, казенная служба вѣдь вообще не блистаетъ щедростью,—сказалъ онъ.—Тутъ вознаграждаетъ положеніе, значеніе, чины...

Раиса Ивановна разсмѣялась.

— Положеніе? значеніе? — повторила она; — но вѣдь это только въ служебномъ смыслѣ, въ кругу своихъ же чиновниковъ.—„Значеніе“ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, живущаго на казенное жалованье... полноте, это даже на прислугу не дѣйствуетъ. Вы немножко заблуждаетесь на этотъ счетъ, потому что смотрите съ чиновничьей точки зрѣнія. Все это хорошо тогда, когда соединяется съ богатствомъ. Ваши превосходительныя звѣзды хорошо свѣтятся только когда подъ ними туго набитый бумажникъ. Вѣдь и для титула—понимаете ли, для титула—необходимо независимое состояніе, для самаго родовитаго герба нужна позолота.

— Вы совершенно правы,—сказалъ Вязигинъ,—но много ли такихъ счастливцевъ, которые все совмѣщаютъ? И гдѣ же намъ, обыкновеннымъ людямъ, за ними гнаться?

— Я только такъ и понимаю служебную карьеру,—продолжала Раиса Ивановна. — Надо имѣть состояніе, жить открыто, даже роскошно, вращаться въ свѣтѣ,—тогда всѣ эти чины, звѣзды, имѣютъ смыслъ и блескъ. Повѣрьте, что даже въ чиновничьемъ мірѣ именно такъ смотрятъ. Доказательство, что богатые и свѣтскіе чиновники гораздо скорѣе дѣлаютъ карьеру. А безъ независимости, которую даетъ богатство, безъ роскоши, которая привлекаетъ и ослѣпляетъ — что такое всѣ ваши чины? Кто соединилъ все это, тотъ дѣйствительно можетъ сказать, что пріобрѣлъ положеніе, значеніе...

— Ахъ, конечно, вы правы, тысячу разъ правы,—произнесъ тономъ нѣкотораго уныніе Вязигинъ.—Но у судьбы есть свои любимцы, а я не изъ ихъ числа. Мнѣ до сихъ поръ не везло. Я жилъ трудомъ, и привыкъ не разсчитывать на счастье.

Digitized by Google

Сегодня—это моя первая удача. Она меня ободрила, прибавила увѣренности.

Раиса Ивановна опять засмѣялась, и въ ея смѣхѣ еще сильнѣе звучали какія-то недобрыя ноты.

— Увѣренности—сдѣлаться современемъ „его превосходительствомъ"?—сказала она.

Она сама не понимала, откуда бралось это злое чувство, не позволявшее ей выйти изъ насмѣшливаго, полу-презрительнаго тона.

А Вязигину, до сихъ поръ только удивлявшемуся этому тону, показалось, что онъ понялъ ее, понялъ капризную нервность женщины, только-что начинавшей заинтересовываться мужчиною... Эта мысль заставила его даже слегка поблѣднѣть отъ нахлынувшаго на него волненія.

Онъ взглянулъ на Раису Ивановну недоумѣвающими глазами.

— Вы сегодня настроены иронически,—сказалъ онъ съ легкой дружеской укоризной.—Можетъ-быть я, съ своимъ маленькимъ торжествомъ, представляюсь вамъ зазнавшимся чиновникомъ, и вы находите полезнымъ отрезвить меня, давъ мнѣ легонькій щелчокъ по носу? Но я не до такой степени карьеристъ, Раиса Ивановна. Моя маленькая радость, въ моемъ положеніи, какъ нельзя болѣе естественна.

— Ахъ да, ваше положеніе... — повторила вслѣдъ за нимъ Раиса Ивановна. — Я какъ-то и не вспомнила... Если не ошибаюсь, съ вашимъ повышеніемъ по службѣ связано осуществленіе нѣкоторыхъ вашихъ намѣреній... относительно одной изъ нашихъ милыхъ телефонныхъ барышенъ?

Вязигинъ мысленно улыбнулся: теперь онъ уже не сомнѣвался, что разгадалъ причину нервничанья Раисы Ивановны.

Его лицо выразило смущеніе; онъ молчалъ.

— Тамъ, конечно, уже знаютъ? вы сообщили Павлѣ?—спросила Галатская.

— Нѣтъ, не сообщалъ,—отвѣтилъ Вязигинъ.—Дѣло не въ сообщеніи. Сообщить, конечно, надо. Дѣло въ томъ, что... вы во всемъ этомъ всегда предполагали больше, чѣмъ было, и теперь дѣлаете то же самое.

Раиса Ивановна взглянула на него, не шевелясь, только приподнявъ рѣсницы.

— А именно? Развѣ послѣ сегодняшняго событія я все-таки не могу поздравить мою бѣдную Павлу? Но вы способны вывести всѣхъ изъ терпѣнія,—сказала она.

Digitized by Google

— Не вы ли сами на дняхъ говорили, что я никогда не женюсь на ней?—напомнилъ Вязигинъ.

Раиса Ивановна опять засмѣялась.

— Ну, мало ли что иногда говорится, — возразила она. — То былъ какой-то пустой разговоръ; я теперь не припомню хорошенько. А на Павлѣ вамъ нужно жениться. Она давно ждетъ этого, и всѣ ждутъ, и она будетъ отличная жена для васъ. Дайте вашъ стаканъ, мы сейчасъ выпьемъ за васъ обоихъ.

Она взялась за бутылку. Вязигинъ молча отстранилъ свой стаканъ. Лицо его было серьезно, почти мрачно...

XXIX.

Галатская быстро взглянула на него, продолжая держать бутылку въ рукѣ, обнажившейся по локоть изъ-подъ широкаго рукава халатика.

— Вы отказываетесь?—произнесла она наивно-вопросительнымъ тономъ.

— Не имѣю права принять вашъ тостъ. Мои мысли слишкомъ далеки отъ того, что вы предполагаете,—сказалъ Вязигинъ.

— Вы рѣшили не „отрекаться“?—продолжала Раиса Ивановна, намекая на ихъ недавній разговоръ, въ которомъ Вязигинъ высказалъ, что женитьба на Павлѣ была бы отреченіемъ отъ неиспытаннаго имъ, глубокаго, страстнаго счастья.

Вязигинъ вскинулъ на нее загорѣвшимся взглядомъ.

— Я ничего не рѣшалъ, все рѣшилось само собою...—отвѣтилъ онъ глухо зазвучавшимъ голосомъ.—Я уже не властенъ надъ собою. Но, прошу васъ, не смѣйтесь надо мной, не разспрашивайте меня.

Онъ отвернулся и замолчалъ. Внезапная, жуткая тишина настала въ маленькой комнаткѣ, еще наполненной запахомъ блюдъ и недопитаго вина. Раиса Ивановна чуть-чуть поблѣднѣла, и отъ этой блѣдности лицо ея тотчасъ стало интереснѣе, выразительнѣе...

Обнаженная по локоть рука ея все еще лежала на горлышкѣ бутылки. Галатская только сейчасъ замѣтила это и стыдливымъ движеніемъ подобрала руку въ рукавъ.

Она видѣла голову Сергѣя Павловича въ профиль. Лицо его тоже было блѣднѣе, чѣмъ за минуту назадъ. На лбу ясно прорѣзывалась складка, кончики усовъ какъ-то странно, слабо вздрагивали.

Digitized by Google

Галатская хотѣла что-то сказать, но въ комнату вошелъ лакей, чтобы убрать тарелки. Она медленно поднялась со стула и прошла мимо Вязигина, проговоривъ незначительнымъ тономъ:

— Перейдемте въ будуаръ.

Тамъ, въ будуарѣ, было гораздо меньше свѣту, чѣмъ въ столовой. Вся она, въ мягкихъ блѣдно-пестрыхъ складкахъ халатика, показалась сразу точно окутанной какими-то сумрачными тѣнями, отдѣлявшимися отъ свѣтло-лиловыхъ атласныхъ стѣнъ.

Она оглядѣлась, выбирая мѣсто, и наконецъ опустилась на маленькій угольный диванчикъ, отгороженный этажеркой. Вязигинъ сѣлъ сбоку, на низенькій пуфъ. Лакей внесъ за ними кофе и вышелъ.

Прошла, можетъ быть, минута — молчаніе не прерывалось. Раиса Ивановна размѣшивала ложечкой нерастаявшій кусочекъ сахару въ чашкѣ; Вязигинъ казался смущеннымъ.

— Если вы меня поняли, то... простите меня! — проговорилъ онъ наконецъ тихо.

На крупныхъ губахъ Раисы Ивановны показалась улыбка, но не насмѣшливая, а задумчивая, почти грустная.

— Въ чемъ же вы виноваты, Сергѣй Павловичъ? — спросила она.

— Въ томъ, что не умѣлъ скрыть, спрятать это чувство, съ которымъ у меня не связаны никакія надежды...— отвѣтилъ онъ.

Раиса Ивановна продолжала улыбаться, не глядя на него.

— Какіе пустяки! — сказала она. — Вы немножко фантазируете—отчего же не признаться въ такой невинной фантазіи? Меня нимало не оскорбила ваша нескромность.

— Вы хотите отшутиться...

— А развѣ это не шутка?

— Шутите, смѣйтесь, это все-таки лучше, чѣмъ если бы вы разсердились,—проговорилъ повеселѣвшимъ тономъ Вязигинъ и, схвативъ протянутую на колѣняхъ руку Раисы Ивановны, жадно прильнулъ къ ней губами. Она не отнимала руки...

— Вы умны, вы понимаете, что если съ человѣкомъ случилось такое несчастье, то съ нимъ и надо обращаться, какъ съ несчастнымъ, больнымъ...— говорилъ онъ.

— Почему же несчастье?—возразила, розовѣя въ лицѣ, Галатская.

— Потому что слишкомъ смѣло было бы съ моей стороны надѣяться,—отвѣтилъ Вязигинъ.—Я самъ не знаю, какъ это случилось. Я васъ полюбилъ наперекоръ разсудку, разсчету, оче-

Digitized by Google

видности... наперекоръ всему! Клянусь вамъ, я ни на что не надѣялся и не надѣюсь. Простите меня!

Онъ сползъ на колѣни и спряталъ лицо въ мягкихъ, слегка пахучихъ складкахъ ея халатика. Имъ, въ самомъ дѣлѣ, овладѣвало волненіе.

Раиса Ивановна пробовала оттолкнуть его; это заставило его крѣпко сжать обѣими руками ея руки.

— Что съ вами? Я васъ не узнаю сегодня! — воскликнула она, тяжело дыша и опуская горѣвшее лицо.

Вязигинъ поднялъ голову; ихъ губы встрѣтились...

XXX.

Спустя недѣлю, въ этомъ самомъ будуарѣ, вечеромъ, Вязигинъ сидѣлъ подлѣ Раисы Ивановны и говорилъ ей дружески-серьезнымъ тономъ:

— Вы легко поймете, что мое положеніе въ высшей степени затруднительно. Еслибъ богатство принадлежало мнѣ, а не вамъ, или еслибы мы оба были бѣдны, для меня не было бы ничего проще, какъ принесть мою любовь къ вашимъ ногамъ, и смѣло просить васъ быть моей женой. Но вы богаты, а у меня ничего нѣтъ, кромѣ того, что я могу заработать личнымъ трудомъ. Развѣ я не рискую, что моя искренность можетъ быть заподозрѣна, что во мнѣ захотятъ предположить низкое, корыстное искательство?

Раиса Ивановна слушала, немножко нахмуривъ брови.

— Кто захочетъ предположить? Глупые болтуны, завистники... какое вамъ дѣло до нихъ?—сказала она.

Вязигинъ осторожно взялъ ее за руку.

— А вы? Можете ли вы поручиться, что никогда, даже въ минуту неизбѣжныхъ въ нашей жизни разочарованій и недоразумѣній, вамъ не придетъ на умъ эта оскорбительная мысль?— проговорилъ онъ задрожавшимъ голосомъ.

— Я не ребенокъ, Сергѣй Павловичъ, и не могу ошибиться въ оцѣнкѣ вашихъ отношеній ко мнѣ,—отвѣтила Раиса Ивановна.—Вы сами составите мое мнѣніе о васъ. То, что вы говорите, могло бы оскорбить меня, еслибъ я не знала мужского самолюбія.

Вязигинъ съ нѣсколько торжественнымъ видомъ поднесъ ея руку къ губамъ.

Digitized by Google

— Въ такомъ случаѣ, — сказалъ онъ, — я жду разрѣшенія назвать васъ своей невѣстой.

И онъ поднялъ на нее глаза, блиставшіе молодымъ огнемъ побѣды, счастья, успѣха... Она отвѣтила ему крѣпкимъ пожатіемъ руки. Затѣмъ онъ обнялъ ее за талію, а она, радостно смущенная, какъ будто подавленная этой внезапно налетѣвшей и разрѣшившейся бурей, опустила голову къ нему на плечо. Она чувствовала, какъ его грудь дышала напряженно и медленно.

— Мнѣ кажется, что я задохнусь отъ счастья... — говорилъ онъ, цѣлуя ея душистые волосы.

И онъ, дѣйствительно, былъ весь переполненъ торжествующимъ чувствомъ счастья. Ему казалось, что его, точно въ сказкѣ, посѣтила волшебница, и просыпала на него всѣ дары свои. Онъ женится на милліонѣ, о которомъ съ мѣсяцъ назадъ не позволилъ бы себѣ даже мечтать. И этотъ милліонъ приноситъ ему умная, опытная женщина, въ характерѣ которой онъ открылъ, при ея капризной взбалмошности, много нерастраченной женственности, уступчивости и веселости. Она старше его, на ней отяготѣлъ грубоватый скептицизмъ провинціальной львицы,—но вѣдь милліоны не достаются даромъ. Ее не будутъ находить красивой,—но какое ему до этого дѣло, если она достаточно говоритъ его чувственности?

Раиса Ивановна выпрямилась и встряхнула головой.

— Ну, довольно сентиментальничать; будемъ говорить о дѣлѣ,—сказала она.—И прежде всего... прежде всего, есть обстоятельство, которое больше всего меня смущаетъ. Скажите правду: вы никогда не подавали опредѣленныхъ надеждъ Павлѣ?

— Никогда!—твердо отвѣтилъ Вязигинъ.—Не отрицаю, что мое положеніе въ семьѣ, какъ очень хорошаго знакомаго, могло подать поводъ къ весьма обычнымъ въ такихъ случаяхъ заключеніямъ, но даю вамъ слово, что я никогда не позволилъ себѣ ни одного неосторожнаго намека.

— Бѣдная дѣвочка, она навѣрное на васъ разсчитывала,— произнесла съ маленькимъ вздохомъ Раиса Ивановна.—Но что же дѣлать! судьба распорядилась иначе. Мы ее выдадимъ замужъ, не правда ли? У насъ въ домѣ она можетъ встрѣтить партію, а о ея приданомъ я позабочусь.

— Вы добры и великодушны, — сказалъ Вязигинъ, цѣлуя ей руку.

Раиса Ивановна продолжала дѣловымъ тономъ:

— Разумѣется, я не буду дѣлать себѣ всего того, что у

Digitized by Google

насъ называется приданымъ. Это было бы смѣшно. У меня все есть, надо только приготовить квартиру. Но я думаю, что лучше было бы уѣхать за границу, и обстановкой заняться по возвращеніи. Вѣдь вы можете взять отпускъ?

— О, конечно,— отвѣтилъ Вязигинъ; — на мѣсяцъ, на два.

— Только? Ну, все равно. Такимъ образомъ, я не имѣю въ виду никакихъ приготовленій, и могу предоставить вамъ самому назначить срокъ нашей свадьбы.

— Въ такомъ случаѣ я назначаю... какъ можно скорѣе,— сказалъ Вязигинъ.

Раиса Ивановна весело разсмѣялась, показывая свои бѣлые, крупные зубы.

— Не совсѣмъ опредѣленно, но... я согласна!—отвѣтила она.

XXXI.

Стрѣлецкій, котораго мы въ послѣднее время совсѣмъ упустили изъ виду, сосредоточенно шагалъ по Невскому, высоко поднявъ воротъ своей боярской шубки и нахлобучивъ до самаго носу огромную соболью шапку. Онъ былъ озабоченъ: сегодня поутру его „запечатали“, и онъ шелъ въ „Европейскую гостинницу“, узнать, не пріѣхалъ ли его бессарабскій дядя, на котораго мысленно уже была возложена обязанность доставить племяннику необходимыя средства, чтобы „распечататься“.

Поглощенный такими заботами, Стрѣлецкій совсѣмъ не стремился узнавать встрѣчавшихся знакомыхъ, и еще меньше—быть узнаннымъ. Но на поворотѣ въ Михайловскую улицу его окликнулъ Родіоновъ, тотъ самый, который все зналъ, все видѣлъ и прокладывалъ себѣ дорогу въ петербургскомъ свѣтѣ сплетнями и балагурствомъ.

— Игорь Васильичъ, а я къ вамъ! — крикнулъ онъ. — Новости есть!

Стрѣлецкій пріостановился, протянулъ руку и отвѣтилъ:

— Ко мнѣ нельзя.

— Что такое? У васъ оспа въ домѣ? Спасибо, что предупредили. Ну, все равно, я вамъ на ходу разскажу. Преинтересная новость.

И Родіоновъ пошелъ рядомъ съ Стрѣлецкимъ, помахивая тросточкой и по привычкѣ зорко вглядываясь по сторонамъ, чтобы не прозѣвать чего-нибудь.

— Можете себѣ представить, нашъ общій знакомый, Вя-

Digitized by Google

зигинъ, Сергѣй Павловичъ, женится на милліонершѣ! — продолжалъ онъ.

Стрѣлецкій остановился какъ вкопанный.

— Что вы сочиняете!—воскликнулъ онъ.

— Ничего не сочиняю, фактъ!—подтвердилъ Родіоновъ.— Могу даже фамилію невѣсты назвать: Галатская.

Фамилія показалась Стрѣлецкому знакомой, но гдѣ онъ ее слышалъ, онъ не могъ сразу вспомнить.

— Какая Галатская? Кто вамъ всю эту чепуху навралъ?— отозвался онъ съ полнымъ недовѣріемъ.

— Я же вамъ говорю: фактъ!—повторилъ Родіоновъ.—Могу даже кое-какія подробности сообщить. Галатская эта—пріѣзжая барынька, изъ провинціи, зрѣлостью лѣтъ подъ-сорокъ, богачка страшная. Вязигинъ гдѣ-то съ ней познакомился и предложилъ свои услуги—заняться ея дѣлами. А у нея, между прочимъ, затѣянъ былъ разводъ съ мужемъ...

— Тетушка!—громко вспомнилъ Стрѣлецкій.

— Что? какая тетушка? чья тетушка? — всполошился Родіоновъ.

— И вы ручаетесь, что не врете?—спросилъ вмѣсто отвѣта Стрѣлецкій.

Родіоновъ, наконецъ, обидѣлся.

— Скажите, пожалуйста, я вамъ вралъ когда-нибудь?—возразилъ онъ.—Если я говорю, значитъ—правда. Вязигинъ такъ къ этой барынькѣ подъѣхалъ, что какъ только получился разводъ, у нихъ все сейчасъ рѣшено было. Недѣли черезъ двѣ свадьба. Но вы скажите толкомъ—она вамъ тетушка, что-ли?

— Не мнѣ, не мнѣ, а... вообще; вообще тетушка, — поспѣшно объяснилъ Стрѣлецкій, и такъ же поспѣшно распростился съ Родіоновымъ, къ большому недоумѣнію послѣдняго.

Новость сильно озадачила и даже разстроила Стрѣлецкаго. Поступокъ Вязигина представлялся ему почти невѣроятнымъ. Онъ рѣшился сейчасъ же поѣхать къ Мамыкинымъ, у которыхъ, кстати, не былъ, за разными хлопотами, цѣлую недѣлю.

Барышни были всѣ въ сборѣ.

— Скажите, давно вы видѣли Сергѣя Павловича? — обратился онъ къ нимъ послѣ первыхъ привѣтствій.

— Мы на васъ обоихъ сердиты, вы оба совсѣмъ пропали, —отвѣтили почти въ голосъ сестры.

— Простите, у меня разныя непріятныя дѣла... Такъ Сергѣй Павловичъ давно ужъ не былъ? — повторилъ свой вопросъ Стрѣлецкій.

Digitized by Google

— Какъ-то онъ забѣгалъ на минуту, сообщилъ о своемъ новомъ назначеніи, и сказалъ, что теперь ему не будетъ времени такъ часто бывать,—отвѣтила Людмила.

— А тетушку давно видѣли?

— Я была у нея на дняхъ съ Павлой, но тетушка какая-то странная была въ тотъ день, точно мы некстати попали, — продолжала Людмила.

— Прежде всегда удерживала насъ на цѣлый день, а тутъ точно поскорѣе выпроводить спѣшила,—пояснила Павла.

— Кого-нибудь ждала къ себѣ, очень интереснаго,—вставила Шуша, перевернувшись на каблучкахъ. Людмила укоризненно взглянула на нее.

— Я думаю, что Шуша совершенно вѣрно угадала,—сказалъ Стрѣлецкій, опускаясь на стулъ посреди дѣвицъ.—Милѣйшая тетушка ваша затѣяла замужъ выходить, вотъ что!

Барышни чуть не подскочили при этой новости.

— Тетушка! замужъ! за кого? — вскричали звонкіе голоса.

— За Сергѣя Павловича,—объявилъ Стрѣлецкій.

Сестры обернулись другъ къ другу и всплеснули руками. Людмила вспыхнула, а Павла поблѣднѣла.

— Не можетъ быть, это какая-нибудь сплетня... — сказала Людмила.—Что тетушка выходитъ замужъ, это на нее похоже, но только не за Сергѣя Павловича.

— Именно за него,—подтвердилъ серьезнымъ и значительнымъ топомъ Стрѣлецкій.—А я-то, дуракъ такой, хлопоталъ за него... Это подлость съ его стороны, и, по моему мнѣнію, вы не должны принимать его у себя.

Между присутствующими водворилось молчаніе. Павла стояла, опершись руками на спинку кресла, и рѣсницы ея вздрагивали подъ ея усиліями сохранить спокойное выраженіе лица. Людмила старалась не глядѣть на нее и нервно теребила кружевца носового платка. Шуша отошла къ окну и смотрѣла на дворъ.

— Но почему же Сергѣй Павловичъ не имѣетъ права жениться на комъ хочетъ?—первая прервала молчаніе Павла.

Но ея голосъ дрогнулъ, и она поспѣшно повернулась и вышла въ другую комнату.

— Онъ поступилъ самымъ недостойнымъ образомъ, — продолжалъ Стрѣлецкій.—А со стороны тетушки—что это такое, я и назвать не умѣю. Старая, размалеванная дрянь!

— У которой нѣсколько десятковъ тысячъ дохода, — промолвила, хмуря брови и саркастически усмѣхаясь, Людмила.

Шуша быстро повернулась у окна, и отрывисто выпалила:

Digitized by Google

— Крашеная пьяница!

А Павла, добравшись до своей комнаты, бросилась на постель и уткнулась лицомъ въ подушки...

XXXII.

Курьеръ привезъ Вязигину атласистый конвертъ съ бланкомъ Бахарина. Изъ конверта выпалъ печатный пригласительный билетъ на вечеръ, и записочка, въ которой Артамонъ Яковлевичъ, выражая надежду непремѣнно видѣть у себя Сергѣя Павловича, просилъ взять съ собою „интереснѣйшій инструментъ", чтобы доставить обществу новое и неожиданное удовольствіе.

Вязигинъ засталъ у Бахарина съ полсотни гостей, принадлежавшихъ къ довольно различнымъ петербургскимъ кругамъ. Замѣтно было, что въ составленіи списка приглашенныхъ участвовала нѣкоторая „идея". Были представители литературы, науки и искусства, но по преимуществу изъ такихъ, которые уже извѣстны горячею заинтересованностью въ вопросахъ о культурной самобытности и народномъ творчествѣ. Преобладали, вообще, люди зрѣлые, съ серьезными лицами и степенной осанкой. Звѣздъ тоже было много, но въ особенности какихъ-то рѣдкихъ, не-русскихъ. Немногіе молодые люди держались больше въ сторонѣ, и, встрѣчаясь глазами съ особами крупнаго значенія, принимали искательное выраженіе. Дамы преобладали—пожилыя и некрасивыя. Только одна, недурная собой и со вкусомъ одѣтая, привлекала общее вниманіе и казалась украшеніемъ раута. Это была m-me Бочарская, жена полковника, котораго мы видѣли за завтракомъ у Стрѣлецкаго. Онъ какимъ-то образомъ достигъ, что его стали приглашать съ женою.

Но самымъ главнымъ предметомъ общаго и сосредоточеннаго вниманія былъ Вязигинъ. Его можно было считать настоящимъ героемъ вечера. Никакое сіяніе русскихъ и не-русскихъ звѣздъ не могло спорить съ незримымъ блескомъ, окружавшимъ его личность. Многіе пріѣхавшіе на раутъ уже знали, что онъ беретъ за женою милліонъ; остальные узнали объ этомъ тутъ же. Знакомые жали ему руку съ такимъ удовольствіемъ, какъ будто при этомъ пожатіи часть его богатства должна была прилипнуть къ ихъ пальцамъ. Незнакомые искали, черезъ кого бы ему представиться. Дамы какъ-то безсознательно ему улыбались и лорнировали его въ упоръ. Всѣ находили, что онъ очень интересенъ, что въ его лицѣ есть что-то особенно умное и значительное.

Digitized by Google

Часъ общественнаго злословія былъ близокъ, но еще не насталъ.

Бахаринъ, взявъ Вязигина подъ руку, отвелъ его въ сторону и дружески-любопытнымъ тономъ спросилъ:

— Васъ надо вдвойнѣ поздравить, не правда ли? Кромѣ назначенія по службѣ, вы вступаете въ бракъ, и притомъ, говорятъ, съ очень богатой особой?

Вязигинъ отвѣтилъ, что его свадьба назначена черезъ двѣ недѣли.

— Ваша невѣста, я слышалъ, чрезвычайно богата?—повторилъ свой вопросъ Бахаринъ.

— Я оцѣняю состояніе моей невѣсты въ пятьдесятъ тысячъ годового дохода, — объяснилъ Вязигинъ.

— Пятьдесятъ? Однако!—произнесъ Бахаринъ, и съ какимъ-то даже подозрительнымъ выраженіемъ оглядѣлъ молодого человѣка съ ногъ до головы.—Мнѣ будетъ очень пріятно получить приглашеніе на свадьбу и познакомиться съ вашей будущей женой.

Вязигинъ поклонился, и тутъ же мысленно рѣшилъ, что на конвертѣ съ пригласительнымъ билетомъ надо приписать: „съ семействомъ“. Можетъ-быть Бахаринъ пріѣдетъ съ женой и дочерью, и такимъ образомъ Раиса Ивановна пріобрѣтетъ первое семейное знакомство въ петербургскомъ свѣтѣ.

Стрѣлецкій долго дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ Вязигина, но затѣмъ, столкнувшись съ нимъ лицомъ къ лицу, смалодушествовалъ, и первый протянулъ ему руку. Онъ, впрочемъ, былъ сегодня въ отличномъ расположеніи духа: бессарабскій дядя, наконецъ, пріѣхалъ, и Игорь Васильевичъ „распечатался“. Тѣмъ не менѣе, онъ отнесся къ Вязигину нѣсколько сухимъ тономъ:

— Ваша новость меня очень удивила...

Сергѣй Павловичъ былъ готовъ къ маленькому объясненію съ Стрѣлецкимъ, и спокойно встрѣтилъ его строгій взглядъ.

— Моя женитьба? — переспросилъ онъ.

— Вы сами понимаете...

— Ахъ, Боже мой, кто можетъ понять такія вещи!—проговорилъ Вязигинъ. — Мѣсяцъ тому назадъ, я былъ такъ же далекъ отъ подобной мысли, какъ и вы. Все случилось удивительно быстро и неожиданно...

— Очень неожиданно, и въ особенности для меня, такъ какъ я имѣлъ основаніе предполагать у васъ совершенно другія намѣренія...—перебилъ его Стрѣлецкій. — Вы были такимъ частымъ и близкимъ гостемъ у Мамыкиныхъ...

Digitized by Google

— У Мамыкиныхъ? Но вѣдь это такое прелестное семейство! — воскликнулъ какъ нельзя проще Вязигинъ. — Вы сами тамъ бываете еще чаще меня. Если говорить откровенно, я даже подозрѣвалъ, что ваше ухаживанье за Людмилой Степановной связано съ очень серьезными видами..

Стрѣлецкій разомъ смутился, пробормоталъ что-то въ отвѣтъ, и отошелъ.

Вязигинъ былъ очень доволенъ, что такъ дешево отъ него отдѣлался. Хотя самъ Стрѣлецкій и не имѣлъ теперь для него значенія, но ему хотѣлось бы какъ можно миролюбивѣе уладить свои отношенія съ Мамыкиными: все-таки онѣ были племянницами его будущей жены, и ему предстояло часто съ ними встрѣчаться.

Бахаринъ опять подошелъ къ нему узнать, привезъ ли онъ съ собою свой гудокъ.

— Я уже обѣщалъ кое-кому пріятный сюрпризъ, и жду момента, когда публика начнетъ скучать, — сказалъ онъ.

Бочарскій приблизился, точно на ходуляхъ, на своихъ длинныхъ ногахъ, и произнесъ:

— По моему, хоръ бы надо составить, по примѣру балалаечниковъ.

— Самъ я не возьмусь, я вѣдь не спеціально этимъ занимаюсь,—скромно возразилъ Вязигинъ.

Большинство публики уже знало о гудкѣ, и очень интересовалось. Одна пожилая дама разспрашивала чиновника своего вѣдомства, тотъ ли самый Вязигинъ будетъ играть, который женится на милліонершѣ, и получивъ утвердительный отвѣтъ, совершенно неизвѣстно почему—воскликнула: „Mais c'est touchant"!

Вязигинъ немножко волновался, но сохранялъ спокойный и свободный видъ человѣка, какъ нельзя лучше привыкшаго къ обществу. Тихое, сдержанное чувство торжества наполняло его всего. Его игра была сыграна и выиграна. Онъ сдѣлался большимъ человѣкомъ, и въ этомъ собраніи весьма почтенныхъ людей не было, можетъ быть, ни одного, который не позавидовалъ бы ему въ душѣ...

Послѣ того какъ лакеи въ послѣдній разъ разнесли чашки съ чаемъ, въ большой залѣ произошло движеніе. Публика столпилась за стульями, разставленными для дамъ. На столикъ поставили ящикъ съ гудкомъ. Вязигинъ вынулъ оттуда свой инструментъ, и съ серьезной, снисходительной улыбкой артиста-любителя, готоваго служить своимъ маленькимъ искусствомъ та-

Digitized by Google

кому избранному обществу, показалъ всѣмъ свой гудокъ и объяснилъ его устройство.

Затѣмъ начался импровизированный концертъ. Вязигинъ сыгралъ что-то очень серьезное, потомъ—что-то тоже серьезное, но болѣе мірского характера, потомъ—что-то плясовое. Восторгъ избраннаго общества былъ необычайный: рукоплескали, кричали, просили повторить. Какой-то старикъ подошелъ къ виртуозу-любителю, обнялъ его и расцѣловалъ.

— Какія сокровища можно извлекать изъ нѣдръ народнаго творчества! И какъ мало мы еще знаемъ свои неисчерпаемыя духовныя богатства!—произнесъ онъ умиленнымъ голосомъ.

Вязигинъ повторилъ почти всю свою программу, потомъ долженъ былъ еще что-то сыграть. Руки его начинали уже млѣть, усталость сказывалась въ переволновавшихся нервахъ. Онъ, наконецъ, уложилъ гудокъ, засунулъ смычокъ и съ рѣшительнымъ видомъ захлопнулъ ящикъ.

Его окружили, жали ему руку, поздравляли, благодарили, разспрашивали. Съ потнымъ лицомъ и возбужденнымъ поблескиваньемъ глазъ, онъ отдавалъ себя толпѣ, которая сегодня словно была счастлива его собственнымъ счастьемъ...

В. Авсѣенко.

Digitized by Google

„ECCE EGO!“

Романъ Эрнста фонъ-Вольцогена.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Окончаніе

VIII *).

Первыя впечатлѣнія.

Въ спальнѣ, обставленной скудно, почти бѣдно, водворилась тишина. Послѣ ухода Ариберта, Шарлотта обвела задумчивымъ взглядомъ мебель, обитую простымъ ситцемъ, и остановила свое вниманіе на такой же ситцевой драпировкѣ.

Со свѣчой въ рукѣ, молодая женщина вошла туда и, при ея дрожащемъ свѣтѣ, могла убѣдиться, что этотъ небольшой уголокъ долженъ представлять собою уборную или даже ванну. Вдоль по стѣнѣ стоялъ старомодный плоскій диванъ, видимо заново обтянутый ситцемъ, а посреди пола на клеенкѣ помѣщался большой круглый чанъ бѣлой жести; рядомъ съ нимъ—кувшинъ съ водою. По другой стѣнѣ—шкафъ, для бѣлья, и полка съ простымъ круглымъ зеркальцемъ на ножкахъ; передъ полкой стояло старомодное прямое кресло, обитое клеенкой. Вотъ и все убранство „уборной“.

Шарлотта поставила свѣчу въ „ванну“ и опустилась на диванъ. Онъ не подался подъ нею, а какъ-то твердо осѣлъ: оче-

*) См. выше, май, 247 стр.

Digitized by Google

видно, въ немъ не было пружинъ, а лишь простая мочала или сѣно. Молодая женщина разсмѣялась истеричнымъ смѣхомъ, который не замедлилъ перейти въ невольныя слезы. Ей и смѣшно, и горько было представить себѣ свои изящныя платья и наряды посреди такой жалкой обстановки.

— Да за кого же, наконецъ, меня здѣсь считаютъ?—думала она.—За какую-то совсѣмъ уже пустоголовую куклу? Къ чему было имъ нужно притворяться, чтобы казаться богаче и знатнѣе? Развѣ мнѣ *это* именно было нужно?

Все было ей тревожно и противно, — противно, какъ тѣ грубыя выходки и ругательства, которыя Аривертъ позволялъ себѣ со своими слугами и домашними. Какъ жутко было ей при одномъ только воспоминаніи о нихъ! И тяжелое, жуткое чувство, которое она испытывала теперь, и отчужденіе, которое тогда вдругъ поднялось у нея на душѣ по отношенію къ мужу, словно подсказывало ей:—„Но онъ таковъ и есть; присмотрись къ нему. Онъ хвастается не шутя, онъ притворяется сознательно, нарочно“!

Въ шесть часовъ утра, когда проснулся Аривертъ, Шарлотта сдѣлала видъ, что спитъ; наклонясь надъ нею, чтобы въ этомъ убѣдиться, онъ поспѣшилъ тихонько отойти и такъ же осторожно принялся плескаться въ уборной. Одѣвшись безъ шума, онъ вышелъ поспѣшно на дворъ; но не боязнь разбудить жену подгоняла его; ему надо было поскорѣе удостовѣриться, въ какомъ видѣ возвратится къ сосѣду его блестящій экипажъ и упряжка.

Все обстояло сравнительно благополучно. Лошади почти не хромали, а щедрыя „на-водку“ окончательно сгладили въ глазахъ кучера и лакея всѣ остальные мелкіе недочеты. Любезное извиненіе Ариберта и его предложеніе, въ изящно написанной запискѣ, принять починку коляски на свой счетъ должно было окончательно уладить дѣло съ графомъ.

Коляска укатила со двора; но это еще не значило, что Аривертъ могъ вздохнуть свободно. Ему предстояло бурное объясненіе съ управляющимъ, который не замедлилъ явиться. Поднялась и въ самомъ дѣлѣ цѣлая буря упрековъ и взаимной брани; на шумъ сбѣжались рабочіе и дворовые, и, злорадно усмѣхаясь, жадно вслушивались въ каждое слово смѣлаго управляющаго, который громко требовалъ разсчета. Молодой хозяинъ, однако, долженъ былъ сдерживаться, чтобы не поднять на ноги весь домъ; уже и то въ одномъ изъ оконъ мелькнула бѣлая кофта его ма-

Digitized by Google

тери, а съ минуты на минуту могла сбѣжаться и вся дворня. Онъ поспѣшилъ уйти; но въ корридорѣ изъ-за двери его поманила мать.

— Ш-ш! — прошептала она: — что, Лотта успѣла развеселиться?

— Нѣтъ, еще спитъ,—проворчалъ въ отвѣтъ новобрачный.

— Ну, и слава Богу! А то я боялась, что она услышитъ вашу ссору. Ужъ и поднялъ же ты перепалку!

— Вотъ потому-то мнѣ и хотѣлось пораньше покончить съ ними. Дай мнѣ чашку кофе... да покрѣпче. Ну, ужъ и золъ же я!..

Арибертъ вошелъ въ столовую и закурилъ сигару. Солнце свѣтило ему на встрѣчу въ стеклянную дверь, которая вела на веранду. Онъ распахнулъ ее и вмѣстѣ со свѣжимъ утреннимъ воздухомъ, напоеннымъ еще невысохшей росою, ворвался въ угрюмый домъ пестрый хоръ птичьяго щебетанья. Зеленыя вѣтви сверкали драгоцѣннѣйшими камнями. Все вокругъ радовалось наступающему солнечному теплому осеннему дню.

Арибертъ вышелъ на веранду и нѣсколько минутъ покурилъ, опершись на косякъ входной двери. Пыхнувъ еще разъ-другой своимъ горящимъ окуркомъ, онъ сошелъ внизъ по гранитнымъ ступенямъ и, пройдя немного по дорожкѣ, оглянулся на окно Шарлотты. Занавѣсь спущена. Ну, и прекрасно. Кстати, вонъ Лина ужъ несетъ горячій, ароматный кофе. „Мама“ успѣла ужъ прикрыть свои рѣдкіе, но еще темные волосы старенькой наколкой и облечься въ капотъ.

— Ну, что, мой сынокъ? Выспался?—спросила она, гладя его по затылку и ласково улыбаясь.

Арибертъ налилъ себѣ до краевъ чашку кофе и пожалъ плечами. Мать терпѣливо выждала, пока онъ пилъ, и дождалась отъ него вопроса:

— Ну, какъ же она нравится тебѣ?

— Пока, ничего себѣ. Въ ней есть что-то изящное, утонченное; только она, кажется, ужъ очень молчалива.

— По мнѣ, такъ она слишкомъ много думаетъ. Будьте осторожны; она все провидитъ своими тихими голубыми глазами. И вотъ еще что: обстановка въ нашей спальнѣ ей просто противна.

— Что? Противна? Когда я сама купила новый фарфоровый умывальный приборъ, а подъ ея платья очистила отцовскій шкафъ для охотничьихъ припасовъ... Да что жъ, она тебѣ это вчера сказала?

Digitized by Google

— Нѣтъ, она ничего не говоритъ, но это было замѣтно.

— А скажи, пожалуйста, ты не боишься, что она узнаетъ про все твое притворство?

— Велика важность! Ну, я ли виноватъ, что я не Крезъ? И, наконецъ, если она меня хоть сколько-нибудь любитъ... Любовь великодушна; любящему человѣку все готовы простить! А я ее люблю... Нѣчего фыркать! Да,—*люблю!* Я по-уши влюбленъ въ свою жену, — честное слово! Дай только время, и ты удивишься, какъ все устроится, и какъ я подыму высоко славный родъ Клинкенберговъ.

— А какъ ты справился со своимъ свадебнымъ подаркомъ?

— Прекрасно! Ева уступила мнѣ свое роскошное кольé за полторы тысячи марокъ, и я буду выплачивать ей ежегодно понемногу... Но и Кàрола тоже молодецъ: мы со дня нà день можемъ ожидать извѣстій о помолвкѣ. Генрихъ Шенбекъ, нашъ угрюмый докторъ, отъ нея не отходитъ. Посмотрѣла бы ты, какъ онъ увивается за нею!—все понижая голосъ, шепталъ Аристертъ. — Пойду пока присмотрѣть за хозяйствомъ и попрошу тебя поставить на видъ Лоттѣ, когда она встанетъ, какая съ моей стороны великая заслуга въ первый же день свадьбы съ ранняго утра быть за работой. Скажи ей, что девизъ твоего сына: *первое дѣло—долгъ!* Она должна прежде всего научиться меня уважать.

Тѣмъ временемъ Лотта, проспавшая прекрасно почти до десяти часовъ, съ помощью Лины успѣла разложить свои вещи и полюбоваться на искренній восторгъ молодой крестьянки, которая и во снѣ не видывала такихъ волшебныхъ прелестей. Сначала она только ахала и улыбалась; потомъ, сдѣлавшись посмѣлѣе подъ милымъ взоромъ молодой женщины, рѣшилась прикоснуться къ каждой оборочкѣ, къ каждому кружевцу; а тамъ, — помогая одѣваться своей доброй госпожѣ, — уже провела, въ видѣ ласки, своей загрубѣлою рукой по атласной, словно выточенной, красивой рукѣ Шарлотты, какъ бы желая осязать это прелестное видѣніе, которое она боялась признать за простого смертнаго—до того оно было дивно хорошо.

Смѣясь и радуясь простотѣ, съ которой Лина выражала свой восторгъ, молодая женщина, для развлеченія, разспрашивала ее про ея семью, про ея прошлую и настоящую жизнь. Лина обо всемъ говорила откровенно и такъ же откровенно призналась, что „мамзелька“ (то-есть экономка) моритъ ихъ голодомъ и ни разу порядочно не накормила!

— Не печалься; теперь я сама примусь за хозяйство, —

Digitized by Google

утѣшала ее молодая женщина. — А главное, помни: сама того не желая, ваша „мамзелька“ потому такъ небрежно относилась къ вамъ, что самые вѣрные слуги позволяютъ себѣ распускаться, когда хозяева въ отлучкѣ. Понятно, что дома не было порядка, пока фрау фонъ-Клинкенбергъ была на водахъ...

— На водахъ?

— Ну, да, ѣздила купаться.

— И, полно вамъ! Никуда не ѣздила она, и дома-то Богъ знаетъ когда еще купалась,—возразила молодая дѣвушка.

— Вѣдь она цѣлый мѣсяцъ какъ не жила дома,—перебила ее Шарлотта. — Впрочемъ, мнѣ, вѣроятно, такъ только казалось...

Хозяйка дома и тетя Лольхенъ съ восьми часовъ сидѣли за семейнымъ столомъ, поджидая молодую за кофейнымъ приборомъ; одна тетя, которая изучала прелести календаря „Бальзамина“, или „Христіанскій садъ“ на 189* годъ, нашла возможность не скучая провести эти нѣсколько часовъ... Наконецъ, почти въ одиннадцать, Шарлотта появилась.

— Ужъ вы простите Ариберта, моя милочка,—начала его мать.—Ему слѣдовало бы, собственно говоря, быть около васъ, но таковъ ужъ онъ у меня отъ природы: онъ вѣренъ своему девизу: *долгъ прежде всего!*

На Лотту подѣйствовалъ непріятно говоръ свекрови; она слегка вздохнула и провела рукой по лицу.

— Я вообще не имѣю привычки поздно вставать; но я уснула только на разсвѣтѣ.

Она проговорила все это въ простотѣ душевной, но свекровь не удержалась, чтобы не подмигнуть многозначительно тетѣ Лоллѣ. Это не ускользнуло отъ вниманія молодой, и она на мигъ вспыхнула румянцемъ.

— Не думайте, что я сидѣла безъ дѣла,—начала она:—я уже успѣла разобрать свои вещи, да, кстати, хочу теперь просить возможно скорѣе указать мнѣ мои хозяйственныя обязанности. Я рада, что могу теперь помочь, когда вамъ такъ нужно берэчь свои силы послѣ болѣзни и строгаго курса леченія...

Шарлотта зорко смотрѣла на обѣихъ: онѣ выдержали смѣло ея взглядъ, только у тетушки уши покраснѣли.

— Весьма любезно съ вашей стороны; купанья дѣйствительно мнѣ очень помогли...

— И въ самомъ дѣлѣ, мама имѣетъ въ общемъ вѣдь совсѣмъ хорошій видъ; не правда ли, милая тетя? — замѣтила Лотта.

Digitized by Google

— О, да! Благодаря Бога, у нея здоровая натура,—краснѣя, согласилась тетя Лольхенъ.—Конечно, всѣ мы подъ Богомъ ходимъ...

Шарлотта не спѣша выпила кофе и проговорила:

— Мнѣ Лина очень понравилась; а давно она у васъ служитъ?

— Ужъ третій годъ, — отвѣтила фрау Клинкенбергъ. — А что? Она оказалась неумѣлой?

— Нѣтъ; только у нея память, очевидно, коротка!

Свекровь въ недоумѣніи взглянула на нее и—вдругъ все поняла; вязанье дрогнуло у нея въ рукахъ.

— Аріибертъ хотѣлъ...—начала она смущенно.

— Я и впредь буду придерживаться желаній Ариберта,—твердо и холодно сказала Шарлотта.—Позвольте мнѣ еще чашку кофе!

Обѣ женщины бросились ей услуживать, чувствуя большое облегченіе, что еще такъ счастливо отдѣлались.

Воспользовавшись первой удобной минутой, фрау фонъ-Клинкенбергъ поднялась сама и потянула за собою, подъ руку, тетю Лольхенъ.

— Надѣюсь, вы насъ извините? Намъ надо по хозяйству...— и обѣ удалились.

Шарлотта ужъ не сдерживала больше глубокаго вздоха и, тяжело дыша, подбѣжала къ открытой двери.

Ужасно! Ужасно! Въ какія-нибудь сутки всѣ ея мечты разлетѣлись въ прахъ—всѣ заразъ! Но, можетъ быть, все къ лучшему, можетъ быть, теперь конецъ притворству? Не можетъ же *онъ* продолжать ее обманывать и притворяться? Не можетъ *все* въ немъ быть испорчено и лживо? Не можетъ ея сердце ошибаться!..

Послышался шорохъ шаговъ... Только бы поскорѣй передохнуть и никому бы на глаза сейчасъ не попадаться!

Бѣгомъ бросилась Лотта внизъ по ступенькамъ и вскорѣ очутилась у ограды. А, такъ вотъ гдѣ кончается тотъ „паркъ“, о которомъ такъ горячо повѣствовалъ Аліибертъ!...

Горькій, прерывистый смѣхъ молодой женщины дрогнулъ въ утреннемъ ясномъ воздухѣ. Она толкнула калитку и очутилась въ полѣ. За нимъ чернѣли лѣса.

Digitized by Google

IX.

Все къ лучшему.

Въ лѣсу было тихо. Отъ густой сѣни развѣсистыхъ елей, отъ бархатистыхъ, сырыхъ мховъ вѣяло спокойствіемъ, прохладой. Съ облегченной грудью вздохнула молодая женщина и рѣшила:

— Хорошо бы тутъ сѣсть и остаться наединѣ съ моими тревожными думами!

Но въ ту минуту, когда Шарлотта искала глазами удобнаго мѣстечка, гдѣ бы опуститься на землю, она вдругъ замѣтила что-то темное, какъ будто свернувшагося клубкомъ человѣка, и ей стало жутко при мысли, что она одна съ нимъ въ глуши. Она ужъ поворотила, чтобы потихоньку убѣжать, но въ эту минуту человѣкъ приподнялся, и Лотта узнала Карла-Фрица, который уставился на нее, какъ бы недоумѣвая:—уйти ли ему, или остаться? Молодую женщину охватила такая же нерѣшимость; но сегодня, при дневномъ свѣтѣ, не злоба и ненависть, а какая-то смутная тоска свѣтилась въ его тихихъ, большихъ темно-карихъ глазахъ, бархатистыхъ, какъ у молодой лани; все лицо его, обрамленное шелковистыми свѣтло-русыми кудрями, казалось мягкимъ и почти дѣтски-привѣтливымъ.

Шарлоттѣ стало жаль его; она подошла поближе и протянула ему руку. Онъ приподнялъ шляпу и губы его зашевелились, какъ бы шепча ей: здравствуйте! Карлъ-Фрицъ знаками выразилъ удивленіе, что она такъ далеко отошла отъ дому безъ зонтика, безъ шляпы; Лотта отвѣтила улыбкой, пожимая плечами; но вѣроятно что-нибудь выдало ея внутреннія ощущенія, потому что Карлъ-Фрицъ съ пренебреженіемъ замахалъ рукою по направленію къ усадьбѣ, какъ бы говоря:

— Да, да, ты права! Бѣги отъ нихъ, бѣги поскорѣе и подальше!—Она поняла его взгляды, его горячія движенія, и ее вдругъ охватило полное сознаніе своего одиночества, своей безпомощности, которое сравняло ее съ этимъ несчастнымъ полуидіотомъ, заброшеннымъ всѣми. Лотта поднесла къ глазамъ свой тонкій батистовый платочекъ, а Карлъ-Фрицъ не сводилъ съ нея пытливаго взгляда. Наконецъ, она отерла слезы и взглянула на него съ улыбкой, какъ бы извиняясь, что была такъ малодушна; тогда онъ поспѣшно вынулъ изъ кармана записную книжку и подалъ ей, вмѣстѣ съ карандашомъ, раскрытую на

Digitized by Google

чистой страницѣ. Сначала Шарлотта не знала, что̀ ему написать, но потомъ спросила:

— Почему вы разсердились на меня вчера?

— И вовсе не на васъ!—написалъ онъ въ отвѣтъ, движеніемъ руки горячо подтверждая свои слова:—*Альбертъ* все у меня взялъ. Я ничего не имѣю!

— Въ васъ говоритъ зависть,—возразила молодая женщина.

— Вовсе нѣтъ: онъ самъ того не стоитъ!

Восторженный взглядъ бѣдняги скользилъ по ея прелестному лицу, по ея стройному дѣвичьему стану; въ умиленіи онъ протянулъ впередъ свои слабыя, тощія руки, какъ бы для того, чтобы дополнить недосказанное взглядомъ. Молодая женщина вспыхнула стыдливо и поспѣшила отвлечь его вниманіе вопросомъ:

— Не правда ли, я вамъ больше не противна? Я вамъ добра желаю; вы можете на меня положиться. Но и мнѣ хотѣлось бы видѣть въ васъ моего *друга;* мнѣ нужны вѣрные друзья.

Свѣтлая улыбка озарила лицо несчастнаго; онъ усердно закивалъ головою въ знакъ согласія и, прижавъ нѣсколько разъ руку къ сердцу, проворно нацарапалъ въ отвѣтъ:

— Я все видѣлъ, все знаю. *Онъ* не посмѣетъ сдѣлать ничего дурного!

Шарлотта до боли закусила себѣ губы при мысли, что онъ такого низкаго мнѣнія о братѣ, и для того, чтобы его разсѣять, предложила заняться съ нею изученіемъ азбуки глухонѣмыхъ.

Карлъ-Фрицъ съ радостью согласился, и весь засіялъ отъ удовольствія, когда его ученица оказалась весьма прилежной и способной. Углубившись въ свое занятіе, они ничего другого не видѣли, не слышали; поэтому немудрено, что Лотта вздрогнула, заслышавъ свое имя.

Въ сторонѣ, по тропинкѣ ѣхалъ верхомъ Ариберть, возвращавшійся со своего хозяйственнаго объѣзда. Жена встала и не спѣша пошла къ нему на встрѣчу, но братъ ни за что не захотѣлъ слѣдовать за нею.

Ариберть спѣшился и, ведя за собой на поводу своего вѣрнаго коня, свободной рукою нѣжно обвилъ станъ своей красавицы-жены, какъ она ни противилась этому.

— Но это просто скандалъ! Въ первый же день твоего пріѣзда тебя бросили одну, на произволъ судьбы.

Digitized by Google

— Я сама такъ хотѣла,—возразила Шарлотта беззвучнымъ голосомъ.—Мнѣ хотѣлось побыть одной и потомъ поговорить съ тобою, прежде чѣмъ мнѣ придется опять встрѣтиться съ твоими...

Озадаченный такимъ вступленіемъ, Аріберть счелъ своимъ долгомъ все-таки отшутиться.

— Боже, что у тебя за лицо! Ты, вѣрно, сердишься, что я тебѣ помѣшалъ спать?

— О, нѣтъ! Я внѣ себя отъ негодованія... я убѣдилась, что ты лжешь!—она подняла голову и взглянула ему прямо и рѣшительно въ лицо.

— Позволь, однако... Что это значитъ,—началъ Аріберть и такъ дернулъ за-поводъ, что лошадь въ раздраженіи запрыгала на мѣстѣ вокругъ него.

Лотта отошла въ сторону и подождала, пока ему удалось усмирить разгоряченное животное. Тѣмъ временемъ и его собственное раздраженіе нѣсколько поулеглось.

— Ну, подойди же, подойди!—обратился онъ ласково къ женѣ.—Не бойся, лошадь ничего тебѣ не сдѣлаетъ; мы оба съ нимъ не такъ дурны, какъ это кажется на первый взглядъ. Позволь мнѣ тебѣ его представить, какъ моего стараго друга. Только тебѣ не слѣдуетъ употреблять такія рѣзкія слова. Конечно, я понимаю хорошо, что замокъ и порядки въ Штрезенѣ могли не понравиться тебѣ; я вѣдь предупреждалъ тебя еще дорогой, чтобы ты особеннаго ничего не ожидала. А насчетъ этой злополучной выдумки взять у графа Ретца напрокатъ его ландо, я уже высказалъ мамѣ мое мнѣніе, будь спокойна! Иной разъ ей приходятъ въ голову необычайныя фантазіи...

— И это тоже была фантазія твоей мамы—сказаться больной и писать письма будто бы съ приморскихъ купаній?—тяжело дыша, горячилась Лотта.—Ей надо было, чтобы мы съ братомъ не успѣли побывать здѣсь до свадьбы.

Аріберть больше не улыбался.

— Ахъ, и это ужъ тебѣ извѣстно? Видишь ли, Лотта, если-бы ты только знала...

— Прошу тебя, говори безъ обиняковъ! Зналъ ты объ этомъ: да или нѣтъ?

— Ахъ, Боже мой! И спрашивать нечего; конечно, зналъ прекрасно! Такія вещи долго скрыть нельзя.

Аріберть глубоко вздохнулъ и тихо зазвучалъ его голосъ:

— Ну, да, конечно, зналъ, если ужъ ты меня вынуждаешь это сказать. Но я уже достаточно за это поплатился; я мучался все время въ глубинѣ души, что мнѣ пришлось пуститься

Digitized by Google

на такой мелочный обманъ. И чего ради? Только ради того, что у нашихъ дамъ всѣ платья старомоднаго фасона, и онѣ были бы на свадьбѣ не у мѣста... Что жъ дѣлать, если вмѣстѣ съ родовымъ помѣстьемъ я получилъ въ наслѣдство и отцовскіе долги? Но скоро, слава Богу, все придетъ въ порядокъ: я уплатилъ сполна, и старый домъ мало-по-малу приметъ приличный видъ...

— Какъ же ты меня низко цѣнишь, если можешь допустить, будто мнѣ не все равно, ходить ли по настоящимъ персидскимъ коврамъ, или по голому полу?—воскликнула Шарлотта, и глаза ея сверкнули гнѣвомъ.—Говорю тебѣ прямо, я была бы довольна и бѣлыми, некрашеными полами, лишь бы у насъ въ домѣ жили искренность и любовь! Съ насъ хватитъ и моего состоянія, а богатство моего мужа вотъ въ чемъ должно заключаться (и она коснулась головы и сердца); и тутъ, и тамъ у него должно заключаться столько неизсякаемыхъ сокровищъ, что онъ хоть малую ихъ долю долженъ ежедневно удѣлять своей женѣ, не ощущая въ нихъ ущерба. Побольше вѣры, уваженія другъ къ другу,—и жизнь пойдетъ прекрасно; а какъ же можешь ты уважать женщину, которая настолько мелочна, чтобы придавать значеніе фасону платья твоей матери, или отсутствію стиля въ твоей домашней обстановкѣ?

Ариберъ слушалъ ее молча, обнимая за шею своего друга-лошадь и опустивъ глаза.

— Ты права, тысячу разъ права! И слава Богу, что тебѣ незнакомы муки ложнаго стыда, черезъ которыя мнѣ пришлось пройти! Повѣрь мнѣ,—можно быть самымъ искреннимъ, самымъ честнымъ человѣкомъ и быть поставленнымъ въ необходимость лгать въ силу глупѣйшихъ общественныхъ предразсудковъ! Эта необходимость всѣхъ насъ принижаетъ, всѣхъ заставляетъ кривить душой и вступать въ сдѣлки съ совѣстью. Еслибы ты только могла себѣ представить, при какихъ условіяхъ зародилась и развилась моя любовь къ тебѣ! Отчаяніе овладѣло мной при мысли, что я смѣлъ помыслить о тебѣ, недосягаемой... богатой. Пошли безсонныя, мучительныя ночи, пошли все время непрерывныя терзанія... но подавить въ себѣ все разроставшееся чувство я не могъ. И вотъ въ чемъ долженъ я еще тебѣ признаться: въ разговорѣ съ моимъ... гм!.. гм!.. съ однимъ моимъ знакомымъ изъ торговаго міра... я какъ-то рѣшился упомянуть ваше имя:—Вѣдь Шенбека, говорю, считаютъ въ десяти милліонахъ?—Ну нѣтъ, возразилъ знакомый, вовсе они ужъ не такъ богаты.—Еслибъ ты видѣла, еслибъ ты могла чувствовать, какъ вся душа моя возликовала! Это мнѣ дало смѣлость, какъ ты гово-

Digitized by Google

ришь, *солгать*. Ну, да, я пустился на штуки, чтобы только увидать тебя. Но ты сама же говоришь, что не въ богатствѣ счастье любящихъ существъ, и предъ тобой мнѣ нечего было страшиться; вѣдь ты сама сказала, что любишь меня. Только за что же меня было любить? Я этого ничѣмъ не заслужилъ; я самъ себѣ прекрасно цѣну знаю. И, наконецъ, ты раньше вѣдь совсѣмъ меня не знала. Я иначе и объяснить себѣ не могъ такое счастье, какъ тѣмъ, что сила моей страсти сообщилась и тебѣ. Глубокія, искреннія натуры, какъ твоя, инстинктомъ чувствуютъ, когда страсть искренна, и когда нѣтъ. Вотъ почему ты *должна* была непремѣнно меня полюбить. Но въ то же время, развѣ ты не могла поддаться дурному впечатлѣнію, еслибы попала сюда, къ намъ, еще до свадьбы? Почемъ знать, можетъ быть, мои дамы могли бы оттолкнуть тебя отъ меня, пока чувство твое еще только зарождалось? Можетъ быть, ихъ обращеніе, вся наша обстановка тебя бы только напугали?.. Такъ вотъ что̀ меня поставило въ необходимость... что̀ заставило меня рѣшиться солгать еще — и въ „послѣдній“ разъ.

Шарлотта дала ему высказаться, не перебивая, не останавливая. Все, что̀ онъ говорилъ, было такъ логично; онъ такъ вѣрно объяснилъ то внезапное зарожденіе въ ней чувства любви, которое она себѣ не могла до сихъ поръ объяснить опредѣленно! Дѣйствительно, ничто другое, какъ именно его пылкая, искренняя страсть, не могло бы увлечь, ни застигнуть ее врасплохъ. Онъ правъ,—только женщина, чувствующая глубоко и такъ же искренно, одна способна оцѣнить и раздѣлить такое чувство.

Искоса глядя на его поникшую голову, на его опущенныя вѣки, на его удрученную походку, она уже начинала подмѣчать въ сердцѣ своемъ приливы жалости къ тому, кого она надѣялась возродить къ новой и болѣе отрадной жизни; тѣмъ тяжелѣе было ей подумать, что она готова ужъ была безповоротно считать его погибшимъ и погрязшимъ во множествѣ обмановъ... Но все-таки слово прощенія еще не шло ей на языкъ; въ смущеніи своемъ она могла только повторить:

— Да? Въ *послѣдній* разъ?

Онъ измѣнился въ лицѣ; онъ тяжело и прерывисто переводилъ духъ.

— Ты мнѣ не вѣришь? — воскликнулъ онъ и припалъ лицомъ къ густой гривѣ своего любимца.

— Слышишь, другъ, она не вѣритъ намъ съ тобой? Что̀ же ты молчишь? Но нѣтъ! Ее не переубѣдишь... Единственное, что̀

Digitized by Google

мнѣ остается, это послѣдовать примѣру моего несчастнаго отца и... пустить себѣ пулю въ лобъ!

Лошадь, конечно, молчала и только тихонько шевелила своими шелковистыми, изящными ушами; какъ бы съ укоромъ смотрѣли на Шарлотту ея большіе умные глаза. Шарлотта робко положила свою руку на рукавъ мужа и слегка оттолкнула морду лошади.

Аribертъ оглянулся на жену и ждалъ, чтобы она заговорила.

— Да? Больше никто не встанетъ между нами?—повторяла она.

— И ты—простишь мнѣ? Ты не побоишься мнѣ довѣрить жизнь свою?

— Нѣтъ, отчего же? Вѣдь ты меня немножко любишь? — уже съ оттѣнкомъ лукавой шутки возразила Шарлотта и не мѣшала мужу осыпать ея лицо поцѣлуями.

Вдругъ чье-то горячее дыханіе шевельнуло нѣжные завитки ея волосъ, и въ ту же минуту къ ея разгоряченной щекѣ просунулась мягкая морда лошади. Съ веселымъ смѣхомъ Шарлотта поднялась на цыпочки и съ нѣжной лаской потрепала ея шею, ея морду и красивыя уши.

— Что, другъ мой?—обратился къ лошади Аribертъ, не выпуская изъ своей руки руку Шарлотты: — ты видишь, госпожа твоя опять повеселѣла; ты радуешься, добрый соучастникъ нашего примиренія? Ты и безъ словъ благословляешь нашъ союзъ... Ну, а теперь — бѣги къ себѣ, въ свою конюшню!—и Аribертъ хлопнулъ лошадь по бедру; она побѣжала, но въ двухъ шагахъ остановилась, оглянулась, какъ бы недоумѣвая, за что ее гонятъ, и видя, что хозяинъ ничего не дѣлаетъ, чтобы ее вернуть, тряхнула своей стройной головою и затрусила неспѣшною рысцой по направленію къ конюшнѣ.

Встревоженныя исчезновеніемъ и продолжительнымъ отсутствіемъ Шарлотты, ея свекровь и тетка пришли въ еще бо́льшее безпокойство, когда увидали, что лошадь Аribерта вернулась безъ своего сѣдока. Дѣлались самыя нелѣпыя предположенія.

— И какой-то странный взглядъ былъ у этой Шарлотты,—припоминала фрау фонъ-Клинкенбергъ. — Я тогда же подумала: ну, что-нибудь да ужъ приключится!

— Боже мой, Господи! Надѣюсь, что ничего такого не случилось! Богъ милостивъ; Онъ не попуститъ!..—лепетала тетя Лольхенъ.

— Ничего!.. *Ей* не мѣшаетъ знать съ самаго начала, что

Digitized by Google

она не смѣетъ бросать въ лицо матери своего мужа дерзкіе упреки въ... въ притворствѣ.

— А я вамъ съ самаго начала развѣ не говорила, что не бывать добру отъ вашей вѣчной лжи? Покойный дядя Викторъ съ дѣтства намъ внушалъ: „Привыкнешь лгать маленькимъ, — будешь большимъ—не отвыкнешь“. Да вотъ погоди!—Тетя пошла, принесла свою записную книжонку и напыщеннымъ голосомъ прочла различныя изреченія изъ священнаго писанія.

— Я тебѣ вѣрно говорю: ужъ кончится тѣмъ, что ты должна будешь выѣхать отсюда: „Такъ хочетъ Богъ“!

— Ну, ужъ нѣтъ! Сына-то своего я, кажется, довольно знаю: онъ не оставитъ свою мать.

— А что сказано въ священномъ писаніи: „Оставитъ человѣкъ отца своего и матерь свою и прилѣпится къ женѣ“?.. — побѣдоносно возгласила тетушка.

— Мало ли чего еще тамъ насказано!—возразила съ презрѣніемъ фрау фонъ-Клинкенбергъ.

— Вотъ ты какъ, вотъ какъ? Нѣтъ, ужъ слуга покорная! Не могу больше выносить такихъ глумленій! Ничего общаго съ вами не хочу имѣть; послѣ такихъ рѣчей, если ты обо мнѣ такого мнѣнія, то лучше намъ ужъ разойтись и... да, да, именно,— раздѣлиться! А каково вамъ это будетъ, дѣти мои? Тогда ужъ вамъ конецъ... конецъ, конецъ!—И тетушка, подпрыгивая, удалилась изъ столовой въ ту самую минуту, когда на порогѣ показались изумленные супруги и остановились рука объ руку, глядя на странную картину, которая была передъ ними.

За обѣдомъ тетушка была возбужденно весела и говорлива; по ея обращенію Ариберту нетрудно было догадаться, что между обѣими „пожилыми дамами“ нѣчто произошло. Впрочемъ, ни у кого не было легко на душѣ, и всѣ, какъ бы сговорившись, избѣгали касаться въ бесѣдѣ своей другихъ предметовъ, кромѣ обѣда и хозяйственныхъ, самыхъ пустыхъ мелочей.

За обѣдомъ видя, что Шарлотта не распечатала только-что полученныхъ писемъ, свекровь попросила ее не стѣсняться.

Одно изъ нихъ, какъ она догадалась, судя по маркѣ, было отъ д-ра Абелэ и заключалось всего въ нѣсколькихъ строкахъ:

„Многоуважаемая баронесса! Быть можетъ, вамъ даже непріятно будетъ вспомнить въ самый день свадьбы про человѣка, который имѣлъ дерзость питать слишкомъ смѣлыя надежды въ то время, какъ сердце ваше принадлежало другому, а я самъ могъ только смѣшить васъ своимъ неумѣстнымъ исканіемъ. Простите же, пожалуйста, эту неловкость несчастному, который успѣлъ теперь про-

Digitized by Google

зрѣть. Не могу удержаться отъ стремленія привѣтствовать васъ въ этотъ день и пожелать вамъ отъ души полнѣйшаго счастья. Дай Богъ, чтобъ сердце ваше васъ не обмануло. Прошу васъ объ одномъ: постарайтесь забыть про своего неудавшагося поклонника, чтобы не лишить меня смѣлости даже вдали отъ васъ считаться вашимъ искреннимъ и душевно-преданнымъ другомъ. — Алоизъ Абелэ“.

Нѣсколько мгновеній, Шарлотта печально задумалась надъ письмомъ, живо рисуя себѣ душевное состояніе бѣднаго обездоленнаго ученаго въ тотъ часъ, когда она добровольно связала судьбу свою съ Арибертомъ... Голосъ послѣдняго прервалъ ея думы:

— Можно узнать, въ чемъ дѣло?

Лотта подумала и молча протянула ему разогнутый листокъ почтовой бумаги. Затѣмъ, она разрѣзала конвертъ второго письма; изъ него выпалъ счетъ цвѣточнаго магазина и коротенькая записка, гласившая, что авторъ ея надѣется чрезъ ея ходатайство получить, наконецъ, по прилагаемому счету, такъ какъ всѣ предъидущіе г. баронъ оставлялъ безъ послѣдствій.

— Что-нибудь непріятное? — спросилъ новобрачный, безъ дальнѣйшихъ замѣчаній возвращая женѣ письмо д-ра Абелэ.

— Да, но только для тебя,—тихонько шепнула она.

Мужъ прочелъ и съ досадой стукнулъ по столу пальцемъ.

— Каналья! Хочетъ, чтобъ ты заподозрила во мнѣ какого-то дамскаго угодника, который швыряетъ деньги на цвѣты актрисамъ!

— А кто же, какъ не ты?—такимъ же шопотомъ отвѣтила Лотта.

— Тс!.. Отецъ... Но объ этомъ послѣ,—шепнулъ рѣшительно Аріберть, указывая глазами на мать.

Въ тотъ день, ни мать, ни тетка, такъ и не узнали, что стояло въ этихъ интересныхъ (о, навѣрное—чрезвычайно интересныхъ!) письмахъ.

X.

Медовый мѣсяцъ.

Такіе пустяки, какъ долги за цвѣты, не могли, конечно, смущать Шарлотту, которая понимала, что у молодыхъ людей могутъ быть подобныя траты; но ее несравненно больше безпокоила необходимость писать домой и... Неужели она обязана

Digitized by Google

„имъ“ откровенно описать всѣ треволненія и неудачи, всѣ слезы и разочарованія, испытанныя ею по пріѣздѣ въ родовой замокъ барона фонъ-Клинкенбергъ?.. Нѣтъ, нѣтъ! Въ тысячу разъ и лучше, и благоразумнѣе—не тревожить своихъ...

И Лотта ограничилась тѣмъ, что все нашла прекраснымъ, а пріемъ—радушнымъ, въ шутливомъ тонѣ присовокупивъ, что только строгій стиль обстановки—не по ней; ей бы хотѣлось вездѣ поразвѣсить свѣтлыя драпировки и поразставить мягкую будуарную мебель своей комнаты въ родительскомъ домѣ. Вдобавокъ, она убѣдительно, но весело просила, чтобы Генрихъ и Гедвига непремѣнно выпросили у отца нѣсколько тысячъ марокъ на обстановку дома,—не въ счетъ ея приданаго... И въ самомъ дѣлѣ, такимъ счастьемъ и такой беззаботной шутливостью вѣяло отъ писемъ Шарлотты, что, не желая быть ей помѣхой въ этомъ счастьѣ, старикъ-отецъ поспѣшилъ съ радостью исполнить ея желаніе, и въ теченіе всего медоваго мѣсяца Шарлоттѣ вздохнуть было некогда отъ хлопотъ по украшенію дома. Аристбертъ оказался для нея усерднымъ и весьма толковымъ помощникомъ; самъ поспѣвалъ всюду, гдѣ требовался его строгій надзоръ, и если бы не онъ, то рабочіе и обойщики провозились бы еще двѣ недѣли лишнихъ. Его мать и тетка на это время уѣхали гостить къ роднымъ; Шарлотта съ мужемъ кое-какъ ютилась въ спальнѣ „мамà“, и могла только радоваться, глядя, какъ ея мужъ былъ веселъ и энергиченъ, умѣя примиряться съ временными неудобствами, которыя ради нея ему пришлось терпѣть въ своемъ же собственномъ домѣ.

Когда рабочіе кончили, этого дома просто узнать нельзя было,—до того онъ измѣнилъ свой внѣшній и внутренній видъ. Но на свекровь и въ этомъ не могла угодить Шарлотта.

Ей все казалось слишкомъ смѣлымъ, слишкомъ напоминающимъ превышеніе власти, которое у *нея* въ домѣ будто бы позволяла себѣ эта „чужая“, эта „купчиха“. Звуки чуднаго Блютнеровскаго рояля, на которомъ еще въ дѣвушкахъ Шарлотта научилась мастерски исполнять своихъ любимыхъ композиторовъ, Шопена, Шумана, Бетховена и Вагнера, были для нея хуже всего на свѣтѣ; красивый корпусъ рояля былъ ей ненавистенъ, мѣшалъ ей будто бы ходить по комнатѣ, и наконецъ, въ одинъ прекрасный день, она сдѣлала видъ, что зашибла объ него ногу. Лотта искренно пожалѣла свекровь, которая тяжело переводила духъ и жалобно стонала. Ея охи и прихрамыванія затянулись на такой долгій срокъ, что никто больше не сталъ обращать на нихъ вниманія, и они прекратились. Но этимъ не

Digitized by Google

кончилось: баронесса принялась мѣшать молодой женщинѣ въ единственномъ ея удовольствіи—игрѣ на фортепіано. Когда бы ни сѣла Шарлотта за рояль, свекровь ея смиренно усаживалась у окна со своей безконечной штопкою въ рукахъ.

Не успѣвала „молодая“ женщина увлечься дивнымъ сочетаніемъ звуковъ въ Вагнеровской „Валькиріи“, какъ ее прерывала „старая“ своимъ скрипучимъ голосомъ:

— Ахъ, это что-то знакомое! Кажется, Штрауса? — или, томно возводя очи къ небу, она громко вздыхала:

— Божественно! Что можетъ быть лучше „Африканки“? Это вѣдь ея арія подъ ядовитымъ деревомъ?.. А потомъ еще хоръ поетъ: „Смотрите здѣсь, смотрите тамъ“!..

Терпѣніе Шарлотты истощилось. Она закрыла крышку рояля и обернулась къ свекрови:

— Полно, мама: развѣ я не вижу, что вы нарочно меня перебиваете? Если мнѣ нельзя играть когда угодно въ этомъ домѣ, то потрудитесь назначить мнѣ опредѣленный часъ, когда я могу играть, никому не мѣшая.

— Боже ты мой, Господи!—восклицала баронесса:—Скоро слова нельзя будетъ сказать по-просту!.. И что же тутъ обиднаго—спросить: чья это пьеса? Ваше дѣло отвѣтить, и конецъ. Ужъ, кажется, словъ нельзя прибрать, чтобы дать еще яснѣе понять, что мама здѣсь лишняя!..

И, высоко поднявъ голову, разгнѣванная баронесса твердой поступью вышла изъ комнаты. Вѣчно безмолвная, тетушка Лольхенъ съ перепугу сочла своимъ долгомъ вмѣшаться съ точки зрѣнія религіозной.

— Однако, милочка моя Лотта, я думаю, вы напрасно такъ крупно говорите съ такой старухой! „Чти отца твоего и матерь твою“... вотъ что говорится въ библіи...

— Но я вѣдь уважаю старыхъ людей, если они ведутъ себя прилично,—возразила Лотта.

— О!.. О!.. — въ конецъ перепуганная, воскликнула тетя Лольхенъ.

— Это еще что значитъ? — раздался разгнѣванный голосъ Ариберта.—Мама говоритъ, что ты ее изъ дому выгоняешь?

Шарлотта передала ему все въ томъ видѣ, въ какомъ оно произошло.

— Ну, знаешь ли, ужъ это черезчуръ! Изъ-за какой-то тамъ дурацкой похоронной чепухи наговорить дерзостей почтенной, пожилой женщинѣ... Только за то, что она не знаетъ твоего

Digitized by Google

сумасброда Вагнера, до котораго никому дѣла нѣтъ, и котораго никому нѣтъ удовольствія слушать...

— Однако, ты довольно рѣзко выражаешься...

— Я выражаюсь, какъ умѣю! У всякаго свой вкусъ...

— Да! вкусъ бываетъ разный: или дурной, или хорошій...

— Ага! У „молодой хозяйки", значитъ, вкусъ хорошій, а у всѣхъ остальныхъ—никуда негодный!

Тетя Лольхенъ уютно, какъ кошечка, забилась въ уголокъ дивана и съ наслажденіемъ смотрѣла, какъ круто приходилось молодой женщинѣ за ея непочтеніе къ старшимъ.

Это была первая ссора молодыхъ супруговъ; а о томъ, чтобъ она не была послѣднею, уже съумѣла позаботиться „милая мама". Она торжествовала. Ее не смущали, какъ Шарлотту, непріятныя для молодой женщины сборища милыхъ сосѣдей, которые теперь начали съѣзжаться къ Ариберту, частью изъ любопытства, частью изъ-за удовольствія поиграть въ глупѣйшую игру, *скатъ*, которая у нихъ пользовалась правомъ гражданства, а главное, что̀ ихъ привлекало—это хорошія сигары и неимовѣрное количество пива, эля, вина и всевозможныхъ ликеровъ, которые они за это время поглощали, уснащая ихъ такимъ грубымъ жаргономъ, отъ котораго Шарлоттѣ становилось жутко.

Теперь и Аривертъ ея не стѣснялся,—какъ не стѣснялся онъ того, что его хваленые маститые воины, убѣленные сѣдинами, на повѣрку сводились къ одному единственному отставному полковнику запаса, который имѣлъ за собой хоть то преимущество, что держалъ себя вполнѣ прилично и очень гордился тѣмъ, что изучаетъ русскій языкъ съ цѣлью обратить на себя вниманіе въ предстоящей (по его мнѣнію) русско-германской войнѣ.

Какъ оказалось, Аривертъ про него именно и думалъ, когда говорилъ невѣстѣ о сосѣдѣ, изучающемъ китайскій языкъ.

— Что жъ такое? Россія и Китай! все равно: это вѣдь смежныя земли, и языки ихъ одинаково трудно одолѣть,—возражалъ онъ невозмутимо.

Изъ дамъ больше всего понравилась Шарлоттѣ еще молоденькая, но уже успѣвшая отцвѣсти г-жа Пофаль, жена „талантливаго любителя-піаниста", который чуть въ дребезги не разнесъ ея бѣднаго, изящнаго, пѣвучаго Блютнера. Глядя на истомленное личико миловидной, прекрасно образованной сосѣдки, новобрачная печально размышляла:

„Такъ вотъ во что̀ можетъ превратиться всякая живая личность, не заѣденная грубостью и рутиной, проведя нѣкоторое время въ этой средѣ нравственнаго застоя и глуши, несмотря

Digitized by Google

на хваленную природу и здоровую, привольную жизнь въ деревнѣ, на чистомъ воздухѣ“!—и больно сжималось ея сердце.

У полковника Кольрауша тоже была жена, но она считалась непоказной потому, что была на много лѣтъ старше его, и принадлежала къ низшему классу, а ему не хотѣлось за нее краснѣть; полагали, что она женила его на себѣ.

Собственно дамы рѣдко пріѣзжали, отговариваясь хлопотами по хозяйству, да и не очень горевала безъ ихъ общества Шарлотта: это были женщины одностороннія, грубыя и глупыя, съ которыми ничего не могло быть у нея общаго. Съ тѣхъ поръ, какъ Клинкенберги открыли свой домъ для друзей и знакомыхъ, имъ приходилось вести весьма открытую, разсѣянную жизнь, отдавая визиты тѣмъ изъ сосѣдей, которые бывали у нихъ. По два раза въ недѣлю, а иной разъ и чаще, они получали приглашенія то на вечеринку, то на обѣдъ или на охоту; впрочемъ, такъ какъ послѣдняя была лишь благовиднымъ предлогомъ для того, чтобы покутить и напиться въ такъ называемой холостой компаніи, то въ этихъ случаяхъ Шарлотта предпочитала оставаться дома и частенько проводила вечеръ одна-одинёшенька въ своей гостиной. Поздно вечеромъ, когда Аріберть возвращался домой, отъ него сильно несло запахомъ спирта и табачнаго дыма, но совсѣмъ пьянъ онъ не былъ никогда. Тѣмъ не менѣе, если онъ въ это время начиналъ приставать къ женѣ съ ласками и поцѣлуями, онъ становился ей до того противенъ, что она спѣшила убѣжать отъ него къ себѣ въ комнату.

На другой день, конечно, слѣдовала ссора и колкія, непріятныя слова.

— Конечно, я не изъ такого матеріала выкроенъ, какъ ваши тряпичные „чайные пьяницы“; вашъ мужъ все-таки *настоящій* мужчина, и умѣетъ во всемъ и всегда сохранять равновѣсіе...

Маменька съ тетушкой, понятно, пѣли ему въ тонъ.

Между тѣмъ Лотта стала замѣчать, что она сильно измѣнилась за послѣднее время; ея чудный цвѣтъ лица поблекъ, а кожа на лицѣ стала сѣроватой и болѣе неровной; поздно засыпать и поздно вставать — положительно вредно ея свѣжести и красотѣ. Глядя на себя въ зеркало, она думала, что нельзя даже удивляться несомнѣнному охлажденію къ ней Ариберта; ей въ голову не приходило объяснить его игорные и кутежные порывы настоящей ихъ причиной—огрубѣлостью его природныхъ стремленій; даже недостатокъ образованности и научнаго развитія не могъ оправдать этого въ ея глазахъ. Она такъ и не

Digitized by Google

могла понять, почему онъ предпочитаетъ пиво, „скатъ“ и переливаніе изъ пустого въ порожнее интересному разговору съ умной, образованной и любящей молодою женщиной.

Отъ веденія хозяйства ее отстраняли, и ей же это ставили въ укоръ. Кухарка и „мамзелька“ безсовѣстно приписывали къ счету и все-таки продолжали творить волю свою, чувствуя за собой надежную опору въ лицѣ „старой хозяйки“.

Передъ Рождествомъ первый разъ заглянулъ въ Штрезенъ д-ръ Генрихъ Шенбекъ, и былъ встревоженъ печальной перемѣной, которая такъ быстро произошла въ его любимомъ дѣтищѣ—сестрѣ. Но, Боже, какъ всѣ въ домѣ прилагали всѣ усилія, чтобы разсѣять его тревогу! Какъ милы и добры были обѣ почтенныя старушки! Какъ нѣженъ молодой, любящій супругъ! Какъ онъ старательно ограждалъ своего дорогого гостя отъ общества прекрасныхъ, но необузданныхъ людей, въ родѣ, напримѣръ, Пофаля и Кольрауша. Его общества сочли достойнымъ лишь главнаго лѣсничаго да „философа“: они были единственными приглашенными, которымъ была поручена высокая честь развлекать почтеннаго ученаго. Казалось, и Ариберъ принялъ, наконецъ, къ сердцу упреки, которые осмѣлилась дѣлать ему въ это время Шарлотта, и даже по отъѣздѣ Генриха Шенбека, отчасти успокоившагося насчетъ супружескаго счастія сестры, продолжалъ утѣшать ее своимъ мягкимъ и внимательнымъ обращеніемъ.

XI.

Сперва комедія,—потомъ трагедія.

Шла вторая недѣля послѣ праздниковъ Рождества. Поклонники „ската“, послѣ томительнаго для нихъ перерыва, опять сошлись у Ариберта; опять полилось рѣкою пиво и вино, опять зашумѣли и загоготали непрошеные гости Шарлотты. Несмотря на то, что между ними и ея комнатой было нѣсколько закрытыхъ дверей, до Шарлотты вдругъ долетѣлъ взрывъ такого неистоваго, такого грубаго хохота, скорѣе похожаго на ржанье, нежели на человѣческій голосъ, что она бросилась туда, не помня себя отъ тревоги и негодованія. Ей на встрѣчу вырвался густой столбъ непроницаемаго табачнаго дыма, насыщеннаго также и винными парами. Кромѣ неизмѣннаго Пофаля, былъ тамъ еще болѣе неуклюжій и грубый господинъ, на видъ первѣйшій мужичина и грубіянъ. Онъ сорвался съ мѣста и, перекрикивая всѣхъ другихъ, прогремѣлъ уже охрипшимъ голосомъ:

Digitized by Google

— Бьюсь объ закладъ, что это наша милая хозяйка! Нѣтъ настоящаго удовольствія тамъ, гдѣ нѣтъ молодыхъ дамъ! Пожалуйте, пожалуйте сюда. Ваше здоровье!—и, неуклюже накренившись всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ, онъ размашисто поднялъ свой стаканъ, крича: —ура!

— Аахъ, ка-а-а-къ чудесно! — подхватилъ Пофаль.

Голосъ его оборвался; онъ лѣвой рукой ухватился за притолку, а правою старался поймать за рукавъ Шарлотту.

— Г-нъ Пофаль! Вы вѣрно забыли, что у васъ нѣтъ съ собой экипажа?—воскликнула она внѣ себя отъ негодованія.—Время уже позднее,—двѣнадцатый часъ на исходѣ, и ваша бѣдная жена заснула; она не въ силахъ побороть усталость... Пора бы вамъ подумать, что время собираться по домамъ...

— Лотта! Ну, чего ты?—тихо остановилъ ее мужъ.

— Вотъ еще! По домамъ? Ни за что на свѣтѣ! Клинкенбергъ, подай сюда два стакана: моя старуха тоже вмѣстѣ будетъ пить. Пойду тихонько разбужу ее!—прорычалъ Пофаль и, покачиваясь, вышелъ въ дверь.

Лотта нагнала его въ сосѣдней комнатѣ и остановила:

— Пожалуйста, не будите ее! Если ужъ вамъ такъ хочется еще разъ выпить, то хоть жену свою оставьте вы въ покоѣ! А мужъ мой дастъ вамъ послѣ свои сани, чтобы вернуться домой.

— Что-о? Вы думаете, что я пьянъ? Нѣтъ, голубушка, меня не такъ-то легко свалить! Куда вы? Постойте, постойте!—и онъ обѣими руками повернулъ ее за плечи.

— Аribертъ!.. Помоги!..—вскрикнула Шарлотта.

Но прежде, чѣмъ успѣлъ кто-либо прибѣжать на помощь, она кулакомъ изо всей мочи отпихнула въ грудь нахала, и тотъ тяжело грохнулся на полъ, увлекая за собой вѣшалку, съ которой на него свалились шубы и ротонды.

Лотты уже не было подлѣ него, когда на стукъ прибѣжали игроки.

— Пофаль! Тебѣ, братецъ ты мой, кажется, досталось?—забормоталъ его сосѣдъ, въ то время, какъ Аribертъ набинулся на жену:

— Что это значитъ?

— Это значитъ, что я умѣю и сама себя защитить, когда мужъ мой не особенно спѣшитъ ко мнѣ на помощь,—возразила горячо Шарлотта.

— Боже мой! Но ты же видишь, что онъ пьянъ?

— Вотъ въ томъ-то и дѣло!—нарочно возвышая голосъ, про-

Digitized by Google

говорила она:—Надѣюсь, ты позаботишься о томъ, чтобъ этотъ господинъ никогда больше не переступалъ нашего порога?

— Да я и самъ... самъ къ вамъ не пойду... не бойтесь!—прошипѣлъ Пофаль, выкарабкиваясь изъ-подъ кучи зимнихъ одѣяній.—Ты меня знаешь: вѣдь я добрый малый!

Арибертъ постарался какъ можно мягче замѣтить нахалу:

— Ну, полно, полно!

— Какъ? Что? И ты туда же?—заревѣлъ грубіянъ!—И тебѣ не стыдно быть подъ башмакомъ у бабы?!.. Жена! Жена! Гдѣ моя жена? Вотъ я вамъ покажу!

— Тише! Вы весь домъ разбудите,—твердо остановилъ его Арибертъ.—Лучше постарайтесь вести себя прилично.

— Что-о? Это я-то веду себя *не*-прилично? Такъ вотъ что, братецъ ты мой, я тебѣ скажу: хотѣлъ я тебѣ дать на твою дурацкую фабрику мои кровныя, мои завѣтныя денежки, но теперь ты отъ меня не увидишь ни гроша! Такъ-то, сударыня, извольте замѣтить! А вашъ почтенный домъ не увидитъ меня въ своихъ стѣнахъ, пока свѣтъ стоитъ... и жену мою тоже... Жена! Гдѣ моя жена?

Поспѣшно помогали ему друзья натягивать шубу, а его несчастная жена, которую разбудили крики и возня, только молча, отрицательно кивала головою на слова Шарлотты, убѣждавшей ее остаться ночевать, чтобы не идти домой по снѣжнымъ сугробамъ.

Арибертъ сбѣгалъ на конюшню и приказалъ кучеру запрягать, а своему конюху — проводить съ фонаремъ Пофаля и его жену...

Прошло нѣсколько томительныхъ минутъ, и Шарлотта, открывшая окно въ кабинетѣ мужа, увидала въ потемкахъ на дворѣ фонарь, освѣщавшій лицо конюха и засыпанную снѣгомъ мостовую. За нимъ двигалась маленькая фигурка г-жи Пофаль, на плечо которой опирался ея тяжеловѣсный супругъ.

Вслѣдъ за ними уѣхалъ другой ихъ знакомый, и Арибертъ вернулся къ себѣ въ кабинетъ. Ему хотѣлось хоть на комъ-нибудь выместить свое раздраженіе.

— Чортъ побери!.. Ты, кажется, съ ума сошла сегодня! Окна и двери настежь, по такому холоду! Ты хочешь себя уморить?..

— Кому будетъ забота? — съ горечью замѣтила она.—Все лучше, чѣмъ вести такую жизнь!

Арибертъ захлопнулъ окно и принялся ходить по комнатѣ, засунувъ руки въ карманы и сердито ворча себѣ подъ носъ:

Digitized by Google

— Просто невѣроятно! Ужъ не я ли опять-таки виноватъ во всемъ, что̀ взбредетъ на умъ всякому пьяному нахалу?

— *Ты* виноватъ, конечно! — отеревъ слезы, подтвердила жена.—Нечего тебѣ знаться съ такими людьми, которые въ состояніи напиваться до̀-пьяна въ порядочномъ домѣ. Наконецъ, по этому же поводу я имѣла случай убѣдиться, что въ лицѣ мужа своего я не имѣю себѣ защитника отъ подобныхъ нахальствъ и дерзостей...

— О, Боже мой, конечно, нѣтъ! Еще бъ ты захотѣла, чтобъ я сталъ защищать твою глупѣйшую выходку, которая мнѣ стоила громадныхъ денегъ! Вѣдь онъ дѣйствительно обѣщалъ помочь мнѣ въ устройствѣ кирпичнаго завода. Теперь-то, конечно, ужъ всему капутъ. Но спрашивается: кто мнѣ возмѣститъ убытки? Ты, что-ли?

— По всей вѣроятности, кому же, какъ не мнѣ, платиться за убытки?

— Вотъ какъ?.. Ну, матушка, изъ этого ничего не выйдетъ: твой братецъ не дастъ больше ни гроша; я ужъ попробовалъ счастья.

— А!.. Тебѣ только бы деньги, деньги и деньги! Ты, значитъ, не подозрѣваешь, какъ ты меня сегодня...—Шарлотта оборвала на полусловѣ и быстрыми шагами вышла изъ комнаты.

— Гмъ!.. Гмъ!.. — произнесъ онъ ей во слѣдъ, когда она исчезла. — Прекрасно, дѣлайте, что̀ вамъ угодно; мы можемъ пѣть на всякіе лады.

Въ ту ночь Шарлотту преслѣдовали во снѣ ужасныя видѣнія; то ее рвало зубами и когтями страшнѣйшее чудовище съ медвѣжьимъ обликомъ и мохнатыми, медвѣжьими лапами; то жаръ палилъ ее, волною пробѣгая въ крови и ударяя въ голову такъ, что она трещала немилосердно; мысли путались, передъ глазами мелькалъ какой-то таинственный зловѣщій огонекъ; чудовище надвигалось на нее, запускало когти все сильнѣе и сильнѣе и толкало ее прочь съ дороги, въ пропасть...

На утро она не могла подняться съ постели; ее трясла лихорадка; она была въ бреду...

Вслѣдъ за нервной лихорадкой, которая, повидимому, оставила больную уже на шестой день, наступила въ состояніи молодой женщины странная и неожиданная перемѣна. Головныя боли, тошнота, ломота во всемъ тѣлѣ, какъ будто къ рукамъ и къ ногамъ привязаны пудовыя гири... Лежа въ постели, она не могла поше-

Digitized by Google

вельнуться, и это особенно безпокоило докторовъ—и стараго, и молодого, которые были призваны къ одру больной. Долго они совѣщались, не рѣшаясь сказать ничего опредѣленнаго; наконецъ, высказали свое мнѣніе въ видѣ многосложнаго и совершенно непонятнаго латинскаго названія, которое они съ надлежаще-торжественнымъ видомъ и сообщили встревоженному супругу: впрочемъ, все свое леченіе они ограничили втираніемъ мази, прикладываніемъ ароматическихъ мѣшечковъ и кисло-сладкою невинною микстуркой.

Совѣсть мучила Ариберта при мысли, что нервное состояніе жены вызвано исключительно его же поступками. Сознавая свою вину, онъ всячески старался ее загладить своей заботливостью и неусыпнымъ уходомъ за больной; но его присутствіе, его неумѣлыя хлопоты только раздражали ее, какъ раздражало ухаживаніе медоточивыхъ старухъ—свекрови и тетушки, которыя хотѣли, чтобы по пріѣздѣ Гедвиги (за которою послали по желанію Шарлотты) никто не могъ ихъ укорить въ недостаткѣ вниманія. Тетушка *развлекала* и *утѣшала* ее своими благочестивыми разглагольствованіями, а свекровь, какъ человѣкъ болѣе преданный земнымъ интересамъ, старалась подготовить больную къ тому, что̀ (по ея мнѣнію) была обязана сдѣлать на одрѣ болѣзни женщина, которая не оставляетъ по себѣ потомства.

— Видишь ли, милая моя Лотта,—ласково говорила она:—я въ точности не знаю законовъ, но настолько-то мнѣ хорошо извѣстно, чтобы предупредить тебя: въ случаѣ чего, твой бѣдный мужъ остается вѣдь ни при чемъ. Конечно, я его такъ скромно и такъ строго воспитала, что ему и въ голову не придетъ ничего подобнаго, если бы, чего Боже упаси, что-нибудь случилось; но вѣдь, я думаю, у тебя самой стало бы спокойнѣе на сердцѣ, если бъ ты всѣмъ заблаговременно распорядилась. Когда я вышла замужъ, я въ тотъ же день подписала свое завѣщаніе... Ну, еслибъ все у насъ было еще по-старому, куда ни шло! А теперь только-что домъ получилъ такой приличный видъ, хозяйство такъ поправилось, — будетъ жаль, если все это рухнетъ. Вотъ и твой Аривертъ говорилъ мнѣ... еще не дальше, какъ вчера:—„Знаешь, мама! я вѣдь ума не приложу, что̀ со мной будетъ, если умретъ Лотта“! Ты не подозрѣваешь, какъ онъ тебя любитъ! И не воображай, чтобы онъ скоро могъ утѣшиться съ другою: онъ, слава Богу, у меня не изъ такихъ. Онъ такъ, бѣдняжка, радовался, что у него, можетъ быть, будутъ дѣти; вѣдь иначе, (ты понимаешь?) родъ Клинкенберговъ можетъ совсѣмъ прекратиться... Но что̀ съ тобой? Чего ты? Ты не слушаешь меня?

Digitized by Google

Шарлотта металась на постели и въ отчаяніи, слабымъ голосомъ шептала:

— Я слышу... слышу! Но у меня такъ страшно болитъ голова... я думать не могу...

— Можетъ быть, поскорѣй позвать нотаріуса?

— Нѣтъ, нѣтъ! Лучше скорѣе позовите доктора, который смыслилъ бы хоть что-нибудь!

— Ужъ не грѣши, пожалуйста! Мюллеръ—опытный человѣкъ и прекрасный докторъ: скоро онъ будетъ справлять свой пятидесятилѣтній юбилей. Я допускаю, что тебѣ можетъ не нравиться Фридериксъ,—ну, онъ еще молодъ, зеленъ; но Мюллеръ... Мюллеръ! Ты знаешь, г-жа Пофаль шесть разъ звала къ себѣ Фридерикса, и ты видишь, какая она стала; ну, а теперь, въ седьмой—ужъ непремѣнно позоветъ Мюллера...

— Все это хорошо и прекрасно,—перебила ее тетя Лольхенъ:—но христіанину подобаетъ памятовать непрестанно, что помощи отъ земныхъ страданій слѣдуетъ ожидать не отъ земныхъ врачей, а отъ небесныхъ. Покойный дядя Викторъ не даромъ говорилъ: „Избави меня, Боже, отъ докторскихъ пилюль!.. Господь Богъ одинъ имѣетъ власть утолить мои страданія...

Къ счастью для Шарлотты, въ эту минуту вошелъ Ариберть и вѣжливымъ образомъ выпроводилъ обѣихъ несносныхъ женщинъ изъ комнаты больной. Онъ принесъ показать женѣ депешу, которая гласила, что фрау Прюммеръ къ вечеру ужъ будетъ у сестры.

И въ самомъ дѣлѣ, своимъ присутствіемъ, своей безпечной веселостью Гедвига оживила сестру и весь унылый „замокъ“ сановитаго рода Клинкенберговъ. Сначала, правда, ее поразила печальная перемѣна въ наружности Шарлотты: цвѣтъ лица у нея былъ ужасный, стройная фигура испортилась. Добродушная Гедвига даже горько расплакалась и разрыдалась,—сестрѣ же пришлось ее утѣшать. Но скоро она свыклась съ окружающей обстановкой и щебетала съ утра до ночи, растормашивъ даже Ариберта, который замѣтно сдѣлался при ней добродушнѣе и веселѣе. Нѣсколько разъ она заставляла больную смѣяться до слезъ надъ приключеніями, которыя съ нею бывали въ Берлинѣ, когда она тамъ жила и брала уроки драматическаго искусства...

— О, пустяки! По десяти талеровъ за урокъ: это все равно что даромъ!..— говорила она, тотчасъ же переходя къ описанію побѣдоносныхъ спектаклей Гельдорфа.

— Впрочемъ, для него, что ни спектакль, то бенефисъ! — продолжала она:—лавровые вѣнки, и ленты, и цвѣты... Конечно,

Digitized by Google

тутъ и я немножко старалась, надо же показать ему вниманіе хоть какимъ-либо пустякомъ—зеленой вѣточкой или красивымъ алымъ бантомъ... Но эти глупые служителя — просто терпѣнья съ ними нѣтъ! Всегда ужъ подадутъ не во-время или, напримѣръ, не тому, кого не трудно и безъ указки угадать! — горячилась она чистосердечно.

На пятой недѣлѣ ея пребыванія въ Штрезенѣ, Шарлотта уже настолько окрѣпла, что могла вставать на нѣсколько часовъ съ постели и даже принимать ежедневно участіе въ семейномъ обѣдѣ. Однако, никто еще не могъ опредѣлить, въ чемъ собственно состоитъ болѣзнь молодой женщины, и Гедвига написала своему домашнему врачу и другу дома, прося его, на основаніи ея словъ, высказать свое мнѣніе, чѣмъ больна Шарлотта.

Между тѣмъ погода замѣтно испортилась, пошли крупные весенніе дожди, и Гедвига вдругъ вспомнила, что она соскучилась по своимъ материнскимъ обязанностямъ и тревожится за своего Конрадхенъ, за свои успѣхи въ драматическомъ искусствѣ. Кстати, и Ка́рола должна была вернуться домой, замѣнить ее въ уходѣ за Шарлоттой. Она цѣлыхъ три мѣсяца провела у Евы и, убѣдившись, что даже такой продолжительной осадой не возьмешь крѣпость (т.-е., сердце Генриха Шенбека), даже начала находить, что Ева не такъ относится къ ней, какъ бы ей хотѣлось.

Наканунѣ своего отъѣзда изъ Штрезена, Гедвига получила подъ вечеръ письмо отъ своего доктора, который писалъ:

„Несмотря на ваши пространныя и подробныя описанія мельчайшихъ проявленій болѣзни вашей сестры, я не могу ничего сказать опредѣленнаго. Впрочемъ, на основаніи нѣкоторыхъ данныхъ, мнѣ представляется возможнымъ заключить, что болѣзнь молодой женщины причинитъ ей лишь временную непріятность, которая готовитъ ей въ будущемъ радости материнства. Осмѣлюсь обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, что не мѣшало бы и даже было бы полезно указать на это пользующему ее врачу, дабы онъ могъ провѣрить мое предположеніе на дѣлѣ“.

Ариберта не было дома; онъ только поздно вечеромъ долженъ былъ вернуться изъ города, куда былъ вызванъ на разбирательство дѣла по обвиненію его въ оскорбленіи словами и дѣйствіемъ управляющаго, который не побоялся таки подать на него жалобу. Домашніе думали, что Аріберъ вѣроятно захочетъ

Digitized by Google

чѣмъ-нибудь, хоть веселою закуской въ ресторанѣ, заглушить воспоминаніе объ ожидаемомъ приговорѣ.

Въ тотъ вечеръ Шарлотта поиграла немного на фортепіано, но увидѣла, что это слишкомъ ее утомляетъ, и принуждена была лечь въ постель. Около часа спустя, пріѣхалъ Аривертъ, и жена подумала, что онъ зайдетъ пожелать ей покойной ночи; вѣдь долженъ же онъ понимать, до какой степени ее тревожитъ вопросъ о приговорѣ суда. Но мужъ не являлся.

Она слышала его голосъ въ столовой, куда вышла встрѣтить его Гедвига, спавшая съ нею въ ея комнатѣ. Слышала потомъ, ровно въ десять часовъ, какъ онъ кричалъ матери и теткѣ:

— Ну, покойной ночи! — какъ это дѣлалось въ Штрезенѣ изо дня въ день въ продолженіе доброй четверти вѣка.

Старшія ушли; въ столовой стало тише, но Гедвига все еще не возвращалась.

„Даже и эту отраду—послѣдній вечеръ провести съ сестрой—онъ у меня отнимаетъ“!—съ горечью думала Шарлотта, и нѣчто похожее на ревность шевелилось у нея на сердцѣ.

Она видѣла, какъ она страшно подурнѣла; видѣла также, какъ весело, какъ мило хорошенькое личико ея сестры, и ей вдругъ вспомнилось, что Гедвига всегда готова была подхватить шутки и остроты Ариберта...

„И чего они говорятъ такъ тихо? Еслибъ они даже не возвышали голоса, и то мнѣ было бы ихъ ясно слышно въ тишинѣ ночной. Но ихъ совсѣмъ не слышно... Фу, глупости какія! Попробую заснуть“.

И Шарлотта принялась добросовѣстно стараться, чтобы сонъ, наконецъ, успокоилъ ее; она ворочалась съ одного бока на другой, крѣпко смыкала глаза, но... ничто не помогало. Не въ силахъ превозмочь тревогу, она вскочила съ постели и, не взирая на внутреннія боли, которыя всегда увеличивались отъ волненія, накинула наскоро капотъ. Безъ шума добралась она, пошатываясь, до столовой и тихо отворила дверь... Прислушалась, но все еще надѣялась, что, можетъ быть, Гедвига сидитъ тамъ одна, за книгой. Нѣтъ, слышенъ голосъ мужа: онъ что-то говоритъ тихонько, горячо; Гедвига отвѣчаетъ ему коротко и односложно. Вотъ они затихли... вотъ кто-то въ тишинѣ вздохнулъ... вотъ словно вздохъ... И снова тишина... и говоръ, торопливый, безпорядочный споръ двухъ голосовъ, какъ громкій шопотъ.

Шарлоттѣ захотѣлось войти и поразить обоихъ; но она не имѣла силы шевельнуться; горло ей сжимало, языкъ отказывался служить... Гордость ее остановила. Передъ нимъ, передъ такимъ

Digitized by Google

человѣкомъ!—выставить напоказъ свою слабость, свою глупую ревность... Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что на свѣтѣ! Въ тотъ же мигъ у нея пронеслось въ головѣ рѣшеніе тотчасъ же уѣхать, и, сравнительно успокоенная, она тихонько затворила за собою дверь и такъ же тихо возвратилась къ себѣ въ спальню.

XII.

Взаимныя признанія.

Едва только успѣла Лотта лечь и затушить свѣчу, какъ явилась Гедвига; она ступала осторожно, на цыпочкахъ, и шарила вокругъ.

— Гедвига! — позвала ее сестра тихонько, и та вздрогнула, вскрикнула слегка и въ испугѣ прижала руку къ сердцу.

— Гедвига, почему ты пришла такъ поздно? Я не могла заснуть.

Гедвига не дала ей кончить и, подбѣжавъ къ постели сестры, какъ бы спасаясь отъ какой-то невидимой опасности, разрыдалась.

Съ трудомъ сдерживая свое волненіе, Шарлотта выждала, пока рыданія нѣсколько утихли, и сдавленнымъ голосомъ спросила:

— Что съ тобою?

— О, Лотта!—дрожащими губами лепетала легкомысленная вдовушка. — Прости! Надо жъ мнѣ было ночью тебя напугать! Твой мужъ... Твой мужъ—отвращеніе! Бѣдная Лотта, ты вѣрно ничего подобнаго отъ него не ожидала? Признаюсь, и я тоже. Мнѣ теперь все равно, что будетъ, — я не хочу, я никогда не соглашусь обманывать тебя... Да, не хочу!

Шарлотта приготовилась услышать нѣчто совсѣмъ другое и, вся дрожа отъ ужаса, торопливо заговорила:

— Что это значитъ? Говори, Гедвига. И ты тоже меня... обманула?

Сестра, въ свою очередь, испугалась и остановившимися глазами смотрѣла на больную.

— Развѣ ты могла *этого* ожидать отъ меня?—воскликнула она, всплеснувъ руками. Клянусь Богомъ, я не виновата! Онъ... онъ—ужасный человѣкъ. Онъ не разъ уже цѣловалъ меня... но, между родными, въ шутку, это вѣдь не считается? Но сегодня вечеромъ—другое дѣло: онъ бросился передо мною на колѣни; онъ говорилъ, что никогда и никого, кромѣ меня, не лю-

Digitized by Google

билъ; говорилъ, что не смѣлъ только потому признаться, что ему пришлось бы дѣлить мою любовь съ Конрадомъ. Я не хотѣла его слушать, — право же, Лотта, не хотѣла! но онъ все говорилъ, все убѣждалъ, что можно быть счастливыми втайнѣ... Я вырвалась и убѣжала... Ты только подумай — могу ли я любить его, этакую дрянь? Я люблю только моего Станислава (Гельдорфа зовутъ Станиславомъ), а его нахожу такимъ противнымъ, отвратительнымъ...

— Я вѣрю тебѣ, Геди! — сказала Шарлотта:—и радуюсь, что хоть въ тебѣ не обманулась. Но, Боже мой, какъ я теперь *его* прекрасно знаю! Какъ хорошо я его знаю!

Прижимая къ груди своей трепетавшую Гедвигу, она не могла дольше сдерживать свое негодованіе, и неудержимо полилась горячая повѣсть ея любви, ея надеждъ и разочарованій. Въ ужасѣ слушала ее Гедвига, которая не могла и подозрѣвать, до чего сестра ея была несчастна. Ея мужъ—безсердечный, сознательный злодѣй и обманщикъ! Бѣдная, бѣдная Лотта!

— Ни одной минуты не должна ты больше оставаться въ этомъ домѣ!—рѣшила Гедвига.—И видѣться тебѣ съ нимъ больше совсѣмъ не нужно. Пойду сейчасъ укладывать твои и мои вещи; пусть попробуетъ онъ помѣшать! А дома мы ужъ за тобой будемъ смотрѣть и такъ тебя лелѣять, что ты живо поправишься у насъ... Пусть попробуетъ—я ему покажу!

Принявъ такое благое рѣшеніе, Гедвига успокоилась и скоро уснула; но Шарлотта долго еще не могла сомкнуть глазъ.

На-утро Лина получила приказаніе укладываться, но по возможности такъ, чтобы старухи ничего не подозрѣвали; а часъ или два спустя, она же должна была бѣжать за окружной акушеркой. Недолго пробыла послѣдняя у больной, а послѣ ея ухода Шарлотта, вся въ слезахъ, отдала приказаніе разобрать сундуки: она рѣшила остаться.

— Да не могу я, не могу теперь ѣхать!—ломая руки, говорила она Гедвигѣ, которая уговаривала ее всѣми силами. — Пойми же ты, что все *это* приковываетъ меня здѣсь. Моя *обязанность*—остаться!

Гедвига уѣхала одна.

На вокзалѣ ее ожидалъ, чтобы проводить, Ариберъ, и, выслушавъ повѣствованіе обо всемъ происшедшемъ, ругалъ въ душѣ и себя, и бойкую вдовушку, и винилъ во всемъ роковыя обстоятельства, натолкнувшія его на несвоевременное ухаживаніе. Какъ ни ломалъ онъ себѣ голову, а „блестящая мысль“ медлила осѣнить его. Равнодушно выслушалъ онъ восторженное

Digitized by Google

сообщеніе матери своей о томъ, что родъ Клинкенберговъ не угаснетъ, а затѣмъ вдругъ сказалъ:

— Скажи мнѣ: развѣ я похожъ на грубаго, заурядnаго злодѣя? Развѣ у меня не было съ пеленокъ доброе, мягкое сердце?

— Ну, да; ну, да! Къ чему этотъ вопросъ?

— Къ тому, чтобъ ты это *не-пре-мѣн-но* повторила (да погорячѣе) моей дорогой супругѣ. Скажи ей также, что вчера я, вѣроятно, былъ на-веселѣ... Скажи же, смотри! Я, видишь, поступаю съ нею какъ самый низкопробный негодяй; она меня считаетъ своимъ мучителемъ, злодѣемъ... Слышишь? Я—негодяй, злодѣй!

— Бѣдный мой Аribертъ, успокойся! Все обойдется; и она погорячится, а потомъ станетъ кроткой и благоразумной... Не я ли тебѣ говорила: ищи себѣ невѣсту въ нашемъ кругу?..

— Ну, слава Богу, что хоть вы съ тетей обѣ способны меня понимать, и постараетесь, конечно, помочь мнѣ оправдаться... передъ самимъ собой. Но, Боже, до чего эти волненія подтачиваютъ жизнь! Надо пойти разсѣяться чѣмъ-нибудь. Пойдемъ, тетя, пойдемъ!

Шарлотта взяла съ Гедвиги слово, что она дома ничего не скажетъ о ея признаніи въ своемъ семейномъ горѣ. Ни братъ, ни отецъ, не заставляли ее выходить за Ариберта, и, по ея мнѣнію, было бы несправедливо вынуждать ихъ нести ту же кару, которой она сама добровольно себя подвергла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, она рѣшила по возможности удаляться отъ общенія со своимъ супругомъ, тѣмъ болѣе, что ей было хорошо извѣстно его искусство притворяться; даже слезы были у него всегда наготовѣ. Чтобы скорѣй покончить съ этимъ тягостнымъ вопросомъ, Лотта позвала къ себѣ мужа (съ утра она заперлась у себя въ комнатѣ и никого не впускала).

Явившись, Аribертъ съ полнымъ самообладаніемъ закурилъ сигару и началъ снисходительнымъ тономъ, какимъ говорятъ старшіе съ больнымъ ребенкомъ.

— Видишь ли, милое дитя мое, если бы я не чувствовалъ къ тебѣ жалости, какъ къ больной, я могъ бы прямо возразить тебѣ: ты не имѣешь ни малѣйшаго представленія о томъ, что такое молодой, здоровый, нормальный мужчина и мужъ, искренно любящій свою жену... Нѣтъ, не перебивай: ты не мужчина, и потому не можешь себѣ представить, что мимолетная шутка, легкомысленная шалость, подъ вліяніемъ хорошаго вина и дружеской бесѣды, не могутъ подорвать привязанности, которую питаешь къ достойной женщинѣ, связанной съ тобою узами супружества...

Digitized by Google

— Боже мой! И ты приводишь въ оправданіе такую причину, которая, по моему, и крестьянской женщинѣ должна внушить только омерзѣніе! Какъ будто пьянство можетъ служить кому бы то ни было смягчающимъ обстоятельствомъ! Для образованнаго человѣка—это стыдъ, позоръ!..

— Ты въ этомъ ничего не понимаешь, позволь тебѣ замѣтить,—мягко возразилъ Аривертъ.—Вы, женщины—совсѣмъ другія; но человѣкъ, которому приходится работать въ деревнѣ до усталости, до нервнаго напряженія...

— Ты говоришь пустяки, мой милый, — замѣтила Шарлотта.—Твое представленіе о нервномъ „поселянинѣ“ придумано довольно неудачно...

— Пусть такъ,—поспѣшилъ, краснѣя, согласиться пойманный врасплохъ:—а все-таки, я повторяю: супружеской любви и вѣрности нимало не вредятъ случайныя развлеченія...

— Для которыхъ, *все равно*, годится и моя сестра?—едва сдерживая свое негодованіе, перебила его жена. — А любовь, въ которой ты такъ горячо увѣрялъ Гедвигу?

— Мало ли въ чемъ не случается намъ увѣрять въ такую минуту? Твоя сестрица,—не во гнѣвъ ей будь сказано,—довольно взбалмошная особа. Она бы сама должна была поднять меня на смѣхъ, а не пугать тебя трагически-разыгранною сценой... И слава Богу, что она убралась во-свояси; въ сестры-милосердія такая женщина, конечно, не годится. Но будь покойна, мы съумѣемъ ухаживать за тобой; вотъ пріѣдетъ Карола... Ну, подойди же! Дай, я тебя поцѣлую. Что, не хочешь? Ну, какъ тебѣ угодно. А пока—извини: у меня дѣла въ полѣ!—Онъ вышелъ поспѣшно, напѣвая какую-то пѣсенку, и весь день былъ какъ нельзя болѣе въ духѣ.

Дѣйствительно, Карола на другой же день была уже дома. Ея разсказы были переполнены юмористическими, но грубоватыми описаніями ея отношеній къ д-ру Шенбеку и начинали надоѣдать ея усерднымъ слушателямъ — мамá, тетѣ и брату, какъ вдругъ она перемѣнила тонъ и тотчасъ же перешла на новую и неисчерпаемую тему: на ея новыхъ знакомыхъ—барона д'Эклеръ и его дочь; есть у него еще двое сыновей—оба въ корпусахъ.

— Представь себѣ: вдовецъ, богачъ, берлинскій домовладѣлецъ и... владѣлецъ сосѣдняго богатѣйшаго помѣстья.

— Тотъ самый, что торговалъ его за шестьсотъ тысячъ марокъ? И что жъ, онъ далъ дѣйствительно эти бѣшеныя деньги?

— Конечно, далъ; и мы теперь сосѣди! Они увидѣли, что

Digitized by Google

я ѣду туда же, куда и они, и еще въ вагонѣ премило со мной познакомились, разговорились. Они обѣщали у насъ побывать; но для тебя это знакомство еще интереснѣе, чѣмъ для меня, и еслибъ твоя Лотта не была такъ чудовищно-ревнива...

— Все равно! Мнѣ, главнымъ образомъ, хотѣлось бы подружиться съ барономъ: самое меньшее, въ чемъ онъ можетъ мнѣ быть полезенъ, это — мой кирпичный заводъ. Потрудись приказать сейчасъ же выписать вина и коньяку, да полъ-ящика самыхъ лучшихъ сигаръ. Онъ вѣдь, конечно, куритъ?

— Ну, да; ну, да. Это не то, что вашъ *аптекарь*. Вотъ ужъ семейка! Нечего сказать, пріятно породниться съ такими особами, какъ эта сумасшедшая обожательница Гельдорфа, про которую весь Берлинъ кричитъ. Меня то-и-дѣло спрашивали: „Не ваша ли это невѣстка такъ выставляетъ себя напоказъ съ Гельдорфомъ“? Пріятно слышать, нечего сказать!

— Пріятно или нѣтъ, не въ томъ вопросъ,—перебилъ ее Аріберъ, которому эта тема показалась скользкой.—А только я бы попросилъ тебя, во всякомъ случаѣ, выражаться нѣсколько иначе про семью моей жены; химія вѣдь не фармацевтика, а жена моя—больная женщина, которой мы обязаны своимъ настоящимъ положеніемъ, и ты сдѣлала бы несравненно лучше, если бы постаралась съ нею нѣсколько сойтись, развлечь ее.

Карола приняла къ свѣдѣнію совѣтъ брата и стала обходиться со своей невѣсткой дружелюбно, почти ласково. Она болтала съ нею о предметахъ постороннихъ,—освѣдомлялась о ея здоровьѣ, любезно подавала скамеечку подъ ноги или подушку за спину,—но дальше этого ея любезность не заходила.

Между тѣмъ, дружба Шарлотты съ Карломъ-Фрицемъ все возрастала. Его не трудно было выучить играть въ шахматы, и они по цѣлымъ вечерамъ проводили вмѣстѣ, играя и разговаривая на пальцахъ, на языкѣ глухонѣмыхъ.

Двадцатаго февраля они сидѣли за шахматной доской, и Карлъ-Фрицъ восторженно захлопалъ въ ладоши, что̀ должно было означать:

— Шахъ королю!

Въ эту минуту Карола, смотрѣвшая въ окно, закричала:

— Пусть Карлъ уйдетъ: ѣдутъ д'Эклеръ!

Глазами бѣдняга уловилъ приказаніе, и хотѣлъ повиноваться, но Лотта остановила его, схвативъ за руку.

— Останься, пожалуйста! — сказала она ему знаками.— Останься, если меня любишь.

— Ты хочешь сама ихъ принимать?—спросила Карола, за-

Digitized by Google

мѣтивъ, что ея невѣстка не уходитъ, а, стоя передъ зеркаломъ поправляетъ прическу.—Ты вѣдь въ капотѣ!

— Что же тутъ такого?

Карола передернула плечами и побѣжала встрѣчать гостей.

— Моя невѣстка, — пояснила она тономъ своего голоса, какъ бы извиняясь за простоту ея наряда.

Шарлотта не смутилась и движеніемъ головы подозвала къ себѣ Карла-Фрица, котораго сестра хотѣла заслонить собой, и тотчасъ же предупредила, что онъ—глухонѣмой.

Баронъ, которому было только за сорокъ лѣтъ, держался изящно и съ чисто-свѣтскою непринужденностью. Лицомъ и осанкой онъ сразу обращалъ на себя вниманіе. Дочь его также была видная, рослая дѣвушка, и хоть не могла считаться красавицей, но несомнѣнно могла привлечь къ себѣ своею общей пикантностью.

Четверть часа спустя, явилась старшая хозяйка Штрезена въ сопровожденіи тетушки,—обѣ замѣтно принарядились и, красуясь въ своихъ пышныхъ платьяхъ, принялись осыпать гостей разспросами, нравятся ли имъ окрестности и т. п.

— Ахъ, Боже мой! Вы, можетъ быть, хотите закусить?—засуетилась она.—А кстати, можно выпить и стаканчикъ шампанскаго — настоящаго французскаго: мы выписываемъ прямо изъ Франціи. Конечно, въ Берлинѣ можно пріѣзжать съ визитомъ на минутку, но здѣсь, въ деревнѣ, послѣ того, какъ вы проѣхались по холоду...

— Благодарю васъ; мы прямо съ lunch'a...

— Это что же такое? Простите за вопросъ...

— Мы прямо отъ *завтрака*,—повторилъ баронъ, слегка улыбаясь.

— Ну, такъ сигару? Пойди, принеси, Карола.

— Благодарю, благодарю; пожалуйста, не безпокойтесь!—въ смущеніи останавливалъ ее бароиъ.—Вы, вѣроятно, жительница Берлина?—обратился онъ къ Шарлоттѣ, и разговоръ свернулъ на тему, которая была безобиднѣе всякой другой. Въ минуту наибольшаго оживленія явился Аріибертъ и своимъ врожденнымъ изяществомъ, своимъ умѣньемъ говорить развеселилъ барона, и окончательно привлекъ на себя вниманіе его дочери, которая охотно смѣялась каждой его остротѣ, каждой шуткѣ.

Гости уѣхали, довольные своимъ новымъ знакомствомъ, и обѣщали поддерживать впредь добрыя отношенія съ милыми сосѣдями.

Digitized by Google

XIII.

Два актера.

Шарлоттѣ не прошла даромъ смѣлость, съ которой она приняла гостей попросту, въ капотѣ: она приравнила Карла-Фрица къ обыкновеннымъ людямъ съ даромъ и слова, и слуха. Послѣдствіемъ этой новой размолвки между супругами было ухудшеніе въ состояніи здоровья молодой женщины, которой старикъ Мюллеръ могъ только прописать спокойствіе, спокойствіе... и еще спокойствіе!

Физически—Шарлотта и въ самомъ дѣлѣ должна была чувствовать себя вполнѣ спокойно. Всѣ хлопоты по хозяйству брала на себя ея свекровь; даже Аривертъ самъ старался порѣже сталкиваться съ женой, поменьше съ нею спорить. Шарлотта, въ свою очередь, достигла возможно-бо́льшаго равнодушія ко всему окружающему, и это ей значительно помогало переносить свое одиночество.

Тѣмъ временемъ, мужъ ея увлекался верховой ѣздой и по цѣлымъ днямъ не бывалъ дома. Мать и сестра знали прекрасно, что эти прогулки онъ дѣлаетъ не одинъ, а вмѣстѣ съ баронессою д'Эклеръ, но смотрѣли на это снисходительно и скрывали отъ Шарлотты на томъ основаніи, что она „до глупости ревнива".

Въ половинѣ апрѣля, когда баронъ со своимъ семействомъ ѣхалъ въ Берлинъ на нѣсколько недѣль, съ цѣлью поразвлечься, Аривертъ усердно занялся хозяйствомъ, тѣмъ болѣе, что приходилось знакомить съ этимъ дѣломъ новаго управляющаго. Свое дурное настроеніе духа Клинкенбергъ объяснялъ женѣ тѣмъ, что ему не удалось открыть кирпичнаго завода, и онъ настаивалъ на томъ, чтобы она склонила своего отца дать ему эти деньги; но жена наотрѣзъ отказала.

— Если ты такъ увѣренъ въ успѣхѣ, обратись прямо къ брату, — предложила она; и Аривертъ не заставилъ себѣ повторять.

На другой же день онъ выѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ, конечно, успѣлъ повидаться съ д'Эклерами. Они,—особенно же баронесса, —приняли его весьма радушно, и уговорились въ тотъ же вечеръ встрѣтиться въ театрѣ и отъужинать вмѣстѣ съ Мейернами у Дрезделя.

Днемъ Аривертъ поѣхалъ къ Шенбекамъ, но не засталъ дома

Digitized by Google

Генриха, который праздновалъ въ Берлинѣ юбилей одного изъ своихъ дѣловыхъ пріятелей. Старикъ былъ одинъ и развлекался игрой въ солдатики: Конрадъ двигалъ полки, а дѣдушка долженъ былъ кричать, каждый разъ, какъ палила пушка:

— Буммъ!.. Паффъ!—послѣднее восклицаніе изображало порывъ опустошительнаго вихря картечи, предъ которымъ не могло устоять самое храброе войско.

Старикъ, повидимому, былъ не особенно доволенъ помѣхой, и даже не сразу припомнилъ, что это его зять, и что у него надо освѣдомиться о здоровьѣ дочери Шарлотты. Вообще, Аривертъ нашелъ, что Шенбекъ-senior значительно опустился. Конрада раздражалъ немногословный разговоръ гостя и дѣда; онъ то-и-дѣло вмѣшивался, перебивалъ, и это навело Ариберта на мысль, что ему не мѣшаетъ подружиться съ этимъ ребенкомъ, чтобы угодить старику. Сообщивъ тестю радостную новость объ ожиданіи, въ которомъ находится Шарлотта (къ чему старикъ остался, повидимому, равнодушнымъ), Клинкенбергъ предложилъ ребенку сыграть съ нимъ въ войну.

Конрадъ торжествовалъ побѣду, и былъ очень доволенъ своимъ неискуснымъ партнеромъ; но еще довольнѣе былъ дѣдъ, который даже вспомнилъ, что надо гостю предложить сигару.

Мало-по-малу, они настолько разговорились, что Аривертъ могъ приступить къ цѣли своего визита, — однако не раньше, чѣмъ Конрада увели спать.

— У меня въ имѣніи оказались богатѣйшія залежи известняка, и это прямо указываетъ на необходимость устроить кирпичный заводъ, — убѣдительно и твердо говорилъ онъ.—Къ сожалѣнію, у меня на это не хватаетъ только капитала, а занимать... и притомъ же у чужихъ—я не хочу!

Старикъ, очевидно, понялъ его прекрасно, потому что предложилъ своему зятю только подождать немного, пока онъ посовѣтуется съ Генрихомъ, дѣйствительно ли это дѣло вѣрное?

— Ну, полно! Вамъ совсѣмъ не нужно быть у сына подъ опекой! Съ вашимъ бодрымъ умомъ и такой твердой памятью очень нужно плясать по дудкѣ сына! Да онъ и неспособенъ понять всю суть этого рода предпріятій: это не входитъ въ его спеціальность. А шесть процентовъ съ капитала я вамъ хоть сейчасъ могу обезпечить своей подписью. По близости отъ Штрезена нѣтъ ни одного кирпичнаго завода, а доставка матеріала въ дальній городъ слишкомъ дорого стоитъ.

Въ десятомъ часу вечера онъ уже былъ въ Берлинѣ, съ чекомъ на 10.000 марокъ въ карманѣ; а въ десять—входилъ къ

Digitized by Google

Дресселю, гдѣ его встрѣтили пунктуальнѣйшіе изъ супруговъ—фонъ-Мейернъ.

Арибертъ побѣдоносно махнулъ въ воздухѣ своимъ чекомъ, сдѣланнымъ на банкирскую контору „Мейернъ-Конштейнъ“:

— А, поздравляю!—сочувственно проговорила Ева.—Этакъ ты скоро окажешься владѣльцемъ кирпичнаго завода, и чего добраго, попадешь въ члены рейхстага? Тогда ужъ, по неволѣ, придется твоей супругѣ примириться съ своей участью.

— Ну, да; конечно, гдѣ же имъ понять, въ чемъ состоитъ настоящее, коренное достоинство аристократа, дворянина!.. — глубокомысленно замѣтилъ ея братъ.

— А въ самомъ дѣлѣ: въ чемъ оно состоитъ, по твоему мнѣнію? — полюбопытствовалъ фонъ-Мейернъ.

— Въ томъ... въ томъ, напримѣръ, что... Ну, хоть бы въ томъ, что̀ составляетъ общее впечатлѣніе... въ такъ-называемомъ „cachet“ феодала... Отъ него вѣетъ чѣмъ-то такимъ особымъ и неотразимымъ, что̀ чувствуетъ инстинктивно любой пролетарій. Юный дворянинъ является на свѣтъ, такъ сказать, уже вооруженный; при взглядѣ на него, низшая братія читаетъ въ его внѣшности, въ его осанкѣ: „Я—твой повелитель“.

— Совершенно вѣрно!—подтвердила Ева, невольно выпрямляясь.

— Гм!.. пожалуй, — ухмыляясь, вторилъ ей супругъ полушутливо.

— Только не на всякаго производитъ аристократизмъ такое впечатлѣніе,—замѣтила сестра. — Вотъ твоя Лотта, напримѣръ, ужъ черезчуръ кичится своимъ буржуазнымъ происхожденіемъ; ее никто не переспоритъ. Мама̀ мнѣ пишетъ про нее такія вещи! Что̀ ни слово, то „*мой* домъ“, „*моя* мебель“, и т. п.; а сдѣлать замѣчаніе насчетъ ея скучнѣйшей игры на фортепіано, насчетъ ея возлюбленнаго Вагнера—упаси Боже! Мама̀ пишетъ, что отъ нея житья нѣтъ...

— Ну, мама́ нѣсколько преувеличиваетъ факты..—слабо возразилъ Арибертъ.

— Вотъ какъ? Ты, кажется, совсѣмъ подъ башмакомъ, мой милый?

— Что̀ же тутъ такого? Вотъ еслибы я, напримѣръ, не держалъ тебя на уздечкѣ, что̀-жъ бы это было?—пошутилъ фонъ-Мейернъ.

— Прошу покорно не сравнивать меня съ лошадью!—возмутилась Ева.

— Ну, полно, полно!.. А вотъ, должно быть, и наши по-

Digitized by Google

четные гости,—и Аривертъ двинулся на встрѣчу барону и двумъ молодымъ дамамъ.

— Вамъ, въ знакъ привѣтствія, играютъ тушъ, — замѣтилъ онъ съ любезною улыбкой, рукой указывая на тяжелую портьеру, за которой оркестръ юбиляра дѣйствительно игралъ тушъ послѣ длинной рѣчи. Вторую изъ своихъ спутницъ баронъ назвалъ графиней, съ весьма извѣстнымъ именемъ въ великосвѣтскихъ кругахъ.

Взаимныя представленія прошли оживленно, и вскорѣ все общество втянулось въ веселую, непринужденную бесѣду. Въ эту минуту на порогѣ показалась рослая фигура красиваго господина, подъ-руку съ поразительно-хорошенькой, миніатюрной дамой. Она разстегивала на ходу свою изящную весеннюю кофточку и снимала съ головы тонкій кружевной шарфъ.

— Ахъ, Станиславъ, смотри: это милѣйшая майорша!—воскликнула она, и, потянувъ его къ столу, за которымъ сидѣла Ева, торжественно, во всеуслышаніе объявила:—Позвольте вамъ представить моего будущаго мужа: мы только-что дали другъ другу слово, по случаю его сотаго выхода въ „Эгмонтѣ“.

Гельдорфъ не сопротивлялся, но и не особенно охотно слѣдовалъ за своей невѣстой; однако, тутъ онъ уже самъ счелъ своимъ долгомъ замѣтить:

— Я счастливъ, что могу подтвердить эту радостную вѣсть. Осмѣлюсь ли просить уважаемую г-жу фонъ Мейернъ представить меня присутствующимъ?

Полный изящества поклонъ, благородная осанка и звучный голосъ знаменитаго актера могли произвести только самое благопріятное впечатлѣніе, котораго не могла отрицать и сама майорша. Однако, она знакомъ предложила мужу исполнить просьбу Гельдорфа.

Любезнѣе всѣхъ отнесся къ нему баронъ, выразившій свое искреннее удовольствіе, что ему удалось лично познакомиться съ такимъ знаменитымъ артистомъ, и въ заключеніе спросилъ:

— А къ составу какой труппы принадлежитъ ваша будущая супруга?

— Ахъ, Боже мой, да развѣ вы не знаете?.. — не дала Гельдорфу отвѣтить бойкая вдовушка.—Я не актриса, а belle-soeur фонъ-Клинкенберга, — фрау фонъ-Прюммеръ, по первому мужу. Что же ты Аривертъ? Не можешь хотя бы сказать мнѣ: поздравляю!

— Поздравляю! — повторилъ вслѣдъ за нею Аривертъ, покраснѣвъ до ушей и машинально подавая ей руку.

Digitized by Google

— Холодна, какъ ледъ!—воскликнула она, отвѣчая горячимъ рукопожатіемъ.—Развѣ ты за меня не радъ? Я такъ счастлива! Мой Станиславъ такъ меня любитъ! Почему здѣсь нѣтъ Лотты? Гдѣ она: съ тобою? Что-жъ ты молчишь? Говори: какъ ея здоровье? Кто эти господа? Да что же ты не отвѣчаешь? Полно, не безпокойся: все забыто!.. Боже мой, какъ я счастлива! Въ такія минуты все и всѣмъ искренно прощаешь...

— Очень радъ, очень радъ!—перебилъ Аривертъ, тревожно озираясь, хотя они и отошли немного въ сторону.—Не присядете ли къ намъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! Сегодня я гостья Генриха: онъ празднуетъ тамъ юбилей товарища. Я сяду тутъ, на кончикѣ дивана; говори только поскорѣе: что подѣлываетъ наша Лотта?

Тѣмъ временемъ Гельдорфъ, который счелъ долгомъ выразить сожалѣніе, что два раза былъ у фонъ-Мейерновъ, но ихъ не видалъ, прибавилъ:

— Тѣмъ болѣе, что въ вашемъ домѣ я имѣлъ счастіе впервые встрѣтиться съ моей будущей супругой. Я этого никогда не позабуду!..

— О, помилуйте, я... то-есть мы (не правда ли, дорогая Ева?), мы съ женою также очень рады...

Но „дорогая Ева“ не удостоила отвѣтомъ, и, только кивнувъ головою, обратилась къ Гельдорфу:

— Вы, можетъ быть, не знаете, что вашъ beau-frère уже тамъ?

— Простите, но мы пришли сюда единственно по его приглашенію...

— Въ такомъ случаѣ, онъ, вѣроятно, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ васъ, чтобы имѣть возможность скорѣе сообщить своимъ друзьямъ о вашей помолвкѣ,—проговорила майорша.

Гельдорфъ не могъ не понять намека, и, принявъ царственно-гордую осанку, поднялся уходить:

— Милая Гедвига! Мы здѣсь непрошеные гости, и больше не будемъ утруждать своимъ присутствіемъ. Пойдемъ къ своимъ.

Вдовушка вспорхнула съ мѣста и послѣдовала за женихомъ, мимоходомъ коснувшись своей хорошенькой ручкой плеча Аривертъ.

— Ну, пока прощайте! Если удастся оттуда вырваться, прилечу къ вамъ еще на минутку. Пріятнаго аппетита, господа!

Гедвига удалилась почти въ припрыжку; а оставшіеся за столомъ дѣйствительно съ аппетитомъ принялись за ужинъ. Надо полагать, что пріятное пищевареніе значительно располагаетъ къ благодушію, потому что не только лакомка-майоръ, но

Digitized by Google

и всѣ остальные позабыли про непріятный инцидентъ, который сопровождалъ удаленіе изъ залы будущихъ супруговъ, какъ вдругъ изъ-за портьеры появился д-ръ Генрихъ Шенбекъ, раскраснѣвшійся и возбужденный, но, повидимому, совершенно трезвый и твердый на ногахъ.

— Какъ вижу, ты въ весьма пріятномъ и веселомъ обществѣ,—началъ онъ, усѣвшись рядомъ съ Арибертомъ, послѣ обмѣна довольно небрежныхъ обоюдныхъ представленій.—Не хочу тебѣ мѣшать, да ты и самъ вѣрно не долго будешь въ отлучкѣ изъ дому въ такое время, когда Лотта еще нездорова?

— Да я вообще нигдѣ не бываю; и еще сегодня цѣлый день и вечеръ провелъ въ Тегелѣ у папа. Очень онъ, бѣдненькій, старѣетъ. Впрочемъ, его, конечно, сильно огорчилъ выборъ Гедвиги...

— Нѣтъ, почему же? Гельдорфъ славный малый.

— Ну, да; ну, да! Только все-таки это не можетъ быть пріятно, что ваша сестра входитъ въ семью комедіантовъ.

— Семья у него почтенная,—возразилъ Шенбекъ.—Разочаровавшись въ первой своей женѣ-актрисѣ, онъ съ нею развелся и живетъ весьма скромно со своей матерью и двоими дѣтьми. Во всякомъ случаѣ, такой зять для моего отца ничѣмъ не хуже того, который не постѣснился, съ помощью притворства и обмана, добиться руки моей другой сестры...

— Это что̀ значитъ? — вознегодовалъ Арибертъ.

— Тебѣ ближе знать,—тихо сказалъ ему Генрихъ.

— Ну, однако, послушайте!... Господа!—блѣднѣя отъ ярости, кричалъ Клинкенбергъ.—Вы свидѣтели, что онъ меня назвалъ обманщикомъ! Съ негодованіемъ я отвергаю это обвиненіе; а дальнѣйшее придетъ само собой, д-ръ Шенбекъ!

Привлеченные шумомъ ссоры, изъ-за портьеры выглядывали гости юбиляра, мелькали фраки и бѣлые галстухи; дамы тревожно сбились въ кучку... Генрихъ Шенбекъ выпрямился и вызывающе проговорилъ:

— Вотъ какъ?! Чтобы я съ тобою дрался, да?.. И не подумаю, конечно, будь увѣренъ! Тѣмъ болѣе, что ты меня убьешь, и такимъ образомъ моя сестра лишится своей послѣдней надежды и опоры...

Его прервали Гельдорфъ и Гедвига; они схватили его за обѣ руки и поспѣшили оттащить прочь.

Баронъ д'Эклеръ принялся торопливо разсчитываться; всѣ вокругъ шептались, негодовали. Мейернъ и Арибертъ были раздосадованы до-нѣльзя происшедшимъ столкновеніемъ. Но они

Digitized by Google

не успѣли еще разойтись, какъ на порогѣ снова появился Гельдорфъ.

— Мнѣ поручили—началъ онъ—принести отъ имени вашего beau frère'a его извиненія въ происшедшемъ недоразумѣніи и выразить сожалѣніе, что онъ погорячился... Отъ себя лично осмѣлюсь прибавить, что мнѣ крайне грустно было послужить, такъ сказать, причиною этой размолвки между родными.

— Полноте, не тревожьтесь! Вы тутъ ни при чемъ: этотъ взрывъ гнѣва д-ра Шенбека предназначался лично мнѣ. А къ вамъ мы всѣ питаемъ глубочайшее уваженіе, — отвѣтилъ Ариберъ, и пожалъ руку артисту, стоявшему передъ нимъ какъ бы въ нѣкоторой нерѣшимости.

По уходѣ Гельдорфа, дамы тихонько засмѣялись ему вслѣдъ, а Клинкенбергъ замѣтилъ барону:

— Этого еще только не хватало! Приходится по неволѣ передъ нимъ разсыпаться въ любезностяхъ! Нигдѣ, кажется, не убережешься отъ нападеній грубой буржуазіи!

И все общество дружно двинулось вонъ изъ залы.

XIV.

Новыя бѣды.

Двѣ недѣли провелъ Ариберъ въ Берлинѣ, посылая лишь изрѣдка да и то краткія записки женѣ въ Штрезенъ. Впрочемъ, и въ самомъ дѣлѣ пребываніе дома не могло имѣть для него ничего привлекательнаго. Развлеченія всѣ надоѣли, не мѣняясь изъ году въ годъ; красивыхъ и бойкихъ дамъ не было и помину; Шарлотта дурнѣла не по днямъ, а по часамъ... Вдобавокъ, и ея семья постаралась оттолкнуть отъ нея мужа (по крайней мѣрѣ, такъ онъ думалъ): Генрихъ Шенбекъ прислалъ ему длинное письмо, въ которомъ подробно разбиралось поведеніе Ариберта, и послѣднему не трудно было въ глубинѣ души почувствовать правоту его опредѣленій, что̀ еще больше его возстановило противъ дерзкихъ „мѣщанъ“. Какъ Лотта устно, такъ и ея брать письменно — оба не побоялись указать на коренной двигатель всѣхъ его проступковъ—на безграничное *себялюбіе*, на необузданное стремленіе вѣчно носиться со своимъ *я* и *мнѣ*...

Шарлотта писала мужу изъ деревни тоже коротко; желала ему веселиться и успѣшно вести свои дѣла; а между тѣмъ, че-

Digitized by Google

резъ Гедвигу, она прекрасно знала обо всемъ, происходившемъ въ Берлинѣ. Но ей было предписано полнѣйшее спокойствіе, и она рѣшила, что не будетъ волноваться; какъ этого ни трудно было ей достигнуть, однако ея рѣшимость восторжествовала, и всѣ вокругъ не нарадовались такой перемѣнѣ. Все въ домѣ шло теперь такъ тихо, гладко; Карола старалась угождать невѣсткѣ; тетя-Лольхенъ безпрепятственно угощала молодую женщину библейскими изреченіями, которыя, по ея мнѣнію, должны были придать ей бодрости въ рѣшительную минуту; даже „милая мама“ перестала говорить ей о необходимости сдѣлать завѣщаніе; только Карлъ-Фрицъ былъ недоволенъ перемѣной, происшедшей въ его другѣ; онъ бросалъ на нее пытливые, недовѣрчивые взгляды, и даже покачивалъ головой, когда ему казалось, что никто этого не видитъ.

Въ первыхъ числахъ мая, вернулся домой Арибертъ, и тотчасъ же принялся за устройство своего кирпичнаго завода съ такимъ усердіемъ, что Шарлотта, несмотря на свое установившееся равнодушіе къ нему, не могла не сочувствовать мужу. Его хлопоты по выборамъ въ гласные рейхстага также она предпочитала безсмысленнымъ кутежамъ и охотѣ. Ей было пріятно видѣть, что онъ увлекается дѣломъ, и она естественнымъ образомъ могла говорить съ нимъ теперь дружелюбно и даже участливо.

Въ концѣ мая, пріѣхали въ Гневецовъ д'Эклеры и, благодаря сравнительно спокойному періоду въ состояніи здоровья Лотты, Карола съ Арибертомъ сочли себя въ правѣ тотчасъ же поѣхать ихъ провѣдать. Каролу тамъ, конечно, удержали погостить; и то, что она на это согласилась, больно кольнуло Шарлотту. Она слегка высказала это, но поступокъ Каролы, конечно, нашелъ горячихъ защитницъ въ лицѣ матери и тетки. Прежнее чувство обиды шевельнулось въ груди молодой женщины; играя въ шахматы съ Карломъ, она была разсѣянна и дѣлала грубѣйшія ошибки; рука ея дрожала. Глухонѣмой тихонько погладилъ эту блѣдную, дрожащую руку, и въ его большихъ глазахъ засверкали слезы. Шарлотта тихонько встала и отошла къ окну. Погодя немного, она оглянулась и замѣтила, что бѣдняга сидитъ у стола, спрятавъ лицо въ свои неуклюжія руки. На ея взглядъ онъ отвѣчалъ:

— Почему ты мнѣ не сказала, чѣмъ *они* тебя обидѣли?

— Никто не поможетъ: *они* таковы ужъ отъ природы,— возразила она.

— Я много знаю!.. Это изъ-за той... барышни въ Гневецовѣ?..! Я самъ видѣлъ!—сжимая кулаки, продолжалъ онъ.

Digitized by Google

— Боже мой! Этого только не хватало!—подумала бѣдная женщина, и спросила:—Что же ты видѣлъ?

На лицѣ у Лотты онъ прочелъ сердечную боль, и по мѣрѣ того, какъ на нее смотрѣлъ, въ немъ закипала неудержимая ярость; онъ повелъ вокругъ обезумѣвшимъ взглядомъ и бросился въ сторону, махая руками, какъ бы не находя, за что бы ухватиться. Подъ руку ему подвернулся стулъ, которымъ онъ и принялся помахивать въ воздухѣ, какъ бы въ угрозу какому-то непріятелю-невидимкѣ, выкрикивая непонятный, дикій звукъ. Испуганная Шарлотта хотѣла убѣжать, но Карлъ-Фрицъ преградилъ ей путь и, вдругъ утихнувъ, схватилъ ея руку и прижалъ ее къ своимъ пылавшимъ щекамъ, по которымъ струились горячія слезы; его глаза яснѣе словъ говорили:

— Не бѣги отъ меня, прости! Не сердись: я тебя такъ горячо люблю, что готовъ уничтожить всякаго, кто только тебя тронетъ!

Бѣдная Шарлотта до того растерялась, что могла только гладить его по волнистымъ волосамъ, приговаривая:

— Знаю; знаю, что ты меня любишь и постоишь за меня. Только не пугай меня такими порывами гнѣва: ты мнѣ не въ состояніи помочь, когда ты неистовствуешь... Я знаю, что ты меня любишь и жалѣешь; такъ будь же добръ ко мнѣ и успокойся, уйди, дай мнѣ побыть одной.

Шарлотта такъ и пробыла одна весь день, весь вечеръ и всю ночь; мужъ ея засидѣлся у д'Эклеровъ, и его оставили тамъ ночевать.

На утро онъ въ свое время былъ уже на работахъ, на будущемъ своемъ заводѣ, а затѣмъ, обрадовавшись увѣренію жены, что она не безпокоилась о немъ, въ самомъ веселомъ настроеніи духа замѣтилъ Шарлоттѣ:

— А вѣдь премилые люди эти д'Эклеры; мнѣ бы хотѣлось чѣмъ-нибудь имъ оказать вниманіе...

— Кажется, ты и такъ уже довольно внимателенъ къ нимъ, —съ горькою усмѣшкой возразила жена.—Катаешься за ними слѣдомъ по Берлину, оказываешь особое вниманіе баронессѣ...

— Кстати, мы должны непремѣнно ихъ позвать обѣдать,— подхватилъ Аribертъ, будто ничего не замѣчая: — ну, хоть на будущей недѣлѣ...

— Какъ угодно. Только я не выйду къ этому обѣду!

— Вотъ какъ?.. А почему же, позвольте спросить?

— Хотя бы потому, что мнѣ не до обѣдовъ при такой фигурѣ и при такомъ лицѣ, которое обезображено болѣзнью; а слу-

Digitized by Google

жить посмѣшищемъ при сравненіи съ баронессой—я не желаю и черезчуръ для этого горда... или, пожалуй, недостаточно глупа!

— А! Ты, кажется, ревнуешь?

— И не думаю; но все-таки надѣюсь, что ты дашь имъ знать, и они примутъ какъ должное, что я нездорова и не могу никого принимать у себя.

— Конечно, моя милая, твоя воля—любить меня или не любить, какъ тебѣ угодно,—съ улыбкою, цѣлуя ей руку, замѣтилъ Аribертъ, весьма довольный, что жена вообще не мучила его своей женской ревностью, хотя, повидимому, знала все давнымъ давно. — Но все-таки было бы очень мило съ твоей стороны, если бы ты немножко приняла участіе въ приготовленіяхъ къ этому обѣду. Одно только я попросилъ бы тебя не забыть,— что въ это время года апельсины уже не хороши.

И легкою походкой онъ вышелъ вонъ, отвѣсивъ женѣ своей премилый поклонъ съ любезною улыбкой.

Настало многознаменательное воскресенье.

Шарлотта была въ кухнѣ и сама помогала кухаркѣ катать къ супу фрикадельки, давая въ то же время весьма важныя указанія и другимъ слугамъ, какъ вдругъ конюхъ Карлъ ворвался въ кухню, держа въ рукахъ какую-то бумажку:

— Почтальонъ говоритъ: „Пусть только не пугаются“! онъ знаетъ, что стоитъ въ телеграммѣ. Она собственно адресована г-ну барону и сказано въ ней, чтобы осторожнѣе...

Шарлотта бросила свое дѣло и съ нетерпѣніемъ вырвала изъ рукъ Карла депешу. Она хотѣла ее вскрыть, но Карлъ, не давая ей опомниться, продолжалъ говорить:

— Право, нечего такъ пугаться: ну, просто... ну, вашъ... ну, вашъ папаша скончался!

Съ глухимъ крикомъ молодая женщина откинулась на спинку грубаго кухоннаго стула и лишилась сознанія. Свекровь, горничная и кухарка подбѣжали къ ней, и „старая хозяйка“ взяла у нея изъ похолодѣвшей руки, судорожно сжимавшей телеграмму, злополучный листокъ бумаги. Въ немъ ясно стояло:

„Прошу возможно осторожнѣе сообщить Шарлоттѣ: сегодня, восемь утра, папа скоропостижно скончался отъ удара. Генрихъ Шенбекъ“.

— Карлъ, негодный мальчишка! Дрянь ты этакая!—принялась кричать фрау фонъ-Клинкенбергъ и замахнулась на вѣстника несчастія. Тотъ бросился бѣжать; она—за нимъ, несмотря на свои уже немолодые годы.

Digitized by Google

Но Карлъ былъ все-таки проворнѣе ея, и она утѣшилась тѣмъ, что бѣгомъ добѣжала до садовой дорожки. Тамъ Аривертъ срѣзалъ розы для букета, который долженъ былъ служить главнымъ украшеніемъ прибора его гостьи—баронессы д'Эклеръ.

— Ари, смотри-ка, что за безобразіе!—воскликнула она, потрясая въ воздухѣ телеграфнымъ бланкомъ.—Старикъ-то Шенбекъ умеръ—и какъ не во-время! Теперь всѣ наши усердныя приготовленія пойдутъ прахомъ...

— Вотъ еще! Съ какой стати?

— Тебѣ придется поскорѣй дать знать д'Эклерамъ, что обѣдъ отмѣненъ.

— Съ чего ты взяла? Напротивъ, онъ непремѣнно состоится, только бы поскорѣе мнѣ уговорить Шарлотту!—и Аривертъ бросился разыскивать жену.

Она поднималась вверхъ по лѣстницѣ, пошатываясь и громко рыдая; ее поддерживали горничная и кухарка, тоже видимо разстроенныя; у подножія лѣстницы стоялъ Карлъ, утиравшій кулаками слезы; еще дальше, на порогѣ крыльца, виднѣлась смущенная фигура почтальона.

Ариберту стало досадно, что жена выказываетъ свое горе передъ такими „мужиками", которыхъ онъ величалъ обыкновенно: „этотъ дрянной народъ". Но прежде чѣмъ онъ могъ что-нибудь сообразить, Лотта увидѣла его и, повиснувъ у него на шеѣ, еще сильнѣе разрыдалась. Мужъ обнялъ ее, поддержалъ и тихонько повелъ къ себѣ въ комнату.

Какъ только дверь за ними затворилась, Шарлотта опять дрожащими руками обвила шею мужа и, прижимаясь лицомъ къ его лицу, хотѣла прильнуть къ нему губами, хотѣла горячо и искренно его расцѣловать; но онъ отстранилъ ее нѣжно и ласково:

— Полно, сокровище мое, полно! Тебѣ вѣдь вредно волноваться. И наконецъ, этого надо было ожидать: твой папа былъ человѣкъ уже преклонныхъ лѣтъ; счастье еще, что смерть пришла къ нему такъ безболѣзненно и такъ мгновенно! Ему всякій можетъ позавидовать. Помни, что ты должна подумать о ребенкѣ, котораго тебѣ Богъ пошлетъ, а пока—развѣ я не съ тобою, дорогая?

Нѣжно уговаривая жену, онъ тихонько рознялъ ея руки, сомкнутыя у него на шеѣ, заботливо подвелъ ее къ дивану и, уложивъ поудобнѣе на низенькій турецкій диванъ, сѣлъ у ея изголовья. Минутъ пять Лотта лежала, притихнувъ подъ ласковымъ прикосновеніемъ руки мужа, который тихонько гладилъ ее

Digitized by Google

по головкѣ, какъ ребенка. Вдругъ она тревожно встрепенулась.

— Смотри же, пошли скорѣй кого-нибудь сказать, остановить гостей!

— Видишь ли, мой голубчикъ, это... это просто невозможно. Все у насъ уже совсѣмъ готово...

— Аribертъ!—въ ужасѣ воскликнула Шарлотта.

— Ну да, ну да! Ну, что же тутъ такого? Еслибъ ты непремѣнно принимала участіе въ обѣдѣ, это я еще понимаю; но ты вѣдь сама—помнишь?—выговорила себѣ право не выходить къ гостямъ. Ну, и прекрасно! Мы можемъ прекрасно отобѣдать безъ тебя, и имъ не надо говорить. Что жъ тутъ дѣлать? Иной разъ сама жизнь ставитъ намъ такія суровыя требованія, на которыя, кажется, никогда не найдется силъ; а между тѣмъ сила характера насъ выручаетъ и даетъ намъ бодрость духа и рѣшимость осилить это испытаніе.

— Ари! Да неужели у тебя въ самомъ дѣлѣ хватило бы духу пить, ѣсть и веселиться въ самый день смерти старика-отца? Или въ тебѣ нѣтъ ни капли жалости, ни капли участія? Дай имъ знать!

— Говорятъ тебѣ, это *не-возмож-но*... И конецъ!—уже совсѣмъ жёстко вырвалось у него.

— Хорошо; когда такъ, я тоже знаю, что мнѣ остается дѣлать.

Аribертъ, молча, повелъ плечами и ушелъ.

XV.

Рыцарь безъ страха.

Шарлотта поспѣшно встала съ дивана, на которомъ лежала, и пошла къ себѣ въ спальню. Увидавъ свою барыню, Лина вскрикнула отъ испуга.

— Ахъ, до чего... до чего вы блѣдны!—и торопливо подхватила подъ руки больную.

— Лина, слышите? Подите, подите какъ можно скорѣе, сію минуту позовите сюда Карла-Фридриха. Слышите, сію же минуту!

Горничная побѣжала, а Лотта взяла визитную карточку мужа и на ней проворно появились нижеслѣдующія слова:

„Я только-что получила извѣстіе о кончинѣ отца, и вы легко поймете, уважаемый господинъ баронъ, что по этому прискорбному случаю мы вынуждены отказаться отъ удовольствія видѣть

Digitized by Google

васъ сегодня у себя. Извините, что вамъ пишетъ нàскоро—преданная вамъ Шарлотта фонъ-Шенбекъ".

Ея дрожащее перо едва успѣло вывести послѣднюю букву, какъ вошелъ уже Карлъ-Фрицъ въ своемъ самомъ грубомъ будничномъ нарядѣ: на немъ была вязаная куртка, на головѣ такая же вязаная шапочка, какъ у рабочаго; по лицу было замѣтно, что онъ сильно взволнованъ.

Шарлотта объяснила ему, что онъ долженъ найти возможность добраться живо до Гневецова и передать эту карточку прямо въ руки барону. Карлъ-Фрицъ все это понялъ, но никакъ не могъ понять образа дѣйствія своего брата. Онъ опять пришелъ въ изступленіе и сдѣлалъ видъ, что кому-то угрожаетъ оружіемъ. Молодой женщинѣ съ трудомъ удалось его успокоить.

— Если ты меня любишь,—говорила она, держа его крѣпко за обѣ руки и убѣдительно глядя прямо ему въ глаза,—ты пойдешь скорѣе, и не будешь думать ни о чемъ другомъ, кромѣ моего порученія. Ты у меня единственный другъ и защитникъ, на котораго я могу положиться!.. Ну, бѣги же съ Богомъ!

Нѣжнымъ поцѣлуемъ коснулась она его лба и тихонько вывела за дверь... Долго стояла молодая женщина у окна, пока не скрылась изъ виду его быстро удалявшаяся фигура; затѣмъ она вышла въ гостиную, гдѣ была одна только тетя Лольхенъ. Но сегодня ей было не подъ-силу выслушивать терпѣливо благочестивыя разглагольствованія тетушки-толстушки; она скоро ушла къ себѣ, гдѣ затворилась на ключъ и одна наединѣ со своимъ тяжкимъ горемъ пролежала часа три.

За стѣной слышно было, какъ въ столовой суетились господа и слуги, какъ гремѣли ложки и тарелки, какъ Ариберъ командовалъ ясно и твердо, и съ какой безпрекословной быстротою его слушались. Потомъ раздался топотъ ногъ вверхъ по лѣстницѣ—это слуги убирали наверхъ кровати, чтобы внизу очистилось побольше мѣста. Вотъ Ариберъ вышелъ на крыльцо и принялся громко распоряжаться; вотъ онъ понизилъ голосъ, и по его тону Лотта могла догадаться, что онъ говоритъ съ матерью. Однако зайти и заговорить съ женою ни онъ самъ, ни его домашніе, не рѣшались.

Около перваго часу дня небо заволокло тучами; лѣниво началъ накрапывать дождикъ, поднялся вѣтеръ, тучи понеслись быстрѣе. Послышался глухой раскатъ грома; гдѣ-то хлопнуло окошко. Шаги Ариберта приблизились къ самой двери, за которой сидѣла Шарлотта.

Digitized by Google

— Окна въ гостиной еще открыты?—спросилъ онъ ее, постучавши.—Впусти меня, я ихъ закрою!

Окна, дѣйствительно, были открыты, потому что Шарлоттѣ было безразлично, польетъ ли дождь въ комнату, или нѣтъ.

„Карлъ-Фрицъ, вѣроятно, ужъ добрался до Гневецова“,—подумала она и открыла мужу.

Аривертъ прошелъ мимо нея прямо къ окнамъ и проворчалъ:

— Такъ и есть: повсюду грязь и пыль! Опять придется все стирать и скоблить!

Сильный ударъ грома раскатился съ грознымъ трескомъ.

— А—чортъ возьми! Это ужъ становится опасно!—замѣтилъ хозяинъ дома.—Надо пойти посмотрѣть, хорошо ли дѣйствуетъ громоотводъ и въ порядкѣ ли пожарныя бочки? Только бы не попали подъ грозу д'Эклеры! Впрочемъ, гроза идетъ съ сѣвера—они, пожалуй, переждутъ ее дома и на какіе-нибудь полчаса пріѣдутъ позже.

Шарлотта, сидѣвшая въ углу, въ мягкомъ креслѣ, отозвалась рѣшительнымъ и холоднымъ тономъ:

— Да они и вообще сегодня не пріѣдутъ.

— Что-о?

— Я имъ написала; они уже прочли мое письмо.

— И ты!.. — вскричалъ Аривертъ; лицо его побагровѣло, какъ вишня.—Кто смѣлъ... Кого ты послала?

— Твой братъ, изъ любви ко мнѣ, взялся снести мою записку къ д'Эклерамъ. Онъ вѣдь единственный человѣкъ въ этомъ домѣ, на котораго я могу положиться: а вы всѣ сговорились дѣйствовать за-одно противъ меня... Только бы буря его не настигла на пути!..

— И пусть бы его!.. — вырвалось у Аривертa съ ругательствомъ; глаза его, сверкнувшіе яростью, договорили остальное.—Теперь я, значитъ, оказываюсь виноватъ передъ кухаркой и передъ людьми: недаромъ они тоже начинали ужъ ворчать, особенно твоя возлюбленная Лина. Ты и людей-то всѣхъ противъ меня возстановила! Еслибъ не положеніе твое... я бы тебѣ...

Онъ вышелъ, и громко вслѣдъ за нимъ захлопнулись три двери. Затѣмъ все смолкло;—очевидно, онъ ушелъ изъ дому.

Только тогда рѣшилась Лотта выйти изъ засады и, придя къ себѣ въ комнату, тотчасъ же улеглась въ постель съ помощью вѣрной Лины; она должна была и ночью не отходить отъ нея ни на шагъ—бѣдной женщинѣ было слишкомъ жутко чувствовать себя одной.

Digitized by Google

Проливной дождь шумѣлъ, дружно стуча по намокшему песку, и его мѣрный шумъ успокоительно подѣйствовалъ на усталые нервы больной, истомленной женщины; она заснула въ то время, какъ рядомъ въ столовой стучали ножами и вилками ея мужъ, его мать и тетка, за тѣмъ самымъ обѣдомъ, который былъ приготовленъ для гостей.

Карлъ-Фрицъ вернулся вечеромъ, усталый, промокшій до костей, покрытый ссадинами, синяками и царапинами. Въ запискѣ, которую онъ прислалъ Лоттѣ черезъ Лину, стоялъ вкратцѣ его отчетъ: онъ вручилъ камердинеру письмо и, не отдыхая, отправился въ обратный путь.

Лина прибавила, что теперь онъ легъ въ постель и его трясетъ лихорадка.

Каждые полчаса Шарлотта посылала Лину узнать о его здоровьѣ; но онъ заперся на замокъ и не впускалъ никого. Въ десять часовъ всѣ разошлись, и водворилась гробовая тишина. Шарлотта попробовала заснуть... Вдругъ ее совершенно разбудили мучительныя боли во всемъ тѣлѣ, какая-то тревожная тоска. Какъ бы предчувствуя бѣду, она насторожилась...

Наверху что-то стукнуло, что-то тяжелое упало на полъ. Послышался испуганный крикъ... Кто-то забѣгалъ, застучалъ дверями. Раздался голосъ Ариберта и безпорядочный, дикій вопль Карла-Фрица. Ихъ голоса смѣшались, все возвышаясь...

Вдругъ что-то ударилось объ полъ и разбилось, какъ стекло. Крики и смятеніе послышались уже на лѣстницѣ; снизу тоже бѣжали родные и прислуга...

— Лина!.. Ради Бога!.. Да встань же, помоги!—кричала Шарлотта.

Лина вскочила, помогла ей накинуть капотъ, и, дрожа отъ ужаса, обѣ поспѣшили на лѣстницу. Весь домъ былъ уже тамъ.

На нижнихъ ступенькахъ навзничь, головою внизъ, лежалъ безъ движенія Карлъ-Фрицъ; изъ раны на затылкѣ сильной струей лилась кровь... Шарлотта бросилась передъ нимъ на колѣни и поддержала ему голову. На нее, ничего не видя, взглянули мутные, закатившіеся глаза несчастнаго... Она вскрикнула и упала безъ чувствъ.

— Пожаръ! Горимъ!..—кричалъ сверху Арибертъ.—Этотъ сумасшедшій хотѣлъ меня убить и швырнулъ въ меня лампой... Коверъ сюда скорѣй! Людей! Зовите тушить...

Страхъ передъ пожаромъ овладѣлъ всѣми. Мать побѣжала звать на помощь; тетушка только безъ толку причитала и металась. Линѣ пришлось одной, съ величайшими усиліями, на ру-

Digitized by Google

кахъ, унести безчувственную Шарлотту, безъ посторонней помощи раздѣть и уложить ее въ постель и похлопотать, чтобы позвали доктора.

Пожаръ, не особенно опасный, скоро удалось потушить. Лужу крови затерли безъ слѣда. Раненаго унесли и уложили; мать сидѣла при немъ неотлучно и всю ночь мѣняла компрессы, а тетя Лольхенъ дремала въ высокомъ плетеномъ креслѣ, тутъ же, чтобы во всякое время ее смѣнить.

Ариберту не трудно было оправдаться передъ матерью. Онъ объяснилъ, что Карлъ-Фрицъ хотѣлъ его убить и бросилъ въ него зажженной лампой. Долженъ же былъ онъ, Ари, защищаться, чтобы не сгорѣть? Несчастный, правда, сильно пострадалъ, падая съ лѣстницы, но въ этомъ отчасти виною его собственная неловкость.

Заглянулъ также Ари въ спальню къ женѣ; но и тамъ его присутствіе оказалось ненужнымъ. Онъ пошелъ въ кабинетъ и заснулъ спокойно у себя, на диванѣ.

Часу въ четвертомъ, на разсвѣтѣ, въ комнату Карла прибѣжала Лина и едва разбудила фрау фонъ-Клинкенбергъ, крѣпко спавшую у его изголовья.

— Пожалуйте скорѣе! Посмотрите, что у насъ тамъ творится!—блѣдная, какъ смерть, лепетала она:—Молодая баронесса стонетъ и кричитъ такъ, что душа надрывается. Знаю я, что это должно значить... Ахъ, поскорѣй бы пріѣзжала акушерка!..

Къ полудню вернулась домой Карола, чтобы выразить невѣсткѣ свое сочувствіе по поводу понесенной ею утраты.

И братъ, и сестра, сидѣвшіе въ гостиной, умолкли, тревожно выжидая вѣстей изъ спальни, и напряженно прислушивались къ малѣйшимъ звукамъ, доносившимся оттуда.

На порогѣ появилась фрау фонъ-Клинкенбергъ; лицо ея сіяло.

— Ну, слава Богу! Поздравляю! Дѣвочка,—но это не бѣда. И семимѣсячная... но это вѣдь бываетъ. Она всѣ стѣны прокричала; а говорятъ, если ребенокъ „всѣ стѣны прокричитъ“, значитъ, навѣрно будетъ „жить и владѣть наслѣдствомъ“. Пищитъ она такъ тихо-тихо; но Кильзенъ увѣряетъ, что недоносковъ прекрасно выдерживаютъ въ грѣлкѣ...

— А Лотта?—нетерпѣливо перебилъ ея трескотню Арибертъ.

— Ахъ... Лотта!!..—вздохнула свекровь и подняла къ небу свои сухія плечи и водянистые глаза...

Бѣдную Лотту схоронили, когда малюткѣ шелъ десятый день; но и ея слабенькое тѣльце нашло себѣ вѣчный пріютъ въ той же могилѣ, рядомъ съ матерью, нѣсколько дней спустя.

Digitized by Google

Шенбекамъ осталась неизвѣстна настоящая причина несчастной кончины Шарлотты.

По случаю двойного траура въ семьѣ, Гедвига должна была отложить свою свадьбу на установленное число мѣсяцевъ, а затѣмъ эта свадьба была отпразднована совсѣмъ скромно.

Но и бойкую, безпечную вдовушку постигло разочарованіе: ея восторженный полу-богъ, вдохновенный геніемъ искусства, оказался обыкновеннымъ смертнымъ, смотрѣвшимъ на свою профессію актера, какъ смотритъ ремесленникъ на ремесло, которое даетъ ему средства прокормиться. Въ этомъ отношеніи онъ оказался самымъ пустымъ и заурядиымъ человѣкомъ; но это, однако, не мѣшало ему быть прямымъ и честнымъ малымъ, примѣрнымъ мужемъ и отцомъ — даже для маленькаго Конрада Прюммера. И это примиряло г-жу Гельдорфъ съ понесеннымъ ею разочарованіемъ; она добродушно шутила надъ собой по этому поводу, и благодаря здравому смыслу и любви мужа, мало-по-малу сама стала основательнѣе, скромнѣе, а въ концѣ концовъ даже совершенно превратилась въ серьезную и милую женщину.

По окончаніи всякихъ дѣловыхъ формальностей по вводу во владѣніе наслѣдствомъ покойной жены, Арибертъ явился счастливымъ обладателемъ двухсотъ-тысячъ марокъ и полной свободы дѣйствій. Съ этой минуты всякія сношенія между семьями Шенбековъ и Клинкенберговъ прекратились. Минулъ годъ,—и тогда только услышалъ опять Генрихъ Шенбекъ про ненавистнаго ему человѣка,—и то лишь изъ газетъ.

Онъ нарочно зашелъ къ зятю своему, Гельдорфу, чтобы показать ему уже отмѣченное имъ карандашомъ мѣсто: газета сообщала, что Арибертъ фонъ-Клинкенбергъ выбранъ въ рейхстагѣ представителемъ округа „Остъ-Пригницъ“, а спустя еще нѣсколько недѣль, въ той же газетѣ, въ „свадебномъ“ столбцѣ была упомянута помолвка того же „Ариберта фонъ-Клинкенберга съ дочерью землевладѣльца баронессой Гизелой д'Эклеръ.

Добродушный Гельдорфъ, какъ честный человѣкъ, пришелъ въ искреннее, сердечное негодованіе.

— Ну да! Онъ женится. Но я въ этомъ никогда и не сомнѣвался,—подтвердилъ Генрихъ съ горькою усмѣшкой. Онъ на минуту какъ бы собирался съ мыслями, и затѣмъ продолжалъ:

—Для такихъ, какъ онъ, усердныхъ рабовъ своихъ стремленій—теперь самое золотое время. Холодное отношеніе къ другимъ и горячее къ своему собственному „я“—вѣрнѣе непроницаемыхъ латъ, надежнѣе закаленной стали охраняетъ ихъ отъ

Digitized by Google

страданій и отъ ранъ, которыя человѣчество наноситъ каждому, обладающему чуткой, отзывчивой душой. Вѣрнѣе спущеннаго забрала, такое отношеніе эгоиста къ себѣ и къ другимъ преграждаетъ доступъ въ его душу мыслямъ, опаснымъ для его себялюбія. Да, да! Нашъ благородный рыцарь Арибертъ вооруженъ прекрасно и достигнетъ величайшихъ почестей, какъ столпъ алтаря и трона... Это новый рыцарскій орденъ св. „Ego“!

Баронъ д'Эклеръ, каждый разъ что при немъ заходила рѣчь о его зятѣ, говорилъ неизмѣнно:

— Онъ далеко пойдетъ! Онъ кошачьей породы—и всегда умѣетъ, падая, не ушибаться, а встать прямо на ноги. Съ первой женой ему не повезло: она была совсѣмъ ему не пара. Ея кругъ—буржуазное общество, буржуазныя, а слѣдовательно, ограниченныя воззрѣнія. Конечно, все это его стѣсняло; но ея смерть принесла ему двѣсти тысячъ марокъ. Онъ покупаетъ себѣ имѣніе въ Помераніи, по сосѣдству съ моимъ. Отчего жъ бы мнѣ и не выдать за него мою дочь? Одно изъ моихъ имѣній она получаетъ въ приданое, а вмѣстѣ съ его собственнымъ это составитъ весьма значительныя владѣнія. Этотъ Клинкенбергъ—хозяинъ хоть куда! За что онъ ни возьмется, все у него идетъ успѣшно. Сверхъ того, онъ изящный кавалеръ, ловкій танцоръ и остроумный собесѣдникъ. Глядя на него, никто не скажетъ, что отецъ его умеръ съ голоду, а мать—заурядиѣйшая, необразованная женщина. Теперь она крѣпко засѣла въ своемъ безлюдномъ Штрезенѣ и, вмѣстѣ съ тетушкой-ханжой, ухаживаетъ за своимъ старшимъ сыномъ, который разбитъ параличомъ,—и будетъ ухаживать, пока онъ не умретъ. Ну, моей дочери, конечно, такое общество не къ лицу; а тамъ они какъ разъ у мѣста. Да, да! Противъ зятя моего я ничего не могу сказать. Это человѣкъ современный во всѣхъ отношеніяхъ,—во всемъ, что отъ него требуется въ наше время: у него невозмутимая, твердая совѣсть и рѣшимость приступать прямо къ дѣлу. Мы до сихъ поръ еще слишкомъ погружены въ романтическія бредни; а зять мой—правъ. Для человѣка ловкаго и развитого, для человѣка предпріимчиваго и смѣлаго ума, въ наши дни, долженъ быть только одинъ—единственный девизъ: „Ecce ego“!

А. Б—г—.

Digitized by Google

ВВЕРХЪ ПО ЛЕНѢ

ВЪ

ПОЧТОВОЙ ЛОДКѢ

Путевыя замѣтки.

Въ знойный полдень 13 іюня, лѣтъ пять-шесть тому назадъ, выѣхалъ я изъ города Якутска. Пекло, было тихо и душно подъ безоблачнымъ небомъ; не вѣрилось, что находишься подъ 62° широты въ „мѣстахъ отдаленнѣйшихъ“ сѣверо-восточной Сибири. Вокругъ все цвѣло и благоухало—прелесть короткаго сѣвернаго лѣта проявилась всецѣло и вполнѣ. Благодаря прозрачности, легкости, такъ сказать, здѣшняго воздуха, все блистало и искрилось; освѣщеніе тамъ какое-то особенное, своеобразное; обиліе свѣта—невѣроятное; падающій и отраженный свѣтъ ослѣпляетъ.

Прибывшій за мною ямщикъ, смуглый, безбородый якутъ, ни слова не понималъ по-русски; мимикой, знаками пришлось указать ему, какъ уложить мои вещи. Какъ только онъ вспрыгнулъ на козлы, тройка такъ подхватила и понесла, что пришлось толкать его въ спину и повторять: „тохто, тохто“!—чтобы умѣрить бѣшеную ѣзду. Бѣлые якутскіе кони хотѣли пронестись во всю мочь первую треть перегона, чтобы затѣмъ трусить всю остальную часть дороги; якуты возятъ, какъ буряты: лихо, но не разсчетливо. Городомъ ѣхали мы по возможности тихо. Улицы были пусты; ни проѣзжихъ, ни прохожихъ не встрѣчалось, хотя путь лежалъ по главной улицѣ. Жители Якутска придерживаются лѣтомъ обычая южанъ—они, послѣ полудня, посвящаютъ время от-

Digitized by Google

дыху и бездѣлью. Знойное, сухое, короткое лѣто заставляетъ откладывать дѣла до вечера, выходить изъ дому ночью. Въ Якутскѣ, чечунча для платья и соломенныя шляпы—столь же необходимы, какъ дохи и шапки на двойномъ мѣху. Конскій хвостъ для отмахиванія „гнуси"—мошекъ и комаровъ—въ рукахъ якута виденъ такъ же часто, какъ вѣеръ въ рукахъ китайца и японца. Проѣзжая городомъ, мы встрѣчали дома съ закрытыми ставнями; ветхія, черныя строенія оттого смотрѣли еще болѣе угрюмо и непривлекательно. Темная, немощеная улица, полусгнившіе тротуары, разнообразились только зеленью на лужахъ и мхомъ, росшимъ вдоль трещинъ досокъ. Ни травинки, ни былинки не зеленѣетъ въ городѣ — ни садовъ, ни лужаекъ нѣтъ; зато сейчасъ за городомъ разстилается чудная степь. Оставивъ тишину городскую, выѣхавъ изъ плоскаго, темнаго, непривѣтливаго Якутска, можно было вдоволь насладиться перемѣной, наступившей тотчасъ за городомъ—степь тянулась весь перегонъ, всѣ двадцать верстъ, до Табагинской почтовой станціи на Иркутскомъ трактѣ. Жаль было, что кони такъ неутомимо скакали и не давали налюбоваться степью. Ровная, гладкая дорога вьется здѣсь по бархатистой муравѣ; все тутъ напоминаетъ украинскія степи; степь на берегахъ Лены носитъ характеръ днѣпровскихъ степей. Ковыль, овражки, балки переносятъ путника въ воображеніи въ дальнія страны юга. При проѣздѣ нашемъ запахъ отъ степныхъ цвѣтовъ былъ разителенъ, удушливъ; благоухало какъ въ Ниццѣ, когда цвѣтутъ фіалки и померанцевыя рощи. Тамъ, на берегу Средиземнаго моря все клочками, урывками—здѣсь все сплошь, на десятки верстъ; тамъ все нскусственно, все насажено—здѣсь, на берегу Лены, все дико, самородно. Около Якутска пахло какъ въ парфюмерномъ магазинѣ, въ отличіе отъ степей забайкальскихъ, гдѣ въ іюлѣ мѣсяцѣ пахнетъ аптекою. Особенно обдавало насъ благоуханіемъ, когда мы въ оврагахъ проѣзжали мимо кустовъ шиповника. За розовыми крупными цвѣтами еле видна была зелень кустовъ.

На переправѣ черезъ рѣчку скопилось нѣсколько „вершихъ" (конныхъ) якутовъ и телѣгъ съ поселенцами. Русскіе и инородцы тараторили на непонятномъ мнѣ языкѣ. Здѣсь впервые услышалъ я якутскій говоръ, сопровождавшій меня по почтовому тракту вплоть до границы якутской области, т.-е. на протяженіи тысячи верстъ.

Табагинская почтовая станція лежитъ на притокѣ Лены,—гдѣ степь переходитъ въ горы. Тотчасъ за селеніемъ трактъ съ берега сворачиваетъ вправо, во внутрь страны, въ лѣсъ

Digitized by Google

и въ горы. Вмѣсто глади степей вздымается гора за горой; здѣсь настоящая тайга; лѣсъ густъ, сплошной; лѣсъ ростетъ на лѣсѣ; громадные стволы окружены мелколѣсьемъ, на буреломахъ ростетъ заросль; топи, кочковатыя болотца, образуютъ мелкія прогалины въ мрачномъ лѣсу. Къ вечеру благоуханіе замѣтно и здѣсь; воздухъ „стоялъ“,—въ лѣсу онъ, казалось, былъ еще неподвижнѣе, нежели въ степи. На солнцепекахъ и опушкѣ лѣса росли громадные кусты шиповника; они окаймляли дорогу; выше дуги попадались кусты дикихъ розъ. За мелкою растительностью стояли ели густыми рядами; лиственницы образовывали собою сѣрый фонъ, на которомъ ярко пестрѣли цвѣты шиповника и лилій. Высокія зонтичныя растенія и круглые, граціозные злаки подымались среди деревьевъ въ самой лѣсной чащѣ; вьющіяся растенія лѣзли по стволамъ; въ болотцахъ, заросшихъ мѣстами тростникомъ, стояли лужи; въ зелени кочекъ чернѣли пни и коряги. Темнофіолетовые касатики (ирисы) букетами росли въ сырыхъ мѣстахъ; широколепестковыя, тигровыя лиліи горѣли яркимъ пурпуромъ на склонахъ холмовъ, обращенныхъ къ югу.

Замѣчательно, что при столь богатой и разнообразной флорѣ въ утесистыхъ горахъ, среди болотъ и густой листвы лѣса, на берегу громадной рѣки не замѣтно было ни мховъ, ни папоротниковъ. Достаточно тѣни и влаги, казалось, было здѣсь; ни трута на гнилыхъ березахъ, ни лишаевъ тутъ не было—все свидѣтельствовало о знойномъ, короткомъ лѣтѣ и сухой, суровой зимѣ.

Богатая флора сопровождаетъ путника вверхъ по Ленѣ, вплоть до самой границы якутской области, до Мачи (Нахтуйска); тамъ наступаетъ какой-то перерывъ—лѣсъ и поля становятся бѣднѣе, однообразнѣе, несмотря на то, что мѣстность лежитъ на нѣсколько градусовъ южнѣе; нѣтъ той сочности, силы въ травахъ, той густоты злаковъ, той роскошной листвы деревьевъ. Начиная съ Верхоленска, вплоть до Иркутска, степная флора снова поражаетъ своимъ обиліемъ густыхъ, высокихъ кормовыхъ травъ и яркихъ, душистыхъ полевыхъ цвѣтовъ. Границы разселенія кочующихъ народовъ совпадаютъ съ этими ботаническими границами: якуты живутъ по Ленѣ до Мачи, буряты—въ степяхъ отъ Усть-Ордынской станціи до Качуга. Въ промежуткѣ между ними бродятъ тунгусы. Свойства почвы опредѣляютъ, гдѣ кому жить, чѣмъ кому заниматься: водить ли скотъ, бродить ли съ оленями по тайгѣ.

Особенность флоры на берегахъ Лены состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что багульникъ—альпійская роза, рододендронъ,

Digitized by Google

который около Иркутска и въ Забайкальѣ розовый, здѣсь цвѣтетъ бѣлыми цвѣтами. Кашка (трифоль, клеверъ) и лютикъ (ранункулъ) на Ленѣ цвѣтутъ тоже бѣлымъ цвѣтомъ. Какъ среди домашнихъ животныхъ у якутовъ, особенно среди ихъ лошадей, преобладаетъ бѣлая масть, такъ и растенія какъ будто и лѣтомъ напоминаютъ зиму и цвѣтутъ безцвѣтно, безкрасочно.

Узкая почтовая дорога вилась по хребтамъ; тройка то вскачь неслась на высоты, то осторожно, какъ бы ощупью, ползла въ пади. Гати изъ мелкихъ бревенъ, пролегающія здѣсь на цѣлыя версты сплошною полосою, облегчаютъ лошадей и мучаютъ проѣзжихъ. Почтовыя повозки на деревянныхъ осяхъ тормазятся березовымъ сукомъ, загнутымъ крючкомъ. Тормазъ этотъ ямщикъ то-и-дѣло накладываетъ на спицу колеса. Съѣзды съ горъ здѣсь по верстѣ и длиннѣе. Несмотря на мою „простую“ (т.-е. пустую, безъ клади) повозку, коренная часто садилась и ползла подъ гору. Эту опасную станцію ночью не проѣзжаютъ. Почта здѣсь идетъ съ фонарями, чего по всему тысячеверстному тракту якутской области нигдѣ болѣе не встрѣчается. Ямщики здѣсь, какъ и ихъ лошади, выносливы и неприхотливы. Мнѣ попался русскій—рѣдкое здѣсь исключеніе; среднихъ лѣтъ, онъ имѣлъ здоровый видъ, но былъ до крайности худощавъ; у него черезъ платье обрисовывались лопатки. Несмотря на то, онъ бѣжалъ въ гору рядомъ съ лошадьми и въ силахъ былъ осаживать дикихъ коней. Все русское населеніе вплоть до Олёкмы имѣетъ жалкій видъ. Я встрѣчалъ только истощенныхъ и изнуренныхъ; лѣтъ восемь тому назадъ, проѣхавшій по Ленѣ путешественникъ разсказывалъ мнѣ, что ему попадались ямщики на четвереньках: они до того изморены были голодомъ, что подползали къ проѣзжимъ за милостынею.

Населеніе вдоль Лены окружено тайгой; оно сообщается съ остальнымъ міромъ только рѣкою или берегомъ ея и живетъ какъ бы на островѣ—все плыветъ мимо него, все доставляется для продовольствія сѣвера, для казеннаго пайка, для торговли съ инородцами полярныхъ странъ. Перехватить что изъ мимоидущаго бѣднякамъ рѣдко удается; все предназначено на оптовой отпускъ—въ розницу продовольствіе по пути не продается. Голодовки здѣсь не рѣдкость. Населеніе по Ленѣ не обезпечено собственнымъ хлѣбомъ, несмотря на то, что земля здѣсь не мѣрена, и каждый волёнъ пользоваться тайгой, расчищая въ ней „захваты“, сколько силъ хватитъ. Удобные клочки земли по самому берегу то затопляются, то смываются. Хребты подступаютъ къ самой Ленѣ—негдѣ заняться хлѣбопашествомъ, а отойти отъ рѣки — пропа-

Digitized by Google

дешь въ тайгѣ, гдѣ ни сбыта, ни привоза нѣтъ. Среди богатыхъ якутовъ и обезпеченныхъ тунгусовъ, русское населеніе таетъ. Все русское здѣсь поддается инородческому вліянію—всѣ уже объякутились: занимаются больше скотоводствомъ, нежели хлѣбопашествомъ, живутъ тѣсно и въ разбросъ; избы все болѣе становятся похожими на юрты. Многіе забываютъ родной языкъ и говорятъ между собою въ семьѣ по-якутски. Старики, которыхъ я встрѣтилъ, говорятъ еще по-русски, но картаво, съ какимъ-то иностраннымъ акцентомъ; по-русски говорятъ они только съ проѣзжими. Молодые вовсе не понимаютъ по-русски. Толмачами на Лену по почтовому тракту выселены были штрафованные солдаты и вольные люди изъ крестьянъ въ прошломъ столѣтіи. Третье поколѣніе этихъ выходцевъ изъ Россіи уже состарилось. Теперешніе русскіе по Ленѣ утратили славянскій типъ; они похожи и на якутовъ, и на латышей, и на финновъ —физіономіи ихъ напоминаютъ лица, которыя встрѣчаешь на морскихъ прибрежьяхъ; у нихъ складъ лица напоминаетъ типъ морскихъ жителей. У нихъ рѣшительный, сосредоточенный видъ, серьезное, спокойное выраженіе лица; покорность судьбѣ видна въ чертахъ этихъ тружениковъ. Они загорѣлы, кожа ихъ кажется прогорѣлой, дубленой; глазныя щели у нихъ узки отъ постояннаго напряженія взора вдаль по водѣ; вокругъ узкихъ губъ борода выбрита; они похожи на иностранныхъ моряковъ, на лоцмановъ и шкиперовъ сѣверныхъ морей. Эта водяная или морская, не-русская физіономія гармонируетъ съ обстановкой и костюмомъ здѣшнихъ ямщиковъ. Тутъ нѣтъ ни армяковъ, ни кушаковъ, ни ямскихъ шляпъ; ямщики здѣсь ходятъ въ тарлыкахъ, курмахъ, унтахъ, якутскихъ торбазахъ, моршняхъ. Среди якутовъ куреніе сильно развито; трубку сосутъ и женщины, и дѣвки; русскіе ямщики, по старинному, нюхаютъ табакъ больше, нежели курятъ его. Остался на Ленѣ и старинный обычай „оранья“ при подъѣздѣ къ почтовой станціи; это оранье замѣняетъ игру на почтовомъ рожкѣ. Бывало, трубили, а теперь за полверсты до станка „гогочутъ“. Передовой въ лодкѣ ямщикъ затягиваетъ, ему вторятъ гребцы и кормовой. Когда всѣ загогочутъ,—гулъ, разносясь по водѣ и отражаясь въ тайгѣ, усиливается до раздирающаго уши шума; онъ много превышаетъ по силѣ звукъ, подаваемый почтовымъ рожкомъ. Ямщики между Якутскомъ и Олёкмой вовсе не просятъ „на чай“ или „на водку“; они крайне старательны, сосредоточены надъ своимъ дѣломъ; они отважны и рѣшительны въ случаяхъ, когда грозитъ опасность, столь часто встрѣчающаяся на „водяной пути“.

Digitized by Google

Рѣдко гдѣ еще въ Сибири возятъ такъ лихо, какъ между городомъ Якутскомъ и селеніемъ Покровскимъ и между Олёкмой и Бирюцкой станціей. Развѣ только по Барабѣ въ западной Сибири и по Хоринской Братской степи въ Забайкальѣ везутъ такъ же „хлёстко", какъ вдоль Лены. По Барабинской и Бурятской степямъ быстрая ѣзда зависитъ отъ удобствъ пути; въ якутской же области, ни гати, ни лѣсныя дороги по хребтамъ не мѣшаютъ дѣлать по пятнадцати верстъ въ часъ. Вездѣ въ Сибири — „бичи", здѣсь ихъ нѣтъ; легкій гикъ ямщика подымаетъ тройку, которая рвется и несется, некованная, по щебню, ныряетъ въ трясины и рысью бродитъ рѣчки. Тутъ можно еще встрѣтить старинный сибирскій „красный звонъ"; три колокольчика (по здѣшнему, „била")—дѣло обыкновенное,—четыре не рѣдкость. Пять переѣздовъ между городомъ Якутскомъ и Бестятской станціей всего сто-шесть верстъ (Табагинская, Техтюрская, Уляхъ-Анская, Покровская) мы „пробѣжали" въ полъ-сутокъ и притомъ ночью, хотя, строго говоря, ночи не наступало вовсе. Было 13-е іюня—самый долгій въ году день; солнце закатилось въ одиннадцатомъ часу и взошло въ два; заря встрѣтилась съ зарею. Не успѣло небо поблѣднѣть на сѣверѣ, какъ зардѣлась новая заря. Уснуть не пришлось—прелесть бѣлой ночи и своеобразная краса якутской природы занимали и развлекали. Зелень казалась гуще, чѣмъ днемъ, даже сѣрѣе; все сливалось въ неопредѣленные тоны; контуры расплывались; небо за все время пребыванія солнца за горизонтомъ оставалось свѣтлымъ; ни одна звѣздочка не затеплилась; облака потухли, но не потемнѣли; красная кайма ихъ перешла въ желтую, затѣмъ бѣлую; продержавшись нѣкоторое время бѣлой, она опять пожелтѣла и скоро опять зардѣлась. Особенно живописенъ былъ полуночный пейзажъ, когда къ западу тянулись горы, а къ востоку ширилась долина Лены. Рѣка серебрилась широкою полосою, сливаясь на горизонтѣ съ небомъ; переходъ тушевался, не представлялъ линіи, а былъ похожъ на дымчатую, расплывающуюся полосу. Группы сосенъ среди луговъ стояли маяками; стволы ихъ сливались съ окружающею ихъ зеленью, верхушки ихъ силуэтами рѣзко обрисовывались на свѣтломъ небѣ. Синевы не было, но какая-то яркая, съ перламутровымъ блескомъ, бѣлизна серебрилась надъ землею. Въ лѣсахъ было мрачно, но не темно; густыя испаренія въ видѣ облаковъ колыхались и ходили по землѣ, мѣняя очертанія, клубясь и расплываясь; особенно густы были эти бѣлыя пятна надъ лѣсными озерами. Первый лучъ солнца ударилъ въ верхушки лѣсныхъ великановъ, и колоритъ всего разомъ измѣнился; сѣрые, нейтральные тона перешли въ опредѣ-

Digitized by Google

ленные цвѣта; блеснули яркія краски, контрасты тѣни и свѣта оживили всю картину. Росы не было, но туманъ долго и послѣ восхода солнца носился еще въ низинахъ. Самая въ году короткая ночь проскользнула незамѣтно, пробѣжала по землѣ, какъ легкая тѣнь, коснулась лишь земли, задѣвъ, но не окутавъ ея своимъ покровомъ. Этотъ намекъ на ночь, эта призрачная ночь должна служить рѣзкимъ контрастомъ съ здѣшней зимней ночью... Лѣтомъ подъ Якутскомъ встрѣчаешь пахаря за плугомъ въ полночь; баржи на Ленѣ грузятъ съ вечерней до утренней зари; въ деревняхъ сидятъ на завалинкахъ отъ заката до восхода солнца и дѣлаютъ сельскіе сходы въ часы полночные.

14-го іюня, утромъ, часовъ въ пять, на Бестятской станціи мое сухопутное почтовое слѣдованіе перешло въ почтовое плаваніе. Вверхъ по Ленѣ почта и ѣдущіе почтовымъ движеніемъ слѣдуютъ на всѣ лады: лодки тянутъ бичевою посредствомъ лошадей въ хомутѣ, ямщиковъ въ лямкѣ; гребутъ, плывутъ подъ парусомъ, толкаются шестами и баграми, объѣзжаютъ вьючнымъ путемъ тѣ мѣста, гдѣ по мелководью и по многоводью проплыть нельзя. Всѣ эти способы передвиженія изъ года въ годъ со времени проведенія почтоваго тракта практикуются между Бестятской или Покровской станціями якутской области и Жигаловской станціей иркутской губерніи—на протяженіи 2.244 верстъ. За 130 лѣтъ существованія этого тракта существенныхъ улучшеній путей сообщенія не произошло. На трактѣ по Ленѣ есть мѣста, гдѣ всегда во всякое время года и при всякомъ стояніи воды гребутъ, бродятъ или пихаются шестами—„идутъ на шестахъ"; есть мѣста, гдѣ отъ временныхъ условій—отъ погоды, дождей, засухи—зависитъ, тянуться ли лошадьми, или плыть парусомъ. Часто приходится двигаться ощупью, наугадъ, изыскивать способы передвиженія; бываетъ, что гдѣ вчера шли лошадьми,—сегодня, по случаю прибыли воды, лодку тянутъ ямщики въ лямкѣ; гдѣ сегодня тянутся людьми, тамъ завтра пропихиваются шестами и цѣпляются за скалы баграми. Пускаются на удачу, не зная впередъ, какимъ способомъ придется добраться до слѣдующей станціи. Лошади идутъ большею частью рысью; положенная здѣсь скорость для проѣзжающихъ по почтѣ шесть верстъ въ часъ—то же, значитъ, количество верстъ, что по кругобайкальскому тракту, тогда какъ по всей Сибири законная скорость та же, что въ Россіи: отъ восьми до десяти верстъ въ часъ. За весь мой проѣздъ вверхъ по Ленѣ разъ только случилось, что лошади скакали,—все время онѣ шли шагомъ или рысью. Недостатка лошадей нигдѣ не встрѣчалось, и на качество коней не приходилось жаловаться.

Digitized by Google

Подъ почтовой парой здѣсь разумѣютъ двухъ верховыхъ лошадей при четырехъ ямщикахъ. Двое изъ нихъ, иной разъ и одинъ, въ сѣдлахъ, одинъ на носу лодки; этотъ „палубникъ“ смотритъ за бичевой и отпихивается на мелѣхъ; одинъ ямщикъ на кормѣ— это кормчій, кормовой — по здѣшнему, „весловой“; лодки безъ руля, онѣ правятся весломъ. Главная опасность при плаваніи по Ленѣ бываетъ отъ верховыхъ ямщиковъ; между ними рѣдко бываютъ взрослые—чаще сажаютъ въ сѣдла подростковъ или даже дѣтей. Эти всадники иногда не могутъ справиться съ лошадьми; они не въ силахъ разогнать ихъ, и весь переѣздъ въ 20 или 25 верстъ плетутся шагомъ. На половинѣ станка мальчики выбиваются изъ силъ; ихъ сажаютъ въ лодку, гдѣ они дремлютъ и засыпаютъ. Или иногда просто бросаютъ дѣтей на дорогѣ, т.-е. велятъ имъ ѣхать обратно на одномъ конѣ, тогда какъ взрослый ямщикъ изъ лодки садится въ сѣдло. Иногда мальчики дожидаются на дорогѣ своихъ обратныхъ ямщиковъ и возвращаются на станцію, какъ будто довезли проѣзжихъ. Дѣти 10 и 12 лѣтъ часто засыпаютъ въ сѣдлахъ. Такіе ямщики часто тонутъ при переправѣ черезъ рѣчки. Обычай посылать мальчиковъ верхомъ объясняютъ облегченіемъ коней; мальчики—главная помѣха при слѣдованіи въ мѣстахъ, гдѣ много притоковъ у Лены. За Олёкмой два мальчика, переправляясь верхомъ черезъ рѣчку, не отвязали бичеву отъ сѣделъ. Пробродивъ половину рѣчки, они стали тонуть, разомъ нырнувъ въ быстрое теченіе; нѣсколько секундъ надъ мѣстомъ, гдѣ были кони и всадники, видны были одни лишь пузыри на взбаломученной водѣ. Передовой мальчикъ всплылъ и сталъ спасать товарища. Все это происходило вправо отъ насъ въ притокѣ—я и якутъ-ямщикъ, мы были на Ленѣ въ лодкѣ; пока мы догребались противъ теченія въ устьѣ быстрой рѣчки, двѣнадцатилѣтній вытащилъ десятилѣтняго. Лошади долго бились въ водѣ и подъ водой; онѣ оборвали бичеву, своротили съ себя сѣдла и выскочили на берегъ. Но выскочили онѣ не туда, куда слѣдовало, и очутились на лѣвомъ берегу рѣчки; отряхнувшись и пофыркавъ онѣ, видя, что ямщики на противоположномъ берегу, весело помчались назадъ на станцію, съ которой мы выѣхали. Второй вытащенный изъ воды мальчикъ весь посинѣлъ; у него носомъ пошла кровь. Нѣсколько оправившись, бѣдняги наладили бичеву, должны были запречься въ лямки и волочить на себѣ лодку еще версты двѣ до станціи. Не мнѣ одному пришлось видѣть подобное: почтовое движеніе по Ленѣ ежегодно сопровождается несчастіями; оно иной разъ требуетъ и человѣческихъ жертвъ; тонутъ не одни мальчики, и взрослые ямщики „пропадаютъ“, по

Digitized by Google

сибирскому выраженію: „убиваются“. Лена строга, Лена сильна—говорятъ здѣсь, она алчна и жрётъ народъ. Не кормилицей-поилицей, не матушкой зовутъ эту рѣку, а говорятъ про нее: „она“—не называя по имени грозное существо,—подобно тому, какъ медвѣдя въ тайгѣ не называютъ, а говорятъ про него просто: „онъ“. Опасно бываетъ, когда лопнетъ бичева, когда въ непогоду занесетъ въ кусты, изъ которыхъ не выберешься, когда лодку съ грузомъ волненіе ударитъ о скалы и сомнетъ ее. Замѣняющія ямщиковъ дѣвки въ сѣдлахъ и въ лямкахъ гораздо надежнѣе мальчиковъ. Эти коренастыя амазонки одинаково ловко справляются съ лодкой и съ конемъ; имъ ни почемъ было просидѣть часовъ пять въ сѣдлѣ и тотчасъ же вернуться обратно на свой станокъ. Онѣ наравнѣ съ ямщиками бродятъ по мелямъ и черезъ рѣчки, пробираются вдоль утесовъ по скользкимъ камнямъ, и въ темнотѣ ночной отыскиваютъ себѣ путь среди прибрежнаго кустарника, среди скалъ и утесовъ. „Дѣвахи горазды и въ гребяхъ“: онѣ ворочаютъ веслами не хуже матросовъ. Жаль было одну дѣвку — она ночью просидѣла на веслахъ два перегона—по почтовымъ правиламъ и коней запрещено гонять разомъ на два станка. Эта атлетка, не отстававшая отъ ямщиковъ въ греблѣ и отпихиваніи шестомъ, была русская по типу, и по костюму, но ни слова не понимала по-русски; она съ русскими ямщиками все время болтала по-якутски. Попался мнѣ въ лямкѣ и восьмидесятилѣтній старикъ; дѣдъ его въ екатерининскія времена выселенъ былъ на Лену; этотъ старецъ понималъ по-русски, но картавилъ и пересыпалъ рѣчь свою якутскими словами—говоръ его похожъ былъ на рѣчь иностранца, долго жившаго въ Россіи. Поспѣвать старику за остальными ямщиками было трудно, ему не зачли его очереди, и онъ продремалъ ее въ лодкѣ. Мальчики и старики мѣшали въ дорогѣ, но такіе „неладные“ ямщики, какъ, напр., идіотъ, котораго мнѣ дали въ Витимѣ, бываютъ рѣшительно опасны. Это былъ блѣдный, безбородый парень,—зобатый, съ плаксивымъ выраженіемъ лица, субъектъ. Онъ только мычалъ и объяснялся знаками. Такого ямщика посадили на корму; товарищи обращались съ нимъ какъ съ ребенкомъ или больнымъ—его ласкали, забавляли; однако онъ все-таки расплакался и раскапризничался. Ямщики при этомъ озабоченно переглянулись и стали хвалить его лямочное искусство, его сноровку и мастерство тянуть бичеву. Ему предложили бросить кормовое весло и надѣть лямку. Онъ побрелъ берегомъ, и въ лодкѣ у всѣхъ отъ души отлегло: на самомъ быстромъ мѣстѣ Лены (около Витима) кормчій-идіотъ сдѣлался опасенъ. На берегу онъ казался въ

Digitized by Google

своей сферѣ: шагалъ онъ равномѣрно и крупно, тащилъ за двоихъ и ловко, даже граціозно шатался, двигая плавно плечо за плечомъ впередъ; чуть не до земли опускались его руки—до того наклонно шелъ онъ, всѣмъ корпусомъ натягивая бичеву, которая звенѣла какъ струна; лодка при этомъ пѣнисто рѣзала воду и бурундукъ (сукъ, жердь, тонкая лѣсина, на которой прикрѣплена бичева) трещалъ и гнулся.

За этими немногими исключеніями, ямщики были всѣ примѣрными тружениками. Ни острый щебень, который рѣзалъ имъ подошвы, ни утесы, по которымъ они карабкались на четвереньках, будучи запряжены въ лямки, ни глубокіе по поясъ броды не останавливали ихъ. Гребли по четыре часа безъ смѣны; объѣзды рѣчекъ по пятнадцати верстъ, бури, при которыхъ рвалась бичева и валились мачты—все это было имъ ни по чемъ. Всего достойнѣе замѣчанія ихъ настойчивость: чего, чего они не придумывали, чтобы добраться до назначенія! они гдѣ потянутъ, гдѣ погребутъ, гдѣ побродятъ, гдѣ крючьями зацѣпятся о скалы и притянутся, гдѣ по цѣлымъ часамъ идутъ на шестахъ,—находчивость ихъ изумительна. Ни добрый конь, ни ходкая лодка, ни хорошій экипажъ, не могутъ имѣть того значенія въ ѣздѣ, какъ опытный, бывалый ямщикъ: онъ и на плохомъ конѣ, на всемъ вездѣ „пробѣжитъ“ свой перегонъ во-время.

Ленскія почтовыя лодки похожи на венеціанскія гондолы. Тѣ и другія черны, осмолены, всѣ онѣ однообразны и безъ отмѣтинъ. На почтовыхъ лодкахъ крыши полукруглы; онѣ съемныя и пригнаны къ бортамъ лодки. Подъ крышей въ лодкѣ можно лежать, сидѣть, но не стоять. Просторъ подъ ней большой, человѣкъ шесть удобно сядутъ рядомъ подъ такой крышей, а клади можно подъ нее навалить нѣсколько десятковъ пудовъ. Въ зной, дождь и вѣтеръ эта крыша очень удобна; въ сырую погоду или ночью въ ненастье въ ней сквозитъ,—она представляетъ собою трубу, въ которую вѣтеръ дуетъ въ оба конца. При лодкахъ есть кошмы; ихъ стелютъ на палубникъ, подъ которымъ всегда килевая вода. Кошмами завѣшиваютъ переднее и заднее отверстіе у края крыши на ночь и въ непогоду. Мнѣ пришлось пользоваться сто-одной лодкой между Бестятской станціей якутской области и Жигаловской—иркутской губерніи—и проплыть въ нихъ 1.584 версты. Въ нихъ удобно и покойно путешествовать. Еслибы не мѣна лодокъ на станціяхъ каждые три или пять часовъ, то слѣдованіе въ почтовой лодкѣ можно было бы считать наиудобнѣйшимъ способомъ передвиженія. Плаваніе на собственной своей яхтѣ считается наиболѣе комфортабель-

Digitized by Google

нымъ способомъ путешествія. Хотя въ почтовой лодкѣ далеко до комфорта на яхтѣ, тѣмъ не менѣе и лодка имѣетъ преимущества передъ многими способами сухопутнаго и водяного передвиженія—даже передъ яхтой. Ни качки морской, ни тряски земной въ ней не испытываешь; при плавномъ, тихомъ, равномѣрномъ ходѣ лодки можно лежать, сидѣть, стоять, можно быть у себя, какъ дома, не зависѣть отъ спутниковъ, какъ на кораблях. На каждомъ суднѣ, какъ роскошно оно бы ни было устроено, въ непогоду приходится прятаться въ каюту, и каждую ночь, несмотря на всѣ усовершенствованія вентиляціи пароходовъ, приходится спать въ душномъ воздухѣ каюты, тогда какъ въ лодкѣ находишься на вольномъ воздухѣ, такъ сказать, подъ открытымъ небомъ. Легкая крыша защищаетъ отъ непогоды; подъ ней нѣтъ каютъ, а потому продуваетъ какъ на палубѣ парохода. Такого приволья, такой здоровой обстановки при путешествіи врядъ ли гдѣ еще можно найти. Три недѣли провести въ почтовой лодкѣ, день и ночь дыша чистымъ воздухомъ, несравненно здоровѣе, чѣмъ то же время просидѣть въ экипажѣ или вагонѣ, въ которыхъ нельзя уберечься отъ пыли, грязи и духоты. Въ почтовой лодкѣ скользишь по водѣ, не качаясь, какъ на морѣ, окруженный чистымъ воздухомъ ленской тайги; двигаешься покойно, безъ тряски, по незаселеннымъ мѣстностямъ, вдали отъ всякой грязи и копоти, проводя большую часть времени лежа, вдыхая и ночью благорастворенный, чистый, вольный воздухъ. Ни одинъ изъ способовъ ѣзды по Сибири не можетъ конкуррировать по удобствамъ своимъ съ плаваніемъ въ почтовой лодкѣ по Ленѣ. Приближается къ этому плаванію всего болѣе ѣзда въ кошевѣ, въ этомъ сухопутномъ кораблѣ, въ которомъ лежишь, и при первопутьѣ скользишь по степямъ и рѣкамъ какъ по водѣ; но тягостны въ кошевѣ дохи, пимы, кошмы. Всего этого нѣтъ въ лодкѣ, въ которой не стѣсненъ костюмомъ, какъ на пароходѣ, и въ которой въ знойный день вдоль незаселенныхъ, пустынныхъ береговъ Лены можно плыть въ самомъ примитивномъ костюмѣ, упрощенномъ, по желанію, до крайняго минимума.

Тѣневая сторона плаванія въ почтовой лодкѣ по Ленѣ состоитъ въ слѣдующемъ: медленность передвиженія; противъ сильнаго теченія гребутъ иногда со скоростью не болѣе двухъ верстъ въ часъ; болѣе пяти верстъ въ часъ при самомъ тихомъ теченіи на плёсахъ, при смѣнныхъ сильныхъ четырехъ гребцахъ—сдѣлать нельзя; съ Чечурской станціи на Русскую мы плыли сорокъ верстъ восемь часовъ; половину всего этого пути гребли. На

Digitized by Google

этомъ перегонѣ встрѣчается тальникъ (ивы) сплошною стѣною на восемь верстъ. Около Витима на водоворотахъ около утесовъ гребли по одной верстѣ въ часъ. И это въ „простой", т.-е. пустой, легкой лодкѣ, борта которой на вершокъ только возвышались надъ водою. У Каменской станціи, предпослѣдней въ якутской области, почта шла 21 версту 52 часа, а эстафета —21-ю версту, послѣднюю въ станкѣ версту, проплыла въ теченіе 12 часовъ. Шла, плыла—значитъ, двигалась, а не стояла на мѣстѣ, дожидаясь помощи, какъ это бываетъ съ почтой и проѣзжающими, когда, какъ говорится, они „сядутъ",—шла почта, плыла эстафета безъ остановки, лавируя по рѣкѣ, безконечное число разъ садясь на мель, отпихиваясь тотчасъ же шестами, забирая то вправо, то влѣво, то „рѣчнѣе", то „бережнѣе", выѣзжая на средину рѣки, прижимаясь къ утесистому берегу подъ скалы, заѣзжая впередъ и ворочаясь назадъ, благодаря мелководью и размытію вьючнаго пути. Подобные случаи не выпадаютъ годами, а составляютъ неизбѣжное, хроническое, привычное зло. Есть мѣста, на которыхъ бьются споконъ вѣка, со времени проведенія тракта. Нѣкоторые изъ ямщиковъ лѣтомъ обречены на вѣчныя мученія. Зимою имъ легче; ни стужа, ни бураны и вьюги не донимаютъ ихъ такъ и не изводятъ этихъ бѣдняковъ такъ, какъ ненадежная „водяная путь"; она ихъ каторга, съ ней они маятся съ мая по октябрь.

Вторая невзгода почтовыхъ лодокъ—это ихъ крыша. Ничего еще когда крыша протекаетъ; отъ мокрыхъ капель можно укрыться кошмами и кожами, но липкія, густыя капли смолы, дождемъ падающія на пассажира и его кладь, гораздо посерьезнѣе. Свѣже осмоленныя крыши на солнцепекѣ таятъ; смола, просачиваясь сквозь щели и пазы досокъ, оставляетъ на всемъ пахучія, клейкія пятна, впитывающіяся въ мѣхъ и войлокъ. Мѣна лодокъ надоѣдлива, но для проѣзжающихъ не обременительна. Перекладка вещей дѣлается „старыми" ямщиками очень ловко, аккуратно и добросовѣстно. Плохо только то, что̀ касается чаепитія въ лодкѣ. Всѣ круглыя сутки дышешь благорастворенным, легкимъ, чистымъ воздухомъ, а за самоваромъ надо сидѣть въ душной комнатѣ. Относительно ѣды тоже плохо: захватить съ собою провизію можно только на нѣсколько дней—отъ жары все портится, киснетъ, загниваетъ, сохнетъ. Доставать въ деревняхъ нечего, кромѣ хлѣба и молока; заказывать себѣ варево, приготовлять себѣ что-либо варенымъ или жаренымъ, заводить стряпню —значитъ жертвовать часа два на остановку. Тогда какъ повсюду самоваръ закипаетъ минутъ черезъ 10, 20,—здѣсь, на Ленѣ, его

Digitized by Google

ставятъ долѣе получаса. Вмѣсто голландскихъ и русскихъ печей по Ленѣ—„камельки“; самоваръ безъ тяги ставится на дворѣ.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ я былъ четвертымъ пассажиромъ съ начала года,—четвертымъ, по своей надобности проѣзжающимъ по почтѣ между Якутскомъ и Олёкмой; при такомъ количествѣ проѣзжающихъ нечего ждать удобствъ относительно продовольствія. Зимою, говорятъ, проѣздъ бываетъ оживленный; лѣтомъ всѣхъ почти возятъ пароходы, дѣлавшіе, при моемъ проѣздѣ, впрочемъ всего два рейса въ годъ. Въ лодкахъ проѣзжающій долженъ довольствоваться чаемъ, молокомъ, яйцами и сухарями. Непріятно пробыть три недѣли на такой діэтѣ. Весь моціонъ состоитъ въ хожденіи съ лодки на станцію; повторяется это днемъ и ночью каждые два, три и иногда четыре часа. При вѣчномъ лежаніи и сидѣніи и частомъ, но незначительномъ моціонѣ—поститься легко. Мнѣ пришлось ѣсть мясное только по городамъ, т.-е. въ Киренскѣ, Витимѣ, Олёкмѣ, слѣдовательно не чаще какъ разъ въ недѣлю. Двадцати-двухдневное ограниченіе пищи перенеслось легко; мой постъ на Ленѣ держался въ благопріятной обстановкѣ—было лучшее время года, чудная лѣтняя погода и живописная природа кругомъ. Каждые пять, шесть часовъ голодъ давалъ себя знать. Неподвижное лежаніе по цѣлымъ часамъ, развлеченіе чтеніемъ, игрой на флейтѣ не помогали. Яйца и молоко были сносны въ теченіе недѣль двухъ, но затѣмъ опротивѣли; сухари были до послѣдняго дня главною пищею. Безъ запаса съѣстного въ лодкѣ нельзя пускаться ни на одинъ переѣздъ, не говоря уже о случайностяхъ, не говоря о застреваніи въ пути; ни количество верстъ, которое имѣешь проплыть, ни время, которое на это потратишь,—и приблизительно не удается угадать или узнать впередъ. Никогда навѣрно не знаешь, долго ли пробудешь въ данной лодкѣ; вмѣсто двухъ часовъ плывешь часто пять, думая прибыть въ полдень, приплываешь на слѣдующую станцію къ вечеру. Гдѣ проѣхать —сами ямщики подчасъ не знаютъ; имъ верстъ пять крюку дать ничего не значитъ, лишь бы доставить. Плохо имъ бываетъ, когда они возвращаются съ пути, не будучи въ состояніи ни доплыть, ни инымъ путемъ доставить проѣзжаго. Длина пути и способъ передвиженія—то лодка, то вьюкъ—подвержены постояннымъ измѣненіямъ. Путешественники по якутской области, въ южныхъ частяхъ ея, кромѣ молока (ютъ) и сухарей, главнымъ образомъ продовольствуются масломъ (ары) коровьимъ („скотскимъ“, по здѣшнему); масло это распускаютъ и въ „бѣленомъ“ (съ молокомъ) чаю. Часто на станціяхъ по Ленѣ молока и за

Digitized by Google

деньги достать нельзя. Иной разъ надо бѣгать изъ дома въ домъ и съ одного конца селенія на другой за крынкою молока; приходится ждать, пока вернется стадо. Ледъ по берегамъ Лены лежитъ еще въ маѣ цѣлыми горами, а ледниковъ нигдѣ нѣтъ. Молочныхъ скоповъ не заводятъ въ этой странѣ скотоводовъ. Яйца дороги около пріисковъ—до десяти копѣекъ штука; мѣстами они рѣдкость и составляютъ предметъ привоза. Всего хуже на тѣхъ станціяхъ, на которыя доставляется не только продовольствіе ямщикамъ, но даже и сѣно конямъ; въ такихъ островахъ въ тайгѣ надо остерегаться, какъ бы ямщики не стащили чего-либо съѣдобнаго у проѣзжаго.

Всѣ 101 лодка, въ которыхъ мнѣ пришлось плыть по Ленѣ, построены одинаково, но разны по величинѣ. Есть на Ленѣ „пятерики“, т.-е. лодки, сколоченныя изъ пяти досокъ, „семерики“—изъ семи, „девятерики“—изъ девяти. Нижняя средняя доска замѣняетъ киль. На носу лодки то вправо, то влѣво, смотря, по какому берегу идутъ вверхъ по Ленѣ, торчитъ „лукъ“ или „лука“. Лучшій лукъ бываетъ еловый, онъ гибокъ и крѣпокъ; березовый лукъ жёстокъ и ломокъ. Отъ лука къ борту лодки идетъ „титева“, по которой на глухой петлѣ ходитъ „бичева“. Все это вмѣстѣ взятое зовется „бурундукомъ“. Длина бичевы отъ 40 до 50 саженъ при маловодьѣ и 20 саженъ при большеводьѣ. Бичева бываетъ тонкая, „парная“ и потолще: „троичная“. Послѣднюю тянутъ три лошади или шесть ямщиковъ; она употребляется, когда везутъ тяжелыя почты или шитики. Бичева иной разъ рвется, задѣвая за скалы, какуры, коряги, кусты; при такомъ задѣваніи, когда теченіе быстро и лодка простая, т.-е. легкая, мало нагруженная,—бываетъ и опрокидываніе лодки. Что лодка захлебнется, перекувырнется и затонетъ—бываетъ рѣдко, но остановки и замедленіе хода бываютъ очень часто отъ „заѣданія“ и „засоренія“ бичевы. По илистому берегу, поросшему тальникомъ, съ бичевой му́ка—то-и-дѣло приходится останавливаться. „Отсариваютъ“ бичеву, поднимая ее съ лодки шестомъ, подпихивая ее и подбрасывая кверху. Кромѣ этого, часто практикуется болѣе медленный способъ отсариванія; онъ сложнѣе, но вѣрнѣе ведетъ къ цѣли. Второй, т.-е. задній, вершій ямщикъ спѣшивается, отцѣпляетъ бичеву съ куста, проводитъ ее въ рукахъ черезъ другіе кусты, отматываетъ ее съ камней, съ бурьяна, снимаетъ ее съ пней. Никакое бдительное, напряженное вниманіе передняго въ лодкѣ палубнаго ямщика не могутъ предупредить засариванія. Часто кричатъ съ лодки: „понукай!“—чтобы лошади напоромъ отсаривали бичеву съ рискомъ оборвать ее, про-

Digitized by Google

волокли ее черезъ препятствіе во что бы то ни стало. Часто конные ямщики не замѣчаютъ, что у нихъ за спиною засорилась бичева. Они тогда напрасно вытягиваютъ ее и иной разъ даже рвутъ, оставивъ лодку за собою какъ бы на причалѣ. Рѣже бываютъ остановки оттого, что бичева „неводитъ", т.-е. такъ слабо натянута, что во время тяги срединою своею опускается въ воду и плыветъ. Это даетъ лишнюю работу лошадямъ и причиняетъ замедленіе, но не столь надоѣдливое, какъ засариваніе. Когда изъ кустовъ выберешься на чистый, голый берегъ или послѣ отвѣсныхъ скалъ и острыхъ камней пойдетъ песчаная коса, какъ-то облегчитъ всѣхъ, лошади зашагаютъ веселѣе, ямщики закурятъ и сама бичева запоетъ—издастъ гулъ, натянувшись какъ струна между лодкой и сѣдлами, а бурундукъ, накренившись, поклонится и скрипнетъ. Изъ кустовъ выбираться на свободный берегъ—то же самое, что съ проселка повернуть на шоссе, изъ залива выйти въ море, изъ тарантаса сѣсть въ вагонъ. Когда бичева натянется, лодка пѣнисто рѣжетъ воду, скользитъ по рѣкѣ и плавно движется, пока снова не пойдутъ кусты, скалы, и снова не начнется „засариваніе". Нѣтъ той станціи, на которой бичева ни разу бы не засорилась, проѣхать двадцать верстъ безъ остановокъ нельзя.

Въ почтовой лодкѣ движешься со скоростью, равною пѣшему хожденію; мы дѣлали отъ двухъ до пяти верстъ въ часъ. Лямочники дѣлаютъ около ста шаговъ въ минуту; при греблѣ, ямщики ударяютъ веслами въ тотъ же промежутокъ времени разъ 40 или 50. Лямокъ настоящихъ на ямщикахъ я не видалъ; берестяныя, форменныя лямки въ селеніяхъ по Ленѣ вездѣ въ продажѣ, но ямщики вмѣсто нихъ просто накидываютъ на себя петлю изъ бичевы. Смѣна лямщиковъ и гребцовъ бываетъ каждые полтора часа; если не смѣняются по времени, то смѣняются на половинѣ перегона. Эти „половины" всѣмъ извѣстны; онѣ опредѣлены чуть ли не съ математическою точностью. Часто слышишь отъ ямщика, указывающаго на пень:—„Вотъ и половина"! Бываетъ, что товарищъ его поправляетъ, указывая въ двухъ саженяхъ отъ пня лѣсину, которую онъ признаетъ за половину. Верстовые столбы есть на Ленѣ, но они стоятъ на вьючномъ пути. Иной разъ вьючный путь совпадаетъ съ бичевикомъ. Но и безъ пестрыхъ столбовъ ямщики не ошибаются, за четверть версты опредѣляя на любомъ мѣстѣ длину пройденнаго или оставшагося пространства перегона. Какъ на сухопутномъ трактѣ завидѣнный въ деревняхъ черно-бѣлый столбъ радуетъ путника, указывая, что близка остановка, близокъ самоваръ,—такъ на Ленѣ черныя, полукруглыя крыши почтовыхъ лодокъ издали возвѣщаютъ, что де-

Digitized by Google

ревня, къ которой приплываешь, не пустая деревня, а „станокъ". По Ленѣ, между Олёкмой и Якутскомъ, какъ увидишь строеніе, знай, что это станція; но въ иркутской губерніи проѣзжаешь „заимки", минуешь одинокіе „зимовья", выселки, деревни и села—безъ остановки въ нихъ. Гдѣ населеніе вдоль берега гуще, тамъ, завидя крышу или дымокъ, ищешь глазами черную, полукруглую крышу лодки.

Вверхъ по Ленѣ идутъ „бережно", внизъ—„рѣчно". Тянутъ саженяхъ въ трехъ или саженяхъ въ пяти отъ берега, часто царапаютъ дно, забѣгаютъ на мель и, завидя „шиверу" (рябь на водѣ), ворочаютъ рѣчнѣе; при глубинѣ ворочаютъ бережнѣе, лавируя между мягкими, песчаными и твердыми препонами—подводными камнями; пробираются между „опечками" и островами, удлиняя тѣмъ путь свой на цѣлыя версты. Причаленные къ берегу плоты, паузки, баржи обходятъ, заводя надъ ними бичеву, пропихиваются вдоль ихъ баграми и шестами. Въ Витимѣ около пристани золотопромышленныхъ компаній есть особые обводчики, которыхъ управленіе пріисковъ содержитъ для того, чтобы мимо компанейскихъ баржъ и пароходовъ они обводили всѣ слѣдующія почтовымъ движеніемъ лодки; этимъ они себя берегутъ и хранятъ ввѣренное имъ хозяйское добро отъ своеволія ямщиковъ. Руля на Ленѣ не знаютъ, правятъ весломъ, держимымъ въ рукахъ, ни къ чему не прикрѣпленнымъ. Парусъ подымаютъ не на мачтѣ, а на „козлахъ". Замѣняютъ мачту двумя шестами, связанными вверху и упирающимися нижними свободными концами въ борта лодки. Отъ верхушки этой распорки натянуты веревки къ носу и кормѣ. Это приспособленіе очень неустойчиво; порывистый вѣтеръ вырываетъ его изъ основанія, и лодка вдругъ лишается устоя. Ямщикамъ привычнѣе держать въ рукахъ возжи, нежели снасти лодочныя. Якуты плаваютъ подъ огромнымъ четырехугольнымъ парусомъ. Чуть ляжетъ вѣтеръ, чуть парусъ станетъ морщиться—они начинаютъ гоготать, вызывая вѣтеръ. Когда ихъ человѣкъ пятьдесятъ насядетъ въ лодку и они всѣ разомъ загогочутъ—гулъ разносится по рѣкѣ на цѣлыя версты. Русскіе не гогочутъ, а свистятъ; засвиститъ одинъ, вступитъ другой, пока четыре свиста не сольются. Ямщики, какъ свистомъ, такъ и причитаніемъ, вызываютъ вѣтеръ. Они протяжно, нараспѣвъ, сперва тихо, а потомъ все громче орутъ: „Матушка, погодушка! подуй, голубушка"! Когда вѣтеръ дунетъ, ямщики смолкнутъ; чуть начнетъ западать парусъ, они снова принимаются посвистывать; насвиставшись безъ толку, они затягиваютъ свой припѣвъ.

Разнообразны типы ямщиковъ по якутскому тракту. По Ленѣ

Digitized by Google

встрѣчаешь якутовъ, объякутившихся русскихъ и чисто русскихъ; ближе къ Иркутску—бурятъ, шамановъ. Внизу, между Якутскомъ и Олёкмой, встрѣчаемъ русскихъ стариннаго склада; ямщики эти исправны и надежны; съ виду они дики и суровы, какъ угрюмая тайга, ихъ окружающая. Живутъ они бѣдно и на годы впередъ закабалены у мѣстныхъ кулаковъ-міроѣдовъ. Почтовое вѣдомство не имъ платитъ за гоньбу почты, а купцамъ, которымъ они должны. Хлѣбъ съ мякиной, древесной корой, мхомъ—они привыкли ѣсть. Грубое иркутское сукно и оленьи шкуры, выдѣланныя тунгусами, служатъ матеріаломъ ихъ костюма; они носятъ якутскіе торбазы изъ мягкой кожи съ вздернутыми, какъ у турокъ, носками; голени они обматываютъ ремешками, какъ то дѣлаютъ индѣйцы Сѣверной Америки, которые носятъ своеобразную обувь: mocassins. Мальчиковъ-подростковъ и дряхлыхъ стариковъ между этими ямщиками не попадается; они всѣ отборные, выносливые труженики, съ ними во всякую погоду и въ полночь можно пуститься повсюду водянымъ и сухимъ путемъ. Они заботливы и берегутъ проѣзжающаго; не назойливы и не подобострастны передъ „тойономъ“ (бариномъ, чиновникомъ, начальствомъ)—по-якутски. Противоположны имъ во всемъ избалованные, испорченные окружающею средою ямщики около Нохтуйска (Мачи), Витима и въ мѣстахъ, гдѣ золотые пріиски. Гдѣ компанейскія резиденціи, тамъ народъ балованный—„шпана“ по здѣшнему. Рабочіе у ямщиковъ вербуются изъ бродягъ и неудачниковъ-пріискателей. Съ такимъ персоналомъ и на водѣ, и на сушѣ, жутко. Они грубы, нахальны и лѣнивы; на протяженіи 2.700 верстъ только около золотыхъ пріисковъ и случилось мнѣ встрѣтить пьяныхъ ямщиковъ. Одного на Песковской (за три станка до Витима) пришлось высадить на берегъ; въ самомъ Витимѣ надо было мнѣ обратиться къ властямъ, чтобы усмирить захмелѣвшаго ямщика. Дальше на моемъ пути, т.-е. выше по Ленѣ, пошли опять люди почтенные—ямщики, какъ имъ слѣдуетъ быть. Между Киренскомъ и Олёкмой населеніе богаче, и ямщики исправны. Сухопутные ямщики отъ Жигалова до Иркутска опять хуже. Исключеніе на этомъ пространствѣ составляютъ буряты; это—народъ дисциплинированный, дорожащій своимъ ямщичьимъ промысломъ. Вообще, гдѣ ямщики имѣютъ дѣло съ двумя стихіями и борются съ невзгодами на сушѣ и на водѣ, тамъ они замѣтно ловчѣе и смѣтливѣе. Инородцы, якуты и буряты, смѣлѣе и рѣшительнѣе русскихъ. Бѣда и мука проѣзжему тамъ, гдѣ почту гоняютъ волости, а не подрядчики или отдѣльныя селенія. Около города Киренска ямщики чередуются черезъ 14 недѣль;

Digitized by Google

если проѣзжему попадется кормовой, который послѣ трехмѣсячнаго пребыванія у себя дома станетъ ощупью пробираться среди мелей, камней, кокуръ и всякаго рода видимаго и невидимаго препятствія, то проѣзжій охотнѣе сойдетъ съ лодки и весь станокъ пройдетъ пѣшкомъ. Фарватеръ Лены мѣняется часто; непривычному плыть по немъ нельзя, и ямщику, знакомому съ мѣстностью, постоянно приходится слѣдить за „невидимой колеей", какъ зовутъ фарватеръ ямщики. Въ буранъ и вьюгу заметаетъ слѣдъ, а на рѣкѣ сколько ни вози проѣзжихъ и почту—все слѣда нѣтъ,—говорятъ ямщики. Въ лодкѣ ямщику нельзя показать свою удаль; весло не возжи, корма не козлы, не на что молодцовато свистнуть, ухарски гикнуть. Поэзіи меньше; въ лодкѣ сравнительно съ повозкой и санями все сложнѣе; ѣзда многолюднѣе; на козлахъ экипажа ямщикъ себѣ хозяинъ; въ лодкѣ же ѣздятъ не менѣе какъ съ четырьмя ямщиками; число ихъ доходитъ до шести. Нѣтъ бубенчиковъ, нѣтъ колокольчиковъ—лодка безмолвно скользитъ по рѣкѣ и навѣваетъ тоску и скуку на везомаго и везущихъ. Просидѣвъ въ лодкахъ на Ленѣ съ 400 ямщиками, я одинъ только разъ услыхалъ пѣснь ямщика. Пѣлъ не природный ямщикъ, а старикъ, штрафованный солдатъ, рабочій ямщика.

Между Якутскомъ и Иркутскомъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, при благопріятной погодѣ и безъ задержекъ—мнѣ пришлось быть въ дорогѣ 25 дней. Въ перекладныхъ почтовыхъ лодкахъ и повозкахъ пришлось сдѣлать за это время 2.724 версты, при самой продолжительной остановкѣ на шесть часовъ—въ Витимѣ. Всего ѣхалъ я четверо сутокъ, плылъ двадцать-одинъ день. Наибольшее число верстъ пришлось проплыть 15-го іюня, а именно 130 верстъ между Булгуняхтятской и Адъ-Дабонской станціями, сдѣлавъ 7 станковъ въ сутки. Наименьшее число верстъ въ сутки, а именно 74, пришлось сдѣлать между станціями Половинной около Витима и Рысьинской, всего 4 станка въ сутки. Среднее суточное движеніе было 110 верстъ. Ночевокъ нигдѣ не было. Самое скорое движеніе обусловливалось бывалыми, отважными ямщиками-якутами, большеводіемъ и выносливостью якутскихъ лошадей. Самое тихое движеніе было около Витима по причинѣ шестичасовой остановки. Но и при хорошей погодѣ и благопріятныхъ для слѣдованія берегахъ, благодаря неумѣлымъ ямщикамъ и множеству мелей, 29-го іюня пришлось сдѣлать только 89 верстъ въ сутки. Это было между Алексѣевской и Заборской станціями, проходя мимо города Киренска. Это значило

Digitized by Google

всего три станка въ сутки; одинъ изъ этихъ становъ—сороковерстный между Киренскомъ и Безруковой пришелся ночью. Полагая по часу остановки на станціяхъ, движеніе въ этотъ день было $4^1/_4$ версты въ часъ. На парѣ лошадей, при хорошихъ ямщикахъ, въ легкомъ пятерикѣ, по исправному бичевику—приходилось дѣлать и 6 верстъ въ часъ. Перекладка вещей, запряжка и сѣдланіе лошадей, налаживаніе бурундука и бичевы никогда менѣе получаса времени не занимало. Чаепитіе всегда останавливало на цѣлый часъ. Недостатокъ лошадей или нехватка ихъ нигдѣ не встрѣчались: и количество, и качество лошадей, были должныя. Попутчиковъ по всему тракту не было. Почта встрѣчалась разъ въ недѣлю; попутная почта, разъ обогнавъ меня, ни разу болѣе не мѣшала мнѣ и не отнимала у меня лошадей. Между Олёкмой и Якутскомъ я былъ, какъ сказано, четвертымъ въ году проѣзжимъ. если не считать мѣстныхъ и иныхъ властей ѣдущихъ по „бланку"; какъ частное лицо, я заносился въ книги все четвертымъ нумеромъ.

Кромѣ дождливыхъ дней 21-го и 22-го іюня, погода всѣ три недѣли стояла ясная. Днемъ бывало такъ знойно, что безъ крыши нельзя было бы плыть. Утромъ и въ жаркіе дни было свѣжо; разъ случился такой иней, а затѣмъ сырой, холодный туманъ, что даже ко всему привычные ямщики продрогли. Въ іюньскія ночи, какъ бы жарокъ ни былъ день, нельзя было спать иначе какъ въ полушубкѣ подъ мѣховымъ одѣяломъ. Зимняя шапка и пимы (валенки) тоже были подчасъ необходимы. Теплой ночи за всѣ три недѣли не было ни одной. Послѣ дождей, ночью и шубы не грѣли. Стало въ лодкѣ сносно только тогда, какъ кошмами завѣсили крышу и подъ нее ко мнѣ сѣлъ ямщикъ и собою нагрѣлъ это чуть ли не герметически закупоренное пространство. Подвигаясь на югъ со скоростью 110 верстъ въ сутки въ самое свѣтлое время года — въ іюнѣ, можно было замѣчать быстрое удлиненіе ночей. Съ каждыми сутками благодѣтельная темнота становилась продолжительнѣе и гуще. Сѣверныя бѣлыя, беззвѣздныя ночи производятъ въ непривычномъ къ нимъ жителѣ болѣе южныхъ странъ безсонницу, нервную раздражительность, безпричинныя волненія, страхъ и безпокойство. Чѣмъ южнѣе мы двигались, тѣмъ раньше закачивало меня въ лодкѣ, и тѣмъ скорѣе засыпалъ я въ тиши и покоѣ, царившихъ вокругъ. Раза два будили меня, тормаша за ноги и предлагая заплатить за будущій перегонъ и перелѣзть въ новую лодку. Бывало, все уснетъ, и ямщики въ лодкѣ и сѣдлахъ, и лошади въ упряжи. Невозможно было только проспать станцій, какъ то бываетъ на желѣзныхъ

Digitized by Google

дорогахъ; каждые два (наименьшее время, нужное для проплытія станка) или пять часовъ приходилось, не взирая на время дня и ночи, перебираться изъ лодки въ лодку и дѣлать визитъ станціонному писарю. Днемъ ничего не мѣшало предаваться сну: ни стука колесъ, ни грохота экипажа, ни толчковъ, ни тряски не было. Такъ было отъ Киренска выше по Ленѣ, т.-е. южнѣе. Но ниже по Ленѣ въ якутской области всѣ круглыя сутки все—и звѣрь, и скотъ, и родъ человѣческій, обречены на муки отъ „гнуса“. Никто не уберется отъ этого бича тайги, отъ лютаго гнуса. Комаръ, мошка, паутъ жалятъ все и вся. Днемъ бываетъ еще сносно, но около пяти часовъ вечера, какъ бы по волшебному мановенію, являются разомъ со всѣхъ сторонъ міріады насѣкомыхъ для ужаленія, кровососанія и производства зуда и волдырей. Въ тайгѣ комаръ кусаетъ всѣ круглыя сутки; на Ленѣ пора его —вечеръ и ночь. Въ денной зной его почти нѣтъ, и легкій вѣтеръ сгоняетъ его днемъ съ воды. Гдѣ влажно, сыро, парно, гдѣ много тальнику, тамъ онъ носится тучами. Якуты не ѣздятъ иначе, какъ съ опахаломъ изъ конскаго хвоста, которымъ они на подобіе вѣера умѣютъ граціозно маневрировать. Всѣ ямщики носятъ сѣтки—это родъ вуали—и мѣшка, надѣтаго на голову; большею частію это сѣтки изъ черной марли, газа, кисеи. У якутовъ сѣтки плетены изъ чернаго конскаго волоса. Двойныя сѣтки бываютъ на сборкахъ, стянутыхъ на макушкѣ; такое забрало спадаетъ до плечъ. Сѣтки въ видѣ овала, покрывающаго все лицо, вшиваются въ мѣшокъ изъ холста или ситца, надѣваемый на голову; это родъ капюшона или башлыка. Такая черная броня дѣлаетъ непріятное впечатлѣніе на того, кто впервые встрѣчается въ тайгѣ съ чернымъ бюстомъ. Весь головной уборъ этотъ бываетъ прокопченъ или просмоленъ; лицо за черной сѣткой еле видно. Такъ носятъ защиту отъ комара около Якутска и Олёкмы. Выше по Ленѣ, между Усть-Кутомъ и Усть-Ильчай, сѣтки комариныя покрасивѣе. „Волосянка“ обшита зубчатыми фестонами изъ ситца; капюшонъ изъ яркоцвѣтной матеріи. Если комара нѣтъ, сѣтку и мѣшокъ кладутъ на макушку и обвиваютъ ими голову въ видѣ чалмы. Когда мнѣ въ первый разъ пришлось видѣть толпу людей въ такихъ оригинальныхъ головныхъ уборахъ—въ чалмахъ съ зубчатыми фестонами, въ коронахъ, вѣнцахъ — мнѣ показалось, что передо мною толпа умалишенныхъ, что я вижу сумасшедшихъ. Это былъ „гнусный“ маскарадъ: бабы въ чалмахъ, мужики въ коронахъ. Гнусъ донимаетъ всѣхъ все лѣто, съ нимъ каждый воюетъ по своему; путникъ по Ленѣ снабжаетъ себя также бронею отъ чуть видимаго, но сильно ощутимаго врага.

Digitized by Google

Облекшись въ сѣтку съ капюшономъ, спускающимся съ плечъ, приходится еще шею обматывать полотенцемъ, надѣвать кожаныя перчатки и края рукавовъ обматывать мокрыми платками, чтобы комару не дать залѣзть подъ платье. Всѣ эти три обертки сбиваются съ мѣста, сползаютъ, разматываются, слабѣютъ, при малѣйшихъ движеніяхъ. Никакъ не убережься, чтобы не быть искусаннымъ въ мѣстахъ, покрытыхъ платьемъ, укусаннымъ тамъ, куда можно пролѣзть одному только тайговому комару. Благодѣтельнѣе сѣтокъ и радикальнѣе, нежели обматываніе шеи и рукъ платками и полотенцами, другое средство—это „дымокуръ", „тюмптэ" по-якутски. Безъ тюмптэ ни людямъ, ни скоту, не жить на Ленѣ. Издали видно, какъ каждая якутская юрта, каждое русское селеніе съ вечера и за всю ночь окутано густымъ дымомъ и исчезаетъ въ бѣлыхъ облакахъ дымокуровъ. Чуть ли не около каждой скотины тлѣетъ тюмптэ. Куски сухого навоза бережно собираются; кусокъ навоза пахарь кладетъ на соху, отдыхающій охотникъ—на привалѣ, работникъ—на отдыхѣ, сидя на завалинкѣ избы или около юрты—всѣ они непремѣнно разложатъ около себя дымокуръ. Въ лодку ямщики всегда брали горшокъ, наполненный сухимъ наземомъ (навозомъ), или складывали въ лодкѣ очагъ изъ плоскихъ камней и курили на немъ тюмптэ. Ѣдкій, густой, желтосѣрый паръ идетъ отъ него. Тамъ, гдѣ нѣтъ скотоводства на станціяхъ, плохими суррогатами назема служили сухая трава, можжевельникъ, перегнившій торфъ. Только тогда свободно и вздохнешь, когда всего обдастъ дымомъ; такъ и тянетъ туда, гдѣ онъ погуще. Глаза ѣстъ, они слезятся, зудятъ, въ горлѣ пересыхаетъ; пристаетъ кашель, голова дурманится, а тѣмъ не менѣе не въ силахъ оторваться отъ этого курева; самый легкій дымъ пугаетъ комара, въ густотѣ онъ пропадаетъ. Тамъ, гдѣ бѣлые песчаники по берегамъ Лены начинаютъ замѣняться красными, тамъ, гдѣ къ ели въ лѣсахъ примѣшивается сосна, тамъ комаръ не столь лютъ, онъ становится сноснѣе, утрачиваетъ свою силу, тучи его рѣдѣютъ, и онъ самъ мельчаетъ. Отъ Киренска выше по Ленѣ тюмптэ дымится все рѣже. За Усть-Кутомъ его рѣдко уже зажигаютъ. Самый жестокій гнусъ встрѣтился мнѣ подъ Олёкмой, гдѣ Лена образуетъ большой плёсъ; одного дымокура на носу лодки было мало; кормовой ямщикъ сколько ни закрывался сѣткой, какъ бережно ни обвязывалъ свои рукавицы, долженъ былъ спеціально для себя зажечь куренье, чтобы не отказаться отъ управленія лодкой.

Digitized by Google

Между Харьялахской и Наманинской станціями, ниже Олёкмы, т.-е. сѣвернѣе ея, ямщикъ, снявъ лямку и передавъ ее товарищу, сѣлъ въ лодку отдыхать отъ тяги. Его дѣло было теперь смотрѣть за бурундукомъ, отсаривать бичеву и отпихиваться отъ берега. Онъ все поглядывалъ на мой багажъ, пока не спросилъ, не изъ Америки ли мои укладки и дорожные мѣшки. Онъ отгадалъ; завязался разговоръ, и я узналъ, что плыву съ Ефимомъ Копыловымъ, съ тѣмъ самымъ Копыловымъ, который спасъ американцевъ, участниковъ экспедиціи на суднѣ „Jeannette“. Онъ былъ когда-то одаренъ, озолоченъ за его подвигъ, но пьянство сгубило его и довело до лямки. Ему лѣтъ сорокъ; онъ уроженецъ пермской губерніи, куда родители его выселились изъ-подъ Тулы. Жребій занесъ его на службу на тихоокеанское прибрежье въ Николаевскъ. Тамъ онъ попался въ воровствѣ казеннаго пороха и продажѣ его манзамъ-китайцамъ. Смертная казнь замѣнена ему была ссылкой на устья Лены. Туда онъ явился піонеромъ и цивилизаторомъ дикихъ якутовъ далекаго сѣвера. Человѣкъ бывалый, искусный кузнецъ, грамотный, онъ просвѣщалъ полуночную страну. Въ теченіе девяти лѣтъ промышлялъ онъ вмѣстѣ съ дикарями, въ дельтѣ Лены и на островахъ Ледовитаго океана бѣлыхъ медвѣдей, тюленей, моржей, собиралъ гагачій пухъ и слоновую (мамонтовую) кость. Онъ привыкъ жить по-якутски, т.-е. не ѣсть ни хлѣба, ни соли, а питаться исключительно рыбою и оленьимъ мясомъ. Въ одну изъ поѣздокъ по океану у устьевъ Лены онъ наткнулся на шлюпку съ американцами, съ остатками экипажа погибшаго судна „Jeannette“. При видѣ блѣднокожихъ, бывшіе съ Копыловымъ якуты бѣжали. Ему стоило большихъ трудовъ обратить вниманіе людей въ шлюпкѣ на себя. Онъ такъ объякутился, что его приняли за дикаря и не довѣряли ему. Потерявъ своихъ товарищей по промыслу, скрывшихся при видѣ американцевъ, онъ долго слѣдилъ за шлюпкой, пробиравшейся среди льдинъ, долго ходилъ по берегу острова, дѣлалъ знаки, давалъ сигналы; долго нагонялъ онъ незнакомцевъ, пока мимикой не могъ отрекомендовать себя. Знаками и англійскими словами, которыя онъ припомнилъ, зная ихъ во Владивостокѣ и Николаевскѣ, онъ убѣдилъ американцевъ, что онъ не дикарь. Копыловъ сталъ проводникомъ; первые тридцать-два дня онъ единолично нянчился съ одиннадцатью спасенными имъ людьми. Онъ одинъ служилъ имъ охраной отъ пугливыхъ, но вѣроломныхъ, жестокихъ и ко всѣмъ и къ каждому враждебно настроенныхъ якутовъ; онъ былъ единственнымъ ихъ проводникомъ до Якутска. Тундрами и тайгою велъ онъ американцевъ

Digitized by Google

среди наслеговъ (улусовъ, кочевій, стоянокъ) якутовъ; послѣдніе при видѣ блѣднокожихъ прятались и изъ-за засады не прочь были напасть на нихъ. Благодаря надежному проводнику своему, американцы благополучно пробрались среди дикарей. Копыловъ далъ знать о нихъ исправнику; посланъ былъ имъ на встрѣчу казакъ. Копыловъ не оставилъ американцевъ и тогда, когда о нихъ узнали власти. Онъ хоронилъ умершихъ дорогой, сторожилъ ихъ могилы, проводилъ девять американцевъ до самаго Якутска. Ему выдана была денежная награда отъ нашего правительства и отъ Соединенныхъ-Штатовъ; участь его облегчили: вмѣсто устьевъ Лены ему назначена было мѣстомъ жительства почтовая станція близъ Якутска и дана возможность завести хозяйство.

По словамъ Ефима Копылова, устья Лены страшны и для того, кто много горя видалъ на своемъ вѣку и, какъ онъ, приговоренъ былъ къ смертной казни. Грозно это мѣсто ссылки, по его словамъ, страшно и въ воспоминаніяхъ. Первые три года пребыванія тамъ особенно тягостны были ему — онъ жилъ въ странѣ, гдѣ день и ночь продолжаются чуть ли не полгода, гдѣ на тысячи верстъ кругомъ онъ былъ единственный выходецъ съ запада и юга. Якуты, по его словамъ, на устьяхъ Лены рознятся отъ тѣхъ якутовъ, среди которыхъ мы съ нимъ теперь плыли въ почтовой лодкѣ, настолько же, насколько скотина разнится отъ людей. Дикаго звѣря легче приручить, нежели дикаря сѣвера. Измѣна и воздаяніе зломъ за оказанныя имъ добро и помощь постоянно встрѣчаются между ними. Они дики и продолжаютъ дичать; они прячутся отъ русскихъ; ихъ ловятъ, чтобы собрать съ нихъ ясакъ; старшины ихъ устраиваютъ облавы, чтобы собрать со всѣхъ семействъ все количество ясака, положеннаго на весь родъ, на все племя; они вымираютъ отъ голода вслѣдствіе падежа оленей, иногда вслѣдствіе оспы; заманить ихъ на ярмарки, гдѣ вымѣниваютъ у нихъ пушнину, можно только виномъ; деньги у нихъ не ходятъ, они употребляютъ ихъ исключительно для женскаго туалета; монеты вплетаются въ косы, служатъ побрякушками. На четвертый годъ пребыванія среди дикарей Копыловъ свыкся съ обстановкой, сжился съ якутами; на шестой годъ онъ чувствовалъ себя какъ дома, усвоилъ себѣ всѣ привычки дикарей и сталъ равняться имъ въ ловкости и выносливости. Онъ промышлялъ съ ними, водилъ оленей, охотился и ставилъ ловушки и капканы. Крѣпкаго отъ природы сложенія и выносливый, Копыловъ не отставалъ отъ туземцевъ и добился того, что они не тяготились имъ, какъ другими выселенными къ нимъ поселенцами, а стали считать его равнымъ себѣ и цѣнить его.

Digitized by Google

Якуты посвятили его во всѣ тонкости звѣроловства и рыболовства и стали даже съ уваженіемъ относиться къ нему. Участь его была много лучше участи тѣхъ несчастныхъ, которые за свою вину по приговору подлежащихъ властей попадаютъ сюда и не въ состояніи свыкнуться съ обстановкой, ужиться съ якутами и, какъ выразился Копыловъ, оскотиниться. Простого званія сосланные не такъ скоро гибнутъ на устьяхъ Лены, какъ „господа“; послѣдніе не только отъ тоски гибнутъ, но иной разъ безслѣдно пропадаютъ, оставленные въ тайгѣ проводниками-измѣнниками, отравляются зельемъ, приготовленнымъ шаманами. Ссыльно-поселенцы средняго и высшаго классовъ якутамъ обуза потому, что ихъ приходится кормить, а они безпомощны, ничему якутскому не научаются и не помогаютъ ни въ промыслахъ, ни въ оленеводствѣ. Якуты ихъ боятся, потому что они въ состояніи написать, донести. Ефимъ Копыловъ на шестой годъ ссылки жилъ „ладно“, по его словамъ, онъ не былъ никому въ тягость, ничего не стоилъ наслéгу, самъ себя содержалъ и сталъ даже полезнымъ членомъ семьи, къ которой былъ приписанъ, сталъ добычникомъ и толмачомъ. Онъ уже въ теченіе многихъ лѣтъ не ѣлъ хлѣба, не солилъ свою пищу, ходилъ въ оленьихъ шкурахъ, жилъ въ чумѣ, участвовалъ въ шаманскихъ празднествахъ съ кровавыми жертвоприношеніями; онъ сталъ забывать русскій языкъ, сбился въ счетѣ дней; не зналъ—когда воскресенье; всѣ дни у него стали равны, праздники не смѣнялись буднями. Цивилизаторской дѣятельности онъ мало проявлялъ—грамотность его была ему ни къ чему; мастерство кузнечное было бы ему на пользу, но никто не хотѣлъ у него учиться. Послѣ спасенія имъ американцевъ, онъ, обласканный, одаренный землею, могъ бы зажить безпечно, но вино сгубило его, и вотъ онъ теперь закабаленный рабочій у ямщика на Ленѣ; въ лямкѣ онъ доволакиваетъ свой вѣкъ...

П. Алексѣевъ.

Digitized by Google

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

МИМО ТРОАДЫ.

Что-то здѣсь осиротѣло,
Чей-то свѣточъ отсіялъ,
Чья-то радость отлетѣла,
Кто-то пѣлъ—и замолчалъ.

II.

НИЛЬСКАЯ ДЕЛЬТА.

Золотыя, изумрудныя,
Черноземныя поля...
Не скупа ты, многотрудная,
Молчаливая земля!

Это лоно плодотворное,—
Сколько дремлющихъ вѣковъ,—
Принимало, всепокорное,
Сѣмена и мертвецовъ.

Но не все, тобою взя́тое,
Вверхъ несла ты каждый годъ:
Смертью древнею закля́тое
Для себя весны все ждетъ.

Digitized by Google

Не Изида трехвѣнечная
Ту весну имъ приведетъ,
А нетронутая, вѣчная
„Дѣва Радужныхъ Воротъ“ [1]).

Владиміръ Соловьевъ.

Каиръ.—14 (26) апр. 1898.

[1]) Гностическій терминъ.

Digitized by Google

ПРОМЫШЛЕННАЯ ИДЕОЛОГІЯ

— *М. Туганъ-Барановскій.* Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. Историко-экономическое изслѣдованіе. Т. I: Историческое развитіе русской фабрики въ XIX вѣкѣ. Спб., 1898.

Весьма обстоятельное изслѣдованіе г. М. Туганъ-Барановскаго представляетъ всѣ внѣшніе признаки научности: оно заключаетъ въ себѣ массу любопытныхъ и отчасти малоизвѣстныхъ фактическихъ данныхъ, свидѣтельствуетъ о большой начитанности автора, о несомнѣнной его опытности и навыкѣ въ обращеніи съ матеріаломъ, объ искусствѣ литературнаго изложенія. Обиліе ссылокъ и цитатъ, въ связи съ нѣкоторыми указаніями на архивные источники, должно окончательно убѣдить читателя, что передъ нимъ—ученый трудъ, доказывающій способность и подготовленность автора къ спеціально-научнымъ занятіямъ.

И тѣмъ не менѣе, прочитавъ эту книгу до конца, мы не можемъ сказать въ точности, каковы собственно научныя, теоретическія идеи г. Туганъ-Барановскаго, и на чемъ основаны тѣ общіе взгляды, которые онъ мимоходомъ высказываетъ. Онъ съ пренебреженіемъ и насмѣшкой отзывается объ „идеологахъ“ (стр. 276 и др.), какъ будто самъ онъ стоитъ въ сторонѣ отъ какихъ-либо идейныхъ вліяній и дѣйствуетъ внѣ идейнаго круга, въ которомъ движется и развивается наука. Когда Наполеонъ I осуждалъ и высмѣивалъ „идеологію“, вносившую элементъ разсужденія и критики въ область создаваемыхъ имъ фактовъ, то это было вполнѣ понятно и естественно; но какъ понять осужденіе идеологіи въ устахъ человѣка, чувствующаго призваніе работать именно

Digitized by Google

въ области идей и теорій? Или, быть можетъ, авторъ принадлежитъ къ числу ученыхъ новаго типа, для которыхъ задача науки исчерпывается безцѣльнымъ собираніемъ фактическихъ свѣдѣній по извѣстнымъ предметамъ и вопросамъ? Въ дѣйствительности, г. Туганъ-Барановскій имѣетъ, очевидно, извѣстныя теоретическія понятія, которыя и положены имъ въ основаніе своего труда; но онъ не считаетъ нужнымъ объяснить и мотивировать ихъ, принимая ихъ—вѣроятно—за аксіомы, не нуждающіяся вовсе въ доказательствахъ. Онъ имѣетъ свою идеологію, хотя и отрицаетъ идеологію вообще,—напоминая отчасти того Мольеровскаго героя, который не зналъ, что говоритъ прозой.

Въ предисловіи авторъ слѣдующимъ образомъ поясняетъ свою принципіальную точку зрѣнія: „Признавая, что „не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ общественное бытіе, а это послѣднее опредѣляетъ формы ихъ сознанія", я разсматривалъ фабричное законодательство и господствующіе въ обществѣ взгляды и воззрѣнія на вопросы фабричнаго строя, какъ выраженіе даннаго соотношенія общественныхъ силъ. Касаясь законодательной дѣятельности государства, я ставилъ себѣ задачей не столько критику тѣхъ или иныхъ мѣропріятій съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, сколько выясненіе дѣйствительныхъ причинъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни. Вообще эта книга преслѣдуетъ лишь чисто научную цѣль—объясненія реально существующихъ фактовъ".

Исходное положеніе г. Туганъ-Барановскаго, приводимое имъ въ видѣ чего-то безспорнаго и общеизвѣстнаго, есть только туманная, неясно выраженная мысль, которая не можетъ быть подкрѣплена никакими разумными доводами. Правда, эта мысль взята изъ авторитетнаго источника — изъ предисловія къ извѣстной нѣмецкой книжкѣ, вышедшей въ 1859 году; но тамъ она имѣетъ свое законное мѣсто въ логическомъ развитіи опредѣленной общей идеи, въ духѣ гегеліанства, а здѣсь, вырванная изъ цѣпи разъясняющихъ ее аргументовъ, она является совершенно произвольнымъ и мало понятнымъ парадоксомъ. Г. Туганъ-Барановскій признаетъ, что „не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ общественное бытіе" (т.-е. формы ихъ общественнаго быта—или бытія, если ужъ говорить метафизическимъ языкомъ); но признавать это не было никакой надобности, потому что никто никогда не утверждалъ противнаго, по крайней мѣрѣ въ подобной формѣ. Никто не думалъ, что человѣческое сознаніе вырабатываетъ изъ себя и насаждаетъ въ жизни тѣ или другія формы быта, независимо отъ реальныхъ условій существованія; это было бы безсмыслицей,

Digitized by Google

надъ которою не стоило бы останавливаться. Г. Туганъ-Барановскій признаетъ, наоборотъ, что „общественное бытіе опредѣляетъ формы сознанія“; но и это — абсурдъ, ибо формы сознанія прежде всего опредѣляются свойствами человѣческой психологіи и остаются однородными или сходными при самыхъ различныхъ формахъ общественнаго быта. Формы сознанія у древнихъ грековъ или римлянъ—тѣ же, что̀ и у современныхъ европейцевъ; оттого древніе классики могли производить такое сильное дѣйствіе на умы въ разныхъ странахъ Европы, до новѣйшихъ временъ. Еслибы формы сознанія опредѣлялись условіями общественнаго быта и измѣнялись вмѣстѣ съ ними, то не было бы почвы для умственнаго общенія между различными народами и представителями различныхъ культу́рныхъ эпохъ; Шекспиръ давно устарѣ́лъ бы для самихъ англичанъ и оставался бы закрытой книгой для новѣйшихъ поколѣній, такъ какъ общественный бытъ XVII вѣка имѣетъ очень мало общаго съ нынѣшнимъ.

Изреченіе, повторяемое г. Туганъ-Барановскимъ, должно было выразить ту простую идею, что существующія понятія объ извѣстныхъ общественныхъ отношеніяхъ зависятъ въ значительной мѣрѣ отъ строя и характера этихъ отношеній: напр., при существованіи рабства обыкновенно господствуетъ представленіе о необходимости и законности этого института; люди, выросшіе при крѣпостномъ правѣ, большею частію убѣждены въ естественной непреложности и спасительномъ значеніи крѣпостного права; промышленные дѣятели, пользующіеся наемнымъ трудомъ, представляютъ себѣ экономическій прогрессъ не иначе какъ только въ видѣ умноженія и обогащенія класса предпринимателей-капиталистовъ, располагающихъ достаточнымъ количествомъ дешевыхъ, т.-е. неимущихъ и плохо оплачиваемыхъ рабочихъ, и т. п. Дѣло идетъ здѣсь, слѣдовательно, не о формахъ сознанія, а объ извѣстныхъ общественныхъ понятіяхъ, выработанныхъ и установившихся подъ вліяніемъ даннаго общественнаго быта. Матеріальные интересы господствующаго класса дѣйствуютъ въ этихъ случаяхъ за-одно съ традиціями и привычками, поддерживаемыми воспитаніемъ и общимъ складомъ жизни. Рабовладѣльцы стоятъ за рабство, помѣщики крѣпостной эпохи возводятъ въ принципъ обязательный даровой трудъ крестьянъ въ пользу помѣщиковъ, промышленники и капиталисты ставятъ на первомъ планѣ права капитала, привилегированное дворянство хлопочетъ о расширеніи своихъ привилегій,—все это до того извѣстно и понятно, что не заслуживало бы особаго упоминанія. Но въ эпоху рабства не все общество состоитъ изъ рабовладѣльцевъ; рядомъ съ по-

Digitized by Google

слѣдними находятся люди, не владѣющіе рабами и нисколько не заинтересованные въ сохраненіи этого института; самъ господствующій классъ въ лицѣ своихъ наиболѣе просвѣщенныхъ представителей можетъ знать исторію и происхожденіе своихъ правъ на обладаніе людьми, можетъ, слѣдовательно, понимать искусственность и несправедливость рабства; наконецъ, среди рабовъ всегда жило сознаніе насилій и злоупотребленій, приведшихъ къ отнятію свободы у ихъ отцовъ и дѣдовъ. Римскіе юристы, при полномъ господствѣ рабства, признавали, что „рабское состояніе противно естественному праву", ибо „по природному праву всѣ люди съ самаго начала рождались свободными". Точно такъ же въ эпоху крѣпостного быта существовали и имѣли вліяніе въ обществѣ не одни землевладѣльцы, и между ними были не одни лишь убѣжденные и послѣдовательные крѣпостники; значительная часть образованнаго класса стояла въ сторонѣ отъ узкихъ помѣщичьихъ интересовъ и относилась къ нимъ критически или даже вполнѣ отрицательно; среди самихъ крестьянъ неизмѣнно сохранялись традиціи крестьянскаго права на землю, въ связи съ идеею о безусловной зависимости помѣщичьихъ правъ отъ государства. Такъ какъ всякій общественный бытъ слагается изъ разнородныхъ и отчасти противоположныхъ между собою элементовъ, то при всякомъ бытѣ возможны различныя и отчасти противорѣчащія общественныя понятія; а такъ какъ въ то же время умственное движеніе сосредоточивается обыкновенно въ кругу лицъ, далеко не поглощенныхъ практическою хозяйственною дѣятельностью и ея спеціальными интересами, то выработка понятій и идей вовсе не можетъ быть поставлена въ непремѣнную внутреннюю связь съ экономическими стремленіями и интересами наиболѣе сильнаго въ матеріальномъ смыслѣ и потому господствующаго въ обществѣ класса. Идеи не создаются вообще ни крѣпостниками-землевладѣльцами, ни промышленными дѣльцами, фабрикантами и заводчиками; онѣ мало подчиняются ихъ вліянію, хотя бы экономическое преобладаніе этихъ общественныхъ элементовъ въ данный историческій періодъ не подлежало никакому сомнѣнію. Можно даже сказать, что общественные классы, занятые погоней за матеріальными и промышленными успѣхами, относятся вообще пренебрежительно къ „идеологіи" и считаютъ ее пустымъ дѣломъ, не стоющимъ вниманія,—ибо дѣловые люди, пріобрѣтатели и эксплуататоры по профессіи, были всегда „экономическими матеріалистами" по призванію.

Такимъ образомъ, тезисъ, принятый на вѣру г. Туганъ-Барановскимъ, требовалъ бы существенныхъ измѣненій и оговo-

Digitized by Google

рокъ, чтобы получить вообще какой-либо опредѣленный смыслъ. Между тѣмъ авторъ беретъ эту чужую неясную мысль, какъ готовую истину, безъ всякаго ея разбора или провѣрки, и всецѣло основывается на ней въ своемъ изслѣдованіи. Онъ разсматриваетъ „фабричное законодательство и господствующіе въ обществѣ взгляды и воззрѣнія на вопросы фабричнаго строя, какъ выраженіе даннаго соотношенія общественныхъ силъ". Другими словами,—если законы поощряютъ фабрикантовъ и дѣлаютъ имъ разныя льготы, то это значитъ, что капиталисты составляютъ общественную силу, передъ которою склоняется законодательство; правительственныя мѣры для охраны рабочихъ отъ злоупотребленій и небрежности хозяевъ свидѣтельствуютъ объ упадкѣ общественнаго вліянія промышленниковъ; торжество тѣхъ или другихъ мнѣній и взглядовъ въ обществѣ относительно фабрично-заводскихъ условій быта зависитъ не отъ свойства обсуждаемыхъ фактовъ и не отъ доводовъ разсудка, а отъ перевѣса общественныхъ элементовъ, стоящихъ за спиною представителей данныхъ мнѣній и взглядовъ. Вопросъ о „соотношеніи общественныхъ силъ" рѣшается такъ или иначе, смотря по тенденціямъ законодательства и по существующей группировкѣ экономическихъ направленій и идей въ обществѣ; а характеръ законодательства и преобладающія въ обществѣ воззрѣнія заранѣе принимаются за результаты того „соотношенія общественныхъ силъ", о которомъ авторъ берется судить только по предполагаемымъ его результатамъ. Установивъ для себя въ нѣсколькихъ словахъ этотъ анти-логическій методъ, г. Туганъ-Барановскій не сомнѣвается въ его научности; онъ увѣренъ, что такимъ путемъ книга его „преслѣдуетъ чисто-научную цѣль — объясненіе реально-существующихъ фактовъ". Онъ имѣетъ въ виду „не столько критику мѣропріятій съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, сколько выясненіе дѣйствительныхъ причинъ, вызвавшихъ ихъ къ жизни"; а эти причины указаны a priori, такъ что надо только подогнать къ нимъ факты для достиженія намѣченной „чисто-научной цѣли". Полное невниманіе къ требованіямъ здравой логики является здѣсь какъ бы первымъ приступомъ къ „научному" изслѣдованію.

Между прочимъ, авторъ не принялъ въ соображеніе того обстоятельства, что роль общественныхъ силъ совершенно неодинакова въ западной Европѣ и въ Россіи. Если, напримѣръ, въ Англіи „соотношеніе общественныхъ силъ", выражающееся въ парламентѣ, непосредственно вліяетъ на законодательство, то изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что и русскіе законы и правительственные взгляды опредѣляются какими-либо реальными

Digitized by Google

общественными силами, наиболѣе могущественными въ данное время. Представители власти могутъ придавать особенную важность развитію крупной промышленности и оказывать одностороннее покровительство предпринимателямъ-капиталистамъ, руководствуясь правильными или ошибочными понятіями объ интересахъ государства,—хотя бы значеніе самого промышленнаго класса было вполнѣ ничтожно на практикѣ. Съ другой стороны, обычное смѣшеніе внѣшней технической культуры и промышленнаго блеска съ общимъ благосостояніемъ и прогрессомъ страны приводитъ нерѣдко къ тому, что наиболѣе жизненные и крѣпкіе элементы народа истощаются безплодно или оставляются въ пренебреженіи, а государственныя средства употребляются на созданіе и развитіе крупныхъ предпріятій, доставляющихъ огромныя выгоды немногимъ случайно подвернувшимся аферистамъ. Экономическая политика, не обязанная считаться съ желаніями и интересами народнаго большинства или отдѣльныхъ классовъ общества, очень часто идетъ въ разрѣзъ съ реальнымъ „соотношеніемъ общественныхъ силъ“, и примѣрами такого рода наполнена диссертація г. Туганъ-Барановскаго, вопреки всѣмъ его усиліямъ подогнать факты подъ заранѣе установленный тезисъ, заимствованный изъ нѣмецкой книжки.

Крупная фабрично-заводская промышленность, какъ говоритъ самъ авторъ, возникла въ Россіи подъ непосредственнымъ вліяніемъ правительства. „До Петра у насъ почти не существовало крупныхъ промышленныхъ предпріятій, а послѣ него насчитывалось уже 233 казенныхъ и частныхъ фабрикъ и заводовъ. Тѣ заводы и фабрики, которые Петръ признавалъ особенно нужными,—горные и оружейные заводы, суконныя, полотняныя и парусныя фабрики,—устраивались самой казной и затѣмъ передавались частнымъ лицамъ. Въ другихъ случаяхъ казна ссужала значительные капиталы безъ процентовъ, снабжала инструментами и рабочими частныхъ лицъ, устраивавшихъ фабрики на свой собственный страхъ и рискъ. Изъ-за границы выписывались искусные мастера“ (стр. 6). Очевидно, эти государственныя мѣры не только не вызывались „соотношеніемъ общественныхъ силъ“ при Петрѣ Великомъ, но должны были встрѣчать въ этомъ „соотношеніи“ значительныя препятствія и отпоръ. Въ до-Петровской Россіи — напоминаетъ, однако, г. Туганъ-Барановскій,— существовало купечество, существовалъ торговый капиталъ, и „этотъ-то торговый капиталъ явился базисомъ, на которомъ основалось крупное производство въ эпоху Петра“ (стр. 8). Но богатые купцы существовали и въ Новгородѣ, и въ Московской

Digitized by Google

Руси,—и, слѣдовательно, это объясненіе ничего не объясняетъ. Какой-нибудь базисъ всегда найдется, послѣ того какъ практическая дѣятельность въ извѣстномъ направленіи оказалась вообще возможною; однако базисъ, дающій пассивный матеріалъ или обстановку для принимаемыхъ мѣръ, не принадлежитъ къ числу тѣхъ „дѣйствительныхъ причинъ", которыя взялся выяснить авторъ. „Иностранцамъ и дворянамъ,—по словамъ г. Туганъ-Барановскаго,—принадлежала ничтожная доля Петровскихъ фабрикъ; фабрикантовъ изъ разночинцевъ было также немного; въ большинствѣ же случаевъ фабрикантами явились старинные московскіе капиталисты-купцы" (стр. 10). Чтобы примирить съ этимъ приведенное выше указаніе на „значительныя" матеріальныя пособія фабрикантамъ отъ казны, авторъ сообщаетъ „кой-какія отрывочныя данныя" изъ архивныхъ источниковъ для доказательства незначительности выдававшихся „значительныхъ" ссудъ. Приведя содержаніе одной спеціальной вѣдомости 1727 г., онъ замѣчаетъ, что „эта вѣдомость неполна, такъ какъ въ ней не упоминается о нѣкоторыхъ денежныхъ пособіяхъ фабрикантамъ, несомнѣнно имѣвшихъ мѣсто", и тѣмъ не менѣе онъ дѣлаетъ слѣдующее неожиданное заключеніе: „Но надо полагать (?), что большая часть денежныхъ пособій казны фабрикантамъ указана въ этой вѣдомости. *Отсюда видно,* какую небольшую роль играли эти пособія. Ими воспользовалось никакъ не болѣе 15—20 фабрикъ, а всего ихъ было учреждено въ Петровское время, вѣроятно, гораздо болѣе сотни. Иными словами, значительно бо́льшая часть Петровскихъ фабрикъ, устраивавшихся частными лицами, обходилась безъ денежной помощи со стороны казны" (стр. 11—12). „Отсюда видно" только одно,—что „кой-какія отрывочныя данныя", завѣдомо неполныя, даютъ основаніе полагать и видѣть нѣчто, совершенно изъ нихъ не вытекающее и даже прямо имъ противорѣчащее; а дальше—произвольное предположеніе превращается уже въ фактъ, изъ котораго извлекаются дальнѣйшіе выводы. Сверхъ денежныхъ и иныхъ пособій отъ казны, приходилось затрачивать еще крупныя суммы на веденіе фабричнаго дѣла; „а такъ какъ бо́льшая часть фабрикъ устраивалась безъ всякаго содѣйствія казны („заведена своимъ коштомъ"—обычная отмѣтка въ вѣдомостяхъ о Петровскихъ фабрикахъ),—разсуждаетъ авторъ,—то фабрикантами могли быть лишь крупные капиталисты того времени—преимущественно купцы. Лишь благодаря существованію въ тогдашней Россіи капиталистическаго класса, Петръ достигъ своей цѣли—насажденія крупнаго производства. Но капиталистическій классъ былъ созданъ

Digitized by Google

не Петромъ, а всей предшествовавшей экономической эволюціей московскаго государства". Въ то же время не отрицается и безсиліе этого „базиса", послужившаго будто бы благопріятною почвою для экономической политики государства: ибо „хотя безъ мѣръ, принятыхъ Петромъ, крупное производство не имѣло *никакихъ* шансовъ развиться въ тогдашней Россіи, эти мѣры имѣли успѣхъ лишь вслѣдствіе подготовленности русской экономической почвы къ новымъ формамъ промышленности" (стр. 13—14). Подготовленность же заключалась опять-таки въ существованіи крупнаго купечества, существовавшаго, впрочемъ, съ давнихъ временъ и ничѣмъ не обнаруживавшаго готовности выйти изъ традиціоннаго круга рутинныхъ торгово-промышленныхъ пріемовъ и оборотовъ.

Чувствуя шаткость своей ссылки на старинныхъ московскихъ капиталистовъ, авторъ обращается въ другую сторону и отыскиваетъ причины нововведеній Петра Великаго въ ихъ цѣлесообразности и полезности,—т.-е. на мѣсто причинъ ставитъ мотивы. „Не трудно показать,—говоритъ онъ,—что промышленная политика Петра совершенно не зависѣла отъ его личныхъ взглядовъ, не была случайна, а диктовалась экономической необходимостью. Промышленное переустройство Россіи по западно-европейскому образцу было такъ же необходимо, какъ и переустройство ея арміи на европейскій ладъ. Для того, чтобы успѣшно вести войну, требовались не только обученные солдаты, но также и пушки, ядра, порохъ, оружіе, солдатское сукно, полотно, вообще принадлежности воинскаго обмундированія, и многое другое. Петръ не могъ оставаться въ зависимости отъ иностранцевъ, съ которыми онъ велъ войну, въ такихъ нужныхъ ему предметахъ, какъ принадлежности военнаго снаряженія... Единственное средство избавиться отъ необходимости покупать воинскія принадлежности у иностранцевъ заключалось въ производствѣ этихъ принадлежностей у себя дома; а такъ какъ дома нужные товары не выдѣлывались, то оставалось устраивать для ихъ изготовленія казенныя мастерскія, фабрики и заводы. Но у казны средствъ было крайне мало; при такомъ положеніи, что оставалось Петру, какъ не поощрять всѣми силами частную предпріимчивость, частныхъ заводчиковъ и фабрикантовъ, которые на свой капиталъ заводили производства, до такой степени необходимыя правительству"? Вмѣстѣ съ тѣмъ, для государства было чрезвычайно важно общее развитіе промышленности въ странѣ. Но „новыя отрасли промышленности могли возникнуть только въ формѣ крупныхъ и промышленныхъ заведеній. Мелкій производитель,

Digitized by Google

кустарь, не обладалъ ни капиталомъ, ни знаніемъ, необходимымъ для этого дѣла. Правда, купецъ, устраивавшій фабрику, былъ почти такъ же невѣжественъ, какъ и кустарь, но за то, обладая капиталомъ, онъ могъ выписать иноземныхъ мастеровъ, приносившихъ съ собою техническія знанія, которыхъ всего болѣе не хватало Россіи... Только поощреніемъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій Петръ могъ способствовать поднятію производительности народнаго труда, а это не могло не быть цѣлью политики Петра, такъ какъ созданная имъ имперія еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ московская Русь, страдала хроническимъ недостаткомъ финансовыхъ средствъ, въ которыхъ она испытывала величайшую нужду для военныхъ цѣлей" (стр. 14—15).

Все это совершенно вѣрно; но если мотивы дѣйствій Петра В. были разумны и основательны, то это значитъ только, что личные взгляды его были правильны и раціональны, хотя они рѣзко расходились съ господствовавшими мнѣніями и привычками тогдашняго русскаго общества. Слѣдовательно, никакъ нельзя сказать, что „промышленная политика Петра совершенно не зависѣла отъ его личныхъ взглядовъ"; напротивъ, его личные взгляды, вытекавшіе изъ вѣскихъ и разумныхъ основаній, побуждали его дѣйствовать именно въ томъ духѣ, въ какомъ онъ дѣйствовалъ. Можно бы согласиться съ выводомъ автора, что „возникновеніе у насъ крупнаго производства при Петрѣ было естественнымъ и необходимымъ результатомъ экономическихъ и соціальныхъ условій тогдашней Россіи",—еслибы доказано было, что и безъ мѣропріятій и усилій Петра крупное производство имѣло шансы развиться у насъ въ началѣ прошлаго вѣка; но мы знаемъ уже отъ г. Туганъ-Барановскаго, что „безъ мѣръ, принятыхъ Петромъ, крупное производство не имѣло никакихъ шансовъ развиться въ тогдашней Россіи". Одно положеніе противорѣчитъ другому, и среди подобныхъ бросающихся въ глаза противорѣчій непрерывно вращается авторъ на всемъ пространствѣ своего изслѣдованія.

Естественная и необходимая „эволюція", конечно, весьма заманчива, такъ какъ она даетъ ключъ къ пониманію прошлаго и къ предвидѣнію будущаго; но естественное и необходимое въ смыслѣ разумной цѣлесообразности — далеко не всегда совершается въ жизни. Было вполнѣ естественно и необходимо со стороны Китая заняться внутренними преобразованіями послѣ первыхъ серьезныхъ уроковъ, полученныхъ отъ западно-европейскихъ державъ; но Китай не дождался своего Петра Великаго, и нынѣ онъ обреченъ на гибель. Японія избѣгла участи Китая только благодаря тому, что въ ней нашлись энергическіе госу-

Digitized by Google

дарственные люди, рѣшившіеся порвать съ узко-національными традиціями и вступить на путь широкихъ и благотворныхъ реформъ. И въ нашей исторіи бывали моменты и цѣлые періоды, когда естественные и необходимѣйшіе шаги впередъ считались опасными и невозможными, и когда отрицаніе насущнѣйшихъ реальныхъ нуждъ народа служило руководящимъ принципомъ внутренней политики; мы погружались въ самодовольный застой, мечтая о внѣшнемъ могуществѣ и превосходствѣ надъ Европою, пока не разбудили насъ толчки крымской войны, а послѣ непродолжительной эры преобразованій шестидесятыхъ годовъ опять восторжествовали старыя фантазіи о вредѣ и ненужности просвѣщенія для народа, о необходимости возврата назадъ, къ былому безправію и гордому невѣжеству, причемъ самыя жизненныя и настоятельныя задачи игнорировались или отлагались на неопредѣленное время. Существованіе важныхъ государственныхъ интересовъ и потребностей само по себѣ еще нисколько не обезпечиваетъ ихъ удовлетворенія; нужно еще, чтобы эти интересы и потребности надлежащимъ образомъ понимались правящими лицами и побуждали ихъ дѣйствовать въ надлежащемъ направленіи. Оттого личные взгляды и стремленія такихъ правителей, какъ Петръ Великій, играютъ рѣшающую роль въ ходѣ историческихъ событій, хотя, быть можетъ, эти взгляды и стремленія не содержатъ въ себѣ ничего произвольнаго или искусственнаго и составляютъ лишь логическій выводъ изъ оцѣнки всѣхъ предшествовавшихъ и современныхъ обстоятельствъ данной эпохи. Все дѣло въ томъ, чтобы выводъ былъ сдѣланъ и примѣненъ въ дѣйствительности, на практикѣ; а считать эту работу чѣмъ-то второстепеннымъ и незначительнымъ можно только по недоразумѣнію, подъ вліяніемъ обманчивой доктринерской идеологіи. Признается, напр., настоятельно необходимымъ всеобщее распространеніе образованія въ народѣ и облегченіе податныхъ тягостей для крестьянства; но изъ этого еще не слѣдуетъ, что въ самомъ дѣлѣ повсемѣстно заводятся школы и серьезно реформируется податная система, независимо отъ личныхъ взглядовъ правительственныхъ дѣятелей. Задачи могутъ быть поставлены жизнью издавна, а практическое разрѣшеніе ихъ будетъ всецѣло заслугою тѣхъ, кто ихъ разрѣшитъ на дѣлѣ.

Петровскія фабрики,—по мнѣнію г. Туганъ-Барановскаго,—„въ такомъ же смыслѣ могутъ быть названы искусственнымъ созданіемъ Петра, какъ и всѣ прочія Петровскія реформы,—преобразованіе внутренняго административнаго устройства государства,

Digitized by Google

новая организація арміи, распространеніе началъ европейской культуры въ высшихъ классахъ общества и вообще европеизація Россіи. Какъ признаютъ наши историки, всѣ эти реформы были вызваны экономическою несостоятельностью тогдашней Россіи; этимъ же опредѣлилось и все направленіе промышленной политики Петра". Если только допустить, что Петровскія реформы были созданіемъ Петра, — противъ чего и авторъ, кажется, не споритъ,—то вопросъ объ искусственности или естественности ихъ является лишь безплоднымъ споромъ о словахъ. Однѣ и тѣ же необходимыя и естественныя потребности государства могутъ удовлетворяться различными способами, болѣе или менѣе искусственными и произвольными, и никто, конечно, не скажетъ, что рѣзкія нововведенія Петра были единственно возможными отвѣтами на тогдашнія нужды Россіи. Экономическая политика его, стремившаяся къ немедленнымъ осязательнымъ результатамъ, была вообще неблагопріятна для народныхъ массъ; она носила на себѣ такой же отпечатокъ его личности, какъ и всѣ его начинанія и мѣропріятія.

Интересно видѣть, какъ проводитъ авторъ теорію развитія капиталистическаго производства и классовой борьбы при изложеніи фактовъ нашей промышленной исторіи. Создавая крупную фабрично-заводскую промышленность, Петръ опирался будто бы на московское купечество и на экономическія и соціальныя условія того времени; но вслѣдъ затѣмъ оказывается, во-первыхъ, что тогда не было еще условій для возникновенія промышленнаго капитализма, и во-вторыхъ, что купеческая фабрика вызывала протесты и жалобы среди самого купечества. Петръ „не можетъ считаться насадителемъ капиталистическаго производства въ Россіи по той простой причинѣ, что вызванная имъ крупная промышленность не была капиталистическою. Напротивъ, соціальное и экономическое положеніе тогдашней Россіи было таково, что капиталистическое производство у насъ было невозможно. Для послѣдняго не хватало въ Россіи самаго важнаго условія — класса свободныхъ рабочихъ" (стр. 17). Правильнѣе было бы сказать, что слишкомъ мало было охотниковъ идти добровольно на каторжный фабрично-заводскій трудъ при тогдашней его обстановкѣ и при непомѣрно скудномъ его вознагражденіи. Когда учреждалась фабрика, то „владѣльцу давалась обыкновенно привилегія, въ которой ему разрѣшалось свободно нанимать русскихъ и иноземныхъ мастеровъ и учениковъ, платя имъ за труды достойную плату". Но достойная плата получалась рѣдко, и фабрикантамъ приходилось съ трудомъ набирать

Digitized by Google

„убогихъ людей", „изъ бѣдныхъ и малолѣтнихъ, которые ходятъ по улицамъ и просятъ милостыню", а также изъ бѣглыхъ крѣпостныхъ. Свободные рабочіе были и нашлись бы въ достаточномъ числѣ, но ихъ ничѣмъ не привлекала фабрика. На фабричныя работы стали назначать бродягъ и нищихъ, даже преступниковъ, въ видѣ наказанія. „При такихъ условіяхъ работа вольнонаемными людьми оказывалась почти невозможною. Принудительный крѣпостной трудъ былъ единственнымъ выходомъ изъ такого положенія". Авторъ фактически опровергаетъ такимъ образомъ свое собственное мнѣніе о подготовленности тогдашней экономической почвы къ новымъ промышленнымъ формамъ. Мы думаемъ впрочемъ, что крупное производство съ наемными рабочими могло бы и тогда основаться прочно, если бы принимались необходимыя мѣры для доставленія рабочимъ хотя бы минимальныхъ выгодъ и удобствъ; а правительство Петра В., какъ замѣчаетъ г. Туганъ-Барановскій, „для улучшенія положенія рабочихъ на фабрикахъ не сдѣлало ровно ничего, а для ухудшенія его—очень много".

Купцамъ предоставлено было въ 1721 году право покупать къ фабрикамъ и заводамъ населенныя деревни и пользоваться принудительною работою крестьянъ. Фабрика быстро измѣнила свой характеръ. Авторъ придумываетъ для этой перемѣны разныя экономическія объясненія, которыя противорѣчатъ одно другому. „Переходъ русскихъ фабрикантовъ отъ вольнонаемнаго къ крѣпостному труду, — говоритъ онъ, — былъ вызванъ прежде всего низкой производительностью свободнаго труда, благодаря чему крѣпостная работа оказывалась болѣе выгодною для фабриканта. Съ другой стороны, крѣпостныя отношенія дѣлали невозможнымъ поднятіе производительности труда. Пока работа на фабрикахъ имѣла принудительный характеръ, она должна была оставаться мало успѣшной". Значитъ, низкая производительность наемной работы не могла служить мотивомъ для замѣны ея мало производительнымъ крѣпостнымъ трудомъ. Фабрики работали плохо и—что всего замѣчательнѣе—вызывали неудовольствіе того самаго московскаго купечества, которое, по теоріи автора, было готовымъ базисомъ для новыхъ промышленныхъ формъ. „Товары, изготовлявшіеся на нашихъ фабрикахъ, отличались крайней дороговизной и низкимъ качествомъ"; торговцы жаловались, что отечественныя фабричныя издѣлія „добротою противъ заморскихъ весьма плоше, а цѣною вдвое дороже"; при этомъ высказывались просьбы объ облегченіи ввоза заграничныхъ товаровъ. Отзывы московскаго купечества, по словамъ

Digitized by Google

г. Туганъ-Барановскаго, „характеризуютъ отношеніе массы русскихъ торговцевъ того времени ко вновь образовавшемуся классу фабрикантовъ. Какъ мы видимъ, московское купечество относилось къ фабрикантамъ недоброжелательно; фабриканты пользовались разными привилегіями, монополизировали внутренній рынокъ и, кромѣ того, стремились захватить въ свои руки и розничную торговлю своими произведеніями. Это послѣднее обстоятельство вызывало особенныя жалобы купечества". Московскіе торговые капиталы не только не были фундаментомъ и матеріаломъ для новыхъ промышленныхъ формъ, но протестовали противъ нихъ при первой возможности.

Автору удалось благополучно уничтожить свой заранѣе установленный тезисъ при помощи нелицепріятно собранныхъ фактовъ, и надо отдать ему справедливость, что онъ дѣлаетъ это съ большою добросовѣстностью. Онъ пытается еще объяснить купеческія неудовольствія противъ фабрикантовъ „продолженіемъ старинной борьбы крупнаго и мелкаго купечества въ московскомъ государствѣ: крупное купечество, благодаря мѣрамъ Петра, завело фабрики и продолжало утѣснять свою братью". Но это указаніе основано лишь на игрѣ словъ. Крупное купечество состояло преимущественно изъ купцовъ, а не изъ фабрикантовъ, и жалобы заявлялись во имя интересовъ крупной торговли, а не мелкой; крупный торгъ непосредственно страдалъ и отъ розничной продажи товаровъ съ фабрикъ. Очень немногіе изъ большихъ купцовъ-капиталистовъ были фабрикантами, и отождествлять послѣднихъ съ крупнымъ купечествомъ нѣтъ возможности. Еще позднѣе, въ наказахъ Екатерининской коммиссіи, какъ видно изъ приводимыхъ авторомъ свѣдѣній, явственно выражается вражда купечества къ крупнымъ фабрикантамъ и къ ихъ исключительнымъ привилегіямъ. Противъ этихъ привилегій возстаютъ и дворяне, и купцы. „Крупные фабриканты изъ купечества не пользовались симпатіей ни дворянства, ни своей братьи купцовъ. Въ наказѣ высшаго правительственнаго учрежденія, вѣдавшаго фабрики—мануфактуръ-коллегіи—прямо заявлялось, что содержатели великихъ фабрикъ ненавистны сдѣлались обществу". Гдѣ же было тогда то „соотношеніе общественныхъ силъ", на которомъ держалась промышленная политика государства?

Г. Туганъ-Барановскій не замѣчаетъ своихъ неудачъ и противорѣчій; онъ упорно находитъ сознательную борьбу общественныхъ классовъ тамъ, гдѣ дѣйствовали ничѣмъ не стѣсненныя правительственныя силы и легко смѣнявшіяся случайныя вліянія. Первоначальная купеческая фабрика превращается будто

Digitized by Google

бы въ теченіе XVIII вѣка въ дворянскую фабрику, хотя и прежде, и послѣ, многіе крупные заводы и фабрики принадлежали знатнымъ людямъ и дворянамъ-помѣщикамъ. Перемѣна произошла, конечно, отъ того, что при Петрѣ В. торговый классъ былъ сильнѣе служилаго сословія, а при его преемникахъ взяло верхъ дворянство. Авторъ дѣлаетъ этотъ выводъ совершенно серьезно. „Эпоха послѣ Петра, какъ извѣстно, характеризуется чрезвычайнымъ возрастаніемъ политическаго вліянія дворянства. Общественное мнѣніе господствующаго сословія въ половинѣ XVIII вѣка было настроено крайне недоброжелательно къ фабрикантамъ изъ купечества и ихъ исключительнымъ привилегіямъ. Соотвѣтственно этому и торгово-промышленная политика правительства измѣнилась“ (стр. 26 и 34). Авторъ забылъ уже, что и значительная часть купечества относилась враждебно къ фабрикантамъ. Правительство, нуждавшееся въ фабрично-заводскихъ издѣліяхъ для военныхъ надобностей, неоднократно убѣждалось, что и купеческія, и дворянскія фабрики одинаково плохи. При Аннѣ Леопольдовнѣ поручено было особой коммиссіи обстоятельно изслѣдовать „о донынѣ дѣланныхъ на россійскихъ фабрикахъ плохихъ сукнахъ и отчего оное происходитъ“. Коммиссія „нашла, что важнѣйшая причина плохого состоянія суконнаго производства заключалась въ крайне неудовлетворительномъ положеніи рабочихъ на фабрикахъ. Фабричныя строенія не ремонтировались, потолки протекали; „валящійся сквозь щели неплотныхъ потолковъ песокъ и соръ людямъ работу въ рукахъ маретъ и портитъ; а полы иные не досками, ни-же кирпичами или камнемъ, не выстланы, а которые выстланы, то гнилы“. Въ фабрикахъ не хватаетъ свѣта, „ткачи насилу денного свѣта имѣютъ, дабы тканье свое точно высмотрѣть, наименьше же сукну самовредительныя субтильныя худобы открывать“. Рабочіе такъ плохо одѣты, что „нѣкоторые изъ нихъ насилу и цѣлую рубаху на плечахъ имѣютъ“. О продолжительности работы на суконныхъ фабрикахъ можно судить по тому, что „работныя регулы“, имѣвшія въ виду улучшить положеніе рабочихъ на фабрикахъ, устанавливали рабочій день около 14 часовъ въ сутки“. Причина дурного качества товаровъ, по автору,—крѣпостной трудъ, отличавшій именно дворянскую фабрику отъ купеческой; а солдатскія сукна оставались плохи, и „вплоть до двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія русскія суконныя фабрики производили исключительно низшіе сорта суконъ, и то дурного качества“ (стр. 26). А такъ какъ для арміи нужны были прочные матеріалы, то правительство едва ли имѣло по-

Digitized by Google

водъ отдавать предпочтеніе дворянскимъ фабрикамъ передъ купеческими; часто оно обращалось къ иноземнымъ предпринимателямъ, причемъ сословные и классовые интересы не могли уже играть никакой роли даже съ предвзятой точки зрѣнія г. Туганъ-Барановскаго. Отдѣльнымъ фабрикантамъ предоставлялась монополія производства; „къ такимъ мѣрамъ, вызывавшимъ общее недовольство и задерживавшимъ развитіе новыхъ отраслей промышленности, въ интересахъ первыхъ піонеровъ, правительство прибѣгало потому, что не видѣло другого способа перенести новыя производства въ страну. Привилегіи такого рода получали нерѣдко иностранцы, соглашавшіеся на устройство фабрикъ лишь подъ условіемъ монополіи“ (стр. 36). Здѣсь опять-таки промышленная политика представляется чѣмъ-то самостоятельнымъ, независимымъ отъ сословныхъ и классовыхъ интересовъ; за то усматриваются чисто-дворянскія тенденціи въ малѣйшихъ намекахъ на вниманіе къ мелкимъ народнымъ промысламъ и къ судьбѣ подневольныхъ фабричныхъ рабочихъ. При Екатеринѣ II, мануфактуръ-коллегія высказалась противъ принудительнаго труда на фабрикахъ: „многія фабрики исправляются уже теперь одними наемными людьми; а когда исправляются многія, то могутъ и всѣ“. Другими словами, и при крѣпостномъ правѣ не было недостатка въ свободныхъ рабочихъ рукахъ, вопреки предположенію автора. Послѣ неудачнаго опыта съ крупными привилегированными фабриками, правительство стало естественно склоняться на сторону ихъ противниковъ, которыхъ, какъ указано выше, было очень много и въ купечествѣ, и въ дворянствѣ. Г. Туганъ-Барановскій и въ этомъ случаѣ не преминулъ сдѣлать выводъ, рѣшительно опровергаемый его собственными фактическими свѣдѣніями и указаніями. „Чѣмъ же—спрашиваетъ онъ—объясняется такая измѣна традиціямъ нашей промышленной политики, направленной со временъ Петра на поддержаніе крупнаго производства? Ничѣмъ инымъ, какъ усиленіемъ вліянія *дворянства* (курсивъ автора). Дворянскіе интересы требовали развитія крестьянскихъ промысловъ, дворянскіе наказы просили о запрещеніи фабрикантамъ покупать къ фабрикамъ крестьянъ, дворянскіе депутаты отстаивали свободу крестьянскаго торга. Ученіе физіократовъ пришлось очень кстати и оказало вліяніе постольку, поскольку оно соотвѣтствовало интересамъ господствующаго класса“ (стр. 41).

Еслибы этотъ оригинальный способъ аргументаціи примѣнить къ нашей современной эпохѣ, то могли бы получиться весьма неожиданныя „научныя“ заключенія. Такъ какъ большинство

Digitized by Google

сторонниковъ и дѣятелей освобожденія и земельнаго обезпеченія крестьянъ состояло изъ дворянъ, то сословные дворянскіе интересы требовали крестьянской реформы и привели къ ея осуществленію; защитники крестьянскихъ интересовъ въ литературѣ и въ земствѣ принадлежатъ большею частью къ дворянству, и слѣдовательно обычныя усилія и доводы въ пользу облегченія народныхъ нуждъ являются лишь замаскированною защитою интересовъ дворянскаго сословія; наконецъ, и новѣйшій „марксизмъ", распространенный въ нѣкоторой части господствующаго класса, есть, вѣроятно, порожденіе скрытыхъ дворянскихъ тенденцій...

Мы не пойдемъ далѣе за авторомъ въ его смѣлыхъ „научныхъ" изысканіяхъ, дающихъ матеріалы для столь любопытныхъ выводовъ,—съ насъ довольно того, что̀ оказалось въ первой же главѣ его труда. Замѣтимъ только, что во всей книгѣ г. Туганъ-Барановскаго послѣдовательно проводится одинъ и тотъ же принципъ—принципъ полнѣйшаго систематическаго разлада между излагаемыми фактами и примѣняемыми къ нимъ теоретическими идеями.

Л. Слонимскій.

Digitized by Google

ПОСЛѢДНІЙ ПОРТРЕТЪ

В. А. АРЦИМОВИЧА

Я юнаго тебя чуть помню. Это было,
О, старый другъ мой, такъ давно!
Неузнаваемо насъ время измѣнило;
И для тебя свой бѣгъ ужъ кончило оно.
Твой старческій портретъ всегда передо мною.
Онъ ближе мнѣ. Да; это—ты.
Вотъ многодумное чело подъ сѣдиною;
Вотъ жизни трудовой поблеклыя черты;
И твой глубокій взоръ, такъ выразившій много
Въ тотъ мигъ, какъ снятъ съ тебя портретъ:
Въ немъ грусть безсилія съ сознаніемъ побѣдъ,
И сердца доброта съ упорствомъ мысли строгой.
Ты будто говоришь: „Я больше не могу.
„Усталъ. Сдаюсь... но не безъ бою,
„Да буду памятенъ и другу, и врагу!
„Вглядись въ меня, и ты увидишь предъ собою—
„Послѣдній выводъ жизни всей.
„И вотъ ужъ я разстался съ нею...
„Чтожъ! все еще меня жалѣешь, Алексѣй“?
О, да, мой другъ; о, да, жалѣю!
Печальной памятью отмѣчена пора,
Въ которую тебѣ погаснуть было надо,—
Передъ святынею добра
Неугасимая лампада!

Алексѣй Жемчужниковъ.

Digitized by Google

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1898.

Новые газетные дворянскіе „прожекты“.—Сравненіе дворянскихъ программъ 1885 и 1898 гг.—„Изпомѣщеніе“ четырехъ тысячъ дворянскихъ семей, съ затратой милліарда рублей.—Злоупотребленіе „ссылкою“ на государственные интересы.—„Привилегія“ или „обязанность“?—Опять „ограниченный разумъ подданныхъ“.—Умѣренный защитникъ сословности.—Совѣщаніе при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ.—Положеніе продовольственнаго дѣла.

По истинѣ неисчерпаемымъ и неизсякаемымъ можно назвать тотъ рогъ изобилія, изъ котораго сыплются съ нѣкоторыхъ поръ „дворянскіе прожекты“. Этотъ особый родъ литературы появился на сцену въ началѣ семидесятыхъ годовъ, когда ему впервые со времени эпохи великихъ реформъ благопріятствовали внѣшнія условія. Отмѣченный въ Щедринскомъ „Дневникѣ провинціала“—отмѣченный штрихами, не столько изображавшими настоящее, сколько предугадывавшими будущее,—онъ „отцвѣлъ, не успѣвши расцвѣсть“, но лѣтъ десять спустя далъ новые ростки, павшіе на болѣе благодарную почву. Теперь они образуютъ цѣлый лѣсъ, побѣдоносно или, точнѣе, съ увѣренностью въ побѣдѣ подвигающійся впередъ, какъ бирманскій лѣсъ въ „Макбетѣ“. Притязаніямъ не предвидится конца; полученное—тотчасъ же объявляется недостаточнымъ, каждое пріобрѣтеніе обращается въ ступень или предлогъ для дальнѣйшихъ требованій. Любопытно, съ этой точки зрѣнія, сравнить ультра-дворянскую программу 1885-го года съ ея новѣйшими продолженіями и дополненіями. Когда приближалась столѣтняя годовщина Екатерининской дворянской грамоты, домогательства, пріуроченныя къ этому событію, сводились къ слѣдующимъ одиннадцати пунктамъ [1]): 1) предоставленіе дворянству господствующаго положенія въ земскихъ собраніяхъ; 2) предоставленіе дворянамъ исключительнаго или преимущественнаго права на занятіе из-

[1]) См. Внутр. Обозрѣніе въ № 4 „В. Европы“ за 1885 г.

Digitized by Google

вѣстныхъ должностей въ мѣстномъ и центральномъ управленіи; 3) освобожденіе дворянъ отъ обязательной воинской повинности; 4) избавленіе дворянъ отъ суда присяжныхъ, съ признаніемъ ихъ подсудными коронному суду, усиленному дворянскими представителями; 5) устройство для помѣщиковъ дешеваго долгосрочнаго и краткосрочнаго кредита; 6) устройство для дворянскихъ дѣтей особыхъ при гимназіи пансіоновъ; 7) принятіе въ кадетскіе корпуса исключительно однихъ дворянскихъ дѣтей; 8) предоставленіе дворянству бо́льшей свободы въ учрежденіи маіоратовъ; 9) учрежденіе въ средѣ дворянскихъ корпорацій суда чести для разбора поступковъ, предосудительныхъ для благороднаго человѣка; 10) отмѣна или ограниченіе того порядка, въ силу котораго права дворянства пріобрѣтаются чинами и орденами, и 11) предоставленіе дворянскимъ корпораціямъ ходатайствовать о пожалованіи дворянства лучшимъ людямъ изъ другихъ сословій.—Всю эту программу цѣликомъ поддерживали только немногіе фанатики сословности; „политичное“ большинство сосредоточивало свои усилія на отдѣльныхъ ея пунктахъ, наиболѣе важныхъ. Эта тактика увѣнчалась успѣхомъ. Безслѣдно прозвучали только явно несбыточныя мечты (освобожденіе дворянъ отъ воинской повинности, „избавленіе“ ихъ отъ суда присяжныхъ); явные плеоназмы (учрежденіе дворянскихъ судовъ чести, совершенно ненужное въ виду права, и безъ того уже принадлежащаго дворянскимъ собраніямъ по ст. 158 и 159 дѣйствующихъ законовъ о состояніяхъ), и предложенія, по которымъ не было единодушія въ средѣ самихъ прожектеровъ (затрудненіе пріобрѣтенія дворянства). Тѣмъ больше, зато, было достигнуто на другихъ путяхъ, намѣченныхъ практичными руками. Земское положеніе 1890-го года предоставило дворянству господствующее мѣсто въ земскихъ собраніяхъ; положеніе о земскихъ начальникахъ обезпечило за нимъ исключительное право на занятіе важнѣйшихъ должностей по мѣстному управленію; учрежденіе дворянскаго земельнаго банка, вмѣстѣ съ цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ мѣръ, даровало помѣщикамъ-дворянамъ, и только имъ однимъ, дешевый, очень дешевый кредитъ; циркуляръ министра народнаго просвѣщенія (1887 г.) затруднилъ для не-дворянъ доступъ въ среднія учебныя заведенія; въ кадетскіе корпуса, за немногими исключеніями, принимаются только дворянскія дѣти; вопросъ о предоставленіи дворянамъ бо́льшей свободы въ учрежденіи маіоратовъ давно поставленъ на очередь, и остается неразрѣшеннымъ только потому, что еще не найдена наиболѣе удобная форма и норма заповѣдности. И что́ же? Ни одно изъ завоеваній, совершившихся или ожидаемыхъ въ ближайшемъ будущемъ, не удовлетворяетъ ревнителей „дворянскаго интереса“. Возьмемъ, для примѣра, программу „бывшаго предводителя дворянства“,

Digitized by Google

напечатанную недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ [1]) и вызвавшую множество сочувственныхъ, даже восторженныхъ отзывовъ со стороны его единомышленниковъ. Вліяніе дворянства въ земствѣ должно быть усилено или, еще лучше, земство должно быть вовсе упразднено, съ передачей всѣхъ его дѣлъ въ руки администраціи и представителей помѣстнаго дворянства; предводителямъ дворянства и земскимъ начальникамъ долженъ быть ввѣренъ надзоръ за дѣятельностью общественныхъ (читай: *земскихъ*) уѣздныхъ органовъ; рядомъ со штатными земскими начальниками должны быть поставлены земскіе начальники сверхштатные или почетные; губернаторами и вице-губернаторами должны быть назначаемы преимущественно лица, не менѣе двухъ трехлѣтій прослужившія земскими начальниками или предводителями дворянства; условія кредита въ дворянскомъ банкѣ должны быть сдѣланы еще болѣе льготными; продажа дворянскихъ имѣній съ публичнаго торга должна стать юридически или фактически невозможной; на государственный счетъ должны быть учреждены спеціально-дворянскіе лицеи, институты и кадетскіе корпуса; дворянскія имѣнія должны быть объявлены не подлежащими отчужденію въ не-дворянскія руки и недробимыми ниже извѣстнаго предѣла. Дальше, повидимому, идти некуда; можно было думать, что эта безцеремонно требовательная программа — послѣднее слово, крайнее выраженіе разгорѣвшихся сословныхъ аппетитовъ. Не то, однако, мы видимъ на самомъ дѣлѣ. Въ №№ 108 и 109 „Московскихъ Вѣдомостей“ напечатана статья г. М. К. П., также, судя по нѣкоторымъ признакамъ, бывшаго (уѣзднаго) предводителя дворянства. Печалясь о томъ, что во многихъ уѣздахъ число помѣстныхъ дворянъ опустилось до незначительной цифры, затрудняющей замѣщеніе сословно-дворянскихъ должностей, г. М. К. П. выступаетъ, нимало не колеблясь, съ проектомъ, безпримѣрнымъ по своей смѣлости: онъ предлагаетъ *изпомъстить*, въ такъ называемыхъ дворянскихъ губерніяхъ (т.-е. въ 350, приблизительно, уѣздахъ) *четыре тысячи* дворянскихъ семействъ (по двѣнадцати на уѣздъ), т.-е. пріобрѣсти для каждаго изъ нихъ на казенный счетъ заповѣдное имѣніе цѣною въ 250 тысячъ рублей, съ затратой, всего, *милліарда* рублей!

Присмотримся поближе къ мотивировкѣ этого предложенія [2]), во многихъ отношеніяхъ любопытной и характеристичной. „Всякая величина — говоритъ г. М. К. П. — относительна, и цифра милліардъ не

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 3 „В. Европы“ за текущій годъ.

[2]) Прежде чѣмъ появиться въ печати, предложеніе г. М. К. П. было изложено имъ въ письмѣ, написанномъ „по должности“—вѣроятно, на имя губернскаго предводителя дворянства, какъ отвѣтъ на запросъ Совѣщанія, учрежденнаго Высочайшимъ рескриптомъ 13-го апрѣля 1897 г.

Digitized by Google

должна смущать и поражать при наличности многихъ милліардовъ, въ которые исчисляются жертвы и потери, понесенныя дворянствомъ при великомъ и достойномъ дѣлѣ отмѣны крѣпостной зависимости. Если изъ этихъ милліардовъ взять хоть одинъ видъ потери, а именно потерю дворянства на выкупной операціи, то получатся слѣдующія цифры: если брать за норму оброка 9 р., то, капитализируя его изъ 5%, больше чего ни одной процентной бумагѣ давать, даже тогда, не полагалось, получился бы капиталъ 180 р. Оброкъ этотъ былъ капитализированъ изъ 6%, то-есть, вмѣсто 180 р., за крестьянскій надѣлъ выдавалось владѣльцу-дворянину 150 р.; потери—30 р. За обязательный выкупъ (обязательность эта предполагалась для крестьянъ, но на дѣлѣ она въ большинствѣ примѣнялась къ владѣльцамъ, которымъ, не получая оброка, буквально ѣсть иногда нечего было) полагалась съ этихъ 150 р. скидка въ 20%, то-есть еще 30 руб. Оставшіеся 120 р. получались не деньгами, въ кредитныхъ билетахъ, а процентными бумагами (выкупными свидѣтельствами), курсъ которыхъ бывалъ менѣе 70 р. за 100 р. Слѣдовательно, и на оставшіеся 120 р. приходилось потери еще 40 р., а всего на каждый душевой крестьянскій надѣлъ дворянинъ-владѣлецъ терялъ до 100 р. Если считать до 13 милліоновъ выкупленныхъ у дворянъ крестьянами душевыхъ надѣловъ, то первые понесли потери только на этой чисто-финансовой операціи около милліарда трехсотъ милліоновъ руб. Потерю эту къ числу жертвъ, на которыя, съ такимъ желаніемъ исполнить волю Государя, изъявило готовность дворянство, причислить нельзя, хотя жертвы эти, несомнѣнно, исчисляются многими милліардами. Потеря этого почти полутора милліарда явилась результатомъ комбинацій финансовыхъ, банковыхъ, биржевыхъ, спекулятивныхъ, при которыхъ удрученные, сидящіе иногда безъ куска хлѣба по деревнямъ, дворяне-владѣльцы были рѣшительно ни при чемъ. Въ шестидесятыхъ годахъ бюджетъ Имперіи былъ около полумилліарда. Нынѣ онъ быстро достигаетъ, если уже не достигъ, полутора милліарда, то-есть утроился, прибавился на милліардъ. Со всякою вѣроятностью можно предположить, что милліарды имущества родового, пріобрѣтеннаго, жалованнаго, отданнаго дворянствомъ государству, значительно послужили росту финансовой его силы. Потому милліардъ, потребный на созданіе и изпомѣщиваніе служилаго сословія въ потребномъ для государства числѣ, какъ цифра, не долженъ представлять ничего поражающаго, тѣмъ болѣе если онъ будетъ расходуемъ не сразу, а постепенно, въ нѣсколько лѣтъ".

Мы навѣрное не ошибемся, если скажемъ, что еще не такъ давно, лѣтъ 10—15 тому назадъ, появленіе въ печати такого проекта, съ такими мотивами, было совершенно немыслимо. Нужно было сначала

Digitized by Google

потерять, въ шествіи отъ успѣха къ успѣху, всякое чувство сдержанности и мѣры, всякое сознаніе границы, отдѣляющей общенародные, общегосударственные интересы отъ интересовъ небольшой группы, далеко не совпадающей даже съ тѣмъ сословіемъ, самозванною представительницею котораго она выступаетъ. Извращеніемъ истины представляется уже исходная точка автора — исчисленіе убытковъ, которые понесло дворянство отъ выкупной операціи. По его мнѣнію, капитализировать оброкъ слѣдовало не изъ 6, а изъ 5%, на томъ основаніи, что „больше ни одной процентной бумагѣ даже тогда давать не полагалось". Какъ! Развѣ мало было въ обращеніи, и въ шестидесятыхъ годахъ, и позже, шестипроцентныхъ закладныхъ листовъ земельныхъ банковъ? Развѣ пятипроцентные государственные займы не реализировались сплошь и рядомъ по такой цѣнѣ, которая приближала ихъ, фактически, къ шестипроцентнымъ? Развѣ еще недавно нельзя было сказать того же самаго о пятипроцентныхъ облигаціяхъ городскихъ кредитныхъ обществъ?... Продолженіе соотвѣтствуетъ началу. Разсчетъ убытковъ отъ выкупной операціи дѣлается такъ, какъ будто бы выкупъ *всегда* производился по одностороннему требованію помѣщика, т.-е. съ потерей 20%; между тѣмъ изъ 61 тыс. выкупныхъ сдѣлокъ, совершенныхъ до 1877 г., около $21^1/_2$ тыс. (т.-е. слишкомъ одна треть) состоялось по обоюдному соглашенію съ крестьянами. Предполагается, дальше, что *всѣ* выкупныя свидѣтельства проданы лицами, ихъ получившими, по 70 р. за 100, между тѣмъ какъ не всегда же биржевая цѣна свидѣтельствъ стояла такъ низко, да и не всѣ помѣщики спѣшили съ ихъ распродажей. Число выкупленныхъ душевыхъ надѣловъ опредѣляется г. М. К. П. въ 13 милліоновъ, между тѣмъ какъ по 10-й ревизіи числилось всего около $10^1/_2$ милліоновъ крѣпостныхъ людей мужескаго пола, а выкупныя сдѣлки, утвержденныя по 1 января 1892 г., обнимали собою менѣе $9^1/_4$ милл. ревизскихъ душъ. Невѣрны, слѣдовательно, всѣ основанія разсчета, произведеннаго г. М. К. П. Съ другой стороны, онъ совершенно упустилъ изъ виду общеизвѣстный, оффиціально признанный фактъ *преувеличенности выкупныхъ платежей*, т.-е. несоотвѣтствія ихъ съ дѣйствительною цѣнностью земли, поступившей въ надѣлъ крестьянамъ [1]). Если принять его въ соображеніе, то придется, пожалуй, говорить не о милліардѣ убытковъ, а о многомилліонномъ барышѣ помѣщиковъ... Выкупъ земли, даже тамъ, гдѣ она была оцѣнена не слишкомъ высоко, былъ необходимъ въ особенности для помѣщиковъ; они сами къ нему стремились—а создать для него болѣе благопріятныя финансо-

[1]) Это несоотвѣтствіе привело, въ 1881 г., къ значительному пониженію выкупныхъ платежей, какъ общему, такъ и спеціальному.

Digitized by Google

выя условія было тогда не по силамъ правительству, постоянно испытывавшему на себѣ самомъ всѣ неудобства дорогого кредита. Ничего другого не могли придумать и владѣльцы, „сидѣвшіе по деревнямъ“— иначе они конечно не преминули бы огласить свое изобрѣтеніе, и въ ряду поводовъ или предлоговъ къ ретроспективнымъ жалобамъ фигурировало бы теперь невниманіе администраціи къ мудрому совѣту... Допустимъ, однако, вопреки очевидности и правдѣ, что дворянство понесло, при выкупѣ и вслѣдствіе выкупа, милліардную потерю; въ чемъ же заключаются другія его *жертвы*, оцѣняемыя М. К. П. во *многіе милліарды?* Очевидно—въ потерѣ выгодъ, которыя ему доставляла личная власть надъ крѣпостными! Но вѣдь на *выкупъ личности*, т.-е. на вознагражденіи помѣщиковъ за отмѣну собственно крѣпостного права, не настаивали прямо, во время подготовки освобожденія, даже самые рьяные крѣпостники — а въ скрытой формѣ такое вознагражденіе было получено помѣщиками въ видѣ болѣе высокой оцѣнки первыхъ двухъ десятинъ надѣла. *Громадность* жертвъ, понесенныхъ помѣщиками при эманципаціи крестьянъ—въ сущности такой же миѳъ, какъ и добровольная ихъ готовность къ жертвамъ; пора было бы исключить какъ тотъ, такъ и другой изъ исторіи крестьянской реформы. Болѣе чѣмъ странно, во всякомъ случаѣ, говорить о „милліардахъ имущества, *отданныхъ* дворянствомъ государству и послужившихъ значительному росту его финансовой силы“. Не *милліардами*, во-первыхъ, слѣдуетъ опредѣлять цѣнность земель, перешедшихъ въ надѣлъ крестьянамъ, если общая сумма выкупныхъ ссудъ составляла къ 1-му января 1892 г. около 886½ милліоновъ рублей, т.-е. не доходила даже до одного милліарда. Не *отданы государству* были, во-вторыхъ, надѣльныя земли, а *взяты государствомъ для крестьянъ*, во имя государственнаго и народнаго блага. Поступивъ не въ распоряженіе государства, онѣ не могли, въ-третьихъ, *увеличить его финансовыя силы*; на возрастаніе послѣднихъ освобожденіе крестьянъ съ землею повліяло только косвенно, въ той мѣрѣ, въ какой свободный трудъ производительнѣе крѣпостного. Вся аргументація г. М. К. П. сводится, такимъ образомъ, къ нѣсколькимъ ошибочнымъ цифрамъ и нѣсколькимъ неискуснымъ софизмамъ. Но этого мало: въ основаніи самой мѣры, имъ рекомендуемой, лежитъ вопіющая несправедливость. Вознагражденіе за убытокъ понятно только тогда, когда оно идетъ въ пользу самого потерпѣвшаго или его правопреемниковъ. Сколько ни возбуждалъ въ свое время основательныхъ возраженій милліардъ вознагражденія эмигрантамъ, уплаченный во Франціи въ 1825 г., онъ удовлетворялъ по меньшей мѣрѣ этому элементарному условію, а именно: имъ воспользовались только бывшіе собственники имѣній, конфискованныхъ въ революціонную эпоху, или ихъ потомки. Ничего подобнаго въ „про-

Digitized by Google

жектѣ" г. М. К. П. мы не видимъ: потери однихъ, дѣйствительныя или мнимыя, онъ предлагаетъ возмѣстить другимъ, хотя бы и ничего не потерявшимъ. Отправляясь отъ предположенія, что нѣсколько десятковъ тысячъ семействъ получили за отобранныя отъ нихъ земли меньше ихъ настоящей стоимости, онъ усматриваетъ въ этомъ достаточный поводъ къ *обогащенію* нѣсколькихъ тысячъ семействъ, хотя бы и не имѣющихъ ничего общаго съ первыми. Получается, такимъ образомъ, разсужденіе въ родѣ слѣдующаго: А. потерпѣлъ убытокъ въ сто рублей—ergo, Б. имѣетъ право на „воспособленіе" въ размѣрѣ десяти тысячъ рублей. Логика, очевидно, совсѣмъ особеннаго сорта. Не въ логикѣ, впрочемъ, здѣсь и сила: весь разсчетъ убытковъ, сопряженныхъ, будто бы, съ выкупной операціей—чистѣйшая фантасмагорія, подъ прикрытіемъ которой проводится мысль о созданіи, на казенный (т.-е. народный) счетъ, земельной псевдо-аристократіи. Руководствуясь изреченіемъ: quand on prend du galon, on n'en saurait trop prendre, г. М. К. П. не хочетъ и думать о какихъ-нибудь скромныхъ „недѣлимыхъ участкахъ", достаточныхъ для обезпеченія скромнаго существованія; онъ рекомендуетъ одновременное, искусственное образованіе четырехъ тысячъ *крупныхъ* заповѣдныхъ имѣній, стоющихъ каждое не менѣе двухсотъ пятидесяти тысячъ рублей, Какіе горизонты это открываетъ передъ искателями фортуны, какія золотыя горы сулитъ знаменоносцамъ дворянскаго принципа! Конечно, ежедневный опытъ удостовѣряетъ, что имеино крупные землевладѣльцы рѣже всего принимаютъ личное участіе въ мѣстномъ управленіи, меньше всего способствуютъ поднятію уровня мѣстной жизни; конечно, нѣтъ недостатка и въ фактахъ, свидѣтельствующихъ о безплодности цѣнныхъ земельныхъ подарковъ (пожалованія въ уфимской губерніи и сѣверномъ Кавказѣ, маіораты въ царствѣ польскомъ)—но до всего этого гг. прожектерамъ нѣтъ дѣла, и ихъ расходившееся перо сразу требуетъ милліарда рублей, для созданія нѣсколькихъ тысячъ новыхъ твердынь дворянскаго землевладѣнія. Само собою разумѣется, что объ удовлетвореніи такихъ безумныхъ требованій не можетъ быть и рѣчи; но и въ безуміи бываетъ иногда система, и въ горячечномъ бредѣ слышится иногда отголосокъ обдуманной мысли. Фантазіи г. М. К. П. и К° — это выпуклое зеркало, отражающее, въ болѣе или менѣе извращенномъ или преувеличенномъ видѣ, вполнѣ реальныя тенденціи. Знаменательно, поэтому, уже самое появленіе ихъ въ печати; прежде подобные прожекты оставались въ рукописи и разсылались только власть имѣющимъ лицамъ, застѣнчиво сторонясь отъ дневного свѣта...

Не зная ни мѣры, ни предѣла для своихъ домогательствъ, самозванные адвокаты дворянства постоянно оправдываютъ ихъ ссылкою на интересы государства и народа; даже затрату милліарда на „изпо-

Digitized by Google

мѣщеніе" дворянскихъ семействъ г. М. К. П. имѣетъ смѣлость называть „неотложною государственною потребностью", неразрывно связанною съ „укрѣпленіемъ внутрѣняго строя государства". Насъ хотятъ увѣрить, что рѣчь идетъ вовсе не о поддержкѣ отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ, а о поддержкѣ дворянства, какъ сословія, необходимаго для правильнаго развитія государственной жизни. Натянутость и неискренность такого distinguo бросается въ глаза. Оно опровергается, прежде всего, новѣйшей исторіей дворянскаго вопроса. Еще недавно всѣ усилія нашихъ „сословниковъ" были направлены именно къ сохраненію дворянскихъ имѣній въ рукахъ настоящихъ ихъ собственниковъ; именно съ этою цѣлью требовалось и отчасти достигалось все бо̀льшее и бо̀льшее удешевленіе спеціально-дворянскаго земельнаго кредита, выгодное не для дворянства вообще, а только для должниковъ—въ особенности для неисправныхъ должниковъ—дворянскаго банка. Не прекращаются подобныя требованія и теперь—но, въ виду явно неблагопріятныхъ результатовъ даже до-нѣльзя удешевленнаго кредита, къ нимъ присоединяются новыя притязанія, повидимому (только повидимому) менѣе личнаго характера. „Для возстановленія государственнаго значенія дворянскаго сословія"—говорится въ одной изъ безчисленныхъ статей, посвященныхъ модной темѣ—„нужна, во-первыхъ, извѣстная площадь земель, принадлежащихъ потомственнымъ дворянамъ, во-вторыхъ—извѣстное число дворянскихъ родовъ. Съ государственной точки зрѣнія представляется второстепеннымъ вопросъ о томъ, какіе именно будутъ эти дворянскіе роды. Конечно, лучше всего было бы, еслибъ это были тѣ же роды, которые владѣли своими помѣстьями искони. Но если суждено было быть иному, если суждено было, чтобы часть дворянскихъ родовъ, владѣвшая помѣстьями, уступила свое мѣсто другимъ дворянскимъ же родамъ, съ государственной точки зрѣнія не остается ничего болѣе, какъ помириться съ подобнымъ переходомъ. Самое важное, что̀ не должно быть допущено—это обезземеленіе сословія, переходъ дворянскихъ помѣстій въ руки представителей другихъ сословій".—Итакъ, *всего лучше* сохранить дворянскія имѣнія за нынѣшними ихъ владѣльцами: изъ этого положенія легко вывести цѣлый рядъ мѣръ, благопріятныхъ именно для отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ. Если нѣкоторые изъ нихъ, безнадежно ослабѣвшіе, предоставляются, наконецъ, на произволъ судьбы и теряютъ, вмѣстѣ съ принадлежностью къ помѣстному дворянству, „право" на особую заботливость государства, то вмѣсто нихъ немедленно пріобрѣтаютъ это право другіе, опять-таки нуждающіеся въ помощи—и такъ далѣе до безконечности. Общее количество земель, состоящихъ во владѣніи дворянъ, за послѣднее время уменьшилось; между тѣмъ, „нужна извѣстная площадь дворянской земли"; ergo—

Digitized by Google

для ея расширенія можно и должно обратиться къ земельнымъ раздачамъ, хотя бы и не въ столь колоссальныхъ размѣрахъ, какъ проектируетъ г. М. К. П. Другими словами, можно и должно облагодѣтельствовать, на государственныя средства, болѣе или менѣе многочисленную серію дворянскихъ семействъ. Къ тому же выводу направлена, очевидно, и другая основная посылка сословнической теоріи: *нужно извѣстное число дворянскихъ помѣстныхъ родовъ*. Какими бы софизмами ни маскировались сословническія вожделѣнія, послѣднимъ ихъ словомъ, высказаннымъ или невысказаннымъ, остается обогащеніе однихъ на счетъ другихъ. Ничего иного и быть не можетъ, когда предметомъ усилій является искусственное укрѣпленіе небольшой группы, не находящей въ самой себѣ достаточныхъ силъ ни для удержанія пріобрѣтенныхъ благъ, ни для новыхъ пріобрѣтеній.

Другая формула, придуманная, въ послѣднее время, какъ благовидное прикрытіе для эгоистическихъ стремленій, заключается въ томъ, что способъ рѣшенія дворянскаго вопроса, предлагаемый ультрадворянскими публицистами, создаетъ для дворянства не новыя *привилегіи*, а новыя *обязанности*. „Не льготы даетъ государство дворянамъ“,—читаемъ мы въ статьѣ, озаглавленной: „Привилегія или обязанность“ („Московскія Вѣдомости“ № 86);—„нѣтъ, оно требуетъ отъ нихъ извѣстной службы и даетъ имъ только средства выполнять эту службу извѣстнымъ образомъ... Дворянство нужно государству, и государство вправѣ налагать на дворянское сословіе всѣ тяготы, сопряженныя съ поддержаніемъ этого сословія и съ несеніемъ имъ извѣстной государственной службы“. Въ чемъ же заключаются, однако, эти тяготы? Указывается газетой только одна—неудобство, связанное съ неотчуждаемостью дворянскаго имѣнія въ не-дворянскія руки. Безспорно, мыслимы случаи, когда для владѣльца дворянскаго имѣнія выгоднѣе продать его не-дворянину—но вѣдь это случаи исключительные, рѣдкіе, и о предупрежденіи ихъ усердно стараются гг. прожектеры, соединяя съ правомъ собственности на неотчуждаемое имѣніе такія условія, которыя должны значительно поднять его цѣнность [1]). Недробимость дворянскихъ имѣній можетъ оказаться „тяготой“ для младшихъ дѣтей владѣльца, которыхъ она устранитъ отъ участія въ наслѣдствѣ, но отнюдь не для самого наслѣдника, къ которому будетъ вполнѣ примѣнимо нѣмецкое выраженіе: „lachender Erbe“. Больше ничего и не нужно для г.г. прожектеровъ, заботливость которыхъ сосредоточивается на однихъ владѣльцахъ дворянскихъ имѣній; до могущей образоваться категоріи дворянскихъ „изгоевъ“ имъ нѣтъ никакого

[1]) Припомнимъ, напримѣръ, какъ разсуждаетъ по этому предмету г. „Бывшій предводитель дворянства“ (см. Внутр. Обозр. въ № 3 „Вѣстн. Европы“ за текущій годъ, стр. 367—368).

Digitized by Google

дѣла. Что касается до всѣхъ остальныхъ пунктовъ дворянскихъ программъ, то отыскать въ нихъ что-нибудь похожее на *тяготу*—невозможно даже съ помощью самыхъ сильныхъ увеличительныхъ стеколъ или самыхъ безцеремонныхъ толкованій; скажемъ болѣе—въ нихъ нѣтъ даже ничего похожаго на *обязанность*. Никто не предлагаетъ возстановить для дворянъ принципъ обязательной службы или сдѣлать для нихъ обязательнымъ хотя бы участіе въ земскомъ избирательномъ съѣздѣ, въ дворянскомъ собраніи; никто не предлагаетъ запретить имъ отказъ отъ исполненія функцій почетнаго земскаго начальника; никто не предлагаетъ помѣщать ихъ дѣтей въ спеціально-дворянскія учебныя заведенія помимо желанія или вопреки волѣ родителей; никто не предлагаетъ *требовать* отъ нихъ залога имѣнія въ дворянскомъ банкѣ или развитія въ имѣніи какихъ-либо сельскохозяйственныхъ промысловъ. Вездѣ и всегда идетъ рѣчь только о преимущественномъ или исключительномъ правѣ, т.-е. о привилегіи—о *правѣ* на единовластіе въ земствѣ, о *правѣ* на занятіе извѣстныхъ должностей, о *правѣ* на льготный кредитъ и на облегченія въ устройствѣ промышленныхъ заведеній, о *правѣ* на воспитаніе дѣтей въ спеціально-дворянскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Формула: *не привилегія, а обязанность*—выражаетъ собою не дѣйствительное содержаніе ультрадворянскихъ программъ, а только желаніе ихъ составителей затемнить или пріукрасить настоящій смыслъ домогательствъ, непривлядность которыхъ сознается или чувствуется ими самими.

Очень яркой иллюстраціей къ вопросу: „привилегія или обязанность?“ можетъ служить открытое письмо астраханскаго губ. предводителя дворянства, г. Хлѣбникова, къ орловскому, г. Стаховичу, разъясненное и дополненное обычными глашатаями дворянскихъ притязаній. Г-нъ Стаховичъ высказался за образованіе дворянскихъ дѣтей въ всесословной школѣ; г. Хлѣбниковъ стоитъ, наоборотъ, за спеціально-дворянскія, и притомъ закрытыя учебныя заведенія—лицеи для мальчиковъ и юношей, институты для дѣвочекъ и дѣвушекъ. Предназначенныя для воспитанія „всего будущаго служилаго сословія“ (и его матерей), эти учебныя заведенія составляютъ „государственную потребность“ и, слѣдовательно, должны быть содержимы на государственный счетъ. Въ всесословной школѣ „ослабѣваютъ традиціи дворянскаго сословія, внушенныя въ дѣтствѣ, вѣра въ Бога, безграничная преданность самодержавной неограниченной власти царя и безпредѣльная любовь къ родинѣ“; часть юношей, выходя изъ такой школы, „дѣлаются безучастными къ завѣтамъ дворянскаго сословія“. Комментируя мысль г. Хлѣбникова, кн. Д. Оболенскій выражаетъ желаніе,

Digitized by Google

чтобы дворянство „съ дѣтства получало и понятія, и идеалы—иные, чѣмъ мастеровые, цеховые и другіе разночинцы и торговый людъ". Къ этому взгляду примыкаетъ и г. Бодиско, наивно утверждая, что такъ какъ *всѣ* школы не могутъ быть *лучшими*, то пускай же лучшими будутъ спеціально-дворянскія, служащія разсадникомъ лучшихъ служилыхъ людей. Дальше слѣдуютъ варіаціи на тему „всякъ сверчокъ знай свой шестокъ", точно цѣликомъ заимствованныя изъ Щедринской сатиры: „земледѣлецъ долженъ заниматься своимъ дѣломъ, купецъ—торговлей, духовенство — церковью, дворянство—службой". Редакція газеты, гостепріимно открывающей свои столбцы гг. Хлѣбникову, Бодиско и кн. Оболенскому, вноситъ только одну поправку къ ихъ аргументаціи: она напоминаетъ, что „о различномъ *духовномъ воспитаніи* для простонародья и аристократіи, для бѣдныхъ и богатыхъ не можетъ быть и рѣчи"—но спѣшитъ уничтожить дѣйствіе этихъ словъ, допуская различное *гражданское* или *сословно-гражданское воспитаніе*. „Крестьянскій мальчикъ или сынъ разночинца не нуждается во многомъ изъ того, что̀ должно давать сословно-гражданское воспитаніе дворянству... У крестьянина, мастерового, купца, разночинца существуетъ вѣрноподданническій долгъ, но въ самой простой, элементарной формѣ, на ряду съ ихъ профессіональными или классовыми обязанностями, для исполненія которыхъ имъ такъ же необходима спеціальная подготовка, и никто не сомнѣвается въ томъ, что успѣшное выполненіе этихъ обязанностей зависитъ отъ цѣлесообразной постановки сословно-воспитательнаго дѣла. Откуда же возникаютъ подобныя сомнѣнія относительно сословнаго воспитанія дворянъ"?..

Разберемся въ этомъ циклѣ разсужденій, то грубо идущихъ на проломъ къ намѣченной цѣли, то скользящихъ къ ней окольными путями. Что признаніе за дворянами права безвозмезднаго воспитанія ихъ дѣтей въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на государственный счетъ, равносильно, само по себѣ, *привилегіи*, весьма цѣнной для однихъ и весьма обременительной для другихъ—этого не станутъ отрицать и сами прожектеры, оправдывающіе свое требованіе государственною необходимостью, т.-е. тою мнимою raison d'état, ради которой такъ часто приносилась и приносится въ жертву правда и справедливость. За первой привилегіей скрывается другая, несравненно болѣе важная. Если дѣятельность каждаго русскаго подданнаго предопредѣляется безповоротно сословіемъ, къ которому онъ принадлежитъ по рожденію, если постановка „сословно-воспитательнаго дѣла" должна быть такова, чтобы крестьянинъ готовился только къ обработкѣ земли, мѣщанинъ—только къ занятію ремесломъ, купеческій сынъ—только къ торговлѣ (о разночинцѣ мы здѣсь не упоми-

Digitized by Google

наемъ, потому что для насъ неясно, въ чемъ заключаются предназначенныя ему въ сословнической программѣ „профессіональныя и классовыя обязанности"), если все будущее служилое сословіе, „по всему гражданскому вѣдомству", должно выходить изъ спеціально-дворянскихъ учебныхъ заведеній, то это значитъ, что для всѣхъ не-дворянъ долженъ быть безусловно закрытъ доступъ къ государственной службѣ (за исключеніемъ, развѣ, низшихъ административныхъ должностей, для которыхъ не найдется достаточнаго числа кандидатовъ изъ дворянъ, и которыя, по мысли прожектеровъ, должны, вѣроятно, составить удѣлъ разночинцевъ). И этого еще мало: такъ какъ гимназіи имѣютъ главною цѣлью приготовленіе въ университетъ, а университеты готовятъ, между прочимъ, къ государственной службѣ, то послѣдовательность требуетъ упраздненія всѣхъ или почти всѣхъ гимназій, съ замѣною ихъ дворянскими лицеями, и закрытія, по меньшей мѣрѣ, юридическихъ факультетовъ, съ соотвѣтствующимъ увеличеніемъ числа или состава высшихъ привилегированныхъ учебныхъ заведеній (въ родѣ училища правовѣденія или александровскаго лицея). Остальные факультеты могутъ уцѣлѣть только потому, что едва ли между дворянами найдется достаточное число охотниковъ на должности врачей и учителей. Привилегіей, такимъ образомъ, должна сдѣлаться государственная служба, привилегіей — высшее и даже общее среднее образованіе... Весьма можетъ быть, что отъ логическихъ выводовъ изъ ультра-дворянскихъ предпосылокъ отрекутся сами проповѣдники сословности—но въ такомъ случаѣ они должны отречься и отъ всей своей системы. Стоитъ только признать, что полезными дѣятелями государственной службы могутъ быть и не-дворяне, что хорошую подготовку къ этой службѣ можетъ дать и всесословная школа—и отъ всей постройки, хлопотливо возводимой гг. Хлѣбниковымъ и К°, не останется камня на камнѣ. Идя въ разрѣзъ съ указаніями опыта, съ лучшими завѣтами прошлаго, даже съ существующимъ общественнымъ строемъ, дворянскіе „прожекты" свидѣтельствуютъ съ одинаковой ясностью о безпредѣльномъ эгоизмѣ и о безнадежной близорукости ихъ авторовъ. У печати, поддерживающей прожектеровъ, къ этимъ двумъ свойствамъ присоединяется еще одно: безцеремонность въ выборѣ средствъ для борьбы съ противниками. Одна изъ статей, направленныхъ противъ г. Стаховича, оканчивается, напримѣръ, слѣдующими словами: „несмотря на свою *открыто-демократическую* проповѣдь, г. Стаховичъ считаетъ себя не демократомъ, а вѣрноподданнымъ самодержавнаго царя; онъ, очевидно, не понимаетъ, что своею проповѣдью играетъ въ руку либераламъ (?!), т.-е. злѣйшимъ врагамъ самодержавія"... „Серьезною, дѣловитою и нравственно-доблестною частью дворянскаго сословія" признается только та, въ средѣ кото-

Digitized by Google

рой „дворянскій вопросъ не возбуждаетъ, въ принципѣ, никакихъ разногласій",—другими словами, та, которая послушно шествуетъ за своими вожаками и слѣпо подчиняется ихъ mots d'ordre. „Иначе обстоитъ дѣло"—провозглашается съ той же каѳедры—„въ *партійной* сферѣ отдѣльныхъ группъ дворянства, гдѣ, за отсутствіемъ единой, ясной, опредѣленной пользами государства идеи, находятъ себѣ мѣсто теоріи и доктрины личнаго и произвольнаго характера. Среди этихъ доктринъ демократизмъ всесословности и аристократизмъ какихъ-то олигархическихъ вожделѣній перемѣшиваются въ невообразимый хаосъ, *неизбѣжно наступающій* съ водвореніемъ *общественной* иниціативы въ той области вопросовъ, обнимающихъ пользы и нужды *общенародныя*, которая по своему существу предназначается исключительно вѣденію высшей правительственной власти и разрѣшенію съ точки зрѣнія пользы и потребностей общегосударственныхъ". Въ неясной и запутанной формѣ и здѣсь выражена все та же мысль объ „ограниченномъ разумѣ подданныхъ", которую уже не разъ пыталась пустить въ оборотъ наша реакціонная пресса. На какомъ основаніи „партійной" признается лишь та часть дворянъ, которая мыслитъ не по шаблону? На какомъ основаніи вопросы, „обнимающіе общенародныя пользы и нужды", изъемлются изъ обсужденія не только обыкновенными смертными, но даже привилегированнымъ сословіемъ? На какомъ основаніи пассивное единодушіе,—распространяющееся, притомъ, только на *часть* дворянства,—ставится выше разнообразія мнѣній, изъ столкновенія которыхъ, по старинной, но глубоко вѣрной поговоркѣ, вытекаетъ истина? На всѣ эти вопросы можетъ быть данъ только одинъ отвѣтъ: „страшно вѣрная", говоря словами поэта, „преданьямъ рабства", реакціонная печать считаетъ русское общество все еще не доросшимъ до права „свое сужденіе имѣть"—и обращаетъ эту мнимую незрѣлость въ боевое орудіе противъ идей, не снабженныхъ оффиціальнымъ или оффиціознымъ штемпелемъ благонамѣренности.

Чтобы окончательно убѣдиться въ тщетѣ ультра-дворянскихъ притязаній, посмотримъ, какую форму они принимаютъ въ устахъ сравнительно-умѣреннаго защитника сословности. Въ обширной статьѣ, напечатанной въ „Новомъ Времени" (№№ 7937, 7938 и 7939), К. Ѳ. Головинъ старается доказать съ одной стороны необходимость, съ другой—справедливость и цѣлесообразность государственной помощи помѣстному дворянству. Помощь, по его словамъ, „нужна не въ видѣ только подачекъ (слѣдовательно она нужна, *между прочимъ*, и въ этомъ видѣ?), не въ видѣ скидки какого-нибудь полупроцента платежей дворянскому банку; она должна коснуться самаго корня вопроса—несоотвѣтствія между рентою и капитальною стоимостью земли, чтобы, съ одной стороны, поднять средства къ жизни ея владѣльца, съ дру-

Digitized by Google

гой—отнять у него поводъ къ отчужденію земли". Мѣры, предлагаемыя г. Головинымъ для достиженія этой цѣли, распадаются на двѣ группы: одна изъ нихъ имѣетъ въ виду интересы *всего* землевладѣнія (распространеніе сельско-хозяйственныхъ знаній, возможность дешево пріобрѣтать земледѣльческія орудія, племенной скотъ и лучшія сѣмена, упорядоченіе хлѣбной торговли и перевозки зерна, устройство правительственнаго контроля надъ экспортомъ хлѣба, урегулированіе перевозочныхъ тарифовъ, дешевый краткосрочный кредитъ); другая—касается только землевладѣльцевъ-дворянъ. Къ этой послѣдней категоріи г. Головинъ относитъ, прежде всего, требованіе службы въ провинціи, какъ необходимаго условія для полученія штатной должности въ столицѣ. „Одна изъ несомнѣнныхъ причинъ бѣгства помѣщичьяго класса изъ деревни"—говоритъ г. Головинъ,—„заключается въ малой привлекательности, скажу болѣе—безнадежности этой службы. Выборныя земскія должности стоятъ какъ бы въ сторонѣ отъ общаго механизма управленія—я не хочу сказать на дурномъ счету,—и случаи привлеченія изъ нихъ на службу по одному изъ министерствъ можно пересчитать по пальцамъ. Не говоря уже о другихъ мелкихъ правительственныхъ должностяхъ, земскіе начальники остаются совершенно въ забвеніи у центральнаго вѣдомства, къ которому принадлежатъ, и повышенія имъ не предстоитъ почти никогда. Не удивительно, что молодыхъ дворянъ, получившихъ высшее образованіе, не тянетъ на мѣстную службу, выходъ откуда запертъ почти герметически. Исключеніе, правда, составляютъ предводители. Но предводитель всего одинъ на уѣздъ, и нужно имѣть довольно крупныя средства для занятія этой должности. Выходитъ, что все молодое, образованное тянется изъ провинціи въ Петербургъ, и тамъ, состоя при разныхъ канцеляріяхъ, въ ожиданіи будущихъ благъ, обучается тонкостямъ оффиціальнаго слога и составленію безполезныхъ многорѣчивыхъ бумагъ. Отъ этого происходитъ вредъ двоякій: въ провинціи почти никого не остается, а въ Петербургѣ образуется наплывъ ненужныхъ силъ, которыя, вдобавокъ, развращаются, готовясь къ управленію страной путемъ полнаго незнакомства съ нею и бюрократическаго многописанія. Совершенно было бы иначе, еслибы отъ провинціальныхъ должностей къ столичнымъ шелъ постоянный свѣжій притокъ, и штатныя мѣста получались тѣми лишь, кто по крайней мѣрѣ одно трехлѣтіе прослужилъ внѣ Петербурга. Исчезли бы тогда чиновники, говорящіе красиво о вещахъ, которыхъ они вовсе не знаютъ, и презрительно относящіеся къ странѣ, а молодое дворянство служило бы родинѣ въ провинціи и пополняло бы собою земскія собранія"... Съ перваго взгляда это предложеніе можетъ показаться и практичнымъ, и безобиднымъ; но, присмотрѣвшись къ нему поближе, нетрудно замѣтить, что оно

Digitized by Google

направлено къ установленію новой, весьма существенной и столь же несправедливой дворянской привилегіи. Въ самомъ дѣлѣ, открыть доступъ къ штатнымъ должностямъ въ столицѣ только для дворянъ, прослужившихъ нѣкоторое время въ провинціи, значитъ закрыть его для не-дворянъ, хотя бы они соединяли въ себѣ всѣ данныя для успѣшной служебной дѣятельности, въ томъ числѣ и знаніе провинціи, и даже владѣніе землею. Тотъ же, приблизительно, результатъ получился бы, de facto, и въ такомъ случаѣ, еслибы принадлежность къ дворянству не была *прямо* поставлена условіемъ перехода на службу въ столицы: вѣдь провинціальныя должности — кромѣ немногихъ спеціальныхъ (судебныхъ, финансовыхъ) или почти исключающихъ возможность повышенія (полицейскія) — могутъ быть занимаемы, въ настоящее время, только дворянами. Осуществленіе мысли г. Головина повело бы, слѣдовательно, къ такому расширенію дворянскихъ преимуществъ, какого не требуетъ даже программа г. „Бывшаго предводителя дворянства"... Другая мѣра, предлагаемая г. Головинымъ спеціально для дворянства, въ видахъ бо̀льшаго прикрѣпленія его къ землѣ, заключается въ измѣненіи законовъ о родовыхъ имѣніяхъ и въ установленіи предѣла (напр., двойного земскаго избирательнаго ценза), дальше котораго не могло бы быть дробимо дворянское имѣніе. Безспорно, абсолютное запрещеніе завѣщать родовыя имѣнія (при существованіи прямыхъ наслѣдниковъ) не имѣетъ, въ настоящее время, никакой raison d'être; но на какомъ же основаніи его отмѣна или ограниченіе пріурочивается г. Головинымъ къ дворянскому вопросу? Если оно несправедливо и нецѣлесообразно по отношенію къ одной категоріи владѣльцевъ, то на какомъ же основаніи оставлять его въ силѣ для другой? Часто ли, притомъ, дворяне-землевладѣльцы будутъ пользоваться предоставленной имъ свободой завѣщанія? Можно ли сдѣлать эту свободу безграничной, т.-е. не установлять такъ называемой „обязательной доли" каждаго изъ нисходящихъ потомковъ завѣщателя? Какъ совмѣстить, далѣе, предѣльную дробимость дворянскихъ имѣній съ правами младшихъ дѣтей, охрана которыхъ составляетъ, если можно такъ выразиться, сердечную потребность средняго русскаго человѣка? Можно ли сдѣлать имѣніе недробимымъ, не дѣлая его, въ то же время, неотчуждаемымъ (неотчуждаемость дворянскихъ имѣній г. Головинъ признаетъ, очевидно, нежелательною)?.. Послѣднее предложеніе г. Головина направлено къ тому, чтобы усилить притокъ свѣжихъ силъ въ дворянское сословіе, болѣе частымъ пожалованіемъ дворянства за не-служебныя заслуги и предоставленіемъ его землевладѣльцамъ другихъ сословій, подъ условіемъ долговременнаго обладанія землею, образованія и нравственной безупречности. Особенныхъ неудобствъ ни въ томъ, ни въ другомъ мы не видимъ; но странно было

Digitized by Google

бы предполагать, что нѣкоторое увеличеніе числа дворянъ вообще—или даже дворянъ-землевладѣльцевъ въ особенности — сыграетъ существенно важную роль въ усиленіи помѣстнаго дворянства... Аргументація г. Головина безсильна измѣнить выводъ, вытекающій изъ всѣхъ дворянскихъ проектовъ или прожектовъ: искусственная поддержка дворянства или невозможна, или несправедлива—а несправедливая поддержка обращается, въ концѣ концовъ, противъ сословія, которое ею пользуется. Болѣе и болѣе все это, повидимому, сознается даже тѣми, кто считаетъ дворянство „главнымъ, пожалуй еще единственнымъ подходящимъ элементомъ для устройства мѣстнаго самоуправленія и для удовлетворенія элементарныхъ нуждъ мѣстнаго хозяйства". Кн. Друцкой-Сокольнинской, которому принадлежатъ только-что приведенныя слова (см. „С.-Петербургскія Вѣдомости", № 111), не рекомендуетъ ни одной мѣры, которая касалась бы исключительно помѣстнаго дворянства: всѣ свои надежды онъ возлагаетъ на общій подъемъ землевладѣнія, какъ дворянскаго, такъ и не-дворянскаго. Въ томъ же смыслѣ высказывается и г. Вл. Чичеринъ („С.-Петербургскія Вѣдомости" № 130); на такую же точку зрѣнія сталъ и областной сельско-хозяйственный съѣздъ, происходившій недавно въ гор. Орлѣ. Правда, въ постановленной имъ резолюціи идетъ рѣчь о пониженіи ипотечныхъ платежей—но ипотечныхъ платежей *вообще*, къ какому бы сословію ни принадлежалъ плательщикъ; такое же пониженіе признается справедливымъ и по отношенію къ выкупнымъ платежамъ, и мотивъ для обѣихъ мѣръ выставляется одинъ и тотъ же—переходъ отъ серебряной монетной единицы къ золотой. О степени основательности этого мотива возможны различныя мнѣнія, но во всякомъ случаѣ въ немъ нѣтъ ничего сословнаго.

Мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, Высочайше утвержденнымъ 30-го марта 1898 г., при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ образовано совѣщаніе, на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: „1) совѣщаніе есть учрежденіе, которое, не касаясь части исполнительной, обсуждаетъ дѣла, передаваемыя генералъ-губернаторомъ на его разсмотрѣніе; 2) совѣщаніе состоитъ, подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернатора, изъ помощника генералъ-губернатора, помощника его по полицейской части, варшавскаго и другихъ губернаторовъ края, когда послѣдніе находятся въ гор. Варшавѣ, и мѣстныхъ—попечителя учебнаго округа, старшаго предсѣдателя и прокурора судебной палаты, предсѣдателя цензурнаго комитета, начальника штаба военнаго округа, управляющаго канцеляріей генералъ-губернатора и представителей министерствъ финансовъ и земледѣлія и государственныхъ

Digitized by Google

имуществъ; 3) независимо отъ перечисленныхъ въ ст. 2 лицъ, въ совѣщаніе могутъ быть приглашаемы, по распоряженію предсѣдателя, и другія лица, познанія коихъ будутъ признаны полезными, для выясненія обстоятельствъ обсуждаемаго дѣла". Если вѣрить „Московскимъ Вѣдомостямъ", въ привислинскомъ краѣ носились, въ послѣднее время, слухи о какомъ-то „представительномъ собраніи", цѣлью котораго выставлялось ограниченіе генералъ-губернаторской власти. Новый законъ, по словамъ московской газеты, долженъ положить конецъ „праздным разговорамъ". Совѣщаніе, имъ созданное, „не представляетъ ничего новаго, неизвѣстнаго русской административной практикѣ. Коллегіальное совѣщаніе съ подчиненными есть дѣло чистоличнаго усмотрѣнія всякаго администратора. Генералъ Барановъ въ архангельской губерніи, генералъ-губернаторъ баронъ Корфъ въ пріамурскомъ краѣ прибѣгали, для ознакомленія съ мѣстными вопросами, къ несравненно болѣе широкимъ совѣщаніямъ. Въ размѣрахъ болѣе скромныхъ едва-ли найдется хоть одинъ губернаторъ, который не прибѣгалъ бы иногда къ личному разспросу представителей мѣстныхъ сословій по различнымъ предметамъ. Въ виду этого широкаго развитія личнаго общенія начальниковъ русскихъ областей съ подвѣдомственнымъ имъ населеніемъ, можно было бы скорѣе спросить себя, почему въ привислинскомъ генералъ-губернаторствѣ эта мѣра потребовала особой санкціи правительства?" На этотъ вопросъ газета отвѣчаетъ слѣдующей догадкой: „Мѣра, въ другихъ областяхъ обыкновенно принимаемая мѣстною властью по собственному почину, въ Привислиньѣ требуетъ нѣкотораго надзора высшаго правительства. Сознаніе необходимости такой особенной бдительности, одинаково раздѣляемое какъ мѣстною властью, такъ и центральною, можетъ не безъ пользы напомнить привислинскому населенію, что правительство, дѣлая все возможное для удовлетворенія нуждъ края, не забываетъ въ то же время тѣхъ особенностей его, которыя состоятъ въ присутствіи безпокойныхъ политикующихъ слоевъ. Образованіе совѣщанія при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ, состоявшееся по собственному почину начальника края, показываетъ, сверхъ того, что какъ въ Варшавѣ, такъ и въ Петербургѣ, нынѣ признаютъ необходимымъ сильнѣе обезпечить *единство* въ дѣятельности различныхъ вѣдомствъ привислинскаго управленія. Нежелательное отклоненіе какого-либо отдѣльнаго вѣдомства отъ общей русской политики въ Привислиньѣ дѣлается гораздо менѣе возможнымъ, когда представители всѣхъ вѣдомствъ, обязательно участвующіе въ коллегіальныхъ совѣщаніяхъ, будутъ постоянно взаимно поддерживать другъ друга въ одной общей государственной идеѣ. Что касается, наконецъ, призыва свѣдущихъ лицъ: русскихъ, поляковъ, нѣмцевъ и другихъ обывателей края, то

Digitized by Google

эта мѣра можетъ лишь показать всѣмъ жителямъ Привислинья, какъ русскимъ, такъ и полякамъ, постоянную заботливость русской власти не упустить ничего, способнаго дать администраціи необходимую освѣдомленность о запросахъ управленія. При удачномъ выборѣ свѣдущихъ лицъ, могъ бы лучше выясниться и самый путь для болѣе прочнаго внутренняго сліянія привислинской окраины съ Россіей".

Мы привели in extenso комментаріи московской газеты, чтобы показать, до какой степени измѣняются самыя ясныя понятія, проходя сквозь призму узкой тенденціи. Совершенно очевидно, во-первыхъ, что совѣщаніе, образованное закономъ 30-го марта, существенно отличается отъ губернаторскихъ или генералъ-губернаторскихъ бесѣдъ съ тѣми или другими должностными или частными лицами. Еслибы вся разница сводилась къ тому, что въ губерніяхъ царства польскаго администрація должна быть, даже въ мелочахъ, особенно сдержанной и осторожной, то на устройство бесѣдъ достаточно было бы испросить дозволеніе высшей центральной власти; для направленія вопроса въ законодательномъ порядкѣ не было бы тогда рѣшительно никакихъ основаній. Совѣщаніе, организованное закономъ, есть *учрежденіе*, которое не только *можетъ*, но *должно* дѣйствовать; отъ усмотрѣнія генералъ-губернатора зависитъ выборъ дѣлъ, вносимыхъ въ совѣщаніе, но онъ не можетъ не созывать его вовсе, или созывать его только въ исключительныхъ случаяхъ. Если не по буквѣ, то по смыслу закона, ни одно *важное* дѣло не должно быть разрѣшаемо безъ предварительнаго обсужденія его совѣщаніемъ. Предопредѣленнымъ заранѣе, по крайней мѣрѣ отчасти, является, далѣе, и *составъ* совѣщанія; къ участію въ немъ *должны* быть приглашаемы всѣ должностныя лица, перечисленныя въ ст. 2-й закона 30-го марта. Это также проводитъ рѣзкую черту между совѣщаніемъ и тѣми частными бесѣдами или разспросами, къ которымъ старается приравнять его московская газета. Отъ частныхъ бесѣдъ можетъ не остаться никакого видимаго слѣда; мнѣнія, высказанныя членами совѣщанія, будутъ, наоборотъ, записываемы и сохраняемы (дѣлопроизводство совѣщанія возложено закономъ на канцелярію генералъ-губернатора). Столь же неудачною, какъ и параллель между совѣщаніемъ и частными бесѣдами, слѣдуетъ признать попытку московской газеты истолковать *назначеніе* совѣщанія. Если бы цѣлью его учрежденія было только „обезпеченіе единства въ дѣятельности различныхъ вѣдомствъ", то незачѣмъ было бы допускать въ его составъ свѣдущихъ людей, не состоящихъ на государственной службѣ; достаточно было бы организовать постоянный совѣтъ изъ высшихъ представителей отдѣльныхъ отраслей администраціи, отнюдь не соединяя въ одно цѣлое разнохарактерные и во многомъ, быть можетъ, несходные элементы. Въ усиленіи единства

Digitized by Google

между различными вѣдомствами нѣтъ притомъ никакой надобности; менѣе чѣмъ гдѣ-либо оно было нарушаемо, въ послѣднее время, именно въ губерніяхъ царства польскаго (достаточно вспомнить, напримѣръ, дѣятельность бывшаго попечителя варшавскаго учебнаго округа, столь близко сходившуюся съ дѣятельностью бывшаго варшавскаго генералъ-губернатора). Что касается до „удачнаго выбора свѣдущихъ лицъ", какъ средства къ „болѣе прочному внутреннему сліянію привислинской окраины съ Россіей", то въ устахъ московской „охранительной" газеты эти слова звучатъ какъ горькая насмѣшка надъ польскимъ населеніемъ края. Для *того* сліянія, которое рекомендуютъ газетные ультра-обрусители, нѣтъ надобности въ свѣдущихъ людяхъ, какъ нѣтъ надобности и въ свѣденіяхъ; достаточно одной внѣшней силы. Мы также думаемъ, что законъ 30-го марта можетъ оказаться первымъ шагомъ къ внутреннему сближенію между поляками и русскими—но лишь въ такомъ случаѣ, если удачно (т.-е. безпристрастно) выбраннымъ свѣдущимъ людямъ, представляющимъ собою различные классы и группы мѣстнаго населенія, будетъ дана возможность свободнаго выраженія мнѣній, распространенныхъ въ польскомъ обществѣ.

Правительственное сообщеніе, появившееся въ „Правительственномъ Вѣстникѣ" во второй половинѣ апрѣля и перепечатанное въ концѣ нашей майской „Общественной Хроники", имѣло цѣлью показать, что тревожныя свѣденія, сообщаемыя въ печати о положеніи дѣлъ въ неурожайныхъ мѣстностяхъ, „бо́льшею частью преувеличены и далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности". Вмѣстѣ съ тѣмъ было, однако, признано, что остается широкое поле дѣятельности для частной благотворительности, такъ какъ послѣдствія недорода сказываются не въ одномъ недостаткѣ средствъ къ прокормленію населенія, „подлежащемъ устраненію продовольственными мѣрами", но также въ общей нуждѣ по прокормленію скота, въ топливѣ и др. „Въ виду сего"—таковы заключительныя слова сообщенія—„министерство внутреннихъ дѣлъ встрѣтило вполнѣ сочувственно предложеніе Главнаго управленія россійскаго Общества Краснаго-Креста относительно оказанія помощи населенію пострадавшихъ отъ неурожая прошлаго года мѣстностей имперіи. Равнымъ образомъ, всякія частныя пожертвованія, облегчая положеніе наиболѣе нуждающихся отдѣльныхъ семей и лицъ сельскаго населенія, безъ обремененія ихъ долгами, не могутъ не быть признаны весьма желательными". Участіе общества—т.-е. общественныхъ учрежденій и частныхъ лицъ—въ помощи пострадавшимъ отъ неурожая было допущено, такимъ образомъ, безъ всякихъ оговорокъ, безъ пріуроченія его къ тому или другому оффиціальному учрежденію.

Digitized by Google

Это и не могло быть иначе. Опытъ прежнихъ неурожайныхъ годовъ показалъ съ достаточною ясностью, что вполнѣ плодотворной общественная помощь можетъ быть только подъ условіемъ широкаго разнообразія ея путей и формъ, широкой свободы въ выборѣ средствъ и способовъ дѣйствія. Необходимо, чтобы рука объ руку съ матеріальными пожертвованіями шли личныя, рядомъ съ затратой денегъ—затраты времени и силъ; необходимо, чтобы каждый жертвователь могъ не только направить жертвуемыя суммы куда и къ кому онъ хочетъ, но и знать, какъ и между кѣмъ онѣ распредѣляются на мѣстѣ. Другими словами, необходима возможно бо̀льшая гласность въ сборѣ, назначеніи и выдачѣ пожертвованій, возможно бо̀льшее число лицъ, дѣйствующихъ на мѣстахъ, возможно мéньшее стѣсненіе ихъ дѣятельности. Въ какой степени всѣ эти условія имѣлись и имѣются на лицо въ томъ фазисѣ продовольственнаго дѣла, въ который оно вступило мѣсяцъ тому назадъ — это покажетъ будущее; теперь по этому предмету имѣются только отрывочныя данныя. Закрылся, на время, одинъ изъ главныхъ и лучшихъ источниковъ свѣденій о неурожайныхъ мѣстностяхъ: съ 23-го апрѣля, не выходятъ „Русскія Вѣдомости“, не только заключавшія въ себѣ множество фактическихъ сообщеній о послѣдствіяхъ неурожая, но шедшія впереди всѣхъ другихъ періодическихъ изданій въ сборѣ пожертвованій на голодающихъ. Если пробѣлъ, образовавшійся, такимъ образомъ, въ повременной печати, менѣе чувствителенъ, чѣмъ можно было опасаться, то этимъ русское общество обязано „С.-Петербургскимъ Вѣдомостямъ“, роль которыхъ въ послѣдніе мѣсяцы не будетъ, мы въ томъ увѣрены, забыта исторіей текущаго года. Одна столичная пресса, однако, не можетъ слѣдить за всѣмъ происходящимъ на обширномъ пространствѣ, пораженномъ неурожаемъ; между тѣмъ, въ провинціальныхъ газетахъ почти отсутствуютъ, въ послѣднее время, сообщенія о голодающихъ. Нѣкоторый свѣтъ на это явленіе, по справедливому замѣчанію „Спб. Вѣдомостей“, проливаетъ слѣдующій фактъ: „въ нижегородской газетѣ „Волгарь“ напечатано недавно письмо нѣкоего г. В. Д., въ которомъ онъ проситъ редакцію удостовѣрить, что не ему принадлежитъ помѣщенная въ „Волгарѣ“ корреспонденція о безкормицѣ скота въ с. Константиновѣ. Мотивируетъ г. В. Д. свою просьбу тѣмъ, что мѣстный *становой приставъ* призывалъ его къ себѣ въ канцелярію и дѣлалъ ему *замѣчанія* по поводу вышеупомянутой корреспонденціи... Намъ пишутъ изъ Одессы, что до появленія призыва Краснаго-Креста цензура вычеркивала все касающееся „неблагополучія“ неурожайныхъ губерній; послѣ того цензура сдѣлалась нѣсколько болѣе снисходительною [1]), но молчаніе, успѣвшее войти въ привычку, нарушается

[1]) Письмо написано 21-го апрѣля, т.-е. раньше полученія въ Одессѣ послѣднихъ правительственныхъ сообщеній.

Digitized by Google

сравнительно рѣдко"... А вотъ что̀ пишетъ въ „Спб. Вѣдомости" Г. М. Хрущовъ, организовавшій, съ помощью частныхъ пожертвованій [1]), нѣсколько столовыхъ въ мценскомъ уѣздѣ (орловской губерніи): „опасаясь, что правительственное сообщеніе (о преувеличеніи бѣдствія) легко можетъ охладить желаніе жертвовать на помощь голодающимъ, я рѣшился хлопотать объ оффиціальномъ признаніи голода со стороны хотя бы уѣзднаго попечительства, думая, что такъ какъ въ составъ попечительства входятъ какъ предводитель, такъ и земскіе начальники, то признаніе со стороны мѣстнаго попечительства голода будетъ лучшимъ подтвержденіемъ того, о чемъ я сообщалъ въ своемъ письмѣ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ". Каково же было мое удивленіе, когда на засѣданіи уѣзднаго попечительства выяснилось, что предводитель, г. Матвѣевъ, и земскіе начальники, гг. Порташинскій и Тиньковъ, т.-е. лица, которыя, казалось бы, должны болѣе другихъ знать нужды мужика и болѣе другихъ о нихъ заботиться, выступили самыми ярыми противниками наличности голода. Земскій начальникъ Порташинскій воспретилъ гр. Толстому открывать въ его участкѣ столовыя; къ счастью, мои столовыя не постигла та же участь, только благодаря тому, что нашъ земскій начальникъ Орановскій оказался человѣкомъ сочувствующимъ крестьянской нуждѣ, да и я предупредительно запасся сочувствіемъ церковнаго попечительства и дѣйствовалъ какъ членъ онаго. Оно же признало, что *хотя голода нѣтъ, но есть нужда.* Итакъ, нужда признана, и признана вопреки указанію вліятельной уѣздной администраціи, старавшейся доказать, что неурожай 1897 г. вовсе не влечетъ за собою серьезнаго бѣдствія". Нашимъ потомкамъ трудно будетъ повѣрить, что предметомъ запрещенія, въ лѣто отъ Р. Х. 1898, могли служить... столовыя, открываемыя въ годину общественнаго бѣдствія!.. „Конечно",—продолжаетъ г. Хрущовъ, —„голодною смертью еще люди не умирали у насъ, но вѣдь разумная помощь—это помощь во̀-время, т.-е. помощь, которая предупреждаетъ голодъ. Въ настоящее время эта помощь у насъ необходима потому, что бѣднота — та уже голодаетъ; мужикъ, который въ обыкновенный годъ жилъ если не съ достаткомъ, то все-таки не дурно, принужденъ будетъ тащить на базаръ свою лошаденку или ѣсть одну картошку и, слѣдовательно, если и не умретъ прямо съ голода, то заболѣетъ отъ истощенія" [2]). Въ мценскомъ уѣздѣ повторилась, такимъ образомъ

[1]) Изъ 1.956 руб., полученныхъ г. Хрущовымъ съ 8-го апрѣля, т.-е. со времени напечатанія имъ въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" письма о положеніи крестьянъ въ его мѣстности, 1.025 руб. прошли черезъ редакцію „Русскихъ Вѣдомостей".

[2]) По разсчету г. Хрущова, на прокормленіе нуждающихся въ районѣ его попечительства понадобится еще около 3½ тыс. руб. Адресъ, по которому могутъ быть высылаемы пожертвованія: Зміевка, Московско-Курской жел. дор., Григорію Михайловичу Хрущову.

Digitized by Google

—хотя, можетъ быть, и не въ столь рѣзкой формѣ — *лукояновская* исторія 1891-92 г. Да и въ одномъ ли только мценскомъ уѣздѣ?.. Возьмемъ, для примѣра, новосильскій уѣздъ (тульской губерніи), въ которомъ земство находило излишней продовольственную ссуду [1]): по словамъ корреспондента „Спб. Вѣдомостей“ [2]), „общій голосъ здѣсь тотъ, что нынѣшній годъ во много разъ хуже 1891 и 1892 г. Въ топливѣ и кормѣ скоту населеніе поддержки ни откуда не имѣло. Наши попечительства всѣ, безъ всякаго почти исключенія, не имѣли средствъ“... Въ чернскомъ уѣздѣ „продовольственныя затрудненія, какъ принято мягко называть въ нынѣшнемъ году народный голодъ, обострились до такой степени, что далѣе замалчивать ихъ нельзя“— а земство (въ которомъ первую роль, со времени послѣднихъ выборовъ, - играетъ столь извѣстный г. Сухотинъ) предлагаетъ обнищавшему населенію „покупать муку въ земскихъ складахъ по заготовительной стоимости 73 коп. за пудъ“! Немногимъ лучше положеніе дѣлъ и въ такихъ уѣздахъ, гдѣ земство не закрываетъ глаза на нужды населенія. Въ алексинскомъ уѣздѣ во время распутицы нельзя было достать муки дешевле 90 коп. за пудъ; помощи безхозяйнымъ, безлошадным и т. п., составляющимъ около 10% мѣстнаго населенія, ни откуда нѣтъ. Въ бѣлевскомъ уѣздѣ „въ рѣдкомъ дворѣ есть лошадь, коровъ тоже нѣтъ нигдѣ, овцы, даже куры проданы; тифъ не прекращается; страшно заглянуть въ будущее“. Аналогичныя вѣсти идутъ изъ уѣздовъ веневскаго, одоевскаго, богородицкаго, епифанскаго, ефремовскаго. А вотъ что̀ пишутъ изъ Воронежа: „на дняхъ къ намъ пріѣзжали уполномоченные Главнаго управленія Краснаго-Креста—С. В. Александровскій и И. И. Дмитренко, результаты объѣздовъ которыхъ по нѣкоторымъ мѣстностямъ губерніи способны разрушить оптимистическій взглядъ о *благополучіи* даже и въ достаточной степени предубѣжденныхъ людей. И. И. Дмитренко отправился, въ сопровожденіи предсѣдателя губернской управы, В. И. Колюбакина, санитарнаго врача Н. И. Тезякова и одного статистика, въ задонскій уѣздъ—и вотъ, въ одномъ только селѣ Патріаршемъ было сразу найдено свыше шестидесяти человѣкъ больныхъ тифомъ, развившимся несомнѣнно на почвѣ недостаточнаго питанія или, говоря попросту, недоѣданія. Въ другихъ селахъ уполномоченный и сопровождавшія его лица увидѣли картины еще болѣе мрачныя. Такъ, въ селѣ Гагаринѣ, состоящемъ всего изъ двадцати-двухъ дворовъ, тифозные больные оказались въ двѣнадцати дворахъ. Когда объ этомъ получены были

---

[1]) См. Внутр. Обозр. въ № 2 „Вѣстн. Европы“ за текущій годъ.

[2]) Свѣденія, приводимыя ниже, также заимствованы изъ корреспонденцій „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“.

Digitized by Google

извѣстія въ Воронежѣ, то въ Патріаршее отправился г. начальникъ губерніи вмѣстѣ съ другимъ уполномоченнымъ Краснаго-Креста. Тифъ не ждалъ, и на этотъ разъ больныхъ оказалось уже не шестьдесятъ, а девяносто".

Въ томъ же письмѣ приведено сообщеніе, посланное въ санитарное отдѣленіе воронежской губ. управы земскимъ врачомъ 4-го участка богучарскаго уѣзда, Николюкинымъ. Уже въ мартѣ мѣсяцѣ г. Николюкинъ доводилъ до свѣденія управы о распространеніи куриной слѣпоты и другихъ болѣзней, развивающихся на почвѣ плохого питанія. „Въ настоящее время,—пишетъ г. Николюкинъ,—заболѣванія этого рода все болѣе и болѣе развиваются и принимаютъ все болѣе и болѣе злокачественный характеръ. Ежедневно встрѣчаются случаи глубокаго пораженія глазъ, въ формѣ изъязвленій роговицы и гнойныхъ инфильтратовъ въ ней, ведущихъ иногда въ нѣсколько дней *къ полной гибели глазъ*. Болѣзнь поражаетъ всѣ возрасты, но максимумъ приходится на дѣтскій возрастъ, до 4 лѣтъ, и на возрастъ за 40 лѣтъ. Преобладаютъ эти заболѣванія въ бѣднѣйшемъ слою населенія, и этого сорта больные имѣютъ обыкновенно нездоровый общій видъ: желтый или землистый цвѣтъ лица, слабое развитіе подкожнаго жира; многіе жалуются на головокруженіе, шумъ и звонъ въ ушахъ и другіе признаки истощенія и малокровія. Ироніей звучитъ нашъ совѣтъ такимъ больнымъ лучше питаться, ѣсть мясо, молоко и т. д., такъ какъ такой больной и хлѣба-то не въ волю ѣстъ, а такіе продукты, *какъ картофель и капуста, въ нынѣшнемъ году являются роскошью даже для зажиточныхъ семей*. Судя по пережитымъ мною примѣрамъ 1891 и 1892 гг., я имѣю основаніе думать, что въ настоящее время мы наблюдаемъ только *начало катастрофы*; апогея же ея надо ожидать въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ, когда пищевые запасы у населенія еще болѣе истощатся, а наступленіе полевыхъ работъ потребуетъ напряженія всѣхъ силъ. Замѣтно выступаютъ и другіе признаки дурного питанія населенія, каковы: анемія, гастрическія заболѣванія, язвенные стоматиты, которые можно считать *предвѣстниками грядущей цынги*. Этого рода больные, *по необычайной частотѣ появленія*, начали обращать на себя вниманіе еще съ февраля мѣсяца. Въ мартѣ и началѣ апрѣля изрѣдка попадались уже и случаи настоящей цынги". Къ сходнымъ результатамъ приходитъ и другой земскій врачъ, наблюденія котораго относятся къ уѣздамъ старооскольскому и нижнедѣвицкому (см. „Недѣля", № 19). „Блѣдная немочь" — читаемъ мы здѣсь, — „эта когда-то пресловутая институтская болѣзнь, становится въ настоящее время чуть ли не повальнымъ заболѣваніемъ центральной полосы Россіи". А между тѣмъ, въ нѣсколькихъ уѣздахъ этой по-

Digitized by Google

лосы,—въ томъ числѣ и въ богучарскомъ, — всходы ржи, по свѣденіямъ отъ 1-го мая, оказываются неудовлетворительными.

Сколько бы ни выяснялись размѣры бѣдствія, охватившаго значительную часть Россіи, отношеніе къ нему различныхъ органовъ нашей печати—выражающихъ собою, конечно, различные взгляды, существующіе въ обществѣ, — остается далеко не одинаковымъ. „Московскія Вѣдомости", по прежнему стараясь говорить какъ можно меньше о послѣдствіяхъ неурожая, по прежнему объясняя жалобы на недостатокъ помощи самыми низменными, своекорыстными побужденіями, злорадно эксплуатируютъ односторонніе сообщенія о преувеличеніяхъ или ошибкахъ, допущенныхъ, кое-гдѣ, при опредѣленіи степени нужды, и отстаиваютъ старые способы устройства продовольственнаго дѣла на чисто сословной почвѣ. Особенную прелесть, въ глазахъ нашихъ „охранителей", имѣютъ обязательныя общественныя запашки, какъ средство распоряжаться крестьянскимъ трудомъ—а слѣдовательно, въ значительной степени, и личностью крестьянина. Болѣе откровенный, чѣмъ его московскіе союзники, кн. Мещерскій (см. Дневникъ „Гражданина", № 38) видитъ „главную бѣду" въ томъ, что „доселѣ, съ 1861 г., не взирая на всѣ печальные, пережитые Россіею опыты, *не хотятъ крестьянина принудить работать*". Крѣпостническая закваска проявилась здѣсь совершенно ясно [1]). Прямою противоположностью статьямъ реакціонныхъ газетъ, въ лучшемъ случаѣ—черствымъ и шаблоннымъ, въ худшемъ—безцеремонно проповѣдующимъ новое порабощеніе крестьянства, служатъ статьи гр. Петра Кутузова въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (№№ 103, 123 и 130). Въ первой изъ нихъ, напечатанной еще раньше апрѣльскихъ правительственныхъ сообщеній, авторъ призываетъ къ дѣятельности на пользу голодающихъ не только частныхъ лицъ и общественныя учрежденія, но и цѣлыя сословія—духовенство, дворянство, купечество. „Какъ бы ни были серьезны"—говоритъ онъ—„собственные матеріальные недостатки дворянства, но они ничто въ сравненіи съ положеніемъ тѣхъ крестьянскихъ обществъ и семей, которымъ нечего будетъ ѣсть, которыя будутъ тощать и вымирать отъ недорода и безпомощности". Во второй статьѣ онъ предлагаетъ приступить теперь же къ широкому раз-

[1]) Какъ глубоко крѣпостническіе взгляды коренятся въ душѣ нашихъ реакціонеровъ, объ этомъ можно судить по слѣдующему признанію, какъ бы невольно сдѣланному „Московскими Вѣдомостями" (№ 88): „лучше всего было бы, если бы ни одинъ дворянинъ не потерялъ и части своихъ земельныхъ угодій — *развѣ* кромѣ тѣхъ, которыя отошли въ надѣлъ крестьянамъ для необходимаго обезпеченія ихъ быта". Словечко: *развѣ* здѣсь весьма характеристично: оно показываетъ, что освобожденіе *съ землею* до сихъ поръ, въ иныхъ сферахъ, разсматривается какъ уступка, которой можно было и избѣжать.

Digitized by Google

слѣдованію съ одной стороны—существующей нужды, для опредѣленія количества и видовъ необходимой помощи, съ другой—причинъ сельско-хозяйственнаго упадка центральной Россіи, для выработки мѣръ, которыми она могла бы быть выведена на путь нормальнаго развитія. Въ третьей статьѣ, останавливаясь на потребностяхъ минуты, гр. Кутузовъ ставитъ чисто практическую задачу: „какъ можно скорѣе собирать какъ можно больше денегъ и какъ можно проще, быстрѣе и непосредственнѣе отсылать ихъ на мѣсто—туда, гдѣ люди по три дня не ѣдятъ, гдѣ они болѣютъ, гдѣ не на чемъ пахать, нечѣмъ засѣвать, не на что разсчитывать впереди". По справедливому замѣчанію гр. Кутузова, „весьма желательно постоянное, хотя бы еженедѣльное оглашеніе, путемъ печати, итоговъ пожертвованій и свѣденій, въ какія мѣстности сколько требовалось бы послать на опредѣленный срокъ, и сколько уже куда послано, и сколько какимъ мѣстнымъ попечительствомъ уже получено". Такія свѣденія могли бы противодѣйствовать скептицизму, къ которому, съ конца апрѣля, опять, къ несчастію, склоняется часть нашего общества. Въ особенности важно было бы скорѣйшее обнародованіе отчета уполномоченныхъ Общества Краснаго-Креста, которыхъ не такъ легко обвинить въ тенденціозныхъ преувеличеніяхъ, какъ частныхъ лицъ или земскихъ дѣятелей.

Digitized by Google

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1898.

Смерть Гладстона.—Его жизнь и дѣятельность.—Главнѣйшія черты его политической карьеры.—Рѣчь Чамберлэна.—Событія на дальнемъ Востокѣ.—Испанско-американская война.—Французскіе выборы.

Одна изъ крупнѣйшихъ историческихъ личностей настоящаго столѣтія сошла со сцены: Гладстонъ, видимо угасавшій въ послѣдніе мѣсяцы, скончался 19 (7) мая, на 89 году жизни. Это былъ государственный дѣятель особаго, высшаго типа, вносившій лучшія человѣческія чувства и идеалы въ широкую область практической политики, гдѣ издавна господствовали лишь побужденія честолюбія и эгоизма, національнаго или личнаго, сословнаго или партійнаго. Онъ представлялъ собою живую человѣческую совѣсть въ мірѣ узкихъ разсчетовъ, рутинныхъ традицій и компромиссовъ; онъ былъ прежде всего человѣкомъ, а затѣмъ уже британцемъ, вождемъ партіи или министромъ. Нельзя сказать о Гладстонѣ, что онъ оставался вѣренъ извѣстнымъ убѣжденіямъ и идеямъ до конца дней своихъ: для него идеи и убѣжденія не были чѣмъ-то въ родѣ программы, которой можно сохранить вѣрность или измѣнить, а составляли самую сущность его натуры, жили и развивались вмѣстѣ съ нимъ, были единственными возможными мотивами его дѣятельности. Практическія цѣли его мѣнялись, но основной характеръ его рѣшеній и предпріятій былъ всегда одинъ и тотъ же; это былъ идеализмъ въ дѣйствіи.

Въ продолженіе своей шестидесятилѣтней парламентской карьеры Гладстонъ считался поочередно консерваторомъ-клерикаломъ (въ англійскомъ смыслѣ), умѣреннымъ консерваторомъ, либераломъ, прогрессистомъ и чуть ли не радикаломъ; но въ сущности обычныя партійныя клички мало подходили къ его темпераменту и давали совершенно невѣрное представленіе объ его стремленіяхъ и симпатіяхъ. Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда онъ числился еще въ рядахъ консерваторовъ и былъ кандидатомъ въ министры, онъ обнародовалъ свои знаменитыя письма о неаполитанскихъ тюрьмахъ, и его краснорѣчивое негодованіе по поводу жестокостей режима Бурбоновъ въ Неаполѣ разнеслось громкимъ эхомъ въ Европѣ; онъ поступилъ тогда не какъ консерваторъ и не какъ либералъ, и вообще не какъ практическій политикъ, а какъ человѣкъ съ душою, чувствующій необходимость возмущаться и протестовать противъ насилій и произвола. Четверть вѣка

Digitized by Google

спустя, будучи уже авторитетнымъ вождемъ либеральной партіи въ Англіи, онъ съ такою же силою бичевалъ турецкіе порядки въ балканскихъ земляхъ, громилъ турецкую систему управленія, съ ея кровавыми звѣрствами, и объявлялъ присутствіе турокъ въ Европѣ позоромъ для цивилизаціи; онъ опять-таки дѣйствовалъ тогда независимо отъ практическихъ соображеній и интересовъ, побуждавшихъ большинство англичанъ опасаться успѣховъ въ Россіи на Востокѣ и противиться по мѣрѣ возможности русскому вліянію. Позднѣе, когда дѣло шло о занятіи Босніи и Герцеговины австрійцами, онъ снова поднялъ свой голосъ противъ безцеремоннаго нарушенія правъ туземцевъ, и его рѣзкій возгласъ—„руки прочь!"—не остался безъ вліянія на дружественныя дипломатическія связи между Англіею и Австро-Венгріею. Наконецъ, событія въ армянскихъ провинціяхъ Турціи нашли горячаго и безпощаднаго обличителя въ лицѣ того же Гладстона: на склонѣ лѣтъ онъ по прежнему съ юношескимъ жаромъ заступается за подавленныя права человѣчности. Повсюду, въ разныхъ краяхъ свѣта, утвердилась за нимъ репутація призваннаго защитника угнетенныхъ національностей; въ немъ видѣли не бывшаго или будущаго руководителя британской политики, а могущественнаго глашатая правды и морали, гонителя всякаго беззаконія. Этотъ всеобщій—болѣе инстинктивный, чѣмъ сознательный—взглядъ на Гладстона заключалъ въ себѣ самую лестную оцѣнку, какая когда-либо выпадала на долю политическаго дѣятеля: его ставили внѣ и выше не только англійскихъ партій, но и выше національныхъ и государственныхъ различій. Сами англичане до сихъ поръ не отдаютъ себѣ яснаго отчета въ этомъ общечеловѣческомъ значеніи личности Гладстона, какъ великой нравственной силы, не связанной предѣлами націи и государства; они слишкомъ склонны обсуждать его дѣйствія исключительно съ точки зрѣнія спеціальныхъ эгоистическихъ интересовъ Англіи.

Та же основная черта—стремленіе возстановить попранныя права и загладить прошлыя несправедливости—проникаетъ собою всю ирландскую политику Гладстона, начиная съ земельныхъ биллей и кончая проектомъ полной парламентской автономіи Ирландіи. Земельные билли 1870 и 1881 годовъ, проведенные имъ цѣною необычайныхъ усилій, внесли новый духъ въ англійское поземельное законодательство, отступивъ одинаково и отъ юридическихъ, и отъ либеральныхъ традицій, ради интересовъ житейской правды. Проектъ устройства самостоятельнаго ирландскаго парламента, отвергнутый парламентомъ въ 1886 и 1893 годахъ, былъ достойнымъ завершеніемъ многолѣтней реформаторской дѣятельности Гладстона. И эта грандіозная попытка окончательнаго примиренія Ирландіи съ Англіею выходила изъ рамокъ англійскаго либерализма и оставалась чисто личнымъ дѣломъ престарѣлаго

Digitized by Google

премьера; многіе выдающіеся либералы усмотрѣли въ ней опасность для внѣшняго единства имперіи, предполагая очевидно, что единство это существуетъ при внутреннемъ непримиримомъ разладѣ. Мысль Гладстона не была понята значительною частью его собственныхъ приверженцевъ и массою англійскаго общества; всѣ доводы разсудка и порывы благороднѣйшаго краснорѣчія не въ состояніи были поколебать шаблонную увѣренность, что форма важнѣе сущности и что откровенная вражда, прикрываемая наружною принудительною связью, предпочтительнѣе внутренняго единенія, основаннаго на автономіи. Вопросъ объ ирландскомъ „гомрулѣ", крайне непопулярный въ Англіи и тѣмъ не менѣе твердо поставленный и едва не разрѣшенный энергіею одного человѣка, завѣщанъ „великимъ старцемъ" ближайшему будущему.

Гладстонъ былъ не просто идеалистъ, проникнутый хорошими намѣреніями; онъ былъ великій практикъ идеализма, никогда не терявшій вѣры въ будущее, недоступный безплоднымъ разочарованіямъ и умѣвшій настойчиво добиваться осуществленія своихъ плановъ при самыхъ неблагопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ. Авторитетъ и обаяніе его личности не зависѣли отъ его практическихъ успѣховъ и неудачъ;—лишенный власти, онъ занималъ въ странѣ такое же выдающееся положеніе, какъ и стоя во главѣ правительства. Власть доставалась ему естественно, по силѣ вещей, и она привлекала его не своими преимуществами и выгодами, а единственно лишь какъ орудіе для проведенія идей и проектовъ, которые онъ признавалъ благотворными для общества и государства. Вынужденный считаться съ условіями и требованіями текущей политики, онъ часто уклонялся отъ строгой послѣдовательности, и это особенно замѣчалось въ области международныхъ дѣлъ. Дипломатія не была его спеціальностью, и внѣшнія сношенія составляли слабѣйшую, наиболѣе уязвимую сторону его дѣятельности. Въ этой сферѣ онъ не разъ былъ побѣждаемъ своимъ знаменитымъ соперникомъ, Дизраэли-Биконсфильдомъ, и его преемникомъ, лордомъ Сольсбери. Дизраэли былъ практикъ совершенно другого типа, чѣмъ Гладстонъ;—онъ не понималъ заботъ о правдѣ и морали, когда дѣло шло о внѣшнемъ блескѣ и могуществѣ имперіи. Самыя блестящія страницы въ исторіи внутреннихъ реформъ, обновившихъ Англію со второй половины столѣтія, связаны прямо или косвенно съ именемъ Гладстона. Внѣшніе дипломатическіе эффекты и пріобрѣтенія соединяются большею частью съ именемъ Биконсфильда.

Біографія Гладстона есть вмѣстѣ съ тѣмъ исторія англійской политической жизни съ тридцатыхъ годовъ. Онъ выступилъ на парламентское поприще тотчасъ послѣ билля о реформѣ 1832 года, когда впервые обозначились зачатки позднѣйшаго неудержимаго и постепен-

Digitized by Google

наго роста демократіи въ Англіи. Гладстону, выросшему въ средѣ богатой консервативной буржуазіи, суждено было сдѣлаться однимъ изъ дѣятельныхъ участниковъ и руководителей этого демократическаго движенія. Вильямъ Эвартъ Гладстонъ родился 29 (17) декабря 1809 г., въ семьѣ ливерпульскаго коммерсанта, получившаго впослѣдствіи титулъ баронета. Воспитанный въ Оксфордѣ въ религіозно-церковномъ духѣ, онъ вошелъ въ парламентъ совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, въ 1833 году, и долго принадлежалъ къ партіи строго консервативныхъ торіевъ; его дѣльныя и плавныя рѣчи, имѣвшія отчасти оттѣнокъ пуританской суровости, скоро обратили на него общее вниманіе, и онъ занялъ видное мѣсто въ министерствѣ сэра Роберта Пиля. Пройдя практическую школу подъ руководствомъ такого парламентскаго дѣятеля, какъ Пиль, Гладстонъ мало-по-малу расширилъ кругъ своихъ воззрѣній, убѣдился въ несостоятельности нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ идей и съ 1845 года не могъ уже считаться безусловнымъ консерваторомъ. До конца пятидесятыхъ годовъ онъ дѣйствовалъ большею частью за-одно съ умѣренными либералами, хотя и не разрывалъ своихъ связей съ консерваторами, только съ 1859 г. онъ окончательно примкнулъ къ либеральной партіи и позднѣе сталъ ея признаннымъ вождемъ въ палатѣ общинъ. Онъ пріобрѣлъ репутацію замѣчательнаго финансиста своими бюджетными рѣчами; онъ поражалъ слушателей своею способностью извлекать ясные и поучительные выводы изъ огромной массы цифръ и подробностей и своимъ искусствомъ оживлять сухіе бюджетные разсчеты краснорѣчивыми обобщеніями и характеристиками. Въ 1869 году онъ сдѣлался впервые главою кабинета, и это первое его министерство, продолжавшееся пять лѣтъ (до 1874 года), было однимъ изъ самыхъ плодотворныхъ по количеству и важности законодательныхъ реформъ. Во время франко-прусской войны онъ, будучи премьеромъ, не скрывалъ своего мнѣнія о безумномъ легкомысліи Франціи, затѣявшей войну, и о грубыхъ завоевательныхъ рѣшеніяхъ Германіи относительно Эльзаса и Лотарингіи; онъ заслужилъ тогда одинаковую непріязнь и у французовъ, и у нѣмцевъ. Поглощенный непрерывною законодательною работою, Гладстонъ утомилъ парламентъ обиліемъ своихъ проектовъ, и послѣдовавшіе затѣмъ выборы дали большинство консерваторамъ. Съ 1874 до 1880 года Англіею управлялъ Дизраэли-Биконсфильдъ; это былъ періодъ крупныхъ международныхъ событій — періодъ „болгарскихъ звѣрствъ“, русско-турецкой войны и англійскаго торжества на берлинскомъ конгрессѣ. Въ 1880 году правительство опять перешло въ руки Гладстона; важнѣйшимъ дѣломъ этого второго министерства была избирательная реформа 1885 г., значительно расширившая для населенія право участія въ парламентскихъ выборахъ. Неудачи внѣшней

Digitized by Google

политики и особенно гибель Гордона въ Суданѣ снова вернули къ власти консерваторовъ, руководимыхъ лордомъ Сольсбери, несмотря на либеральное большинство въ палатѣ. Новые выборы усилили въ парламентѣ ирландскую группу, и энергическій вождь послѣдней, Парнелль, получилъ возможность задерживать весь ходъ парламентской машины въ Англіи и диктовать свои условія обѣимъ партіямъ—министерской и оппозиціонной. Тогда Гладстонъ рѣшилъ покончить съ ирландскимъ вопросомъ при помощи „гомруля", и въ началѣ 1886 г. онъ сдѣлался въ третій разъ премьеромъ, благодаря поддержкѣ ирландскихъ депутатовъ, но послѣ неудачи своего проекта объ автономіи долженъ былъ выйти въ отставку. Въ четвертый разъ онъ получилъ власть въ 1892 году, имѣя въ палатѣ незначительное большинство въ 40 голосовъ, и наконецъ въ 1895 году, истощивъ свои силы въ борьбѣ за Ирландію, окончательно распрощался съ властью и съ парламентомъ, передавъ должность премьера лорду Розбери. Только старцемъ 84-хъ лѣтъ покинулъ онъ свой боевой постъ, когда ослабѣвшій организмъ отказывался уже служить, — рѣдкій примѣръ неутомимой жизненной энергіи и бодрости.

До конца вдохновляли Гладстона тѣ идеи и чувства, которыя какъ будто росли и крѣпли въ немъ съ годами. Тогда какъ большинство людей становится все консервативнѣе по мѣрѣ приближенія преклоннаго возраста, онъ, наоборотъ, все смѣлѣе направляется по пути реформъ; онъ не перестаетъ идти впередъ и послѣ отпаденія многихъ близкихъ сотрудниковъ и друзей, старается еще увлечь за собою общественное мнѣніе и кладетъ оружіе только тогда, когда оно само уже выпадаетъ изъ рукъ. Несомнѣнно, что дѣятель такого закала, человѣкъ съ такою удивительною нравственною силою, одаренный столь возвышенными качествами ума и сердца, могъ выработаться только въ свободной общественной атмосферѣ Англіи.

Съ кончиною Гладстона должно было бы отчасти измѣниться положеніе англійскихъ политическихъ партій; причины раскола среди либераловъ, повидимому, исчезли, такъ какъ никто уже не думаетъ въ настоящее время о возобновленіи агитаціи въ пользу ирландской автономіи. Предпріятіе, оказавшееся неосуществимымъ при Гладстонѣ, едва ли будетъ начато вновь его послѣдователями; оно исключается изъ области практической политики до тѣхъ поръ, пока не настанутъ обстоятельства, способныя побудить парламентъ вновь приняться за разрѣшеніе стараго ирландскаго вопроса. Не видно, однако, признаковъ перемѣны въ установившейся группировкѣ парламентскихъ фракцій, поддерживающихъ нынѣ министерство лорда Сольсбери; такъ

Digitized by Google

называемые уніонисты остаются въ союзѣ съ консерваторами, но почвою для солидарности является уже не отрицаніе „гомруля", а воинствующій имперіализмъ, представителемъ котораго служитъ министръ колоній, Чамберлэнъ.

Въ весьма оригинальной рѣчи, произнесенной Чамберлэномъ 13-го (1-го) мая въ Бирмингамѣ, изложена цѣлая политическая программа, имѣющая столь же мало общаго съ либеральными идеями, какъ и съ оффиціальными взглядами и стремленіями нынѣшняго премьера. Бывшій либеральный дѣятель не только разрываетъ послѣднія свои связи съ передовыми либералами и прогрессистами, но невольно даетъ поводъ сомнѣваться и въ прочности своихъ отношеній съ партіею лорда Сольсбери. Чамберлэнъ откровенно возбуждаетъ крайне щекотливые вопросы, относительно которыхъ министры вообще не имѣютъ обыкновенія высказываться, и на эти вопросы онъ отвѣчаетъ въ такомъ духѣ и тонѣ, какъ будто въ его лицѣ говоритъ не членъ правительства, а свободный, ничѣмъ не связанный фантазеръ. Ходъ разсужденія его напоминаетъ рѣчи французскихъ шовинистовъ былого времени. Англія — говоритъ онъ—рискуетъ потерять свое мѣсто первостепенной міровой державы, если она останется въ изолированномъ положеніи, какъ до сихъ поръ. Недавніе дипломатическіе споры съ Россіею въ Китаѣ предвѣщаютъ возможность войны, для которой необходимо заручиться союзниками, иначе пришлось бы отказаться отъ надежды сохранить существованіе китайской имперіи. Россія находится въ союзѣ съ Франціею и дѣйствуетъ прямо, не стѣсняясь; Англія должна въ свою очередь тѣснѣе сблизиться съ колоніями и укрѣпить дружбу—и, быть можетъ, нѣчто большее, чѣмъ дружбу,—съ американскими Соединенными-Штатами. Но такъ какъ сближеніе съ сѣверо-американскою республикою не облегчаетъ задачи Англіи въ случаѣ войны съ какою-либо изъ первоклассныхъ военныхъ державъ Европы, то британское правительство должно стремиться къ союзу съ однимъ изъ великихъ военныхъ государствъ материка... Эти легковѣсныя мысли о войнахъ и союзахъ, публично высказанныя англійскимъ министромъ колоній, сдѣлались предметомъ всеобщихъ толковъ въ европейской и американской печати. На что̀ намекаетъ Чамберлэнъ? Имѣетъ ли онъ въ виду реальныя опасности и комбинаціи, или же строитъ лишь теоретическія предположенія? Въ какомъ смыслѣ и противъ кого предлагается американцамъ вступить въ союзъ съ англичанами? Нѣтъ сомнѣнія, что подъ великою военною державою, съ которою Англіи желательно соединиться, надо разумѣть Германію, а врагами, противъ которыхъ предстоитъ борьба, оказываются Россія и Франція. Но тутъ возникаетъ рядъ недоумѣній, вполнѣ элементарныхъ. Изъ чего видно, что Россія собирается вытѣснить Англію изъ

Digitized by Google

Китая или изъ какой-либо другой страны міра, гдѣ водворились англичане? Можетъ ли Англія серьезно опасаться какихъ-либо посягательствъ или нападеній со стороны Россіи и Франціи на моряхъ, при несомнѣнномъ превосходствѣ своего флота надъ соединенными флотами обѣихъ названныхъ державъ? Если же въ самомъ дѣлѣ англичанамъ грозитъ подобная опасность въ будущемъ, то съ какой стати выступятъ ради этого Соединенные-Штаты противъ Франціи и Россіи? Американцы вообще не имѣютъ никакой надобности вмѣшиваться въ европейскія распри и ссориться безпричинно съ двумя могущественными государствами, съ которыми они издавна находятся въ дружбѣ. Столь же мало смысла имѣло бы выступленіе Германіи противъ Россіи ради защиты какихъ-то сомнительныхъ англійскихъ правъ и интересовъ на дальнемъ Востокѣ.

При ближайшемъ разборѣ вся аргументація Чамберлэна сводится къ совершенно невѣроятному воинственному сумбуру, надъ которымъ не стоило вовсе останавливаться. Однако, этотъ сумбуръ серьезно воспроизводится и защищается въ передовыхъ статьяхъ лондонскаго „Times“, какъ нѣчто вполнѣ невинное и естественное, свидѣтельствующее лишь о патріотическихъ заботахъ англичанъ. Отсюда можно бы заключить, что вздорный шовинизмъ находитъ благопріятную для себя почву и въ Англіи; но такое заключеніе опровергается всѣмъ современнымъ ходомъ англійскихъ политическихъ дѣлъ и обычною разсудочностью англійскаго общественнаго мнѣнія. Чамберлэнъ просто увлекся своимъ краснорѣчіемъ, и сочувствующія ему газеты придумываютъ только благовидные способы, чтобы очистить министра отъ обвиненія въ непростительномъ легкомысліи. Подобныя усилія вполнѣ натуральны, и не слѣдуетъ особенно удивляться, что они возможны также въ Англіи.

Въ англійской печати очень часто выражалось въ послѣднее время неудовольствіе по поводу предполагаемыхъ русскихъ успѣховъ на дальнемъ Востокѣ. Отголосокъ этого раздраженія можно видѣть и въ извѣстной рѣчи Чамберлэна. Въ дѣйствительности англичане едва ли имѣютъ серьезное основаніе быть недовольными ходомъ событій въ китайскихъ водахъ. Если Россія заняла Портъ-Артуръ и Таліенванъ, то и Англія съ своей стороны водворилась въ Вей-хай-вей и пріобрѣла фактическую монополію на судоходство и торговлю по Янтсе-Кіангу, во всей центральной области китайской имперіи; сверхъ того, въ Японіи англійское вліяніе остается преобладающимъ, и нигдѣ не замѣтно ни малѣйшихъ попытокъ (которыя, впрочемъ, были бы безнадежны) вытѣснить англичанъ изъ тѣхъ мѣстъ, которыми они завладѣли. Напротивъ, часто британская дипломатія успѣшно достигаетъ

Digitized by Google

устраненія русскаго вліянія, когда послѣднее почему-либо ей нежелательно, и мы находимъ это вполнѣ естественнымъ, въ виду огромнаго перевѣса торговыхъ сношеній, финансовыхъ средствъ и морскихъ силъ, которыми располагаетъ Англія. Въ томъ самомъ нумерѣ „Times“ (отъ 14-го мая), гдѣ одобряются замѣчанія Чамберлэна объ успѣхахъ и посягательствахъ Россіи на дальнемъ Востокѣ, указывается въ торжествующемъ тонѣ на удачу англичанъ въ Кореѣ, гдѣ англійскій уполномоченный взялъ верхъ надъ русскимъ и добился удаленія нашего финансоваго агента, г. Алексѣева; завѣдываніе сборомъ пошлинъ осталось въ рукахъ англичанина, Броуна, и русскій представитель въ Сеулѣ, г. Шпейеръ, переведенъ въ Пекинъ. Очевидно, мы сами добровольно уступаемъ Англіи въ отдѣльныхъ случаяхъ, чтобы избѣгнуть непріятныхъ пререканій и конфликтовъ, и въ этомъ смыслѣ наша политика можетъ быть признана безусловно миролюбивою, нисколько не опасною для англійскихъ интересовъ. Между прочимъ, англо-русскій споръ въ Сеулѣ привелъ къ оффиціальному признанію полной независимости и самостоятельности Кореи, по договору съ Японіею, заключенному 25-го (13-го) апрѣля въ Токіо. Объ этомъ было напечатано въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ (отъ 28-го апрѣля) слѣдующее сообщеніе, которое мы приводимъ здѣсь цѣликомъ:

„Со времени окончанія китайско-японской войны, всѣ стремленія Императорскаго правительства направлены были къ огражденію неприкосновенности и полной независимости Кореи.

„На первыхъ порахъ, для водворенія прочнаго порядка въ области какъ военной, такъ и финансовой политики, юное государство естественно не могло обойтись безъ посторонней поддержки, вслѣдствіе чего въ 1896 году корейскій король обратился къ Государю Императору съ настоятельною просьбою о командированіи въ Сеулъ русскихъ инструкторовъ и финансоваго совѣтника. Благодаря своевременно оказанной Россіею помощи, Корея вступила нынѣ на путь вполнѣ самостоятельнаго государственнаго управленія.

„Обстоятельство это открыло для Россіи и Японіи возможность приступить къ дружескому обмѣну мыслей въ видахъ яснаго и точнаго опредѣленія обоюдныхъ отношеній этихъ государствъ къ вновь созданному порядку вещей на Корейскомъ полуостровѣ.

„Результатомъ этихъ переговоровъ явилось нижеслѣдующее, по Высочайшему повелѣнію подписанное нашимъ посланникомъ въ Токіо, соглашеніе, составляющее продолженіе московскаго протокола 1896 г.

„Основнымъ положеніемъ состоявшагося соглашенія оба государства окончательно подтверждаютъ признаніе державныхъ правъ и полной независимости Корейской имперіи при взаимномъ обязательствѣ воздерживаться отъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла этой

Digitized by Google

страны. На случай же—если бы Корея встрѣтила надобность въ поддержкѣ одного изъ договаривающихся государствъ, то Россія и Японія обязуются не приступать въ Кореѣ ни къ какимъ мѣропріятіямъ безъ предварительнаго между собою соглашенія.

„Протоколъ: Дѣйствительный статскій совѣтникъ и камергеръ баронъ Розенъ, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Его Величества Императора Всероссійскаго, и баронъ Нисси, министръ иностранныхъ дѣлъ его величества императора Японіи, на основаніи IV статьи протокола, подписаннаго въ Москвѣ, 28-го мая (9-го іюня) 1896 года, статсъ-секретаремъ княземъ Лобановымъ и маршаломъ маркизомъ Ямагата, и надлежаще къ сему уполномоченные, согласились о нижеслѣдующихъ статьяхъ:

„Статья 1-я. Россійское и японское Императорскія Правительства окончательно признаютъ державныя права и полную независимость Кореи и взаимно обязуются воздерживаться отъ всякаго непосредственнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла этой страны.

„Статья 2-я. Желая избѣжать всякаго повода къ недоразумѣніямъ въ будущемъ, Россійское и японское Императорскія Правительства взаимно обязуются, въ случаѣ, если Корея обратится за совѣтами и помощью либо къ Россіи, либо къ Японіи, не принимать никакихъ мѣръ къ назначенію военныхъ инструкторовъ и финансовыхъ совѣтниковъ, безъ предварительнаго между собою соглашенія по сему предмету.

„Статья 3-я. Въ виду широкаго развитія торговыхъ и промышленныхъ предпріятій Японіи въ Кореѣ, значительнаго числа японскоподданныхъ, проживающихъ въ этой странѣ, Россійское Императорское Правительство не будетъ препятствовать развитію торговыхъ и промышленныхъ сношеній между Японіею и Кореею.

„Составленъ въ Токіо въ двухъ экземплярахъ 13-го (25-го) апрѣля 1898 года. (Подп.) *Розенъ. Нисси.*

„Изложенный дипломатическій актъ такимъ образомъ свидѣтельствуетъ, что оба дружественныя государства, имѣющія обширные, но вмѣстѣ съ тѣмъ и вполнѣ примиримые интересы на дальнемъ Востокѣ, пришли къ естественному сознанію необходимости взаимно обезпечить спокойствіе на сосѣднемъ Корейскомъ полуостровѣ, ограждая политическую независимость и внутренній порядокъ юной Корейской имперіи.

„Съ заключеніемъ сего дружественнаго договора, для Россіи представляется возможнымъ сосредоточить всѣ заботы и усилія къ благополучному осуществленію своей мирной исторической задачи на берегахъ Тихаго океана".

Digitized by Google

Война, предпринятая Соединенными-Штатами противъ Испаніи изъ-за Кубы, не привела еще къ тѣмъ рѣшительнымъ результатамъ, какихъ ожидали американцы. Истребленіе испанской эскадры у Филиппинскихъ острововъ было ошибочно принято многими за начало конца. Побѣда адмирала Девея нанесла Испаніи сильный нравственный ударъ и поколебала министерство Сагасты въ Мадридѣ; однако, судьба Манильи и всего острова Люцона далеко еще не рѣшена послѣ гибели старыхъ и негодныхъ испанскихъ судовъ, которыми командовалъ адмиралъ Монтахо. Значительныя сухопутныя войска, находящіяся въ распоряженіи мѣстныхъ испанскихъ властей, устраняютъ пока возможность высадки для американцевъ; оттого на Филиппинахъ, какъ и на Кубѣ, положеніе остается неопредѣленнымъ, выжидательнымъ, и дѣло не идетъ далѣе блокады, которая часто оказывается только мнимою, недѣйствительною.

Большимъ успѣхомъ для испанцевъ было неожиданное благополучное прибытіе эскадры адмирала Сервера въ Сантъ-Яго де-Куба. Объ этой эскадрѣ, находившейся у Зеленаго мыса, близъ западныхъ береговъ Африки, замѣтно безпокоилось американское морское управленіе, и приняты были различныя мѣры къ тому, чтобы своевременно слѣдить за движеніями эскадры и не допустить приближенія ея къ кубанскимъ водамъ. Когда корабли Сервера ушли въ океанъ, то извѣстія и догадки о вѣроятномъ направленіи ихъ были крайне разнорѣчивы; но многіе были почему-то увѣрены, что эскадра направилась въ Испанію, къ Кадиксу. Всѣ усилія американскихъ крейсеровъ напасть на слѣдъ эскадры оказались напрасными; адмиралы Шлей и Сэмпсонъ должны были на всякій случай готовиться къ встрѣчѣ, но и они узнали о появленіи судовъ Сервера у южнаго берега Кубы, когда противъ этого нельзя было уже ничего сдѣлать. Испанская эскадра находится въ безопасности, подъ прикрытіемъ береговыхъ укрѣпленій Сантъ-Яго де-Куба, и адмиралъ Шлей вынужденъ ограничиваться только наблюденіемъ или такъ называемой блокадой, на почтительномъ разстояніи.

Американцы все болѣе убѣждаются, что война даже съ слабою Испаніею обходится слишкомъ дорого, что она требуетъ тяжелыхъ жертвъ и не приноситъ тѣхъ легкихъ тріумфовъ, о которыхъ мечтали увлекшіеся патріоты. Сотни милліоновъ долларовъ истрачены на военныя приготовленія; призывъ подъ знамена 125 тысячъ волонтеровъ оказался недостаточнымъ, и президентъ Макъ-Кинлей издалъ приказъ о приглашеніи на двухлѣтнюю военную службу еще 75 тысячъ человѣкъ. Отрядъ въ тридцать тысячъ добровольцевъ организуется въ Флоридѣ для предполагаемой высадки, которая должна состояться въ одномъ изъ наиболѣе надежныхъ пунктовъ побережья Кубы. Дѣйствительная война только начинается, и великія европейскія „лиги мира“

Digitized by Google

оказали бы великую услугу человѣчеству, еслибы придумали способъ къ прекращенію дальнѣйшихъ военныхъ событій и подвиговъ, разорительныхъ для обѣихъ сторонъ и едва ли необходимыхъ для свободы и автономіи кубанцевъ.

Парламентскіе выборы, состоявшіеся въ маѣ во Франціи, мало измѣнили внутреннее политическое положеніе страны и совершенно не оправдали надежды на образованіе прочнаго большинства въ пользу министерства Мелина. Изъ выбранныхъ 581 депутатовъ всего 225 принадлежатъ къ партіи умѣренныхъ республиканцевъ; къ нимъ можно отчасти причислить и 45 „присоединившихся“ къ республикѣ монархистовъ; но эти 270 умѣренныхъ не помогутъ правительству, если оно не заручится поддержкою нѣкоторой части остальныхъ 311—напр. радикаловъ или консерваторовъ правой. Радикальная группа въ новой палатѣ занимаетъ второе мѣсто послѣ умѣренныхъ республиканцевъ: радикаловъ вмѣстѣ съ „радикалами-соціалистами“ всего 182, просто соціалистовъ—54, депутатовъ правой—49, разныхъ оппозиціонныхъ—26. Кабинету Мелина предстоятъ теперь трудные дни.

Digitized by Google

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 іюня 1898.

— Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества въ XVII вѣкѣ. А. К. Бороздина. Спб. 1898.

Исторіи раскола посвящено было въ послѣднее время множество изслѣдованій; но эти труды еще далеки отъ цѣльной картины явленія, которое съ половины XVII вѣка отдѣлило большую массу русскаго народа отъ общей исторической жизни и поставило многіе милліоны народа въ положеніе безправное и беззащитное. Этотъ историографическій пробѣлъ образовался весьма естественно,—соединяясь со многими другими подобными пробѣлами. Историческое изслѣдованіе требуетъ двухъ непремѣнныхъ условій: сколько возможно полнаго обладанія матеріаломъ и свободы критики. Въ данномъ вопросѣ долго не было ни того, ни другого; было затруднено, или было совсѣмъ невозможно даже собираніе матеріала, именно изученіе раскольничьей литературы. Расколъ долго имѣлъ только одну исторію — церковно-обличительную: въ литературѣ онъ имѣлъ то же положеніе, какъ въ гражданской жизни—къ нему можно было относиться только съ суровымъ осужденіемъ; становилось невозможнымъ даже изданіе старыхъ памятниковъ. Въ общемъ взглядѣ на расколъ съ теченіемъ времени среди образованнаго круга совершалась, однако, большая перемѣна. Съ одной стороны, въ сравненіи со взглядами XVII вѣка, уже не было той непримиримой нетерпимости, и напротивъ, возникало извѣстное сочувствіе, или состраданіе къ людямъ, гонимымъ за религіозное убѣжденіе, хотя бы ошибочное,—ошибочнымъ должно было бы представляться всякое вѣроученіе, не тождественное съ нашимъ, и однако мы имѣли извѣстную терпимость къ инымъ христіанскимъ исповѣданіямъ; притомъ, эти гонимые принадлежали къ тому же русскому народу. Съ другой стороны становилась очевидной необходимость историческаго безпристрастія: audiatur altera pars. Оба интереса были уже

Digitized by Google

очень сильны, когда „эпоха великихъ реформъ", съ нѣкоторымъ улучшеніемъ цензуры, дала внѣшнюю возможность коснуться вопроса съ большею свободой, чѣмъ было до тѣхъ поръ,—собственно говоря, дала эту возможность въ первый разъ. Отсюда начинается то обиліе изслѣдованій, о которомъ мы говорили,—но въ большинствѣ, почти исключительно, эти изслѣдованія касались частныхъ историческихъ или церковно-бытовыхъ подробностей: общая тема раскола затрогивалась рѣдко. Понятно, что особенное значеніе имѣютъ тѣ труды, которые посвящаются если не цѣлому вопросу, то крупнымъ явленіямъ и дѣятелямъ раскола,—какъ и настоящая книга.

А. К. Бороздинъ имѣетъ уже извѣстность трудолюбиваго изслѣдователя по старой и новой литературѣ. Новый, и первый крупный, его трудъ, посвященный протопопу Аввакуму, составитъ цѣнное пріобрѣтеніе для исторіи раскола и вообще умственнаго быта русскаго общества во второй половинѣ XVII вѣка. Свою точку зрѣнія и объемъ изслѣдованія авторъ объясняетъ такъ: „Аввакумъ выдается изъ среды всѣхъ расколоучителей не только „огнепальною ревностью", которая привела его къ цѣлому ряду страданій и къ смерти на кострѣ, но и крайне оригинальнымъ складомъ своего ума, могучимъ даромъ проповѣдника, вполнѣ доступнаго своей паствѣ. Эта послѣдняя сторона его дѣятельности представляетъ не малый интересъ не только для исторіи раскола, но и для исторіи вообще умственнаго движенія русскаго общества въ XVII вѣкѣ, въ ту переходную эпоху, когда подготовлялось преобразованіе Петра Великаго и когда происходило множество всякихъ столкновеній на культурной почвѣ. Поэтому литературное изученіе Аввакума не можетъ никоимъ образомъ быть ограничено рамками исключительно филологическаго изслѣдованія текста его сочиненій, указаніемъ формальныхъ, такъ сказать, источниковъ его взглядовъ и пріемовъ; оно должно быть поставлено въ связь съ тѣми культурными движеніями, которыя вызвали протестъ защитниковъ старины и обусловили выступленіе Аввакума въ качествѣ литературно-общественнаго бойца. Этимъ соображеніемъ и опредѣлились размѣры той задачи, которую я поставилъ въ своемъ изслѣдованіи: моей цѣлью было дать литературную біографію богатыря-протопопа, какъ называетъ Аввакума С. М. Соловьевъ. Въ такой біографіи мнѣ представлялось прежде всего необходимымъ указать связи, соединяющія Аввакума съ общимъ движеніемъ по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, вслѣдствіе чего мнѣ нужно было остановиться на всякаго рода столкновеніяхъ, возникавшихъ въ русской жизни, благодаря усиленію западныхъ новшествъ; затѣмъ при разсмотрѣніи литературныхъ произведеній Аввакума я старался, насколько это возможно, пріурочить ихъ къ обстоятельствамъ его жизни, кото-

Digitized by Google

рыми многое въ нихъ объясняется, и отмѣтить тѣ ихъ стороны, которыя представляются наиболѣе оригинальными и которыми, вѣроятно, обусловливается сила Аввакума, какъ расколоучителя; при этомъ я обращалъ вниманіе и на источники, которыми онъ могъ пользоваться для своихъ писаній, потому что эти источники опредѣляютъ намъ характеръ и степень его образованія; однако вдаваться въ детальныя изслѣдованія въ этомъ направленіи я счелъ излишнимъ, такъ какъ убѣдился, что въ способѣ пользованія источниками Аввакумъ обнаруживаетъ большую самостоятельность, постоянно приноравливая книгу къ пониманію своихъ послѣдователей. Замѣчанія относительно стиля Аввакума я не нашелъ нужнымъ выдѣлять въ особую главу, чтобы не нарушать цѣльности своей работы".

Авторъ подразумѣвалъ біографическій планъ своего труда: эта біографія исполнена имъ очень старательно. Онъ конечно воспользовался болѣе ранними изслѣдованіями, провѣряя и иногда исправляя ихъ, и въ особенности сдѣлалъ собственныя разысканія на основаніи сочиненій Аввакума въ сличеніи ихъ съ другими произведеніями тогдашней литературы, тексты которыхъ нерѣдко онъ впервые извлекалъ изъ рукописей. Въ книгѣ г. Бороздина біографія Аввакума изслѣдована съ гораздо большею полнотою, чѣмъ было до сихъ поръ.

Изложеніе должно было представить нѣкоторыя трудности въ томъ отношеніи, что автору приходилось вести біографическій разсказъ и нерѣдко, рядомъ съ этимъ, опредѣлять тѣ памятники, которые служили ему здѣсь источникомъ,—напримѣръ: памятникъ встрѣчается въ рукописяхъ въ различныхъ редакціяхъ; нужно было разобрать ихъ происхожденіе, раскрыть принадлежность извѣстной редакціи тому или другому времени, участію того или другого лица, и т. д. Это смѣшеніе критической работы, которая должна бы быть предварительною, съ разсказомъ, представляющимъ біографическій выводъ, не лишено своихъ неудобствъ; и, быть можетъ, лучше было бы выдѣлить критическое опредѣленіе источниковъ въ предварительный трактатъ, часто „филологическій". Было бы именно весьма полезно цѣльное обозрѣніе всего рукописнаго матеріала (доселѣ изданнаго и теперь издаваемаго, или ожидающаго печати), который заключаетъ или творенія самого Аввакума, или писанія его современниковъ, имѣющія отношеніе къ его біографіи и къ его ученію, и при этомъ въ особенности сказалась бы необходимость болѣе полнаго и точнаго опредѣленія источниковъ, чѣмъ могъ авторъ сдѣлать это при исключительно біографической задачѣ.

Въ изложеніи культурныхъ условій русскаго общества половины XVII вѣка, среди которыхъ дѣйствовалъ и особенно воспитывался Аввакумъ, также нужно было бы дать больше указаній объ объемѣ

Digitized by Google

и характерѣ той книжности, которая была его чтеніемъ и, конечно, основой его церковнаго міровоззрѣнія. Авторъ много говоритъ о роли иноземцевъ, которые все больше размножались въ то время въ Россіи, злоупотребляли своею торговою монополіей и уже тогда возбуждали недовольство русскихъ людей; но гораздо важнѣе въ данномъ случаѣ было бы указать, въ чемъ состояло міровоззрѣніе того круга, къ которому принадлежитъ Аввакумъ, на какомъ чтеніи онъ былъ воспитанъ и что̀ изъ него вынесъ. Разные оттѣнки мнѣній были уже на лицо. Напримѣръ, протопопъ Аввакумъ даетъ особую кличку людямъ, которыхъ онъ считалъ зараженными западнымъ вліяніемъ: это были „альманашники“; онъ не умѣлъ иначе назвать ихъ, но разумѣлось что-то новое, что̀ уже давно стало проникать, хотя въ минимальныхъ размѣрахъ, изъ западнаго суевѣрія, а также изъ западнаго знанія. Въ тѣ самые годы, когда Аввакумъ ратовалъ за старину, или вскорѣ потомъ, въ средѣ русскаго общества были уже люди, искавшіе новаго умственнаго содержанія — и не только въ такой грубой и угловатой формѣ, какъ у названнаго авторомъ князя Хворостинина, но, напримѣръ, какъ у боярина Матвѣева, Ордина-Нащокина, Ртищева, князя В. В. Голицына и др.; въ тѣ же годы, когда вспыхнулъ въ первой жестокой формѣ расколъ, Котошихинъ писалъ уже свою книгу. Все это было еще отрывочно, неясно, но во всякомъ случаѣ здѣсь были зародыши общественнаго разлада между старымъ и новымъ, и это даетъ новый оттѣнокъ въ опредѣленіе настроенія того времени, и въ частности въ опредѣленіе роли Аввакума и раскола, которые хотѣли быть абсолютными хранителями старины. Судя по газетнымъ отчетамъ, въ этомъ направленіи и сдѣланы были автору на диспутѣ 17 мая весьма существенныя возраженія.

Этотъ вопросъ о культурныхъ условіяхъ, среди которыхъ воспитался и потомъ дѣйствовалъ Аввакумъ, конечно, очень сложенъ, но требовалъ бы болѣе подробнаго разсмотрѣнія, чѣмъ сдѣлано у нашего автора. Между прочимъ, кромѣ упомянутаго, едва ли обращено достаточно вниманія на тѣ мнѣнія о соціальной сторонѣ возникавшаго раскола, какія высказывались въ литературѣ: авторъ только мимоходомъ упомянулъ о взглядахъ Щапова (стр. 159), съ которыми не согласенъ,—но этого случайнаго возраженія недостаточно для опроверженія его теоріи.

Есть, наконецъ, частныя неясности или неточности. На страницѣ 340 и 342 авторъ упоминаетъ объ „отразительномъ писаніи“ старца Ефросина, который былъ обличителемъ „самоубійственныхъ смертей“; а вслѣдъ затѣмъ авторъ называетъ его „пропагандистомъ самосожженія“. Если авторъ подразумѣвалъ какого-нибудь другого Евфросина, это должно было быть по крайней мѣрѣ указано; но, обращаясь къ ука-

Digitized by Google

зателю, находимъ, что это одинъ и тотъ же Евфросинъ, и притомъ онъ ставится рядомъ съ дѣйствительнымъ защитникомъ самосожженія—Поликарпомъ.

Въ указателѣ находимъ также неточности, напримѣръ въ указаніяхъ о Щаповѣ, къ которымъ мы обращались: на стр. 58 о немъ совсѣмъ нѣтъ рѣчи.

Въ цѣломъ, сочиненіе г. Бороздина доставляетъ, однако, много новыхъ данныхъ для разъясненія исторіи Аввакума, и еслибы успѣхъ книги (какого мы ей желаемъ) вызвалъ новое ея изданіе, было бы весьма полезно развить нѣкоторыя стороны изслѣдованія, отвѣтить на заявляемыя критическія требованія, и особливо дать тотъ полный списокъ писаній Аввакума, а также матеріаловъ для его исторіи, о которомъ мы упомянули.

— Сочиненія Н. С. Тихонравова. Томъ первый. Древняя русская литература. М. 1898. Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ.

Изданіе сочиненій Тихонравова идетъ довольно быстро; для завершенія его остается еще вторая часть III тома.

Въ предисловіи къ вышедшему теперь первому тому находимъ свѣдѣнія о составѣ цѣлаго изданія. Редакторы его, М. Н. Сперанскій и В. Е. Якушкинъ, упоминаютъ въ началѣ о томъ, что въ первыхъ семидесятыхъ годахъ Тихонравовъ самъ намѣревался издать сборникъ своихъ статей, но дѣло остановилось вслѣдствіе несостоятельности издателя. „Въ оставшихся послѣ Тихонравова бумагахъ сохранились первые листы сборника, но не найдено свѣдѣній ни о предполагавшемся составѣ изданія, ни о порядкѣ размѣщенія въ немъ статей". Эти свѣдѣнія, однако, есть: въ объявленіяхъ книгопродавца Кожанчикова (въ Спб. Вѣдомостяхъ" 1873 или 1874 года) было сказано о предположенныхъ изданіяхъ „Русскихъ драматическихъ произведеній" и собранія статей Тихонравова, при чемъ было приведено содержаніе обоихъ изданій.

Въ настоящее собраніе вошли вообще всѣ работы Тихонравова по исторіи литературы, но съ слѣдующими исключеніями:

1) „По договору, заключенному съ представителями наслѣдниковъ Тихонравова, издателямъ предоставлено было право пользоваться для настоящаго изданія всѣми трудами Н. С. Тихонравова, какъ напечатанными, такъ и ненапечатанными, за исключеніемъ нижеслѣдующихъ, а именно: а) Житіе протопопа Аввакума, имъ самимъ написанное, Спб. 1862; б) Памятники отреченной литературы, т. I, Спб. 1863; т. II, Москва, 1863; в) Слово о полку Игоревѣ, текстъ и примѣчанія Н. С. Тихонравова, изд. 1-е, М. 1866; изд. 2-е, М. 1868;

Digitized by Google

г) Русскія драматическія сочиненія (1672-1725 гг.). Предисловіе, текстъ и примѣчанія Н. С. Тихонравова, т. I и II. Спб. 1874; д) „Ревизоръ", комедія Гоголя. Первоначальный сценическій текстъ и т. д., со статьею: Очеркъ исторіи текста комедіи „Ревизоръ" и пр., М. 1886; е) „Тарасъ Бульба" Н. В. Гоголя, главы неизданной редакціи, Русск. Стар. 1887, кн. 3, стр. 711—731, и кн. 4, стр. 73—89; ж) Сочиненія Н. В. Гоголя, изданіе десятое, съ введеніемъ и примѣчаніями Н. С. Тихонравова, пять томовъ, М. 1889, и томы VI и VII того же изданія, подъ редакціей Н. С. Тихонравова и В. И. Шенрока, со всѣми примѣчаніями; з) Сочиненія Н. В. Гоголя, изданіе 11-е, редакція Н. С. Тихонравова, пять томовъ. Спб. 1893 г. Съ предувѣдомленіемъ и примѣчаніями редактора; и) Древнія житія преп. Сергія. М. 1893. Съ введеніемъ и примѣчаніями Н. С. Тихонравова; і) Матеріалы для полнаго собранія сочиненій Д. И. Фонвизина, Спб. 1894, изд. II-го отдѣленія Имп. Ак. Наукъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями Н. С. Тихонравова, за исключеніемъ біографіи Д. И. Фонвизина, перепечатанной въ этомъ изданіи изъ „Біографическаго словаря воспитанниковъ Московскаго университета".

2) „Въ настоящемъ собраніи не помѣщены статьи, которыя не подходятъ подъ планъ изданія, такъ какъ не касаются исторіи литературы, а стоятъ въ связи съ педагогическою и служебною дѣятельностью Н. С. Тихонравова: отчеты его по воскреснымъ школамъ, бывшимъ подъ его руководствомъ, отчетъ о выпускныхъ экзаменахъ въ московской 3-й гимназіи въ 1866 г., программа по русскому языку и словесности для поступающихъ въ студенты московскаго университета (М. 1865), краткіе отчеты о состояніи университета, читанные Тихонравовымъ на университетскихъ актахъ во время ректорства.

3) „Изъ студенческихъ работъ Тихонравова въ изданіе не вошли: списокъ сочиненій Жуковскаго (М. 1853), какъ не имѣющій теперь самостоятельнаго значенія; оставшееся въ рукописи латинское разсужденіе объ Аристотелѣ съ переводомъ на русскій языкъ Περὶ ποιητικῆς, и также рукописное сочиненіе на медаль — „О нѣмецкихъ народныхъ преданіяхъ въ связи съ исторіей",—какъ устарѣвшія по фактическимъ данным".

Кромѣ статей собраны здѣсь замѣтки Тихонравова къ издававшимся имъ памятникамъ и документамъ; нѣкоторыя дополненія и поправки извлечены изъ оставшихся послѣ него бумагъ,—но вообще въ этихъ бумагахъ нашлось только немногое, чѣмъ можно было воспользоваться для изданія. Въ бумагахъ нашлись только небольшіе отрывки изъ его университетскихъ курсовъ. „Это обстоятельство,—говорятъ редакторы, — повліяло на рѣшеніе не вводить въ настоящее изданіе лекцій Тихонравова. Но это не значитъ, что изданіе это не имѣетъ

Digitized by Google

отношенія къ курсамъ Тихонравова: его лекціи и изслѣдованія стояли всегда въ тѣсной связи другъ съ другомъ: статьи по большей части вводились имъ въ курсы, какъ и наоборотъ, отдѣльныя части курсовъ отдѣлывались имъ въ статьи. Поэтому въ настоящемъ изданіи есть многія и многія страницы, прямо почти совпадающія съ лекціями". Но въ будущемъ редакторы не теряютъ надежды сдѣлать отдѣльное изданіе курсовъ. „Въ основаніе изданія должны быть положены литографированныя и отчасти рукописныя студенческія записки; собраніе этихъ записокъ, по возможности, за все время преподавательской дѣятельности Н. С. Тихонравова, сравненіе ихъ содержанія и установленіе окончательной редакціи даннаго курса требуютъ особой работы и столь значительнаго времени, что теперь не представляется еще возможнымъ сказать, когда изданіе курсовъ могло бы быть начато".

Въ первомъ томѣ помѣщены статьи, относящіяся къ древней русской литературѣ; но въ началѣ помѣщена единственная обширная статья общаго содержанія, которую издатели очень справедливо поставили во главѣ всего собранія сочиненій Тихонравова. Это былъ извѣстный разборъ „Исторіи русской словесности" Галахова, гдѣ затронуты многіе существенные вопросы самаго содержанія литературной исторіи и метода изслѣдованія. Затѣмъ, въ первомъ томѣ являются нѣкоторые труды Тихонравова, въ первый разъ издаваемые. Такова обширная статья: Отреченныя книги древней Россіи, представляющая его давно задуманную диссертацію, къ которой должны были служить приложеніемъ изданные имъ въ 1863 два тома Памятниковъ отреченной литературы. Довольно трудно понять, почему въ свое время эта статья осталась неизданной. Редакторъ перваго тома, г. Сперанскій, указываетъ, что Тихонравовъ, составивъ первый текстъ статьи, впослѣдствіи сталъ ее переработывать: онъ пользовался нѣкоторыми отдѣлами своей рукописи въ позднѣйшихъ работахъ, но, повидимому, въ цѣломъ составѣ хотѣлъ напечатать ее, только дополнивъ ее по новымъ изслѣдованіямъ своимъ и чужимъ. Этотъ вопросъ старой письменности, раньше почти недоступный, дѣйствительно возбудилъ съ шестидесятыхъ годовъ особый интересъ; являлись все новыя изслѣдованія—и работа Тихонравова такъ и осталась недоконченною. При всемъ томъ и въ этомъ незаконченномъ видѣ она остается чрезвычайно интересной, какъ по самому содержанію, такъ и по его пріему. Онъ не вдается въ детальное изслѣдованіе текстовъ и въ сравнительно-историческія изслѣдованія, но въ особенности старается уловить непосредственную роль этой литературы въ жизни, ея дѣйствіе на умы книжниковъ и народной массы, до которой она достигала, отмѣтить ея отраже-

Digitized by Google

нія въ понятіяхъ, преданіяхъ, наконецъ въ народно-поэтическихъ произведеніяхъ. Въ этомъ смыслѣ трактатъ Тихонравова остается единственнымъ въ своемъ родѣ: напоминая подобные труды Буслаева, онъ отличается отъ нихъ большею точностью и опредѣленностью фактовъ и выводовъ. Другая любопытная статья, напечатанная здѣсь въ первый разъ, есть изслѣдованіе о „Девгеніевомъ Дѣяніи". Эта древняя византійская поэма была извѣстна въ старой русской письменности: списокъ ея находился въ той рукописи, изъ которой извлечено было Слово о полку Игоревѣ; рукопись, какъ извѣстно, пропала въ Москвѣ въ 1812 году, и изъ „Девгеніева Дѣянія" уцѣлѣло только нѣсколько строкъ, выписанныхъ Карамзинымъ въ одномъ примѣчаніи его „Исторіи". Затѣмъ, списокъ „Дѣянія" былъ открытъ только въ пятидесятыхъ годахъ въ одной рукописи Погодинскаго Древлехранилища, но не совсѣмъ полный; и наконецъ, Тихонравову въ послѣдніе годы его жизни посчастливилось пріобрѣсти еще списокъ „Дѣянія" въ рукописи 1744 года, опять неполный, но въ очень любопытной редакціи. Указавъ содержаніе и характеръ византійской поэмы, онъ объясняетъ, какъ отразилась она въ извѣстной до тѣхъ поръ русской передачѣ, затѣмъ опредѣляетъ новый, имъ найденный текстъ и приходитъ къ слѣдующему заключенію: „Въ древней Россіи обращалось два независимыхъ одинъ отъ другого славяно-русскихъ перевода: одинъ представленъ текстомъ Мусина-Пушкина (отрывки, сохраненные Карамзинымъ) и Малкова (рукопись 1744 года), другой—текстомъ Пыпина (открытымъ въ Погодинской рукописи). Переводы сдѣланы съ разныхъ редакцій греческаго Дѣянія: Мусина-Пушкина—съ пространной, Пыпина — съ сокращенной. Текстъ Мусина-Пушкина предполагаетъ редакцію Дѣянія, которая превосходитъ своею древностью трапезунтскій (греческій) текстъ и ближе, чѣмъ трапезунтскій, къ богатырскому типу народныхъ пѣсенъ. Трапезунтская поэма выработалась не вдругъ, а постепеннымъ смягченіемъ въ письменной литературѣ народныхъ сказаній о богатырѣ. Отдѣльныя главы „Дѣянія" въ литературныхъ редакціяхъ памятника передаются различно: въ текстѣ Малкова и Мусина-Пушкина пересказъ отличается большою древностью и чистотою преданія. Это и даетъ особенное значеніе вновь найденнымъ отрывкамъ русскаго текста: они обогащаютъ исторію греческой поэмы новыми данными: 1) они доказываютъ, несомнѣнно, существованіе болѣе древней редакціи поэмы, чѣмъ представляемая трапезунтскою рукописью, которая оставляетъ изъ древняго текста немногія черты; 2) сохраняютъ такія черты преданія, которыя стерты въ позднѣйшей обработкѣ поэмы, и 3) представляютъ въ русскомъ переводѣ такіе эпизоды греческой поэмы, которые пока не найдены въ подлинникѣ".

Digitized by Google

Къ первому тому присоединенъ очеркъ научной дѣятельности Тихонравова, напечатанный первоначально въ „Вѣстникѣ Европы“ 1897 года и здѣсь дополненный нѣкоторыми подробностями.

А. Пыпинъ.

— Русскій біографическій Словарь. Ибакъ-Ключаревъ. Изданъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Императорскаго Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова. Спб. 1897.

Это большой томъ въ 756 страницъ плотной печати въ два столбца. Первый томъ „Словаря“, заключающій около половины буквы А и чрезвычайно любопытный въ особенности жизнеописаніями императоровъ Александра I и Александра II, вышелъ въ 1896 году. Настоящій томъ не обозначенъ счетомъ и не сопровожденъ никакимъ объясненіемъ; но, какъ можно заключать изъ появленія новой буквы алфавита и какъ вообще было извѣстно, редакція „Словаря“ рѣшила выпускать его одновременно нѣсколькими серіями, начиная нѣсколькими буквами алфавита, очевидно для того, чтобы ускорить изданіе и сохранить хронологическую цѣльность матеріала: иначе, при обширности предпріятія, историко-литературныя данныя перваго тома успѣли бы очень устарѣть къ тому времени, когда выходилъ бы послѣдній.

Не требуетъ особыхъ объясненій великая важность изданія, предпринятаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ. До сихъ поръ въ нашей литературѣ были только весьма недостаточныя попытки подобнаго рода, которыя или ограничивались небольшимъ числомъ лицъ, или относились къ разнымъ спеціальностямъ; словари энциклопедическіе заключали только важнѣйшія имена или давали только краткія свѣдѣнія. Настоящій „Словарь“ ставитъ свою задачу очень широко, даетъ мѣсто множеству историческихъ дѣятелей самыхъ разнообразныхъ отраслей государственной и общественной жизни и, какъ видно изъ вышедшихъ теперь двухъ томовъ, не уклоняется отъ помѣщенія довольно обширныхъ біографій. Изъ двухъ вышедшихъ томовъ можно видѣть, что біографіи настоящаго „Словаря“ составляются не только по матеріалу печатному, но также и по матеріаламъ архивнымъ, такъ что многія свѣдѣнія появятся здѣсь въ первый разъ. Біографіи составлены вообще весьма обстоятельно и нѣкоторымъ историческимъ дѣятелямъ посвящены довольно обширныя статьи. Такъ находимъ здѣсь пространныя жизнеописанія Іоанна III и Іоанна IV; далѣе болѣе или менѣе обширныя статьи: патріархи Іосифъ, Іоакимъ; Каменскій (фельдмаршалъ), Кантемиръ, Карамзинъ, Кавелинъ, Каразинъ, Кирѣевскіе, Киселевъ и т. д. При біографіяхъ указываются обыкновенно источники, по которымъ онѣ составлялись,

Digitized by Google

и эти источники перечисляются обыкновенно довольно обстоятельно. Не обходится, конечно, безъ того, чтобы эта библіографія не представляла пропусковъ; но въ цѣломъ „Словарь“ доставляетъ большое обиліе біографическихъ свѣдѣній, которое, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ „Словарь“ необходимою настольною книгой для историковъ и для всѣхъ любознательныхъ читателей.

— Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга седьмая, изданная членомъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи и почетнымъ членомъ Археологическаго института княземъ Ѳ. А. Куракинымъ, подъ редакціею В. Н. Смольянинова. Саратовъ. 1898.

Замѣчательное изданіе князя Ѳ. А. Куракина достигло седьмого тома. Здѣсь еще продолжаются бумаги кн. Бориса Куракина, именно его переписка съ разными лицами за 1713 годъ, а затѣмъ бо́льшая часть тома занята перепиской кн. Александра Бор. Куракина за 1771—75 годы. Къ письмамъ присоединены обширныя объяснительныя примѣчанія. Бумаги кн. Бориса Куракина касаются почти исключительно дипломатическихъ дѣлъ по его тогдашнему служебному положенію. Переписка кн. Александра, по преимуществу на французскомъ языкѣ, любопытна какъ матеріалъ для бытовой исторіи нашей аристократіи XVIII в., когда аристократическая молодежь нерѣдко училась за-границей и часто завязывала тамъ болѣе или менѣе близкія связи; этотъ матеріалъ любопытенъ также для домашнихъ нравовъ, воспитанія (см., напримѣръ, росписаніе уроковъ 15-лѣтняго князя Алексѣя Борисовича), придворныхъ отношеній и пр. Пользованіе книгой чрезвычайно облегчено весьма подробными указателями личныхъ именъ русскихъ и иностранныхъ.

Въ замѣткѣ редакціи читаемъ, что въ „Архивъ“ вошли и войдутъ бумаги слѣдующихъ лицъ изъ рода князей Куракиныхъ: кн. Григорія Семеновича (ум. 1661); кн. Ивана Григорьевича (ум. 1682); кн. Бориса Ивановича (ум. 1727); кн. Александра Борисовича, полномочнаго посла въ Парижѣ (ум. 1749); кн. Бориса Александровича, камеръ и экономіи-коллегій президента (ум. 1764); кн. Александра Борисовича, государственнаго вице-канцлера (ум. 1818); кн. Алексѣя Борисовича, министра внутреннихъ дѣлъ (ум. 1829); кн. Бориса Алексѣевича, сенатора (ум. 1850). Далѣе въ замѣткѣ читаемъ: „Находясь въ родствѣ съ именитѣйшими русскими фамиліями, князья Куракины, какъ по связямъ родства и дружбы, такъ и по служебнымъ отношеніямъ, вели обширнѣйшую переписку, которая и сохраняется нынѣ у кн. Ѳ. А. Куракина въ его родовой вотчинѣ, селѣ Надеждинѣ, въ количествѣ 1.375 фоліантовъ. Большая часть этихъ бумагъ принадлежитъ XVIII вѣку, и почти нѣтъ ни одного болѣе или менѣе выдаю-

Digitized by Google

щагося дѣятеля этой славной эпохи, который не оставилъ бы по себѣ слѣда въ Надеждинскомъ архивѣ, причемъ, что̀ очень важно, сохранились и черновики тѣхъ писемъ, которыми обмѣнивались князья Куракины со множествомъ лицъ обоего пола".

— В. Д. Смирновъ. Турецкія легенды о св. Софіи и о другихъ византійскихъ древностяхъ. Изданіе факультета восточныхъ языковъ Имп. Спб. Университета ко дню открытія XI международнаго съѣзда въ Парижѣ. Спб. 1898.

Тема, избранная г. Смирновымъ для своего изслѣдованія, очень интересна. Авторъ объясняетъ въ первыхъ строкахъ своего труда, какимъ образомъ въ теченіе вѣковъ въ разныхъ историческихъ и этнографическихъ условіяхъ существовала и развивалась легенда, порожденная христіанскими святынями Константинополя.

„Существуя такое продолжительное время, городъ этотъ былъ свидѣтелемъ или, вѣрнѣе, вмѣстилищемъ нѣсколькихъ культуръ—эллинско-языческой, греческо-христіанской и, наконецъ, турецко-мусульманской, изъ коихъ каждая наложила на него болѣе или менѣе явственную печать, оставила болѣе или менѣе видные слѣды своего тамъ преобладанія. Эти слѣды замѣчаются какъ въ этнографическихъ особенностяхъ пестраго, живого населенія Царьграда, такъ и въ мертвыхъ памятникахъ—произведеніяхъ искусствъ, и главнымъ образомъ архитектуры. То и другое, разумѣется, поочередно уступаетъ разрушительному дѣйствію времени, постепенно распадаясь, видоизмѣняясь или даже и совсѣмъ исчезая, одно раньше, другое позже, одно быстрѣе, другое медленнѣе.

„Но то, что̀ обречено на разрушеніе и уничтоженіе, еще долго борется за свое существованіе: истощивъ средства поддержать свою видимую индивидуальность, оно, съ утратою ея, иногда продолжаетъ жить жизнью отвлеченною, становясь предметомъ народныхъ преданій и изукрашенныхъ вымыслами легендарныхъ сказаній". Такимъ образомъ въ исторической жизни Константинополя, въ его археологическихъ памятникахъ, а также въ жизни бытовой, въ литературномъ и народно-поэтическомъ преданіи встрѣчается цѣлый рядъ различныхъ наслоеній. Послѣднее изъ нихъ есть турецкое, изученіе котораго и предпринялъ г. Смирновъ. Въ этомъ культурно-историческомъ отношеніи авторъ питаетъ къ туркамъ великую антипатію.

„Первое, съ чѣмъ приходится встрѣтиться при этой расчисткѣ, есть, конечно, наслоеніе турецко-мусульманское. Оно самое поверхностное, самое рыхлое, какъ рыхлы тѣ турецкія зданія, построенныя изъ щепокъ и мусора, отъ которыхъ при малѣйшей физической ка-

Digitized by Google

тастрофѣ обыкновенно остаются только развалины. Турки—это тупой, праздный народъ, отличающійся какою-то своеобразною флегматическою, самоувѣренною неподвижностью, способный лишь къ стихійному прозябанію, къ потравѣ готоваго подножнаго корма, достающагося ему безъ всякаго умственнаго и даже физическаго труда и творчества... Самый мусульманскій фанатизмъ своими періодическими приступами лишь разжигаетъ въ этомъ народѣ аппетитъ къ скорѣйшему, усиленному истребленію остальныхъ средствъ къ продленію этого существованія, не вызывая никакихъ жизненныхъ силъ и способностей въ его общественномъ и государственномъ организмѣ".

Все это, можетъ быть, совершенно справедливо, но подобная характеристика дѣлаетъ едва понятной ту историческую роль, какую турки уже столько вѣковъ играли на азіатскомъ западѣ и европейскомъ востокѣ. При всей некультурности съ европейской точки зрѣнія турки успѣли вытѣснить европейцевъ изъ Палестины во время Крестовыхъ походовъ, успѣли разрушить византійскую имперію и славянскія царства на Балканскомъ полуостровѣ, овладѣть цѣлымъ юго-востокомъ Европы и съ конца XIV вѣка и донынѣ наперекоръ всей Европѣ продолжаютъ проживать на Балканскомъ полуостровѣ, и Европа такъ или иначе остается противъ нихъ безсильна. Въ европейскомъ смыслѣ Турція есть орда, но очевидно, что въ этой ордѣ была какая-то сила, которая способна была доставить ей великое могущество въ прежніе вѣка и при всѣхъ потеряхъ поддерживать ее донынѣ. Дѣло въ томъ, что Турція является представительницей особой мусульманской цивилизаціи, которая, безъ сомнѣнія, не можетъ равняться съ европейской по умственному уровню и задаткамъ нравственнаго развитія, но способна была объединить громадныя массы людей восточной природы и связать ихъ той страшной солидарностью, которую называютъ фанатизмомъ. Авторъ считаетъ мусульманскій міръ культурно-несостоятельнымъ, и это едва ли подлежитъ спору, но столь долгое мусульманское владычество въ странахъ, нѣкогда принадлежавшихъ европейской культурѣ, есть фактъ немаловажнаго отрицательнаго значенія для самой европейской цивилизаціи.

При всей безплодности собственной культуры турки, по словамъ автора, „не были настолько уже слѣпы, чтобы не видѣть чужихъ созданій рукъ человѣческихъ, и, при всемъ своемъ невѣжествѣ и варварствѣ, не могли оставаться совершенно равнодушны къ величію и красотѣ этихъ созданій. Такъ или иначе они предавались ихъ созерцанію и, какъ умѣли, по-своему высказывались по этому поводу въ видѣ не то чтобы положительныхъ описаній или воспоминаній, какъ результатовъ трезвыхъ наблюденій и дѣйствительныхъ впечатлѣній,

Digitized by Google

а больше въ формѣ фабулозныхъ (баснословныхъ?) сказаній, основанныхъ частію также на исчужа заимствованныхъ преданіяхъ, частію, пожалуй, по собственному опыту, не подкрѣпленному однакоже ни знаніями, ни образованіемъ". Другими словами, у турокъ образовалась своя легенда о томъ чудесномъ городѣ, какимъ долженъ былъ представляться имъ Константинополь, и въ особенности объ его замѣчательнѣйшемъ памятникѣ, какимъ былъ храмъ св. Софіи, сохранившій свое имя даже тогда, когда былъ превращенъ въ мечеть: Ая-Суфья.

Какъ видно изъ изслѣдованія г. Смирнова, эта турецкая легенда возникала задолго до завоеванія Константинополя, когда до турокъ доходила молва о чудномъ городѣ. По всей вѣроятности легенда разрослась особенно въ то время, когда турки, утвердившись въ XIV вѣкѣ на Балканскомъ полуостровѣ, стали близкими сосѣдями Константинополя, и наконецъ установилась окончательно по взятіи Константинополя. Давно легенда нашла мѣсто и въ письменныхъ памятникахъ. Восточные писатели бывали, въ предметахъ исторіи, географіи, преданія, большими компиляторами: они брали свое добро тамъ, гдѣ находили, повторяли цѣликомъ чужіе разсказы, дополняли чѣмъ-нибудь другимъ; на слѣдующій разъ это повторялось опять съ новыми варіаціями, и въ концѣ концовъ получалась пестрая путаница сказаній, гдѣ установленіе источниковъ становится наконецъ совершенно невозможнымъ.

Авторъ перечисляетъ разные турецкіе тексты, въ которыхъ заключаются легенды; должно, однако, сказать, что опредѣленіе ихъ взаимныхъ отношеній изложено довольно темно (стр. 7—10). Одинъ изъ подобныхъ памятниковъ авторъ приводитъ цѣликомъ въ русскомъ переводѣ и турецкомъ подлинникѣ, сопроводивъ текстъ обширными примѣчаніями, гдѣ насколько возможно объясняется происхожденіе тѣхъ или другихъ подробностей легенды. Эти странствованія легендарныхъ мотивовъ, въ основѣ которыхъ лежитъ византійскій источникъ, очень любопытны: фантастическая тема получаетъ восточные узоры и становится настоящей сказкой; но авторъ объясняетъ, что такъ было не у однихъ турокъ, и для сравненія приводитъ нерѣдко столь же фантастическія показанія средневѣковыхъ паломниковъ русскихъ и западныхъ. Онъ даетъ при этомъ нѣсколько интересныхъ объясненій къ древнимъ русскимъ хожденіямъ, и дѣлаетъ опыты истолкованія восточныхъ словъ въ другихъ памятникахъ нашей старой письменности. Напрасно только онъ довѣрялся изданіямъ Сахарова, гдѣ можно было безъ нихъ обойтись (напримѣръ, стр. 88, относительно хожденія Зосимы). Замѣтимъ также, что ссылки на стихъ о Голубиной Книгѣ преувеличены.—Т.

Digitized by Google

Въ маѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили слѣдующія новыя книги и брошюры:

Алларъ, Поль.—Христіанство и Римская имперія, отъ Нерона до Ѳеодосія. Спб. 98. Стр. 291. Ц. 1 р.

Арепьевъ, Н.—Женское медицинское образованіе. Образованіе въ Россіи и женскій медицинскій институтъ. М. 98. Стр. 66.

Байронъ, лордъ.—Еврейскія мелодіи въ переводахъ русскихъ писателей. Съ приложеніемъ статьи: „Лордъ Байронъ и его еврейскія мелодіи". Екатеринославъ, 98. Стр. 35. Ц. 20 к.

Балталонъ, Ц.—Принципы критики В. Г. Бѣлинскаго. М. 1898. Стр. 42. Ц. 20 к.

Быстренинъ, В.—Сказки жизни. М. 98. Стр. 187. Ц. 50 к.

Бѣлоголовый, Н. А.—Воспоминанія и другія статьи. 3-е изд. Москва. 98. Стр. 560. Ц. 1 р. 50 к.

Бѣлоконскій, И. П.—Новый фазисъ въ дѣятельности земства по народному образованію. М. 98.

Ваккаро, Андж.—Эволюція любви. Перев. съ итал. Н. Федоровой. Спб. 98. Стр. 47. Ц. 25 к.

Вахтеровъ, В. П.—Секція IX-я общихъ вопросовъ. Высочайше разрѣшенный 2-й Съѣздъ русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію въ Россіи. 1895—1896 г. Ч. I и II. М. 98. Стр. 360, съ прилож., и 544.

Венгеровъ, С. А.—Русскія книги, съ біографич. данными объ авторахъ и переводчикахъ. Вып. XXIII: Баратынскіе—Бочечкаровъ. Спб. 98. Стр. 97—144. Ц. 40 к.

Гейне, Генрихъ.—Собраніе сочиненій. Редакція П. Вейнберга. Т. I. Спб. 1898. Стр. 540. Ц. 1 р. 75 к.

Гефдингъ, Гаральдъ, проф. Копенгагенскаго унив.—Этика, или наука о нравственности. Изложеніе этическихъ принциповъ и ихъ примѣненіе къ различнымъ житейскимъ отношеніямъ. Переводъ съ послѣдняго изданія подъ редакціею Л. Е. Оболенскаго. Спб. 1898. Изд. В. Г. Губинскаго. Стр. 382. Ц. 1 р. 75 коп.

Гобсонъ.—Эволюція современнаго капитализма. Съ предисловіемъ автора, написаннымъ для русскаго изданія. Перев. съ англ. Спб. 98. Стр. 424. Ц. 1 р. 50 коп.

Гусевъ, А.—Элементарный учебникъ церковно-славянскаго языка для начальныхъ народныхъ училищъ. Изд. 4-е. М. 97.

Деморъ, *Массаръ* и *Фандерфельде*.—Регрессивная эволюція въ біологіи и соціологіи. Переводъ съ франц., подъ ред. Д. Коропчевскаго и В. Фаусека. Спб. 1898. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 261. Ц. 1 р. 25 к.

Загоскинъ, М. Н.—Полное собраніе сочиненій. Томъ первый. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб., М. 1898. CXVI и 341 стр. (Полное изданіе, въ 10 томахъ, 15 р.).

Захарьинъ, Н. Н. (Якунинъ).—Хива. Зимній походъ въ Хиву Перовскаго въ 1839 году, и „Первое посольство въ Хиву" въ 1842 г. Спб. 98. Стр. 205. Ц. 50 к.

Истринъ, В.—Хронографы въ русской литературѣ. Вступительная лекція въ Импер. Новороссійскомъ университетѣ 16-го сентября 1897 года. Спб. 1898. 22 стр.

Digitized by Google

Карстаньенъ, Фр.—Введеніе въ „Критику чистаго опыта". Перев. В. Лесевича, по неизданной рукописи второго, пересмотр. и дополн. изданія. Спб. 1898. Стр. 145. Ц. 1 р.

Карѣевъ, Н.—Исторія Западной Европы въ новое время. Т. I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Ч. 1-я: Политическія и соціальныя отношенія въ концѣ среднихъ вѣковъ. Вып. 1-й. Изд. 2-е. Спб. 98. Стр. 202. Ц. по подпискѣ за 6 вып.—7 руб.

Коринъ, В.—Зарницы. Стихи и пѣсни. Спб. 98. Стр. 62. Ц. 50 к.

Коркуновъ, Н. М.—Исторія философіи права. Пособіе къ лекціямъ. Изданіе второе, дополненное и переработанное. Спб. 1898, VI и 509 стр. Ц. 2 р. 50 коп.

Кормаковъ, В.—Измѣреніе площадей, поверхностей и объемовъ тѣлъ. 180 чертежей въ текстѣ. Спб. 98. Стр. 106. Ц. 70 к.

Костычевъ, П. А.—Почва, ея обработка и удобреніе. Практическое руководство. Посмертное изданіе, съ предисловіемъ Д. П. Прянишникова. Спб. 98. Стр. 316. Ц. 1 р. 25 к.

Краевскій, Александръ.—Практическія замѣтки по вопросу о достиженіи скорости въ гражданскомъ судопроизводствѣ. М. 98. Стр. 138. Ц. 50 к.

Лависсъ и *Рамбо*.—Всеобщая исторія съ IV стол. до нашего времени. Т. IV: Возрожденіе и Реформація. Новый Свѣтъ. 1492—1559. Перев. К. Невѣдомскаго. М. Стр. 133. Ц. 3 р.

Луговской, П. М.—На помощь дѣтямъ. Нѣсколько мыслей по школьному вопросу. Новг. 98. Стр. 63. Ц. 60 к.

М., И.—Русская журнальная литература въ настоящее время. Спб. 98. Стр. 16. Ц. 20 к.

Минэ, А.—Электрическія печи и ихъ примѣненіе. Перев. съ франц. В. И. Зворыкинъ. Спб. 98. Стр. 120. Ц. 1 р. 25 к.

Нитти, С. Франческо.—Народонаселеніе и общественный строй. Переводъ съ франц. подъ ред. Д. Коропчевскаго. Спб. 1898. Изд. О. Н. Поповой. (Культурно-историческая библіотека). Стр. 342. Ц. 1 р. 25 к.

Острогорскій, Викторъ.—В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и педагогъ. Двѣ публичныя лекціи. Спб. 1898. 120 стр. Ц. 60 коп.

Переплетчиковъ, В. А.—О нормальныхъ школьныхъ разстояніяхъ и о мѣрахъ, которыми населеніе старается облегчить дѣтямъ отдѣленныхъ отъ школы мѣстностей пользованіе училищами. М. 98. Стр. 60. Ц. 10 к.

Поссе, В.—Европа въ 1897 году. Спб. 98. Стр. 52. Ц. 40 к.

Савельевъ, В. В.—Статистическіе матеріалы по народному образованію въ Олонецкой губерніи за время существованія земскихъ учрежденій, 1868—1896 г. Петрозав. 98. Стр. 121.

Сёлли, Джемсъ.—Основы общедоступной психологіи и ея примѣненія къ воспитанію. Переводъ съ англійскаго М. Ш. подъ редакціей Л. Е. Оболенскаго. Второе испр. и доп. изданіе. Спб. 1897. Стр. 351. Ц. 1 р. 35 к.

Соловьевъ, Евг.—(Скриба). В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ. (1810—1848). Спб. 1898. Изданіе скоропечатни „Надежда". IX и 251 стр. Ц. 1 р. 75 коп.

Соловьевъ, С. М.—Курсъ новой исторіи. Изд. 2-е. М. 98. Стр. 388. Ц. 1 р. 50 коп.

Сухотинъ, Н. Н.—Война въ исторіи русскаго мира. Спб. 1898. Стр. 44. Ц. 60 коп.

Digitized by Google

Сѣрошевскій.—„Въ сѣтяхъ", повѣсть. Съ 19 иллюстраціями. Изд. О. Н. Поповой. Стр. 140. Ц. 80 коп.

Таганцевъ, Н. С.—Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, изд. 1885 г. 11-е дополн. изд. Спб. 98. Стр. 456. Ц. 2 р.

Тихонравовъ, Н. С.—Сочиненія. Т. I: Древняя русская литература. М. 98. Стр. 358 и 137.

Толстой, Л. Л.—Разсказы изъ времени его студенчества. М. 98. Стр. 292. Ц. 1 р.

Тюркъ, Германъ.—Философія эгоизма. Ницше, Ибсенъ и Штирнеръ. Переводъ со второго нѣмецкаго изданія съ предисловіемъ А. Ч. Спб. 1898. 16 стр. Ц. 20 коп.

Фабръ.—Инстинктъ и нравы насѣкомыхъ. Изъ энтомологическихъ воспоминаній. Перев. съ франц. Е. И. Шевыревой, п. р. Ив. Шевырева. Съ 213 рис. Спб. 98. Стр. 590. Ц. 3 р.

Филипповъ, А. Н.—Гигіена дѣтей. Съ предисл. проф. Н. Ѳ. Филатова. Съ 30 рис. М. 98. Стр. 317. Ц. 2 р.

Шахъ-Назаровъ, д-ръ С. Г.—Основныя положенія физіологической психологіи, по Вундту, Цигену и Мейнерту. I: Теорія апперцепціи В. Вундта. М. 1898. Стр. 61. Ц. 75 к.

Шереметевъ, гр. П. С.—Народные учителя и учительницы въ Тульской губерніи. Тула, 98. Стр. 63.

Югорскій, Серг.—По берегамъ Средиземнаго моря. Спб. 1898. Стр. 452. Ц. 1 р. 80 к.

Юргенсонъ, Р. О.—О судоходномъ состояніи р. Амура съ притоками. Спб. 1897. Стр. 106.

Янковскій, Д. П.—Къ вопросу о преподаваніи ц.-славянскаго, русскаго и польскаго языковъ. Варш. 98. Стр. 36. Ц. 25 к.

Эсменъ, А.—Основныя начала государственнаго права. Перев. съ франц. Н. К., п. р. М. М. Ковалевскаго. Т. I. М. 98. Стр. 450. Ц. 1 р.

Apostel, Dr. Paul.—Das Artjel. Eine wirtschaftsgeschichtliche Studie. Stuttgart, 98. Стр. 151. Ц. 3 м. 60 пф.

Cherbuliez, V.—Jacquine Vanesse. Par. 98. Стр. 344. 3 фр. 50 снт.

Matuszewski, Boleslas.—Une nouvelle source de l'histoire. (Création d'un dépot de cinematographie historique). Paris, mars 1898. 12 стр.

Pacholery, A.—Dictionnaire phraséologique de la langue française, à l'usage des Français et des Russes. Од. 98. Стр. 176. Ц. 2 р.

— Алтайскій сборникъ. Изданіе Общества любителей Алтая. Т. III. Барнаулъ, 98. Стр. 74.

— Архивъ князя Воронцова, кн. IX, ч. 2-я: Бумаги гр. Семена Романовича Воронцова. М. 76. Стр. 527. Ц. 3 р.

— Архивъ князя Ѳ. А. Куракина. Книга седьмая, изданная членомъ Саратовской Ученой Архивной Коммиссіи и почетнымъ членомъ Археологическаго института княземъ Ѳ. А. Куракинымъ подъ редакціею В. Н. Смольянинова Саратовъ, 1898. X и 516 стр. Ц. 4 р.

— Геологическія изслѣдованія и развѣдочныя работы по линіи Сибирской жел. дороги. Вып. IX и X. Спб. 98.

— Двадцатипятилѣтіе музея прикладныхъ знаній въ Москвѣ. М. 1898. Стр. 80 in 4°, съ иллюстраціями.

Digitized by Google

— Картографическое заведеніе А. А. Ильина: 1) Карта южной части полуострова Ляо-Дунъ, съ схематическимъ планомъ Портъ-Артура. 2) Сѣверная часть Атлантическаго океана: Соединенные-Штаты и Испанія, и владѣнія Испаніи въ Америкѣ и на Великомъ-Океанѣ.

— Начальное народное образованіе въ Тульской губерніи въ 1896—1897 учебномъ году. Тула, 1898. Стр. 249, съ приложеніями.

— Отчетъ по выкупной операціи за 1896 годъ. Изданіе Министерства Финансовъ. Спб. 1898 г. Стр. 160.

— Отчетъ по Комитету Сибирской желѣзной дороги за 1893—1897 гг. Спб. 98. Стр. 68.

— Положеніе церковнаго и школьнаго строительства въ районѣ Сибирской желѣзной дороги, на средства фонда имени имп. Александра III, къ январю 1898 г. Спб. 98. Стр. 73.

— Результаты пріема дѣтей въ городскія начальныя училища Москвы на 1897—1898 учебный годъ. М. 98. Стр. 80 и 40.

— Русскій біографическій Словарь. Ибакъ—Ключаревъ. Спб. 97. Стр. 756.

— Сборникъ Имп. Русскаго Историческаго Общества. Тт. 101, 103 и 104. Спб. и Юрьевъ, 98. Стр. 576, 607 и 580. Ц. по 3 р.

— Сборникъ статей по вопросамъ, относящимся къ жизни русскихъ и иностранныхъ городовъ. Вып. VII. М. 98. Стр. 227.

— Труды Сѣверной Комиссіи. 1897—98 гг. I. Научно-промысловыя морскія изслѣдованія у Мурмана. II. Учрежденіе инспекціи рыболовства, научно-промысловыхъ станцій и рыбацкихъ школъ на Сѣверѣ. Спб. 98.

Digitized by Google

ЗАМѢТКА.

Новая монографія о гетманѣ Мазепѣ.

— Ѳ. М. Уманецъ. Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. Спб. 1897.

Имя Мазепы весьма популярно. Съ нимъ связано воспоминаніе о бурной эпохѣ Петра В.: въ вѣнцѣ преобразователя Мазепа былъ терніемъ, по выраженію поэта; о немъ еще недавно „въ торжествующей святынѣ“ анаѳемой „гремѣлъ соборъ“; именемъ его клеймятъ измѣнниковъ, имъ корятъ малороссіянъ. Около прошлаго Мазепы образовался цѣлый рядъ легендъ, не пощадившихъ, впрочемъ, и исторической правды событій, ознаменовавшихъ гетманство Мазепы. Авторъ „Исторіи Руссовъ“, Бантышъ-Каменскій, Соловьевъ и Костомаровъ посвятили загадочной и эффектной личности не мало страницъ то добросовѣстнаго труда, то вольно-поэтическаго разсужденія. Безъ сомнѣнія, изслѣдователи о времени Петра В. и Мазепы одни въ бо́льшей, другіе въ меньшей степени подчинялись поэтическому субъективизму, разгадывая и характеризуя побѣдоносную для имп. Петра и роковую для Малороссіи эпоху. И для одной ли Малороссіи?.. Имени Мазепы посчастливилось болѣе среди созданій поэтическихъ образовъ, чѣмъ въ области строго научнаго объективнаго изслѣдованія. Благодаря этому, общеизвѣстное для всѣхъ имя связывается не только у образованныхъ читателей, но и у полуграмотнаго человѣка съ опредѣленнымъ художественнымъ типомъ, опредѣленными, будто несомнѣнно происходившими событіями и поступками, характерными вообще для измѣнника и предателя. Фактъ измѣны Мазепы Петру В. несомнѣненъ, но причины измѣны, историческая обстановка, среди которой она зародилась и завершилась крушеніемъ гетмана и его родины, истинный ходъ событій—не выяснены еще и до сихъ поръ въ исторической литературѣ съ достаточною ясностью, объективною научною добросовѣстностью и талантливостью. Даже, напримѣръ, извѣстнѣйшій романъ Мазепы съ Матреною Кочубей разыгрался совсѣмъ не такъ, какъ обыкновенно представляютъ себѣ. Этотъ несомнѣнно важный, но раздутый вопросъ, благодаря его пикантности, кажущейся удобопонятности и литературнымъ передѣлкамъ, наиболѣе извѣстенъ—въ исторіи Мазепиной измѣны—и много читающей, и мало читающей публикѣ. Вся исторія бѣгства Матрены, набата, возвращенія влюбившейся Матрены въ домъ роди-

Digitized by Google

телей, безъ сомнѣнія дѣвушкой же (Матренѣ—около 16 лѣтъ)—„было дѣломъ одного, много двухъ часовъ", по словамъ г. Уманца. Признать соблазнъ Матрены деньгами (черезъ слугу Демьяна) невозможно. Въ декабрѣ того же 1704 г., Мазепа дѣлаетъ попытки жениться на крестницѣ; ко времени этихъ попытокъ легкомысленныя чувства Матрены къ Мазепѣ вполнѣ охладѣли, но не такъ скоро „хладѣютъ чувства старика". Извѣстенъ цѣлый рядъ поэтическихъ писемъ гетмана къ крестницѣ за этотъ періодъ, но въ 1706 г. уже самъ Мазепа думаетъ о знатномъ женихѣ для своей крестницы. „Драма была въ этой печальной исторіи, но въ направленіи діаметрально противоположныхъ избранному поэзіей". Г. Уманецъ не безосновательно говоритъ, что „давно пора болѣе трезво смотрѣть на эту любовь Мазепы и, нѣсколько убавивъ ея поэтическій ореолъ, возвратить ей обыкновенную гражданскую честность". Къ сожалѣнію, авторъ самъ пускается въ безпочвенныя разсужденія о причинахъ любви Матрены Кочубей къ Мазепѣ, задаваясь вопросомъ, была ли любовь Матрены похожа на любовь Сары къ Аврааму, Антигоны къ Эдипу, или на любовь супругъ Жуковскаго, декабриста Фонвизина, Лессепса или Меттерниха? Конечно, авторъ не приходитъ рѣшительно ни къ какому заключенію...

Въ краткомъ отзывѣ мы не можемъ остановиться на разнообразныхъ утвержденіяхъ и заключеніяхъ г. Уманца. Событія указанной эпохи представляются автору въ такомъ видѣ. Мазепа, человѣкъ очень умный и хитрый, но отнюдь не злодѣй, благодаря своимъ заслугамъ и особымъ видамъ московскаго правительства, попадаетъ въ гетманы наканунѣ паденія Софьи. Юный Петръ скоро полюбилъ Мазепу; Мазепа преклоняется передъ Петромъ въ первую эпоху его царствованія. Но вотъ является Петръ изъ-за границы и начинается „оргія преобразованій". „Лѣсъ реформъ! — восклицаетъ авторъ:—съ одной стороны, Петръ черезчуръ просто смотритъ на вещи, съ другой—не понимаетъ самыхъ простыхъ вещей. Во всемъ—неумѣнье или нежеланье отличить главное отъ мелочей. Новые костюмы для попадей и дьяконицъ свалены въ одну кучу съ созданіемъ флота; фрикасе изъ черепахи переплетается съ преобразованіемъ Заиконоспасской академіи... Все—подъ соусомъ принужденія, подозрительности, пытокъ и казней. Безобразными ранами и лишаями на самобытную русскую почву онъ наноситъ европейскую цивилизацію. Но такъ какъ все это дѣлается по заказу, наскоро, безъ основательнаго знакомства съ предметомъ, безъ снисхожденія къ человѣку, безъ вкуса и системы, то и получается та специфическая, исключительно Петровская смѣсь французскаго съ нижегородскимъ, въ которой отсутствіе творчества равняется неумѣ-

Digitized by Google

нію подражать великимъ образцамъ, отъ которой приходитъ въ ужасъ одна половина Россіи и развращается другая, которую *многіе* до сихъ поръ *наивно принимаютъ за преобразованіе*" (курсивъ нашъ). Мазепа разочаровывается въ Петрѣ. Онъ относится къ новымъ преобразованіямъ отрицательно. Въ то же время „политика Петра въ Малороссіи была мелка и несправедлива". Мазепа отшатнулся отъ преобразователя, такъ какъ „гетманъ въ данномъ вопросѣ былъ болѣе русскимъ, чѣмъ самъ Петръ". Подъ аккомпаниментъ страданій Малороссіи, во время сѣверной войны, и желанія Петра насильно и быстро нивеллировать въ ней все, слагается и выростаетъ заговоръ. Слова Меншикова Мазепѣ (іюль, 1706 г.): „Пора приниматься за враговъ—малороссійскую старшину"—подливаютъ только масла въ огонь. Измѣну затѣяла старшина, но планъ выполненія ея—созданіе Мазепы. Договоровъ гетманъ не заключалъ. Онъ надѣялся на возстаніе недовольныхъ малороссіянъ, когда дотолѣ непобѣдимый Карлъ двинется на Москву. Къ несчастію для Мазепы, Карлъ поворотилъ въ Малороссію, куда вслѣдъ за нимъ двинулся и Петръ В.; при этомъ Карлъ медлитъ, колеблется. Возстаніе малороссіянъ не удалось, благодаря этому движенію и этой медлительности. Конечно, по указаннымъ причинамъ измѣна окончилась неудачею. Но почему же не возстали малороссіяне при этихъ трудныхъ, но случайныхъ и внѣшнихъ обстоятельствахъ? Это зависѣло отъ положенія, занятаго малорусскимъ поспольствомъ, и отъ малорусской козацкой старшины, уже проявившей извѣстные дворянскіе аппетиты. Авторъ горячо защищаетъ малорусскую козацкую старшину. Стремленіе старшины удержать простой народъ въ посполствѣ, не допустить ихъ обратиться въ козачество, онъ объясняетъ желаніемъ развитія въ краѣ мирнаго труда, по возможности удержать общество для мирной гражданской работы, иначе—поддержать мѣщанина и посполитаго. „Правда, — говоритъ дальше г. Уманецъ, — надежда найти въ Москвѣ управу на старшину рано заставляетъ народъ обратить сюда взоры. Но это — надежда неосновательная; злоупотребленія малороссійской старшины—*мелочь* въ сравненіи съ правомъ великорусскихъ помѣщиковъ. Такъ что несправедливо обвиняютъ малороссійскую старшину въ томъ, будто своею алчностью она погубила Малороссію. Стяжательность, конечно, была, и даже не очень высокой пробы (?). Но гдѣ, у какого первобытнаго народа (?) въ Римѣ, въ Греціи, Польшѣ, Англіи и даже на нашемъ Запорожьѣ... старшина не злоупотребляла своимъ положеніемъ, безусловно безкорыстная, безусловно справедливая? Малороссійская старшина виновата даже менѣе, чѣмъ другая. Она слишкомъ близка къ народу, слишкомъ раздѣляетъ его вкусы, инстинкты и наклонности, чтобы одной отвѣчать за народныя ошибки. Но она слишкомъ недавняго происхожденія,

Digitized by Google

чтобы имѣть довольно авторитета въ народѣ, или, выражаясь точнѣе, чтобы имѣть возможность своимъ авторитетомъ затушевать свои ошибки, —тѣмъ хуже для малороссійской старшины. Благодаря отсутствію перспективы, разсматриваемые слишкомъ вблизи ея *грѣшки* и *ошибки* въ глазахъ народа дѣлаются преступленіями". Вотъ точка зрѣнія г. Уманца на роковыя отношенія поспольства и старшины, и несомнѣнно, такова она была и у современной событіямъ малорусской старшины—шляхетства. Что же происходитъ дальше? Мазепа переходитъ къ Карлу. Народъ безмолвствуетъ. Неудачи слѣдуютъ за неудачами; старшина понемногу начинаетъ совершать вторую измѣну и перебѣгаетъ къ Петру В. Полтавская битва. Большинство измѣнниковъ передались опять Петру В. Попались сравнительно немногіе; остальнымъ съ неожиданной умѣренностью Петръ В. позволилъ просто замести слѣдъ. „А Мазепа, какъ чайка, отбившаяся отъ стада, какъ вожакъ, отрѣзанный охотниками, истощенный горемъ и продолжительною болѣзнью, послѣ года невѣроятныхъ испытаній, умирая въ далекихъ Бендерахъ, на зло судьбѣ умеръ съ достоинствомъ. Передъ смертью приказавъ при себѣ сжечь свои бумаги, онъ сознательно беретъ на одного себя всю отвѣтственность: „нехай одинъ я буду безталаннымъ, а не многіе, о якихъ вороги мои мабуть и не мыслили, або и мыслить не смѣли. Но злая доля все переиначила для невѣдомаго конца". Такой поэтической картиной, такими лирическими словами, заимствованными изъ упомянутой „Исторіи Руссовъ", заканчиваетъ г. Уманецъ свой разсказъ о судьбѣ Мазепы.

Изъ всего сказаннаго выше несомнѣнно слѣдуетъ заключить, что передъ нами трудъ невполнѣ обычнаго научнаго характера... Несмотря на довольно многочисленныя ссылки изслѣдователя и на его стремленіе обосновывать выводы—источниками для его работы и широкихъ, рѣшительныхъ выводовъ служатъ почти исключительно печатные матеріалы, кромѣ кое-чего взятаго изъ библіотеки и архива П. Я. Дорошенка, да немногихъ случайныхъ документовъ, попавшихъ въ руки автора. Научной критики источниковъ нѣтъ. На ряду съ „Исторіей Руссовъ" вы увидите сочиненія Устрялова, Соловьева и Костомарова; въ одномъ мѣстѣ авторъ опирается на осторожные выводы и точныя данныя А. М. Лазаревскаго, въ другомъ—ссылается на Бантыша-Каменскаго, Кулиша и т. д. Ко всѣмъ этимъ матеріаламъ авторъ относится безъ должной провѣрки ихъ цѣнности, иногда даетъ только свои указанія и дѣлаетъ попытки выяснить, гдѣ, какъ и почему тотъ или иной источникъ такъ или иначе освѣщаетъ извѣстное историческое событіе. Къ сожалѣнію, авторъ прибѣгаетъ къ подобной критикѣ источниковъ въ томъ случаѣ, когда его мнѣнія расходятся съ излагаемыми матеріалами, и толкуетъ ихъ въ желательномъ для себя смыслѣ.

Digitized by Google

Вообще, объясненія автора носятъ въ значительной степени произвольный характеръ: это—болѣе соображенія на психологической почвѣ, лирическія отступленія, патетическія замѣчанія, неожиданные переходы и сравненія, странные афоризмы и парадоксы. Разсужденія автора особенно принимаютъ страстный и субъективный характеръ, когда онъ говоритъ о Петрѣ В. и его реформахъ.

Интродукціей къ характеристикѣ дѣятельности перваго императора служатъ замѣчанія о правленіи Софьи, которую г. Уманецъ сравниваетъ съ Екатериною II, находя, что сходство между ними доходитъ даже до мелочей. „Не перечисляя распоряженій Софьи, скажемъ, что едва ли найдется область государственной жизни, которая въ короткое время ея управленія осталась бы внѣ прогрессивнаго теченія ея политики... Гдѣ только можно, Софья пользуется исключительно законными средствами, дѣлаетъ это открыто, смѣло, съ извѣстнымъ блескомъ". Такова дѣятельность Софьи, начиная хотя бы съ „пренія", дѣйствительно, имѣвшаго „извѣстный" блескъ. Софью низвергаетъ братъ. *Сангвиническій* Петръ нравится въ юности г. Уманцу не менѣе Софьи. „Юношескія дѣла Петра отличаются глубокой обдуманностью,—кораблестроеніе, военныя потѣхи, теорія и практика военнаго дѣла, наконецъ, самые азовскіе походы—все это реформы и предпріятія, такъ сказать, выношенныя въ умѣ и въ то же время не выходящія изъ предѣловъ необходимости". Петра женятъ. „Изъ царской семьи выдѣляется такимъ образомъ своя малая семья, гдѣ столько ума, любви, идеала и изящества (?). Какъ на картинѣ Каульбаха, въ тучахъ разрушающагося Іерусалима сіяетъ христіанская семья, спасаемая ангеломъ, такъ эта идиллія на тронѣ съ 17-лѣтнимъ Петромъ во главѣ выдѣляется на мрачномъ фонѣ Москвы XVII вѣка. Даже теперь, черезъ 200 лѣтъ, трудно не поддаться обаянію этого образа, созданнаго не только для счастія, но и для Vitae Sanctorum и дѣтскихъ книгъ". Всѣхъ привлекаетъ характеръ и дѣятельность Петра. Но умираетъ царица-мать (15-го янв. 1694 г.), и рушились преграды, спасавшія Петра отъ собственныхъ ошибокъ и крайностей. Первые признаки *болѣзни*, по выраженію автора, какъ водится, начались съ мелочей (Зотовъ—патріархъ всего Кукуя; кесарство Ромодановскаго). Послѣ смерти матери, Петръ В. уже рѣдко думаетъ дважды о томъ, что̀ хотѣлъ сдѣлать однажды, и, „какъ Захаръ въ „Обломовѣ", чтобы взять со стола карандашъ, тратитъ силу, необходимую для поднятія бревна". По мнѣнію г. Уманца, Петръ „ломитъ въ открытую дверь"... „Если смѣются,—замѣчаетъ онъ,—надъ каррикатурой западной цивилизаціи въ лицѣ m-me Курдюковой, то можно ли не пожалѣть о Петрѣ, который часто путемъ колоссальной затраты силъ вмѣсто дѣла создавалъ каррикатуру... Петръ—смѣсь великаго съ ужаснымъ, генія съ

Digitized by Google

обезьяной, необходимаго съ лишнимъ". Въ дѣятельности своей онъ снисходитъ до самодурства безуздаго „совраса" и „недоброй памяти крѣпостника". По словамъ автора, „если тонкій слой *нигилизма* существовалъ до Петра, то Петръ ставитъ нигилизмъ на степень государственнаго учрежденія. Получается царь на подкладкѣ Базарова". Обезьяна и Базаровъ, геній и m-me Курдюкова, саврасъ и идиллія на тронѣ... словомъ, — „все тутъ есть, лишь бы не было обману". Авторъ не можетъ удержать своего негодованія противъ Петра и реформъ; онъ начинаетъ острить надъ реформами и язвить Петра. Петръ неограниченный самодержецъ среди приниженной среды, ему не надо „семь разъ отмѣрять, чтобы разъ отрѣзать", и почему же „утромъ не осуществить того, что̀ въ ночной пирушкѣ принято за идеалъ". Такъ вотъ гдѣ—и именно, da liegt der Hund begraben... Дѣйствительно, послѣ ночныхъ пирушекъ можно смѣшать значеніе фрикасе изъ черепахъ съ устройствомъ каналовъ, заведеніемъ „кумпанствъ", обученіемъ корабельному дѣлу и т. д., и т. д. Но постепенно волны негодованія улегаются. Неожиданно мы узнаемъ, что въ наше время „легко разобраться въ *массѣ* полезнаго, внесеннаго Петромъ въ государство". Если это даже и такъ, то автору разсматриваемой монографіи все это оказалось не совсѣмъ подъ силу. Общій выводъ объ эпохѣ Петра В. выразился у г. Уманца въ слѣдующемъ утвержденіи: съ легкомыслiемъ охотника, истребляющаго молодой выводокъ, утопивъ въ морѣ подражающаго чиновничества нашу старую, недобитую еще Москвой земскую Русь, онъ завалилъ рынокъ скороспѣлыми произведеніями петербургской бюрократической кухни... И три императора—Екатерина II, Александръ I и Александръ II—напрасно напрягали силы, стараясь исправить ошибку одного Петра.

Иныя слова и ичыя краски находитъ авторъ для лирическихъ отступленій, психологическихъ соображеній и характеристикъ враговъ „Петровской оргіи". Вѣрность Малороссіи при Петрѣ онъ сравниваетъ съ трезвостью пьяницы, и рисуетъ необыкновенную картину настроенія малорусскаго народа въ гетманство Мазепы, — конечно, плодъ досужей фантазіи автора. „Въ концѣ XVII-го вѣка козаки,—говоритъ онъ,—знали наизусть пункты договора Хмельницкаго съ Москвой; сельскій священникъ комментировалъ ихъ въ бесѣдѣ съ знакомымъ монахомъ; къ нимъ обращался лирикъ, заводя свою пѣсню передъ базарной толпой; запорожецъ въ первой сельской корчмѣ открыто ставилъ относящіеся къ нимъ вопросы... Въ годъ прихода шведовъ Малороссія смотрѣла нерѣшительно и вмѣстѣ крайне напряженно. Только шумъ колесъ водяной мельницы да шелестъ очерета даетъ охватившей ее ночной тишинѣ своеобразную жизнь и непонятное нарѣчіе. Испуганный журавленокъ озвался въ своемъ неприступномъ гнѣздѣ;

Digitized by Google

водяной бугай, точно пьяный забулдыга, затянулъ безобразную пѣсню; воспользовавшись минутой молчанія, въ олешникѣ заливается соловей; беззаботная молодежь далеко за полночь бесѣдуетъ на завалинкѣ и шепчетъ въ вишневомъ садку". А въ эти же дни, когда уже зрѣетъ въ душѣ Мазепы измѣна, предъ гетманомъ встаетъ роковой вопросъ, — „въѣзжалъ ли онъ въ батуринскій замокъ, — или смотрѣлъ, окруженный бунчуками и пышной ассистенціей, подъ звуки музыки и бой „котловъ" — полки войска запорожскаго—съ матерью своей, игуменьей Магдалиной, въ кельѣ Фроловскаго монастыря обсуждалъ свое положеніе, молился ли онъ подъ сводами печерской обители, стоялъ ли на молебнѣ по случаю побѣды надъ шведами, или, оставшись одинъ со своими мечтами и воспоминаніями, любовался роскошной полтавщиной и широкимъ разливомъ Сейма,—поднималъ ли бокалъ на дружескомъ пиру или оффиціальномъ банкетѣ,—среди иллюзій дѣтства и бурной молодости, дышалъ ли воздухомъ родной Волыни... его преслѣдуетъ одна и та же мысль: какою была Малороссія даже при Самойловичѣ, и какою онъ ее оставляетъ? И передъ нимъ „воображеніе свой пестрый мечетъ фараонъ". А позже, „по мѣрѣ успѣховъ Карла XII, Мазепа чувствовалъ себя, какъ ручной медвѣдь, введенный въ дремучій лѣсъ, буревѣстникъ передъ грозой и перелетная птица, почуявшая весну. Вмѣстѣ съ героемъ *Призраковъ* Тургенева, онъ могъ сказать: „я какъ будто попалъ въ заколдованный кругъ, и неодолимая, хотя тихая сила увлекаетъ меня, подобно тому, какъ еще задолго до водопада стремленіе потока увлекаетъ лодку". Но и потокъ, ранѣе водопада влекущій лодку,—запахъ весны, поднимающій перелетную птицу, шумъ лѣса, волшебная трава „евшанъ", словомъ, вся эта память старины, это очарованіе старыхъ традицій, пришли къ Мазепѣ отъ всего тогдашняго малороссійскаго народа обѣихъ сторонъ Днѣпра, а не придуманы имъ на досугѣ въ четырехъ стѣнахъ батуринскаго дворца. Мазепа только олицетворяетъ извѣстное направленіе патріотической мысли, не создавая его. Не онъ вызвалъ измѣну; его самого подымала волна. Не онъ опредѣлилъ теченіе,—самъ имъ увлеченъ".

Приведенныя цитаты не требуютъ никакихъ комментаріевъ. Не нужно забывать, что указанныя слова, какъ и многія другія, направлены къ опредѣленной цѣли — оправданію Мазепы и „старшины" малорусскаго начала XVIII-го вѣка. Рѣшительно ничего нельзя бы было имѣть противъ этого, если бы авторъ съ документами въ рукахъ, на основаніи историческихъ вѣскихъ соображеній доказывалъ свои положенія; но онъ, вмѣсто научныхъ достаточныхъ данныхъ и точныхъ пріемовъ, предпочитаетъ прихватывать себѣ союзниковъ въ образѣ буревѣстниковъ, бугаевъ, журавленковъ, ручныхъ медвѣдей и пере-

Digitized by Google

летныхъ птицъ; опирается на воспоминанія о вишневыхъ садкахъ, волшебной травѣ, о потокахъ, ранѣе водопада влекущихъ лодку, о заливныхъ пѣсняхъ соловья въ олешникѣ и широкомъ разливѣ Сейма... А съ такими союзниками и воспоминаніями не далеко уйдешь въ строго-научномъ доказательствѣ. Во всякомъ случаѣ, съ точки зрѣнія писателя, оправдывающаго нарождавшееся въ XVIII ст. малорусское дворянство, поведеніе этой новой шляхты, послѣ неудачи измѣны Мазепы, могло вызвать только самое рѣзкое осужденіе. А г. Уманецъ пишетъ: „съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ бывшій (?) юноша, съ поличнымъ пойманный въ либерализмѣ (?), хоронитъ свои *идеи* въ самомъ дальнемъ углу воспоминаній и дѣлается человѣкомъ, „какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ", малороссійскіе старшины, едва ли не поголовно прикосновенные къ дѣлу Мазепы, послѣ того какъ Карлъ ошибся, и народъ не пошелъ за нимъ, вдругъ, еще не износивъ и башмаковъ, въ которыхъ они готовились слѣдовать за Карломъ, сдѣлались приверженцами Петра, не имѣвшими ничего общаго съ *воромъ и измѣнникомъ* Мазепой".

Нѣсколько словъ объ отступленіяхъ и методѣ автора книги. Особенно любопытны сравненія, когда авторъ прибѣгаетъ къ примѣрамъ изъ изящной литературы. Въ этомъ отношеніи болѣе всего посчастливилось Гоголю. Авторъ говоритъ: „На всемъ, что̀ несомнѣнно принадлежитъ самому Голицыну (В. В.), неизбѣжно лежитъ печать ординарности; онъ не только серьезно относится къ колдовству, но объясняетъ имъ даже такую простую вещь: въ Крыму знаютъ о недовѣріи Москвы къ малороссіанамъ. Нашъ общій знакомый, г. Сквозникъ-Дмухановскій, на такую догадку отвѣтилъ бы:—экъ, куда хватилъ, а еще умный человѣкъ"! По поводу проектовъ Мазепы о созданіи для себя полоцко-витебскаго герцогства, г. Уманецъ замѣчаетъ: „Возможно ли не отказать въ каплѣ здраваго смысла человѣку, который, освободивъ свою родину, подобно Подколесину въ *Женитьбѣ* Гоголя, прыгнулъ бы въ окно полоцко-витебскаго герцогства". О своихъ пріемахъ научныхъ авторъ во многихъ мѣстахъ изслѣдованія сообщаетъ съ большою откровенностью, напримѣръ: „Отъ представленія Петру въ Троицко-Сергіевской лаврѣ до той минуты въ жизни Мазепы, которую намъ остается еще *угадать* (курсивъ нашъ), Мазепа—поклонникъ Петра". И на этомъ *угадать* построена значительная доля положеній, защищаемыхъ г. Уманцемъ. Въ другомъ мѣстѣ, историкъ изображаетъ свои пріемы такъ: „Еще не видя самой планеты, только имѣя нѣсколько астрономическихъ данныхъ, Лавуазье опредѣлилъ положеніе *Нептуна*. Г. Менделѣевъ своимъ закономъ періодичности элементовъ предсказалъ мѣсто для цѣлаго ряда простыхъ тѣлъ, открытыхъ впослѣдствіи. На томъ же основаніи (?) слѣды измѣны гетмана Мазепы

Digitized by Google

надо искать вблизи московскихъ событій, наступившихъ послѣ возвращенія Петра изъ-за границы". Но г. Уманецъ, идущій въ научныхъ методахъ слѣдомъ за Лавуазье (т.-е. Леверрье) и Менделѣевымъ, забываетъ, что послѣдніе имѣли не *нѣсколько данныхъ*, а цѣлый рядъ точныхъ научныхъ выводовъ и, при строго математическихъ методахъ, обширныя свѣдѣнія въ области своихъ знаній...

Авторъ разсматриваемой книги заканчиваетъ свой разсказъ о хитроумныхъ планахъ Мазепы словами: „спѣшимъ закрыть эту главу съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ непривычный зритель спѣшитъ оставить анатомическій театръ и залу вивисекціи". Въ другомъ мѣстѣ, онъ говоритъ: „изъ области фразъ и предубѣжденій пора перейти въ область простого здраваго смысла". Жаль, что авторъ не всегда отчетливо помнилъ слова своего воззванія... Но дѣйствительно, пора и намъ изъ „залы вивисекцій" своего рода надъ многими историческими данными и точными научными пріемами перейти въ область заключительныхъ выводовъ о новой исторической монографіи. Итакъ, изслѣдованіе г. Уманца не можетъ имѣть большой цѣны, какъ научный историческій трудъ, но все же намъ казалось необходимымъ познакомить съ нимъ, тѣмъ болѣе, что оно нашло и находитъ себѣ широкій кругъ разнообразныхъ читателей. Во-первыхъ, любопытно ближе узнать точку зрѣнія на роковую „шведскую инкурсію" малорусской „старшины" XVII в., находящую откликъ въ сердцахъ и нѣкоторыхъ нашихъ современниковъ. Во-вторыхъ, важно указать на достаточно назрѣвшую необходимость научнаго пересмотра вопроса о гетманствѣ Мазепы и измѣнѣ, безусловно до сихъ поръ оцѣненной и оцѣниваемой безъ строгой научной критики. Весьма основательно заявляетъ г. Уманецъ свой протестъ противъ изображенія Мазепы злодѣемъ съ головы до пять: „между различными способами повѣствованія о человѣческихъ дѣяніяхъ,—говоритъ онъ,—тоже имѣется способъ, не прибѣгающій къ перемѣнѣ красокъ и соблюденію перспективы,—все изображающій одною кистью. Волченокъ является здѣсь такимъ же хищникомъ, какъ и старый волкъ; Каинъ въ утробѣ матери обдумываетъ убійство; Авель въ пеленкахъ уже пасетъ стада, а Хмельницкій, разоряя воробьиныя гнѣзда въ страхѣ отцовскаго гнѣва, уже мечтаетъ о московскомъ подданствѣ. Для такой *исторіи* нѣтъ времени года, нѣтъ эпохъ въ жизни человѣка, столкновеній съ обстоятельствами и перемѣнъ въ настроеніи духа. На ея страницахъ всѣ родятся стариками или умираютъ младенцами; Петръ-Пустынникъ всегда предводительствовалъ крестоносцами, и апостолъ Петръ никогда не бросалъ мрежи въ Генисаретское море, а ловилъ ими только въ душахъ людей. Бо́льшая часть изслѣдованій о гетманѣ Мазепѣ написана въ томъ же родѣ". Нельзя не согласиться вполнѣ съ основной мыслью приведеннаго отрывка. Конецъ

Digitized by Google

XVII в. и начало XVIII, переходное время отъ Хмельнищины и Руины ко времени образованія малорусскаго дворянства, какъ высшаго сословія, и закрѣпощенія крестьянъ—требуетъ основательнаго научнаго изслѣдованія: накопились и новые матеріалы со времени Соловьева и Костомарова, значительно измѣнилась и критическая оцѣнка матеріаловъ, какими пользовались раньше историки. Невозможно нынѣ признать рѣшенными вопросы о причинахъ измѣны Мазепы, объ отношеніяхъ его къ Петру В., Карлу XII и Станиславу Лещинскому, отношеніяхъ „старшины“ и народа между собою, а также къ Москвѣ и планамъ Мазепы. Не выяснены съ достаточной ясностью и эти планы, и причины неуспѣха, и результаты неудачи замысловъ гетмана. Да и оцѣнка характера Мазепы и поведенія его во всей этой исторіи далеки еще отъ желательной объективности. Всѣ эти вопросы на очереди. Быть можетъ, строго научная работа приведетъ къ нѣкоторымъ выводамъ, сходнымъ съ утвержденіями г. Уманца,—можетъ быть, но отъ этого значеніе его выводовъ, его монографіи, едва ли пріобрѣтутъ бо̀льшую цѣнность въ настоящемъ своемъ видѣ. Справедливо замѣчаніе автора изслѣдованія, что „манера путешествовать безъ багажа начинается у насъ съ Петра“, да—справедливо... Пора, давно пора, запасшись достаточнымъ научнымъ багажемъ, съ опредѣленнымъ строго научнымъ методомъ выяснить вопросы объ измѣнѣ Мазепы, поставленные и авторомъ разсматриваемой монографіи съ точки зрѣнія интересовъ малорусской „старшины“, но далеко не рѣшенные имъ—прежде всего въ интересахъ исторической истины.

И. Ж—цкій

ОСОБЫЙ РОДЪ ЛЖЕУЧЕНІЙ.

По поводу новаго изданія перваго тома „Капитала“, Маркса, въ русскомъ переводѣ. (Спб. 1898 г., стр. XXIX + 676).

Первый томъ „Капитала“, Маркса—книга настолько капитальная, что появленіе ея въ хорошемъ русскомъ переводѣ должно считаться весьма полезнымъ и желательнымъ даже съ точки зрѣнія противниковъ теоретическихъ положеній и діалектики автора.

Прямая задача переводчика — по возможности, точная передача текста—совершенно извращается, однако, въ тѣхъ случаяхъ, когда мысли, излагаемыя въ текстѣ, замѣняются другими, которыхъ авторъ вовсе не высказывалъ. По недоразумѣнію или по небрежности, вмѣсто подлинной идеи автора, предлагается читателю нѣчто постороннее,

Digitized by Google

придуманное самимъ переводчикомъ и иногда лишенное смысла; а такъ какъ читатель не всегда имѣетъ возможность провѣрить правильность перевода, то онъ невольно вводится въ заблужденіе и принимаетъ ложную передачу текста за истинную. Этимъ создается особый видъ лжеученій, который еще ждетъ своего изслѣдователя въ литературѣ.

Къ сожалѣнію, подобныя лжеученія встрѣчаются и въ вышедшемъ теперь второмъ изданіи перваго тома книги Маркса. Иногда эти лжеученія имѣютъ довольно невинный характеръ. Такъ, напр., въ текстѣ сказано: извѣстнѣйшіе лондонскіе врачи (тридцатыхъ годовъ) въ своихъ показаніяхъ передъ нижнею палатою объявили, что periculum in mora (опасность—въ промедленіи). Въ русскомъ переводѣ это латинское выраженіе передано слѣдующею неожиданною фразою: „добрые нравы страны находятся въ опасности“ (стр. 232). Когда въ одномъ извѣстномъ русскомъ календарѣ за 1884 годъ, въ отдѣлѣ латинскихъ изреченій пояснялось, что „horror vacui“ (боязнь пустоты) значитъ „страхъ изъ-за пустяковъ“, то это былъ такой же курьезъ, какъ превращеніе св. Павла въ Сенъ-Поля, случившееся въ фельетонѣ одной распространенной газеты; но возможность подобныхъ странностей въ переводахъ серьезныхъ трактатовъ представляетъ печальный и непріятный симптомъ.

Приведемъ образчикъ другого рода, гдѣ ложная передача текста не можетъ быть замѣчена и исправлена читателемъ, не имѣющимъ подъ рукою подлинника. Марксъ приводитъ французскую цитату изъ своей книжки о Прудонѣ; въ этой цитатѣ онъ высмѣиваетъ разсужденія экономистовъ, относящихъ феодальные порядки къ искусственнымъ, а буржуазные—къ естественнымъ, какъ будто только явленія прошлаго имѣютъ историческій характеръ. Такимъ образомъ—заключаетъ Марксъ,—была исторія, но ея больше нѣтъ (ainsi il y a eu de l'histoire, mais il n'y en a plus). Въ русскомъ переводѣ это послѣднее замѣчаніе передано такъ: „Также было и съ исторіей, но теперь этого уже болѣе нѣтъ“ (стр. 44). Здѣсь приписано автору мнѣніе объ исторіи, котораго онъ никогда не выражалъ и выражать не могъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что переводчикъ руководился добрыми намѣреніями, когда счелъ нужнымъ перевести выноски и цитаты, сдѣланныя въ подлинникѣ на иностранныхъ языкахъ; эти выноски — объясняетъ онъ въ предисловіи,—„вслѣдствіе повторенія и развитія мыслей, выраженныхъ въ текстѣ, укрѣпляютъ, такъ сказать, эти мысли въ головѣ читателя“. „Мы знаемъ, — говоритъ онъ далѣе,—что вслѣдствіе перевода теряется свойственный многимъ изъ этихъ выносокъ историческій колоритъ, характеръ подлинности“. Какія же мысли укрѣпляются въ головѣ читателя, если слова автора поняты переводчикомъ

Digitized by Google

превратно, и если вслѣдствіе перевода теряется не только историческій колоритъ и характеръ подлинности, но и смыслъ сказаннаго въ текстѣ?

Нѣмецкое изложеніе Маркса, часто и безъ того затруднительное, становится иногда рѣшительно непонятнымъ въ русскомъ переводѣ. Въ подлинникѣ говорится, напр., о денежныхъ обязательствахъ, возникающихъ вслѣдствіе продажи и покупки товаровъ въ кредитъ: „въ каждый опредѣленный періодъ товарнаго обращенія, обязательства, по которымъ наступилъ срокъ платежа, представляютъ собою сумму цѣнъ товаровъ, продажа которыхъ ихъ вызвала". Переводчикъ переводитъ: „срочныя обязательства представляютъ сумму цѣнъ товаровъ, продажу которыхъ они вызвали" (стр. 92). Выходитъ наоборотъ, что не продажа товаровъ въ кредитъ породила обязательства уплаты, а какія-то срочныя обязательства вызвали продажу товаровъ. При томъ „срочныя обязательства"—совсѣмъ не то, что̀ обязательства, которымъ наступилъ срокъ (die fälligen Obligationen). Въ другомъ мѣстѣ, Марксъ говоритъ о присущемъ машинному производству противорѣчіи (immanenter Widerspruch), въ силу котораго капиталъ, самъ не сознавая этого, долженъ стремиться къ насильственному удлиненію рабочаго дня; а переводчикъ пишетъ, что внутреннее противорѣчіе „побуждаетъ капиталъ, безъ его вѣдома (!), „крайне удлинять рабочій день" (стр. 357). Какъ это рабочій день удлиняется безъ вѣдома капитала—понять мудрено.

Далѣе,—авторъ упоминаетъ о „раздѣленіи властей" (Theilung der Gewalten), а переводчикъ—о „раздѣленіи отвѣтственности" (стр. 371); общественное регулированіе (Reglung) трудового процесса замѣняется „регламентированіемъ" (тамъ же); въ текстѣ говорится о природныхъ границахъ (Naturschranken), а въ переводѣ—объ „естественныхъ препятствіяхъ" производства (стр. 419); въ подлинникѣ сказано: естественно или стихійно (naturwüchsig), а въ переводѣ — „самопроизвольно" (стр. 420); у автора идетъ рѣчь объ устарѣлыхъ и переходныхъ формахъ, за которыми „еще отчасти скрывается (или прячется) господство капитала", а въ переводѣ: „...иногда еще скрывается нѣкоторая (?) власть капитала" (стр. 439), и т. д., и т. д.

Такія мелкія и крупныя неточности, повторяясь на каждомъ шагу, могутъ сбить съ толку даже внимательнаго и свѣдущаго читателя, вынужденнаго пользоваться русскимъ переводомъ „Капитала". Переводчикъ, какъ видно изъ предисловія, сличалъ нѣмецкій текстъ и съ французскимъ переводомъ, пересмотрѣннымъ самимъ авторомъ, и съ англійскимъ изданіемъ; но эти справки и сличенія, быть можетъ, еще расширили для него область возможныхъ ошибокъ. Нѣмецкій подлинникъ самъ по себѣ далъ ему, впрочемъ, достаточный матеріалъ для

Digitized by Google

недоразумѣній; вспомнимъ, напр., въ переводѣ третьяго тома оригинальную XXIV-ю главу объ „отчуждаемости (вмѣсто „внѣшняго проявленія“—Veräusserlichung) капиталистическихъ отношеній“; или слова о томъ, что трудъ веденія предпріятія заключается въ обѣганіи улицъ (тамъ же, стр. 314).

Существенныя части капитальной книги Маркса и многія ея подробности предлагаются такимъ образомъ нашей читающей публикѣ въ измѣненномъ и затемненномъ видѣ. Подлинное ученіе подлежитъ критикѣ и можетъ различно оцѣниваться спеціалистами; но что̀ сказать о той невѣрной передачѣ его, которою по неволѣ довольствуется большинство нашихъ поклонниковъ Маркса? Вѣрующіе искатели экономической истины могутъ предполагать глубокій смыслъ и тамъ, гдѣ есть только погрѣшность перевода; они напрасно будутъ ломать себѣ голову надъ разными темными мѣстами и изреченіями, въ родѣ указанныхъ выше, не сомнѣваясь въ авторитетности ихъ источника,—а между тѣмъ все дѣло тутъ въ переводческихъ промахахъ, образующихъ какъ бы цѣлую сложную сѣть маленькихъ лжеученій, на почвѣ которыхъ легко выростаетъ особый поддѣльный „марксизмъ“, довольно далекій отъ оригинала.—Л. С.

Digitized by Google

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Georges Clemenceau. Les plus forts. Paris, 1898. Стр. 400.

Романъ Жоржа Клемансо выдѣляется изъ общей массы новыхъ французскихъ романовъ, какъ личностью автора, такъ и своимъ идейнымъ замысломъ. Клемансо—политическій дѣятель съ очень опредѣленными взглядами. Его міросозерцаніе сводится къ политической и соціальной программѣ, и это, конечно, даетъ особый отпечатокъ всему, что онъ пишетъ. Въ области журналистики програмность вполнѣ законна и даже необходима; — при большой выдержанности, она называется твердостью убѣжденій, безъ которой немыслима плодотворная общественная дѣятельность. Благодаря ей, Жоржъ Клемансо и достигъ того положенія, которое онъ занималъ до послѣднихъ лѣтъ въ политическомъ мірѣ Франціи.

Политическое прошлое Клемансо позволяетъ ему съ нѣкоторымъ авторитетомъ высказывать и развивать свои политическія идеи; но въ газетахъ и собраніяхъ, гдѣ онъ выступаетъ какъ ораторъ, онъ можетъ обращаться только къ ограниченному кругу единомышленниковъ. Стремленіе же къ болѣе широкому распространенію своихъ идей заставляетъ его иногда искать другихъ формъ. Вотъ какимъ путемъ онъ пришелъ къ беллетристическому творчеству, къ роману,— и конечно, всякій, кто знакомъ съ журнальной и общественной дѣятельностью Клемансо, возьмется за чтеніе его новаго романа „Les plus forts“ съ увѣренностью найти въ немъ проповѣдь общественныхъ идеаловъ автора. У Клемансо обширный кругъ наблюденій. Какъ политическій дѣятель, онъ сталкивался со всѣми слоями французскаго общества; кромѣ того, онъ врачъ, и это еще болѣе расширило его жизненный опытъ (процессъ Золя выдвинулъ—не особенно впрочемъ выгоднымъ образомъ—брата Клемансо, адвоката, и нѣкоторые русскіе корреспонденты смѣшивали даже молодого защитника съ его знаменитымъ братомъ; но это, впрочемъ, простое недоразумѣніе). Этими наблюденіями Клемансо пользуется для обрисовки различныхъ общественныхъ типовъ, и столкновеніе ихъ на почвѣ личныхъ интересовъ выясняетъ основную идею романа. Конечно, ни безпристра-

Digitized by Google

стной картины нравовъ, ни спокойнаго психологическаго анализа нельзя искать въ романѣ, столь ярко окрашенномъ соціальной тенденціей. Всѣ дѣйствующія лица — „носители“ какого-нибудь идеала; всѣ они строго раздѣлены на положительные и отрицательные, и всякій изъ нихъ, при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, возводитъ свой образъ жизни въ теорію и споритъ съ „носителями“ противоположныхъ воззрѣній. Романъ переполненъ теоретическими разговорами, и къ сожалѣнію довольно вялыми. Разсуждаютъ всѣ, даже молодая дѣвушка, которая почему-то не пользуется просто и беззаботно выпадающими на ея долю радостями жизни, а все время доказываетъ свое право на пользованіе ими. Но несмотря на эту теоретичность, превращающую много страницъ романа въ отзвуки передовыхъ статей радикальной газеты, романъ Жоржа Клемансо представляетъ интересъ, благодаря свѣжести нѣкоторыхъ типовъ, а также любопытнымъ съ психологической стороны положеніямъ.

Самое слабое въ романѣ Клемансо — его основная идея. Она до того не оригинальна, что превратилась въ общее мѣсто, достойное развѣ пера Жоржа Онэ. Вопросъ о сильныхъ и слабыхъ въ обществѣ, о фабрикантахъ, обогащаемыхъ непосильнымъ трудомъ рабочей массы, и наконецъ, вопросъ о родовой и денежной аристократіи очень часто поднимался и рѣшался; о всемъ этомъ нужно сказать уже нѣчто совершенно не сказанное, чтобы разсужденія не казались избитымъ общимъ мѣстомъ. Клемансо не прибавляетъ никакихъ новыхъ данныхъ, не даетъ новаго толкованія борьбѣ различныхъ классовъ общества. Его собственное отношеніе къ столь часто возбуждавшимся вопросамъ о ненормальныхъ отношеніяхъ людей въ обществѣ сводится къ пессимистическому взгляду на современное положеніе вещей. Въ настоящее время, по этому взгляду, господствуютъ сильные, т.-е. у которыхъ нѣтъ совѣсти, но есть большіе аппетиты, нѣтъ благородства души, но есть деньги. Они влекутъ за собой неопытныя молодыя сердца, не знающія, на чемъ остановить выборъ, и передъ пагубной силой блѣднѣютъ болѣе возвышенныя, но лишенныя внѣшняго блеска стремленія неопытныхъ и несильныхъ борцовъ за правду и добро. Вотъ вся незамысловатая тема романа, и для того, чтобы она могла возбудить интересъ, нужно, очевидно, чтобы психологическая и художественная сторона изложенія заставила забыть бѣдность идейнаго замысла.

Кто же эти „болѣе сильные“, торжество которыхъ съ печалью изображаетъ Клемансо? Въ романѣ представлены два типа эксплуататоровъ и побѣдителей. Это, во-первыхъ, бумажный фабрикантъ Гарлэ и затѣмъ виконтесса Фуршанъ, охотно подчиняющая свою родовитость власти удачника-коммерсанта. Страннымъ образомъ, въ изображеніи рас-

Digitized by Google

кола между родовой и денежной знатью, Клемансо—на сторонѣ первой. Гарлэ, создавшій себѣ собственною изобрѣтательностью и смышленостью видное положеніе, является въ романѣ чисто отрицательнымъ типомъ. Онъ выдвигаетъ въ немъ главнымъ образомъ тѣ черты, которыя характеризуютъ выскочку, т.-е. тщеславіе, стремленіе къ крикливой роскоши и т. д. Свою единственную дочь онъ тоже дѣлаетъ орудіемъ самолюбія и, по шаблонному идеалу всѣхъ денежныхъ тузовъ въ жизни и въ романахъ, мечтаетъ о титулованномъ зятѣ.

Но въ этомъ отношеніи Клемансо отступаетъ отъ обычной фабулы общественныхъ романовъ. Дочь его, прекрасное и чистое душой созданіе, не находится съ нимъ въ антагонизмѣ, по примѣру другихъ добродѣтельныхъ героинь романовъ. Задача Клемансо—показать гипнозъ денежнаго могущества, и онъ это дѣлаетъ, описывая сначала грубо роскошную жизнь Гарлэ въ его помѣстьѣ, а потомъ утонченный столичный блескъ парижской жизни. Новоиспеченный милліонеръ гордится своимъ богатствомъ, дѣломъ своихъ собственныхъ рукъ, и своей властью надъ представителями вѣковой знати, неспособными сами понять блескъ своего имени. Романъ Клемансо полонъ описаній празднествъ въ домѣ милліонера, и въ центрѣ всего стоитъ нѣжная, чуткая Claude. Роскошь, окружающая ее, въ сущности—необходимый фонъ для ея миловидности. Она и есть цвѣтокъ, создаваемый роскошью, и въ ней въ нѣкоторомъ родѣ оправданіе той среды, которую Клемансо клеймитъ въ своемъ романѣ. Только въ средѣ „самыхъ сильныхъ“ могутъ создаться существа, которыхъ совсѣмъ не коснулись мелкія оскорбленія жизни, и которыя, благодаря этому, могутъ цвѣсти всѣми красотами души, отдаваться нѣжному милосердію, какъ единственному чувству, оттѣняющему безпечную, ясную жизнерадостность. Конечно, такія Claudes — искусственные цвѣтки, и общественная совѣсть можетъ задавать себѣ вопросъ: слѣдуетъ ли приносить столько жертвъ, губить столько жизней непосильнымъ трудомъ, чтобы создать атмосферу, нужную для чистой, неомраченной красоты такой дѣвушки? Изображая отзывчивую и прекрасную душу своей героини, Клемансо, однако, какъ бы рѣшаетъ этотъ вопросъ утвердительно, и тѣмъ противорѣчитъ самъ себѣ. Если въ средѣ „болѣе сильныхъ“ возможна Claude, которая тяготѣетъ къ добру и сама вся красота, то это—величайшее оправданіе Гарлэ и его стремленія къ богатству. Сама Claude этого не понимаетъ, но безсознательно оправдываетъ свое существованіе своими теоретическими разсужденіями о правахъ на радость.

Самой интересной личностью романа является носитель положительныхъ идеаловъ автора, маркизъ Пюимафрэ. Это—раскаявшійся аристократъ. Онъ провелъ молодость въ кутежахъ, былъ безпутнѣй-

Digitized by Google

шимъ изъ своихъ сверстниковъ, прожигающихъ жизнь, и потомъ испыталъ измѣнившій его навсегда душевный переломъ. Вернувшись въ свое родовое помѣстье, онъ полюбилъ жену своего сосѣда и пріятеля, Гарлэ, и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ испытывалъ великое душевное счастье въ любви ангельски нѣжной женщины. Любовь ихъ была великой тайной, такъ же, какъ и то обстоятельство, что Claude, для которой въ глазахъ свѣта онъ былъ крестнымъ отцомъ, на самомъ дѣлѣ была его дочь. Умирая послѣ появленія на свѣтъ Claude, Клара Гарлэ поручила ее попеченіямъ маркиза, и вся его жизнь направлена на то, чтобы воспитать въ душѣ дѣвочки то возвышенное пониманіе человѣческаго долга, какимъ отличалась ея мать. Онъ противодѣйствуетъ всѣми силами вліянію мнимаго отца Claude и той среды, которая ее окружаетъ. Онъ страстно ненавидитъ аристократію, пустоту свѣтской жизни и чванство богатыхъ выскочекъ. Долго живя въ деревенской глуши, куда онъ удалился послѣ смерти любимой женщины, Пюимафрэ близко принимаетъ къ сердцу всѣ интересы рабочихъ, всѣми силами борется противъ ихъ эксплуатаціи, и кажется поэтому опаснымъ врагомъ Гарлэ и всѣмъ его друзьямъ. Въ концѣ концовъ оказывается, что идеалистъ Пюимафрэ взялъ на себя непосильную задачу, и что не спасти ему своей дочери изъ омута, въ который она добровольно идетъ. Онъ сжигаетъ корабли, объясняя Гарлэ тайну рожденія Claude, но и это не помогаетъ. Послѣ бурной сцены объясненія, Гарлэ доказываетъ, что онъ пріобрѣлъ права на Claude тѣмъ, что всю жизнь работалъ для нея. Маркизъ долженъ съ нимъ согласиться—и возвращается въ свою глушь изъ Парижа еще болѣе одинокій, зная, что Claude выходитъ замужъ за нелюбимаго ею, но блестящаго жениха, и что вся жизнь ея должна сложиться теперь противъ завѣта умирающей матери.

Образъ Пюимафрэ выступаетъ въ романѣ Клемансо съ большой теплотой и грустью. Есть несомнѣнная оригинальность въ этой защитѣ демократическихъ идеаловъ аристократомъ, порвавшимъ связи съ кругомъ, къ которому онъ принадлежитъ, и это выкупаетъ указанныя нами слабости романа. Самое изложеніе въ общемъ интересно, и отдѣльныя картины парижскихъ нравовъ (какъ, напримѣръ, превращеніе мастерицы моднаго портного въ подругу герцога, законодателя модъ) сдѣланы съ большимъ юморомъ и обнаруживаютъ знаніе Парижа, его неожиданностей и закулисной стороны разныхъ блестящихъ существованій.

Digitized by Google

II.

Frants Funck-Brentano. Légendes et Archives de la Bastille. Paris, 1898. Стр. 275.

Существуетъ въ Европѣ цѣлая литература, занимающаяся „возстановленіемъ чести“ людей, которыхъ исторія заклеймила именемъ злодѣевъ. Въ особенности этой неблагодарной задачей любятъ заниматься нѣмецкіе ученые, профессора, живущіе въ маленькихъ университетскихъ городахъ съ маленькимъ, ограниченнымъ университетской библіотекой, горизонтомъ. Существуютъ „оправданія“ Калигулы, Ричарда III, и т. д. Къ этой литературѣ относится новая книга, на этотъ разъ французскаго писателя, занявшагося обѣлѣніемъ уже не отдѣльнаго лица, а цѣлаго учрежденія, имѣющаго даже болѣе тяжкую репутацію, чѣмъ Ричардъ III и другіе историческіе тираны. Молодой французскій историкъ, Францъ Функъ-Брентано, написалъ книгу, въ которой отстаиваетъ честь Бастиліи, а остроумный драматургъ Сарду, который считается авторитетомъ по исторіи революціи, написалъ къ его книгѣ пространное предисловіе, гдѣ очень настойчиво поддерживаетъ защиту, предпринятую авторомъ книги.

Опираясь на массу архивнаго матеріала, Функъ-Брентано доказываетъ, что Бастилія въ томъ видѣ, какъ ее изображали нѣкоторые историки революціи, т.-е. какъ мѣсто мучительства и произвола, какъ страшный оплотъ тиранніи, на самомъ дѣлѣ никогда не существовала, и что, напротивъ того, это была исключительная по отношенію къ заключеннымъ и по ихъ образу жизни тюрьма. Возстановленіе истинной исторіи Бастиліи, описаніе ея внутренняго быта въ XVII и XVIII вѣкѣ составляетъ одну половину работы автора. Другая же заключается въ томъ, чтобы доказать ненужность и скорѣе вредъ событія 14-го іюля. Онъ утверждаетъ, что толпа, взявшая Бастилію, убила трупъ; что фактически Бастилія въ концѣ XVIII вѣка не служила государственной тюрьмой, и не стоило направлять на нее возмущеніе парижанъ. Вся эта часть книги носитъ слишкомъ тенденціозный характеръ. Авторъ—видимый защитникъ стараго порядка, и, въ виду своей цѣли, занимается въ сущности очень безплодной игрой воображенія, дѣлая догадки и о томъ, что было бы, если бы не состоялось драматическое взятіе Бастиліи. Ему кажется, что въ такомъ случаѣ не было бы ни террора, ни Наполеона. Но на этихъ авторскихъ догадкахъ не стоитъ останавливаться, тѣмъ болѣе, что 14-ое іюля—совершившійся фактъ, и можно только объяснять его. Въ своемъ усердіи защитникъ Бастиліи забы-

Digitized by Google

ваетъ даже разницу между предлогами и причинами въ историческихъ событіяхъ. Вѣдь если неотвратимое созрѣло, то подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ буря разразится, и, устраняя предлогъ, нельзя тѣмъ самымъ измѣнить ходъ событій.

Итакъ, историческія разсужденія Функъ-Брентано не заслуживаютъ особеннаго довѣрія, но во всякомъ случаѣ собранный имъ матеріалъ въ высшей степени любопытенъ и рисуетъ съ большой полнотой и яркостью внутренній бытъ этой знаменитой тюрьмы, а также разъясняетъ нѣкоторыя историческія загадки, какъ, напр., тайну „Желѣзной Маски", біографическія данныя о знаменитомъ въ своемъ родѣ Латюдѣ, бѣжавшемъ изъ Бастиліи, подробности послѣднихъ дней ея, разсказъ о трехъ заключенныхъ, оказавшихся въ цѣлой обширной тюрьмѣ въ день ея взятія, и т. д.

Въ книгѣ показано рѣзкое различіе между Бастиліей XVII и XVIII вѣка. Предъидущая исторія Бастиліи менѣе интересна. Бастилія была построена въ XIV вѣкѣ, когда „бастиліями" назывались крѣпости, воздвигаемыя у городскихъ воротъ и служившія защитой отъ вторженія. Каждая изъ восьми башенъ носила особое названіе; все зданіе служило исключительно для военныхъ цѣлей и окружено было рвами. Посѣщеніе Бастиліи было настолько строго воспрещено, что, какъ извѣстно, Петръ Великій не могъ проникнуть туда. До XVII вѣка она не была тюрьмой, а только военной крѣпостью. Иногда короли отводили въ ней покои для пріема знатныхъ посѣтителей. Людовикъ XI и Францискъ I давали тамъ блестящія празднества, о которыхъ съ восторгомъ разсказывается въ хроникахъ.

Ришельё первый обратилъ Бастилію въ государственную тюрьму. Самое понятіе государственной тюрьмы очень вѣрно выясняется однимъ изъ историковъ Бастиліи въ слѣдующихъ словахъ: „Государственной тюрьмой—въ особенности это примѣнимо къ Бастиліи—называютъ мѣсто заключенія для людей, не совершившихъ преступленія противъ общаго права, но считаемыхъ—справедливо или нѣтъ—опасными для государства,—все равно, касается ли это самой націи, ея главы или менѣе значительной группы обитателей, иногда даже семьи. Если прибавить къ этому роду заключенныхъ—лицъ слишкомъ видныхъ, для того, чтобы быть наказанными на подобіе простыхъ злоумышленниковъ, тѣхъ, которые должны быть заключены въ исключительныхъ условіяхъ, то этимъ исчерпываются тѣ преступленія и проступки, которые наказывались заключеніемъ въ Бастилію отъ эпохи Ришельё до революціи".

Расцвѣтомъ Бастиліи, если можно такъ выразиться, было правленіе Людовика XIV, когда туда отправляли политическихъ шпіоновъ, писателей и всѣхъ противниковъ правительства. Это время „Желѣзной

Digitized by Google

Маски", и сохранился цѣлый рядъ писемъ къ губернатору Бастиліи, въ которыхъ отъ него требуется соблюденіе величайшей тайны относительно препровождаемыхъ заключенныхъ. При всемъ желаніи автора выгородить Бастилію, онъ приводитъ письма, по которымъ видно, что очень много людей содержалось въ Бастиліи долгіе годы въ неизвѣстности насчетъ причины своего заключенія. Такъ, напримѣръ, наводятся справки у губернатора отъ имени короля, за что такой-то пять лѣтъ содержится въ Бастиліи, не будучи подвергнутъ ни одному допросу, который выяснилъ бы причины заключенія, и т. д. Очень большое количество такихъ писемъ рисуетъ знаменитую тюрьму гораздо болѣе мрачно, чѣмъ этого хочетъ Функъ-Брентано.

Въ противоположность этимъ неблагопріятнымъ свидѣтельствамъ, въ книгѣ имѣются эпизоды, относящіеся ко времени регентства, рисующіе пріятность время препровожденія заключенныхъ въ Бастиліи. Такъ, въ 1718 туда заключена была дѣвица де-Лонэ (впослѣдствіи баронесса Стааль де-Лонэ). Она разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, что пребываніе въ Бастиліи было самымъ лучшимъ временемъ въ ея жизни. Внѣшнія условія были самыя блестящія: ей отведены были отдѣльныя комнаты, гдѣ она жила съ дѣвушкой и обзавелась множествомъ домашнихъ животныхъ. Тамъ она влюбилась въ блестящаго молодого человѣка, де-Мениля, соучастника по ея же процессу, и влюбленнымъ предоставлена была полная свобода проводить все время вмѣстѣ. Въ XVIII вѣкѣ Бастилія утрачивала мало-по-малу исключительно знатный характеръ по составу заключенныхъ, и часто раздаются жалобы на то, что напрасно посылаютъ туда людей, которыхъ слѣдовало заключать въ Шатлэ или въ какую-нибудь другую обыкновенную тюрьму.

Количество заключенныхъ въ Бастиліи никогда не было большимъ. При Лудовикѣ XIV число заключенныхъ было около тридцати въ годъ, при Лудовикѣ XVI не бывало болѣе шестнадцати. Правда, что еще кромѣ людей въ Бастилію помѣщали (по характерному выраженію, „embastillait") книги, которыя были признаны опасными съ государственной точки зрѣнія. Это дѣлалось по приказу короля, причемъ губернаторъ получалъ арестованныя книги въ сопровожденіи своего рода lettre de cachet. Была особая башня, предназначенная для свозимыхъ туда книгъ. Туда же иногда помѣщали и принадлежности открытыхъ тайныхъ типографій и т. д. Когда книги переставали считать опасными, имъ возвращали свободу. Такъ, знаменитая „Энциклопедія" была выпущена на свободу послѣ нѣсколькихъ лѣтъ заключенія.

Къ концу XVIII вѣка Бастилія все болѣе и болѣе пустѣла. Съ другой стороны, она не стоила очень дорого королю (по квитанціямъ, относящимся къ 1774 г., расходъ на ѣду заключенныхъ равнялся

Digitized by Google

67 тысячамъ франковъ), такъ что Неккеръ собирался уничтожить Бастилію „изъ экономіи“. Сохранились оффиціальные проекты упраздненія Бастиліи, мѣсто которой должна была занять площадь Людовика XVI. По одному изъ проектовъ на мѣстѣ снесенныхъ башенъ долженъ былъ быть воздвигнутъ памятникъ королю. Пьедесталъ предполагалось сложить изъ кучи цѣпей и замковъ, собранныхъ въ бывшей государственной тюрьмѣ, и надъ ними должна была возвышаться статуя короля, простирающаго руку освободительнымъ жестомъ къ развалинамъ одной башни, сохраненнымъ для воспоминаній. Разрушеніе Бастиліи было дѣломъ рѣшеннымъ и было бы исполнено администраціей, если бы не вспыхнула революція. Наканунѣ революціи, Бастилія, въ сущности говоря, уже не существовала, хотя ея восемь башенъ стояли нетронутыми. Побѣдители 14-го іюля освободили семь заключенныхъ—четырехъ поддѣлывателей монеты, временно переведенныхъ туда изъ обыкновенной тюрьмы, двухъ сумасшедшихъ (де-Вайта и Таверньe), мѣсто которыхъ было въ Шарантонѣ, и графа Солажъ, котораго тамъ содержали по просьбѣ отца и на его счетъ, за какой-то поступокъ, позорившій всю семью.

Функъ-Брентано посвящаетъ длинную статью описаніямъ образа жизни въ Бастиліи, которая въ XVIII вѣкѣ носила названіе не тюрьмы, а королевскаго замка, гдѣ по той или другой причинѣ содержались нѣкоторые подданные короля. Они могли устраиваться очень роскошно, съ прислугой, мебелью и т. д. Неимущимъ заключеннымъ приходило на помощь начальство Бастиліи, устраивая ихъ съ большимъ комфортомъ и даже роскошью. За арестантомъ пріѣзжала карета. Когда онъ, въ сопровожденіи офицера и друзей или родственниковъ, провожавшихъ его, являлся въ Бастилію, губернаторъ выходилъ ему на встрѣчу и большею частью удерживалъ у себя къ обѣду или завтраку и новаго заключеннаго, и его друзей, въ то время, какъ приготовлялось для него помѣщеніе. Съ какимъ удобствомъ устраивались заключенные, видно изъ того, что у нѣкоторыхъ изъ нихъ были библіотеки въ триста, шестьсотъ и болѣе томовъ. Пища была необыкновенно роскошная, и существуетъ разсказъ одного автора памфлета противъ Бастиліи, гдѣ онъ юмористически разсказываетъ исторію своего перваго обѣда. Онъ былъ заключенъ въ Бастилію вмѣстѣ со своимъ слугой, и въ обѣденный часъ ему сервировали обѣдъ, какъ ему показалось, на недостаточно тонкой скатерти и въ простой посудѣ; но самый обѣдъ онъ описываетъ, какъ очень хорошій и удовлетворившій его. Онъ оставилъ половину обильной ѣды для своего лакея, когда вдругъ снова раскрыли дверь и внесли роскошную серебряную утварь и рядъ блюдъ, тонкихъ винъ и т. д. Оказалось, что раньше онъ съѣлъ обѣдъ своего слуги, который въ свою очередь по-

Digitized by Google

просилъ позволенія съѣсть на этотъ разъ обѣдъ господина. Цѣлый рядъ другихъ показаній, ссылки на мемуары, счеты, росписки и т. д. показываютъ въ самомъ дѣлѣ, что образъ жизни заключенныхъ въ Бастиліи былъ роскошный, и всѣ ихъ желанія предупреждались. Для содержанія простого буржуа полагалось пять франковъ въ день, финансиста, писателя и судьи—десять, высшаго сановника—пятнадцать и т. д. Кардиналъ де-Роганъ расходовалъ тамъ 120 фр. въ день; а герцогъ Курляндскій за пять мѣсяцевъ пребыванія въ Бастиліи издержалъ 22 тысячи франковъ. Конечно, всѣ эти цифры надо утроить, чтобы представить себѣ ихъ стоимость въ наше время. Начальство Бастиліи, кромѣ ѣды, заботилось и объ одеждѣ заключенныхъ. Въ письмѣ одного чиновника разсказано слѣдующее: одна изъ заключенныхъ потребовала, чтобы ей сдѣлали платье изъ бѣлаго шолка съ зелеными цвѣтами, и оказалось, что въ магазинѣ есть матеріи съ зелеными полосами, а не цвѣтами; жена чиновника въ отчаяніи,—она не знаетъ, согласится ли заказчица принять полосатое платье. Когда обвиненіе признавалось несправедливымъ, заключенный получалъ возмѣщеніе за убытки. Одинъ адвокатъ, Суббэ, ложно обвиненъ былъ въ авторствѣ книги противъ короля, и за восемнадцать дней заключенія, когда невинность его была признана, получилъ шесть тысячъ франковъ. Другой, невинно обвиненный, послѣ заключенія, получилъ пожизненную пенсію въ двѣ съ половиною тысячи въ годъ, и т. д. Судя по этимъ даннымъ, подтверждаемымъ разнымъ архивнымъ матеріаломъ, можно было предположить, что жизнь въ Бастиліи была настоящій рай для заключенныхъ, и все-таки защитникъ старой государственной тюрьмы заканчиваетъ свой очеркъ словами одного писателя XVIII вѣка: „Бастилія есть прочно построенный домъ, герметически закрытый и тщательно охраняемый, куда лицо всякаго ранга, всякаго возраста, всякаго пола можетъ попасть—неизвѣстно почему, оставаться тамъ — неизвѣстно какъ долго и выйти оттуда—неизвѣстно какъ". Передъ краснорѣчіемъ этого справедливаго опредѣленія блѣднѣютъ всѣ лакомыя меню обѣдовъ, собранныя въ книгѣ Функъ-Брентано, всѣ описанія игръ и развлеченій заключенныхъ въ Бастиліи и всѣ разсказы о ихъ роскошной жизни.

Въ главѣ, посвященной одной изъ загадокъ XVII вѣка, легендѣ о „Желѣзной Маскѣ", Функъ-Брентано пытается, путемъ сравненія и критики историческихъ матеріаловъ, точно установить личность таинственнаго плѣнника, переведеннаго въ 1698 г. съ острова св. Маргариты въ Бастилію и жившаго тамъ въ величайшей тайнѣ до своей смерти въ 1703 г. Плѣнникъ этотъ, какъ гласитъ легенда, никогда не снималъ маски съ лица и похороненъ былъ подъ чужимъ именемъ. Предполагалось, что это старшій незаконный братъ Лудовика XIV,

Digitized by Google

или другой претендентъ на престолъ, котораго такимъ путемъ сдѣлали безвреднымъ. Авторъ считаетъ болѣе вѣроятнымъ, что таинственный заключенный былъ итальянскій политическій агентъ Матіоли, который былъ посредникомъ въ секретныхъ переговорахъ между мантуанскимъ герцогомъ и французскимъ королемъ, и кончилъ тѣмъ, что измѣнилъ послѣднему. Лудовикъ XIV велѣлъ захватить измѣнника и заключилъ его въ тюрьму, сначала въ большомъ секретѣ, въ виду щекотливыхъ политическихъ обстоятельствъ; съ годами сохраненіе тайны становилось менѣе важнымъ; но легенда уже сдѣлала свое дѣло. Матіоли въ самомъ дѣлѣ носилъ маску, не желѣзную, а бархатную, которую онъ надѣвалъ, выходя; это ему позволяло выходить изъ своей комнаты, между тѣмъ какъ другіе заключенные должны были безвыходно оставаться у себя. Такимъ образомъ, Функъ-Брентано вновь подтверждаетъ то разъясненіе загадки, которое одно время признавалось ошибочнымъ.

III.

Paul et Victor Margueritte. Le Désastre. Paris. 1898. Стр. 507.

Болѣе четверти вѣка прошло послѣ трагической для Франціи эпопеи, закончившей имперію Наполеона, но все еще событія франко-прусской войны не утратили остроты для каждаго француза и не превратились въ исторію, допускающую спокойное, безстрастное изложеніе. Все еще нѣтъ болѣе болѣзненныхъ воспоминаній для француза, чѣмъ имя Базэна, названіе Седана. Эта не затихшая боль чувствуется во всемъ, что̀ пишется во Франціи о войнѣ 1871 года, въ формѣ мемуаровъ, историческихъ изслѣдованій и художественныхъ произведеній. До сихъ поръ нѣтъ болѣе популярнаго сюжета для беллетристическаго произведенія, чѣмъ эпизоды войны. Изъ всѣхъ романовъ Золà „La Débâcle“ имѣлъ самый громкій успѣхъ, несмотря на то, что обычная приправа его романовъ, ихъ любезная буржуазному вкусу пикантность, отступила на второй планъ передъ описаніемъ битвъ, пораженій и военныхъ подробностей. Изъ новеллъ Мопассана наибольшимъ успѣхомъ пользовалась „Boule de Suif“, гдѣ разсказывался эпизодъ войны. Патріотическіе разсказы Додэ и множество другихъ разсказовъ и романовъ извѣстныхъ писателей показываютъ, до чего воображеніе французовъ еще занято сценами недавняго прошлаго, главные дѣятели котораго уже всѣ исчезли.

Нужно, однако, замѣтить, что романомъ Золà какъ бы закончилось изображеніе франко-прусской войны въ романахъ. Въ „La Débâcle“ такъ широко изображенъ общечеловѣческій элементъ войны и такъ

Digitized by Google

ярко представлена психологическая сторона событій, что никто какъ бы не рѣшался прибавить къ незабвеннымъ сценамъ романа Золя новыя, болѣе блѣдныя подробности. Но, очевидно, не всѣмъ романъ его показался исчерпывающимъ тотъ художественный интересъ, каковой представляла изъ себя война 1870 года. Поль и Викторъ Маргериттъ въ своемъ послѣднемъ романѣ „Le Désastre“ взяли на себя ту же задачу — изобразить не отдѣльный эпизодъ войны, а всю войну съ ея роковымъ исходомъ.

Конечно, какъ легко можно себѣ представить, романъ братьевъ Маргериттъ не является историческимъ романомъ, написаннымъ безпристрастно. Популярная тэма привлекла романистовъ тѣмъ, что дала возможность проявить въ художественной формѣ свое патріотическое чувство,—ибо, къ сожалѣнію, Le Désastre не спокойная эпопея войны, а тенденціозный патріотическій романъ. Въ то время какъ Золя старался быть безстрастнымъ, говорилъ о недочетахъ французской арміи, входилъ въ психологію германскихъ войскъ и въ общемъ искалъ той сѣти причинъ, которыя дали роковое для французовъ направленіе событіямъ,—въ романѣ Маргериттъ все сводится къ нѣсколькимъ патріотическимъ положеніямъ, отъ которыхъ авторы не могутъ отойти. Они не со стороны и не съ высоты разсматриваютъ событія, а переносятся въ центръ описываемой эпохи и судятъ обо всемъ, какъ естественно могли судить сами французы во время войны. Исторической справедливости и психологической правды нельзя было, конечно, ожидать отъ участниковъ печальнаго похода, но придерживаться теперь, двадцать-восемь лѣтъ спустя, ихъ взглядовъ можно только изъ чрезмѣрно узкаго патріотизма, противорѣчащаго задачамъ искусства; а между тѣмъ такова точка зрѣнія въ романѣ „Désastre“. Его героемъ и выразителемъ его взглядовъ является Дюбрейль—офицеръ генеральнаго штаба, продѣлавшій всю войну, т.-е. ту ея часть, которая прошла въ бездѣйствіи подъ стѣнами Метца, въ непосредственной близости маршала Базэна. Въ его лицѣ представлено то всеобщее восторженное настроеніе, которое охватило Францію при объявленіи войны и постепенно смѣнялось сначала разочарованіемъ, потомъ полнымъ отчаяніемъ. Дюбрейль воплощаетъ собой французскую армію, бывшую въ распоряженіи тогдашнихъ вождей. Въ романѣ съ восторгомъ и горечью говорится о высокихъ качествахъ этой арміи, ея преданности, храбрости, необычайной выдержанности, духѣ дисциплины, котораго не могли сломать даже сомнѣнія въ честности главнокомандующаго. Армія, въ глазахъ авторовъ „Le Désastre“, не есть нѣчто сложное, составленное изъ разнородныхъ элементовъ, какою ее изображаютъ художники съ психологическимъ чутьемъ. Поль и Викторъ Маргериттъ полны только однимъ стремленіемъ — выгоро-

Digitized by Google

дить націю отъ отвѣтственности за позорное и незаслуженное пораженіе, свалить всю вину на военныхъ вождей и главнымъ образомъ на „измѣнника“ Базэна. Армія, поэтому, у нихъ представлена какъ одинъ человѣкъ: идеально организованной массой, всегда готовой идти впередъ, не рощущей даже въ самыя тяжелыя минуты, героической, какъ только ея героизму дадутъ проявиться. Самъ Дюбрейль—высшее выраженіе этой анонимной массы, которая занимаетъ фонъ картины и въ сущности совершенно невидна въ романѣ. Она только служитъ источникомъ вѣчныхъ нападокъ на вождей:—„Такая армія! Такіе люди!“—восклицаютъ время отъ времени Дюбрейль и его единомышленники, приходя въ отчаяніе отъ того, что маршалъ губитъ столько производительныхъ силъ.

Отношеніе къ нѣмцамъ такое же, какъ къ идеальной французской арміи, т.-е. чисто патріотическое: нѣмецъ—это врагъ, и какъ только дѣло заходитъ о „темныхъ каскахъ“, тонъ разсказа становится враждебнымъ; даже нѣмецкіе раненые возбуждаютъ въ героѣ романа непреодолимое чувство омерзѣнія, и онъ радъ всякому случаю, чтобы обвинить враговъ въ недостойныхъ военныхъ пріемахъ, въ томъ, что они обманнымъ образомъ привлекали къ себѣ французскихъ солдатъ и брали ихъ въ плѣнъ, что они дѣйствовали главнымъ образомъ посредствомъ шпіоновъ и т. п. Сцены переговоровъ французскихъ парламентеровъ, отправляющихся къ врагамъ хлопотать объ обмѣнѣ плѣнныхъ или для передачи писемъ нѣмецкимъ военачальникамъ, дышутъ негодованіемъ противъ слишкомъ вѣжливыхъ побѣдителей, ненавистныхъ только потому, что они—побѣдители. Это отсутствіе психологическаго пониманія, замѣненное стихійнымъ національнымъ чувствомъ, интересно, какъ характеристика настроеній тогдашней Франціи. Но какъ основной тонъ историческаго романа—этотъ шовинизмъ производитъ самое непріятное впечатлѣніе.

Центръ романа—описаніе измѣны Базэна. Маргеритъ раздѣляютъ распространенное во Франціи мнѣніе о томъ, что французская армія, которая могла бы разбить Пруссію почти шутя, была предана честолюбивымъ маршаломъ, который изъ личной политики не хотѣлъ выходить изъ-подъ стѣнъ Метца, не хотѣлъ давать рѣшительнаго сраженія и стремился сохранить свою армію для будущаго. Громадная армія, готовая ежечасно къ сраженію, очутилась, благодаря его двусмысленному поведенію, въ осадномъ положеніи. Въ мелкихъ стычкахъ погибали многія тысячи людей, и Базэнъ самъ преувеличивалъ французскія неудачи, самъ распространялъ невѣрныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ въ остальной Франціи, чтобы убить въ своей арміи всякую энергію и подготовить ее къ капитуляціи. Пораженіе Макъ-Магона объясняется тѣмъ, что Базэнъ нарочно не исполнилъ обѣщанія придти ему

Digitized by Google

на помощь. Поведеніе Базэна выступаетъ съ тѣмъ болѣе яркой окраской измѣны, что его судитъ въ романѣ преданный арміи и преисполненный духомъ дисциплины офицеръ генеральнаго штаба. Исподволь накапливаются разные подозрительные признаки въ дѣйствіяхъ маршала. Дюбрейль сначала не можетъ понять странной логики сраженій, не понимаетъ, почему послѣ несомнѣнной побѣды французскимъ войскамъ отдаются приказы не идти впередъ, а напротивъ того, снова возвращаться въ Метцъ. Бездѣйствіе страшно тяготитъ его. Жить въ осажденномъ городѣ среди лазаретовъ, въ виду все уменьшающихся запасовъ и грозящаго впереди голода, несносно его дѣятельной натурѣ, и онъ не можетъ не сочувствовать возрастающему недовольству всей арміи. Но ни подозрѣвать, ни обвинять онъ не рѣшается. Только когда онъ самъ убѣждается, что маршалъ въ самомъ дѣлѣ распространяетъ ложныя извѣстія, и что послѣ Седана онъ началъ вести переговоры съ прусскимъ наслѣднымъ принцемъ, и, очевидно, сталъ на сторону династіи противъ страны, Дюбрейль начинаетъ раздѣлять общее убѣжденіе, и конецъ войны наполняетъ его душу тѣмъ же чувствомъ незаслуженной смертельной обиды, которымъ болѣла и болѣетъ до сихъ поръ Франція.

Въ художественномъ отношеніи „Le Désastre“ не выдерживаетъ никакого сравненія съ романомъ Золà на ту же тэму. При своемъ особомъ дарѣ изображать движенія и жизнь толпы, Золà создалъ въ „La Débâcle“ массовые эффекты необычайной силы. Авторамъ же „Le Désastre“ недостаетъ прежде всего фантазіи. Они не могутъ создать сценъ, оживить дѣйствіе характерными картинами, и разсказъ сводится почти сплошь къ реляціи о движеніяхъ разныхъ армейскихъ корпусовъ и къ обсужденію дѣйствій начальства подчиненными. Для того же, чтобы ввести въ романъ художественный элементъ, авторы прибѣгаютъ къ довольно наивному и сильно надоѣдающему своимъ однообразіемъ пріему: придумавъ нѣсколько беллетристическихъ подробностей—не болѣе десятка на весь романъ въ 500 страницъ,—они постоянно повторяютъ ихъ, заставляя дѣйствующихъ лицъ припоминать множество разъ одно и то же въ сущности ничтожное обстоятельство. Напр., Дюбрейль, передъ отъѣздомъ изъ Парижа въ армію, покупаетъ шесть паръ перчатокъ изъ толстой кожи; примѣряя ихъ, хорошенькая рыжая продавщица улыбнулась ему. Казалось бы, немного въ этомъ пищи для воспоминаній, но въ дальнѣйшемъ развитіи романа пять-шесть разъ Дюбрейль, когда дѣло идетъ о судьбѣ французской арміи, объ исходѣ войны, разочарованіяхъ и т. д., вспоминаетъ (...et il revit, en une brève vision) перчаточницу и свою покупку. Находясь на дебаркадерѣ въ моментъ отбытія императорскаго поѣзда, увозившаго Наполеона и его сына на

Digitized by Google

войну, Дюбрейль—на горе читателю—замѣчаетъ темнозеленый цвѣтъ вагоновъ и выведенное на нихъ крупное золотое N. Эта подробность эксплуатируется самымъ досаднымъ образомъ: постоянно, „en une vision rapide", Дюбрейль видитъ вагоны и злополучную букву. Но еще хуже того, когда подробность имѣетъ романтическій характеръ. Дюбрейль, разставаясь съ своей нѣжной „amie" въ Парижѣ, беретъ у нея выпавшій при немъ изъ браслета надтреснувшій опалъ, вправляетъ его въ кольцо и носитъ въ Метцѣ; этотъ предвѣщающій горе камень вѣчно вспоминается съ кортежемъ очень неинтересныхъ подробностей: вечеръ въ оперѣ, свѣтскіе разговоры и т. д. Дюбрейлю, наконецъ, самому надоѣдаетъ вспоминать все, что̀ связано съ опаломъ, и онъ бросаетъ его въ рѣку, но и это не помогаетъ: къ прежнимъ воспоминаніямъ присоединилось еще одно, и съ новой силой онъ при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ вспоминаетъ то кольцо, которое и т. д. Посѣщая однажды своего друга въ казармахъ, онъ грубо окликнулъ фельдфебеля и пожалѣлъ о своей вспыльчивости: конечно, именно этотъ фельдфебель путается все время въ Метцѣ, попадается на глаза Дюбрейлю, который постоянно вспоминаетъ (en une brève vision) сцену въ казармѣ и испытываетъ угрызенія совѣсти. Этотъ пріемъ сбивается въ романѣ на манерность. Авторы, очевидно, полагаютъ, что повтореніе одной и той же черты сгущаетъ общій колоритъ. Но это имъ не удалось, и кромѣ досады, повторенія у читателя ничего не вызываютъ.

Есть, впрочемъ, въ романѣ нѣсколько удачныхъ сценъ, какъ, напр., та, гдѣ Дюбрейль, встрѣтивъ отступающихъ солдатъ, побуждаетъ ихъ вернуться въ бой при звукахъ марсельезы, и другія. Хорошо также переданы переходы настроеній въ свитѣ маршала, поэтично обрисована фигура спокойной дѣвушки, храброй безъ рисовки, нѣкоторые типы старожиловъ Метца, т.-е. все болѣе интимное, тихое и тѣмъ самымъ болѣе соотвѣтствующее идиллическому таланту авторовъ, чѣмъ взятая ими на себя непосильная задача обрисовать крупный историческій моментъ во всемъ его значеніи.—З. В.

Digitized by Google

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 іюня 1898.

Минскій процессъ.—Существенная разница между „обвинительнымъ актомъ“ и „окончательнымъ приговоромъ“. — Что такое „чрезвычайные способы разслѣдованія“? — „Гнетъ“ или „распущенность“?—Какъ иногда понимаютъ „улучшеніе“ положенія печати.—Нѣчто о „рыцарскихъ“ чувствахъ.—Всесословная школа и орловское дворянство.

Въ минувшемъ мартѣ мѣсяцѣ разсматривалось въ Минскѣ сенсаціонное дѣло о четырнадцати евреяхъ, обвинявшихся „въ учиненіи скопищемъ и соединенными силами насилія надъ воинскими чинами и другими лицами христіанскаго исповѣданія“. Такому заглавію соотвѣтствовали и отзывы, вызванные этимъ дѣломъ, вслѣдъ за его окончаніемъ, въ извѣстныхъ органахъ нашей печати. „Минскій процессъ“—говоритъ, напримѣръ, „Новое Время“ (31 марта, № 7935)—„обнаружилъ такое состояніе еврейства, плотно населяющаго значительную часть Россіи и расползающагося по всей странѣ, что у самыхъ безпечныхъ людей не могла не шевельнуться мысль объ опасности, которую представляетъ еврейство въ этомъ своемъ состояніи, охарактеризованномъ въ рѣчи прокурора, какъ состояніе племенной и религіозной вражды къ христіанамъ“. Дальше идетъ рѣчь о „жестокомъ и безпощадномъ избіеніи евреями немногихъ русскихъ солдатъ, очутившихся среди еврейской толпы“; высказывается предположеніе, что „едва ли въ какомъ-нибудь изъ самыхъ даже крупныхъ анти-еврейскихъ безпорядковъ было столько пролитой крови и столько звѣрски избитыхъ людей“; источникъ „всѣхъ безпорядковъ, ошибочно называемыхъ анти-еврейскими“, отыскивается въ племенной и религіозной враждѣ евреевъ къ христіанамъ, готовой прорваться при каждомъ случаѣ“. Въ такомъ же смыслѣ минскій процессъ обсуждается и „Московскими Вѣдомостями“ (3 апрѣля, № 92): „минскіе евреи оскорбляли и били съ самою наглою дерзостью всякаго русскаго, который попадался имъ подъ руку и не могъ разсчитывать на защиту. И рѣчи нѣтъ о томъ, чтобы къ тѣмъ лицамъ, на которыхъ нападала озвѣрѣлая еврейская толпа, у нея была какая-либо особая злоба: вся вина потерпѣвшихъ при этомъ избіеніи заключалась въ томъ, что они русскіе, что они носятъ форму русской арміи“. Основаніемъ для обѣихъ статей послужилъ именно обвинительный актъ, никогда не заключающій въ себѣ, какъ извѣстно, послѣдняго слова правосудія. „Новое Время“ прибавило къ нему, впослѣдствіи, рѣчь повѣреннаго гражданскихъ истцовъ,

Digitized by Google

присяжнаго повѣреннаго Шмакова, стяжавшаго себѣ нѣкоторую извѣстность въ качествѣ ненавистника и „обличителя“ евреевъ. Ни та, ни другая газета не подумала обратить вниманіе на то, что съ первоначальной постановкой обвиненія вовсе не согласуется мягкій, сравнительно, приговоръ виленской судебной палаты, и что самая простая осторожность требуетъ воздержанія отъ рѣшительныхъ сужденій впредь до ознакомленія съ *текстомъ* приговора. Допустивъ погрѣшность, слѣдовало, по крайней мѣрѣ, ее исправить; но приговоръ палаты, напечатанный in extenso въ „Минскомъ Листкѣ“, 19 и 21 апрѣля (№№ 38 и 39), до сихъ поръ не воспроизведенъ и даже, если мы не ошибаемся, не упомянутъ ни въ „Новомъ Времени“, ни въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“. А между тѣмъ, онъ не оставляетъ камня на камнѣ въ мотивировкѣ обвинительнаго акта, опровергая, этимъ самымъ, и всѣ выводы, построенные на послѣднемъ. Судебная палата нашла недоказаннымъ существованіе въ Минскѣ религіозной и племенной вражды евреевъ къ христіанамъ; „крайне скудныя“ фактическія указанія свидѣтелей по этому предмету свидѣтельствуютъ, по мнѣнію палаты, лишь о невѣжествѣ и распущенности еврейскаго населенія города Минска. Что безпорядки, происшедшіе въ Минскѣ, вызваны причинами, не имѣющими ничего общаго съ племенною и религіозною враждою, палата выводитъ это какъ изъ обстоятельствъ, при которыхъ начались безпорядки, такъ и изъ дальнѣйшаго ихъ хода. Солдаты, бывшіе безъ ружей, спорили съ евреями о военной службѣ: евреи доказывали, что въ прежнее время солдаты лучше и строже исполняли службу и не были такъ распущены, а солдаты утверждали, что они лучше понимаютъ службу, чѣмъ прежніе солдаты. Этотъ споръ перешелъ въ ссору, ссора—въ общую „свалку“. Чтобы освободить двухъ солдатъ (съ ружьями) отъ нападавшихъ на нихъ евреевъ, было достаточно, впрочемъ, одного городового; евреи хотѣли повести въ часть третьяго солдата, но онъ оборонялся отъ нихъ штыкомъ, пока не былъ уведенъ опять-таки однимъ городовымъ. Второй фазисъ безпорядковъ, болѣе серьезный, начался нѣсколько времени спустя, когда на Нижнемъ-Базарѣ появился усиленный патруль изъ 21 человѣка. въ сопровожденіи офицера. Возобновленіе смуты судебная палата приписываетъ тому, что евреи, основательно или неосновательно, ожидали такъ называемаго „погрома“. „Обстоятельство это“—читаемъ мы въ приговорѣ—„имѣетъ весьма важное значеніе въ настоящемъ дѣлѣ и въ достаточной степени объясняетъ какъ причину возбужденнаго состоянія, которое въ этотъ день замѣчалось въ средѣ евреевъ, такъ и тотъ фактъ, что обыкновенная ссора и драка, подобныя которой часто происходятъ на базарѣ, вызвала огромное скопище евреевъ“: самыя насилія, которыя позволило себѣ это скопище, могли имѣть

Digitized by Google

цѣлью „предупредить ожидавшійся погромъ". Предположеніе о „племенной и религіозной враждѣ" палата опровергаетъ, далѣе, слѣдующими фактами: „не смотря на участіе цѣлой массы евреевъ въ безпорядкахъ, не было причинено никакого насилія или оскорбленія не только офицерамъ, которымъ приходилось въ разныхъ мѣстахъ сталкиваться съ возбужденною массою, а равно и чиновникамъ полиціи, но и низшимъ служителямъ послѣдней и даже базарному сторожу изъ христіанъ, принимавшему участіе въ прекращеніи безпорядковъ". Этотъ сторожъ „три раза удерживалъ толпу, защищая солдатъ отъ нападеній и побоевъ"; одинъ изъ городовыхъ „крикомъ разогналъ толпу"; онъ же и другіе городовые безпрепятственно задерживали среди толпы и отводили въ часть главныхъ участниковъ безпорядка. Наконецъ, по удостовѣренію палаты, ни одинъ изъ нижнихъ чиновъ, пострадавшихъ во время безпорядковъ, не понесъ „болѣе или менѣе серьезныхъ поврежденій"; „всѣ оказавшіяся у нихъ раны и другія поврежденія при медицинскомъ освидѣтельствованіи найдены *легкими*". Руководствуясь этими соображеніями, палата признала всѣхъ подсудимыхъ невиновными въ преступленіи, которое приписывалъ имъ обвинительный актъ (т.-е. „возстаніе", влекущее за собою, по ст. 269[1] Улож. о наказ., каторжныя работы), и усмотрѣла въ дѣлѣ только признаки сопротивленія вооруженнымъ военнымъ патрулямъ, присланнымъ на базаръ для наблюденія за поведеніемъ находившихся тамъ нижнихъ чиновъ. Виновными въ такомъ сопротивленіи палата признала пятерыхъ изъ числа подсудимыхъ и примѣнила къ ихъ дѣйствіямъ, какъ совершеннымъ безъ оружія и не имѣвшимъ характера возстанія, ст. 271 Уложенія. Изъ наказаній, предусмотрѣнныхъ въ этой статьѣ (исправительныя арестантскія отдѣленія, съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ; — тюрьма, съ лишеніемъ нѣкоторыхъ правъ;—тюрьма, безъ лишенія правъ), палата избрала самое строгое и назначила его въ средней мѣрѣ, присудивъ всѣхъ обвиненныхъ ею подсудимыхъ къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на два года, съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ и преимуществъ. Остальные девять подсудимыхъ оправданы палатою, послѣ тщательнаго разбора собранныхъ противъ каждаго изъ нихъ данныхъ, за недоказанностью участія ихъ въ безпорядкахъ. Между свидѣтелями, показанія которыхъ служили главной или даже единственной уликой противъ нѣкоторыхъ изъ оправданныхъ подсудимыхъ, были и такіе, къ которымъ вполнѣ примѣнимо выраженіе Салтыкова: „достовѣрные лжесвидѣтели". О свидѣтелѣ Невядомскомъ, напримѣръ, другой свидѣтель (христіанинъ), правдивость котораго, по удостовѣренію палаты, ничѣмъ не опорочена, показалъ, что Невядомскій „былъ прежде жуликомъ, а чѣмъ теперь занимается—неизвѣстно". Несомнѣнно доказано,

Digitized by Google

что онъ требовалъ взятки отъ лицъ, привлеченныхъ къ слѣдствію, и не могъ видѣть того, о чемъ свидѣтельствовалъ передъ судомъ. Другой свидѣтель обвиненія, Кривицкій, по словамъ полицейскаго пристава—пьяница и буянъ; третій, Чауръ, „принадлежалъ къ компаніи лицъ весьма подозрительныхъ". Относительно четырехъ оправданныхъ обвиняемыхъ установлено со всею точностью alibi, при чемъ двое изъ нихъ въ день происшествія вовсе даже не были въ Минскѣ...

Нетрудно себѣ представить, какую бурю возбудилъ бы въ печати минскій приговоръ, еслибы онъ былъ постановленъ судомъ присяжныхъ, т.-е. безъ мотивовъ! Теперь нападать на него не такъ-то легко, въ виду приведенныхъ въ немъ фактовъ, а также въ виду того, что коронный судъ съ участіемъ сословныхъ представителей [1]) никогда не навлекалъ на себя обвиненій въ систематической наклонности къ оправданію. Такой приговоръ можно только замалчивать, но не опровергать; всякая попытка заподозрить его справедливость была бы заранѣе обречена на неудачу. Нельзя сказать также, чтобы онъ отличался особою снисходительностью; два года въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ—наказаніе весьма серьезное и весьма чувствительное. Во что̀ обращаются, затѣмъ, газетные вопли о „жестокомъ, безпощадномъ избіеніи" русскихъ солдатъ, объ „озвѣрѣлой толпѣ", газетное подчеркиваніе „религіозной и племенной вражды", какъ единственной побудительной причины, руководившей минскими евреями, газетныя догадки, что этой враждой объясняются даже *антиеврейскіе* безпорядки? Поспѣшныя, легкомысленныя обобщенія обрушиваются всецѣло на голову самозванныхъ обвинителей, не захотѣвшихъ даже подождать авторитетнаго слова русскаго суда.

Мы должны отмѣтить, однако, одну существенную разницу между обѣими газетами, такъ безцеремонно заговорившими о судебномъ дѣлѣ, не желая и знать судебнаго рѣшенія. „Новое Время" ограничивается предложеніемъ „устранить тѣ искусственныя подпорки, которыя мы сами создали для поддержанія еврейской обособленности", и не признавать за евреемъ, „какъ таковымъ", ни особыхъ правъ, ни особыхъ обязанностей. Можно возражать противъ аргументаціи, на которой газета строитъ это предложеніе, но въ самомъ его существѣ безспорно много правильнаго. Совершенно иного свойства выводы „Московскихъ Вѣдомостей". Ихъ возмущаетъ, прежде всего, то, что изъ толпы евреевъ, участвовавшихъ въ безпорядкахъ, на скамью подсудимыхъ попало только 14 человѣкъ. „Обыкновенные способы разслѣдованія"—заключаетъ отсюда московская газета,—„когда дѣло ве-

[1]) Въ составъ присутствія по дѣлу о минскихъ безпорядкахъ входили: старшій предсѣдатель виленской судебной палаты, три ея члена, минскій губ. предводитель дворянства, минскій городской голова и волостной старшина.

Digitized by Google

дется участковымъ судебнымъ слѣдователемъ съ обыкновенными полномочіями, совсѣмъ не примѣнимы къ раскрытію преступленій, совершаемыхъ цѣлою толпой, да еще толпой еврейской. Существуетъ мнѣніе, что въ пореформенную эпоху законность въ нашей жизни сдѣлала много шаговъ впередъ, что личность и общественная безопасность у насъ въ настоящее время ограждены гораздо болѣе, чѣмъ въ первую половину истекающаго столѣтія. Можетъ быть, въ отношеніи нѣкоторыхъ случаевъ мнѣніе это и справедливо, но за то въ другихъ случаяхъ мы какъ будто сдѣлали крупный шагъ назадъ. Можно ли себѣ представить происшествіе, подобное плунгянскому [1]) или минскому—въ 30-хъ и 40-хъ годахъ? Тогдашняя еврейская толпа никогда не позволила бы себѣ и тѣни того, что̀ позволяетъ себѣ теперь, такъ какъ знала, что встрѣтитъ себѣ не такой отпоръ и возмездіе, какой теперь встрѣтила въ Плунгянахъ и въ Минскѣ"... Такъ какъ судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ облеченъ точно такими же полномочіями, какъ и участковый судебный слѣдователь, то подъ именемъ „обыкновенныхъ способовъ разслѣдованія", о недостаточности которыхъ сожалѣетъ газета, слѣдуетъ понимать вообще нормальное слѣдствіе, производимое съ соблюденіемъ законныхъ формъ, т.-е. съ сохраненіемъ за обвиняемыми всѣхъ правъ, предоставленныхъ имъ судебными уставами. Такому слѣдствію можно противопоставить или суммарный разборъ, основанный на чрезвычайныхъ внѣ-судебныхъ полномочіяхъ, или столь же суммарную расправу, безъ всякаго разбора, или комбинацію той и другой, т.-е. суммарную расправу, слѣдующую за суммарнымъ разборомъ. Чтобы найти этому примѣры, нѣтъ надобности обращаться къ тридцатымъ или сороковымъ годамъ: они встрѣчаются и въ гораздо болѣе близкое къ намъ время, доказывая съ полною ясностью, что возможность суроваго, немедленнаго „отпора и возмездія"—вовсе не гарантія противъ волненій и безпорядковъ. Какъ усмирялись еще недавно еврейскіе погромы или холерные бунты—это всѣмъ извѣстно; извѣстно также и то, что самые крутые способы усмиренія не предупреждали повторенія, при аналогичныхъ условіяхъ, аналогичныхъ явленій. Или, быть можетъ, даже эти способы, съ точки зрѣнія газетныхъ „охранителей", слишкомъ недостаточны и слабы? Быть можетъ, слѣдуетъ возвратиться не только къ плетямъ и прогнанію сквозь строй, процвѣтавшимъ полъ-вѣка тому назадъ, но и къ казни „десятаго", допускавшейся въ XVII и XVIII в.? Всегда внушающія отвращеніе, подобныя вожделѣнія становятся особенно возмутительными тогда, когда

[1]) Въ Плунгянахъ (мѣстечкѣ ковенской губерніи) евреи обвинялись въ нападеніи на русскихъ акцизныхъ чиновниковъ. Объ этомъ дѣлѣ мы не говоримъ, потому, что намъ неизвѣстенъ судебный приговоръ, которымъ оно закончилось.

Digitized by Google

прикрываются рѣчами о „законности", объ „огражденіи личности". Законность—и чрезвычайные „способы изслѣдованія"! „Огражденіе личности" и внѣ-судебная, произвольная, жестокая расправа съ *предполагаемыми* виновниками безпорядка! Можно ли себѣ представить болѣе вопіющія противорѣчія, болѣе невозможныя сочетанія понятій?.. Къ чему привело бы въ настоящемъ случаѣ примѣненіе системы, рекомендуемой „Московскими Вѣдомостями"—объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ факты, установленные приговоромъ судебной палаты. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что „въ чрезвычайномъ порядкѣ" были бы наказаны, въ числѣ многихъ другихъ, и всѣ тѣ подсудимые, которыхъ оправдала палата—оправдала отчасти по недоказанности вины, но отчасти и въ виду *доказанной невиновности*. Для суммарной расправы достаточны догадки, достаточны случайныя обстоятельства—напр. задержаніе того или другого лица близъ мѣста, гдѣ происходили безпорядки, сходство его съ дѣйствительнымъ участникомъ безпорядковъ, указаніе личнаго врага или такого „достовѣрнаго лжесвидѣтеля", какихъ въ минскомъ дѣлѣ оказалось нѣсколько. Правда, при законномъ нормальномъ ходѣ дѣла, нѣкоторые изъ участниковъ массоваго преступленія могутъ остаться нераскрытыми и, слѣдовательно, безнаказанными; но вѣдь это возможно и при всякомъ иномъ преступленіи—возможно, съ другой стороны, и при самыхъ примитивныхъ, самыхъ грубыхъ формахъ розыска и расправы... До крайности прискорбно, что въ концѣ XIX в. приходится напоминать объ основномъ началѣ правосудія, столь хорошо сознанномъ и выраженномъ еще въ Наказѣ императрицы Екатерины II-й и столь основательно забытомъ нынѣшними защитниками произвольной расправы...

Мы говорили, въ предъидущей хроникѣ, объ угнетенномъ положеніи русской печати, объ отсутствіи у нея такихъ правъ, которыя не могли бы быть парализованы или упразднены актомъ административнаго усмотрѣнія. Ничего подобнаго — увѣряютъ, возражая намъ, „Московскія Вѣдомости" (№ 123) — не существуетъ въ дѣйствительности. Современное положеніе печати, съ точки зрѣнія московской газеты, никакъ не можетъ быть характеризуемо словомъ: *гнетъ*". Это прямо-таки неправда, и у насъ о *распущенности* печати можно говорить съ гораздо бо̀льшимъ правомъ, нежели о будто бы удручающемъ ее *гнетѣ*. Мы очень желали бы услышать отъ „Вѣстника Европы"—какія существуютъ въ мірѣ ученія свободы, революціи, соціализма, которыя бы не имѣли въ нашей печати своего отраженія? Мы желали бы услышать отъ „Вѣстника Европы", какою еще свободой для глумленія и клеветы или для подрыва мѣръ правительственныхъ желаетъ

Digitized by Google

онъ надѣлить печать? Нѣтъ, слово: *нетъ*, въ современныхъ условіяхъ звучитъ прямою насмѣшкой. Оно разсчитано, очевидно, на какихъ-то совсѣмъ наивныхъ и ничего не знающихъ читателей. Не нетъ, а *отсутствіе системы*, отсутствіе общаго руководящаго принципа— вотъ коренной недостатокъ въ положеніи нашей печати"... „Для кого,— читаемъ мы дальше,—„для кого „Вѣстникъ Европы" и союзъ писателей желаютъ свободы и правомѣрнаго положенія печати? Кого они надѣляютъ правомъ публичной пропаганды, обличенія, освѣдомленія? *Всѣхъ* — отвѣчаютъ они, — всѣхъ, кто только вздумаетъ взять перо, всѣхъ, кто имѣетъ деньги начать изданіе или аферистскую ловкость выманить эти деньги у какого-нибудь капиталиста или у толпы... Правда, „Вѣстникъ Европы" даетъ обществу охрану *суда*. Но это прямая насмѣшка. „Вѣстникъ Европы" не можетъ самъ вѣрить своимъ словамъ. Онъ не можетъ не понимать, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ злоупотребленія и преступленія, совершаемыя путемъ печати,—судомъ неуловимы. Сверхъ того, преслѣдованіе судомъ сопряжено съ такими хлопотами и расходами, что для огромнаго большинства эта гарантія совершенно фиктивная, практически недоступная. Итакъ, можетъ ли самодержавное правительство отдать своихъ подданныхъ, свое государство и даже свою администрацію въ такое монгольское иго добровольцамъ печати? Логическое послѣдствіе и необходимое дополненіе той „свободы печати", которой домогается „Вѣстникъ Европы", очевидны сами собой. Для этого нужно передѣлать самый самодержавный строй. Нужно отнять у нашей власти ея права и обязанности, и только тогда она можетъ равнодушно смотрѣть на то порабощеніе страны и ея самой, какое желательно „Вѣстнику Европы"... Чтобы „осмыслить и улучшить положеніе печати, „Московскія Вѣдомости" не видятъ другого пути, кромѣ давно предложеннаго г. Spectator'омъ [1]). „*Общаго* права на изданіе и редактированіе газетъ и журналовъ" онѣ не допускаютъ: оно „сочинено революціей". Свобода печатнаго слова можетъ быть дана только лицамъ, способнымъ къ „общеполезному выполненію редакціонныхъ обязанностей". „Желанія свободы печати для всѣхъ, въ томъ числѣ и для тѣхъ, кто сознательно и преднамѣренно употребитъ полученную свободу на разрушеніе Россіи, или для тѣхъ, кто будетъ пользоваться свободой для развращенія общества и народа въ своихъ корыстныхъ цѣляхъ,—подобныя желанія совершенно незаконны. Мы желаемъ *свободы* печати" —такъ заканчивается статья „Московскихъ Вѣдомостей",—„но потому только, что желаемъ видѣть печать умною, благородною и полезною для Государя и Отечества. Та же свобода печати, при которой печать

[1]) См. Общественную Хронику въ № 12 „Вѣстн. Европы" за 1893 г.

Digitized by Google

неизбѣжно становится глупою, низкою и вредною для государя и отечества,—можетъ быть желательна только для людей непонимающихъ исторіи. И если эти люди въ 60-хъ годахъ не успѣли создать такой язвы, то было бы очень постыдно для умственнаго прогресса пореформенной Россіи, еслибы подобныя идеи увѣнчались успѣхомъ тридцать лѣтъ спустя".

Итакъ, современная русская печать,—если вѣрить московской газетѣ,—можетъ говорить рѣшительно обо всемъ, можетъ „отражать" въ себѣ, что̀ угодно, можетъ свободно „подрывать правительственныя мѣры"; она страдаетъ не отъ гнета, а отъ распущенности... Нужно надѣяться, что эта характеристика печати не будетъ забыта историкомъ русской общественной мысли, когда ему придется констатировать постепенное одичаніе нашей реакціонной прессы. Серьезнаго опроверженія подобныхъ выходокъ наши читатели отъ насъ, безъ сомнѣнія, не ожидаютъ, не потому, что они „наивны, невинны и ничего не знаютъ", а потому, что многое извѣстно имъ столь же хорошо, какъ и намъ. Имъ извѣстно, сколько мѣръ взысканія было принято по отношенію къ русской печати хотя бы только за послѣднее время; имъ извѣстно существованіе ст. 140 и 156 Уст. о ценз. и печати, какъ извѣстно и то, что эти статьи не остаются мертвой буквой; имъ извѣстна разница между предполагаемымъ проникновеніемъ въ печать далекихъ отголосковъ того или другого запретнаго взгляда—и свободнымъ, открытымъ обсужденіемъ вопросовъ теоріи и жизни въ границахъ, установленныхъ закономъ и охраняемыхъ судомъ. Имъ извѣстно, что судебная охрана — не миѳъ, не пустой звукъ, а очень реальная гарантія противъ злоупотребленій печатнымъ словомъ и даже противъ его вторженій въ заповѣдную область, объявленную недоступною для печати. Практика Франціи, Германіи, даже Англіи, отчасти и самой Россіи, показываетъ съ полною ясностью, что преступленія печати столь же „уловимы" для суда, какъ и всякія другія [1]). Попытка связать вопросъ о свободѣ печати съ дѣйствующимъ государственнымъ строемъ—не что̀ иное какъ обычный полемическій пріемъ, навязывающій против-

[1]) Немногіе „политическіе" процессы печати, производившіеся у насъ во второй половинѣ 60-хъ годовъ (напр. о книгѣ г. Суворина: „Всякіе", о статьѣ г. Жуковскаго: „Вопросъ молодого поколѣнія"), окончились бо́льшею частью обвинительными приговорами, хотя были въ полномъ смыслѣ слова des procés de tendance. Что касается до указанія „Московскихъ Вѣдомостей" на хлопоты и расходы, съ которыми сопряжено преслѣдованіе судомъ, то оно просто смѣшно. Расходы и хлопоты могутъ остановить или запугать частныхъ лицъ, которыя и теперь, въ дѣлахъ о клеветѣ и т. п., вынуждены обращаться къ суду,—но отнюдь не администрацію, о которой только и идетъ рѣчь.

Digitized by Google

нику выборъ между Сциллой и Харибдой, т.-е. между молчаніемъ и ловушкой. Безспорно, государственное устройство страны не можетъ не отражаться на законодательствѣ о печати; но столь же несомнѣнно и то, что первое вовсе не устраняетъ у насъ возможности значительныхъ улучшеній въ послѣднемъ—улучшеній серьезныхъ и реальныхъ, въ направленіи, указанномъ закономъ 6-го апрѣля 1865 г., который, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ доказательствомъ возможности и у насъ такихъ улучшеній.

Нужно потерять всякое сознаніе нравственнаго и гражданскаго долга, чтобы рекомендовать, въ видѣ „улучшенія", монополію такъ называемой благонамѣренной печати, признаніе за ея вождями, какъ за единственноспособными къ „*общеполезному* исполненію редакторскихъ обязанностей", исключительнаго права на публичное печатное слово". Лишенная движенія, жизни, одноцвѣтная и однотонная печать обратилась бы въ стоячую воду, подъ гладкою поверхностью которой зарождались бы самые зловредные міазмы. „Свобода развращенія, въ корыстныхъ цѣляхъ, общества и народа" нашла бы себѣ мѣсто и въ этомъ сонномъ царствѣ, потому что она сама никогда не считалась бы вредной и опасной для государственнаго спокойствія; отсутствовала бы только свобода мысли, не угасавшая даже въ самые тяжелые періоды нашей новѣйшей исторіи—не угасавшая, быть можетъ, именно потому, что ея злѣйшіе враги не стояли тогда въ рядахъ печати.

Конецъ апрѣля и первая половина мая принесли съ собою два новыя распоряженія по дѣламъ печати.

21-го апрѣля, г. министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 144 Уст. о ценз. и печ., опредѣлилъ: „За сборъ пожертвованій въ пользу духоборовъ, съ распубликованіемъ о семъ въ № 93 „Русскихъ Вѣдомостей" сего года, и уклоненіе отъ исполненія распоряженія московскаго генералъ-губернатора, объявить газетѣ „Русскія Вѣдомости" третье предостереженіе въ лицѣ редактора-издателя, кандидата правъ Василія Соболевскаго и пріостановить продолженіе изданія на два мѣсяца".

11-го мая, административная кара постигла „С.-Петербургскія Вѣдомости", на основаніи слѣдующихъ мотивовъ: „Принимая во вниманіе, что въ № 127 газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости" напечатано открытое письмо предсѣдателя богородицкой земской управы, графа Бобринскаго, къ тульскому губернатору, заключающее въ себѣ публичное обвиненіе тайнаго совѣтника Шлиппе въ неправильныхъ по службѣ дѣйствіяхъ, и что редакція „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", помѣщая такое письмо, не могла не знать, что тульскій гу-

Digitized by Google

бернаторъ, какъ высшій представитель правительственной въ губерніи власти, не можетъ въ объясненіе своихъ дѣйствій входить въ газетную полемику съ подвѣдомственнымъ ему должностнымъ лицомъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 178 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., опредѣлилъ воспретить розничную продажу нумеровъ газеты „С.-Петербургскія Вѣдомости". Въ газетахъ либеральной, либерально-консервативной или даже просто консервативной окраски, мы не встрѣчаемъ никакихъ разсужденій по поводу „открытаго письма" гр. Бобринскаго (нигдѣ не перепечатаннаго ни вполнѣ, ни въ отрывкахъ), и только въ газетахъ реакціоннаго лагеря появляется рядъ статей, направленныхъ противъ лица—гр. Бобринскаго. Первый примѣръ нападеній подалъ „Гражданинъ" (№ 38), сохранившій зато сравнительную умѣренность и совершенное приличіе въ выраженіяхъ; за нимъ послѣдовали „Московскія Вѣдомости" (№№ 135 и 136), съ двумя статьями г. Дм. Бодиско. Здѣсь о сдержанности нѣтъ уже и рѣчи. Графу В. А. Бобринскому приписывается „разсчетъ хотя и вѣрный, но вполнѣ основанный на принципахъ (?!) Игнатія Лойолы"; угадываются руководившіе имъ мотивы („желаніе украсить себя дешевыми лаврами либеральной популярности", „оскорбленное личное самолюбіе, потребовавшее личнаго мщенія"); онъ именуется „печальнымъ героемъ нашего времени", „филантропомъ на чужой счетъ"; не ему, какъ земцу, „съузившему свой кругозоръ въ интересахъ своего маленькаго района", приличествуетъ „входить публично въ оцѣнку широкой дѣятельности государственной". Читатели сами оцѣнятъ по достоинству подобныя выходки; для насъ онѣ интересны только какъ выраженіе „рыцарскихъ чувствъ", господствующихъ въ средѣ нашихъ газетныхъ реакціонеровъ, и какъ иллюстрація къ вопросу о томъ, существуетъ ли у насъ фактическая равноправность различныхъ органовъ печати.

Вопросъ о сословномъ или всесословномъ образованіи, возбужденный „открытыми письмами" двухъ губернскихъ предводителей дворянства (см. выше, Внутреннее Обозрѣніе), послужилъ на дняхъ предметомъ оживленныхъ преній въ орловскомъ дворянскомъ собраніи. Предсѣдатель собранія, М. А. Стаховичъ — авторъ одного изъ вышеупомянутыхъ писемъ, — вышелъ побѣдителемъ изъ упорной борьбы, поднятой противъ него крайними „сословниками". „Страсти"—пишетъ одинъ изъ присутствовавшихъ въ собраніи [1])—„разгорѣлись до того, что г. Стаховичу ставили въ вину даже простое упоминаніе о дру-

[1]) См. корреспонденцію г. С. Шарапова въ № 135 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей", а также корреспонденцію изъ Орла въ № 982 „Новаго Времени".

Digitized by Google

гихъ сословіяхъ. Раздавались рѣчи, едва ли даже приличныя въ стѣнахъ дворянскаго собранія. Приводились обычные аргументы. Ораторы приходили въ ужасъ отъ совмѣстнаго обученія дѣтей дворянъ съ „кухаркиными“ сыновьями. Говорилось прямо *по Хлѣбникову* (т.-е. со словъ астраханскаго губ. предводителя) объ особыхъ доблестяхъ, присущихъ только дворянскому сословію: вѣрѣ въ Бога, безграничной преданности царю и родинѣ. Болѣе рьяные добирались даже до французской революціи, тонко намекая, что свои принципы г. Стаховичъ почерпаетъ „оттуда“. Послѣ „блестящей и страстной“ рѣчи г. Стаховича, собраніе, большинствомъ 60 (по другимъ свѣденіямъ—53) голосовъ противъ 25, высказалось, согласно съ предложеніемъ губернскаго предводителя и особой коммиссіи, за всесословную школу съ закрытымъ сословнымъ интернатомъ. Если такой интернатъ предполагается открыть на спеціально-дворянскій счетъ, то противъ рѣшенія орловскаго дворянства нельзя возразить ни слова. Отрадно видѣть, что газетной агитаціи, не отступающей передъ инсинуаціями и заподозриваніями, не удалось сбить съ толку значительную часть орловскаго дворянства, которое два года тому назадъ самымъ избраніемъ г. Стаховича въ губернскіе предводители рѣзко выразило свою несолидарность съ крайними „сословническими“ тенденціями.

Digitized by Google

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Правленія Спб. Общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Кіевскаго Университета.

Лѣтомъ 1895 года скончался Николай Христіановичъ Бунге, Предсѣдатель Комитета Министровъ, незабвенный Профессоръ и Ректоръ Кіевскаго Университета. Николай Христіановичъ въ Кіевѣ родился, въ Кіевѣ воспитался, въ стѣнахъ Кіевскаго Университета получилъ высшее образованіе и на каѳедрѣ Кіевскаго Университета создалъ себѣ имя, почетное въ наукѣ, уважаемое всѣми просвѣщенными людьми Россіи.

Немного осталось теперь въ живыхъ его товарищей по Университету, помнящихъ его студенческіе годы; но еще много насъ, Кіевскихъ студентовъ, помнящихъ и неспособныхъ забыть нашего дорогого Профессора, нашего достойнѣйшаго Ректора. Сколько самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній соединяется съ этимъ именемъ: онъ воплощалъ въ себѣ наши лучшія представленія о Профессорѣ и руководителѣ студенческой молодежи.

Не станемъ перечислять всѣхъ заслугъ покойнаго: онѣ достаточно запечатлѣны въ сердцахъ его учениковъ. Скажемъ только, что его нравственный авторитетъ былъ такъ же великъ, какъ и авторитетъ ученаго, а можетъ быть и болѣе того. Вотъ почему во время его продолжительнаго ректорства Кіевскіе студенты не помнятъ серьезныхъ столкновеній съ университетскимъ начальствомъ, не помнятъ студенческихъ злоключеній и въ то же время прекрасно помнятъ, какое серьезное уваженіе къ Университету, этому храму науки, умѣлъ вселить въ насъ Ректоръ нашего университета Н. Х. Бунге.

Его высокія личныя достоинства и только они одни создали ему почетное положеніе въ Университетѣ, въ наукѣ, въ обществѣ и государствѣ. Призванный на высокій постъ Министра Финансовъ, Николай Христіановичъ и въ столицѣ всегда участливо и сердечно относился къ интересамъ родного Кіева, родного ему Кіевскаго Университета, къ бывшимъ Кіевскимъ студентамъ. Онъ былъ старѣйшимъ и щедрѣйшимъ членомъ существующаго издавна въ Петербургѣ Общества вспомоществованія бывшимъ воспитанникамъ Кіевскаго Университета и, умирая, завѣщалъ значительную сумму на нужды этого Общества.

Признательные и всегда глубоко уважавшіе своего Профессора члены Общества порѣшили почтить память достойнѣйшаго и дорогого ихъ сердцу человѣка основаніемъ въ Кіевѣ городской школы его имени, и для этого въ Общемъ Собраніи своемъ 9-го Ноября 1895 г. постановили исходатайствовать чрезъ г-на Министра Внутреннихъ Дѣлъ разрѣшеніе на открытіе повсемѣстной подписки для сбора пожертвованій среди бывшихъ Кіевскихъ студентовъ.

Digitized by Google

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему Министра Внутреннихъ Дѣлъ докладу, въ 16-й день января 1897 года, Всемилостивѣйше соизволилъ на разрѣшеніе Правленію С.-Петербургскаго Общества для пособія бывшимъ воспитанникамъ Императорскаго университета Св. Владиміра открыть повсемѣстно между бывшими воспитанниками названнаго университета подписку на образованіе капитала для устройства школы въ Кіевѣ имени покойнаго Предсѣдателя Комитета Министровъ, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Бунге.

На основаніи такого Высочайшаго разрѣшенія, Правленіе Общества приглашаетъ всѣхъ бывшихъ кіевскихъ студентовъ къ пожертвованіямъ на устройство городской школы имени Н. Х. Бунге въ г. Кіевѣ. Правленіе питаетъ твердую увѣренность, что этотъ призывъ найдетъ радушный откликъ въ сердцахъ товарищей по кіевскому университету, съ воспоминаніями о которомъ такъ ярко выступаетъ имя Николая Христіановича, которое съ любовью и гордостью произноситъ каждый кіевскій студентъ предъ лицомъ всей Россіи. Нашъ нравственный долгъ, какъ людей, обязанныхъ своимъ высшимъ образованіемъ Кіевскому университету, создать этому имени достойный его памятникъ въ родномъ ему Кіевѣ. Такимъ памятникомъ можетъ быть вполнѣ благоустроенная городская школа.

Устройство такой школы потребуетъ, конечно, значительнаго капитала, но Правленіе вѣритъ, что усиліями бывшихъ воспитанниковъ Кіевскаго университета намѣченная задача успѣшно будетъ выполнена, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказано будетъ, насколько образованные русскіе люди умѣютъ цѣнить высокія гражданскія доблести лучшаго изъ своихъ согражданъ.

Пожертвованія могутъ быть доставляемы въ С.-Петербургъ въ Правленіе Общества вспомоществованія бывшимъ кіевскимъ студентамъ или передаваемы довѣреннымъ Правленіемъ лицамъ по особымъ сборнымъ листамъ за печатью Правленія и подписями членовъ онаго.

II.—Отъ Комитета Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ.

Давно знакомы русскимъ людямъ лишенія, которыя выпадаютъ на долю переселенцевъ. Скудость средствъ при оставленіи родины, долгій томительный путь, болѣзнь и смерть слабѣйшихъ членовъ семьи, трудность водворенія на новомъ мѣстѣ, многолѣтняя борьба съ непривычными условіями далекаго края—вотъ тѣ матеріальныя нужды, на которыя откликается благотворительность.

Но велика и духовная нужда переселяющихся въ просвѣщеніи и первой ступени къ нему—грамотности. Большая часть переселенцевъ идетъ изъ земскихъ губерній, гдѣ уже выросла и окрѣпла народная школа. Она вошла въ жизнь крестьянъ, населеніе сблизилось съ нею матеріальными пособіями на ея поддержаніе; оно сроднилось съ мыслью, что если дѣды и отцы прошли жизнь въ потемкахъ, то дѣтямъ доступна грамота и открытъ путь къ просвѣщенію. Кто не встрѣ-

Digitized by Google

чалъ въ печати многочисленныхъ указаній на то, какъ тяготѣетъ деревня къ свѣту знанія!

Сибирь не можетъ отвѣтить на эту острую потребность. Населеніе рѣдко; десятки верстъ между деревнями; школъ мало, да и тѣ, которыя есть, бѣдны и учащими силами, и учебными пособіями. Водворившись за Ураломъ, переселенецъ долженъ проститься съ отрадной надеждой, что школа пріютитъ его дѣтей; онъ долженъ снова привыкнуть къ мысли, что дѣти останутся во тьмѣ, изъ которой пытались выйти еще отцы. А школа особенно нужна этому далекому краю; тамъ мало людей просвѣщенныхъ; въ сельскомъ хозяйствѣ еще нѣтъ навыковъ, которые даются многолѣтней осѣдлостью; природа еще не познана и еще не выработаны пріемы, которые могли бы подчинить ее волѣ переселенца. И только школа способна облегчить эту задачу.

Стремясь удовлетворить эти нужды, Общество для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ постановило образовать особый школьный фондъ, изъ котораго въ мѣстахъ водворенія переселенцевъ могли бы быть устраиваемы училища и выдаваемы пособія существующимъ школамъ. Общество твердо вѣритъ, что русскіе люди примутъ къ сердцу эту нужду и будутъ направлять свою лепту въ школьный фондъ. Пожертвованія просятъ направлять въ С.-Петербургъ, Поварской пер., д. 15, Обществу для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ, въ школьный фондъ.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА

Май—Іюнь 1898.

Книга пятая.—Май.

стр.

Тяга.—Романъ въ двухъ частяхъ. — Часть вторая: XVI-XXII.—Окончаніе.— П. Д. БОБОРЫКИНА 5

Воспоминанія сестры милосердія Крестовоздвиженской общины.—1854-1860 гг.— Ш.—ЕКАТЕРИНЫ БАКУНИНОЙ 55

Адвокатская школа наканунѣ ея реформы.—М. ВИНАВЕРЪ 106

У колыбели.—Стих. П. П. ГАЙДЕБУРОВА 128

Два мѣсяца на островѣ Кубѣ.—I-XI.—П. П. С—ОВЪ 129

Накипѣло!..—Эскизъ изъ романа: „Pas-à-pas", par m-me Caro.—Ю. З—ОЙ. . 168

Неудавшаяся стачка.—Изъ современной жизни Лондона.—С. П. Р—ТЪ. . . 224

„Выше"!..—Стих. Г. ПОПОВА 245

Esse est!—Ром. Эрнста фонъ-Вольцогена.—Часть первая.—I-VII.—Перев. съ нѣм. А. Б—Г— 247

Защитникъ "воронъ".—Деревенскій разсказъ.—Ѳ. ТИЩЕНКО 304

Одиночество.—Подражаніе Арману Сильвестру.—Н. Г. 325

Хроника.—Изъ жизни рабочаго населенія Берлина.—I-III.—Г. Б. Іоллосъ . . 326

Борьба на островѣ Кубѣ и изъ-за Кубы. — Письмо изъ Калифорніи. — П. А. ТВЕРСКОГО 344

Внутреннее Обозрѣніе.—Новый фазисъ продовольственнаго вопроса.—Призывъ Общества Краснаго-Креста. — Сравненіе двухъ корреспонденцій.—„Московскія Вѣдомости" и продовольственный вопросъ.—Пересмотръ продовольственнаго устава. — „Безпечность" народной массы.—Препятствіе, встрѣченное тульскимъ губ. земствомъ при разработкѣ вопроса о народномъ образованіи.—Post-Scriptum 361

Иностранное Обозрѣніе.—Война между сѣверо-американскими Соединенными-Штатами и Испаніею.—Политика президента Макъ-Кинлея и поведеніе партій въ обѣихъ палатахъ конгресса.—Возможныя послѣдствія войны.—Событія на дальнемъ Востокѣ: занятіе гавани Вей-ха-вей англичанами.—Опять процессъ Золá. 379

Литературное Обозрѣніе.—Письма К. Н. Бестужева-Рюмина о Смутномъ времени. **А. Пыпина.** — Указатель къ русскимъ повременнымъ изданіямъ и сборникамъ за 1703—1802 гг. и Историческому розысканію о нихъ, А. Н. Неустроева.—**А. П.**—Эпоха великихъ реформъ, 7-е изд., Гр. Джаншіева.—**Т.**—Психологическая параллель: Іоаннъ Грозный и Петръ В., К. Яроша.— Петръ Великій, ген.-шт. капитана Марченко. — **Д.** — Новыя книги и брошюры 391

Замѣтка.—По поводу новаго изданія „Слѣпого Музыканта", В. Короленко.—Ѳ. БАТЮШКОВА. 411

Новости Иностранной Литературы.—I.— Max Nordau, Drohnenschlacht.—II.— G. D'Annunzio, La Ville morte.—**З. В.** 419

Изъ Общественной Хроники.—Пятидесятилѣтіе со времени смерти Бѣлинскаго. —Союзъ писателей и его право ходатайствовать о нуждахъ русской печати.—Возобновленіе „литературнаго сыска".—Противорѣчіе между закономъ и жизнью.—Поправка.—Правительственное сообщеніе, 22 апрѣля, о положеніи продовольственнаго дѣла въ губерніяхъ, нуждающихся въ помощи. 434

Извѣщенія.—Отъ Харьковскаго Комитета по присужденію премій при Университетѣ въ память 25-лѣтія царствованія Имп. Александра II . . . 452

Библіографическій Листокъ.—Кони, А. Ѳ., За послѣдніе годы, изд. 2-е, доп.— Кавелинъ, К. Д., Собраніе сочиненій, т. II.—Письма Иннокентія, митр. москов. и колом., собраны Ив. Барсуковымъ, кн. 2-я. — Германія наканунѣ революціи и ея объединеніе, А. Трачевскаго.—Подоходный налогъ въ Англіи, И. Озерова.

Объявленія.—I-IV; I-XVI стр.

Digitized by Google

Книга шестая. — Іюнь.

стр.

Великаны европейской промышленности.—Очеркъ.—ИВ. ИВ. ЯНЖУЛА . . . 453
Два разсказа.—I. Прослезился!—II. На травѣ.—А. А. ВИНИЦКОЙ 503
Завѣщаніе Огюста Конта.—Очеркъ.—Г. Б. СЛОЗБЕРГА 522
Стихотворенія.—I. Башкирія.—II. Поблекшіе цвѣты.—III. Весна прошла, какъ мимолетный сонъ.—IV. Какъ опытный граверъ, трудясь надъ хрусталемъ.—А. ЕВРЕИНОВА 552
Женскій трудъ въ Америкѣ.—II. А. ТВЕРСКОГО 557
Стихотворенія.—I-III.—В. Ц. МАРКОВА 574
Воспоминанія сестры милосердія Крестовоздвиженской общины.—1854-1860 гг.—IV.—Окончаніе.—ЕКАТЕРИНЫ БАКУНИНОЙ 578
Карьера Вязигина.—Разсказъ.—В. Г. АВСѢЕНКО 617
Ecce ego! — Романъ Эрн. ф.-Вольцогена.—Часть вторая: VIII-XV.—Окончаніе.—Съ нѣм., А. Б—Г—. 692
Вверхъ по Ленѣ въ почтовой лодкѣ.—Путевыя замѣтки.—II. С. АЛЕКСѢЕВА . 742
Стихотворенія.—I. Мимо Троады.—II. Нильская дельта. — ВЛАДИМІРА СОЛОВЬЕВА 766
Промышленная идеологія. — „Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ“, М. Туганъ-Барановскаго.—Л. З. СЛОНИМСКАГО 768
Послѣдній портретъ В. А. Арцимовича.—Стих. А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА . . 784
Хроника.—Внутреннее Обозрѣніе. — Новые газетные дворянскіе „прожекты“.—Сравненіе дворянскихъ программъ 1885 и 1898 гг.—„Изпомѣщеніе“ четырехъ тысячъ дворянскихъ семей, съ затратой милліарда рублей.—Злоупотребленіе „ссылкою“ на государственные интересы. — „Привилегія“ или „обязанность“?—Опять „ограниченный разумъ подданныхъ“.—Умѣренный защитникъ сословности.—Совѣщаніе при варшавскомъ генералъ-губернаторѣ.—Положеніе продовольственнаго дѣла 785
Иностранное Обозрѣніе. — Смерть Гладстона. — Его жизнь и дѣятельность. — Главнѣйшія черты его политической карьеры. — Рѣчь Чамберлэна.—Событія на дальнемъ Востокѣ.—Испанско-американская война.—Французскіе выборы. 810
Литературное Обозрѣніе.—Протопопъ Аввакумъ, А. К. Бороздина.—Сочиненія Н. С. Тихонравова, т. I.—А. Н. Пыпина.—Русскій біографическій Словарь: Ибакъ-Ключаревъ.—Архивъ кн. Куракина, кн. VII.—Турецкія легенды о св. Софіи, В. Д. Смирнова.—Т.—Новыя книги и брошюры . . 821
Замѣтка.—Новая монографія о гетманѣ Мазепѣ.—И. Ж—цкаго 838
Особый родъ лжеученій.—По поводу новаго изданія перваго тома „Капитала“, Маркса.—Л. С.—. 847
Новости Иностранной Литературы.—I. G. Clemenceau, Les plus forts.—II. Fr. Funck-Brentano, Légendes et Archives de la Bastille.—III. P. et V. Margueritte, Le Désastre. — З. В. 851
Изъ Общественной Хроники.—Минскій процессъ.—Существенная разница между „обвинительнымъ актомъ“ и „окончательнымъ приговоромъ“.—Что такое „чрезвычайные способы разслѣдованія“?—„Гнѣтъ“ или „распущенность“?—Какъ иногда понимаютъ „улучшеніе“ положенія печати? — Нѣчто о „рицарскихъ“ чувствахъ.—Всесословная школа и орловское дворянство. 865
Извѣщенія.—I. Отъ Правленія Спб. Общества вспомоществованія б. воспитанникамъ Кіевскаго Университета. — II. Отъ Комитета Общества для вспомоществованія нуждающимся переселенцамъ 876
Библіографическій Листокъ.—Народное образованіе на Всероссійской выставкѣ въ Н.-Новгородѣ, Е. П. Ковалевскаго. — Начальное народное образованіе въ тульской губерніи въ 1896—97 г.—Народные учителя и учительницы въ тульской губерніи, гр. П. С. Шереметева. — Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи, Швеціи, П. Ганзена. — Стихотворенія, П. Я.
Объявленія. — I-IV; I-XVI стр.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Народное образованіе на Всероссійской выставкѣ въ Н.-Новгородѣ въ 1896 г. Отчетъ завѣдывавшаго XIX отдѣломъ, Е. Коваленскаго. Спб. 97. Стр. 461. Ц. 2 р.

Обширный трудъ по одному изъ отдѣловъ нижегородской выставки обнаруживаетъ, прежде всего, трудность, какая представлялась составителю отчета для составленія точной и вмѣстѣ полной картины современнаго положенія низшаго народнаго образованія въ Россіи. Тѣмъ не менѣе, собранный въ отчетѣ матеріалъ представляетъ въ себѣ много интереснаго и поучительнаго, особенно въ тѣхъ данныхъ, относительно точности которыхъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Если Россія занимаетъ въ средѣ европейскихъ государствъ, по народному образованію, одно изъ послѣднихъ мѣстъ, то, какъ видно изъ отчета, такое печальное явленіе объясняется отношеніемъ нашего школьнаго бюджета къ общему государственному бюджету; до 1864 года сумма, помѣщенная на народное образованіе, достигала 1.200.000 р.; до начала 80-хъ годовъ эта сумма, хотя и не особенно быстро, но все же росла и достигла цифры 4.800.000 р., т.-е. увеличилась въ 4 раза. За послѣдніе же 10—15 лѣтъ, школьный бюджетъ оставался почти на одномъ и томъ же уровнѣ, и въ 1894 г. поднялся — съ той цифры 4.800.000 р. — всего до 5.200.000 рублей. „Явленіе это — говорится въ отчетѣ—объясняется тѣмъ, что вопросъ о дальнѣйшемъ участіи государственнаго казначейства въ расходахъ на нужды народнаго образованія отлагался сначала до болѣе благопріятнаго времени, а въ послѣдніе годы этого періода стали дѣлаться ассигнованія на школы духовнаго вѣдомства". Изъ работъ, выставленныхъ въ Н.-Новгородѣ, особенно интересна одна діаграмма съ расходомъ, падающимъ на пользу народнаго образованія на одного жителя въ различныхъ странахъ: въ С.-Америкѣ на душу падаетъ расходъ въ 4 р. 65 к.; въ Пруссіи—2 р. 30 к., а въ Россіи—15 копѣекъ! При этомъ, въ земскихъ губерніяхъ—19 коп., и въ не-земскихъ—9 копѣекъ!!

Начальное народное образованіе въ Тульской губерніи въ 1896-97 учебномъ году. Тула, 98. Стр. 351, съ приложеніями таблицъ, картограммъ и т. п.

Народные учителя и учительницы въ Тульской губерніи. Истор.-стат. очеркъ гр. П. С. Шереметева. Тула. 98. Стр. 63.

Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что ни одна губернія не имѣла до сихъ поръ подобнаго обстоятельнаго, всесторонняго и подробнѣйшаго изслѣдованія мѣстнаго положенія народнаго образованія. Во всякомъ случаѣ, эту работу можно отнести къ числу образцовыхъ; она заключаетъ въ себѣ массу тщательно разработаннаго матеріала, и даетъ потому весьма опредѣленные отвѣты по различнымъ вопросамъ школьнаго дѣла въ тульской губерніи. При небольшомъ различіи между губерніями, выводы для этой губерніи могутъ служить основаніемъ для общихъ заключеній, по крайней мѣрѣ, и по другимъ великороссійскимъ губерніямъ. Въ предисловіи объясняется, что изслѣдованіе только церковно-приходскихъ школъ „не могло быть произведено съ такою подробностью, какая была примѣнена по отношенію къ школамъ вѣдомства министерства народ. просвѣщенія" — такъ какъ разосланныя „бланки для школъ духовнаго вѣдомства пришлось подвергнуть разсмотрѣнію и утвержденію епархіальнаго училищнаго совѣта". Монографія, изъ той же области, гр. П. С. Шереметева служитъ дополненіемъ вышеупомянутой обширной работы: въ ней содержится весьма интересный историческій очеркъ съ характеристикою учащагося персонала въ тульской губерніи за послѣдніе сто лѣтъ и до 60-хъ годовъ истекающаго вѣка, когда заботу о лучшемъ учительскомъ персоналѣ взяли на себя мѣстное земство.

Общественная самопомощь въ Даніи, Норвегіи и Швеціи. 25 очерковъ. П. Гаазена. Спб. 98. Стр. 246. Ц. 1 р.

Мы находимся въ ожиданіи конца давно уже начатой оффиціальной работы по пересмотру нашего законодательства о помощи призрѣнія бѣдныхъ, во многомъ устарѣвшаго и мало соотвѣтствующаго дѣйствительнымъ потребностямъ жизни, а потому очерки современнаго положенія того же дѣла въ другихъ странахъ, и особенно въ сосѣдней намъ Скандинавіи, появляются нынѣ весьма кстати. Авторъ, не задаваясь полнотою работы, касается, однако, весьма многихъ сторонъ формы помощи и призрѣнія бѣдныхъ въ Даніи, Швеціи и Норвегіи, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ связалъ свои очерки одною общею идеею, которая лежитъ въ основаніи всякой благотворительности въ упомянутыхъ странахъ, и благодаря которой благотворительность въ нихъ достигаетъ громадныхъ размѣровъ и приводитъ къ безпримѣрнымъ результатамъ. Изъ объясненій автора видно, что необыкновенные успѣхи благотворительности вытекаютъ изъ всей сущности самой культуры сѣвера — скандинавскаго,—„основанной на личной и общественной иниціативѣ, которой правительство предоставляетъ широкій просторъ, но на помощь которой приходитъ тогда лишь, когда за ея дѣло выскажется опытъ". Итакъ, не тѣ или другія совершенства законоположеній, или громадныя затраты государства на помощь бѣднымъ — служатъ залогомъ успѣха благотворительности въ странѣ, а просторъ личной и общественной иниціативы, вытекающій изъ всей сущности культуры въ данной странѣ. О разнообразіи и интересѣ сборника статей можно судить по тѣмъ предметамъ, которыхъ касается ихъ авторъ: борьба съ песками въ Даніи, ея высшія народныя школы, ручной трудъ, дешевыя квартиры, призрѣніе одинокихъ женщинъ, прислуги, слабоумныхъ, калѣкъ — въ Копенгагенѣ; организація помощи бѣднымъ въ Норвегіи; школьныя кухни, дѣтскіе дома трудолюбія и упорядоченіе питейнаго дѣла въ Швеціи; борьба съ пьянствомъ, и мн. др.

Стихотворенія, П. Л. Изданіе редакціи журнала „Русское Богатство". Спб., 1898. Стр. 184. Ц. 1 р.

Стихотворенія, собранныя въ этой книжкѣ, отличаются сердечностью и теплотою чувства; они говорятъ о страданіяхъ и разочарованіяхъ поэта, „недобитаго бойца" за правду, но въ то же время свидѣтельствуютъ объ его бодрости духа и вѣрѣ въ лучшее будущее. Особенною задушевностью проникнуты стихотворенія, обращенныя къ сестрѣ. Въ концѣ книжки помѣщено нѣсколько переводовъ изъ иностранныхъ поэтовъ, и въ томъ числѣ изъ Маріи Конопницкой, съ польскаго.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ

въ 1898 г.

(Тридцать-третій годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ

— выходитъ въ первыхъ числахъ каждаго мѣсяца, 12 книгъ въ годъ отъ 28 до 30 листовъ обыкновеннаго журнальнаго формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

На годъ:	По полугодіямъ:		По четвертямъ года:			
	Январь	Іюль	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь
Безъ доставки, въ Конторѣ журнала . . . . 15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 90 к.	3 р. 80 к.
Въ Петербургѣ, съ доставкою. . . . . 16 „ — „	8 „ — „	8 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
Въ Москвѣ и друг. городахъ, съ перес. . 17 „ — „	9 „ — „	8 „ — „	5 „ — „	4 „ — „	4 „ — „	4 „ — „
За границей, въ госуд. почтов. союза . . . . 19 „ — „	10 „ — „	9 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	5 „ — „	4 „ — „

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою — 1 р. 50 к.

Примѣчаніе. — Вмѣсто разсрочки годовой подписки на журналъ, подписка по полугодіямъ: въ январѣ и іюлѣ, и по четвертямъ года: въ январѣ, апрѣлѣ, іюлѣ и октябрѣ, принимается — **безъ повышенія годовой цѣны подписки.**

Книжные магазины, при годовой и полугодовой подпискѣ, пользуются обычною уступкою.

ПОДПИСКА

принимается на годъ, полугодіе и четверть года:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

— въ Конторѣ журнала, В. О., 5 л., 28;

— въ отдѣленіяхъ Конторы: при книжныхъ магазинахъ К. Риккера, Невск. просп., 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій пр., 20, и товарищества „Издатель“, Невск. пр., 68—40.

ВЪ КІЕВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

— въ книжныхъ магазинахъ Н. И. Мамонтова, на Кузнец.-Мосту; Н. П. Карбасникова, на Моховой, домъ Коха, и въ Конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

— въ книжн. магаз. Е. П. Распопова, Дерибасовская улица.

ВЪ ВАРШАВѢ:

— въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, Новый-Свѣтъ.

Примѣчаніе. — 1) *Почтовый адресъ* долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства и съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) *допускается* выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) *Перемѣна адресса* должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адресса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородніе, доплачиваютъ 1 руб., а иногородніе, переходя въ городскіе — 40 коп. — 3) *Жалобы* на неисправность доставки доставляются исключительно въ Редакцію журнала, если подписка *была* сдѣлана въ вышеупомянутыхъ мѣстахъ и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, *не позже* какъ по полученіи слѣдующей книги журнала. — 4) *Билеты* на полученіе журнала высылаются Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. почтовыми марками.

Издатель и отвѣтственный редакторъ **М. М. Стасюлевичъ.**

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., 5 л., 28.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА:
Вас. Остр., Академ. пер., 7.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google